

РУССКОЕ СЛОВО.

I.

СОУВЛАД
С. РИВЕРС

РУССКОЕ СЛОВО

ЛИТЕРАТУРНО-УЧЕНЫЙ

ЖУРНАЛЪ

ИЗДАВАЕМЫЙ

ГРАФОНЪ ГР. КУШЕЛЕВЫМЪ БЕЗБОРОДКО.

1860.

Я Н В А Р Ъ.

64
САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФИИ РЮМИНА И КОМП.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,
съ тѣмъ, чтобы, по отпечатаніи, представлено было въ Ценсурный Коми-
тетъ узаконенное число экземпляровъ.

Санктпетербургъ, 31 Декабря 1859 года.

Ценсоръ *А. Прославецъ.*

А. 786/185

ВЗГЛЯДЪ НИБУРА И ГРОТА НА АЛЕКСАНДРА ВЕЛИКАГО.

Новыя изслѣдованія по греческой и римской исторіи, которыми не перестаетъ обогащаться наука, если не уничтожили окончательно, то значительно поколебали много вѣковыхъ, рутинныхъ воззрѣній на отдѣльные факты, личности и на цѣлыя эпохи древне-классическаго міра. Припомнимъ, какъ еще недавно Моммзенъ низвелъ съ высокаго пьедестала не только Цицерона — Друманъ и его послѣдователи, далеко несогласные съ Миддлетономъ и другими панегиристами знаменитаго римскаго оратора, уже давно заявилъ въ ученой литературѣ сомнѣніе въ его безусловномъ нравственномъ совершенствѣ — но и величавый образъ Катона-Утическаго.

Но нигдѣ это разочарованіе въ великихъ людяхъ древности не поражаетъ насъ такъ сильно, какъ въ сужденіяхъ лучшихъ представителей современной науки объ Александрѣ Великомъ. Исторія его, въ томъ видѣ, какъ она передана намъ древними писателями, имѣетъ характеръ простаго панегирика и очевидно заключаетъ въ себѣ очень много сказочнаго. Лучшія біографіи Александра, написанныя современниками македонскаго царя и участниками въ его походахъ, напримѣръ, Аристовуломъ и Птолемеемъ Лаги, не говоря уже о Каллисѣенѣ, Клитархѣ и Опесикритѣ, — не дошли до насъ, а Плутархъ и Курцій, разумѣется, въ этомъ случаѣ очень мутный источникъ. Только Арріанъ, жившій при Траянѣ, можетъ служить надежнымъ руководителемъ

при изученіи подвиговъ македонскаго героя, но и этотъ писатель слишкомъ щедро расточаетъ ему похвалы и безусловный панегирикъ составляетъ преобладающій тонъ въ его разсказѣ.

Этотъ тонъ перешелъ и въ новую литературу, и господствовалъ въ ней до послѣдняго времени. До-сихъ-поръ она почти постоянно выставляла Александра не только великимъ полководцемъ, но и великимъ человѣкомъ, имѣвшимъ въ виду не одно удовлетвореніе своимъ эгонистическимъ стремленіямъ или личнымъ, хотя бы и колоссальнымъ цѣлямъ, а все человѣчество, его просвѣщеніе и благо. Такъ обыкновенно смотрятъ на Александра новые изслѣдователи, посвятившіе свои труды, какъ, напримѣръ, Дройзенъ и Флате, специальному изученію исторіи македонскаго царя и его родны *).

Въ русской литературѣ этотъ взглядъ особенно сильно отразился въ извѣстной лекціи покойнаго Грановскаго объ Александрѣ Великомъ**), а также у всѣхъ другихъ авторовъ, коснувшихся, впрочемъ, мимоходомъ этого вопроса.

Между тѣмъ, уже въ 1826 году, одинъ изъ величайшихъ историковъ нашего вѣка, Нибуръ, въ лекціяхъ своихъ, читанныхъ въ боннскомъ университетѣ, горячо возставалъ противъ этого общаго идола древняго и новаго міра ***). Почтенный нашъ профессоръ, о которомъ я упомянулъ выше, познакомилъ русскую публику съ этимъ отдѣломъ чтеній Нибура въ двухъ своихъ замѣчательныхъ статьяхъ, пер-

*) Дройзенъ изложилъ свой взглядъ на Александра Великаго въ извѣстномъ своемъ сочиненіи: *Geschichte Alexanders des Grossen*. Berlin, 1833. Ср. его же: *Geschichte des Hellenismus oder die Bildung des hellenistischen Staatensystems*. Hamburg, 1843. Флате извѣстенъ сочиненіемъ своимъ: *Geschichte Macedoniens*. Leipzig, 1832.

**) Сочиненія Т. Н. Грановскаго. Т. I, стр. 412—437.

***) *Vorträge über alte Geschichte, an der Universität zu Bonn gehalten von B. G. Niebuhr*. Herausgegeben von M. Niebuhr. Berlin. 3 Bände. 1847—1851. Кромѣ сына Нибура, очень дѣлательно трудился надъ изданіемъ его лекцій докторъ Излеръ. Недавно онъ заключилъ свой издательскій трудъ выпускомъ въ свѣтъ нибуровыхъ чтеній о римскихъ древностяхъ. См. *Vorträge über die römischen Alterthümer an der Universität zu Bonn gehalten von B. G. Niebuhr*. Herausgegeben von Dr. M. Isler. Berlin, 1853.

воначально напечатанныхъ въ «Прописяхъ» *). Рѣзкій отзывъ объ Александрѣ, высказанный Нибуромъ (на послѣднихъ страницахъ II тома его чтеній), не поколебалъ вѣры Грановскаго въ македонскаго героя.

Нельзя не согласиться съ Грановскимъ въ томъ, что упомянутый отдѣлъ лекцій Нибура не совсѣмъ удовлетворителенъ. Дѣйствительно, знаменитый историкъ руководствовался здѣсь болѣе, чѣмъ гдѣ-нибудь, личнымъ своимъ, можетъ быть, мимолетнымъ чувствомъ. Въ словахъ его виденъ больше минутный порывъ, чѣмъ глубоко-сознанное убѣжденіе, и нѣтъ ничего невѣроятнаго въ томъ, что если бы Нибуръ самъ готовилъ свои лекціи для печати, то уничтожилъ бы въ нихъ много рѣзкихъ обвиненій, которыя онъ взвелъ на Александра. Многія изъ нихъ очевидно неосновательны, напримѣръ, обвиненіе Александра въ томъ, что онъ удержалъ нѣкоторые персидскіе обычаи. Въ этомъ, напротивъ, можно видѣть политическую мудрость и нежеланіе оскорбить національность покореннаго народа. Александръ понималъ, что нельзя въ одинъ день сокрушить вѣковыя преданія и предрассудки. Если онъ оставилъ ихъ на время, то изъ этого еще не слѣдуетъ, что онъ имъ сочувствовалъ. Мы не видимъ ничего достойнаго обвиненія и въ томъ, что македонскій царь набралъ армию изъ 30,000 молодыхъ персовъ и велѣлъ обучить ихъ военному искусству и греческому языку.

Едва ли кто согласится въ наше время съ Нибуромъ и во взглядѣ его на азіатцевъ, какъ на людей вовсе не способныхъ къ цивилизаціи. Въ этомъ случаѣ, обычное увлеченіе знаменитаго историка очевидно помѣшало ему взглянуть на этотъ вопросъ безпристрастно и правильно. Онъ весь находится подъ вліяніемъ греческихъ мыслителей, взгляды которыхъ, разумѣется, не всегда для насъ нравственно-обязательны. Аристотель имѣлъ поводъ утверждать, что азіатцы не способны къ образованію и свободѣ: таковъ былъ взглядъ на этотъ вопросъ всего образованнаго древняго міра, и если Александръ, — въ чемъ мы, впрочемъ, сомнѣваемся, — не

*) См. также: Сочиненія Грановскаго, т. II, стр. 51—185.

раздѣлялъ этого мнѣнія, то это показываетъ только, что онъ стоялъ выше своего вѣка. Во всякомъ случаѣ, однако, едва ли современный историкъ можетъ разумно повторять подобныя мнѣнія. Припомнимъ здѣсь, что греческіе и римскіе мыслители признавали, между прочимъ, юридическую и нравственную законность рабства даже въ самой Европѣ, и никому изъ нихъ не казалось страннымъ и возмутительнымъ, что знаменитыя древнія республики владѣли мпліонами рабовъ. Нѣтъ сомнѣнія, что въ такихъ воззрѣніяхъ нашъ вѣкъ далеко оставилъ за собою древній міръ.

При всемъ своемъ желаніи унизить Александра, Нибуръ не могъ не признать въ немъ великаго человѣка. «Александръ, говоритъ онъ*), былъ для Востока тѣмъ, чѣмъ Карлъ Великій — для Запада. Рядомъ съ Рустамомъ, онъ главный герой персидскихъ сказокъ и романовъ. Главное значеніе его, весьма важное для насъ, состоитъ въ томъ, что онъ измѣнилъ видъ тогдашняго міра. Онъ началъ то, что теперь, не смотря на всѣ препятствія, приближается къ осуществленію, именно — торжество Европы надъ Азіею. Онъ первый побѣдоносно привелъ европейцевъ на Востокъ. Роль Азіи приходила къ концу: она была обречена служить Европѣ. Александръ сдѣлался народнымъ героемъ Греціи, хотя онъ для грековъ былъ такимъ же иноплеменникомъ, какъ Наполеонъ для французевъ».

Нѣсколько далѣе нѣмецкій историкъ продолжаетъ характеристику Александра въ слѣдующихъ словахъ **): «Необходимо признать, что онъ въ высшей степени замѣчательное явленіе, но только всѣ похвалы должны исключительно относиться къ его обширному уму и дарованіямъ. Это былъ необыкновенный человѣкъ, надѣленный отъ природы тѣмъ даромъ предвидѣнія, которымъ такъ отличался Наполеонъ. Когда онъ приближался къ какой-нибудь мѣстности, то тотчасъ усматривалъ всѣ ея хорошія качества и ея назначеніе. Этотъ даръ предвидѣнія дѣлаетъ человѣка практически. Если бы мы не имѣли другихъ доказательствъ зор-

*) Vorträge и пр., стр. 418.

**) Ibid., стр. 420.

костп взгляда, которою былъ надѣленъ Александръ, то одно основаніе Александріи было бы достаточнымъ тому свидѣтельствомъ. Онъ умѣлъ отыскать такой пунктъ, который уже за пятнадцать вѣковъ до него, могъ бы сдѣлаться соединительною точкою между Египтомъ, Европою и Азіею. Конечно, въ прежнее время, когда Нилъ не заключалъ еще въ себѣ достаточнаго количества пливстыхъ частей, эта мѣстность не имѣла особенной важности, но во всякомъ случаѣ Александръ сразу понялъ къ чему она предназначена природой. Онъ понялъ, что городъ, основанный въ этой мѣстности, необходимо сдѣлается огромнымъ и всемірнымъ рынкомъ. Этотъ городъ долженъ былъ лечь краеугольнымъ камнемъ въ александровомъ царствѣ и, по всей вѣроятности, со временемъ сдѣлаться его столицей. Равнымъ образомъ было бы въ высшей степени несправедливо приписать весь успѣхъ войнъ, веденныхъ Александромъ, не ему, а полководцамъ Филиппа. Конечно, персы были очень жалкій народъ, и своимъ неумѣньемъ сопротивляться сдѣлали для Александра побѣду легкою, но онъ предводительствовалъ своимъ войскомъ съ такою увѣренностію, съ такимъ искусствомъ, даже при самыхъ затруднительныхъ обстоятельствахъ, — его походъ на Индъ былъ совершенъ съ такою ловкостію и такъ хорошо обдуманъ, что нѣтъ никакой возможности отказать ему въ славѣ великаго полководца. Извѣстно, что Ганипбалъ, самый лучший судья въ этомъ дѣлѣ, назвалъ Александра «величайшимъ вождемъ». Разумѣется, съ другой стороны, не должно забывать, что онъ имѣлъ большія средства для исполненія своихъ плановъ: — отличныхъ полководцевъ и превосходное войско. Если бы онъ долженъ былъ самъ создать это войско, то едва ли бы оно вышло такъ удачно. Далѣе, Парменіонъ, Флотъ, Птолемей, Селевкъ, Антигонъ — всѣ эти отличные вожди вышли изъ школы Филиппа и были знамениты уже въ его время, такъ что, за исключеніемъ одного Евмена, при Александрѣ, можно сказать, не образовался ни одинъ значительный полководецъ. Точно такъ король Фридрихъ II наслѣдовалъ послѣ своего отца отличное войско и генераловъ, бѣльшею частію уже прежде служившихъ въ прусской арміи».

Вообще, ставя Александра очень высоко, какъ полководца и правителя, Нибуръ очень невыгодно отзывается о немъ, какъ о человѣкѣ. «Уже въ древности (говорить Нибуръ *) не одинъ риторъ пропнесь надъ нимъ правильный судъ. Кто не знаетъ исторіи о морскомъ разбойникѣ, котораго Александръ осудилъ на смерть? Когда къ нему привели этого человѣка, то онъ объявилъ Александру, что между ними нѣтъ никакого различія. Точно такъ и жители Востока называютъ его Александромъ-Грабителемъ. Эту точку зрѣнія я не сдѣлаю исходною, при сужденіи объ Александрѣ, такъ какъ вся всемірная исторія вращается около войнъ и завоеваній. Я говорю только о личности его. Не вдаваясь въ декламации, для которыхъ онъ такъ часто служилъ темою, я, однако, держусь мнѣнія, которое очень неблагоприятно для Александра. Когда я вижу двадцати-лѣтняго юношу, открыто вступающаго на престолъ, при помощи заговора противъ своего отца, и, по воцареніи своемъ, обнаруживающаго такую же свирѣпую политику, какую въ шестнадцатомъ вѣкѣ выказали Косьма Медичи и оба его сына, — юношу, который не только жертвуетъ Олимпіи своею мачихой, но и убиваетъ невинное новорожденное дитя этой несчастной женщины, вмѣстѣ съ многими другими своими братьями и сестрами, съ не извѣстными намъ именами, — такъ какъ Арріанъ ловко обошелъ ихъ, — юношу, который съ холодною обдуманностію стираетъ съ лица земли всѣхъ, кто только могъ проникнуть въ его тайны, или кто когда-нибудь оскорбилъ его, — то это такой юноша, какихъ во всѣ времена казнить общественное мнѣніе».

Приведенныхъ выписокъ достаточно для того, чтобы опредѣлить взглядъ Нибура на одну изъ самыхъ замѣчательныхъ личностей древней исторіи. Страницы, посвященные въ чтеніяхъ его, Александру Великому, хотя и обличаютъ, по обыкновенію, въ знаменитомъ авторѣ «Римской*Исторіи» глубокаго критика и благороднѣйшаго человѣка, но, по причинамъ, которыхъ мы уже коснулись выше, едва ли бы оставили по себѣ рѣзкіе слѣды въ наукаѣ, еслибъ другой ге-

*) Ibid., стр. 419.

ниальный ученый не сошелся съ нимъ въ своихъ мнѣніяхъ о прославленномъ македонскомъ завоевателѣ. Я разумѣю Грота. Онъ — совершенная противоположность Нибуру, — человѣкъ положительный, не увлекающійся личнымъ чувствомъ и минутнымъ порывомъ. Англійскій ученый, знаменитый не только въ ученомъ, но и въ коммерческомъ мірѣ, какъ одинъ изъ главныхъ лондонскихъ банкировъ, является писателемъ, не только глубоко изучившимъ свой предметъ, но и придающимъ вѣсъ и значеніе каждому своему слову. Вотъ почему его строго обдуманнѣйшій приговоръ Александру не имѣетъ, какъ у Нибура, характера импровизаціи *).

Гротъ не обвиняетъ Александра въ томъ, что онъ хотѣлъ ввести въ Азію греческую цивилизацію; англійскій историкъ только сомнѣвается въ этомъ общепринятомъ фактѣ, и, нужно признаться, оправдываетъ свой скептицизмъ многими очень глубокими и основательными соображеніями. Вообще онъ смотритъ на македонскаго героя, какъ на вели-

*) Мы увѣрены, что никто не приметъ нашихъ словъ за порицаніе знаменитаго германскаго историка. Здѣсь рѣчь только объ одномъ отдѣлѣ его чтеній, который, не смотря на свои преувеличенія и обмолвки, обличаетъ, какъ мы уже замѣтили, въ Нибурѣ необыкновенный критическій даръ. Хотя Гротъ и умалчиваетъ о Нибурѣ, но очень можетъ быть, что ему онъ обязанъ своимъ взглядомъ на Александра. Извѣстно, что въ боннскомъ университетѣ, въ числѣ слушателей Нибура, было не мало англичанъ, которые прилежно записывали за нимъ. Такимъ образомъ мнѣнія Нибура о различныхъ историческихъ эпохахъ и дѣятеляхъ могли проникнуть въ Англію, задолго до появленія лекцій его въ печати. Извѣстно также, что онѣ (именно курсъ римской исторіи) впервые появились на англійскомъ языкѣ, въ изданіи Леонгарда Шмица, и уже потомъ переведены были Цейсомъ на нѣмецкій языкъ. При всемъ уваженіи къ Нибуру, нельзя, однако, не сознаться, что необыкновенная и какаля-то страстная живость въ воссозданіи разныхъ эпохъ и явленій древней жизни, составившая вполне заслуженную славу этого гениальнаго человѣка, иногда увлекала его дальше, чѣмъ слѣдовало. Такъ, напримѣръ, онъ и въ лекціяхъ своихъ, и въ трудахъ, которые самъ приготовилъ для печати, упорно отстаивалъ мнѣніе свое о городѣ *Quirium*, который будто-бы, при основаніи Рима на палатинскомъ холмѣ, лежалъ на *mons Agonalis*, или *Quirinalis*, хотя о такомъ городѣ *Quirium* не упоминаетъ ни одинъ изъ древнихъ писателей. Теперь вообще отвергнуты многіе взгляды Нибура, начиная съ знаменитой гипотезы его о народномъ эпосѣ, который, по его убѣжденію, даетъ содержаніе разсказу о началномъ періодѣ римскаго государства. Все это, однако, не мѣшаетъ Нибуру до-сихъ-поръ считаться великимъ историкомъ.

каго полководца, исключительно увлеченнаго неутомимою жаждою завоеванія, и очень вѣрно опредѣляетъ переѣмну, послѣдовавшую въ характерѣ Александра, вслѣдствіе необычайныхъ успѣховъ его на Востокѣ. Гротъ доказываетъ, что Александръ, въ этотъ періодъ своей жизни, нисколько не заботился о томъ, чтобы передать европейскія идеи восточнымъ частямъ своего царства, а, напротивъ, старался ввести персидскія преданія въ греческій бытъ.

Изложивъ исторію царствованія Александра и его колоссальныхъ военныхъ подвиговъ, Гротъ представляетъ слѣдующую характеристику македонскаго царя, съ которою мы считаемъ не лишнимъ познакомить нашихъ читателей, тѣмъ болѣе, что громадный трудъ знаменитаго англійскаго ученаго, вѣроятно, еще не скоро будетъ усвоенъ нашей литературѣ въ русскомъ переводѣ *).

«Внезапная смерть, говоритъ Гротъ, похитившая Александра въ полномъ цвѣтѣ здоровья и силы, среди смѣлыхъ плановъ и начинаній, была для современниковъ его событіемъ поразительнымъ и имѣвшимъ огромное значеніе. Когда первый слухъ о томъ достигъ въ Аѳины, то ораторъ Демадъ не могъ удержаться отъ слѣдующаго восклицанія: «это не правда; если бы Александръ умеръ, то вся обитаемая земля наполнилась бы смрадомъ отъ его трупа» **). Эти грубыя, но сильные слова хорошо объясняютъ непосредственное, громадное и повсюдное впечатлѣніе, которое произвела внезапная кончина великаго завоевателя. Каждый изъ множества пословъ, прибывшихъ изъ самыхъ отдаленныхъ странъ съ тѣмъ, чтобы умилостивить этого «далеко мечуща-

*) Первое изданіе гротовой «A History of Greece» появилось въ 1846 году, а второе, въ дополненномъ и, мѣстами, нѣсколько измѣненномъ видѣ, въ 1849 году. Первый томъ этого знаменитаго труда, посвященный характеристикѣ «легендарной Греціи», извѣстенъ русскимъ читателямъ по превосходной критической статьѣ г. Леонтьева, помѣщенной во II томѣ «Пропилей». Мы пользовались извѣстнымъ нѣмецкимъ переводомъ исторіи Грота, начатымъ Мейсперомъ и оконченнымъ Гёпфнеромъ, и считали возможнымъ обойтись безъ англійскаго подлинника, тѣмъ болѣе, что исключительно имѣли въ виду познакомить нашихъ читателей съ воззрѣніемъ Грота на одну изъ замѣчательныхъ эпохъ древней исторіи, а не съ изложеніемъ его.

**) Plutarch. Phocion 22. Demetr. Phaler. de eloquit., § 300.

го стрѣлы Аполлона», каждый гражданинъ среди тѣхъ народовъ, которые прислали своихъ представителей — въ Европѣ, Азіи и въ Африкѣ — всѣ эти люди живо чувствовали, что смерть македонскаго царя тѣсно была связана съ ихъ настоящимъ положеніемъ и вѣроятною будущностью *). Уже прежде возвышеніе Македоніи изъ незначительнаго и подчиненнаго государства на степень первоклассной державы, въ теченіе двадцати двухъ лѣтъ, предшествовавшихъ битвѣ при Херонеѣ, исполнило современниковъ удивленія творческому гевію Филиппа. Великія дѣла, совершенныя Александромъ въ двѣнадцати-лѣтнее его правленіе, отбросили Филиппа въ тѣнь, и слѣдуя, одно за другимъ, безъ перерыва и безъ помѣхи, имѣли такіе грандіозные размѣры, что превзошли не только человѣческое ожиданіе, но и человѣческую вѣру. Великій царь — такъ назывался по преимуществу царь персидскій — считался еще образцемъ земнаго величія и счастья даже и въ то время, когда Александръ перешелъ чрезъ Геллеспонтъ. Спустя четыре года и три мѣсяца послѣ этого перехода, вслѣдствіе одного рѣшительнаго пораженія за другимъ, Дарій лишился всѣхъ западныхъ провинцій своего царства, превратился въ бѣглеца и избѣгъ плѣна какъ бы для того, чтобы погибнуть отъ руки сатрапа Бесса. Всѣ прежнія историческія параллели — паденіе и плѣнъ лидійскаго царя Креза, изгнаніе и печальная участь сиракузскаго тирана Діонисія — всѣ эти примѣры непостоянства человѣческаго счастья казались незначительными въ сравненіи съ изумительнымъ паденіемъ персидскаго колосса. Вотъ что говорилъ, не задолго до смерти Дарія, ораторъ Эсхипъ, и слова его, конечно, были отголоскомъ мнѣнія цѣлой Греціи: «Какихъ удивительныхъ и не ожидаемыхъ событій не случилось въ наше время! Мы жили не такъ, какъ обыкновенно живутъ люди, и грядущія поколѣнія станутъ рассказывать про насъ невѣроятныя вещи. Развѣ царь персидскій, — тотъ самый, который прорылъ Аонъ, перебросилъ мостъ чрезъ Геллес-

*) Діонисій, правитель повтійской Гераклен, при извѣстіи о смерти Александра, отъ восторга лишился чувствъ и воздвигъ статую въ честь богини Радости. Memn. Heracl. Fragm. ap. Photium, с. 4.

понтъ, потребовалъ когда-то у грековъ «землю и воду» и осмѣлился называть себя въ своихъ посланіяхъ повелителемъ всего человѣчества, отъ восхода солнца до его заката, — развѣ этотъ царь борется теперь изъ того, чтобы быть всемірнымъ владыкою, а не изъ того, чтобы обезопасить свою собственную личность *)?»

«Вотъ какія мысли возбуждали побѣды Александра уже въ 330 году, слѣдовательно за семь лѣтъ до смерти македонскаго царя. Въ слѣдующія семь лѣтъ, дальнѣйшіе подвиги его еще болѣе изумили современниковъ. Не смотря на всѣ препятствія и трудности, онъ не только завоевалъ въ это время всю восточную половину персидскаго царства, но и подчинилъ своей власти неизвѣстныя страны Индіи. Не считая Македоніи, Греціи и Фракіи, онъ имѣлъ теперь въ своемъ распоряженіи тѣ неизчислимыя сокровища и военныя силы, которыми когда-то былъ такъ страшенъ «великій царь». Никто изъ современниковъ Александра никогда не слышалъ и даже не мечталъ о возможности такого громаднаго могущества. При тогдашнемъ настроеніи фантазіи, многіе, конечно, готовы были считать Александра земнымъ богомъ, какимъ когда-то греки считали Ксеркса, въ то время, какъ онъ перевелъ чрезъ Гелеспонтъ безчисленное персидское войско **).

«Александру, при его смерти, когда онъ достигъ такого изумительнаго величія, было съ небольшимъ тридцать два года. Это былъ возрастъ, въ которомъ аѳинскій гражданинъ не считался достаточно зрѣлымъ для предводительства войскомъ и десятью годами ниже тѣхъ лѣтъ, когда римлянинъ могъ законно достигать консульства***). Александръ былъ въ это время двумя годами моложе тѣхъ лѣтъ, когда Тимуръ завладѣлъ престоломъ и началъ свои завоеванія. Необыкновенная тѣлесная крѣпость македонскаго царя нисколько еще не ослабѣла въ эту пору; кромѣ того, онъ приобрѣлъ богатый запасъ воинской опытности и, что главное, его жажда къ дальнѣйшимъ завоеваніямъ была такъ же неутолима, а

*) Aeschin. adv. Ctesiph., с. 43.

**) Herodot., VII, 56.

***) Cic. Philipp., V, 17, 48.

готовность подвергать себя для нихъ всякимъ трудамъ и опасностямъ также велика, какъ и въ то время, когда онъ въ первый разъ ступилъ на почву Азіи. Какъ ни велико было пройденное Александромъ поприще, дальнѣйшіе подвиги его, при усиленіи матеріальныхъ средствъ и опытности юнаго полководца, были бы, по всей вѣроятности, еще громаднѣе. Его честолюбіе удовлетворилось бы только съ завоеваніемъ всего извѣстнаго тогда міра, и если бы ему суждено было жить дольше, то эта цѣль, вѣроятно, была бы достигнута. Нигдѣ, сколько намъ извѣстно, не было военной силы, которая могла бы оказать сопротивленіе Александру, а воиновъ его, когда онъ ими предводительствовалъ, не останавливали ни зной, ни холодъ. Патріотическое чувство заставило Тита Ливія утверждать, что если бы Александръ проникъ въ Италію и встрѣтился съ римлянами или самнитянами, то потерпѣлъ бы такую же неудачу, какую — родственникъ его, Александръ изъ Эпира. Но такое заключеніе не можетъ быть принято. Если мы допустимъ, что римская пѣхота своимъ мужествомъ и дисциплиною не уступала лучшимъ отдѣламъ македонской инфантеріи, то едва ли можно сказать тоже самое о римской кавалеріи, сравнительно съ отрядами такъ называвшихся «гетеровъ». Еще менѣе вѣроятно, что въ числѣ римскихъ консуловъ, смѣнявшихся ежегодно, нашелся бы такой, который бы могъ помѣряться съ Александромъ военнымъ геніемъ и даромъ комбинаціи, а если бы и нашелся подобный консулъ, то онъ не могъ имѣть въ своемъ распоряженіи ни такого разнообразнаго войска, ни такого неограниченнаго вліянія на него, какимъ пользовался Александръ. Поэтому я полагаю, что едва ли бы самые римляне могли оказать значительное сопротивленіе Александру Великому, хотя несомнѣнно то, что онъ, никогда не встрѣчался не только съ подобными противниками, но и съ такими, какими были самнитяне и луканцы, соединявшіе въ себѣ мужество, патріотизмъ и дисциплину.

«Въ Александрѣ не было недостатка ни въ одномъ изъ тѣхъ качествъ, которыя образуютъ отличнаго генерала и солдата. Въстѣ съ рыцарскою отвагою, которая, конечно, порою была безразсудна и неумѣстна, во всѣхъ дѣйствіяхъ

его мы открываемъ заранѣе тщательно обдуманнѣйшій планъ, большую предусмотрительность на счетъ могущихъ встрѣтиться препятствій и изобильныя средства, необходимыя для того, чтобы воспользоваться различными случайностями. Несмотря на постоянный успѣхъ въ своихъ дѣлахъ, Александръ никогда не упускалъ изъ виду этихъ предосторожностей. Его подвиги составляютъ самое раннее изъ извѣстныхъ намъ свидѣтельствъ о научной военной организаціи, устроенной въ огромныхъ размѣрахъ, и о сокрушительномъ ея результатѣ. Александръ, будемъ ли мы разсматривать его, какъ отдѣльнаго воина, или какъ распорядителя и вождя вооруженныхъ массъ, гораздо сплыше, чѣмъ всякая другая личность древняго міра, поражаетъ наше воображеніе безпримѣрнымъ развитіемъ всего того, что составляетъ дѣятельную силу. Онъ удивляетъ насъ не только тѣмъ слѣпымъ порывомъ, который Гомеръ приписываетъ Аресу, но и тою разумною, методическою и всеяльною комбинаціею, олицетвореніемъ которой служитъ Минерва. Но всѣ эти, конечно, великія качества могли быть обращены, и притомъ съ большимъ успѣхомъ, исключительно противъ враговъ Александра, а къ этой категоріи относилось все извѣстное и неизвѣстное въ то время человѣчество, за исключеніемъ развѣ народовъ, добровольно подчинившихся власти македонскаго завоевателя. Извѣстно, что во время походовъ своихъ въ Индію, Александръ, окруженный дикими племенами, одинаково преслѣдовалъ и поражалъ не только тѣхъ, кто возсталъ противъ него для своей защиты, но и всѣхъ тѣхъ, кто, оставивъ свое имущество, бѣжалъ въ горы.

«Независимо отъ этихъ необычайныхъ воинскихъ качествъ Александра, многіе историки старались приписать ему великія правительственныя мѣры и высокія цѣли для облагороженія человѣчества. Я не вижу никакого основанія раздѣлять это мнѣніе. На сколько можно предусмотрѣть будущность Александра, если бы онъ прожилъ дольше, мы видимъ только годы непрерывныхъ вторженій и завоеваній, которыя кончились бы не прежде, чѣмъ онъ обошелъ и поработилъ всю вселенную. Всемирное владычество не въ риторическомъ, а въ буквальномъ его значеніи — вотъ что состав-

ляло преобладающую страсть въ душѣ Александра. О осуществленіе подобной мысли, при несовершенствѣ тогдашнихъ познаній въ географіи, казалось возможнымъ, чѣмъ въ наше время. Въ минуту своей смерти онъ готовился начать новую наступательную войну на югѣ, противъ арабовъ ¹⁾, сообщая въ то же время Кратеру свой колоссальный планъ относительно поработенія западныхъ народовъ Европы и Азии до самыхъ Геркулесовыхъ Столбовъ ²⁾. Италия, Галлія должны были, одна за другою, подвергнуться нападенію и завоеванію. Вслѣдъ за тѣмъ очередь дошла бы до предприятий, на которыя Фарасменъ указывалъ Александру въ Бактріи, и они, отъ Дуная и вдоль сѣверныхъ береговъ Понта Евксинскаго и Азовскаго моря, привели бы его къ битвамъ съ скивами и народами Кавказа ³⁾. Исполненіе этого плана было отложено до болѣе благоприятнаго времени. За тѣмъ оставались еще азіатскія земли, къ востоку отъ Гифазиса, куда отказались вступитъ солдаты Александра, но нѣтъ сомнѣній, что онъ, при первой возможности, проникъ бы въ эти страны, хотя бы съ тѣмъ, чтобы уничтожить унижительную мысль о необходимости, заставившей его отказаться отъ задуманнаго плана. Какъ это ни кажется преувеличеннымъ, но достоверно то, что Александръ, при своемъ ненасытномъ честолюбіи, смотрѣлъ на всякое новое приобрѣтеніе, какъ на средство къ дальнѣйшимъ походамъ ⁴⁾. «Ты какой же человекъ, Александръ, какъ и всѣ мы — такъ говорилъ ему одинъ видѣецъ — съ тою только разницею, что ты, покинувъ свою родину, вторгаешься въ отдаленныя страны нарушителемъ общаго спокойствія и даешь много работы и себѣ, и другимъ ⁵⁾».

1) Arrhian, VII, 23, 5.

2) Diodor., XVIII, 4.

3) Arrhian, IV, 15, 11.

4) Ibid., VII, 19, 12. Ср. VII, 1, 3—7; VII, 15, 6, и рѣчь Александра къ своимъ солдатамъ на берегахъ Гифазиса, въ которой онъ старался убѣдить ихъ идти дальше. V, 26. Не должно забывать, что Аррианъ пользовался показаніями Птолемея, а онъ самъ былъ въ числѣ слушателей этого воззванія и, по всей вѣроятности, сообщалъ изъ него все существенное въ своей книгѣ.

5) Arrhian, VII, 1, 8.

«Трудно сказать, какимъ образомъ такое небывалое, столь необъятно-громадное государство, составленное изъ разнородныхъ элементовъ, могло быть управляемо ко благу своихъ подданныхъ. Простой трудъ приобрѣтенія и сохраненія прибрѣтеннаго, поддержка авторитета сатраповъ и сборщиковъ податей и въ то же время стараніе удержать ихъ самихъ въ отношеніи строгой подчиненности, подавленіе безпрестанныхъ смуть, — а въ нихъ едва ли могъ быть недостатокъ въ мѣстностяхъ, отдаленныхъ одна отъ другой на цѣлые мѣсяцы пути *), — вотъ что наполнило бы всю жизнь всемірнаго завоевателя и не дало бы ему времени и возможности подумать объ улучшеніяхъ въ своемъ государствѣ даже и въ такомъ случаѣ, если бы онъ имѣлъ ихъ въ виду.

«Но едва ли можно допустить и это послѣднее предположеніе. Всѣ дѣйствія Александра показываютъ, что онъ больше всего желалъ продлить преданія персидскаго царства и подчинить прежнюю систему податей и наборъ войска преимущественно македонянамъ, какъ главнымъ орудіямъ своихъ цѣлей, частію же тѣмъ самымъ персамъ, которые уже прежде облечены были правительственною властію, разумѣется, если они умѣли безусловно склониться передъ властію македонскаго завоевателя. Ему ставили въ заслугу и то, что онъ такъ охотно возстановлялъ власть персидскихъ магнатовъ (причемъ, однако, военная сила постоянно подчинялась командѣ македонскихъ офицеровъ) и оставлялъ туземныхъ правителей въ ихъ владѣніяхъ, въ качествѣ вассаловъ, обложенныхъ опредѣленною данью, по все это существовало еще до Александра, при персидскихъ царяхъ, которые также не тревожили побѣжденныхъ правителей, а только налагали на нихъ подать, вмѣстѣ съ обязательствомъ выставять, по первому требованію, извѣстное число войска **). Точно такимъ образомъ азіатское царство Александра составилось бы изъ

*) Arrhian, VII, 4, 4, 5.

***) Herodot, III, 15. Александръ дозволилъ Фокіону избрать себѣ однихъ изъ предложенныхъ ему четырехъ азіатскихъ городовъ и пользоваться доходами съ этого города (Plutarch. Phoc., 18). Точно такое предложеніе Артаксерксъ Лонгиманъ сдѣлалъ Оемистоклу, въ награду за его измѣну. Фокіонъ отвергъ предложеніе Александра.

множества сатрапій и зависимыхъ государствъ, обязанныхъ вносить подать и ставить солдатъ, а во всѣхъ прочихъ отношеніяхъ подчиненныхъ полному произволу мѣстныхъ правительствъ. При случаѣ, они подвергались бы строгому взысканію, безъ подчиненія систематической отчетности и постоянному контролю *). Александръ, конечно, постарался бы улучшить эту систему, составлявшую во всѣ времена необходимое условіе азіатскаго владычества. Военная организація государства, слабая при царяхъ изъ дома Ахемена, благодаря гению Александра и трудамъ даровитыхъ людей, образованныхъ въ его школахъ, приобрѣла бы много силы и энергіи **).

Персидское царство представляло собою пеструю смѣсь народовъ, въ которыхъ очень слабо было развито національное чувство. Македонскій завоеватель, наложившій свою руку на это царство, выказывалъ еще больше равнодушія къ какой бы то ни было народности. Онъ не былъ ни македонянинъ, ни грекъ. Отсутствіе всякаго національнаго предразсудка не рѣдко было относимо къ числу доблестей Александра, но, по моему взгляду, замѣнялось въ македонскомъ царѣ другими, гораздо худшими, предразсудками, а именно: колоссальнымъ чувствомъ своего личнаго превосходства и безграничнымъ самолюбіемъ. Александръ обнаружилъ эти чувства уже въ самой ранней своей молодости, а необыкновенное счастье привело его, наконецъ, къ вѣрѣ въ свое божественное происхожденіе. Эта вѣра, ставя Александра выше мысли о какой бы то ни было національности, укоренила въ немъ ложное мнѣніе о томъ, что въ его рукахъ тотъ скипетръ, которому должно подчиниться все человѣчество. Это всемірное государство, по понятіямъ того времени, больше всего согласовалось съ идеей о персидскомъ царѣ ***).

*) У Геродота, V, 25, встрѣчается описаніе наказанія, которому Камбизъ подвергъ Сизамна.

**) Риторъ Аристидъ, въ своемъ панегирикѣ Риму, сдѣлалъ нѣсколько перьпыхъ замѣчаній о характерѣ Александра и о томъ вліяніи, которое онъ, изъ противоположности систематическому и законному развитію римскаго государства, обнаруживалъ на дѣла, въ силу своей воли и личнаго авторитета. Aristid. Or. XIV, vol. I, ed. Dindorf.

***) Xenoph. Cyrop., VIII; 6, 21; Anab., I, 7, 6; Herodot., VII, 8, 13.

Вотъ почему Александръ, послѣ того какъ побѣда увѣнчала его усилія, занялъ положеніе и присвоилъ себѣ притязанія низложеннаго имъ персидскаго влестелина. Съ этого времени Александръ походилъ больше на перса, чѣмъ на македонянина или на грека. Усвоивъ себѣ, на сколько это позволяла личная безопасность, обычаи и привычки персидскаго двора, онъ очень старался превратить своихъ генераловъ въ персидскихъ вельможъ и для этой цѣли поощрялъ и даже принуждалъ ихъ жениться на персянкахъ, съ соблюденіемъ персидскихъ обрядовъ. При смерти Александра, въ его письменныхъ распоряженіяхъ, сообщенныхъ Кратеру, находился, между прочимъ, планъ колоссальнаго переселенія жителей Европы въ Азію, и жителей Азіи въ Европу, вмѣшавшій цѣлю, при посредствѣ брачныхъ союзовъ и усиленія взаимныхъ сношеній, слить обитателей этихъ странъ въ одну націю *). Разумѣется, что такое переселеніе народовъ было бы принято съ сопротивленіемъ и ненавистію, и могло быть приведено въ исполненіе только при помощи крайнихъ насильственныхъ мѣръ. Было бы не совѣтъ справедливо дѣлать приговоръ планамъ, не проникшимъ въ жизнь, но, на сколько мы можемъ судить о нихъ, такое насильственное сліяніе разнообразныхъ народностей не обѣщало для нихъ ничего хорошаго, хотя самый планъ, какъ памятникъ могучаго самовластія, представляетъ собою много эффектнаго.

«Относительно ума и дара комбинаціи, Александръ былъ совершенный грекъ; что же касается до направленія и цѣлей, которыя онъ преслѣдовалъ, то никто не могъ быть грекомъ менѣе, чѣмъ онъ. Упомянуть ли о чисто ориентальныхъ порывахъ его страстей, о безграничномъ произволѣ **)

*) Diodor., XVIII, 4.

**) Liv., IX, 18: *Referre in tanto rege piget superbam mutationem vestis et desideratas humi jacentium adulationes, etiam victis Macedonibus graves, nedum victoribus: et foeda supplicia et inter vinum et epulas caedes amicorum et vanitatem ementiendae stirpis. Quid si vini amor in dies fieret acrior? quid si trux et praefervida ira? (nec quidquam dubium inter scriptores refero) nullane haec damna imperatoris virtutibus ducimus? Замѣчательна въ этихъ словахъ ссылка, дѣлаемая Ливіемъ на другихъ писателей, относительно*

и о его нечеловѣческихъ требованіяхъ, относительно почтванія своей особы! Представлять себѣ Александра сыномъ Элады, пропитаннымъ политическими идеями Аристотеля, преданнымъ повсюдному и систематическому распространенію греческой цивилизаціи — значить, по моему мнѣнію, придавать характеру македонскаго царя такую оцѣнку, которая совершенно противорѣчитъ дѣйствительности. Говорятъ, что онъ спрашивалъ у Аристотеля совѣта касательно упомянутой колонизаціи Европы и Азіи, но должно замѣтить, что характеръ Александра, не много лѣтъ спустя послѣ побѣдоноснаго его похода въ Азію, до того измѣнился, что онъ не только потерялъ всякое уваженіе къ совѣтамъ Аристотеля, но даже возненавидѣлъ его *). Хотя эти совѣты не дошли до насъ вполнѣ, мы знаемъ однако, что онъ внушалъ Александру держать себя — въ отношеніи къ грекамъ предводителемъ, или главою государства съ ограниченной властію, а въ отношеніи къ варварамъ (не грекамъ) — самодержавнымъ повелителемъ **). Это въ сущности тѣ же самые совѣты, какіе, при самомъ началѣ американской войны, предлагалъ, въ своихъ рѣчахъ, Англіи Боркъ, указывая на различіе ея отношеній къ американскимъ колоніямъ и къ Британской Индіи. Ни одинъ изъ мыслящихъ грековъ не считалъ азіатцевъ способными къ свободнымъ началамъ гражданской жизни, на которыя опиралось развитіе каждой греческой общины. Аристотель нисколько не желалъ понизить азіатцевъ съ обычнаго уровня ихъ жизни; онъ только старался предохранить грековъ отъ опасности быть поставленными подъ азіатскій уровень. Александръ не призналъ этого различія, о которомъ толковалъ ему его учитель, и одинаково обращался съ греками и азіатцами, не возвышая

характера Александра. Безъ сомнѣнія, у Ливія было болѣе надежныхъ источниковъ объ этомъ предметѣ, чѣмъ у насъ.

*) Plutarch, Alex., 55—74.

***) Plutarch, de fortuna Alex. M., p. 329. Страбонъ, I, p. 66, и Плутархъ не вѣрно поняли смыслъ словъ Аристотеля, утверждалъ, будто этотъ философъ внушалъ Александру кроткое обращеніе только съ греками, а съ другими, т. е., не-греками — жестоко. Что Аристотель не могъ дѣлать подобныхъ внушеній, видно изъ всего содержанія сочиненія его о государствѣ.

последнихъ, а стараясь только о томъ, чтобы унижить первыхъ. Хотя Александръ пользовался безъ различія всѣми, какъ орудіями своихъ цѣлей, но вскорѣ свободная рѣчь грековъ и даже македонянъ стала казаться ему непріятною и оскорбительною, и онъ все болѣе и болѣе началъ оказывать предпочтеніе рабскому образу мыслей азіатцевъ и ихъ обычаямъ. Въмѣсто того, чтобы ввести въ Азію греческій элементъ, онъ стремился къ тому, чтобы превратить Македонію и Элладу въ азіатскія государства. Послѣ нѣсколькихъ лѣтъ побѣдъ, характеръ и темпераментъ Александра до того измѣнились, что онъ сдѣлался совершенно неспособнымъ слѣдовать совѣтамъ Аристотеля, относительно обращенія съ греками, — не способнымъ въ такой степени, въ какой любой персидскій царь или императоръ Наполеонъ не могли выносить малѣйшаго ограниченія своей воли и рѣзкости свободной критики — словомъ, всего, что неразрывно съ положеніемъ правителя съ ограниченою властью. При такой массѣ подданныхъ, болѣе пестрой и разнородной, чѣмъ самое войско Ксеркса, Александру было рѣшительно невозможно направить свою власть къ облагороженію дикихъ и грубыхъ элементовъ всѣхъ этихъ народностей. Есть не сомнѣнію вѣроятное извѣстіе о томъ, что онъ уничтожилъ разные варварскіе обычаи у гирканцевъ, араховъ и у согдіанцевъ *), но македоняне и греки, какъ орудія европейской цивилизаціи, непремѣнно затерялись бы и исчезли въ необъятной массѣ обитателей Азіи.

«Плутархъ рассказываетъ, что Александръ основалъ въ Азіи болѣе семидесяти новыхъ городовъ **). Эта цифра не

*) Plutarch, de fortuna Alex. M. Пребываніе Александра въ странахъ этихъ народовъ было до того кратковременно, что, при всемъ своемъ добромъ желаніи, онъ не могъ бы искоренить устарѣлыхъ и сроднившихся съ ними обычаевъ.

***) Plutarch, de fortuna Alex. M. Между ними Плутархъ упоминаетъ о городѣ Месопотаміи, Селевкии, какъ будто она, по мнѣнію его, также принадлежала къ городамъ, основаннымъ Александромъ. Это показываетъ, что Плутархъ не соблюдалъ строгой точности въ различеніи городовъ, основанныхъ Александромъ и Селевкомъ, а равно и другими діадохами. Замѣчательно, что Арріанъ упоминаетъ о гораздо меньшемъ числѣ городовъ, основанныхъ своимъ началомъ Александру. Многое говоритъ въ пользу этого

можетъ быть доказана, да и не вѣроятна, если только въ числѣ ихъ мы не будемъ считать простыхъ военныхъ стоянокъ, или тѣхъ городовъ, которые впоследствии были основаны преемниками Александра. Нельзя доказать, чтобы пѣтъ городовъ, дѣйствительно обязанныхъ ему своимъ существованіемъ, хотя одинъ, за исключеніемъ египетской Александріи, достигъ значительной степени развитія. Почти все они были заложены къ востоку отъ Каспійскихъ Воротъ, среди отдаленныхъ, воинственныхъ и безпокойныхъ племенъ, и въ сущности представляли собою военные посты, укрѣпленные съ цѣлью держать въ страхѣ окрестныя страны. Здѣсь были расположены отряды, которые не могли быть значительны, потому что иначе Александръ ослабилъ бы численный составъ своего войска, а этого нельзя было сдѣлать, пока все еще продолжалась наступательная война. Такихъ военныхъ стоянокъ особенно много было въ Согдианѣ, но извѣстно, что поселенные здѣсь греки удерживались только страхомъ имени Александра, и при первой молвѣ о его смерти, возмутились и ушли изъ своихъ колоній *). Конечно, могло случиться, что иной солдатъ изъ александровой арміи, большой или измученный безконечными маршами, вмѣсто утомительной службы, охотно дѣлался колонистомъ гдѣ нибудь на Яксартѣ или на Гидаспѣ; но то достоверно, что добровольные переселенцы не стремились изъ Европы въ эти страны, съ тѣмъ, чтобы поселиться въ такой дали, которая представлялась имъ невообразимою. Главное стремленіе Александра, поглащавшее все другія его заботы, было завоеваніе, — завоеваніе на востокъ, западъ, на югъ и сѣверъ. Основанные имъ города были большею частію предназначены для гарнизоновъ, которыми онъ хотѣлъ упрочить за собою

послѣднато показанія тѣмъ болѣе, что кратковременная жизнь македонскаго царя и его быстрые переходы изъ одной мѣстности въ другую необходимо должны были побуждать его основать все тѣ колоніи, которыя перечисляетъ Дройзенъ въ приложеніи къ своему сочиненію: *Geschichte des Hellenismus*, стр. 583—651.

*) *Diodor.*, XVII, 99; XVIII, 7. *Curt.*, IX, 7, 1. Объ этихъ согдианскихъ колоніяхъ Курцій (VII, 10, 16) замѣчаетъ, что онѣ были заложены *velut treni domitarum gentium; nunc originis suae oblita serviunt, quibus impera-
verunt.*

обладаніе своими отдаленными и ненадежными приобрѣтеніями. Цѣль колонизаціи Азіи стояла при этомъ на второмъ планѣ, а цѣль проведенія въ эту часть свѣта греческой гражданственности не только не была осуществлена Александромъ, но и не входила въ его планы.

«Приписываемая Александру эллинизация Азіи — на сколько объ этомъ можетъ быть рѣчь, собственно была дѣломъ преемниковъ его, діадоховъ, хотя и нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что завоеванія Александра проложили для нея дорогу и утвердили въ этихъ странахъ военный перевѣсъ Европы, безъ котораго подобная задача была бы не выполнима. Стремленія, интересы и самое положеніе этихъ діадоховъ: Антигона, Птолмея, Селевка, Лизимаха и т. д., были далеко не тѣ, что у Александра. У нихъ не было ни охоты, ни средствъ къ новымъ завоеваніямъ въ отдаленныхъ странахъ. Они ограничивались взаимнымъ соперничествомъ, и каждый изъ нихъ старался только о томъ, чтобы утвердиться въ своей землѣ и обезопасить себя отъ вторженій остальныхъ діадоховъ. Основаніе новыхъ городовъ, увѣковѣчившихъ имена діадоховъ, было для нихъ не только дѣломъ моды или тщеславія, но и существенной необходимости. Эти новые города были основаны ими въ тѣхъ странахъ Азіи, которыя уже прежде извѣстны были грекамъ и не рѣдко посѣщались ими, слѣдовательно тамъ, гдѣ Александръ не сдѣлалъ ничего подобнаго. Такъ Селевкъ, Никаторъ и его преемники покрыли многочисленными и большими городами Сирію, Месопотамію и нѣкоторыя части Малой Азіи. Всѣ эти мѣста уже прежде были знакомы грекамъ и привлекали ихъ къ себѣ тѣмъ скорѣе, что были удалены отъ Олимпіи и другихъ подобныхъ мѣстностей не на такое разстояніе, какъ Индъ и Яксартъ. Такимъ образомъ, въ продолженіе столѣтія, послѣдовавшаго за смертію Александра, значительный потокъ эллинской крови влился въ Азію, и преимущественно, по всей вѣроятности, изъ Италіи и Сициліи, гдѣ положеніе греческихъ городовъ дѣлалось все печальнѣе. Кромѣ того, этому способствовали и тѣ греки, которые во множествѣ вступали въ службу къ азіатскимъ царямъ. Греки и македоняне, говорившіе по гречески, сдѣлались, если не по своей численности, то по вли-

нію, которое они оказывали на новыхъ своихъ согражданъ, преобладающимъ населеніемъ въ большей части мѣстностей западной Азіи. Греко-азиатскіе цари въ-особенности старались о поддержаніи македонской дисциплины и военной организаціи. Въ извѣстіяхъ о сраженіи при Магнезій, между селевкидскимъ царемъ Антиохомъ Великимъ и Римлянами (въ 190 году до Рождества Христова), македонская фаланга, составлявшая главную его силу, является въ полномъ блескѣ и въ такомъ же отличномъ устройствѣ, въ какомъ она была въ самой Македоніи, во времена Филиппа и Персея.

«Мы сказали, что Азія была эллинизована при преемникахъ Александра, но это выраженіе нуждается въ поясненіи. Эллинизмъ, въ собственномъ значеніи этого слова, т. е., какъ сумма нравовъ, чувствъ, стремленій и силъ духа, обнаруженныхъ греками въ эпоху ихъ автономіи, ни въ какую пору не переселялся изъ Европы въ Азію. Здѣсь мы не встрѣчаемъ ни высшихъ свойствъ греческаго духа, ни качествъ, прирожденныхъ обыкновеннымъ грекамъ. Этотъ настоящій эллинизмъ не могъ процвѣтать или просто существовать въ періодъ Александра и даже при его преемникахъ, когда правительственный гнетъ чувствовался не такъ сильно. Животворный духъ этого эллинизма, его творческій гений, свободно организующая сила и политическій общинный духъ — все это было подавлено и мало-по-малу исчезло. Остатки этого эллинизма, перенесенные въ Азію, были только слабымъ отблескомъ и блѣдными очертаніями своего первообраза. Правленіе греко-азиатскихъ царей нисколько не было греческимъ, какъ уже не разъ его называли, а деспотическимъ, совершенно такимъ, какимъ до нихъ является персидское владычество. Кто постарается вникнуть въ исторію ихъ до самаго періода римскаго господства въ этихъ странахъ, тотъ увидитъ, что она была въ полной зависимости отъ наклонностей, темперамента и способностей отдѣльныхъ царей и вращалась исключительно около фамильныхъ интересовъ господствующей династіи. Если смотрѣть на управленіе ихъ, какъ на опредѣленную систему, то самое существенное отличіе этихъ царей отъ ихъ персидскихъ предшественниковъ состояло въ томъ, что они сохранили военныя преданія и

учрежденія Филиппа и Александра, равно какъ ихъ тщательно выработанную дисциплину, поддержаніе которой требовало постоянной служебной іерархіи и вообще гораздо больше ума и прозорливости, чѣмъ сколько выказали ихъ правители изъ дома Ахеменидовъ. Вотъ почему множество грековъ постоянно находились на службѣ у этихъ греко-азиатскихъ царей, и въ гражданскомъ, и въ военномъ вѣдомствѣ. Образованные греки изъ гражданъ Эллады сдѣлались орудіями чуждыхъ имъ азиатскихъ правителей; вся администрація ихъ находилась въ рукахъ большею частію греческихъ чиновниковъ и производилась на греческомъ языкѣ.

«Къ этому присоединилось еще значительное число городовъ, основанныхъ въ Азіи Селевкидами и другими современными имъ правителями. Каждый изъ этихъ городовъ заключалъ въ себѣ значительную примѣсь греческихъ и македонскихъ гражданъ, жившихъ рядомъ съ туземцами, которые не рѣдко силою были переселяемы сюда изъ окрестныхъ мѣстъ. Невозможно съ точностію опредѣлить численнаго отношенія обѣихъ этихъ частей городского населенія; но то достовѣрно, что преобладающую, въ умственномъ отношеніи, и дѣятельную часть его составляли греки и македоняне. Они находились въ постоянныхъ сношеніяхъ съ центральнымъ правительствомъ и продолжали пользоваться тѣми, разумѣется, небольшими правами муниципальной самостоятельности, которыя были предоставлены азиатскимъ городамъ. Жившіе здѣсь греки, хотя и не знали политической свободы, но не вовсе лишены были той сферы дѣятельности, которая соотвѣтствовала ихъ наклонностямъ. Греческій языкъ являлся здѣсь преобладающимъ и въ общественной, и въ частной жизни, и каждый изъ такихъ городовъ служилъ пунктомъ, около котораго на далекое разстояніе сосредоточивалась мѣстная торговля. Взятые вмѣстѣ, эти города представляли собою главный эллинскій элементъ, или что-то въ родѣ эллинскаго элемента, во владѣніяхъ греко-азиатскихъ царей, и составляли совершенный контрастъ съ полудикими селеніями, гдѣ мѣстные нравы и языкъ остались почти безъ всякой перемѣны. Тѣмъ не менѣе греки, населявшіе Антиохію, Александрію и Селевкію не только не походили на

аѳонскихъ или ѳиванскихъ гражданъ, но даже на грековъ изъ Тарента и Эфеса. Передавъ жителямъ Востока свой языкъ, они въ свою очередь многое заимствовали изъ ихъ нравовъ. Чувства, образъ мыслей и самыя привычки этихъ грековъ утратили свой эллинскій отпечатокъ. Полюбій, въ бытность свою въ Александріи, съ изумленіемъ и отвращеніемъ наблюдалъ тамошнихъ грековъ, имѣвшихъ численный перевѣсъ надъ остальными жителями этого города, которымъ греческій историкъ не придавалъ никакой цѣны *). Конечно, греческіе переселенцы принесли съ собою на Востокъ свои нравы, преданія и праздники, но все это до того смѣшалось съ туземными элементами и до того пересоздалось, что казалось совершенно принаровленнымъ къ азіатской почвѣ. Нѣтъ сомнѣній въ томъ, что распространіе греческаго языка и вообще сношеній Эллады съ Востокомъ — повлекло за собою важныя соціальныя и политическія послѣдствія, но не смотря на то, эллинизованный азіатецъ не имѣлъ никакого сходства съ грекомъ, а скорѣе походилъ на чужеземца, усвоившаго себѣ греческій языкъ, греческую внѣшность и не много греческаго чувства и образа мыслей. Такой азіатецъ существенно и разительно отличался отъ настоящихъ эллиновъ, и такъ, навѣрное, смотрѣли бы на него Софокль, Ѳукидидъ и Сократъ.

«Мы сказали достаточно для того, чтобы опредѣлить степень вліянія завоеваній Александра на грековъ и на ихъ качества и особенности. Уничтоживъ въ Греціи общинный бытъ, эти завоеванія открыли для отдѣльныхъ грековъ об-

*) Strab., XVII, p. 797. Здѣсь, разумѣется, не идетъ рѣчь объ александрійскомъ музеѣ съ его знаменитою библіотекою. Это было искусственное учрежденіе, исключительно обязанное своимъ существованіемъ личному вкусу и щедрости первыхъ Птоломеевъ, въ-особенности Птолемея Второго. Этотъ музей былъ благороднѣйшимъ и полезнѣйшимъ заведеніемъ изъ всѣхъ, о которыхъ упоминаетъ исторія; его должно считать самымъ знаменитымъ памятникомъ эллинизма въ періодъ времени отъ смерти Александра до распространенія римскаго господства въ Азіи. Но хотя этотъ музей и находился въ Александріи, тѣмъ не менѣе онъ имѣлъ мало общаго съ этимъ городомъ и его населеніемъ. Александрійскій музей имѣлъ характеръ коллегіи, или ученаго общества, члены котораго стекались сюда съ разныхъ концовъ Греціи. Эратосенъ, Каллимахъ, Аристофанъ, Аристархъ, — все это не были уроженцы Александріи.

ширное поприще дѣятельности внѣ ихъ родины и — что было, можетъ быть, лучшимъ результатомъ побѣдъ Александра — они значительно умножили средства взаимныхъ сношеній Европы съ Востокомъ, содѣйствовали улучшенію дорогъ, распространенію торговыхъ связей и географическихъ знаній. Въ Персію уже прежде существовала хорошая и удобная дорога (она была устроена при Даріи Истаспѣ и описана Геродотомъ) для трехмѣсячнаго пути между Сардами и Сузою и, кромѣ того, другая, какъ кажется, благоустроенная дорога вела изъ Сузы и Экбатаны въ Бактрію, Согдіану и Индію. Еслибы Александръ прожилъ дольше, то онъ, конечно, значительно увеличилъ бы и сухопутные, и морскіе пути сообщенія въ разныхъ частяхъ своего всемірнаго царства. Извѣстно, что къ числу колоссальныхъ плановъ, которые Александръ имѣлъ въ виду въ то время, какъ его внезапно похитила смерть, принадлежало, между прочимъ, проложеніе дороги вдоль всего сѣвернаго берега Африки до самыхъ Геркулесовыхъ Столбовъ *). Кромѣ того, онъ имѣлъ намѣреніе заложить новый морской городъ, при Персидскомъ Заливѣ, у самаго устья Евфрата, и употребить огромныя суммы на улучшеніе судоходства по этой рѣкѣ. вмѣстѣ съ тѣмъ, вѣроятно, были бы улучшены способы орошенія окрестныхъ полей и Евфратъ получилъ бы то самое значеніе, какое онъ имѣлъ въ періодъ древнихъ вавилонскихъ царей. Далѣе, отданы были приказанія относительно снаряженія особой флотиліи, для изслѣдованія Каспійскаго моря. Александръ былъ увѣренъ, что оно соединяется съ Восточнымъ Океаномъ **), и имѣлъ въ виду сдѣлать Каспій исходною точкою, откуда бы его флотъ могъ обогнуть восточные бе-

*) Diodor., XVIII, 4. Павсаній (II, 1, 5) замѣчаетъ, что Александръ хотѣлъ еще прорыть гору Мимантъ (въ Малой Азіи), и что это было единственное изъ всѣхъ его предпріятій, которое не удалось. «Такъ трудно (прибавляетъ Павсаній) одолѣть силу то, что установлено богомъ» (τὴν εὐχὴν βίβρασις). Онъ желалъ также прорыть перешеекъ между Теосомъ и Клазоменами, чтобы корабли, плывущіе между Хіосомъ и Эритрою, могли миновать подводныя скалы Миманта. Вѣроятно, все это были планы, возбужденныя въ послѣдніе годы жизни Александра. Объ этихъ проектахъ не имѣется никакихъ дальнѣйшихъ свѣдѣній.

***) Arrhian, V, 26, 2.

рега Азіи, гдѣ представлялось обширное поприще для новыхъ завоеваній.

«Еще прежде Неархъ совершилъ плаваніе отъ устья Инда до устья Евфрата: — для того времени это блистательная морская экспедиція, но готовилась и другая, еще болѣе замѣчательная, а именно рѣшено было оплыть Аравію отъ Персидскаго залива до Чернаго моря (Аравійскаго залива). Впрочемъ, должно замѣтить, что точно такое же плаваніе (отъ устья Инда въ Аравійскій заливъ) совершено было уже за полтора вѣка до разсматриваемой эпохи, по приказанію Дарія Истаспа, Скипаксомъ изъ Каріанды. Извѣсто, что оно продолжалось тридцать мѣсяцевъ. Эта ранняя морская экспедиція, не смотря на то, что о ней говоритъ Геродотъ *), была, какъ кажется, забыта Александромъ и его современниками. Такое обширное изслѣдованіе нашей планеты, вмѣстѣ съ проложеніемъ новыхъ путей и вообще съ увеличеніемъ средствъ коммуникаціи, обѣщало истинно-благодѣтельные для человѣчества послѣдствія, и притомъ въ гораздо большей мѣрѣ, чѣмъ всѣ другіе подвиги Александра.

«Александръ, читаемъ мы у древнихъ авторовъ, принималъ такое живое участіе въ распространеніи наукъ и знаній, что для разныхъ зоологическихъ изслѣдованій, предоставилъ въ распоряженіе Аристотеля огромную сумму (800 талантовъ), и съ тою же цѣлію подчинилъ ему нѣсколько тысячъ ученыхъ **). Это пзвѣстіе очевидно преувеличено и, по всей вѣроятности, было дѣломъ враговъ знаменитаго Флософа,

*) Herodot., IV, 44. Ср. III, 102. Арріанъ, какъ видно изъ послѣдней главы его «Indica», забылъ объ этомъ разсказѣ Геродота, на котораго, впрочемъ, онъ нѣсколько разъ ссылается въ своей исторіи Александра. Изъ молчанія Арріана объ этой экспедиціи нѣкоторые ученые выпели заключеніе, что онъ сомнѣвался въ ея дѣйствительности. Если это было и такъ, то Арріанъ все-таки упомянулъ бы о показаніи Геродота, прибавивъ, что считаетъ невѣроятнымъ это свидѣтельство. Впрочемъ, невѣріе Арріана, если онъ и имѣлъ его, не можетъ служить доказательствомъ противъ самаго факта. Я признаюсь, что не вижу никакого достаточнаго основанія отвергать показаніе Геродота, хотя и знаю, что многіе изъ лучшихъ критиковъ не придаютъ этому показанію никакой вѣры.

***) Plin. H. N., VIII, 17; Athenaeus, IX, p. 398. См. у Шнейдера, въ предисловіи къ его изданію аристотелевыхъ *Historiae de animalibus*, стр. XXXIX и слѣд.

которые прокричали его кліентомъ и пенсіонеромъ македонскаго двора. Впрочемъ, нѣтъ ничего невѣроятнаго въ томъ, что Филиппъ и Александръ, въ первые годы своего царствованія, поощряли Аристотеля въ его занятіяхъ, но болѣе изъ уваженія къ его личности, чѣмъ изъ сочувствія къ ученымъ изслѣдованіямъ и открытіямъ. Александръ, по природѣ своей, былъ болѣе склоненъ къ поэзи и исторіи. Онъ въ особенности любилъ Иліаду и аттическихъ трагиковъ. Вотъ почему Гарпаль, получивъ приказаніе выслать ему въ верхнюю Азію нѣсколько произведеній греческой литературы, избралъ для этой цѣли трагедіи Эсхила, Софокла и Еврипида, дидрамы Телеста и историческія сочиненія Флиста *). Гарпаль былъ увѣренъ въ томъ, что угодить этими книгами Александру.»

Мы не считаемъ нужнымъ прибавить что-нибудь отъ себя къ этимъ словамъ знаменитаго историка. Замѣтимъ только, что имъ, по всей вѣроятности, суждено имѣть не малое вліяніе на современную историческую науку, и если не вполне, то значительно измѣнить взглядъ на одного изъ величайшихъ представителей древняго міра. Во всякомъ случаѣ, думая, что наша литература необходимо должна принять къ свѣдѣнію это новое воззрѣніе на Александра Великаго, мы старались въ предлагаемой статьѣ хотя нѣсколько удовлетворить этому требованію.

Н. БЛАГОВѢЩЕНСКІЙ.

*) Plutarch, Alex., 8.

ЦАРСТВОВАНИЕ

ЕЛИЗАВЕТЫ ПЕТРОВНЫ ¹⁾.

1743 годъ.

ИСТОРИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ.

(Посвящается Александру Ивановичу Семевскому.)

I.

Война и миръ.

Приготовленія къ шведской кампаніи. — Конгрессъ въ Або. — Укомплектованіе флота и арміи. — Постройки въ адмиралтействѣ и Кронштадтѣ. — Спуски галеръ и кораблей. — Рекрутскій наборъ. — Выступленіе въ походъ. — Дѣйствія на сушѣ генераль-поручика Штофельна. — Морская побѣда при Корпо. — Стоянка у Гангзюда. — Адмиралъ Головинъ и военный совѣтъ. — Соединеніе Ласси съ эскадрою Кейта. — Заключеніе мира. — Объявленіе и празднества по сему случаю въ Петербургѣ. — Медаль на заключеніе мира. — Смуты въ Швеціи. — Помощь стокгольмскому правительству со стороны Россіи. — Зимнія квартиры въ Стокгольмѣ и въ Петербургѣ. — Слѣдствія войны для Россіи. — Политическій памфлетъ сего времени.

«Съ помощью Божіею главное дѣйство въ кампаніи 1743 года противъ миролюбиваго непріятеля шведа надлежитъ по большей части и почти все флотомъ производить.»

Докладъ Сената (5 февраля 1743 г.).

Впродолженіе войны 1742 года шведы не разъ дѣлали мирныя предложенія; Россія не принимала ихъ. Англійскій и датскій кабинеты усердно хлопотали о примиреніи воюющихъ державъ, но петербургскій дворъ, отклонивъ это по-

срединичество, предложилъ собраться уполномоченнымъ съ обѣихъ сторонъ въ Або. Со стороны Швеціи явились государственный совѣтникъ баронъ Цедеркрейцъ и президентъ фонъ-Нолькенъ, со стороны Россіи были генераль Румянцевъ и баронъ фонъ-Люберасъ. Тѣ и другіе съѣхались въ Або въ началѣ марта, но нашъ кабинетъ хотѣлъ съ оружіемъ въ рукахъ заставить Швецію принять тотъ миръ, который имъ дадутъ. Вотъ почему, съ самаго начала года шли самыя живыя приготовленія: полки заблаговременно получили приказаніе быть готовыми къ выступленію съ первымъ приказомъ. Намъ нечего было опасаться высадки со стороны шведовъ, вся Финляндія была покорена, почему планъ новой кампаніи состоялъ въ дѣйствіяхъ на морѣ. Предположено было дѣйствовать гораздо смѣлѣе, нежели дѣйствовали въ прошломъ году, на галеры посадить сколь можно болѣе пѣхоты, наконецъ флотъ увеличить новыми судами.

Множество распоряженій того времени по сухопутному и морскому вѣдомствамъ свидѣтельствуютъ о энергіи, съ которою принялось петербургское правительство за продолженіе войны ²⁾. Такимъ образомъ: оберъ-офицеры освобождены ³⁾ (8 января), *ради собственнаго исправленія къ настольней войнѣ*, отъ вычета изъ жалованья, вычета, разложеннаго на всѣхъ служащихъ (11-го декабря 1742 года) для наполненія денежной казны; въ отставку строжайше было подтверждено (5-го февраля) не увольнять; впрочемъ совершенно не годныхъ къ службѣ, за тяжкими увѣчьями, болѣзнями и ранами, не присылать въ сенатъ для освидѣтельствованія, какъ то было прежде, а во избѣжаніе казеннаго убытка, отпускать съ мѣста служенія, по освидѣтельствованіи генералитетомъ ⁴⁾. Что же касается до укомплектованія флота, доносилъ Головинъ, то хотя по штату 1732 года и положено содержать 8,899 человекъ экипажу, но за командировками и болѣзнями, на лицо этого числа не состоятъ; да изъ наличныхъ до четырехъ тысячъ новобранцевъ, которые по краткости ихъ службы и оттого «что на морѣ въ дальнихъ практикахъ не бывали» за добрыхъ матросовъ нельзя и считать. Вотъ почему, продолжалъ адмиралъ, надо обратиться къ петровскимъ мѣрамъ: переимено-

вать въ матросы нѣсколько армейскихъ полковъ, въ полномъ ихъ составѣ. Подобными мѣрами флотъ всегда поддерживался въ хорошемъ состояніи, но изъ сего *добраго экипажа* большая часть *безвинно пропала* въ донской и днѣпровской экспедиціяхъ 1736 — 1739 годовъ ⁵⁾; теперь же для *наисильнѣйшихъ* дѣйствъ прежде всего надо обратить вниманіе на флотъ. Вотъ почему я нахожу нужнымъ, продолжалъ Головинъ, армейскіе полки гакинской, дербентской, дагестанской и сальянской обратить въ матросовъ. Сенатъ, принявъ въ расчетъ, что эти полки *сочинены* въ 1720 году только для *завоеванныхъ* персидскихъ провинцій, земли же эти уступлены Анной Ивановной, а содержаніе *сочиненныхъ* полковъ было производимо отъ штатсъ-конторопы *съ великими недостатками*, утвердилъ представленіе адмирала.

Кромѣ этого распоряженія относительно флота сдѣланы были и другія: адмиралтейство получало на расходы свои съ 1725 года по 1,400,000 рублей, а съ 1732 года по 1,200,000 рублей. Деньги эти собирались въ губерніяхъ изъ таможенныхъ, кабацкихъ и разныхъ канцелярскихъ сборовъ. Но полученіе ихъ сопряжено было съ не малыми затрудненіями: деньги поступали въ три разныя вѣдомства, отсюда высылались въ адмиралтейство, которое до полного сбора суммы не могло употреблять денегъ въ расходъ. Съ цѣлью устранить эти затрудненія и уничтожить постоянныя *недосылки*, приказано было (февраля 7-го) получать деньги по третямъ прямо изъ губерній.

Производство флотскихъ офицеровъ было усилено (апрѣля 2-го), причемъ и впредь, по указу, должны были производить *по старшинству и достоинству* въ очередь. Поэтому случаю правительство прямо объявляло свое намѣреніе: «*вооружить флотъ, какъ можно скорѣе; дабы тотчасъ, по вскрытіи льда, ничего не мышкаявъ, отправить корабли въ море*». Но для построекъ въ адмиралтействѣ и Кронштадтѣ правительство не находило нужныхъ рабочихъ. Не однократно повелѣвалось изъ приходящихъ въ Петербургъ *на партикулярныя работы* отослать 11,333 работника на кронштадтскія доки, по опредѣленному къ нимъ *инженеръ-майоръ-мина* Румянцевъ доносилъ (мая 23-го), что являются на работу не

многіе, да и изъ нихъ *пригоняемые силою* работники оказываются вовсе не знающими того дѣла, къ которому ихъ назначали, годные же дѣлаютъ не много; плата де казенная, четыре рубля пятьдесятъ копеекъ въ мѣсяць, скудна; работать не-изъ-чего. Отъ такого порядка вещей, писалъ разсудительный *инженеръ-маіоръ-мина*, слѣдуетъ *народное отягощеніе, безъ всякаго плода.*

Сенатъ, вслѣдствіе предложенія Румянцова, приказалъ работниковъ *силою не держать*, нанимать не за казенную плату, а *добровольнымъ договоромъ* за хорошее содержаніе, дабы, смотря на то, вольные мастера охотно шли на заработки; при томъ объявить, какъ въ Петербургѣ, такъ и въ губерніяхъ, чтобы работники, не опасаясь *принужденныхъ поступковъ*, шли и нанимались добровольно; по сомнѣваясь, что бы мѣра эта сразу привлекла потребное число людей, сенатъ приказалъ собрать работниковъ, находящихся въ столицѣ, и прямо имъ объявить, по прочтеніи указа, «что кромѣ Кронштадта они нигдѣ работы не сыщутъ»⁶⁾.

Не смотря на не послѣдовательность и спутанность распоряженій, работы подвигались довольно скоро и Елисавета съ своимъ дворомъ не разъ присутствовала на спускахъ новыхъ галеръ и кораблей. Такъ: 28-го апрѣля спущено восемь галеръ, 3-го мая четыре, 4-го мая заложенъ шестидесяти пушечный корабль, 10-го мая спущены двѣ галеры и т. д. ⁷⁾.

По военно-сухопутному вѣдомству вышло также нѣсколько распоряженій: полки сдвигались съ разныхъ городовъ къ театру войны ⁸⁾; подтверждено было (апрѣля 5-го) непремѣнно содержать при каждомъ полку по двѣ пушки въ добромъ порядкѣ; никому не покупать, подъ жестокимъ штрафомъ, у драгунъ, солдатъ и прочихъ служивыхъ людей ружей, аммуничныхъ вещей, мундировъ, кромѣ развѣ *заслуженнаго* (апрѣля 11-го). Ради большой потребности въ сукнахъ, дозволено было на годъ русскимъ фабрикантамъ выдѣлывать ихъ не по иностраннымъ образцамъ, а по своимъ. При томъ *кафтаны* солдатамъ армейскимъ и гарнизоннымъ вмѣсто красныхъ и зеленыхъ дѣлать синіе (мая 21-го). Отступая такимъ образомъ иногда отъ петровскихъ указовъ,

правительство, вопреки имъ, дозволило не нанимать ямскихъ подводъ подъ полковую казну, а брать ихъ неволею (апрѣля 19-го). Самымъ важнѣйшимъ распоряженіемъ, по поводу кампаніи былъ новый рекрутскій наборъ. Въ силу именнаго указа (Февраля 11-го) положено было собрать рекрутчину со всего государства, «не чиня никакихъ зачетовъ, дабы всѣ вѣрноподанные равную тягость несли» ⁹⁾. Съ купечества, крестьянъ дворцовыхъ, ясашныхъ, черносшныхъ, сводальныхъ, архіерейскихъ, монастырскихъ, церковныхъ, приписныхъ къ частнымъ заводамъ, иновѣрцовъ и разночинцовъ, съ трехъ сотъ тридцати душъ требовался одинъ человѣкъ; съ крестьянъ же помѣщичьихъ, приписныхъ къ госпиталямъ, адмиралтейству, артиллеріи и къ казеннымъ заводамъ — взять съ двухъ сотъ двадцати душъ человѣка, *для уравненія*, такъ какъ въ прошлогоднемъ наборѣ они облегчены были.

При наборѣ, между прочимъ, должно было наблюдать слѣдующее :

«Сбирать крѣпкихъ, здоровыхъ, отъ двадцати до тридцати пяти лѣтъ, ростомъ не меньше двухъ аршинъ четырехъ вершковъ. Требовать поставки рекрутъ въ два мѣсяца съ объявленія указа, въ противномъ случаѣ, у дворянъ брать лучшихъ дворовыхъ людей; а купцовъ, управляющихъ и приказчиковъ *ставить самихъ въ рекруты*, либо дѣтей ихъ, буде годны.

Буде представятъ таковыхъ, которые въ прежнихъ наборахъ, отбывая отъ службы, пальцы и другіе члены себѣ повредили, а на службу какъ лѣтами, такъ и ростомъ явятся годны и тѣхъ *принимать*. А кто нынѣ такое воровство учинитъ, тѣхъ (вмѣсто кнута, дабы не попортить) *бить плетью* и опредѣлять въ погонщики. Уязвившихъ же себя такъ, что не только въ службу, но и въ крестьянской работѣ будутъ не годны, такихъ *бить кнутомъ, вырвать ноздри* и ссылать *въ каторжную работу*.

Если кто продаетъ въ рекруты чужаго человѣка, тѣхъ *бить плетью, ссылать въ Оренбургъ солдатами*, а негодныхъ къ службѣ *пороть кнутомъ и отправлять въ Охотскъ*. Отдавшего въ рекруты бѣглаго солдата, равно и самого солдата,

поступившаго въ рекруты, *бить кнутомъ и отдавать на десять мѣтъ въ работу на фабрики, либо на работу же въ монастыри.* Кто продастъ двухъ и трехъ бѣглыхъ солдатъ, либо перепродать одного и того же два-три раза — надъ тѣмъ чинить наказаніе безъ всякой пощады, *при публикѣ, и вырѣзавъ ноздри, ссылатъ вѣчно въ каторжную работу.* Людей, знавшихъ о той куплѣ и поставкѣ и не донесшихъ *бить,* по выше писанному, *кнутомъ, рвать ноздри и ссылатъ на житье въ Оренбургъ.*

Такъ какъ нѣкоторые, малолѣтки помѣщики, подобныя продажи чинятъ, почему накрѣпко подтверждается у нихъ не только чужихъ, но и собственныхъ ихъ людей не покупать. Въ противномъ случаѣ и покупателей, и продавцевъ *бить кошками и писать въ матросы* ¹⁰⁾.

Пріемщикамъ взятокъ, подарковъ, ниже харчевыхъ запасовъ отнюдь не брать, подъ жестокимъ штрафомъ, и въ вымыслахъ того не домогаться, а принимать рекрутъ безволочно. Погрѣшившихъ же въ этомъ, кто коснется хоть одной копейки, и тѣхъ *бить кнутомъ нещадно и ссылатъ на вѣкъ въ каторгу.*

Кормить и содержать рекрутъ такъ, чтобъ они *безрелинно* не помирали. Къ набору опредѣлить добрыхъ и совѣстныхъ отставныхъ штабъ и оберъ-офицеровъ и дворянъ, а за ними имѣть прилежное смотрѣніе губернаторамъ и воеводамъ. Въ два мѣсяца полки должны быть укомплектованы рекрутами, подъ опасеніемъ *тягчайшаго тѣла* государыни, т. е., *жестокаго истязанія*.

Страшной грозой для крѣпостной Россіи являлся подобный указъ. Его читали каждое воскресенье по городамъ, селамъ, деревнямъ въ церквахъ, на торгахъ и ярмаркахъ. Правительство боялось, чтобы кто-нибудь не отговорился *невѣдѣніемъ* указа. Страхъ былъ напрасенъ: кнутъ, плеть, кошки, каторжная работа, ссылка на поселеніе, тягчайшій гнѣвъ, т. е., нещадныя истязанія — все это не были пустыми словами, ихъ вносили въ указы не по старой привычкѣ, ихъ приводили въ исполненіе..... На бумагѣ оставалось только безъ выполненія: *успѣханія* не брать взятокъ. Совѣстливые пріемщики не страшались плети и кнута, ихъ

прикрывали воеводы и губернаторы, а тѣ, въ свой чередъ, имѣли милостивцевъ въ столицѣ. Не откуда явиться было въ ту невѣжественную эпоху совѣстливымъ и добрымъ приемищамъ: они не могли явиться изъ подъ плети и кнута, какъ не сдѣлала въ свое время честнымъ человѣкомъ свѣтлѣйшаго князя Меньшикова, тяжелая дубина великаго Петра.

Такимъ образомъ войнѣ вѣгшней предшествовала борьба внутренняя: въ послѣдней побѣдителями были приемищники съ ихъ помощниками, побѣжденнымъ былъ — *подоушой* людъ, обложенный рекрутчиной. Разница между тою и другою войнамъ была — *коммерція*. Съ началомъ шведской кампаніи вся коммерція пресѣкалась, съ открытіемъ рекрутскаго набора начиналась самая дѣятельная продажа, покупка и перекупка людей. Человѣкъ стоилъ сто рублей, сумма большая по тому времени, и для приобрѣтенія ея, какъ мы видѣли изъ указа, было много *воровскихъ хитростей*.

А наборъ обхватилъ не одну Русь, онъ распространился и на побѣжденную Финляндію. Рекруты отсюда, по представленію Ласси (марта 16-го), поступали въ матросы; во флотъ брали также людей и съ купеческихъ судовъ. Впрочемъ тѣ и другіе, по окончаніи войны, буде не захотятъ продолжать службы (Ласси въ томъ сомнѣвался) могутъ возвратиться домой «дабы чрезъ то лучшею охоту къ службѣ во флотѣ придать».

Не смотря на дѣятельныя приготовленія, все было готово не ранѣе 2-го мая. Генералу Кейту, бывшему въ Або, приказано было начать дѣйствія съ галерами, зимовавшими въ финляндскихъ портахъ, фельдмаршалу Ласси съ десантнымъ войскомъ на галерахъ слѣдовать изъ Петербурга къ Або, для соединенія съ Кейтомъ, корабельному флоту, изъ Кронштадта и Ревеля, прикрывать галеры; бѣломорской эскадрѣ не медля слѣдовать въ Балтійское море, для совокупныхъ дѣйствій.

Въ Кронштадтѣ приготовлено было десять кораблей (отъ шестидесяти шести до ста пушекъ), два брандера (по шести пушекъ), одно бомбардирское судно (десять пушекъ). Въ Ревелѣ находилось семь кораблей (отъ пятидесяти до шестидесяти шести пушекъ), одинъ фрегатъ (тридцати-двухъ-

пушечный), одно бомбардирское судно (десяти - пушечное). Въ Гельсннгфорсѣ одинъ фрегатъ (тридцати-двухъ пушечный), одна бомбарда (шести-пушечная), два прама (тридцать шесть пушекъ). Въ Колѣ и Архангельскѣ готовились шесть кораблей отъ (пятидесяти четырехъ до шестидесяти пушекъ), три фрегата (тридцати-двухъ пушечные).

Мишуковъ, такъ несчастливо стоявшій на якорѣ въ прошломъ году, теперь былъ сдѣланъ командиромъ кронштадтскаго порта, а начальство надъ всѣмъ флотомъ поручено президенту адмиралтействъ коллегіи, графу Николаю Ѳеодоровичу Головину. Еще въ прошломъ году, недовольный медлительностью Мишукова, Головинъ вызывался принять команду надъ флотомъ; получивъ ее, онъ писалъ начальникамъ ревельской и бѣломорской эскадръ «всеусердно желаю.... благополучнаго успѣха и счастья, и лучшей чести, а не безчестія, *не такъ какъ въ прошедшей кампаніи было*, дабы какъ флоту российскому, такъ и себѣ славу доставить могли».

17-го апрѣля ревельская эскадра, подъ начальствомъ контръ-адмирала Баржу, выступила въ походъ, но не ранѣе, какъ 1-го мая приблизилась къ Гапгэуду, гдѣ уже былъ генераль-лейтенантъ Хрущовъ съ галерами изъ финляндскихъ портовъ. Взявъ отъ эскадры прама, генераль, по инструкціи Кейта, пошелъ къ Оландскимъ островамъ; между тѣмъ Баржъ до 16-го мая крейсировалъ между Оденсгольмомъ и Гапгэудомъ, исправляя поврежденія кораблей, наливаясь у Наргэна водой и занимаясь раздачей жалованья, присланнаго предъ самымъ отъѣздомъ, жалованья еще за сентябрьскую треть *прошлаго* года.

2-го мая, какъ мы сказали, кронштадтскій флотъ былъ готовъ къ выступленію. На рейдѣ стояло восемь кораблей линейныхъ, одинъ бомбардирскій, два брандера и мелкія посылочныя суда. Галерный флотъ состоялъ изъ тридцати четырехъ галеръ и шестидесяти восьми канчбасовъ; на эти суда посажено было девять пѣхотныхъ полковъ, восемь гренадерскихъ ротъ и двѣсти казаковъ. Втеченіе двухъ недѣль *нарузка* судовъ производилась у галерной пристани. 3-го мая вся флотилія остановилась предъ зимнимъ домомъ

императрицы. Въ среднѣ, украшенная флагами и вымпелами, стояла галера Ласси, за нею по чинамъ, галеры остальныхъ генераловъ. Государыня изъ адмиралтейства отправилась на галеру главнокомандующаго, слушала въ его каютѣ молебень; «для добраго начинанія дѣла», повѣсила на шею Ласси крестъ, наполненный частицами мощей. При пушечной пальбѣ государыня допустила къ рукѣ генералитетъ, штабъ и оберъ офицеровъ, наконецъ подарила фельдмаршалу бриллиантовый перстень. При отъѣздѣ ея въ адмиралтейство гремѣли выстрѣлы, раздавались усердные клики: *виватъ, троекратно* ¹¹⁾.

Шестнадцать лѣтъ, со времени Екатерины I-й, царская фамилія не посѣщала Кронштадта. Елисавета изъявила желаніе посѣтить кронштадтскій флотъ. Церемоніаль ея приѣма былъ предметомъ многихъ споровъ и совѣщаній. Начальные люди толковали о томъ, въ какое время опустить и поднять флаги и вымпела, когда начать пальбу и проч. Рѣшивши этотъ важный вопросъ тѣмъ, чтобы стрѣлять со всѣхъ судовъ и крѣпости вдругъ, когда императрица выйдетъ на берегъ, положили за непремѣнное кричать семь разъ *виватъ, а не ура*.

7-го мая, съ самого утра, сенаторы, свѣтскіе и духовные сановники, наследникъ престола посѣтили флотъ, къ которому подъѣхала наконецъ на великолѣпной шлюпкѣ сама императрица. Вѣрноподданнческія радостныя чувства всѣ чины изъявляли по апробованному церемоніалу. Послѣ торжественнаго обѣда въ городѣ, государыня вновь пріѣхала на адмиральскій корабль св. Петръ ¹²⁾, роздала нижнимъ чинамъ по рублю денегъ, приказавъ выступить въ море съ первымъ попутнымъ вѣтромъ.

Рано по утру, 8-го мая, тронулись въ походъ галеры, 9-го мая снялись корабли. Въ указѣ, данномъ Головину (апрѣля 24-го) сказано: «если непріятельскій флотъ заступитъ дорогу нашему галерному флоту у Гангэудда, то стараться въ бой вступить, и онаго отъ Гангута отбить, и учинить галерамъ свободный проходъ. Затѣмъ, идти къ Лемеланду, отправить галеры на шведскую сторону, подъ прикрытіемъ кораблей и ежели нужда востребуетъ атаковать

непріятеля, не только съ превосходящею надъ непріятелемъ силою, въ числѣ судовъ и пушекъ, но и съ равною противъ онаю. А что надлежитъ до осторожности отъ непріятеля и послыки крейсеровъ для присматриванія движенія его, а паче, чтобы непріятель не могъ учинить нападенія на наши эстляндскіе, лифляндскіе и прочіе берега, въ томъ поступать адмиралу, какъ надлежитъ вѣрному и искусному морскому главному командиру, причемъ имѣть о всемъ консиліи съ фельдмаршаломъ Ласси, флагманами и командирами кораблей ¹³⁾».

13-го мая галеры Ласси, послѣ долгой борьбы съ противными вѣтрами, пришли въ Фридрихсгамъ, гдѣ былъ учрежденъ магазинъ военныхъ снарядовъ и припасовъ. Ласси сдалъ въ госпитали больныхъ, пополнилъ экипажъ гарнизонными солдатами, хотѣлъ выдти въ море, но противный вѣтеръ задержалъ его. Между тѣмъ, пришла вѣсть, что генералъ Кейтъ въ виду непріятеля, и Ласси, какъ ни торопился, подошелъ къ Гельсингфорсу только 23-го мая. Проходъ между Гельсингфорсомъ и Фридрихсгамомъ былъ чрезвычайно тѣсенъ, между рядами скалъ. Галеры должны были проходить одна за другою, идти съ крайнею осторожностью, дабы не сѣсть на мель. Стоило затопить здѣсь нѣсколько старыхъ суденъ и русскіе, говоритъ Манштейнъ, долго бы провозились, разчищая себѣ проходъ. Но шведы упустили это изъ виду.

Въ Гельсингфорсѣ, городкѣ въ то время ничтожномъ, Ласси запасся необходимыми припасами, людьми и получилъ отъ Кейта слѣдующее донесеніе ¹⁴⁾:

«15-го мая я подошелъ къ кпркѣ Корпо съ 16-ю (по другимъ извѣстіямъ 21-й) галерами и двумя бомбардирными прамами. Непріятель ушелъ въ море верстъ на двадцать, получилъ подкрѣпленіе, а 18-го числа вечеромъ, пользуясь благоприятнымъ для него, и не благоприятнымъ для меня вѣтромъ двинулся къ намъ. Я приказалъ прамамъ занять мѣста въ проходѣ, галерамъ стать назадъ, а подполковнику, съ командою изъ трехъ сотъ человекъ, устроить на берегу батарею изъ восьми осьми фунтовыхъ орудій, расположивъ такимъ образомъ, чтобы обстрѣливать все пространство

предъ нашими судами. Пока шли работы, шведы стояли на якорѣ въ нѣсколькихъ верстахъ. Съ разсвѣтомъ 19-го мая на чистомъ плессѣ, въ близкомъ разстояніи сталъ непріятельскій флотъ: вице-адмиральское судно и правое крыло расположились за островомъ; вся эскадра—двадцать галеръ и одна большая прама выстроились въ боевой порядокъ противъ устья рѣки Корпо. Шведы первые открыли каннонаду, она не умолкала втеченіе трехъ часовъ. Наши галеры не могли, за неимѣнемъ мѣста, отстрѣливаться, такъ что отвѣчали двѣ прамы и береговая батарея. Выпущено было 1474 выстрѣловъ, притомъ столь удачныхъ, что шведскій флотъ, не смотря на свое превосходство, долженъ былъ отступить, не только безъ всякаго *авантажа*, но и съ немалыми поврежденіями: особенно потерпѣли большой уронъ двѣ ихъ галеры и большой прамъ Геркулесъ. Вся эскадра шведская отступила столь поспѣшно, что даже обрубилa канаты у нѣсколькихъ якорей. Мы потеряли тридцать человекъ раненыхъ и убитыхъ. Нашему успѣху, заключалъ Кейтъ, не мало способствовала выгодная къ защитѣ позиція. Особенно отличились въ дѣлѣ кондуктъ и храбрые командиры двухъ прамъ: поручики Прончищевъ и Соймоновъ, также и весь экипажъ дѣйствовалъ, какъ нельзя лучше. Я не медля иду вслѣдъ за непріателемъ къ Аланду и буду ждать присоединенія генералъ-фельдмаршала».

Генералъ-фельдмаршалъ отиѣлъ по случаю этой побѣды молебень въ Гельсингфорсѣ и вышелъ въ море. 26-го мая онъ прибылъ въ Твереминне, и здѣсь узналъ, что у Гангэудскаго мыса стоитъ шведскій корабельный флотъ.

Двадцать девять лѣтъ тому назадъ, въ іюлѣ 1714 года, на этомъ же мѣстѣ, въ такихъ же обстоятельствахъ, былъ галерный флотъ, подъ начальствомъ адмирала Апраксина. Но подъ команду Апраксина былъ знаменитый шаутбенахтъ Петръ Михайловъ (государь); онъ предложилъ переташить галеры черезъ мысъ (1170 сажень), а когда этотъ замыселъ не удался, рѣшился пробиться сквозь непріателя: пробился, и 27-го числа одержалъ побѣду надъ шведскимъ флотомъ. Подвигъ былъ отчаянный, но вынужденный, ибо для отвлеченія непріателя отъ Гангэудда корабельнымъ фло-

томъ не было средствъ, надежныхъ кораблей было только два, а прочіе, купленные, не ходки, и ежелибъ придти близко, писалъ государь въ журналъ своемъ, то трудная была-бъ ретрада, а ежели появиться бъ издали, то только былъ смѣхъ непріятелю».

Теперь былъ у насъ довольно сильный корабельный флотъ, и фельдмаршалъ рѣшился дожидать Головина. Адмиралъ 15-го мая соединился у Наргэна съ крейсировавшей здѣсь ревелской эскадрой. Бросивъ якорь, Головинъ занялся поправкой нѣкоторыхъ судовъ, повредившихся въ походѣ, сдачей припасовъ и командъ, привезенныхъ для ревелской эскадры. 21-го мая флотъ вступилъ подъ паруса, опредѣливъ по консилиуму крейсировать между Рогервикомъ и Гангэудомъ, а на другой день, 22-го числа, узнавъ, что шведскій флотъ занялъ позицію у Гангэудда, положено идти туда со всѣми силами, давъ знать Ласси: «дабы въ Гангутѣ, какъ съ моря корабельнымъ флотомъ, тако жъ съ другой стороны, буде случай допустить, съ галерами, вящій поискъ надъ непріателемъ учинить, и оттуда онаго отбить. А въ Твереминне, писалъ Головинъ фельдмаршалу, для консилиума быть не удобно: ни цѣлому флоту, за трудностью форватера, ни адмиралу, за невозможностью отлучиться».

24-го мая крейсера донесли, что непріатель стоитъ на форватерѣ въ числѣ тринадцати кораблей, двухъ бомбардирскихъ суденъ, одного гальота, двухъ мелкихъ и одного фрегата. Противъ этого мы имѣли пятнадцать кораблей, два фрегата, два бомбардирскихъ суденъ, два брандера и три посыльныхъ.

Созванъ консилиумъ, Головинъ предложилъ атаку, говоря, что «гдѣ непріатель лежитъ, тутъ и намъ лежать можно.» Но, по большинству голосовъ, согласно военному уставу, рѣшили остаться подъ парусами, вблизи Гангэудда и послать донесеніе къ фельдмаршалу. Адмиралъ Головинъ протестовалъ это рѣшеніе консилиума, и въ оправданіе себя, передъ современниками и потомствомъ записалъ въ протоколѣ слѣдующее: «Непріатель можетъ усилиться, либо вовсе отъ насъ уйти; для того, чтобъ неучиненіемъ поиска, и упущеніемъ нынѣ способнаго случая, мнѣ, яко главному командиру, не

причтено было въ нерадѣніе и къ слабому поступку: ибо по слѣдствію генеральнаго регламента, вижу себя принужденнымъ нынѣ, съ большею частію голосовъ, съ немалымъ сожалѣніемъ, быть согласену. Что же нѣкоторые изволили объявить, что оное надъ непріятелемъ дѣйство не малому газарду подлежитъ, а понеже никогда безъ газардированія военныхъ дѣйствій не бываетъ, того ради, при атакѣ газарду съ обѣихъ сторонъ миновать не возможно».

26-го мая, какъ уже извѣстно, галерной флотъ прибылъ въ Твереминне. 27-го числа Ласси предписалъ Головину прибыть туда съ флотомъ; но жестокій штормъ, перемѣнные вѣтры и туманы позволили адмиралу приблизиться къ галерамъ, мили на три, не ранѣе 2-го іюня.

4-го іюня новый ордеръ фельдмаршала предписывалъ атаковать. Но въ копіи съ высочайшаго указа (отъ 28-го мая) на консиліумѣ у Головина прочитали: «буде случится хотя и для знатнаго надъ непріятелемъ поиска газардовать, въ томъ, при нынѣшнихъ, близкихъ къ миру обстоятельствахъ, до времени удержаться». Атаки же не могло быть безъ газарду, почему консиліумъ и положилъ приблизиться къ непріятелю на одну и три четверти мили, и быть въ оборонительномъ положеніи.

Послѣ безвредной перестрѣлки 8-го іюня, шведскій флотъ потянулся назадъ, очистивъ фарватеръ, а наши корабли ушли къ Рогервику, не преслѣдуя шведовъ, на томъ основаніи, что наша цѣль — пропускъ галернаго флота — была достигнута, а главное указомъ 28-го мая приказано не газардовать.

Головинъ хорошо предугадалъ, что его обвинять въ слабости и угодливости консиліуму; уже тогда, въ самомъ флотѣ, осуждали его нерѣшительность и Манштейнъ рассказываетъ слѣдующую басню, важную для насъ, какъ слухъ, молва современниковъ, не знавшихъ дѣла вполнѣ. «Фельдмаршалъ посылалъ приказъ за приказомъ, атаковать непріятеля, но адмиралъ каждый день находилъ новыя отговорки, чтобъ миновать сраженія. Наконецъ сослался на морской регламентъ Петра I, въ которомъ предписано, чтобы русскій флотъ шведскому не давалъ баталіи, если не будетъ трехъ нашихъ

кораблей противъ двухъ непріятельскихъ. А какъ Головинъ имѣлъ семнадцать противъ двѣнадцати, то недоставало ему одного корабля въ число предписанное ¹⁵⁾».

Отговариваясь, на основаніи консиліума, отъ возможности идти къ Лемеланду (подлѣ Оланда), какъ то предписывала инструкція, Головинъ писалъ, что тамъ множество подводныхъ камней, путь кораблямъ не безопасенъ, требовалъ отъ Ласси новаго распоряженія, а между тѣмъ, 10-го іюля, флотъ изъ Рогервика перешелъ къ Ревелю.

Между тѣмъ флотилія Ласси у Тверминне усилилась четырнадцатью галерами, восемнадцатью канчебасами и пятью полками экипажа, прошла Гангзудъ и 12-го іюня у Сатунга соединилась съ Кейтомъ. Отсюда пошелъ къ Оландскимъ островамъ; не встрѣчая непріятеля готовились двинуться къ шведскимъ берегамъ, какъ 17-го іюня получено извѣстіе о подписаніи мирныхъ статей въ Або ¹⁶⁾. Давно желанная вѣсть остановила походъ и наши галеры простояли до половины августа у Оландскихъ острововъ, готовые вспомоществовать шведскому правительству, нынѣ уже союзному Россіи.

Уполномоченные обѣихъ сторонъ въ Або съ нетерпѣніемъ ждали вѣстей о побѣдѣ; она должна была дать иной оборотъ дѣлу. Островъ Корпо отстоитъ отъ Або въ пятидесяти верстахъ; почти каждый выстрѣлъ трехъ-часоваго боя генерала Кейта слышанъ былъ на мѣстѣ конгресса. Уполномоченные съ большимъ безпокойствомъ ждали вѣстей, а Кейтъ двадцать четыре часа оставилъ ихъ въ невѣдѣніи. Шведы, не думая, чтобъ русскій генералъ сталъ мѣшкать извѣстіемъ объ успѣхѣ, стали торжествовать побѣду, но адъютантъ генерала разочоровалъ ихъ ¹⁷⁾.

Тогда шведскіе министры поснѣшили объявить, что, изъ уваженія къ ходатайству русской императрицы, они изберутъ наслѣдникомъ шведскаго престола герцога голштинскаго, еинскопа любскаго, Адольфа Фридриха, впрочемъ не иначе, если согласіе на миръ послѣдуетъ до 22-го іюня; въ противномъ случаѣ будетъ объявленъ преемникомъ шведской короны датскій король, и Швеція соединится съ Даніей противъ Россіи. Нѣкоторые писатели не безъ основанія думаютъ, что

это обстоятельство ускорило заключеніе мира и побудило петербургскій дворъ сдѣлать нѣкоторыя уступки.

Главнѣйшее содержаніе *увѣрительнаго акта*, такъ былъ названъ договоръ, подписанный министрами 16-го іюня, состоялъ въ слѣдующемъ :

1) Установлялись, какъ это водится искони вѣковъ, до новой брани вѣчный миръ и совершенная дружба. *Непріятельство* съ обѣихъ сторонъ пресѣкалось.

2) *Въ разсужденіи рекомендаціи* русской государыни шведскіе чины сколь возможно скорѣе декларируютъ наследникомъ престола принца Адольфа. Швеція отдаетъ Россіи провинцію Кюменгорскую съ рукавами и устьями рѣки Кюменп, также въ вѣчное владѣніе уступить (sub speгат) крѣпость Нейшлотъ.

3) Взамѣнъ русское правительство очищаетъ шведо-финляндскія провинціи, *кунно съ принадлежностями*. Наслѣдникъ русскаго престола за себя и свое потомство отрывается отъ правъ на шведскую корону; если же Швеція будетъ *обезпокоена*, за избраніе принца Адольфа, то Россія употребитъ *пристойныя мѣры* то безпокойство отвратить.

4) По подписаніи сего утвердительнаго акта, должно потрудиться о заключеніи формальнаго мирнаго трактата, на основаніи Нейштатскаго, причемъ въ точности опредѣлить шведо-русскую новую границу и рѣшить другіе артикулы, не приличные нынѣшнимъ обстоятельствамъ ¹⁸⁾.

Въ день заключенія мира наше правительство, не зная еще о немъ, стражайше подтвердило не пропускать въ Россію шведскихъ подданныхъ. Ближайшимъ поводомъ къ сему указу былъ камергеръ стокгольмскаго двора Норденфлятъ, съ паспортомъ рудокопнаго мастера, пробравшійся въ Петербургъ ради политическихъ какихъ-то видовъ. Вообще правительство нѣсколько дней находилось въ невѣдѣніи о подписаніи увѣрительнаго акта, вѣроятно потому, что курьеры того времени, какъ рассказываетъ Даниловъ, по обычаю ѣздили верхомъ, какое бы разстояніе не было, хоть изъ одного конца Россіи въ другой. «Считали верховую ѣзду за солдатскую исправку и крѣпость, и въ томъ было молодечество, чтобы скабать день и ночь, сутокъ десять не спавши ¹⁹⁾.....»

Какъ бы то ни было, но только 3-го іюля Петербургъ узналъ о мирѣ. Объявленіе его сопровождалось слѣдующей церемоніей:

Въ восемь часовъ утра, залпъ пзъ тридцати одного орудія возвѣстилъ о началѣ торжества. Съ этимъ сигналомъ казанская церковь Пресвятой Богородицы наполнилась именитымъ духовенствомъ, сенаторами, генералитетомъ, придворными дамами и кавалерами въ богатомъ платьѣ. Гвардія и армія въ парадѣ вытянули полки на площади. По прибытіи въ церковь государыни съ наслѣдникомъ и свитою, оберъ-секретарь сената Севергинъ прочелъ:

«Яко всещедрый Богъ, по благополучномъ ея величества «на природный свой престолъ вступленіи, на сіе законное го-
«сударствованіе изобильныя благословеніи свои явственнѣй-
«шими оказательствами во всѣхъ дѣлахъ, а особливо счастли-
«выми прошедшей войны прогрессами, пріять не оставилъ;
«такъ и нынѣ еще новый знакъ божескаго своего милосер-
«дія намъ даровать благоволилъ, когда сія война благополуч-
«но заключеннымъ, полезнымъ миромъ, къ приращенію высо-
«чайшей славы ея величества, и благополучію ея имперіи и
«всѣхъ вѣрныхъ подданныхъ счастливо окончена ²⁰)....»

Пріятная вѣдомость получена чрезъ адъютанта и капита-
тана Румянцова. Онъ повѣстилъ, что стокгольмскій дворъ
утвердилъ 28-го іюня, статьи увѣрительнаго акта, а за пять
дней до сего принцъ Адольфъ торжественно объявленъ на-
слѣдникомъ шведскаго престола. «Это избраніе, читалъ Се-
«вергинъ, нетокмо къ не малой славѣ ея величества, но и къ
«дѣйствительной пользѣ россійской имперіи касаться и до-
«вольно твердымъ впредъ удостовѣреніемъ быть имѣеть, что
«онъ наслѣдникъ, вступя на шведскій престолъ, по столь
«ближнему свойству и всѣмъ другимъ причинамъ, ни о чемъ
«болѣе, какъ о содержаніи съ Россією истинной и ненаруши-
«мой сосѣдственной дружбы стараніе свое простирать будетъ;
«слѣдовательно отъ стороны сего сосѣдства на предбудущія
«времена въ совершенной и въ довольно утвержденной тиши-
«нѣ и безопасности пребывать, и всякаго отъ онаго добро-
«желательства и пріязни надежно ожидать можно.» И о такой
благопріятной вѣдомости, о счастливомъ, почнтай безъ кро-

вопролитія полученномъ мирѣ, объявляется всенародно, съ тѣмъ, чтобы со смиреннымъ сердцемъ возблагодарили Господа за его благость и принесли усердныя моленія, дабы и впредь Господь свои неотмѣнныя благословенія милостиво продолжать благоволилъ надъ ея величествомъ и ея государствомъ.»

За чтеніемъ Севергина слѣдовала проповѣдь епископа псковскаго Стефана ²¹⁾. Поздравленія государыни и великаго князя, молебень, молитва съ колѣнопреклоненіемъ, троекратный залпъ изъ ста-одного орудія, бѣглый ружейный огонь — все это, по обычаю, служило выраженіемъ всерадостныхъ чувствъ благодарности.

Во дворцѣ государыню и ея многочисленный дворъ ждалъ церемоніальный обѣдъ, а капитана Румянцова производство въ полковника ²²⁾. Съ наступленіемъ сумерекъ въ аллеяхъ Лѣтняго сада всѣ вмѣстѣ съ императрицей «веселились до полуночи, при — игранный и спѣванной италіянскою, преизрядной музыки».

Колокола гудѣли цѣлый день, толпы народа бѣжали за кортежомъ конной гвардіи. Въ главѣ его, съ лавровою вѣтвію бѣжалъ генераль-маіоръ Гамфъ, за нимъ хоръ литавричиковъ и трубачей, далѣе рейтары съ бѣлыми знаменами, бѣлыми, черезъ плечо, перевязами и лавровыми вѣтвями. На главнѣйшихъ перекресткахъ, въ литейной, адмиралтейской и васильевской частяхъ поѣздъ останавливался и секретарь Замятинъ громогласно читалъ объявленіе о мирѣ ²³⁾.

Въ то время, когда Петербургъ ликовалъ, а злобствовала одна Безстужевъ-Рюминъ, придворною штригою удаленный отъ участія въ заключеніи мира ²⁴⁾, Швеція была въ критическомъ положеніи. Вопросъ о наслѣдникѣ короны волновалъ умы; цѣлая область Далекарлійская возстала, требуя избранія датскаго короля. Послѣ многихъ неистовствъ и грабежей, инсургенты приблизились къ столицѣ и вынудили у старика короля обѣщаніе рѣшить дѣло къ 21-му іюню. Король ждалъ результата абовскихъ переговоровъ. 16-го іюня увѣрительный актъ былъ подписанъ, и подполковникъ фонъ-Лингенъ взялъ на себя трудное дѣло, доставить его сколько возможно скорѣе въ Стокгольмъ. Избравъ для этого крат-

чайшій путь, Фонъ-Лингенъ прибылъ на Аландскіе острова. Тамъ онъ нашелъ дома, оставленные жителями: они скрылись въ лѣсахъ. Лингенъ пѣшкомъ прошелъ нѣсколько миль вдоль береговъ, наконецъ встрѣтилъ старика, а у него нашелъ ветхую лодочку. Выбирать было не-изъ-чего. Подполковникъ съ служителемъ и старикомъ усѣлись въ нее и смѣло пустились въ море. Двое гребли, третій безпрестанно вычерпывалъ воду, она обильно сочилась сквозь скважины и разчеплны. Шляпа не успѣвала отливать, Лингенъ сталъ бѣльемъ своимъ затыкать дырки. Наконецъ, поздно вечеромъ, 20-го іюня — храбрый гонецъ вышелъ на шведской берегъ, а на другой день Стокгольмъ узналъ о заключеніи мира ²⁵).

Приѣздъ Лингена измѣнилъ многое, а прежде всего далъ королю возможность приступить къ рѣшительнымъ мѣрамъ: 22-го числа онъ объявилъ инсургентамъ, что если кто не положитъ оружія къ пяти часамъ вечера, тотъ будетъ наказанъ по законамъ. Далекарліицы не сдавались, но первый залпъ королевскихъ войскъ, высаженныхъ съ прибывшихъ кораблей, положилъ на мѣстѣ до пятидесяти инсургентовъ, остальные сдались и были немедленно разсажены по тюрьмамъ, за недостаткомъ мѣста на дворы казенныхъ зданій, на кладбище и проч. Послѣ первыхъ допросовъ арестантовъ перевели на галеры, гдѣ отъ возникшей заразы, скверной пищи, тѣсноты и смрада болѣе семи тысячъ человекъ перемерло. Главные заговорщики погибли на эшафотѣ, другіе высѣчены кнутомъ, немногіе прощены.

Достоинъ замѣчанія, что эти безпорядки ускорили участь Левенгаупта и Будденброка, несчастныхъ вонтелей прошлаго года. Казни этой требовала Швеція, обвиняя ихъ въ бѣдственной кампаніи. Генерала Будденброка не спасли покровители и друзья, онъ принесенъ былъ въ жертву народной мести и 18-го іюля 1743 года сложилъ голову на плахѣ. Друзья фельдмаршала Левенгаупта думая, что одна казнь удовлетворить ожесточенныхъ, помогли ему бѣжать. Вѣсть о томъ возбудила еще болѣе ожесточенье шведовъ. Правительство должно было обѣщать двадцать тысячъ талеровъ за голову Левенгаупта. Обѣщаніе прельстило шкипера, взявшагося

увести фельдмаршала и онъ выдалъ бѣглеца. 22-го іюля Левенгаупту отрублена голова.

Кровавыми жертвами и большими потерями купила Швеція миръ, но и то непрочный. Вопросъ о границахъ, по свидѣтельству современниковъ, въ нѣсколько лѣтъ не былъ разрѣшенъ, а ссоры и распри двухъ дворовъ возобновились въ концѣ того же года. Какъ бы то ни было, но официальный трактатъ *вѣчнаго мира* былъ ратификованъ Елисаветою 19-го августа ²⁶).

Трактатъ состоялъ изъ двадцати весьма длинныхъ статей, не прибавлявшихъ ничего существеннаго къ тому, что было сказано въ увѣрительномъ актѣ. Любопытно въ немъ одно, что изъ общей амнистїи съ той и другой стороны исключались казаки и ихъ дѣти, *слѣдовавшіе швейскому оружію*, безъ сомнѣнія, въ 1709 году.

Шведское правительство обязалось всегда признавать за государями Россїи императорскій титулъ, а великій князь Петръ Ѳеодоровичъ 20-го августа подписалъ отреченіе отъ шведской короны.

Выполняя статьи трактата, правительство приказало (сентября 6-го) свезти въ военную коллегію всѣхъ шведскихъ плѣнныхъ, оставивъ на мѣстахъ жительства принявшихъ подданство либо православную вѣру. Женившимся на русскихъ отпускать, но черезъ два года, буде не возвратятся къ женамъ, считать разведенными ²⁶).

Съ заключеніемъ мира войска наши получили наконецъ приказъ возвратиться на постоянныя квартиры. Генералъ-поручикъ Штофельнъ, командовавшій сухопутнымъ отрядомъ русскихъ войскъ, всю кампанію почти безъ дѣла простоялъ у города Улы, противъ шведскаго главнокомандующаго генералъ-маіора Фрейденфельда. Штофельнъ и Браунъ, по высочайшему указу, вышли изъ занятыхъ областей Финляндіи, предварительно разоривъ ихъ въ конецъ, чтобы долго не могла оправиться эта несчастная страна. Русскій дворъ или вѣрнѣе Безстужевъ, рассказываютъ Манштейнъ и Липаръ, не разъ приказывалъ генераламъ опустошать непріятельскую землю, между тѣмъ, какъ императрица, дѣлая видъ,

будто она ничего не знает приказывала раздавать финнамъ хлѣбъ свой на посявы. Мало того, въ неизрѣченной милости, Елисавета отмѣнила указъ 1742 года, о казни шведовъ-преступниковъ *натуральною* смертію, замѣнивъ его повелѣніемъ: отсѣкать у виновнаго руку, вырѣзывать поздри и ссылатъ въ вѣчную каторгу (августа 2-го).

Императрица послала графу Ласси собственную свою яхту для вѣзда въ Петербургъ. Вслѣдъ за нимъ прибылъ и галерный флотъ. Главное торжество по случаю мира, объявлявшіе вѣдомости, будетъ отправляться въ Москвѣ. Тамъ въ будущемъ году государыня *раздѣлитъ* всенародныя и партикулярныя милости, теперь же будетъ малое торжество.» Оно состояло въ обыкновенныхъ церемоніяхъ: 15-го сентября служили обѣдню и молебень въ казанской церкви, въ присутствіи Елисаветы и всей знати. Севергинъ прочелъ съ амвона мирный трактатъ ²⁷⁾, епископъ Стефанъ съ церковной кафедрой сказалъ напыщенный панегирикъ, и въ немъ, по словамъ вѣдомостей, «всѣ матернія попеченія о Россіи новой Юдифи, пространно показалъ и изъяснилъ» ²⁸⁾. Въ парадѣ принимали участіе пришедшія галеры; разцвѣченныя флагами и вымпелами, они красовались на Невѣ предъ царскимъ дворцомъ. Въ пять часовъ въ дворцовыхъ залахъ открылся балъ. Семь фонтановъ, оранжерейныя деревья и цвѣты, хрустальныя лампы изъ бѣлаго воска, яркое освѣщеніе—отличало столовую камору отъ другихъ: сто кувертовъ были къ услугамъ танцующихъ; каждый кавалеръ ужиналъ съ своимъ номеромъ, дамою. До двухъ часовъ стрѣляли у дворца, играла музыка и возглашалась тосты во дворцѣ. На другой день—маскарадъ; на третій обыкновенное празднество отличено было великолѣпнымъ фейерверкомъ, пущеннымъ съ галеръ ²⁹⁾. На маскарадѣ было болѣе трехъ сотъ человѣкъ, какъ изъ шляхетства, такъ и изъ именитаго купечества. Елисавета, сверхъ обыкновенія, ужинала за общимъ столомъ въ залѣ, убранномъ по рисункамъ неугомиаго Штелиа, *инымъ противъ прежняго манеромъ*. Три дня въ городѣ горѣла иллюминація, стояли вензеля и щиты на васильевскомъ островѣ, петербургской сторонѣ и противъ адмиралтейства ³⁰⁾.

Торжество увѣковѣчено золотой медалью въ тридцать пять червонцевъ: на лицевой сторонѣ портретъ государыни съ обыкновеннымъ титуломъ, на оборотѣ—рѣка *Кюмень*, на ней мостъ, изъ облаковъ видны двѣ руки съ лавровымъ вѣнкомъ, въ немъ связаны государственные гербы Россіи, Швеціи и Голштиніи, надпись: *крѣпчайшимъ союзомъ, въ память заключеннаго съ Швеціей вѣчнаго мира въ Абовъ 1743 года, августа 7-го дня* ³¹⁾.

По военныя дѣйствія, или вѣрнѣе сказать морскіе походы русскіхъ войскъ еще не кончились. Датскій король придвинулъ свои войска къ границамъ Швеціи и волновалъ нѣкоторыя провинціи; сенатъ и король шведскій просили помощи у Елисаветы: русское правительство чрезвычайно было довольно случаю такъ скоро заявить свое могущество. Генералъ Кейтъ, уже возвратившійся въ Кронштадтъ, получилъ приказъ, на галерахъ съ одиннадцатью тысячами войска идти къ шведскимъ берегамъ, а адмиралъ Головинъ, 27-го августа, получилъ указъ идти изъ Ревеля до Карлскроны, соединиться съ шведскою эскадрою и съ нашею, имѣющею прибыть изъ Архангельска, и продолжать крейсерство весь сентябрь. 7-го сентября приказаніе было подтверждено, но не смотря на это Головинъ, выполняя странныя представленія консиліума, отложилъ походъ, ссылаясь на недостатокъ провизіи, трудность пути въ позднее осеннее время, поврежденія судовъ и проч. Въмѣсто Карлскроны Головинъ явился съ своимъ флотомъ въ Кронштадтъ. На другой день по его прибытіи, 28-го сентября, въ Ревелѣ полученъ слѣдующій указъ императрицы: «изъ присланнаго вашего къ намъ рапорта, отъ 22-го сентября, и приложеннаго притомъ консиліума, усмотрѣли мы, что вы, оставя на ревельскомъ рейдѣ эскадру съ нѣкоторыми кораблями, сами въ Кронштадтъ возвратиться имѣете, что насъ къ немалому не только неудовольствію, но и удивленію привело: понеже по посланнымъ къ вамъ указамъ, повелѣно вамъ съ флотомъ слѣдовать къ Карлскрону, а вы, не токмо туда не пошли, но и не малаго движенія не учинили, и знатно не хотя быть на морѣ, только на одномъ мѣстѣ время продолжили и упустили...» Въ заключеніе предписывалось немедленно идти

въ море. По приѣздѣ въ Кронштадтъ, Головинъ немедленно съѣхалъ на берегъ и сказался больнымъ, его встрѣтила при дворѣ не милость. Контръ-адмиралъ Баржъ ходилъ вслѣдствіе указа въ море, крейсировалъ у Гангеудда до 19-го октября, наконецъ за недостаткомъ провизіи и прочими обстоятельствами возвратился въ Ревель. Что касается до архангельской эскадры, то та совершила переходъ изъ Бѣлаго въ море Балтійское довольно несчастливо, потеряла въ Каттегатѣ фрегатъ Меркурій, который разбился о камни и прибыла на кронштадтскій рейдъ въ началѣ ноября. Одинъ только Кейтъ выполнилъ, какъ слѣдуетъ, данное ему порученіе. Онъ долженъ былъ преодолѣть холодъ, недостатокъ припасовъ и страшныя бури. Русскія галеры никогда не оставались въ море позже сентября, теперь онѣ должны были быть подъ парусами до послѣднихъ чиселъ ноября. Генералитетъ, офицеры и солдаты роптали, прямо говорили о невозможности столь поздняго плаванія по морю бурному и опасному. Кейтъ отобралъ письменныя представленія отъ недовольныхъ, оставилъ ихъ безъ вниманія, и въ половинѣ октября прибылъ къ фаремундской гавани, на шведскомъ берегу. Онъ привезъ бывшему непріятелю союзный отрядъ и 400,000 рублей вспомошествованія, о чемъ свидѣтельствуется посланникъ Гегсдорфъ, (донесеніе сентября 21-го, 1743 года). Только съ наступленіемъ сильныхъ морозовъ, въ началѣ декабря, полки генерала Кейта расположены были на зимнихъ квартирахъ вокругъ Стокгольма, гдѣ и пробыли до слѣдующаго года ³²).

Что же касается до остальныхъ полковъ русской арміи, возвратившихся въ Петербургъ, то по сдачѣ въ адмиралтейство галеръ, они были разведены по разнымъ городамъ. Росписаніе, составленное по сему случаю сенатомъ (октября 6-го), любопытно для насъ какъ оффиціальная вѣдомость о наличномъ числѣ высшихъ военныхъ чиновъ, также полковъ пѣхотныхъ и кавалерійскихъ.

Генералъ фельдмаршаловъ по табели 1720 года полагалось два, теперь ихъ было три: князь Долгоруковъ управлялъ военной коллегіей, Ласси назначался на время отъѣзда государыни главнокомандующимъ въ Петербургъ,

принцъ Гессенъ-Гомбургскій состоялъ при артиллеріи, фортификаціи и *другихъ довольныхъ трудахъ*. Полныхъ генераловъ по табели 1720 года было пять, теперъ же состояло семь. Генераль-лейтенантовъ вмѣсто шести — двѣнадцать, генераль-маіоровъ вмѣсто двѣнадцати — семнадцать, (изъ нихъ десять нѣмцевъ), бригадировъ только четыре, вмѣсто двѣнадцати, почему сверхштатные генералы переведены на бригадирское содержаніе. Вотъ любопытная вѣдомость о полномъ составѣ русской *арміи* въ 1743 году:

Въ Петербургѣ: лейбъ-кирасирскій полкъ; пѣхотные: ингерманландскій, астраханскій, вологодскій, псковскій, суздальскій и кабардинскій.

Въ Стокгольмѣ: пѣхотные: низовскій, апшеронскій, тобольскій, казанскій, азовскій, кексгольмскій, ростовскій, черниговскій и пермскій.

Въ московской губерніи: драгунскій каргопоскій, пѣхотные: володымирскій, бутырскій, первый московскій, ярославскій, воронежскій, выборгскій и великолукскій.

Въ кievской губерніи: пѣхотные: шлиссельбургскій и петербургскій.

Въ казанской: драгунскіе: вятскій, луцкій и вологодскій.

Въ Новгородѣ: драгунскій кievскій.

Въ нижегородской губерніи: драгунскіе: володымирскій и олонецкій.

Въ Калугѣ: пѣхотный новгородскій.

Въ Твери: драгунскіе: казанскій и драгунскій. (?)

Въ Смоленскѣ: драгунскій архангелогородскій.

Въ Пензѣ: драгунскій ростовскій.

Въ воронежской губерніи: драгунскіе: сибирскій, тверскій, псковскій, азовскій, нижегородскій и ямбургскій.

Въ бѣлгородской губерніи: драгунскіе: астраханскій и ингерманландскій.

Въ Кромштадтѣ: пѣхотные: смоленскій и вятскій.

Въ Шлиссельбургѣ: пѣхотный нижегородскій.

Въ Нарвѣ: пѣхотный кievскій.

Въ Фридрихсгамтѣ: пѣхотные: парвскій и копорскій.

Въ Выборгѣ: пѣхотный рязанскій.

Въ Лифляндіи: кирасирскій его императорскаго высочества, пѣхотные: тронцкій, муромскій, углицкій и бѣлозерскій.

Въ Эстляндіи: третій кирасирскій, пѣхотные: второй московскій, астраханскій, ладожскій и слбпрскій.

Въ алаторской провинціи: драгунскіе: московскій, тронцкій и ревельскій.

Въ Ладолѣ: пѣхотный невскій.

Въ крѣпости св. Анны: пѣхотные: нашебургскій и ширванскій.

Въ Царицынѣ: пѣхотные: навангинскій и куринскій.

Въ Астрахани: пѣхотный тенгинскій.

Въ Малороссіи: гусарскихъ три, драгунскихъ: пермскій, тобольскій, новотроицкій, рязанскій, рижскій, нарвскій, петербургскій и новгородскій.

Такимъ образомъ одна армія, не считая гвардіи и гренадерскаго полка, состояла въ 1743 году изъ двадцати девяти драгунскихъ полковъ, сорока шести пѣхотныхъ, трехъ кирасирскихъ и трехъ гусарскихъ ³³).

Мы свели въ одинъ очеркъ важнѣйшія свѣдѣнія, относящіяся къ военнымъ дѣйствіямъ и миру съ шведами. Спрашивается, окупилъ ли наши потери и громадныя издержки клочкомъ финляндскаго княжества? Это пріобрѣтеніе было слишкомъ неважно и *существенныхъ* выгодъ отъ войны мы не получили. Съ другой стороны не пріобрѣли и того вліянія, того значенія въ ряду европейскихъ державъ, которое, повидному должны были пріобрѣсти. Въ самомъ дѣлѣ, при плачевномъ состояніи государства внутри, при неурядицѣ въ администраціи, при постоянныхъ, самыхъ запутанныхъ интригахъ и распряхъ сановниковъ, правителей Россіи, наши отношенія къ иностраннымъ державамъ, наше мѣсто въ европейской политикѣ подчинялось игрѣ случая. Въ ряду правителей Россіи, у трона государыни, не заботившейся о управленіи, не было человѣка вполне достойнаго, съ умомъ государственнымъ, въ текущихъ дѣлахъ не видать было прямого вѣрнаго самому себѣ начала, все зависѣло отъ каприза слабохарактерной женщины и прихотей любимцевъ. «Если при всемъ томъ, пишетъ саксонскій

посолъ, русское оружіе и увѣнчалось успѣхомъ въ войнѣ 1742—1743 годовъ, то этимъ обязано превосходству силъ, а главное тому непростительному легкомыслію, съ какимъ война эта и начата и ведена дворянской партией, господствовавшей въ Швеціи» ³⁴).

Заключаемъ нашъ разсказъ *политическимъ памфлетомъ* сего времени. Такъ мы можемъ назвать рукописное сочиненіе, найденное нами въ академической библіотекѣ. Вотъ его заглавіе: «Разговоры, бывшіе между двоихъ російскихъ солдатъ, случившихся на галерномъ флотѣ, въ кампаніи 1743 года.» (Рукоп. въ 4-ю д. связнымъ полу-уставцемъ, 56 стр.) Это любопытное сочиненіе не было до-сихъ-поръ напечатано, и сколько намъ извѣстно, нигдѣ о немъ не упоминалось. Форма его весьма обыкновенная по тому времени *разговорная*. Здѣсь говорятъ два солдата: *Симонъ Конинъ* и *Яковъ Алексѣевъ*. Въ первой части разговора, ведется разсказъ о дѣйствіяхъ нашего флота съ его выступленія въ 1743 году, до стоянки у Суттонга. При скудности извѣстій о этой кампаніи новыя подробности, сообщаемыя разговаривающими, довольно важны. Вторая половина *солдатской бесѣды* интересна въ другомъ отношеніи: это памфлетъ или самый строгій, весьма часто бранный разборъ всей военной дѣятельности фельдмаршала Мнниха. Авторъ, какъ самъ говоритъ, былъ *самовидцемъ* того, о чемъ сообщаетъ чрезъ вымышленныхъ Конина и Алексѣева; какъ видно, хорошо зналъ современныя политическія дѣла; простой разговорной языкъ, пересыпанный пословицами, поговорками, нерѣдко площадными, *балагурствомъ* — достаточно показываетъ, что неизвѣстный сочинитель не былъ какой-нибудь ученый педантъ, академикъ, и мы вѣримъ, что сочиненіе написано на галерѣ, скуки ради, во время стоянки въ Твеременне или у Суттонга, въ іюнь 1743 года.

Достойно вниманія, что разговаривающія лица за частую щеголяютъ цѣлыми фразами, взятыми изъ извѣстныхъ намъ проповѣдей Кирилла Флоринскаго, Амвросія Юшкевича и другихъ; вообще духъ ненависти къ иноземцамъ вездѣ выбивается, во всѣхъ мѣстахъ разговора. Страшась кнутаго увѣщанія, авторъ не рѣшается прямо бранить иноземныхъ

начальниковъ своихъ, однако не хвалить Ласси, напротивъ осуждаетъ за кроткое обхожденіе съ покоренными народами, упрекаетъ за его бездѣйствіе, не разсыпается въ похвалахъ Кейту и, напротивъ, не упускаетъ случая расхвалить русскихъ генераловъ Хрущова, Румянцева и въ-особенности Левашова.

Печатавъ этотъ разговоръ цѣликомъ, мы не считаемъ нужнымъ сохранять современную орфографію, исполненную ошибокъ, но слогъ оставили прежній. Мѣста почему-нибудь особенно замѣчательныя отмѣчаемъ курсивомъ:

«Симонъ. Знаешь ли ты братъ, куда мы поплывемъ?

Яковъ. Никуда и куда — въ Финляндію.

С. Да Финляндія наша, что тамъ дѣлать?

Я. Финляндія наша, а ламеландскія и оландійскіе острова не наши.

С. Да сказали, что прошедшею зимою и тѣ намъ присягали?

Я. Присягали, да измѣнили. Пришли къ нимъ шведы, а они ихъ подговорили на наши команды, и въ полонъ нашихъ побрали.

С. А правда, надобно такую каналію искоренить, да и шведовъ, храбрыхъ ихъ господъ смирить, чтобъ они впродъ на насъ носъ не подымали.

Я. Самъ братъ знаешь, что они и прежде намъ докучали, а нынѣ безъ вины на насъ возстали, да Богъ ихъ Спасу покоряетъ; трясать онъ насъ будетъ.

С. Сказываютъ *плмцы*, что они собрались въ великой силѣ и флотъ свой исправили.

Я. Какъ имъ скоро исправится, видѣлъ ты, каковы они въ прошлой кампаніи были? а хотя исправны, да мы имъ не уступимъ.

С. Сказываютъ, будто имъ французъ прислалъ много червонцевъ, а датскій король людей.

Я. Лгутъ братъ, не слушай! Я подлинно отъ русскихъ нашихъ штаповъ слышалъ, что французика самому пришло трудно, а датчанинъ давно шведовъ не любитъ.

С. Для чего французъ намъ трудилъ?

Я. Онъ имѣетъ войну съ венгерскою королевою, а король англискій и голландскій, также и многіе нѣмецкіе князья королевѣ помогаютъ.

С. За чтожь у него съ венгерскою королевною война?

Я. Слышалъ я, что королевнищъ отецъ, бывши цесаремъ нѣмецкимъ, тому три года какъ умеръ. Она послѣ него наслѣдница съ маленькимъ своимъ сыномъ. А на нее, французскою помощію, на мѣсто покойнаго цезаря, избранъ курфирстъ баварскій, но баварскому онъ помогаетъ, да несчастливо.

С. Какъ несчастливо?

Я. Неоднократно войско его отъ венгерцовъ было побито и изъ гарнизоновъ выгнано, да много померло и разбѣжалось; *они люди плъные, не стануть такой нужды терпѣть какъ мы, имъ была бы курочка да свѣжее личко.* А можно видѣть, что и шведы французску сторону держать, и намъ войну объявилъ, да половину своей арміи въ Финляндіи потеряли.

С. *Сказываютъ нѣмцы*, что уже шведскій корабельный флотъ стоитъ въ Ангутѣ, насъ ожидаетъ, чтобы дать баталію, а генераловъ *Кейта и Хрущова* на галерахъ они своимъ же галернымъ флотомъ атаковали и въ немалой де онѣ находятся сялѣ; да и грозятъ не по прежнему отъ насъ бѣгать.

Я. *Все братъ они лутъ*, два тому минуло года, помнишь ли, какъ мы пошли изъ Выборга къ Вильманстранду? Тогда сказали, что шведы такъ храбры: одинъ изъ солдатъ пятерыхъ нашихъ прогнать; а стрѣлять такіе мастера, что въ лобъ нашихъ бить будутъ: а какъ мы сошлись съ ними, и *однимъ противъ другаго съли на колѣни, дали по нимъ залпъ*, другой, такъ они, какъ курята завертѣлись! *А послѣ Фрикмувъ*, пошли на нихъ со штыками, а они отъ насъ бѣжать, а мы ихъ гнать и колоть. Самъ ты братъ видѣлъ, какъ скотину въ хлѣвъ, въ Вильманстрандъ ихъ загналъ, да я командира ихъ, генерала Врангеля, въ полонъ взял.

А прошлаго году, какъ мы приблизились къ ихъ засѣлкѣ, сказали намъ, будто она на семь верстъ поперекъ весьма

крѣпко зарублена и батареями, и пушками утверждена; тутъ де они противъ насъ крѣпко стоять будутъ! а мы, слава Богу, какъ къ нимъ смѣло пришли, такъ смѣло и черезъ ихъ перешли, а храбрые шведы и глазу показать намъ не смѣли. Гусары и казаки наши ихъ прогнали. Послѣ того, какъ мы стали приходить къ Фридрихсгаму, сказали, что такой и такой укрѣпленный городъ, валъ превысокій, ровъ широкій и глубокій, батарей множество, пушекъ на нихъ безъ числа! И такъ далеко бить будутъ, что за девять верстъ до крѣпости насъ не допустятъ, а мины де около крѣпости сдѣланы версты на три. А мы ни на что не смотря, пошли къ нимъ прямо посмотрѣть на шведскую храбрость. Лпшь увидѣли насъ тѣ, хваленые шведы, зажгли въ городѣ свои дома, покинули крѣпость и кирки оставили, магазины и припасы бросили; большія мортиры и пушки, да ушли за рѣку къ нимъ.

А гусары и казаки наши за ними гнать, въ полонъ ихъ брать, колоть и рубить. А мы съ арміей послѣдовать. Да въ такую робость привели, что самый ихъ главный командиръ *генералъ Левенауптъ*, въ которомъ сказывали *самсонову силу*, *эркулсову храбрость*, *улисову хитрость*, *соломонову мудрость*, *блжавъ штаны едва не умаралъ*. И прогналъ ихъ чрезъ Борговъ до Гельсингфорса, а тамъ къ Абову сухимъ путемъ трактъ имъ заступили, и водно пошли наши галеры и такъ со всѣхъ сторонъ ихъ окружили: вотъ не побѣдимые шведы принуждены отъ насъ дѣлать батареи и сидѣть въ атакѣ, а и нашему фельдмаршалу фонъ-Лессію часто присылаютъ и просятъ, чтобъ ихъ во Швецію живыхъ отпустить. И такъ съ ними училили, что всю артилерію и аммуницію у нихъ отобрали, а ихъ во Швецію отпустили. А финляндскіе полки всѣ передъ нами ружья положили, а ихъ въ дома распустяли. Еще брать счастливы были тогда шведы, что нашъ корабельный флотъ къ Гельсингфорсу не поспѣлъ, а тобъ ни одинъ ихъ человѣкъ отъ рукъ нашихъ не ушелъ.

С. Сказываютъ, что нынѣ они уже противъ насъ будутъ крѣпко стоять, и въ Ангутѣ насъ съ галерами грозятъ атаковать, чтобы мы не соединились съ генераломъ Кейтомъ?

Я. А вотъ увидимъ что будетъ, поплывемъ къ Гельсингфорсу.

(Потомъ приплыли къ Гельсингфорсу съ галернымъ флотомъ.)

С. Здравствуй братъ, приплыли благополучно къ Гельсингфорсу, на прошлогоднее мѣсто!

Я. Благодарствую братецъ, и васъ тѣмъ же поздравляю. Былъ ли ты въ городѣ? Сказывали, для чего тамъ изъ пушекъ стрѣляютъ и поповъ нашихъ собираютъ?

С. Былъ и слышалъ, что хотятъ пѣть благодарственный молебенъ, для того, что пришелъ отъ генерала Кейта къ фельдмаршалу фонъ-Лессію рапортъ, что шведскія галеры и прамы при Корпо какъ его атаковали, да шведовъ наши назадъ прогнали, такъ хорошо, что славный ихъ прамъ, непобѣдимый Геркулесъ, потерялъ было свою корму и носъ, и на силу его, обрубя якорь, живо тѣ отбуксировали. И говорятъ, будто отвезли его въ стокгольмскій госпиталь, и тамъ лучшіе доктора лѣчатъ: всего пластырями уклали, и скипидаромъ мажутъ, да вылечить не могутъ!

Я. Да, гдѣ жъ теперь *Кейтъ и Хруцовъ* съ дивизіей?

С. Пошли за ними далѣе къ Ламеланду, а мы поплывемъ къ Ангуту ³⁵).

(Приплыли къ Ангуту благополучно, и тамъ видны шведскіе корабли, стоящіе на самомъ галерномъ проходѣ.)

Я. Видишь братъ, что это корабли шведскіе захватили нашъ галерной проходъ, что мы будемъ дѣлать?

С. Да и нашъ корабельный флотъ сюда-жъ скоро будетъ. И шведскіе корабли атакуемъ, а мы ужъ и съ галерами проходу искать будемъ, не стоять пришли.

Я. Правда атакуемъ; да что жъ онъ и въ такомъ крѣпкомъ мѣстѣ сдѣлаетъ? *Говорятъ нѣмцы*, что на немъ *адмиралъ тоже человекъ весьма умный*, и храбрый, и насъ, конечно не пропуститъ?

С. Да, ну, нашъ адмиралъ *Головинъ* не безъ смысла, какъ ни есть промышлять надъ ними будетъ, а безъ дѣла стоять не будетъ.

Я. Я думаю, что намъ на галерахъ идти бы къ нимъ прямо?

С. Недождавшись нашихъ кораблей, идти нельзя. Видишь ли большой шведскій корабль стоитъ на самомъ галерномъ проходѣ. Что мы ему своими галерами сдѣлать можемъ?

(Смотрягъ они, ажно и россійскій корабельный флотъ въ морѣ показался.)

Я. Видишь ли, братецъ, отъ Гельсингфорса, въ морѣ, бѣлѣютъ никакъ паруса?

С. Вижу; слава Богу, идутъ корабли наши, вотъ вскорѣ будетъ намъ дѣло.

Я. Слушай, изъ пушки выпалили у насъ, съ фельдмаршалской галеры, да и сборъ бьютъ.

С. Видишь ли у шведовъ во флотѣ выпалили-жъ изъ пушки и выкинули походный флагъ, и распускаютъ паруса?

Я. Прости братъ, пойдемъ на галеру; видишь, это наши командиры хотятъ шведскій флотъ атаковать, а имъ отъ насъ будетъ бѣжать, да и стали изъ Ангута уже въ море выступать.

(Поплыли всѣ въ море въ ордеръ баталію по Гангәуду благополучно, а шведскіе корабли отступили въ море).

С. Съ ума сошли шведы, что такое крѣпкое мѣсто оставили и наши галеры пропустили.

Я. Сойдешь съ ума, какъ мочи нѣтъ стоять, имъ такой въ прошлые годы *поставили клестиръ*. Это оставило вопиство, храбрые шведы, о которыхъ тебѣ сказывали, что они уже нынѣ крѣпко стануть противъ насъ и непобѣдимы будутъ! а намъ *въ правдѣ нашей* самъ Богъ помогаетъ, *пуцай насъ русскихъ уничтожаютъ*, а мы и никого не боимся!

С. Ахъ, какой великой туманъ на флотъ нашелъ, много галеръ нашихъ въ такой туманности на камени и на мели стануть и не достались бы въ шведскія руки, видишь задніе ихъ корабли стали къ намъ приближаться?

Я. Не бойся *этотъ туманъ намъ великую учинитъ помощь*, ибо шведы ни одной нашей галеры не увидятъ, да и ѣхать имъ въ такомъ туманѣ къ намъ нельзя, а насъ Богъ сохранить всѣхъ цѣлыхъ ³⁶).

(Ту почъ нельзя было пристать къ берегу, ночевали на якорѣ, гдѣ кто успѣлъ стать, между островами, а по утру, какъ было свѣтло):

С. Все ли братъ наши галеры и суда цѣлы, не остались ли пыле позади, въ прошедшемъ туманѣ?

Я. Да уже фельдмаршалу рапортовали, что все наши суда въ цѣлости изъ Ангута вышли и рапортъ ко всемилостивѣйшей государынѣ въ Петербургъ онъ послалъ ³⁷).

Смотри братъ, по всемъ дѣламъ, какъ насъ Богъ сохраняетъ и своимъ промысломъ подкрѣпляетъ? Счастливая наша всемилостивѣйшая государыня императрица! Да, молится за насъ православная наша церковь. Правда, во удивленіе будетъ многимъ, что мы и нынѣ Ангутъ прошли счастливо. А особливо въ Абовѣ, на конгрессѣ министрамъ нашимъ (и шведскимъ). Теперь съ генераломъ Кейтомъ мы соединится препятствія никакого не имѣемъ. А ежели, дастъ Богъ, соединимся, подумаютъ шведы, что съ нами дѣлать: поплывемъ далѣе.

(И какъ прошли чрезъ Фарзунтъ и приближаются къ Корно киркѣ).

С. Да, да, сказывали, здѣсь стоитъ Кейтъ съ дивизіей, и тутъ была у него преждедѣченная битва, и шведы отъ него стоятъ близко, ажъ никого нѣту?

Я. Да ты не слышала, шведы отъ него такъ скоро отступили, что и якоря отъ судовъ своихъ обрубали, а наши галеры пошли за ними къ Ламеланду и тутъ стоятъ между собой не далеко. Кейтъ насъ ожидаетъ и для того мы къ нему въ сигурсъ поспѣшаемъ, вотъ завтра поплывемъ чрезъ широкое плессо, къ Ламеланду.

(На другой день).

Я. Охъ, какой намъ вѣтръ сталъ способный; на тѣхъ галерахъ матетровые паруса поднимаютъ. Боже помоги намъ переплыть плессо сіе благополучно.

С. Смотри братъ, вонъ видишь наши прамы и кейтовой дивизіи галеры плутъ; недалеко шведскій галерный флотъ, прамы и фрегаты. Уже теперь у насъ будетъ съ ними необходимо дѣло.

Я. Но они противъ насъ никогда не будутъ стоять, всегда будутъ бѣжать, вотъ увидишь.

С. Не статочное дѣло, чтобъ воевать, а непріятель всегда уступать, какая будетъ въ томъ польза?

(Смотрятъ они, ажно на шведскихъ галерахъ, прамахъ и фрегатахъ стали паруса поднимать и уходить по форватеру въ Зундъ-Ламеландской).

Я. Смотри: я братъ тебѣ сказывалъ, уѣдутъ шведы и стоять противъ насъ не могутъ. Вотъ уже паруса поднявъ, ушли, а генераль-лейтенантъ Хрущовъ за ними погнался, да еще кейтова дивизія пошла, иль и мы тотчасъ за ними-жъ?

(На другой день вся армія пошла за шведами и приплыла къ острову Едерво, отъ Ламеланда въ близости, и тутъ стали).

С. Да гдѣ-жъ шведской флотъ, уже ихъ и за плессомъ къ Ламеланду не видно?

Я. Посылали провѣдывать шлюпки, да и тамъ ихъ нѣтъ. Сказываютъ ихъ дезертиры и здѣшніе жители, что ушелъ въ Стокгольмъ, а мы къ нимъ, по прежнему, на ту сторону въ гости, вотъ ихъ храбрость и оказалась. *Задорчивы, какъ кошки, а трусливы, какъ зайцы.*

(При тѣхъ островахъ, ожидая погоды нѣсколько дней стояли).

С. Поздравляю, братецъ, васъ со шведами миромъ; проѣхали изъ Абова, отъ конгресса, къ нашему фельдмаршалу два шведскіе офицеры, а именно подполковникъ Линденъ съ объявленіемъ, что 16-го числа сего іюня мѣсяца миръ заключили; и они будутъ для подписанія ратификацій къ своему двору въ Стокгольмъ, а въ Петербургъ отъ нашихъ министровъ посланъ инженеръ-капитанъ-поручикъ *Елчаниновъ* и положено размѣнятся тѣми ратификаціями на Петровъ день.

Я. Благодарствую, братецъ, за добрыя вѣсти; дай Богъ чтобъ совершилось благополучно; а намъ бы въ добромъ здоровьѣ въ Россію возвратится, хотя бы на *малое время бѣдныя наши солдатскіе домишки посмотрѣли, да женъ и дѣтей увидѣли бы.*

(Послѣ сего еще нѣсколько дней при тѣхъ же островахъ стояли, ожидая указа о походѣ).

С. Сегодня приѣхали изъ Стокгольма шведской полковникъ, да подполковникъ *Линденъ*, везутъ ратификацію, подписанную о мирѣ въ Або, на конгрессѣ. И одинъ изъ нихъ

поѣдетъ въ Петербургъ. Сказывали команды ихъ солдаты, что въ Стокгольмѣ было великое замѣшеніе и бунты: нѣкіе далскіе мужики, которыхъ они называютъ далбуры, подкуплены отъ датчанъ сбунтовали и пришли въ Стокгольмъ, вооружены и съ артиллеріей, и шведскихъ нарочитыхъ управителей четыре человека до смерти убили ³⁸). И многихъ гвардіи и прочихъ чиновъ людей побили, домогаясь, чтобъ взять датскаго принца къ коронѣ и самодержавству. А шляхта шведская и купечество того не желаютъ и объявили наслѣдникомъ королевскимъ принца Голстейнбека, который, нашему великому князю Петру Ѳедоровичу ближній дядя, и ежели бы не ускорили пріѣхать въ Стокгольмъ ихъ флотъ и не объявили съ нами вѣчнаго мира, то-бъ великое кровопролитіе и междо-усобныя брани между ими учинились бы. *Итакъ, говорятъ, ужасно тамъ смотреть было: кровь человеческая по улицамъ текла струями, множество мертвыхъ тѣлъ валялось, а какъ Далбуре жъ мѣръ съ нами и наслѣдника короны, вышереченнаго принца, объявили и о приходѣ не далече отъ Стокгольма нашего галернаго флота сказали, то они назадъ отступили.* А чѣмъ еще окончится, не знаютъ; только надѣются, что, опасаясь Далбуре нашего войска, болѣе ничего дѣлать не будутъ. *А зачинателей того бунта уже подъ караулъ взяли.*

Я. Видишь братецъ, какъ гордость и высокомеріе, а паче не согласія въ бѣдственныхъ случаяхъ не то что города, но и цѣлыя царства приводитъ. И какими праведными судьбами Богъ человѣческія, неразумныя и гордыя замыслы испровергаетъ! Я видѣлъ у россійскаго знатнаго господина старинный руской лѣтописецъ, въ немъ, между прочимъ, описана война, бывшая у нашего россійскаго великаго князя Александра Невскаго со шведскимъ королемъ Магнусомъ Вегеромъ ³⁹). Когда онъ король на рѣкѣ Невѣ (гдѣ нынѣ монастырь Невскій) разбитъ былъ со всѣмъ шведскимъ войскомъ и раненъ саблей въ голову отъ самого великаго князя Александра и по многимъ, случившимся послѣ сей побѣды, напастьмъ, возвратился въ свое шведское королевство и учинилъ вѣчный миръ съ великимъ княземъ Александромъ, съ его наслѣдниками и со всѣмъ русскимъ народомъ. У него

было два сына, одного изъ нихъ опредѣлилъ коронѣ своей наследникомъ, и, умирая, учинилъ духовную, а въ ней написалъ между прочимъ тако: «я король Магнусъ-Вегеръ шведскій, готскій, квендскій, будущимъ по немъ наследникамъ шведскаго королевства и всѣхъ шведовъ заклинаю всемогущимъ Богомъ и судомъ его страшнымъ, чтобъ съ русскими великими князьями и съ ихъ народомъ отнюдь не воевать ни сушей, ни моремъ. А ежели въ сіе преступленіе впадете, воевать съ ними будете, то не будетъ вамъ счастья, ни на сушѣ, ни на морѣ. И между вами будетъ сѣча и кровопролитіе». Вотъ и учинили надъ ними все то, за ихъ клятвопреступленіе и за начатіе неправедныхъ съ нами войнъ. Они взяли у француза деньги, да съ нами войну начали, напротивъ того далбуры ихъ взяли у датчанъ деньги, да на нихъ возстали; вотъ по дѣламъ имъ воздаянье!

Только сей гордый, лукавый и хищный народъ: одна немощь и безчиніе ихъ, съ нами принуждаетъ миръ содержать, надобно всегда ихъ опасаться, а на границахъ имѣть крепкіе города и гарнизоны, а паче наши корабельной и галерной флотъ будетъ имъ страшенъ. Посмотри нынѣ, сколь довольно у насъ на галерахъ войска, артиллеріи, провіанту и всякихъ припасовъ, и пришли почти къ самому ихъ столицному городу Стокгольму, безъ всякаго труда, и не съ такими убытками, какъ было въ прошедшею съ турками войну. А во время мира надобно стараться, чтобъ морскіе служители, въ лучшее состояніе отъ нынѣшнихъ были.

С. Для чего мы столь долго въ пустомъ мѣстѣ стоимъ? Гдѣ не можно на пищу ничего свиньямъ купить? Да и вода самая нужная и нездоровая. А видишь по островамъ, финновъ скота шатается много безъ пастуховъ и жителей въ деревняхъ нѣтъ, а брать его не велятъ и отъ сего недовольства въ поляхъ весьма большія умножаются. Да и мрутъ, а главные наши командиры о довольствѣ нашемъ не стараются, на хорошія мѣста не переводятъ, Богъ ихъ суди! Съ великой бы мы охотою противъ непріятеля, съ ружьемъ померли, нежели нынѣ, здѣсь, отъ недовольствъ; ежели бы такимъ образомъ случилось шведу войти въ наше російское мѣсто, тобъ онъ по своей гордости, и къ намъ зависти, не только скотъ нашъ не пощадитъ, но и

женъ, и дѣтей нашихъ мученически обругалъ бы и церкви осквернилъ бы; какъ это въ преждевременную войну, они жъ въ Малороссіи дѣлами, развѣ мы ихъ скота хуже? Дорогою за мясо и за прочія харчи платить ихъ цѣною должны, только бы не терпѣть такой нужды!

И. Правда есть въ томъ, нынѣ не малая нужда и подлинно, что шведы насъ такъ, при своемъ благополучіи, не пощадилъ, какъ мы ихъ землю, а можетъ быть что такой указъ имѣютъ главные наши, дабы своевољствомъ не ходили и ничего отъ здѣшнихъ жителей безъ платы не брать; однако можно бы армію здѣсь на Оланскихъ островахъ, въ лучшія мѣста, и при хорошихъ водахъ поставить, ибо хорошихъ мѣстъ много, и недалеко сыщется, и для пропитанія солдатству брать скотъ и прочее съ запискою и платежемъ за то денегъ, хотя бы обыватели не продавали. Вотъ въ Петербургъ о такой нуждѣ нашей не вѣдаютъ, а въ Або въ конгрессъ къ министрамъ не отпишутъ; завѣрно уповаю, чтобъ генералъ Румянцовъ, какъ написали учинилъ намъ въ такой нуждѣ помощь!

(Еще послѣ того нѣсколько времени въ томъ же мѣс стояли).

С. Слышали приказъ въ полки, чтобъ генералу Левашеву съ дивизіей перейти далѣе въ Аланскіе острова искать удобныхъ и довольныхъ мѣстъ? А кейтовой дивизіи къ Корпо-киркѣ?

И. Слышалъ, только и указъ поздно сдумали и сію диспозицію, вѣдь арміи не зазимовать здѣсь. Время наступаетъ къ благополучному нашему возвращенію въ Петербургъ, надлежало бы всякія потребности упредждать заблаговременно, а спустя мѣсяца по малому не ходятъ. Только братецъ, пожалуй, не дивись тому; фельдмаршалъ человекъ хотя и добрый, да ему уже многого по старости мѣтъ и въ умъ не придетъ ⁴⁰⁾, а генералитеты говорить о томъ опасаются, чтобы не досадить; еще подлинно мы знать не можемъ, каковы дѣла происходятъ въ Стокгольмъ и въ Абовъ, на мирномъ конгрессѣ.

С. Въ какомъ бы состояніи была наша со шведами война, еслибъ прежніе, всероссійскіе управители, еще цѣлы были, чѣмъ-то бы она окончана была? Страшно, страшно и спрашивать ⁴¹⁾?

Я. Тебѣ страшно о томъ спрашивать, а мнѣ ужасно сказывать; какъ я по всѣмъ тогдашнимъ обстоятельствамъ, признаваю; памятуешь ли прошлые годы, при покойной государынѣ, императрицѣ Аннѣ Ивановнѣ, пошли мы въ Польшу, для избранія нынѣшняго короля Августа III, на мѣсто отца его ⁴²⁾. Былъ назначенъ главнымъ командиромъ генералъ Лессій, который нынѣ фельдмаршалъ, *хотя и иноземецъ*, только человекъ добрый, а какъ пришли подъ Данцигъ, такъ прѣхалъ къ намъ генералъ фельдмаршалъ Минихъ, *природный пльмчинъ*, и не нашей вѣры! Сталъ жестоко съ нами, российскими солдатами и офицерами, поступать и, не разсуждая о государственныхъ нашихъ убыткахъ, и о погибели нашего рода, *во многія непристойныя тогда партіи посылалъ*, а паче подъ *Риенсбергъ* *мертво напившись пьянъ* ⁴³⁾ лучшихъ тогда изъ всѣхъ гренадеровъ ночью на приступъ командировалъ, откуда ихъ малое число назадъ въ лагерь пришло, да и тѣ почти всѣ переранены. И тутъ множество добрыхъ солдатъ погубилъ, а пользы никакой не получилъ ⁴⁴⁾; а какъ Польшу смирили и короля Августа на престолѣ утвердили, вышли въ Россію, надѣялись пожить съ покоемъ, ажко съ турками войну объявили; и въ 1736 году поручили главную команду ему жъ, Миниху, а генералъ Лессій пожалованъ въ фельдмаршалы и Азовъ братъ посланъ; и стали *у насъ оба фельдмаршалы иноземцы, чего съ начатія Россіи и при всемиловичѣмъ нашемъ отцѣ и государѣ, вѣчно славныя памяти, императорѣ Петрѣ Великомъ не бывало* ⁴⁵⁾. Пошли мы подъ командою его, Миниха, въ Крымъ; вышли въ степь пустую, провіанту и телѣгъ малое число съ собою взяли; сталъ Минихъ российскихъ людей перебирать, штабъ и оберъ-офицеровъ штрафовать, въ солдаты безъ суда писать и самыхъ старшихъ и заслуженныхъ полковниковъ предъ фрунтомъ арміи подъ ружьемъ водить, а все за бездѣлицу: увидить, *что у офицера галстукъ не бѣлой или волосы не напудрены*, а въ степи кому на то смотрѣть? Да нельзя было напудреннымъ ходить: учинится пыль такая, что и лица у человекъ не видать ⁴⁶⁾. Довольно бы при такихъ трудныхъ походахъ и того: чтобы всякъ свою воинскую должность исполнять могъ, а не церемонію править. А хотя бѣ онъ, Минихъ, въ одинъ день де-

сять разъ ко одному фрунту прѣхалъ, всегда ему отдавай честь, становись въ парадъ, бей въ барабанъ, ропускай знамена и уклоняй ихъ до земли, съ играющей музыкою ⁴⁷); вотъ Петра Великаго законы зачали уничтожать! а какъ мы близъ Перекопья, на Черную долину, пришли, тутъ насъ крымскій ханъ со всѣми ордами вооруженною рукою встрѣтилъ. Однакожь храбрость нашихъ російскихъ солдатъ имъ ни въ чемъ не уступила. Пошли за ними къ Перекопу, они ушли за Перекопъ; а мы на другой день, по утру рано, Перекопъ атаковали: такъ храбро вскочили въ глубокой перекопскій ровъ и безъ лѣстницъ по рогаткамъ и по пикамъ на высокой и крутой перекопскій валъ тотчасъ взлѣзли; крымскаго хана со всѣми ордами прочь отогнали, многихъ изъ нихъ убили; нѣкоторые знатные шатры, а на другой день и крѣпкую крѣпость совсѣмъ гарнизономъ турецкимъ, и пашу, и артиллерию ихъ взяли. Думали мы, слава Богу, авось либо фельд-маршалъ Минихъ за такіе, наши крѣпкіе, проступки станеть благодарить насъ и добръ къ намъ будетъ; ажно не то у него на умѣ: пошли за татарами далѣе въ Крымъ, взяли великій ихъ городъ на Черномъ морѣ Карсовъ, послѣ и столицу Бахчисарай разорили; провіанту у насъ же ничего не стало, люди стали ослабѣвать, и съ голоду помирать, а Минихъ на то ни на что не смотритъ, хотя многихъ мертвыхъ старыхъ солдатъ предъ собою лежащихъ видѣлъ, никогда не сожалѣлъ; *ибо не его крестьяне, и не его деревень взяты, а російскихъ дворянъ, онъ ни одного во свойствахъ себѣ не имѣлъ, чего ихъ жалеть, не вѣкъ, думалъ, въ Россіи жить, только бы ко двору о своихъ храбрыхъ поступкахъ реляцію сообщить и оттого славу да богатство себѣ получить*; а при дворѣ въ то время кому было разсуждать, *главные правители нѣмцы*, его друзья и свойственники, а російскихъ генераловъ и сенаторовъ *они тогда и за людей не почитали*, того и смотрѣли, какъ бы кому голову отсѣчь, а по малой мѣрѣ и въ ссылку сослать, чтобъ намѣреніе къ пользѣ ихъ дѣламъ псправлять не мѣшали. Возвратились мы назадъ изъ Крыма къ Перекопу, а людей такъ измучилъ, только основаніе челоѣческое, а не солдаты были; бѣла тогда и лошадиное мясо, а о *невозможности* російскихъ людей опъ, Минихъ, и слышать не хотѣлъ, и часто

говаривалъ, «а батюшка у русскихъ людей невозможности пѣтъ». Опъ тогда свѣжое мясо ѣлъ и венгерское вино пилъ, и то отъ *воздуха похудѣлъ*, а солдаты бѣдные по три дни и воды чистой не видали! Потомъ, какъ ни есть оставшіеся выбрели въ Украину. А фельдмаршалъ Лессій Азовъ благополучно взялъ и людей не много потерялъ; съ нимъ тогда былъ, *нашъ російскій* генералъ Левашевъ, *человѣкъ старій, весьма добрый и хранитель государственнаго интереса*, какъ сынъ отечества. Былъ онъ въ началѣ персидской войны въ Персіи главнымъ командиромъ надъ нашими войсками, а передъ турецкою войною въ Россію пріѣхалъ ⁴⁹).

На другой годъ собрали армію, больше прежней, только старыхъ солдатъ развѣ третья часть осталась; пошелъ Миннихъ съ главной арміей подъ Азовъ (а Лессій въ Крымъ чрезъ Гнилое море Хіорсъ-Базаръ), а пришедъ атаковали Очаковъ, въ немъ народа турецкаго много было и великій гарнизонъ. Командиромъ надъ всѣми ими тогда былъ сераскиръ Ел-Паша. Городъ положенъемъ мѣста не худого и очень крѣпокъ. Шапцы у насъ были готовыя изъ канавъ и грядъ, которыя у нихъ около садовъ и овощниковъ, вмѣсто изгороди были. Немедленно поставили нашу армію и бомбардировать стали; зажгли заборы, отъ бомбъ взорвало пороховые погреба и многія строенія; а потомъ велѣлъ онъ всѣмъ полкамъ идти на приступъ. И такъ наши солдаты храбро пошли, что къ самому палисаднику, а иные и за палисадникъ, къ главному рву пошли, да всѣхъ на приступъ къ такому крѣпкому городу *нагло* пославъ, не приготовилъ ни одной лѣстницы, ни фашицы, ни доски, а ровъ глубиною и широтою больше десяти сажень. Турки увидѣли, что мы такъ близко пришли, и изъ городской стѣны кого хотѣли, того били и многыхъ достойныхъ штабъ и оберъ-офицеровъ, и храбрыхъ солдатъ побили; только великой учинился, по счастью нашему, пожаръ въ городѣ: почти всѣ строенія загорѣлися, а народъ и разбѣжался отъ такого великаго страха, не сыскалъ въ немъ мѣста, внизу жжетъ великій огонь, а сверху бьютъ бомбы, голубицы (?) и гранаты. Того времени не прошло трехъ часовъ, какъ мы *нагло* къ городу приступили близко, ажно и вынесли турки на стѣну бѣлое знамя и ста-

ли махать платками, и сераскиръ ворота отворивъ самъ, вышелъ; и ежелибъ помедлить три часа, то - бѣ безъ потерннхъ людей отъ одной бомбардировки тотъ городъ сдался бы. Миннихъ въ то время *досталъ многиа себѣ турецкнхъ пожткн.* (А фельдмаршалъ фонъ-Лессій и генераль Левашевъ сколько было возможно въ Крымѣ повредили, и землю его немалу разорили, и не съ большимъ убыткомъ въ Украйну возвратились). А Миннихъ въ раззоренномъ и сожженномъ Очаковѣ оставилъ въ гарнизонѣ восемь полковъ пѣхотныхъ, да два драгунскихъ и представилъ ко двору, что оный городъ изъ всей Азїи и портовъ весьма способенъ, надобно его построить и населить, и при немъ флотъ учредить; такъ скоро де можно и Царьградъ получить, и по тому его представленью, послали немедленно для строенїя судовъ Пепена (?), вице-адмираловъ и лучшихъ морскихъ офицеровъ, матросовъ, плотниковъ и прочихъ служителей многое число, изъ городовъ купцовъ, разныхъ мастеровыхъ и заработныхъ людей множество. Столькожъ всякихъ матеріаловъ, припасовъ, провіантовъ, лѣсовъ и сколько всего было о томъ и говорить страшно! Такъ я тому *самовидецъ былъ*: мы уповали, что все адмиралтейство въ Очаковъ перевезутъ; какъ были брынскїе лѣса часты и тѣ нынче отъ Очакова стали рѣдки. А какъ увидѣлъ, что сдѣланныхъ судовъ чрезъ днѣпровскїе пороги переправлять нельзя, велѣлъ суда морскїа около порога, называемаго Ненасытннй, сухимъ путемъ перетаскивать и съ такой трудностью, что надобно было его прежде нѣсколько сажень тащить на гору, а потомъ спускать подъ гору. Тутъ бѣдныхъ людей многихъ передавило, руки и ноги переломило; и такъ народъ мучили больше года, однакожъ почти ни одного цѣлова судна не переволокли, все попортили, а на другое лѣто въ Очаковѣ усилился моръ, и отъ того во всѣхъ днѣпровскихъ крѣпостяхъ и редутахъ, а отъ нихъ въ цѣлой Украйнѣ. Какъ доходилъ въ Очаковъ гарнизонъ, такъ и умиралъ, а онъ, немилосердый чело-вѣкъ, на то не смотрѣлъ, всегда свѣжихъ людей туда командировалъ, а послѣ объявилъ, да пособить было нельзя! Да и стараться было некому, все отдано въ его волю и власть, и онъ чтó хотѣлъ то и дѣлалъ, неразсуждалъ, и не

сожалѣлъ, гдѣ будетъ пусто и не съ кого взять; не его языка и отечества люди, и не одной съ нимъ вѣры, *только бы слышали о имени его, что онъ человекъ храбрый и умный, какія высокія и полезныя дѣла дѣлаетъ*, за то его надобно пожаловать деревнями, да многими деньгами и богатыми вещами! а о *россійскомъ народѣ*, который напрасно погибалъ, разоренья крайнія терпѣлъ, куды сожалѣть было! и постараться за него некому; россійскіе генералитеты и сенаторы то видѣли и знали, *да говорить не смѣли*, всякъ животъ свой берегъ, купя дни жилъ, а другіе, бѣдные, которые въ полкахъ служили, такъ загнаны были, что уже ничего, не желая, только искали дорогу въ отставку, понеже и въ чины не производилъ, а кого и производилъ, развѣ *за недостаткомъ нѣмцовъ* ⁴⁹⁾. И какъ онъ, Минихъ, такъ и прочіе тогда жъ генералы *нѣмцы* ругали насъ и обижали *дураками* и скотомъ признавали, и до того довели, что въ нѣмъ полку *ни одного* россійскаго офицера не было; отколь какой нѣмецъ не пріѣхалъ: пожалуй его генераломъ, полковникомъ и прочимъ штабъ-офицеромъ, а по послѣдней мѣрѣ въ капитаны, также и въ штатскіе знатныя чины! Уже они всѣхъ россійскихъ дѣлъ управители стали, и въ Курляндіи *гезелей и мѣсниковъ* немного осталось, всѣ въ офицерахъ! неложно вамъ, братецъ, объявляю, въ *Нитовѣ* ⁵⁰⁾ случилось съ нарочитымъ нѣмцемъ мнѣ говорить и дошла рѣчь до офицерства, а онъ мнѣ сказалъ: «у васъ де въ арміи, бывшихъ при мнѣ гезелей и разнощиковъ, большія дюжины въ штабъ-офицерахъ нынче служатъ; развѣ у васъ россійскихъ достойныхъ дворянъ не стало?» А я ему сказалъ: «есть у насъ достойные, нынче много, да Богъ такъ изволилъ, до времени, его воля!» Вышеномянуты-жъ посланные въ Очаковъ морскіе служителя и всякихъ чиновъ люди во время моровой язвы, почти всѣ тамъ померли; а суда, лѣсъ, матеріалъ, припасы и множество провіантовъ пропало безостатку; а какъ пришла *невозможность* (по) Миниховой же волѣ Очаковъ разорили, и все пропало, и вѣдалъ онъ, съ какимъ сильнымъ народомъ воевалъ и у кого Очаковъ взялъ; не токмо мира, но и конца войнѣ не слышать было, и строить его до окончанія войны не надлежало,

• хотя-бъ онъ и непріятелю достался бѣ невеликая государству была бѣда.

Послѣ же очаковского походу, на другой годъ, въ третій разъ, набрали армію, такову-жъ велику, еще и больше прежней, ибо сверхъ рекрутскихъ наборовъ взяли *не малое число церковниковъ, разстригли поповъ и черницовъ*⁵¹⁾, *тѣхъ, якобы они не присягали.* — Вотъ, приготовивъ множество провіанту, тяжелой артиллеріи, денегъ, амуниціи, отъ десяти до двѣнадцати тысячъ скота въ одну упряжку, а подъ провіантомъ до пятидесяти тысячъ паръ воловъ, къ тому же нѣскольکو тысячъ заводныхъ воловъ, и съ такимъ сильнымъ убранствомъ двинулся къ рѣкѣ Днѣстру въ такое неудобное мѣсто, что и помыслить пройти невозможно; а турки на другой сторонѣ, противъ нашего лагеря, поставили свой лагерь и навели пушки, и тутъ дня съ три простояли, ничего не учинили, назадъ отступили, и шатались по степи, людей и скота померло въ арміи, провіантъ и припасы многіе погубили, и съ великимъ государственнымъ убыткомъ на Украину едва вышелъ; а въ реляціяхъ ко двору пуще прежняго онъ нахвасталъ, а тамъ его *партизаны нѣмцы* дѣла его выхваляютъ. А фельдмаршалъ Лессій и генералъ Левашевъ то лѣто крымскую крѣпость Перекопъ разорили всю, порохъ подорвали *и безъ большаго убытка*⁵²⁾, въ Украину возвратились.

Послѣ того походу, на другую весну, съ такимъ же сильнымъ убранствомъ Миннихъ подъ Хотинъ явился, и перешедъ рѣку Днѣстръ, не далече отъ Хотина, при деревни Ставучанахъ, жестокою акцію съ турками учинили, на которой *храбрые російскіе* солдаты всѣхъ турковъ побѣдили и разогнали и нѣкоторую часть лагеря, а потомъ скоро и Хотинъ получили; въ немъ же былъ губернаторомъ славной Калчакъ-Паша, его со всѣмъ гарнизономъ въ полоць взяли и хотя уже осеннее тогда время наступило и провіанта тогда недостатку являться стали, однакожъ Миннихъ все то презирая, пошелъ было отъ Хотина къ Бендерамъ и прошелъ Яссы, столицу молдавскую; по счастью же, бѣдные солдаты наши получили извѣстіе о мирѣ съ турками, и тако въ границы російскіе, чрезъ Польшу возвратились; а ежели бы о мирѣ тогда из-

вѣстія вскорѣ не получили; то нашимъ солдатамъ безъ провіанта во время глубокой осени, будучи въ пустыхъ мѣстахъ, пропадать было *по прежнему; такія ихъ господь, нѣмцовъ, къ намъ російскимъ людямъ милости показаны были и свѣрныя заслуги къ російскому государству; есть чѣмъ вспомнить!!*

С. Скажи, пожалуй, были-жъ съ нимъ, Минихомъ, въ тѣхъ походахъ *наши російскіе* генералы; и для чего ему, Миниху, о такихъ не порядочныхъ поступкахъ не говорили?

Я. Тогда съ ними были *почти всѣ генералы нѣмцы, его союзники* и единой вѣры, а пмянно: *два Бирона, Левендалъ и прочіе* ⁵³⁾, а російскихъ полныхъ генераловъ одинъ *Румянцовъ*, и хотя это человѣкъ добрый, и умной министръ, и любимецъ, генераль-адъютантъ вѣчно славныя памяти государя императора Петра Великаго, и нынѣ съ шведами, въ Абовѣ на конгрессѣ, миръ учинилъ, да што ему было дѣлать (?) *вся пienen пониція Миниху, яко Отелзну (?)* предана: *россійскихъ полковниковъ разстрѣливалъ, а генераловъ въ солдаты писалъ!* Румянцовъ и самъ отъ него всегда ожидалъ смертной напасти. Въ одно время, будучи въ хотинскомъ походѣ, призвалъ Минихъ къ себѣ, съ прочими генералами Румянцова, на консиліумъ; Румянцовъ намѣренію его прекословилъ и предлагалъ о цѣлости російскаго интереса. За то Минихъ такъ на него осерчалъ, что изъ палаты своей такого честнаго человѣка не честно выславъ, да *не однократно на него ко двору писалъ и бездѣльныхъ слѣдствъ за тѣмъ учинялъ;* только его добраго человѣка и російскаго отечества сына за его правду и добрыя дѣла отъ такого злонаправнаго человѣка самъ Богъ закрылъ, и до гибели не допустилъ ⁵⁴⁾. По окончаніи же войны, какъ пріѣхалъ Минихъ въ Петербургъ, соединился съ курляндскимъ бывшимъ герцогомъ, *Бирономъ* и съ его *креатурами нѣмцами* стали, что имъ надобно дѣлать: изъ Россіи серебро и золото и прочія вещи тащить за-границу ⁵⁵⁾. *Не давно я видѣлъ* отъ него Бирона въ *Итавѣ* и въ Ригѣ *пожитки* и построенные его въ Ругидалѣ дома: не стыдно тѣмъ довольствоваться и самому великому монарху, а все-то ему Россія даровала! *Бѣдныхъ крестьянъ нашихъ изъ за-домокъ въ тюрьмахъ поморили,* а

у него серебряные великіе сервизы и золотой богатой посуды ставить некуда было; а брильянты въ пряхкахъ башмачныхъ, а въ упряжкахъ и сѣдлахъ на лошадахъ его золотые уборы, возить негодились! въ такое пришелъ богатство. Послѣ же оной, турецкой войны, какъ объявили намъ о кончинѣ покойной государыни, императрицы Анны Ивановны, а его, Бирона, сдѣлали правителемъ російскаго государства, такъ меня, братецъ, по кожѣ подрало, какъ *медвѣжьимъ котель!* Вотъ теперь бѣдная Россія *попала изъ лихорадки въ горячку!* Прости православная наша *вѣра и церковные учителя* ⁵⁵⁾! Итакъ десять лѣтъ почти молчали, а нынѣ и ничего уже говорить не будете! Прости російское, вѣрное дворянство, и Петромъ Великимъ наученное, храброе солдатство, десять лѣтъ вы забыты и уничтожены были, а нынѣ конецъ вамъ и всѣмъ славнымъ дѣламъ вашимъ приходитъ! Отъ Петра Великаго насажденныя фабрики и мануфактуры, и всѣ премудрыя науки, уже васъ Россія имѣть не будетъ, пбо чужіе ею обладаютъ! Вотъ скоро велятъ намъ забыть законы и дѣла петровы, а учинять новыя *интриги!* При томъ же и прочіе мои братья, вѣрныя російскаго отечества дѣти сердечно и болязненно о томъ сожалѣли. И о законной наслѣдницѣ, государынѣ, цесаревнѣ Елисаветѣ Петровнѣ, *ей, ей, ей*, братецъ многожды, со слезами вспомянулъ, что родители ея все то оставили, чѣмъ нынѣ иноплеменики царствуютъ; да не токмо тогда пособить и говорить много не смѣли, дондеже воля Божія къ тому была; и тако, поговоря, поплъ *въ повеленный* нашъ походъ; вотъ послѣ того услышали вскорѣ, что Миннихъ Бирона арестовалъ и въ ссылку послалъ, со всей его креатурой, въ томъ числѣ и *пруссакка* Бисмарка; а мы російскіе солдаты сошлись между собой, тихонько пошептались, сталъ *гонять чортъ дьявола*, а обопмъ не мпновать гонки; а де *рубими татаринъ татарина*, а оба въ *России ненадобны* ⁵⁶⁾. Тотъ же годъ объявили шведы съ нами неправедную войну, а признавають къ сей со шведами войнѣ великую причину: *подами ее ядушіе російской хлѣбъ ильцы, ибо шведы видѣли въ прошедшей съ турками войнѣ всѣ государственные убытки и надпнулись, что у насъ, въ Россіи, противъ нихъ и солдатъ не будетъ!* И разсуждали такъ: «мы де вотъ

командры будемъ, что захотимъ, то и учинимъ, пущай де русскіе *рабова* своихъ высоко не поднимаютъ, и нами не обладаютъ». Да всемогущій Богъ коварные совѣты языковъ разорилъ Духомъ Своимъ Святымъ; воздвигъ духъ Петра Великаго, живущій въ дщери его, Елисаветѣ Петровнѣ. Послалъ ее вырвать изъ чужихъ рукъ скипетръ отца ея, Петра I-го, избавить отъ насильныхъ обидъ, униженныхъ російскому дворянству и всему народу, котораго Петръ научилъ, и кровавымъ своимъ потомъ и трудамъ *людьми* учинилъ; о которомъ народъ *прежніе наши нѣмецкіе правители* говорили, порицая: «лѣтъ де ни одного изъ русскихъ достойнаго человѣка и ни въ какой чинъ не годятся».

А Петръ Великій, изъ своихъ природныхъ русскихъ учредилъ: генералъ-фельдмаршаловъ, генераловъ, адмираловъ, министровъ, сенаторовъ и президентовъ! И они интересъ его въ цѣлости сохраняли, и многими народами обладали.

Во истинну братецъ, еслибы, великая государыня Елисавета не воскресла, и намъ бы, *россійскимъ людямъ* сидѣть бы *въ темнотѣ*, да и до смерти не видѣть бы свѣта. Утверди-жь ее Богъ на престолѣ, устроенномъ изъ твердаго камня отъ отца ея, непоколебимо въ его законахъ на многія лѣта. *Се мы ей послужимъ вѣрно*, сколько мочи нашей будетъ! Право, есть у нее много природныхъ, російскихъ, храбрыхъ и достойныхъ людей, *только еще нынѣ, при иностранныхъ начальникахъ не видны!* Такожъ-бы и наследникъ ея, великій князь Петръ Ѳедоровичъ наследовалъ бы славу дѣда своего, Петра Великаго, во вѣки незабвеннаго, отца-государя російскаго; и былъ бы милостивъ къ *русскимъ дворянамъ* и ко всему народу!»

Этимъ *молениемъ* заканчивается интересная бесѣда двухъ солдатъ; бесѣда эта, равно и прочія современные сочиненія, какъ-то предикци, оды и проч., достаточно показываютъ, до какой степени возбуждено было *общественное мнѣніе* противъ иноземцевъ. Елисавета въ день восшествія на престолъ слышала крики ликующихъ солдатъ: *слава иноземцамъ, честь россиянамъ* ⁵⁷⁾, и *возсъвъ* на престолъ окружила себя русской партией; именитѣйшіе пзъ иноземцевъ, оказавшіе

безспорныя заслуги новому своему отечеству, тотчасъ увидѣли, что императрица не благоволитъ къ нимъ. Одинъ за другимъ стали удаляться они изъ Россіи: между другими удался генераль-ашшефъ и командиръ кирасирскаго полка Левендаль; славный Кейтъ также просилъ увольненія и государыня едва могла удержать его, впрочемъ ненадолго, въ русской службѣ; извѣстный полковникъ Манштейнъ потерялъ жалованныя ему двумя Аннами деревни: Елисавета роздала ихъ своимъ любимцамъ. Манштейнъ едва избѣгъ ссылки на границы Сибири и хотя остался на службѣ и участвовалъ въ походѣ 1743 года, но уже готовился бѣжать изъ Россіи. «Дисциплины въ войскахъ нѣту ни какой, пишетъ Пецольтъ въ донесеніи, отъ 29-го марта, солдаты и въ-особенности лейбъ-кампанцы, буйствуютъ до необузданности. Свѣдавъ, что принцъ гессенъ-гомбургскій жалуется на ихъ своеволие, гвардейцы прямо объявили, что буде онъ не уймется, то и его, и всѣхъ *нѣмцевъ* изрубятъ въ куски. Императрица страшится наказывать мятежниковъ, страшится этими казнями охладить къ себѣ любовь простонародья. Нечего и удивляться отсутствію порядка и повиновенія, заключаетъ резидентъ, иноземцы — офицеры, которые одни на что-нибудь годились, хотя и между ними было много прескверныхъ людей, они не имѣютъ ни какого значенія, *русскіе офицеры* вредятъ имъ, гдѣ можно возбуждаютъ противъ нихъ всѣхъ и всячески тѣснятъ изъ службы.»

ПРИМЪЧАНІЯ.

1) *Русское Слово* 1859 г., книжки 2, 6 и 8-я. — Елисавета до восшествія своего на престолъ и Первый годъ ея царствованія. 1709—1742.

2) *Manstein*, стр. 486.

3) *И. С. З.*, № 8694.

4) № 8701. Опредѣленіе состоялось по докладу сенатской конторы изъ Москвы; контора спрашивала, что дѣлать съ двѣнадцатью солдатами, у которыхъ поотморожены пальцы на ногахъ, нѣту плюсны, у одного, семидесяти-лѣтняго драгуна, нѣ-

сколько ранъ. «Идти они не могутъ, а дать имъ до Петербурга подводы казнѣ ея величества будетъ напрасный убытокъ?»

5) *С. З.* № 8700. Исторія л. г. павловскаго полка *Гоуальта*. 1852 г., стр. 21.

6) *И. С. З.*, т. XI, № 8694—8848.

7) *Спб. Вѣдомости* 1743 г., стр. 298, 313, 322. Въ вѣдомостяхъ вызывались поставщики на дѣйствующую армію пива 141,650 ведеръ, лѣсу, угля; вызывались въ Кронштадтъ 3,500 работниковъ и т. п., стр. 235, 347, 348.

8) *Вѣд.*, 168.

9) № 8703. Исключены изъ набора однодворцы и старыхъ службъ служилые люди; ими пополняли ландмилиціе полки, да ямщики, имѣвшіе свою повинность. *Кощкою* называлась плеть съ короткою, плетеною рукояткою и пятью, либо семью хвостами, оканчивавшимися толстыми узлами. Наказаніе кошками уничтожено въ нашемъ флотѣ весьма недавно.

10) *Вѣд.*, стр. 373—376, *прибавленіе* 45.

11) Въ числѣ генераловъ, сопутствовавшихъ Головину, былъ *Лопухинъ*.

12) *Manstein*, стр. 486—518. *Вейдемейеръ*, стр. 64—77. *Шнелеская*, стр. 239—275. *Журн. мин. нар. пр.* 1859 г., № 3, стр. 125—134. *Финскій Вѣстникъ* 1845 г., т. I, стр. 49—57. *Каменскій*, 1836 г., ч. 2, стр. 113—116, ч. 3, стр. 155—157. *Каменскій*, біографія фельдмаршала, ч. I., стр. 210—215. *Родословіе Головиныхъ*, 1847 г., стр. 215—220. *Современникъ* 1843 г., № 6. *Мальшицъ*, 1825 г.: Россійскій ратникъ или лѣтопись войнъ до 1805 г., стр. 640—644. *Списокъ генераловъ* отъ Петра I, 1809 г., стр. 56—84. *Бутурлинъ*: Военная исторія Россіи, 1839 г., ч. 2, стр. 160—179. Въ *Geschichte des russischen Staats von Dr. Ernst Herrmann*, ч. 5. Гамбургъ, 1853 г., глав. II, стр. 24—65, превосходно изложена дипломатическая сторона шведо-русской войны. Германъ пользовался современными депешами пословъ, бывшихъ въ Россіи: Линара, Пецольда, Гегсдорфа и друг. *Журн. Петра I*, ч. I, стр. 434. *Вѣд.*, стр. 337, 338. *Бергъ*: Жизнеописанія русскихъ адмираловъ, ч. 2. Весьма важныя подробности собраны въ статьѣ г. *Соколова*: «Морскіе походы противъ шведовъ, 1742—1743 г., въ *Запискахъ гидрографическаго департамента* 1847 г., ч. 5., стр. 252—330. *Соколовъ* пользовался дѣлами главнаго морскаго архива, приложилъ хорошій планъ Финскаго залива, планъ шведскаго флота у Гангзудда 24-го мая 1743 г., и русскихъ кораблей 6-го іюня того же года.

13) *Экстрактъ изъ рапортовъ*, обрѣтающагося при войскахъ ея императорскаго величества на галерахъ генералъ-аншефа *Кейта*, о его въ началѣ нынѣшней кампаніи операціяхъ, и случившихся у него съ непріателемъ на галерахъ, подъ командою вице-адмирала Фалкенгрена сраженіи, у острова Корпо, 19-го мая. 4. д., 4 стр. Спб., 13-го іюня. Нѣтъ сомнѣнія, что какъ эта, такъ и послѣдующія реляціи разосланы были при вѣдомостяхъ, но въ единственномъ академическомъ экземплярѣ Вѣдомостей 1743 г. ихъ нѣтъ; мы приобрѣли эти листочки, вмѣстѣ съ другими бумагами, отъ г. Ш—ма.

14) *Манитейнъ, Берхъ, Вейдемейеръ* спутали въ своихъ разсказахъ старый и новый стиль, также счисленіе гражданское и морское; г. *Соколовъ* опредѣляетъ точно всѣ дни, слѣдуя подлиннымъ, современнымъ журналамъ командировъ флота. *Кейтъ* не *разукрасилъ* свою реляцію о побѣдѣ при Корпо, въ этомъ отношеніи разсказъ *Манитейна* подробнѣе; самое донесеніе Головина, 11-го іюня, несравненно витіеватѣе. Головинъ много говорить о боязни шведовъ, умалчиваетъ о своей нерѣшительности; читая его реляціи, можно подумать, что адмиралъ одержалъ не одну побѣду. Смотри. «Экстрактъ изъ рапорта, полученнаго отъ обрѣтающагося во флотѣ ея императорскаго величества адмирала графа Головина отъ 11-го сего іюня. Спб., 20-го іюня. 4 д. л., 1—3 стр.» Головинъ упоминаетъ о непріятельской стрѣльбѣ изъ *гаубицъ*.

15) Адмиралъ фонъ-Утфаль лишень былъ, впоследствии, полугодоваго жалованья за то, что, отойдя отъ Гангэудда, позволилъ Ласси соединиться съ Кейтомъ.

16) *П. С. З.*, № 8748.

17) *Записки М. В. Данилова*, изд. 1842 г., стр. 26—27. «Отъ этой скачки люди слабые впадали въ чахотку и умирали, кто же былъ покрѣпче, тотъ обращался за *винной помощью*, т. е., начиналъ пить мертвую. Съ 1760 годовъ курьеры стали ѣздить въ кибиткахъ и въ девятый день поспѣвали изъ Валахія въ Петербургъ, о чемъ при верховой скачкѣ нечего было и думать.»

18) «*Порядокъ* церемоніи, объявленія торжественнаго мира въ царствующемъ градѣ С. Петербургѣ, и *объявленіе*, которое чтено въ 3-й день іюля, въ церкви пресвятыя Казанскія Богородицы, въ высочайшемъ присутствіи ея императорскаго величества. Печатано при академіи. Спб. 4 д., 8 стр.» Изданіе столь же рѣдко, какъ и названныя нами реляціи, въ академическомъ экземплярѣ Вѣдомостей нѣтъ сего *порядка и объявленія*.

19) *Стефана*, епископа псковскаго и нарвскаго, слово краткое при первомъ торжественномъ объявленіи, заключеннаго между Россіей и Швеціей, вѣчнаго мира, проповѣданное 3-го іюля 1743 года. Москва, 1744 г., въ 4 д. (по *Сопикову*, т. I, стр. 207).

20) Петръ Александровичъ, сынъ генераль-аншефа Александра Румянцева, родился въ 1725 году, и такимъ образомъ на восемнадцатомъ году отъ рожденія сдѣланъ былъ полковникомъ. Но *ранѣ полковничій* не стѣснялъ юношу, будущаго героя Россіи: его поведеніе было далеко не степенное. Онъ удальствомъ превосходилъ товарищей, страстно любилъ женщинъ, былъ любимъ ими, не зналъ препятствій и очень часто въ виду солдатъ торжествовалъ надъ непреклонными красавицами. Заплатилъ оскорбленному мужу двойной штрафъ и въ тотъ же день воспользовался своимъ правомъ. «Вѣдь ты не можешь жаловаться, сказалъ Румянцевъ мужу-рогоносцу, я впередъ заплатилъ тебѣ удовлетвореніе!» Проказы полковника дошли до высочайшаго свѣдѣнія. Елисавета, блюдя чистоту нравовъ, особенно была строга къ подобнаго рода поступкамъ; но, уважая заслуги Александра Ивановича, предоставила ему *штрафовать* сына. Отецъ велѣлъ разложить сына и нещадно отодралъ восемнадцатиплѣтняго полковника. Тотъ съ покорностью ребенка перенесъ отческое, тѣмъ не менѣ весьма *внушительное штрафованье*. Не извѣстно, какое вліяніе имѣло это непріятное обстоятельство на любовные подвиги Задунайскаго? *Жизнь Румянцева*. Москва, 1803 г., и друг. Въ одно время съ Румянцевымъ началъ службу, будущій герой чесменскаго боя, адмиралъ Г. А. Спиридовъ. Въ походѣ 1743 г. онъ былъ лейтенантъ.

21) *Екатерина II*, стр. 7.

22) Въ Стокгольмѣ долго показывали, какъ вещь замѣчательную, шлюбку Лингена.

23) *И. С. З.*, № 8766, 8771, 8777, 10,086.

24) *Ратификація* ея императорскаго величества самодержцы всероссійской на трактатъ вѣчнаго мира, заключенный съ его королевскимъ величествомъ и государствомъ шведскимъ въ Абовѣ, со внесеніемъ всего онаго трактата. Въ листъ. 14-го сентября 1743 г., 1—20 стр. Внизу подписи Елисаветы, *контрасинировалъ* графъ Алексѣй Безтужевъ-Рюминъ, а на шведской ратификаціи *изображена* государственная великая печать.

25) *Стефана*, епископа псковскаго, слово въ день торжественнаго благодаренія Богу о заключеніи съ Швеціей мира,

проповѣданное 15-го сентября 1743 г. Москва, 1744, въ 4 д. л. (по *Сопикову*, т. I, стр. 207).

26) Тогда же розданы печатные экземпляры *описанія* сего феерверка. Устройствомъ его занимался Штеллингъ; профессоръ аллегоріи изобрѣлъ при этомъ случаѣ *подвижныя фигуры*, которыя чрезвычайно понравились двору и были потомъ усовершенствованы. *Богенъ*, словарь св. писат. 1845, ч. 2, стр. 264.

27) О церемоніяхъ, бывшихъ въ Нарвѣ, Дерптѣ, Ревелѣ, Ригѣ, Або, въ *Вѣдом.* стр. 543, 546, 547, 584, 586. Въ нарвской и ревельской киркахъ говорились, по этому случаю, *презрѣдныя* проповѣди. Донесеніе камеръ-юнкера *Сиверса*.

28) *О. Бяллева*: «Кабинетъ Петра I». Спб. 1800 года, ч. III, стр. 80—81.

29) Кейтъ первое время, по прибытіи въ Стокгольмъ, занималъ мѣсто нашего посла; это званіе получилъ баронъ фонъ Корфъ, пріѣхавшій въ Швецію въ декабрѣ 1743 года. *Вѣдом.* стр. 832, 842.

30) *Herrmann*: Geschichte Russlands, ч. V, гл. 2, стр. 61—66. Донесеніе *Гейсдорфа* отъ 21-го сентября. Приложение второе въ соч. Германа.

31) Густой вечерній туманъ скрылъ движеніе Ласси въ обходѣ гангэудскаго мыса. *Manstein*, стр. 496.

32) *П. С. З.* № 8798. Вѣдомость, помѣщенная здѣсь, составлена весьма сбивчиво. Тутъ же смотр. № 8802: «отводить въ столицахъ квартиры унтеръ-офицерамъ, рядовымъ и подъ полковыя аптеки, а офицерамъ квартиръ не отводить».

33) Въ числѣ убитыхъ былъ сенаторъ *Адлерфельдъ*.

34) Все что касается до всѣхъ войнъ Россіи съ Швеціей — все введено *Шафировымъ* въ изданной имъ книги 1718 года: «О древнихъ и новыхъ причінахъ, которыхъ ради должно было его царскому величеству, противъ короны шведской войну начать». Съ *дедикаціей* или приношеніемъ *наслѣднику* царевичу Петру Петровичу. Книга кромѣ историческаго значенія, имѣетъ и литературный интересъ: языкъ ея наполненъ иностранными словами, противъ которыхъ стоятъ русскіе переводные.

35) *Ласси* родился въ 1678 году, въ 1743 году ему было 65 лѣтъ. Любопытныя свѣдѣнія о немъ въ *Ephemérides Russes politiques, littéraires, historiques et nécrologiques* par *Spada*, т. IV, стр. 255—267.

36) Искусно перейдя ко второй части своего разсужденія,

авторъ уже прямо говоритъ отъ себя въ лицѣ одного Якова, и говоритъ гораздо смѣлѣе.

37) Ласси подошелъ къ Данцигу 10-го февраля 1734 года, находя дѣйствія его медленными, Биронъ поручилъ команду Миниху. Фельдмаршалъ явился въ лагерь 25-го числа.

38) Едва ли это не клевета. Строгій до чрезмѣрности къ подчиненнымъ, Минихъ еще былъ строже къ самому себѣ и отличался необыкновенной воздержностью. Солдаты, вопреки памфлетисту, любили Миниха, были преданы ему безусловно, наконецъ воспѣвали его *яснымъ соколомъ* въ разныхъ пѣсняхъ. Онъ заботился о солдатскихъ нуждахъ и смѣло осуждалъ за разныя злоупотребленія генераль-крюгсъ-коммиссара Н. Ю. Трубецкаго, имѣвшаго большую силу при дворѣ. Наконецъ въ самую критическую минуту жизни фельдмаршала, солдаты явили къ нему несомнѣнные знаки любви: 17-го января 1742 г. гренадеры съ грустью и сожалѣніемъ конвоировали своего вождя, безстрашно выступавшаго за дровнями съ Остерманомъ къ мѣсту казни. Эта сцена живо описана Пецольдомъ и другими послами иноземными, видѣвшими ее изъ оконъ коллегій. *Herrmann: Geschichte Russlands*, гл. 1, стр. 40—50 и *La Cour de la Russie*, 1858 года.

39) Минихъ пытался завладѣть гагельсбергскимъ возвышеніемъ, отъ котораго зависѣло занятіе Данцига. Эта попытка, 27-го апрѣля, не удалась потому, что при началѣ штурма главнѣйшіе офицеры были убиты. Вся наша потеря въ семь дѣлъ простиралась до двухъ тысячъ людей. Но гарнизонъ не сумѣлъ воспользоваться нашей неудачей.

40) Изъ *деяти* фельдмаршаловъ петровскаго времени было *три* иноземца: *Крон*, *Опльвій* и *Гольцъ*.

41) Въ одномъ изъ нашихъ рукописныхъ сборниковъ XVIII вѣка есть современная (царствованія Елисаветы) сатира на одежду русскаго воинства, указываются ея недостатки и проч.

42) Минихъ былъ дѣйствительно честолюбивъ, самолюбивъ и тщеславенъ. Домъ его, на углу 12-й линіи (съ 4-го марта 1743 года морской корпусъ), былъ разукрашенъ знаменами, пушками, пзображеніями *скованныхъ* турокъ и проч. *Исторія морскаго корпуса, Веселаго*. 1852 года, стр. 118.

43) Манштейнъ и друг., рассказывая о походахъ 1736—1739 годахъ, осуждаютъ Миниха за излишнюю трату людей въ бояхъ, но отдаютъ справедливость его военному генію, его распорядительности и находчивости. Если войска страдали отъ недостатка

въ провіантѣ, въ этомъ былъ виноватъ генераль-крюгсъ-коммисарь Трубецкой, о чемъ составитель памфлета умалчиваетъ. *Неттманн*, 1. Изъ журнальныхъ статей о войнахъ Миниха укажемъ: стат. *Н. А. Полеваго*: Библ. для Чтен. 1844 года, т. LXIV, стр. 37—89: «Польская и турецкая войны 1734, 1736—1739 годовъ»; гораздо важнѣе статья *Висковатова*, «Военныя дѣйствія гребнаго флота на азовскомъ морѣ 1736—1738 годовъ». Сынъ Отеч. 1830 года. СХХХІІІ, стр. 226, 339—395. Авторъ, на основаніи подлинныхъ документовъ, находитъ много ошибокъ въ разсказѣ Манштейна.

44) Между многими, безспорно пристрастными обвиненіями, здѣсь много вполне справедливыхъ замѣчаній. Вотъ почему кто будетъ писать о фельдмаршалѣ, не долженъ упустить *разговоры 1743 года*.

45) Въ этихъ и другихъ выходкахъ слышны голоса *Амеросія Юшкевича*, *Кирилла Флоринскаго* и друг. ораторовъ 1740 годовъ. См: *III главу* нашего очерка.

46) Русскіе пропозносили въ то время *Нитава*, вмѣсто *Митава*. Смотри *Моск. Вѣсти*. 1830 года, № 4.

47) Достойно замѣчанія, что даже воинскіе успѣхи памфлетистъ нашъ не признаетъ за Минихомъ. «Все дѣлало храбрость русскихъ войскъ», а главнокомандующій только вредилъ своимъ *славолюбіемъ*.

48) Въ компаніи 1736 года подъ начальствомъ Миниха было пять иноземныхъ и шесть русскихъ генераловъ. Въ 1737 году: *семь нѣмцевъ, шесть русскихъ*; въ 1738 году: *десять нѣмцевъ, семь русскихъ*; наконецъ въ 1739 году: *шесть иноземцевъ, семь русскихъ*. Отношенія между числами иноземныхъ и русскихъ генераловъ не измѣнились въ пользу русской партіи и въ 1743 году: не говори уже о томъ, что двое главнѣйшихъ вождей *Ласси* и *Кейтъ* — были иноземцы, но изъ *шести* генераловъ *три* были иностранцы: Брилли, Ведель, Стуртъ.

49) Характеристику А. И. Румянцева смотри въ VII главѣ «Елисаветы Петровны». Если Минихъ очернилъ при дворѣ отца Задунайскаго, то какимъ же образомъ при заключеніи мира въ 1740 году, Румянцевъ получилъ шпагу, брилліантами осыпанную и достоинство украинскаго штатгальтера, то есть, правителя?

50) Это обвиненіе еще прежде было говорено съ церковныхъ кафедръ. VIII гл. *Елисаветы Петровны*.

51) Замѣчательно, что подобно извѣстнымъ уже намъ пропо-

вѣдникамъ, составитель *разговоровъ* ни однимъ словомъ не поноситъ бывшую правительницу Анну.

52) *Н. М. Карамзинъ*: Записка о древней и новой Россіи. *Manstein*, ч. 2. Замѣчанія на записки *Миниха-сына*. Отеч. Зап. 1825 г. «Объ авторѣ примѣчаній на записки *Манштейна*», статья *Н. К. Щербальскаго*. Чтен. Общ. Истор. Москва, 1859 г.—Статья эта была уже въ наборѣ, когда, по представленію В. М. Аничкова, получили мы разрѣшеніе отъ генераль-квартирмейстера барона Ливена заниматься въ архивѣ военно-топографическаго депо при главномъ штабѣ. Архивъ этотъ драгоцененъ по богатству матеріаловъ, относящихся къ военнымъ дѣйствіямъ нашихъ войскъ съ конца XV вѣка по настоящее время. Изъ бумагъ, важныхъ для описанія русско-шведской войны 1741—1743 года, мы обратили вниманіе на слѣдующія: а) *Собраніе* специальныхъ плановъ, показующихъ, гдѣ имѣлъ ставки російскій галерный флотъ, дѣйствуя войною противъ шведовъ 1742—1743 годовъ. Съ приложеніемъ походнаго журнала. Въ листъ. Карты превосходно раскрашены (№ 15,436); б) *Журналъ* о дѣйствіяхъ войскъ. 1741—1743 годовъ. (№ 44,707); в) Записки генерала *Завалишина*, о войнѣ 1741—1743 годовъ. (№ 47,357); г) *Журналъ* полковника *Кейта*, на французскомъ языкѣ. 1741—1743 годовъ. (№ 48,110); д) Замѣчанія касательно новой Финляндіи, относительно военныхъ дѣйствій 1741—1743 годовъ. *Бибикова*, соч. 1808 года. (№ 35,499); е) Россійско-шведская война 1741—1743 годовъ, соч. *Неизвѣстнаго*, 1789 года. (№ 15,488) и проч.

МИХАИЛЬ СЕМЕВСКІЙ.

С. Петербургъ, 2 декабря 1859 года.

Приговоръ.

(Легенда о констанскомъ соборѣ.)

На соборѣ, на констанскомъ,
Богословы засѣдали ;
Осудивъ Иогана Гуса,
Казнь ему изобрѣтали.

Въ длинной рѣчи, докторъ черный,
Разобравъ всѣ истязанья,
Предлагалъ ему соборнѣ
Присудить колесованье,

Сердце, зла источникъ, кинуть
На съѣденье псамъ поганымъ,
А языкъ, какъ зла орудье,
Дать склевать нечистымъ вранамъ,

Самый трупъ предать сожженью,
Напередъ проклявъ трикраты,
И на всѣ четыре вѣтра
Бросить прахъ его проклятый....

Такъ по пунктамъ, на цитатахъ,
На соборныхъ уложеньяхъ,
Приговоръ свой докторъ черный
Строилъ въ твердыхъ заключеньяхъ ;

И дивясь, какъ все онъ взвѣсилъ,
 Въ безпристрастномъ приговорѣ,
 Восклицали «bene, bene!»
 Люди опытные въ спорѣ.

Каждый чувствовалъ, что смута
 Многихъ лѣтъ къ концу приходитъ,
 И что докторъ изъ сомнѣній
 Ихъ какъ изъ-лѣсу выводитъ....

И не чаяли, что тутъ же
 Ждетъ еще ихъ испытанье....
 И случился грѣхъ великій!
 Такъ гласитъ бытописание :

Былъ при кесарѣ въ тотъ вечеръ
 Пажикъ розовый, кудрявый.
 Въ рѣчи доктора немного
 Онъ нашелъ себѣ забавы.

Онъ глядѣлъ, какъ мракъ густѣетъ
 По готическимъ карнизамъ ;
 Какъ скользятъ лучи заката
 Вкругъ по мантиямъ и ризамъ ;

Какъ рисуются на мракѣ,
 Краснымъ свѣтомъ облитые,
 Усь заборный, черепъ голый,
 Лица добрыя и злыя....

Вдругъ въ открытое окошко
 Онъ взглянулъ и — оживился ;
 За пажомъ невольно кесарь
 Поглядѣлъ, развеселился.

За владыкой — рядъ за рядомъ,
 Словно нива отъ дыханья
 Вѣтерка, оборотилось
 Тихо къ саду все собранье :

Грозный сонмъ князей имперскихъ,
 Отъ Сорбонны депутаты,

Трирскій, литтисскій епископъ,
Кардиналы и прелаты —

Оглянулся даже папа!
И — суровый ликъ дотопъ,
Мягкой, старческой улыбкой
Озарился по неволѣ.

Самъ ораторъ, докторъ черный,
Началъ путаться, сбиваться,
Вдругъ умолкнулъ и въ окошко
Сталъ глядѣть и — улыбаться!

И куда они глядѣли?
Что могло привлечь ихъ взоры?
Развѣ небо голубое?
Или розовыя горы?...

Но они таятъ дыханье,
И предавшись сладкимъ грезамъ,
Точно слѣдуютъ душою
За искуснымъ виртуозомъ.

Дѣло въ томъ, что въ это время
Вдругъ запѣлъ въ кусту сирени
Соловей предъ темнымъ замкомъ,
Вечеръ праздная весенній.

Онъ запѣлъ — и каждый вспомнилъ
Соловья такого жъ точно,
Кто въ Неаполѣ, кто въ Прагѣ,
Кто надъ Рейномъ, въ часъ урочный;

Кто таинственную маску,
Блескъ луны и блескъ залива,
Кто трактировъ швабскихъ Гебу —
Разливательницу пива....

Словомъ — всѣмъ пришли на память
Золотые сердца годы,
Золотыя грезы счастья,
Золотые сны свободы,

И исторія не знаетъ
 Сколько длилось молчанье,
 И въ какихъ странахъ витали
 Души чернаго собранья....

Былъ въ собраньѣ этомъ старецъ ;
 Изъ пустыни вызванъ папой,
 И почтенъ за строгость жизни
 Кардинальской красной шляпой, —

Вспомнилъ онъ, какъ тамъ, въ пустынѣ,
 Миръ природы, птичекъ пѣнье
 Укрѣпляли въ сердцѣ силу
 Примиренья и прощенья ;

И, какъ шопоть раздается
 По пустой, огромной залѣ,
 Такъ въ душѣ его два слова :
 «Жалко Гуса» — прозвучали.

Машинально, безотчетно
 Поднялся онъ, и объятья
 Всѣмъ присущимъ открывая,
 Со слезами молвилъ : «братья!...»

Но, какъ будто перепуганъ
 Звукомъ собственнаго слова,
 Костылемъ ударилъ обь-поль
 И упалъ на мѣсто снова.

«Пробудитесь, возопилъ онъ,
 Блѣдный, ужасомъ объятый :
 «Дьяволъ, дьяволъ обошелъ насъ !
 «Это гласъ его проклятый!....

«Каюсъ вамъ, отцы святыя!
 «Льстивой пѣснью обаянный,
 «Позабылъ я пребыванье
 «На молитвѣ неустанной, —

«И вошелъ въ меня нечистый!
 «Къ вамъ простеръ мой объятья,

«Изъ меня хотѣлъ воскликнуть :
«Гусь невиненъ!!... Горе, братья!...»

Ужаснулося собранье
Встало съ мѣстъ своихъ и хоромъ —
«Да воскреснетъ Богъ» запѣло
Духовенство всѣмъ соборомъ.

И очистивъ духъ отъ бѣса
Покаяньемъ и проклятьемъ,
Всѣ упали на колѣни
Предъ серебрянымъ распятьемъ ;

И, возставъ, Югана Гуса, —
Церкви Божьей во спасенье,
Въ назиданье хрстіанамъ, —
Осудили на сожженье.

Такъ святая ревность къ вѣрѣ
Побѣдила ковы ада.
Отъ соборнаго проклятья
Дьяволъ вылетѣлъ изъ сада,

И надъ озеромъ констанскимъ,
Въ видѣ огненнаго змѣя,
Пролетѣлъ онъ, надъ землею,
Въ лютой злобѣ, искры сѣя....

Это видѣли : три стража,
Двѣ монахини-старушки,
И одинъ констанскій ратманъ,
Возвращавшійся съ пирушки.

А. МАЙКОВЪ.

1859.

СЕМЕЙСТВО ПОДОШВНЫХЪ.

РОМАНЪ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Предлагаемый публикѣ романъ принадлежитъ автору напечатаннаго года два тому назадъ въ «Современникѣ» романа «Послѣдняя казнь». Еще и въ томъ произведеніи нельзя было не обратить вниманія на чрезвычайную простоту разсказа, воспроизводившую ярче всякихъ беллетристическихъ ухищреній старый русскій бытъ, изъ котораго взять сюжетъ романа. Въ настоящемъ произведеніи та же безпкусственная, часто возвышающаяся до художественности простота соединяется, кромѣ глубокаго знанія изображаемаго авторомъ быта, съ замѣчательнымъ умѣньемъ группировать и отдѣлять факты, съ замѣчательнымъ искусствомъ немногими чертами ярко и вѣрно обрисовывать характеры дѣйствующихъ лицъ. Эти качества тѣмъ болѣе останавливаютъ на себѣ вниманіе, что въ авторѣ мы видимъ, по множеству мелкихъ, меткихъ и характеристическихъ подробностей, человѣка, вышедшаго изъ той самой сферы, въ которой почеркнуто содержаніе романа. Это дѣйствительно такъ и есть. Г-жа Кобыкова принадлежитъ къ числу тѣхъ писательницъ, которыя берутся за перо не вслѣдствіе болѣе или менѣе литературнаго воспитанія, болѣе или менѣе близкаго столкновенія съ литературнымъ обществомъ, а вслѣд-

ствіе глубокой потребности высказать то, что накопило и наболѣло на сердцахъ. Считаемою обязанностью рекомендовать нашимъ читателямъ это новое, свѣжее и самородное дарованіе.

Ред.

I.

Въ 184.. году, на канунѣ праздника Всѣхъ-Святыхъ, послѣ яснаго и теплаго дня, наступалъ тихій, прекрасный вечеръ. Отрезвонили ко всеобщей; богомольные обыватели города Привальска спѣшили по церквамъ.

Широкія ворота, принадлежащія къ дому купца Подошвина, распахнулись; растворившій ихъ широко-бородый кучеръ ожидалъ почтительно, пока съѣхали со двора дрожки въ одну лошадь, большую, вороную, задышающуюся отъ жпру. На дрожкахъ сидѣлъ и правилъ самъ Дмитрій Андреевичъ Подошвинъ; тщательно приглаженная шляпа, новый, корячьеваго сукна сюртукъ и лоснящіяся сапоги, словомъ, весь праздничный костюмъ сіялъ на Подошвинѣ; только его физиономію, сухую и жесткую, нельзя было назвать праздничною. Желтое, морщинистое, худощавое лицо, съ художественно выбритою, сѣдою бородою, ястребинымъ носомъ и холодными, сѣрыми глазами, смотрѣло какъ-то непріязненно, или по крайней мѣрѣ не симпатично. Возлѣ него сидѣла супруга его Марья Борисовна, женщина пожилыхъ лѣтъ, но еще довольно сохранившая остатки прежней красоты. На Марьѣ Борисовнѣ былъ надѣтъ шелковый, золотистаго цвѣта сальопъ, съ длиннымъ капюшономъ, голова ея была повязана лиловымъ платкомъ, изъ-подъ котораго виднѣлось немного волосъ.

Съѣхавъ со двора, купецъ и купчиха перекрестились. Дмитрій Андреевичъ пошевелилъ возжами, лошадь тронулась, захрипѣла, и побѣжала тихою рысью. Дрожки застучали и Марья Борисовна схватилась поспѣшно за задокъ ихъ, чтобъ не упасть. Вскорѣ облако пыли скрыло ихъ изъ виду. Когда

стукъ дрожекъ затихъ и пыль улеглась, остававшійся на улицѣ кучеръ затворилъ ворота и сѣлъ возлѣ нихъ на скамеечку.

Солнце закатывалось роскошно, послѣднія лучи его окрашивали розовымъ цвѣтомъ, переходящимъ въ оранжевый, легкую группу облаковъ, тихо несущуюся съ юга на сѣверъ, и бѣлыя городскія колокольни.

Вскорѣ показалась на улицѣ пожилая, невысокая, черноватая дѣвка, въ старой ситцевой блузѣ и черномъ, съ карманами, фартукѣ; пучекъ ея рѣдкихъ волосъ, собранныхъ на затылкѣ, придерживалъ осколокъ порыжѣвшей гребенки. Дѣвка не шла обыкновеннымъ шагомъ, а какъ-то кралась, словно кошка, и ея стянутые, лукавые глаза быстро перебѣгали съ предмета на предметъ.

— Здорово, Гаврила Прокофьячъ! Хозяева дома? спросила она, подойдя къ кучеру.

— Ахъ, мое вамъ-съ. Какъ ваше-съ? воскликнулъ кучеръ. — Просимъ садиться, Пелагея Осиповна! Рѣдко къ намъ жалуете!

— Рѣдко не рѣдко, и часто не часто, а такъ себѣ.... когда *лучится*, значить, когда надобность есть. Да что-жъ не отвѣчаешь, — дома?

— *Сами* сейчасъ со двора ко всенощной съѣхали, а молодая-то, кажись, дома; да куда-жъ торопиться-то? можно и отдохнуть. Сядь-ка рядкомъ, да поговоримъ ладкомъ.... Больно я по тебѣ соскучился, моя любушка!... сказалъ Гаврило, умильно поглядывая на Пелагею.

— Была я чьей-то любушкой, только не твоею. Ахъ, ты старина, старина! Одно сердце страдаетъ, а другое не знаетъ!

И Пелагея громко захохотала.

— Тебѣ смѣхи, да хп-хи! затвердила — старина! Что борода-то велика, такъ и старина. Волосъ глупъ, не спросясь — растеть и сѣдѣть. Не прикажешь ли обриться для тебя? А чѣмъ зубы напрасно скалить, такъ лучше бы подумала о томъ: полюбишь меня, въ накладѣ не будешь....

— А что ты мнѣ подаришь? спросила Пелагея, подбочась и прищуривъ глаза.

— Что подарю? Платье хранцузкаго ситца подарю....
вотъ чтò!

— Убирайся! хранцузкое?... Деревенщина!

— Ну, такъ шерстяное, что-ль? Пожалуй и шерстяное....

— Ну, а еще что?

— Еще.... еще?... Да будь только поласковѣй, Палаша,
такъ шаль красную съ мохрами куплю....

— Провались ты! Красную! Красныя давно изъ моды
вышли....

— Ну, такъ *прохоровскую*, что-ли? спросилъ Гаврила въ
недоумѣннѣ.

— Нужно прохоровскую,— диковинка! Я вѣдь не лапот-
ница. Ахъ ты, мужикъ, мужикъ! А сколько тебѣ лѣтъ, Гав-
рило Прокофѣичъ?... пятьдесятъ съ хвостикомъ есть?...

— Сорокъ девять.... произнесъ Гаврило, сердясь.

Пелагеѣ хотѣлось помучить своего обожателя, а потому
притворяясь ласковою, она продолжала:

— Годы не уроды, Гаврила Прокофѣичъ! что и гово-
рить; да въ томъ штука, что женатыхъ не люблю.... И она
тихонько зашѣла:

«Ахъ женатый, распроклятый,
«Погуляетъ, женѣ скажетъ —
«А холостенькой голубчикъ....»

— Да чортъ ли въ ней, въ женѣ-то! она за восемьдесятъ
верстъ отсюда; чѣмъ же я-то виновать, молодость - ту въ
скукъ проводить? проговорилъ въ раздумьи старый любез-
никъ.

— Ахъ, молодость, молодость! Правда, что сѣдина въ
бороду, а бѣсъ въ ребро. Отваляла-бы я тебя хорошей
палкой, Гаврила Прокофѣичъ....

— Опять захохотала! Эхъ, Палаша! вотъ и выходитъ:
кошкѣ игрушки, а мышкѣ слезки. Да и что, на смѣхъ что-ль
я тебѣ дался?...

Гаврила хотѣлъ взять Пелагею за руку.

— Брысь, брысь! не дотрогивайся! сказала дѣвка, от-
скакивая въ сторону.

— Да помилуй, Палаша, развѣ я кошка что-ли, что ты
брыскаешь? замѣтилъ Гаврила обиженнымъ тономъ.

— Не кошка, а котъ, да и то старый, который крысъ не ловить. Прощенья просимъ!

И Пелагея скрылась въ воротахъ, и такъ неожиданно, что съ минуту Гаврила сидѣлъ разиня ротъ, потомъ, прищелкнувъ языкомъ и смотря ей вслѣдъ, сказалъ:

— Вотъ-те и разъ! ушла! Ахъ, ты, дьявольское навожденіе, бѣсова дочь!

Въ то время, какъ у воротъ Пелагея балагурила съ кучеромъ, въ средней комнатѣ дома, называемой залою, одинъ одиухонекъ сидѣлъ подъ окномъ Андрюша, четырнадцатилѣтній сынъ Дмитрія Андреевича. Стройный и красивый, онъ былъ живой портретъ матери, — то же пріятное лицо, бѣлое и румяное, тѣ же темно-каріе, кроткіе глаза, тотъ же мягкій, нѣсколько робкій взглядъ, тѣ же алыя, полная губы и мягкіе русые волосы, подбритые высоко на затылкѣ и пробранные посреди лба. На немъ была голубая ептцевая рубашка поверхъ панталонъ и жилетъ съ красными полосками. Сначала Андрюша смотрѣлъ на облако пыли, несшееся за дрожками его родителей, прислушивался къ затихающему постепенно стуку этихъ дрожекъ, потомъ, какъ стукъ затихъ совершенно, какъ пыль улеглась, онъ закинулъ голову на спинку стула — и принялся безсознательно разсматривать нарисованныхъ на потолкѣ дебелыхъ амуровъ, поддерживающихъ огромныя вазы съ фантастическими цвѣтами, неизвѣстными ботаникѣ.

Вдругъ рѣзкій голосъ вывелъ его изъ задумчивости.

— Ахъ ты болванъ этакой! такъ-то ты тятеньки-то слушаешься? А! что буркалы-то въ потолокъ уставилъ? что ко всепопной нейдешь?...

Мальчикъ опустилъ голову. — Передъ нимъ стояла Федосья Дмитревна, его старшая сестра.

Федосья Дмитревна была дѣвица лѣтъ двадцати-восьми съ хвостикомъ, высокая и сухопарая, съ лицомъ испорченнымъ оспою и усѣяннымъ веснушками, съ ястребинымъ носомъ и глазами неопредѣленнаго цвѣта, съ хитрымъ и злобнымъ взглядомъ, словомъ, очень похожая на своего тятеньку, и въ добавокъ съ черными зубами и рыжеватыми волосами, скрученными на вискахъ въ косички, сдѣланныя ко-

лечками. На дѣвицѣ Подошвиной было шерстяное клѣтчатое платье, стянутое на длинной и сухой талии лакированнымъ чернымъ поясомъ съ пряжкой. Журавлиная ея шея выглядывала изъ вышивнаго воротничка.

— Ступай же, смотри у меня! Въ прихожей на вѣшалкѣ твой хорошій скюртукъ; — тебѣ ли я говорю, осель? продолжала сестра, и притопнула.

Андрюша привсталъ было, но опять сѣлъ и принялся смотрѣть въ окно.

— А! да ты, олухъ, и ухомъ не ведешь; не тебѣ что-ль говорю? нечего на улицу-то зѣвать!..»

— Да что вы ко мнѣ привязались? Мамонька мнѣ не наказывала, чтобъ я ко всепощной-то шелъ... ѳтозвался немного робко братъ.

— Видишь мамонька-то баловница. Тебѣ говорить, тятенька приказывалъ! смотри, смѣй не пойдти, вотъ я скажу ему!..

— И тятенька ничего не говорилъ; это вы сами выдумываете...

— Ахъ ты мерзкій мальчишка! Да хоть бы и я тебя отъ себя посыдала! Да смѣешь ли ты мнѣ отвѣчать-то такъ, старшей сестрѣ, негодяй этакой? Хорошо! я все скажу тятенькѣ, онъ тебѣ грушу-то натрясетъ!..

— Да что больно раскричались! что я такое сдѣлалъ! сказалъ Андрюша и привсталъ опять.—Ну наговаривайте на меня! Вамъ не въ первый разъ.

И онъ вышелъ; но въ прихожей съ вѣшалки онъ снялъ не скюртукъ, а свой ситцевый халатъ, накинулъ его на плечи, и отправился въ садъ. Тамъ подъ навѣсомъ цвѣтущей яблони усѣлся онъ на лужайкѣ, вынулъ изъ жилетнаго кармана перочинный ножичекъ, и принялся изъ липоваго прута дѣлать дудочки.

По уходѣ брата Федосья Дмитревна пытливымъ быстрымъ взоромъ окинула комнату, будто отыскивая какой-нибудь беспорядокъ, но вездѣ было такъ чисто, такъ чино стояла мебель на своихъ мѣстахъ, окрашенный подъ паркетъ полъ, недавно вымытый, такъ и лоснился. На столикахъ подъ зеркалами ярославскія красныя скатерти такъ и

алѣи. Новыя стулья подъ орѣхъ, обитые краснымъ сафьяномъ, стояли возлѣ стѣнъ; два большихъ хотя не правильныхъ зеркала, въ аляповатыхъ рамахъ изъ краснаго дерева, отражали въ себѣ желтыя стѣны комнаты, горшки съ душистыми жасминами и цвѣтущими розами красовались на окнахъ; словомъ, въ комнатѣ былъ такой порядокъ, что заглядѣнье. Что-то похожее на улыску удовольствія мелькнуло на сухихъ губахъ Ѳедосьи Дмитревны: она посмотрѣлась сперва въ одно, потомъ въ другое зеркало, придумывая, какимъ бы средствомъ свести свои веснушки.

На право изъ залы вела дверь въ столовую, и изъ-за этой двери слышалось какое-то шарканье. Ѳедосья Дмитревна отворила дверь, и остановилась на порогѣ.

Толстая баба, пыхтя и отдуваясь, мыла полъ въ столовой.

— Ты еще не кончила, Дарья? спросила хозяйка, оглядывая комнату рысьимъ взглядомъ

— Больно вы проворны! сейчасъ кончу, на сухо вытираю... отвѣчала, переводя духъ, поломойка.

— А вотъ эта половица-то? смотри-ка сюда! хорошо она вымыта?

— Вѣстимо хорошо; нешто худо?

— Такъ-то ты дѣло дѣлаешь, дрянъ ты этакая! такъ по твоему хорошо? Перемыть, сейчасъ перемыть мыломъ. Перемыть! слышишь?

— Помилуйте, Ѳедосья Дмитревна! Да это просто отъ окна отсвѣчиваетъ, такъ вамъ и кажется...

— Какъ! мнѣ кажется? да какъ ты смѣла сказать-то это, дура? Это что? я въ горячкѣ что-ль? али пьяная, что мнѣ кажется? Развѣ твой-то бѣльмы не видятъ, что на полу пятны?..

— Пятны! гдѣ они тутъ? что же я-то ихъ не вижу? ворчала Дарья.

— Поворчи еще, невѣжа этакая! никакого уваженія...

— Напрасно гнѣваться и меня обижать изволите; вы пожалуй скажете, что и въ залѣ полъ худо вымыть...

— Потому въ залѣ и хорошо вымыла, что я съ тебя глазъ не спускала; а теперь не успѣла я вонъ выдти, ты

ужь и пошла дѣлать кой-какъ. Вы твари только любите хорошее жалованье за даромъ брать.

— Вотъ ужь и напрасно безпокоитесь, Ѳедосья Дмитревна, — ужь будто я и тварь? Во мнѣ чай такая же крещеная душа, какъ и въ васъ... замѣтила Дарья спокойно.

— Тамъ послѣ разговаривай, а теперь дѣлай, что приказано...

— Вы пожалуй и всю комнату съизнова перемыть прикажете....

— Конечно прикажу...

— Тутъ немножко-то подлюю, а ужь воля ваша, всю комнату мыть не стану; вѣдь чисто, ей Богу чисто.... Ужь вы напрасно придираетесь... продолжала поломойка, принимаясь снова за работу.

— Какъ ты смѣешь не слушаться? какъ ты смѣешь мнѣ такъ отвѣчать? Вотъ я тятенькѣ скажу; погоди!..

— Ужь полноте вы со своимъ тятенькой; что мнѣ его бояться? вѣдь онъ не баринъ мой, въ щеку не ударить; а ударить, такъ отвѣтитъ. Я казенный человекъ, солдатка. Ужь будто я и заступы не найду?..

— Какая еще тебѣ заступа нужна? ты отъ десяти собакъ отгрызешься...

— Эхъ, Ѳедосья Дмитревна! иногда и человекъ таковъ золъ навяжется, что не въ примѣръ злѣе собаки...

— Ну, объ этомъ послѣ поговоримъ, а теперь смотри на то, что подъ руками-то! Возьми на лѣво; ну теперь правѣ! слышь правѣй бери! Тебѣ ли говорить! а то тятенька вѣчно недоволенъ...

— Опять за тятеньку! Побойтесь Бога, Ѳедосья Дмитревна! тятенька-то вашъ мужское дѣло! А все вы его сами подгвозживаете; гдѣ бы ему и не вдомекъ...

— А! это тебѣ, я вижу, не по нутру? Ты очень довольна Марьей Борисовной, что она тебя покрываетъ; избаловала она тебя....

— Ужь такія-то вы взыскательныя да сердитыя, далась я вамъ дура, такъ вы и взнуздали меня какъ лошадь, да и поѣхали... говорила Дарья, кончивъ работу. — Ну вотъ и по

вашему сдѣлала! Убираться было поскорѣй, покуда еще вамъ что-нибудь не пригрѣзилось...

Федосья Дмитревна видя, что переговорить или заставить молчать дерзкую кухарку дѣло не возможное, сказала вспыхнувъ и топнувъ:

— Замоли ты, злоязычица! тебя въ ступѣ пестомъ развѣ только самъ лукавый притолчетъ... Ну да все расскажу тятенькѣ...

И повернувшись, она хотѣла хлопнуть дверью; но за ней стояла неслышно вошедшая Пелагея.

— А, Палаша! ты здѣсь?

— Точно такъ-съ, я тутъ давно-съ, все слушаю да не смѣю... Позвольте ручку, Федосья Дмитревна-съ.

И пришедшая подобострастно приложила къ ея рукѣ.

— Что ты? Полно, полно! Я не попь, что у меня руки цѣлуешь... говорила снисходительно дѣвица Подошвина, не отнимая впрочемъ руки.

— Ужъ это такъ слѣдуетъ-съ... Не пошли ко всенощной-съ? А тятенька съ мамонькой вѣрно у праздника-съ?

— Да, они туда уѣхали... А я вотъ прособачилась съ собакою. Что будешь дѣлать? хоть кого изъ терпѣнья выведеть...

— Ужъ и слышала я-съ, удивленье да и только-съ! Ну какъ можно такъ отвѣчать-съ! Этакая грубая женщина эта Дарья... Какъ можно-съ...

— Ахъ ты указчица! Скула барабанная! Ты только, лукавица, по дворамъ ходишь, да людей на грѣхъ наводишь... завопила вдругъ въ столовой Дарья. — Диво, что тебя досихъ-поръ *сами-то* по зашейку не выгонять!.. Ишь нарвится придти, когда ихъ дома-то нѣтъ!..

— Что ты лаешься, песь лающей!.. Развѣ я боюсь при самихъ хозяевахъ придти! Меня Марья Борисовна и Дмитрій Андреечъ привѣчаютъ и жалуютъ... Дай имъ Богъ здоровья! отозвалась обиженнымъ тономъ Пелагея.

— Ладно!.. Знаемъ мы... При *самихъ-то* придешь, съ пустыми руками уйдешь, а безъ нихъ и въ рукахъ и въ зубахъ понесешь...

— Цыцъ!.... Молчать! крикнула Федосья Дмитриевна, взглянувъ въ столовую и топнувъ.

— Топайте не топайте, а ужъ я противъ всякой дрянн молчать не буду; а у васъ у души Пелагея Осиповна, а лто плевать на нее хочу...

Дарья ушла въ корридоръ; а разгнѣванная Федосья Дмитриевна опустилась на стулъ возлѣ окна, и распустила свой лакированный поясъ.

— Какъ вы разстроены, сударыня... Не прикажете-ли водицы подать-съ? сказала съ притворнымъ участіемъ Пелагея.

— Не нужно... Разстройшья по-неволѣ съ такими шельмами; вѣтъ никакого уваженія, право будетъ скоро меня эта мерзавка по рождъ бить?

— Полноте, Федосья Дмитриевна-съ, успокойтесь! Да что вы не сошлете ее? Она просто песь лающій!.. Ну, меня-то за что облаяла? Я-то что ей сдѣлала? Завидно ей вѣдьмѣ, что вы меня жалуете, да не оставляете... Дай вамъ Богъ жениха хорошаго!... И Пелагея притворилась, что утираетъ слезы. — А какая славная у меня на примѣтѣ кухарка есть! Жила у Кишкиныхъ-съ, господская дѣвка, Василисою зовутъ! Вотъ ужъ услуга, — душа, безотвѣтница, можно сказать-съ, барыня ее въ кабалу кабалить, такъ ужъ она рта-то много разѣвать передъ хозяевами не посмѣетъ-съ... Я бы вамъ ее представила-съ, право-съ... сошлите-ка Дарью-то...

— Сослать?.. Да развѣ я сама большая! Если-бъ я могла это сдѣлать, я ни одной минуты не стала бы ее держать! Видишь, самой полюбилась, больно хороша! А что кому за дѣло, что дочь терпнть...

И Федосья Дмитриевна заплакала съ досады.

— Что-жъ вы тятенькѣ не пожалуетесь? Онъ васъ любить-съ!..

— Да! любить, нечего сказать! Что пестрѣйшихъ-то матерьевъ на платья покупаетъ, суется во всѣ дѣла, гдѣ не слѣдъ... хоть ничего ни смыслить, а по своему воротить... сшилъ салопъ полосатый, да привезъ изъ Москвы зимнюю желтую шляпку на лѣто... Рядить меня какъ королеву, —

всѣ пальцами показывають... деньги сорить, а все безъ толку...

— Все же тятенька васъ любить больше, чѣмъ мамонька-съ! замѣтила Пелагея почти шопотомъ.

— Я тебѣ сказала, въ чемъ его любовь... Однако иной часть и я не подступайся...

— Ужь у него карахтеръ такой-съ!

И Федосья Дмитревна и Пелагея, взглянувъ нечаянно въ окно, сосредоточили вдругъ все свое вниманіе на проходившихъ въ эту минуту по другой сторонѣ улицы двухъ молодыхъ людей.

Одинъ изъ нихъ, низенькій круглолицый, похожій на рѣпу, загнувъ фуражку на затылокъ и размахивая руками, пристально глядѣлъ на окно, подъ которымъ сидѣла Федосья Дмитревна, и очень любезно улыбался; другой — высокій, корявый, въ картузѣ съ кисточкою и полосатыхъ брюкахъ, смѣялся во весь ротъ и подталкивалъ локтемъ товарища, говоря ему что-то.

— Ба! да это знакомые, въ нашей улицѣ квартируютъ! мое почтеніе! заговорила Пелагея, подойдя ближе къ окну и кланяясь.

Молодые люди также поклонились, перемгнувшись, и толкнувши другъ друга локтемъ, засмѣялись, и пошли своею дорогою, безпрестанно оглядываясь и помахивая то перчатками, то платкомъ....

— Это, кажется, семинаристы? спросила съ любопытствомъ хозяйка.

— Студенты-съ.

— Какъ студенты?

— Точно такъ-съ; прежде ихъ точно семинаристами называли-съ, когда они желтые нанковые сюртуки носили.... Умора бывало, поверхъ сибирки подпоясется кушакомъ подъ самыя мышкы, а теперь извольте-ка посмотрѣть-съ: настоящими приказными одѣты, и не rozpoзнаешь....

— Какъ-же этихъ-то ты знаешь?

— Еще-бы-съ; они въ нашей улицѣ живутъ-съ; тутъ у насъ одна сосѣдка ихъ держитъ-съ. Штукъ пятнадцать всѣхъ-то-съ, и большихъ и малыхъ....

— Куда-жъ они тутъ каждый день ходятъ?

— Каждый день-съ, хе, хе! Ужъ какія вы право, Ѳедосья Дмитревна, хитрыя-съ. Но ужъ осмѣлюсь вамъ доложить, меня не обманете-съ!....

И Пелагея пристально, почти дерзко посмотрѣла въ глаза Ѳедосьѣ Дмитревнѣ, и засмѣялась.

— Что-ты зубы-то скалишь, я ничего не понимаю?.... сказала Ѳедосья Дмитревна.

— Будто-бы? вѣдь я не двухъ по третьему — понимаю-съ....

— Что такое?

— Да ужъ коли общаете не сердиться, скажу вамъ-съ, хоть вамъ и прежде моего хорошо извѣстно, влюблены-съ, такъ мимо и прохаживаются!

— Влюблены!.... въ кого же?....

Пелагея опять пристально посмотрѣла на недогадливую хозяйку, и сказала тихо:

— Въ васъ, Ѳедосья Дмитревна, въ кого же больше-съ?

— Что ты мелешь, дура! воскликнула шутливо Ѳедосья Дмитревна.

— Право такъ-съ! Охъ молодость!

— Послушай, Пелагея! какъ ты смѣешь врать подобное? Значить, ты обо мнѣ думаешь....

— Думаю, что вы хорошенькія-съ! что многія сердца по васъ страдаютъ. Развѣ запретишь кому любить-съ; пускай ихъ любятъ, продолжала скороговоркою Пелагея, перебивъ Ѳедосью Дмитревну. — Охъ сударыня-съ! кабы я на вашемъ мѣстѣ была, за мною бы мущины такъ табуномъ и бѣгали-съ; а то вы ужъ очень скромны-съ!

Ѳедосья Дмитревна, улыбаясь самодовольно, погрозила ей пальцомъ.

— Поѣдете завтра на гулянье-съ?

— Я думаю, поѣду! самъ старую рыжую лошадь на хорошую промѣнялъ.... На ней и ко всенощной поѣхали....

— Такъ-съ, хороша лошадка-то?

— Большая, дюжая, не много хрипить; да говорятъ, жеребцы всѣ хрипятъ.

— Помплуй Богъ, ужъ не бѣшена-ли? А шерстью ка-кая-сь?

— Черная съ лысинкой, и лѣвая нога бѣлая....

— Такъ-сь! А въ какомъ платьѣ-то завтра поѣдете-сь?

— Въ новомъ, пестромъ кисейномъ.

— Что это, Оедосья Дмитревна-сь? Куда вы шелковыя-то матеріи бережете? Развѣ у васъ ихъ мало-сь? Я думаю, сундуки ломятся, добра-то всякаго-сь.

— Миѣ еще рано шелковыя платья носить; вотъ какъ минетъ двадцать пять, и шелковое надѣну.... А теперь что болѣе къ лицу молодой дѣвушкѣ, какъ не кисея? Отвѣчала жеманно Оедосья Дмитревна.

Пелагея съ удивленіемъ взглянула на нее, зная навѣрное, что Оедосьѣ Дмитревнѣ въ Великомъ постѣ минуло двадцать семь, и загнулась было: «Будто вамъ-сь....» Но встрѣтивъ сердитый взглядъ Оедосьи Дмитревны, поймавшей и оставившей вопросъ ея на лету, замолчала и смекнула, въ чемъ дѣло.

Сказать правду, дѣвица Подошвина на счетъ своихъ лѣтъ ни съ кѣмъ не была откровенна, даже старалась обмануть сама себя, всѣми силами отгоняя мучительную мысль о своей зрѣлости.

Минуть пять продолжалось молчаніе.

— Оедосья Дмитревна-сь, благодѣтельница вы наша-сь, начала робко Пелагея, переступая съ ноги на ногу. — Ужъ не оставьте-сь моей просьбы; что третьяго дня я вамъ воротнички-то чистила, такъ ужъ позвольте за работу-сь, что ваша милость будетъ-сь.

— Теперь у меня, Палаша, мелкихъ нѣтъ.

— Ужъ я бы и утруждать-то вашей милости не стала-сь, да нуждишка, ей-ей нуждишка-сь. Завтра заговѣнье-сь. Хотѣла купить говядишки, маслица, мучки-сь.... Вы изволите знать-сь: мать старуха хвораая, для нея тоже чайшку купить-сь; ѣсть она мало-сь — только и сыта тѣмъ, что ну-тро горяченькимъ погрѣетъ. И все-то бѣдная на печкѣ сидитъ, да Богу за васъ молиться-сь, за все ваше семейство, ей Богу-сь.... говорила Пелагея плачевымъ голосомъ.

— Тебѣ отъ меня приходится всего двугривенный получить; такъ ты на него всего и купишь? сказала благосклонно Федосья Дмитревна. — Чѣмъ обиняками-то говорить, не лучше-ли попросить прямо: дескать, Федосья Дмитревна, пожалуйста того и сего!....

— Ахъ, благодѣтельница вы наша! какъ мнѣ васъ благодарить-то! воскликнула Пелагея, цѣлуя руки Федосьи Дмитревы. — Извините-съ, о чемъ еще я васъ просить хочу-съ — вотъ видите-съ: не къ вамъ будь сказано-съ, у матери ноги болятъ-съ, ломить, сосѣдка и посовѣтовала ей на ночь ноги виномъ вытирать-съ, съ..... охъ, забыла-съ, какой составъ сдѣлать-съ....

— Вѣрно со скипидаромъ?

— Да-съ, точно такъ-съ, со скипидаромъ-съ....

— Хорошо. Я тебѣ налью въ бутылочку вина, скипидару, и камфары пожалуй положу.

— Ахъ нѣтъ-съ, позвольте-съ! не скипидаръ.... Какъ называется, не.... не.... вспомнить не могу-съ; ну, да вѣрно старуха помнить, и когда ваша милость будетъ-съ, такъ позвольте винца-то одного-съ....

И чрезъ нѣсколько минутъ, поцѣловавъ у Федосьи Дмитревы руку, Пелагея выходила изъ дому Подошвиныхъ, съ узлами въ обѣихъ рукахъ; изъ кармана ея чернаго фартука торчало горлышко бутылки съ виномъ, только безъ скипидара....

— Понесла въ рукахъ и въ зубахъ! Правда, что Богъ любить праведника, а бѣсъ ябедника!.... кричала ей вслѣдъ Дарья, высунувъ голову изъ дверей кухни. Пелагея оглянулась, и хотѣла погрозить ей кулакомъ, но какъ руки ея были заняты, то она и удовольствовалась тѣмъ, что плюнула, приговаривая:

— Этакой песь! этакой песь лающий!

— Ну что, съ прибылью, Пелагея Осиповна? замѣтилъ все еще сидѣвшій у воротъ кучеръ.

— Не завидно ли? сказала Пелагея, показывая хвастливо улы.

— Тебѣ-то завидовать? Душа ты моя... Вѣдь только ты повянь того не хочешь, какъ я къ тебѣ расположенъ... Кста-

ти ли ты спѣсивишься? Посмотри-ка, мимо кого эвти молодчики-то ходять! А?.. сказалъ кучерьъ показывая пальцомъ на проходящихъ обратно семинаристовъ, выдѣлывавшихъ разныя штуки передъ окномъ, откуда смотрѣла на нихъ Федосья Дмитревна.

— Каждый день прохаживаются-сь... Да, вотъ оно что, и застекольные-то купеческія дочки!.. сталъ было продолжать Гаврила.

— А ты молчи, Гаря! Не наше дѣло, не насъ и спрашиваютъ! проговорила Пелагея, смотря съ улыбкою на проходящихъ.

— Вотъ словно масло по сердцу потекло, мурашки по кожѣ забѣгали, какъ Гарей-то назвала, моя разлапушка! воскликнулъ весело кучерьъ. — Ужъ и какихъ-то пострѣлы штукъ не выкидываютъ! Умора да и только... Чортъ ихъ носить! Хочу *охламонкомъ* ноги перебить... Ха, ха, ха!..

— Полно, уймись! Что ты горло-то распустилъ, дѣдушка Гаврила! Прощенья просимъ... И Пелагея крадучись побѣжала, безпрестанно вертясь во всѣ стороны, какъ будто боясь, чтобъ ее кто не догналъ.

Вскорѣ за ворота вышелъ Андрюша, и сѣлъ возлѣ Гаврилы на скамейку.

— Ахъ, Андрей Дмитричъ, вы дома-сь?.. я думалъ... заговорилъ кучерьъ.

— А гдѣ же мнѣ быть-то? спросилъ въ свою очередь молодой хозяишъ.

— Я думалъ, что вы за всенощной-сь! Гдѣ-жъ вы бытъ изволили?

— Въ саду дудочки дѣлалъ, отвѣчалъ Андрюша, вынувъ изъ кармана дудочку, сдѣланную изъ липоваго прутика, и принялся было тихонько насвистывать.

— Вѣдь тятеньна фдутъ-сь!.. сказалъ Гаврила, привставъ и показывая пальцемъ на облако пыли, показавшееся въ концѣ улицы.

— Можетъ и не она.... молвилъ Андрюша, совершенно готовый наострить лыжи.

— Они-сь, они-сь... наши дрожки стучать...

При этомъ замѣчаніи Андрюша вскочилъ, и со всѣхъ

ногъ бросился на крыльцо. Гаврила успѣшилъ отворить ворота. Между тѣмъ хозяева подъѣхали.

— Гдѣ Андрей? спросилъ Дмитрій Андреевичъ у кучера, сходя съ дрожекъ.

— Гдѣ Андрюша? прошептала мать.

— ~~Давно-ль~~ пришелъ отъ всенощной?

— Они-съ.... они-съ... кажется не ходилъ-съ!.. отвѣчала записная Гаврила.

— А что-жъ онъ дѣлать?..

— Они.. въ саду были-съ... забавлялись дудочками-съ!.. И Гаврила спохватился, что проврался, да дѣлать уже было нечего.

— Вотъ я ему, шельмецу, дамъ дудочки!.. рѣзко замѣтилъ Дмитрій Андреевичъ, входя на крыльцо.

Войдя въ столовую, онъ увидѣлъ, что Федосья Дмитревна хлопотала около накрытаго къ ужину стола, и не замедлила поздравить отца съ наступающимъ праздникомъ.

— Что, Андрюшка не былъ въ церкви? спросилъ сердито тятенька.

— Не знаю-съ... Я его посылала-съ... да вѣдь онъ меня никогда не слушаетъ; что я говорю, то все равно что къ стѣнѣ горохъ!.. отвѣчала дочка.

— Гаврюшка говоритъ, — что онъ шельмецъ во время всенощной дудочками забавлялся... Вотъ я ему, канальѣ, дамъ дудочки!.. и Дмитрій Андреевичъ пошелъ отыскивать сына.

Между тѣмъ какъ этотъ разговоръ между отцемъ и дочерью шелъ въ столовой, Марья Борисовна бросилась въ кладовую, находившуюся въ углу дома, между ея спальною съ мужемъ и комнатою Федосьи Дмитревы. Подъ единственнымъ окномъ, задѣланнымъ желѣзною рѣшеткою, на одномъ изъ нѣсколькихъ большихъ сундуковъ, служившемъ для Андрюши кроватью въ лѣтнее время, сердобольная мать ощупала своего любимаго сына, закутавшагося тщательно одѣяломъ, и уткнувшаго носъ въ подушку.

— Андрюша, голубчикъ, здоровъ ли ты? не болитъ ли головка? успѣшно сбросивъ салоуъ, тихимъ голосомъ спрашивала мать.

Андрюша не отвѣчалъ, и затаявъ дыханіе, прислушивался, одна ли она вошла, не пришелъ ли еще кто съ нею.

— Жаръ! сильный жаръ! шептала съ безпокойствомъ Марья Борисовна, приложивъ руку къ головѣ сына.

Вдругъ дверь съ шумомъ распахнулась, и на порогѣ показался отецъ.

— Андрей! Почему ты, шельмецъ, не былъ сегодня у всенощной? Ась? вскричалъ сердито Дмитрій Андреевичъ, отыскивая глазами сына, и ничего не видя во мракѣ. — Вотъ я тебѣ дамъ дудочки!

— Батюшка, Дмитрій Андреевичъ! Прошу тебя, не полошъ Андрюшу... Онъ прихворнулъ... у него въ головушкѣ сильный жаръ! говорила умоляющимъ голосомъ мать.

— А вотъ я его прохоложу!

— Голубчикъ Дмитрій Андреевичъ, пожалѣй свое дѣтище! Онъ въ забыты.

Дмитрій Андреевичъ, выбравивъ и жену и сына, хлопнулъ дверью, отъ чего изъ нея выпалъ массивный ключъ и стукнулъ объ полъ.

Вскорѣ дверь опять отворилась.

— Марья Борисовна, на столъ готово, сказала тихо Дарья, осторожно просунувъ голову.

— Пусть ужинаютъ, я не буду, отвѣчала хозяйка; и присѣла къ изголовью сына.

— Мамонька, тятенька ушолъ? спросилъ шопотомъ Андрюша.

— Ушолъ... Ну что, мой голубчикъ, болитъ головка? принялась опять спрашивать мать.

— Нѣтъ, не болитъ; виноватъ, всенощную-то я прогулялъ, и знаю, что за это отъ *самого* таска будетъ, ну я сюда поскорѣй и забрался, отвѣчалъ сынъ.

— И хорошо сдѣлалъ, мой голубчикъ. Не хочешь ли чего покушать? Вотъ здѣсь на пожѣ саичка, икорка и сладкаго пирожка кусочки. Покушай на здоровье! говорила заботливая мать.

— Мамонька! А что *самъ*-то говорилъ, какъ здѣсь былъ? Я ужъ такъ крѣпко закутался, что и не разслушалъ...

— Извѣстно что: у твоего тятеньки только и на умѣ

что побои. Прости же, Андриюшенька! Господь тебя благословить. Покушай, и ложись баиньки... и Марья Борисовна, перекрестивъ сына, заперла его на ключъ, и пошла въ спальню, радуясь въ душѣ, что избавила его отъ побоевъ отца.

II.

На другой день ровно въ двѣнадцать часовъ по-полудни, Дмитрій Андреевичъ со своимъ семействомъ сидѣлъ за круглымъ столомъ, въ упомянутой столовой. По лѣвую его сторону, въ бѣломъ платьѣ, съ круто завитыми косичками на вискахъ, вытянувъ свою журавлинную шею, украшенную ниткою поддѣльныхъ гранатокъ, сидѣла Федосья Дмитриевна; она поспѣшно жевала, причемъ ея длинныя аметистовыя серьги сильно раскачивались. Возлѣ нея сидѣлъ Андриюша. Боясь встрѣтиться съ взглядомъ отца, онъ то потуплялъ глаза въ тарелку, то принимался оглядывать стѣны комнаты, тяжелую старую мебель, обитую черною кожею, порыжѣвшей отъ времени; взоръ его переходилъ съ оконъ, на которыхъ красовались бутылки съ разноцвѣтными наливками, на израсчатую лежанку, гдѣ блистали, словно золотые, три различной величины самовара, и останавливался робко на старой, краснаго дерева, обломанной и съ позелѣвшешю бронзою конторкѣ, на которой лежали счетныя книги и счета, и возлѣ которой стоялъ большой кованый сундукъ съ мудренымъ замкомъ, ключъ отъ котораго постоянно Дмитрій Андреевичъ носилъ въ карманѣ. Оглядѣвши всѣ эти вещи, глаза Андриюши опять опускались на тарелку.

Сидѣвшая по правую сторону мужа Марья Борисовна, не смѣя говорить, показывала сыну глазами на кушанье, какъ будто потчуя, чтобъ онъ побольше ѣлъ. Но Андриюша только украдкой кивалъ матери головою, до кушанья-жъ почти не дотрогивался; отецъ замѣтилъ это, и обратясь къ сыну, сердито сказалъ:

— А ты что не ѣшь? Ахъ съ осени закормленъ?

— Доволенъ-съ, отвѣчалъ робко мальчикъ, не смѣя встрѣтиться взоромъ съ глазами отца.

— Почему-жь ты вчера у всенощной-то не былъ, шельмецъ? А? Изволь-ка отвѣчать...

— Вы-съ не... при...ка...за...ли миѣ, произнесъ сынъ, заикаясь и потупивъ въ тарелку глаза.

— Я его, тятенька, посылала-съ, да онъ меня не послушалъ. Хотя вы ему и приказываете-съ, чтобъ онъ меня слушался, однако онъ этого никогда не дѣлаеть-съ, отозвалась молчаливая доселѣ Федосья Дмитревна.

— Слышь, щенокъ! что сестра-то говоритъ, молвилъ Подошвинъ, обращаясь къ сыну и скрипнувъ зубами. — *Не приказали!* А ты самъ не понимаешь? Ась? Тебя еще все на веревкѣ нужно водить... Вотъ я съ тобою сдѣлаюсь!...

— И потому еще не пошелъ-съ, у меня-съ вчера голова болѣла-съ.... осмѣлился сказать Андрюша.

— О, братъ, у меня есть лѣкарство, я вылѣчу твою голову; надѣюсь, болѣть опять не будетъ. А въ саду дудочки дѣлать не болѣла голова? Вотъ я тебѣ дамъ дудочки!... И Дмитрій Андреевичъ такъ стукнулъ кулакомъ по столу, что вся посуда зайрыгала. Мать и сынъ вздрогнули, одна только Федосья Дмитревна прехладнокровно обглаживала куриную ножку, выпутую изъ супу.

— Дмитрій Андреичъ, ужъ ты батюшка ни на волосъ не хочешь вѣрить, что у мальчика голова болѣла; словно онъ желѣзный, будто и захворать не можетъ.... заговорила Марья Борисовна.

Отецъ взглянулъ на сына.

Въ эту минуту Андрюша облокотился на столъ, склонивъ голову на руку и тѣмъ желая скрыть безпрестанно набѣгавшія на глаза слезы, и въ тоже мгновеніе получилъ сильный ударъ въ локоть черешкомъ вилки, который тятенька соблаговолилъ ему отпустить. Мальчикъ вскрикнулъ и уже не думалъ скрывать слезы, обильно катившіяся по его щекамъ.

— Ахъ, Дмитрій Андреичъ! Побойся Бога! Ну за что ты ребенка-то тиранить? воскликнула мать, жалобно смотря на сына.

— А онъ не ставъ локти на столъ; онъ знаетъ, что я этого не терплю; онъ, каналья, не забывай, помни, что отецъ

любить, и чего не любить.... говорилъ резонно Дмитрій Андреевичъ.

На ту пору явилась Дарья съ жаренымъ гусемъ. Подошвинъ, всегда собственноручно разрѣзывавшій жаркое, вооружился пожемъ и вилкой для означенной операціи. Къ несчастію гусь оказался недожареннымъ.

— Ахъ вы распротоканальи.... вскричалъ онъ, бросивъ ножъ и вилку и тоная: — да что, у меня зубы-то волчьи что-ли, что вы меня сырьемъ вздумали кормить?... И пошелъ, и пошелъ, и объѣмъ таки досталось, и женѣ и кухаркѣ. Первая только творила мысленно молитву, а послѣдняя поспѣшно убралась.

— Уйду, уйду, не хочу больше терпѣть всякія ругательства, вѣдь я не крѣпостная.... ворчала за дверью сама съ собою Дарья.

Федосья Дмитревна въ свою очередь пошевелила гуся вилкою и сдѣлала насмѣшливую гримасу; но видя отца въ сильномъ азартѣ, подать своего голоса не посмѣла.

Обѣдъ кончился. Нахмуренный хозяинъ, все еще ворча, усѣлся къ конторкѣ, и безъ всякой надобности принялся перебирать счетныя книги.

Марья Борисовна ушла. Андриуша обрадовался, что пытка его кончилась, и убѣждалъ куда глаза глядятъ. Дочь сѣла у окна.

Черезъ нѣсколько минутъ Дарья вошла въ комнату и остановилась у дверей.

Дмитрій Андреевичъ, не перемѣняя положенія, взглянулъ на нее изъ подлобья.

— Я къ вашей милости, Дмитрій Андреевичъ, начала Дарья.

— Я у васъ больше жить не намѣрена-съ, такъ пожалуста рассчитайте меня-съ...

— Что-о!... произнесъ хозяинъ.

— Я докладываю вашей милости, рассчитайте меня-съ! повторила Дарья, выстукая впередъ.

— А вотъ я тебя рассчитаю, когда тебѣ, шельмѣ, ребра пересчитаю!... сказалъ Дмитрій Андреевичъ, заскрежетавъ зубами.

— Что это такое-съ? напрасно гнѣваться изволите; я не

вашего, своего заслуженнаго прошу.... продолжала кухарка, перемѣнивъ нѣсколько дерзкій тонъ на плаксивый: — сми-луйтесь, *сударь*, отпустите меня какъ слѣдуетъ; я вольный казакъ, куда хочу, туда и иду, а ужъ у вашей милости не имѣю возможности оставаться...

— Ступай, ступай, чортъ съ тобою! Оня! а сколько ей слѣдуетъ отдать? спросилъ Дмитрій Андреевичъ, обращаясь къ дочери.

— Извольте сами сосчитать, тятенька-съ. Дарья съ новаго года денегъ не брала-съ, отвѣчала дочь.

— Точно такъ, не брала-съ, повторила Дарья.

Дмитрій Андреевичъ принялся за счеты.

— Счетъ не великъ.... продолжала Федосья Дмитревна: — январь, февраль, мартъ, апрѣль — по три рубля двѣнадцатъ рублей (на асигнаціи), да за полмѣсяца полтора — значить, тринадцатъ съ полтиною.

— Ну ужъ позвольте, не тринадцатъ, а пятнадцатъ рубликовъ семьдесятъ пять копеечекъ.... воскликнула Дарья.

— Какъ такъ? считай, по три рубли въ мѣсяцъ, да за полмѣсяца полтора... Что я, счету что ли не знаю?.. говорила надменно молодая хозяйка.

— Не извольте беспокоиться, Федосья Дмитревна, — развѣ вы забыли-съ, что съ новаго году мнѣ по три съ полтинкою, по целковенькому положили... сказала неугомонная кухарка.

— Что ты вздоръ мелешь? Вѣрно приснилось тебѣ?

— Вовсе не вздоръ: тогда я у васъ не хотѣла остаться, а вы такъ-таки и прибавили тогда по полтинкѣ....

— Никогда ни какой прибавки не дѣлали тебѣ; ты съ ума сошла, такую ахинею несешь... съ жиру сбѣсилась!.. говорила Федосья Дмитревна, насмѣшливо улыбаясь.

— Нечего вамъ меня жиромъ-то попрекать, — всякому свое, кого чѣмъ Богъ одарилъ; вотъ вы и рады бы, Федосья Дмитревна, да итѣть... А вы дѣло-то извольте говорить, — не грѣхъ ли вамъ зашираться въ томъ, что съ новаго году мнѣ прибавку сдѣлали... почти кричала Дарья, и въ голосѣ ея слышались опасеніе и какая-то тоска.

— При комъ же это было? Ну, при комъ это было? спрашивала Федосья Дмитревна насмѣшливо.

— Да не при комъ, сударыня; вотъ только вы тутъ были, да вашъ тятенька; такъ-таки вы вмѣстѣ по полтинкѣ въ мѣсяць и прибавили... доказывала горячо Дарья.

— Ничего не бывало...

— Побойтесь Бога, Федосья Дмитревна! Неужто вы хотите запереться въ томъ, что изъ вашихъ же устъ вышло... и заѣсть мои трудовыл-то, кровныя? Богъ вамъ не попередить!... чуть не плача, съ жалобнымъ упрекомъ говорила баба.

— Молчать! вскричалъ Дмитрій Андреевичъ, и доставъ изъ ящика деньги, сосчиталъ и бросилъ ихъ чуть не въ лицо Дарьѣ. — Пошла къ черту! чтобъ духу твоего сію же минуту здѣсь не было!..

Дарья поймала на лету трехъ-рублевый билетъ; а слѣдующая къ нему придаточная мелочь разсыпалась по полу. Подобравъ деньги, баба не переставала шарить.

— Чего-жъ ты еще ищешь, бестія?... проворчалъ хозяинъ.

— Остальныхъ-то, сударь, ищу, тутъ только тринадцать съ полтинкой.

— Столько тебѣ и слѣдуетъ.

— Никакъ-съ нѣтъ... Мнѣ слѣдуетъ пятнадцать рубл....

— Ладно, ладно, проваливай! прервала Федосья Дмитревна.

— Помилуйте, вѣдь своихъ заработ....

— Ты ихъ и получила... Чего-жъ тебѣ еще? вскочивъ, крикнулъ Дмитрій Андреевичъ. — Вонъ!... И не дожидаясь возраженій, или ухода Дарьи, быстро повернулъ ее лицомъ къ двери, и вытолкнулъ въ корридоръ. За дверью послышались плачь и жалобы обсытанной женщины, но вскорѣ все стихло...

Дмитрій Андреевичъ легъ на кожаный старый диванъ, который ему служилъ постелью, когда онъ былъ въ сердцахъ съ женою; а въ сердцахъ онъ съ нею былъ почти каждый день.

— Этакая недовольная скотина! этакая недовольная свинья!.. ворчалъ онъ.

— Давнымъ-давно пора бы ее сослать. Удивляюся, какую эта мерзавка волю здѣсь взяла! А все мамонька виновата — бывало, не дастъ мнѣ про Дарью и слова сказать... подговаривала Федосья Дмитревна, смотря въ окно. Вчерашніе любезники шли мимо уже кажется въ четвертый разъ, и по вчерашнему также выдѣлывали разные фигуры.

Въ кухнѣ Дарья, надѣвши на плечи свою лучшую красную шаль и нагрузивши большой мѣшокъ своимъ имѣніемъ, прощалась съ хозяйкою.

— Обижаетъ ты насъ, Дарья, что такъ безвременно уходишь,—увѣщевала ее Марья Борисовна, сидя на лавкѣ.

— Эхъ! матушка, Марья Борисовна, обиждаю... Не думала я васъ обижать... да и видимо ли, чтобы бѣдный богатаго обидѣлъ?.. говорила Дарья, утирая слезы.

— Хоть бы ты погодила до той норы, покуда другая бухарка навернется...

— У васъ не долго, навернется, да и опять скоро свернется. Вотъ на васъ-то, моя матушка, не пожалуешься, — берегли меня, словно мать родная; ну, а про Федосью Дмитревну не скажешь того; у Бога не утаншь, — не по васъ — по Дмитрію Андреевичу выдалась... Заѣли мои трудовые гроши! *Отольются волку корови слезы...* Богъ имъ плательщикъ...

— Горяча ты больно, Дарьюшка, — ни съ того, ни съ сего зассорилась съ хозяиномъ: *на всякое чиханье не наздравствуешься*, — полно, не уходя, поживи, и деньги получишь...

— Нѣтъ ужъ, Марья Борисовна!..

— Такъ стало ты и мѣсто принскала?

— *Живой не безъ мѣста, мертвый не безъ помпы*, отвѣчала Дарья твердо.

— Такъ ты и уйдешь такъ?

— Уйду, уйду! хоть и поплачу, да уйду; силъ моихъ больше не хватаетъ...

— Вѣдь ужъ у Дмитрія Андреевича характеръ такой; онъ и меня каждый день ругаетъ, да что дѣлать-то станешь? — замѣтила Марья Борисовна.

— Вы, сударыня, другое дѣло-съ... Вы супружница, вамъ и Богъ велитъ терпѣть; а я-то ужъ, воля ваша, рожу не подставляю... отвѣчала Дарья. И взваливъ мѣшокъ на плечи, помолвлася Богу, и обращаясь къ хозяйкѣ, съ низкимъ исклономъ проговорила сквозь слезы:

— Прощенія просимъ, Марья Борисовна! за хлѣбъ за соль благодарствую... Да не доплатите ли хоть вы мнѣ два-то рублика съ четвертачкомъ?..

— Рада бы я, Дарья, душевно рада, да у меня денегъ теперь нѣтъ; зайди черезъ недѣлку, авось будутъ: отдамъ, съ души долой... говорила хозяйка.

— Хорошо, кабы ваша милость до меня, бѣдной, была — побываю черезъ недѣлку... Прощайте, моя матушка, прощайте-съ!.. И Дарья со слезами переступила черезъ порогъ.

— Ну, прощай! дѣлать съ тобой нечего... сказала ей вслѣдъ Марья Борисовна.

Дарья сошла съ крыльца, отворила калитку и столкнулась носъ къ носу съ Пелагеей.

Въ первое мгновеніе, онѣ обѣ айкнули, но опомнясь, Дарья первая заговорила:

— Вотъ сума-то переметная! рыцетъ со двора на дворъ; только кутитъ да мутитъ... Невпопадъ пришла, сами-то дома...

— Ахъ ты, несъ лающій! ну что лаешься? развѣ я свѣтъ тебѣ собой заслонила что ли? О! да знать и самое-то тебя по зашейку выгнали! пшь имѣніемъ-то своимъ навьючилась, какъ лошадь добрая! — отозвалась злобно Пелагея, оглядывая съ ногъ до головы свою противницу. — Долго жила на одномъ мѣстѣ, съ жиру сбѣсилась; давно бы пора долой....

— Ну такъ что-жь! и ухожу, и ухожу! поступай на мое мѣсто, — тебѣ только и жить ябедницѣ. За одно съ Федосьей Дмитревной будете шушукать да хихикать!..

— Послушай ты, несъ лающій! вскричала Пелагея, выходя изъ себя. — Ты на меня какъ хочешь лай, только Федосью Дмитревну не задѣвай... Какъ я скажу объ этомъ Дмитрію Андреевичу, такъ онъ мало того, что тебѣ ребра пересчитаетъ, еще и въ часть посадитъ. Объ купеческой дочкѣ не смѣй такъ мелко думать — не позволять!

Вѣроятно угроза Пелагеи подѣйствовала на Дарью, потому что послѣдняя, проворчавъ подъ носъ бранное слово, перешагнула черезъ подворотню и что есть духу хлопнула воротами.

— Поди-же, поди, песъ лающій, побѣгай, поищи мѣста! а я вотъ здѣсь, здѣсь, и на моей улицѣ праздникъ, говорила торжествующая Пелагея, входя въ корридоръ.

По уходѣ Дарьи, въ столовую вошелъ молодой человекъ, лѣтъ тридцати, чистенько одѣтый. Маншка его была накрахмалена, галстухъ завязанъ тщательно бантомъ, жилетка нестрѣла; темные его волосы, пробранные надъ лѣвымъ вискомъ, и чисто и высоко подбритые на затылкѣ, были густо помажены жасминою помадою, лицо его рдѣлось; смотрѣлъ онъ какъ-то несмѣло.

Это былъ Антонъ, подручный приказчикъ Дмитрія Андреевича, въ своемъ праздничномъ нарядѣ.

Видя, что хозяинъ лежитъ на диванѣ, онъ скромно остановился у дверей, пригладивъ рукою волосы, и осмѣлился кашлянуть. Дмитрій Андреевичъ не перемѣнялъ положенія и смотрѣлъ въ потолокъ.

Приказчикъ, переступая съ ноги на ногу, опять кашлянулъ и опять взглянулъ на хозяина.

Дмитрій Андреевичъ оборотился къ нему, и какъ-то сердито посмотрѣлъ на него.

— Дмитрій Андреевичъ! произнесъ робко Антонъ.

— Что-о-о? сердито и протяжно сказалъ хозяинъ.

— Позвольте мнѣ сегодня сходить на гулянку-съ!

Хозяинъ молчалъ.

— Позвольте мнѣ сходить на гулянку-съ.... повторилъ Антонъ.

Дмитрій Андреевичъ смотрѣлъ на него; но молчалъ. Молчаніе продолжалось минуты три.

— Дмитрій Андреичъ, поз....

— Ну!.... отрывисто произнесъ хозяинъ.

— Ужъ позвольте-съ!....

— А кто-же дома останется? Ась?....

— Иванъ Тимофѣичъ?

— А Панкратій и Сенька?

— Они тоже просятъ-сь, ужъ позвольте, *сударь*, и пмъ-сь.

— Вытвердилъ, позвольте.... кто-жь останется, когда васъ всѣхъ лукавый разнесетъ? Понимаешь-ли? Ну, ты ступай, только смотри, приходи раньше, а они пусть остаются дома....

— Сдѣлайте милость, *сударь*, отпустите и ихъ-сь; дома Иванъ Тимофѣичъ останется; сами изволите знать, онъ никуда не уйдетъ-сь....

— Гдѣ-жь онъ?

— Спитъ на сѣнищѣ-сь.

— Никуда не ходить! да развѣ онъ худо дѣлаетъ, что нпкуда не ходитъ? вы молокососы и должны у него учиться, брать его въ примѣръ, говорилъ отрывисто хозяинъ.

— Такъ что-же, *сударь*?....

Хозяинъ махнулъ рукой.

Антонъ поклонился, и проворно вышелъ; за дверьми онъ кѣтъчатымъ платкомъ отеръ потъ со своего румянаго лица.

— Уфъ, старый чортъ! прошепталъ онъ, и такъ вздохнулъ, какъ будто гора свалилась съ его плечъ.

Во все это время Федосья Дмитревна пристально и надменно глядѣла на приказчика, который, казалось, и не смѣлъ взглянуть на хозяйскую дочь. По уходѣ Антона, Федосья Дмитревна взглянула въ окно и увидѣла, что Пелагея, будто на ходу, перемолвилась съ семинаристами, которые проходили уже едва ли не въ десятый разъ.

— Оеня! собирайся на гулянку, кататься поѣдемъ на новой лошади, обратился къ дочкѣ отецъ.

— Хорошо-сь! и Федосья Дмитревна побѣжала узнать отъ Пелагеи, что съ нею говорили ея обожатели.

— Ну что ты говорила съ этими *штунгами*? не запирайся, я видѣла, что ты говорила съ ними что-то.... допрашивала Федосья Дмитревна Пелагею, зазвавши ее въ свою комнату.

— Что говорить-то? извѣстно, поклонъ вамъ послали-сь; спрашивали, поѣдетъ-ли дескать Федосья Дмитревна на гулянье?

— Что ты имъ сказала?

— Я сказала, поѣдете.

— Какъ ты смѣла сказать, что я поѣду? Что ты со мною дѣлаешь? развѣ это хорошо? — притворно сердясь, говорила Федосья Дмитревна.

Пелагея пристально смотрѣла ей въ глаза, и внутренно смѣясь, отвѣчала:

— И худаго-то, кажется, ничего нѣтъ въ томъ, что предметъ на васъ посмотреть. Отчего-жъ удовольствіе не сдѣлать-съ?

— Удивляюсь, какъ они знаютъ мое имя!.... продолжала Федосья Дмитревна съ скрытымъ удовольствіемъ.

— Удивляться нечего, вы не изъ послѣднихъ-съ въ городѣ; всякъ знаетъ-съ, какъ васъ зовутъ-съ, льстила Пелагея.

Вскорѣ Федосья Дмитревна принялась за свой туалетъ. Намылившись разными мылами и умываньями, покрывши рябоватое лице свое тонкимъ слоємъ штукатурки, и подрумянившись бакономъ, она стала надѣвать пестрое съ многочисленными оборками платье.

— Очень туго-съ, замѣтила Пелагея, стягивая изъ всей силы платье и покрасѣвши какъ ракъ.

— Тяни, Палаша; вѣдь не туго.... говорила щеголиха, затанувъ дыханіе. — Ну, совсѣмъ?

— Нѣтъ еще-съ; не пыжьтесь, сожмитесь еще, еще.... ну, совсѣмъ-съ, только чтобъ не лопнуло-съ!

— Не лопнетъ. Ахъ какая я тоненькая! а не забудь, я корсета никогда не носила.... хвастала Федосья Дмитревна, повертываясь передъ зеркаломъ.

— Вы и такъ того и гляди переломитесь, только по осторожнѣе-съ, а то чтобъ не....

— Вытвердила свое; ну что-жъ за бѣда, хоть что и сдѣлается, подъ мантилею не видно.... И Федосья Дмитревна хотѣла было надѣвать зимнюю атласную шляпку; но догадливая Пелагея посовѣтовала ей наколоть вуалетку, чтобы скрыть, изъ какой матеріи она сдѣлана.

Въ эту минуту Авдюша съ матерью вошли въ ту ком-

нату, въ которой Дмитрій Андреевичъ, послѣ ухода приказчика, все еще по прежнему лежалъ на диванѣ.

— Тятенька-съ, позвольте мнѣ съ Антономъ идти на гулянку, произнесъ робко мальчижъ.

Отецъ молчалъ.

— Дмитрій Андреевичъ, не ужели ты не слышишь? Сдѣлай милость, отпусти Андрюшу на гулянку, примозвила Марья Борисовна.

— Что-о? произнесъ отецъ.

— Отпустите, тятенька-съ!

— Не зачѣмъ, приказываю сидѣть дома. Да какъ вы смѣли меня беспокоить?.... А?

— Отпустите-съ! прошепталъ сквозь слезы Андрюша.

— А вотъ я отпущу тебѣ хорошую затрещину!... вскричалъ Дмитрій Андреевичъ, вскакивая.

— Что-жъ, батюшка, тебѣ его не отпустить-то? мальчишкѣ хочется; мы сами молоды были, самимъ хотѣлось!

— Хотѣлось, хотѣлось! А не хочется тебѣ, чтобъ твой шлыкъ съ головы слетѣлъ, вотъ что! потатчица! твое дѣло только баловать мальчишку; а коли отецъ сказалъ *нѣтъ*, такъ и значить *нѣтъ*!....

Дмитрій Андреевичъ топнулъ.

— Пошелъ, скажи Гаврилѣ, чтобъ лошадь въ пролетки запрягъ, слышишь!.... прибавилъ тятенька, обращаясь къ сыну.

Андрюша, промигивая набѣгавшія на глаза слезы, пошелъ въ сарай, передать Гаврилѣ приказанье отца.

— Коли не хочешь, Дмитрій Андреевичъ, отпустить мальчишку съ парнями, такъ возьми его съ собою, покатай на хорошей лошадакѣ.... сказала Марья Борисовна.

— На хвостъ я твоего прихвостня что ли посажу? Я поѣду съ дочерью.

— Все съ дочерью да съ дочерью, возишь ее съ собою какъ *надолбу*!

— Молчать! развѣ кто смѣетъ мнѣ въ этомъ указывать? Ась? всякой хочеть быть большимъ....

Марья Борисовна, ничего не успѣвши и повѣся голову, пошла въ свою комнату, думая про себя: — Вотъ ка-

ковъ отецъ-то нашъ, словно звѣрь какой, загналъ мальчишку, совсѣмъ загналъ....

Въ спальнѣ Марья Борисовна, напѣвая тихонько какую-то молитву, открыла комодъ, и принялась перебирать разные въ немъ вещи, какъ-то: остатки отъ платьевъ и старинныя ленты, вынимая разные коробочки и баульчики съ бездѣлушками. Погодя не много, вошелъ Андрюша и, открывъ одну изъ коробочекъ, вынулъ оттуда нитку какихъ-то бусъ, которыя нѣкогда украшали шею Марьи Борисовны, когда она была еще дѣвпцей.

— Ну вотъ я говорилъ, что не отпустить; нечего было и проситься. Вотъ какой у тебя тятенька-то, Андрюша! не такъ, какъ другіе отцы.... Ахъ ты, горемыка мой! промолвила мать. — Да смотри ты, не порви бусы! вотъ ужъ тридцать пять лѣтъ, а онѣ все еще цѣлы и невредимы; смотри-же, не разсыпь!....

— Нѣтъ, не рассыплю; какія они свѣтлыя, мамонька! отвѣчалъ мальчикъ, глотая слезы.

— Андрюша,

— Чего-съ?

— Знаешь-ли, что? вѣдь отецъ-то не совсѣмъ Дарью раздѣлалъ?

— Что же за диво? развѣ у насъ это первина?

— А вѣдь, Андрюша, великій грѣхъ! бывало, покойный, царство ему небесное, мой батюшка, а твой дѣдушка Борисъ говаривалъ, что у рабочаго утянуть копейку — великій грѣхъ!

— Что дѣлать, мамонька? тятеньку никто не переучить!

— Такъ вотъ что, мой голубчикъ, не учишь ты такъ дѣлать, какъ тятенька дѣлаетъ; а жалко, жалко Дарью! она на насъ плачется. Еслибъ у меня въ рукахъ были деньги, я-бы ей отдала, всего два рубля съ четвертакомъ; а то ни копейки нѣтъ за душой. Одна только я на свѣтѣ-то этакъ живу, на шолкъ или на иголки у отца проспншь, проспншь, да такъ и бросишь!

— Нечего дѣлать; ужъ онъ такой человекъ вѣрно.

— А вотъ что, Андрюша....

— Что-съ?

— Когда въ лавкѣ будешь безъ отца, возьми-ка хоть цѣлковинскихъ три, на разныя мелочи, на свѣчи, — вѣдь такое горе, просто не на что и свѣчки въ церкви поставить, даже людей стыдно!

— Какъ-же мамонька, вѣдь Иванъ Тимофѣичъ узнаеть, *самому* скажетъ, а *онъ* мнѣ волосы вытаскаетъ!

— Полно дурачокъ! можно не въ одинъ разъ, а пожалуй не въ одинъ день, перебрать по четвергачку и по двугривенничку три-то цѣлковыхъ. Ужъ будто все Иванъ такъ у ящика съ деньгами и сидитъ?

— Отчего вы сами у Ивана Тимофѣича не возьмете денегъ сколько вамъ понадобится? Онъ вамъ не посмѣеть отказать — вѣдь вы хозяйка! замѣтилъ сынъ.

— Отказать-то мнѣ Иванъ не откажетъ, да только *самому* скажетъ, такъ только грѣхъ одинъ и выйдетъ, ты знаешь, твой тятенька, ни кому ничего не даетъ, не обругавши прежде.

И мать съ сыномъ замолчали. Марья Борисовна опять принялась напѣвать въ полголоса и рыться въ своемъ комодѣ, а сынъ любоваться по прежнему бусами, какъ вдругъ быстро вошелъ глава семейства. Онъ былъ уже совсѣмъ одѣтъ.

— Подай мнѣ шелковый платокъ въ карманъ, — обращаясь къ Марьѣ Борисовнѣ, сказалъ онъ тѣмъ рѣзкимъ, неприятнымъ голосомъ, отъ котораго у жены подпирало по кождѣ; во всю жизнь свою не называлъ онъ ея ни по имени, ни женою, какъ добрые люди зовутъ, а только величалъ мѣстонаменіями.

Марья Борисовна засуетилась и достала изъ ящика платокъ, но ястребиный взоръ Дмитрія Андреевича упалъ на сына.

— А, ты что здѣсь дѣлаешь? Ба! пронизки бабьи ни-жешь? Хорошо! не худо!... вскричалъ онъ, налетѣвши на мальчика.

— Что-жъ мнѣ дѣлать-то? прошепталъ Андрюша, сконфузившись, и посмотрѣлъ на дверь, чтобы улизнуть, но исполнить это было уже нельзя, потому что его русые густые волосы поймала тятенькина костлявая рука.

— Ахъ ты негодяй, ахъ ты материнъ прихвостень! Что тебѣ дѣлать? и ты можешь спрашивать, что тебѣ дѣлать? Вотъ я тебя научу, что тебѣ дѣлать! Да развѣ я для того тебя воспитывалъ, училъ, дьячку Яшкѣ за твое ученье сорокъ рублей, да мѣшокъ муки заплатилъ? А ты, шельма, на счетахъ порядочно не знаешь, счета написать не умѣешь. Вотъ я тебя научу, научу бабьи пронизки низать!... причиталъ Дмитрій Андреевичъ, раскачивая мѣрно сына за волосы, то въ ту то въ другую сторону, то взадъ, то впередъ; Андрюша не смѣлъ кричать, но плакалъ отъ боли. Опомнившись, Марья Борисовна бросилась между отцомъ и сыномъ.

— Что ты его тиранить? За что ты ребенка-то тиранить? Какой ты родитель! Охъ, Господи, знать согрѣшила я больше всѣхъ! — воила она со слезами, загоразивая собою Андрюшу.

Дмитрій Андреевичъ выпустилъ сына изъ рукъ, и такой подзатыльникъ скронлъ супругѣ, что у ней искры изъ глазъ посыпались, платокъ съ головы свалился и косы повисли.

Андрюша воспользовался этой минутой, убѣжалъ и въ ожиданіи, пока пройдетъ гроза, спрятался въ курятникъ.

— Да ты ужъ лучше бы надѣла на сынка юбку, да и посадила возлѣ своего хвоста — пронизки низать!... кричалъ неистово Дмитрій Андреевичъ: — Анаемы вы этакія! Да вы не стойте, чтобы и заботиться объ васъ, чтобъ васъ хлѣбомъ-то кормить!...

Но Марья Борисовна не отвѣчала, она смиренно подняла свой головной уборъ и, утирая слезы рукавомъ, отошла къ сторонкѣ.

Погорачившись еще нѣсколько времени, Дмитрій Андреевичъ вышелъ изъ комнаты, сказавъ въ дверяхъ: — обоихъ васъ надо хорошенько!...

Вскорѣ пролетка, съ подножками обитыми ковромъ яркихъ цвѣтовъ, въ которой Дмитрій Андреевичъ ѣздилъ только по праздникамъ, застучала по двору, и подѣхала къ крыльцу. Солнечный лучъ отразился въ ея лакированномъ задкѣ, лошадь хрипѣла, блестя сбруя изъ накладнаго серебра, осанисто сидѣлъ на своемъ мѣстѣ Гаврила, въ новомъ

синемъ кафтанѣ. Федосья Дмитріевна появилась на крыльцѣ. Она проворно прыгнула въ пролетку. Платье топырилось, и услужливая Пелагея поправляла его то съ той, то съ другой стороны, приговаривая подобострастно:

— Ахъ, сударыня-съ, не въ пролеткѣ, а въ коляскѣ-бы вамъ ѣздить-то.

— Пророчъ, пророчъ! умѣли бы мы и не въ коляскѣ, а въ собственной каретѣ ѣздить.... говорила самодовольно Федосья Дмитріевна.

— Ахъ, дай-то Господи, дай Господи! кажется и недождешься такой радости.... шептала Пелагея.

Вышелъ Дмитрій Андреевичъ.

Ударили къ вечернѣ; онъ снялъ шляпу и набожно перекрестился. Посмотрѣвъ на свои большіе серебряные часы, кивнулъ на низкій поклонъ Пелагеи, и помѣстился возлѣ дочки. Сенька отворилъ ворота и пролетка прокатилась. Долго пмъ вслѣдъ смотрѣла Пелагея.

Проѣхавъ улицы двѣ и налюбовавшись лошадыю и сбруею, Дмитрій Андреевичъ обратилъ вниманіе на дочь.

— Это что за сѣтку на шляпу навѣсила? А? что за страмъ! смотри, чтобъ впредь этого не было.... замѣтилъ онъ сердито.

— Нонче мода-съ, — отвѣчала Федосья Дмитріевна, благоразумно скрывая настоящую причину, а именно: что она нарочно прикрыла зимнюю шляпку.

— Слышь, чтобъ впредь этого не было! шляпка почти новая, желтенькая, а она закрыла какой-то тряпкой.... сними сейчасъ!

— Нельзя-съ, пришито, отвѣчала смущенная дочь.

— А платье? ась? да ты страмишь меня. Лошадь, сбруя, пролетка, кучерь, все какъ есть, а она въ какой-то тряпкѣ, въ мерзости! если бъ не далеко, воротился бы. Развѣ я мало покупалъ тебѣ шелковыхъ платьевъ? — почти съ гнѣвомъ говорилъ Подошвинъ.

— Молодые дѣвицы не носятъ-съ шелковыхъ платьевъ-съ, — рѣшилась отвѣчать Федосья Дмитріевна: — не мода-съ!

— Не мода! У кого нѣтъ, такъ и не мода, можеть мо-

лодыя и не посятъ! а ты скажи-ка, больно молода что-ли? нечего пустяки-то выдумывать, тебѣ уже двадцать семь съ хвостикомъ..... Впрядь, чтобъ не страмить меня.... Слышишь!

— Слышу-съ!... прошептала дочь, съ досадою закусивъ губы.

III.

— Ну, теперь маршь на гулянку, Сеня, сказала Пелагея Семену, когда стихъ вдали стукъ пролетки.

— Я только Панкратья и дожидаясь, отвѣчала Семень, который по росту казался мальчикомъ лѣтъ двѣнадцать, но по плечамъ, по круглой толстой рождѣ и плутоватому выраженію глазъ, парнемъ лѣтъ семнадцать; онъ, надобно замѣтить, жилъ у Подошвина еще въ мальчишкахъ.

— И я съ вами пойду, испремѣнно пойду, только *шалъ* надѣну, говорила Пелагея (шалью она называла свой старый драдедамовый, полнялый платокъ, который оставила въ комнатѣ Ѳедосьи Дмитріевны), и со всѣхъ ногъ бросилась за нимъ. Въ воротахъ она столкнулась съ Панкратьемъ.

Толстогубый, долговязый Панкратій очень пристально смотрѣлъ на свои новые сапоги, и не взвидѣлъ какъ наткнулся на Пелагею.

— Съ ногъ сбилъ Панкратіи, Панкратій... какъ тебя по батюшкѣ-то? — вскричала она, сторонясь.

— Ахъ, Пелагея Осиповна, прощенія просимъ, виновать! тороплюсь, пойдемъ съ нами на гулянье, ради компанства: — говорилъ остановясь Панкратій.

— Пойти-то пойду, да чѣмъ вы угостите меня?...

— Чѣмъ намъ угощать-то тебя? изъ какова кантала? хозяинъ-то ни гроша на гулянье не дасть, вскричалъ Семень.

— Ну ладно, ладно, ужъ такъ и быть, пятнадцатый куда ни шель, куплю бытылочку пивца и ппрожками поподчую, авось за-то рубашку сошьешь... сказалъ Панкратій.

— Ладно, хорошо! Я сейчасъ, дожидайтесь меня, кричала Пелагея, убѣгая поспѣшно на дворъ.

Вскорѣ на крыльцѣ послышался голосъ Марьи Боровны, звавшей Андриюшу.

Заслышавъ голосъ матери, сынъ оставилъ свое убѣжище и пошелъ къ ней. Голова его была вся въ пуху, платье въ ныли и наутпнѣ. На встрѣчу ему шелъ Антошъ, тоже гдѣ-то съ нетерпѣніемъ переживавшій отъѣзда хозяйина, и не желавшій безъ надобности показываться ему на глаза.

— Что скажете-съ, Андрей Дмитричъ?

— А ты, Антоша, что скажешь!

— Да что сказать-то, время бы на гулянье, ужъ вечерняя отошла-съ.

— Ну, чтоже, иди; погуляй, братъ, и за меня!

— А васъ-то какъ это.... развѣ не отпустили-съ?

— Мало того, что не отпустили, еще и *грушу* натрясли, за то что осмѣлился проситься.... отвѣчалъ хозяйскій сынъ сквозь слезы.

— Жаль мнѣ васъ, душевно жаль. А помочь нечѣмъ-съ! Знаю я вашего тятеньку-съ, Андрей Дмитричъ, и кулакъ-то его мнѣ очень знакомъ, потерѣлъ я отъ него, какъ въ мальчишкахъ жилъ; ну, вотъ, и оттерпѣлся-съ. И вы, Андрей Дмитричъ, *терпи казакъ, атаманъ будешь*, придетъ время, и на вашей улицѣ будетъ праздникъ; вѣдь послѣдникъ-то вы одинъ-съ, никто другой!... говорилъ Антошъ, стараясь утѣшить Андриюшу.

— До-тѣхъ-поръ меня-то и забьютъ и похоронятъ; да правду сказать, я и жизни-то такой не радъ.... сказалъ печально мальчикъ.

— Эхъ, полноте, не плачьте-съ, *перемелется, все мука будетъ*-съ. Подите-на лучше, доложите у мамоньки, они вѣрно васъ отпустятъ, мы и пойдемъ, и нагуляемся-съ, и домой до тятеньки придемъ-съ; онъ и не узнаетъ. Ужъ вѣрно ваша мамонька ему о томъ не скажутъ-съ.... Точно змѣй-искуситель прельщаль приказчикъ молодаго хозяйина.

— А какъ тятенька тамъ меня увидитъ!...

— Можно-съ такъ гулять, что и не увидитъ-съ, увѣрляю васъ, что можно.

— Нѣтъ, братъ Антоша, если *самъ*-то насъ и не увидитъ, такъ другіе скажутъ, подумавъ отвѣчалъ Андриюша: —

вѣдь все-жъ кому-нибудь знакомымъ на глаза попадешся, да мало того, что тятенька меня отдуетъ, и мамонькѣ-то на орѣхи достанется; нѣтъ, душа, нѣ пойду....

— А напрасно-съ, мы бы тамъ по бутылочкѣ медку выпили-съ, мороженаго покушали-съ, пирожковъ и фруктовъ разныхъ-съ. Почему же не повеселиться-съ? Цыгане, говорятъ, пѣть будутъ-съ отлично.... соблазнялъ Андрюшу приказчикъ.

— А деньги-то гдѣ? Вѣдь, братъ, на *шши*-то ничего не достанешь?... А у меня въ карманѣ точно такъ.... замѣтлв колеблющійся Андрюша.

— Помилуйте-съ Андрей Дмитричъ, вы словно пятилѣтнй мальчикъ: у воды сидите, пить хотите, а напиться не можете.... Ужъ у вашего-то тятеньки денегъ нѣтъ?...

— Какъ не быть.... у тятеньки деньги есть, да у меня-то нѣтъ, отвѣчалъ простодушно мальчикъ.

— Хмъ!... не знаю, какъ про васъ думать, совѣстливы что-ли вы больно, али не догадливы. Сидѣть у денегъ, да не смѣть взять для своего удовольствія, право, ужъ я и ума не приложу.... Вѣдь вы не нашъ братъ, вы сынокъ, возьмете, такъ свое возьмете....

— Миѣ и мамонька говорила, чтобы я взялъ, да я больно боюсь *самого*-то, какъ онъ замѣтитъ, такъ послѣ такую выволочку задастъ, что забудешь послѣ, какъ и дотрогиваться-то....

— Такъ надобно такъ взять, чтобы не замѣтилъ....

— Если не самъ, такъ Тимофѣичъ узнаетъ.

— Ужъ больно вы просты, даже смѣшно-съ. Не осердитесь, Андрей Дмитричъ.... Надобно такъ, чтобы и Тимофѣичъ не зналъ-съ....

— Нѣтъ, боюсь, Антоша.

— Напрасно-съ.... Такъ что же, пойдете-съ?...

— Не пойду, отвѣчалъ рѣшительно Андрюша. Правда, что одному скучно, больно скучно безъ дѣла цѣлый день.... Однако, нѣтъ — не пойду....

— Какъ вамъ угодно-съ, сказалъ приказчикъ недовольнымъ голосомъ, и потомъ, вытацивъ изъ кармана растре-

панную, запачканную книжонку, прибавилъ: — ну, такъ вотъ не угодно-ли-съ, отъ скуки-то?

— Что это такое? Пѣсенникъ?

— Никакъ нѣтъ-съ, пречувствительная, презанятная исторія-съ, прочитайте-ка-съ....

— «Битва русскихъ съ кабардинцами, или прекрасная магометанка, умирающая на гробѣ своего супруга», прочиталъ Андрюша на заглавномъ листѣ книжки, и потомъ сказалъ: — А! И то почитать было отъ скуки.

Приказчикъ и молодой хозяинъ разстались. Первый пошелъ за ворота, послѣдній на крыльцо.

— Что это, голубчикъ, гдѣ ты былъ? словно у вороны въ гнѣздѣ, весь въ пуху и въ перьяхъ! воскликнула Марья Борисовна, встрѣтя сына въ корридорѣ, и бросилась обмахивать его своимъ передникомъ.

— Не угадали, мамонька, былъ я, да только покуда въ курятникѣ, отвѣчалъ наивно Андрюша.

— Ну, ничего, теперь, слава Богу, тепло, а мнѣ иногда приходилось и зимою по суткамъ сидѣть на наогребицѣ — у страха глаза велики. Хочешь чайку, Андрюша! сейчасъ согрѣемъ самоварчикъ, безъ отца и отведемъ душеньки! говорила мать.

— Нѣтъ-съ, не хочу-съ, жарко и безъ чаю-съ!

— Такъ я тебѣ вареньица дамъ, или не хочешь ли орѣшковъ? Иди, дурачокъ, въ спальню.

— Хорошо-съ, приду-съ я, сейчасъ. И Андрюша прошелъ въ столовую, легъ на диванъ и принялся читать «Прекрасную магометанку», и потомъ мало-по-малу увлекся и забылъ, что въ маменькиной спальнѣ его ожидали лакомства.

Между тѣмъ Пелагея, поправивши свой жиденькій пучекъ, и накинувъ на плечи свою шаль, бѣжала на гулянку, въ перегонку съ тремя приказчиками Подошвина.

— Чѣмъ-то Антонъ Антонычъ угоститъ меня? А ужъ вотъ, Панкратій, Панкратій... все забываю, какъ по батюшкѣ-то, общалъ оставить бутылочку пивца! говорила она, обращаясь къ Антону.

— Ну, а я выставлю бутылочку медку, такъ и быть, угощу Пелагею Осиповну! да еще чего-нибудь можно....

того.... какъ ево.... и по-горячѣе.... Ишь, время жаркое, медь со льда, такъ, чтобъ горло не перехватило.... сказалъ Антонъ, лукаво улыбаясь.

— Не безпокойтесь, не перехватить, а и охрипну, такъ не пѣсни пѣть, да-съ! Съ чего это взялъ, меня *горячимъ* подчпвать? Развѣ дѣвнцы пьютъ?...

— Чай-то? Что ты, Пелагея Осиповна, вѣдь чай-съ?

— Чай!

— А ты думала.... Ну, до свиданія! Гляди же меня на гуляньѣ, мороженымъ накормлю, а проглазѣшь, такъ не моя вина....

— А вы куда-съ, Антонъ Антонычъ?

— У матери давно не бывалъ, надобно навѣститъ старуху; ну да я скоро буду.... отвѣчалъ Антонъ, повертывая отъ нихъ на лѣво, между тѣмъ какъ нужно было идти на право.

— Да полно, не къ сестрицѣ ли названой? спросила Пелагея, подмигнувъ и улыгнувшись.

Антонъ только махнулъ рукою.

Пройдя съ спутниками своими нѣсколько переулковъ, застроенныхъ деревянными домиками, Пелагея вышла на большую поляну, перерѣзанную во всѣхъ направленіяхъ наѣзженными дорогами. Съ одной стороны тянулись частоколы огородовъ, съ другой виднѣлись два столба городской заставы, съ облупившеюся штукатуркою, на верху которыхъ парили орлы съ обломанными крыльями. За заставой бѣлѣлась церковь кладбища, группы надмогильныхъ крестовъ и зеленыя поля съ изумрудною озимью. Вдали окаймлялъ все видимое пространство кустарникъ. Широкая дорога, усаженная только что распустившимися березками, уходила въ синюю даль. Гулянье было во всемъ разгарѣ. Между нѣсколькими палатками, чинно стоявшими двумя рядами, ходилъ взадъ и впередъ городской людъ, закупаая въ нихъ разныя лакомства; тутъ же, не вдалькѣ, удалый запѣвала гарнизонныхъ пѣсенниковъ дребезжающимъ голосомъ затягивалъ хоровую пѣсню, хоръ подхватывалъ, и удары въ бубенъ далеко, далеко разносились....

Кружокъ любителей русской пѣсни тѣснился около пѣ-

сенниковъ, время-отъ-времени сдвигался все тѣснѣй и тѣснѣй, и наконецъ до того стѣснился, что и руки нельзя было просунуть. А артисты своего дѣла усердно работали по карманамъ.

Далѣе — вереницы подгородныхъ деревенскихъ дѣвокъ, въ цвѣтныхъ сарафанахъ и кисейныхъ фартукахъ, взявшись за руки, визжали хороводныя пѣсни, имъ подыгрывалъ на рожкѣ городской булочникъ, коренастый парень на короткихъ ногахъ, въ спней *посадкѣ*, въ плисовомъ картузѣ и съ зелеными перчатками за краснымъ кушакомъ. Тутъ же усатый господскій кучеръ, играя на гармоніи и заткнувъ полы кафтана за поясъ, пускался въ прыядку.

Русскій пультнелло, просунувъ курчавую голову сквозь крышу своего клеенчатого театра, къ удовольствію собравшейся публики, пѣлъ своимъ неестественнымъ голосомъ: «Сизъ голубчикъ дорогой!...», любезничалъ съ Авдотьей Степановной, торговалъ у цыгана лошадь, кланялся публикѣ, и проч.... Ребятишки обступили раекъ, и щедушный мужичокъ, съ козлиною бородкою, не переводя духу, говорилъ рѣзкимъ, звонкимъ теноромъ:

«Пожалуйте, господа!
 «Вотъ городъ Нардынъ;
 «Здѣсь дядя Мартынъ
 «Купилъ вина на алтынъ,
 «Пьетъ одинъ.
 «Закусываетъ сѣномъ
 «Съ хрѣномъ....
 «Укусомъ съ соломой,
 «Суконнымъ пирогами
 «Съ навозомъ....
 «Тара-бара,
 «Четыре двора,
 «Семеро воротъ,
 «Все въ огородъ,
 «Выѣхать некуда,
 «Хоть тутъ живи....
 «Вотъ городъ Парижъ,
 «Не доѣдешь, угоришь!...»

И близстоящіе улыбались, смѣялись, хохотали на его выходки. Ребята со слезами выпрашивали у матерей гроши, желая поглядѣть въ «стеклышко».

Въ сторонѣ — храмъ Бахуса, съ своей бѣлою какъ снѣгъ, воронкообразною крышею, съ своимъ привѣтно развѣвающимся флагомъ, манилъ своихъ поклонниковъ. И подъ его гостепріимнымъ кровомъ сливались въ одинъ гулъ и пріятельскій поцѣлуй, и дружеское привѣтствіе, и заздравный кликъ, и пѣсня пьянаго мужика, и звонъ разбитой стеклянной посуды. Далѣе — двѣ-три палатки пріютились къ можжевеловому кусту, въ нихъ трещалъ огонь, надъ ними вилось облачко дыма, и разносился запахъ жареныхъ пирожковъ.

— Господа! госпожи! пирожки, пирожки жареные въ маслѣ, съ говядиной, съ яичками, пирожки горячіе, пирожки! кричалъ курчавый мальчикъ звонкимъ теноромъ, у одной изъ палатокъ.

— У меня лучше, здобнѣй и горячѣй... Пожалуйте господа честные!... перебивалъ его басомъ чернобородый мужикъ, въ замасленномъ фартукѣ, изъ другой палатки.

И гуляющіе шли и къ тому и къ другому, входили въ отдѣленія перегороженныя рогожками, и садились на теснцы, замѣняющія скамейки, за усыпанные крошками столы, на которыхъ соль лежала безъ солонокъ кучками, и грязныя ручники замѣняли салфетки.

Тамъ и сямъ на полянѣ, присѣвъ на корточки, и поставивъ на землю свои кадочки, разнощики мороженаго угощали окружающія группы ихъ.

И между всемъ этимъ толпы волновались, сталкивались, останавливались, оглядывали другъ друга съ ногъ до головы, здоровались, покупали лакомства, носились съ узлами, пересмѣивали другъ друга, и опять сходились, толкались, волновались; а вокругъ всей этой пестрой смѣси, каталась гуськомъ знать Привольская, въ каретахъ четвернею съ форейторомъ, и въ коляскахъ набитыхъ дѣтьми и гувернантками, дочерьми и приживалками, и купечество на жирныхъ лошадяхъ, съ дюжими половинами, въ пролеткахъ, и мѣщанство

на дрожечкахъ, съ краснощокими дочками въ чепчикахъ, обнимая движущимся кольцомъ все гулянье.

— А, вотъ и наши! Ай! какъ важно сидитъ Федосья-то Дмитревна! ужъ важно! Ей бы, сударыня, головихой быть, да и только... А лошадь-то, лошадь! такъ и пышетъ, и пышетъ, а Гаврила-то! Ахъ старый хрѣнъ, какъ онъ бороду разчесалъ, и не моргнетъ! ха, ха, ха!... говорила весело Пелагея, показывая пальцемъ на проѣзжающихъ Подошвиныхъ; но оглянувшись, она не видала своихъ спутниковъ.

— Гдѣ-жь вы? Ахъ, пострѣлята! Куда они пропали! вдругъ исчезли, ну, куда они исчезли? спрашивала она сама себя вслухъ, и приподнявшись на цыпочкахъ смотрѣла во все стороны....

Въ эту минуту, по ту сторону дороги, стояли знакомые намъ семинаристы; высокій грызъ орѣхи, низенькій, опустил руку въ карманъ панталонъ, мялъ въ рукахъ какую-то бумажку, и смотрѣлъ вслѣдъ проѣхавшимъ Подошвинымъ.

— Ха, ха, ха, ну что Кароагенскій? сказалъ высокій.

— Что зубы-то скалишь, *грозотъ* этакой? Вотъ я за это и не люблю тебя, Спартанскій!.. отвѣчалъ низенькій.

— Ха, ха, ха, да ты братъ смѣшонъ! мочи нѣтъ смѣшонъ, написалъ да и носишься, какъ курица съ яйцомъ, не знаешь что дѣлать.... Ну вотъ опять проѣхала... А ты что успѣлъ?..

— То-то и есть что не успѣлъ! Да какъ, хоть бы на этой рукѣ сидѣла, а то старикъ пожалуй увидитъ?

— Такъ поди на ту сторону?

— Отступись! говорилъ съ досадою Кароагенскій, толкая локтемъ Спартанскаго.

— Меня братецъ не слушаешь, а по моему послалъ да и баста!..

— Ну, ты привыкъ все съ плеча-то, обломъ этакой!... Только послушай тебя!

— Полно, трусь!..

— Братецъ, нужно случай выждать.

— А вонъ онъ, случай-то!.. и Спартанскій показалъ рукою на Пелагею.

— Гдѣ? А! перейдемъ къ ней?..

Набѣхавшіе экипажи сдвинулись плотно, остановились, и загородили собою дорогу товарщикамъ.

— Куда это вы провалились? Просто сгнули да пропали въ глазахъ... говорила Пелагея выходящимъ изъ толпы спутникамъ своимъ.

— Вона! Пелагея Осиповна выдумала во все горло кричать! да на хозяевъ пальцами показывать, чтобъ они услышали, да насъ увидали.. Хороша штука! прямо что *волось дологъ да улы коротокъ*... молвилъ Семень.

— Ахъ ты, молокососъ! Материно молоко на рылѣ - то не обсохло, а онъ меня учить, постарше себя... молоденець еще!

— Молоденекъ!... Что малъ такъ и молоденець, фю!... и Семень свистнулъ. — Ты на моихъ крестинахъ каши не ѣла?

— Да что ты хозяина-то, словно медвѣдя боишься?

— Хоша бояться-то и не то что боюсь, а попасться иной разъ на глаза и не хочется; сама знаешь, дѣло хозяйское... Да послушай-ка Пелагея Осиповна, поди-ка съ Семепомъ, вонъ станьте у той вертушки, а я за пивомъ схожу... Да смотрите же, съ мѣста не сходите, чтобъ васъ мнѣ найдти... сказалъ Панкратій,

— Добрый ты человекъ Панкратій, Панкратій... все по батюшкѣ забываю... да поскорѣй же!... проговорила весело Пелагея, и потянула за руку Семена, къ показанной *вертушкѣ* или *фортункѣ*, установленной разными разностями, отъ чайной фарфоровой чашки въ рубль серебромъ, до грошовой глиняной трубки. Фортунку окружила толпа, слѣдя съ любопытствомъ какъ катался шарикъ, за частую обманщикъ.

Панкратій, подобравъ свои длинныя полы, побѣжалъ въ противную сторону.

Прошло съ четверть часа. Пелагея начала терять терпѣніе.

— Сеня, какъ ты думаешь, скоро придетъ Панкратій?

— Не знаю; можетъ и скоро!..

— Не надулъ ли онъ насъ? А? какъ ты думаешь?

— Можетъ и надулъ; я почему знаю!

— Да ты-то что думаешь, я тебя спрашиваю?

— Я вотъ что думаю: кабы у меня былъ пятакъ серебра въ карманѣ, я бы вернулъ, и можетъ быть вывернулъ, вонъ тотъ стаканъ изъ краснаго стекла... отвѣчалъ Семень, пристально смотря на стаканъ.

— Полно врать чепуху! Ну, на что тебѣ стакапъ?

— Я бы его продалъ за полтинникъ...

— Ай Панкратій!.. знать онъ насъ обманулъ, Сеня!

— Можетъ и обманулъ...

Пелагея стала нетерпѣливо смотрѣть во всѣ стороны.

— Аль онъ насъ ищетъ? Можетъ онъ и ищетъ насъ? Какъ ты думаешь Сеня? но Сеня не отвѣчалъ, онъ нырнулъ въ толпу и скрылся.

— Сеня, Сеня! Семень! куда дѣвался? почти кричала Пелагея, вертясь во всѣ стороны, и заглядывая черезъ плечи высокихъ мужчинъ. Но Сеня не показывался.

— Этакіе черти проклятые, всѣ разбѣжались! Ну прахъ съ вами!... сказала Пелагея плюнувъ, но взглянувъ черезъ дорогу, она увидѣла Антона.

— Антонъ Антонычъ, Антонъ Антонычъ! оглянись, обернись! кричала она, но Антонъ или не слыхалъ, или притворился что не слышитъ, и шелъ своей дорогой; по одному съ нимъ направленію шли двѣ женскія особы, въ бѣлыхъ кисейныхъ платьяхъ; одна простоволосая, другая накрытая крошечнымъ платочкомъ. По ихъ ловкой манерѣ и скорой походкѣ, Пелагея заключила, что особы были молодыя, и ей показалось, будто Антонъ разговариваетъ съ ними урывками. Пелагея, мучась досадою и любопытствомъ, бросилась было за ними, но вдругъ карета четверней перегородила ей дорогу, а когда экипажъ, постоявъ съ минуту, двинулся дальше, Пелагея бросилась со всѣхъ ногъ, и наткнулась на четырехъ пьныхъ мужиковъ, которые взявшись подъ руки, и шатаясь во всѣ стороны, драли во все горло безконечную пѣсню. Антонъ и бѣлыя платья все болѣе и болѣе удалялись. Пелагея бросилась вправо, два конные жандарма не пустишсе, сунулась въ лѣво, мужикъ съ пряниками разложился на землѣ. Пелагея, впрочемъ не теряя времени и осыпаемая ругательствами отъ продавца, перескочила черезъ его товаръ;

но ни Антона, ни бѣлыхъ платьевъ, уже не было видно. Она остановилась и перевела духъ.

Сзади послышался голосъ Семена; она оглянулась; мальчишка, накупивъ у мужика пряниковъ, пряталъ ихъ и въ карманы и въ сапоги.

— Ахъ ты плутъ! Не уйдешь! вскричала Пелагея и хотѣла его схватить за рукавъ, но Семенъ юркнулъ въ кружокъ пѣсениковъ, и былъ таковъ. Тутъ зло совершенно овладѣло Пелагеею, она послала всѣхъ своихъ компаніоновъ въ *таръ-тарары*, и безъ цѣли пошла бродить. Проходя мимо пирожныхъ палатокъ, она съ завистію смотрѣла на входящихъ и выходящихъ, и сжимая въ пустомъ карманѣ фартука, *орьхъ двоешку*, положенный въ него для привлеченія денегъ съ незапамятныхъ временъ, вспомнила старика Гаврилу.

— Ужъ угостилъ бы меня, если бы старикъ былъ сегодня *слабодень*, на славу бы угостилъ... думала она, и отъ нечего дѣлать принялась смотрѣть во внутренность палатки, сквозь дырочку проковырянную ребятами въ рогожѣ сзади палатки, и кого же увидала она?

Въ одной изъ особыхъ загородокъ, за столомъ сидѣлъ Панкратій; возлѣ его толстая, весноватая деревенская дѣвка, въ красномъ французскаго ситца сарафанѣ. Панкратій ухмылялся, трепалъ ласково свою собесѣдницу по плечу, и подчивалъ ее пирогами. Собесѣдница тоже ухмылялась самодовольно и дѣлала честь пирожкамъ, убирая ихъ съ немовѣрною скоростію. Глядя на нихъ, у Пелагеи такъ и текли слюнки. Когда тарелка была опорожнена, Панкратій подаль ее за рогожку, и вскорѣ широкая рука невидимаго служителя возвратила ее снова наполненную. Пелагея не вытерпѣла.

— Эй, Панкратій, Панкратій! какъ тебя по батюшкѣ-то? смотри не оставь гостью голодною! кричала она, стуча въ рогожу. Панкратій и его собесѣдница вскочили въ испугъ, и оглядывались на обѣ стороны.

Въ эту минуту подошелъ къ Пелагеѣ старій солдатъ, бывшій довольно на-веселѣ.

— Что ты глаза-то мозолишь, красотка моя? Пойдемъ угощу... сказалъ онъ, покручивая свои сѣдые усы.

— Отсупись старый хрычъ, что ты ко мнѣ привязался? отвѣчала она сердито.

— Что? Ты думаешь у меня денегъ нѣтъ? есть милая, есть... Десяточекъ пирожковъ.... Да не будь спѣсива! Видали мы много, и полекъ, и нѣмокъ, и чухонокъ, вотъ оно что.... Ты думаешь у насъ ничего нѣтъ, *голь какъ соколъ*? Ань нѣтъ, водится кое-что... говорилъ онъ, ударяя себя по карману, въ которомъ звѣнѣли мѣдные деньги, и схватилъ было Пелагею за руку.

— Пошелъ прочь! вскричала Пелагея, отталкивая безотвязнаго кавалера.

Но солдатъ былъ не изъ такихъ, чтобъ отстать скоро, и, не выпуская ея руки, говорилъ:

— Этакая спѣсивая! тѣфу пропасть, этакая спѣсивая! Ну полно же, не сердись!..

— Я тебѣ сказала, — поди прочь, а то вотъ такъ, всѣ глаза выпарапаю, ей-Богу выпарапаю!..

— Ну ладно, ладно! говорилъ старый любезникъ, и потомъ запѣлъ хриплымъ голосомъ:

«Поди прочь, не морочь,
Какой безпокойный,
Поди прочь, не морочь,
Любви не достойный!...»

И напѣвая, онъ хотѣлъ обнять Пелагею, но Пелагея вырвавши руку, быстро отскочила, а любезникъ, потерявъ равновѣсїе, свалился какъ снопъ. Всѣ тутъ стоявшіе захохотали.

— Ништо тебѣ, старому дураку, не волочись за молодыми! Ай-да хиблекъ-щеголекъ, одолѣлъ и стараго Макара!.. разсуждалъ пораженный ветеранъ, барахтаясь на землѣ.

— Ништо, ништо, старый песъ! проговорила въ свою очередь Пелагея, и поспѣшила ко входу въ палатку. Въ это время мимо палатки проходили извѣстные намъ семинаристы, и, завидѣвъ ее, Спартанскій толкнулъ Кароагенскаго подъ бокъ.

— Гляди братецъ, вотъ она, почта-то въ юбка?...

— Ахъ сосѣдка! Какъ поживаешь? спросилъ послѣдній, подходя къ Пелагеѣ: — Здорова ли?

— Живу помаленьку, вашими молитвами, какъ шестами подпираться, отвѣчала она. — А вы какъ можете?

— Да такъ, по немножку, скучаемъ; скучно, очень скучно!

— Изстрадался, понимаешь? пѣстрадался... ха... ха... ха!
И Спартанскій громко хохоталъ.

— Этакой ты грохотъ Спартанскій! Ну что ты грохочешь? Что тебѣ смѣшно? Ахъ какой ты человекъ! И потомъ, обратясь къ Пелагеѣ, Карѳагенскій спросилъ: — Ну что все ли въ добромъ здоровьи?.. Вѣдь была тамъ?

— Была, и вчера и сегодня! отвѣчала улыбаясь Пелагея.

— Поклопъ нашъ справилъ?

— Какъ же, справилъ, и вамъ въ отвѣтъ кланяются.
(Она лгала.)

— Ну и сегодня поклонъ скажи.. Ахъ! скажи что я страдаю. Что и день и ночь думаю объ нихъ... Да постойка — онѣ грамотѣ знаютъ?

— Еще бы! у вознесенской дьячихи учились!..

— И книжки читаютъ и пишутъ?

— Еще бы! воскликнула Пелагея: — да онѣ на что ни взглянуть, все переймутъ въ одну минуту; а то писать! экая важность!..

— Можно этакъ, — записочку передать?

— Почему не можно — можно... Ну хоть сначала и побранятъ; а послѣ и помилуютъ, отвѣчала смѣясь Пелагея.

— Пожалуйста... А, сосѣдка, потрудись... И Карѳагенскій сунулъ въ руку Пелагеи сложенную бумажку, которую она проворно спрятала въ карманъ.

— А мы уже пройдемъ, часу въ двѣнадцатомъ... прибавилъ Спартанскій.

— Отъ чего же и не пройти, да этакъ съ пѣсвкой... А я ужасно люблю, когда студенты поютъ, молвила любезно Пелагея. — Прощайте кавалеры! до свиданья.. И во время разговора она нетерпѣливо поглядывала на выходъ изъ палатки. Наконецъ вошла въ нее, но ни Панкратья ни его собесѣдницы, тамъ уже не было... Народъ повалилъ съ гулянья, конные обгоняли пѣшихъ, торговцы считали выручку и за-

бирались. По изумрудному озимому полю, съ заунывною пѣснею, тянулась домой цвѣтная вереница деревенскихъ дѣвокъ. Гарнизонные пѣсенники, съ ухарскимъ припѣвомъ, аккомпанируемымъ бубномъ, — также пошли въ свои казармы. Отставной старый матросъ, сложивъ въ мѣшокъ курчаваго пульчинелло съ его доскутною братіею, взвалилъ мѣшокъ на спину и пошелъ домой. Возлѣ матроса шла его дюжая половина, везя на двухъ-колесной телѣжкѣ сложенный клеенчатый театръ.

Ночные гуляки забирались подалѣе въ кусты, бѣлыя платья кое-гдѣ мелькали въ отдаленіи...

Обманутая и раздосадованная Пелагея, возвращаясь къ Подошвинимъ, обдумывала разные планы мщенія своимъ насмѣшникамъ.

Подойдя къ дому, она увидѣла своихъ мучителей, которые, какъ ни въ чемъ не бывало, сидѣли все трое у воротъ, и привѣтствовали ее съ самымъ невиннымъ видомъ.

— Вона! Гдѣ она, соколена-то наша!... куда это отъ меня убѣжала? заговорилъ первый Семень.

— А я-то, ужъ искалъ, искалъ тебя Пелагея Осиповна! велѣлъ на одномъ мѣстѣ ждать, такъ нѣтъ, надобно было уйти; а я и пива, и пирожковъ взялъ, пироги такъ и остыли.... Носился, носился я съ ними, все васъ искалъ!... прибавилъ Панкратій, простодушно глядя на Пелагею.

— Такъ что же ты съ пирогами-то сдѣлалъ? а? — спросила язвительно Пелагея.

— Да просто не зналъ что съ ними дѣлать; ѣсть самому не хотѣлось, поэтому....

— Поэтому ты ими и напичкалъ деревенскую тетерю. Ты думаешь Панкратій.... Панкратій... охъ, все по батюшкѣ-то забываю.... ты думаешь я не знаю? все знаю, не безпокойся; ты хотѣлъ надо мною посмѣяться, ну повидимъ, кто надъ кѣмъ насмѣется....

— Ай батюшки — свѣты, какъ разсердилась!... а я-то чѣмъ виноватъ? сами.... говорилъ запинаясь опѣшившій Панкратій.

— Ну ладно! А ты, Сеня дурачокъ, чай прыники-то въ сапогахъ, вспарилъ, пфу! и Палагея плюнула.

— А.... я.... не понимаю.... не понимаю, — лепеталъ Семень въ испугѣ.

— Не понимаете вы подлецы этакіе! А вы, Антонъ Антонычъ, весело погуляли-съ? — спросила насмѣшливо Пелагея, обращаясь къ Антону.

— Я со всѣмъ и на гуляньѣ не былъ, Пелагея Осиповна, — отвѣчалъ невинно Антонъ. Пришелъ, знаете, къ матери, — старуха не здорова, потомъ пришла сестра съ зятемъ; поставили самоваръ, да такъ все время и прокалякали....

— Идетъ себѣ съ франтихами, и земли подъ собой не слышитъ.... продолжала Пелагея, не обращая вниманія на слова Антона.

— Съ какими франтихами? Не во снѣ ли тебѣ приснилось, Пелагея Осиповна-съ?... сказалъ Антонъ, нѣсколько покраснѣвъ.

— Можетъ и привидѣлось, да только въ явѣ, а не во снѣ.... Антонъ Антонычъ....

Панкратій и Семень перемигнулись.

Антонъ всталъ и пошелъ во дворъ.

Пелагея, бросивши угрожающій взглядъ на оставшихся за-воротами, послѣдовала за Антономъ.

— Тѣла-бы ты нирогъ съ грибами, и держала языкъ за зубами, — проговорилъ Антонъ, не смотря на Пелагею. — Чего ты хочешь? Ну не купилъ я тебѣ бутылку меду, али тамъ какого чорта.... такъ еще можно дѣло-то поправить.... такъ пѣтъ навратъ-то надобно.... на, угости сама себя, видали мы четвертакъ-то.... и говоря это онъ бросилъ Пелагеѣ четвертакъ, который она на лету поймала.

Дверь на крыльцѣ отворилась, и выглянула Марья Борисовна.

— Пелагеюшка, поставь пожалуста самоваръ, гости пришли, сестрица съ зятемъ, — проговорила она.

— Сейчасъ, сейчасъ, сударыня-съ, — отвѣчала Пелагея.

— Такъ ужъ того.... Пелагея Осиповна, пожалуста, мапшики-то чтобъ къ будущему воскресенью были готовы, постарайся.... проговорилъ Антонъ такъ, чтобъ хозяйка слышала.

— Будутъ готовы, Антонъ Антонычъ, будутъ-съ — отвѣчала Пелагея.

Въ самомъ дѣлѣ у Марьи Борисовны въ гостиной сидѣли гости, къ ней пришла старшая сестра ея, Анна Борисовна Макова, съ мужемъ. Она только двумя годами была старше Марьи Борисовны, но послѣдняя уважала ее какъ мать.

Анна Борисовна, не смотря на несчастные перевороты, которые сдѣлали ее изъ богатой второй гульдін купчихи мѣщанкою, сохранила свой веселый счастливый характеръ, который помогалъ ей переносить терпѣливо всѣ горести. Она была выше и худощавѣе сестры, по пріятныя черты лица ясно говорили, что въ свое время Анна Борисовна имѣла замѣчательную красоту. И теперь, не смотря на скромный нарядъ, — на свое ситцевое платье, на дешевой шерстяной платокъ, она все-таки была хороша. Ея манишка была почти роскошно вышита собственными ея руками, и Анна Борисовна, смотря уже въ очки, снабжала своею работою привольскихъ щеголихъ и помогала поспѣшно своими трудами раззорившемуся мужу. Ея единственный драдедамовый сапогъ не имѣлъ на себѣ ни пылинки, ни пятнышка; также спокойно шла она въ немъ въ соборъ, какъ и прежде, когда хаживала въ соболяхъ и атласахъ, молилась усердно Богу, и привѣтливо раскланивалась съ знакомыми, разговаривая свободно съ богатыми, безъ малѣйшаго самоуничиженія, какъ съ равными себѣ. Словомъ — Анна Борисовна, какъ будто и не чувствовала, что пришла въ упадокъ.

Мужъ ея, Николай Петровичъ Маковъ, былъ почти ровесникъ своей женѣ, воспитанный въ изобиліи, наслѣдовавшій отъ родителей доброе сердце и впоследствии хорошей капиталъ, не испытавшій труда наживать деньги; онъ не зналъ имъ цѣны. Онъ былъ нѣжный мужъ, но дурной, неразчетливый хозяинъ, гостепрѣимная русская натура; онъ допуская всѣхъ пользоваться своими избытками, смотрѣлъ сквозь пальцы какъ его обирали, не потому чтобъ не понималъ этого, чтобъ не видѣлъ обмановъ и подлостей своихъ пріятелей и прислужниковъ, но по какому-то всепрощающему добросердечію, и на предостереженія умной жены отвѣчалъ:

— Другъ мой, Аннушка, опекушка ты моя хорошая! ну что ты хлопчешь, чего тебѣ нужно? ты одѣта какъ слѣдуетъ, ѣдишь на парѣ, я тебѣ ни въ чемъ не препятствую; ну, а въ мои дѣла, другъ мой, не мѣшайся, я самъ себя знаю....

— Николай Петровичъ, у насъ дѣти, — замѣчала супруга, поглядывая на единственнаго сына, кудряваго десяти-лѣтняго мальчика: — смотри, чтобъ намъ не сѣсть на мѣль!...

— Ехе, хе! будто я меньше твоего забочусь о своихъ дѣлахъ? — отвѣчалъ мужъ.

Но худо ли, хорошо ли заботился Маковъ о своихъ дѣлахъ, только въ одинъ день его заимодавцы, будто сговорясь, подали всѣ вдругъ векееля ко взысканію. Два каменныхъ дома и три лавки у Маковыхъ были свободны, но долги превышали стоимость имѣнія.

— Господа! — сказалъ Николай Петровичъ, созвавъ всѣхъ своихъ заимодавцевъ въ лавку, которую грозили продать съ аукціона: — вы знаете, что у меня имѣніе не заложено, я бы могъ его заложить, но не хотѣлъ, теперь это все ваше. Знаю, что долги превышаютъ стоимость имѣнія, но вспомните Господа, семнадцать лѣтъ я исправно платилъ проценты, значить коренной капиталъ давно уплаченъ. Одного только прошу — повремените. Желалъ бы я, чтобъ вольные покупщики нашлись на имѣніе, или берите его за себя, но.... не позорьте меня аукціономъ. Я, господа, всегда былъ честнымъ человѣкомъ.... Николай Петровичъ заплакалъ.

Нѣкоторые изъ кредиторовъ зароптали: что, дескать, скоро ли вольные покупатели найдутся, у насъ, дескать, не въ столицѣ, капиталистовъ не много, да и дома дохода не приносятъ, если кому ихъ и за себя взять; другіе, оказывая великодушіе, оставляли Макову домъ и лавку, предлагая уплату долга разсрочить. Николай Петровичъ отказался отъ этого, онъ какъ будто упалъ духомъ.

И скорѣе недвижимое имѣніе Маковыхъ перешло въ чужія руки. Кредиторы получили деньги, хвастаясь своимъ великодушіемъ. Маковы выѣхали изъ своего дома на квартиру, въ старенькій деревянный флигель, въ одну изъ самыхъ отдаленныхъ улицъ; движимое имѣніе осталось въ поль-

зу Маковыхъ. Шестъ лѣтъ они существовали деньгами, выручаемыми отъ продажи разныхъ вещей и мебели.

Васю своего они отдали въ мальчики въ москательную лавку.

Первое время послѣ этого переворота Николай Петровичъ заперся дома, не смѣя спокойно взглянуть въ глаза своей умной и дальновидной женѣ, но къ счастью Провидѣніе послало ему въ ней истиннаго друга, — она никогда ни въ чемъ не упрекала мужа. Богу извѣстно, можетъ быть и не одну ночь проплакала въ свою подушку Анна Борисовна, но по крайнѣй мѣрѣ мужъ не видалъ никогда на лицѣ ея ни слѣда слезъ, ни слѣда грусти; всегда спокойная, привѣтливой улыбкой и ласковой разсудительной рѣчью облегчала она мужнину горе. Но ужъ Николай Петровичъ, какъ говорить, совершенно опустился. Можетъ быть еще и нашлись бы добрые люди, можетъ и могъ бы онъ возстановить свой кредитъ, но уже не рѣшался на это. Идти же въ приказчики онъ не могъ, не по надменности, но сознавая вполнѣ, что тѣ, кому бы онъ могъ служить, были гораздо ниже его, и по уму, и по совѣсти, и самъ нѣкогда распоряжавшійся службою людей, не могъ равнодушно подумать, чтобъ быть въ зависимости у людей, которыхъ онъ не уважалъ въ душѣ. На сына онъ смотрѣлъ, какъ на единственную podporу своей старости. И когда вещи мало-по-малу сошли съ рукъ, и нужда стала стучаться въ двери, Анна Борисовна безропотно надѣла очки и сѣла за пяльцы, вспомя свое дѣвичье искусство. Умный и расторопный Вася, подававшій хорошія надежды, выжилъ годы въ мальчикахъ, и хозяинъ положилъ ему жалованье, сто рублей серебромъ на первый годъ съ обѣщаніемъ не обидѣть и впредь.

Годъ прошелъ; Вася работалъ у хозяина за троихъ. На слѣдующій годъ хозяинъ оставилъ его на томъ же жалованье; Анна Борисовна просила прибавки.

— Я даю твоему сыну, Анна Борисовна, то, чего онъ стоитъ, — отвѣчалъ хозяинъ.

— Помилуйте Владиміръ Ивановичъ, вѣдь Василій у васъ работалъ за-троихъ, сами разсудите, — говорила мать.

— Что жъ, вѣдь онъ у меня не камня ворочалъ?

— И счетная-то часть на немъ-же лежала....

— А что бы онъ и за приказчикъ былъ, еслибъ отчетовъ свести не могъ! даромъ денегъ никто не даетъ, деньги не щетки, Анна Борисовна!

— Велики ваши деньги, Владиміръ Иванычъ.... Вы со-всѣмъ насъ обижаете.... мы надѣялись....

— Всякія надежды-то бываютъ, инья и несбыточны; сынъ-то вашъ, примѣрно сказать, вѣдь звѣздъ съ неба не хватаетъ. Коли вамъ мало жалованья кажется, такъ и возьмите его домой, я найду человѣка и на это жалованье....

— Позвольте вамъ сказать, Владиміръ Иванычъ, во-первыхъ что вы сына моего знаете съ дѣтства, и поведеніе его вамъ извѣстно; во-вторыхъ кто пойдетъ къ вамъ на такое жалованье? — сказала Анна Борисовна, едва скрывая досаду.

— А вамъ, Анна Борисовна, позвольте сказать: во-первыхъ: съ худымъ поведеніемъ человѣка никто держать не будетъ, во-вторыхъ: на это жалованье идетъ ко мнѣ мой племянникъ.... отвѣчалъ хозяинъ.

— Итакъ ничего не прибавите?

— Ни копейки; сынъ вашъ мнѣ дорогъ.

Огорченная мать проглотила слезы, и съ веселою улыбкою раскланялась съ Владиміромъ Иванычемъ.

Вечеромъ Вася забралъ свои вещи, и оставилъ хозяина. Это было ровно за-годъ до описываемаго мною дня. Отецъ загрустилъ сильнѣе, но Анна Борисовна, сидя за работсю, съ большимъ удовольствіемъ слушала, какъ сынъ читалъ для нея что-нибудь изъ Священнаго Писанія. Но обратимся къ прерванному разсказу.

— Ну какъ поживаешь Машенька? Какъ васъ Богъ милуетъ? спрашивала Макова у сестры, сидя на мягкомъ диванѣ, обитомъ алымъ плюсомъ, въ свѣтлой гостиной, съ голубыми стѣнами.

— Знаете, сестрица, жизнь-то вы мою; не много красивыхъ дней я видѣла прежде, и теперь все равно, и сама-то я часъ отъ часу все больше и больше грѣшу. На что это похоже, мужъ со двора, а я за самоваръ! признавалась чистосердечно Марья Борисовна: — Вотъ и сейчасъ только

что подумала чайкомъ душу отвести, а васъ Господь и не-сетъ. А все я думаю отъ того сестрица, что при *самомъ*-то кусокъ въ горло нейдетъ, только безъ его-то въ сласть и попьешь...

— Я бы на твоёмъ мѣстѣ была, пѣла бы пѣла, *душа мѣла*, а на мужининъ крикъ не глядѣла. Вольно тебѣ всякіе дразги къ сердцу принимать; эй!... побереги себя Машинька! Хоть въ могилу лягъ, такъ своего Дмитрія Андренча не удивишь!.. сказала Макова.

— Что это у васъ новые образа, Марья Борисовна? спросилъ Николай Петровичъ, закинувъ руки назадъ и смотря на три образа въ золоченыхъ ризахъ и въ богатомъ, краснаго дерева съ позолотою, кивотѣ.

— Закладные, батюшка Николай Петровичъ! все въ сундукѣ лежали. Они отъ Кулябиныхъ шли, да Дмитрій Андрейчъ сказалъ: что уже, дескать, гдѣ имъ ихъ выкупить, и проценты давно не плачены, такъ вотъ на Троицу и сдѣлалъ кивотъ, да и поставилъ ихъ тутъ.... отвѣчала хозяйка.

— Такъ, такъ-съ! произнесъ Николай Петровичъ.

— Батюшка Николай Петровичъ, что вы не сядете; вотъ здѣсь на диванчикъ-то по-мягче, усаживала зятя Марья Борисовна.

— Благодарю, не усталъ-съ; и дома все сижу; ничего не дѣлаю.

— Да, да! все дома; гоноу изъ дому, никуда выйдти не хочеть, все груститъ да охаетъ, не то что я, забубенная голова, примолвила жена смѣясь.

— Что-то не веселитъ, положеніе-то наше трудновато становится. Вотъ ужъ годъ минулъ, какъ Василій безъ мѣста.... сказалъ Маковъ садясь.

— Чтожъ дѣлать-то, вѣрно Богу угодно, чтобы мы еще потерпѣли, авось и пошлетъ добрыхъ людей.... говорила Анна Борисовна.

— Жалко, жалко ваше положеніе, сестрица, и мальчику тоже скучно дома сидѣть; онъ вѣдь ужъ не маленькой, въ разумъ приходитъ; вѣдь Васинькѣ шестнадцать лѣтъ? сказала Марья Борисовна, съ участіемъ покачивая головою.

— Нѣтъ ужъ Маша, не шестнадцать, а семнадцать. Ну

такъ вотъ я и хочу попросить у Дмитрія Андреича рубликовъ пятьсотъ, да и посадить Васю въ мелочную лавку; и лавочку-то въ нашей улицѣ сдаютъ! А? какъ ты думаешь, одолжить ли насъ мужъ-то твой? спросила Макова сестру.

— Не могу васъ сестрица завѣрить; вотъ какъ бы деньги-то у меня въ карманѣ были, такъ повѣрите-ли, я бы....

— Вѣрю, вѣрю! перебила Анна Борисовна: — Но такъ какъ Дмитрій Андреичъ на слово намъ не повѣритъ, и думать о томъ напрасно нечего, такъ вотъ я ему серьги въ закладъ принесла. Они и теперь сотъ семи стоятъ. Анна Борисовна достала изъ кармана футлярчикъ съ бриллиантовыми серьгами, единственной драгоценной вещью, которую она берегла на черный день.

— Не знаю, не знаю сестрица, дастъ ли онъ вамъ денегъ, особенно сегодня сердитъ, — первое: Дарья его разсердила, отъ насъ сошла; а второе: Андрюша.... и Марья Борисовна рассказала сестрѣ исторію о пронизкахъ.

Анна Борисовна съ негодованіемъ покачивала головою.

— А теперь гдѣ Андрюша? Али на гулянье ушелъ?

— Да, отпустить нашъ отецъ на гулянье! Не отпустилъ мальчишку, — самъ съ дочкой поѣхалъ, сказала съ горечью Марья Борисовна: — Не знаю, гдѣ Андрюша. Гдѣ-нибудь дома. Ужъ такъ мнѣ его, бѣднаго, жалко: забилъ его отецъ, совѣмъ забилъ, а и Федосья, Богъ ей судья, все только и старается, то на меня, то на брата отцу наговорить.

— Ну, ничего, перемелется все мука будетъ! сказала Макова спокойно: — Вотъ мы Федю-то замужъ выдадимъ, тогда и она присмирѣетъ; мужъ-то выучить лучше, чѣмъ отецъ да мать. Послушай-ка, Николай Петровичъ, еслибы кто со стороны меня услышалъ, такъ подумалъ бы, что ты до меня очень строго былъ, примолвила она смѣясь и обращаясь къ мужу.

— Охъ сестрица! хотя Федосья и родная моя дочь, а нечего сказать, любить себя не заставляетъ, — съѣла она брата, продолжала Марья Борисовна.

— Смотри Маша, я знаю, что сынъ твой любимецъ, не обижай же и дочь понапрасну, смотри, грѣхъ будетъ!... сказала нѣсколько строго Анна Борисовна.

— Какое напрасно, — частехонько Андрюша терпять побой отъ отца чрезъ ее... И какъ же онъ его тиранить! жалости достойно сестрица.... говорила сквозъ слезы Марья Борисовна.

Вскорѣ Пелагея подала самоваръ, и хозяйка принялась приготавливать все нужное для чаепитія.

— А вотъ я ему поговорю, и ты Николай Петровичъ постарайся свояка урезонить.... сказала Анна Борисовна, обращаясь къ мужу: — Что это въ самомъ дѣлѣ, со своимъ бѣшенымъ карахтеромъ, онъ совсѣмъ его изуродуетъ...

— Да! урезовишь Дмитрія Андреича! ему говорить, все равно, что въ стѣну горохъ бросать, замѣтилъ Маковъ.

Стукъ пролетки подъ окнами прервалъ его слова.

— Наши приѣхали! воскликнула хозяйка, выглянувъ въ окно.

Чрезъ минуту вошла Федосья Дмитревна, шумя своимъ платьемъ; она ласково поздоровалась съ теткою, которою неволью уважала, и поклонилась дядѣ. Еще не успѣла она снять шляпку, какъ странный шумъ долетѣлъ къ нимъ изъ столовой, и рѣзкій голосъ Дмитрія Андреевича поразилъ хозяйку въ самое сердце. Николай Петровичъ вскочилъ съ мѣста, и обѣ сестры побѣжали въ столовую.

IV.

Зрѣлище, которое представилось тутъ обѣимъ сестрамъ, было жалостно и ужасно. Андрюша, блѣдный, сидѣлъ на диванѣ, какъ истукапъ, держа въ одной рукѣ остатокъ изорванной «прекрасной магометантки»; остальные листы валялись по полу. Дмитрій Андреевичъ отпускалъ сыну полновѣсные удары по чему приходилось, крича съ бѣшенствомъ:

— Вотъ тебѣ книжки читать! вотъ тебѣ книжки читать! Путнаго ничего не умѣешь дѣлать, а на пустяки ужъ и охота есть; рано еще за любовныя пакости принялся, щенокъ ты этакой!...

Кровь ручьемъ текла изъ носу и изъ зубовъ мальчика, но онъ сидѣлъ неподвижно, только неволью склоняясь слегка

отъ ударовъ отца то въ ту, то въ другую сторону, дико смотрѣлъ онъ ему въ глаза, и не говорилъ ни слова; даже слезъ на глазахъ не видно было. Мать, увидавъ это, ахнула и присѣла. Но Анна Борисовна, болѣе сохранившая присутствіе духа, бросилась къ зятю.

— Что это Дмитрій Андреевичъ! сотвори молитву. Вѣдь ты убьешь его!.. кричала она, схвативъ его за руки и отталкивая отъ сына.

— Кто смѣетъ учить меня? Кто смѣетъ указывать? Сынъ мой, и власть моя... вскричалъ неистово Подошвинъ.

— Какое, къ праху, ученье! развѣ такъ дѣтей учать? Полно-ка любезный зятюшка, поучись прежде еще самъ, тому какъ дѣтей-то учить слѣдуетъ... замѣтила Макова безъ церемоніи:— Я тебѣ говорю, такимъ безразсудствомъ мальчика можно сдѣлать либо глухимъ, либо нѣмымъ, либо во все безумнымъ...

— Чортъ съ нимъ съ канальей!.. проворчалъ свирѣпо отецъ, отходя отъ сына: — Я тебѣ дамъ книжки читать, набивать голову всякимъ развращеніемъ съ такихъ лѣтъ! я на тебя надѣну красную рубаху!.. прибавилъ онъ, скрежеща зубами и грозя сыну кулакомъ.

— Дратся тутъ нечего, — уродомъ его сдѣлаешь, такъ самъ же кормить урода-то будешь; со двора не столкнешь, только жену-то въ могилу сведешь....

— Рада бы хоть и въ могилу лечь, да смерти-то не приходится! отозвалась Марья Борисовна, съ рыданіемъ броса-ясь къ сыну.

— Полижи, полижи своего прихвостня! повѣсилъ бы я васъ обоихъ на одинъ сукъ! избаловала каналью, никуда не годится... говорилъ злобно Подошвинъ.

— Полно-ка вздоръ молоть, зятюшка, — мы не затѣмъ пришли, чтобъ твою брань слушать, да сестрины слезы видѣть; вотъ что... И Анна Борисовна, подхвативъ зятя подъ руку, вышла съ нимъ изъ комнаты.

— Въ чемъ ты сегодня передъ отцомъ провинился, горемычное мое дптятко? спрашивала мать, оставшись съ сыномъ, и отирая его окровавленное лицо своимъ шейнымъ платкомъ.

Андрюша молча показалъ на изорванную книгу, и слезы градомъ покатились изъ его глазъ.

— Вѣдь знаешь ты, Андрюша, что отецъ не любитъ пустячныхъ книжекъ, за чѣмъ же ты читалъ, голубчикъ мой? самъ ты на себя побой, а на меня горе навелъ...

— Не ужъ-то это большая вина мамонька? не ужъ-то вы думаете, что онъ меня за книгу прибилъ? нѣтъ! а давеча? а вчера? а каждый день? что я вижу отъ него? только брань и побой; я у него самый негодный, меня надобно бить, и бить, и бить! и Андрюша обнявши мать, рыдалъ судорожно...

— Мать сама плакала.

— Господи! за что онъ меня ненавидитъ? развѣ я хуже другихъ? развѣ я не дѣлаю всего, что мнѣ приказываетъ? развѣ я не слушаюсь? не приказалъ сегодня на гулянье идти, я и не пошелъ. И дуракъ, что не пошелъ. А что, мамонька, если бы я пошелъ, чтобы онъ со мною сдѣлалъ? А? говорилъ Андрюша прерывающимся голосомъ.

— Полно голубчикъ, что хорошаго еслибы ты не послушался; отца должно слушаться; за ослушаніе онъ бы прибилъ тебя!

— А теперь развѣ не прибилъ? А? нѣтъ, мамонька, и жизнь-то не мила мнѣ! зарой ты меня живаго въ землю... Только и слышу, что я безпутный, что я негодяй, хорошо... я и буду негодяемъ, буду безпутнымъ... дорога мнѣ одна.

— Господь съ тобой! грѣшно, Андрюшенька, говорить такія рѣчи! шептала мать.

— Гей! что тамъ загасла? подай наливки.... послышался изъ гостиной голосъ хозяина.

И въ ту-жъ минуту вошла Федосья Дмитревна.

— Развѣ вы не слышите, что тятенька васъ зоветъ? ахъ! да я вижу вы утѣшаете *своего* сынка... проговорила она, язвительно взглянувъ на мать, и принялась наливать изъ бутылки наливку въ графинъ.

— Уязви, уязви мать-то! этого только и не доставало! произнесла съ горечью Марья Борисовна.

Федосья Дмитревна насмѣшливо улыбнулась и вышла, шибко хлопнувъ дверью.

— Вѣрно я больше всѣхъ на свѣтѣ согрѣшила? А ты, Андрюша, не показывайся на глаза голубчикъ, поди въ кладовую и успокойся, я тебѣ туда и покушать принесу. А посмотри-ка какъ у тебя губки разнесло, да и подъ глазами-то синяки; бѣдненькій! помочи-ка себѣ лицо и головушку винцомъ, лучше, болѣть не будетъ. И сердобольная мать, наливъ стаканъ водки, поставила его на столъ. Помочи же, Андрюша, да и поди въ кладовую съ Богомъ. Не плачь же! и съ этими словами Марья Борпсовна послѣшила въ гостинную.

По уходѣ матери Андрюша отеръ слезы, и высморкавшись, всталъ и подошелъ къ зеркалу. При взлядѣ на свое изуродованное, разбитое лицо, онъ почувствовалъ отчаянную, хотя и бессильную злобу. Страшная ненависть къ отцу закипѣла въ его молодомъ и до-сихъ-поръ добромъ сердцѣ; онъ готовъ былъ лишитъ себя жизни, только бы досадить этимъ своему мучителю.

— Такъ пусть же онъ убьетъ меня, но я!.. съ этой минуты, иду, иду на перекоръ ему, буду, и буду дѣлать на зло!.. и Андрюша протянулъ руку къ стакану, рука дрожала. Онъ посмотрѣлъ на стаканъ, и не раздумывая долго, выпилъ его залпомъ. Переведя духъ, несчастный принялся подбирать съ полу вырванные изъ книги листы. Но вотъ въ глазахъ начали всѣ предметы двоиться, голова тяжелѣть, ноги подкашиваться; онъ присѣлъ на диванъ и задумался.

Дверь отворилась. Вошла Пелагея.

— Пожалуйста чай кушать, Андрей Дмитричъ! тятенька приказали-съ..

— Скажи, что я не пойду чай кушать! отвѣчалъ смѣло Андрюша, хотя языкъ его уже начиналъ косить.

— Помилуйте-съ! развѣ не знаете вы вашего тятеньки-съ?.. Воскликнула Пелагея въ изумленіи.

— Знаю, потому и не пойду, такъ и скажи, что не пойду, вотъ и все... И Андрюша приptonнулъ ногою, глядя на Пелагею посоловѣлыми глазами.

Пелагея въ крайнемъ удивленіи вышла, не зная что и подумать о поведеніи Андрюши.

По уходѣ ея Андрей Дмитричъ всталъ, и не твердыми шагами пошелъ въ садъ, держа остатокъ книги подъ мышкою, по счастью ни кѣмъ незамѣченный.

Пелагея остановилась въ дверяхъ гостиной, и не знала какъ сказать Дмитрію Андреевичу о сынѣ.

— Ну что? спросилъ онъ самъ, сидя за кипящимъ самоваромъ, и ставя большой чайникъ на канфорку. (Дмитрій Андреевичъ всегда самъ чай наливалъ).

— Андрей Дмитричъ нейдетъ-съ, отвѣчала она.

— Какъ? Скажи, что я приказываю!

— Я говорила-съ, да онъ сказалъ: такъ молъ, и скажи, что не пойду, и не пойду, произнесла робко Пелагея.

— Вотъ и погляди на него, на любимца-то своего... вскричалъ Подошвинъ, обращаясь къ женѣ, которая сидя у окна въ полголоса разговаривала съ сестрою:—Я дамъ ему шельмецу! одѣну въ красную рубашку!..

— Что это вы напрасно горячитесь, Дмитрій Андреевичъ? вѣдь это не здорово съ одной стороны, увѣряю васъ; кровь портится, желчь поднимается, . сказалъ Николай Петровичъ, прихлебывая изъ стакана чай.

— Пошелъ вздоръ молоть! охъ ты, ученый человѣкъ, Николай Петровичъ! ха, ха, ха! проговорилъ съ досадою Подошвинъ.

— Ну, вотъ вы и разсмѣялись, я очень радъ, на сердцѣ будетъ веселѣе.... мельникомъ я, Дмитрій Андреичъ, не былъ, потому мукой никогда не торговалъ; а что я говорю правду, то правду: что когда человѣкъ гнѣвается, то вредитъ и своему собственному здоровью и здоровью своего ближняго; вотъ, напримѣръ, вы сегодня изувѣчили Андрюшу, за что спросить? А?

— Про то я знаю; я накажу, я и помпую; я отецъ, значить долженъ сына учить... отвѣчалъ Дмитрій Андреевичъ, смотря на пестрый потолокъ и снѣгія стѣны своей гостиной.

— То есть, вы думаете, что имѣете полное право мальчика изуродовать? Я знаю вашего Андрюшу, онъ мальчикъ

умный, но очень тихій и застѣнчивый, а вы его вконецъ застрадали; съ нимъ нужно обращаться ласково, Дмитрій Андреичъ.

Но Подошвинъ перебилъ:

— Стало, по вашему, я долженъ потворять и поблажать ему во всѣхъ шалостяхъ?— Нѣтъ, отецъ мой, я этого грѣха на душу не возьму!..

— Да какія, спросить, шалости могутъ быть отъ вашего сына при его характерѣ? шалости дѣтскія, за нихъ довольно съ него и выговора, а шалостей, достойныхъ побоевъ, при его скромности, быть не можетъ!..

— Хорошо, *судырь* мой! я вамъ скажу вотъ что: онъ у меня одивъ; для кого я бьюсь, торгую, хлопочу? а вижу, въ немъ проку не будетъ... ей, ей, не будетъ, ужъ я чувствую. Писать заставишь—да все какъ изъ подъ палки; товаръ отпустить станетъ, нѣтъ ни какой снаровка,—дуракъ, просто-филя, коммерціи не понимаетъ... Даже при вѣсахъ оставишь, такія болванъ походцы даетъ, что, батюшка, въ затылкѣ зачешешь... А домой придетъ, все къ матери, да къ матери—просто за юбку держится... Ну, скажи, будетъ въ немъ прокъ? Ась?..

— Если онъ ласковъ къ матери, это еще не большая вина; и тутъ все вы сами же виноваты; безпрестаннымъ брюзжаньемъ и безтолковою строгостію, отталкивали его отъ себя. Онъ любящій ребенокъ... мягкосердый, и кого же ему любить, какъ не мать!

— Да почему и не сидѣть у ея хвоста, да не низать про-низки?

— А что касается до другаго прочаго, перебилъ его Маковъ, поглаживая бороду и смотря въ глаза свояку своими умными ясными глазами: — то вѣроятно сама природа виновата въ томъ, что не снабдила его способностями, необходимыми, по вашему мнѣнію, для аккуратнаго коммерческаго человѣка, обвѣшивать и продавать затхлую муку и прогорклое пшено за хорошій товаръ!

Подошвинъ почти свирѣпо взглянулъ на свояка.

— А что жъ, мы-то чѣмъ виноваты, коли по несчастью

окажется на *мокшань* такой товаръ? такъ что, мы имъ птицъ, что ле, небесныхъ должны кормить? Ась?

— Ну, вотъ вы все на свой счетъ берете, Дмитрій Андрейчъ, вотъ вы и разсердились! вѣдь это такъ, къ слову, рѣчь у насъ была объ Андрюшѣ...

— Ужъ больно вы черезъ-чуръ умничаєте, Николай Петровичъ! а что въ умѣ-то вашемъ? есть пословица, дескать: дуракъ ѣдетъ въ каретѣ, а съ умомъ идутъ пѣшкомъ. Вотъ, что вы; вы со своимъ-то умомъ все прожилъ, а мы, Богъ благословилъ, нажили малую толику... говорилъ Подошвинъ, не слушая Макова.

— Да полноте вы въ гору-то лѣзть, я не хочу съ вами ссориться и браниться, я только хотѣлъ сказать; что если вы съ сыномъ такъ обращаться будете, то изъ него сдѣлаете дурака, который васъ будетъ трепетать и прятаться, потеряетъ всю энергію и одичаетъ, словомъ не будетъ ни къ чему способенъ, или сдѣлается негодяемъ, — будетъ васъ на каждомъ шагу обманывать и обкрадывать для своихъ удовольствій, и удовольствій не позволительныхъ, потому что самыя-то позволительныя удовольствія, по милости вашей, теперь для него недоступны. И для чего вы это дѣлаете? вѣдь вы не денегъ жалѣете, вѣдь вы не такъ чтобы ужъ скупы, грѣхъ сказать, а такъ хочется показать вамъ свое самовластіе и эгоизмъ потѣшить...

Маковъ замолчалъ и невольно взглянулъ на Подошвина. Тотъ почти позеленѣлъ отъ злости.

— Мы люди простые и неученые, не понимаемъ этихъ мудреныхъ словъ, этихъ эгоизмовъ, и въ чужія дѣла не вмѣшиваемся, а живемъ по просту, и дѣтей учимъ также; примѣрно я сына сегодня за то поучилъ, чтобъ онъ пустышными книжками голову не набивалъ, которыя только въ молодыхъ людяхъ пустое и дерзкое высокоуміе поражаютъ и въ поведеніи развращаютъ; чтобъ онъ ихъ не смѣлъ въ руки брать, вотъ мое приказаніе ему... сказалъ Подошвинъ, стукнувъ по столу кулакомъ такъ, что вся посуда на столѣ за-скакала.

Сестры вздрогнули, а Федосья Дмитревна, пившая чай у

другаго окна и мечтавшая о своемъ предметѣ, чуть не выронила блюдечко изъ рукъ.

— Бѣдный мальчикъ! промолвилъ тихо Маковъ.

— Врешь, *судырь*, не бѣдный! Онъ получитъ послѣ меня сто тысячъ (на ассигнаціи) капитала, если только будетъ почиттеленъ къ отцу. Съ такими денежками будетъ умень, не правдали? Ась?..

Подошвинъ нагло засмѣялся самымъ непріятнымъ рѣзкимъ смѣхомъ.

Маковъ съ презрѣніемъ посмотрѣлъ на него и въ раздумьи покачалъ головою.

— Что, аль умъ въ тупикъ сталъ, али за разумъ зашелъ? Ась? Ну, а что вашъ Вася, безъ мѣста?

— Да, еще безъ мѣста!

— И походятъ еще. А вотъ все твое высокоуміе, Николай Петровичъ; погордился; честь, знаешь, все на языкѣ. Плоха братъ честь, коли нечего ѣсть. Взялъ мальчишку отъ хозяйна, вотъ и нянчись съ нимъ!..

— Да посудите сами, Дмитрій Андреечъ, что жъ въ самомъ дѣлѣ, Василій не волю за тронхъ работать. Я надѣялся на Владиміра Ивановича, какъ на честнаго человѣка.... заговорилъ Маковъ.

— А по твоему и оказался безчестнымъ?.. По твоему именно... Да по крайней мѣрѣ хоть парень дома хлѣба не ѣлъ; а теперь вѣдь кормить его надобно, а смотришь, чай подь часъ можетъ и самимъ-то кусать нечего?..

— Довольно! сказала Николай Петровичъ: — Аннушка, время, другъ мой, домой! За угощеніе благодарю васъ, Дмитрій Андреечъ...

И по лицу Макова пронеслось мрачное облачко.

— Что, братъ, и заерошился? Привыкъ свысока-то глядѣть, когда богатымъ былъ. Время переходчиво, Николай Петровичъ, молвилъ Подошвинъ насмѣшливо глядя на свояка: — Ай да я, и не подчую васъ гости, Оenea! что же у тебя наливка на окнѣ стоитъ? Подай сюда, и закусить подай!.. Останься ужинать, Николай Петровичъ!..

— Покорно благодарю, Дмитрій Андреечъ! Не знаю что Богъ дастъ завтра, а нынче и дома найдемъ чего-нибудь за-

говѣться. Пойдемъ же, Анна Борисовна!... говорплъ Маковъ, взявъ свой картузъ и палку.

Но не смотря на то, Федосья Дмитревна ставила на одинъ изъ маленькпхъ столикковъ водку и закуску.

— Что жъ больно спѣсивъ! Ну, выпей рюмку, выпьемъ вмѣстѣ, наливка отличная...

— Спасибо; не хочу.

— Что кочевряжиться-то? Вѣдь дома пѣтъ у тебя такой? И выпилъ бы, да пѣтъ

— Пойдемъ же, Анпушка! торопилъ жену Маковъ.

— Сейчасъ. Да что вы какъ пѣтухи, два свояка распѣтушились? Что вы дѣлите-то? сказала весело Анна Борисовна: — Въ чемъ у васъ споръ-то? Наливочкой, что ли, подчуетъ зятюшка? Выпью, выпью...

И она, наливъ рюмку наливки, прихлѣбнула, а остатки выплеснула въ полоскательную чашку.

— Что жъ лить-то, зачѣмъ лить-то? Добро не навальное... ворчалъ Подошвинъ.

— Потому я вылила, что допить не могла; а зло оставить въ рюмкѣ не хочу, зла никому не желаю... отвѣчала Макова, закусывая ветчиною.

— Николай Петровичъ, а вы-то что не выкушаете? сдѣлайте милость, пожалуста, хоть рюмочку! говорила хозяйка.

— Не могу, Марья Борисовна, ей-ей не могу, еслибъ могъ, я и отговариваться бы не сталъ...

— Онъ не можетъ, слышь, не можетъ? нпчего не пьетъ? Этакая, подумаешь, красная дѣвка!.. Полно, знаемъ *Ому въ рогозинномъ ряду*, не пьешь! что, въ самомъ дѣлѣ? и пилъ, и пьешь?..

— И пилъ, и пью, а у васъ не хочу... отвѣчалъ съ досадою Маковъ. — Марья Борисовна, къ намъ милости просимъ, и съ дѣтьми пожалуйте!..

Марья Борисовна робко поглядѣла на мужа и отвѣчала.

— Соберемся когда-нибудь, Николай Петровичъ, соберемся.

— Какъ же, надобно васъ въ изъянъ ввести; я думаю и не до гостей?... замѣтилъ язвительно Подошвинъ.

— Какъ зятюшка? Да развѣ сестра къ сестрѣ за уго-

щеніемъ ходить? Нѣтъ, а по нашему чѣмъ Богъ послалъ; *быль у друга, тиль воду, показалаь слаще меду*, вотъ какъ?.. вмѣшалась Анна Борпсовна.

— Истинная правда, примолвила хозяйка.

— Ну, нѣтъ, я на то не согласенъ; вода-то матушка бока больно промоетъ; такъ во избѣжаніе такой напасти лучше дома просижу.

— Мы такихъ спѣсивыхъ гостей не приглашаемъ, проговорилъ Маковъ.

— Опять запѣтушились; хоть домой отправляться приходится; я еще думала посидѣть, да поговорить съ тобой, Дмитрій Андренчъ, я къ тебѣ за дѣльцомъ...

И Анна Борпсовна опустила было руку въ карманъ, но случайно встрѣтивъ взоръ мужа, полный презрѣнія и негодованія, остановилась.

— Въ самомъ дѣлѣ, пора домой; ну объ дѣлѣ-то мы съ тобою, зятюшка, поговоримъ послѣ... примолвила она.

И вскорѣ чета Маковыхъ, по опустѣвшей площади, шла уже домой.

— Ахъ Николай Петровичъ! лучше бы ты сегодня не ходилъ со мною; ну просто все дѣло разстроилъ, говорила съ легкимъ упрекомъ жена.

— Что жъ мнѣ дѣлать, Аннушка, не вытерпѣлъ, кровь прилила къ сердцу, желчь поднялась къ головѣ, слушая этого палача, отвѣчалъ мужъ.

— Не будь тебя тутъ, я бы все дѣло обдѣлала!

— Охъ, не говори! Внутренность моя ворочается, когда я подумаю, что ты будешь просить этого человѣка. Почему ты не хочешь въ чужія руки серъги заложить? Проценты все равно платить.

— Вотъ почему. Во-первыхъ, Подошвинъ, можетъ, и не возьметъ процентовъ, а если и возьметъ, такъ маленькіе; во-вторыхъ, чужимъ если процентовъ въ срокъ не заплатишь, то и прощайся съ вещью. Дмитрій Андренчъ посоветится это сдѣлать.

— Посмотримъ; только я вотъ что скажу: если онъ посоветится это сдѣлать, такъ во все и денегъ не дастъ, да, увѣрю тебя... Можетъ ли онъ спокойно перенести мысль,

что другіе будутъ пользоваться процентами съ его пятьсотъ рублей, когда вещь будетъ у него лежать безъ всякой пользы для него!..

— Утро вечера мудренѣе; а завтра попробую, молвила Анна Борисовна.

Они подошли къ квартирѣ.

По уходѣ гостей, хозяинъ приказалъ Пелагеѣ подогрѣть самоваръ и усѣлся опять наливать чай для приказчиковъ (онъ всегда поилъ ихъ самъ). Сперва позванъ былъ Антонъ, но Антонъ не пошелъ, отозвавшись тѣмъ, что дескать чай нилъ у матери. Пришли Панкратій и Пелагея, взяли по чашкѣ, вышли въ прихожую, и сѣли тамъ другъ противъ друга. Пелагея глядѣла насмѣшливо на Панкратья, Панкратій не смѣлъ глядѣть на Пелагею и потуплялся. Возвращаясь къ столу въ гостиную съ пустыми чашками, они опять исчезли съ налитыми хозяиномъ, и являлись такимъ образомъ разъ пять; все это дѣлалось молча. Хозяинъ по уходѣ ихъ сидѣлъ, молчалъ и барабанилъ пальцами по столу. Наконецъ чашки Пелагеи и Панкратья явились накрытыми; вслѣдъ за ними вошли Гаврила и Семень, послѣдній очень подозрительно поглядывалъ на Пелагею, между тѣмъ какъ первый бросалъ самые нѣжные взоры.

Въ это время Марья Борисовна отправилась въ кладовую, но къ великому удивленію Андрюши не нашла, обошла весь домъ, но его нигдѣ не было. Она спросила объ немъ Пелагею, кучера и всѣхъ приказчиковъ, но всѣ отозвались что никто его не видалъ; она спросила у Федосьи Дмитревны, — дочка ничего не отвѣтила, только по обыкновенію сдѣлала гримасу, выставя нижнюю губу впередъ. Марья Борисовна струхнула, и разослала всѣхъ искать его. Сначала обыски шли въ тихомолку, были обшарены чердаки и сѣновалы, Андрюши ни гдѣ не оказывалось; но подъ конецъ надобно же было открыть Дмитрію Андреевичу, и испуганная мать пришла къ нему.

— Дмитрій Андреичъ, батюшка! вѣдь Андрюши нѣтъ нигдѣ, пропалъ, не можеть доискаться... почти плача сказала она мужу.

— Куда тамъ къ чорту пропалъ? спрягался куда-нибудь шельмецъ... вскричалъ отецъ.

— Всѣ углы перешали, всѣ закоулки, всѣ полѣнницы обыскали, нигдѣ нѣтъ! Сердись, не сердись, а ты, батюшка, больно его сегодня обидѣлъ...

— А вотъ я еще ему прибавлю, канальѣ, проговорилъ отецъ.

— Нечего тутъ сердиться, не ровень часъ, лукавый мудрецъ, не сдѣлалъ ли онъ чего надъ собою?

Марья Борисовна испугалась своихъ собственныхъ словъ, зарыдала, засвѣтивъ фонарь, бросилась обыскивать колодець. Толпа прислужниковъ слѣдовала за нею. Привязали Семена къ бадьѣ, дали ему багоръ и фонарь въ руки, — ничего не оказалось кромѣ тряпки, которую Семень вытащилъ багромъ. Мать плакала, прислужники метались какъ угорѣлые; даже отецъ немножко струхнулъ и пошелъ осматривать на вѣшалкѣ платье сына. Платье оказалось все на лицо. Одна только Федосья Дмитревна, накинувъ кацевейку на плечи, стояла на крыльцѣ и спокойно смотрѣла на эту суматоху; мысль, что она можетъ сдѣлаться единственною наследницею, невольно пронеслась въ ея головѣ.

Всѣ удивлялись и не знали, что думать. Дмитрій Андреичъ безпокоился не на шутку; онъ нѣсколько разъ осматривалъ ретирадные мѣста, и если не явится пропавшій на завтра, рѣшился объявить полиціи.

Обыскивая садъ, Марья Борисовна причитала въ голосъ:

— Дитятко мое горемычное, что съ тобой случилось? знать въ послѣднія я сегодня наглядѣлась на тебя?..

— Не плачьте, сударыня Марья Борисовна, авось найдется, такъ они отъ страху забѣжали куда-нибудь-съ. Найдется, будьте увѣрены что найдется... утѣшала ее Пелагея, освѣщая фонаремъ кусты смородины.

— Гдѣ ему найдтись, онъ съ отчаянія, съ тоски, знамо что съ тоски... повторяла рыдающая мать.

— Марья Борисовна, сказалъ Гаврила, шарившій между грядями: — Вѣдь Андрей Дмитричъ здѣсь-съ!

— Что ты! Неужели?

— Ей Богу-съ. Услувиши крѣпошенько.

— Палаша! Посвѣти, посвѣти сюда!

Пелагея приблизилась, и освѣтила спящаго.

— Живъ ли онъ, голубчикъ мой? — Обрадованная мать цѣловала его голову, и ощупывала грудь. — Слава Богу! сердце бьется?

— Живехонекъ, ничего-съ. Проговорилъ кучеръ.

— Слава Богу, слава Богу! — повторяла Пелагея. — Что жъ, чай разбудить ихъ, Марья Борисовна?

— Боюсь Палаша, отецъ опять накинется на него за эту тревогу, опять хуже того его изуродуетъ! не трону его здѣсь, Богъ съ нимъ, пусть спитъ на здоровье, — говорила мать, окутывая сына своей кацавейкой. — Гаврилушка лягъ и ты здѣсь!

— Слушаю, сударыня-съ!

— Только, пожалуйста не говорите *самому*, что здѣсь нашли его; завтра я ужъ сама какъ-нибудь улажу. А то бѣда, опять взбѣсится, — сказала мать, оставляя садъ.

— Оно и лучше-съ, Марья Борисовна. Утро вечера мудренѣе-съ! — примолвила Пелагея, свѣти ей фонаремъ.

За ужиномъ съ надлежащимъ аппетитомъ кушала одна Федосья Дмитриевна; Дмитрій Андреевичъ только ковырялъ хлѣбъ вилокъ, а Марья Борисовна вздыхала. Вставъ изъ-за стола, Марья Борисовна отправилась въ спальню, и засвѣтивъ лампаду, все еще тревожная, принялась усердно молиться Богу, чтобъ Онъ смягчилъ сердце жестокаго отца. Молитва-ли ея была услышана, или само по себѣ это тревожное прозшествіе имѣло вліяніе на черствую натуру Подошвина, только какъ-бы то ни было, онъ вмѣсто того, чтобъ лечь на свой диванъ въ столовой, отправился вслѣдъ за женою въ спальню, и, видя, что она молится, молча прилегъ на диванъ. Какое-то острое, жгучее, невѣдомое доселѣ чувство, охватило его сердце; мысль, что Андриуша погнѣвъ, погнѣвъ безвозвратно, острыми иглами вшивалась въ мозгъ, рисовала ему неприятныя картины слѣдствія, и можетъ быть, суда. (Если кому вздумается дохнуть полиціи о томъ, какъ онъ послѣдній разъ обошелся съ сыномъ.) И странно.... онъ себя ни чуть не считалъ виноватымъ! По его понятію о родительскомъ долгѣ, онъ иначе и не могъ поступить. Виною

всего этого былъ самъ дурной сынъ, котораго слѣдовало учить, сдѣлать изъ него человѣка достойнаго наследовать достояніе отца, нажитое трудами и бережливостью (а подъ часть и неправдами, и обидами, въ чемъ Дмитрій Андреевичъ ни людямъ, ни себѣ не сознавался). Но вотъ вопросъ: примутъ ли это въ уваженіе слѣдователи? — не извѣстно. Кто могъ ему отвѣтить на этотъ вопросъ? онъ вспомнилъ о своемъ кованномъ сундукѣ, въ которомъ лежали пуки кредитныхъ билетовъ и серій, вспомнилъ о квартальномъ надзирателѣ, съ длинною шею какъ у анста, съ жиденками бакенбардами и съ хриплымъ басомъ, не терпящемъ возраженій, вспомнилъ о курносомъ частномъ приставѣ, съ тихимъ вкрадчивымъ голосомъ, съ сладкою благосклонною улыбкой, вспомнилъ о стряпчемъ, съ чернильнымъ лицомъ и носомъ до нельзя набитомъ табакомъ, и полицейскомъ ратманѣ, деревянномъ чурбанѣ, обтянутымъ гороховымъ сюртукомъ, вспомнилъ о Ванькѣ хожаломъ, съ красною рожею, который теперь подобострастно снимаетъ фуражку и по праздникамъ приходитъ за рюмкою водки, но тогда приметъ, пожалуй, фамильярный, даже дерзкій тонъ, вспомнилъ, что у всѣхъ этихъ господъ (кромѣ ратмана, всегда придерживавшаго свои собственные карманы), есть руки, готовые протянуться къ его сундуку ~~о~~ мудренымъ замкомъ, — и наконецъ вспомнилъ, что у этихъ господъ собачье чутье, издали распознающее запахъ кредитныхъ билетовъ; и Дмитрій Андреевичъ ворочался на диванѣ, какъ на горячей сковородѣ... Но вспомнилъ ли онъ о сынѣ, какъ о погибшемъ преждевременно цвѣткѣ, какъ о надеждѣ своей старости?

— Ты все еще молишься, а я пришелъ было поговорить съ тобой.... сказалъ онъ въ волненіи, нетерпѣливо уже обратясь къ женѣ.

Марья Борисовна быстро обернулась и подошла къ нему.

— Что наконецъ баловень-то сдѣлалъ? ась?

Голосъ Подошвина сталъ мягче обыкновеннаго и замѣтно дрожалъ.

— Можетъ и ничего, а такъ.... со страху, у страха глаза велики.... замѣтила довольно спокойно хозяйка.

— Хорошо такъ разсуждать, да примуть ли это другіе-то въ разсужденіе, вотъ что, — ась? охъ, бѣда, бѣда! куда мы поспѣли? Въ раззоръ раззорять.... да тутъ и нашего капитала не станетъ.... да замучать, затаскають.... говорилъ онъ вздыхая.

— Деньги-то наживное дѣло, а вотъ душа-то, такъ спаси Господи! проговорила Марья Борисовна, замѣчая трусость мужа и желая его помучить.

— Ужъ если онъ сглунилъ, такъ ему одна смерть.... а мы-то, мы-то, куда поспѣли? слѣдствіе, а пожалуй и судъ.... ну вотъ и раззоренье.... охо-хо-хо!....

Марья Борисовна увидѣла, что ея супругъ, болѣе горюеть о деньгахъ, чѣмъ о сыпѣ, и сказала съ горечью.

— Такъ тебѣ, батюшка, бездны-то денежной болѣе жаль, чѣмъ сына?.... бѣдный мой Андрюшенька!....

И она залилась слезами.

— Сына какъ не жаль! жаль и его! для кого-же я трудился? для кого копилъ? а вотъ еще какъ къ допросу-то потянуть?.... А?... каково? тутъ, небойсь, задумаешься.... а вы съ дуру-то сами скажете, что я сегодня маленько поучилъ.... Съ толку собьетесь, въ острогъ упрячете, и сами безъ куска останетесь; вытаскать, вытянуть все — я это знаю!.... говорилъ отчаянно Дмитрій Андреевичъ, расказывая въ сильномъ волненіи по комнатѣ.

Марья Борисовна тяжело вздохнула и опустила въ кресла.

— Бѣдное горемычное мое дитяtko! — шептала она.

— Ты вотъ о сынѣ-то горюешь, а объ мужѣ и не подумаешь.... Ой, вы жены, змѣиная порода!....

— Кто-жъ виновать, развѣ я?

— А кто-жъ, если не ты? мальчишку избаловала изъ рукъ вонъ, не слушался. Ну, не дѣлай онъ чего я не люблю, не читай этой проклятой книжонки, я во зло бы не вошелъ... рукъ бы не подыалъ, ничего бы не было.... Охъ, знать ужъ испытаніе такое Богъ наслалъ! правда, что отъ бѣды знать неубѣдшь.... Охо-хо-хо!

И Подошвинъ готовъ былъ заплакать, но слезъ не было, такъ ему было тяжело за свою участь, за участь своего капитала.

— Положимъ, что ничего такого и не будетъ, а безъ тратъ не обойдется. Ужъ эти приказныя пѣвицы чуютъ, гдѣ раки зимуютъ!....

— Послушай, Дмитрій Андренчъ, не ужъ-то и теперь ты готовъ свою вину свалить на кого-нибудь? Ну, положимъ хоть на меня.... Пусть я баловала мальчика, ласкала, пу кормила сладостями.... но видитъ Богъ я всегда учила его почитать и слушать отца, быть къ тебѣ ласковымъ.... зачѣмъ же ты не хотѣлъ видѣть въ немъ ничего хорошаго? Видѣлъ одно худое, никогда не ласкалъ его, никогда ни за что не похвалилъ; ты былъ всегда чужимъ для него.... Андрюша мучился, дрожалъ всякой часъ, и чего же ты хотѣлъ? Чтобы и я также мучила его, какъ и ты....

Она не договорила и зарыдала:

— И теперь, и теперь ты больше денегъ жалѣешь.... больше чѣмъ его....

— А ты его жалѣешь больше чѣмъ меня!.... ну не воскреснешь и безъ меня!.... крикнулъ опять злобно отецъ.

Эта горькая комедія, которая раскрыла всю шизость, всю жестокость мужниной души, терзала бѣдную мать. Она поспѣшила прекратить неприятный разговоръ и приготовить завтрашнюю встрѣчу отца съ сыномъ, и отвѣчала:

— Что еще прежде-то времени шумимъ; мнѣ сдается, что Андрюша къ сестрицѣ убѣжалъ.

— Въ самомъ дѣлѣ! я тоже объ этомъ думалъ!... воскликнулъ почти радостно отецъ: — я сей-часъ-же пошлю Антона на лошади?....

— За чѣмъ булгачить добрыхъ людей ночью, на то завтра день будетъ.... коли тамъ, такъ тамъ! а коли нѣтъ, такъ нечего и беспокоить ихъ напрасно.

— Что это вдругъ, такая разсудительность у тебя явилась?.... давеча выла, да причитала, а теперь больно что-то хладнокровно разсуждаешь.... Ужъ не спрятался ли онъ гдѣ нибудь дома? не нашли ли его, да мнѣ не сказываєте? Если такъ, то задамъ ему такую припарку, что до новыхъ вѣниковъ не забудеть!.... Совершенно забывъ свои опасенія и подозрительно смотря на жену, произнесъ отецъ.

Марья Борисовна встала, и съ глубокимъ презрѣниемъ взглянувъ на него, съ горькою усмѣшкою сказала:

— Не торопись Дмитрій Андресчъ, не торопись, еще не извѣстно, придется ли тебѣ тиранить сына! нѣтъ! нѣтъ! — продолжала она постепенно возвышая голосъ: — нѣтъ! пора положить конецъ этому мучительству, не допущу я, не допущу, поколѣ жива, чтобъ ты довелъ его до петли.... да! пойду и объявлю сама, объявлю полиціймейстеру.... объявлю самому губернатору. Знать словами тебя не усовѣстишь, терпѣла я, долго терпѣла, слишкомъ тридцать лѣтъ терпѣла, да ужъ терпѣнье мое лопнуло.... да! да! не дамъ тебѣ убить моего дѣтища.... не дамъ, не дамъ, не дамъ!....

И она опять, упавъ въ кресло, рыдала истерично, жаловалась громко на тиранство мужа, на судьбу свою горькую; она высказывала перерывающимся голосомъ все, что накопилось въ ея сердцѣ въ продолженіе слишкомъ тридцати лѣтъ.

Мужъ въ изумленіи слушалъ ее не перерывая; онъ удивлялся этой неестественной смѣлости въ своей женѣ и, наконецъ опомнясь, произнесъ:

— А!.... такъ ты пойдешь на меня доказницей!.... и пойдешь? и пойдешь?....

И онъ ближе и ближе приступалъ къ ней.

— И пойду, пойду, пойду! кричала Марья Борисовна, сверкая глазами.

Она пыталась встать, поднявъ правую руку съ угрожающимъ видомъ, но силы ее оставили, голова склонилась на грудь; судорожныя всхлипыванія разрывали сердце.

Мужъ стоялъ противъ нее и молча смотрѣлъ изъ подлѣбья.

Въ это же самое время, въ другихъ комнатахъ происходила совершенно другая сцена.

Федосья Дмитревна, полураздѣтая, запершись въ своей комнатѣ, разговаривала съ своей повѣренной.

— Ужъ какъ изволите, сударыня-съ. Хоть браните, хоть бейте меня, а я виновата передъ вами-съ! а вѣдь по пословицѣ: повинную голову и мечъ не сѣчетъ. Одинъ кавалеръ-съ сунулъ мнѣ въ руку письмецо къ вамъ-съ, говорила Пе-

лагаея: — что дѣлать будешь? приняла, состраданіе почувствовала-съ.

— Неужели?... да отъ кого-же это? спросила съ живымъ любопытствомъ Федосья Дмитревна.

— Отъ кого? ужъ будто и не знаете-съ? извѣстно отъ предмета, которой въ васъ, сударыня, влюбленъ-съ. Кто мимо ходитъ да глядитъ на ваши окошечки, такъ отъ того....

— Пелагея, ты вѣчно глупости строишь! ты меня просто хочешь въ яму ввалить! не смѣй же подавать мнѣ письмо!.... произнесла съ притворной досадой хозяйка.

— Какъ угодно-съ, я назадъ отдамъ-съ!.... А какъ они пишутъ-съ, еслибъ вы изволили знать-съ! ужъ прямо, что студенты, ученый народъ-съ!

— Я бы пожалуй и прочтала, да хорошо ли, это письма отъ мужчинъ принимать? Да ты что и сама-то обо мнѣ думаешь? а?

— Окромъ хорошаго, что я могу подумать объ васъ, Федосья Дмитревна. Ей Богу-съ! прочтите-съ, извѣстно такъ изъ любопытства....

И Пелагея достала письмо.

— Ну, хорошо, посмотримъ! подай свѣчу!

Пелагея поставила на столъ свѣчу.

Федосья Дмитревна дрожащими руками развернула записку, писанную мелкимъ но чоткимъ почеркомъ, и читала:

«Прелестнѣйшій Ангелъ!

«Дражайшая Федосья Дмитрѣвна!

«Вы цвѣтете и благоухаете какъ роза, ваши пронзительныя очи, какъ звѣзды полуночи на дальнемъ небосклонѣ, указываютъ путь къ вашему сердцу. Но увы! какъ труденъ и опасенъ оный путь! я, зараженный вашею красотою, самъ на себѣ испыталъ. Хотя и часто я, несчастный, имѣю несказанное удовольствіе васъ видѣть, причѣмъ ощущаю неизяснимое блаженство, но вы сударыня такъ жестоки, что и до сей поры не подарили даже благосклонною улыбкою «вашего покорнѣйшаго обожателя.... День и ночь я мечтаю «объ васъ, день и ночь взываю къ обожаемому предмету.... но увы! вашъ суровый, хотя и прелестный образъ, убѣ-

«гаеиъ меня, когда я во снѣ простираю къ оному мои жар-
«кія объятія.... Умоляю васъ, не презрите зараженнаго вами,
«если не хотите, чтобъ

«Прежде временно могила

«Мои страданія сокрыла!

«Умоляю васъ! подарите взаимностію умирающаго у ва-
«шихъ погъ, прелестнѣйшая!

«Обожающаго васъ

«Евдокима Кароагенскаго!»

— Каково! Превосходно! — воскликнула Пелагея.

— Да, не дурно!... проговорила Ѳедосья Дмитріевна дро-
жа отъ удовольствія, и поспѣшно спрятала записку въ ко-
модъ.

— Что жъ ты давеча о письмѣ мнѣ ничего не сказала?

— Не успѣла-съ, Ѳедосья Дмитріевна-съ. Ну, пожалуй-
те-съ его назадъ я отдамъ-съ? — сказала лукаво поглядыва-
вая Пелагея.

— Ну, ужъ пусть останется, такъ, для любопытства, для
смѣху; только не нужно-бы тебѣ его брать было. Ну, что
они подумаютъ? Ахъ, какая право ты!

— Что подумаютъ? извѣстно-съ, коли такія письма ни-
шутъ, значить сердечно страдаютъ-съ, и думаютъ отвѣтъ
получить-съ, — а вы не ужъ-то не жалитесь? — сѣли-бы,
да строчечку этакъ и шаркнули-съ. Вѣдь вамъ писать-то не
людей просить-съ!

— Что ты городишь?

— Право-съ! Оно тутъ и худого-то ничего не можетъ
быть-съ, а такъ ради препровожденія времени-съ; а тамъ....
тамъ.... они въ приказные выходятъ.... я это вѣрно знаю-съ.
(Пелагея гала), такъ ужъ того-съ! хмъ! я думаю-съ, за
любимаго человѣка пріятнѣй-съ за-мужъ выходить, чѣмъ за
какого-нибудь бородача, ей Богу-съ! а тамъ секретарское
мѣсто получить, ну знаете доходцы-съ, вотъ-бы и зажили-съ,
секретаршей по моему лестнѣе быть, чѣмъ купчихой-съ!

— Знать у тебя губа-то недуря? — замѣтила весело хо-
зяйка.

— Право-съ, купцы — мужички, мужички и есть, ужъ

что тамъ ни говорите-сь, все такіе необразованные-сь: — продолжала Пелагея.

— Сильный стукъ въ дверь прервалъ ея ораторство.

— Кто тамъ? — спросила испугавшись хозяйка.

— Отопри Оеня! — послышался голосъ Дмитрія Андреевича.

— Что вы, тятенька-сь! — спросила Федосья Дмитриевна, бѣгая по угламъ и смотря, нѣтъ-ли чего такого, чтобы слѣдовало спрятать отъ отца.

— Да отопри! тебѣ ли говорить!

— Да за чѣмъ вы, тятенька-сь? — не сдѣлалось ли чего? Наконецъ, она и Пелагея, толкая другъ друга, бросились къ дверямъ и отперли.

Вошелъ Дмитрій Андреевичъ.

— Поди къ матери сейчасъ, сію минуту, да возьми тамъ спирту, уксусу, всего.... говорилъ скороговоркою хозяинъ.

Федосья Дмитриевна спросила въ испугѣ:

— Что сдѣлалось? Андрюшу? али нашли Андрюшу?...

— Нѣтъ, нѣтъ! иди къ матери, тебѣ говорятъ, иди скорѣй; и ты, Пелагея, ступай туда-же!...

Въ это время на улицѣ раздалось пѣніе:

«Вечеркомъ румяну зорю

Шла я съ грустью посмотрѣть!»

— Что жъ, развѣ что мамонька-сь?... спросила опять дочь, прислушиваясь къ пѣнію.

— Это *они* поютъ-сь, — шепнула ей Пелагея.

— Иди же! она... говорилъ отецъ, толкая Федосью Дмитриевну къ двери.

— Умерла?... воскликнула дочь блѣднѣя.

— Нѣтъ, сбѣсплась.... отвѣчалъ отецъ тихо.

Федосья Дмитриевна и Пелагея побѣжали къ Марьѣ Борисовнѣ; несчастная все еще сидѣла въ креслахъ, подперши голову руками, и пронзительно выла, какъ раненая волчица. Волосы ея разлетались въ беспорядкѣ, платье и рубашка были изорваны на груди, она била себя руками въ грудь, и проклинала свою горькую участь.

— Прочь! — вскричала она, когда дочь приступила къ

ней со склянкою спирту, — злое сердце, отцово сердце! прочь съ глазъ моихъ!

Федосья Дмитріевна не на шутку испугалась дикихъ и сверкающихъ глазъ матери, и отошла къ сторонкѣ. Дмитрій Андреевичъ сѣлъ на диванъ и молча смотрѣлъ на жену. Одна только Пелагея мочила ей виски водою, и терла грудь укусомъ, не отходя ни на минуту. И Марья Борисовна въ какомъ-то забытѣи, крѣпко сжимала ее въ своихъ объятіяхъ. Наконецъ судорожныя рыданія стали слабѣть, и со всѣмъ стихли. Она закрыла глаза, съ ней сдѣлалась дрожь; ее перенесли на постель и закутали. Федосья Дмитріевна тряслась какъ въ лихорадкѣ, прислушиваясь однимъ ухомъ къ воплямъ матери, другимъ же къ пѣнію на улицѣ. Пелагея, измученная, отпрала себѣ потъ съ лица. Одинъ Дмитрій Андреевичъ сидѣлъ и смотрѣлъ спокойно, и когда жена совершенно успокоилась, онъ отпустилъ дочь и Пелагею, и не раздѣваясь прилегъ на диванѣ.

А мимо оконъ проходили уже въ послѣдній разъ наши чранты и пѣли:

«Вдоль по улицѣ метелица мететь!...»

Скоро все смолкло. Дмитрій Андреевичъ все лежалъ не смыкая глазъ, и думалъ, думалъ много, пережилъ мысленно всю жизнь свою. Жалость къ женѣ и сыну зашевелилась въ его сердцѣ; но раскаянія, признанія въ своихъ проступкахъ, или хоть въ ошибкахъ, не было и тѣни.

— Ну ужъ ночь намъ, Палаша, выдалась сегодня! — замѣтила Федосья Дмитревна, возвратясь въ свою комнату.

— Ужъ и день и ночь хороши! нечего сказать-съ!

И Пелагея пустилась рассказывать свои похождения на гуляньѣ, обманы Панкратья и Семена (Антонъ былъ выключенъ изъ разсказа), и ихъ продѣлки съ пирогами и пряниками. Федосья Дмитревна хохотала.

— Вотъ я развеселила васъ своимъ разказомъ-съ, а то давеча скучали-съ, и испугались на счетъ мамоньки-съ и брата-съ, заключила Пелагея.

— На счетъ *самоi*-то? Сначала я подумала, что она ужъ не жива; ну, это признаюсь поразило меня, потомъ какъ пришла, да взглянула: «и! со зла кричитъ, разозлилась на

тятеньку, взять нечѣмъ, ну, и давай кричать, да себя въ грудь колотить.... думаетъ, что тятенька-то такъ и примется ухаживать? какъ-бы не такъ, не на таковскаго напала. Да! проговорила съ наглостию дочь.

— Ну, ужъ про мамоньку вашу не знаю-сь, — кажется онѣ добрыя-сь; ну, а о братцѣ-то подумаю, такъ истинно смѣшно-сь!

— А что? я тоже думаю, что спрятался; а *сама*-то изъ-за этого весь домъ вверхъ дномъ поставила....

— А онѣ-то близехонько находится, здѣсь въ саду-сь, спить; а Гаврила сторожемъ посадили-сь!

— Какъ! *сама* о томъ знаетъ?...

— Какъ-же-сь; *сами* и Гаврилѣ-то за нимъ посмотрѣть приказали-сь, ха! ха! ха!

— А тятенька знаетъ?

— Нѣтъ-сь, имъ нарочно не сказали-сь, побояли-сь, чтобы они опять Андрея Дмитрича не отдубасили-сь?

— А! хорошо-же! я сейчасъ пойду, и тятенькѣ про все и скажу.... А онѣ бѣдный безпокоится....

— Что вы! Господь съ вами! Ѳедосья Дмитриевна-сь! что вамъ за охота-сь, смѣю доложить, стариковъ безпокоить-сь, когда они успокоились, не ужъ-ли вамъ крикъ-то не надоѣлъ-сь!

— Да, этотъ проклятый крикъ да содомъ и пѣсенъ-то послушать не даль.... А пѣли хорошо, нечего сказать, мастера!...

— О!... они прекрасно поютъ-сь! А-у! — борматала Пелагея зѣвая, и засыпая въ ногахъ благосклонной хозяйки.

Часы пробили часъ за полночь; въ домѣ все стихло, зари начала заниматься.

Дверь на крыльцѣ въ суматохѣ забыли запереть, и ровно въ три часа въ спальню вошелъ Андруша; платье его было сыро, лице блѣдно, глаза мутны, въ головѣ онѣ чувствовалъ невыносимую боль, въ тѣлѣ лихорадочную дрожь, во всѣхъ членахъ онѣмѣніе. Онѣ подошелъ къ постели матери, — мать открыла глаза и обняла его голову, онѣ припалъ къ ней на подушку. Не спавши цѣлую ночь, Дмитрій Андреевичъ крѣпко заснулъ, и когда черезъ часъ онѣ про-

спулся и всталъ, чтобъ посмотрѣть на жену, онъ удивился и испугался.... и жена и сынъ глядѣли на него дикими, горячечными глазами. Отецъ позвалъ дочь. Испугалась и Федосья Дмитревна, — всѣ бѣгали, всѣ суетились, толкали другъ друга, и не знали за что приняться; спрашивали разъ по десяти, и Марью Борисовну, и Андриюшу о состояніи ихъ здоровья; но получили въ отвѣтъ безсвязныя рѣчи и безумный смѣхъ. Наконецъ вздумали послать за Анной Борисовной. Макова распорядилась послать за докторомъ. Приѣхалъ докторъ и покачалъ головою. Андриюшу стащили съ постели матери, которая старалась удержать его, и рыдая кричала, что у нее отнимають ее милое дитя, хотятъ погубить его. Но не смотря на это, сына уложили въ залѣ. Докторъ облѣпилъ больныхъ горчичниками и уѣхалъ.

У обонхъ открылась нервическая горячка, — Анна Борисовна не отходила отъ нихъ, оставя свою квартиру. Но дѣла шли своимъ чередомъ. Дмитрій Андреевичъ отправился въ лавку въ шесть часовъ утра, напившись чаю въ столовой и напоивши приказчиковъ, а Федосья Дмитревна съ Пелагеею въ кухню.

V.

— Ужъ какъ угодно-сь, Федосья Дмитревна, готова-бы я вамъ, сударыня, послужить, да вотъ видите-сь, у меня бѣлья много на домъ взято-сь, надобно переглядить-сь и разнести завтра, потому нужно мнѣ домой-сь, говорила Пелагея, помогая въ кухнѣ молодой хозяйкѣ. — А я вотъ вамъ обѣщала кухарку привести, такъ сегодня же вашей милости представляю-сь!

— Непремѣнно, Палаша, ужо, какъ тятенька изъ лавки приѣдетъ, сказала Федосья Дмитревна.

— Очень хорошо-сь! Ужъ и сама помѣщица съ нею придетъ-сь, сами съ ней и рядиться извольте-сь. Авдотья Никифоровна, такая обходительная барынька-сь!

И Пелагея, доставая горшокъ съ полки, взмолилась на небольшой сундучокъ, стоявшій подъ лавкою.

— Чей это сундукъ-то? Ухъ, какой тяжелый-съ, насилу съ мѣста сдвинешь! сказала она, задвигая сундукъ подъ лавку.

— Панкратьевъ.

— Такъ-съ; а что вы думаете? вѣдь поди, приказчики ваши очень тащатъ-съ, жалованье невелико получаютъ, а будто ужъ и не гуляютъ-съ; да какъ еще гуляютъ!

— Я думаю, что тащатъ, да какъ о томъ узнаешь; особенно Антонъ; не гляди на него, что онъ такой скромный, — самый тонкій плутъ, отвѣчала Федосья Дмитревна: — да вѣдь не поймать, — не воръ; а у насъ Ивана Тимофеича десять разъ можно на часу провести, даромъ что онъ какъ чортъ надъ деньгами сидитъ, да черствыми калачами ихъ кормитъ, а они ужъ навѣрное приказчиною уху въ трактирахъ хлѣбають.

— Ужъ про Антона Антоныча не знаю-съ, и доложить вамъ не могу-съ, а о Панкратѣхъ достовѣрно можно сказать, что воруетъ. Ну, вотъ, хоть бы и вчерашній день-съ, ишь, еще съ красотками пзволятъ всенародно гулять-съ. Какъ вы думаете! Если бы посмотрѣть въ его сундукъ-съ? Ужъ есть деньги-съ, голову вамъ готова прозакладывать, что есть....

— Дурочка! да какъ посмотришь? вѣдь запертъ, сказала молодая хозяйка: — а любопытно-бы!

— Можно подобрать ключъ и отпереть-съ, а потомъ опять запереть-съ. Пойдите-ка, Федосья Дмитревна, ключъ отъ ледника, что напogребница заперта-съ, я думаю, придется! сказала Пелагея, выдвинувъ сундукъ изъ-подъ лавки.

Федосья Дмитревна сняла съ гвоздика ключъ. Попробовали. Ключъ какъ на грѣхъ отперъ, и сундукъ былъ открытъ. Дрожа отъ любопытства, Пелагея перебирала панкратьевы рубахи и жилеты, купленные на толкучкѣ, и на самомъ днѣ сундука, къ величайшему ея удовольствию, были найдены полосатый, женскій шелковый платокъ съ бахрамою, рубля въ три серебромъ, янтари и женскіе башмаки съ свѣтлыми пуговками, принадлежащіе къ туалету деревенскихъ щеголихъ; вещи все были новыя. Далѣе холщовый мѣшечекъ, и въ немъ рублей до десяти серебромъ мелкою моне-

тою, въ одномъ изъ жилетныхъ кармановъ, двадцати пяти рублевый кредитный билетъ и серебряное кольцо съ надписью: «кого люблю, того дарю». Пелагея торжествовала, Федосья Дмитриевна удивлялась.

— Это Панкрашка-то, дуракъ-то, разгильдяй-то! вотъ чудеса! вотъ чудеса!... повторяла она.

— Ну, вотъ и вѣрьте простотѣ-то ихней, вотъ и посмотрите на нихъ! говорила Пелагея: — что теперь прикажете дѣлать, Федосья Дмитриевна-сь? прибавила она, вертя въ рукахъ кредитный билетъ.

— Что дѣлать? Положи все, какъ было, и запрежь сундукъ, а я уже обо всемъ скажу тятенькѣ.

— Тятенька, вѣроятно, сошлютъ Панкратья-сь! замѣтила Пелагея съ не совсѣмъ довольною миною, кладя опять деньги въ карманъ жилета.

— Разумѣется; да и что воровъ жалѣть. Вѣдь что эти деньги наворованы въ лавкѣ, такъ это ясно, какъ Божій день, заключила хозяйка.

— Теперь поищемте и у Семена, чего не найдемъ-ли? сказала Пелагея, задвигая опять подъ лавку панкратьевъ сундукъ.

— Не думаю, потому что у Сеньки и сундучишка-то нѣтъ! Вонъ, на палатяхъ, его рубашенки.... а вонъ, виситъ его старый балахонъ, проговорила Федосья Дмитриевна.

— А вотъ, мы и тутъ пошаримъ.... И Пелагея влѣзла на полати и пересмотрѣла семеновы рубашки, но тутъ ничего не оказалось. Она принялась за балахонъ, выворотила карманы; въ одномъ изъ нихъ нашла жилетную пуговицу, въ другомъ засохшій рожокъ калача. Потомъ она стала осматривать и обшаривать все и вдругъ подъ подкладкою воротника что-то хрустнуло, словно бумажка; это обстоятельство не ушло отъ вниманія Пелагеи, она пощупала еще разъ, бумажка хрустѣла.

— Ничего нѣтъ, рѣшительно ничего-сь, сказала она, вѣшая балахонъ на гвоздикъ. Но какъ только Федосья Дмитриевна отвернулась, Пелагея опять успѣла посмотрѣть подкладку воротника; она была подшита бѣлыми нитками, но въ одномъ мѣстѣ какъ будто было подпорото и подшито

послѣ на-скоро синей ниткой. Пелагея смекнула дѣло; она повертѣлась въ кухню а потомъ вышла. Черезъ минуту опять вошла.

— Федосья Дмитревна, Анна Борисовна говоритъ-сь, что часы въ залѣ нейдуть-сь, нужно завести, а то нельзя Андрею Дмитричу лѣкарства давать-сь, сказала она.

Федосья Дмитревна отправилась въ залу, и, покуда переносила часы въ залѣ, ставшіе съ полночи, той порой Пелагея отпорола подкладку воротника семенова балахона, вынула оттуда билетъ, и поспѣшно зашила опять. И тогда, осмотрѣвшись, что никто за нею не присматриваетъ, рѣшилась взглянуть на билетъ; билетъ былъ пятидесяти-рублевый; съ невыразимою радостію Пелагея спрятала его за пазуху, но когда Федосья Дмитревна вошла опять въ кухню, она, какъ ни въ чемъ не бывало, зарумянившись отъ жару, пекла алады.

Было двѣнадцать часовъ за полдень. Дмитрій Андреевичъ пріѣхалъ обѣдать. Онъ вошелъ къ женѣ, — Марья Борисовна, съ горящими щеками, лежала какъ пласть и не открывала глазъ. Анна Борисовна сидѣла у изголовья и обмахивала мухъ. Подошвинъ постоялъ, поглядѣлъ на жену и спросилъ:

— Лѣкаръ былъ?

— Два раза былъ!... отвѣчала свояченица шопотомъ.

— Вотъ и припасай два цѣлковыхъ.... также прошепталъ Дмитрій Андреевичъ и подошелъ къ комоду, на которомъ стояла склянка съ микстурой; онъ поболталъ ее, посмотрѣлъ къ свѣту, прилебнулъ, и выплюнувъ отправился къ сыну.

Андрюша, завидѣвъ отца, съ ужасомъ спрятался подъ одѣяло.

— Не безпокой его, Дмитрій Андреевичъ! сказала появившись Анна Борисовна.

Подошвинъ взглянулъ на нее изъ подлѣбья, отправился въ столовую, и приказалъ Федосьѣ Дмитревнѣ накрывать на столъ.

Дочь засуетилась около стола и между-прочимъ передала отцу въ подробности о панкратьевомъ сундукѣ.

Вмѣстѣ съ хозяиномъ изъ завки приплыли и приказчики. Исправляющая должность кухарки Пелагея усадила ихъ въ

кухнѣ за-столь, и, шутя съ Гаврилою, насмѣшливо поглядывала на Панкратья и Семена; а они словно нарочно передъ бурею, шутили и смѣялись болѣе обыкновеннаго. Одинъ только Антонъ, едва замѣтно улыбаясь на ихъ выходки, скромно и молча поглядывалъ на всѣхъ.

— Сытно-ли насъ накормитъ наша новая стряпуха! говорилъ Панкратій, глядя на Пелагею: — Надѣюсь, что меня-то голоднаго не выпуститъ изъ-за стола?...

— Почему-жъ только о тебѣ-то я должна болѣе всѣхъ заботиться? Али, бишь, я забыла, что мнѣ еще за вчерашніе пирожки придется тебѣ отплатить. Не буду въ долгу Панкратій... какъ по батюшкѣ-то? проговорила Пелагея, подавая на столъ кушанье и сама садясь возлѣ Панкратья.

«Здравствуй, милая, хорошая моя!

Милovidная, похожа на меня!...

Проговорилъ онъ, потрепывая Пелагею по плечу.

— Знать ты изъ ума ужъ выжилъ? Аль забылъ, что за столомъ сидишь? Грѣховодникъ!... замѣтилъ Гаврила, раскладывая хлѣбъ.

— Рапо пташечка заплѣла, какъ бы кошечка не съѣла! сказала Пелагея, съ нетерпѣніемъ поглядывая на дверь.

— Да ужъ я больно обрадовался, что ты возлѣ меня съѣла, а то все сердисься... Когда умилоствивишься, почтеннѣйшая?

— Я чаю, на будущій годъ, въ *всѣхсвятскую* гулянку можно будетъ ублатворить Пелагею Осиповну? Тогда и серчать не будетъ.... вмѣшался Семень.

— Счастливъ, что ты! Пелагея погрозила Семену пальцемъ. Вошедшій быстро Дмитрий Андреевичъ прервалъ ея слова.

Приказчики всѣ встали и поклонились. Хозяинъ кивнулъ головою.

— Панкратій! давно ли ты у меня — я что-то забылъ? сказалъ онъ, обращаясь къ Панкратью.

— Десять мѣсяцевъ, Дмитрий Андреичъ, отвѣчалъ, опять вскочившій на ноги Панкратій.

— А гдѣ ты до меня жилъ, я что-то позабылъ?... спросилъ хозяинъ тихо, замѣтно сдерживая голосъ.

— Въ Яковлевскомъ, у Миронычей-съ.

— А почемъ ты у нихъ жилъ?

— По двѣсти рублей, Дмитрій Андреичъ.

— А сколько ты съ нихъ денегъ получилъ?

— Да ни копейки-съ; только верхняя одежда ихняя была, потому самому-съ, что они тысячу (асигнаціями) давали-съ, коли бачько рекрута ставилъ за насъ, такъ я пять лѣтъ и заживаль эвти деньги-съ.

— А ты у меня сколько денегъ зачмылхъ забралъ? Ась?

— Ни одной копейки-съ, окромя что полтора цѣлковыхъ на сапоги, Дмитрій Андреичъ.

— Такъ, стало, у тебя денегъ ничего не имѣется?

— Помилуйте-съ! Какія деньги, ни полушки-съ! отвѣчалъ дрожащимъ голосомъ Панкратій, замѣтно блѣднѣя.

— Хорошо... Потрудись-ка изъ-за стола выйдти, мы съ тобой сдѣлаемъ расчетецъ.

Панкратій вышелъ изъ-за стола. Его братія всѣ значительно переглянулись между собою.

— Гдѣ твой сундукъ? Я слышалъ, въ немъ есть деньги, такъ я хочу самъ своимъ глазомъ увѣриться, есть ли въ немъ онѣ, аль пустяки на тебя болтають...

Панкратій, блѣдный какъ полотно, стоялъ молча и не двпгался съ мѣста; наконецъ онъ поднялъ глаза и встрѣтилъ торжествующую улыбку Пелаген и свирѣпый взглядъ хозяина. Онъ, не смотря на всю свою вялость, быстро сообразилъ, что часъ его насталь.

— Помилуйте-съ, Дмитрій Андреичъ! Ну что тутъ въ сундукѣ-съ? Ничего нѣтъ; чего въ немъ смотрѣть? проговорилъ заикаясь Панкратій.

— Давай ключъ!... заревѣлъ, уже не сдерживая гнѣва, хозяинъ: — Отпирай!...

Панкратій не трогался съ мѣста и не подавалъ ключа, который у него висѣлъ на поясѣ.

— Антонъ! подай ключъ отъ напогребницы, вонъ онъ на гвоздѣ! указавъ на стѣну, сказалъ Дмитрій Андреевичъ. Антонъ молча исполнилъ хозяйскую волю.

— Отпирай!

Антонъ дрожащими руками отперъ сундукъ.

— Ну, выбирай все!

И Антонъ молча началъ перебирать имущество Панкратья, который стоялъ и стучалъ зубами.

Выкидавъ всё вещи, добрались и до башмаковъ съ свѣтлыми пуговками.

— Это что?... спросилъ хозяинъ.

Панкратій молчалъ.

— Я спрашиваю тебя, что это за башмаки? Ась?

— Ба-шм-ки... прошепталъ виновный.

— Такъ чьи же они? Или кому куплены?

— Сестрѣ-съ.

— Гаврила, говори — ты изъ одной съ нимъ деревни — есть у Панкрашки сестра? Ась?...

Гаврила замаявшись заговорилъ: — Есть... того... то есть, родной не имѣется, а троюродная есть...

— Такъ хорошо! А это для кого?... спросилъ хозяинъ, раскладывая шелковый платокъ.

— Для матушки...

— Гаврила, есть у него мать? Ась?

— Какъ бы вашей милости сказать-то, крестная мать есть, а родная-то-съ, родная-то *побычилась*... проговорилъ Гаврила, почесывая въ затылкѣ.

— А это для кого? и Дмитрій Андреевичъ отложивъ платокъ въ сторону, показалъ янтари: — Слышь! эти монисты для кого?... спросилъ онъ опять.

Панкратій молчалъ.

— Ну, это для жены! отвѣтилъ за него самъ хозяинъ: — Гаврила! есть у него жена? Ась?

Гаврила погладилъ бороду, и съ изумленіемъ поглядѣлъ на хозяина, не зная какъ принять его вопросъ, за шутку или за правду, потомъ произнесъ:

— Нѣ-тъ-съ.

— Ну, это для будущей... А это для кого?... спросилъ Подошвинъ, развязывая мѣшокъ съ серебромъ: — Это для кого?... кричалъ онъ.

Виновный трясся какъ листъ, и упорно молчалъ.

Дмитрій Андреевичъ взялъ одну изъ жилетокъ, запустилъ пальцы въ ея карманъ и вытащилъ кредитный билетъ въ

двадцать пять рублей серебромъ, и колечко съ надписью, которое какъ-то выпрыгнуло изъ рукъ хозяина и покатилося къ порогу.

— Ну, это для кого? Да скажи мнѣ, бездѣльникъ, гдѣ ты взялъ это? А! У тебя не было ни копейки въ сундукѣ, ты самъ о томъ сказалъ сейчасъ, — откуда-жъ взялись эти деньги? Ась?...

Въ это мгновеніе Семень невольно взглянулъ на свой висѣвшій старый балахонъ. Пелагея подстерегла этотъ взглядъ и улыбнулась.

— Я тебя спрашиваю, какъ попали въ твой сундукъ эти деньги?... повторишь хозяйниъ, приступая къ приказчику.

— Не могу знать-съ!... отвѣчалъ Панкратій, поднявъ глаза на хозяина и вѣтясь къ двери.

— Что ты говоришь?

— Не могу знать-съ!

— Ты не можешь знать? не можешь знать, распотоканалья!... и къ не малому ужасу присутствующихъ, звонкая пощечина огласила кухню; и послѣ другой таковой же виновный отворилъ затылкомъ дверь въ сѣни, и вылетѣлъ за порогъ.

— Ну вотъ Пелагея, это тебѣ... сказалъ нѣсколько удивившійся хозяйниъ, указывая на башмаки и монеты и кладя въ карманъ своего жилета билетъ. Мѣшечекъ съ серебромъ и платокъ онъ взялъ подъ мышку и, обратясь къ Антону, примолвилъ:

— Скажи, Антонъ, Панкрашкѣ, чтобъ сію минуту духу его не было, да чтобъ о раздѣлкѣ и не заикался, и на глаза не показывался, а то укуку подъ плети!.. Слышишь?..

— Слушаю-съ, Дмитрій Андренчъ!.. отвѣчалъ тихо Антонъ.

Хозяинъ вышелъ. Эта сцена у всѣхъ обѣдающихъ отняла аппетитъ, а потому всѣ и вышли не дообѣдавши, кромѣ Пелагеи, которая по уходѣ хозяина отыскала кольцо Панкратья, надѣла его на руку, и, любясь башмаками, усѣлась опять за столъ и убирала за обѣ щеки съ большимъ аппетитомъ.

— А! ты думалъ надо мною подшутить, а судьба надъ

тобой подшутила, Панкратій! Панкратій... забываю все какъ по батюшкѣ-то... говорила весело Пелагея возвратившемуся Панкратью, когда онъ сталъ укладывать опять въ сундукъ свои разбросанныя вещи: — Ты думалъ башмачки-то какой-нибудь деревенской тетерѣ подарить; а они на палашиныхъ ножкахъ очутятся, по милости хозяина! да и колечко-то на моей рукѣ!..

Панкратій взглянувъ на нее изъ подлобья, ничего не говорилъ въ слухъ, а только что-то шепталъ.

— Хозяинъ велѣлъ тебѣ объявить, Панкратій, что онъ тебя ссылаетъ; не совѣтую тебѣ къ нему и на глаза показываться... сказалъ сухо Антонъ: — прощай братъ!..

— Я бы и самъ ужъ не остался! знаю, знаю, что все это добрые люди подвели; ну да чортъ съ ними, вѣдь свѣтъ не клиномъ сошелся... Прощайте братцы! не поминайте лихою, а добромъ никогда... за пашпортомъ Антонъ Антонычъ, я завтра въ лавку безъ хозяина найду!

— Вотъ на добрыхъ людей съ пенями! Нечего добрыхъ-то людей винить, коли сами худы, грѣхъ попуталъ, — Панкратій, Панкратій, какъ по бат... вмѣшалась нравоучительно Пелагея.

Связавъ свой сундучокъ краснымъ шерстянымъ кушакомъ, и взваливъ его за плечи, Панкратій съ самымъ сконфуженнымъ видомъ оставилъ домъ Дмитрія Андреевича. Антонъ догналъ его на улицѣ.

— Ну, прощай братъ, Панкраша! На меня не жалуйся, и не сердись, дѣло мое братъ подневольное! хозяинъ приказалъ обыскъ дѣлать!.. сказалъ онъ ласково.

— Извѣстно подневольное... примолвилъ виновный.

— А все я скажу тебѣ любезный, что ты настоящій дуракъ — развиле... Чортъ ты этакой! — ты своей глупостью, только другихъ въ подозрѣніе вводишь... Ась? ну можно ли такія вещи, какъ башмаки да монеты, въ сундукѣ держать? А? Подя-ка, сунься мой сундукъ осмотрѣть, что тамъ у нихъ въ припожей-то стоятъ! Что въ немъ найдешь? — шишь! Я не позволю себѣ въ него орѣха положить, вотъ что! А живемъ-то мы всѣ грѣшные не монахамъ.. Такъ вотъ что, Панкратій Трофимычъ!

— А все моя простота! прямо что простота хуже воровства! сказалъ Панкратій, снявъ фуражку и почесавъ за ухомъ: — Хорошо тому жить, у кого родные-то въ городѣ, близко... А ты вотъ, на чужой сторонѣ...

— Добро братъ, прощай, мнѣ пора въ лавку! Скоро и *самъ-то* нашъ домовой пріѣдетъ! сказалъ Антонъ и размахивая руками, подавъ плечи впередъ, пошелъ широкими шагами отъ своего виновнаго и подѣломъ наказаннаго собрата.

Когда всё случайно оставили кухню, Семень, оглядѣвшись, бросился къ своему старому балахону, чтобы удостовѣриться тутъ ли то, что онъ давно зашилъ, сохраняя и деньги и себя отъ подозрѣнія; но увы! бумажка не шелестила подъ рукою, и подкладка была подшита бѣлою ниткою. Онъ поблѣднѣлъ, рука его опустилась.

Голоса входящихъ въ кухню Федосьи Дмитриевны и Пелагеи, привели его въ чувство.

— Ахъ какія чудеса! Ахъ какія чудеса! Да слѣдовало бы его не только сослать, а въ полицію отправить! Посмотри-ка, вѣдь это только нашли-то у него столько, а сколько онъ еще чай промоталъ-то. А? билетъ-то онъ думалъ въ деревню своимъ переслать?.. разсуждала хозяйка.

— Должно быть-съ. Да, вѣрно еще Панкратій простъ, глупъ, что все это въ сундучикѣ-то оставилъ; а то есть такіе плуты-съ, что въ одежду деньги зашиваютъ, вотъ что-съ! примолвила Пелагея и взглянула на Семена, котораго точно морозомъ съ ногъ до головы подернуло при этомъ взглядѣ.

Но дѣло тѣмъ и кончилось. Семень ясно увидѣлъ, что его денежки украдены; подозрѣніе падало прямо на Пелагею. Но какъ спросить ее? нельзя; онъ еще и жалованья не получалъ, жилъ въ мальчишкахъ; только еще первый годъ, какъ хозяинъ положилъ ему двадцать цѣлковыхъ въ годъ на одежду. Съ страшною тоскою въ сердцѣ, онъ рѣшился молчать до-тѣхъ-поръ, куда дѣло само собою объяснится... но и тогда... отпереться отъ денегъ... отпереться во что бы ни стало.

Вечеромъ того же дня, Пелагея, вѣрная своему обѣщанію, привела къ Подошвинымъ Авдотью Никифоровну Мо-

Ютѣлову, помѣщицу двухъ душъ, и помянутой дѣвки Василисы, которую и представила лицомъ на смотръ къ Дмитрію Андреевичу и Ѳедосьѣ Дмитревнѣ. Авдотья Никифоровнѣ было лѣтъ подь пятьдесятъ. Росту она была высокаго, лицо ольжковаго цвѣта, длинный носъ, острый подбородокъ, щеки ввалившіяся; на ней было кофейное платье, синяя шляпка, превратившаяся въ гороховую, и побурѣвшій отъ времени черный салопъ, въ рукахъ бисерный ридикюль и табакерка съ портретомъ турецкаго султана. Въ добавокъ съ ней была рыжая старая моська, всегда и вездѣ за нею слѣдовавшая, которую она величала Розинькой.

Василисѣ было тридцать пять лѣтъ. Бѣлое, румяное лицо ея было довольно красиво, свѣтлые волосы причесаны и выпущены изъ-подъ платка. Но увы! костюмъ ея не много говорилъ въ пользу ея кухоннаго искусства; — старый смурый кафтанишка и ситцевый сарафанъ со сквозными прорѣхами составляли ея нарядъ, изъ башмаковъ выглядывали пальцы. Но не смотря на то, Василиса ежеминутно самодовольно улыбалась.

Авдотья Никифоровна и Василиса были введены Пелагеею въ столовую, гдѣ уже Дмитрій Андреевичъ сидѣлъ за самоваромъ.

— Покорно просимъ садиться, сударыня!.. сказалъ онъ, кланяясь и указывая мѣсто на диванѣ Авдотья Никифоровнѣ, и искося поглядывая на Василису.

— Васюшка, дура, кланяйся, сказала барыня, садясь на диванъ.

Василиса поклонилась и улыбнулась.

— Что зубы-то скалишь! Этакая рожа! А это дочка ваша-съ? спросила Молотилова, раскланиваясь съ Ѳедосьей Дмитревной.

— Точно такъ-съ!

— А супруга ваша?

— Она нездорова, сударыня.

— Такъ... а чѣмъ, позвольте узнать? Я слышала — она прекрасная, превосходная дама!

Подожвинъ кивнулъ головою.

— Вотъ-съ, я слышала, батюшка мой, отъ Осиповны, что

вы желаете женщину въ услуженіи имѣть-съ. Не угодно-ли-съ? спросила Молотилова, открывъ табакерку и подчуя хозяина.

— Покорнѣйше благодарю; не употребляемъ-съ! отвѣчалъ онъ кланяясь.

— А напрасно, отъ глазъ полезно-съ; я, знаете, отъ глазъ только этимъ и лѣчусь, такъ вотъ въ глазахъ и просвѣтлѣть, да не множко и куражить... Розинька, Розинька!... Сядь здѣсь душка! проговорила Авдотья Никфоровна, указывая мѣсто москѣ возлѣ себя: — Знаете, боится, незнакомыхъ видить... Такъ нюхальный табакъ, я вамъ скажу, преполезное средство, какъ бишь графиня, ея сіятельство Надежда Петровна Пустобаева, называетъ?.. да! наркотическое средство!.. и она понюхала съ разстановкою.

— Такъ-съ; не угодно ли вамъ чайку-съ? Осяня, подай пмъ! сказалъ Подошвинъ, ставя чашку на маленькій подносъ.

— Очень вамъ благодарна. Ахъ, какъ вы крѣпко паливаете! говорила барыня, принимая чашку: — Чай сушить, очень грудь сушить, я это вамъ скажу, на себѣ пснытала, а не могу отстать, люблю, душой люблю крѣпкій чай! Такъ вамъ нужна служанка?

— Да-съ; намъ бы въ кухарки-съ! молвила Федосья Дмитревна.

— Такъ, душечка, такъ, вотъ я и желаю вамъ отдать мою дѣвку, и привела ее, извольте посмотрѣть, кухарка славная... У Пузановыхъ годъ жила, у Сапожниковыхъ два, у Кишкина три. Я не хваставши скажу, готовить хорошо; конечно, ужъ какого-нибудь бизе она вамъ не сдѣлаетъ, заливное изъ телячьихъ ножекъ тоже не привыкла что ли, не такъ-то, а все прочее-другое, можно сказать превосходно готовить; будете довольны, я увѣрена въ этомъ, говорила помѣщица, прихлебывая чай изъ чашки.

— Хорошо-съ... Почему же вы въ мѣсяць просите?

— У Кишкина она жила за тридцать цѣлковыхъ три года-съ, такъ сосчитайте же почему это выйдетъ? Я ее такъ на три года и закабалела по контракту, а денежки взяла

впередъ, сказала барыня ставя чашку на столъ: — Позвольте еще чашку, если есть?

— Извольте-съ! только я вамъ сударыня доложу-съ, что я ее на три года не возьму; кто ее знаетъ, какова она окажется.... Вы конечно хвалите. Да вѣдь всякой купецъ свой товаръ хвалить, безъ этого нельзя, мы это понимаемъ... молвилъ хозяинъ.

— Да вы спросите Кишкина; ну спросите Кишкина, недалеко ходить, только въ мясной рядъ, вскричала въ азартѣ Авдотья Никифоровна, и вынувъ табакерку, то открывала, то закрывала ее.

— Такъ почему же ее Кишкины-то не держали? Стало какая-нибудь причина была-съ? Ась?

— А вотъ я вамъ что скажу, въ чемъ у насъ и дѣло-то разошлось, продолжала помѣщица, нѣсколько спокойнѣе и понюхавъ табакъ: — Я хотѣла ее опять на три года отдать, когда она годы-то выжила, а онъ согласенъ былъ взять ее только на одинъ годъ; да еще два цѣлковыхъ за ея одежду вычиталъ; слышите — два цѣлковыхъ? Да я развѣ въ состояннн ее такъ щеголевато одѣвать? А жена-то Кишкина знаете, такая необразованная, какъ закричитъ, какъ закричитъ на меня! говоритъ: — «А мы развѣ обязались ее одѣвать? Итакъ смотришь, смотришь, какъ сарафанъ съ плечъ, а башмаки съ ногъ свалились, да и купишь; жаль дѣвки сдѣлается»... Слышите? а чортъ въ вашей жалости, Акулина Ильинишна, я говорю, — я не прошу вашей жалости. А коли карманъ-то у васъ толстъ, такъ одѣньте ее въ атласъ да въ бархатъ; да и плюнула я, мой батюшка! и ушла, и Васюшку увела... Не хочу болѣе и дѣла имѣть съ такими невѣждами. А на Васюшку-то они ужъ ничего худого не скажутъ... Будете и вы довольны-съ. И если бы не мое ограниченное состояннн, я бы и не разсталась съ ней, дѣвка просто въ огонь и въ воду, дѣло въ рукахъ кипитъ. Да у меня же теперь ея сестренка Машка, дѣвчонка лѣтъ двѣнадцати, съ ней еще нужна возня. Матка-то-ихняя померла; вотъ отца-то я и закабалла въ кучера думскому секретарю, а братишка-то лѣтъ осьмнадцати, подрядчику-плотнику, въ Питеръ его съ собой взялъ... Землишки тоже у меня мало,

всего десятинь тридцать, ее я въ кортому отдала; а ихъ всѣхъ, кромѣ Машки-то, на оброкъ. Вотъ что-съ! Такая наша доля помѣщичья, что о всемъ сама хлопочи. Избу-то ихъ на сломъ, да и скотину-то тоже распродала!.. Такъ какъ же, на что вы согласны, Дмитрій Алексѣичъ?

— Андреичъ... поправилъ хозяинъ.

— Такъ-съ, Дмитрій Андреичъ!

— А вотъ на что я, сударыня, согласенъ: беру ее на годъ, за восемь цѣлковыхъ, и то половину даю впередъ, а другую послѣ. Согласны?

— Помилуйте, что вы? Коли на одинъ годъ, такъ меньше двѣнадцати цѣлковыхъ не возьму, и деньги впередъ и баста! живо пропзнесла Авдотья Никифоровна.

— Какъ вамъ угодно-съ, а такъ я не могу-съ...

— Ну, да послушайте, за десять, только деньги впередъ! Безъ этого, какъ вамъ угодно, я не согласна!..

— Ахъ вы, сударыня, да какъ же можно впередъ? Ну, она помретъ? или...

— Что вы, помретъ! Да посмотрите какая здоровая дѣвка!

— Нечего этого говорить, — всѣ подь Богомъ ходимъ, сударыня-съ... Не угодно ли чайку еще?

— Будьте такъ добры-съ. Ваша правда: дума за горами, а смерть за плечами! Ну, а что вы изволили сказать — или... спросила помѣщица, опять нюхая табакъ: — Вы можетъ думаете, чтобъ она отъ васъ не сбѣжала? или слушаться не станетъ? или я сама бы у васъ преждевременно не взяла? Такъ извольте, я готова на этотъ случай контрактъ заключить, ужъ разумѣется, съ вашими расходами?

— Нѣтъ, не то, а чтобъ не стащила чего-нибудь? почти прошепталъ Подошвинъ.

— Что вы! а розги-то... О! да тогда она у меня проклянетъ и мать-то свою, зачѣмъ ее на свѣтъ родила! Нѣтъ, ужъ я потачки не дамъ! Потачки не дамъ! почти кричала Авдотья Никифоровна, грозя кулакомъ въ ту сторону, гдѣ стояла Василиса, которая добродушно улыбалась, и переступала съ ноги на ногу.

— Ну хорошо-съ, положимъ что я и согласенъ, но

только оставте ее намъ дня на три, безъ этого я вамъ и денегъ не дамъ, сказалъ хозяинъ, наливая чай: — Той порой мы на нее посмотримъ... Оня! сведи ее въ кухню, да спроси, что она дѣлать умѣетъ, чтобъ послѣ не портила жаркое, какъ эта шельма Дашка. Какъ тебя зовутъ? спросилъ онъ свою будущую кухарку.

— Я вамъ сказывала, что Василисой! сказала барыня за Василису.

Василису Федосья Дмитриевна отвела въ кухню.

Василиса сняла тамъ кафтанъ, и хозяйка, увидавъ на ней худой сарафанъ, спросила: — дѣвка ты молодая, а въ такомъ ты рубище, — отъ-чего это?...

— Э, сударынька! что жъ дѣлать, и тотъ, дай Богъ здорovia, Акулина Ильинишна Кишкина пожаловала, а то хоть просто нагишомъ ходи.... Вѣдь деньги-то барыня все впередъ забираетъ, а обо мнѣ и заботушки нѣтъ, въ чемъ хочешь въ томъ и ходишь... надарили мнѣ, знаете, хозяева-то деньжонокъ рубля два, я и купила холста, думаю, мошь, въ пабойку отдамъ себѣ на сарафанъ.... Пришла барыня, обнюхала, оглядѣла.... вѣдь отняла.... что прикажешь дѣлать? драться съ ней не будешь? Говорить: на юбку мнѣ пригодится! — отвѣчала Василиса.

Между тѣмъ въ столовой чаепитіе продолжалось. Авдотья Никифоровна не умолкала, нюхала табакъ и гладила «Розиньку». — Разговоръ съ Василисы перешелъ на графиню Пустобаеву, съ графини на моську, съ моськи на председателя уголовной палаты, съ председателя на секретаря, который, ничего не имѣя, поступилъ на службу, и черезъ четыре года женился на дворянкѣ и купилъ пятьдесятъ душъ крестьянъ, которыхъ и закрѣпилъ на слѣпую, глухую и нѣмую тещу. Волей или неволей, отецъ и дочь должны были слушать ея рассказы. Давно потухъ и остыл самоваръ, давно переходились съ чашками: Антонъ, Семенъ, Гаврила, Пелагея и новенькая Василиса, а Молотилова все еще сидѣла и говорила. Наконецъ моська ея уснула, Авдотья Никифоровна встала и, шевеля собаченку, сказала:

— Вотъ какъ Розинька, мы съ тобой банишки захотѣли! Въ самомъ дѣлѣ пора; а я и не замѣтила какъ часы летѣли.

Вотъ какъ пріятно съ хорошими людьми время провести! Прощайте же, будьте здоровы, прошу быть знакомыми.... говорила обязательно помѣщица, пожимая руку Ѳедосьѣ Дмитревнѣ: — учите, учите; мою дуру Васюшку а ты слушайся, и уважай своихъ новыхъ хозяевъ, слышишь-ли?... Примолвила она, обращаясь къ Василисѣ, стоявшей съ ея салопомъ.

— Слушаю-съ; очень хорошо-съ, — отвѣчала она съ улыбкою.

— Прощенья просимъ, прощенья просимъ!... повторялъ хозяинъ, кланяясь.

Впродолженіе всей этой бесѣды Анна Борисовна не показывалась въ столовую; она, какъ сестра милосердія, не отходила отъ больныхъ, перебѣгая отъ постели къ постелѣ, и въ точности исполняя докторскія предписанія. Въ спальню подавала ей Пелагея чай. На ночь, для удобства, Андриюшу перенесли изъ залы въ спальню, но ни мать, ни сынъ не узнавали другъ друга. Поздно вечеромъ навѣстилъ ихъ Николай Петровичъ.

— Что надѣлали, Дмитрій Андреичъ? не говорилъ ли я вамъ, что худо будетъ отъ такого обращенія? — сказалъ онъ съ упрекомъ хозяину, который стоялъ въ головахъ у женинной кровати; но Подошвинъ ничего не отвѣчалъ, а только кусалъ губы и изподлобья посматривалъ на свояка.

Ѳедосья Дмитревна сидѣла въ уголку и не смѣла подойти къ матери. Пробыло десять часовъ. Маковъ ушелъ домой, нѣжно простясь съ женою; отецъ и дочь пошли ужинать. Въ двѣнадцать часовъ на улицѣ опять пѣли:

«Среди долины ровныя»!...

Ѳедосья Дмитревна и Пелагея, забившись въ гостиную, слушали подъ окномъ и восхищались.

И съ-тѣхъ-поръ пѣніе это раздавалось каждую ночь подъ окнами Подошвиныхъ; каждую ночь слушала и восхищалась имъ Ѳедосья Дмитревна до самого іюля.

Однажды пришла Пелагея и отрапортовала ей, что Кароагенскій кончилъ курсъ, что онъ ѣдетъ на родину, и возвратится мѣсяца черезъ два опредѣляться къ должности. И въ ту же ночь Кароагенскій и Спартанскій прошли и пропѣли:

«Прощаюсь, ангелъ мой, съ тобою!
Прощаюсь съ счастіемъ моимъ»!...

Федосья Дмитревна чуть не плакала, слушая какъ ея обожатель изливалъ въ пѣснѣ всю тоску о разлукѣ. И съ этой ночи они пчезли.

Федосьѣ Дмитревиѣ ничего не осталось какъ перечитывать посланія Евдокима Карфагенскаго, въ родѣ того, которое мы видѣли, и которыхъ было до десятка; но надобно сказать правду, дѣвица Подошвина ни на одно изъ нихъ не отвѣчала письменно, отзываясь, что пишетъ *дурно*.

Прошелъ и июль, а наши больные все еще не оставляли своихъ постелей, долгое время находясь между жизнью и смертію; только въ августѣ они начали не много поправляться, благодаря стараніямъ доктора и уходу Анны Борисовны. Дмитрій Андреевичъ почесалъ затылокъ и проворчалъ подъ носъ что-то такое не совсѣмъ благозвучное, когда сталъ повѣрять расходъ на доктора и въ аптеку.... Мать и сынъ были спасены.

Василиса жила у Подошвиныхъ; черезъ три дня Подошвинѣ отсчиталъ за нее барынѣ десять цѣлковыхъ сполна, ко всеобщему удивленію.

Наступила зима, а обожатель Федосьи Дмитревы не показывался.

Въ одно изъ ясныхъ и морозныхъ воскресеній, подувая въ кулаки, прибѣжала послѣ поздней обѣдни Пелагея.

— Ахъ! какую я вамъ новость скажу-съ, Федосья Дмитревна-съ! вотъ ужъ новость! отгадайте? — говорила она, почти вбѣжавши въ комнату молодой хозяйки.

— Что такое? Да ты не съ цѣпи-ли сорвалась? а? — спрашивала въ изумленіи Федосья Дмитревна.

— Охъ, не говорите-съ. Да угадайте новости-то?

— Али видѣла?

— Видѣла-съ, да въ какомъ видѣ-то? Вотъ, пришла я сегодня въ соборъ къ обѣдни-съ, служилъ преосвященный, смотрю, ставятъ ставленниковъ въ попы, гляжу: такой высокой, рыжій, незнакомый въ дьяконы. Ахъ, вы не повѣрите-съ Федосья Дмитревна, какъ я удивилась!...

— Да говори путемъ-то!... воскликнула Федосья Дми-

тріевна, едва переводя духъ отъ любопытства, и еще отъ какого-то другаго внутренняго чувства.

— Не ужъ-то не угадали-съ? вѣдь дьяконъ-то Карвагенскій?

Если бы горячая головня упала на голову Федосьи Дмитревны, она и тогда-бы такъ не припрыгнула, какъ припрыгнула теперь.

— Возможно-ли? Не врешь-ли ты Пелагея?... вскричала она, опускаясь на стулъ.

— Ей Богу-съ, не вру-съ! только слушайте-же: вотъ я и поджидаю на паперти, какъ, молю, вонъ-то пойдетъ... Идетъ, — а съ нимъ вѣрно жена, кому-же больше-то, молодая-съ, да только ужъ и рожа-съ! красная, угривастая, пугало, просто пугало-съ. Шляпка на ней какая-то вишневая-съ, съ красными лентами, салопъ бирюзовый, старинный-съ, платье французскаго краснаго ситца-съ. Вотъ я сравнялась съ нимъ и кланяюсь, а онъ шляпу этакъ манерно сзади знаете-съ приподнялъ, улыбнулся, а самъ такъ и вспыхнулъ-съ, да дьяконничѣ-то своей такъ въ глаза и смотритъ, что-то знать говоритъ ей; а она замѣтила, что я поклонилась, да на меня такъ глазища-то и уставила, ей-ей-съ! ну ужъ и глазища! словно у коровы!

Но Федосья Дмитревна слушала рассказчицу только въ половину; надежда быть чиновницей рушилась. *Измѣнникъ* измѣнилъ, что прикажешь дѣлать? Долго сидѣла она, глядя въ полъ и крутя рукою конецъ шарфика на шеѣ. Но вотъ Васялиса просунула голову въ дверь и позвала ее въ кухню; нужно было идти, она и пошла было.

— Вотъ еще скажу-съ, сударыня, вамъ новинькое-съ; купила я себѣ полутерна на салопъ, и къ Рождеству сошью-съ, — продолжала Пелагея: — знайте нашихъ; воротникъ куній купила-съ!

— Откуда такой капиталъ?... спросила нѣсколько опомнившись Федосья Дмитревна.

— Трудилась.... работала-съ! — отвѣчала Пелагея съ самымъ невиннымъ видомъ, хотя ея воображенію и представлялся Семеновъ балахонъ.

Ложась спать, Федосья Дмитревна сожгла всѣ посланія

Кароагенскаго, проклиная пзмѣнника и относя эту черту только къ студентамъ духовной семинаріи, и въ тоже время, давъ клятву себѣ, ни на кого не обращать вниманія кромѣ военныхъ. По утру долго лежала въ постели, передъ самымъ обѣдомъ, съ нечесаною головою вышла въ кухню, и разругала Василису, поссорилась съ матерью; за столомъ ей казались всѣ кушанья или пересолеными, или не досолеными, верхняя корка пирога подгорѣлою, а нижняя сырою. Въ добавокъ наобѣдничала отцу на брата, опять вошла въ кухню, сдѣлала выговоръ Гаврилу, отъ чего у него лошадь какъ будто похудѣла, вѣрно не докормлена; Антона и Семена назвала мошенниками, и, хлопнувъ сильно дверью, ушла въ свою комнату. Цѣлый день до самого вечера, никто ее не видѣлъ.

Покуда Марья Борисовна и Андрюша не выходили изъ комнаты, они не слышали шума, крику и брани Дмитрія Андреевича; но чѣмъ болѣе они выздоравливали, тѣмъ болѣе хмурился брови старика, тѣмъ рѣзче вырывались выраженія. Послѣ болѣзни мать сдѣлалась раздражительнѣе, сынъ упрямѣе.... Андрюша, началъ выходить въ лавку, и старая исторія возобновилась. — Сначала отецъ ворчалъ на сына, потомъ началъ кричать, а тамъ бранить и бить....

Конечно многимъ покажется страннымъ такое обращеніе Подошвина съ сыномъ; тѣмъ болѣе, что въ купеческомъ сословіи видить въ сынѣ сотрудника и помощника въ законныхъ и незаконныхъ своихъ пріобрѣтеніяхъ, подпору въ старости и преемника торговли и капиталовъ послѣ себя. Напротивъ Дмитрій Андреевичъ любилъ дочь болѣе чѣмъ сына. Но такъ какъ никогда, нигдѣ и ничего не дѣлается безъ причины, то мы и постараемся объяснить эти причины такого поведенія Дмитрія Андреевича въ отношеніи къ семейству.

Не заходя слишкомъ далеко, начнемъ хоть съ женитьбы Подошвина.

До женитьбы характеръ Дмитрія Андреевича высказывался не со всѣмъ съ хорошей стороны. При расчетѣ съ мужичками за муку онъ не считалъ грѣхомъ обвѣсить и обсчитать ихъ. Обругать рабочихъ и не доплатить имъ, надрать.

волосы мальчишкамъ, Подошвинъ былъ тоже большой мастеръ.

Родителя своего, который тоже въ свою очередь не щадилъ его волосъ — Дмитрій Андреевичъ страшно боялся. Матери онъ не помнилъ. Старая тетка, которая жила у Подошвинныхъ вмѣсто работницы, умерла, когда Дмитрію Андреевичу минуло семнадцать лѣтъ. И отецъ послѣшилъ его женить на Марьѣ Борисовнѣ, потому что въ домъ нужна была хозяйка. Вскорѣ старикъ умеръ, оставивъ сыну порядочный капиталецъ.

И Дмитрій Андреевичъ, не смотря на то, что жена была красавица и пришла съ хорошими по тогдашнему придаными, всю жизнь видѣлъ въ ней только хозяйку-домоводку, и всю жизнь распекалъ ее за малѣйшую не исправность, обижая, оскорбляя на каждомъ шагу. Нѣжную ласку со стороны жены, онъ называлъ глупостью и грубо осмѣивалъ. Онъ требовалъ покорнаго, безусловнаго повиновенія отъ нея, называя его любовью и уваженіемъ къ мужу. И Марья Борисовна любила его этою любовію, трепеща отъ страха каждую минуту.

— Съ низу пишутъ, что тамъ страшная засуха, хлѣба погорѣли, сказалъ онъ однажды, обращаясь къ женѣ:—Молись Богу, если зимою хлѣбъ вздорозааетъ, сошью тебѣ лисій салопъ, атласомъ покрою...

— Гдѣ мнѣ объ обновкахъ думать! велить ли еще Богъ самой въ живыхъ остаться... отвѣчала робко жена, содрогнувшись въ глубинѣ души отъ душевныхъ желаній мужа, въ слухъ высказанныхъ.

— Вотъ вздоръ! не умрешь! развѣ ты первая что ли?

— Хоша и не первая, а все смерть на вороту, примолвила Марья Борисовна со вздохомъ, взглянувъ на образа. Она была беременна.

Зимою хлѣбъ въ самомъ дѣлѣ вздорозаалъ, а въ великомъ постѣ Подошвиннымъ Богъ далъ дочь.

Дмитрій Андреевичъ ожидалъ было рожденія сына, по родилась дочь, которую и назвали Θεодосіей. И такъ какъ маленькая Оеня родилась при счастливыхъ условіяхъ, когда лежащая, затхлая мука шла за хорошую цѣну и тысячи

самъ валился въ карманъ Дмитрію Андреевичу, то, смотря на малютку, отецъ приговаривалъ съ улыбкою:

— Счастливая дѣвчонка! живи, живи, на приданое добудемъ... хотѣлось было сына, да что дѣлать, вѣрно такъ Богу угодно...

— Дмитрій Андреевичъ, дочери-то къ богатству родятся... увѣряла повивальная бабка.

— Эхъ бабушка!.. кабы твоими-то устами да медь пить, отвѣчалъ довольный хозяинъ.

Марья Борисовна сдѣлалась больна, и не могла сама кормить дочь. Оня росла на рожкѣ, отецъ ласкалъ малютку тѣмъ болѣе, что она была въ него. Казалось чувство любви родительской пробудилось въ черствомъ сердцѣ Подошвина.

Дѣвочка начала говорить, и отецъ возвращаясь изъ лавки, спрашивалъ ребенка: — Что дѣлала въ его отсутствіе мать? малютка отчетливо передавала отцу всѣ подробности, все что было, къ большой досадѣ Марьи Борисовны; и строгій супругъ тутъ же, въ присутствіи ребенка, принимался иногда распекать жену. Словомъ, Дмитрій Андреевичъ приучалъ дочь слушаться только себя; мать же лишилась права наказывать своевольную, капризную дѣвочку, чтобы она ни дѣлала... Если же Марья Борисовна иногда выходила изъ себя, и ее наказывала, Оня жаловалась отцу, и тогда ужъ доставалось матери. Мудрено ли послѣ этого, что дѣвочка все болѣе и болѣе отчуждалась отъ матери, и впоследствии не стала ставить ее въ грошъ. Марья Борисовна, все болѣе и болѣе терявшая надъ нею власть, тоже совершенно охладѣла къ ней.

На десятилѣтнемъ возрастѣ Оня ходила къ вознесенской дьячихѣ учиться грамотѣ...

Ровно черезъ тринадцать лѣтъ послѣ Оени родился Андриуша, и родился онъ въ самый тяжелый годъ для Дмитрія Андреевича. Въ этомъ году Подошвинъ отъ купленной по дорогой цѣнѣ ржи понесъ убытку тысячи на полторы серебромъ, въ самый же день рожденія Андриуши пришло извѣстіе, что подъ самымъ почти Привольскомъ затонули двѣ тихвинки съ пшеницею.

Дмитрій Андреевичъ такъ былъ огорченъ, что на крестины сына и не позвалъ никого.

Въ концѣ же года Подошвинъ заплатилъ по взыску съ присутствующихъ, за не правое рѣшеніе дѣла, двѣ тысячи ассигнаціями, потому что онъ служилъ бургомистромъ.

— Несчастливъ Андрей, въ дурной годъ родился, говорилъ онъ, когда Марья Борисовна подносила къ нему бѣленькаго, пухленькаго мальчугана, котораго она сама кормила грудью, и какъ говорятъ, души въ немъ не слышала. И странное дѣло! дитя какъ будто угадывало, что мало къ нему любви въ отцовскомъ сердцѣ, и отварачиваясь прятало свое личико на груди матери...

Андрюша былъ уже по другому году, какъ однажды Дмитрій Андреевичъ, по обыкновенію, за какой-то вздоръ разкричался на жену и пустилъ въ нее подвѣщникомъ, не смотря на то, что малютка былъ у нея на рукахъ. Ненстовый крикъ отца, испугъ и слезы матери, произвели на ребенка сильное дѣйствіе: съ нимъ сдѣлался припадокъ въ родѣ родимца. Съ-тѣхъ-поръ Андрюша сталъ бояться отца; лишь только Дмитрій Андреевичъ подъ веселый часъ, бралъ его на руки, мальчикъ принимался плакать и кричалъ до-тѣхъ-поръ, покуда не уносила его Марья Борисовна, или взбѣшенный его крикомъ отецъ, не сталкивалъ его долой съ колѣнъ; тогда Андрюша убѣгалъ къ матери, и если ее тутъ не случилось, прятался куда попало. И съ тѣхъ же поръ усвоилъ онъ себѣ отъ отца названіе материна прихвостня, и Дмитрій Андреевичъ уже старался его не приласкать, а запугать.

Восьми лѣтъ Андрюшу отдали къ *мастеру*, то есть, къ учителю — дьячку приходской церкви.

— Ужъ ты, пожалуйста Яковъ Петровичъ, церковной-то печати Андрюшеньку учи, чтобъ псалтырь-то твердо зналъ, наказывала Марья Борисовна, зазвавъ педагога и подчуя его усердно наливочкою.

— Ужъ какъ вашей милости угодно-съ, ради стараться для васъ, Марья Борисовна-съ, только позвольте вамъ дожить-съ, у меня десять человѣкъ учатся-съ, и все какъ во-

дится-съ учать и священную исторію, отвѣчалъ учитель, поглаживая свой пучекъ:—Равно и ариометку-съ..

— Священную-то?... я думаю священной-то можно поучить, а ужъ ариометки-то намъ не нужно, Яковъ Петровичъ... посуди самъ зачѣмъ намъ она? вѣдь Андрюша не въ учителя готовится?..

— Ариометика! хмъ! ариометка въ коммерціи великое дѣло, Марья Борисовна-съ!.. замѣтилъ дьячекъ важно:—знаете счетоводство....

— Э! счетоводство!.. Богъ съ нимъ, съ ариометками-то! считать на счетахъ отецъ выучить, а не отецъ, такъ Тимошечка укажетъ.

— Какъ вашей милости угодно-съ, отвѣчалъ уступчиво наставникъ.

Итакъ Андрюша ходилъ къ *мастеру*, училъ часовникъ и священную исторію, оставляя въ сторонѣ ариометку, и выводилъ каракульки по линейкѣ, называя ихъ буквами.

— Что это Андрюша, ты одно-то слово все долбишь, разъ пятьдесятъ скажешь? не дается что ли тебѣ, голубчикъ? спросила его однажды мать.

— Урокъ наизусть учу, мамонька, отвѣчалъ Андрюша.

— Какъ это наизусть?

— На память-съ; учитель приказалъ къ завтраму вытвердить и ему такъ, безъ книжки, на обумъ такъ сказать. Всѣ ученики такъ учать.

— Вотъ диковинка! что это въ самомъ дѣлѣ, пострѣлъ выдумалъ ребятъ мучить? цѣтъ, цѣтъ, этого не бывало, какъ мы у *мастерицы* учились. Ну, да я съ нимъ поговорю...

И Марья Борисовна на другой день пошла въ церковь. По окончаніи службы, она подозвала дьячка.

— Чтой-то, Яковъ Петровичъ, Богъ тебя знаетъ, какими тамъ уроками мучишь ты Андрюшу? долбить одно цѣлый вечеръ, даже слушать тошно. Гдѣ бы мальчишкѣ поиграть, дѣло дѣтское, а онъ ужъ съ этихъ-то поръ заботу знаетъ. Больно рано... говорила Марья Борисовна.

— Позвольте доложить вашей милости-съ, у меня учатся десять человекъ-съ, да всѣхъ такъ учу-съ; такъ слѣдуетъ-съ,

такъ должно быть-съ, отвѣчалъ нѣсколько озадаченный учитель.

— Что мнѣ батюшка! хоть бы двадцать человѣкъ у тебя училось, какъ ты мнѣ тамъ съ ними хочешь, а мы своего сына отдали не на мученье, а въ ученье! возразила запальчиво Марья Борпсовна.

— Какъ вашей милости угодно-съ, мы пожалуй и не будемъ-съ... отвѣчалъ уступчиво педагогъ, поглаживая свой пучокъ.

— Поучи его, Яковъ Петровичъ, только читать и писать, прочее-то намъ не нужно, пойдетъ, самъ ты знаешь. А понапрасну ребенка мучить грѣхъ... заговорила уже мягкимъ голосомъ нѣжная мать: — Да что это твоя-то Ольга Ивановна никогда ко мнѣ не зайдетъ?.. пришла бы посидѣть, просто запросто. Скажи-ка ей... прибавила она ласково.

— Ваши гости; покорно благодаримъ-съ, отвѣчалъ дячокъ, кланяясь въ поясъ.

Итакъ по волѣ матери, Андрюша пересталъ учить уроки пзъ священной исторіи наизусть, отецъ же на учение не обращалъ никакого вниманія. Слишкомъ два года ходилъ Андрюша къ *мастеру*, и наконецъ отецъ его спросилъ:

— Ну-ка, Андрей! покажи, каково ты пишешь?

Андрюша робко подаль тетрадку прописей мелко и порядочно написанныхъ. Въ концѣ были стихи Ломоносова:

«Науки юношей питають

«Отраду старымъ подають и проч.

Дмитрій Андреевичъ повертѣлъ ее въ рукахъ, почиталъ и внутренно остался доволенъ, но одобрить сына открыто не хотѣлъ. Андрюша съ трепетомъ ожидалъ приговора, слѣдъ украдкою за выраженіемъ его лица.

— Науки питають! гмъ! питають они поповъ да учителей, заговорилъ Дмитрій Андреевичъ, прочитавъ стихи и закрывая тетрадку: — А насъ братъ съ тобою, науки-то не питають! примолвилъ онъ обращаясь къ сыну: — Значитъ все пустяки и къ мастеру тебѣ ходить больше не зачѣмъ... выходи завтра въ лавку; а теперь вотъ перепиши этотъ счетъ. Надобно руку набивать... и онъ усадилъ трепещущаго маль-

чика переписывать счетъ, не спуская съ него строгаго, холоднаго взгляда.

Рука Андрюши дрожала, онъ переписывалъ слово въ слово, не смѣя поправить, хотя въ каждой строкѣ Дмитрія Андреевича были страшныя ошибки. Сынъ кончилъ; отецъ сталъ читать и, не замѣчая ошибокъ въ собственномъ письмѣ, ясно увидѣлъ ихъ въ письмѣ сына, и зарычалъ неистово.

— Ахъ ты шельмецъ! да развѣ ты тому два-то года учился, чтобъ не умѣть и строки порядочно написать? каналья! ты вѣрно только на улицѣ съ ребятами игралъ, а я за тебя деньги платилъ!... и пошелъ и пошелъ...

— Тятенька-съ, у васъ у самихъ-съ такъ.... я не смѣлъ... заговорилъ было сынъ.

— Какъ! ты смѣлъ!... ты смѣлъ это говорить! отца учить!.. указывать! развѣ я не могъ, не умѣлъ написать какъ слѣдуетъ? А? Щенокъ ты этакой! ишь я глупѣ тебя!.. и вцѣпился Дмитрій Андреевичъ въ волосы сына.

На выручку явилась, какъ и всегда, Марья Борисовна, вырвала Андрюшу изъ родительскихъ рукъ, и, не смотря на то, что на нее самое посыпались, и брань и удары, увела мальчика, заперла его въ кладовую и надавала сластей.

— Лижки, лижки прихвостня-то своего, славный торговецъ будетъ. Ахъ жаль, что Федосья дѣвкою родилась! Не та замашка! Андрюшка, чортъ знаетъ что такое будетъ! хуже бабы, какая-то мокрая курица!... разсуждалъ самъ съ собою Дмитрій Андреевичъ.

На другой день Андрюша былъ въ лавкѣ. И пошла его жизнь тѣмъ чередомъ, какъ мы видѣли въ продолженіе описанныхъ нами двухъ дней. Взамѣнъ нелюбви отца, и сынъ началъ оплачивать тою же монетою, какъ мы увидимъ впоследствии.

Но обратимся къ прерванному разсказу.

Андрей Дмитричъ часто послѣ хорошаго штурма прибѣгалъ къ всеисцѣляющему лѣкарству, котораго онъ попробовалъ изъ стакана, неосторожно налитаго рукою матери.

Наливки, стоявшія на окнахъ столовой, принимали все болѣе и болѣе свѣтлый оттѣнокъ, простякъ мутился, и часто Дмитрій Андреевичъ, выпивая аппетитную передъ обѣдомъ,

жаловался на откупъ, что де «воды не жалѣють!» За то Андрей Дмитричъ приходилъ къ матери, какъ самъ не свой, а по-утру жаловался на головную боль. Любящая мать мочпла ему голову уксуомъ, и плакала, упрекая мужа въ дурномъ и жестокомъ обращеніи съ ея милымъ Андрюшенькой...

Пока Марья Борисовна не входила въ кухню, добродушная Василиса еще кое-какъ ладила съ Ѳедосьей Дмитревной, всячески принаравливаясь къ ея строптивому характеру; но когда мать опять занялась управленіемъ домашняго хозяйства, дочь сдѣлалась самымъ неутомимымъ шпиономъ, охудая сама, и представляя въ самомъ черномъ видѣ отцу какъ распоряженія матери, такъ и исполненія кухарки, отчего и терпѣливая Василиса не разъ плакала.

До срока было еще долго, какъ въ одно прекрасное утро пришла къ кухаркѣ ея маленькая сестра, недокормленная своей барыней. Василиса, плача и улыбаясь вмѣстѣ, отдавала ей узелокъ корокъ и недоѣденныхъ кусковъ, наставляя дѣвочку, чтобъ она не показывала этого барыни. Ѳедосья Дмитревна, подслушавъ сестеръ, паткнула на нихъ своего тятеньку. Пойманная на дѣлѣ Василиса обомлѣла; дѣвочка по счастью успѣла убѣжать, растерявъ дорогою всѣ куски. Дмитрій Андреевичъ, истощивъ словарь ругательствъ, надавалъ Василисѣ тумаконъ и въ ту-жъ минуту прогналъ ее, крича вслѣдъ, что еще барыни пожалуются. Василиса съ самою добродушною улыбкою вышла за ворота. Дмитрій Андреевичъ теперь только вспомнилъ, что до срока еще долго и что его денежки пропали, и принялся самое Авдотью Никифоровну награждать тѣми же эпитетами, которыми угощалъ ея крѣпостную; но дѣлать было больше нечего.

Прошло четыре года, а въ быту Подошвинныхъ ничего не измѣнилось. Всѣ дни ихъ похожи были на дни нами описанные. Дмитрій Андреевичъ все также кричалъ, Ѳедосья Дмитревна все также мечтала о женихахъ; Марья Борисовна все также ссорилась, то съ мужемъ то съ дочерью, все также плакала и жаловалась на свою участь. Только кухарки мѣнялись почти каждый мѣсяцъ. Такъ однажды, одна сосѣдка спросила Пелагею:

— Отъ Подошвиныхъ ужъ и Степанида сошла? А какая славная баба! Что она, жила ли у нихъ мѣсяць-то!...

— Развѣ только чортъ у нихъ уживется! Я имъ кухарокъ-то представляла ужъ и счету нѣтъ... да такъ рукою и махнула, — все ншь у нихъ не хороши!... отвѣчала Пелагея: — Степанида жила у нихъ двѣ недѣли съ половиной...

VI.

Конечно, въ четыре года Андрюша много измѣнился, по пословицѣ: молодое растеть, а старое старѣтся; онъ выросъ и возмужалъ, пухъ покрылъ его верхнюю губу. Андрюша остригся подъ гребенку, надѣлъ коротенькій сюртучокъ, а чуйку смѣнило пальто. Онъ сдѣлался смѣлѣй и развязнѣй, разумѣется только въ отсутствіе отца; сошелся съ сыновьями торговцевъ своего ряда. И всѣ пожилые люди, восхваляющіе старую методу — женить молодыхъ людей въ восемнадцать лѣтъ, глядѣли уже на Андрюшу, какъ на богатаго и красиваго жениха; даже сама разсудительная тетушка его, Анна Борисовна, сидя за самоваромъ съ его родителями и смотря на своего хорошенькаго, какъ наливное яблочко, племянничка, разсуждала:

— Вотъ у васъ и Андрюша подросъ, пора женить; чѣмъ скорѣй, тѣмъ лучше; и со стороны-то любо на молоденькую парочку посмотреть! И что это за свѣтъ нынче сталъ! Молодые мужичны ни за что не хотятъ жениться, ждуть куда волосы посѣдѣютъ и повылѣзутъ, да зубы въ добавокъ повыпадаютъ, десятки незаконныхъ дѣтей наплодятъ — тутъ ужъ и заговорятъ о женитьбѣ, когда истаскаются, прости Господи, какъ негодное тряпье. Да еще норовятъ взять молоденькую да хорошенькую. Ну, и начнутъ ластиться, да въ глаза ей заглядывать; а она-то, бѣдняжка, и глядитъ себѣ въ морону, — ей и не хочется со старикомъ-то нянчиться. Молодо-зелено, а у мужа ревность явится, — вотъ и худо пойдетъ! больно худо!... Надобно, надобно Андрюшу женить; молодчикъ хоть куда! Хорошую невѣсту съищемъ!...

— Что Богу угодно, то и будетъ; будь Его святая воля! отвѣчала мать.

Федосья Дмитревна не преминула сдѣлать гримасу, по обыкновенію выставивъ нижнюю губу впередъ, и презрительно взглянула на брата, который, сидя у окна, выводилъ заглавныя буквы своего имени на стеклѣ, заотѣвшемъ отъ самоварнаго пара.

— Конечно воля Божія, безъ воли Божіей ничего и быть не можетъ!... подтвердила тетка.

— Рано, еще ума не накопилъ; подождать надобно, возразилъ отецъ.

— Рано? какое рано; ты, Дмитрій Андреичъ, въ Андриюшины-то годы ужъ давно женатъ былъ... али забылъ?... замѣтила Анна Борисовна весело.

— Я... я... совсѣмъ другое дѣло.

— Почему — ты, другое дѣло? потому что привыкли мы много думать о себѣ и воображать, глядя на дѣтей, что въ ихніе года мы больно умны были; а какъ раздумаешь, да хорошенько все припомнишь, такъ ой-ой! какъ глупешеньки были... едва ли не глупѣе и дѣтокъ-то своихъ... промолвила Макова.

Дмитрій Андреевичъ нахмурилъ брови и что-то промышчалъ; Андриуша улыбнулся; Федосья Дмитревна приняла важную осанку; мать вздохнула.

— Вотъ какъ, хоть бы и про старыхъ незамужнихъ дѣвухекъ говорятъ у насъ, что дескать они и злы и сварливы, и наушницы, и мало ли что, и за частую по-напрасну. Ну, разсудите сами, виноваты ли онѣ бѣдныя, что жениховъ нѣтъ! и поневолѣ придется въ дѣвкахъ сидѣть. Одинъ ищетъ приданого, другой красоты, третій, хоть самъ въ пятьдесятъ лѣтъ, а невѣсту хочетъ взять въ шестнадцать. И дѣвица нечто еще покуда молода, такъ въ головѣ себѣ вѣтерокъ ходитъ, о нарядахъ да о бездѣлкахъ думаетъ, а какъ стукнетъ двадцать пять, да взойдетъ въ настоящій-то разсудокъ — и видитъ, что старымъ дѣвицамъ никакого почету нѣтъ, не хочется и ей остаться; бѣдная и схватится за перваго, кто попадется, и часто что ни есть за худшаго!...

При этихъ словахъ Федосья Дмитревна вертѣлась на стулѣ, какъ на иглахъ; братъ смотрѣлъ на нее съ улыбкой, а мать съ грустью.

— Что вы о чужихъ-то женихахъ да невѣстахъ хлопочите? перебилъ свояченицу Дмитрій Андреевичъ: — почему не женится вашъ Василій Николаичъ?

— Моему Василью Николаичу, Дмитрій Андреичъ, еще рано жениться; живетъ онъ на чужой сторонѣ, въ людяхъ, жалованье не велико получаетъ; жена не коза, сѣномъ не накормишь. Рано еще ему такую обузу надѣвать на шею; не успѣлъ жениться, а тамъ, смотришь, и дѣти пошли, — другая забота!...

— За то вамъ весело будетъ, внучать нянчить будете!

— Я отъ этого, пожалуй, и не прочь, — да это дѣло еще далеко; а вотъ вамъ Андриюшу своего такъ надобно женить, безпремѣнно надобно.... Капиталъ у васъ свой, слава Богу, Богъ васъ благословилъ....

— Богъ дастъ суженую, такъ женимъ, проговорилъ сухо Дмитрій Андреевичъ и потомъ прибавилъ: — да что сынъ-то вашъ — присылаетъ-ли вамъ что-нибудь изъ Москвы? Ась?

— Присылаетъ, нечего на него жаловаться, да и много-то отъ него, Дмитрій Андреичъ, спрашивать намъ нельзя, человекъ молодой, одѣться нужно самому; въ Москвѣ не въ Привольскѣ, — здѣсь хозяинъ-то скося на приказчика смотреть, какъ тотъ сюртучокъ сошьетъ, а тамъ, батюшка, спрашивается, чтобъ приказчикъ ходилъ чисто; оборванца-то, пожалуй, и держать не стануть.... Вѣдь Вася торгуетъ въ магазинѣ.... произнесла съ худо скрытымъ самодовольствомъ Анна Борисовна.

— Такъ-съ, такъ-съ! процѣдилъ зять сквозь зубы.

— Рѣшились же вы, сестрица, Васю на чужую сторону отпустить; одинъ сынъ только и есть.... вмѣшалась Марья Борисовна: — неужели вы по немъ и не скучаете?

— Какъ не скучать, Машинька, и очень жаль, да что прикажешь дѣлать — нужда заставила, да и хозяина нахвалили, вишь, больно хорошъ, говорятъ. Поручила Васю Богу, да и снарядила въ дорогу; подумала: и здѣсь останется, еще скоро ли мѣсто найдется, баклуши бить будетъ....

— Такъ-то оно, такъ, да я просто-бы, кажется, опухла отъ слезъ.... нѣтъ, я со своимъ Андриюшей не разсталась-бы, кажется....

— Держи его у своего-то хвоста, такъ онъ не только свое нажать съумѣетъ, а что и отецъ-то нажилъ, прожить ; а Василій-то Николапчъ, вотъ, этакъ, годковъ черезъ десяткъ, махнетъ къ намъ въ Привольскъ съ тысячами, или можетъ, и съ милльончикомъ; женится на какой-нибудь московской богачкѣ да и будетъ въ экипажахъ разъѣзжать. А ты и сиди, да хлопай глазами-то.... замѣтилъ съ насмѣшкою Подошвинъ.

— Тогда ужъ я къ вамъ въ каретѣ приѣду, а не пѣшкомъ, какъ теперъ!... примолвила притворно смѣясь Анна Борисовна: — тогда зять-то мнѣ еще издали шапку скинетъ. Это ужъ такъ водится, къ каретѣ невольное уваженіе чувствуютъ всѣ вообще; да и я съ высока стану глядѣть.... Пожалуй, на старости и шляпку надѣну! ха, ха, ха!... п Макова хохотала уже непритворно.

Въ одну изъ пятницъ великаго поста, Анна Борисовна пришла къ Подошвинымъ; Дмитрій Андреевичъ собирался къ исповѣди (онъ имѣлъ благочестивое обыкновеніе говѣть каждый годъ).

Въ столовой кромѣ хозяйна никого не было....

— Я къ тебѣ, Дмитрій Андреичъ, съ просьбой!... сказала Макова послѣ обыкновеннаго здравствованія.

— Что такое?

— Ты, батюшка, я думаю, знаешь романовскаго Егора Иванова, что у насъ въ улицѣ, въ мелочной лавочкѣ торгуешь?

— Знавалъ, отвѣчалъ Подошвинъ.

— Вотъ видишь, онъ лавочку-то сдаетъ. Четыре года тому назадъ мы эту лавочку имѣли въ виду — она тогда тоже сдавалась, да не пришлось намъ снять ее, потому-что Васѣ мѣсто вышло въ Москвѣ, его провожали, да день за день откладывала я навѣдаться, а ее и снялъ романовскій-то Егоръ; теперь же ему вышло мѣсто управляющаго въ какое-то графское имѣніе, и онъ за отъѣздомъ снова ее сдаетъ. Мы со старикомъ и надумали снять; чтожь дѣлать-то? работать-то я въ пальцахъ ужъ вовсе не могу, не вижу, а въ лавкѣ сижу да сижу. Не ужъ-то на хлѣбъ не перепа-

дети? да и у Николая-то Петровича все дѣло будетъ.... заключила Анна Борисовна.

— А выгодно-ли эту лавчонку держать? Почему вы знаете, можетъ отъ того онъ ее и сдаетъ, да и лжетъ, что будто мѣсто управляющаго досталъ? замѣтилъ Дмитрій Андреевичъ: — знаю я — эти вольноотпущенные все шельмы на-голо!

— Что правда то правда, Дмитрій Андреевичъ, пустяковъ и говорить нечего; я сама у него забираю, и вижу, какъ торговля идетъ, торгуютъ тутъ хорошо; это меня и льститъ. Ну, такъ вотъ я къ тебѣ и пришла просить, одолжи, батюшка, пятьсотъ рубльковъ.... а!... сказала Макова, чуть не до земли кланяясь.

— Пят-со-ть?... пропнешь съ разстанѣвкою Подошвинъ: — пятьсотъ серебромъ, что-ли?...

— Нѣтъ, пятьсотъ ассигнаціями! сколько серебромъ-то.... я все мѣшаюсь?...

— Вы не мало просите, Анна Борисовна.... стоить-ли еще этихъ денегъ лавчонка? да признаться, у меня и денегъ теперь столько нѣтъ....

— Можно ли повѣрить, чтобы у тебя такой суммы не нашлось, Дмитрій Андреевичъ!...

— Ей Богу, нѣтъ; все въ товарѣ!...

— Можетъ, ты думаешь, что твои деньги пропадутъ.... такъ вотъ, я тебѣ закладъ принесла.... И Анна Борисовна раскрыла свой футлярчикъ съ брилліантовыми серьгами. — За нихъ хоть сейчасъ семьсотъ дадутъ.... Кому не нужно, и тотъ дастъ!

Дмитрій Андреевичъ взглянулъ искоса на серьги.

— Послушай же. Коли тебѣ обидно ссудить меня безъ процента, такъ положь процентъ, а я за этимъ не погонюсь, за то буду покойнѣй, потому-что моя вещь будетъ не въ чужихъ рукахъ.... продолжала Макова.

— Что за проценты со своихъ! что за заклады, Анна Борисовна! Но дѣло въ томъ — я сказалъ вамъ, что пятьсотъ я не могу вамъ дать!...

— Ну, хоть четыреста, батюшка Дмитрій Андреевичъ!

ну, хоть четыреста? Сдѣлай милость, одолжи!... и она опять низко поклонилась.

— И четырехъ-сотъ нѣтъ; если бы были, я бы и безъ поклоновъ вашихъ ссудилъ васъ.... однако, прощайте, я тороплюсь къ исповѣди, давно вечерни благовѣстятъ.... сказалъ Подошвинъ, взявшись за картузь.

— Дмитрій Андренчъ! одолжи хоть триста пятьдесятъ! остальные Егоръ подождетъ, а? Вѣдь вещь вдвое дороже стоитъ.... проговорила Макова, кладя футляръ на столъ.

— Не могу, даже двухъ-сотъ дать не могу; а вотъ, черезъ недѣлю будутъ полученія....

— Хорошо! попрошу Егора Иванова, авось недѣлку подождетъ; а кто знаетъ — можетъ и ждать не станетъ, или можетъ и другой кто найдется окромѣ насъ; притомъ же Егоръ торопится ѣхать....

Дмитрій Андреевичъ только пожалъ плечами и развелъ руками, а потомъ ей сказалъ:

— Простите, Христа-ради, Анна Борисовна! можетъ, въ чемъ и досадилъ....

— Богъ проститъ! Да мы съ тобой, кажись, не ссорились? Ну, черезъ недѣлю я побываю, буду надѣяться на тебя.... Да, пора тебѣ, пора, иди, ужъ давно благовѣстятъ.... сказала Макова, кладя опять футляръ въ карманъ.

— Черезъ недѣлю.... черезъ недѣлю — видно будетъ.... прощайте!... говорилъ хозяинъ, крестясь и выходя въ дверь.

Такъ какъ ни сестры, ни племянницы дома не было, то Анна Борисовна не разсудила ихъ дожидаться и отправилась домой.

— Неужели ты думаешь, онъ черезъ недѣлю и ссудитъ тебя? сказалъ Маковъ, выслушавъ рассказъ жены, — не дастъ; не лучше ли намъ заложить серьги Гусеву?

— Николай Петровичъ! возразила жена: — къ чему-жь Подошвину-то меня обманывать? коли отказать, такъ онъ сразу бы отказалъ.... этотъ человѣкъ церемониться не любитъ.... Ну, а Гусевъ, тебѣ извѣстно, беретъ проценты-то жидовскіе....

— Какъ хочешь мой другъ; вещь твоя и я воли съ тебя

не снимаю; жди, пожалуй, Подошвина, только смотри, не раскайся! заключилъ Николай Петровичъ.

Лавочника Анна Борисовна уговорила подождать недѣлю.

И ровно чрезъ недѣлю она опять пошла къ зятю.

Дмитрій Андреевичъ стоялъ на крыльцѣ, собираясь ѣхать въ лавку.

— А! вы опять, Анна Борисовна, на счетъ того-то, денежекъ-то! только не могу, ей Богу, не могу.... воскликнулъ онъ, завидя свояченицу.

— Какъ! а вѣдь я надѣялась на тебя Дмитрій Андреевичъ, и серьги опять принесла.... сказала отчаяннымъ голосомъ Макова.

— Что мнѣ ваши серьги, я и безъ ихъ одолжилъ бы, еслибъ могъ; но не могу, чрезъ недѣлю деньги будутъ, непременно будутъ.... тогда....

— Ждать еще недѣлю Егоръ Ивановъ не согласится.

— Чтоже дѣлать, а раньше дать не могу!.... И Подошвинъ развелъ руками.

— Такъ перехвати у когонибудь, батюшка Дмитрій Андреевичъ, тебѣ всякъ повѣрить.... а серьги возьми къ себѣ.... Чуть не со слезами сказала Макова, низко кланяясь.

— Я, Анна Борисовна, одолжаться людямъ не люблю, особенно для людей, привычки такой не имѣю; а что я сказала, то правда, черезъ недѣлю у меня деньги будутъ. — И Подошвинъ, раскланявшись, уѣхалъ.

Анна Борисовна осталась на крыльцѣ и готова была заплакать; потомъ она вошла къ сестрѣ и, глотая слезы, рассказала ей свой разговоръ съ мужемъ.

— Если-бы у меня были деньги сестрица, вѣришь ли, я бы послѣднюю полушку вамъ отдала, да нѣтъ, — сказала Марья Борисовна, усаживая сестру: — конечно, если бы вамъ требовалось не множокъ, рубликовъ семьдесятъ, али сто, такъ я сказала бы Андрюшѣ, и онъ взялъ бы у отца, что дѣлать-то, не худое какое дѣло, роднымъ помочь не грѣхъ... прости Богъ. Ужъ не всякая копейка ушита; а то вамъ много требуется, нельзя.... замѣтно будетъ!....

— Что-о? что ты Маша сказала? спросила Макова,

проницательно поднявъ на сестру свои черныя глаза: — взять у отца? ужъ не тихонько ли брать ты учишь сына? сохрани Богъ — не совѣтую! не совѣтую тебѣ такой грѣхъ дѣлать! побереги парня, не учи худому....

— Сестрица, да какъ.... да какъ-бы вы на моемъ мѣстѣ сдѣлали? вы знаете моего муженька, добромъ отъ него ничего не возьмешь, ничего не выпросишь, а вы знаете домашнѣе дѣло, — и горшки и плошки бьются, но неволѣ велишь Андриушѣ цѣлковой - другой принести. Проговорила робко Марья Борисовна, не глядя на сестру.

— Худо, худо Машинька! грѣхъ, большой грѣхъ! вѣдь, знаешь, взять что нибудь тайкомъ — все равно что украсть. и у кого? у отца; а тамъ молодчикъ привыкнетъ, онъ не только на твои домашнія надобности будетъ таскать, а и на свои разныя шалости; а тамъ отецъ - то можетъ быть и не подумаетъ, что сыпъ взялъ, а приказчики, и изъ за этого можетъ погибнуть невѣрный. Одно зло за собой и другое ведетъ. Это всегда такъ бываетъ. Лучше ужъ перевернись какъ-нибудь со своей надобностью, али отъ старика хоть брань примъ да выпроси, а Андриушу деньги тихонько таскать не пріучай. Однако прости; тороплюсь къ Фомичовымъ.... заключила Анна Борисовна.

Марья Борисовна краснѣла, слушая правоученіе сестры, и повѣряла свою совѣсть за прошлое время, когда въ первый-разъ обратилась съ приказаніемъ къ сыну принести ей денегъ.

— За чѣмъ же къ Фомичовымъ? спросила она, ономнясь.

— Дочь помолвили! много работы отдають, такъ я хочу взять для себя что-нибудь по прощѣ; въ пяльцы Маша, совѣтъ не стала видѣть.... отвѣчала Макова.

— Дочь помолвили? за кого?

— За Понявина, младшую-то.

— Можетъ ли быть! за такого мужика? за лабазника! воспитанную-то въ пансіонѣ? танцовщицу-то? что-то не вѣрится! — воскликнула Марья Борисовна: — развѣ старшую, сестрица?

— То-то не старшую, а младшую; онъ къ старшей и сва-

тался да не пошла, такая-же ломиха какъ ваша Оеня; а младшая-то вѣрно посмышленнѣе, хоть дескать женихъ-то и въ долгополомъ сюртукѣ, да въ карманѣ сто тысячъ имѣеть. А такіе женихи, матушка, у насъ въ Привольскѣ подь заборомъ не стоятъ. — Ну, вотъ и выходитъ; а сестрица-то и посиди у моря, да подожди погоды!

— Вотъ тебѣ на! сказала Марья Борисовна, всплеснувъ руками: — а вѣдь прошлой годъ Понявинъ-то къ Оедосѣ сватался, и слушать не хотѣла....

— Ну, не слушай. Она, я знаю, все пустяки въ голову забрала, за чиновника хочеть, а купцовъ-то и въ подметки себѣ не ставитъ. А Понявинъ-то вонъ еще какую краличку беретъ! однако, прости Машинька, пора; черезъ недѣлю приду опять, попрошу Егора, чтобъ онъ еще недѣлку подождать, хоть и не уноваю что согласится: ѣхать къ мѣсту торопится.... И Анна Борисовна, простясь съ сестрою, вышла.

Все еще не теряя надежды, Макова упросила лавочника, чтобъ онъ еще недѣлю подождать. Лавочникъ отвѣчалъ, что онъ готовъ бы съ радостію спустить двадцать пять рублей, только бы не задерживали его, что для нее, такъ и быть, подождетъ до пятницы, только съ условіемъ, что въ пятницу въ двѣнадцать часовъ дня ему объявили бы рѣшительно, а то онъ покончить съ Рѣдькинымъ, съ которымъ теперь разходится въ пятидесяти рубляхъ.

Недѣля прошла; ожидаемая пятница наступила и Макова опять явилась къ Подошвину.

— Ну, что Анна Борисовна, вы опять беспокоитесь.... сказалъ Дмитрій Андреевичъ, стараясь поспѣшно запереть въ извѣстный кованный сундукъ пачки билетовъ, которыя онъ считалъ.

— Какъ-же батюшка, всякой о' своемъ дѣлѣ беспокоится; что у кого болитъ, тотъ о томъ и говорить.... отвѣчала Анна Борисовна, послѣ обыкновеннаго здравствования: вѣдь тогда я Егора-то упросила, еще до сегодня подождать!....

— Напрасно. Лавочку я видѣлъ, ничего хорошаго она вамъ не принесетъ, черезъ полгода, просидитесь, и все тутъ,

ей-ей такъ; замѣтилъ Подошвинъ: — только въ-остатки раззоритесь!

— Что ты толкуешь, Дмитрій Андренчъ! ужъ у насъ батюшка все высчитано.... произнесла настойчиво Анна Борисовна.

— Высчитано? полно, гдѣ вамъ высчитать-то? Николай Петровичъ что-ли высчиталъ? мастеръ онъ считать, нечего сказать, и на арифметикѣ, не только на счетахъ, только имѣние-то все просчиталъ, а не въ карманъ присчиталъ: вотъ что! замѣтилъ насмѣшливо хозяинъ.

— Послушай, затушка! я пришла къ тебѣ не затѣмъ, чтобъ слушать отъ тебя упреки моему мужу, привела меня къ тебѣ съ просьбой моя бѣдность. Ты общалъ меня ссудить въ займы, вотъ я и пришла; коли дашь сколько я у тебя просила — спасибо, не дашь — Богъ съ тобой.... сказала спокойно свояченица.

— Сердитесь, не сердитесь, Анна Борисовна, а я денегъ на-вѣтеръ не бросаю; ваша лавочка пустякъ, вотъ и все! также спокойно отвѣчалъ зять: А то что вы серьги свои принесли, я пожалуй ихъ у васъ куплю Фодосьѣ.... сто цѣлковыхъ дамъ....

Анна Борисовна молча надѣвала салопъ.

— Слышите, что я вамъ говорю: продайте серьги за сто цѣлковыхъ?.... повторилъ зять.

— А я вамъ говорю, Дмитрій Андренчъ, что вы самый безсовѣстный человекъ.... отвѣчала Макова хладнокровно.

— Чтоже вы разсердились? я вамъ ничего не сдѣлалъ. Знаете пословицу: на чужой каровой ротъ не разѣвай!....

— А ранъе вставай да свой затѣвай!... договорила Анна Борисовна: — истинная правда!

— Куда-жъ торопитесь? отобѣдайте съ нами.... молвилъ хозяинъ, указывая на накрытый столъ. Но Макова только перекрестилась на иконы и молча вышла.

Марья Борисовна, бывшая въ залѣ и слышавшая весь разговоръ мужа съ сестрою, вышла въ корридоръ проводить гостью. Обѣ сестры заплакали, поцѣловались и молча разстались. Это было на вербной недѣлѣ.

Анна Борисовна рѣшилась заложить серьги Гусеву, но

прежде хотѣла увидѣться съ лавочникомъ, и потому зашла въ лавочку. На вопросъ ея: — гдѣ Егоръ Ивановичъ? мальчикъ отвѣчалъ, что ушелъ въ трактиръ.

— Чтожь онъ меня не подождалъ?

— Онъ ждалъ васъ до половины перваго-съ, да не дождавшись, и порѣшился съ Рѣдькинымъ-съ. Пятдесятъ рублей спустилъ.... Завтрашній день Егоръ Ивановичъ ѣдетъ отсюда-съ, теперь съ Рѣдькинымъ-то и пошли пить литки-съ! отвѣчалъ мальчикъ.

Анна Борисовна взглянула на стѣнные часы, бывшіе въ лавочкѣ: стрѣлка показывала часъ.

Когда возвратилась Макова домой, мужъ ея ясно увидѣлъ по лицу жены, что намѣренія ея не удалсь; а потому и избавилъ ее отъ непріятныхъ распросовъ.

Вечеромъ того-же дня, Анна Борисовна уже весело шутила съ мужемъ.

— Какъ хорошо, подумаешь, судьба-то распорядилась, что отвела отъ насъ эту лавочку! говорила она: — девять часовъ я поработала да и на боковую подумываю, а въ лавочкѣ еще часу до одиннадцатаго просидѣть бы надобно.... а и завтра за заутреней стояла бы я, грѣшная, въ церквѣ, а на умѣ-то все бы торговлишка была: пора молъ лавочку отпирать, покупатели ждуть. А теперь и заботы той нѣтъ! притомъ же сережки при мнѣ остались. А посмотри-ка на портретъ-то, вѣдь я въ нихъ нарисована! и какъ онѣ славно написаны, только что блеску нѣтъ! и она показала на свой портретъ писанный съ нея во-время молодости, маслянными красками.

— Хорошо, мой другъ, еслибы ты говорила то, что думала, но я очень хорошо знаю, что ты вовсе не то думаешь, что говоришь, и признайся — въ душѣ сердилась на Подошвина за отказъ? замѣтилъ мужъ.

— Сержусь-то я сержусь, нечего грѣха таить, сказала Анна Борисовна: — только не за себя, а за бѣднаго Егора; по милости Дмитрія Андреича, я его обманывала, понапрасну обнадеживала, задерживала, да можетъ по моей милости онъ и пятьдесятъ-то рублей потерялъ; ну, хорошо ли это, Николай Петровичъ? скажи-ка?

— Отъ Дмитрія Андренча лучшаго и ожидать было нельзя, я это давно предвидѣлъ, сказалъ Маковъ.

— Да, еще и насмѣялся надо мною.... сказала жена.

— Это натурально: у него сто тысячъ, а у насъ нѣтъ и ста рублей, да зачастую и ста копеекъ не бываетъ, добавилъ мужъ.

Анна Борисовна ничего не сказала, но вставши, съ тапкомъ громомъ отодвинула стулъ, что и мужъ и старый котъ, сидѣвшій на лежанкѣ, вздрогнули, — и пошла убирать свою работу.

Наступила Пасха. Сестры, ни та ни другая, не шли другъ къ другу; на третій день сошлись опѣ въ церкви, похристосовались, и чуть не заплакали, но скрѣпились и, приглашая къ себѣ другъ-друга, разстались. Анна Борисовна шла домой и, весело разговаривая, шутила съ знакомыми. Напротивъ Марья Борисовна, ѣхавши домой, сморкалась, безпрестанно утирая украдкою глаза.

— Полно тебѣ, что ты безпрестанно сморкаешься? говорилъ Дмитрій Андреевичъ, безцеремонно толкая подъ бокъ свою супругу.

— Ничего.... такъ, насморкъ напалъ.... отвѣчала она.

— Вотъ какая у насъ новъче Пасха скучная.... сказала дома за чаемъ Марья Борисовна: — и сестрица голубушка нейдетъ къ намъ; завтра сама къ ней соберусь!

— Погляжу я, какъ ты къ нимъ соберешься? замѣтилъ сухо мужъ.

— Очень просто.... Соберусь да и пойду! отвѣчала раздраженная жена.

— Я и говорю: погляжу я, какъ ты пойдешь?

— Да отъ чего-бы мнѣ и не ходить къ родной старшей сестрѣ? чтожъ ты, батюшка, на привязи, что ли, хочешь меня удержать?

— Не на привязи. А когда сказалъ: не смѣй ходить, такъ и думать о томъ не смѣй.... заключилъ важно Подошвинъ.

— А я пойду. Вотъ и все!

— Ну, поди, — за чѣмъ дѣло стало...

— Пойду, да и все... И что это такое, Господи Боже

мой: пришла Пасха святая, люди въ гости ходять, къ себѣ гостей зовуть, а мы живемъ — ни мы въ люди, ни къ намъ люди; а только почти и родни-то, что сестрица!.. сказала Марья Борисовна, чуть не плача.

— Такъ чтожъ они-то къ намъ нейдуть? Ишь снѣсны, богаты стали! Хоть ѣсть нечего, а до носу Николая Петровича шестомъ не достанешь. Такъ пошли за ними нарочнаго: они можетъ особаго зватаго ждуть, сказалъ Дмитрій Андреевичъ язвительно.

— Не изъ снѣси они нейдуть къ намъ, а твой отказъ въ деньгахъ обидѣнъ имъ показался...

— Ты ничего не понимаешь, дура пустоволосая!.. воскликнулъ мужъ въ азартѣ: — Что — я опекунъ, что ли, пхнѣй? Ась?.. Я думаю, копейку-ту я самъ наживалъ, такъ знаю какъ она легко достается; потому ее на-вѣтеръ и не бросаю... А вотъ какъ Макову отъ отца имѣньице досталось, такъ онъ, добрая душа, по бѣлу свѣту его и распустилъ... Многіе отъ него побирались, да при деньгахъ и остались, а теперъ, на своего благодѣтеля и плевать не хотятъ!..

— Пустяки говоришь! Ужъ будто и нѣтъ такихъ людей, чтобы Николая Петровича, при всей его бѣдности, уважили и жалѣли. И помощь готовы, повѣрить безъ векселя и безъ поруки, да самъ не хочеть... замѣтила Марья Борисовна.

— Чтожъ онъ жену-то послалъ денегъ просить не къ благодѣтелямъ своимъ, а ко мнѣ грѣшному? Да еще и не самъ, свинья, пришелъ, а жену прислалъ. Ась?

— Сестрица пришла къ тебѣ по свойски, по родству; притомъ же серьги свои она бережетъ пуще глаза, и не хотѣла ихъ въ чужія руки заложить... а ты, зятюшка-батюшка, по свойски съ ней и поступилъ, нечего сказать, — водилъ, водилъ, да и отказалъ... По моему, чѣмъ водить, такъ лучше бы и отказывалъ сразу...

— Если бы ты была поумнѣе, такъ ты поняла бы, что при оборотѣ пятисотъ рублей въ годъ наживу пятьдесятъ, а Богъ благословитъ, и сто; съ нихъ же взять проценты я не могъ, да и коренныхъ-то бы не *стякалъ*... Что съ нихъ

возьмешь? шишь! Нынчѣ матушка не тотъ плачетъ кто въ займы беретъ, а тотъ кто даетъ!

— Сестрица согласна была процентъ дать, — чтожъ ты не взялъ?..

— Процентъ? да она на всѣхъ бы перекресткахъ послѣ прокричала, что вотъ, дескать, зять богатый человекъ съ насъ, бѣдныхъ людей, проценты беретъ, а можно бы дескать и такъ помочь. А процентъ-то! развѣ я изъ шести или семи копеекъ, стану руки что ли марать?.. плевокъ! лучше не связываться... Вотъ если бы она въ лавчонку мучнаго то-вару попросила въ долгъ отпустить, ну это еще можно, есть *лежалый*, у нихъ бы сошелъ по мелочи, и уступку бы можно было сдѣлать!

— Что жъ ты серегъ-то не взялъ, коли боялся что деньги пропадутъ? Серьги-то хоть бы и остались, Ѳедосьѣ бы пригодились, да и продать ихъ, всегда деньги возьмешь... перебила жена.

— Чортъ съ ними, и съ серьгами съ ихними! остались бы онѣ, такъ Анна Борисовна всенародно бы завопила, что я ее ограбилъ... я, ишь, обязанъ помогать пхней бѣдности; словно я виноватъ, что они все промотали...

— Такъ зачѣмъ же ты ее двѣ-то недѣли мучилъ? Сразу бы и отказалъ.

— Зачѣмъ?.. Развѣ я зналъ, что найдется такой дуракъ, что станетъ твоей сестрицы слушать, вѣрить ей и ждать?.. а коли такой дуракъ нашелся, такъ и подѣломъ ему. Да, правда, не стоитъ о томъ и раздобарывать, накрывайте ужикпнать; завтра надобно къ заутренѣ вставать... заключилъ Подошвинъ.

— Больно что-то, Дмитрій Андренчъ, ты мелко объ Маковыхъ-то думаешь, смотри батюшка, надъ собою не покрыто, — въ одномъ покоѣ вѣкъ не проживешь! сказала Марья Борисовна сквозь слезы и встала.

— Э... мнѣ не долго жпть! я-то не промотаю того что нажилъ, а вотъ сынь можетъ и промотаетъ, потому что онъ не въ меня, въ немъ ничего нѣтъ путнаго... замѣтилъ отецъ.

Сидѣвшій въ углу Андрюша, зло улыбнулся...

Въ одно прекрасное юньское утро, Анна Борисовна, проходя мимо лавки Подошвиныхъ, и, не видя ни отца, ни сына, обратилась съ вопросомъ къ Антону:

— Гдѣ-жъ хозяева-то? Что ихъ никого не видно?

— Судно пришло-съ, Дмитрій Андренчъ на суднѣ-съ, а Андрей Дмитричъ захворалъ-съ и уѣхали домой-съ! отвѣчалъ Антонъ, снявъ фуражку и не мигаючи смотря въ глаза Аннѣ Борисовнѣ.

— Чѣмъ же захворалъ Андрюша?

— Такъ-съ, все-съ голова что-ли-то болитъ-съ!

— И больно?

— Порядочно-съ!

Добродушная тетка, забывъ всѣ неприятности отца, побѣжала со всѣхъ ногъ навѣстить сына.

Въ это время въ кухнѣ Подошвиныхъ происходила слѣдующая сцена. Здоровая кухарка, дѣвка лѣтъ сорока, съ пухлыми щеками, съ раздвоившимся подбородкомъ, съ заплывшими отъ жиру маленькими глазками, въ синемъ набойчатомъ сарафанѣ съ красною нашивкою по подолу, въ холстинковомъ розовомъ платочкѣ на головѣ, изъ подъ котораго на спину выбѣгала длинная черная коса, стояла сложа руки у печки, и боязливо поглядывала на двери и нетерпѣливо на заслонку печи, изъ-за которой пробивался пріятный запахъ сдобнаго тѣста. Бѣловатый тонкій паръ носился подъ потолкомъ кухни; мѣдная кухонная посуда, прибранная, сіяла на полкахъ; столъ и лавки были чисто вымыты. Единственное окно кухни было открыто, и подъ нимъ, на дворѣ, весело кудахтали куры, зарываясь въ песокъ. И вотъ кухарка, въ послѣдній разъ взглянувъ боязливо на дверь, и чутко прислушиваясь, быстро открыла печь, въ которой пеклись нѣскольکو ватрушекъ, и вытащила изъ-за горшка сдобную подрумянившуюся булку, и, спрятавъ ее на полку подъ опрокинутую кострюлю, какъ ни въ чѣмъ не бывало, не глядя уже болѣе на дверь, открыла ящикъ въ столѣ, взяла оттуда горсть хлѣбныхъ крошекъ, высунулась въ окно и принялась звонкимъ голосомъ кликать куръ:

— Ти, ти, ти, ти, ти, ти! дуры, дуры! поклюйте крошекъ...

Куры сбѣжались на знакомый зовъ, изъ всѣхъ закоулковъ пространнаго двора, крошки полетѣли въ ихъ толпу, и онѣ, выпереживая другъ друга, бросились на добычу.

Вдругъ страшный, оглушительный свистъ раздался надъ самымъ ухомъ кухарки; она взвизгнула, скорчила шею, прикрывъ ухо одною рукою, и оборотивъ голову сказала:

— Оглушилъ дьяволъ! Вотъ такъ и не слышу, совсѣмъ не слышу! бѣгая по избѣ и покачивая головою, говорила она.

— Ну, ничего, пройдетъ, отвѣчалъ знакомый намъ Семень, который изъ мальчика превратился въ парня лѣтъ двадцати слишкомъ.

— Сеня, дружокъ! вѣдь ты меня со всѣмъ исполохалъ, право исполохалъ, говорила дѣвка, ковыряя въ ухѣ ухверткой.

— Ужъ и исполохалъ? Этакая нѣженка. Однако, Малаша, нечего раздобарывать-то, собирай мнѣ скорѣй обѣдать... сказалъ Семень, садясь на лавку и принимаясь за лежащую на столѣ краюху хлѣба.

— Обѣдать? ишь какой горячій, чего я те дамъ? *шты* еще не упрѣли... замѣтила Маланья, переважно садясь на лавку.

— Ну, каши давай?

— Да еще не варена про тебя-ка...

— Такъ молочка, что ли, плесни, дура?

— Мало-ли-те молочка надо! ты одинъ за разъ цѣлую кринку уберешь, хорошъ теленокъ! продолжала Маланья, кокетливо глядя на Семена.

— Чтожъ Маланья! нѣшто я стѣнѣ говорю?

— А можетъ и стѣнѣ, почемъ я знаю; да что ты не легкая рано сегодня принесла? А тутъ тѣ придуть, про всякаго собирай особицу...

— Ты просто изъ дуръ дура, въ толкъ не можешь взять, что наше дѣло подневольное; когда пошлютъ, тогда и поди, а не то такъ и весь день въ лавкѣ сиди! Вотъ сегодня привезъ хозяина, ну и думаю: дай пообѣдаю, покуда лошадь отдохнетъ.

— Хозяина привезъ? чтожъ ты дурень не баешь? вос-

кликнула въ испугѣ Маланья, и бросилась выбирать ватрушки изъ печки: — А у меня ничто не готово, на столъ не накрыто...

— Полно, не суетись, покорми прежде меня!

— Ладно! хорошъ гусь, да еще и *не баетъ*, что хозяинъ пріѣхалъ!..

— Ты думаешь, я Дмитрія Андреича привезъ? нѣтъ, тотъ на суднѣ; я съ Андреемъ Дмитричемъ пріѣхалъ... сказалъ Семень, лукаво улыбаясь: — Такъ, вотъ и тороплюсь, лошадей изъ дрожекъ...

— Охъ, пострѣлъ проклятый, какъ наполохалъ меня опять! перебила Маланья, не слушая его: — Ну, да все равно, и Андрей Дмитричъ кушать поторопится, коли судно пришло...

— О, ужъ на счетъ-то Андрей Дмитрича, отложи попеченія, меня-то прежде удовольствуй!..

— Ладно! тебѣ скоро надо? Бѣги на всѣ четыре стороны, не обѣдавши-то еще легче...

— Малаша, не сердись дура, право Андрею Дмитричу твои хлопоты не въ потребу, онъ захворалъ сердечный: на силу-то я его на рукахъ довезъ, да такъ какъ снопъ, на постелю и сложилъ, хи, хи, хи, хи!

Шутишь Сеня? спросила Маланья, въ недоумѣніи глядя на него.

— Какія къ праху шутки, право слово!

— Чай, Марья-то Борисовна переполошилась?

— Какъ, чай, не переполошиться, хи, хи, хи, хи, шибко ахнула...

— Чему же тебѣ-ка, зубоскаль, смѣшно-та? а? Всѣ подъ Богомъ ходимъ; долго ли до грѣха! Идти было туда, побывать, сказала кухарка.

— Что ты, въ самомъ дѣлѣ, дашь ли мнѣ обѣдать-то сегодня? что какъ угорѣлая бросаешься?

— Да отвяжись ты отъ меня! вскричала Маланья, ставя на столъ горшокъ молока и спѣша къ двери.

— Ай, вотъ за это Малаша спасибо! сказалъ Семень, принимаясь за молоко: — Только ужъ ты въ хозяйскіе-то покои не торопись, тамъ и безъ тебя дѣло сдѣлается, хи, хи, хи, хи!

— Чтожь тебѣ смѣшно-то, дурачина?

— Не ужь-то ты, Маланья, въ заправду не смекаешь? спросилъ Семень, пристально смотря кухаркѣ въ лицо.

— А что мнѣ смекать-то?

— Сколько ты годовъ въ городѣ живешь?

— А что? Девять минуло.

— А у этихъ-то хозяевъ?

— Да съ Рождества еще; чай ужь полгода есть? Али еще нѣтъ?

— Плетюха же ты дѣвка! меня тринадцати лѣтъ въ этотъ домъ привели, да я мѣсяцъ тутъ проживши все смекнулъ и понялъ, а ты...

— Развѣ ты, Сеня, здѣсь не въ первый разъ живешь? спросила съ любопытствомъ Маланья.

— Въ третій, душа моя; сперва я четыре года въ мальчикахъ жилъ, а потомъ какъ женился, по одно лѣто на судиѣ работалъ, куле выгружалъ; а теперь, какъ овдовѣлъ, такъ видишь, въ кучера поворотили...

— Вотъ какъ!

— Точно такъ, Маланья Мокѣвна, теперечька невѣсты въ вотчинѣ нѣтъ для меня; самому купить денегъ нѣтъ, дѣвки вздорожали. У барина тоже денегъ нѣтъ, въ пухъ сердца проигрался; деньги понадобились, свезъ меня, вдовца горемычнаго, да и закабалилъ Дмитрію Андреичу на два года, за двѣсти рублей ассигнаціями, продолжалъ Семень, стараясь вокругъ молока.

— Ахъ-ти! знать гольтепа господнѣ-то твоей?

— О, такая голь, что не приведи Госноди! а все за богатыми-то гоняться хочеть. Штукъ восемь дѣтей имѣеть, такъ для нихъ нѣмку учительницу изъ Москвы вывезъ, да учителя хранцуза. Ну, знаешь, все платить имъ надо. Нянька наемная, тожь нѣмчура, ключница изъ барынекъ живетъ. Вотъ ужь и не широкъ сталъ въ полахъ-ту такую обузу содержать, и живетъ все въ долгъ да въ поколоты. Вотчина-то доведена я те скажу до нельзя, одинъ топоръ на семи дворахъ, почти всѣ по міру ходять; да и заложена, и перезаложена, говорятъ выкупить-ту не чѣмъ; такъ вотъ и тащить послѣдніе животы изъ насъ грѣшныхъ...

— Экой супостать! экой супостать! — воскликнула слушавшая съ любопытствомъ Маланья, — а что, драчливъ!

— Ну, грѣхъ сказать, драчливъ-то не драчливъ, а такъ порядку знаешь нѣтъ, хозяйствомъ-то все лакейство заправляетъ; а самъ-то за что ни примется, накричитъ да на топаеть вдоволь, а путнаго-то распоряженья нѣтъ. А барыня-то, лѣто настанетъ, по полямъ да по лѣсамъ каждый день таскается, изъ города ахвицеры наѣдутъ, такъ она съ ними все по немѣцкому лепечеть, лепечеть, чортъ не разберетъ. А вотъ теперь чертомѣль почти даромъ, только верхнюю-то одежду и выговорилъ мнѣ отъ хозяина, закабаливши; а домъ почитай пустой стоитъ, отецъ и мать старикки, топеричка пора рабочая, вездѣ надо работа, и они одни одинешеньки; да еще барщину отправляютъ, охо, хо, хо! завивай горе веревочкой!... заключилъ Семень.

— Что дѣлать будешь, Сеня? я сама на господскомъ дворѣ въ скотницахъ была, коровъ по тридцати на рукахъ было, такъ знаешь какъ: съ молокомъ-то всѣ, да одиныхонькой всѣхъ придется выдоить, такъ батинька мой, рукъ-то и не чуешь; да еще бока вздуютъ, какъ корова захвораетъ, удою сбавятъ, аль что попритчится, во всемъ скотница виновата; а вины-то за собой ни сномъ ни духомъ не знаешь, — вѣдь на все воли Божья. Да, поди ты съ господами-то! вотъ и выкупилъ меня купецъ, старикъ пребогатѣющій, некса сердечной о своей душенькѣ, жила я у него два годочка невступно, деньги, знаешь, заживала, и умеръ онъ, мой отецъ, и постигъ все что за мной оставалось, купилъ себѣ пресвѣтлый рай! царство ему небесное!... проговорила кухарка крестьясь.

— Однако-жъ, Малаша, я съ тобой калякавши, молоко-то все выхлѣбалъ, нѣтъ ли еще чего? а пора, пора на берегъ; хозяинъ велѣлъ въ двѣнадцать часовъ приѣзжать... сказалъ Семень.

— Чего-жъ еще? болѣе ничего. А я, дура, и не побываю къ Марьѣ Борисовнѣ! — опять воскликнула вскочивъ Маланья.

— Полно! коли не зовутъ, такъ и не суйся, хи, хи,

хи!... И Семень прищурилъ одинъ глазъ лукаво глядя на Маланью.

— Дуракъ ты, Семень! ну что зубы-то скалишь? Андрей Дмитричъ захворалъ, а онъ хохочетъ.... батинька, всѣ подъ Богомъ ходимъ!

— Болѣсть-то наемная.... прошепталъ Семень:—этакая недогадливая!

— Что-о-о?

— Понимаешь ли? — продолжалъ онъ таинственно: — я, Андрюшу-то, привезъ мертвецки.... ну!...

— Ай! что ты! вскричала Маланья, всплеснувъ руками и привскочивъ на мѣстѣ.

— Не вѣришь?

— Да вѣдь ему, Марья Борисовна сказываетъ, только восемнадцать годочковъ?... врешь, врешь, Семень!... сказала она раздумывая.

— Хмъ!... не развѣвай широко ротъ-то, ворона влетитъ! восемнадцать годочковъ? эка диковина — восемнадцать годочковъ! — повторялъ Семень: — ахъ ты, Фофаниха! да развѣ первый разъ я его голубчика — такого привожу? гдѣ у ты глаза-то были?...

— Не ужь-ли!... Ну хоть тресни, не повѣрила бы, коли бы отъ чужова слышала.... ай, ай, Андрей Дмитричъ! а такой смиренный, что дѣвушка красная! — говорила въ изумленіи Маланья.

— Разговаривай! дѣвушка красная! Ноньче о Пасхѣ раза три такого красиваго привозилъ, что ай-ну; да о масляной, и его-то было потерялъ, знать самъ-то былъ крѣпко хмѣлень, а онъ въ саняхъ еле сидитъ. Я лошадь-то и нахлещи, скачу что естъ духу, приѣхалъ къ воротамъ, глядь, тѣфу пропасть! хозяйина и въ саняхъ нѣтъ.... испугался.... пнда хмѣль изъ головы вышибло.... Дѣлать нечего, погналъ назадъ, глядь, а Андрей Дмитричъ, какъ снопъ, лежитъ возлѣ дороги, носомъ въ снѣгъ уткнулся, и картузикъ долой слетѣлъ!... хи, хи, хи!...

— Ай, мой батюшка.... да у этакого-то отца?

— Да гдѣ отецъ-то? не все же съ нимъ съ глазу на глазъ.... Вотъ, напримѣръ, и тепере, — отецъ на суднѣ, а

сынку разюли, намъ и на руку, что домоваго выжили... Приказчики десять разъ сходятъ въ трактиръ чаю напиться, пирожниковъ у лавки пушкой не прошибешь....

— Ай да дѣла, парень! да что-жъ, чего Иванъ-то Тимофѣичъ глядитъ? кажись онъ кремень?...

— Иванъ Тимофѣичъ тоже на суднѣ, какъ дьяволъ старѣй, надъ выручкой тамъ сидитъ.... О! да какъ онъ въ лавкѣ, такъ при немъ мягкаго калача не смѣй взять, самъ выберетъ почерствѣй, чтобы знаешь въ горлѣ упирался, чтобы поскорѣй-то было.... а безъ нихъ, хи! молодцы въ трактирѣ уху ужъ расхлебываютъ, да еще какую?... приказническую... да арганъ слушаютъ, шарманки разныя!...

— Какая же это Сеня, уха-то приказническая.... изъ какой она рыбы? вѣрно хороша?

— Самъ я не ѣдалъ да и не видалъ, а мододцы болтаютъ, что хороша, стало быть не худа.... Такъ, ишь, мы рады, что стариковъ выживемъ, — а сынокъ и подавно, и пойдетъ пиръ горой. Вотъ и сегодня: забрались къ нашему-то, знаешь, товарищи свои рядскіе человѣка три, да и заблipsis на подволоку; тутъ меня сейчасъ на ноги съ запиской въ погребокъ, да бутылки за бутылками, кажись съ десятокъ я пивъ переносилъ. Ну, и Антонъ съ ними за одно, извѣстное дѣло, а у самого сердце-то не на мѣстѣ, ну, вдругъ *самъ-то* нагрянетъ, шутить не любить.... Вотъ какъ забурлили молодцы, заплели, знаешь: пьянымъ поколѣно море, онъ ихъ и развелъ поскорѣе; сосѣдей-то во-свояси отправилъ, а хозяина-то мнѣ препоручилъ, — я добра молодца на дрожки, да домой.... Вези поскорѣй (говорить) да всѣмъ говори, что Андрею Дмитричу не поздоровилось.... Наказываетъ мнѣ Антонъ, а я будто самъ-то безъ него и не смыслю дѣла. Вотъ и погналъ что есть духу, дрожки-то по мостовой трясутся, гляжу онъ качается изъ стороны въ сторону, того и смотри что упадетъ, да носъ расквасить, мнѣ-жъ съ нимъ бѣда. Вотъ я пересѣлъ въ задокъ, да и положилъ раба Божія къ себѣ на колѣни.... прохожіе глядятъ, а я гоню во весь духъ — ну и привезъ.... такъ-то, Маланья Мокѣевна!...

— Этакія дѣла! этакія дѣла! — повторяла Маланья.

— У насъ еще и не такія дѣла заводятся.... ну, да тамъ повидимъ. Еще что будетъ?

— Что же еще, Сеня? расскажи, дурачокъ? — сказала нухарка, вытянувъ шею впередъ и опершись руками объ столъ, приготовивсь слушать.

— А что дашь? а?

— Чего-те дать-то?

— Такъ ты думаешь однимъ молочкомъ отдуться? ладно!

— Пожалуй щей налью, чай ужъ уварились?

— Значить послѣ *скобели топоромъ*? Нѣтъ ужъ этакъ не приходится.... а найдется что нибудь помягче?... сказалъ Семень; лукаво и вопросительно глядя въ глаза Маланьѣ.

— Ужъ развѣ для тебя-ка, ишъ пострѣлъ, парень-то больно хорошъ.... проговорила Маланья, кокетливо взглянувъ на Семена и потянулась на полку за спрятаной булкой.

— Да ужъ видно-ста не худъ; холостымъ былъ, такъ дѣвки любили, да и теперь только стоять рукой махнуть, такъ вереницей побѣгутъ за мной!... щелкнувъ языкомъ, сказалъ Семень.

— Вотъ оно что! знать у ты приворотный корешокъ Сеня ѣсть?—сказала Маланья, положивъ булку на столъ:— попытай-ка? да постой, я себѣ крошечку отрѣжу....

— Э... братъ, какая славная! румяная, словно ты сама, Маланья Мокѣвна!... И Семень проворно спряталъ булку за пазуху.

— Что это ты злодѣй дѣлаешь? постой я себѣ отрѣжу.

— Ладно; — ты себѣ другую испечешь, а я потому убралъ, чтобъ Федосья Дмитревна не вошла, тогда не рада будешь и булочкѣ....

— У, чтобъ типунъ тебѣ на языкъ! провались, окаянный! — молвила дѣвка отплевываясь.

— А, вотъ это тебѣ не по-нутру? а что знать она, сударыня-то, сегодня не входила въ кухню, коль ты испустила? — И Семень показалъ ей на свою пазуху, гдѣ лежала булка.

— Обѣ не входили. Да, что прости Господи, нешто еще, коли Марья Борисовна успѣетъ какой кусокъ дать, а не успѣетъ такъ дочка всѣ корки со стола соберетъ да въ

никакъ запретъ. Держить, держать, сгноить, собакѣ выкинуть, а человѣку не дать; а человѣкъ стряпаетъ, жарится у печки, вѣда *во рть сухо*, а попытать не дадутъ. Ну, сегодня, вижу тѣста много, взяла да и увернула увертышекъ... согрѣшила....

— Да ты будто и человѣкъ? хи, хи! хи!

— Я? а какъ же? — Спросила Маланья въ недоумѣніи.

— Развѣ человѣки ходятъ въ сарафанахъ? а?

Маланья не нашлась отвѣтить.

— Вотъ то-то и есть! ты дѣвка, а называешь себя человѣкомъ.... разсудишь, Семень вылезая пзъ за стола.

— Вѣстимо дѣвка; такъ чтожь?

— Ничего....

— А чтожь ты обѣщался сказать-то, Сеня?

— Много будешь знать, мало спать. Однако пора, чай ужъ нѣтъ ли второва часу, а я колякаю съ тобой.. Прощенья просимъ, Маланья Мокѣвна! за хлѣбъ за соль благодарствую.... говорилъ скороговоркою Семень, проворно крестясь и встряхивая волоса; и не успѣла Маланья упрекнуть его въ обманѣ, какъ онъ ужъ выскочилъ за дверь, и столкнулся съ Анной Борисовной.

— Это что, — Господь съ тобою Семень? съ ногъ сшибъ!.. сказала Макова, едва удерживаясь на ногахъ.

— Ахъ извините, матушка Анна Борисовна! виновать! не взвидѣлъ, ей Богу не взвидѣлъ!... говорилъ Семень сторнясь.

— Ну, ну, ладно! добро, добро! ступай съ Богомъ!...

На эти слова выскочила любопытная Маланья.

— Ахъ матушка, Анна Борисовна! сколько лѣтъ.... забыли насъ, совсѣмъ забыли!... говорила она кланяясь: — вѣдь какъ-то и любо и весело, — какъ вы у насъ прежде бывали....

— Вотъ я опять пришла; ты еще здѣсь? Ну, всѣ ли здоровы? какъ поживаете?... И не дождавшись отвѣта кухарки, Макова отворила дверь въ переднюю.

VII.

Федосья Дмитриевна сидѣла въ залѣ подѣ окномъ; передъ ней стояли пальцы; на окнѣ, между горшками цвѣтущей герани, вѣжился рыжій котенокъ, катаясь на спияѣ; онъ кокетливо прикрывалъ свою мордочку то той, то другой лапкой и щурился, какъ будто яркій солнечный лучъ беспокоилъ его.

— Ну, что ты воришка катаешься? дай поглажу шейку? ну, что чешется? Ахъ, ты мой милый! любишь меня? а? любишь?— И Федосья Дмитриевна погладила котенка и поцѣловала, взглянувъ на противоположной домъ, гдѣ изъ окна мезонина, сквозь цвѣточную рѣшетку, выглядывали сѣрые глаза и рыжіе усы полковаго офицера. Фаворитъ тихонько укусилъ палецъ Федосьѣ Дмитриевнѣ, и опять принялся кататься на спинкѣ. Дѣвица Подошвина склонилась надъ пальцами, принялась за пголку, но не шила; она черезъ плечо не переставала смотрѣть на сосѣдній домъ, желая навѣрное узнать на что смотритъ офицеръ: на нее, Федосью Дмитриевну, или на тротуаръ. Дверь отворилась и вошла Анна Борисовна.

— Здравствуй Фенюшка!...

— Ахъ тетенька! добро пожаловать! что это забыли насъ?... совсѣмъ забыли-съ? — говорила племянница, усаживая тетку.

— Что дѣлать-то, идти къ вамъ не охотно, Феня, ишь, у тебя тятинька-то, прости Господи, какой благой; да вотъ какъ услышала что племянникъ нездоровъ, такъ и прибѣжала. Ну, что, каковъ Андрюша? что это съ нимъ сдѣлалось?...

— Ужъ напрасно вы объ тятенькѣ, тетенька, такъ думаете!... сказала Федосья Дмитриевна, не отвѣчая на послѣдній вопросъ: — ужъ если тятенька и погорячится, такъ все мамонька виновата, она его разстроиваетъ, онъ и не вытерпитъ, и закричитъ на ее.... Вѣдь вотъ.... прибавила она съ самоудовольствіемъ, — не ругаетъ же онъ меня, какъ ее? Отъ чего меня онъ любитъ? отъ того что трафитъ умѣю; а она вовсе не умѣетъ....

— Перестань, Феня! будто я твоего отца не знаю? знаю,

мой другъ! ну, да и на томъ спасибо, хоть тебя-то любитъ, и слава Богу! что жъ, гдѣ жъ Андриуша-то? идти, побывать.. И тетка встала.

— Гдѣ Андриуша? вѣроятно спитъ, а мамонька сидитъ надъ нимъ, да голову ему укусомъ примачиваетъ... ха, ха, ха! и Федосья Дмитріевна залилась громкимъ, неестественнымъ смѣхомъ.

— Оеия, Оеия! что ты, Господь съ тобой! что же тебѣ смѣшно? что братъ боленъ? Скажи пожалуйста, кому же за нимъ и ухаживать, какъ не матери... говорила Макова, съ удивленіемъ глядя на племянницу.

— Да, да, боленъ, нечего сказать! Кабы узналъ тятенька его немочь да полѣчилъ березовымъ лѣкарствомъ, такъ небойсь, пересталъ бы хворать! ну, что они добрыхъ-то людей морочать! Чай за вами мамонька послала и велѣла сказать, — что, дескать, Андриуша нездоровъ?... сказала Федосья Дмитревна, принимаясь опять за иголку, между тѣмъ какъ ея ястребиный взоръ быстро перѣбѣгалъ съ предмета на предметъ.

— Ничего въ толкъ не возьму! прошептала тетка: — вѣтъ, Оеия, за мною никто не присылалъ, я случайно узнала, проходя мимо вашей лавки, что...

— Что Андрей Дмитричъ болѣнъ? и вѣроятно сказалъ Антонъ Антонычъ? перебила племянница: — ну, да я думаю, что имъ не долго придется старика обманывать, положить надобно конецъ всему этому и вывести ихнія увертки на чистую воду... да, придется знать грѣха укусить! Сами посудите, тетенька! говорила Федосья Дмитревна, съ сильнымъ жестомъ вскочивъ изъ за палець: — давеча привезли Андрея какъ стельку; а мамонька его въ постель уложила, да тряпками обвязала, ишь боленъ; гдѣ бы тятенькѣ сказать, а она его покрываетъ; посмотрите-ка какъ уже будетъ лгать, да увертываться передъ тятенькой; начнетъ божиться что лобъ затрещитъ: Андриуша, дескать, либо простудился, либо надсадился, не подь силу въ лабазѣ кулъ поворотилъ!..

Тетка съ удивленіемъ глядѣла на племянницу и слушала ее.

— Что вы, тетенька, не вѣрите? ей-Богу правда! ужъ

давнешонько у насъ эти проказы завелись, да-съ... продолжала племянница, быстро ходя по комнатѣ и размахивая руками: — хоть бы вы мамоньку-то усовѣстили! Что она дѣлаетъ? Выбалууетъ себѣ ворога на шею, будетъ ее сынокъ любезный подъ старость на печь ухватомъ подсаживать... А вотъ, что я скажу, такъ худá да не добрá, мать не уважаю; еще клеветъ на меня мамонька, что будто все я про брата худое всякому на хвостъ навязываю; да вѣдь не шло, въ мѣшкѣ не утаишь.

— Господи помилуй! я первая ничего не слыхала! сказала тетка, нѣсколько опомнясь отъ удивленія: — однако, если все это правда, что ты говоришь, дѣло очень худо!

— Ей-Богу правда-съ, только мамонька не даетъ мнѣ рта разпнуть...

— Охъ, грѣхъ, большой грѣхъ, коли въ родной семьѣ такая неурядица! А ты, милая, не все къ сердцу принимай, укроти свое сердце, да матери-то и не отвѣчай на всякое слово, смолчи; а то; я знаю, вы обѣ горячки... замѣтила кротко Макова: — Да ужъ и на брата жестоко-то не нападай. Теперь онъ человѣкъ молодой, холостой, жевится — пережвѣнится; перемелется, все мука будетъ...

— Хорошо вамъ такъ говорить, когда вы ужъ вѣкъ доживаете, а мы только жить начинаемъ!.. сказала Федосья Дмитриевна, садясь опять за пильцы: — Теперь тятенька заботится, наживаетъ, а братъ все промотаетъ. Когда еще съ этакихъ лѣтъ такъ началъ пить, такъ чего же далѣе-то ожидать?.. Старикъ (отъ слова не придетъ) умрутъ, а я съ чѣмъ останусь? Куда я-то пойду, бѣдная? посоветуйте хоть вы тятенькѣ-то чтобъ онъ домъ-то на меня закрѣпилъ!

Анна Борисовна пристально поглядѣла на племянницу, покачала головою и сказала:

— Чтожъ, ты сама-то отца просила объ этомъ?

— Нѣтъ-съ, я боюсь; — мнѣ какъ-то не ловко...

— А, какъ ты думаешь, — мнѣ ловко о томъ говорить? Эхъ Оеня! Оеня! развѣ легко Дмитрія Андрейча въ чемъ-нибудь уломать? развѣ ночью послушаетъ онъ меня? было время и слушалъ, когда я была побогаче, а онъ побѣднѣе, тогда онъ моихъ совѣтовъ слушалъ, а ночью самъ сталъ

богаты; (а знаешь что богатство умъ родить?) Макова улыбнулась: — Такъ онъ насъ бѣдныхъ людей и въ грошъ не ставитъ; забылъ что гордымъ Богъ противится. Ну, да не о томъ рѣчь — птакъ, если и заговорить съ нимъ, чтобъ позаботился о духовномъ завѣщаніи, онъ разумѣется взбѣсится, закричитъ, что его умирать собираемъ. Если жъ просить, чтобъ теперъ же домъ онъ закрѣпилъ на тебя, надобно прямо обвинить брата въ дурномъ поведеніи, опозорить его, подвести подъ побои, и мать ввести въ горе... Не ужь-то ты согласна на такое страшное дѣло?

— Чтожъ! если бы мы на брата взваливали небывальщину, то дѣло другое, грѣхъ бы было, а то мы скажемъ только правду.... отвѣчала Федосья Дмитревна.

— Ш-ш-шь! что ты! если мальчишка напился разъ, другой, еще не значить что онъ пропащій человѣкъ. Ну, можетъ въ самомъ дѣлѣ, товарищи втянули, мы не знаемъ съ кѣмъ онъ водится; а ты знаешь пословицу, что около пчелки медокъ, около жучка.... Нѣтъ Оеня, надобно всякаго человѣка поднять, коли кто падаетъ, — а не толкать. Онъ твой родной братъ, моя милая... проговорила кротко Макова.

— А вы, тетенька, и не думаете, что я безъ всего останусь?

— Богъ милостивъ, старикъ тебя безъ всего не оставитъ... Да что за черныя мысли врагъ рода человѣческаго въ твою голову насѣялъ? Еще кто знаетъ, можетъ и при родителяхъ замужъ выйдешь, ты еще не остарокъ, выходятъ и въ сорокъ лѣтъ; да хоть и не выйдешь, такъ вѣкъ смиренствомъ проживешь не худо, не ты первая, не ты послѣдняя. Съ братомъ будь поласковѣй, мы его женимъ, и въ свое время, и онъ будетъ глава въ домѣ, съ невѣсткою же не ссорься...

— И нянчи ихнихъ дѣтокъ! добавила язвительно Федосья Дмитревна.

— Ну, нянчить дѣтокъ тебя не заставятъ, а по любви и по согласію и понянчить можно, ничего, — кто дѣтей любить, хорошій знакъ, у того доброе сердце... говорила спокойно Анна Борисовна: — Ну, а теперъ сама подумай на счетъ дому. Еслибъ вашъ тятенька могъ сдѣлать тихонько,

да умненько, ну еще ничего, сыну лавки останутся, и прочее; а то извѣстно, Дмитрій Андреичъ самъ всѣмъ на базарѣ прокричитъ, что у него сынъ распутный, негодяй, вотъ человѣчекъ-то какой! ну, парень и погибъ, невѣсты за него порядочной не дадутъ, — такъ въ остатки сболтается...

— Однимъ негодяемъ меньше! прошентала племянница. Но тетка услышала.

— Что ты говоришь! Грѣхъ, Оеця, братоненавидѣнїе, великой грѣхъ, вы однихъ родителей дѣти; я вижу, что въ тебѣ нѣтъ никакой жалости къ брату!..

— А у васъ есть жалость ко мнѣ?

— Я всѣхъ равно люблю, и всѣхъ равно жалѣю; но признаться, ты немножко и сама виновата, или лучше виновать твой карахтеръ, что до сей поры осталась ты не пристроенною!..

— Да что въ самомъ дѣлѣ, развѣ я замужъ что-ль прошусь, али желаю больно? вскричала Федосья Дмитревна заплакавъ.

— Желаетъ или нѣтъ, одинъ Богъ твою душу видитъ, но еслибы вышла судьба, все бы вѣрнѣе дѣло-то было, — все бы прикрыта голова была. Родители бы наградили чѣмъ могли, и безъ заботы... Вотъ не пошла за Понявина-то, а онъ смотри-ка на какой краличкѣ женился — любо дорого!

— Сейчасъ пойду за всякаго мужика, болвана необразованнаго!

— Можетъ ты желаетъ за чиновника? чтожъ? и чиновники люди хорошіе бываютъ, да только батюшку-то твоего трудно уломать, онъ приказныхъ словно чумы бѣгаетъ. Однако во всякомъ случаѣ Оенюшка, хоть сердись, хоть не сердись, а я скажу тебѣ, что надобно жить посмирнѣе да поскромнѣе, не очень кричать съ прислугою. Ты знаешь, прислуги всѣ худыя и хорошія вѣсти по городу разносятъ; а ты, чай, сама понимаешь, не въ пятнадцать лѣтъ, — что хорошее лежитъ, а худое далеко бѣжить... Дѣвушка всегда должна стараться, чтобъ объ ней хорошая слава шла. Все бы лучше было, какъ бы ты свой карахтеръ-то не выказывала!..

— Покорно благодарю-съ, что меня учите уму разуму; сказала племянница, утирая слезы: — Только вы во мнѣ

все худое и глупое видите. Знать ужъ я такая несчастная на свѣтъ родилась. Вотъ Андрей Дмитричъ какихъ пакостей не строитъ, да ему все съ рукъ сходитъ!..

— Вы мнѣ всѣ равны; и ты, Оенюшка, напрасно не грѣши: что и въ Андрюшѣ худо замѣчу, не похваляю, а хорошаго не похую. Однако, я тебѣ работать мѣшаю, иди къ Машѣ побывать; а ты что работаешь? спросила Анна Борисовна, вставъ и заглядывая въ пальцы: — а, это воротничекъ, что объ масляницѣ зашила? Долго, невѣста, копаешься! Вѣрно, часто въ окно посматриваешь?... прибавила она шутливо: — ну, да *нынче* вышьешь, торопиться некуда!... И она пошла изъ залы.

Ничего не отвѣтивши, Оедосья Дмитревна съ горькой улыбкой посмотрѣла вслѣдъ уходившей, взглянула на сосѣдній домъ; усы скрылись, окно закрылось, и она, положивъ голову на пальцы и сжавъ кулаки, тихо зарыдала. Досада разрывала ее сердце.

Войдя въ спальню сестры, Анна Борисовна, какъ слѣдуетъ, помолилась на образа, и оглядѣлась. Въ спальнѣ никого не было, кромѣ канарейки, которая, высунувъ носикъ изъ клѣтки, съ любопытствомъ, молча смотрѣла на гостью. Анна Борисовна присѣла на диванъ и принялась разсматривать работу, которую только что оставили. Минуть черезъ пять вошла Марья Борисовна, — она была блѣдна, глаза красны, волосы разбились, платокъ на головѣ съѣхалъ на самый затылокъ, шалевый платокъ спустился на одно плечо, передникъ былъ на боку; словомъ, нарядъ ея былъ въ совершенномъ безпорядкѣ. Увидѣвъ неожиданную гостью, она остановилась, потомъ бросилась къ ней.

— Машенька!

— Сестрица! вскричали сестры въ одинъ голосъ и обнялись.

— Забыла пась, сестрица! совсѣмъ забыла!

— И ты, Машенька, Богъ тебѣ судья, никогда меня не навѣстила! упрекали другъ друга сестры, усаживаясь на диванѣ.

— Все собралась къ вамъ, да вы знаете, сестрица, каковъ у меня *самъ-то*!

— Очень хорошо его, Машенька, узнала, потому-то давно къ вамъ и не бывала, говорила Макова: — а вотъ, какъ сегодня случайно узнала, что у васъ не совсѣмъ здорово, такъ вотъ и прибѣжала. Ну, что, Андрюша нездоровъ?... спросила она, проинпцательно смотря въ глаза сестрѣ.

— Кто? Андрюша-то? да, нездоровъ. А что, сестрица, можно чайку? я велю сейчасъ самоваръ поставить, говорила Марья Борисовна, не глядя на сестру.

— Что ты, Машенька, бывое дѣло, какой теперь чай, объѣдъ на дворѣ! Гдѣ жъ у тебя Андрюша-то? али въ кладовой?...

— Да-съ, въ кладовой!

— Можно къ нему побывать?

— Побывать-то? не знаю.... уснулъ.... можетъ вспотѣеть, сказала съ разстановкою хозяйка, обдергивая платокъ и фартукъ на себѣ.

— Чтожъ это съ нимъ сдѣлалось? что у него болить? спрашивала Макова, не спуская глазъ съ сестры.

— Андрюша-то? Вѣроятно.... простудился, должно быть, холоднаго, вспотѣвши, напился! отвѣчала мать, избѣгая взора Анны Борисовны; но та не переставала на нее смотрѣть. Марьѣ Борисовнѣ ужасно было неловко.

— Такъ, такъ; да что у тебя у самой-то, Маша, глаза красны, словно наплаканы?...

— У кого? у меня? нѣтъ, я не плакала; такъ, безсонницей страдаю....

— Не мудрено, Машенька, и поплакать, особенно какъ заботишься, заботишься о дѣтяхъ, а они же тебя огорчаютъ!...

— Правда ваша, сестрица! Вотъ, хоть-бы Федосья, просто изъ рукъ вопъ, плачу отъ нея, горло мнѣ готова переѣсть, да и полно, — я слово, она двадцать; но пожу не хочеть уступить, да и разъ!

— Ну, я думаю, и Андрюша тоже?

— Про Андрюшу грѣхъ сказать; онъ до меня всегда ласковъ; его же бѣднаго съѣли и отецъ и сестра, ишь, ей завидно, змеѣ, что я его люблю....

— Машенька! что ты, Богъ съ тобой! Ну, не грѣшно ли, свою родную дочь такъ называть! А?

— Охъ, сестрица, не говорите! допекла она меня, бѣсится! знать, замужь захотѣла.... А я-то чѣмъ виновата, коли жениха нѣтъ?

— Ну, надобно правду говорить, — сперва и женихи были, сами не выдавали, сами виноваты.... замѣтила Макова.

— Какіе женихи? Изъ купческаго сословія только одинъ Появиль и сватался, сама не пошла; ну, изъ приказныхъ-то были и порядочные, да только горе: какъ сваха придетъ, хожу, хожу, прости Господи, словно роженица... Не знаю, какъ самому-то доложить. Ну, доложу какъ-нибудь, и заретъ, и святыхъ вонъ понеси, — и мнѣ тутъ достанется на орѣхи. Терпѣть не можетъ приказныхъ; вотъ и сватанья всѣ. А теперь и любуйся на красавицу; она же жаловаться будетъ, что не выдали....

— Ну, приказный-то еще и теперь возьметъ. Вмѣсто тряпья дайте тысячку деньгами, что такое? будто ужъ за приказными люди и не живутъ? Такой же человѣкъ. Это такъ у Дмитрія Андренча только предразсудки пусты. Ну, чтожъ въ самомъ дѣлѣ — надобно дѣвушку пристроить, а тамъ и сына женить?

— Я тоже, сестрица, думаю, что покуда Федосья въ домѣ, объ Андрюшиной женидѣбѣ и думать нечего, только одинъ грѣхъ, она съѣстъ сноху, совсѣмъ съѣстъ!...

— Ну, мы выберемъ покрупнѣе, чтобы не совсѣмъ золетка проглотила!... замѣтила тетка смѣясь.

— А что вы шутите? не шутя вамъ говорю, что она изъ брата всю кровь высосала, все отцу такъ и ябедничаетъ на него; мнѣ только и званія, что баловщица да потворщица. А посудите сами, сестрица, ну, можно ли все говорить нашему отцу? Вотъ, не далеко сказать о Пасхѣ, затацили Андрюшу товарищи въ театръ; да развѣ можно Дмитрію Андренчу сказать, что сынъ въ театрѣ былъ? Да онъ бы всѣ ребра ему переломалъ! Ну, и сказали, что у Мышкина засидѣлся, съ молодцами въ свои козыри игралъ; и я участница во лжи-то сдѣлалась... Согрѣшила, грѣшница!...

— Все это такъ, Машенька! Отчего разъ другой мо-

лодому человѣку въ театрѣ не побывать! Бывало, какъ мы въ достаткѣ жили, Николай Петровичъ, кажись, ни одного представленія не пропустить, но вѣдь товарищи могутъ за-тащить и въ другое мѣсто.... почему знаешь? Конечно, и отца править нечего, знаю я его, сокола яснаго, да вѣдь можетъ въ иной разъ отецъ-то и за дѣло побранить, какъ замѣтить.... того.... хмъ!... Анна Борисовна кашлянула, остановилась и пристально смотрѣла на сестру. — Такъ вотъ видишь, Маша, иной разъ молодому человѣку и большая-то поблажка во вредъ бываетъ!... продолжала Макова: — конечно, какая же мать не жалѣетъ своего дѣтища, пословица говорить: *постороннимъ-то чудо, а матери чадо!*...

— Я не понимаю, сестрица, что вы говорите! сказала было хозяйка, поднявъ глаза на гостью съ притворнымъ недоумѣніемъ, но встрѣтивъ пронизательный взглядъ сестры, опять ихъ опустила.

— Хмъ!... будто не знаешь, о чемъ я говорю? Ты не осердись, Маша; Андрюша твой сынъ, да и я его люблю, очень люблю, а потому и говорю, будто онъ — я слышала.... Ну, просто сказать, будто.... тово? Вѣдь нынче, знаешь, вина-то все сладкія.... да на вкусъ пріятныя, а можетъ, у него и товарищи завелись? Великое дѣло, Машенька, нынѣшніе-то друзья: молодова человѣка, того и гляди, втянутъ въ какія-нибудь качества.

Марья Борисовна, потупивъ голову, крутила бахраму у платка.

— Такъ вотъ и говорятъ.... продолжала Макова: — будто Андрюшу видали въ нетрезвомъ видѣ!...

— А! это Федосья Дмитревна изволила вамъ наговорить! Знаю, знаю, она на брата готова уголовщину взвалить, кровопійца этакая! вскричала вдругъ мать, поднявъ быстро голову; — она любитъ небылицы выдумывать, она готова брата живаго въ могилу закопать!... она....

— Ну, вотъ, ты ужъ и изъ себя вышла, и Федосью за бокъ, — не о Федосьѣ рѣчь; — полно, Маша, не грѣши.. напраслина; какая тутъ напраслина?... перебила спокойно Макова.

— А что, развѣ это вамъ не Оенька сказала!... А?

Өенька, я готова голову прозакладывать, что Өенька; язва такая! кричала Марья Борисовна, вскочивъ.

— Господь съ тобою, успокойся! я не хочу лгать, я отъ Өени слышала, правда, но она сказала мнѣ жалѣючи брата, а я говорю жалѣючи васъ всѣхъ!...

— И не говорите, сестрица, не говорите, — знаю я, какъ она брата жалѣеть!...

— Хоть сердись, хоть нѣтъ, Машенька, говорила Анна Борисовна своимъ кроткимъ, задушевымъ голосомъ, — а я тебѣ правду скажу, что Андрюша молодъ, глупъ; такія художества до добра не доведутъ; покрывать его, на твоей душѣ грѣхъ останется; а по-моему, надобно бы подумать, какъ его исправить. А?

— Такъ и есть, такъ и есть! знаю, что Өедосья готова брата на ножѣ видѣть, ну, да отольются волку коровьи слезы, придетъ время, можетъ, не только брату и кошкѣ накланяется въ ножки.... Много мы перевидали на своемъ вѣку такихъ разумницъ! кричала Марья Борисовна, уже забывъ и осторожность, и приличіе, и уваженіе къ сестрѣ. Въ эту минуту нельзя было узнать ее, губы ея дрожали, глаза сверкали, на лицѣ показались багровыя пятна, кулаки сжимались. Это была тигрица, защищающая свое любимое дѣтище.

— Богъ съ вами со всѣми; что шумѣть-то по-напрасну.... Все-же Өеня сказала правду; а я не пойду про своихъ худыя вѣсти разносить, и кричать тутъ нечего, — прощай, Машенька, прощай мой другъ! Не сердись за правду, можетъ, скоро и не увидимся.... сказала Анна Борисовна, вставая.

— Все напраслины, увѣряю васъ, сестрица; Андрюша напраслину терпитъ! тоже вставая и приходя въ себя, молвила Марья Борисовна.

При громкомъ разговорѣ, или лучше сказать крикѣ, сестры и не слышали и не замѣтили, какъ дверь отворилась, и показался Андрюша, въ одной рубашкѣ, босой. Голова его была обвязана полотенцомъ, смоченнымъ уксусомъ, лицо блѣдно, и опухло, глаза глядѣли безсмысленно; онъ едва держался на ногахъ.

— Тетка наставница, тетка совѣтница, тетка проповѣд-

нища пришла.... Мое почтене-сь, тетенька Анна Борисовна-сь! какъ пожи-ва-ет-е? проговорилъ онъ на распѣвъ, сиплымъ голосомъ, и, пошатываясь, сдѣлалъ шагъ впередъ.

Сестры обернулись.

— А, вотъ онъ! Улика-то на лицо, сказала первая Анна Борисовна, глядя на племянника, и невольно улыбаясь: — здравствуй, племянничекъ!...

Между тѣмъ опѣшившая Марья Борисовна не знала, что дѣлать, и то краснѣла, то блѣднѣла.

— Ну, что теперь, Машенька, скажешь? спросила Макова сестру.

— Онъ.... онъ.... заикалась хозяйка.

— Онъ въ горячкѣ! подхватила вдругъ показавшаяся на порогѣ Федосья Дмитревна.

— Какое, къ чорту, въ горячкѣ, я здоровъ.... услышалъ въ просонкахъ тетенькинъ голосъ, ну, и иду, иду; да гдѣ-жъ вы тутъ? говорилъ, растопыривъ руки и совершенно закрывъ глаза, Андрюша. Онъ покачивался изъ стороны въ сторону.

— Завтра, завтра поздороваемся, а теперь иди-ка лучше да проспись.... сказала тетка.

— Приди, приди въ мои объятія!... запѣлъ Андрюша хрипло, не трогаясь съ мѣста.

— А ты зачѣмъ сюда пожаловала? спросила сердито мать, обращаясь къ дочери.

— Пособить вамъ, за больнымъ-то ухаживать, отвѣчала дочь насмѣшливо.

— Ахъ ты, вѣдьма! чѣмъ-бы нибудь да мать уязвить, только о томъ и думаетъ.... Вонъ, змѣя! закричала, опять выходя изъ себя, Марья Борисовна.

— Что вы тамъ ругаетесь, мамонька! аль сестра васъ обижаетъ? Погодите, погодите, вотъ, я.... ей.... вотъ, я.... вытяну ей косу.... на колено.... И Андрюша повернулся въ ту сторону, гдѣ стояла сестра.

— И бѣльями-то ничего не видитъ, а еще грозитъ.... Да нѣтъ, *подальше встань, да зубами достань!* отвѣчала Федосья Дмитревна дрожащимъ отъ слезъ голосомъ: — да и то сказать, — отъ собаки больше нечего и ждать....

— Ступай, ступай въ свое мѣсто, усни! говорила мать, толкая сына. Но Андрюша упирался.

— Что вы, мамовка, толкаетесь-то? я худова ничего не сдѣлалъ. Вѣдь я худова ничего не сдѣлалъ?

— Ничего, ничего не сдѣлалъ, только убирайся, ради Бога, до отца въ свое мѣсто; а то и мать-то въ бѣду ввѣдешь... отвѣчала тетка, помогая сестрѣ вывести его вонъ.

— Не помочь ли и мнѣ вести больнаго? а то онъ отъ слабости, едва ноги передвигаетъ?.. отозвалась съ злостью Федосья Дмитривна.

— Оеия!.. молвила съ упрекомъ Анна Борисовна.

— Этакой ядъ! этакой ядъ! за грѣхи Богъ наказалъ такимъ злымъ дѣтищемъ! воскликнула съ горечью мать: — Подѣломъ тебѣ братъ собирается и косу-то вытянуть...

— Отъ васъ болѣе-то ничего и не дожدهшься; вы за одно готовы меня живьемъ съѣсть, да только едва ли удасться... сказала зарывавъ дочь.

— Ну, пди же, иди Андрей! ахъ Господи, *упытали* же меня дѣтки!.. скоро я кажется кости брошу... говорила мать.

— А все черезъ сынка своего любезнаго! покрывайте его, потакайте ему; не бойтесь, спомните мое слово, будетъ онъ васъ ухватомъ...

— Уйди змѣя! языкъ-то у тебя не отсохнетъ!

— Маша!.. съ упрекомъ сказала Анна Борисовна.

— Ругайтесь, ругайтесь! отведите душу, а я доложу вамъ, что терпѣть больше не буду и про все тятенькѣ расскажу... да! на моей улицѣ будетъ праздникъ... говорила дочь, голосомъ прерывающимся отъ рыданій, и хлопнувъ громко дверью, вышла.

— Ну, ужъ истинное наказаніе... сказала Макова по уходѣ ся. Сестрамъ стоило большаго труда довести Андрюшу до кладовой и уложить, уговаривая уснуть. Онъ все ескакивалъ, порываясь уйдти, и говорилъ безсвязныя рѣчи, до-тѣхъ-поръ, какъ напрасная борьба и усталость взяли верхъ и онъ впалъ въ безчувственность. Мать и тетка вынли, притворивъ плотно дверь, и, вошедши опять въ спальню, сѣли по своимъ мѣстамъ.

— Ну, что Машенька? произнесла тихо Анна Борисовна. Марья Борисовна вмѣсто отвѣта горько заплакала.

— Что плакать-то, слезами не пособишь? знать ужъ такой крестъ присужденъ тебѣ нести? дѣлать нечего, молись больше Богу...

— Ужъ мнѣ, сестрица, дочь-то болѣе сына горести носить, сказала утирая глаза Марья Борисовна.

— Чтожъ? и она за свои грубости съ тобой, отъ своихъ дѣтей тоже потерпитъ; но и ты, Маша, не со всѣмъ права, что сына покрываешь какъ давича; ну, что отъ меня-то скрывать?

— А все какъ-то совѣстно сестрица, не хочется, чтобъ худое въ люди выходило, ну, все на сердце и переносишь.... да, посудите сами, и отъ отца нельзя не скрыть—вѣдь онъ его ломить чѣмъ попало; ну, изуродуетъ, не человѣкомъ сдѣлаетъ? поневолѣ скрываешь и плачешь да скрываешь!...

— Знаю, знаю! ну, такъ ты сама пощуняй его, усовѣсти, онъ тебя любитъ, авось и пожалѣетъ матери. А если паче-чаянія не послушаетъ, такъ передай его въ волю Божию, возьми на себя какое-нибудь обѣщаніе: или въ Москву сходить помолиться, или шесть недѣль заздранно за него подавай каждый день, или сорокъ тайныхъ милостынь подай, авось Богъ и устроитъ его на добро. А что, онъ давно этакъ-то?

— Да ужъ по больше десяти разъ больно-то; а то, когда слышишь, слегка винцомъ пахнетъ и рукой махнешь. Боюсь, сестрица, втянется!

— Не долго, Машенька! ну, а отецъ не замѣчалъ?

— А кто его знаетъ, у него иногда и не разберешь за что бранится, у него только и названія сыну, что безпутный...

— Жаль, жаль! да не грусти, Богъ милостивъ! сдѣлай все, что я тебѣ говорю: чѣмъ на груди-то горе нести, прибѣгни къ Богу, а тамъ посмотри Андрюшу и женимъ... Очень также постараемся съ рукъ сбить; да дай Богъ, чтобъ умный мужъ попалъ, сама заботу узнаетъ и мать вспомнить.

— Ахъ сестрица! отъ вашихъ словъ словно камень съ груди свалился...

— Ужъ два часа, Марья Борисовна! на столъ давно накрыто, проговорила звонкимъ голосомъ Маланья, просунувъ въ дверь голову, повязанную розовымъ платкомъ.

— Въ самомъ дѣлѣ? вѣдь сегодня *самъ* обѣдать не будетъ, судно пришло... такъ пожалуйста-ка сестрица, откушайте вмѣстѣ съ нами?.. сказала хозяйка вставая. И сестры послѣдовали за кухаркой въ столовую.

Къ обѣду Федосья Дмитревна не вышла изъ своей комнаты. Анна Борисовна наводила разговоръ на посторонніе предметы, но все какъ-то неудачно; хозяйка разсѣленно ее слушала, вѣроятно обдумывая свое увѣщаніе сыну, и усердно подучая гостью, сама ничего не ѣла.

— Ну, какъ хотите, а я сестрица безъ чаю васъ не отпущу? говорила хозяйка послѣ обѣда: — Напьемся чайку. Я только безъ *самою*-то душеньку и отведу чайкомъ.

Анна Борисовна не отговаривалась. Послѣ обѣда онѣ опять перешли въ спальню.

Не успѣла Маланья подать самоваръ, какъ въ спальню, словно буря, съ шумомъ опрокидывая стулья и стуча дверями, ворвался Дмитрій Андреевичъ. Сестры такъ были заняты задушевымъ разговоромъ, что и не замѣтили, какъ онъ подѣхалъ.

— Дѣла по горло на суднѣ, дѣла по горло въ лавкѣ, а твой прихвостникъ тягу далъ, болѣнъ. Я его вылѣчу, я его вылѣчу... гдѣ онъ? кричалъ хозяинъ, но замѣтивъ свояченицу, сухо кивнулъ на ея поклонъ и прибавилъ: — А! всѣ слетѣлись! вся родная родня здѣсь! а гдѣ-жъ Андрей?

— Онъ въ кладовой, онъ болѣнъ, Дмитрій Андреичъ! голубчикъ, не кричи... успокойся, онъ болѣнъ... завтра можетъ получше будетъ, лепетала жена поблѣднѣвъ и слѣдуя за мужемъ, которой пошелъ въ кладовую: — Не безпокой его, пожалуста не безпокой, хоть не его, хоть денегъ-то пожалѣй, тебѣ же придется лѣкарю платить!

Подошвинъ, отворивъ дверь въ кладовую, нюхалъ воздухъ.

— Что это! почему здѣсь виномъ пахнетъ? спросилъ онъ.

— Я Андриюшу всего виномъ вытерла; простуда у него, сильная простуда!

— Андрей? кликнулъ отецъ, подошедъ къ сыну.

— Ммы! промычалъ Андриюша, поворотясь на другой бокъ, и глядя безсознательно на отца, запѣлъ:—Приди... въ мои... объятія.

— Видишь ли какъ онъ бредитъ, Дмитрій Андренчъ! не безпокой, у него горячка!.. шептала мать.

— Ну, напои его огуречнымъ рассоломъ, очистишь. Ишь пора-то самая нужная... сказалъ Дмитрій Андреичъ нѣсколько смягченнымъ голосомъ, совершенно увѣренный, что сынъ боленъ, и оставилъ кладовую.

— Маланья, Маланья, накрывай на столъ для Дмитрія Андреевича! кричала Марья Борисовна.

— Какой тамъ обѣдъ! кусокъ въ горло не лѣзетъ, во рту сухо!.. отвѣчалъ хозяинъ и, не заходя въ комнаты, опять уѣхалъ на судно.

— Ну, слава Богу, гроза пронеслась! сказала крестясь и садясь за самоваръ Марья Борисовна.

Напившись чаю, Макова оставила сестру. Идя домой она догнала Алену Калинишну, привилегированную привольскую сваху, которая растопырясь, какъ ворона, въ своемъ шелковомъ съ кашпопомъ салонѣ, катилась кубаремъ по площади.

— Ну, Калинишна! тебя просто на тройкѣ не настижешь....

— Тороплюсь, Анна Борисовна, тороплюсь, мать моя! дѣла много, отвѣчала сваха, помусливъ ладонь и приглаживая ею разбившіеся отъ вѣтра волосы; потомъ, привставъ на цыпочки, она разцѣловалась съ Маковой.

— Ну, каковъ нынче у тебя сѣнокось-то? а?

— Да, все больше по инымъ городамъ разѣзжаю; ишь привольскіе-то женихи, собачьи дѣти, мать моя, хоть самцто совѣмъ прошнырялись, а все подавай имъ съ капиталомъ, хотятъ на жениныхъ денежкахъ выѣхать! да чтожъ, Анна Борисовна, пора и вамъ племянничка-то женить?

— Придетъ время и женимъ, ищи только хорошую невѣсту, отвѣчала Макова.

— Я давно лажусь къ нимъ заглянуть. Есть у меня и невѣста на примѣтѣ, парочка будетъ. Развѣ только много заломать?

— Да сестрѣ, прежде-то сына, еще надобно дочь выдать?

— Ну, ужъ чай дочка-то не молода? вдовцы-то распроклятые, и тѣмъ молодыхъ подавай. Да ей у меня изъ купцовъ-то и жениховъ-то нѣтъ... развѣ за приказнаго посватать? ну, приказный найдется, только выдадутъ ли?...

— Отъ чего-жъ не выдадутъ?

— Деньги дадутъ? знаю вѣдь я, Дмитрія-то Андреевича, желѣзная личница, а безъ денегъ, мать моя, нонче никто не возьметъ...

— Ну, ужъ если женихъ порядочный, такъ старика можно уговорить.

— Хорошо! да у меня и женихъ находится—да и другою. Авось слажу, на башмаки годится... побываю, побываю къ вамъ на дняхъ, покуда мясоѣдъ не пришелъ... прощай мать моя, Анна Борисовна! и Каллипишна, приглаживая волосы наклоненною ладонью, покатила влѣво; между тѣмъ какъ Макова продолжала идти прямо.

Спустя недѣлю, Анна Борисовна опять зашла къ сестрѣ.

— Ну, что Машенька, какъ поживаешь? что Андриуша? говорила ли ты ему? спросила она, когда сѣла на знакомый диванъ возлѣ сестры.

— Охъ, сестрица, и Богъ знаетъ, что будетъ! говорила я ему тотъ же вечеръ, какъ онъ проспался, увѣщевала и плакала, ну и онъ плачетъ; сознался, что виноватъ, прощенья просить, въ ногахъ валяется, говорить, что Мышкины почти слзой его напoпи и самъ божится, что опять такого не увижу, а на третій день сестрица, еще хуже привезли; да такъ раза три послѣ того повторялось. Вишь отецъ-то теперь все на суднѣ, а имъ своя воля. Ну, что дѣлать станешь? сегодня и такъ тайную милостыню послала, отвѣчала сквозь слезы Марья Борисовна.

— О, хо-хо-хо! вздохнула Макова.

Дверь отворилась. Вкатилась Алена Каллипишна.

— Ждали ли гостью? воскликнула она крестясь и кла-

нясь хозяйкѣ и гостѣ: — Зравствуйте, Марья Борисовна! ахъ, Анна Борисовна! и вы, мать моя, здѣсь?

— Добро пожаловать! ну, что хорошенькаго скажешь? садись, садись, чай устала... говорила хозяйка, нѣсколько удивленная приходомъ свахи.

— Охъ! устала мать моя! оченно устала! и Калинишна, отдуваясь, опустилась на стулъ: — Бѣгаешь, бѣгаешь — какъ собака!

— Ну, вѣдь не даромъ, Калинишна? замѣтила Макова смѣясь.

— Еще-бъ даромъ, мать моя! да что за обязанность такая? люди стануть жениться, а я-то что за батракъ? да не о томъ рѣчь, матери вы мои!.. я къ вамъ, Марья Борисовна, можно-ль въ слухъ говорить?

— Говори, говори, Алена Калинишна, чтожъ здѣсь все люди родные... отвѣчала хозяйка.

— Я пожалуй и выйду, сказала улыбаясь Макова.

— Ахъ! нѣтъ, Анна Борисовна! коли хозяйка приказываетъ, такъ ужъ сидите... сказала сваха и, обращаясь къ хозяйкѣ, продолжала: — У васъ, Марья Борисовна, есть товаръ у меня купецъ; я къ вашей дочери отъ цѣлыхъ четверыхъ жениховъ пришла...

— Покорно благодарю, Алена Калинишна, ужъ хоть бы отъ одного.

— Выбирайте, мать моя, на выборъ — у меня-таки, слава Богу, много ихъ; во-первыхъ Коровинскій, въ казенной палатѣ служить, хорошій человѣкъ, должность столоначальника занимаетъ. Этотъ проситъ три тысячи (ассигнаціями). Очень хорошій человѣкъ, природный дворянинъ, восемь душъ ревизскихъ имѣеть. Другой — Парнасскій, у губернатора въ канцеляріи служить; этотъ хоть и не красивъ, за то я вамъ скажу, щеголь, въ хорошемъ кругу, въ хорошемъ кругу себя держитъ. Недавно первый чинъ получилъ, да и денежки водятся. Онъ сынъ уѣзднаго стряпчаго, одинъ сынъ, да! говорятъ деньги-то въ проценты отдаеть. А скопидомъ какой, чудо, чудо, до всего самъ доходитъ: кухарку держитъ, корову держитъ, самъ молоко продаеть; прекрасный человѣкъ! третій, изъ духовнаго званія, Акулинъ, служить

въ уголовной помощникомъ столоначальника; голова, нечего сказать, голова! въ столоначальники мѣтнть, а тамъ и въ секретари попадетъ, и собой молодець, и родня хорошая: соборный протопопъ двоюродной дядя, все знаете такое лицо... только вотъ деньги нужны, подарить кой-кого... и завтра же столоначальникъ. Ну, эти оба просятъ по двѣ тысячи. Четвертый — Угольниковъ, дворянинъ, недавно поступилъ на службу въ уѣздный судъ; правда и жалованье не великое получаетъ, кажется, цѣлковыхъ три въ мѣсяць, да что мать моя, тутъ жалованье, тутъ доходами живутъ. И говорятъ, даромъ что молодъ, а для секретаря-то онъ все дѣлаетъ, ухо! просто ухо! да тѣмъ хорошъ, что молодъ, и изъ него все можно сдѣлать, что угодно. Этотъ не много, всего семь-сотъ проситъ, да согласится и на пять-сотъ. Разумѣется годочикъ его покормите, оконпируете, да послѣ годочковъ пять въ вашемъ домѣ поживетъ, до хорошей побуда должности; а тамъ, что Богъ дастъ. Да и дочка-то у васъ одна, мать моя, а онъ, парень-то какой рахманный; ей Богу рахманный! сваха перевела духъ.

— Всѣ женихи хороши. За хлопоты тебя, Алена Калинишна, покорно благодарю, только скажу тебѣ по совѣсти, что за нашей дочерью деньгами нѣтъ. Приданое все дадимъ какъ слѣдуетъ, а деньгами нѣтъ.

— Что же вы, мать моя! тряпья-то не въ мѣру даете, чай восемь или десять салоповъ? да она двадцать лѣтъ эвти салопы и проноситъ, какъ и всѣ здѣшніе купчихи, всѣ въ старомодномъ и ходятъ. То ли дѣло у благородныхъ! Одинъ салопъ да и баста — не задумается когда камою надѣтъ; за то всегда по картинкѣ одѣта!

— Можетъ у благородныхъ такъ и водится, что одинъ салопъ и *въ коле* и *въ мяле*, а у насъ этого нельзя; что дѣлать, сказала хозяйка.

— Такъ, такъ-таки деньгами и ни копейки? Да не все ли вамъ равно, только-бъ за хорошаго человѣка пристроить? говорила сваха настойчиво.

— Пожалуй бы по нашему и такъ, да впшъ старика-то трудно уломать... Развѣ попробовать?... вмѣшалась Анна Борисовна.

— Все напрасно, я знаю своего мужа, молвила хозяйка.

— Однако, я сама дождусь Дмитрія Андрейча!... сказала сваха: — Онъ чай скоро будетъ?

— Скоро-то скоро будетъ, только я думаю, Алена Калинишна, сперва намъ съ нимъ безъ людей надобно объ этомъ переговорить.

— Нѣтъ, Марья Борисовна, ужъ извините мать моя, а я хозяйина-то дождусь, съ языка у него сорву, да, и конецъ; не согласенъ, такъ по пусту и ходитъ, и башмаки бить нечего, молвила сваха упорно.

— Ну, какъ извольшь...

И въ ожиданіи хозяйина, всѣ три особы такъ усердно заботящіяся о участи Ѳедосьи Дмитревны, занялись другимъ разговоромъ; и когда Марья Борисовна встала, чтобъ попочивать сваху ерофѣичемъ, за дзерьми что-то посиѣшно зашумѣло, вѣроятно платье удаляющейя невѣсты, которая подслушивала у дверей.

Когда хозяйка и сваха припились пересыпать изъ пустаго въ порожнее, догадливая Анна Борисовна пошла къ племянницѣ.

Ѳедосья Дмитревна, какъ ни въ чемъ не бывало, притворилась усердно работающею въ пальцахъ.

— Ѳенюшка! что ты тутъ копаешься? мнѣ бы надобно съ тобой, мой другъ, поговорить?... сказала тетка, безъ предисловія садясь противъ нее.

— Что вамъ тетенька угодно? извольте говорить... отвѣчала племянница спокойно, но возможности стараясь скрыть внутреннее волненіе.

— Пришла Калинишна.

— Такъ что-жь? мнѣ-то что до нея за дѣло?

— Какъ что тебѣ за дѣло? она для тебя и пришла, со сватаньемъ, жениховъ цѣлый кузовъ, — цѣлыхъ четыре!...

— Ужъ не четырнадцать ли?... молвила Ѳедосья Дмитревна весело засмѣявшись, и съ трудомъ скрывая свое удовольствіе.

— Шутки, Ѳеня, въ сторону, поговоримъ какъ слѣдуетъ, женихи все благородные; конечно денегъ просятъ. Это все

еще ничего. Да ты знаешь своего тятеньку, онъ упрямъ какъ быкъ; но если ты сама согласна, то надобно его уломать!...

Федосья Дмитревна повернулась съ безпокойствомъ на стулъ.

— И я спрашиваю, скажи мнѣ откровенно, согласна ли ты? Невѣста молчала.

— Что жъ ты молчишь? Полно ребячиться-то, вѣдь тебѣ ужъ не шестнадцать лѣтъ, говори прямо, что думаешь?

— Да что вы тетенька, все годами-то меня попрекаете! *развѣ годы уроды?* вѣдь конечно они все впередъ идутъ... ракомъ пятиться не стануть... сказала вспыхнувъ невѣста.

— Сердиться нечего; а вотъ мнѣ бы хотѣлось знать, что ты отцу скажешь, согласна аль нѣтъ, когда онъ тебя спроситъ?

— Ужъ будто и отвѣтить не найдусь, отвѣчу безъ васъ, когда спроситъ... отвѣчала племянница.

— А ты губу-то не дуй, мой другъ, ну, а если тятенька спроситъ о тебѣ меня али мать твою, что мы за тебя отвѣтимъ?

— Что вамъ отвѣтить-то? Ужъ если мнѣ замужъ выходить, то конечно лучше за чиновника, чѣмъ за какова-нибудь болвана, необразованнаго лабазника, какъ Понявинъ!... сказала невѣста и вздохнула. Ея воображенію представились мезонинъ сосѣдняго дома и рыжіе усы полковаго офицера, о которомъ ей можетъ скоро не должно будетъ мечтать.

— Ну, вотъ давно бы такъ, чѣмъ по пустому-то слова терять, молвила вставая Анна Борисовна. — Однако послушай, Феня; и я и мать, отъ души желаемъ видѣть тебя пристроенною, и если дѣло разойдется, мать въ этомъ невинна. (Ты всегда говоришь, что она тебѣ добра не желаетъ), да, если разойдется, то виновать будетъ въ томъ твой тятенька. А!... да вонъ онъ и пріѣхалъ... прибавила тетка, взглянувъ въ окно, и увидѣвъ пріѣхавшую лошадь, послѣшно вышла.

Когда, по обыкновенію, Дмитрій Андреевичъ усѣлся въ столовой за шипящій самоваръ и принялся распорядиться вечернимъ чаепитіемъ, стѣнные часы пробили восемь. Анна Борисовна, съ которой хозяинъ со дня размолвки не говорилъ ни слова, а только кивалъ при встрѣчѣ головою, не

пошла въ столовую, потому что онѣ съ хозяйшкой давно отвели души чайкомъ въ отсутствіе хозяина; но желая дожидаться развязки сватовства, не пошла и домой, а осталась въ спальнѣ. Между тѣмъ Марья Борисовна съ Калинишной явились въ столовую.

— Мое вамъ нижайшее почтеніе-съ, Дмитрій Андреевичъ! Какъ живете-можете?... говорила сваха, кланяясь хозяину.

— Ничего, живемъ, да хлѣбъ жуемъ. А ты какими судьбами? молвилъ Подошвинъ, взглянувъ прежде сердито на жену за то, что ввела незваную гостью не предупредивъ его; но Марья Борисовна, будто не замѣтила мужнина взгляда, молча сѣла къ сторонкѣ.

— Я-то какими судьбами? я, отецъ мой, хе-хе-хе! даромъ не хожу, не ворона, зря не летаю!

— Садись съ нами чай пить, гостья будешь, да сидя-то и языкомъ болтать сподручнѣе... сказалъ хозяинъ.

— Да, даромъ не летаю... говорила сваха усаживаясь. — За каждую мою ступень платять!...

— Правда, — надуваешь да обманываешь дураковъ! замѣтилъ хозяинъ, который на этотъ разъ былъ необыкновенно веселъ, узнавъ, что цѣна на хлѣбъ поднимается.

— Такъ что-жъ отецъ мой, вѣдь я ни за кѣмъ не бѣгаю, услугъ своихъ никому не навязываю, а за мной бѣгаютъ, да еще деньги даютъ, да еще и насулятъ съ три короба! Вотъ, хоть бы и сегодня, вдругъ четыре молодца клестъ ко мнѣ на дворъ, и всѣ злодѣи посылаютъ къ одной невѣстѣ; знаютъ пострѣлы, гдѣ раки-то зимуютъ, сказала Калинишна принимаясь за чашку.

— Вонъ какъ! какая счастливая невѣста, коли не лжешь?

— Лгать я не мастерица, Дмитрій Андреевичъ, побойтесь не грѣхъ! Да вы угадайте, кто эта счастливица-то? А?

— Гдѣ-жъ мнѣ угадать, да и нужды нѣтъ; только какъ это они всѣ четверо-то вмѣстѣ угодили? вѣрно лукавый ихъ снесъ?

— То-то и есть, лукавый! Да и кто-жъ невѣста-то, какъ вы думаете, отецъ мой? Вѣдь невѣста-то ваша дочка. Да! и я къ ней вдругъ отъ четверыхъ жениховъ и пришла...

— Фи! Дмитрій Андреевичъ ожегся чаемъ, поспѣшиль

поставить блюдечко и удивленными глазами смотрѣлъ на сваху.

— Да-съ! воскликнула она торжественно, повѣдя глазами по комнатѣ; потомъ остановивъ ихъ на хозяйнѣ, продолжала: — Да-съ! Первый — Коровинскій, въ палатѣ...

— Подъячій!... перебилъ ѣдко Дмитрій Андреевичъ.

— Да-съ! Природный дворянинъ, хорошій человекъ, служитъ столоначальникомъ; просить три тысячи...

— Три тысячи?... дрянъ этакая. Да сколько онъ самъ-то имѣетъ? Стоитъ ли онъ, чтобъ дать ему три тысячи?... заимѣтилъ насмѣшливо хозяйнъ, принимаясь опять за чай.

— Онъ, говорятъ, имѣетъ восемь душъ!

— Которыя, къ будущему восьмому іюня, будутъ продаваться съ *сакціо*ну!

Озадаченная сваха оторопѣла.

— Я тамъ не знаю, отецъ мой. Ну-съ, второй Парнасскій, изъ оберъ-офицерскихъ... Губер...

— Знаю и эту бычачью рожу; знать получше-то Калинишна не нашла?...

Калинишна еще спустилась тономъ ниже.

— Ну вотъ вѣдъ вамъ все не хороши. Мужскую красоту чай не лизать, Дмитрій Андреевичъ? сказала она.

— Далѣе... молвилъ сухо хозяйнъ.

— Третій... третій изъ духовнаго званія, Акулинъ, изъ уголовной палаты... Голова! въ секретаряхъ будетъ, ужъ навѣрное будетъ, и собой молодецъ. Вотъ-съ эти два по двѣ тысячи просятъ-съ!

— И этого знаю, мошенникъ преестественный, за гривенникъ готовъ всю уголовную продать, да кажется и самъ-то скоро подъ уголовный за взятки пойдетъ!...

— Ужъ какіе вы разборчивые! — проговорила сваха, едва сохраняя присутствіе духа, и поглаживая ладонью волосы. — Съ вами этакъ, право, пива не сварить.... Ну, четвертый, тоже дворяничекъ, изъ уѣзднаго.... такой славный, рахманный, душа — молодчикъ, на всякаго угодить; этотъ просить пятьсотъ, да еще пожалуй, и уступочку сдѣлаетъ, только чтобъ годъ вы его кормили; да на квартирѣ.... А ужъ хорошъ.... хорошъ.... Угольниковъ!...

— А! вѣдь его матушка по лавкамъ-то у насъ въ суб-
ботніе дни съ мѣшечкомъ ходила да мучки собирала? Пода-
вала и я грѣшный сватѣ-то, ха-ха-ха!...

И Дмитрій Андреевичъ рѣзко и громко захохоталъ.

— Бѣдность, отецъ мой не порокъ, смѣяться нечему....
Робко замѣтила ошеломленная сваха, дрожащею рукою на-
крывая чашку. — Мало-ли что было.... за то теперь!

— За то теперь, надѣюсь, не придешь больше къ намъ
съ такими женихами.... заговорилъ Подошвинъ: — скажи
пожалуста, для чего я голяка посажу къ себѣ на шею? Али
зятя въ домъ, чорта въ домъ? Зять любить взять, а тесть
любить честь. Подъячій-то зять, крапивное сѣмя, и возьметъ,
да только *тестю мозгу* не сдѣлаетъ.... огложетъ да и подъ-
лавку броситъ.... Вотъ что. Деньги дай, которыя онъ еще
до свадьбы продѣтетъ, да еще корми его. Что, развѣ у меня
хлѣбъ-то навалный? Да одѣвай его; въ самомъ дѣлѣ не
захочешь, чтобъ онъ съ худыми локтями ходилъ да сапоги
безъ подошвъ носилъ. Господи, Боже мой! за что такое на-
казаніе добровольно я возьму на себя. Да мало того, — еще
послѣ моей смерти, тещу какъ-нибудь обманетъ, домъ выма-
нитъ, али тяжбу затѣетъ да ее выгонитъ.

И Дмитрій Андреевичъ, пообыкновенію, стукнулъ кулакомъ
по столу, такъ что посуда запрыгала.

Марья Борисовна, привыкшая къ этимъ манерамъ, только
покачала головою; по сваха струсилла не на шутку.

— Ужъ ноньче, отецъ мой, прошли тѣ времена, когда
невѣсть безъ всего брали.... замѣтила она дрожащимъ го-
лосомъ и встада.

— Такъ я-жъ скажу, что у меня дочь не навальная, что
я спрячу ее за какую-нибудь дрянъ, да еще деньги отвали.
Ужъ коли дамъ деньги, такъ торговому человѣку, онъ на
нихъ будетъ пріобрѣтать, а жену обезпечитъ векселемъ, де-
нежки все-таки будутъ цѣлы.... А-то, дай подъячему деньги,
онъ промотаетъ, да послѣ его съ женою и корми; твои-же
нашейники!... покорно благодарю!...

Сваха откланялась, проклиная внутренно самое себя, что
наснулась на такую проповѣдь. Марья Борисовна, провожая
Калинышну на крыльцо, замѣтила Федосью Дмитревну спря-

тавшуюся подъ лѣстницей, вѣроятно доселѣ слушавшую у дверей столовой. Но когда мать опять вошла въ корридоръ, дочь успѣла уже уйти въ свою комнату.

— Ну, все сватанье къ праху пошло! сказала мать, входя въ спальню.

— Я такъ и воображала.... такъ и думала.... говорила Макова, прощаясь съ сестрою.

Федосья Дмитревна не вышла ни къ чаю, ни къ ужину, повязала себѣ голову полотенцомъ, и легла въ постель, внутренно проклиная упрямство своего батюшки.

VIII.

Обманутая въ своихъ надеждахъ, Федосья Дмитревна злилась на своего тятеньку за его глупое упрямство, на мать, по обыкновенію, за то, что любить сына, на брата за то, что любимъ матерью и что ловко со всѣми проказами увертывается отъ отца, на тетку за то, что не взяла открыто ея сторону; словомъ, въ сердцѣ дѣвицы Подошвиной накипѣло много ненависти и жажды отмстить, излить на кого-нибудь всю злость, и на кого кромѣ брата? Одинъ братъ оставался цѣлью. Надъ отцомъ она не имѣла власти, на матери — но мать составляла съ сыномъ почти цѣлое, и если страдалъ Андриша, то Марья Борнсовна страдала еще болѣе его; потому Федосья Дмитревна и ожидала случая, и случай скоро представился.

Четыре года тому назадъ, Пелагея, овладѣвшая тайною Антона, часто получала отъ него двугривеннички и четвертачки за свое молчаніе. Такъ продолжалось годъ. Черезъ своихъ сосѣдокъ она вдобавокъ узнала, что Антонъ похаживаетъ къ одной мѣщанкѣ, ремесломъ портнихѣ, Секлетѣ Лукишиѣ (съ которою гулялъ на всесвятскомъ гуляньѣ). Похаживаетъ частенько; что у Лукишна завелись шелковое платье и шаль; что Лукишна повѣсила въ своей квартирѣ киссейныя занавѣски и проч. Но Пелагея тоже очень хорошо знала, что Секлетей Лукишна портниха, — такъ себѣ, не цеховая: возьметъ у кого-нибудь ситцевое платье сшить

за два двугривенныхъ да и протаскаетъ его двѣ недѣли. Но Сиклетѣя была молода, здорова, высока, румяна, съ большою черною косою, хорошо причесывалась; притомъ у Лукишны была племянница, дѣвушка лѣтъ пятнадцать, кровь съ молокомъ, быстроглазая, въ розовомъ съ перелиночкой платьѣ и смышленная не по лѣтамъ...

Чтобы еще болѣе пользоваться подарочками Антона, Пелагея познакомилась съ Секлетѣею, стала ее навѣщать; словомъ подружилась, не доходя впрочемъ до откровенности, что Антонъ ей знакомъ. Въ одинъ вечеръ Пелагея какъ-то долго засидѣлась у своей пріятельницы, засидѣлась до того, что дождалась какъ Антонъ Антонычъ пріѣхалъ на извозчикѣ и привезъ мѣшокъ крупчатой муки. Скромный приказчикъ конечно смутился при нечаянной встрѣчѣ съ Пелагеею; но послѣдняя такую дружелюбную и откровенную повела бесѣду, что была оставлена еще разъ *напиться чайку*, и за бутылкою рому просидѣла до поздней ночи, пересыпая изъ пустава въ порожнѣе и распѣвая пѣсенки.

Съ-этихъ-поръ Антонъ для Пелагеи сдѣлался оброчною статьею въ полномъ смыслѣ; ей давалось все что было нужно, но ей казалось мало, что онъ давалъ. Въ отсутствіе хозяина, она приходила въ лавку, и брала мукой, крупой, деньгами... Дорого продавала она свое молчаніе. Ненасытность ея не разъ бѣсила скромнаго приказчика; онъ сначала шутками сталъ замѣчать, что товаръ не его, а Дмитрія Андреича, и онъ не имѣетъ права распускать его безъ денегъ. Она стала грозить, что про него все расскажетъ хозяевамъ. Наконецъ терпѣніе его лопнуло, онъ ее выгналъ изъ лавки и не совѣтовалъ показываться болѣе. Пелагея, конечно, уже перестала ходить и къ его пріятельницѣ, и грызла на нихъ когти, пріискивая случай насолить имъ обоимъ. Но вдругъ она услышала, что Антонъ поссорился съ своимъ предметомъ, и пересталъ къ ней ходить. Секлетея тоже куда-то уѣхала и съ племянницей... и года два не было о нихъ ни слуху ни духу. Вдругъ передъ Рождествомъ появились и тетка и племянница въ самомъ печальномъ видѣ; оборванные, единственные ихъ салопы, были подбиты вѣтромъ. О святкахъ Пелагеѣ было извѣстно, что Антонъ Антонычъ

отыскалъ бѣдную квартиру своей знакомой, и чрезъ нѣсколь-
ко дней Лукишна съ племянницей наняли просторный мезо-
нинъ одного деревяннаго чистенькаго домика. Антонъ сдѣ-
лался частымъ ихъ посѣтителемъ. Потомъ ей сказали, что
онъ ходитъ не одинъ, а въ компаніи молодаго хозяина, и
что иногда Андрей Дмитричъ бываетъ тутъ и одинъ; всего
чаще по воскреснымъ днямъ, когда тятенька и маменька мо-
лятся у своего прихода (Андрюша любилъ посѣщать дальній
монастырь). И вотъ — вскорѣ красотки перебрались въ бѣль-
этажъ каменнаго дома, на главной улицѣ, у нихъ явились
чудные лисы салоны, шляпки изъ Москвы и собольи муфты.
О масляницѣ онѣ всѣ дни катались на парѣ, а Андрюша
съ своимъ приказчикомъ очень скромно стояли въ рядахъ
зрителей и смотрѣли на нихъ, въ числѣ прочихъ. Пелагея
въ половину вѣрила этимъ слухамъ, особенно зная скром-
ный характеръ Андрея Дмитрича, хотя сестра его часто ей
говорила, что Андрюша спился съ кругу, чему она также въ
половину вѣрила, зная нелюбовь сестры къ брату, а потому
и хотѣла слухи повѣрить на дѣлѣ; она взяла у кого-то са-
лонъ и отправилась къ Сиклитеѣ, будто по старому знаком-
ству, просить ее какъ портниху перешить. Ни тетки, ни
племянницы не было дома. Въ ихъ кухаркѣ Пелагея встрѣ-
тила знакомую.

— Нѣтъ дома ни Сиклитенъ Лукишны, ни Марѣы Спи-
ридоновны, отвѣчала кухарка, выслушавъ объясненіе Пела-
геи: — Нѣтъ ихъ, родная; да хоть бы и была, такъ на-
прасно трудиться... Ну, возьметъ ли теперь Секлетей Лу-
кишна какое-нибудь старое перешивать! что ты, родная! да
отъ нужды что ли ей *валандаться* со всякой дрянью? Она
родная, новаго-то нынче ничего не шьетъ, свой-то обновы
портнихамъ отдаетъ....

— Что это ужъ онѣ вдругъ такія важныя стали? А кажись
передъ Рождествомъ онѣ *приѣхали* не ахти-то, въ салопахъ
съ прорѣхами въ трескущіе морозы ходили! возразила Пе-
лагея: — Какъ же это, Мироновна?

— Гмъ!.. Да мало ли что было? А теперь, Осиповна, по-
смотри-ка, посмотри-ка... на одни покой-то? А? каковы! пой-
демъ-ка, я тебя по нимъ вывожу, хозяйки не скоро воро-

тятся, пойдёмъ, пойдёмъ! и Мироновна отворила передъ Пелагеею дверь за дверью. Онѣ проходили рядъ комнатъ съ богатою мебелью; но все это было разстановлено въ безпорядкѣ, безъ всякаго вкуса, свидѣтельствуя о необразованности обитательницъ этого дорогаго жилища: — Вотъ посмотри-ка родная, платья-то полнымъ полны набиты, такъ и ломятся... продолжала кухарка, показывая на гардеробы: — А еще матерьевъ-то разныхъ, не шитыхъ что, и не перечтешь, полные комоды нагружены!...

— Такъ, такъ! говорила Пелагея, покачивая головою.

— Такъ-то, Осиповна! красоту на счастье Богъ даетъ, посмотри-ка ты родная на Марѳушу-то! вѣдь ягода! Словно изъ рѣпки вырѣзана... Да ужъ и счастлива же она, знаешь... прибавила она шопотомъ: — Чуть ли не будетъ скоро у насъ свадьбы; да какой же красавчикъ-то въ нее врѣзался! просто души не слышитъ... умираетъ по ней!..

— Кто-жъ, кто это? спросила затаивъ дыханіе Пелагея.

— Подошвинъ, Осиповна, сынокъ-то Подошвинъ; у насъ ужъ такъ и прочать!..

Потъ выступилъ на лбу Пелагеи; она никакъ не ожидала такого скорого поясненія для своихъ предположеній.

— Неужели?...

— Ей-же-ей, родная... О, да какъ онъ и любитъ Марѳу Спиридоновну, умора, точно голубки посмотришь. Вотъ завтра она именинница, ну, онъ и купилъ ей на платье пребогатѣющей матеріи и хотѣлъ подарить. Это было вчера; ну, она захотѣла, чтобъ завтра платье сшито было, захотѣла — и разъ, отдали въ магазинъ, четыре цѣлковыхъ за одну работу; — я, говоритъ, въ платьѣ вечеромъ буду отличаться! А ты, дружокъ, завтра мнѣ супирчикъ подари, какъ въ гости меня съ ангеломъ поздравить пріѣдешь... Да!

— Такъ у васъ завтра пиръ горой! сказала Пелагея, все болѣе и болѣе удивляясь.

— Какъ же! Кушанье все изъ трактира принесутъ, вечеромъ музыканты придутъ. Вѣдь, Осиповна, какъ ты думаешь, Марѳуша-то, злодѣйка, танцовать выучилась. — Хочу, говоритъ, танцовать, да и разъ. По рублю, родная, учителю за часъ платила... Да!

Пелагея почти не вѣрила своимъ ушамъ.

— Ну, а этакъ... тово... окромя-то Подошвина, есть ли кто-нибудь? похаживаетъ? спросила она.

— Ходить-то ходятъ; вотъ съ нимъ Мышкины, ужъ задушевные. Одному-то хотѣлось было Мареушу поддѣть, да нѣтъ, рыломъ не вышелъ, Андрей-то Дмитричъ можно сказать, тысячь не жалѣетъ; ну, да приказчикъ-то ихній... ну, все равно что братъ Андрею Дмитричу, можно сказать! да еще кой-кто.... Ну ихъ, не наше дѣло... и толковать объ мелкихъ - то нечего... проговорила старуха, засмѣявшись и махнувъ рукой. — Да куда же торопиться, Осиповна? погоди, чайкомъ напою; вѣдь мнѣ не запрещаютъ, кто бы ко мнѣ ни пришелъ... живу словно у родныхъ, заключила Мироновна.

Но Пелагея, узнавши болѣе чѣмъ надѣялась и не желая дожидаться хозяекъ, поторопилась проститься съ словоохотливой своей знакомой.

Нагруженная интересными новостями, и подхвативъ узелъ, она прямо отправилась къ Подошвинымъ.

Пелагея Осиповна застала Ѳедосью Дмитревну въ комнатѣ; послѣдняя была не въ духѣ, не ходила даже въ кухню; все ей опротивѣло, и она рѣшилась даже не смотрѣть болѣе на мезонинъ сосѣдняго дома. Теперь ея маленькій фаворитъ, распустивъ свой рыжій хвостъ, возился по комнатѣ, катая клубокъ и путая нитки; но она не обращала на него вниманія и стояла у окна въ садъ. Порывистый, жаркій вѣтеръ раскачивалъ деревья и раздувалъ ея волосы, бѣлыя облачка шибко летѣли по воздуху, какъ стаи птицъ перелетныхъ, какъ мечты, — и улетали какъ надежды. Ѳедосья Дмитревна слѣдила за ними.

— Хоть рады-съ, хоть не рады-съ, а я все къ вамъ, да къ вамъ... Ей Богу-съ! такъ все и тянетъ, и тянетъ-съ... Дай, можь, навѣщу Ѳедосью Дмитревну-съ. Да-съ! Васъ какъ душу свою, люблю-съ... Ей Богу-съ! проговорила Пелагея входя.

— Спасибо! хоть ты обо мнѣ думаешь! сказала Ѳедосья Дмитревна, отходя отъ окна. Пелагея по обыкновенію поцѣловала у нея ручку. — Да, и на томъ спасибо!... продолжала хозяйка печально: — А то, окромѣ тебя, всѣ ме-

ня забыли, забыли что я на свѣтѣ-то живу. О, Господи! да скоро ли смерть-то ко мнѣ придетъ?.. и она съ какимъ-то отчаяніемъ упала въ кресло.

— Что это, сударыня-съ! Вамъ ли думать о смерти? Что вы? Господь съ вами-съ! Молодая дѣвица, хорошенькая, богатая-съ, да умирать...

— Да! богатая! Великое богатство! Сегодня живу еще ничего, покуда сыта, а завтра почти нищая... Вижу я какъ родительское-то богатство утекаетъ... да не имѣю силы его остановить. Да!.. и Ѳедосья Дмитревна закрыла глаза руками: — Охъ! скучно и жить-то!..

— Жалѣю васъ, отъ души жалѣю-съ, много, много неприятнаго терпите-съ! говорила Пелагея, прибираясь къ новостямъ, ее интересовавшимъ, и съ нетерпѣніемъ желая поскорѣй сообщить ихъ своей благодѣтельница: — Домашнія-то неприятности съѣли васъ, сударыня-съ, знаете все сердце ноетъ-съ... Вотъ хоть бы теперь, Калинишна словно въ набатъ бьетъ про вашего тятиньку-съ, извините; жаднымъ называется-съ, да и Дмитрій-то Андреичъ-съ, пустяковъ пожалѣлъ... ну, толи бы дѣло вамъ-съ благородное званіе доставить-съ?..

Ѳедосья Дмитревна только вздохнула, прощаясь мысленно съ обольстительной надеждой...

— Жаль мнѣ васъ-съ, точно матери родной-съ! Ну, что это не подумаетъ объ васъ, старичокъ Божій, тятенька-то вашъ? Оставить васъ не причемъ-съ.

— Они ни о чемъ не думаютъ... прошептала хозяйка.

— Что на счетъ дому-то-съ, что я вамъ совѣтовала-съ, тятенькѣ предлагали-съ?

— О! и не говори, Палаша, просто не знаю какъ приступить; просила тетку поговорить. Поди въ такія разсужденія пустилась! Да что — развѣ они мнѣ добра какого-нибудь пожелають, что-ль? Вотъ какъ какую-нибудь братцеву пакость покрыть, такъ тетушка сейчасъ такіе разговоры поведетъ; доброта всепрощающая явится...

— Ну, ужъ кому другому, а Аннѣ Борисовнѣ не простиительно-съ, онѣ женщины умныя-съ, да и родня-то имъ все равно-съ, хоть бы вы-съ, хоть Андрей Дмитричъ... а ужъ

и Андрей-то Дмитричъ! Ой, ой! — думано ли съ нихъ-съ? — Пелагея остановилась.

Федосья Дмитревна горько улыбалась.

— Не думано, — не думано-съ, а еще Марья Борисовна такъ ихъ скрываютъ, себѣ на шею-съ... продолжала Пелагея: — Да еще онъ какую штуку удереть-съ, что, я думаю, никому и во снѣ не снится-съ! Ей Богу-съ! Да и сама-то мамонька заплачется-съ!

— А что? какъ будто нехотя спросила сестра.

— Да вѣдь они, я слышала, жениться хотятъ-съ! и Пелагея съ любопытствомъ смотрѣла на свою жертву, которую ея слово поразило какъ громъ, потому что Федосья Дмитревна сдѣлалась бѣгле своего воротничка.

— Да-съ, и на комъ-же-съ? На швеѣ-съ, съ позволенія сказать-съ, договорила Пелагея.

— Такъ шутить нельзя, Пелагея! прошептала Федосья Дмитревна, смотря мутнымъ взоромъ на рассказчицу. Она хотѣла было встать, ноги ей не служили и она опять сѣла.

— Какія шутки, сударыня-съ! Правда-съ, ей Богу-съ правда-съ! Если прикажете, расскажу до точности-съ, не сердитесь, я добра вамъ желаю, Федосья Дмитревна-съ!

Федосья Дмитревна указала ей стулъ возлѣ себя и внимательно слушала, какъ рассказывала ей Пелагея про Андрея Дмитрича, что уже намъ извѣстно. По временамъ Федосья Дмитревна подсказывала на мѣстѣ, хмурила брови, и сжимая кулаки, едва не скрипѣла зубами отъ прилива крови. Сильно стучало ея сердце.

— Такъ вотъ какъ-съ! Вотъ кто пользуется капиталомъ-то вашимъ-съ, какъ не досадно-съ! Да чего добраго-съ, эти мерзавки такъ завлекутъ-съ, такъ завлекутъ-съ, что чело-вѣкъ сдѣлается самъ не свой-съ, и женится-съ! И не мудро-съ! заключила Пелагея.

— Такъ завтра у нихъ тамъ пиръ? О!... Славно же они попируютъ! Да, славно!... и Федосья Дмитревна засмѣялась судорожно: — Надобно же положить конецъ всѣмъ безпорядкамъ! Да, Андрей Дмитричъ, не все же вамъ сухому изъ воды выходить! Посмотрю, посмотрю, какъ скроетъ васъ родительница? Только, послушай Палаша, можно ли тебѣ бу-

детъ узнать, этакъ, рано ли тамъ будетъ?... Ну, поглядѣть или распросить кого, ужъ я буду тебѣ благодарна... повѣрь, что буду. Отъ этого, быть можетъ, все счастье мое зависить... Уже ли еще, когда поймаешь на мѣстѣ отецъ этого распутника, не позаботится и тутъ устроить мое будущее?... сказала Федосья Дмитревна, обращаясь къ Пелагеи.

— Не знаю-съ, Федосья Дмитревна-съ, а постараюсь. Я васъ люблю-съ, словно свою душу-съ. Постараюсь, этакъ подъ вечеръ, сама схожу-съ! Знаю я, что Мпировна-то, ихняя кухарка, прежде отлично на картахъ гадала-съ, вотъ я будто...

— Ну, тамъ какъ знаешь; только знай, въ накладѣ не останешься, перебила Федосья Дмитревна.

На другой день, то есть, четвертаго іюля, Анна Борисовна еще утромъ пришла къ сестрѣ.

— Охъ, Машенька! Все-то вы у меня съ ума нейдете. Ну, что Андрюша?

Марья Борисовна махнула рукой и залилась слезами.

— Нѣтъ, сестрица, хочу ужъ, скрѣпя сердце, все отцу открыть, по крайней мѣрѣ душу-то свою отъ грѣха очищу; какъ онъ съ нимъ хочетъ; можетъ и побоятся отца болѣе, можетъ тотъ его и поучить... Что дѣлать-то, коли словъ мопхъ не слушаетъ. Я ему говорю, увѣщаваю, а онъ ни слова, ну что, просто и ухомъ не ведеть; сперва хоть винится, — плачетъ, а теперь молчитъ какъ быкъ! Ишь обнадѣлся, дескать, мать не доведетъ до отцовскихъ ушей... Хочу открыть, хочу... говорила Марья Борисовна.

— Вотъ что, Маша! не полѣчить ли намъ его? А? Въ Пыркѣ живеть отставной унтеръ, онъ помогаетъ отъ пьянства, многимъ, Машенька, помогаетъ... сказала съ участіемъ Макова.

— Въ самомъ дѣлѣ, сестрица, постарайтесь узнать! воскликнула радостно Марья Борисовна, хватаясь за гѣны надежды.

— Безъ десяти цѣлковыхъ не обойдешься, Маша!

— Важное дѣло, десять цѣлковыхъ! да я ста бы не пожалѣла! говорила мать увлекаясь, хоть правду сказать, ста цѣлковыхъ у ней никогда и не бывало. — Постарайтесь

сестрица! Этихъ ли денегъ человѣчья душа стоитъ? А вѣдь Андрей-то съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе душу свою топить; каждый день... нѣтъ того дня, чтобы онъ пришелъ не пьяный... отецъ-то теперь и ночуетъ все на суднѣ. Да еще другаго боюсь, сестрица, Дмитрій-то Андреичъ говорить: много денегъ недосчитывается!.. прибавила Марья Борисовна, понизивъ голосъ: — Охъ, кажется я скоро и ногъ таскать не буду!...

Анна Борисовна прошептала молитву, взглянувъ набожно на образа, и сказала таинственно:

— Маша! я и лѣкаря-то этого видѣла, онъ третьяго дня былъ здѣсь, у Фомичевыхъ останавливается. Самому-то тоже помочь: вотъ ужъ годъ какъ старикъ не пьетъ... Ну, я и была у лѣкаря, и поговорила съ нимъ, онъ говоритъ: можно помочь, только чтобы самъ онъ, Андрюша-то, пожелалъ; а то, говоритъ, безъ собственнаго желанія лѣчить трудно...

— Ужъ надобно, сестрица, ему поговорить, чтобы пожелалъ-то онъ! поговорю, всѣ силы употреблю, только не надѣюсь, чтобы онъ пожелалъ? А впрочемъ можетъ онъ и самъ-то видить, что худо дѣлаетъ, да переломить себя не можетъ; вѣдь можетъ *сдѣлано*, какъ вы думаете? Лихихъ людей со *што* нѣтъ! говорила мать.

— На худо много охотниковъ найдется, что и говорить, Машенька! Ну, вотъ лѣкарь-то и говоритъ... продолжала Макова: — Если дескать пожелаетъ, и пріѣзжайте съ нимъ ко мнѣ въ Нырково, я ему травы дамъ, пусть шесть недѣль пьетъ, и дамъ записку, пусть на крестѣ носить. И чтобы въ эти шесть недѣль хмѣльнаго ни капли въ ротъ не бралъ, и когда пройдетъ шесть недѣль, еще ему дамъ травы, пусть другія шесть недѣль пьетъ, потомъ третьи шесть недѣль. И впередъ я съ васъ возьму пять цѣлковыхъ, другія пять цѣлковыхъ послѣ, когда выльчу... Такъ и сказалъ...

— Попробуемъ, сестрица!

— Попробуемъ, Машенька! А коли, говоритъ, онъ не хочетъ и упираться будетъ, такъ мы попытаемся иначе, авось и будетъ польза: дамъ я, говоритъ, песочку, напоите его пивъ въ чемъ-нибудь, хоть въ чаю, только не въ хмѣльномъ,

чтобъ онъ не зналъ, и дамъ записку, зашейте, говорить, ему въ одежду тихонько, пусть носить...

— И это можно. Однако сперва я ему поговорю, Андреюто, сказала Марья Борисовна.

Пробило двѣнадцать часовъ; столъ былъ накрытъ. Марья Борисовна уняла сестру обѣдать. Противъ обыкновенія пріѣхалъ и хозяинъ, но вмѣсто того, чтобъ садиться за столъ, онъ сѣлъ къ конторкѣ и принялся за счеты и записныя книжки; потомъ отперъ сундукъ, открылъ ящикъ конторки и принялся считать деньги. Пачки билетовъ развязывались, считались, ложились кучами на комодъ, записывались, и опять считались, и опять пересчитывались. Пробило часъ, два, три, а Дмитрій Андреевичъ все стучалъ счетами, повторялъ: десятки, сотни, тысячи, — и опять стучалъ счетами, считалъ, писалъ, и порой что-то энергически говорилъ самъ про себя, а порой стучалъ кулакомъ по комоду, раздумывая теръ рукою лобъ, о чемъ-то думалъ, о чемъ-то вспоминалъ, и опять принимался считать; словомъ, казалось онъ чего-то доискивался... Во все это время жена и кухарка только подходили къ двери, тихонько заглядывали и скрывались. Сама бойкая Ѳедосья Дмитревна приходила раза три, но отецъ казалось ее не замѣчалъ, а она, не зная какъ заговорить, опять уходила.

— Не знаю, не знаю что, сестрица, а такъ вотъ сердце и щемить, не передъ добромъ! Ужъ я знаю, что не передъ добромъ! что это онъ все считаетъ, да снова пересчитываетъ? знать чего не досчитывается?... говорила Марья Борисовна, обращаясь къ сестрѣ: — Да и васъ-то, сестрица, уняла обѣдать... а когда обѣдъ-то у насъ будетъ, и Богъ знаетъ? и подступиться къ столовой страшно!

— Э!... полно... что ты обо мнѣ-то хлопчешь! будемъ сыты! отвѣчала Анна Борисовна.

— Пятнадцать тысячъ не дощитываюсь! куда дѣвались эти пятнадцать тысячъ, ума не приложу? — вскричалъ вдругъ Дмитрій Андреевичъ: — спрошу еще Тимофѣича... — Но замѣтивъ Ѳедосью Дмитревну, онъ прибавилъ послѣшно: Давай-же на столъ скорѣй!

Ѳедосья Дмитревна въ мигъ догадалась, куда дѣвались

эти пятнатцать тысячъ, но все-таки слова отца поразили ее; она едва устояла на ногахъ. Она хотѣла ту-жъ минуту пересказать отцу все, что вчера слышала отъ Пелагеи, но языкъ ей не повиновался. Въ эту минуту вошла Марья Борисовна съ гостьей. Дмитрій Андреевичъ кивнулъ на поклонъ свояченицы, какъ и всегда, и молча сѣлъ за столъ. За столомъ тишина нарушалась только стукомъ ножей и вилокъ. Порой хозяинъ шепталъ: — двѣсти... полтора ста... и считалъ что-то по пальцамъ.

— Гдѣ-жъ Андрюша? — спросила вдругъ Федосья Дмитриевна — развѣ сегодня не будетъ обѣдать?

— Гдѣ Андрюша? Шелмецъ давеча съ утра присталъ ко мнѣ, хотъ съ ножомъ къ горлу: отпусти да отпусти съ Мышкиными на мельницу; и они пришли, просятъ, чортъ съ нимъ, и отпустилъ... — отвѣчалъ отецъ. — Вотъ вѣдь какая свинья безпутная, не понимаетъ, что пора самая, нужная... прибавилъ онъ потомъ.

— Что же дѣлать-то! человекъ молодой, хочется погулять; онъ у васъ какъ птичка въ клеткѣ.... замѣтила Анна Борисовна.

— Онъ еще со вчерашняго дня просилъ меня, чтобъ я отпросила его у тятеньки... прибавила мать.

— А вотъ можетъ быть и по милости сына твоего любезнаго не дощитываюсь я пятнатцати тысячъ! куда дѣвались? извѣстно украдены... не глядитъ, шелмецъ! дуракъ дуракомъ; только лѣнивый не надуетъ такого разнию, сказалъ отецъ.

— Какъ это, Дмитрій Андренчъ! неужели? — вскричала было Марья Борисовна поблѣднѣвъ.

— Да, не дощитываюсь.... Эй Маланья! скажи Семену, чтобы сѣзидилъ на судно за Иваномъ Тимофѣичемъ, чтобъ сказалъ ему, — что я его сейчасъ сюда требую... Пусть тамъ все бросить.... проговорилъ Дмитрій Андреевичъ.

Сестры переглянулись. Предчувствіе чего-то недобраго, еще болѣе зацемило сердце Марьи Борисовны, и она едва успѣла выйти изъ-за стола, какъ въ столовую вошелъ Иванъ Тимофѣевичъ, главный приказчикъ и правая рука Дмитрія Андреевича, неліцемерно служившій ему впро-

долженіе тридцати лѣтъ, сухощавый шестидесяти-лѣтній старичишка, лысый, съ маленькимъ остаткомъ сѣдыхъ волосъ на затылкѣ, съ рѣдкою черною впросѣдъ бородкою, съ слезящимися глазами, сгорбившійся подъ тяжелою перевозскою кулей и мѣшковъ, въ длинномъ старомъ сюртукѣ, съ ситцевымъ галстукомъ на шеѣ. Этотъ человекъ во всю жизнь свою, не думая объ удобствахъ жизни, жилъ у Подошвина; спалъ лѣтомъ на сѣновалѣ, зимою въ передней на ларѣ, на старомъ войлокѣ, на засаженной подушкѣ, набитой едвали не сѣномъ, только ужиналъ за общимъ приказчечскимъ столомъ, который раздѣляли и кучеръ и кухарка. Обѣдалъ Иванъ Тимофѣевичъ всегда въ лавкѣ, черствымъ калачомъ въ сухомятку, и въ постный и скоромный день. Онъ ни на шагъ не выходилъ изъ лавки, исключая времени когда приходило судно. И въ лавкѣ и на мокшапѣ, онъ сидѣлъ у ящика съ вырубкой, принималъ деньги, считалъ, записывалъ, носилъ ключъ у себя на поясу, и каждую субботу, сколько за недѣлю оставалось выручки серебромъ или мѣдью, мѣнялъ ее на ассигнаціи и сдавалъ хозяину. По воскреснымъ и табельнымъ днямъ, когда лавки были закрыты и когда жители города Привольска спѣшили къ заутреннѣ или ранней обѣднѣ, Тимофѣичъ по обыкновенію отправлялся въ лавку, сидѣлъ тамъ затворясь до-тѣхъ-поръ, пока откроются трактиры, потомъ шелъ въ ближній трактиръ, который посѣщалъ каждый день утромъ впродолженіе двадцати пяти лѣтъ, пилъ чай, и посидѣвъ до обѣда, въ затворенной лавкѣ одинъ (ни хозяинъ, ни прочіе приказчики, тогда не выходили), отправлялся домой обѣдать и заваливался спать до самаго вѣчера, лѣтомъ на сѣновалѣ, а зимою въ кухнѣ на полатяхъ, храня на весь домъ. Онъ, кажется, высыпался на цѣлую недѣлю, потому что каждый день выходилъ въ лавку когда еще всѣ спали. Кучеръ, по обыкновенію, отпирая ворота и протирая глаза, ругалъ шопотомъ Ивана Тимофѣевича на чемъ свѣтъ стоитъ. И этотъ-то безкорыстный сторожъ хозяйскихъ денегъ считалъ за хозяиномъ свое жалованье за цѣлыя двадцать пять лѣтъ, всего тысячъ около шести серебромъ, забирая только на самое необходимое. И велика ли была трагата на это необходимое? послѣдній сюртукъ сшитъ

былъ назадъ тому пятнадцать лѣтъ, а зимою старикъ носилъ поверхъ дубленаго полушубка какой-то толстый азамъ изъ бѣлаго сукна. Деньгами его пользовался хозяинъ отлично, онъ ему положилъ процентъ; но ни процентовъ ни капитала Тимофѣичъ никогда не требовалъ. Да и для чего ему было? родныхъ у него никого не было, другихъ связей онъ не имѣлъ. Онъ только помнилъ, что однажды во всю жизнь, какъ-то разъ поигралъ съ молодой кухаркой; кухарка его ушипнула, Марья Борисовна пришла на эту сцену и посмѣялась надъ нимъ, ему стало очень совѣстно, и съ-тѣхъ-поръ онъ сталъ смотрѣть изъ подлобья на кухарокъ и вообще на всѣхъ женщинъ. Съ кухарками онъ не хотѣлъ имѣть никакихъ сношеній, даже самъ собственноручно ушивалъ свои рубахи по вечерамъ. И такъ Тимофѣичъ жилъ въ домѣ Подошвина почти безсознательно, болѣе по привычкѣ, какъ старая вѣрная собака, не сознавая той пользы, какую онъ приноситъ хозяину, не требуя за свою службу платы. Дмитрій Андреевичъ очень дорожилъ Тимофѣичемъ и скорѣй считалъ его своимъ товарищемъ, чѣмъ приказчикомъ, совершенно увѣренный въ его честности; онъ ему вѣрилъ какъ самому себѣ, и при всемъ желаніи сколько-нибудь улучшить положеніе Ивана Тимофѣича, не могъ успѣть. Онъ приглашалъ его къ своему столу, но тутъ старому приказчику было какъ-то неловко, и онъ выходилъ изъ-за стола голодный. Хозяинъ велѣлъ поставить въ передней какой-то старый диванъ, но Тимофѣичъ сталъ спать на полу, говоря, что въ диванѣ водятся клопы, хотя ихъ совсѣмъ не бывало. Дмитрій Андреевичъ приказалъ Марьѣ Борисовнѣ нашить для приказчика новыхъ рубахъ, — и рубахи преспокойно лежали въ комодѣ Марьи Борисовны, потому что она не могла уговорить Ивана Тимофѣича взять ихъ. — Куда, Марья Борисовна, ивѣ съ ними дѣваться? Ну, помилуйте, идетъ ли старику, такъ щеголять? отговаривался Тимофѣичъ съ низкими поклонами.

Итакъ этотъ-то самый Тимофѣичъ, убѣленный мукой съ головы до ногъ, предсталъ предъ своимъ хозяиномъ. Онъ помолился и поклонился на всѣ стороны, въ томъ числѣ и хозяйкѣ съ сестрою, потомъ прижалъ свой мучной картузь

подъ мышку, и ожидалъ смиренно покуда заговорить хозяйнѣ. Той порой Маланья убрала со стола, сестры вышли въ спальню, а Федосья Дмитревна въ залу, гдѣ и сѣла возлѣ дверей, чтобъ ловче было слышать разговоры отца съ приказчикомъ.

— Тимофѣичъ!.... молвилъ хозяйнѣ, когда они остались одни.

Тимофѣичъ сдѣлалъ шагъ впередъ.

— Ну, что братъ скажешь?

— Что изволите спросить, Дмитрій Андреевичъ? отвѣчалъ приказчикъ.

— Мы, братъ, съ тобой старые дурни!...

— Такъ-съ!.... произнесъ съ разстановкою Тимофѣичъ, пощипывая свою бородку.

— Сколько за нынѣшнѣ лѣто наличной выручки съ мокшана?

— Двадцать пять тысячъ, отвѣчалъ приказчикъ.

— Сколько пачекъ у тебя запечатано?

— Двадцать пять было.

— По сколько въ пачкѣ?

— По тысячѣ. Да на нихъ на всѣхъ ярлычки!

— Какими билетами?

— Разными.... Упомнить не могу, а болѣе крупными.

Извольте посмотрѣть, на ярлычкахъ означено....

Дмитрій Андреевичъ опять открылъ сундукъ, и сталъ вынимать пачку за пачкою.

— Тимофѣичъ?

— Чего изволите!

— Садись пожалуста къ конторкѣ, считай, я что-то самъ себѣ не вѣрю, не лукавый ли со мной шутить?

Иванъ Тимофѣичъ бросилъ свой картузь на стулъ, вынулъ изъ кармана очки, и надѣвъ ихъ на носъ, сѣлъ и принялся за пачку.

— Видишь? спросилъ хозяйнѣ, указывая на припечатанный къ оберткѣ ярлычокъ.

— Вижу, тысяча, сказалъ приказчикъ и принялся считать билеты. Окончивъ, онъ разинулъ ротъ.

— Ну что?

— Нѣтъ двухъ-сотъ.... и Тимофѣичъ пересчиталъ еще разъ, и еще разъ. — Нѣтъ двухъ-сотъ! вскричалъ онъ наконецъ такъ, какъ будто что его ужалило.

Дмитрій Андреевичъ положилъ на счетахъ, двѣсти.

— Ну щитай эту, молвилъ онъ, подавая другую пачку. Тимофѣичъ сосчиталъ.

— Нѣтъ ста, всего девять-сотъ! проговорилъ онъ въ ужасѣ.

Хозяинъ положилъ на счетахъ: сто, и того триста!

— Считай! примолвилъ онъ, подавая третью пачку.

Приказчикъ считалъ.

— Нѣтъ двухъ-сотъ пятидесяти!.... и голова Ивана Тимофѣича пошла кругомъ.

Подошвинъ положилъ: двѣсти пятьдесятъ.... итого пять-сотъ пятьдесятъ....

— Считай!

И приказчикъ считалъ пачку за пачкою, какъ въ угарѣ; предъ его глазами носилось дымное облако, въ ушахъ звенѣло, билеты принимали какіе-то яркіе, радужные цвѣта, цифры двоились и троялись; но онъ считалъ, считалъ, считалъ....

Въ эту минуту дверь въ залу тихонько отворилась и Маланья поманила рукою Ѳедосью Дмитревну.

Она поспѣшно побѣжала въ свою комнату, гдѣ ее дожидалась Пелагея.

— Ну, что? спросила она нетерпѣливо.

— Тамъ-съ, еще съ утра.... — отвѣчала вѣстовщица. — Я все разузнала.... Вотъ я и поди къ Мироновнѣ-съ, что жъ? у нихъ двери на замокъ, но Мироновна по счастью меня узнала; ничего-съ, напоила чаемъ.... А у нихъ тамъ пиръ горой-съ, и Мышкины тамъ-съ, и еще кто-то-съ, понять не могу. Вотъ, я будто къ Мироновнѣ; погадай молъ!... Она говоритъ: что ты? да такой ли сегодня день? стану дескать я гадать! а сама такая пьяная-съ. Запоила меня чаемъ; говоритъ, хотѣли музыкантовъ, да отдумали, что очень шумно, будутъ останавливаться да слушать. Вотъ-съ, и позвали ширманку-съ, и, такъ и наигрываютъ плясовую-съ, а тамъ такъ топаютъ-съ, знать пляшутъ-съ.

— Что же ты Андрея-то видѣла? спросила Федосья Дмитриевна дрожащимъ голосомъ.

— Да гдѣ-же мнѣ, помилуйте-съ! вѣдь я боялась глаза-то туда показать-съ; голосъ-то слышала-съ, очень хорошо-съ, а тутъ какъ кто въ кухню ввернется, такъ я и за печку-съ, шмыгъ! боюсь, ножадуи и шею намылять-съ незваной гостѣй! вотъ видѣла какъ въ кухню входили-съ, воду пить-съ: почтаюишу, что съ полиціймейстеромъ живеть-съ, да Таньку, сестру предсѣдательской душеньки-съ!...

— Ну ихъ! хорошо, Палаша, спасибо тебѣ, мнѣ съ тобой долго разговаривать нельзя; хочешь оставайся, хочешь приходи завтра. И Федосья Дмитриевна поспѣшила опять въ залу и сѣла на свое мѣсто.

Отецъ и приказчикъ все еще повѣряли деньги.

— Довольно.... сказалъ Дмитрій Андреевичъ, когда положилъ на счетахъ четыре тысячи треста рублей серебромъ.

Тимофѣичъ снялъ очки и протеръ глаза, слезы такъ и били.

— А вотъ эти всѣ цѣлы! сказалъ Подошвинъ, подавая приказчику цѣльные пять пачекъ.

— Цѣлы, повторилъ Тимофѣичъ, пересчитавъ, и вопросительно глядѣлъ на Подошвина.

— Тимофѣичъ?

— Чего изволите...

— Что, братъ, скажешь? вѣдь, говорятъ, пятнадцати тысячъ ассигнаціями нѣтъ!

— Нѣтъ... почти безсмысленно повторилъ приказчикъ.

— Вѣрно у тебя были сосчитаны пачки?

— Дмитрій Андреичъ!.. не ужъ-то вы думаете? не ужъ-то вы?... говорилъ приказчикъ и привставъ затрясся какъ осиноиый листъ.

— Что-о! ты думаешь, старый хрѣнь, что я тебя дозрѣваю?.. перестань!.. произнесъ доврчиво хозяинъ: — Перестань, Тимофѣичъ! нѣтъ, можетъ ты общитался, такъ, со слѣпа, отъ старости... али изъ подъ рукъ унесли? вотъ что!

— Дмитрій Андреичъ! да что это мнѣ, первина что ли?

Пусть что другое не увижу, а ужъ это... да какъ вамъ говорить-то не грѣхъ? да тутъ я ощупью сосчитаю, такъ вѣрно будетъ; рука наторѣла Дмитрій Андреечъ; тридцать лѣтъ безъ мала считаю ваши деньги, да не просчитывалъ!.. говорилъ приказчикъ, выпрямивъ свою сторбленную спшу:— И какъ это пропали, ума не приложу...

— Однако, Тимофѣичъ, денежки-то пропали!..

— Вижу, что пропали; знать подборникомъ схожено, проговорилъ приказчикъ, наклоняясь и ощупывая крѣпкій неповрежденный замокъ сундука.

— Можетъ быть! а мы съ тобой, Тимофѣичъ, старые дурни, у насъ изъ подъ носу унесутъ, такъ не догадаемся, говорилъ противъ обыкновенія тихо Подошвинъ; но по его дрожащему голосу замѣтно было, что въ душѣ кнѣзла страшная злоба.

— Тимофѣичъ, какъ ты думаешь, кто меня обворовалъ?..

— Андрей Дмитричъ, сказала вдругъ показавшаяся на порогѣ Федосья Дмитревна.

Отецъ и приказчикъ, повернули къ ней головы и остались неподвижны какъ истуканы.

Блѣдное лицо Федосьи Дмитревны было покрыто багровыми пятнами, губы дрожали, глаза сверкали лихорадочнымъ блескомъ.

— Да, да! онъ васъ обманываетъ, васъ разоряетъ!.. васъ обкрадываетъ — сынъ вашъ!.. повторила она, выйдя на середину комнаты: — И я знаю, знаю въ какомъ домѣ оставлены эти пятнадцать тысячъ; да мало того, онъ еще собирается жениться на такой... на такой, которую, вамъ стыдно будетъ снохой-то звать! Онъ сегодня сказалъ, что ѣдетъ къ Мышкинымъ на мельницу, а вмѣсто того дебоширничаетъ въ позорномъ домѣ и вмѣстѣ съ Мышкинымъ! не хотите ли увѣриться гдѣ онъ? я вамъ скажу — онъ и теперь тамъ... я вамъ расскажу, если прикажете, какъ я это узнала!..

И отецъ и приказчикъ изумленными глазами поглядывали то другъ на друга, то на Федосью Дмитревну.

— Я вамъ расскажу тятенька, если прикажете... повторила она.

Дмитрій Андреевичъ только сдѣлалъ знакъ рукою, чтобъ она говорила, и весь обратился вслухъ.

Федосья Дмитревна, ожидавшая за свою выходку бурной сцены, съ удивленіемъ встрѣтила такую тихую внимательность со стороны отца и, можно сказать, на радости превзошла самое себя, особенно описывая роскошь, которою Андрюша окружилъ свою возлюбленную. По словамъ ея, квартира Лукишны едва ли была не пышнѣй дворцовъ царицъ восточныхъ.

Отецъ и приказчикъ слушали ее не перерывая, первый по временамъ покусывалъ губы, второй, пощипывалъ бороду.

— Дѣло ясно, какъ ты думаешь Тимофѣичъ? сказалъ хозяинъ, обращаясь къ приказчику, когда кончила дочь.

— Дѣло ясно, Дмитрій Андреичъ, промолвилъ приказчикъ: — Ясно какъ день!

— А Антонъ? что скажешь объ Антонѣ!

— Плуть, мошенникъ, Дмитрій Андреичъ!

— Сослать его!

— Сослать его!

— О, хо-хо-хо?... И Подошвинъ противъ обыкновенія, не раздражаясь ругательствами, всталъ и заходилъ по комнатѣ, какъ будто что-то обдумывая; приказчикъ молча слѣдовалъ за нимъ глазами. Такъ прошло съ четверть часа.

— Просто, тятенька-съ, сердце коробомъ коробить какъ подумаешь! вы-то заботитесь да беспокоитесь объ насъ, а деньги-то куда все идутъ? кто ими пользуется-съ? — заговорила было Федосья Дмитревна; но отецъ молча махнулъ рукою, и дочь, думавшая навести разговоръ на обезпеченіе себя, принуждена была замолчать.

Дмитрій Андреевичъ сѣлъ опять къ сундуку, и принялся считать деньги. Пошелъ дождь. Было уже восемь часовъ, а хозяинъ и приказчикъ все сидѣли за счетами. Федосья Дмитревна, соскучившись сидѣть, ушла. Маланья по обыкновенію, явилась было съ самоваромъ.

— Не надо... сказалъ отрывисто и угрюмо хозяинъ. И кухарка отправилась въ спальню хозяйки, гдѣ сестрицы отвели души въ отсутствіе хозяина. Вошла къ матери и

дочь; — во Федосья Дмитревнѣ не шелъ чай въ горло, она то и знай выбѣгала въ залу и подслушивала у дверей, что дѣлають и что говорятъ отецъ съ Иваномъ Тимофѣичемъ; но старики все также по прежнему спокойно считали. Дождь пошелъ проливной, на небѣ нахлобучило и сдѣлалось довольно темно, когда въ девять часовъ пришли приказчики. Антона не было.

— Гдѣ-жъ Антонъ? — Спросилъ хозяинъ.

— Антонъ Антонычъ ушолъ-съ къ матери, мать у него захворала-съ. — отвѣчалъ одинъ парень.

— А!... проворчалъ хозяинъ, и принялся тщательно укладывать деньги въ сундукъ, ключъ отъ котораго положилъ въ карманъ жилета.

— Ну, Тимофѣичъ, поѣдемъ!... примолвилъ онъ, принимаясь за картузъ.

— Поѣдемъ, Дмитрій Андреечъ! — сказалъ приказчикъ — и старики поѣхали.

Иванъ Тимофѣичъ, увѣренный что они ѣдутъ на судно, очень удивился, когда Подошвинъ приказалъ ѣхать Семену въ ту улицу, гдѣ жила Лукишна. Смѣтливый Семень догадался, — зная на-вѣрно гдѣ пируетъ молодой хозяинъ, — и желалъ бы дать знать Андрюшѣ о наступающей грозѣ, да не могъ, а потому хотя и не охотно, долженъ былъ повиноваться старому хозяину.

Дмитрій Андреевичъ велѣлъ остановиться не доѣзжая до квартиры портнихи, и сошелъ съ дрожекъ. Дождь такъ и хлесталъ; прохожіе поспѣшно бѣжали мимо Подошвина, не обращая на него вниманія, да и самъ Дмитрій Андреевичъ такъ нахлобучилъ свой картузъ и закрылъ лице воротничкомъ накинутой чуйки, что узнать его было очень трудно.

— Тимофѣичъ, поѣдемъ!... сказалъ онъ тихо приказчику, и показалъ на окна квартиры Секлетен.

— Дмитрій Андреечъ!... да какъ?... покусился было Тимофѣичъ возразить хозяину въ первый разъ въ жизни.

— За мной!... повторилъ Подошвинъ такимъ тономъ, что уже противорѣчить Иванъ Тимофѣичъ нашелъ бесполезнымъ. И старики пошли на дворъ.

Рядомъ съ квартирою Лукишны была квартира часоваго

мастера, въ которой Дмитрій Андренчъ бывалъ не разъ, а потому дорога ему была нѣсколько знакома. На соборной колокольнѣ пробило десять часовъ, когда хозяинъ съ приказчикомъ поднялся на лѣстницу. На самомъ верху, лицомъ къ лицу, Дмитрій Андреевичъ столкнулся съ Антономъ, который вѣроятно вышелъ прохолодиться.

— Ты за чѣмъ здѣсь, мерзавецъ?... спросилъ хозяинъ, такимъ голосомъ, что у скромнаго приказчика захолонуло сердце и весь именинный хмѣль выскочилъ изъ головы.

— Я... я... съ... Андре...емъ Дми...тричемъ-съ? едва слышно проговорилъ Антонъ, заминался и забывая, что выдаетъ своего молодого хозяина.

— А!!! ты его сюда привелъ? да, и... каналья!... болѣе старикъ не могъ говорить. Раздалась звонкая пощечина, и Антонъ, стоявшій на самомъ краю лѣстницы, потерялъ равновѣсiе отъ полновѣснаго удара и со стукомъ покотился внизъ.

— Кто-то упалъ съ лѣстницы? Кто-то скатился съ лѣстницы? зашумукали въ квартирѣ часоваго мастера, и голова стараго нѣмца выглянула изъ дверей. Два мальчика выскочили узнать.

Но изъ квартиры Лукишны никто не показывался. Только звуки шарманки вырывались оттуда. Двери передней не были заперты, и старикъ вошелъ безпрепятственно. Направо была дверь въ кухню, гдѣ пьяная старуха Мироновна вела пескончаемую бесѣду съ извозчикомъ о томъ, скоро ли у нихъ будетъ свадьба Марѣи Спиридоновны съ Андреемъ Дмитричемъ, и не замѣтила, какъ вошли нежданные и незваные гости.

— Дмитрій Андренчъ! какъ бы насъ, того-то... прощенталъ Тимофѣичъ, схвативъ хозяина за чуйку и ударяя себя тихонько кулакомъ.

Дмитрій Андреевичъ какъ-то отчаянно кивнулъ головою, и пошелъ въ залу. По случаю темнаго вечера, въ квартирѣ Лукишны были зажжены свѣчи. Въ залѣ, освѣщенной одной свѣчей, никого не было. Въ гостиной, передъ диваномъ на кругломъ столѣ, стоялъ остывшій самоваръ, опорожненныя бутылки, недопитые стаканы и остатки закусокъ на тарелкахъ, но также не было ни души. Веселое общество забра-

лось въ третью комнатку, выходящую окнами на дворъ, завѣшенными для безопасности шалами и одѣялами. Пьяный шарманщикъ, поставивъ шарманку на стулъ, нестово наигрывалъ: «Я вечеръ, млада, во пиру была...

Эту же пѣсню пѣли подъ шарманку, стоя другъ противъ друга, Секлетья Лукишна съ однимъ изъ братьевъ Мышкиныхъ. Портниха, выставивъ важно правую ногу впередъ, и уперши лѣвую руку въ свою чертянутую талію, правую рукою размахивала въ тактъ пѣсни.

Мышкинъ, раскачиваясь и кивая головою, оралъ неестественнымъ басомъ, глядя посоловѣлыми глазами на хозяйку, у которой полная шея была вся открыта. Пышная прическа не много растрепалась, глаза блестѣли; правда, бѣлила не много слиняла около глазъ и рта, за-то щеки алѣли вовсе не отъ румянъ.

Возлѣ ихъ, на комодѣ, стояла между двухъ огней початая длиннорляя бутылка и подносъ съ кондитерскими конфетами. Въ другомъ углу другой Мышкинъ сидѣлъ между Танькою, сестрою предсѣдательевой душеньки (какъ выразилась Пелагея), и какою-то другою особою въ полосатомъ платьѣ и съ подкрашенными бровями. Онъ говорилъ имъ такіе каламбуры, что еслибъ его дамы были въ состояніи краснѣть, то безъ сомнѣнія бы краснѣли до ушей и просто прогнали бы отъ себя.

Въ сторонѣ, въ полусумракѣ, на маленькомъ диванѣ, возлѣ имянницы, лѣпился на самомъ краю Андрюша; лѣпился онъ потому, что Мароа Спиридоновна заняла почти весь диванъ своимъ новымъ, хотя уже залитымъ виномъ и запачканнымъ въ варенихъ платьемъ. Почтальонша, живущая съ полиціймейстеромъ, разхаживала по комнатѣ, шумя платьемъ, и подходя безпрестанно къ комоду, то набивала карманъ конфетами, то любуясь собою въ зеркалѣ, поправляла красныя ленты на чепцѣ.

Въ сосѣдней комнаткѣ, служившей хозяйкамъ спальнею, вокругъ стола, на которомъ стоялъ графинъ очищенной, сидѣли двѣ пары. Во-первыхъ жена лавочника изъ мелочной лавочки, гдѣ Лукишна забирала всякую всячину и приказчика Мышкиныхъ, который состоялъ при юныхъ своихъ хо-

заявахъ чѣмъ-то въ родѣ тѣлохранителя, особенно послѣ дружескихъ попоекъ, когда тѣла ихъ теряли всякое сознание и поступали подѣ его непосредственный присмотръ; толстая баба лавочница увѣряла его, что она самая честная жена, и божилась, что своего мужа не промѣняетъ на *кого-нибудь*, потому что и сама не *какая-нибудь*. Приказчикъ безпрестанно повторялъ: — позвольте сказать!... позвольте сказать! но сказать болѣе ему собесѣдница не позволила, или лучше, сама не слышала его словъ, стараясь его перекричать. Вторая пара состояла изъ молодаго купчика въ пестромъ жилетѣ, съ усамп, закадычнаго пріятеля Мышкиныхъ, которой куриль изъ длиннаго чубука, и дымя немилосердно, пускалъ ртомъ и носомъ удивительныя кольца, и маленькой черненькой вдовы, коллежской регистраторши, состоявшей при хозяйкахъ чѣмъ-то въ родѣ домашней швеи; она увѣряла съ жаромъ своего сосѣда: — что купецъ, и будетъ купцомъ, — не то что чиновникъ, отъ купца все мужикомъ пахнетъ....

И вся эта четверня то и знай по очередно прикладывалась къ графину. Наконецъ лавочница, облокотясь на столъ, затянула: — Не бѣлы-то снѣжки....

Вдовушка прищурясь, замурыкала съ разными варіаціями:

«Мужчины на свѣтѣ,
Какъ мухи, къ намъ лнуть»...

Купчикъ куриль и посвистывалъ; приказчикъ задумался.

— Маничка! ну, чтожь душка? все только на перстенекъ-то смотришь, а на меня и не взглянешь? Не ужь-то эта дрянъ тебѣ милѣе меня? — обратился Андриша къ своей дамѣ, которая любовалась блескомъ бриліантоваго кольца на лѣвой рукѣ, между тѣмъ какъ правая лежала въ его рукѣ.

— Ужъ надоѣлъ — все одно, да одно... отвѣтила она, надувъ губки и отвернувшись.

— Э!... да ты не нашутку съ душкомъ?... Однако сегодня-то не слѣдовало бы сердиться, мой котеночекъ.... Онъ пожалъ ей руку.

— Ой, ой! какой медвѣдь! руку ломаешь!

— Ужъ и медвѣдь? почему я медвѣдь? Да не вырывавай ручонки-то... вѣдь ужъ не выпущу, самой больно будетъ.

Ну, скажи, отчего я похожъ на медвѣдя? — И Андрюша хотѣлъ поцѣловать свою собесѣдницу, — привсталъ, и наступилъ ей на платье.

— Вотъ — развѣ не медвѣдь? Всѣ вы лабазники — медвѣди настоящіе.... Давеча чортъ Мышкинъ залилъ меня всю виномъ, а теперь ты оборвалъ.... проговорила Мароа Спиридоновна.

— Вотъ, есть о чемъ тужить! развѣ я тебѣ не подарю платья? подарю.... лучше этого, втрое лучше.... подарю.... хвасталъ Андрюша.

— Да! подаришь! не подаришь!.. подразднивала Сирена.

— А подарю! ей Богу подарю! завтра же подарю... хочешь? Ужъ какъ-же тебѣ не грѣхъ такъ думать про меня? про кого? променя-то? Да развѣ я чего жалѣлъ для тебя? Вчера ты захотѣла платья, ну, и платье готово.... пожелала колечка! ну и кол.... да что говорить! ты мнѣ всего дороже!... говорилъ восторженно Андрюша, смотря нѣжно на Мароу Спиридоновну.

— Вѣдь ты красавица! ей-ей красавица! — И онъ опять хотѣлъ ее поцѣловать, но Мароа опять ловко увернулась.

— Ладно.... сказала она въ полголоса: — хороша я, больно хороша, а какъ только вашъ братъ отошелъ прочь, попалась другая.... Ну, и прощай!...

— Другая? за чѣмъ мнѣ другая? мнѣ не нужно другой! — разсуждалъ Андрей Дмитричъ, въ головѣ котораго выпитое вино уже производило свое дѣйствіе. — Нѣтъ!... ты одна.... вотъ и все! навсегда моя!...

— Послушай, Андрюша! вѣдь ты это говоришь вотъ теперь, покуда возлѣ меня сидишь, да еще вдобавокъ выпивши, сказала Мароа Спиридоновна, придвинулась къ нему, положила руку ему на плечо и смотрѣла нѣжно въ глаза: — А трезвый-то и не подумаешь! не говори.. знаю! продолжала она зажимая ему ротъ, когда онъ хотѣлъ что-то возразить. Знаю... отецъ за тебя высватаетъ богатую невѣсту... ну, ты и женишься... а меня и забудешь... со всѣмъ забудешь... да и что я? я бѣдная, немущая спротника! Мароа готова была кажется заплакать. Слезы навернулись на глазахъ Андрюш.

— Никогда! вскричалъ онъ, вскочивъ, и сжалъ ея руки въ своихъ, такъ что пальцы загрузѣли.

— Ой, ой! пальцы всѣ сломаешь!..

— Никогда! повторилъ онъ садясь, потому что ноги ему измѣняли и въ глазахъ всѣ предметы начали плясать.

— Да, это ты только теперь говоришь!

— Такъ я дамъ клятву... ну, чтожъ — я клятву дамъ!.. а ужъ что сказалъ, такъ и будетъ... а то отецъ... что мнѣ отецъ? я не боюсь никого!.. развѣ все на помочахъ меня будутъ водить? отецъ? плевать я хотѣлъ... пусть онъ тамъ хоть... хоть лопнетъ. Эхъ Маничка... Маничка! я только только... какъ тебя узналъ...

Голова сильно кружилась у Андрюши.

— Да вѣдь все-жъ, если не позволить отецъ?... твердила свое Маничка.

— Ну, не позволяй... не позволяй... а мнѣ очень нужно позволеніе-то его! кричалъ Андрюша, все болѣе приходя въ сердце.

— Тфу, канальство, какъ Андрей-то разходилъ... замѣтилъ Мышкинъ, кончивъ пѣсню и подходя къ бутылкѣ, чтобы промочить горло: — А завтра будетъ тише воды, ниже травы!

— Ну, ужъ извини братецъ! я тебѣ скажу, что... заду... малъ, то ис...полню, да я вотъ день и ночь... все думаю, а вы, вотъ Марѳа Сипридоновна, холодны ко мнѣ... да, холод... а то отецъ... важность! продолжалъ Андрюша, все болѣе и болѣе задумываясь надъ каждымъ словомъ.

— Маничка! что Андрей Дмитричъ жалуется на твою холодность? А? развѣ съ женихами такъ поступаютъ? замѣтила Секлитея Лукишна, подходя и садясь по другую сторону племянницы.

— Ничего тетенька! шутики... отвѣчала племянница смѣясь.

— То-то шутики!

— Хо...лодны, промышалъ Андрюша: — Отецъ... отецъ! какъ будто... пуга...ломъ страшатъ...

— Хорошо, братъ Андрюша, такъ хорохориться, когда находишься въ отдаленности отъ своего батюшки; посмо-

тримъ, каково-то завтра запоешь?.. я думаю, овъ тебя по головкѣ не погладитъ? отозвался опять Мышкинъ.

— Такъ врешь же ты, каналья, если думаешь, что я отца боюсь! такъ докажу же я тебѣ, что я его не боюсь! да, докажу тѣмъ, что ночевать домой не пойду... не пойду, да и все? вскричалъ въ бѣшенствѣ Андрей Дмитричъ и вскочилъ, какъ ужаленный, сознавая инстинктивно, что товарищъ дразнить его: — Да! я не боюсь, не боюсь его.... пусть сюда придетъ!...

— Я здѣсь!.. сказалъ кто-то рѣзкимъ голосомъ.

Андрюша поднялъ голову. Передъ нимъ стоялъ отецъ.

АЛЕКСАНДРА КОБЯКОВА.

ДВА СТИХОТВОРЕНІЯ Я. П. ПОЛОНСКАГО.

I.

Для немногихъ.

Мнѣ не далъ Богъ бича сатиры:
Моя душевная гроза
Едва слышна въ аккордахъ лиры —
Едва видна моя слеза.
Ко мнѣ видѣнья прилетаютъ,
Мнѣ звѣзды шлютъ нѣмой привѣтъ;
Но мнѣ немногіе внимаютъ —
И для немногихъ я поэтъ.

Я не взываю къ дальнимъ братьямъ,
Мои стихи — для ихъ оковъ,
Подобны трепетнымъ объятіямъ,
Простертымъ въ воздухъ. Вѣщихъ словъ .
Монхъ не слушаютъ народы.
Въ моей душѣ проклятій нѣтъ;
Но въ ней журчитъ родникъ свободы
И для немногихъ я поэтъ.

Подслушавъ ропотъ Немезиды,
Какъ божеству я вѣрю ей;
Не мнѣ, а ей карать обиды,
Грѣхи народовъ и судей.

Меня глубоко возмущаетъ
 Все, чѣмъ гордится грязный свѣтъ....
 Но къ музамъ грязь не прилипаетъ,
 И — для немногихъ я поэтъ.

Когда судьба меня карала —
 Увы! всѣмъ общая судьба —
 Моя душа не уставала,
 По силамъ ей была борьба.
 Мой крикъ, мой плачь, мои стenanья
 Не проникали въ міръ суетъ.
 Тая безплодные страданья,
 Я для немногихъ былъ поэтъ.

Я знаю: область есть иная,
 Тамъ разумъ Вѣчнаго живетъ —
 О жизни тамъ, живымъ живая,
 Любовь торжественно поетъ.
 Я, какъ поэтъ, ей жадно внемлю,
 Какъ гражданинъ, сердцама въ отвѣтъъ
 Слова любви свожу на землю —
 Но — для немногихъ я поэтъ.

II.

Иная зима.

Я помню, какъ дѣтми, съ румяными щеками,
 По снѣгу рыхлому мы бѣгали съ тобой —
 Насъ добрая зима косматыми руками
 Ласкала и къ огню сгоняла насъ клюкой;
 А позднимъ вечеромъ твои сіяли глазки,
 И на тебя глядѣлъ изъ печки огонекъ,
 А няня старая намъ сказывала сказки,
 О томъ, какъ жилъ да былъ на свѣтѣ дурачокъ.

Отд. I.

17

Съ тѣхъ поръ прошла для насъ весна съ улыбкой мая,
И лѣтній жаръ простылъ — и вотъ, слышишь вой
Осенней бури, къ намъ идетъ зима иная,
Зима бездушная — и ужъ грозитъ клюкой.

А няня старая ужъ ножки протянула,
И спитъ себѣ въ гробу, и даже не глядитъ,
Какъ ты, усталая, къ моей груди прильнула,
Какъ будто слушаешь, что сердце говоритъ!
А сердце въ эту ночь, какъ няня, къ дѣтской ласкѣ
Нравнодушное, раздуло огонекъ,
И на ушко тебѣ рассказываетъ сказки
О томъ, какъ жилъ да былъ на свѣтѣ дурачокъ.

ВЕСНА.

Опять незримыя усяля,
Опять невидимыя крылья
Приносятъ сѣверу тепло.
Все ярче, ярче дни за днями,
Ужъ солнце черными кругами
Въ лѣсу деревья обвело.

Заря сквозитъ отгѣнкомъ алымъ,
Подернуть блескомъ небывалымъ
Покрытый снѣгомъ косогорь.
Еще лѣса стоятъ въ дремотѣ,
Но тѣмъ слышнѣе въ каждой нотѣ
Пернатыхъ радость и задоръ.

Ручьи, журча и извиваясь,
И межъ собой перекликаясь,
Въ долину гулкую спѣшать,
И разыгравшіяся воды
Подъ бѣломраморные своды
Съ веселымъ грохотомъ летять.

А тамъ, по нивамъ, на просторѣ,
Рѣчка раскинулась какъ море,
Стального зеркала свѣтлѣй,
И рѣчка къ ней, на середину,
За льдиной выпускаетъ льдину,
Какъ будто стаю лебедей.

А. ФЕТЬ.

ОДНА ИЗЪ АДМИНИСТРАТИВНЫХЪ КЛАССЪ.

Статья первая.

I.

Разсказываютъ, что какой-то профессоръ лѣсоводства, желая обрисовать коротко и сильно всю важность лѣсовъ, началъ свою лекцію такъ: «человѣка не было, но лѣсъ былъ; — человѣкъ есть и лѣсъ есть; человѣкъ не будетъ, — но лѣсъ будетъ». Подобный приступъ можетъ казаться страннымъ только тѣмъ, кто недостаточно проникъ въ тайны лѣсоводства какъ науки и не имѣетъ яснаго понятія о кабинетныхъ любителей лѣсоводства. У насъ, т. е., въ Россіи не узнаешь ни того, ни другаго; мы до-сихъ-поръ все сбивались въ лѣсничье, мы душевно желали сдѣлаться и форст-мейстерами и ферстерами и даже учеными лѣсничими; но все какъ-то выходило не то. За лѣсоводствомъ надо ѣхать въ Германію; только тамъ живетъ въ лѣсахъ лѣсная наука, только тамъ есть настоящіе кабинетные лѣсоводы и только тамъ уваженіе къ лѣсничимъ высказывается неизвѣстными поэтами подобными стихами:

Und kömmt du an des Jägers Pforte,
Und siehest ein Geweih daran,
So lies auch ohne Schrift die Worte:
Hier wohnt ein braver Mann.

Русскіе, побывавшіе въ Германіи, остаются вполне довольны тамошними выметенными лѣсами; этого мало — нашимъ казеннымъ лѣсничимъ даже колятъ глаза нѣмецкой честностью, любовью тамошнихъ лѣсничихъ къ своему дѣлу, не подозрѣвая нисколько, что причесанное и напомаженное нѣмецкое лѣсоводство скрываетъ подъ приличной наружностью крайнюю внутреннюю пустоту и полный застой экономическихъ понятій.

Чтобы дойти до такого убѣжденія недостаточно видѣть нѣмецкіе лѣса изъ вагоновъ желѣзныхъ дорогъ, или столкнуться съ саксонскими лѣсничими въ Albert's salloo въ Тарантѣ; нужно еще походить по разнымъ лѣсамъ, въ разныхъ нѣмецкихъ государствахъ и побесѣдовать съ лѣсничими за кружкой пива или за стаканомъ вина. И то и другое въ Германіи очень удобно; стоитъ только назвать себя лѣсничимъ, и каждый нѣмецкій ферстеръ въ полномъ распоряженіи своего гостя, или говоря вѣрнѣе, любознательный иностранецъ въ полномъ распоряженіи ферстера: — иногда мало недѣли, чтобы отдохнуть отъ трехчасовой экскурсіи. Что же касается до бесѣды за кружкой пива, то въ Германіи дѣло это устроивается очень легко: — въ любомъ маленькомъ мѣстечкѣ можно найдти пивной кабакъ.

Всѣмъ извѣстно какое пріятное впечатлѣніе производитъ Германія на посѣщающаго ее въ первый разъ, — все смотритъ тамъ благоденствіемъ и довольствомъ, чистотой и порядкомъ; и на лѣсничаго Германія производитъ тоже впечатлѣніе, но впечатлѣніе больше специальное, потому что онъ путешествуетъ съ специальной цѣлью: учиться лѣсоводству; отъ этого весь маршрутъ лѣсничаго составленъ такъ, что не проходи желѣзныя дороги чрезъ главные, большіе торговые, промышленные и правительственные города, лѣсничій и не заглянулъ бы въ нихъ; любовь къ лѣсоводству влечетъ его въ центры лѣсной мудрости; туда, гдѣ ученые лѣсничіе творятъ науку лѣсоводства, туда, гдѣ онъ найдетъ отличныя насажденія бука и дуба и гдѣ ожидаетъ его высокое наслажденіе увидѣть посадки и посѣвы лѣса; то, что германскіе лѣсничіе называютъ культурами и дальше чего современная наука нѣмецкаго лѣсоводства идти уже не въ состояніи.

Какъ хорошо нѣмецкое лѣсоводство и какъ хороши нѣмецкіе лѣсничіе пока ихъ не узнаешь короче! даже объ единичныхъ деревьяхъ, растущихъ въ Германіи одиноко среди полей, думаешь лучше, чѣмъ они есть. Когда поѣздъ желѣзной дороги, переваливъ границу, понесся уже не по русской землѣ, повизна всего меня окружающаго подѣйствовала на меня такъ пріятно и на душѣ сдѣлалось такъ легко, что первое время я даже боялся вѣрять, что я за-границей, — ну, а какъ воротятъ?... однако этого не случилось и я безъ всякихъ приключеній добрался до Дрездена.

О Германіи я имѣлъ самое смутное понятіе; изъ разныхъ курсовъ лѣсоводства я зналъ, что въ тамошнихъ лѣсахъ хоть и растутъ сосны и ели, но иначе чѣмъ у насъ; что кромѣ сосновыхъ есть тамъ еще какіе-то буковые лѣса, отличающіеся удивительной красотой и чистотой и что какой-то короѣдъ (насѣкомое), истребилъ когда-то огромное пространство лѣсовъ на Гарцѣ; эти собственно ученые свѣдѣнія о Германіи дополнялись весьма отрывочными свѣдѣніями о нравахъ и обычаяхъ мѣстныхъ жителей; такимъ образомъ я зналъ, что въ Саксоніи можно жить очень дешево, что in Sachsen die schönen Mädchen wachsen, что знаменитой тарантской академіей für Forst und Landwirthe управляетъ Oberforstrath баронъ Бергъ и что въ Губертусбургѣ я найду отличнаго практическаго лѣсничаго Цинкернагеля. Нельзя сказать, чтобы изъ подобныхъ данныхъ можно было вывести какое-нибудь точное заключеніе о странѣ, въ которую я ѣхалъ; но мнѣ это и не было нужно. Съ молоду, со школьной скамейки лѣснаго института, я вынесъ полиѣйшее уваженіе ко всевозможнымъ лѣсоводственнымъ сочиненіямъ, написаннымъ въ Германіи, и хоть плохо понималъ, почему о такомъ не слишкомъ важномъ предметѣ люди спорятъ и пишутъ такъ много, — но вѣрилъ своимъ учителямъ на слово, и былъ полонъ какого-то бессознательнаго уваженія къ Германіи, не лишенаго въ нѣкоторой степени и страха. Да и какъ было не уважать людей, которые писали такія умныя и непонятныя для меня книжки! Извѣстно какое вліяніе обнаруживаютъ на человѣка впечатлѣнія его первой молодости; поэтому не удивительно нисколько, что даже на первопопав-

шуюся мнѣ въ Германіи сосну я смотрѣлъ съ особеннымъ любопытствомъ; но сосна меня разочаровала: это была обыкновенная *Pinus sylvestris*, какъ и у насъ на сѣверѣ, но только корявая и какая-то общипанная. Далѣе попался лѣсокъ; лѣсокъ былъ хорошъ, но ужъ черезъ чуръ чистъ. Потомъ начались знакомства съ лѣсничими и съ лѣснымъ хозяйствомъ Германіи; и тутъ только я увидѣлъ, что насъ учили Богъ знаетъ чему; — хорошо имѣть выметенные лѣса, но однако этого еще мало, а быть лѣсничимъ по нѣмецкому образцу и вовсе не заслуга. Намъ все равно съ чего начинать; наше настоящее не наша выдумка, — мы взяли его цѣлкомъ отъ нѣмцевъ и оно оказалось плохимъ; чѣмъ трагитъ время на перекройку вѣтхаго чужаго кафтана, взятаго на прокатъ, лучше сшить кафтанъ новый. Нужна ли намъ, по примѣру Германіи, своя каста лѣсничихъ? Что это за наука лѣсоводства, у которой есть своя лѣсная математика, своя лѣсная химія, своя лѣсная политическая экономія и своя лѣсная полиція? Наконецъ, въ какой степени сами правительства, думая сберечь лѣса, способствовали развитію касты съ ея узкимъ кругозоромъ и замкнутымъ ученіемъ и изъ лѣсничаго дѣлали не гражданина, а цѣховаго мастера и чиновника, и какъ самое воспитаніе было направлено къ этой цѣли. Вотъ вопросы, которые явятся непремѣнно, когда поживешь между нѣмцами-лѣсничими и отвѣтъ на которые можно найти только въ Германіи, и преимущественно въ ея тупоумномъ специальномъ воспитаніи лѣсничихъ. Отвѣтъ же этотъ важенъ для насъ не только потому, что у насъ считается до 160,000,000 десятинъ лѣсовъ, въ томъ числѣ казенныхъ до 108 миліоновъ, существуетъ казенное лѣсное управленіе, казенные лѣсничіе, казенное лѣсное воспитаніе, казенное вмѣшательство въ управленіе частными лѣсами, — однимъ словомъ казенное лѣсоводство; но и потому еще, что кромѣ цеха лѣсныхъ дѣлъ мастеровъ, найдутся у насъ и другіе цехи — можетъ быть и они хвораютъ нѣсколько болѣзнью германскихъ лѣсничихъ.

II.

Лѣснычїе и лѣсное дѣло не пользуются у насъ особой популярностью; о лѣсахъ извѣстно не много, а объ историческомъ развитїи казеннаго управленїя лѣсами еще менѣе. Считаю нелишнимъ сказать объ немъ нѣсколько словъ, потому что безъ знакомства съ прошедшимъ настоящее будетъ несовсѣмъ ясно.

Иностранцы, посѣщавшіе до-петровскую Россїю, оставили довольно интересныя свѣдѣнїя о тогдашней ея лѣсистости. Россїя въ древности была очень богата лѣсами. Иосафатъ Барбаро, бывшїй у насъ въ началѣ XV вѣка, говоритъ, что лѣтомъ никто не отваживается въ Россїи въ дальнїй путь; — причиной большая грязь и множество мошекъ, порождаемыхъ огромными лѣсами, почти вовсе необитаемыми. Барбаро ѣхалъ изъ Таны — нынѣшнїй Азовъ, посадъ въ екатеринославской губернїи — чрезъ Астрахань, вверхъ по Волгѣ, потомъ повернулъ на Рязань, Коломну и Москву. На Волгѣ путешественникъ замѣтилъ множество острововъ. На этихъ островахъ попадались такїя огромныя липы, что изъ одного кряжа можно было выдолбить лодку, способную вмѣстить восемь или десять лошадей и столько же людей. Первый городъ, лежавшїй на пути Барбаро отъ Москвы на Польшу, была крѣпость Троки; дорога на него тянулась чрезъ лѣса и горы; лишь по временамъ встрѣчались слѣды огня, разведеннаго путниками для ночлега, да изрѣдка мелькали деревеньки (Б. И. П. Иос. Барбаро, стр. 57, 58 и 59).

Амвросїй Конторини, посѣтившїй Россїю послѣ Барбаро, именно въ концѣ XV столѣтїя, говоритъ, что Москва окружена обширными лѣсами, покрывающими почти все пространство Россїи. Дороги наши лѣтомъ почти вовсе непроходимы отъ грязи, и перевозка тяжестей и ѣзда возможны только зимой. О дорогѣ отъ Москвы на Троки Конторини сообщаетъ бѣльшія подробности: «Нужно замѣтить, говоритъ онъ, что съ отъѣзда нашего изъ Москвы, т. е. съ 12-го января, по самый день прибытїя въ Троки, т. е. по 12-го февраля, мы

постоянно ѣхали по ровному, лѣсистому мѣсту и лишь изрѣдка встрѣчали небольшіе холмы. Иногда попадались намъ по до-рогѣ маленькія деревушки, въ которыя мы заѣзжали для отдыха, чаще же проводили ночи въ лѣсу. Въ полдень останавливались мы для обѣда и почти всегда находили на снѣгу остатки разведеннаго огня, забытаго вѣроятно путниками, прежде насъ тутъ бывшими, а также проруби во льду для лошадей и разные другіе признаки недавняго ночлега. Подложивъ въ огонь нѣсколько дровъ, мы обыкновенно садились вокругъ костра и подкрѣпляли себя пищей; когда же одинъ бокъ начиналъ сильно зябнуть отъ стужи, то переворачивались на другой» (Б. И. П. Амвросій Конторини, стр. 109, 110, 118 и 119).

Вслѣдствіе обилія лѣсовъ, они не имѣли почти никакой цѣны; напримѣръ, въ 1551 году были отданы въ двинскомъ уѣздѣ лѣса въ оброкъ пяти крестьянамъ, съ тѣмъ, чтобы рубить лѣсъ на пять соляныхъ варницъ, косить пожни и пользоваться всѣмъ наноснымъ лѣсомъ. За все это арендаторы обязаны были платить въ годъ пятьдесятъ бѣлокъ. Въ 1587 году крестьянинъ унженскаго уѣзда просилъ дать ему для пчеловодства лѣсу верстъ *на двадцать или на тридцать* и за оброчное его содержаніе обязался платить въ годъ по пуду меду, да пошлннъ съ пуда пять денегъ (А. Ю. 170 и 172).

По словамъ Олеарія, Московія— за исключеніемъ мѣстъ, расчищенныхъ палежами изъ подъ лѣсовъ, для образованія пашень— представляетъ одинъ непрерывный лѣсъ, изобильный въ высшей степени дичью пернатою и четвероногой. Нѣтъ дичи, замѣчаетъ Олеарій, которой бы не было въ Московіи, исключая оленей; лосей же и кабановъ находится множество. Всѣ обстоятельства, приводимыя Олеаріемъ, подкрѣпляютъ его замѣчаніе о лѣсистости Россіи; но есть вещи, которыя онъ, какъ кажется, преувеличиваетъ; напримѣръ, Олеарій говоритъ, что нѣтъ мѣха, который могъ бы защитить отъ мороза носъ, уши, руки и ноги. Въ первое путешествіе Олеарія въ Россію, въ 1634 году, въ Москвѣ былъ такой сильный морозъ, что на главномъ рынкѣ, передъ дворцомъ, земля дала трещину болѣе семнадцати сажень длины и въ

футъ ширины; слюна замерзала, не достигая земли (V. du A. Olearius, L. III, p. 169, 163, 164 и 165).

Графъ Карлиль, посланный къ Алексѣю Михайловичу, говоритъ, что на протяженіи 500 лье, сдѣланныхъ пѣть по болѣе населенной части государства, именно изъ Астрахани, чрезъ Устюгъ, Вологду, Ярославль, въ Москву и потомъ чрезъ Тверь и Новгородъ въ Ригу — онъ видѣлъ лѣса постоянно. Лѣса эти остатки огромнаго герцинскаго лѣса, простиравшагося нѣкогда по всему сѣверу Европы и наиболѣе сохранившагося въ Россіи (La Relations trois Ambassades, p. 315).

Все это относится до сѣверной, восточной и западной частей Россіи, въ лѣсистости которыхъ никто не сомнѣвается даже и въ настоящее время. Но о югѣ у насъ существуетъ другое мнѣніе. Со словъ ли нѣмецкихъ ученыхъ лѣсничихъ, или такъ безъ всякой причины, но у насъ думаютъ, что и югъ Россіи былъ также богатъ лѣсомъ, какъ и сѣверъ. Мнѣніе это опровергается вполнѣ прежде всего словами Геродота, который говоритъ, что югъ Россіи была гладкая, необозримая, безлѣсная равнина. Только между Тавридой и днѣпровскимъ устьемъ находились лѣса. Конторини, проѣхавшій всю южную степь, сначала изъ Кіева, югомъ, на Астрахань; а потомъ изъ Астрахани на Рязань въ Москву, говоритъ, что степь очень велика и не имѣетъ ни малѣйшаго слѣда дорогъ и только мѣстами находились на ней отдѣльные лѣсочки.

Между Царицынымъ и Астраханью до самаго Каспійскаго моря, Олеарій нашелъ совершенную пустыню. На востокъ отъ Астрахани до рѣки Яика (Уралъ) шли очень хорошія пастбища; на западъ болѣе чѣмъ на семьдесятъ нѣмецкихъ миль, до Чернаго моря и на югъ вдоль Каспійскаго, болѣе чѣмъ на восемьдесятъ миль, тянулась пустая степь. Мѣстность лежащая по ту сторону Волги до Яика была степная, выше же къ рѣкѣ Камѣ находились лѣса (Герберштейнъ, *Reich. Mos.* p. 73).

Около Саратова и отъ него по дорогѣ въ Москву лежала тоже степь. Авриль, при поѣздкѣ своей изъ Саратова въ Москву, первые три дня не встрѣчалъ въ степи ни деревъ,

ни жилищъ и путешествіе это было для него тѣмъ болѣе трудно, что нужно было взять съ собой дрова, воду и фуражъ; Апрель ѣхалъ зпмой (Avril. Liv. II, p. 126).

Около и ниже Симбирска тянулась прекрасная большая равнина, совершенно безлѣсная, покрытая высокой травой; лѣстность была совершенно необитаема и необработана (Олеарій).

Въ нынѣшней херсонской губерніи лѣсъ находился у устья Днѣпра и проходилъ къ Перекопу. Въ Крыму же лѣсъ занималъ его нижнюю часть и росъ на горахъ. Около Брянска лежалъ громадный лѣсъ, шириной въ двадцать четыре мили; на крайнихъ предѣлахъ его были расположены Брянскъ, Путивль и Черниговъ; ниже Путивля шла степь до Тавриды. Западную границу степи составлялъ Кіевъ (Meuserberg, pag. 268 и 269). По замѣчанію же Мурчисона, вся черноземная полоса Россіи на памяти человѣческой не была покрыта лѣсомъ.

Такимъ образомъ безошибочно можно сказать, что въ полость, составляющей нынче губерніи екатеринославскую, херсонскую, таврическую, полтавскую, харьковскую, воронежскую, астраханскую, самарскую, кіевскую, черниговскую, курскую, часть орловской, тамбовской и пензенской и въ землѣ Войска Донскаго — лѣсовъ не было; а замѣчаніе извѣстнаго германскаго лѣсовода Генриха Котты (отецъ Котты-геолога) — увѣряющаго нѣмцевъ съ 1831 года, будто-бы наши волжскія и донскія степи, бывшія плодосными лугами пока въ нихъ водились лѣса и сдѣлавшіяся суровой и неплодородной страной съ истребленіемъ въ нихъ лѣсовъ — годится только для нѣмецкихъ курсовъ лѣсоводства. Слова нѣмца хоть и честнаго, по лѣсничаго по преимуществу вполне понятны: Котта хотѣлъ создать сословіе лѣспичихъ, т. е. людей, для которыхъ не существуетъ ничего кромѣ лѣса и лѣсоводства. Котта не ошибся въ расчетѣ; — нѣмецкіе лѣсничіе оказались дѣйствительно очень способными учениками; они запуганы вполне, вѣрятъ въ безусловную важность лѣсовъ, указываютъ постоянно на Сицилію и Сардинію, гдѣ лѣса 2,000 лѣтъ назадъ были истреблены и съ тѣхъ-поръ страны эти сдѣлались будто-бы бесплодны, и го-

товы весь шаръ земной сдѣлать однимъ большимъ лѣсомъ ; съ тѣмъ разумѣется, чтобы лѣсничими назначали туда нѣмцевъ. О смѣшной до крайности односторонности германскихъ лѣсничихъ я буду говорить впоследствии.

Изъ замѣчаній иностранцевъ, посѣщавшихъ Россію, слѣдуетъ заключить, что Россія была страна очень лѣсистая ; понятно, что при обиліи лѣсовъ и маломъ населеніи страны лѣсъ не могъ имѣть особенной цѣны ; и дѣйствительно, за исключеніемъ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ мѣстностей, лѣсъ самъ по себѣ, какъ дерево, незначилъ ничего ; цѣнилась земля подъ лѣсомъ, или лѣса приносили доходъ отъ рыбныхъ ловель, бобровыхъ гоновъ и бортныхъ ухожій. Даже при Алексѣѣ Михайловичѣ рубка лѣса безъ вреда для угодій не считалась самовольствомъ и не наказывалась ; напротивъ, «служилымъ людямъ» дозволялось закономъ рубить во всѣхъ частныхъ лѣсахъ, безъ испрашиванія на то разрѣшенія ихъ владѣльцевъ и существовало только одно ограниченіе — рубить для себя, а не на продажу. Недозволялась рубка только въ за-сѣкахъ и въ лѣсахъ заповѣдныхъ (Уложеніе, VII, 23).

Когда правительство наше было принуждено защитить южныя границы государства, смежныя съ волжскими, донскими и днѣпровскими степями, отъ набѣговъ татаръ, то была заведена постоянная стража, для наблюденія за движеніемъ ордынцевъ, и устроены скрытые притоны для разъѣздныхъ сторожей. Впоследствии станицы замѣнились рядомъ укрѣпленій, на всемъ протяженіи юго-восточныхъ границъ государства. Этотъ рядъ укрѣпленій составляли острожки и крѣпости, соединенныя рвами и лѣсами ; въ случаѣ набѣга татаръ лѣса срубали, поваленныя деревья оставляли на мѣстѣ, и преграждали тѣмъ дорогу татарамъ. По словамъ Олеарія (L. I, p. 62) засѣки занимали въ длину болѣе ста лье (болѣе четырехъ сотъ верстъ). Даже во время войны Петра I съ Карломъ XII засѣкали лѣса, чтобы удержать непріятеля. Стратегическое значеніе засѣки потеряли окончательно въ 1762 году, когда часть ихъ приписали къ казеннымъ заводамъ, а большую часть продали съ публичнаго торга.

Значеніе лѣса, какъ собственности государственной или частной, было вообще неопредѣленно ; иногда давалась охран-

ная грамота на лѣсъ и никто не имѣлъ права рубить его, кромѣ владѣльца; въ другой разъ давалось право на рубку во всѣхъ лѣсахъ, чьи бѣ они ни были; наконецъ Алексѣй Михайловичъ дозволилъ служилымъ людямъ рубить во всѣхъ частныхъ лѣсахъ безъ исключенія. Оно и не могло быть иначе — лѣсу было много и запрещать свободную его рубку не было причины. Отъ этого на самовольную рубку, или расчистку лѣса, смотрѣли не строго и виновныхъ въ нарушеніи «заповѣди» подвергали только небольшому денежному штрафу; такимъ образомъ Иванъ IV, грамотой 1540 года, запрещавшей постороннимъ лицамъ самовольный въѣздъ въ лѣса Успенской Зосимской пустыни, постановилъ, что если, не смотря на запрещеніе, будутъ пойманы самовольные порубщики, «да ставить ихъ передо мною, передъ великимъ княземъ, или передъ нашимъ дворецкимъ Тферскимъ, а кого уличивъ, вно на томъ взяти заповѣди два рубля». (А. А. Э. I, 112.) При Алексѣѣ Михайловичѣ былъ установленъ денежный штрафъ даже за насильственную рубку лѣса въ чужихъ угодьяхъ.

Нѣмецкіе законы не отличались такой кротостью; напримѣръ, въ законахъ салическихъ франковъ есть два очень интересныхъ постановленія: «если кто по злобѣ пуститъ огонь въ чужой лѣсъ, то виновнаго слѣдуетъ связать по рукамъ и по ногамъ и бросать три раза въ большой огонь; если наказанный останется живъ — преступленіе искуплено»; или «никто не долженъ сдирать съ дерева кору, кто сдѣлаетъ это, тому вырѣзывается пупокъ, пупокъ прибавляется къ дереву и виновнаго водятъ кругомъ до-тѣхъ-поръ, пока не выйдетъ вся внутренность».

Но и кротость нашихъ лѣсныхъ законовъ кончилась съ царствованіемъ Петра Великаго. Съ Петра I лѣса получаютъ у насъ значеніе до того небывалое; отъ новаго начала, внесеннаго царемъ въ жизнь государственную, многое имѣвшее прежде большую важность, стало терять свое значеніе; напримѣръ, пчеловодство. Герберштейнъ, Іовій, Іорданъ, Кампензе утверждаютъ согласно, что въ московскомъ государствѣ развито спльно пчеловодство и медъ составляетъ предметъ обширной торговли. Понятно, что при недостаткѣ развитія производитель-

ности страны, промышленной и торговой дѣятельности народа, торговля медомъ и отдача въ оброкъ бортныхъ угодій, составляли важную поддержку царской казны, поэтому правительство такъ и хлопотало о бортныхъ ухозяхъ — поручало писцамъ при описаніяхъ земель увеличивать оброчную сумму, отдавать бортныя ухозя только бортникамъ, а отнюдь не дѣтямъ боярскимъ, боясь что отъ незнанія ихъ борти опустѣютъ, — наконецъ штрафъ за порчу бортей и кражу пчель брало себѣ, а не отдавало бортникамъ. До Петра лѣсъ игралъ роль какъ принадлежность угодій, и мѣстами какъ засѣки, но самъ по себѣ, какъ матеріаль, какъ дерево, не значилъ ничего. Петръ взглянулъ на лѣсъ иначе — лѣсъ сталъ матеріаломъ для государственнаго кораблестроенія. Это основная точка воззрѣнія Петра на значеніе лѣса; — отсюда вытекаетъ строгая запретительная система, введенная царемъ въ наше лѣсное законодательство, и смертная казнь, назначенная имъ за самовольную порубку заповѣдныхъ деревъ.

Петръ I началъ съ того, что въ 1703 году велѣлъ во всѣхъ городахъ и уѣздахъ описать лѣса отъ большихъ рѣкъ въ сторону на пятьдесятъ верстъ, а отъ малыхъ сплавныхъ, впадающихъ въ большія рѣки, на двадцать верстъ. Въ описанныхъ предѣлахъ запрещено рубить дубъ, кленъ, пльмъ, вязъ, карагачъ, лиственницу и сосну въ двѣнадцать вершковъ толщины и болѣе; за всякое вырубленное дерево, кромѣ дуба, назначенъ штрафъ въ десять рублей; за дубъ же, даже за одно дерево и за большую порубку остальныхъ заповѣдныхъ деревъ — смертная казнь. Народу, для его потребностей дозволено рубить липу, ясень, березу, осину, ольху, ель, орѣшникъ, иву, осокорь и сосну тонѣ двѣнадцати вершковъ.

Но былъ ли справедливъ такой законъ, не страдалъ ли народъ отъ этого строгаго запрещенія? разумѣется, страдалъ. Во-первыхъ потому, что не всякій дубъ годится для кораблестроенія — идутъ въ дѣло только лучшія деревья; во-вторыхъ, не изо всѣхъ заповѣдныхъ пространствъ была возможна доставка корабельныхъ деревъ къ адмиралтействамъ; слѣдовательно въ такихъ мѣстахъ корабельныя деревья хотѣли беречь для того, чтобы они гнили на корнѣ;

наконецъ, во многихъ мѣстностяхъ не было другихъ древесныхъ породъ кромѣ заповѣдныхъ. Что же оставалось дѣлать народу? одно изъ двухъ — или не исполнять повелѣніе царя, или замерзнуть. Первое было легче и удобнѣе — и въ большей части мѣстностей указъ Петра остался мертвой буквой. Впрочемъ и самъ Петръ замѣтилъ, что повелѣніе его слишкомъ строго, что нужно сдѣлать уступку народу и 19-го января 1705 года дозволилъ рубить свободно во всѣхъ лѣсахъ, кромѣ засѣкъ, на сани, телѣги, оси, полозья, обручи къ большимъ чанамъ — дубъ, кленъ, вязъ, карагачъ, лиственницу; а для мельницъ на пальцы и шестерни — кленъ. На остальные же потребности, на постройки домовъ и мельницъ запрещено рубить заповѣдныя деревья, и за вырубку крупнаго корабельнаго лѣса назначена смертная казнь «безъ всякія пощады, кто бъ ни былъ», за рубку остальныхъ заповѣдныхъ деревъ по прежнему денежный штрафъ; а за пользованіе дубовымъ валежникомъ — ссылка въ каторжную работу.

Это два основныхъ указа Петра Великаго; всѣ послѣдующія его мѣры были развитіемъ запретительнаго начала, высказаннаго въ этихъ двухъ постановленіяхъ. Но еще мало было издать запрещеніе; нужно было, чтобы не рубили то, что не позволялось. Кто могъ слѣдить за крестьяниномъ, что онъ вырубилъ дубъ на полозья, а не на дрова? Никто; — лѣса оставались безъ надзора и народъ хозяйничалъ въ нихъ, разумѣется, по-прежнему.

Особенно интересны указы Петра о свободной рубкѣ частныхъ лѣсовъ по рѣкѣ Невѣ. Лѣса по Невѣ были розданы частнымъ лицамъ; пока окрестности Петербурга были еще довольно лѣсисты, Петербургъ пользовался дровами изъ ближайшихъ дачъ; но наконецъ ближайшіе лѣса стали выводиться и пришлось ѣхать за дровами и бревнами далѣе. Этого мало; — владѣльцы лѣсовъ не позволяли рубить у себя лѣсъ бесплатно и цѣна на дрова поднялась значительно. Петръ Великій разрѣшилъ этотъ экономическій вопросъ такимъ образомъ: указомъ 11-го декабря 1719 года онъ повелѣлъ: — отъ рѣки Славянки, по обѣ стороны Невы и по рѣкамъ до Шлиссельбурга, кромѣ Тосны, рубить дрова и бревна всѣмъ безъ исключенія, во всѣхъ дачахъ, чьи бъ

онѣ ни были. Чрезъ два дня Петръ издалъ дополнительный указъ. Догадываясь, что владѣльцы лѣсовъ едва ли исполнять царское повелѣніе и что рубщики могутъ потерѣть при этомъ, Петръ повелѣлъ «для лучшаго рубщикамъ способа во охраненіи ихъ» ѣздить въ лѣса компаніями, не меньше двадцати человекъ; если же они будутъ вѣзжать въ меньшемъ числѣ и вслѣдствіе ихъ малолюдства «будутъ чиниться имъ какія обиды и грабежи», то они не имѣютъ права жаловаться. Мѣра эта, однако, не помогла — рубщики не всегда ѣздили «компаніями», а помѣщики выгоняли ихъ часто изъ своихъ лѣсовъ; въ народѣ ходила толка о притѣсненіи помѣщиковъ, а жалобъ на нихъ въ канцелярію полиціймейстерскихъ дѣлъ не поступало. Тогда Петръ издалъ повторительный указъ, чтобы ѣздили въ лѣса компаніями не менѣе пятнадцати человекъ, а если помѣщики будутъ мѣшать рубить въ своихъ лѣсахъ, то жаловаться полиціймейстеру. Понизили ли эти мѣры цѣну на дрова въ Петербургѣ, неизвѣстно; но дракъ, вѣроятно, было не мало. Вообще Петръ обращалъ большое вниманіе на Петербургъ и его окрестности. При постройкѣ въ городѣ домовъ велѣно было вырубать деревья только на томъ мѣстѣ, гдѣ предполагалось поставить домъ; на улицахъ же, предъ домами, слѣдовало оставлять маленькія рощицы. Чтобы показать народу примѣръ уваженія къ дубовому лѣсу, государь обнесъ перилами два старые дуба, найденные имъ въ Кронштадтѣ, поставилъ подъ ними круглый столъ и сдѣлалъ мѣста для сидѣнья; лѣтомъ, приѣзжая въ Кронштадтъ, Петръ часто сживалъ подъ этими деревьями съ командирами кораблей и корабельными мастерами. Напротивъ Петергофа, при Финскомъ заливѣ, найдя небольшую дубовую рощицу, государь приказалъ построить подлѣ нея увеселительный дворецъ и назвалъ его Дубки; а по петергофской дорогѣ выбралъ мѣсто въ двѣсти шаговъ длины и въ пятьдесятъ ширины и засадилъ его дубами. При такой заботливости о сохраненіи лѣса, Петръ не слишкомъ церемонился съ нарушителями его постановленій. На адмиралтейской сторонѣ, гдѣ нынче гостинный дворъ, была большая березовая роща; нѣкоторые изъ жителей столицы, не смотря на запрещеніе царя, начали рубить ее. Узнавъ объ этомъ, Петръ велѣлъ

поймать рубщиковъ и сдѣлать обыскъ въ домахъ. При распросахъ виновные не только изъ мѣщанъ, но и офицеры показали, что они рубили глядя на другихъ; Петръ приказалъ десятого изъ виновныхъ повѣсить, а остальныхъ наказать кнутомъ. Только по усиленной просьбѣ императрицы царь смягчился и приказалъ рубщиковъ и воеводу Ивана Теофилятева, за потворство рубщикамъ и слабое охраненіе лѣсовъ, приговоренныхъ къ смертной казни, наказать кнутомъ съ наложеніемъ клеймъ и сослать: рубщиковъ изъ мѣщанъ на вѣчно, капитана Дурново и корабельнаго секретаря Сомова на пять лѣтъ на галеры, а Теофилятева на десять лѣтъ. Остальные рубщики наказаны, смотря по винѣ, кнутомъ, шпицрутеномъ, морскими кошками и линьками. (П. С. З. VI, 3509 и V, 3440.)

Но охранять лѣса одними запретительными постановленіями и смертной казнью было и не вполне справедливо и недостаточно; хотя лѣса и были поручены надзору воеводъ, но подобный надзоръ былъ возможенъ только на бумагѣ, потому что имѣть надзоръ за лѣсами и охранять ихъ въ натурѣ, воеводы не имѣли никакихъ средствъ — имъ приходилось самимъ сдѣлаться лѣсными сторожами. Главный недостатокъ постановленій Петра заключался именно въ томъ, что повелѣнія, невозможныя въ исполненіи, вели къ произволу; — могъ ли порубщикъ знать, что онъ срубилъ на полозья дубъ негодный для кораблестроенія? кто могъ объяснить ему, что годно и что негодно для корабельныхъ подѣлокъ? или, срубивъ даже некорабельное дерево, по повѣдной породы, развѣ порубщикъ былъ увѣренъ, что къ нему не придерется какое-нибудь начальство? наконецъ, что служило удостовѣреніемъ, что дерево срублено съ позволенія? — всѣ эти неясности давали, разумѣется, широкое поле произволу начальства и неповиновенію народа царскимъ повелѣніямъ. Только чрезъ пятнадцать лѣтъ послѣ перваго запрещенія свободной рубки лѣсовъ явилась административная мѣра, давшая возможность охранить лѣса въ дѣйствительности. Послѣ значительныхъ порубокъ, открытыхъ въ нижегородской губерніи казанскимъ вице-губернаторомъ Кудрявцевымъ, Петръ распорядился неисполнителей указовъ,

которые рубили и впередъ станутъ рубить дубовый лѣсъ, а также тѣхъ, кто прикажетъ рубить, будетъ ли то приказчикъ или помѣщикъ, наказавъ кнутомъ и вырѣзавъ ноздри, ссылатъ въ каторжную работу. Для надзора за лѣсами велѣно опредѣлить надзирателей «добрыхъ людей», каждому изъ нихъ дать подъ надзоръ 500 крестьянскихъ дворовъ и клейма съ казанскимъ гербомъ. Затѣмъ рубка неклеяменнаго лѣса запрещена и надзирателей за неисполненіе ими своихъ обязанностей велѣно наказывать также, какъ и порубщиковъ. Въ слѣдующемъ году мѣра эта, то есть, назначеніе надзирателей и клейменіе деревъ дозволяемыхъ въ рубку, получила общее значеніе для всего государства.

Лѣса по Невѣ и по Финскому заливу пользовались особеннымъ вниманіемъ царя; для завѣдыванія ими былъ назначенъ комиссаръ Кафтыревъ, а въ помощь ему давы дворяне, солдаты и драгуны. Кафтыревъ долженъ былъ описать лѣса, назначить заповѣдныя предѣлы и объявить владѣльцамъ, чтобы въ этихъ предѣлахъ они не рубили сами и не давали никому ни крупнаго, ни мелкаго лѣса «подъ лишеніемъ живота»; этого мало — владѣльцы должны были подпичать лѣса и убирать валежники.

Для точнаго опредѣленія въ натурѣ границъ заповѣдныхъ пространствъ, слѣдовало сдѣлать межу, поставить признаки, выкопать ямы и прочистивъ дорогу въ три сажени шириной, построить для страха, чрезъ пять верстъ, по висѣлицѣ. Лѣсное дѣло при Петрѣ шло очень шатко, это подтверждается безпрестаннымъ повтореніемъ однихъ и тѣхъ же распоряженій и частыми дополненіями и объясненіями прежде изданныхъ указовъ; но конецъ царствованія замѣчательнъ назначеніемъ къ лѣсамъ вальдмейстеровъ и изданіемъ вальдмейстерской инструкціи — то есть полнаго сборника лѣсныхъ постановленій, послужившаго основаніемъ дѣйствующимъ нынче лѣснымъ законамъ.

Кромѣ запрещенія рубки лѣсовъ, Петръ думалъ о разведеніи лѣсовъ вновь въ степяхъ; въ 1707 году Петръ писалъ азовскому губернатору Толстому: «Тако жъ предлагаю, по управленія нужныхъ дѣлъ, изволь постараться, чтобъ на Таганрогѣ, въ удобныхъ мѣстахъ (а лучше за городомъ),

насаждать рощи дубоваго, или хотя иного какого дерева, привезши съ Дону не малое число маленькихъ деревцевъ въ осень по листопадѣ; тако жъ подалѣ отъ города, въ удобныхъ же мѣстахъ, нѣсколько десятинъ посѣять желудковъ (дубовыхъ) для лѣсу жъ»; а въ указѣ астраханскому губернатору Волынскому, о заведеніи въ Астрахани аптекарскаго огорода, виноградныхъ садовъ и конскаго завода персидской породы сказано, чтобы около Астрахани и въ другихъ мѣстахъ, *идь степи*, сѣять дубовые желуди для лѣсовъ такимъ образомъ, какъ заводятъ лѣса въ Европѣ.

Непзвѣстно, было ли исполнено распоряженіе царя; между тѣмъ для большаго сбереженія лѣсовъ Петръ старался прискать суррогатъ дровамъ и въ 1710 году писалъ губернатору Толстому «чтобы на топку всемѣрно искать торфу, дабы было подспорье дровамъ», а въ указѣ 1724 года (о должности полковника, ст. 8) сказано, чтобы въ степныхъ и безлѣсныхъ мѣстахъ солдаты дѣлали для себя торфъ — гдѣ сыщутся болота, тамъ на голландскій манеръ; а въ высокихъ мѣстахъ драть и сушить дернъ, какъ это дѣлается въ Голштиніи «и въ иныхъ такихъ мѣстахъ»; въ мѣстахъ же хлѣбородныхъ, гдѣ навозъ нейдетъ на удобреніе полей, дѣлать кизякъ.

Петръ Великій, затронувъ всѣ главнѣйшіе вопросы — охраненіе, бережливое употребленіе и заведеніе лѣсовъ вновь, сдѣлалъ очень немного для приведенія лѣсовъ въ извѣстность. До Петра Великаго не было межеванія въ томъ смыслѣ, какъ это понимается нынче — тогда только описывали: — писали по сказкамъ старожилловъ, для опредѣленія числа душъ и земли, съ цѣлью наложенія податей; качество земли удостоверяли владѣльцы имѣній, старожилы и окольные люди; заключеніе о количествѣ земли выводили по числу четвертей высѣваемой ржи, а площади луговъ числомъ копенъ сѣна. Лѣсовъ не измѣряли сначала вовсе, кромѣ папешныхъ; остальные лѣса клали приблизительно верстами (лѣса поверстные). Даже въ царствованіе Алексѣя Михайловича поверстные лѣса не мѣрили, а писали по сказкамъ. При межеваніи имѣніе обходили съ образами и направленіе граничныхъ линий опредѣляли разными признаками, попадавшимися на междѣ; въ

случаѣ спора о границахъ недоумѣніе разрѣшали старики, бывшіе свидѣтелями обхода границъ. Вотъ документъ, могущій объяснить характеръ межеванія того времени. Въ грамотѣ 1534 года о завладѣніи крестьянами есюкпиской волости земель принадлежащихъ Терапонтову монастырю (находился въ новгородской губерніи и упраздненъ въ 1799 году), находится слѣдующій образчикъ описи границъ: — «... куда Терапонтова монастыря старожилы шли съ иконой, туды и межу учинилъ, грани тесалъ и рубежи клалъ и ямы копалъ: отъ рѣки Суслы врагомъ вверхъ, на лѣвой сторонѣ, у врага, три березы на одномъ корени; а отъ трехъ березъ прямо на лѣсъ, на березу, а на березѣ грани и рубежи, а съ березы на двѣ ели, на одномъ корени, а на нихъ рубежи, а съ ели на березу, а на березѣ рубежи и грани, а съ березы на ель, да на вповатую березу» (А. Ю. 20). Въ какой степени точны бывали подобныя описанія, и какъ добросовѣстно они составлялись не только до Петра Великаго, но и при этомъ государѣ, объясняетъ Посошковъ (стр. 192 и 193), «писцы и переписчики и дозорщики пустоши и жилыя деревни, какъ коя слыветь именно, пишутъ, и колыко въ коемъ урочищѣ четверныя пашни и сѣнные покосы, пишутъ же, и пишучи, не тобъ, чтобъ ее смѣрять, но и глазами не выдавъ, пишутъ все по крестьянскимъ сказкамъ, и въ иной пустоши напишутъ четвертей пятьдесятъ въ полѣ, а въ дву по тому жъ. И егда кто станетъ сѣять, ажно во всѣхъ трехъ поляхъ толико не высѣеть. А въ иной пустоши, видѣлъ я, написано шесть четвертей, а высѣвается ржи въ одномъ полѣ по двадцати четвертей, а лѣсу будетъ больше трехъ верстъ. И въ такомъ расположеніи только одна смута. И всякой деревнѣ и пустошамъ мѣра, да прозваніе, а при какой признакъ та земля, или съ какою землею смежна, ничего того не пишутъ, и раздѣленія межамъ совершеннаго не чинятъ. И отъ того многое множество ссоръ и убійства чинится. И иные, забывъ страхъ Божій, взявъ въ руки святую икону, и на голову свою положиа дернину, да отводятъ землю, и въ таковомъ отводѣ смертне грѣшатъ; и много и того случается, еже отводя землю и неправдою между полагал, и умирали на межѣ». Хорошъ былъ кадастръ, основан-

ный на такомъ точномъ измѣреніи и описаніи земель! Петру Великому не удалось не только устранить произволь и безпорядки при описаніи и измѣреніи земель; но даже положить прочное начало новому порядку — дѣло это начала императрица Екатерина II.

Штелинь говоритъ, что какъ скоро Петръ завелъ на Невѣ первое селеніе, то принялъ въ службу нѣмецкихъ форстмейстеровъ, которые должны были осматривать лѣса во всей Ингерманландіи и въ новгородской губерніи и замѣчать въ нихъ дубовыя деревья (Анек. Штелина, стр. 152). При отправленіи же въ 1721 году Михаила Бестужева въ Швецію, Петръ наказалъ ему, присылать въ Россію разныхъ искусныхъ мастеровыхъ, а именно: «по причинѣ лежащихъ подъ однимъ параллельнымъ кругомъ городовъ Стокгольма и Петербурга, садовниковъ, земледѣльцевъ, людей искусныхъ въ знаніи и хожденіи за лѣсомъ...» (Дѣянія П. В., т. VIII, стр. 276). Но были ли эти искусные люди присланы въ Россію — неизвѣстно; точно также ни изъ чего не видно, чтобы при Петрѣ Великомъ были у насъ нѣмецкіе форстмейстеры; въ указахъ Петра постоянно разрабатывается одинъ вопросъ — охраненіе; ни одно постановленіе не напоминаетъ научныхъ знаній, во всемъ стремленіе къ устройству административнаго порядка. Только одинъ указъ какъ будто бы не русскаго происхожденія: — въ октябрѣ 1720 года государь, дозволивъ пасти скоть въ заповѣдныхъ лѣсахъ, не велѣлъ пускать *козъ и свиней*. Правило это нѣмецкое; оно и до-сихъ-поръ не вяжется съ русской жизнью. Нѣмцы признали козу вредной для лѣсовъ потому, что коза обгладываетъ деревья даже и въ томъ случаѣ, когда подлѣ есть трава; коза грызетъ все, и листья, и побѣги и кору; наконецъ, коза въ Германіи обыкновенное домашнее животное, замѣняющее корову. У насъ другое дѣло — крестьяне держать коровъ; — коза исключеніе въ домашнемъ хозяйствѣ крестьянина, и держать ее нѣтъ выгоды. — Такъ теперь, такъ было прежде; понятно, что вводить въ силу общаго государственнаго закона правило, имѣвшее частный характеръ, можно было только подъ влияніемъ теоріи, созданной гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ, но не въ Россіи. Если

этой лѣсоводственной мѣрѣ научили Петра форстмейстеры, выписанные имъ изъ-за границы, то пельзы не пожалѣть, что они не нашли ничего другаго, болѣе дѣльнаго и оставили такой слабый слѣдъ своего пребыванія у насъ. Но можетъ быть, что и Петръ вывезъ это знаніе во время путешествія своего за-границу? Во всякомъ случаѣ правило это слишкомъ мелочно и въ то время, когда царь грозилъ народу безпрестанно смертной казнию и кнутомъ, когда нарушеніе царскихъ повелѣній обнаруживалось на каждомъ шагу большими самовольными порубками лѣса, гоненіе на бѣдныхъ козъ отзывается черезъ чуръ нѣмчиной.

Петръ, начавъ строить наше лѣсное управленіе, имѣлъ въ виду одно — обезпечить государство въ матеріалѣ для кораблестроенія; отъ этого все вниманіе царя обращено на корабельный лѣсъ и строгая запретительная система составляетъ основу всѣхъ его постановленій о лѣсахъ. При Петрѣ лѣсъ необходимый для потербностей государства составлялъ исключительную собственность казны, частныя лица даже въ своихъ дачахъ могли рубить только то, что требовалось для «государевыхъ дѣлъ», а для казны рубили обыкновенно «гдѣ заспособиѣ», во всѣхъ лѣсахъ безъ исключенія. Но что же вызывало такую строгость царя? точно ли въ нашихъ лѣсахъ было въ то время такъ мало деревъ для «государевыхъ дѣлъ»? Едва ли, потому что и теперь мы не бѣдны лѣсомъ; а тогда въ муромскомъ лѣсу росли сосновыя деревья въ девять и десять сажень длины и въ отрубѣ отъ девяти до десяти вершковъ, въ московской губерніи, какъ видно изъ дописанія мачтовыхъ дѣлъ подмастерья Чепчикова, «мачтовыхъ деревъ длинныхъ и толстыхъ было не мало»; наконецъ, корабельные лѣса росли по рѣкѣ Лугѣ и въ нынѣшней эстляндской губерніи. Главный вопросъ для Петра заключался въ сохраненіи лѣсовъ по рѣкамъ для дешевизны доставки; разумѣется мачтовыя деревья не составляли сплошныхъ насажденій; да это и не могло быть иначе. Въ 1719 году Петръ, запретивъ рубку большемѣрныхъ сосенъ въ новгородскомъ, старорусскомъ, пусторжевскомъ, лужскомъ, псковскомъ и олонекскомъ уѣздахъ, приказалъ объявить, что тому, кто найдетъ крупныя деревья,

будеть выдана награда за каждое дерево большое пять, за среднее три и за малое одинъ рубль; а въ 1721 году объявлено, что за каждое мачтовое дерево будетъ дано награды два рубля. Что хотѣлъ сказать Петръ назначеніемъ этихъ наградъ и не недостатокъ ли въ мачтовомъ лѣсѣ вызвалъ эту мѣру? могло быть и совершенно иначе; — мачтовые мастера не могли знать лѣсовъ такъ хорошо, какъ крестьяне; следовательно помощь крестьянъ была необходима, но какъ даромъ никто не станетъ терять свое время, то понятно, что приходилось помочь горю назначеніемъ денежной награды. — Этого мало, во многихъ мѣстахъ для крестьянъ былъ расчетъ скрывать, что въ ихъ лѣсахъ есть корабельныя деревья; это было особенно выгодно для лашмановъ, т. е., заготовщиковъ корабельнаго лѣса. До 1718 года заготовка корабельныхъ деревъ производилась на счетъ денежнаго съ крестьянъ сбора; но въ этомъ году Петръ велѣлъ въ губерніяхъ казанской, воронежской, нижегородской и въ симбирскомъ уѣздѣ брать для рубки и заготовки корабельныхъ лѣсовъ служилыхъ мурзъ, татаръ, мордву и чувашъ и повинность эту положить на нихъ взаменъ высылки ихъ на работы въ Петерговъ; заготовщики эти получили названіе лашмановъ (отъ нѣмецкаго *laschen* — нарубить).

Повинность эта была крайне тяжела для народа, потому что отрывала его отъ своихъ занятій и потому, что составляла чрезвычайно трудную работу. — Извѣстно, что для вывозки большой, хорошей мачты подпрягаютъ до пятидесяти лошадей, а на заготовку лашмана ходили въ былые годы за пятьсотъ верстъ отъ своихъ селеній. Не могъ же народъ смотрѣть съ пріязней на распоряженіе ставившее его въ такое убыточное и трудное положеніе; понятно, что лашмана не напрашивались сами на работу и не старались въ своихъ лѣсахъ отыскивать корабельныя деревья, годныя для постройки флота, до котораго ни мурзамъ, ни чувашамъ не было ни какого дѣла. Лашманы смотрѣли всегда вражески на крестьянъ, указывавшихъ корабельныя деревья, и только награда за принскъ мачтъ могла побудить крестьянъ отыскивать эти деревья.

Чѣмъ же объяснить излпшнюю строгость царя, его

безпрестанныя угрозы смертной казнью и кнутомъ? — Желаніемъ сберечь лѣса и приучить народъ къ порядку въ рубкѣ. Но Петръ не достигъ этого — законъ выполнялся слабо, народъ не отвыкалъ отъ прежняго порядка рубки, а вальдмейстеры, выбранные изъ дворянъ и обязанные нести службу неволей, безъ жалованья, не только плохо исполняли свои обязанности, но еще и притѣсняли народъ и кормились отъ него; такъ что въ ноябрѣ 1724 года Петръ объявилъ, что вальдмейстеровъ и надсмотрщиковъ виновныхъ въ допущеніи порубки, за первую вину, наказавъ кнутомъ и вырѣзавъ ноздри, ссылатъ на вѣчно въ каторжную работу! Этимъ закончилъ Петръ Великій свое лѣсное дѣло.

• Со смертью Петра измѣнился и заведенный имъ порядокъ. Соображая правила изложенныя въ вальдмейстерской инструкціи съ мѣстными условіями государства, верховный тайный совѣтъ нашель, что если заповѣдныя пространства, т. е. пятьдесятъ верстъ отъ большихъ и двадцать верстъ отъ малыхъ рѣкъ ограничить въ натурѣ, то по близкому разстоянію рѣкъ между собою едва ли найдется мѣсто, гдѣ бы остались не заповѣдныя лѣса; многіе заказники лежатъ въ такихъ мѣстахъ, откуда невозможна доставка корабельныхъ деревъ ни къ одному адмиралтейству; вальдмейстеры, получающіе награды изъ штрафныхъ денегъ, взыскиваемыхъ съ пойманныхъ ими порубщиковъ, притѣсняютъ народъ и назначаютъ иногда большіе штрафы за такія порубки, за которыя по инструкціи не слѣдуетъ взыскивать; наконецъ, запрещеніе рубки безъ разрѣшенія вальдмейстеровъ ведетъ къ притѣсненію народа, потому что крестьяне въ случаѣ необходимости въ лѣсѣ, должны бросать свои работы и ѣздить къ вальдмейстерамъ, которые живутъ иногда очень далеко; а тѣ своими проволочками вводятъ крестьянъ только въ убытки. Поэтому императрица Екатерина I, «милосердая къ своимъ подданнымъ» повелѣла: лѣса годныя для кораблестроенія запретить рубить только въ тѣхъ мѣстахъ, откуда удобна доставка ихъ водой къ адмиралтействамъ; заповѣдныя разстоянія уменьшены до пятнадцати верстъ; надзору за лѣсами порученъ воеводамъ, а вальдмейстеровъ и вальдмейстерскія канцеляріи велѣно упразднить.

Но это повелѣніе не уничтожило и не могло уничтожить главнаго зла. Разумѣется сокращеніе заповѣдныхъ разстояній должно было развязать народу нѣсколько руки; рубка лѣса для домашнихъ потребностей сдѣлалась свободнѣе, но произволь чиновниковъ исчезнуть не могъ. Переимѣнились только названія лицъ — прежде народъ терифль отъ вальдмейстеровъ, а по новому распоряженію право притѣснять крестьянъ было предоставлено воеводамъ: — выигрышъ еще небольшой. Воеводы, смѣнявшіе вальдмейстеровъ, въ отношеніи управленія лѣсами пользовались правами вальдмейстеровъ и должны были дѣйствовать на основаніи вальдмейстерской инструкціи; въ чемъ же заключалось милосердіе къ подданнымъ? Воеводы были выше вальдмейстеровъ только саномъ, но не образованіемъ и развитіемъ; кормились они отъ народа, на чѣмъ же основывалось вѣроятіе, что при нихъ лѣсное управленіе будетъ чище, а народу станетъ легче? Воеводы жили въ городахъ, обязаны были смотрѣть за лѣсами своего уѣзда, должны были строго охранять заповѣдные лѣса отъ порубокъ, а лѣсъ необходимый крестьянамъ на ихъ домашнія нужды должны были отводить крестьянамъ, не дѣлая имъ проволочекъ. Какъ же все это могло быть исполнено въ дѣйствительности? Чтобы охранять лѣса нужно было ихъ видѣть и ходить по лѣсу — другаго средства нѣтъ, чтобы узнать если порубки незаконныя или нѣтъ; — а какая представлялась возможность ходить по лѣсамъ въ тѣ времена? воеводамъ пришлось бы заниматься только однимъ этимъ, т. е., ходить вѣчно пѣшкомъ по своимъ уѣздамъ. Было еще средство — передать надзоръ за лѣсами надзирателямъ, т. е. лѣсной стражѣ; но въ такомъ случаѣ приходилось вѣрить во всемія имъ и предоставить управленіе на мѣстахъ этимъ господамъ. А отводить крестьянамъ въ натурѣ лѣса на рубку? Неужели была кака-нибудь фзическая возможность выполнить эту мѣру въ дѣйствительности? И тутъ являлись распорядителями тѣ же надзиратели. Правда, что ихъ слѣдовало выбирать изъ «людей добрыхъ»; но вѣдь это только слѣдовало и при тантимной системѣ существовавшей тогда — гдѣ изъ пяти рублей штрафу только два шли въ казну, а три пазначались сторожу открывшему порубку —

трудно было поручиться, чтобы «добрый человекъ» не прижалъ бѣднаго и запуганнаго строгими указами мужичка. Мужикъ не зналъ вальдмейстерской инструкціи, ему было извѣстно только, что не позволяютъ рубить лѣсъ, даже въ такихъ случаяхъ, когда лѣсомъ никто не пользуется и онъ гниетъ на корнѣ. Ближайшимъ лѣснымъ начальникамъ былъ для крестьянина надзиратель, который грозилъ ему или денежнымъ штрафомъ или кнутомъ; отплачиваться было все таки легче, чѣмъ раздѣлываться спиной; а слѣдствія всего это понятны. Поле для произвола было обширное, а порядокъ былъ не возможенъ, потому что хорошо организованной администраціи не существовало, а были только указы, запрещавшіе все и грозившіе строгимъ наказаніемъ.

Но и лѣсамъ вышло не лучше; съ уничтоженіемъ вальдмейстеровъ заповѣдные лѣса подверглись сильнымъ вырубкамъ: «многимъ годнымъ лѣсамъ непорядочная трата и безъ разсмотрѣнія не пристойное сдѣлано изведеніе», такъ, что стали бояться недостатка въ корабельномъ лѣсѣ. Вслѣдствіе всего этого въ 1732 году были восстановлены вальдмейстеры, по выбору на два или на три года изъ дворянъ, или изъ отставныхъ офицеровъ, ближайшихъ помѣщиковъ, «которые бы могли пропитаніе имѣть отъ деревень своихъ» и заповѣдными предѣлами принято по большимъ рѣкамъ сто, а по малымъ сплавленнымъ двадцать пять верстъ въ сторону отъ береговъ. Анна Ивановна дѣйствовала въ духѣ императора Петра I; идея въ управленіи была та же — лѣсъ есть государственная собственность, прямаго дохода онъ не дастъ, а подлежитъ косвенному таможенному сбору; въ мѣстахъ, гдѣ не предстоить надобности въ лѣсѣ для государственныхъ потребностей, рубка его на казенныхъ земляхъ свободна. За самовольную рубку заповѣдныхъ деревъ, или вырубку не клейменнаго лѣса, также за сдираніе коры и подсушку деревъ велѣно брать съ виновныхъ за первую вину по десяти рублей штрафъ за пень, за вторую вину штрафъ вчетверо, а за третью порубку наказывать кнутомъ и ссылатъ въ каторжную работу на десять лѣтъ. Но кромѣ простаго охраненія лѣсовъ Аннѣ Ивановнѣ хотѣлось водворить въ нашихъ лѣсахъ, по крайнѣй мѣрѣ въ нѣкоторыхъ изъ нихъ, нѣчто

въ родѣ хозяйства. Такимъ образомъ адмиралтействъ-коллегіи было вмѣнено дубовыя и другія годныя для флота деревья подчищать, охранять и производить въ удобныхъ мѣстахъ посѣвы и посадки; подчищенные и засѣянные участки обрывать канавами въ четыре фута ширины и глубины и землю насыпать валомъ внутри окопа. Въ этомъ распоряженіи слышится уже нѣмецкое вліяніе, и точно изъ Германіи были вызваны «форштмейстеры» и надзору ихъ ввѣрены всѣ подчищенные и засѣянные пространства. Каждому форштмейстеру предполагалось давать по шести учениковъ съ тѣмъ, чтобы, нескрывая ничего, выучить ихъ ходить за лѣсами, и за приготовленнаго вполнѣ ученика назначено форштмейстеру пятьдесятъ рублей награды. Сколько было вызвано форштмейстеровъ и что сдѣлали они полезнаго неизвѣстно, только имя одного «лѣснаго знателя Фокеля» попадается въ указахъ того времени. Тотъ же Фокель, человекъ сколько видно весьма свѣдущій и съ толкомъ, оставилъ лѣсоводственное сочиненіе на нѣмецкомъ языкѣ. Сочиненіе это по смерти автора, по распоряженію адмиралтействъ-коллегіи, переведено на русскій языкъ и напечатано подъ заглавіемъ: — *Описание естественнаго состоянія растущихъ въ сѣверныхъ российскихъ странахъ лѣсовъ, съ различными примечаніями и наставленіями какъ ихъ разводить.* (С.-Петербургъ, 1766 года). Книга эта имѣетъ интересъ какъ первое сочиненіе по лѣсоводству на русскомъ языкѣ, и потому еще, что знакомитъ съ взглядомъ ученыхъ форштмейстеровъ того времени на лѣса и на лѣсную науку. Нѣсколько выписокъ изъ сочиненія объясняютъ лучше всего эти взгляды. Вотъ, что говоритъ въ предисловіи переводчикъ: «Между прочими благополучіе народовъ подкрѣпляющими основаніями, первѣйшее есть домостроительство. Но какъ положеніе обитаемаго нами земнаго шара различно, такъ различно человѣческое въ содержаніи себя упражненіе. Иныхъ благодѣтельное естество питаетъ ни за что, или за весьма малые труды; другіе съ неусыпнымъ раченіемъ, со изнуреніемъ и пѣтомъ плщу свою снискивать должны. Иные преизобилуютъ во всемъ, другіе будучи и нужнаго лишены, живутъ на содержаніи и будто бы въ ваемншествахъ у другихъ народовъ. Сіе было при-

чной, что разумнѣйшіе государи и народы, одни зная, другіе предупреждая свои недостатки, начали больше думать о домостроительствѣ и земледѣліи, награждая рачительныхъ, не рачивыхъ понуждая, не знающихъ наставляя и приводя къ тому, чтобъ они раченіе свое прилагали, смотря по состоянію обитаемыхъ ими странъ, и тѣмъ собственную свою пользу производить старались.»

«Россію благословилъ Богъ лучше многихъ другихъ земель всѣми, нетокмо къ содержанію, но и къ удовольствію человѣческой жизни, служащими вещами. Но долговременно ли изобиліе безъ домостроительства? надежно ли довольство безъ умѣренности? Возьмемъ въ примѣръ одни лѣса, не довольна ли оными была Италія? не изобиловала ли нѣмецкая земля? и нынѣ не великую ли во оныхъ претерпѣваютъ скудность?»

Хотя переводчикъ замѣчаетъ весьма справедливо о необходимости хозяйства и рекомендуетъ умѣренность, но къ сожалѣнію ни онъ, ни самъ авторъ не указываютъ ни какихъ правилъ какъ достигнуть того и другаго, въ примѣненіи къ лѣсамъ русскимъ. — Фокель написалъ не теорію лѣснаго хозяйства, а «примѣчанія о свойствѣхъ деревьевъ», т. е., описаніе древесныхъ породъ и правила для ихъ разведенія. Сочиненіе это было дорого тогда потому, что говорило о вещахъ, о которыхъ по русски въ то время не было ничего писано, и сообщаетъ много дѣльныхъ практическихъ наблюденій надъ ростомъ и свойствами деревьевъ и правилъ лѣсоразведенія; но къ сожалѣнію все это возможное въ маломъ видѣ, было непримѣнимо вслѣдствіе громадности рубокъ того времени, по невозможности возобновлять искусственно матеріаль, имѣвшій самую ничтожную цѣну, и по недостатку рукъ. Хвала умѣренности и указывая на пользу хозяйства, переводчикъ забылъ, что ни то, ни другое не было вполнѣ возможно въ его время. Лѣсное хозяйство вещь дѣйствительно очень хорошая; великія выгоды, простирающія изъ благоразумнаго пользованія лѣсами, доказаны самымъ осязательнымъ образомъ, и, не смотря на все это, лѣсное хозяйство существуетъ все-таки не вездѣ; а что могли сдѣлать для водворенія хозяйства въ царствованіе Анны Ивановны или Елисаветы

Петровны, когда никто не зналъ ни границъ, ни площади лѣсовъ? Какъ могла явиться умѣренность, когда не было ни средствъ, ни данныхъ для опредѣленія количества лѣса, возможнаго къ вырубкѣ безъ истощенія лѣсныхъ дачъ. Можетъ быть рубщикамъ того времени казалось, что они рубятъ очень умѣренно? Правительство понимало тоже очень хорошо пользу хозяйства и умѣренности, и чтобы приучить народъ къ тому и другому, не скупилось на указы—однимъ говорилось народу — руби это и не смѣй трогать того, а иначе или лишеніе живота или будутъ бить нещадно; другими учили гдѣ и какъ слѣдуетъ раскладывать въ лѣсахъ огонь, что огонь не слѣдуетъ оставлять не потушеннымъ; а солдатскія жены, собирая грибы въ лѣсахъ, и совѣмъ не должны раскладывать огонь; наконецъ вальдмейстерамъ внушали не притѣснять народъ и не брать съ него взятки — и что же? не принесли эти повелѣнія той пользы, какую отъ нихъ ожидали: — хозяйство въ лѣсахъ не водворилось и ни кто не сдѣлался умѣреннымъ. Фокель имѣетъ другой взглядъ на вещи, менѣе государственный; даже на пользу лѣсовъ онъ смотритъ иначе чѣмъ переводчикъ; Фокель лѣсничій по преимуществу, онъ говоритъ, что «изъ всѣхъ тварей, сколь маловажны онѣ ни кажутся глазамъ нашимъ, нѣтъ ни единой, въ которой бы, яко во свѣтломъ зеркалѣ, не представлялось намъ не испытуемое всемущество Создателя и всещедрос его стараніе», видя все созданное Богомъ «чтобы изъ разумныхъ тварей толь не смысленъ былъ, чтобы въ такую чудную любовь, стараніе, намѣреніе, премудрость и всемогущество Творца своего не проникнулъ, не почувствовалъ и не удивился! чтобы не разсудилъ, коль изрядно всѣ вещи устроены и коль мудро, на мѣрѣ, числѣ и вѣсѣ основаны.» Для подтвержденія своей мысли Фокель приводитъ дерево — «какія удивленія достойныя вещи въ немъ находятся! всякому дереву Всевышняго промыслъ опредѣлилъ свое сѣмя, о чемъ смотри въ первой книгѣ Моисеевой, въ главѣ первой, стихѣ 11-мъ и 12-мъ.» — «Паче всего удивительно, что хотя одному предѣль мѣры въ землѣ и подъ землею положенъ, однако подобно какъ человекъ дѣтскія, сильныя и слабы свои лѣта являетъ; такожь лѣтніе жары, а особливо въ здѣшнихъ сѣ-

верныхъ странахъ великія зимнія стужи претерпѣваетъ, однако при всемъ томъ человѣческія и скотскія лѣта гораздо превосходятъ.» — «На послѣдокъ умолчать не можно о великой пользѣ, которую человѣческій родъ по особенному Всемогущаго промыслу получаетъ изъ того вещества, которое мы называемъ дерево. Сколь оно весьма нужно и необходимо потребно къ содержанію человѣка, о томъ предовольно извѣстно, и не требуетъ пространнаго изъясненія; къ чему во свидѣтельство могу привести книгу премудрости Соломона главу четырнадцатую, гдѣ упоминается, что дѣла премудраго и всемогущаго Бога не праздны, и что люди вѣряютъ души своя самому малѣйшему дереву, помощію котораго отъ неспокойныхъ волнъ морскихъ спасаются: какъ-то можемъ усмотрѣть изъ книгъ Бытія о всемірномъ бывшемъ потопѣ, для избѣжанія котораго Богъ приказалъ Ною сдѣлать ковчегъ изъ дровъ не гниющихъ.» Интересна замѣтка, что «подлѣ озера Ильмени выше Новагорода и по нынѣ еще примѣтить можно, что въ старинное время прензобильное множество ильмоваго лѣса тамъ было, и можетъ быть оно озеро Ильмень по тому лѣсу названо.»

Взглядъ «лѣснаго знателя Фокеля» на науку былъ не всеѣмъ вѣренъ, но нельзя сказать чтобы и другіе ученые лѣсоводы того времени смотрѣли на нее вѣрнѣе, напримѣръ: въ 1749 году случился въ ревельской провинціи падежъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ появилось какое-то насѣкомое, размножившееся въ такомъ количествѣ; «что не только въ садахъ на деревьяхъ всѣ листья и цвѣты потравлены, но и листья на дикихъ деревьяхъ въ лѣсахъ такъ источены, что по содержанію полученнаго извѣстія, чрезъ нѣсколько дней на деревьяхъ самое малое число останется». Лѣсничіе и чиновники собрались, подумали и рѣшили «составить особенную удобную молитву, которая-бъ по нынѣшнимъ прискорбнымъ обстоятельствамъ способна была» и молитву эту читать въ церквахъ пока «зло не уймется». Мѣра эта не была испытана, а вмѣсто того сенатъ поручилъ генераль-губернской канцеляріи «объ искорененіи гадины, умножившейся на деревьяхъ, имѣть крайнее стараніе».

При императрицѣ Еласаветѣ главное вниманіе правитель-

ства было обращено на сбереженіе и охраненіе лѣсовъ. Но въ какой степени мѣры эти могли имѣть приложеніе? разумѣется, очень слабое; даже можно сказать утвердительно, что они жили больше въ указахъ и въ разныхъ повелѣніяхъ, чѣмъ въ лѣсахъ. Вотъ какъ дѣйствовали въ тѣ времена; въ 1748 году сенатъ объявилъ, что ему «небезызвѣстно учинилось, что крестьяне рубятъ лѣсъ небрежно, засоряютъ дачи вершинами, щепой и корой и на строеніе барокъ употребляютъ топорныя доски». Какъ помочь горю? очень просто: велѣть убирать сучья, кору и щепу, накопившіяся въ лѣсахъ, вывезти этотъ соръ вонъ, а для приготовленія досокъ завести пилы и топорныхъ досокъ не дѣлать. Такъ и сдѣлали; къ сожалѣнію ничего изъ этого не вышло. Вскорѣ послѣ изданія указа великоустюжскіе купцы вошли въ сенатъ съ прошеніемъ, что имъ нельзя не дѣлать топорныхъ досокъ, по той простой причинѣ, что въ ихъ уѣздѣ нѣтъ ни одной пильной мельницы. Сенатъ разсмортѣвъ прошеніе, нашелъ что купцы дѣйствительно правы и велѣлъ всѣмъ промышленникамъ, крестьянамъ, купцамъ и помѣщикамъ стараться не только самимъ устроить пильныя мельницы, но и «принуждать крестьянъ и въ обычай къ тому пилованію приводить». Чтоже касается до уборки въ лѣсахъ щепокъ и вершинъ, то не возможность этой мѣры въ то время вполне очевидна. Вершины убрать не трудно, если есть охотники взять ихъ; если же нѣтъ желающихъ, то это работа требующая издержекъ. При дешевизнѣ лѣса, когда въ Москвѣ сосновый брусъ въ три сажени длины и шесть вершковъ толщины продавался за пятьдесятъ пять копеекъ; а еловое двухъ саженное, девяти вершковое бревно стояло двадцать три копейки, цѣна матеріаловъ на мѣстѣ въ лѣсу была дешевле стоимости ихъ заготовки; возможно ли ожидать, что бы при этихъ условіяхъ уборка вершинъ могла существовать въ дѣйствительности; тѣмъ болѣе, что даже въ настоящее время мѣра эта невозможна во многихъ мѣстностяхъ? Правило это было хорошо и практично въ тѣ времена въ Германіи; но ужъ никакъ не вязалась съ нашими лѣсами, къ которымъ хотѣли примѣнить его нѣмецкіе «форштмейстеры». Этого мало — помимо возможности выполненія,

вытекающей изъ практичности самого требованія, нуженъ еще надзоръ и контроль на мѣстахъ. Но существовалъ ли онъ въ то время? нѣтъ, потому что сто вальдмейстеровъ были не въ состоянїи наблюдать въ дѣйствительности за сотнями милльоновъ десятинъ лѣсу; не могли указывать въ натурѣ мѣста рубокъ, и народъ рубилъ какъ ему «заспособнѣе» т. е., не только на выборъ, вырубая лучшее, но и выбирая мѣста, представлявшія удобства вывозки и сплава. Груды вершинъ и щепы должны были точно пугать «форштмейстеровъ», не издавшихъ ничего подобнаго въ Германіи; но заставлятъ убирать весь этотъ хламъ или вывозить его изъ лѣсовъ, было совсѣмъ странно, совершенно невозможно. И отчего явились вершины и щепы въ такихъ огромныхъ количествахъ, что испугался даже сенатъ? разумѣется отъ рубокъ, но отъ рубокъ слишкомъ сильныхъ, отъ рубокъ не на внутреннїя потребности народа, который бы взялъ вершины годныя на дрова; а собственно отъ заготовокъ лѣса для заграничнаго отпуска, гдѣ вырубалось только лучшее и болѣе цѣнное, а остальное бросали на мѣстѣ въ лѣсу. Вотъ нѣсколько примѣровъ того, въ какихъ размѣрахъ рубились тогда лѣса:

Въ 1760 году дано оберъ-егермейстеру Нарышкину на откупъ, на двадцать лѣтъ, право торговли смолой въ архангельскомъ портѣ; Нарышкинъ обязался платить въ казну ежегодно 5,850 рублей 54¹/₂ копеекъ. Доходъ получался не вовремя заготовки лѣса на гонку смолы или при самой выгонкѣ; а въ таможи, съ количества выпускаемаго за границу, именно по полторы копейки съ пуда. Слѣдовательно Нарышкинъ имѣлъ право отправить за-границу ежегодно 390,000 пудовъ, а для этого нужно было до 43,000 кубическихкихъ сажень осмолу. Сколько же оставалось ежегодно вершинъ отъ подобной операціи? не менѣе 130,000. Ранѣе этого, въ 1752 году было дозволено графу Шувалову заготовлять всякій годъ въ архангельской губервіи и отпускать за-границу бревенъ и брусевъ сосновыхъ и еловыхъ до 250,000, мачтовыхъ деревъ 1,000, рашиъ 1,000, досокъ пильныхъ 200,000. Въ 1760 году графъ Шуваловъ продалъ свое право, по контракту на тридцать лѣтъ, англичанину

Гому за сто двадцать тысячъ рублей. Нарвскіе купцы получили отъ Анны Ивановны позволеніе вырубать ежегодно въ вынѣшней петербургской губерніи и преимущественно по рѣкѣ Лугѣ 72.000 сосновыхъ и 50,000 еловыхъ деревь; правомъ этимъ они пользовались такъ благоразумно, что въ 1745 году для сбереженія лѣсовъ по Лугѣ велѣно было отвести для рубки новые участки; а дозволенное количество уменьшено на 53,000 деревь. Но вскорѣ оказалось, что по рѣкѣ Плюсѣ вырублено подъ видомъ подгорѣлаго и сухаго лѣса 73,633 дерева въ запрещенныхъ мѣстахъ. Жерди и дрова рубились точно также: на 177 кораблей, прибывшихъ въ 1751 году, слѣдовало отпустить 8850 жердей и 885 сажень дровъ, а отпущено дѣйствительно 75,756 жердей и 1828 сажень, да еще найдено заготовленными, но не отправленными за-границу 224,021 жердь и 4952 сажени дровъ. Какъ истребленіе лѣсовъ, вслѣдствіе подобныхъ усиленныхъ рубокъ было очевидно, то въ 1754 году запрещенъ отпускъ лѣса изъ с.петербургскаго порта. Но даже и при этой мѣрѣ оказалось не возможнымъ остановить зло; нѣкоторые купцы объясняли, что они запродали лѣсъ и въ счетъ дозволеннаго количества не отпустили 113,462 дерева — имъ дозволили. Тогда оказалось, что не всѣ наличныя бревна были сосчитаны — сосчитали и вышло брусевъ 175,139, досокъ 446,323, бревенъ 58,619 и мачтовыхъ деревь 178. Возможна ли была уборка вершинъ и щепы, когда лѣсъ рубился въ такомъ страшномъ размѣрѣ? Ограниченіе отпуска было бы дѣйствительно лучшей мѣрой, сохранились бы лѣса и меньше оставалось бы вершинъ; но и эта мѣра была трудная, потому что порядка въ управленіи не существовало и некому было приняты за дѣло; а завести правильность въ рубкахъ лѣса было и совершенно не возможно, потому что не знали ни пространства, ни положенія лѣсовъ и недоставало ни денежныхъ средствъ, ни людей для подобной работы. Вальдмейстеры были плохи по прежнему, жалобы на взяточничество ихъ повторилась и правительство распорядилось уменьшить число лѣсничихъ; для описанія лѣсовъ, состоявшихъ въ вѣдѣніи адмиралтействъ-коллегии, велѣно послать офицеровъ; вмѣстѣ съ описаніями слѣдовало составить лѣсамъ ландкар-

ты; къ мѣстамъ, гдѣ будутъ найдены лѣса годные для флота опредѣлены дворяне или отставные офицеры изъ «добрыхъ и пзвѣстныхъ людей», а за указанныя разстоянія велѣно «вальдмейстерамъ въ лѣса не вѣзжать». Вальдмейстерамъ подтверждено не дѣлать обывателямъ ни малѣйшихъ притѣсненій и не брать съ нихъ взятокъ; вмѣстѣ съ тѣмъ было предположено дать вальдмейстерамъ жалованье. Наконецъ сенатъ полагалъ за каждое взятое отъ частныхъ владѣльцевъ дерево платить имъ «по вольной цѣной», чтобы они охотѣе берегли свои лѣса. Но эти мѣры не принесли ни какихъ полезныхъ результатовъ, да и не возможно было ожидать отъ нихъ какую-нибудь дѣйствительную пользу, потому что общее неустройство было еще слишкомъ велико.

Императрица Елисавета обратила первая особенное вниманіе на сохраненіе лѣсовъ отъ пожаровъ; нѣкоторыя изъ повелѣній ея по этому предмету довольно любопытны: въ 1744 году приказано въ сибирской губерніи отнюдь не жечь лѣсовъ, въ которыхъ ловятъ соболей; въ 1745 году постановлено объявить полкамъ, находящимся въ Петербургѣ и его окрестностяхъ, чтобы солдаты и жены ихъ, собирая въ лѣсахъ ягоды, грибы и т. д., отнюдь не раскладывали бы огня; объявить по всей имперіи съ подинской, чтобы крестьяне при расчисткѣ земель и вообще при раскладкѣ въ лѣсахъ огня были осторожны; смотрѣли, чтобы не произошелъ пожаръ и не уходили изъ лѣсу не потушивъ разложеннаго огня. Вальдмейстерамъ смотрѣть, чтобы пожаровъ не было и чтобы проѣзжающіе раскладывали огни для варенія пицци не близъ лѣсовъ и мостовъ и уѣзжая тушили огонь. Разумѣется распоряженіе это вальдмейстеры не выполняли, потому что они не были въ состояніи его выполнять. Невозможность же эта видна изъ того, что даже особенные частые разъѣзды изъ военныхъ командъ, установленные исключительно для наблюденія за лѣсами и мостами по московской дорогѣ, не могли спасти ихъ отъ пожаровъ, и генераль Ферморъ, командированный для надзора, доносилъ, что, не смотря на разъѣзды, нельзя быть увѣреннымъ въ полной безопасности лѣсовъ и мостовъ, потому что харчевники въ противность запрещенія топятъ свои квартиры и

харчевни (!). Сенатъ велѣлъ послать указы и объявить жителямъ и харчевникамъ быть осторожными съ огнемъ и варить пищу за огородами; а когда проѣзжающіе уѣдутъ, не потушивъ огня, и будутъ обличены въ томъ, то сѣчь ихъ «батожьемъ».

Въ царствованіе императрицы Екатерины II повторялся тотъ же порядокъ и лѣса рубились какъ и прежде; правительство даже имѣло расчетъ поощрять и поддерживать заграничный отпускъ лѣса, потому что этимъ путемъ шли въ казну большія выгоды. Разъ адмиралтействъ collegія вошла въ сенатъ съ предположеніемъ о прекращеніи «лѣсныхъ промысловъ» у архангельскаго порта. Collegія, основываясь на томъ, что прежде шести-десяти-шести пушечный корабль обходился казнѣ въ 1,876 рублей, а въ послѣднее время стоилъ 4,990 рублей и что причина такого возвышенія заключается въ недостаткѣ корабельныхъ деревъ, полагала запретить Гому рубку лѣсовъ по Двинѣ и по Онегѣ. Послали нарочно «офицера», чтобы удостовѣриться въ томъ на мѣстѣ и тотъ донесъ, что лѣса дѣйствительно истреблены. Офицеру какъ видно не повѣрили и командировали генералъ-поручика Веймарна; осмотрѣвъ лѣса по Двинѣ и по впадающимъ въ нее рѣкамъ, генералъ нашелъ, что недостатка въ лѣсѣ не только нѣтъ, но и не предвидится на долго вперед и что Гома ни какъ нельзя винить въ истребленіи лѣсовъ, потому что по описи 1748 года на Двинѣ считалось 2.000,000 деревъ, приспѣвшихъ къ рубкѣ, а Гомъ вырубилъ только 250,000, слѣдовательно остается все еще полтора миллиона деревъ; наконецъ, для казны нѣтъ расчета уничтожить промыселъ, потому что отъ него приходилось казнѣ 700,000 рублей. Мнѣніе Веймарна поддержалъ Панинъ и Гома оставилъ въ покоѣ. Не смотря на авторитеты Веймарна и Панина, вѣрится больше донесенію «офицера»; да и точно ли генералъ-поручикъ былъ на мѣстахъ и видѣлъ лѣса своими глазами? — едва-ли. Осматривать лѣса дѣло очень трудное, нужно быть для этого и молодымъ и сильнымъ, а кабинетныя осмотры лѣсовъ ничего не значать — въ нихъ-то и прищипа зла. И нынче архангельская губернія слыветъ очень лѣсной, въ ней считаютъ 28 миллионъ десятинъ лѣсу, а

въ дѣйствительности будетъ ли столько? Наконецъ Веймаръ увѣрялъ, что Гомъ вырубилъ только 250,000 деревъ и осталось еще полтора мильона; но вѣдь могло быть и на оборотъ? Какъ не разбирай вопросъ этотъ, а въ значительномъ уменьшеніи, а мѣстами и истребленіи лѣсовъ, по сплавнымъ системамъ сѣверной лѣсной полосы Россіи нельзя винить ни кого, кромѣ самого правительства; за-границу шли мильоны деревъ ежегодно, и никто не зналъ сколько можно дозволить дѣйствительно рубить безъ истощенія лѣсовъ и точно ли то количество лѣса отпускается, какое дозволено — вѣрнаго контроля нигдѣ не существовало. Правда и народъ не отличался особой бережливостію — крестьяне рубили лѣсъ «великими тысячами на продажу», но вывозили изъ дачъ не все вырубленное количество, такъ что много срубленнаго лѣсу гнило и пропало безъ всякой пользы: изъ семи до десяти и болѣе верхковыхъ деревъ вытесывали не болѣе двухъ или трехъ половыхъ досокъ, а тесу не болѣе пяти досокъ; для устраненія этого была издана инструкція «сотскому съ товарищи», которымъ вмѣнялось объявить съ подписками управителямъ, старостамъ, выборнымъ и крестьянамъ, чтобы лѣсъ на доски не кололи, а пилили; вмѣстѣ съ тѣмъ сотскимъ поручено наблюдать, чтобы на дрова и уголья употребляли валежникъ и пни. Относительно предупрежденія пожаровъ сотникамъ поручено смотрѣть, чтобы профѣзжающіе и крестьяне не раскладывали огней близъ лѣсовъ и въ случаѣ пожара, къ потушенію его принимали «всевозможное стараніе».

Хотя императрица Екатерина и не способствовала особенно сбереженію лѣсовъ, тѣмъ не менѣе ей принадлежитъ начало приведенія лѣсовъ въ извѣстность: первый шагъ къ тому сдѣланъ генеральнымъ межеваніемъ, опредѣлившемъ границы лѣсовъ; но этимъ еще не кончилось дѣло — Екатерина задумала ввести въ лѣсахъ хозяйство на основаніи научныхъ правилъ созданныхъ тогда Германіей. Съ этой цѣлью составили «проектъ устава о лѣсахъ», проектъ хотъ и дѣльный, но не возможный въ приложеніи. По проекту Россія раздѣлена на три полосы — сѣверную, среднюю и полуденную; для каждой полосы опредѣлены правила рубки, число

лѣтъ возвращенія строеваго и дровянаго лѣса, назначено въ какомъ порядкѣ слѣдуетъ рубить лѣсъ, какой ширины дѣлать лѣсосѣки и т. д., въ степяхъ же предположено разводить лѣса. Наши вальдмейстеры не могли взяться за такое дѣло — оно было имъ не подъ силу, но кажется и отъ нѣмцевъ - форштмейстеровъ было пользы не болѣе, «потому что они прежде должны были россійскому языку обучаться, на что уже много лѣтъ требуется, слѣдовательно, прежде нежели отъ нихъ успѣховъ получить можно, они состарѣваются и потомъ отъѣзжаютъ въ свое отечество». По этому оберъ-егермейстерская канцелярiя, сознававшая необходимость имѣть для охоты знающихъ людей, «ибо отъ порядочно учрежденной охоты не только увеселенiя, но и дѣйствительной пользы ожидать можно», предположила обучать при егермейстерскомъ корпусѣ десять яхтъ-пажей охотѣ и «форштмейстерскимъ дѣламъ». Курсъ назначался четырехлѣтнiй, и по окончанiи его молодые люди должны были занимать мѣста при оберъ-егермейстерской конторѣ и мѣста вальдмейстеровъ, «не имѣвшихъ о форштмейстерскихъ дѣлахъ ни малѣйшаго знанiя». Допуская, что всѣ десять яхтъ-пажей занимали мѣста форштмейстеровъ, число это было такъ незначительно, что разумѣется раздѣленiе лѣсовъ на лѣсосѣки и соблюденiе правилъ рубки, указанныхъ проектомъ устава о лѣсахъ, было невозможно. Проектъ остался не выполненнымъ.

Впрочемъ характеристика царствованiя Екатерины вовсе не въ прекращенiи неурядицъ въ лѣсахъ и въ лѣсномъ управленiи; въ этомъ отношенiи она не сдѣлала ничего особенно полезнаго; гораздо важнѣе ея указъ 22-го сентября 1782 года: «продолжающiяся до сего времени о лѣсахъ учрежденiя — такъ начала Екатерина — обращали болѣе къ стѣсненiю собственности нашихъ подданныхъ, нежели приносили пользы адмиралтейству нашему, въ пользу коего они сдѣланы были. Мы видя неудобство ихъ и несходство съ правилами нашими, съ самыхъ первыхъ лѣтъ царствованiя нашего, помышляли исправить оныя, доставляя каждому всевозможную свободу пользоваться по лучшему его изобрѣтенiю всѣми лѣсами, копъ въ собственныхъ его дачахъ произ-

растають». По этому всё лѣса растущіе въ частныхъ дачахъ предоставлены въ полную собственность ихъ владѣльцевъ, хотя бы лѣса эти и считались прежде заповѣдными. Всякому дозволено свободно торговать внутри государства и при портахъ мачтовымъ и другимъ лѣсомъ, съ платежемъ только пошлины по тарифу. Адмиралтейству и другимъ казеннымъ мѣстамъ запрещено клеймить и рубить деревья въ частныхъ лѣсахъ бесплатно, или безъ дозволенія владѣльцевъ. «Не можетъ сіе конечно — говорится далѣе въ указѣ — обратиться къ оскуденію адмиралтейства нашего, въ лѣсахъ для него потребныхъ, потому что многіе изъ помѣщиковъ найдутъ для себя сходственною продажу или поставку въ адмиралтейство, предпочитая ее заботѣ доставлять на неизвѣстность къ порту и для отпуска въ чужіе края; а сверхъ того казенныя наши дачи столько избылуютъ лѣсными произрастаніями, что флоты наши всегда тѣмъ могутъ удовольствоваться, и особливо, когда мы съ помощію Божіею предуспѣемъ обще съ прочимъ хозяйственнымъ учрежденіемъ и сію часть распорядить на пользу государства. Удостоверены мы равнымъ образомъ, что радѣтельные помѣщики, пріемля съ признаніемъ сей новый знакъ нашей къ нимъ императорской милости и попеченія о добрѣ ихъ, приложатъ стараніе ихъ о всевозможномъ охраненіи лѣсовъ своихъ отъ напраснаго истребленія и о размноженіи растений ихъ въ собственную свою и потомства ихъ пользу».

Чрезъ полгода послѣ этого указа открылось, что дубовый лѣсъ сильно рубится не только помѣщичьими крестьянами въ общихъ лѣсахъ, но и государственными крестьянами въ казенныхъ дачахъ; въ народѣ пропелся слухъ, что весь дубовый лѣсъ отданъ въ общее, свободное пользованіе — это было въ казанской губерніи; тоже самое открылось и въ тамбовской губерніи. Здѣсь крестьяне продавали дубъ въ видѣ досокъ, ободьевъ, полозьевъ и употребляли въ постройки на столбы, заборы, полы и даже клани при постройкѣ домовъ по пяти и болѣе вѣшнихъ вѣнцовъ изъ дуба. Сенатъ предписалъ губернаторамъ: «употребить надлежащіе способы къ пресѣченію всякаго злоупотребленія, уважая сколько нужно лѣсовъ сбереженіе», и о скорѣйшемъ раз-

межеваніи лѣсовъ «предоставлено сужденію межевой экспедиціи». Нельзя сказать, чтобы мѣры эти обѣщали успѣхъ; впрочемъ сенату и не оставалось ничего дѣлать болѣе какъ писать подтвердительные указы.

Есть лѣспичіе, которые въ указѣ 1782 года видятъ главную причину значительнаго уменьшенія лѣсовъ Россіи; по ихъ мнѣнію указъ этотъ явился нѣсколько рано, потому что генеральное межеваніе не опредѣлило еще границъ лѣсовъ. Мнѣніе это не совсѣмъ вѣрно — съемка лѣсовъ на планъ могла опредѣлить въ натурѣ предѣлы земельныхъ владѣній того или другаго собственника, но не могла имѣть никакого вліянія на усиленіе или уменьшеніе рубки; дубовые лѣса могутъ быть и пострадали, но это было неизбѣжно, потому что народъ, несмѣвшій прежде пользоваться для своихъ потребностей хорошими, цѣнными породами, обрадовался слуху о свободѣ рубки и потѣшился въ лѣсахъ. Народъ поступилъ вполне логично, и появился указъ 1782 года десятью годами позже, вышло бы тоже самое; что же касается до лѣсовъ собственно казенныхъ, то на это можно отвѣтить вопросомъ — что же дѣлали господа приставленные для ихъ охраненія? Наконецъ, нѣтъ никакихъ основательныхъ причинъ думать, чтобы временное нарушеніе порядка въ образѣ пользованія лѣсомъ, собственно на мѣстныхъ надобности крестьянъ, повело къ значительному уменьшенію лѣсовъ Россіи; — грѣхъ точно случился, но не такъ большой, какъ думаютъ противники указа 1782 года; и отъ того что мужички подкладывали подъ свои избы по пяти дубовыхъ вѣнцовъ или дѣлали полозья изъ дуба вышло меньше зла, чѣмъ отъ «лѣснаго промысла» Нарышкина и графа Шувалова у архангельскаго порта, или отъ торговли отданной Анной Ивановной вѣмцамъ по с. петербургской губерніи. — Недостатокъ рѣзграниченія лѣсовъ въ натурѣ былъ губителенъ для лѣсовъ; но не при Екатеринѣ, а гораздо послѣ; когда увеличеніе населенія въ среднихъ губерніяхъ вызвало необходимость расчистокъ лѣсовъ подъ пашни, а отсутствіе граничныхъ признаковъ лишило возможности слѣдить за уменьшеніемъ лѣсной площади. Отъ недостатка въ натурѣ границъ у насъ пострадали дѣйствительно лѣса нарѣзанные го-

сударственнымъ крестьянамъ; лѣса эти уменьшались ежегодно и въ пространствѣ и въ достоинствѣ насажденій и у крестьянъ была основательная причина не смотрѣть на нихъ съ особенной пріязнью; объ этомъ послѣ.

Въ царствованіе Екатерины внесены въ лѣсное дѣло, кромѣ приведенныхъ выше, еще двѣ новыя идеи. Въ іюлѣ 1762 года вышелъ указъ, въ которомъ сказано, что какъ «въ бывшее предъ симъ правительство» государственная казна истощилась, увеличились излишніе расходы, «отчего неисчислимыя въ государствѣ приключаются неполезности», то сенату поручено между прочимъ: продать засѣки и нерозданныя земли, «чтобы частнымъ владѣльцамъ дать средства къ размноженію экономіи, а государству спомоществованіе». Продажу земли велѣно дѣлать сначала съ публичнаго торга, аукціоннымъ порядкомъ, а потомъ по цѣнамъ назначеннымъ въ манифестѣ 1765 года о генеральномъ межеваніи. Деньги, вырученныя отъ продажи земель, предположено употребить на производство государственнаго межеванія. Въ 1778 году продажа засѣкъ и земель прекращена. Этотъ вопросъ, возбужденный у насъ впервые Екатериной, получаетъ особенный интересъ въ настоящее время по сходству обстоятельствъ тогдашнихъ съ нынѣшними. Екатерина продавала земли потому, что государство нуждалось въ деньгахъ; съ той же финансовой цѣлью продавались въ прошедшемъ и въ нынѣшнемъ столѣтіи лѣса во Франціи и въ Германіи; земли продавали когда не представлялось никакихъ средствъ къ покрытію дефицита или къ уплатѣ долга, какъ это сдѣлала Пруссія, продавшая часть своихъ лѣсовъ для уплаты контрибуціи, наложенной на нее Наполеономъ I. Противъ продажи лѣсовъ возставали особенно лѣсничіе Германіи; имъ казалось всегда, что лѣса могутъ благоденствовать только въ рукахъ правительства, а частныя лица не поведутъ хозяйство такъ интензивно, и будутъ дѣйствовать въ своемъ личномъ интересѣ, не справляясь съ нуждами государства. Такое мнѣніе лѣсничіе основывали на не совсѣмъ блестящемъ состояніи частныхъ лѣсовъ. Жаль, что лѣсничіе не умѣли понять, что худое въ настоящемъ, не есть необходимое условіе для того же дѣла и въ будущемъ. Можетъ быть, что частныя вла-

дѣльцы знаютъ лѣсоводство не въ такой тонкости, какъ знаютъ его королевскіе ученые форштмейстеры Германіи; а развѣ не было времени, когда эти ученые люди не только знали скверно лѣсоводство, но и крали королевское добро? И давно ли стало дѣлать лѣсоводство въ королевскихъ лѣсахъ? всего съ десятихъ годовъ нынѣшняго столѣтія. Королевскіе лѣсничіе, эти единственные творцы науки лѣсоводства, защищаютъ казенное право только потому, что они казенные лѣсничіе, что они бюрократы и слѣдовательно сами въ нѣкоторой степени правительство; имъ просто не хочется отдать государственную собственность во владѣніе общества, жаль разстаться съ своимъ правомъ опекунства и казеннымъ вліяніемъ. Опытъ Франціи и Германіи убѣждаетъ въ томъ, что казенныя имущества приносятъ въ рукахъ казны меньше выгодъ чѣмъ въ управленіи частныхъ лицъ; значитъ съ чисто финансовой точки зрѣнія имуществамъ этимъ лучше не принадлежать казнѣ — выигрышь и общества и государства очевидно. Но нѣмецкіе лѣсничіе могутъ возразить, что справедливое относительно имущества вообще, несправедливо относительно лѣсовъ — частныя лица ихъ истребятъ; но и на это есть отвѣтъ. Неужели частныя лица не умѣютъ понимать своихъ интересовъ, и неужели только одни казенные лѣсничіе владѣютъ свѣтомъ лѣсной мудрости? Нѣтъ, и лучшимъ опроверженіемъ подобнаго мнѣнія лѣсничихъ можетъ служить хозяйство графа Шварценберга въ Богеміи и хозяйство швейцарскихъ общинъ въ горахъ. Графъ Шварценбергъ устроилъ у себя такой порядокъ въ лѣсномъ дѣлѣ, какой не скоро водворится въ казенныхъ лѣсахъ Австріи; общины тоже: отлично понимая необходимость сохранять на горахъ лѣсъ, онѣ хозяйничаютъ съ нимъ совѣмъ не такъ дурно, какъ думаютъ королевскіе лѣсничіе. Надобно думать, что форштмейстеры, убѣжденные подобными хорошими примѣрами, переставутъ смотрѣть такъ презрительно на частныхъ лѣсничихъ и допустятъ возможность дѣльнаго хозяйства въ частныхъ лѣсахъ; можетъ быть они допускаютъ это и теперь, а все-таки увѣряютъ что лѣса отданные частнымъ лицамъ исчезнутъ съ лица земли и благоденствіе рода человѣческаго кончится; а чтобы подѣйстви-

вать сильнѣе на легковѣрныхъ, указываютъ на степи Волги и Дона, на Малую Азію, Сицилію и т. д. Какъ эти доказательства повидимому ни сильны, но дѣйствительно доказательнаго въ нихъ нѣтъ ничего. Извѣстно, что земля подъ лѣсомъ даетъ доходу менѣе, чѣмъ при всякомъ другомъ сельско-хозяйственномъ пользованіи ею. Понятно, что владѣлецъ небольшого имѣнія не станетъ беречь свой клочокъ лѣса; это капиталъ малопроцентный и владѣлецъ дастъ ему другой оборотъ, т. е., говоря проще превратитъ лѣсъ въ пашню. Можно ли обвинить за это частнаго владѣльца? Напротивъ, его слѣдовало бы обвинить въ томъ случаѣ, когда бы онъ сохранилъ свой лѣсъ, ради желанія имѣть у себя лѣсное хозяйство; такая система дѣйствій служила бы полнымъ доказательствомъ тупости владѣльца и непониманія имъ своихъ выгодъ. Совсѣмъ другое дѣло, когда собственникъ владѣетъ большимъ лѣснымъ капиталомъ; въ этомъ случаѣ специальное занятіе владѣльца составляетъ торговля лѣсомъ, или лѣсная промышленность. Такой капиталистъ не превратитъ свой лѣсъ въ пашню; во-первыхъ, потому что превратить весь лѣсъ въ пашню дѣло трудное; а во-вторыхъ, что для лѣсопромышленника земледѣліе есть занятіе, требующее особыхъ познаній, новыхъ для него соображеній и особой затраты капитала. Не говоря про сельско-хозяйственныя орудія, постройки, машины, — сколько нужно затратить на превращеніе лѣсной почвы въ пашню? Побужденіе должно быть очень сильно, что лѣсопромышленникъ пошелъ въ сельскіе хозяева. Въ подтвержденіе этого можно привести примѣры изъ русской жизни — у насъ есть много капиталистовъ лѣсныхъ торговцевъ, которые весь свой вѣкъ торговали лѣсомъ и дѣти которыхъ не только не оставляютъ этого дѣла, а напротивъ скупаютъ лѣса и дѣлаются владѣльцами огромныхъ, болѣе милліона десятинъ, лѣсныхъ пространствъ. Можетъ быть хозяйство въ ихъ лѣсахъ не такъ тонко, какъ въ лѣсахъ торантской лѣсной академіи; да это имъ покамѣстъ и не нужно: — возвысится цѣна на лѣсъ улучшится и хозяйство. Графъ Шварценбергъ тоже не истребляетъ своихъ лѣсовъ и не станетъ превращать ихъ въ пашню. Наконецъ въ Пруссіи и въ Саксоніи чрезвычайно

много частныхъ владѣльцевъ, лѣса которыхъ и устроены и содержатся отлично. Неужели этихъ примѣровъ мало для ученыхъ форштмейстеровъ? И къ чему лѣса правительствамъ? чтобы хозяйничая отлично на бумагѣ, не имѣть порядка въ дѣятельности и получать отъ лѣсовъ значительно меньшую прибыль, противъ частныхъ владѣльцевъ? Для этого кажется рѣшительно не стоитъ хлопотать, держать контролеровъ; надъ контролерами еще контролеровъ и наконецъ главныя центральныя управления, съ огромными штатами чиновъ и расходовъ! Къ чему всѣ эти хлопоты, суеты, преслѣдованіе злоупотребленій, сочиненіе инструкцій, писанье циркуляровъ — все чѣмъ такъ плодovitа Германія и Франція? Ученые лѣсничіе имѣютъ только одно утѣшеніе при всемъ этомъ: — они считаютъ себя правительствомъ, органами необходимыми для благоденствія государства; а по праздникамъ надѣваются мундиръ съ золотымъ шпьемъ и носятъ сапоги со шпорами. Но нельзя не согласиться, что эти причины слишкомъ слабы. — Всѣ неудобства разрѣшаются продажей лѣсовъ общинамъ — сельскимъ или торговымъ, но непременно общинамъ, — а не отдѣльнымъ лицамъ. Примѣры прошедшаго въ этомъ случаѣ ничего не значатъ, а примѣръ Франціи, на которую ссылаются ученые форштмейстеры, ровно ничего не доказываетъ. Французы были до-сихъ-поръ точно плохими лѣсными хозяевами и порядочно порубили свои лѣса; но вѣдь это было, а теперь и тамъ начинаютъ обращаться съ лѣсами лучше; наконецъ двѣ трети общаго лѣснаго пространства Франціи принадлежатъ частнымъ владѣльцамъ — оставляя вопросъ гдѣ хозяйство интензивнѣе, какъ выражаются ученые лѣсничіе, — результатъ все-таки тотъ, что у частныхъ владѣльцевъ лѣсовъ болѣе чѣмъ у казны. Приувеличеніе важности лѣсовъ играетъ тоже не малую роль въ мнѣніи германскихъ форштмейстеровъ, которые смотрятъ на лѣса глазами лѣсоводовъ прошедшаго столѣтія, когда не было другаго топлива кромѣ дерева и желѣзо въ хозяйствѣ челоуѣка не играло той роли, какую оно играетъ нынче.

Послѣдняя новая идея, внесенная Екатериной въ наше лѣсное дѣло, заключалась въ приданіи лѣсамъ финансоваго

значенія внутри самой страны. Петръ Великій, сдѣлавъ лѣса собственностью государства, допустилъ безденежную рубку его въ казенныхъ дачахъ частными промышленниками и казна довольствовалась только сборомъ пошлины по тарифу, при выпускѣ лѣса за-границу. Даже Елисавета, назначившая плату за корабельныя деревья вырубаемыя въ частныхъ лѣсахъ, допускала промышленникамъ даровую рубку въ казенныхъ дачахъ. Первый шагъ къ продажѣ на мѣстахъ лѣса за деньги сдѣлали частные владѣльцы, которые не позволяли рубить своихъ лѣсовъ даромъ. Въ послѣдствіи идея эта перешла отъ частныхъ владѣльцевъ къ лицамъ правительственнымъ; первый шагъ къ взысканію денегъ за лѣсъ сдѣлалъ директоръ вятскихъ винокуренныхъ заводовъ Шалыгинъ. Узнавъ, что лѣса для заводовъ рубятся изъ дачъ, приписанныхъ къ селеніямъ государственныхъ крестьянъ, поставщиками изъ людей постороннихъ, которые пользуются такимъ образомъ выгодами съ матеріала имъ не принадлежащаго, Шалыгинъ распорядился брать съ сажени дровъ по десяти копеекъ, а съ бревна по три копейки. Къ 1762 году постановлено по смоленской губерніи брать за лѣсъ для инженерныхъ и артиллерійскихъ надобностей по одной копейкѣ съ сажени длины дерева; а въ 1780 году сенатъ приказалъ брать съ промышленниковъ и заводчиковъ новгородскаго намѣстничества по пяти копеекъ съ дерева, на томъ основаніи, что подрядчики, заготовлявшіе лѣса для адмиралтейства въ лѣсахъ частныхъ, платили деньги за этотъ лѣсъ; а при рубкѣ лѣса въ казенныхъ дачахъ денегъ не платили. Цѣны же на лѣса частныхъ владѣльцевъ существовали слѣдующія: за сосновое дѣрево отъ пяти до восьми сажень, толщиной отъ шести до семи вершковъ десять копеекъ, деревья же высшихъ размѣровъ, — мачтовыя продавались на корнѣ не менѣе трехъ рублей; еловый лѣсъ отъ пяти до восьми сажень, толщиной отъ пяти до шести вершковъ семь копеекъ; сажень дровъ, безъ различія породъ, десять копеекъ. Первая же такса на лѣса, общая для всего государства, явилась при императорѣ Павлѣ въ 1799 году.

Павель обращалъ на лѣса особенное вниманіе. Въ началѣ царствованія его было поручено адмиралтействъ-кол-

легіи сдѣлать всѣмъ лѣсамъ подробныя описанія, съ показаніемъ числа деревъ годныхъ для кораблестроенія и составить лѣсамъ генеральныя и частныя карты и планы. Описанія и планы составленныя въ это время служили до учрежденія министерства государственныхъ имуществъ почти единственными данными для хозяйственныхъ соображеній. Вмѣстѣ съ тѣмъ поручено комиссіи прекратить всѣ злоупотребленія, бывшія причиной истребленія лѣсовъ, вслѣдствіе рубокъ для заграничнаго отпуска, приготовленія поташа, золы и при расчисткахъ. Для завѣдыванія казенными лѣсами Павелъ учредилъ при интендантской экспедиціи лѣсной департаментъ.

Но этимъ не ограничилась дѣятельность императора. Нашли, что прежніе вальдмейстеры не удовлетворяли требованіямъ правительства, а лѣсныя узаконенія не соответствовали новымъ обстоятельствамъ. Поэтому предположено учредить оберъ-форштмейстеровъ и форштмейстеровъ, «предпочитая сіи чины вальдмейстерамъ потому, что къ обязанности ихъ принадлежитъ не токмо одно сохраненіе, но и разведеніе лѣсовъ вновь.» И въ тоже время издана форштмейстерская инструкция. Это былъ новый лѣсной уставъ, поглотившій всѣ ранѣе изданныя постановленія по лѣсной части, и послужившій ближайшимъ основаніемъ нынѣ дѣйствующимъ лѣснымъ законамъ. По новому положенію приняты заповѣдными предѣлами въ казенныхъ лѣсахъ сто верстъ отъ большихъ и двадцать пять отъ малыхъ сплавныхъ рѣкъ, впадающихъ въ большія. За самовольныя порубки назначены денежные штрафы и только за третью или четвертую порубку ниже двадцати, или за первую выше двадцати рублей, велѣно виновнаго предавать суду. Лѣсъ слѣдовало раздѣлать на лѣсосѣчки, а сучья, вершины, щепу и кору, остающіяся при заготовкахъ, вывозить изъ лѣсу тѣмъ, кто производитъ рубку. Къ инструкціи приложены «общія правила о лѣсахъ», т. е., описаніе древесныхъ породъ и способовъ ихъ разведенія. Описаніе это заслуживаетъ вниманіе какъ первое научное сочиненіе о лѣсахъ, изданное правительствомъ. По своему времени оно было очень хорошо, но для

насъ устарѣло, что однако не мѣшаетъ ему жить и до-сихъ-поръ въ лѣсномъ уставѣ.

Какъ доказательство особаго вниманія Павла къ лѣсамъ, можно привести слѣдующее: во время путешествія по Россіи императоръ Павелъ писалъ мнскому губернатору Корнѣеву: «Проѣзжая губернію вамъ ввѣренную, видѣлъ я съ крайнимъ удивленіемъ, koliko истребляются въ оной лѣса безъ всякой пужды, ибо не взирая на безчисленное множество валежнику крѣпкаго и годнаго на всякія издѣлія, вновь деревья рубятся, сжигаются и также оставляются на мѣстѣ безъ всякаго употребленія. По обязанности званія вашего рекомендую вамъ обратить вниманіе на сію часть и съ согласіемъ предводителей дворянства сдѣлать надлежащія распоряженія, дабы избытки лѣсовъ, коими природа столь щедро здѣшнюю губернію наградила, съ лучшимъ разсмотрѣніемъ и сбереженіемъ употреблялись, да и вообще хозяйственная часть поставлена была на такомъ основаніи, чтобы прямую пользу и выгоду обывателямъ приносила»; подобный же указъ былъ данъ владимірскому губернатору Руничу, по поводу замѣченнаго самимъ Павломъ неосторожнаго обращенія крестьянъ съ огнемъ, при выжиганіи новинъ. Но какъ однихъ подтвержденій и наказовъ было еще мало и форштмейстеры и лѣсные надзиратели по недостатку средствъ были не въ состояніи соблюдать всѣхъ предосторожностей, указываемыхъ закономъ противъ лѣсныхъ пожаровъ; то въ помощь лѣсничимъ, единственно на случай пожаровъ, назначены особые пожарные старосты; старость этихъ велѣно выбирать чрезъ каждые три года изъ поселянъ трезвыхъ и добраго поведенія.

Вмѣстѣ съ мѣрами дѣйствительно полезными были введены въ царствованіе Павла и другія, похвалить которыя нельзя. Вотъ одна изъ нихъ: многіе казенные крестьяне поселенные на земляхъ не годныхъ для хлѣбопашества, промышляли исключительно постройкой разныхъ судовъ; не всегда имѣя столько денегъ, чтобы заплатить за лѣсъ впередъ, они оставались иногда безъ работы и разумѣется терпѣли нужду. Вслѣдствіе этого вышло постановленіе, по которому дозволялось казеннымъ крестьянамъ рубить лѣсъ,

не прося разрѣшенія адмиралтействъ-коллегии и не платя попенныхъ денегъ; а въ замѣнъ ихъ взыскивалась пошлина. Пошлина эта опредѣлялась измѣреніемъ судна; для отвращенія же злоупотребленій, суда уплаченныя пошлиной слѣдовало клеймить адмиралтейскимъ клеймомъ, а хозяевамъ судовъ выдавать билеты за подписью оберъ-форштмейстеровъ и земскихъ судовъ. Какъ эта мѣра ни хороша повидимому, но въ сущности въ ней больше зла чѣмъ пользы; то, что было сдѣлано для нѣсколькихъ бѣдныхъ строителей, послужило поводомъ къ стѣсненію и дало возможность преслѣдованія всѣхъ владѣльцевъ рѣчныхъ судовъ. Относительно постройки мореходныхъ судовъ отмѣнены тоже попенныя деньги и назначено брать пошлину сообразную длинѣ киля. Тарифъ составленный коммерцъ-коллегіей былъ вѣроятно очень низокъ, потому что адмиралъ графъ Кушелевъ возражалъ на миѣніе коллегии; онъ говорилъ, что лучше подарить промышленникамъ на первый годъ лѣсъ, чѣмъ брать подобную плату, потому что за самый большой остъ-индскій корабль, или сорока четырехъ пушечный фрегатъ придется пошлины только двѣ тысячи рублей, тогда какъ лѣсу пойдетъ по крайней мѣрѣ на двѣнадцать или болѣе тысячъ; безденежное пожалованіе лѣса на одинъ годъ будетъ милостью, говорилъ Кушелевъ, а такая плата, несмотря на свою незначительность, будетъ считаться не подаркомъ, а поборомъ, убыточнымъ для казны. Миѣніе это однако не приняло и предположеніе коллегии велѣно выполнить впродъ на четыре года, съ тѣмъ, чтобы по истеченіи срока дѣло разсмотрѣть и рѣшить вновь. Но и при Александрѣ I рѣшили его не лучше: — законъ этотъ живъ и до-сихъ-поръ; однако не на долго.

Въ 1789 году Павелъ запретилъ отпускать лѣсъ изъ казенныхъ дачъ на частныя надобности и не выпускать бревенъ и досокъ изъ с.-петербургскаго и архангельскаго портовъ за-границу; но въ томъ же году вышелъ дополнительный указъ, которымъ не велѣно отпускать «ни единаго дерева» безъ высочайшаго разрѣшенія. Однако чрезъ двѣ съ половиною недѣли, «спусходя на представленія министровъ, державъ въ добромъ согласіи и дружбѣ пребывающихъ и

сохраняя выгоды подданныхъ отъ убытковъ, могущихъ послѣдовать по поводу запрещенія вывоза лѣсовъ», Павелъ сначала отложилъ исполненіе повелѣнія на годъ, потомъ дозволилъ вывозить за границу лѣсъ вырубленный и приготовленный до указа, а наконецъ приказалъ составить проектъ правилъ для лѣснаго торга, выгодныхъ для промышленности и не вредныхъ для лѣсовъ.

Характеръ лѣсныхъ постановленій Павла тотъ же, что и его предшественниковъ — въ Петербургѣ сочинялись разныя запретительныя и подтвердительныя постановленія, а въ губерніяхъ ихъ не выполняли, потому что это было невозможно; только съ Александра I замѣтно нѣкоторое движеніе впередъ и началась работа на мѣстахъ. Причины понятны — лѣсной міръ не великъ, но и онъ одинъ изъ пульсовъ, по которымъ можно судить о здоровьѣ цѣлаго организма.

Н. ШЕЛГУНОВЪ.

ИЗЪ ПЬСЕНЬ О МАРКЪ КРАЛЕВИЧЪ.

(СЪ СЕРВСКАГО.)

Мать пытала Кралевича Марка :
«Ты скажи мнѣ, милый сынъ мой Марко,
Что ты строишь столько храмовъ Божьихъ?
Или тяжко Богу согрѣшилъ ты?
Иль добра ты много добылъ даромъ?»

Отвѣчаетъ ей Кралевичъ Марко :
«Вотъ тебѣ, какъ передъ Богомъ, правда!
Былъ, родная, я въ землѣ арапской,
И пошелъ по утру къ водопою —
Своего напоить хотѣлъ Шарца *).
Какъ пришелъ съ конемъ я къ водопою,
Тамъ двѣнадцать стояло араповъ.
Не хотѣлъ я череда дожидаться,
Подошелъ къ водопою я съ Шарцемъ.
Не пустили меня арапы,
И затѣяли мы ссору, родная.
Какъ взмахнулъ я тяжелой булавою,
Положилъ я одного на мѣстѣ.
Положилъ одного; а въ отместку
На меня одиннадцать напало.
Я двоихъ убилъ; напало десять.
Я троихъ убилъ; напало девять.
Четверыхъ убилъ; напало восемь.
Пятерыхъ; тутъ семеро напало.

*) Шарацъ или Шаринъ — богатырскій конь Марка Кралевича.

Шестерыхъ ; тутъ шестеро напало.
 Шестеро меня одолѣли,
 За спиной руки мнѣ связали,
 Къ своему царю потащили.
 Засадилъ меня царь въ темницу.

«Семь годовъ просидѣлъ я въ темницѣ.
 Не зналъ, когда лѣто наступало ;
 Не зналъ, когда зима приходила.
 Лишь одна была мнѣ примѣта :
 Какъ снѣжками дѣвушки кидались,
 Попадалъ мнѣ снѣгъ въ окно, родная ;
 Вотъ и зналъ я — зима наступила!
 Какъ цвѣты мнѣ въ окно залетали,
 Вотъ и зналъ я, что лѣто, родная!
 Какъ пришелъ восьмой годъ заточенью,
 Не темница ужъ меня сокрушала,
 Сокрушала дѣвушка арапка,
 Арапскаго царя дочь родная.
 Утромъ рано и вечеромъ поздно
 Подходила къ темничному окошку ;
 Кликала мнѣ : «Бѣдный ты мой Марко!
 Чахнешь ты и вянешь ты въ темницѣ.
 Поручись мнѣ вѣрнымъ своимъ словомъ,
 Что возьмешь меня себѣ женою, —
 И тебя я выпущу на волю ;
 Выведу и Шарпа изъ подполья ;
 Золотыхъ возьму съ собой дукатовъ,
 Сколько твоей душенькѣ угодно!»

«Умудрился я въ бѣдѣ, родная.
 Снялъ шапку, положилъ на колѣни
 И сталъ своей шапкѣ божиться :
 «Видитъ Богъ! съ тобой не разстанусь.
 Видитъ Богъ! не увидишь измѣны.
 И солнышко клятвѣ измѣнило :
 Зимой не по лѣтнему грѣетъ ;
 Я же слова во вѣкъ не нарушу!»

«Повѣрила обману царевна :
 Думала, я ей побожился.

Какъ начало вечеромъ смеркаться,
Отперла она въ тежицу двери,
Вывела меня изъ заточенья,
Привела мнѣ удалаго Шарца,
Для себя жъ коня удалѣй Шарца,
На обоихъ по мѣшку дукатовъ ;
На коней мы сѣли съ царевной,
Въ ночь проѣхали арапскую землю.

«Только стало утро заниматься,
Я сошелъ съ коня на малый отдыхъ ;
Сѣлъ, и сѣла со мною арапка,
Обняла меня черными руками.
Какъ взглянулъ я на нее, родная :
Сама черная, бѣлые зубы,
Обуялъ меня страхъ и ужасъ.
Выхватилъ я острую саблю
И всадилъ ей въ шелковый поясъ.
Насквозь ее сабля пронизала.

«На коня вскочилъ я безъ оглядки.
Провѣщала тутъ голова арапки :
«Братъ ты мой о Господѣ, Марко !
Что меня, несчастный, покидаешь?»

«Вотъ какъ согрѣшилъ я передъ Богомъ,
Вотъ свое добро откуда добылъ,
Вотъ зачѣмъ я храмы Божьи строю!»

МИХ. МИХАЙЛОВЪ.

ОБЗОРЪ СОВРЕМЕННЫХЪ КОНСТИТУЦІЙ.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ, АДМИНИСТРАТИВНОЕ И СУДЕБНОЕ УСТРОЙСТВО ФРАНЦІИ.

Статья первая.

I.

Мы должны отступить относительно Франціи отъ предположенной цѣли нашихъ статей — представить обзоръ только текстовъ нынѣ дѣйствующихъ конституцій. Франція отличается отъ всѣхъ другихъ государствъ тѣмъ, что ея политическая исторія очень коротка, она не идетъ далѣе 1789 года; но за то нельзя говорить о ея настоящемъ, не начиная съ 1789 года. Великая революція провела цѣлую пропасть между идеями, нравами и учрежденіями этой страны; она есть исходный пунктъ политическаго и юридическаго мышленія француза. Начала 89 года составляютъ въ политическомъ, юридическомъ и нравственномъ отношеніи коранъ новой Франціи; на нихъ основана политическая и юридическая интерпретация законовъ. Каждое правительство, а ихъ было много послѣ 89 года и самыхъ разнообразныхъ, даже и самый бонопартизмъ, признаетъ ихъ основой своей конституціи, хотя конечно въ другихъ статьяхъ высказываетъ такія положенія, которыя дѣлаютъ изъ нихъ мертвую букву. Но не одно только разсмотрѣніе началъ 89 года необходимо для

уразумѣнія текста нынѣ дѣйствующей конституціи, — необходимо также взглянуть и на всѣ другія, существовавшія во Франціи до послѣдняго времени. Съ 89 года Франція перемѣняла нѣсколько разъ форму правленія, сохраняя впрочемъ всегда принципы, положенныя революціей; мало того: она по два раза повторяла каждую изъ нихъ: до 1815 она имѣла парламентарную монархію (конституція 1791 года) съ двумя отливами, республику, имперію; послѣ 1815 года опять тѣ же формы, съ тѣми же отливами, почти съ тѣми же переходными ступенями. Напримѣръ, Наполеонъ III повторилъ слово въ слово программу дяди: съ 18-мъ брюмеромъ (2-го декабря), съ десятилѣтнимъ президентствомъ и наконецъ съ имперіей. При каждомъ изъ этихъ повтореній мы встрѣчаемъ не только уже бывшія формы, но и теоріи, и людей также думающихъ, чувствующихъ, иной разъ это даже тѣ же самыя лица (напр. Лафайетъ), говорящія тоже самое, — какъ будто извѣстная политическая форма не вымирала, а только скрывалась подъ землей, и когда насталъ ея часъ, она вновь выходитъ въ полномъ вооруженіи. Ламартинъ мѣтко замѣтилъ, что въ 1848 году, послѣ провозглашенія республики въ Парижѣ, вся Франція перешла къ новой формѣ правленія такъ стройно и спокойно, какъ хорошо устроенная армія переходитъ на новую позицію: въ департаментахъ правительственные лица и совѣты сами собою удалились и на мѣсто ихъ безпрекословно вступили извѣстности республиканской партіи. Все это показываетъ ясно, что во Франціи борются три партіи, три арміи, три политическія теоріи, — парламентарная монархія, республика, имперія, и еще неизвѣстно за кѣмъ будетъ окончательная побѣда. Эта борьба формы есть вмѣстѣ съ тѣмъ и борьба принциповъ: свободы и авторитета; а еще глубже этихъ принциповъ лежатъ великая социальная задача. Но социальная партія до-сихъ-поръ не дѣйствовала самостоятельно; она двигалась за республиканской, потому что всѣ другія формы она считаетъ некомпетентными для разрѣшенія социальной задачи. Ея значеніе и дѣятельность выходятъ изъ предѣловъ нашихъ статей, имѣющихъ цѣлью разсмотрѣніе только тѣхъ партій и теорій, которыя выразились въ конституціяхъ. Поэтому излагая принципы

1789 года и содержанія конституцій, бывшихъ съ-тѣхъ-порѣ до нашего времени, мы не будемъ излагать *прошлое*, а настоящее; мы изложимъ такимъ образомъ корень, къ которому прикрѣпляется, законно или незаконно, нынѣшняя имперская конституція, и на ряду съ теоріей побѣдителя, представимъ теоріи побѣжденныхъ, которые можетъ быть завтра будутъ побѣдителями.

Приступая къ изложенію началъ 1789 года, мы спѣшимъ замѣтить, что по ограниченности историческихъ свѣдѣній объ этой эпохѣ въ нашей публикѣ господствуютъ самыя нелѣпыя мнѣнія; именно, добродушно смѣшиваютъ начала 1789 года съ тѣми, которыя проводилъ терроръ. Между тѣмъ какъ фанатики, каковы были Робеспьеръ и Маратъ, растоптали ихъ, вырѣзали людей 1789 года, убили во Франціи свободу, и покончивши свои оргіи, сдали ее военному деспотизму Бонапарта. Начала 1789 года также виновны въ террорѣ и гильотинѣ, какъ христіанство въ инквизиціи и ауто-да-фе. Здѣсь не мѣсто входить въ разсмотрѣніе этого вопроса, совершенно разъясненнаго во французской политической литературѣ *); замѣтимъ одно: основной камень началъ 1789 года есть раздѣленіе и независимость трехъ властей — законодательной, исполнительной и судебной, — между тѣмъ какъ система террора соединила всѣ власти, а притомъ не только государственныя, но — и религиозную! въ однихъ рукахъ, и представила міру такое политическое чудовище, которому не было подобнаго въ исторіи.

Начала 1789 года были результатомъ философіи XVIII и всѣхъ предшествовавшихъ вѣковъ; ихъ политическая сторона была изложена всего яснѣе у Монтескье, ихъ сторона моральная преимущественно у Локе и Руссо. Еще прежде Франціи эти начала были приложены къ сѣверо-американской конституціи, и составили славу и безпримѣрное благополучіе великой за-атлантической республики. Въ настоящее время трудно найти страну, куда бы они не проникнули,

*) Напримѣръ, у Мишле въ его исторіи французской революціи. См. также превосходное сочиненіе: *Essai sur la Révolution Française*, par P. Laffrey, 1858, — особенно XII и XIII главы.

хоть однимъ лучемъ. Частица ихъ проникла и въ знаменитый наказъ Екатерины II. Теперь они день отъ дня дѣлаются болѣе и болѣе господствующими въ Европѣ. Франціи принадлежитъ честь провозглашенія и приложенія ихъ въ той формѣ всеобщности, какъ началъ абсолютныхъ, которая составляетъ существенное свойство французскаго генія. Эти начала были выражены, хотя и не вполне, въ конституціи 1791 года *). Мы говоримъ — не вполне, потому что національное учредительное собраніе принуждено было сдѣлать важныя уступки правамъ тогдашняго общества.

Такъ какъ всякая конституція есть только механизмъ, имѣющій цѣль гарантировать права гражданина, то національное собраніе 1789 года начало съ провозглашенія такъ называемыхъ правъ челоѣка, или естественныхъ правъ: политическаго равенства, личной свободы (права дѣлать все то, что не вредитъ другому; законъ можетъ запрещать только дѣянія вредныя для общества; никто не можетъ быть арестованъ, какъ только въ случаяхъ прямо опредѣленныхъ закономъ; до приговора каждый обвиняемый считается невиновнымъ и проч.), полной религіозной свободы, свободы слова и книгопечатанья, участія въ налогахъ сообразно средствамъ; право ассоціаціи, право собираться безъ оружія для сужденій (митинги), право на помощь общества (сироты воспи-

*) Ясное и отчетливое изложеніе началъ, учреждений и законовъ, въ сферѣ политическаго, гражданскаго и административнаго права всей революціонной эпохи (1789—1804 годъ) читатель найдетъ въ сочиненіи профессора Лаферьера: *Histoire des principes, des institutions et des lois pendant la révolution française*, par M. F. Laferrière, Paris, 1852.

Тексты французскихъ конституцій мы будемъ цитовать по изданію Louis Trépiér: *Les constitutions françaises*, Paris, 1849. Здѣсь помѣщены тексты конституцій, начиная съ конституціи 1791 до 1848 года включительно, а также и важнѣйшіе декреты. У Трипье помѣщенъ только одинъ голый текстъ; объясненный текстъ — см. у Rogron: *Les codes française expliqués*, — и, наконецъ, собраніе всѣхъ французскихъ конституцій, декретовъ и другихъ политическихъ актовъ съ подробными и всесторонними объясненіями въ полномъ собраніи законовъ (съ 1789 г.), начатомъ Сиреемъ (Sirey) и вновь изданномъ и продолженномъ до 1853 г. адвокатами Devilleneuve и Carotte: *Recueil général des lois et des arrêts, avec notices et commentaires*. Изъ сочиненій спеціально разсматривающихъ исторію французскихъ конституцій укажемъ на — *Histoire du gouvernement parlementaire* — Дювернье де Гораня и *Histoire du gouvernement représentatif* — графа Карне.

тываются на счетъ государства, бѣднымъ больнымъ дается вспомошествованіе, бѣднымъ здоровымъ работа), право на полученіе дароваго образованія въ той же степени, которая необходима для каждаго человѣка; участіе каждаго гражданина въ законодательствѣ посредствомъ избранія депутатовъ; доступъ общественныхъ должностей для всѣхъ гражданъ, — только таланты и доблести даютъ преимущество *).

Основой конституціоннаго механизма 1791 года признано великое начало раздѣленія и независимости трехъ властей: законодательной, исполнительной и судебной. Это начало, до котораго дошла полптическая философія древняго міра, было неизвѣстно въ средніе вѣка; оно начертано было Монтескье и въ первый разъ было приложено въ сѣверо-американской конституціи. Одновременно съ Америкой французское учредительное собраніе выработало и приложило его къ потребностямъ тогдашней монархической Франціи, — и съ-тѣх-поръ оно составляетъ камень всѣхъ французскихъ конституцій, и заимствовано всѣми другими государствами Европы, гдѣ была вводиима представительная форма правленія. Власть законодательная была предоставлена собранію депутатовъ, но впрочемъ и король участвовалъ отчасти въ законодательствѣ посредствомъ своей санкціи законовъ; власть исполнительная — предоставлена королю; власть судебная — судьямъ, избираемымъ народомъ и притомъ безсмѣннымъ.

Разумѣется, что полная независимость этихъ властей на дѣлѣ существовать не можетъ, — иначе государство бы управлялось трехъ головымъ чудовищемъ, было бы осуждено на неподвижность. Но это сравненіе, которое враги разумной свободы, т. е., приверженцы деспотизма и анархисты, считаютъ весьма сильнымъ даже противъ самого принципа раздѣленія и независимости, не можетъ относиться ни къ какой правильной конституціи. Естественно, что должно быть одно двигающее начало (*principe moteur*), одна власть которая даетъ духъ и направленіе другимъ, и въ случаѣ столкнове-

*) См. *Declaration des droits de l'homme et du citoyen* (8—14 сентября 1791 года) у Трипье, стр. 8—13, и первый титулъ конституціи 1791 года, тамъ же, стр. 13—15.

нія имѣть перевѣсъ, не уничтожая, однако же, ихъ относительной независимости. На этомъ основаніи всѣ представительныя правленія раздѣляются на два рода: 1) въ однихъ — это двигающее и преобладающее начало дано исполнительной власти (правленіе представительное — *gouvernement representatif* въ тѣсномъ смыслѣ слова, напримѣръ, нынѣшнее французское), 2) въ другихъ — оно принадлежитъ законодательной палатѣ выборныхъ (правленіе парламентарное *). Не входя въ оцѣнку этихъ комбинацій, мы замѣтимъ только, что они опредѣляются не какимъ-нибудь отдѣльнымъ параграфомъ, а духомъ и положеніями всей конституціи. Какъ ни ново въ политикѣ великое положеніе о раздѣленіи и объ относительной независимости трехъ властей, — но опытъ Запада уже достаточно показалъ его силу; оно превосходно гарантируетъ свободу, даетъ правильность всѣмъ отправленіямъ государственнаго организма, по крайней мѣрѣ до-сихъ-поръ не найдено было ничего лучшаго **).

Конституція 1791 года, была чисто парламентарная, — участіе исполнительной власти въ законодательствѣ было чрезвычайно слабо, а напротивъ того контроль и перевѣсъ законодательной власти надъ исполнительной весьма силенъ.

Начнемъ съ устройства законодательной власти.

Она предоставлена палатѣ депутатовъ съ именемъ народнаго законодательнаго собранія (*l'assemblée nationale législative*), изъ одной камеры. Депутаты избираются на два года въ числѣ семисотъ сорока пяти, кромѣ тѣхъ, которые будутъ назначены отъ колоній. Общее начало: что депутаты избираются по числу народонаселенія — подверглось любопытнымъ измѣненіямъ. Именно, число семисотъ сорокъ пять бы-

*) Названія: конституціонное, представительное, парламентарное правительство часто смѣшиваются, — одно употребляется вмѣсто другаго. Но въ наукѣ строго различаютъ — парламентарное отъ просто-представительнаго. Названіе «конституціонное» правленіе само по себѣ, грамматически, не имѣетъ никакого опредѣленнаго значенія, — всякое правленіе есть конституціонное, то есть основанное на какихъ-нибудь учрежденіяхъ и законахъ; слово «конституція» — значить: государственное устройство.

***) Нѣкоторые находятъ этотъ механизмъ слишкомъ сложнымъ. Но эти любители простоты забываютъ, что всего менѣе сложенъ турецкій деспотизмъ, а потому простота не вездѣ хороша.

ло раздѣлено между восьмидесятью тремя тогдашними департаментами, сообразно не одному только количеству народонаселенія, но и двумъ другимъ началамъ — пространству и количеству платимыхъ податей: двѣсти сорокъ семь депутатовъ были раздѣлены по-ровну между восьмидесятью тремя департаментами (начало территориальное), каждый избиралъ трехъ депутатовъ (за исключеніемъ парижскаго, который избиралъ только одного), каково бы ни было его населеніе; двѣсти сорокъ девять избирались всей Франціей: королевство для этого было раздѣлено (въ умѣ), на двѣсти сорокъ девять равныхъ по народонаселенію частей *), и каждый департаментъ назначалъ столько депутатовъ, сколько такихъ частей приходилось въ его населеніи; и, наконецъ, двѣсти сорокъ девять депутатовъ избиралось по количеству налога: вся сумма прямыхъ налоговъ была раздѣлена на двѣсти сорокъ девять частей, и каждый департаментъ избиралъ столько депутатовъ, сколько приходилось въ немъ этихъ частей. Слѣдовательно нормальное число депутатовъ съ cadaго департамента девять, — оно было болѣе если департаментъ былъ богаче и населеннѣе, — и на оборотъ менѣе (отъ пяти до девяти), если его населеніе было менѣе $\frac{1}{83}$ населенія королевства и число платимыхъ налоговъ также менѣе $\frac{1}{83}$.

Главнѣйшее условіе избирательной системы, а слѣдственно и нервъ всего представительнаго правленія, состоитъ въ разумномъ устройствѣ права выборовъ. Депутаты должны представлять страну, ея интересы, ея идеи, ея желанія. Въ тѣхъ странахъ, гдѣ общій уровень образованія и нравственности массы достаточно силенъ, нѣтъ никакихъ причинъ дѣлать различіе между гражданиномъ и избирателемъ; но тамъ,

*) Эта сложная система выбора представителей была впоследствии отброшена. Она была чисто-теоретическимъ стремленіемъ выразить въ представительствѣ не одно начало народонаселенія, числа, — но приложеніе этой теории было весьма неудачно. Что такое французскій департаментъ, что не премѣнно нужно извѣстное равновѣсіе депутатовъ по департаментамъ? Дѣло другое — сѣверо-американскій штатъ: это живое цѣлое; а потому и необходимо, чтобы интересы этой единицы, если она мала по народонаселенію сравнительно съ другими, не оставались бы безъ достаточной защиты въ собраніи. Во Франціи только одно народонаселеніе есть живая основа для представительства.

гдѣ масса погружена въ невѣжество, гдѣ образованный слой не великъ, — предоставитъ дѣло избранія одному количеству, призвать всѣхъ поголовно къ выбору депутатовъ, это значило бы повести государство назадъ. Въ массахъ конечно есть великій политическій инстинктъ, который величественно обнаруживается въ важныя эпохи; но для регулярнаго управленія обязанностей избирателя въ мирное время, масса безъ всякаго образованія (мы разумѣемъ здѣсь не книжное ученіе, а образованіе моральное, гражданское: здравый толкъ, способность понимать важность дѣла, независимость и проч.), не можетъ быть неограничено допущена безъ важныхъ опасеній: или она, взявши числомъ верхъ надъ образованной частью въ избирательномъ округѣ, будетъ избирать не людей отличныхъ по заслугамъ, уму, способностямъ, характеру, — а только своихъ, — или, и это всего чаще случалось, когда вся масса безъ различія была призываема къ выборамъ тамъ, гдѣ общій уровень образованія былъ низокъ, — она будетъ игрушкою интригантовъ или исполнительной власти, и лестью, угрозами, обѣщаніями матеріальныхъ выгодъ ее легко заставить сдѣлать такіе выборы, какіе захочется. Масса французскаго народа и теперь еще не вполне удовлетворяетъ условіямъ необходимымъ для независимости избирателя, — лучшее доказательство, что введеніе всеобщей подачи голосовъ въ 1848 году дало такого же рода представительство, какое было и при Лудовикѣ-Филиппѣ, — да и теперешній *corps legislatif*, есть также произведеніе всеобщей подачи голосовъ. Если таково положеніе дѣлъ теперь, то понятно почему въ 1791 году, національное собраніе не рѣшилось предоставить дѣло избранія одному числу.

Система, принятая конституціей 1791 года, состояла въ установленіи выборовъ на двухъ степеняхъ. Граждане были раздѣлены на двѣ категоріи: дѣйствительныхъ гражданъ (*citoyens actifs*) и избирателей. Къ первой категоріи принадлежали всѣ французы, двадцати пяти лѣтъ, имѣющіе постоянное жительство въ городѣ или кантонѣ (осѣдность), въ продолженіи извѣстнаго времени *), записанные въ національную

*) Одного года, какъ опредѣлено однимъ декретомъ учредительнаго собранія.

гвардію, платящіе прямые налоги на сумму, равную по меньшей мѣрѣ трехъ-дневной заработной платѣ, и не находящіяся въ домашнемъ услуженіи (*état de domesticité*); далѣе находящіяся подъ судомъ и слѣдствіемъ и банкроты, не разсчитавшіеся съ кредиторами не могли быть дѣйствительными гражданами.

Слѣдовательно условія были самыя либеральныя. По нимъ исключались изъ списковъ дѣйствительныхъ гражданъ только нищіе (плата налоговъ равная трехъ-дневной заработной платѣ — слѣдовательно не болѣе шести франковъ въ годъ), бродячее населеніе, — лакеи и вообще домашняя прислуга — какъ люди лично зависимые, и при томъ надобно замѣтить, что на этомъ классѣ людей, замѣнившемъ рабовъ, лежитъ во всѣхъ слояхъ общества пренебреженіе. Условія были даже слишкомъ широки, они недостаточно очищали, — напри- мѣръ, не наложено запрещенія, какъ въ послѣдующихъ конституціяхъ, на извѣстный срокъ для людей наказанныхъ за воровство или за преступленія уголовныя *).

Совершенно другое замѣтно въ постановленіяхъ объ избирателяхъ (*électeurs*). Здѣсь начало ценза (богатство) получило широкое значеніе. Со ста дѣйствительныхъ гражданъ избирался одинъ избиратель. Но только тѣ могли быть избраны въ избиратели, которые въ городѣ обладали не движимою собственностью (или нанимали), которой доходъ (по податнымъ книгамъ) равнялся 100, 150 и 200 — дневной заработной платѣ (смотря по населенности города и титулу обладанія), — а въ селахъ — доходъ съ этой недвижной собственности долженъ былъ быть равенъ ста пятидесяти-дневной заработной платѣ для владѣльца и четырехъ-сотъ-дневной для фермера! Такимъ образомъ финансовыя условія для избирателей были въ тридцать, пятьдесятъ и даже сто тридцать разъ тяжелѣе, нежели для дѣйствительныхъ

*) Дѣйствительныхъ гражданъ считалось болѣе четырехъ милліоновъ. Такъ какъ народонаселеніе Франціи простиралось тогда до двадцати милліоновъ обоого пола, то все число мужскаго народонаселенія свыше двадцати пяти лѣтъ не могло быть болѣе пяти милліоновъ (то есть одна четверть); слѣдовательно этими постановленіями исключалась всего одна пятая часть гражданъ свыше этого возраста.

гражданъ. По этимъ условіямъ только люди достаточные (особенно въ селахъ) могли быть избирателями; ими устанавливалось то печальное раздѣленіе правъ гражданъ по имуществу, которое принесло въ послѣдствіи столько вражды и бѣдствій. Если и справедливо, что древній и новый міръ не нашли другаго лучшаго признака для опредѣленія независимости гражданина и слѣдовательно для предоставленія ему гражданскаго полноправія, какъ состояніе, — если этотъ признакъ до-сихъ-поръ играетъ исключительную роль не только въ конституціонныхъ монархіяхъ Европы, но и въ демократической республикѣ Сѣверо-Американскихъ Штатовъ, — то все-таки національное собраніе не можетъ быть освобождено отъ упрека: — потому что оно, обновляя всю сферу права новыми и великими началами, не ввело другихъ началъ и здѣсь, тѣхъ, которыя представляли бы лучшую гарантію независимости, нежели деньги, — какъ-то: извѣстное образованіе, заслуги, и тому подобное, (что въ послѣдствіи, хотя отчасти, и было допущено въ другихъ французскихъ конституціяхъ наряду съ цензомъ); потому что начало ценза всего противнѣе духу французскаго народа *), наконецъ потому что цензъ высокъ.

Положивши такія строгія условія для избирателей, законъ является опять либеральнымъ въ окончательномъ фазисѣ избирательной процедуры: для того, чтобъ быть избраннымъ въ депутаты требуются только тѣ условія, которыя поставлены для дѣйствительныхъ гражданъ. Депутаты не могли быть связаны обязательными инструкціями.

Права, предоставленныя законодательному собранію, были чрезвычайно велики, и дѣлали его верховной властью въ государствѣ. 1) Ему принадлежало не только разсужденіе и постановленіе законовъ, но и вся законодательная инициатива (т. е. каждый членъ имѣлъ право предлагать проекты законовъ), — король могъ только предложить собранію при-

*) Цензъ существуетъ и въ Сѣверной Америкѣ: тамъ для гражданскаго полноправія необходимо имѣть поземельную собственность, но въ такомъ маломъ размѣрѣ, что развѣ нищій не можетъ пріобрѣсть ее. Въ Англіи до-сихъ-поръ цензъ имѣетъ огромное значеніе, — что совершенно понятно для страны, гдѣ быть бѣдныхъ чуть не преступленіе.

нять во вниманіе какой-нибудь предметъ; 2) оно опредѣляло ежегодно сумму государственныхъ расходовъ, количество и роды податей и ихъ раскладку; 3) на основаніи королевскаго предложенія оно опредѣляло ежегодно количество сухопутнаго войска и флота, жалованіе всѣмъ чинамъ, способы укомплектованія, правила чинопроизводства; 4) монетную систему; 5) установленіе и уничтоженіе штатныхъ мѣстъ; 6) отдавать подъ судъ министровъ и другихъ высшихъ сановниковъ, также всѣхъ, обвиняемыхъ въ заговорѣ и покушеніи противъ конституціи и государственной безопасности; 7) законодательное собраніе утверждаетъ трактаты, которые только послѣ этой ратификаціи получаютъ силу; 8) война объявляется не иначе какъ когда предложеніе короля будетъ утверждено декретомъ собранія.

Мы сказали, что абсолютная независимость трехъ властей на дѣлѣ существовать не можетъ, во всѣхъ конституціяхъ не только монархическихъ, но и республиканскихъ (напримѣръ сѣверо-американской) исполнительная власть имѣетъ извѣстную степень участія въ дѣлѣ законодательства: она должна обнародовать и приводить въ исполненіе законы и при этомъ дается ей право либо вовсе не соглашаться на законъ, — и тогда онъ считается не состоявшимся, — либо только передать его на новое разсмотрѣніе палаты и тому подобное, смотря по большому или меньшему значенію исполнительной власти. Конституція 91 года дала королю только *veto suspensif*: король можетъ отказывать въ своемъ утвержденіи (подписывая *le roi examine* — король поразсмотритъ), и тогда декретъ считается не состоявшимся, и не можетъ быть предложенъ вновь королю тѣмъ же законодательнымъ собраніемъ; но если два собранія сряду, слѣдующія за тѣмъ, которое представило декретъ, представляютъ тотъ же самый декретъ, и въ тѣхъ же выраженіяхъ, то хотя бы король и не далъ утвержденія, — онъ получаетъ силу закона *).

*) Безъ утвержденія короля получали силу закона декреты объ установленіи и сборѣ контрибуцій, о полиціи внутри собранія, о повѣркѣ правильности выборовъ въ депутаты, о преданіи суду министровъ.

Относительно внутренняго распорядка въ собраніи, конституція постановила мудрое правило, нарушеніе котораго не проходило безнаказанно ни

Конституція 91 года была составлена во время борьбы короля, или лучше сказать роялистской партіи, съ народною; эта борьба, опасенія собранія, видѣвшаго, и справедливо, въ согласіи короля только невольную уступку, которую его партія хотѣла вознаградить съ лихою при первой возможности, печально отразилась въ постановленіяхъ объ исполнительной власти. Всѣ конституціи стараются ограничить ее сколько возможно, потому что разрушеніе конституціи происходитъ только съ этой стороны — располагающей вооруженной силой; но ни одна не стѣсняетъ ее до того, чтобы она не имѣла достаточной силы и свободы для поддержанія порядка, для приведенія въ исполненіе законовъ, для охраненія независимости извнѣ. Мало того: такъ какъ ея обязанности требуютъ перѣдко быстро и рѣшительнаго дѣйствія, то ей даются особыя права во время роспуска законодательныхъ палатъ. Франція по особеннымъ историческимъ и политическимъ условіямъ такая страна, гдѣ исполнительная власть должна имѣть болѣе простора, нежели въ другихъ, — а между тѣмъ конституція 91 года предоставила королю менѣе власти,

одной палатѣ: проектъ закона не прежде можетъ быть вотированъ (утвержденъ подачею голосовъ), какъ послѣ троекратнаго прочтенія и разсужденія; между каждымъ разсужденіемъ долженъ быть промежутокъ по крайней мѣрѣ въ восемь дней. Конституція считала, и справедливо, такъ важнымъ это постановленіе, что король получалъ право, а на министровъ возложена обязанность, не утверждать и не публиковать декретовъ, изданныхъ безъ соблюденія этой формальности. Впрочемъ, изъ этого распоряженія исключались постановленія по дѣламъ нетерпящимъ ни малѣйшаго отлагательства (*urgens*), но такимъ придавался только временный характеръ.

Рѣшеніе о ревизіи конституціи также требовало санкціи короля. Великій принципъ ревизіи конституціи, основанный на философіи Руссо (*Contrat social*), былъ впервые признанъ въ 1791 году, — до того времени конституція считалась чѣмъ-то вѣчнымъ, неизмѣннымъ. Но такъ какъ надобно сдерживать слишкомъ порывистыя стремленія къ измѣненіямъ, пока опытъ не убѣдитъ въ ихъ необходимости, то конституція 1791 года опредѣлила слѣдующія правила: 1) первая два законодательныя собранія не могутъ измѣнять конституціи (слѣдовательно четыре года); 2) послѣ этого, если три слѣдующія сряду законодательныя собранія изъявятъ рѣшеніе о необходимости ревизіи (слѣдовательно еще шесть лѣтъ), — тогда собирается для ревизіи новая палата изъ 994 депутатовъ. Но право ея не простиралось на измѣненіе монархической формы правленія, то есть, новые депутаты также давали присягу въ вѣрности королю.

нежели Сѣверная Америка президенту; притомъ въ тонѣ ея ясно выражено недовѣріе, опасеніе измѣны, часто доходящее до оскорбленія. Защитники этой конституціи приводятъ въ оправданіе, что сѣверо-американская имѣетъ дѣло съ избирательной и срочной исполнительной властью, почти безличной, тогда какъ Франція имѣла дѣло съ наследственной, происхожденіе которой было другое, нежели законодательной, въ которой наконецъ подозрѣвали врага. Что не таковы были идеи людей 89 года объ исполнительной власти, какъ она поставлена въ конституціи, доказываютъ постановленія о регенствѣ *). Но принимая фактъ, какъ фактъ, нельзя не видѣть въ немъ слабой стороны конституціи. Королю предоставлена верховная исполнительная власть, но въ отправленіи ея онъ дѣйствуетъ чрезъ министровъ, имъ назначаемыхъ и отвѣтственныхъ предъ національнымъ собраніемъ; актъ подписанный королемъ, но не контрагсигнированный министромъ не имѣетъ силы, и не долженъ быть исполняемъ. Онъ есть главнокомандующій сухопутныхъ и морскихъ силъ государства, и назначаетъ подчиненныхъ ему командировъ; какъ глава администраціи онъ назначаетъ министровъ и другихъ сановниковъ; онъ ведетъ сношенія съ иностранными державами и назначаетъ дипломатическихъ агентовъ. Впрочемъ, относительно администраторовъ департаментовъ (губернаторовъ), тогда выборныхъ, его власть ограничивалась только устраненіемъ ихъ отъ должности на время — до рѣшенія законодательнаго собранія объ ихъ виновности или неспособности. Объявленіе войны происходитъ отъ имени короля; но онъ можетъ объявить войну, только съ согласія законодательнаго собранія. Если же во время роспуска собранія, какое-нибудь государство сдѣлаетъ нападеніе на Францію, или надобно будетъ безъ замедленія защитить союзника, владѣніе или право Франціи, то король и его министры могутъ начать военные дѣйствія, но онъ немедленно созываетъ собраніе и передаетъ дѣло на его судъ; если собраніе найдетъ, что не было достаточныхъ причинъ для войны, то отвѣтственность падаетъ на

*) Регентъ ни въ какомъ случаѣ не могъ быть избранъ собраніемъ, а особыми избирателями.

министровъ. Король негоцируетъ мирныя и другіе трактаты, но они получаютъ силу только по утвержденіи собраніемъ.

Особа короля священна и неприкосновенна, — министры его отвѣтственны за контрасигнировку противозаконныхъ постановленій. Если король поведетъ армію противъ націи или уѣхавши изъ Франціи, не возвратится въ срокъ, назначенный собраніемъ, то онъ считается отрекшимся отъ престола. Власть королевская наследственна, — но каждый король долженъ при вступленіи на престолъ дать присягу въ вѣрности націи и закону, — въ противномъ случаѣ онъ также считается отрекшимся. Королю назначается содержаніе изъ государственныхъ доходовъ; количество опредѣляется законодательнымъ собраніемъ при вступленіи на престолъ и остается неизмѣннымъ во все царствованіе. Король содержитъ свою гвардію на собственный счетъ; она не можетъ превышать 1,200 человекъ пѣхоты и 600 конницы.

Реформа, произведенная въ области администраціи, была коренная, и принадлежитъ къ числу тѣхъ не многихъ, которыя сохранились при всѣхъ политическихъ переворотахъ. «Кто хочетъ знать Францію, сказалъ одинъ изъ ея публицистовъ, какъ она есть въ дѣйствительности, съ ея хорошей и дурной стороною, съ ея силой и слабостью, тотъ долженъ изучить ея административное устройство». Ея сила и благо для Франціи состоятъ въ томъ, что она дала ей мощное, національное единство, такое, котораго не имѣетъ никакой другой народъ, стерла всѣ племенные и географическія различія, дала въ распоряженіе государства громадныя средства — какъ для дѣйствія внутри, такъ особенно извнѣ. Ея гибельное значеніе состоятъ въ томъ, что она убила всю жизнь въ частяхъ государства, сосредоточивъ ее только въ одномъ центрѣ (Парижѣ), и тѣмъ предала конституцію и свободу минутному увлеченію парижскаго населенія, или штыку узурпатора. Оттого во Франціи всѣ политическіе перевороты совершаются сравнительно чрезвычайно дешево и скоро: кто захватитъ Hôtel de Ville, тому повинуются Парижъ, онъ беретъ въ свои руки министерства — и дѣло кончено; сопротивленіе можетъ произойти только въ самомъ Парижѣ, провинція съ любопытствомъ и страхомъ прислушивается

къ гулу пушекъ на парижскихъ барикадахъ, и принимаютъ побѣдителя, какъ приговоръ судьбы. Словомъ всѣ колеса и пружины государственной машины остаются тѣ же, измѣняется только машинистъ, который можетъ свободно направить ее сообразно своимъ цѣлямъ.

Въ большомъ государствѣ провинціальная самостоятельность необходима для прогресса, при ней невозможенъ деспотизмъ. Но надобно сознаться, что это зло, этотъ источникъ бѣдствій для Франціи, который называется административной централизацией или опекой, есть произведеніе ея исторіи, духа французскаго народа. Токвиль неопровержимо доказалъ, что административная централизція уже была вполне совершена королями стараго времени (до революціоннаго *ancien régime*) — на дѣлѣ, не доставало только внѣшней оболочки, которую и дала революція. Въ самомъ дѣлѣ, до 1789 года французскія провинціи потеряли уже всякое жизненное значеніе, моральную и умственную силу, — онѣ продолжали существовать только своей вредной стороной: заставами, привилегіями. Поэтому учредительное собраніе встрѣтило полное сочувствіе и короля и націи, уничтоживши историческое провинціальное раздѣленіе, провозгласивши разъ навсегда единство и нераздѣльность Франціи, — и подраздѣливши ее только для административныхъ цѣлей на восемьдесятъ три департамента. Дѣленіе на департаменты было чисто административное, полицейское, — основа его по возможности равенство пространства и населенія, — такъ что одна прежняя большая провинція раздробилась на нѣсколько отдѣльныхъ департаментовъ безъ всякой связи между собою, — часто въ составъ департамента входили части разныхъ провинцій. При этомъ забыты были даже географическія условія: то что связано было природой — раздѣлено, и на оборотъ. Но какъ ни вредно такое не органическое дѣленіе не только для развитія политической свободы, но даже и въ экономическомъ отношеніи, — оно для француза искупается однимъ благомъ — національнымъ единствомъ. Идея провинціальной самостоятельности всегда противна не только каждому изъ французскихъ правительствъ отъ Людовика XVI, который самъ начертилъ новую карту Франціи и

великодушными фразами поздравлялъ собраніе, до Наполеона III включительно, но и народу. Словомъ, французская администрація есть фактъ, такъ сказать, политико-физиологическій; въ немъ можно и должно видѣть много дурнаго, но измѣнится онъ только съ измѣненіемъ духа народа. Каждый народъ съ любовью обращается къ какой-либо одной формѣ общественной жизни — къ общинѣ, ассоціаціи, провинціи, государству. Для француза — любимая и даже единственная форма, которую онъ понимаетъ, есть государство. До какой степени это вѣрно, — показываетъ исторія общинъ. Учредительное собраніе и особенно конвентъ, вздумали съ особенной силою воспроизвести общины, — форму, самостоятельности которой англо-саксонская раса обязана всѣмъ своимъ могуществомъ. Чтоже вышло? Общины сдѣлались полными государствами, т. е., присвоили себѣ такія права, которыя принадлежать только государству; они присвоили себѣ право выставлять красное знамя — (внутренняя война), самовластно расправляться съ гражданами, издавать постановленія подъ смертною казнью, — мало того: сорокъ тысячъ общинъ стали указывать конвенту, а парижская община даже прямо держала конвентъ въ своей власти, и во время террора была дѣйствительнымъ повелителемъ Франціи, оставляя конвенту часто одно имя.

Учредительное собраніе, которое хотѣло не только уничтожить все напоминавшее привилегіи, но и дать широкій просторъ либеральнымъ учрежденіямъ, — окружило департаментъ избирательными совѣтами и сановниками. Учредительное собраніе вовсе не желало сильной административной централизаціи, — не желало предать все управленіе въ руки министровъ. Въ департаментахъ были учреждены: законодательный совѣтъ (т. е., для постановленій о мѣстныхъ нуждахъ), исполнительный совѣтъ, администраторъ, — всѣ выборные и срочные. Администраторъ, какъ глава управленія департаментомъ подчинялся главѣ исполнительной власти, королю, который могъ устранить его отъ должности за упорное неисполненіе законныхъ распоряженій или за нарушеніе общественнаго спокойствія, — но это была только временная мѣра: король представлялъ дѣло нарушенія законо-

дательному собранію, которое или подтверждало мѣру короля, или восстанавливало администратора въ должность. Департаментъ былъ раздѣленъ на округа, округа на общины — съ тою представительною системою.

Трудно сказать, во сколько могли привиться эти либеральныя учрежденія, приложенныя къ такимъ дробнымъ и не органическимъ частямъ, каковы департаменты. Но нѣтъ сомнѣнія, что начало либеральной децентрализаціи могло бы окрѣпнуть, еслибы страшныя обстоятельства не потребовали принесенія ея въ жертву. Словомъ, все либеральное что было въ административномъ устройствѣ 1789 — 1791 года, впоследствии было уничтожено, и никѣмъ не возстанавливалось: ни друзьями, ни врагами свободы, — осталась одна грозная машина.

Нынѣшнее судебное устройство Франціи, предметъ ея справедливой гордости, есть созданіе великихъ творцевъ конституціи 1791 года. Главныя черты реформы состояли въ слѣдующемъ: 1) въ уничтоженіи прежнихъ парламентовъ съ продажею мѣсть, прежнихъ разнохарактерныхъ судилищъ, и въ учрежденіи трибуналовъ, сообразно административному дѣленію, общихъ для всѣхъ французовъ и для всѣхъ дѣлъ; 2) въ учрежденіи кассационнаго суда, назначеніе котораго хранить единство пониманія закона, интерпретировать его, и въ уничтоженіи судебныхъ рѣшеній, состоявшихъ на ложномъ пониманіи закона, на невѣрномъ приложеніи его, или при несоблюденіи предписанныхъ формъ; 3) въ уничтоженіи прежней судебной власти короля и его совѣта, и зависимости отъ него судовъ (*«toute justice émane du Roy»*), и вмѣстѣ съ тѣмъ въ прямомъ запрещеніи и законодательному собранію вмѣшиваться въ ходъ правосудія; 4) въ независимости судебной власти уничтоженіемъ прежняго назначенія судей королемъ, и введенія вмѣсто этого начала избранія судей народомъ; 5) въ учрежденіи присяжныхъ въ дѣлахъ уголовныхъ, какъ по вопросу о преданіи суду (большое жюри), такъ и по вопросу объ обвиненіи; 6) въ установленіи основанія разумной юриспруденціи постановленіемъ о мотивированіи судебныхъ рѣшеній; 7) въ учрежденіи мирныхъ судей. Это великое зданіе было впоследствии во времена бо-

лѣ спокойныя приведено въ исполненіе во всѣхъ частяхъ. Но и здѣсь многія превосходныя начала, высказанныя въ 89—91 году, были оставлены, и отъ этого великое созданіе мыслителей учредительнаго собранія потеряло много. Такъ уничтоженъ былъ принципъ избранія судей, и замѣненъ назначеніемъ ихъ исполнительною властью, хотя и безсмѣнно, — и отъ этого судебная власть потеряла значительную часть своей независимости, уничтожено было большое жюрі. Въ своемъ мѣстѣ мы изложимъ судебное устройство Франціи, какъ оно существуетъ въ наше время.

Переворотъ 1789 года былъ общимъ въ жизни французскаго народа; онъ касался не одной сферы государственнаго права, но и частнаго. Мы здѣсь поставимъ на видъ только реформы въ тѣхъ частяхъ гражданскаго права, которыя имѣютъ великое значеніе и притомъ стоятъ въ не посредственной связи съ конституціей: 1) въ семейственномъ, 2) въ наслѣдственномъ правѣ. Семейственное право, хотя относится къ гражданскому, но его основа опредѣляется государственнымъ. Конституція 1791 года провозгласила (Тит. II, ст. 7): Законъ разсматриваетъ бракъ, какъ гражданскій договоръ. Законодательная власть устроить для всѣхъ жителей безъ различія (т. е., безъ различія вѣроисповѣданія) форму, по которой будетъ происходить удостовѣреніе въ бракѣ, рожденіи и смерти, и назначить чиновниковъ, которые будутъ вести акты этого рода». Этимъ устанавливался такъ называемый гражданскій бракъ (*marriage civil*). Причемъ церковь потеряла преобладаніе надъ государствомъ, но нѣсколько не устранено было по совѣсти и желанію каждаго освященіе брака религіозными таинствами и обрядами. Это одно изъ тѣхъ великихъ коренныхъ учрежденій, которое осталось неизмѣннымъ, и которое заимствуютъ у Франціи другіе народы. 2) Наслѣдственное право есть та часть гражданскаго, которая связываетъ его тѣсно съ государственнымъ устройствомъ, формой правленія. Учредительное собраніе, уничтоживши привилегіи старшаго сына, братьевъ передъ сестрами, установило равенство раздѣла между братьями и сестрами наслѣдства безъ завѣщанія, уничтожило субституціи и всякія ограниченія свободы наслѣдника.

Другая половина реформы — ограниченіе самого права про-извола завѣщанія — предоставленіемъ завѣщателю распо-лагать по усмотрѣнію только нѣкоторой частью имущества, — была обсужена собраніемъ, — но не перенесена въ законъ. Довершеніе это принадлежитъ наполеонову кодексу. Зако-номъ о наслѣдствѣ введено начало равенства съ сферу семьи, какъ оно было введено въ государственную *).

Въ такую же гармонию съ новыми политическими учреж-деніями собраніе 1789—1791 годовъ хотѣло привести и като-лическую церковь. Оно считало, — что не согласно съ духомъ католицизма, — что не государство заключается въ церкви, а церковь въ государствѣ. Оно впрочемъ сдѣлало всѣ, какія только можно, уступки сильному своимъ влияніемъ на массу народа духовенству. Оно уничтожило всѣ церковные поборы (десятину и друг.), отобрало церковныя имущества, назначивъ духовенству приличное содержаніе изъ государ-ственныхъ фондовъ, уничтожило въ глазахъ закона — мо-нашескіе ордена, монастыри, церковныя обѣты. Затѣмъ со-браніе издало такъ называемое гражданское устройство ду-ховенства (*constitution civile du clergé*). Основанія этого ду-ховнаго регламента были слѣдующія: 1) священники и епи-скопы избираются народомъ (N. В. слѣдовательно восстано-вленіе того учрежденія, которое наблюдалось въ первые вѣка христіанства, — но которое папа и католическое ду-ховенство объявили революціоннымъ, не христіанскимъ), 2) совпаденіе дѣленія на епархіи съ дѣленіемъ на департа-менты, 3) равенство епископовъ, независимость одного отъ дру-гаго, 4) независимость отъ власти папы, какъ при постано-вленіи въ епископскій санъ, такъ и въ служеніи, — запре-щеніе исполнять и публиковать папскія булы; но братскія сношенія съ папою дозволены. Эти начала внослѣдствіи бы-ли завершены конкордатомъ Наполеона, — но и здѣсь опять существенная, либеральная сторона — избраніе народомъ

*) Сѣверо-Американскіе Штаты были основаны совершенно на тѣхъ же политическихъ началахъ, какъ Англія. Отчего же они сдѣлались государ-ствомъ чисто демократическимъ въ противоположность строго-аристократи-ческой Англіи? Оттого, что уничтожено было англійское наслѣдственное право, майораты и субституціи.

священниковъ и епископовъ, нисколько не противная, какъ мы сказали, духу и исторіи христіанства, была оставлена, — и здѣсь дѣло перешло въ руки исполнительной власти — она назначаетъ епископовъ! Исполнительная власть приобрѣла поэтому для себя еще одну армію — духовенство. Такъ было извращено созданіе 1791 года въ этой сферѣ, такъ было извращено оно и въ другихъ: это мы отчасти указали, а обстоятельнѣе покажетъ разборъ послѣдующихъ конституцій *).

II.

Конституція 1791 года пала вскорѣ, вслѣдствіе случайныхъ обстоятельствъ, а не вслѣдствіе внутреннихъ причинъ. Она по возможности соглашалась идеи равенства съ идеями свободы. Но французскій народъ болѣе способенъ къ началамъ абсолютной демократіи, нежели свободы. Торжество демократической партіи повело Францію къ военной диктатурѣ, причемъ изъ зданія 1789 года остались одни начала равенства.

Идеи этой партіи выразились въ конституціи 1793 года. Впрочемъ, она была далеко не полнымъ ихъ выраженіемъ, полнымъ было управленіе конвента, или точнѣе — комитета общественаго блага (Comité du Salut public). Конституція 1793 года, вотированная, но не приведенная въ исполненіе, осталась формулой демократической партіи и нынѣшней Франціи. Она заключала слѣдующія новыя начала: 1) Начало непосредственнаго управленія народа, въ противоположность конституціи 1791 года, которая объявила, что народъ не иначе можетъ проявлять свой суверенитетъ, какъ

*) Упомянемъ еще о нѣкоторыхъ реформахъ 1789 года, имѣвшихъ близкое соотношеніе къ политикѣ: 1) реформа налога; уничтоженіе подушной подати, монополій, мыта, — замѣненіе ихъ новыми — пошлиной съ найма квартиръ и земли, поземельной, и патентнымъ сборомъ; 2) раздѣленіемъ и мобилизаціей поземельной собственности: во Франціи (въ противоположность съ прежнимъ порядкомъ и съ Англіей) явилось нѣсколько милліоновъ поземельныхъ владѣльцевъ.

чрезъ выборныхъ. Конституція 93-го года объявила, что палата представителей есть только редакціонная коммисія законовъ, а утверждаетъ и уничтожаетъ ихъ весь народъ поголовно. Конституція говоритъ, что подъ именемъ законовъ разумѣтся: законодательство уголовное и гражданское, управленіе доходами и расходами, распоряженіе національными имуществами, опредѣленіе рода и количества податей и сборовъ, объявленіе войны, опредѣленіе вѣса и рода монеты, административное раздѣленіе государства, общественное обученіе, почести великимъ людямъ. Во всемъ этомъ законодателемъ былъ самъ народъ. Но надобно замѣтить, что монтаньяры поставили это опредѣленіе только для виду; въ сущности они дѣлали проявленія законодательной власти народа невозможными. «Проектъ закона, одобренный національнымъ собраніемъ, говорятъ 58-я и 59-я ст. конституціи 1793 года, разсылается по всѣмъ общинамъ, — и если втеченіе сорока дней, послѣ разсылки, въ большей половинѣ департаментовъ, по крайней мѣрѣ, десятая часть общинъ каждаго изъ нихъ не протестовала противъ него, то онъ получаетъ силу закона.» При этомъ условіи законодательная власть народа была невозможна.

Право ревизовать конституцію предоставлено народу во всякое время: «Если въ большей части департаментовъ десятая часть общинъ каждаго изъ нихъ потребуетъ ревизіи конституціи, или измѣненія нѣкоторыхъ частей ея, то законодательное собраніе обязано немедленно созвать всѣ общины республики и предложить имъ на рѣшеніе вопросъ.» (Ст. 115).

2) Выборы депутатовъ измѣнены: а) выборы должны быть прямые, непосредственные, б) каждый гражданинъ есть избиратель съ двадцать перваго года, — всѣ условія ценза, всѣ другія, самыя общія условія независимости, введенныя конституціей 1791 года, отмѣнены; уничтожилось различіе между просто гражданами и дѣйствительными гражданами, между дѣйствительными гражданами и избирателями; е) выборы на двухъ степеняхъ удержаны — для избранія членовъ исполнительнаго совѣта (двадцати четырехъ), для избранія членовъ департаментской администраціи и судей. Въ этихъ случаяхъ

граждане избирали одного избирателя съ двухъ-сотъ человекъ, избиратели соединялись въ губернскомъ городѣ.

3) Исполнительная власть поручена совѣту изъ двадцати четырехъ членовъ; ихъ избирало законодательное собраніе — изъ восьмидесяти трехъ кандидатовъ, представляемыхъ собраніями избирателей — каждаго департамента по одному.

4) Депутаты и судьи избираются на одинъ годъ; члены департаментскаго управленія и исполнительнаго совѣта на два.

Какъ ни была демократична конституція 1793 года, но монтаньяры находили ее недостаточной, и согласились на нее только потому, что заранѣе было условлено, что она не прежде получитъ силу дѣйствія, какъ по успокоеніи Франціи, слѣдовательно они считали, что будетъ достаточно времени для измѣненія ея. Ихъ идеалъ былъ полное, непосредственное управленіе государствомъ массы народа. Надобно ли говорить, что это начало есть не только анархическое, но и нелѣпое. Масса народа въ новомъ мірѣ до-сихъ-поръ еще не достигла того развитія, чтобы понимать и судить о сложныхъ дѣлахъ законодательства, войны, мира, управленія, финансовъ. Съ другой стороны народное управленіе есть нелѣпость, потому что объемъ законодательства, т. е., количества вопросовъ, которые должны быть разрѣшены государствомъ, такъ великъ, что палаты обыкновенно не менѣе семи мѣсяцевъ въ году пребываютъ на сборѣ и ежедневно работаютъ. Слѣдовательно, если весь народъ будетъ законодательнымъ, то половина времени пойдетъ на это занятіе, — кто же будетъ содержать этого законодателя? Поэтому принципъ представительства есть коренный, абсолютный въ новомъ мірѣ, — отъ него могутъ отступаться безнаказанно развѣ такія государства, какъ Швейцарскіе горные кантоны съ тремя или пятью тысячами гражданъ.

Страшное время конвента, когда господствовала чисто-демократическая партія, показало, что она не способна къ понятію правильной свободы. Она погубила всѣ свободныя начала, выработанныя мыслителями 1789 года. вмѣсто раздѣленія властей она ввели соединеніе законодательной и исполнительной власти въ конвентѣ; вмѣсто правильного

уголовнаго суда — революціонный трибуналъ; вмѣсто ограниченія власти государства и неприкосновенности личной свободы—чудовищное полновластіе, власть государства, безотчетную и безпредѣльную надъ собственностью и жизнью гражданина; одного подозрѣнія стало достаточнымъ, чтобы лишить человѣка свободы и жизни,—а по закону о подозрительныхъ трудно было примскать человѣка, котораго нельзя было подвести подъ эту категорію; вмѣсто раздѣленія церкви и государства — государственную религію (поклоненіе разуму) съ верховнымъ первосвященникомъ и даже — государственныя добродѣтели! вмѣсто свободы совѣсти — начались гоненія на тѣхъ, кто не признавалъ государственной религіи и проч. и проч. Терроръ, уничтоживши во французскомъ народѣ зачатки разумной свободы, истребивши всѣхъ великихъ дѣятелей, произвелъ страшную моральную пустоту, усталость, политическую безнравственность, жажду покоя во чтобы-то ни стало, и сдѣлалъ такимъ образомъ диктатуру и возможной и необходимой. Онъ сдалъ Францію съ рукъ на руки Наполеону.

Но въ промежуткѣ между конвентомъ и диктатурой Наполеона была еще одна конституція времени директоріи. Эта конституція есть возвращеніе къ идеямъ 1789 года, въ ней много истинно-либеральнаго, она стремится снова водворить личную свободу, правильное раздѣленіе властей, святость закона. Исполнительная власть вручена была пяти директорамъ, въ томъ же объемѣ какъ и по конституціи 1791 года. Относительно устройства законодательной власти, эта конституція не только возвратилась къ 1791 году, (т. е., законодательная власть принадлежитъ палатѣ, а непосредственно народу), но и ввела новое замѣчательное начало въ конституціи законодательной власти, — начало, которое съ различными измѣненіями удержано Франціей до настоящаго времени. Мы говоримъ о введеніи вмѣсто одной, двухъ законодательныхъ палатъ: совѣта пяти-сотъ и совѣта старѣйшинъ (*Conseil des anciens*). Оба они одинаково избирались въ избирательныхъ коллегіяхъ, и условія для выбора были почти тѣ же: для перваго возрастъ тридцати, для втораго сорока лѣтъ, пребываніе въ государствѣ — для перваго

десять, для втораго пятнадцать лѣтъ; было еще одно, очень странное условіе, для членовъ совѣта старѣйшинъ — быть женатымъ или вдовцомъ. Совѣтъ пяти-сотъ состоялъ, какъ показывается самое названіе, изъ пяти-сотъ депутатовъ, совѣтъ старѣйшинъ изъ двухъ-сотъ-пятидесяти. Законодательная инициатива, сужденіе и изготолвленіе закона принадлежало одному совѣту пяти-сотъ; совѣту старѣйшинъ принадлежала санкція закона: онъ не могъ его измѣнять, или утверждать часть его,—онъ могъ или весь отвергнуть, или признать,—наконецъ онъ могъ возвратить назадъ законъ, который былъ принятъ въ совѣтъ пяти-сотъ безъ соблюденія предписанныхъ конституціей формъ. Законъ, отвергнутый въ совѣтъ старѣйшинъ, не могъ быть вновь представленъ ранѣе года. Но что должно дѣлать, когда онъ во второй и третій разъ будетъ отвергнутъ, объ этомъ ничего не постановлено.

Обѣ камеры исходили изъ одного начала и притомъ въ той же самой формѣ, такъ что вторая не представляла другаго принципа, а тотъ же самый, что и первый, т. е., народонаселеніе, такъ что въ сущности эта была одна палата, перегороженная стѣной. Тѣмъ не менѣе идея поручить санкцію закона не исполнительной власти, а другой выборной палатѣ, весьма важна, и необходимость двухъ палатъ для правильнаго движенія парламентарнаго механизма такъ велика, что и въ этой формѣ раздѣленія принесли большія выгоды. Но не смотря на много хорошихъ сторонъ конституціи 1795 года (третьяго года республики), — она не могла долго существовать: не было людей, которые искренно хотѣли бы этого порядка, никто въ массѣ не сочувствовалъ ей. Одного появленія Наполеона, увѣнчаннаго славою побѣдъ, достаточно было, чтобъ въ нѣсколько дней взорвать на воздухъ зданіе, не имѣвшее корней.

Совершенно другія основанія имѣла конституція, созданная Наполеономъ въ 1799 году. Здѣсь исполнительная власть получила всеоглащающее значеніе, право выборовъ дано было народу, какъ пустая форма, всѣ выборныя власти въ сущности были не выборныя, а назначенныя исполнительною. Народу постоянно предоставлялось одно право: утверждать конституцію, — и онъ утвердилъ почти единогласно какъ

первую, такъ вторую, такъ и третью наполеоновскую конституцію (имперскую); это удержалъ и его племянникъ. Понятно, почему Бонапарты удерживали это начало, переданное имъ крайне демократическою партіей; оно давало имъ видъ законности, а между тѣмъ въ успѣхѣ не можетъ быть сомнѣнія. Народу предлагается такая-то конституція, или анархія. Конечно онъ согласится на какую бы то ни было конституцію, потому что она все-таки утверждаетъ извѣстный порядокъ; наконецъ на массу узурпаторъ всегда имѣетъ громадное вліяніе во Франціи чрезъ безчисленную администрацію. Она довольна, что ей предоставляютъ будто бы рѣшать дѣло, — и обѣими руками вотируетъ то, что ей предлагаютъ.

Если посмотрѣть снаружи на конституцію 1799 года (23 фримера VIII года), то она покажется совершенно республиканскою: исполнительная власть поручена не одному лицу, а тремъ консуламъ, — есть сенатъ, охранитель конституціи, законодательная власть принадлежитъ палатѣ депутатовъ, да притомъ еще и не одной, а для лучшаго теченія дѣлъ ихъ двѣ — трибунатъ и законодательный корпусъ. Всѣ различныя свободы и права человѣческія и гражданскія исчислены по порядку, съ точностью, и выражены въ строгомъ римскомъ стилѣ. Но заглянувши только слегка во внутрь этого зданія, мы увидимъ только одно движущее желѣзное колесо — перваго консула (Наполеонъ Бонапартъ), все остальное только досчатая покрывка.

Такъ какъ конституція Наполеона I была возстановлена съ нѣкоторыми неважными измѣненіями (второе изданіе конституцій всегда бываетъ съ подновленіями), нынѣшнимъ императоромъ Франціи, то здѣсь мы укажемъ только на ея главныя черты, подробности относятся къ изложенію нынѣ дѣйствующей конституціи. Вотъ ея главныя черты: 1) исполнительная власть принадлежитъ *тремъ* консуламъ, которые *заранѣе* назначены: первый консулъ Наполеонъ Бонапартъ самъ собою, два другихъ — имъ. Но это число три — только маска для сохраненія приличія, нельзя было вдругъ сказать, что власть поручается одному лицу — слово диктаторъ могло встрѣтить оппозицію, хотя слабую, — надобно было исподволь

перейти къ единовластію. Но дѣло въ томъ, что въ сущности было утверждено единовластіе. Конституція, послѣ статьи 39, гдѣ сказано, что правленіе поручается тремъ консуламъ, назначеннымъ на десять лѣтъ, съ безпримѣрнымъ безстыдствомъ въ 41 статьѣ говоритъ, что одинъ первый консулъ обнародываетъ законы, назначаетъ министровъ и членовъ государственнаго совѣта, назначаетъ сухопутныхъ и морскихъ офицеровъ, посланниковъ, судей, а во всѣхъ прочихъ дѣлахъ и назначеніяхъ онъ *совѣтуется* съ своими товарищами — вторымъ и третьимъ консуломъ, которые и здѣсь даже имѣютъ только совѣщательный голосъ! Итакъ, исполнительная власть принадлежитъ одному лицу — первому консулу.

Посмотримъ теперь въ какомъ видѣ является ея значеніе. Мы видѣли, что конституція 1791 года поставила областную администрацію въ положеніе самостоятельное относительно исполнительной власти, глава которой могъ только отстрапать на время отъ должности чиновниковъ, а признаніе причинъ основательными зависѣло отъ законодательнаго собранія, — далѣе — всѣ лица областного управленія были выборныя, — все это уничтожено; но этого мало, самое главное состояло во введеніи новаго начала, которое господствуетъ до-сихъ-поръ, составляя громадную силу исполнительной власти. Именно, по конституціи 1791 года всякій гражданинъ имѣлъ право обвинять чиновника за незаконное отправление должности, законодательное собраніе по частнымъ жалобамъ, которыя не были уважены начальствомъ обвиняемаго, предавало его суду, если находило обвиненія основательными. А конституція 1799 года ввела слѣдующую маленькую, но многозначительную статью, — это знаменитая 75-я статья: «Всѣ чиновники, исключая министровъ, не могутъ быть преданы суду, за дѣйствія по должности иначе, какъ по рѣшенію государственнаго совѣта.» Но государственный совѣтъ, и тогда и впослѣдствіи, составлялся изъ лицъ, по избранію главы исполнительной власти, съ правомъ отрѣшати ихъ во всякое время и безусловно. Слѣдовательно чиновникъ, напримѣръ префектъ департамента, можетъ позволить себѣ всякое превышеніе власти, и будетъ отвѣчать

за это только тогда, когда угодно главѣ исполнительной власти, т. е., когда это нарушеніе противно ея системѣ. Эта статья, какъ мы сказали, осталась въ силѣ до-сихъ-поръ; всѣ правительства, бывшія послѣ Наполеона ревностно сохраняли ее. Токвиль говоритъ, что когда онъ рассказывалъ объ этомъ американцамъ, то они хохотали, упрекали его въ нелѣпой выдумкѣ, чтобы могло существовать въ свободномъ государствѣ положеніе, по которому чиновникъ за притѣсненія отвѣчаетъ только тогда, когда этого не одобритъ та власть, которая его назначила, и у которой онъ состоитъ въ безусловномъ повиновеніи. Эта одна статья даетъ французскимъ правительствамъ полную возможность общать въ конституціяхъ всѣ возможные свободы, ни сколько не стѣсняя себя. Она есть основной камень французской административной системы.

Въ 1802 году власть перваго консула еще болѣе расширена и званіе его стало пожизненнымъ.

Законодательная власть, какъ мы сказали, была раздѣлена между законодательнымъ корпусомъ и трибунатомъ. Это былъ не парламентъ съ двумя камерами, а нелѣпое раздѣленіе самого процесса законодательства: 1) трибунатъ изъ ста, впоследствии пятидесяти членовъ — разсуждалъ о представленномъ правительствомъ проектѣ закона, и изъяслялъ мнѣніе о томъ, слѣдуетъ ли принять его или отвергнуть; 2) законодательный корпусъ изъ трехъ-сотъ депутатовъ — выслушавши комисаровъ правительства и депутацію трибуната, *молча*, безъ всякихъ преній, балотировалъ законъ. Слѣдовательно были двѣ особыя палаты для законодательства — одна для разсужденія, другая для принятія проекта закона. Впоследствии трибунатъ былъ уничтоженъ, но законодательный корпусъ не получилъ права разсуждать. Законодательная инициатива предоставлена исполнительной власти.

Законодательный корпусъ и трибунатъ были вовсе не выборныя власти, въ настоящемъ смыслѣ этого слова. Вотъ какія положенія ввели наполеоновскія конституціи 1799, 1802 и 1804 года о выборахъ: 1) граждане каждаго округа избирали, или какъ говоритъ конституція рекомендовали, тѣхъ, кого они считали способными къ общественнымъ долж-

ностамъ (*Les citoyens de chaque arrondissement communal désignent par leurs suffrages ceux d'entre eux, qu'ils croient les plus propres à gérer les affaires publiques*), — такихъ лицъ должно было избрать съ десяти одного, — изъ этого списка избирались лица общиннаго управленія, потомъ эти избранники всѣхъ округовъ департамента составляли новый списокъ, такъ называемый департаменскій, — также изъ десяти одного, — изъ этого списка избирались члены департаменской администраціи и суда, наконецъ эти вторичные избранники составляли списокъ лицъ, которыя они считали годными въ члены законодательнаго корпуса и трибуната. Въ 1802 году, эта система, гдѣ выборное начало сдѣлалось какимъ-то чиновничествомъ, приведена еще въ болѣе изящную форму. Граждане округа избирали отъ сто двадцати до двухъ-сотъ членовъ, которые составляли избирательную коллегію округа (*collège électoral d'arrondissement*), окружные коллегіи избирали членовъ въ департаменскую избирательную коллегію числами отъ двухъ до трехъ-сотъ, смотря по числу народонаселенія, но и то не вполне по своему желанію, а по списку, который представляло правительство, изъ шести-сотъ лицъ платящихъ наиболѣе податей и налоговъ и съ присовокупленіемъ нѣсколькихъ десятковъ гражданъ, извѣстныхъ первому консулу по своимъ заслугамъ. Такимъ образомъ и тѣнь свободы выбора была отнята. Департаменская коллегія каждаго департамента представляла двухъ кандидатовъ на каждое вакантное мѣсто въ законодательномъ корпусѣ или трибунатѣ, — слѣдовательно на каждое мѣсто депутата по числу восемьдесятъ трехъ департаментовъ составлялся списокъ сто шестидесяти шести кандидатовъ, и изъ этого списка избиралъ депутата или трибуна — сенать!! А изъ кого состоялъ сенать? сначала было устроено такъ: второй и третій консулы, назначенные по указанію Наполеона, вмѣстѣ съ гг. Сіейэ и Дюко (также по его указанію) назначали большинство членовъ сената, которое избирало остальныхъ, — а потомъ ваканціи замѣщались Наполеономъ. И корпусу, такимъ образомъ составленному, назначено было: охранять конституцію, избирать депутатовъ въ законодательный корпусъ и трибунатъ, объявлять по пред-

ложенію правительства департаменты внѣ конституціи (т. е., предоставлять всѣ права гражданъ во власть правительства), и даже уничтожать судебныя рѣшенія, если онъ найдетъ ихъ противными государственной безопасности *)!

Такова была конституція Наполеона. Она вводила совершенный произволъ исполнительной власти; но все это свиду было прикрыто формами законности, и притомъ такими сложными, что казалось, что произволу быть не можетъ **). Изъ дѣла 1789 года осталась только одна половина — политическое равенство, администрація, судебное устройство, — да и то съ измѣненіями, — другая важнѣйшая — свободная, была отброшена. Эта конституція могла держаться только до-тѣхъ-поръ, пока у Наполеона твердо держалась шпага. Какъ только измѣнилось ему счастье войны, его пресловутый сенатъ, удивлявшій свѣтъ холопствомъ, объявилъ его низложеннымъ и призвалъ Бурбоновъ ***).

*) Французскій сенатъ оставилъ по себѣ самыя позорныя воспоминанія. Не было политическаго собранія болѣе угодливаго, болѣе готоваго на все для повелителя. Самъ Наполеонъ впоследствии съ омерзѣніемъ отвѣчалъ на упрекъ сената (разумѣется, по возстановленіи Бурбоновъ), что онъ извращалъ его опредѣленія: «миѣ не зачѣмъ было извращать, сенатъ не только дѣлалъ все, на что я ему подавалъ знакъ, но часто дѣлалъ болѣе, нежели я желалъ». Этотъ сенатъ, когда союзники вошли въ Парижъ, объявилъ Наполеона низложеннымъ, призвалъ Людовика XVIII и продиктовалъ конституцію, въ которой была одна статья, характеризующая хорошо это собраніе, а именно: «Достоинство сенатора дѣлается наследственнымъ по праву первородства, въ лицѣ настоящихъ сенаторовъ; они удерживаютъ непорушную свое жалованье и аренды». Во время силы Наполеона, сенатъ дошелъ до того, что явился въ массѣ изъять свои чувства шестимѣсячному его сыну, и выразилъ ихъ въ длинной рѣчи, на которую отъ имени принца имъ отвѣчала его няня!! Кажется, эти двѣ черты достаточно показываютъ моральную силу этого собранія, отъ котораго зависѣли всѣ другія политическія органы.

**) Конституціи Наполеона отличаются непостижимымъ хладнокровіемъ въ употребленіи словъ. Такъ, напримѣръ, конституція 1804 года, которой окончательно уничтожалась республика и вводилась наследственная императорская власть, — дѣло представлено на словахъ такъ, какъ будто никакого важнаго измѣненія не произошло. Первая статья этой конституціи удивительна по выраженіямъ: «Le gouvernement de la république est confié à un empereur» (!); далѣе, по 53 статьѣ, императоръ присягаетъ сохранять цѣлость территоріи республики!

***) Во время ста дней Наполеонъ далъ новую конституцію, довольно либеральную. Но это была уступка необходимости. Онъ мрачно говорилъ, что

III.

Съ паденія Наполеона (1814 года) до 1851 года Франція постоянно имѣла правительства либеральныя, — и парламентарная форма правленія казалось пустила въ ней глубокіе корни. Но и тридцать шесть лѣтъ такой жизни было недостаточно для водворенія въ массѣ идей истиннаго порядка, — и она опять возвратилась къ наполеоновской демократіи.

Въ эти тридцать шесть лѣтъ Франція измѣнила три рода правленія, которыя не были новыми для нея: сначала парламентарную монархію въ томъ видѣ, какъ ее хотѣли установить въ началѣ 1789 года, въ 1830 году также парламентарную монархію, но съ большимъ демократическимъ отливомъ, и наконецъ умѣренную республику.

Лудовикъ XVIII въ прокламаціи, изданной по возвращеніи во Францію, объявилъ, что онъ желаетъ дать такую конституцію, которая бы удовлетворяла потребностямъ новаго времени и вмѣстѣ съ тѣмъ основана была на историческихъ началахъ. Эта конституція была либеральна, король искренно хотѣлъ ея прочности. Но механизмъ, на которомъ она была основана, былъ не въ духѣ французскаго народа.

Лудовикъ XVIII, поклонникъ англійской конституціи, ввелъ ея формы во Франціи. Англійское устройство состоитъ изъ двухъ-палатнаго парламента: одна палата депутатовъ, избираемыхъ на срокъ, представляющихъ нужды и желанія народа въ извѣстное время, — другая лордовъ, — которая держитъ равновѣсіе между королевской властью и депутатами народа. Естественно, что эта палата, если назначается по выбору — то равновѣсія быть не можетъ, она будетъ той же палатой депутатовъ, только подъ другимъ названіемъ; если назначеніе членовъ вполнѣ зависятъ отъ короля, — тогда опять не будетъ равновѣсія, она будетъ органомъ исполни-

еслибъ зналъ, что ему придется дѣлать такіе уступки, то лучше остался бы на островѣ Эльбѣ. Онъ ожидалъ первой побѣды, чтобы разрушить эту конституцію, но побѣда не явилась; бонапартизмъ и парламентаризмъ не мыслимы вмѣстѣ. Наполеонъ III возвратился къ первымъ, а не къ послѣдней конституціи своего дяди.

тельной власти. Въ Англии эта палата независима и самостоятельна: большинство членовъ ея наследственны, что, разумѣется, даетъ имъ полную независимость, они достаточно обеспечены майоратами, чтобъ не продавать себя, — и наконецъ главное, они представляютъ живой и великій элементъ — поземельную аристократію, — слѣдовательно, это не искусственное учрежденіе, а такое, которое имѣетъ корень въ социальныхъ отношеніяхъ и характерѣ страны.

Лудовикъ XVIII учредилъ также парламентъ изъ двухъ палатъ. Палата перовъ должна была состоять изъ членовъ наследственныхъ и пожизненныхъ, — тѣхъ и другихъ по назначенію короля. Но во Франціи аристократія уже задолго до революціи потеряла земское значеніе, стала придворною; а революція окончательно вышолола ея корни, особенно лишивъ ея поземельной собственности. Такимъ образомъ эта палата была собраніемъ людей съ историческими фамиліями, громкими титулами, — но безъ всякаго корня въ странѣ, въ ея нравахъ, понятіяхъ, отношеніяхъ. Король могъ возстановить только имя, — вещи давно уже не было. Другое не популярное начало конституціи, состояло въ введеніи сильнаго цѣпа для выборовъ: тѣ могли быть избраны депутатами, которые платили по крайней мѣрѣ тысячу франковъ въ годъ прямыхъ налоговъ, и даже для того, чтобъ быть избирателемъ надобно было платить триста франковъ прямыхъ налоговъ. Законодательная инициатива принадлежала королю.

Конституція 1830 года (Лудовика-Филиппа) не произвела существенныхъ перемѣнъ, — принципы остались прежніе. Главныя измѣненія состояли: 1) Въ уничтоженіи наследственности перовъ. Палата перовъ должна состоять изъ членовъ назначенныхъ королемъ — пожизненныхъ и безсмѣнныхъ. Но король могъ возводить въ это достоинство только лицъ, носившихъ почетныя званія и оказавшихъ большія заслуги государству *). Въ предоставленіи законодательной

*) Король могъ назначать на основаніи закона 29-го декабря 1831 года въ званіе пера изъ лицъ слѣдующихъ разрядовъ: 1) бывшихъ президентами палаты депутатовъ; 2) бывшихъ депутатами три раза; 3) изъ маршаловъ и адмираловъ; 4) изъ генералъ-лейтенантовъ и вице-адмираловъ, послѣ десяти лѣтъ службы въ этомъ чинѣ; 5) министровъ; 6) пословъ,

иниціативы въ равной мѣрѣ—королю, палатѣ перовъ и палатѣ депутатовъ. Но духъ новаго правительства значительно разнился отъ прежняго; какъ король избранный, Лудовикъ-Филиппъ не могъ имѣть тѣхъ стремленій, того перевѣса, который имѣли Божію милостью короли Франціи и Навары. Правленіе его было чисто парламентарное, — знаменитое изрѣченіе *Le Roi regne, mais ne gouverne pas* (король царствуетъ, но не управляетъ), — лозунгъ приверженцевъ парламентаризма — вполне осуществился. Управляло министерство, которое составлялось въ духѣ парламентскаго большинства, т. е., большинства палаты депутатовъ, потому что палата перовъ была безъ всякаго значенія на дѣлѣ.

Конституція Лудовика-Филппа оставила однако администрацію въ той же формѣ и въ той же полной зависимости отъ исполнительной власти, какъ это было при Наполеонѣ. Цензъ она оставила тотъ же высокій, какой былъ при Лудовикѣ XVIII, даже еще повысила, такъ что полноправныхъ гражданъ, (т. е., имѣвшихъ право избирать депутатовъ) было всего 200,000, — вмѣсто восьми милліоновъ! Времена Лудовика XVIII были временемъ господства богатой буржуазіи.

послѣ трехъ, и посланниковъ послѣ шести лѣтъ; 7) членовъ государственнаго совѣта, послѣ десяти лѣтъ; 8) префектовъ департамента, послѣ десяти лѣтъ; 9) губернаторовъ колоній, послѣ пяти лѣтъ службы; 10) лицъ, бывшихъ три раза избранными въ президенты генеральныхъ совѣтовъ (совѣты департаментовъ); 11) два раза бывшихъ мерами (городскими головами) въ городахъ свыше 30,000 жителей, втеченіе пяти лѣтъ; 12) изъ президентовъ кассационнаго и счетнаго суда (государственный контроль); 13) изъ генераль-прокуроровъ этихъ судовъ, послѣ пяти лѣтъ службы; 14) изъ совѣтниковъ кассационнаго суда и первыхъ президентовъ апелляціонныхъ, послѣ пяти лѣтъ, генераль-адвокатовъ перваго и генераль-прокуроровъ послѣднихъ, послѣ десяти лѣтъ службы; 15) бывшихъ четыре раза предсѣдателями коммерческихъ судовъ въ городахъ съ населеніемъ свыше 30,000 человекъ; 16) изъ членовъ французскаго института; 17) изъ гражданъ, получившихъ за свои заслуги особенную національную награду; 18) изъ лицъ платящихъ ежегодно три тысячи франковъ податей (по недвижимой собственности втеченіе трехъ, по движимой — патентный сборъ — пяти лѣтъ), если они притомъ были втеченіе шести лѣтъ членами коммерческаго или департаментскаго совѣтовъ, или были депутатами или членами коммерческаго суда. Такимъ образомъ періодъ должна была состоять только изъ политическихъ, судебныхъ, административныхъ, ученыхъ, военныхъ и финансовыхъ знаменитостей.

Конституцію Лудовика-Филлипа смѣнила въ 1848 году республиканская. Эта конституція (4-го ноября 1848 года), не представляетъ также никакихъ новыхъ политическихъ началъ. Она составлена изъ смѣшенія конституцій 1791 и 1793 годовъ съ наполеоновскими: 1) Всеобщая подача голосовъ при выборахъ въ депутаты (suffrage universel) — начало 1793 года, 2) законодательная власть принадлежитъ только законодательному собранію, исполнительная власть можетъ только на время задержать провозглашеніе закона (начало 1791 года), 3) ревизія конституціи происходитъ непремѣнно каждые десять лѣтъ особымъ собраніемъ—и пмъ утверждается конституція, (а не народомъ),—а до этого срока можетъ быть ревизована конституція по желанію двухъ третей голосовъ законодательнаго собранія; собраніе для ревизіи состоитъ изъ 1,000, а законодательное изъ 750 голосовъ (начало 1791 года), 4) исполнительная власть поручается одному лицу—президенту республики,—избираемому на четыре года всѣмъ народомъ: начало консульской конституціи,—а потому и конецъ былъ тотъ же. Администрація осталась безъ переменъ, т. е., въ томъ же подчиненіи исполнительной, съ тою же централизаціей; функціи исполнительной власти почти тѣ-же, что и при Наполеонѣ,—но только она поставлена въ нѣкоторомъ подчиненіи законодательной.

2-го декабря 1851 года разыгралось дѣйствіе, прологъ котораго сочиненъ былъ самой конституціей 1848 года: президентъ республики, Лудовикъ Бонапартъ, взбунтовался вмѣстѣ съ арміей и администраціей противъ законной власти; законная власть была безъ всякихъ матеріальныхъ средствъ, потому что всѣ они были отданы въ распоряженіе исполнительной, и должна была уступить силѣ *). Вто-

*) Конституція предвидѣла возможность государственнаго переворота со стороны президента, и въ предупрежденіе постановила слѣдующую статью (68-ю): «Всякая мѣра, которою президентъ республики распускаетъ собраніе, или дѣлаетъ препятствіе къ отправленію его обязанностей, есть государственная измѣна. По одному этому факту президентъ считается низложеннымъ; граждане обязаны не повиноваться ему; члены верховнаго суда обязаны немедленно собраться, подъ страхомъ уголовного наказанія, созвать присяжныхъ для суда надъ президентомъ». Это постановленіе очень

рая имперія была провозглашена, и принята почти единогласно французскимъ народомъ, — изъ семи миллионъ голосовъ—шесть съ половиною были за, и только полмилліона противъ.

IV.

Въ два приема совершилъ Лудовикъ-Наполеонъ восстановление политической системы своего дяди. Въ первый разъ, конституціей 14-го января 1851 года — удержано было имя республики и онъ былъ объявленъ президентомъ на десять лѣтъ, — но содержаніе конституціи было вполне императорское, наполеоновское: исполнительная власть получила совершенный перевѣсъ надъ другими. Въ 1852 году, онъ провозглашенъ былъ наследственнымъ императоромъ, — конституція осталась прежняя съ неважными измѣненіями, — такъ хорошо она и при названіи республиканской принаровлена была къ имперіи.

Эта конституція есть полное воспроизведеніе конституціи Наполеона I, съ нѣкоторыми неважными измѣненіями, которыя заставляли ввести случайныя обстоятельства. Она не республиканская и не монархическая, а особеннаго рода — наполеоновская, т. е., заключаетъ въ себѣ начала республиканскія, лучше сказать чисто-демократическія, но только по формѣ, — и начала конституціонной монархіи, опять таки болѣе въ формѣ; а содержаніе ея: военный деспотизмъ, опирающійся на матеріальныя потребности массы.

Первая статья этой конституціи гласитъ: «Конституція признаетъ, подтверждаетъ и гарантируетъ великія начала, провозглашенныя въ 1789 году, которыя и остаются основаніемъ государственнаго права французовъ.»

На сколько справедливо это введеніе, покажетъ изложе-

мудрое, да только привести его въ исполненіе противъ преступника съ 500,000 войска было трудно. Впрочемъ, французскій судъ поддержалъ свою честь. Президентъ верховнаго суда, знаменитый Порталісъ, объявилъ Лудовика-Наполеона виновнымъ въ государственной измѣнѣ, и опредѣлилъ представить его подъ стражей въ судъ.

ніе конституціи. Всеобщая подача голосовъ, на томъ же основаніи какъ въ монтаньярской конституціи 1793 года, т. е., безъ всякаго различія между гражданномъ и избираемымъ, признана и въ этой конституціи, выраженіемъ воли народа, верховнымъ законодателемъ. Но народъ призывается выразить свою волю непосредственно только въ принятіи основанія конституціи и для утвержденія тѣхъ измѣненій въ ней, которыя правительство признаетъ нужнымъ ввести. Законодательное собраніе послѣдней республики ограничило право всеобщей подачи голосовъ (при выборѣ депутатовъ); это подало президенту поводъ выставить себя защитникомъ республики. 2-го декабря 1851 года, онъ отмѣнилъ это ограниченіе, и въ воззваніи къ народу потребовалъ предоставленія себѣ власти устроить конституцію на началахъ бывшихъ при Наполеонѣ I. Основанія эти были слѣдующія: 1) Отвѣтственный глава государства, избираемый на десять лѣтъ, 2) министры зависящіе только отъ него, 3) государственный совѣтъ составленный изъ людей самыхъ способныхъ, для приготовления законовъ, 4) законодательный корпусъ изъ депутатовъ, избираемыхъ всеобщей подачей голосовъ (suffrage universel)—вотпруетъ законы, 5) сенатъ, составленный изъ всѣхъ знаменитостей страны, охранитель конституціи и свободы. Въ 1852 году, какъ мы говорили, первое положеніе было измѣнено съ утвержденія народа: Лудовикъ-Бонапартъ, изъ президента на десять лѣтъ, провозглашенъ былъ императоромъ.

По этой конституціи президенту (или впоследствии императору) — предоставлена верховная власть: 1) вся исполнительная власть, администрація, армія — въ его управленіи, 2) онъ одинъ имѣетъ законодательную инициативу, 3) ему принадлежитъ санкція законовъ, т. е., законъ не прежде получаетъ силу, какъ будучи имъ утвержденъ, 4) министры зависятъ только отъ него; они отвѣтственны только каждый за свой департаментъ, между ними нѣтъ солидарности. Эта послѣдняя статья—очень важна. Въ парламентарныхъ государствахъ глава управляетъ чрезъ посредство министровъ; министерство составляетъ одно цѣлое, т. е., людей одной и той же политической партіи,—глава министерства—первый

министръ, есть настоящій правитель государства. Если парламентъ недоволенъ министерствомъ, т. е., если большинство голосовъ въ важномъ вопросѣ было противъ министерства, — тогда глава государства распускаетъ его и составляетъ новое, которое было бы въ гармоніи съ парламентомъ; или—если онъ и его министерство думаютъ, что большинство парламента не выражаетъ общественнаго мнѣнія, что оно напротивъ того за министерство, — тогда государь распускаетъ парламентъ и объявляетъ новые выборы, — и судьба министерства рѣшается новымъ парламентомъ. При этой системѣ не можетъ быть антагонизма между исполнительной и законодательной властью, — первая или уступаетъ второй, или призываетъ націю для спокойнаго рѣшенія спора. Такое правленіе — парламентарное, потому что парламентъ имѣетъ перевѣсъ надъ исполнительной властью, указываетъ ей путь слѣдованія, — было во Франціи въ полной силѣ съ 1830 года. Лудовикъ-Наполеонъ уничтожилъ званіе перваго министра, солидарность между министрами, другими словами: глава государства управляетъ, не заботясь о томъ, одобряетъ ли палата направленія его вѣншей и внутренней политики; министры—не болѣе, какъ секретари его и отвѣчаютъ не палатѣ, а ему одному.

Первымъ политическимъ корпусомъ поставленъ сенатъ. Онъ состоитъ изъ ста пятидесяти членовъ, безсмѣнныхъ и пожизненныхъ: всѣ они назначаются главою государства *). Онъ составленъ, какъ говоритъ конституція, изъ всѣхъ знаменитостей страны (*illustrations du pays*),—другими словами изъ самыхъ безусловныхъ приверженцевъ бонапартизма. Конечно, члены сената—безсмѣнны. Но безсмѣнность есть хорошая гарантія независимости, только въ такомъ случаѣ, когда люди способны быть независимыми по характеру и убѣжденіямъ. А если, какъ это во французскомъ сенатѣ, они составлены изъ людей, которыхъ все достоинство только въ

*) Впрочемъ есть нѣсколько лицъ, которыя суть члены сената по самому званію своему, — это: кардиналы, маршалы и адмиралы. Но производство въ маршалы и адмиралы зависитъ вполне отъ императора (да и въ кардиналы — почти такъ), слѣдовательно, нѣтъ ни одного члена не по назначенію императора.

приверженности къ бонапартизму, то безсмѣнность не можетъ дать независимости. Тѣмъ болѣе, что сенаторы получаютъ, неизвѣстно за какіе труды, большое жалованье; не поддерживать во всемъ правительства — значитъ потерять деньги, потому что сенатъ можетъ существовать только при этомъ правительствѣ, другое не оставитъ его *). Не даромъ сенатъ первой имперіи прозванъ былъ охранителемъ — своихъ окладовъ (*senat-conservateur* его легальное имя). Нынѣшній сенатъ достойно поддерживаетъ репутацію перваго.

Законы, предложенные правительствомъ, и одобренные законодательнымъ корпусомъ, представляются на разсмотрѣніе сената, который можетъ воспротивиться ихъ обнародованію, — но только въ слѣдующихъ случаяхъ, исчисленныхъ въ 26-й ст. конституціи: 1) Если законы будутъ противны конституціи, религіи (какой?), нравственности (!), свободѣ вѣроисповѣданія, личной свободѣ, равенству гражданъ предъ закономъ, неприкосновенности частной собственности, и безсмѣнности судебного сословія; 2) если они могутъ затруднять защиту территоріи. Болѣе неопредѣленныхъ постановленій трудно найти: и религія, и мораль, и защита территоріи **)! Званіе защитника конституціи даетъ сенату (29 ст.) право: уничтожать акты, о которыхъ сообщить прави-

*) Загѣтимъ, что перы июльской монархіи не получали жалованья, что давало имъ нѣкоторую независимость отъ правительства.

**) Въ этомъ отношеніи устройство сената первой имперіи было гораздо роскошнѣе. При немъ состояли двѣ постоянныя комиссіи, каждая изъ семи сенаторовъ, одна — *commission sénatoriale de la liberté individuelle* (комиссія защиты личной свободы), другая — *commission sénatoriale de la liberté de la presse* (комиссія свободы книгопечатанія). Эти комиссіи обязаны были строго на строго наблюдать, чтобы личная свобода и свобода книгопечатанія не были нарушаемы, и виновныхъ въ этомъ нарушеніи предавать верховному суду. Любопытно, что втеченіе десяти лѣтъ царствованія Наполеона I не оказалось ни одного виновнаго, между тѣмъ какъ ни свободы книгопечатанія, ни личной не существовало вовсе. Напримѣръ, ресторрація застала нѣсколько сотъ человѣкъ, гнившихъ въ тюрьмахъ, куда засадили ихъ правительство только потому, что ихъ политическія мнѣнія были не сходны съ его видами, — и все это безъ суда и слѣдствія. То же самое, хотя въ меньшей степени, существуетъ и теперь. Сенатъ единогласно утвердилъ законъ 1858 года, по которому правительство получило право хватать и пересылать куда угодно людей, противъ которыхъ нѣтъ никакихъ законныхъ доказательствъ, но которыхъ она считаетъ вредными.

тельство, или граждане въ прошеніяхъ, — что они противны конституціи. Одному сенату предоставлено: издавать конституціи для Алжиріи и колоній *), посвящать конституцію, принимать мѣры къ успѣшному ходу ея; но, конечно, всё постановленія сената по этимъ предметамъ (*senatus-consulte*) не прежде получаютъ законную силу, какъ по утвержденіи ихъ императоромъ. Сенатъ можетъ также представлять императору объ измѣненіяхъ въ конституціи, и предоставлять въ общихъ чертахъ проекты важныхъ и полезныхъ законовъ. Если императоръ согласится съ представленіемъ сената, тогда онъ составляетъ *senatus-consulte* (сенатское постановленіе) **) и представляетъ его на утвержденіе императору. Но существенное измѣненіе въ конституціи должно быть произведено съ согласія всего народа ***). Если императоръ распуститъ законодательный корпусъ, то до созванія новаго, всё мѣры необходимыя для хода дѣлъ, издаются сенатомъ по предложенію правительства.

Палата выборныхъ носитъ названіе законодательнаго корпуса (*corps législatif*). Депутаты избираются всеобщей подачей голосовъ, — что для нынѣшняго правительства, при его страшной снѣ, выгоднѣе, нежели избирательныя коллегии. Оно выставляетъ своего кандидата, администрація поддерживаетъ его всѣми силами, на массу она имѣетъ огромное вліяніе, — обмануть и запугать массу крестьянъ легче, нежели нѣсколько сотъ людей достаточныхъ, каковы были прежніе члены избирательныхъ коллегій. При всемъ томъ законо-

*) Колоніи по конституціи 1848 года (также какъ и по конституціямъ 1791 и 1793 годовъ) посылали депутатовъ въ законодательное собраніе наравнѣ съ гражданами метрополи. Конституція 1851 года лишила ихъ этого права и дала имъ особое управленіе.

**) Замѣтимъ, что не всё опредѣленія сената носятъ римское названіе *senatus-consulte* — а только нѣкоторые, именно только тѣ, которыми опредѣляется конституція колоній, истолкованіе конституціи, измѣненія въ ней.

***) Поэтому провозглашеніе президента императоромъ было передано на всеобщую баллотировку народа. За оказалось 7,500,000 голосовъ, противъ 500,000. Въ сенатѣ это предложеніе принято единогласно, за исключеніемъ одного голоса. Любопытно, что и всё другія важныя мѣры правительства встрѣчаютъ также оппозицію этого таинственнаго одного голоса. Нѣтъ сомнѣнія, что если имперія падеть, то всё сто пятьдесятъ сенаторовъ будутъ громко присвоивать себѣ этотъ голосъ.

дательному корпусу даны самыя ограниченныя права. Онъ не имѣетъ законодательной инициативы, которая принадлежитъ только исполнительной власти, слѣдовательно онъ можетъ подавать голосъ только о тѣхъ законахъ, которые считаетъ нужными правительство, — и какъ бы страна ни нуждалась въ какомъ-либо новомъ законѣ, депутаты народа не могутъ и заикнуться объ немъ *). Мало того. Законодательный корпусъ не имѣетъ права измѣнять и дополнять проектъ правительства, — а долженъ вотировать такъ, какъ ему представлено **). Наконецъ, и самое главное, это форма по которой вотируется бюджетъ. Утверженіе смѣты приходовъ и расходовъ есть важнѣйшее право представительныхъ собраній. Если оно обезпечено вполне за ними, то правительство всегда дѣйствуетъ такъ, какъ того требуютъ интересы страны: всякое учрежденіе требуетъ денегъ, дажѣ усиленіе арміи, война требуетъ новыхъ и чрезмѣрныхъ расходовъ. Палата, отказавши, напримѣръ, правительству въ выдачѣ денегъ, нужныхъ для веденія войны, дѣлаетъ безплоднымъ его право объявлять войну: безъ денегъ нельзя воевать; или, правительство захочетъ, напримѣръ, усилить полицію, — палата не даетъ на это денегъ, и правительство отказывается отъ своего проекта. Словомъ, имѣя въ рукахъ бюджетъ, палата держитъ всю вышнюю и внутреннюю по-

*) Слабая тѣнь законодательной инициативы предоставлена сенату, какъ объ этомъ было упомянуто. Законодательный корпусъ не имѣетъ права принимать прошенія гражданъ о какой-либо общественной надобности, — прошенія должны быть подаваемы въ сенатъ. Этимъ законодательный корпусъ лишается органической постоянной связи съ народомъ, котораго между тѣмъ онъ есть представитель.

***) При представленіи закона наблюдается слѣдующій порядокъ. Законодательный корпусъ назначаетъ комиссію для предварительнаго разсмотрѣнія; правительство съ своей стороны посылаетъ нѣсколькихъ членовъ государственнаго совѣта для объясненія и поддержанія своего проекта предъ комиссіей и законодательнымъ корпусомъ. Если комиссія найдетъ, что надобно сдѣлать измѣненіе (amendment), то проектъ этого амендмента доставляется государственному совѣту, который или соглашается на него, или нѣтъ. Въ послѣднемъ случаѣ проектъ представляется на вотированіе законодательному корпусу такъ, какъ онъ вышелъ изъ редакціи государственнаго совѣта. Законодательный корпусъ не можетъ и предлагать государственному совѣту сдѣлать какія либо измѣненія, а долженъ вотировать проектъ поспартански, — принять или отвергнуть.

лтику въ своей власти. Нынѣшнее правительство распорядилось относительно этого вопроса чрезвычайно ловко: по видимому утверждение бюджета предоставлено законодательному корпусу, — а на дѣлѣ онъ здѣсь почти ничего не можетъ сдѣлать.

Вотъ какъ это устроено. 39 статья конституціи говорить, что законодательный корпусъ вотируетъ налоги, — очень кратко, — а 12 статья дополненія къ конституціи *), развиваетъ это положеніе слѣдующимъ образомъ: «Смѣта расходовъ представляется законодательному корпусу съ раздѣленіемъ по главамъ и статьямъ; она *вотируется по министерствамъ*». Этимъ замѣчаніемъ отнята у палаты почти вся власть въ утвержденіи расходовъ. Она должна утверждать или отказывать въ смѣтѣ расходовъ на цѣлое министерство. Но послѣднее почти невозможно. Напримѣръ, правительство задумало чрезвычайное усиленіе арміи, и палатѣ представляется, что положено держать столько-то пѣхоты, кавалеріи, артиллеріи, такія-то крѣпости привести въ оборонительное положеніе, столько-то новыхъ кораблей построить и проч. и проч., и на каждую статью столько-то милліоновъ, и въ суммѣ столько-то. Но палата не желаетъ войны, — она находитъ, что для защиты Франціи эти силы слишкомъ велики, — что же ей слѣдовало бы сдѣлать? Ей бы слѣдовало дать правительству столько денегъ, сколько нужно, напримѣръ, на триста, а не на пятьсотъ тысячъ войска, не дать вовсе на вооруженіе новыхъ кораблей и проч. А между тѣмъ конституція не даетъ ей права разсуждать по частямъ, — палата можетъ или согласиться отпустить на военное министерство требуемую сумму, или вовсе отказать. Но какъ же можно вовсе отказать? Вѣдь это значить, — чтобы Франція не держала ни одного солдата, — распустила армію и флотъ, обезоружила крѣпости... Итакъ палата поставлена въ дилемму: или принять бюджетъ, или сказать чудовищную пелѣность. Но, положимъ, ея нерасположеніе къ правительству, дѣйствующему вопреки интересовъ

*) Это дополненіе конституціи, составленное послѣ провозглашенія Людовика-Наполеона императоромъ сенатскимъ постановленіемъ — *senatus-consulte*, 25-го декабря 1852 года.

нація, дойдетъ до того, что она рѣшится на послѣднее. И это предусмотрено. Правительство имѣетъ право распустить палату, и созвать новую втеченіе шести мѣсяцевъ, — а до этого времени оно имѣетъ право одно, съ согласія сената, (слѣдовательно все тоже одно) принимать всякія мѣры, необходимыя для хода государственныхъ дѣлъ, — слѣдовательно оно объявитъ такой налогъ, какой ему нуженъ, — черезъ полгода будетъ новая палата, — если и она заупрямится и съ ней будетъ поступлено такъ же, и т. д. И при всемъ этомъ правительство право: нельзя же странѣ, какъ Франція, остаться безъ войска, или безъ судовъ (если бюджетъ министерства юстиціи не будетъ принятъ), — оно, пожалуй, даже можетъ объявить членовъ палаты измѣнниками отечеству, которые желаютъ предать его въ руки враговъ, и глава государства, пользуясь правомъ даннымъ ему конституціей, «можетъ сдѣлать прямое возваніе къ народу, и по примѣру своихъ прежнихъ воззваній, поставитъ вопросъ, напримѣръ, такимъ образомъ: «Желаетъ ли Франція быть безоружной, не имѣть ни одного солдата, и быть покоренной англичанами и австріяцами?» и объяснить, что отрицательный отвѣтъ означаетъ, что Франція предоставляетъ императору принять всѣ мѣры для предупрежденія такого печальнаго событія. Разумѣется, что нація единогласно на все согласится, иначе и быть не можетъ *). Все сказанное нами не есть одно голое предположеніе: чѣмъ разнится отъ этого воззваніе къ народу 2-го декабря 1851 года?

Если проектъ закона одобренъ законодательнымъ корпу-

*) Право дѣлать воззваніе или аппелляцію къ народу (*appel au peuple*), принадлежитъ одному императору. Это страшное оружіе выработано крайнею демократическою партіею, которая, конечно, никакъ не ожидала того, кто и для чего имъ воспользуется. Та же статья конституціи, по которой дается президенту (виослѣдствіи императору) это право, вмѣстѣ съ тѣмъ говоритъ, что онъ отвѣтственъ передъ народомъ: *Le président de la république est responsable devant le peuple français, auquel il a toujours le droit de faire appel* (ст. 5). Начало отвѣтственно поставлено однимъ изъ основаній конституціи въ воззваніи 2-го декабря 1851 года. Но какимъ образомъ народъ можетъ призвать главу исполнительной власти къ отвѣту, за что, и какія послѣдствія повлечетъ виновность, объ этомъ гробовое молчаніе въ конституціи. Словомъ, это одно изъ литературныхъ украшеній, которыми изобилуютъ французскія конституціи.

сомъ, то онъ вносится въ сенатъ, который можетъ выразить сопротивление обращенію его въ законъ, если онъ противенъ конституціи, нравственности, религіи и проч. Затѣмъ санкція принадлежитъ императору: онъ утверждаетъ и обнародываетъ его. Впрочемъ право санкціи излишняя роскошь при нынѣшней конституціи, — потому что палата не можетъ утвердить никакого проекта, кромѣ того, который представить правительство.

Члены законодательнаго корпуса избираются всеобщей подачей голосовъ, — на шесть лѣтъ. Замѣтимъ, что этотъ срокъ такой длинный, какого нѣтъ въ другихъ парламентахъ. Это также не безъ значенія: чѣмъ продолжительнѣе срокъ, тѣмъ труднѣе депутату быть выразителемъ потребностей и желаній страны. Напримѣръ, такое ли было состояніе умовъ, тѣ ли желанія были во Франціи въ 1851 и 1857 году? При слишкомъ длинномъ срокѣ палата теряетъ свое значеніе — представителя нуждъ и желаній націи, — и напротивъ того мало-по-малу привыкаетъ къ требованіямъ и духу правительства. Впрочемъ, депутаты и по конституціи поставлены только, какъ совѣтники нынѣшняго правительства. По 14 статьѣ они (точно также, какъ всѣ чиновники, военные, сенаторы) обязаны давать слѣдующую присягу: «Я клянусь въ повиновеніи конституціи и въ вѣрности императору». Эта статья стоитъ въ совершенномъ противорѣчій съ началомъ народнаго суверенитета, провозглашеннымъ нынѣшней конституціей. Народъ признанъ верховнымъ законодателемъ, утверждающимъ конституціи, — а его представители не могутъ отпирать своихъ обязанностей, пока не поклянутся въ вѣрности нынѣшнему правительству и конституціи: а если верховный господаицъ послалъ ихъ именно съ тѣмъ, что не желаетъ нынѣшней конституціи? *) Впослѣдствіи, эта статья

*) Народъ былъ призванъ принять конституцію, — это начало чистой демократіи; но другое начало, естественно вытекающее изъ этого и записанное въ конституцію 1793 года, что народъ можетъ и измѣнить ее, когда захочетъ, вовсе не признано нынѣшней конституціей. Измѣнія могутъ предлагать сенатъ, — съ непремѣннымъ условіемъ согласія императора. Слѣдовательно конституція можетъ быть измѣнена только тогда, и въ тѣхъ параграфахъ, когда и на которые захочетъ исполнительная власть.

была еще болѣе разширена: когда нѣсколько депутатовъ-республиканцевъ отказалось дать присягу, противную ихъ совѣсти и совѣсти тѣхъ, кто ихъ избралъ, — то правительство во избѣжаніе такихъ, какъ оно выразилось, *скандаловъ*, обязало давать присягу кандидатовъ, желающихъ балотироваться въ депутаты, — безъ этой присяги ихъ нельзя избрать. Въ такіе-то размѣры поставлено народное полновластіе правительствомъ, которое безпрестанно говоритъ, что оно есть чисто демократическое. При этомъ условіи ни одинъ искренній приверженецъ республики или монархін (орлеанисты и легитимисты) не можетъ быть депутатомъ.

Число депутатовъ сравнительно не велико, около двухъ сотъ пятидесяти, — именно одинъ депутатъ съ 35,000 избирателей или со 150,000 населенія, слѣдовательно втрое меньше нежели по конституціи 1791 и 1848 года, — и (сравнительно къ населенію) втрое меньше, чѣмъ въ Англіи, вчетверо меньше, чѣмъ въ Сѣверо-Американскихъ Штатахъ. Причина, почему нынѣшнее правительство ограничило число депутатовъ понятна: когда число депутатовъ сравнительно не велико, то различныя отгѣнки партій не могутъ быть въ немъ достаточно представлены, и такимъ собраніемъ гораздо легче управлять *).

Законодательный корпусъ обыкновенно засѣдаетъ втеченіе трехъ мѣсяцевъ въ году, — правительство можетъ prolongить и сократить этотъ срокъ. Депутаты получаютъ по 2500 франковъ жалованья за каждый мѣсяць засѣданія **).

*) Нынѣшній императоръ французовъ сказалъ, что большое число членовъ законодательной палаты помѣха для спокойнаго обсужденія дѣлъ. Это напоминаетъ отвѣтъ Таллера на при дебатахъ объ учрежденіи конституціи въ 1799 году. Когда было сдѣлано предложеніе, чтобъ исполнительная власть вручена была комиссіи, въ которой бы генераль Бонапартъ былъ простымъ членомъ, Таллеранъ сказалъ: «Генераль не любитъ большаго общества, онъ предпочитаетъ уединеніе».

**) Сенаторы получаютъ по 30,000 франковъ въ годъ; члены государственнаго совѣта по 25,000 франковъ. Президенты законодательнаго корпуса и сенаты получаютъ сверхъ того еще особые оклады. Президенты и вице-президенты законодательнаго корпуса и сената назначаются императоромъ ежегодно изъ членовъ этихъ собраній. Содержаніе императора называется сенатомъ при началѣ царствованія и притомъ остается неизмѣннымъ во все продолженіе царствованія. Наполеонъ III получаетъ тридцать

Изъ обзорѣнія устройства законодательнаго корпуса видно ясно, что и палата выборныхъ не можетъ имѣть никакого существеннаго вліянія на политику правительства; оппозиція династическая — невозможна, — потому что нельзя попасть въ члены иначе, какъ присягнувши въ вѣрности династїи, — оппозиція парламентарная также невозможна, и во всякомъ случаѣ не можетъ остановить правительства.

Третій государственный корпусъ — государственный совѣтъ. Члены его назначаются и увольняются императоромъ *), слѣдовательно по составу онъ вовсе не есть государственное учрежденіе, имѣющее хотя какую-нибудь независимость въ безсмѣнности или въ выборномъ происхожденіи; значенія политическаго онъ также не имѣетъ, — это не болѣе какъ высшее административное мѣсто, и вмѣстѣ съ тѣмъ онъ заключаетъ тѣ функціи, которыя у насъ имѣетъ второе отдѣленіе собственной Его Величества канцеляріи.

Государственный совѣтъ въ этомъ видѣ учрежденъ во Франціи Наполеономъ I: онъ получилъ тогда двойное значеніе 1) высшаго административнаго суда, 2) комитета для приготовленія проектовъ законовъ (законодательная инициатива перешла вся въ руки правительства). По образцу французскаго, учрежденъ былъ императоромъ Александромъ I и нашъ государственный совѣтъ, конечно съ большими различіями, — вслѣдствіе различія политическихъ учреждений. То же самое значеніе онъ имѣетъ и теперь. Поэтому мы рассмотримъ его въ слѣдующей главѣ — гдѣ будемъ говорить объ администраціи.

Кромѣ названныхъ учреждений, есть еще верховный совѣтъ установленный въ 1858 году. Онъ долженъ управлять

милліоновъ франковъ въ годъ и пользуется коронными имуществами (дворцами, парками и проч.).

*) Впрочемъ, въ этомъ порядкѣ лежитъ и сравнительная слабость нынѣшняго правительства. Взявши на себя все, оно не иначе можетъ жить, какъ при единогласіи законодательнаго корпуса и сената, — самая слабая оппозиція, которая не помѣшаетъ несколько свободному парламентарному правительству, есть для него гибель, — оно должно быть непогрѣшимо, — иначе весь престижъ его пропадетъ.

государствомъ въ случаѣ малолѣтства будущаго императора, и кромѣ того собирается нынѣшнимъ императоромъ, какъ частный совѣтъ, для разсужденія о великихъ государственныхъ дѣлахъ. Совѣтъ этотъ состоитъ изъ принцевъ императорскаго дома (Жерома и его сына Наполеона), Фульда (государственный министр), Морло (парижскій архіепископъ), Персињи, маршала Пелисье, Бароша (президентъ государственнаго совѣта), Тролона (президентъ кассационнаго суда и сената), Морни (президентъ законодательнаго корпуса).

Нынѣшняя французская конституція есть сколокъ, какъ мы сказали, началъ демократическихъ и монархическихъ, — но извращенныхъ и направленныхъ только къ одной цѣли: къ полному господству военнаго деспотизма. Если въ ней и признаны нѣкоторые изъ великихъ началъ 1789 года: суверенитетъ народа, равенство, раздѣленіе властей (впрочемъ далеко не полное), — то нѣтъ главнаго, начала свободы. Этимъ бонапартистское правительство отличается рѣзко отъ монархическо-парламентарной и отъ республиканской партіи, потому что не только умѣренные, но и крайніе республиканцы, столько же любили свободу, какъ и равенство, — хотя послѣдніе въ своей политикѣ прибѣгали къ мѣрамъ и учрежденіямъ совершенно противнымъ началу разумной свободы, — они говорили, что это временныя мѣры... Нынѣшнее правительство Франціи также объявляетъ, что оно впоследствии введетъ свободу самую широкую, но пока, на время, оно ставитъ его на второй планъ. «Надобно прежде устроить зданіе, сказалъ нынѣшній императоръ. Свобода ничего прочнаго не создала, — она должна только увѣнчать зданіе». Эти слова не новы, тоже самое говорилъ и Робеспьеръ. Можетъ быть они и искренни, — да только свобода не такое существо, которое является по свистку, когда угодно будетъ исполнительной власти. Если ее изгоняютъ изъ политическихъ и общественныхъ учреждений, — то народъ въ нѣсколько лѣтъ развращается, — и потомъ долго дѣлается неспособнымъ къ ней, — а иногда и вовсе теряетъ эту способность. Внутреннее состояніе французскаго общества покрыто густымъ туманомъ. Извѣстно только, что вся аристократія ума и таланта въ отчужденіи отъ нынѣш-

вяго правительства; въ массѣ идетъ громадное социальное движеніе. Конституція 1851 года была только договоромъ съ необходимостью: средній классъ, запуганный социалистами и красными, народъ потерявшій довѣріе къ враждебному для него національному собранію и опасавшійся возстаповленія монархіи, о чемъ ясно говорило большинство собранія, избрали бонапартизмъ, какъ единственный прочный якорь для отдыха. Партія бонапартистовъ сравнительно не велика. Наполеонъ III сказалъ, что конституція его дяди пала не вслѣдствіе внутренней несостоятельности и сопротивленія народа, а отъ внѣшней военной силы, — нашествія Европы. Это во-первыхъ не со всѣмъ точно: конституція Наполеона I была измѣнена имъ самимъ во время ста дней, вслѣдствіе громкаго требованія націи, — и во-вторыхъ слѣдуетъ прибавить, что какъ конституція первой, такъ и нынѣшней имперіи можетъ существовать только при посредствѣ военной силы и безпрестанныхъ внѣшнихъ войнъ.

А. ЛОХВИЦКІЙ.

Т Е Т У Ш К А .

КОМЕДИЯ.

ЛИЦА.

Агабя Петровна Сигаева, вдова, помѣщица пятисотъ незаложенныхъ душъ, благопріобрѣтенныхъ на ея имя покойнымъ мужемъ. Семидесяти двухъ лѣтъ. У нея постоянный кашель и одышка; почти послѣ каждаго слова она останавливается и переводитъ духъ.

Антонъ Антонычъ Кучкинъ, очень дальній рѣдственникъ Агабя Петровны, что называется — седьмая вода на киселѣ; небогатый человекъ. Сорокъ трехъ лѣтъ. Живетъ у нея въ домѣ и величаетъ ее «тетушкой».

Карлъ Крестьянычъ Клепперъ, докторъ. Лѣтъ подь пятьдесятъ. Ходитъ переваливаясь съ ноги на ногу; говоритъ мало и съ трудомъ, а больше пожимаетъ губами и киваетъ головой. Почти идиотъ.

Мавра Савишна Шлехина, дальняя родственница Агабя Петровны. Лѣтъ пятидесяти. Съ грубыми манерами; говоритъ на распѣвъ.

Вавочка, дочь ея, девятнадцати лѣтъ; затапнутая въ рюмочку барышня, съ ужимками и претензіями. Безпрестанно щуритъ глаза.

Сережа Прыщинъ, родной племянникъ Агабя Петровны, прямой ея наследникъ; двадцати пяти лѣтъ. Франтъ дурнаго тона.

Лука Ильичъ, дальняя родня Агабя Петровны, чиновникъ. Лѣтъ сорока съ хвостикомъ. Малый безцеремонный; говоритъ грубо и отрывисто.

Бялобрысовъ, не то родня, не то просто знакомый Сигаевой; лѣтъ тридцати пяти, съ усами. Безпрестанно повертываетъ головой, словно что обнюхиваетъ. Картавить.

Митрофанъ Іонычъ Краснопѣвцевъ, профессоръ семинаріи. Среднихъ лѣтъ. Съ робкими манерами и вкрадчивымъ голоскомъ.

Педагога, горничная Агабя Петровны; лѣтъ двадцати трехъ.

Лакей Сигаевой.

Дѣйствіе происходитъ въ губернскомъ городѣ, въ домѣ Агабя Петровны.

(Небольшая гостиная. Съ обѣихъ сторонъ по двери. Въ глубинѣ диванъ; надъ нимъ портретъ какого-то почтеннаго лица; на диванѣ большая подушка. Передъ нимъ круглый столъ, а по бокамъ съ полдюжины кресель. Въ углу этажерка со множествомъ аптечныхъ склянокъ. У стѣны нѣсколько стульевъ. Мебель небогатая, старомодная.)

ЯВЛЕНИЕ I.

АГАФЬЯ ПЕТРОВНА *(въ бѣломъ кисейномъ чепцѣ съ широкой оборкой и въ черномъ атласномъ капотѣ на ватѣ, съ огромнымъ бисернымъ ридикюлемъ въ рукахъ, входитъ въ дверь слева).* — Господи! Господи Богъ мой! *(Вздыхаетъ.)* Охъ! не сподобилась, многогрѣшная; не сподобилась.... *(Кашляетъ.)* Кхъ... кхъ... Пала... кхъ... Палашка!... кхъ... кхъ... охъ! охъ! не доклянчешь ее, каналью. *(Подходитъ къ столу, беретъ съ него колокольчикъ и звонитъ)*

ЯВЛЕНИЕ II.

ТА ЖЕ и Кучкинъ *(коротко выстриженный и гладко причесанный, въ коричневомъ фракѣ, застегнутомъ на всю пуговицы, вбѣгаетъ въ дверь справа).*

Кучкинъ. — Вы кликали-съ, тетушка?

АГАФЬЯ ПЕТРОВНА. — Ахъ, Антоша! другъ мой! ты дома?

Кучкинъ *(подобострастно).* — Только-что отъ обѣдни возвратился, тетушка. У Егорья былъ-съ. Думалъ, васъ еще вѣтъ-съ; присѣлъ-было толковную псалтырь почитать-съ. — Да вамъ что угодно, тетушка?

АГАФЬЯ ПЕТРОВНА. — Да вотъ Палашку пужно мнѣ... закашлялась я... *(Берется за грудь.)* Охъ! анаемскій цардець!... никогда ихъ сразу, мошенниковъ, не дозовешься, *(Звонитъ опять.)*

Кучкинъ *(порывался идти).* — Я за ней сейчасъ сбѣгаю, тетушка.

Агаеья Петровна. — Не надо, мой другъ; не трудись. Слышишь, идетъ... экъ, шельма!... словно медвѣдь валить!

ЯВЛЕНИЕ III.

Тъ же и Пелагея.

Пелагея. — Чего изволите?

Агаеья Петровна. — Ногами-то не ботай! гдѣ ты вѣчно, тварь?... кхъ... кхъ... звонишь... кхъ... звонишь; хотъ бы одна каналья отозвалась. И что только вы дѣлаете, проклятые? скоро, мнѣ кажется, придется и полы-то самой мыть. Откуда этакое барство у васъ взялось?... Самой мнѣ, что ли, за вами на кухню бѣгать? это ты мнѣ скажи! — Ну, чтожь ты стоишь? что стоишь-то, рожа? что тебѣ сказано?

Пелагея. — Ничего мнѣ не сказано.

Агаеья Петровна. — Какъ? что? ахъ! ахъ! ты грубить? грубить?... Антоша, другъ!

Кучкинъ. — Что прикажете, тетушка?

Агаеья Петровна (*Пелагея*). — Сказано тебѣ, капли... капли подай!... кхъ... кхъ... (*Пелагея подаетъ капм.*) Только и знаешь, мерзавка, что на улицу глазѣть да шоболы бить на кухнѣ. Коса-то у тебя, у твари, давно подросла. — Антоша! вели, батюшка, Ѳедькѣ, чтобы косу ей, подлой, сегодня же обстригъ. — Ну, дай, что ли, капли-то сюда! — Господи благослови! (*Принимаетъ капм.*) Да посмотри пожалуйста, другъ Антоша! опять никакъ платье ей спереди коротко? (*Пелагея.*) Опять, подлая, амурь у тебя съ поворамъ? а! — Пошла съ глазъ моихъ долой, противная тварь!

Пелагея (*про себя*). — Уйдемъ. (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНИЕ IV.

Тъ же безъ Пелагеи.

Агаеья Петровна. — Ну, скажи ты мнѣ на милость, Антоша, какъ тутъ не согрѣшишь съ этимъ народомъ?... Господи! что это за наказаніе! на каждое-то слово грубость у нихъ готова. Вѣдь вонъ, пошла изъ комнаты — сама ворчитъ себѣ подъ носъ. Такъ бы ее, тварь, и разразила на мѣстѣ.

Кучкинъ. — Преподлѣйшій народъ-сь. Ни малѣйшаго уваженія къ господамъ неимѣютъ; никакого понятія, сколько имъ милости оказывается.

Агаѣя Петровна. — Въ гробъ они меня—въ гробъ, рѣшительно въ гробъ сведутъ. Охъ! охъ! (*Садится на диванъ.*) Антоша другъ!

Кучкинъ (*хватается за скамейку*). — Скамеечку вамъ, тетушка?

Агаѣя Петровна. — Нѣтъ; я-было не то, мой другъ...

Кучкинъ (*подставляет ей подъ ноги скамейку*). — Вотъ-сь.

Агаѣя Петровна. — Благодарю, голубчикъ. Вотъ такъ... поближе немного, поближе подвинь.

Кучкинъ (*подвешая скамейку*). — Хорошо-сь, тетушка?

Агаѣя Петровна. — Теперь хорошо, Антоша; спасибо, мой другъ. — А я тебя, Антоша, просить хотѣла.

Кучкинъ. — Ахъ! что вы, тетушка! какъ это вы такъ говорите? просить!... Да вы прикажите мнѣ, тетушка!... исполнить малѣйшее желаніе ваше—да развѣ это не первое для меня удовольствіе въ жизни? — Что такое-сь? что вы хотѣли мнѣ приказать?

Агаѣя Петровна. — Съѣздишь бы ты, голубчикъ, къ Иванъ Яковличу сегодня отъ моего лица — съ праздникомъ бы его поздравилъ. Какъ съѣздишь ты къ нему, да привезешь отъ него поклонъ, такъ словно легче мнѣ станетъ сейчасъ. Этакого-то чистаго, непорочнаго житія чловѣкъ.

Кучкинъ. — Я и самъ, тетушка, намѣревался съѣздить сегодня... День этакой торжественный... Да и давно ужъ не былъ я у Иванъ Яковлича.

Агаѣя Петровна. — Ахъ, и прекрасно, мой другъ! и прекрасно!... Точно ты всегда мои желанія угадываешь. — Да что жъ ты не сядешь, мой другъ? усталъ, я думаю: стоялъ все утро; у Егорья служба идетъ долго...

Кучкинъ (*переминяясь*). — Ничего-сь, тетушка; мнѣ и такъ хорошо. Я и постою-сь.

Агаѣя Петровна. — Нѣтъ, ты сядь, Антоша; мнѣ съ тобой говорить легче будетъ, какъ ты сядешь. А то я

все голову кверху держу... только пуще кашель одолѣваетъ... кхъ... кхъ...

Кучкинъ (*садится на ближайшее кресло*). — Ахъ, виновать-сь, тетушка! простите меня! я и не зналъ, что вамъ тяжело-сь.

Агабья Петровна. — Ничего, ничего, мой другъ. — Такое-то мнѣ это огорченіе, что я и молебна-то достоять не могла... никакъ не могла!... слабость такая... кхъ... кхъ... кхъ... стульчикъ тутъ былъ, такъ на стульчикъ-то Мясникова, Марья Федоровна, сѣла... кхъ... кхъ...

Кучкинъ. — По вашимъ лѣтамъ, тетушка, и по слабому вашему здоровью Господь не взыщетъ. И помоложе васъ...

Агабья Петровна. — Охъ, про молодыхъ-то ужъ не говори!... Ужъ не ихъ ли мнѣ, по твоему, въ примѣръ брать?... Такъ это все нынче развратилось — такъ развратилось...

Кучкинъ (*тревожно*). — Вы меня простите, тетушка, ради-Бога простите!... я не то хотѣлъ сказать... Вы не такъ поняли мои слова...

Агабья Петровна (*успокоительно*). — Я вѣдь не въ упрекъ тебѣ, Антоша... а такъ — вообще... ты тоже вѣдь со мной спорить не станешь — развратилось нынче все... совсѣмъ точно другіе люди стали противу прежняго... этакой развратъ!... кхъ...

Кучкинъ. — Это точно-сь тетушка! (*Молчаніе*.)

Агабья Петровна. — Чтò это тамъ за книга, Антоша, на столѣ?

Кучкинъ. — А это я принесъ... «Духовное Млеко»-сь... давнишнее было мое желаніе... вслухъ вамъ почитать-сь. Только для васъ трудно бы не было, тетушка?

Агабья Петровна. — Ахъ, что ты? что ты, мой другъ? какъ это можно? трудно!... что ты?... Да это мнѣ — самъ ты знаешь, голубчикъ мой — первая радость... И то ужъ меня такъ радуешь, такъ радуешь — ты не повѣришь — что въ тебѣ усердіе этакое вижу. — Поди сюда, мой другъ!

Кучкинъ (*подходя, умильнымъ голосомъ*). — Тетушка!

Агао́ья Петро́вна. — Наклонись ко мнѣ! (*Кучкинъ наклоняется; она цалуетъ его въ лобъ.*) Другъ ты мой!

Кучкинъ. — Ручку — позвольте ручку, тетушка! (*Взасось цалуетъ у нея руку.*)

Агао́ья Петро́вна (*гладитъ его по голову*). — Ну, полно! полно!... сядь!

Кучкинъ (*выпрямившись*). — А я думаю, тетушка, не пора ли ужь мнѣ?

Агао́ья Петро́вна. — Ахъ, нѣтъ, ты бы погодилъ немного, мой другъ.

Кучкинъ. — Такъ я повременю, тетушка.

Агао́ья Петро́вна. — А и то я думаю, не лучше ли тебѣ, Антоша, передъ вечернями съѣздить? Теперь совсѣмъ мнѣ безъ тебя остаться нельзя. Опять вѣдь сегодня эта маята начнется... опять вся родня нагрянеть — съ праздникомъ поздравлять. И добро бы уваженіе какое въ нихъ было; а то такъ — и сами не знаютъ, зачѣмъ лѣзутъ... словно сговорились всѣ меня мучить... Охъ! ужъ какъ они меня мучать! охъ! какъ мучать своими визитами!

Кучкинъ. — Такъ не приказать ли отказывать, тетушка?

Агао́ья Петро́вна (*качая головой*). — Нѣтъ, Антоша, нѣтъ, нельзя, никакъ нельзя. Только попробуй не принять — и самъ потомъ не радъ будешь. Они тогда и не вѣсть чего наплетутъ и про меня и про тебя... Богъ ужъ съ ними!... И то ужъ поѣдомъ меня ѣдятъ, что по вечерамъ-то ихъ не принимаю... этой еще радости не доставало! Дай имъ только волю, да они бы, я думаю, и о грѣхахъ помолиться Господу Богу не дали.

Кучкинъ. — Это вы справедливо, тетушка... Народъ, точно, самый безотвязный.

Агао́ья Петро́вна. — Да, да, самый безотвязный... Такъ ужъ ты покамѣсть поспди со мной, Антоша... При тебѣ все мнѣ отрадиѣ; а то съ ними просто хоть ложись да умрай! — Такъ останешься ты?

Кучкинъ. — Вы сами знаете, тетушка... это моя единственная услада — быть съ вами, бесѣдовать...

Агао́ья Петро́вна. — А мнѣ кажется, Антоша, ты виду только не показываешь; а скучно тебѣ, мой другъ, со мной, старухой... ты человѣкъ еще молодой, бодрый!... какое тебѣ со мной развлеченіе?

Кучкинъ (*съ дрожаньемъ въ голосъ*). — Тетушка! помилуйте! что это вы говорить изволите? Да что можетъ для меня пріятнѣе быть? Взять одно то — когда съ вами сидишь, тетушка, время препровождается въ душе спасительныхъ разговорахъ... А въ людяхъ-то — примѣромъ, хоть у Ильи Лукпча, тетушка — вѣдь не то, что слово благочестивое услышать — иной разъ даже волосы дыбомъ, какъ начнутъ о святынѣ пересуживать.

Агао́ья Петро́вна. — Охъ, и не говори, мой другъ! и не говори!.. Помню тоже — бывало, какъ я еще выѣзжала въ люди — иное время, бывало, такіе сужекты услышишь, такіе сужекты, что и вспомнить-то потомъ — грѣхъ великій.

Кучкинъ. — Удивляюсь я этому, тетушка — слѣпотѣ этой, закосяѣнію... Для меня, могу сказать, просто это непонятное дѣло, тетушка, чтò такое человѣкъ, если ужъ религіи въ немъ нѣтъ.

Агао́ья Петро́вна. — Какой ужъ человѣкъ! и не человѣкъ, а звѣрь — животное безчувственное — извергъ рода человѣческаго — сосудъ...

Кучкинъ. — Какое-то отверженное-съ.... Ахъ, виновать, тетушка, что перебилъ васъ... виновать-съ.

Агао́ья Петро́вна. — Ничего; продолжай, мой другъ, продолжай! ты такъ пріятно говоришь. Я только тò хотѣла сказать, что человѣкъ этакой, не имѣющій ни вѣры, ни правилъ религіозныхъ, и не человѣкъ, а сосудъ дьявола, прости Господи!

Кучкинъ. — Это точно-съ, тетушка; именно сосудъ дьявола. — Мнѣ тò горько видѣть-съ, тетушка, какъ молодежь нынче отклоняется ото всего святаго — церкви чуждается. Вотъ, къ примѣру, хоть Сережа, тетушка — Сережа Прыщипъ... Отецъ былъ съ такимъ направленіемъ...

Агао́ья Петро́вна. — Да! на бесплодную землю семена его пали, на бесплодную. Ужъ точно, что такого че-

ловѣка богобоязненнаго, какъ покойникъ Сергѣй Силычъ, на рѣдкость встрѣтить — царство ему небесное! Посты всѣ соблюдаю, по середамъ, по пятницамъ скоромнаго въ ротъ не бралъ, въ церковь Божию ходилъ и не по однимъ праздникамъ. Бывало, всякой день, передъ тѣмъ, какъ въ палату идти, у Женъ Мирносицъ раннюю обѣдню отстоить. И чаю никогда до обѣденъ не пилъ. А ужъ постомъ, бывало, и вовсе чаю въ ротъ не беретъ... Только, чтобъ горло промочить, водицы горячей подать велить, да съ нзюмцемъ прихлебываетъ... Да и то — «грѣхъ бы, говорить, горяченькое-то, да ужъ какъ быть! слабъ, говорить, челоуѣкъ! безъ горяченькаго не могу». Святыхъ былъ правилъ челоуѣкъ! жаль, не пожилось сестрѣ моей съ нимъ, покойницѣ.

Кучкинъ. — Да-съ, тетушка, про него можно сказать, что въ полномъ словѣ былъ религіозъ.

Аглаоуя Петровна. — Истинно, истинно религіозъ. За то и счастья Богъ далъ. Поступилъ на службу совсѣмъ почти нищимъ. Какъ теперь помню — сапожишки продраные, кафтанчикъ нанковый, тоже старенькій... Ну, а потомъ — самъ знаешь...

Кучкинъ. — И не забывался въ счастье, тетушка! Это тоже великое дѣло!

Аглаоуя Петровна. — Ахъ! какъ можно! Бывало, каждый разъ послѣ рекрутскаго набора пожертвованіе какое-нибудь въ свой приходъ сдѣлаетъ.

Кучкинъ (*садится*). — Сережа совсѣмъ не по немъ пошелъ.

Аглаоуя Петровна. — А я думаю, все отчего, Антоша?.. Все отъ воспита... кхъ... кхъ... Охъ! опять кашель... Все отъ воспитанія... кхъ... Остался десяти лѣтъ на чужихъ рукахъ, безъ призора... Товарищество... кхъ... кхъ... кхъ...

Кучкинъ. — Это вы справедливо, тетушка... Товарищество много значитъ...

Аглаоуя Петровна. — И эти аниверситеты, Антоша!.. Это гибель для ребенка... что тамъ внушаютъ?.. кхъ... кхъ...

Кучкинъ. — Что это, какъ вы сегодня кашляете, тетушка?

Аглабя Петровна. — Охъ, и не говори!.. кхъ... кхъ... Просто бѣда... кхъ... кхъ... Задыхаюсь совсѣмъ.

Кучкинъ (*вынимаетъ изъ кармана сверточекъ*). — Возьмите вотъ леденчикъ, тетушка! Это помогаетъ-сь.

Аглабя Петровна (*беретъ леденецъ*). — Охъ! ужъ ед-ва лп.... кхъ.... кхъ.... едва ли чтó-либо, другъ мой, поможетъ.

Кучкинъ. — Чтó это вы, тетушка? Сохрани Господи!

Аглабя Петровна (*съ леденцомъ во рту*). — Охъ! вѣдь живи, живи, а умереть надо-жъ. Пора и моимъ грѣшнымъ костямъ на покой! О-охъ! Мати царица небесная!

Кучкинъ. — Полноте, тетушка! Къ чему мысли такія непріятныя питать?

Аглабя Петровна (*меланхолически*). — Памятуй четыре послѣднія — смерть... кхъ... судъ — адъ... кхъ... кхъ... царство небесное!

Кучкинъ. — Оно, разумѣется, тетушка — по писанію священному — оно такъ-сь... Но по человѣчеству-то — по нашему-то человѣческому разумѣнію, тетушка — по нашимъ-то слабостямъ-сь — по немощамъ...

Аглабя Петровна. — Конечно, все жаль со свѣтомъ разстаться... Да для кого жить-то, Антоша?

Кучкинъ (*бросается къ Аглабѣ Петровнѣ, дрожащимъ отъ волненія голосомъ*). — Тетушка-сь!

Аглабя Петровна (*цалуетъ его въ лобъ*). — Ну, да, для тебя, друга моего. (*Со слезами на глазахъ.*) Я и не говорю объ тебѣ, Антоша, голубчикъ... А для нихъ-то — для другихъ-то — хоть и ни будь меня вовсе... Имъ все равно.

Кучкинъ (*повѣсивъ голову, грустно*). — Богъ имъ судья, тетушка!

(*Молчаніе.*)

Аглабя Петровна (*схватываясь за грудь*). — Охъ! о-охъ!

Кучкинъ (*въ безпокойствѣ*). — Чтó съ вами, тетушка?

Аглабя Петровна. — Ахъ, Антоша! такъ вдругъ схватило, что духъ занялся. — Посмотри-ка, мой другъ: чтó у меня языкъ? (*Показываетъ языкъ.*) Нечистъ?

Кучкинъ. — Нечистъ, тетушка.

Аглабя Петровна. — Желтый?

Кучкинъ. — Желтый-съ.

Агабья Петровна. — То-то и всей мнѣ какъ-то не хорошо сегодня... и голова тяжела — и отрыжка такая неприятная!

Кучкинъ. — Отчего бы это, тетушка?

Агабья Петровна. — И во рту кислотина такая...

Кучкинъ. — Не отъ засоренія ли это желудка, тетушка?

Агабья Петровна. — Я думаю, мой другъ, не положишь ли каналья этотъ поваръ чего-нибудь вреднаго въ кушанье?

Кучкинъ. — Очень можетъ статья, тетушка.

Агабья Петровна. — Отъ нихъ, мерзавцевъ, все станется. — Позвони-ка, мой другъ!

Кучкинъ (*звонитъ*). — Да вамъ кого, тетушка?.. Я бы самъ-съ.

Агабья Петровна. — Нѣтъ, нѣтъ, мой другъ! Зачѣмъ?.. Мнѣ Палашку.

ЯВЛЕНИЕ V.

Тѣ же и Пелагея (*входитъ въ дверь слева*).

Пелагея. — Вы звонили?

Агабья Петровна. — А ты не топай!.. Сколько мнѣ тебѣ говорить?.. Точно у тебя, у подлой, не ноги, а десятипудовыя гири (*Глядитъ ей на ноги*.) Опять башмаки-то стоптала!.. Ы, каналья!.. Давно ли тебѣ башмаки выданы?.. кхъ... кхъ... давно ли?.. Антоша, другъ, убьютъ они меня, мерзавцы... Вѣдь этакъ на васъ, на мерзавцевъ, никакихъ доходовъ не хватить... Охъ! опять подъ ложечкой зажгло!

Кучкинъ (*со сверточкомъ*). — Вы еще леденчикъ скушайте, тетушка! это хорошо-съ.

Агабья Петровна. — Нѣтъ, благодарствую, мой другъ. (*Пелагея*.) Ну, чтожъ ты опять стоишь, дурища — выпялилась? Чтожъ ты нейдешь? Что тебѣ, анаемѣ, сказано?

Пелагея. — Вы ничего не говорил — какъ давеча же.

Агабья Петровна. — Какъ ничего? какъ ничего? (*Двигаясь на диванъ*.) Гдѣ у тебя уши-то твои скверныя?..

Гдѣ у тебя уши-то, хабалка? въ избѣ, что ли?.. повара пошли, говорятъ тебѣ... повара, любовника своего драгоцѣннаго.

ПЕЛАГЕЯ. — Да вы не говорили.

АГАФЬЯ ПЕТРОВНА (*быстро приподымалась*). — Какъ? какъ? Ахъ ты тварь!.. Антоша-другъ! она нарочно, подлое животное, изъ терпѣнья меня вывести хочетъ. Подведи ее ко мнѣ, Антоша!

КУЧКИНЪ (*успокоительно*). — Тетушка...

АГАФЬЯ ПЕТРОВНА (*внѣ себя*). — Слышать ничего не хочу... Подведи, говорятъ тебѣ!.. кхъ... кхъ... (*Пелагея ворчитъ; Кучкинъ силой тащитъ ее къ Агафьѣ Петровнѣ.*) Ахъ ты, каторжная! Да я тебя... я тебя... Антоша, придержи ее, сквернавку, за затылокъ! (*Кучкинъ придерживаетъ; Пелагея продолжаетъ злобно ворчать, но не высвобождается.*) Я тебѣ рожу твою... кхъ... кхъ... рожу твою невытую... (*Бьетъ Пелагею и начинаетъ сильно кашлять.*) Кхъ... кхъ... Охъ!.. кхъ... кхъ... Охъ, Боже мой Господи! Убьютъ они меня... убьютъ. (*Опускается на диванъ въ изнеможеніи.*)

КУЧКИНЪ (*заботливо*). — Успокойтесь, тетушка!

АГАФЬЯ ПЕТРОВНА (*Пелагея, продолжающей ворчать*). — А ты что?.. Долго ли тебѣ, шельма!.. Молчать!.. кхъ... Вонь!.. кхъ... кхъ... (*Закашляется.*)

(*Пелагея уходитъ.*)

ЯВЛЕНІЕ VI.

ТѢ ЖЕ БЕЗЪ ПАЛАГЕЯ.

КУЧКИНЪ! — Успокойтесь, тетушка! успокойтесь!.. Вы со всѣмъ себя разстроите. Ваше здоровье, тетушка, дороже всего на свѣтѣ.

АГАФЬЯ ПЕТРОВНА (*приходя немного въ себя*). — Охъ, нельзя... рѣшительно нельзя съ ними иначе, мой другъ!.. Вотъ, сказала: повара послать; а она столбомъ стоитъ, анаома, бѣлымы оставила... И не слыхала! Еще увѣрять смѣетъ, что не говорили... Ахъ, твари! ахъ, какія твари!.. Мать пресвятая Богородица!.. кхъ... кхъ... Безпрестанный грѣхъ съ ними... Охъ, Господи! Господи! прости мое согрѣшеніе.

Кучкинъ. — Забудьте о нихъ, тетушка. Вѣрьте! они недостойны и вниманія вашего. Здоровье ваше, тетушка...

Агаѣя Петровна. — Охъ! забыть-то нельзя... Вѣдь всякая падалъ грубитъ — всякая падалъ!.. Вотъ что изъ терпѣнья изъ всякого выводитъ.

Кучкинъ. — Вы этакъ, тетушка — чего Боже сохрани! совсѣмъ слечь можете — отъ огорченій, отъ неприятностей... Поберегите себя!

Агаѣя Петровна. — Охъ! опять вотъ тутъ жжетъ — у самаго сердца.

Кучкинъ. — Это должно быть изжога, тетушка, или изгага-съ, какъ называютъ Карла Крестьянычъ.

Агаѣя Петровна. — И отрыжка опять этакая дурная — какъ будто каленымъ яйцомъ...

Кучкинъ. — Не употребилъ ли поваръ во что-нибудь испорченнаго яйца, тетушка?

Агаѣя Петровна. — Навѣрно употребилъ. Онъ, каналья, и не занимается вовсе своимъ дѣломъ. Ему только бы за ворота, на улицу... Цѣлый-то день, мерзавецъ, за воротами торчитъ — съ гармоньей.

ЯВЛЕНІЕ VII.

Тъ же и Пелагея.

Пелагея. — Поваръ пришелъ.

Агаѣя Петровна. — Чтѣ-жь? бѣжать мнѣ къ нему, что ли?.. подождать не можетъ?

(Пелагея уходитъ.)

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Тъ же безъ Палаген.

Кучкинъ. — Не прикажете ли мнѣ выйти къ нему, тетушка?

Агаѣя Петровна. — Нѣтъ, мой другъ, не безпокойся!.. Ужъ я сама...

Кучкинъ. — Боюсь, вы опять себя разстроите, тетушка.

Агаѣя Петровна. — Охъ, чтѣ дѣлать? чтѣ дѣлать? надо самой имъ острастку давать... на меня этотъ крестъ

возложенъ... Да будетъ воля Господня! — Помоги-ка мнѣ встать, Антоша! (*Кучкинъ подымаетъ ее.*) Охъ! какъ я слаба сегодня — еле ноги двигаю... Ужасная слабость!.. кажется, никогда такой слабости у меня не было. (*Идетъ, поддерживаемая Кучкинымъ, къ двери нальво.*) Охъ! охъ!

Кучкинъ (*нѣжно*). — Поберегите себя, тетушка... умоляю васъ, не разстраиайте себя... (*Совсѣмъ тающимъ голосомъ.*) Если не для себя, такъ для тѣхъ людей, тетушка... кому такъ драгоценно ваше здоровье... (*Цалуетъ у нея руку.*)

Аглаѣя Петровна (*цалуетъ ея въ темя*). — Спасибо тебѣ, Антоша, другъ мой... одинъ ты обо мнѣ заботишься... (*Уходитъ.*)

ЯВЛЕНИЕ IX.

Кучкинъ (*одинъ*). — Охъ! точно гора съ плечъ, вы проводилъ ее!.. Господи! что это за тоска сидѣть день-деньской съ этой старухой!.. Когда же этому будетъ конецъ?... Вотъ ужъ скоро двадцать лѣтъ, какъ нянчусь съ ней. . А какой отъ этого прокъ?.. Этакой уродился кремень — ничѣмъ ее не проймешь... Боюсь, и вовсе ничего не дожусь — никакого проку не будетъ... И радъ бы, кажется, чтобы околѣла поскорѣе; и страхъ беретъ, какъ бы вдругъ разомъ, нежданно негаданно, не окочурилась... Вѣдь все еще ничего нѣтъ... одна моему терпѣнью награда, что водку для меня любимую настаиваетъ, да сальникъ ко щамъ велить готовить... Великіе мплости, нечего сказать... Иной разъ такая даже злость беретъ, что взялъ бы, кажется, такъ ее на мѣстѣ и разразилъ... Да что проку-то?..

(*Садится, вынимаетъ изъ бокового кармана бумагу, развертываетъ и пробѣгаетъ ее.*)

Въ который ужъ это разъ у меня духовная переписана? Считалъ сначала, а теперъ и счетъ потерялъ. Носишь, носишь въ карманѣ, покуда не замаслится вся, какъ блинъ... опять переписывай!.. Свидѣтелей вотъ ужъ третій комплектъ подбираю... кто умретъ, кого на службу переведутъ за тридцать земель, въ тридесятое царство. (*Смотритъ въ бумагу.*)

И какъ безобидно-то составилъ... Даже и Прыщина, мерзавца, не обидѣлъ — семь душъ и ему достанется въ Кур-

ской губерніи... Вѣдь сколько ужъ она разъ намекала... «мой вѣкъ, говоритъ, кратокъ; все, что есть, тѣмъ, говорить, пойдетъ, кто меня иѣжилъ да покоилъ!» Дѣло понятное: не про Палагею же рѣчь. Только изъ этихъ намековъ шубы не сошьешь. А сказать самому?.. Не могу я этого позабыть, какъ разъ завелъ было я тоже рѣчь: «тетушка, всѣ мы смертны...» и такъ далѣе. Смотрѣть-то на нее страшно стало... Такъ и затряслась вся, какъ кощей безсмертный... «Ты, говоритъ, моей смерти желаешь!» Насилу успокоилъ... Того и ждалъ, какъ бы совсѣмъ изъ дому не выгнала. Отъ нея и это станется. Охъ! какъ съ ней надо осторожно. Одна у меня забота, одно старанье, чтобы хоть расхворалась она хорошенько — въ постели бы лежала... Авось тогда подумаетъ, что смерть близко, что распорядиться надобно.

ЯВЛЕНІЕ X.

Тотъ же и Клепперъ (*выстриженный подъ гребенку, въ зеленомъ сюртукѣ, застегнутымъ на двѣ нижнія пуговицы, въ высокомъ, черномъ галстукѣ и въ черной манишкѣ*).

Клепперъ (*вмѣсто поклона, вытягиваетъ шею впередъ*). — Здравствіе!

Кучкинъ (*встаетъ и подходитъ къ нему*). — А! здравствуйте, Карла Крестьянычъ! (*Дружески жметъ ему руку*.) Здравствуйте!... Какъ поживаете?... Гдѣ побывали, Карла Крестьянычъ?

Клепперъ. — Много былъ.

Кучкинъ. — Садитесь, садитесь, Карла Крестьянычъ! Будьте гостемъ.

Клепперъ. — Много сидѣлъ.

Кучкинъ. — Ну, такъ постоимъ.... и постоимъ, Карла Крестьянычъ. (*Беретъ его за руку*.) Вотъ ужъ я васъ два дня не видалъ; а хотѣлось васъ спросить.... Скажите откровенно ваше мнѣніе, Карла Крестьянычъ! Что — какъ вы полагаете — на счетъ хода болѣзни тетушки?

Клепперъ (*безмысленно*). — Ну?

Кучкинъ. — Мнѣ кажется, у нихъ сильное желудочное разстройство, Карла Крестьянычъ?

Клепперъ. — А?

Кучкинъ. — По моему, Карла Крестьянычъ — сколько я могу судить въ этомъ обстоятельствѣ — по крайнему моему разумѣнію — имъ бы слѣдовало прописать слабительнаго....

Клепперъ. — Laxanz?... Да, да!

Кучкинъ. — Или рвотнаго, Карла Крестьянычъ....

Клепперъ. — Gut.

Кучкинъ. — Вообще такого, Карла Крестьянычъ, что бы, такъ сказать, ослабило ихъ организмъ.... понимаете?... и тѣмъ бы успокоило-сь.... Я, впрочемъ, мало разумѣю въ медицинѣ, Карла Крестьянычъ....

Клепперъ. — О, нѣтъ!...

Кучкинъ. — Что бы успокоило-сь.... Поняли вы меня, Карла Крестьянычъ? (*Клепперъ киваетъ головой.*) Я вѣдь вотъ только лечебникъ князя Енгальчева читаю, Карла Крестьянычъ.... Больше все имъ руководствуюсь....

Клепперъ. — Ja, ja! (*Молчаніе.*)

Кучкинъ. — Знаете, Карла Крестьянычъ.... по догадкамъ моимъ, самый кашель у нихъ есть слѣдствіе разстроеннаго желудка.... Желудочный это у нихъ кашель, а не грудной.... Какъ въ этомъ ваше мнѣніе, Карла Крестьянычъ?

Клепперъ. — Я такъ думалъ.

Кучкинъ (*про себя*). — Экая осина! (*Громко.*) Такъ вы ужъ, пожалуйста, Карла Крестьянычъ — такъ-какъ мнѣніе ваше согласно съ моимъ — вы ужъ потрудитесь чего-нибудь расслабляющаго прописать.

Клепперъ (*глубокомысленно сжавъ губы*). — Каршц!

Кучкинъ. — Знаете — чтобы успокоились онѣ.... А потомъ можно будетъ опять возстановить ихъ силы, Карла Крестьянычъ.... Не правда ли?

Клепперъ (*киваетъ головой*). — Мм....

Кучкинъ. — Рейнвейнъ, напрімѣръ, или кофей какой-нибудь освѣжающій — цѣлебный....

Клепперъ. — Да, да!

Кучкинъ. — Это и успокоитъ, Карла Крестьянычъ.... успокоитъ.

Клепперъ. — Да! (*Подходитъ къ этажеркѣ, беретъ на ней склянку и смотритъ на свѣтъ, а содержаніе нѣкоторыхъ пробуетъ на языкѣ.*)

Кучкинъ (*про себя*). — Вѣдь вотъ дубина дубиной.... Подумаешь, ни на что не пригодится.... Анъ выходитъ, чело-вѣкъ преполезный.... Умъ-то, иной разъ, значить, хуже глупости. Что жъ это я объ табакеркѣ-то забылъ! (*Выни-маетъ изъ кармана золотую табакерку и повертываетъ ее въ рукахъ.*) Какъ расудить строго — не стѣнть, скотина! А надо, непременно надо. Ужъ за то въ петлю полѣзеть.... (*Задумчиво.*) Сну у нея совсѣмъ нѣтъ.... никакъ вечеромъ отлучиться нельзя.... Капли его слабыя какія-то.... Надо бы посильнѣе.... У нея натура-то коровья. (*Громко Клепперу.*) Карла Крестьянычъ!

Клепперъ (*быстро подходитъ*). — Nun?

Кучкинъ (*заискивающимъ тономъ*). — У меня есть къ вамъ покорнѣйшая просьба, Карла Крестьянычъ.... Если вы не обидитесь.... Ваши старанія — заботы — визиты еже-дневные.... И я и тетушка такъ вамъ обязаны, Карла Крестьянычъ.... (*Подаетъ ему табакерку.*) Вотъ — давно хотѣлъ-съ.... Не въ счетъ платы за визиты, Карла Крестья-нычъ.... въ знакъ искренняго, душевнаго моего расположе-нія.... въ знакъ благодарности за ваше вниманіе, Карла Крестьянычъ....

Клепперъ (*беретъ табакерку съ радостной улыбкой*). — А! (*Глядитъ на Кучкина.*) Мнѣ?

Кучкинъ. — Да, вамъ-съ, Карла Крестьянычъ.... соб-ственно для васъ заказывалъ.... Давнишнее желаніе мое было....

Клепперъ (*улыбается*). — Prächtigt, prächtig!

Кучкинъ. — Я ужъ вамъ, Карла Крестьянычъ, и та-бачку тутъ положилъ.... такого, какъ вы любите.... рапѣ, Карла Крестьянычъ, французскаго рапѣ. Вы вѣдь, кажется, жасминчиковъ не уважаете? Вы розанельку кладете, Карла Крестьянычъ?

Клепперъ. — Да. (*Разсматриваетъ табакерку со всѣхъ сторонъ.*)

Кучкинъ. — Такъ я розанельки листочекъ положилъ.

КЛЕППЕРЪ (*нюхаетъ табакъ и улыбается*). — Ошень — ошень каршд!

КУЧКИНЪ. — Достаточно ли смочень, Карла Крестьянычъ?

КЛЕППЕРЪ. — Да, да! (*Кладетъ табакерку въ карманъ и крикно жметъ руку Кучкину.*) Danke, danke! Блядърсти!

КУЧКИНЪ. — Полноте, Карла Крестьянычъ! За что тутъ благодарить?... Это обязанность моя была....

ЯВЛЕНИЕ XI.

ТѢ ЖЕ, АГАОБЯ ПЕТРОВНА и ПЕЛАГЕЯ.

АГАОБЯ ПЕТРОВНА (*поддерживаемая Пелагеей*). — Охъ, Боже мой! Силъ моихъ нѣтъ....

КЛЕППЕРЪ (*вытянувъ шею*). Здравсти!

АГАОБЯ ПЕТРОВНА. — А!... Здравствуйте, батюшка, Карла Крестьянычъ! (*Пелагея*.) Пошла! (*Пелагея уходитъ*).

ЯВЛЕНИЕ XII.

ТѢ ЖЕ БЕЗЪ ПЕЛАГЕИ.

КЛЕППЕРЪ. — Ну, какъ вы?

АГАОБЯ ПЕТРОВНА (*усаживаясь на диванъ*). — Охъ, плохо, батюшка, больно плохо.

КЛЕППЕРЪ (*щупаетъ у нея пульсъ*). — Гм... Языкъ. (*Агаобя Петровна показываетъ языкъ.*) Гм...

КУЧКИНЪ. — Я, тетушка, ужъ объяснилъ Карлу Крестьянычу все на счетъ вашего нездоровья.

КЛЕППЕРЪ (*кивая головою*). — Ми...

АГАОБЯ ПЕТРОВНА. — Такъ ужъ вы, батюшка, пропишите чего-нибудь. Да капли-то продолжать ли мнѣ принимать?

КЛЕППЕРЪ. — Да.

АГАОБЯ ПЕТРОВНА. — Да вотъ посмотрите-ка, Карла Крестьянычъ, рука у меня правая въ кисти что-то можжить... словно вывихъ...

КУЧКИНЪ (*съ безпокойствомъ въ лицѣ*). — Отчего это у васъ, тетушка?

АГАОБЯ ПЕТРОВНА. — Охъ! съ поваромъ, мерзавцемъ...

Кучкинъ (*береть ее за руку*). — Не оподельдокомъ ли растереть?... какъ вы думаете, Карла Крестьянычъ?

Клепперъ. — Да, да! это каршò!

Кучкинъ. — Такъ позвольте, тетушка!... Гдѣ у васъ оподельдокъ-то?

Агаоья Петровна. — Не надо... послѣ... можетъ, и такъ пройдетъ.

Кучкинъ. — Какъ вамъ угодно, тетушка... Это, точно, не опасно...

Агаоья Петровна (*Клепперу*). — Вы другое-то пропишите!

Кучкинъ (*ему же*). — Пожалуйста ко мнѣ — въ мою комнату, Карла Крестьянычъ! Тамъ и пропишите.

Агаоья Петровна. — Да, мой батюшка! подите вы къ нему!... я вотъ думаю, Карла Крестьянычъ, желудокъ у меня разстроены... тошнить все... кашель... и рвота частая...

Кучкинъ. — Я, тетушка, тоже говорилъ Карлу Крестьянычу.

Клепперъ. — Да.

Кучкинъ. — Такъ пойдете, Карла Крестьянычъ. (*Шопотомъ, идя съ Клепперомъ къ дверямъ*.) Корешокъ-то, что вы пропишали, весь ужъ почти вышелъ, Карла Крестьянычъ — знаете, чтобъ жевать-то, духъ-то табачный чтобъ отшибало. Не пропишете ли?

Клепперъ (*киваетъ головой Агаоью Петровню*). — Агьè! (*Кучкину*.) Каршò!

Кучкинъ (*такъ же тихо*). — Кстати и по трубочкѣ тамъ выкуримъ.

Клепперъ (*съ радостной улыбкой*). — Мм... gut! gut!

Кучкинъ (*въ дверяхъ, громко*). — Пожалуйста, Карла Крестьянычъ. (*Уходитъ съ Клепперомъ*.)

ЯВЛЕНІЕ XIII.

Агаоья Петровна (*одна*). — Охъ! Господи! Господи! видно совсѣмъ конецъ мой приближается... Никогда еще слабости во мнѣ такой не было, какъ нынче... Такъ тяжело!... Какъ сяжу, кажется, ни въ одномъ суставѣ владанія нѣту... Охъ! (*Задумывается*.) Да, кабы не Антоша — давно бы,

кажется, не быть мнѣ живой... Людишки эти анаемскіе... Онъ еще отдаляетъ отъ меня всѣ эти непріятности... И надо ему честь отдать — внимателенъ ко мнѣ, старухѣ, очень внимателенъ... Ни отъ кого изъ родныхъ не видала такого участія... Предупредительный, смиренный, скромный... и живетъ по закону — ни шашень у него этихъ, ни въ дебоширство ни въ какое не вдается... А ужъ нынѣшняя молодежь — этакіе все дебоширы... Трубку вотъ прежде курилъ; такъ для меня оставилъ — знаетъ, я табачнаго духу не люблю... (*Опять задумывается.*) Надо бы духовную составить, да бѣздно все что-то... (*Дверь съ громомъ распаивается; Агаоья Петровна всл вздрагиваетъ.*) Ай! Господи помилуй!

ЯВЛЕНІЕ XIV.

Та же и Бѣлобрысовъ (*во фракъ, руки въ карманахъ палатонъ, подъ мышкой бобровая фуражка*).

Бѣлобрысовъ (*быстро подлетая къ Агаоья Петровнѣ*). — Здраствуйте, Агаоья Петровна!

Агаоья Петровна (*сухо*). — Здравствуйте!

Бѣлобрысовъ. — Какъ здоховье?

Агаоья Петровна. — Плохо.

Бѣлобрысовъ. — Свышала новость, Агаоья Петровна — Никита домъ купивъ!

Агаоья Петровна. — Какой Никита?

Бѣлобрысовъ. — Хазумѣтся, собханскій?

Агаоья Петровна. — Какой собранскій.

Бѣлобрысовъ. — Какъ какой? Собханскій, извѣстно... Будто вы не знаете...

ЯВЛЕНІЕ XV.

Тѣ же и Кучкинъ.

Бѣлобрысовъ (*кидается къ нему на встрѣчу*). — А! здравствуйте, Антонъ Антонычъ.

Кучкинъ. — Мое почтеніе! (*Подаетъ ему руку.*)

Агаоья Петровна (*Кучкину*). — Чтѣ, ушелъ Карла Крестьянычъ?

Кучкинъ. — Сейчасъ проводилъ, тетушка.

БѢЛОБРЫСОВЪ. — А я новость хасказывавъ Агаѡѣ Петховнѣ... Свышали вы, Антонъ Антонычъ?... Никита собханскій домъ купивъ на Покховкѣ.

Агаѡѣ Петровна (*съ досадою*). — Да какой Никита собханскій?

БѢЛОБРЫСОВЪ. — Ахъ! Агаѡѣ Петховна! хазвѣ не знаете?... Буфетчикъ въ двоханскомъ собханіи...

Агаѡѣ Петровна. — Да что кому до этого за дѣло?... Вотъ забота какая далась!

БѢЛОБРЫСОВЪ (*Кучкину*). — Тхубочку можно?

Кучкинъ. — Вы знаете, я не курю-съ.

БѢЛОБРЫСОВЪ (*раскланиваясь*). — Пхощайте, Агаѡѣ Петховна! (*Кучкину*.) Пхощайте, Антонъ Антонычъ!

Кучкинъ. — Прощайте.

БѢЛОБРЫСОВЪ. — Пхощайте! (*Быстро уходитъ*.)

ЯВЛЕНІЕ XVI.

Тѣ же безъ БѢЛОБРЫСОВА.

Агаѡѣ Петровна. — Ахъ, Господи! что за наказанье! — Ну, вотъ, скажи — зачѣмъ пріѣзжалъ?

Кучкинъ. — Онъ думалъ, тетушка, трубочку нельзя ли будетъ выкурить.

Агаѡѣ Петровна. — И вотъ цѣлый-то день этакъ мычется — со двора на дворъ — какъ аникина корова, прости Господи!... какъ съ постели всталъ, такъ и изъ дому вонъ... съ новостями со своими дурацкими... Тутъ трубочку — тамъ кофейку — тамъ обѣдать останется — къ самому супу подѣдетъ.

Кучкинъ. — Самая для меня непонятная жизнь, тетушка!

Агаѡѣ Петровна. — И занесъ объ Никитѣ объ какомъ-то!... очень мнѣ нужно!... Вотъ тѣшься тутъ съ этимъ народомъ!... Пришелъ — болкнулъ слово свое глупое — повернулся — не дали ничего — ни трубочки, ни закусочки — и уѣхалъ. Видно, дома и табачишка-то нѣту.... Охъ! только вѣтру въ комнатѣ надѣлалъ... Кхъ.... кхъ.... опять кашель... (*Закашливается.*)

Кучкинъ (со сверточкомъ). — Леденчикъ, тетушка.
Агаѣя Петровна (береть). — Благодарствую, мой другъ.

ЯВЛЕНИЕ XVII.

Тъ же и лакей.

Агаѣя Петровна. — Что тебѣ?

Лакей. — Митрофанъ Ионычъ пришли-сь.

Агаѣя Петровна. — Ну, проси! (Лакей уходитъ.)

ЯВЛЕНИЕ XVIII.

Тъ же безъ лакея.

Кучкинъ. — А ужъ я было думалъ, не придетъ Митрофанъ Ионычъ. Хотѣлъ спосылать — навѣдаться о здоровьѣ.

Агаѣя Петровна. — Что это за прекрасный, за скромный человекъ!... А ума — сенать!... И никогда-то не войдетъ безъ доклада.... этакой деликатный, вѣжливый.... Встрѣтъ поди, Антоша.

Кучкинъ. — Иду, тетушка. (Идетъ и въ дверяхъ встрѣчается съ Краснопѣвцевымъ.)

ЯВЛЕНИЕ XIX.

Тъ же и Краснопѣвцевъ (одѣтый скромненько, съ неизмѣримыми висками, которые лъзутъ ему въ глаза).

Краснопѣвцевъ. — Глубочайшее мое почтеніе Антоу Антонычу. Съ праздникомъ имѣю честь поздравить.

Кучкинъ. — Здравствуйте, Митрофанъ Ионычъ. И васъ такъ же поздравляю. (Жметъ ему руку.)

Краснопѣвцевъ (подходя къ Агаѣе Петровнѣ). — Глубочайшее мое почтеніе Агаѣе Петровнѣ. Съ праздникомъ имѣю честь поздравить.

Агаѣя Петровна. — Покорно васъ благодарю, батюшка. И васъ поздравляю. Садитесь милости прошу.

Краснопѣвцевъ (кланяется). — А вотъ съ, Агаѣя Петровна, я вамъ принесъ.... отъ отца Пансія.... Поручили кланяться вамъ и поздравить съ праздникомъ.

Агаѣя Петровна. — Ахъ, благодарю васъ, Митрофанъ Ионычъ, благодарю.... А я, грѣшная, ужъ чайку напилась.... Ну, что, Митрофанъ Ионычъ, какъ отецъ Паисій въ своемъ здоровѣ?... Давно я его не видала.

Краснопѣвцевъ. — Все прихварываютъ-сь, Агаѣя Петровна.... Утомленіе большое при ихъ занятіяхъ.

Агаѣя Петровна. — Поблагодарите, батюшка, за меня отца Паисія; попросите его, чтобы не забылъ обо мнѣ, грѣшной, въ своихъ святыхъ молитвахъ.

Краснопѣвцевъ. — Всенепремѣнно-сь.

ЯВЛЕНИЕ XX.

Тъ же и Лука Ильичъ (*въ форменномъ фракѣ, съ паяжкой*).

Кучкинъ. — А!

Агаѣя Петровна (*тихо Кучкину*). — Началась коммисія.

Лука Ильичъ (*бойко раскланиваясь*). — Здравія желаю, Агаѣя Петровна!.... Антонъ Антонычъ! наиглубочайшее, почтениѣйшій!... Ну, что, Агаѣя Петровна, скрываете поменьку? а!

Агаѣя Петровна (*сухо*). — Да.... кхъ.... кхъ.... Вотъ кашель опять.

Лука Ильичъ. — Плохандросъ, плохандросъ.

Агаѣя Петровна. — Что-о?

Лука Ильичъ. — Я говорю: плохандросъ, Агаѣя Петровна.... по гречески, значить, плохо... (*Кричитъ, наклоняясь къ ней*). Плохо!

Агаѣя Петровна. — Да что ты орешь, батюшка?... кхъ... кхъ... благодаря Господа моего Бога, не оглохла еще.

Лука Ильичъ. — Ахъ, виновать!... Вѣчно я васъ съ рождественской попадѣй перепутаю.... Та такой глухоты, что ей въ рупоръ надо кричать, какъ на пожарѣ. (*Кучкину*). Ну, что, какъ вы около тетушки спасаетесь? а!

Кучкинъ. — Слава Богу-сь.

Лука Ильичъ. — И прекрасно. Завидная, право, ваша жизнь — ни заботъ, ни хлопотъ. А нашему брату каково!

Я вотъ вчера только изъ уѣзда — цѣлый мѣсяцъ съ телеги не сходилъ... Всѣ косточки растрясло... Вѣрите-ли, селезенка подъ конецъ начала кричать, какъ у лошади надорванной... Дьявольская, я вамъ скажу, жизнь.

Агаѣя Петровна (*съ сердцемъ*). — Нечистую-то силу не поминай!

Лука Ильичъ. — Иного слова не могу прибрать, Агаѣя Петровна.... Дьявольская жизнь — просто, дьявольская.

Агаѣя Петровна (*затыкаетъ уши*). — Охъ, полно!... Не слушала бы я!

Лука Ильичъ. — Ну, не буду, не буду.

Агаѣя Петровна (*оттыкаетъ уши*). — Грѣхъ одинъ.... кхъ.... кхъ....

Кучкинъ (*заминяя разговоръ*). — Гдѣ вы побывали, Лука Ильичъ?

Лука Ильичъ. — Да въ трехъ уѣздахъ былъ... съ этой анаемой, съ чувашами все возился... Надѣюсь, батюшка, ко Владимиру быть представленъ.

Кучкинъ. — То-есть по поводу чего же это-съ!

Лука Ильичъ. — Да все по поводу обращенія... Слышали, я думаю!

Кучкинъ. — Нѣтъ, не имѣлъ удовольствія...

Краснопѣвцевъ (*Луку Ильичу*). — Позвольте предложить вопросецъ... Какъ-съ, по вашему мнѣнію — каковъ этотъ языческій народъ?

Лука Ильичъ. — Чуваша-то, что ли?

Краснопѣвцевъ. — Точно такъ-съ.

Лука Ильичъ. — Да народъ по большей части слѣпыши и картавые...

Краснопѣвцевъ. — Нѣтъ-съ, я было не въ томъ смыслѣ...

Лука Ильичъ. — Самый скаредный, самый поскудный народъ, я вамъ доложу. Живутъ свиньи свиными. Въ избу войти нельзя — не дохнешь... Вонь и смрадь адскій.... Бабы въ штанахъ ходятъ.

Краснопѣвцевъ. — Я болѣе насчетъ того-съ, какъ они...

Лука Ильичъ. — Сами въ этакихъ бѣлыхъ балахонахъ... И воры все, каналы... И каждый, шельма, картавый...

Агаѣя Петровна (*съ досадою*). — Да дай ты слово выговорить... къ... Митрофану Ионычу... Они съ вопросомъ къ тебѣ, а ты несешь Богъ знаетъ что!

Лука Ильичъ (*Краснопѣвцеву*). — Виновать-сь, виновать-сь! не замѣтилъ. Что вамъ угодно было знать? Не конфузьтесь.

Краснопѣвцевъ (*сладко*). — Мнѣ желательно было знать о дѣйстви на нихъ разумнаго убѣжденія? Какъ они, съ любовью ли принимаютъ его?

Лука Ильичъ. — А ничего, ничего!... Въ одной только деревнѣ приняли было насъ въ дубье.

Краснопѣвцевъ. — Стало, убѣжденіе на нихъ не дѣйствуетъ-сь? разумное убѣжденіе?

Лука Ильичъ. — Нѣтъ, какъ же! Разумѣется, убѣжденіе сначала имъ сдѣлаешь... Ну — а тамъ ужъ дѣло идетъ какъ по маслу...

Краснопѣвцевъ. — Ну, а какъ послѣ-то-сь?... Сознають ли глубокое значеніе...

Лука Ильичъ (*перебивая*). — Народъ — какъ я докладывалъ вамъ — глупѣйшій. Они думаютъ, что имя имъ даютъ христіанское — это главное, а все прочее такъ себѣ... Только и тутъ — я вамъ скажу — потѣха! Какое-то непонятное пристрастье у нихъ къ Васплюю... Какое имя ни дай, чувашинъ по глупому разуму своему все называетъ себя Василь Ивановичъ... А посторонняго, тепѣрь, не иначе, какъ Васька... Должно быть это, по ихнему, вѣжливость такъ требуетъ... Кондратій ли, Матвѣй ли, Сидоръ ли — все у нихъ Васька да Василь Ивановичъ...

Агаѣя Петровна (*вздыхая*). — Господи! прости имъ!

Лука Ильичъ. — Да вотъ-сь я вамъ анекдотъ разскажу — или, лучше сказать, истинное происшествіе... По нему можете судить, что это за дичь — чувашинъ!... Приходитъ одинъ чувашъ къ попу... Надо вамъ замѣтить, внушено имъ отъ начальства: коль самъ крещеный, обязанъ и сына, или дочь тамъ окрестить... Не внуши имъ этого, сами

бы, разумѣется, не смѣкнули... Народъ, какъ вы знаете, дубиноголовый... Хорошо-сь. Такъ вотъ приходитъ одинъ чувашъ къ попу, и приводитъ съ собой сына... сыну никакъ ужъ лѣтъ семь; а отецъ все не собрался окрестить — имя христіанское дать... Такъ вотъ-сь, приходитъ онъ и становится подъ окошкомъ. Стучитъ въ окошко, и кричитъ: «что, говоритъ, Фаська попъ тома?» Народъ, вы знаете, картавый!

Агаѣя Петровна. — Охъ! охъ! перестань! Душу возмущаешь... не могу я слышать кощунства.

Лука Ильичъ. — Помилуйте, Агаѣя Петровна! какое же тутъ кощунство? Это болѣе такъ сказать статистика... можете видѣть, какая дикость въ народѣ.

Агаѣя Петровна. — Охъ! не надо! не хочу!

Лука Ильичъ. — Нѣтъ, ужъ вы позвольте досказать... анекдотъ интересный... Такъ вотъ кричитъ онъ: «Фаська попъ тома?» А между тѣмъ попа звали, можетъ, Аѳанасемъ или Іоанномъ — кто его знаетъ. Ну, онъ, знаете, какъ привыкъ къ чувашскому невѣжеству, понялъ, что его зовутъ, выглядываетъ въ окно и спрашиваетъ: кто и что надо? Чувашъ ему: «я, говоритъ, пришелъ — Фасиль Ифанычъ чувашъ.» Картавый, шельма, понимаете. — «Зачѣмъ?» — «Сына фотъ, говоритъ, прифель — крестить, имя тафать.» — «А ты его доселѣ не окрестилъ? этакого-то балбеса привелъ!» — «А тотъ дуракъ въ ноги. «Фотъ, говоритъ, спасибо! фотъ спасибо! польно, польно хорошо имя тафаль. Польше, говоритъ, не нато!» А самъ сына за руку: «Пойтемы, говоритъ, палеска, томой! польно, говоритъ, имя хорошо, пойтемы, Палеска!»

Агаѣя Петровна (*нетерпливо*). — А ты и радъ повторять!... Самъ то грѣшишь, что этакія слова скаредныя пересказываешь...

Лука Ильичъ. — Я это въ видѣ анекдота передаю...

Краснопѣвцевъ. — Но вѣдь, разумѣется, священникъ его воротилъ и образумилъ; не правда ли-сь?

Лука Ильичъ. — Само собой... Впрочемъ доподлинно не знаю...

Краснопѣвцевъ. — Скажите! какое глубокое закоснѣніе во мракъ невѣжественнаго язычества!

Лука Ильичъ. — Да это что?... это еще цвѣточки... Нѣтъ-съ, вотъ я вамъ расскажу другое произшествіе...

Агаѳья Петровна (*въ тревогѣ*). — Охъ, будетъ! не надо!... Кхъ... кхъ... и такъ истомилъ... Не надо... И то мнѣ нездоровится... Кхъ... кхъ.. Вонъ кашель какой... А ты еще тутъ въ искушеніе вводишь... Охъ, охъ!... И руками машетъ, какъ не знаю кто... Вѣтру только надѣлалъ... Кхъ... кхъ... Кашель вотъ... кхъ... кхъ...

ЯВЛЕНИЕ XXI.

ТѢ ЖЕ И ЛАКЕЙ.

Лакей. — Мавра Савишна съ барышней.

Агаѳья Петровна. — Ну, проси!... Охъ, Боже мой! Господи! (*Лакей уходитъ.*)

ЯВЛЕНИЕ XXII.

ТѢ ЖЕ БЕЗЪ ЛАКЕЯ.

Кучкинъ (*тихо Лукъ Ильичу*). — Ужъ вы будьте такъ добры, Лука Ильичъ, не рассказывайте про чувашъ... это очень тревожитъ тетушку.

Лука Ильичъ. — Тревожить? а! ну хорошо, не буду.

ЯВЛЕНИЕ XXIII.

ТѢ ЖЕ, ШЛЕХИНА И ВАВОЧКА (*первая въ простой шляпкѣ и бѣлой шали, вторая въ шляпкѣ съ цвѣтами и въ бархатной мантильи*).

Шлехина (*стремительно подходитъ къ Агаѳь Петровнѣ и обнимаетъ ее*). — Какъ давно не видались, мать моя! ну, что, здоровье ваше? Съ праздникомъ.

Агаѳья Петровна (*начинаетъ сильно кашлять*).—Кхъ... кхъ... и васъ.... кхъ... также... кхъ... охъ.. съ холоду-то.

Шлехина. — Ахъ, извините, мать моя!.. совсѣмъ позабыла, что кашляете... (*Вавочкѣ*.) Что же вы стоите, Вавочка? подойдите, поцалуйте.

Вавочка (*подходитъ*). — Съ праздникомъ васъ поздра-

вляю, Агаѣя Петровна. (*Наклоняется къ ней, чтобы поцаловаться.*)

Агаѣя Петровна (*уклоняясь*).— Охъ, не надо... кхъ... кхъ... не надо... кхъ... съ холоду... Садитесь.

(*Шлехина садится на диванъ;*

Вавочка на кресло.)

Шлехина.— А мы сейчасъ отъ обѣдни, мать моя! какая славная проповѣдь была.

Агаѣя Петровна.— Вы въ соборѣ... (*Берется за грудь*). Вы въ соборѣ были?... охъ! опять жжетъ въ груди.

Шлехина.— Да, мы въ соборѣ... и губернаторша была.

Агаѣя Петровна.— А я, грѣшная, и въ приходской насилу достояла.

Шлехина.— Ужъ какая же губернаторша была расфранченнная! вы и вообразить себѣ не можете, мать моя!.. и въ новой шляпкѣ. Сейчасъ видно, что выписная... хотѣлось бы Вавочкѣ этакую сдѣлать... бархатная — синяя...

Вавочка.— Фиолетовая, тамап.

Шлехина.— Точно, что больше въ фиалетъ отливаесть... туля вся разубрана кружевомъ, а на бокахъ, вмѣсто цвѣтовъ, фалбара этакая...

Вавочка.— Шу, тамап.

Шлехина.— Ну, не все равно?

Вавочка.— Совсѣмъ не все равно... вы, тамап, никакого въ этомъ толку не знаете.

Агаѣя Петровна (*вдругъ начинаетъ глухо стонать*).— Охъ, охъ!

Шлехина.— Что это съ вами, мать моя?

Кучкинъ (*бросается къ Агаѣе Петровнѣ*).— Что съ вами, тетушка?

Агаѣя Петровна.— Охъ!.. Колика... охъ... такъ вотъ и колетъ... охъ... такъ и колетъ...

Кучкинъ (*наклоняясь къ ней*).— Не прилечь ли вамъ, тетушка?

(*Агаѣя Петровна не отвѣчаетъ и продолжаетъ глухо стонать; Кучкинъ стоитъ около нея въ почтительной позѣ.*)

Лука Ильичъ (*Краснопольцеву*).— Намъ можно, кажется,

и убраться по добру, по здорову? воздухъ-то ужъ здѣсь что-то очень спертъ становится.

Краснопивцевъ. — Нѣтъ-съ, я еще побуду.

Лука Ильичъ. — Закуси вѣдь здѣсь не подаютъ. А впрочемъ, можетъ, вамъ воздухъ этотъ нравится. О вкусахъ не спорятъ. А у меня какъ будто въ груди стѣсненіе. Ужъ я вамъ въ другой разъ сообщу еще кое-что о чувашахъ... Любопытный народъ. И всё-то, шельмы, картавые.
(Уходитъ, не простившись).

ЯВЛЕНІЕ XXIV.

Тѣ же безъ Луки Ильича.

Кучкинъ (*наклоняясь еще ниже къ Агаѳь Петровнѣ, нѣжно*). — Капли вамъ, тетушка, не подать ли?

Агаѳья Петровна (*слабо*). — Подай... охъ... подай, мой другъ!

Кучкинъ (*бѣжитъ за каплями и наступаетъ на подолъ Вавочки*). — Ахъ-съ!

Щлехина. — Вавочка, пересядьте сюда!.. что это, Антонъ Антонычъ! мчитесь и не смотрите!.. подолъ чуть Вавочкѣ не оборвали... только-что обновила платье.

Вавочка (*почти про себя, сердито поправляя платье*). — Неучъ красолапый.

Агаѳья Петровна (*съ досадою*). — Еще бы во всю комнату юбку распространили! экая бѣда какая!

Кучкинъ (*возвращаясь съ каплями, Вавочкѣ*). — Виновать-съ! (*Подаетъ Агаѳь Петровнѣ капли*).

Агаѳья Петровна (*принимаетъ*). — Господи благослови!
(*Дверь съ шумомъ растворяется; Агаѳья Петровна вздрагиваетъ и роняетъ на полъ ложку*).

ЯВЛЕНІЕ XXV.

Тѣ же и Прыщинъ (*завитой барашкомъ*).

Кучкинъ (*поднимая ложку*). — Не пугайтесь, тетушка! это Сережа.

Агаѣя Петровна. — Охъ... точно у меня оборвалось что въ груди. (*Откачивается на спинку дивана*).

Прыщинъ (*подлетая къ ней, размахивает шляпой*). — Здравствуйте, ма tante. (*Кучкину*). Антонъ Антонычъ!

Агаѣя Петровна. — Шляпой-то что машешь? вѣтеръ...

Прыщинъ (*Шлехиной*). — Здравствуйте, Мавра Савишна. (*Вавочкѣ*). Ахъ! et vous, mademoiselle, vous aussi ici?

Шлехина. — Здравствуйте, Сергѣй Сергѣичъ.

Вавочка. — Bonjour, monsieur Serge. Il y a des siècles...

Прыщинъ — Comment vous allez?

Вавочка. — Mille merci.

Прыщинъ. — Bien?

Вавочка. — Вуй.

Агаѣя Петровна. — Что французись-то?.. точно по русски не умѣешь...

Прыщинъ. — Я очень радъ и по русски говорить, ма tante, если вамъ это нравится. Мнѣ рѣшительно все равно... По русски я говорю, какъ по французски; по французски — какъ по русски.

Агаѣя Петровна. — И по русски — и по французски — гиль несешь.

Прыщинъ. — Да, ма tante, мы въ мнѣніяхъ съ вами расходимся. (*Увидавъ Краснопѣвцева*.) А! мсьѣ Краснопѣвцевъ! непремѣнный членъ!... здравствуйте!

Краснопѣвцевъ. — Мое почтеніе-съ.

Прыщинъ. — А вѣдь мы съ вами еще не кончили нашего спора...

Агаѣя Петровна (*въ ужасѣ*). — Антоша, мой другъ! опять онъ... охъ!... опять!

Краснопѣвцевъ (*уклончиво*). — Лучше и не кончать-съ; такъ-какъ мы никогда не согласимся, то я думаю...

Прыщинъ. — Нѣтъ; отчего же?... я утверждаю одно, что каждого тунеядца слѣдуетъ повѣсить...

Агаѣя Петровна (*со стономъ*). — Антоша!... охъ!... останови!

Прыщинъ. — Каждого тунеядца и лежебоку...

Кучкинъ (*Прыщину*). — Будьте такъ добры, прекратите этотъ споръ... онъ тетушкѣ очень неприятенъ...

Прыщинъ. — Мы сейчас кончимъ... я хочу только убѣдить мсьѣ Краснопѣвцева, что всѣ тунейдцы, подѣ которыми я разумѣю...

Кучкинъ. — Ради Бога, Сергѣй Сергѣичъ.

Агаѣя Петровна. — Антоша, другъ... я умру... онъ меня уморитъ — этотъ волтеріанецъ... охъ, тяжело!

Прыщинъ (*Краснопѣвцеву*). — Ну, скажите — вы сонъ и ѣду считаете такими важными дѣлами, что, кромѣ этого, по вашему...

Краснопѣвцевъ. — Будьте такъ добры, увольте... я не могу продолжать этого пренія.

Прыщинъ. — По вашему, кромѣ этого имѣть еще крѣпкій лобъ, чребы колотить имъ...

Агаѣя Петровна (*начинаетъ такъ громко стонать, что Прыщинъ останавливается*). — Охъ!... Господи!... охъ!... да замолчить ли онъ?... Охъ... умираю... (*Протягиваетъ ноги на диванъ и толкаетъ ими Шлѣхину.*)

Шлѣхина (*подымаясь, съ досадой*). — Вавочка, поѣдте!

Вавочка (*встаетъ*). — Хорошо, маман!

Шлѣхина (*сухо*). — Прощайте, Агаѣя Петровна.

Агаѣя Петровна. — Мм...

Вавочка — Прощайте, Агаѣя Петровна. (*Прыщину.*)
Vous dinez avec nous, monsieur Serge?

Прыщинъ. — Avec plaisir.

Шлѣхина (*поправляя шаль*). — Вы бы, Сергѣй Сергѣичъ, обѣдать къ намъ сегодня.

Вавочка. — Акъ, маман! вѣдь я сейчасъ просила ужъ monsieur Serge.

Шлѣхина. — А я почему знаю!

Вавочка. — Au plaisir!

Прыщинъ. — Au revoir!

(*Шлехина и Вавочка уходятъ*).

ЯВЛЕНИЕ XXVI.

Тъ же безъ Шлѣхиной и Вавочки.

Агаѣя Петровна. — Охъ!... мати Пресвятая Богородица!

Прыщинъ (*Краснопѣвцу*). — Хоть вы и не хотите поддерживать со мною спора, а я вамъ все-таки повторю, что каждаго тунеядца слѣдуетъ на осину...

Агаѣя Петровна. — Антоша!... Охъ, тяжело мнѣ!... скажи мнѣ!

Кучкинъ (*кидается къ Прыщину и Краснопѣвцу*). — Господа, ради Бога-съ, оставьте это неприятное преніе... тетушка не могутъ слышать такихъ словъ...

Прыщинъ. — Я одно говорю, что на осину надо каждаго...

Кучкинъ. — Полноте-съ! какъ вамъ не стыдно? вѣдь вы нарочно...

Прыщинъ. — Подумайте-ка только, такъ и сами согласитесь со мной.

Кучкинъ. — Полноте-съ.

Агаѣя Петровна. — Вонъ его... Антоша... вонъ его... прогони... охъ... вонъ прогони — волтерьянца!

Прыщинъ (*подходя къ Агаѣе Петровнѣ*). — Такъ я, по вашему, волтерьянецъ, ма tante? ха! ха! ха! это весело слышать.

Агаѣя Петровна. — Антоша!... я тебѣ... говорю... пошелъ вонъ. . пошелъ... фармазонъ!

Кучкинъ (*подбѣгая*). — Исполните просьбу тетушки!

Агаѣя Петровна. — Охъ, прогони его!

Прыщинъ. — Не трудитесь, Антонъ Антонычъ: я и самъ уйду. (*Наклоняется къ Агаѣе Петровнѣ*.) Такъ я и фармазонъ по вашему, ма tante? ха ха! ха!... А все таки на осину!

Агаѣя Петровна (*глухо*). — Мм..

Прыщинъ. — Прощайте, ма tante! опять повторю, мы расходимся во мнѣніяхъ...

Кучкинъ. — Какъ вамъ не грѣхъ?

Прыщинъ. — Ахъ! вотъ, кстати, мосьѣ Краснопѣвцевъ! мы не кончили тогда и объ этомъ разговора!.. Я все таки стою на своемъ, что это понятіе условное...

Краснопѣвцевъ (*поспѣшно раскланиваясь*). — Мое почтенье, Агаѣя Петровна! Прощайте, Антонъ Антонычъ. (*Молча кланяется Прыщину и быстро идетъ къ двери*.)

Прыщинъ. — Понятіе совершенно условное... Вирочемъ, и мнѣ пора. Прощайте. (*Идетъ вслѣдъ за Краснопѣвцевымъ, и почти разомъ оба уходятъ.*)

ЯВЛЕНІЕ XXVII.

Тъ же безъ Краснопѣвцева и Прыщина.

Агаѣя Петровна (*слабо*). — Антоша... тяжело мнѣ... тошно...

Кучкинъ (*нѣжно*). — Не проводить ли васъ въ постель, тетушка?

Агаѣя Петровна. — Нѣтъ... и тутъ хорошо... мм... тошно...

Кучкинъ. — Васъ разстроили, тетушка, всѣ эти посѣщенія, всѣ эти рѣчи безнравственныя.

Агаѣя Петровна. — Да... да...

Кучкинъ. — Такъ я не велю никого принимать, тетушка?

Агаѣя Петровна. — Да.

Кучкинъ (*звонитъ*). — У меня просто сердце изныло, слушая ихъ, тетушка... за васъ изныло-съ....

ЯВЛЕНІЕ XXVIII.

Тъ же, Пелагея и лакей (*изъ разныхъ дверей*).

Агаѣя Петровна (*Пелагея*). — Ты, рожа.... зачѣмъ?... Не бѣтай ногами-то!... Пошла вонъ.

Пелагея (*ворчитъ про себя*). — То пойдн — то уйдн....

Агаѣя Петровна. — Чтò ты еще.... бормочешь?... Охъ!... Вонъ!

Пелагея (*продолжалъ ворчать*). — Ну, затростила!
(*Уходитъ.*)

ЯВЛЕНІЕ XXIX.

Тъ же безъ Пелагеи.

Кучкинъ (*лакею*). — Не принимать никого. Слышишь?

Лакей. — Слушаю-съ.

Кучкинъ. — Больше ничего. Ступай! (*Лакей уходитъ.*)

Отд. I.

$\frac{1}{2}$ 25

ЯВЛЕНИЕ XXX.

Тъ же безъ лакея.

Кучкинъ. — Вы теперь успокойтесь, тетушка! улягтесь хорошенько и успокойтесь!... Эти посѣтители — истинное мученье!

Агао́ья Петровна. — Охъ, мой другъ!... Умерла бы давно.... не будь тебя.... Ты одинъ.... къ жизни меня привлекаешь....

Кучкинъ. — Какъ вы себя чувствуете-то, тетушка?

Агао́ья Петровна. — Охъ!... плохо... слаба... силы пѣту.

Кучкинъ. — Да вамъ бы, тетушка, лечь поспокойнѣе.

Агао́ья Петровна. — Мнѣ хорошо, мой другъ... Только вотъ — подушку поправь!

Кучкинъ (*поправляетъ*). — Успокойтесь, тетушка! усните немножко.

Агао́ья Петровна. — Не могу... такъ все... что-то не ладно... Духу совсѣмъ нѣтъ...

Кучкинъ. — Право, уснули бы вы, тетушка!... Я бы покаместъ въ залѣ посидѣлъ — почиталъ тамъ... И ставни можно приказать затворить.

Агао́ья Петровна (*слабо*). — Хо-ро-шо...

Кучкинъ (*идя къ двери, про себя*). — Ахъ ты, взбалмошная!... И полежать-то спокойно не можетъ... Точно рожонъ подъ ней.

Агао́ья Петровна (*вскрикиваетъ*). — Ой! ой!... Антоша!

Кучкинъ (*про себя*). — Ну, еще! (*Возвращаясь, громко*).
Что съ вами, тетушка?

Агао́ья Петровна. — Охъ! подыми!... Проводи въ спальню... Скорѣе!

Кучкинъ. — Что съ вами?

Агао́ья Петровна. — Охъ! дурно!

Кучкинъ (*подымаетъ ее*). — Пожалуйте-съ! (*Тащитъ ее почти на рукахъ*.) Васъ не тошнить ли, тетушка? Такъ вы пальчикомъ... пальчикомъ... какъ разъ очистить-съ, облегчить.

Агаѣя Петровна (*вдругъ опускается на стулъ по дорожку*). — Охъ... не могу... Пала-шка!

Кучкинъ (*громко*). — Пелагея! Пелагея!

ЯВЛЕНІЕ XXXI.

Тъ же и Пелагея.

Агаѣя Петровна. — Ахъ, не топай... мерзавка!... поди!... проводи меня!... Охъ!... А ты.. Антоша... тутъ побудь.

Кучкинъ. — Очень хорошо, тетушка. Осторожниѣе, Пелагея, осторожниѣе!

(*Пелагея подымаетъ Агаѣю Петровну и уводитъ.*)

ЯВЛЕНІЕ XXXII.

Кучкинъ (*одинъ*). — Боже милостивый!... Долго ли мнѣ еще маяться съ ней?... Она никакъ скорѣе меня въ гробъ вгонить! — А впрочемъ она сегодня такъ слаба, какъ еще никогда не бывала. То-то бы хорошо, кабы совсѣмъ въ постель слегла... Тутъ-бы изъ нея веревки можно вить... Я думаю, такъ и будетъ.. Кажется, довольно мы ей съ Карломъ Крестьянычемъ разныхъ разслабляющихъ спецій вкатили?... Одно только — какъ бы, проклятая, вдругъ не растянулась. Вотъ одолжить-то! Всѣ планы мои погибнуть; останусь опять съ пустыми руками, дуракъ дуракомъ... (*Въ сосѣдней комнатѣ слышны глухіе стоны.*) Что-то стонетъ сильно сегодня... Авось, сляжетъ, перестанетъ бродить-то изъ угла въ уголь... Тутъ в припугнуть можно будетъ.

ЯВЛЕНІЕ XXXIII.

Тотъ же и Пелагея.

Пелагея. — Гдѣ здѣсь андекалонъ?

Кучкинъ (*подскакиваетъ къ ней*). — Что тебѣ, Полинька?

Пелагея. — Андекалонъ, говорятъ.

Кучкинъ (*обхватываетъ ее за талію*). — Сама ты андекалонъ... Ну, дай шейку поцаловать!

Пелагея. — Отстаньте вы! Что съ руками то лѣзете? чего не выдали? (*Вывертывается.*)

Кучкинъ *(не пускаетъ ее)*. — Экая суровая! удовольствіа не хочешь доставить.

Пелагея. — Какое тутъ еще удовольствіе? Вамъ говорятъ... *(Отбиваясь)*. Да отстаньте съ руками-то!... Я сюда не за тѣмъ пришла — за дѣломъ...

Кучкинъ. — Что дѣло? Дѣло терпится... Ну, дай шейку.

Пелагея. — Пустите! *(Рѣшительно вырывается)*.

Кучкинъ *(съ укоризной)*. — Вотъ ты какая, Полинъка!... А я еще всегда за тебя заступаюсь.

Пелагея. — Знаемъ мы ваше заступанье!... Гдѣ андеколонъ-то? Поищите!

Кучкинъ. — Да на что его?

Пелагея. — Виски ей потереть.

Кучкинъ. — Что съ ней?

Пелагея. — Ослабла совсѣмъ — въ постели лежитъ?

Кучкинъ. — Въ постели?

Пелагея. — Да. Поищите же!

Кучкинъ. — Да я почему знаю, гдѣ. Ахъ, постой! вотъ, кажется, гдѣ былъ. *(Идетъ сначала къ этажеркѣ, потомъ выдвигаетъ ящики въ столахъ и ищетъ)*.

Пелагея *(про себя)*. — Хоть бы разъ его старуха застала — какъ онъ зангрываетъ!... Ужъ не быть ему въ домѣ... Кабы знала, когда она увидеть можетъ — сама бы подвела... своихъ боковъ бы не пожалѣла. Только бы его, дьявола, спровадить. *(Прислушивается)*. Возится никакъ она тамъ?... То-то бы его на игрѣ-то изловить.

Кучкинъ. — Нашелъ! *(Подходитъ къ Пелагее)*. На, вотъ, Полинъка!... *(Опять обнимаетъ ее)*. Поцалуй, душечка!

Пелагея. — Вонъ еще чего захотѣлъ!

Кучкинъ. — Разочекъ только... *(Изъ другой комнаты слышенъ слабый голосъ Агаѳьи Петровны: «Па-ла-шка»!)*

Пелагея. — Пустите! Слышите — зоветь.

Кучкинъ. — Ничего — и подождетъ.... Вѣдь сюда не придетъ... Разочекъ только поцалуй... Вѣдь не придетъ она.

Пелагея. — Гдѣ ей придти одной?...

Кучкинъ. — Не придетъ, старая вѣдьма... Ну же! *(Пелагея слегка увертывается)*.

ЯВЛЕНИЕ XXXIV.

ТѢ ЖЕ И АГАѢЯ ПЕТРОВНА (*показывается въ дверяхъ, въ бѣлой кофть и юбку*).

ПЕЛАГЕЯ. — Ну, пустите!... Мнѣ же достанется, не вамъ.

КУЧКИНЪ. — У! чтобы черти ее взяли, старую подошву!

АГАѢЯ ПЕТРОВНА (*держась за косякъ, едва внятно*). — Го-спо-ди!

КУЧКИНЪ. — А ужъ я жъ тебя поцалую, Полинька.... Ужъ какъ ты хочешь....

ПЕЛАГЕЯ (*слабо защищаясь*). — А барыня?

КУЧКИНЪ. — Чтобы околѣть ей, старой ханжѣ!

АГАѢЯ ПЕТРОВНА (*вся дрожитъ, не двгаясь съ мѣста*). — Охъ... подлець!.. аспидъ!

КУЧКИНЪ. — Ай! (*кидается въ другую сторону*).

ПЕЛАГЕЯ (*измѣнивъ тонъ*). — Что взялъ?

АГАѢЯ ПЕТРОВНА. — Мм... (*Падаетъ на полъ*).

ПЕЛАГЕЯ. — Батюшки! бѣда! (*Подхватываетъ Агаѣю Петровну и тащитъ ее на диванъ*).

АГАѢЯ ПЕТРОВНА (*едва внятно*). — Мм.... вонъ.... изъ дому.... вонъ.... мм.... подлець!

КУЧКИНЪ (*вдругъ кидается передъ нею на кольни*) — Тетушка! простите! виновать! (*Со слезами въ голосъ*). Порывъ неразумный! (*Хватаетъ ее за руку*).

АГАѢЯ ПЕТРОВНА (*глухо*). — Мм...

КУЧКИНЪ. — Тетушка! клянусь Богомъ! (*Съ дивана падаетъ ридикюль Агаѣи Петровны*).

ПЕЛАГЕЯ (*поднимаетъ его, кладетъ на столъ и показываетъ палецъ Кучкину*). — Вотъ тебѣ, бабушка, я юрьевъ день!

КУЧКИНЪ (*припадая къ Агаѣи Петровнѣ*). — Тетушка! взгляните!... я у ногъ вашихъ.... Всѣми святыми умоляю.... (*Вдругъ вскакиваетъ въ испугъ*). Что это съ ней? Не движется!

ПЕЛАГЕЯ (*грубо отстраняя его*). — Пусти ты... (*Подходитъ*). Да она похолодѣла совсѣмъ.

КУЧКИНЪ (*бѣжитъ къ двери и кричитъ*). — Эй! Оедька. за докторомъ бѣги!.. скорѣй!.. за Карломъ Крестьянычемъ... Ну же! (*Возвращается*.) Ну, что она?

ПЕЛАГЕЯ. — Какого тутъ доктора?.. умерла никакъ она!

КУЧКИНЪ (*отчаянно*). — Врешь!

ПЕЛАГЕЯ. — Самъ ты врешь! На! гляди!

КУЧКИНЪ. — Боже мой! (*Наклоняется*).

ПЕЛАГЕЯ (*тоже наклоняясь*). — Не дышитъ.

КУЧКИНЪ. — Господи! (*Кричитъ*). Люди! (*Топаетъ ногами*). За докторомъ!.. эй! люди!

ПЕЛАГЕЯ. — Что бѣснуешься? Видишь, кончилась.

КУЧКИНЪ. — Врешь! (*Бѣжитъ въ дверь направо*).

ЯВЛЕНИЕ XXXV.

ТѢ ЖЕ БЕЗЪ КУЧКИНА.

ПЕЛАГЕЯ. — Чего тутъ врешь!.. Померла. (*Ощупываетъ Агаею Петровну*). Холодѣть ужъ начала... Взять-ка пока-мѣстъ да припрятать ключъ-то отъ шкатулки. (*Беретъ изъ ридиоля ключъ и кладетъ къ себѣ за изузуху*). Этакъ лучше!

ЯВЛЕНИЕ XXXVI.

ТѢ ЖЕ И КУЧКИНЪ (*вбѣгаетъ съ маленькимъ зеркальцемъ въ рукахъ*).

КУЧКИНЪ. — Постой! постой!

ПЕЛАГЕЯ. — Говорить, нечего!

КУЧКИНЪ (*прикладываетъ зеркало къ губамъ Агаеи Петровны и взлядываетъ на негъ*). — Боже мой! (*Роняетъ зеркало на полъ*). Умерла!

ПЕЛАГЕЯ. — Что вещи-то бьешь? твои, что ли?

КУЧКИНЪ (*хватаясь за голову*). — Боже мой!.. умерла! (*Отходитъ*). Что мнѣ теперь дѣлать?.. Охъ! дышать не могу!.. (*Подходитъ къ окну и распакиваетъ обѣ половинки*).

ПЕЛАГЕЯ (*насмѣшливо*). — Ужъ ты не въ окошко ли хочешь съ горя-то?

Кучкинъ (*задумчиво*). — Хоть наличнымъ-то завладѣть... Ридикюль тутъ. (*Подходитъ къ столу и хочетъ взять ридикюль*).

Пелагея (*быстро хватаясь за него*). — Чего тебѣ?.. Пошелъ прочь!

Кучкинъ. — Ключи мнѣ.

Пелагея. — На что тебѣ ключи?

Кучкинъ (*вырывая у нея ридикюль*). — Нужно!

Пелагея. — Ха-ха-ха! много взялъ!... поди, отпирай чайницу-то!... тебѣ, небойсь, отъ шкатулки бы ключъ-то.... нѣтъ! ужъ это, братъ, дудки!.. овъ у меня вотъ гдѣ — за пазухой... отдамъ кому слѣдуетъ.... А ты только подойди... глаза выцарапаю!

Кучкинъ (*злбно кидая ридикюль въ лицо Пелагеи*). — Чтобы околѣть тебѣ!

Пелагея. — Ха-ха-ха!.. раскидался чужимъ-то добромъ!

Кучкинъ (*отходитъ въ сторону*). — Ну, что я теперь? что? пропалъ — ни за что пропалъ. (*Хватаетъ себя за голову*). Дубина я — мямля — вафля поганая!.. все изъ рукъ выпустилъ... разстрѣлять бы меня, дурачину!.. кнута мнѣ мало, чурбану безголовому! (*Начинаетъ рыдать*). Двадцать лѣтъ съ ней прожилъ... всю молодость... всю молодость свою загубилъ... понапрасну...

(*Занавѣсъ опускается.*)

МИХ. МИХАЙЛОВЪ.

СВИРЬЛЬ.

Б ы л ь.

Дѣло такъ къ крещенью было,
Говоритъ молва досель ;
Словно волкъ голодный, выла
Въ полѣ снѣжная метель.

Ночь чернѣе черной тучи,
Протянулась вдоль небесъ ;
Отряхая снѣгъ сыпучій,
Весь стоналъ сосновый лѣсъ.

На лету валилась птица
Съ отмороженнымъ крыломъ ;
Глубже звѣрь спѣшилъ зарыться
Въ нору, скованную льдомъ.

На полу, въ сырой избенкѣ,
Волѣ брошены Творца,
Сжавъ отъ холода ручки,
Дѣти ждуть домой отца.

Вотъ пришелъ и онъ ; — рыдая
Дѣти бросились къ нему ;
Блѣдень былъ бѣднякъ, снимая
Безотрадную суму.

Обнялъ ихъ, взглянулъ на небо,
Вытеръ капли крупныхъ слезъ ;
И вздохнувъ, промолвилъ : — хлѣба
Нынче, дѣтки, не принесъ.

«Ахъ ты, тятя, какъ въ сосѣдней
Церкви маму схоронилъ,
Вѣдь то былъ кусокъ послѣдній,
Что ты слезками смочилъ.

Мы не ѣли третьи сутки,
Милый тятя, мы умремъ.»
— Помолитесь малютки,
Богъ пошлетъ вамъ хлѣбца днемъ.

Посмотрите, зги не видно ;
Путь засыпала метель.
Нутко, дѣтки, плакать стыдно.
Вотъ, послушайте свирѣль.

Взялъ свирѣль онъ ; — скорбь сжимала
Душу хладомъ ледянымъ ;
А свирѣль его играла
Развеселое все имъ.

Съ трескомъ пламень отъ лучинокъ
Чуть избенку освѣщаль ;
Плача кровью, сиротинокъ
Долго бѣдный забавлялъ.

И ужь сила ли свирѣли,
Или высшей силы власть, —
Дѣти вдругъ повеселѣли
Забывая про напасть.

Разгорѣлись ихъ глазенки,
Краска бросилась къ лицу ;
Ихъ холодныя рученки
Мѣрно били въ ладъ отцу.

Разшались, — словно горе
Не вползало въ сирый домъ ;
Но устали вотъ, — и вскорѣ
Позабылись крѣпкимъ сномъ.

Туть одинъ оставшись, волю
Далъ слезамъ своимъ отецъ ;
«Отврати, молилъ, имъ долю
Злую, праведный Творецъ.

И Творецъ святымъ молениямъ
За сиротъ невинныхъ вялъ ;
Въ лучший мѣръ, съ благословеньемъ,
Взять ихъ, ангеловъ послалъ.

Н. КРОЛЬ.

К Р И Т И К А.

ЦАРЕВИЧЪ АЛЕКСѢЙ ПЕТРОВИЧЪ.
1690 — 1718.

(Исторія царствованія Петра Великаго. Н. Устрялова. Томъ VI: царевичъ Алексѣй Петровичъ. С. Петербургъ, 1859 г., въ 8 д., 640 стр., съ портретомъ, шестью снимками и двумя видами.)

Мы долго и съ нетерпѣніемъ ждали VI-го тома исторіи петровскаго царствованія. Онъ вышелъ наконецъ, мы его прочитали немедленно, прочитали съ тѣмъ вниманіемъ, съ какимъ всякій, изъ занимающихся отечественной исторіей, прочитываетъ каждый трудъ, либо проливающій новый свѣтъ на извѣстные факты, либо вносящій — новые факты; — прочитали съ замѣтками, примѣчаніями, отмѣчая мѣста, особенно насъ поразившія.... такого рода чтеніе — трудъ тѣмъ болѣе пріятный, что приходится употребить его на прочтеніе столь интересной и столь важной книги, каковымъ должно быть названо сочиненіе г. Устрялова. Мысли и впечатлѣнія, вызванныя этимъ чтеніемъ, мы хотимъ передать нашимъ читателямъ. Писать *критику* на трудъ долголѣтній, на трудъ, преимущественно составленный по подлиннымъ документамъ, хранившимся доселѣ въ архивахъ, намъ всегда казалось страннымъ; здѣсь невольно возникаетъ вопросъ: по какому праву критикъ *разгромитъ* въ четырнадцать дней трудъ, на который авторъ употребилъ четырнадцать лѣтъ? Долженъ ли быть трудъ *критика* легче, нежели трудъ *составителя*, трудъ *историка*? Разумѣется трудъ пераго не долженъ быть легче послѣдняго, и смотрѣть поверхностно на дѣло критика странно и смѣшно.

Отд. II.

1

Итакъ отступимъ предъ этимъ дѣломъ, предоставимъ его людямъ вполне знакомымъ съ петровской эпохой, изучавшимъ ее долго и тщательно; наша задача ограничится бѣглыми замѣтками и указаніями на достоинства и недостатки сочиненія Устрялова. Да не посѣтуютъ на насъ ни читатель, ни историкъ петровскаго царствованія за неполноту нашихъ замѣчаній, либо за ошибочность нѣкоторыхъ изъ нихъ.

Предпославъ самое маленькое предисловіе къ VI-му тому, предисловіе, къ которому мы еще возвратимся, г. Устряловъ представляетъ исторію царевича Алексѣя *въ десяти главахъ*: 1) Юность. 2) Бракъ. 3) Бѣгство. 4) Эренбергъ. 5) Сентъ-Эльмо. 6) Возвращеніе. 7) Розыскъ въ Москвѣ. 8) Розыскъ въ С. Петербургѣ. 9) Судъ и 10) Смерть.

Первыя двѣ главы занимаютъ сорокъ пять страницъ; рассказъ, въ нихъ переданный, обхватываетъ двадцать пять лѣтъ: съ 1690 по 1715 годъ. Последнія восемь главъ помѣщены на шести стахъ страницахъ и повѣствуютъ о событіяхъ трехъ лѣтъ: съ 1716 по 1718 годъ.

Этотъ счетъ страницъ чрезвычайно важенъ, онъ невольно возбудилъ въ насъ вопросъ: могъ ли господинъ Устряловъ въ двухъ коротенькихъ главахъ представить намъ ходъ воспитанія царевича, очертить лица, его окружавшія, представить современныя событія, имѣвшія вліяніе на нравственное развитіе Алексѣя, — оживить предъ нами дворъ и партіи того времени, показать какимъ образомъ сложился характеръ наследника, откуда начался разладъ его съ отцомъ; дагѣе: что за личность Шарлотты, какое мѣсто должна она занимать въ исторіи своего мужа и проч. и проч. Всякій хорошо понимаетъ, что бѣгство, розыски, казни—все это вытекло изъ предъидущихъ событій; что это только *слѣдствія*, тѣмъ болѣе для насъ странныя и непонятныя, чѣмъ менѣе мы знакомы съ исторіей отроческой, юношеской и брачной жизни царевича. Какже вмѣстилъ все это авторъ на *сорока страничкахъ*? Для отвѣта на этотъ вопросъ представимъ въ самомъ сжатомъ очеркѣ содержаніе первыхъ двухъ главъ; передавать какъ ихъ, такъ и послѣдующія главы нѣтъ надобности: каждый русскій, для котораго дорога родная исторія, хоть разъ, но прочтетъ книгу г. Устрялова.

Петръ женился на Авдотѣ Федоровнѣ Лопухиной 27-го января, 1689 года, въ недѣлю *Блудную*. 18-го февраля 1690 года — родился Алексѣй. Шести лѣтъ царевичъ сталъ учиться грамотѣ.

Первый учитель его, Никифоръ Вяземскій, былъ человекъ бездарный и слабый, онъ не умѣлъ заслужить уваженія своего питомца, который впоследствии билъ его неоднократно. По заоченіи жены своей въ 1698 году, Петръ вознамѣрился отправить сына для воспитанія въ Германію, но шведская война, нарвское пораженіе, военныя приготовленія — все это отвлекло вниманіе царя отъ его первенца-сына. Въ 1703 году является при Алексѣѣ баронъ Генрихъ Гюйссенъ. Человекъ хорошей фамиліи, получившій образованіе въ лучшихъ германскихъ университетахъ, онъ сдѣланъ воспитателемъ наследника русскаго престола. Новый воспитатель началъ свою педагогическую дѣятельность *наказомъ* воспитанія Алексѣя, наказомъ дѣлающимъ честь и его уму, и его педагогическимъ способностямъ. Царь одобрилъ планъ ученія, а учителю предложилъ званіе оберъ-гофмейстера царевича. Гюйссенъ, изъ боязни ли принять на себя великую отвѣтственность, какъ думаетъ Устряловъ, или вѣрнѣе, изъ желанія угодить честолюбивому временщику, уступилъ свое званіе Меньшикову.

Въ ноябрѣ 1703 года царевичъ Алексѣй, какъ солдатъ бомбардирской роты, былъ подъ стѣнами Ниеншанца, въ мартѣ 1704 году — въ осадномъ лагерѣ подъ Нарвою.... По взятіи сего города царь сказалъ Алексѣю строгую и внушительную рѣчь, оканчивая ее слѣдующими словами: «если мои совѣты разнесетъ вѣтеръ, и ты не захочешь дѣлать то, чего желаю, я не признаю тебя своимъ сыномъ; я буду молить Бога, чтобъ онъ наказалъ тебя въ сей и въ будущей жизни!»

Царевичъ со слезами схватилъ руку суроваго отца, поцѣловалъ ее и сказалъ: «я еще слишкомъ молодъ, и дѣлаю, что могу. Но увѣряю, ваше величество, что я, какъ покорный сынъ, буду во всѣмъ силами стараться подражать вашимъ дѣяніямъ и примѣру».... Въ декабрѣ того же года царевичъ входитъ въ Москву въ рядахъ Преображенскаго полка; въ началѣ 1705 года Гюйссенъ съ царскими порученіями уѣхалъ за-границу, откуда возвратился въ концѣ 1708 года. Царевичъ между тѣмъ достигъ семнадцатилѣтняго возраста и почти безъ занятій проживалъ въ селѣ Преображенскомъ. Царь — забылъ его, занятый войнами; Меньшикову тѣмъ болѣе было не до царевича: что не день, то новый царскій указъ, новое распоряженіе, а царскій любимецъ — лучше другихъ зналъ, что значить мѣшкать въ исполненіи петровскихъ повелѣній. Въ 1707 году царь *изъявилъ сыну отеческій гнѣвъ*, за то, что тотъ посѣтилъ свою мать; отправилъ его

въ Смоленскъ, съ разными порученіями, оттуда въ Москву для надзора за постройкой Кремля, для набора солдатъ и проч. Въ началѣ 1709 года царевичъ пошелъ съ полками въ Украину, былъ въ Воронежѣ, праздновалъ въ Москвѣ полтавскую побѣду, вслѣдъ за тѣмъ поѣхалъ въ Кіевъ, откуда, по отцовскому же приказу, проѣхалъ въ Дрезденъ и въ апрѣлѣ 1710 года, не доѣзжая Карлсбада, впервые видѣлся съ будущей супругой своей, принцессою бланкенбургскою Шарлотою.

Этимъ оканчивается разсказъ Устрялова о юности Алексѣя, о двадцати годахъ его жизни. Кто не прочелъ еще самой *исторіи* царевича, тотъ, безъ сомнѣнія не повѣритъ, что первая глава ея — не многимъ длиннѣе нашего сухаго извлеченія. Что же это такое, невольно спрашиваешь въ недоумѣніи? Неужели это *исторія*? Неужели въ *четыренадцать лѣтъ* г. Устряловъ не могъ ничего болѣе найдти, чтобы описать юность Алексѣя? Съ любопытствомъ просмотрѣли мы примѣчанія: въ нихъ указаны слѣдующіе источники: собраніе государственныхъ бумагъ, дневникъ Гордона, древняя вивліюника, акты археографической экспедиціи, бумаги петербургскаго, московскаго и вѣнскаго архивовъ, собраніе разныхъ записокъ, изданія Туманскаго 1787 года, Бюшпига магазинъ, письма царевича — изданія Мурзакевича 1849 года и.... но и только!

Г-ну Устрялову уже дѣлали упрекъ въ томъ, что онъ не обращаетъ вниманія на источники печатные, источники иностранные; рукописи двухъ-трехъ архивовъ — удовлетворяютъ его. Такъ и въ этомъ случаѣ, мы рѣшительно не понимаемъ, почему онъ упустилъ изъ виду реляціи разныхъ пословъ, бывшихъ при московскомъ и петербургскомъ дворѣ; мы положительно знаемъ, что въ нихъ хоть рѣдко, тѣмъ не менѣе попадаются любопытныя и характеристическія замѣтки о царевичѣ, его характерѣ, образованіи, томъ обществѣ, которое его окружало. Кстати объ *обществѣ*. Оно исчезаетъ у г. Устрялова. Мы читаемъ сухой журналъ куда поѣхалъ, гдѣ пробылъ такіе-то мѣсяцы Алексѣй Петровичъ; а какіе лица были его приближенными, а характеристика этихъ лицъ, а удовольствія царевича, а его обыденныя занятія и препровожденіе времени? ничего этого нѣтъ. Намъ скажутъ: если нѣтъ источниковъ какъ шло воспитаніе и развитіе царевича, какъ же и говорить о немъ? Такъ. Но вотъ чего не должно забывать: въ воспитаніи cadaго участвуетъ *общество*, та *среда*, въ которой мы находимся. Это общество, лица составляющіе его, ихъ дѣянія, характеры — вотъ что *учитъ*, вотъ

подъ чьимъ вліяніемъ незамѣтно развивается нравственная личность дитяти. Какже говорить объ этомъ г. Устряловъ?

«Главнымъ несчастіемъ царевича было то, что до девяти лѣтъ онъ находился подъ надзоромъ матери, косившей въ предразсудкахъ старины и ненавидѣвшей все, что нравилось Петру. Окружавшіе его родственники съ матерней стороны, Лопухины, также *безъ сомнѣнія*, оставили самое невыгодное впечатлѣніе въ умѣ слабого отрока»....

Вы ждете, что тотчасъ послѣдуетъ характеристика царицы Авдотьи, рассказъ о ея образованіи, ея характерѣ, — вы увидите на самомъ дѣлѣ, что она *косила* въ невѣжествѣ, познакомьтесь со всей обширной партіей ея родственниковъ, приверженцевъ, однимъ словомъ думаете, что историографъ не остановится на одномъ повтореніи словъ трудолюбиваго баснословца Голікова (а эти слова еще имъ были сказаны) и, сверхъ-чаянія, находите продолженіе журнала : царевичъ уѣхалъ туда то....

«Оставленный безъ надзора, царевичъ окружилъ себя монахами, попы и чернецы были его собесѣдниками; въ кругу ихъ онъ возненавидѣлъ все, что ни любилъ отецъ.... Царевна Марья Алексѣевна, суевѣрная и непріязненная брату, распалила умъ племянника тайными видѣніями.... Но главнымъ виновникомъ несчастнаго настроенія его былъ Александръ Кикпнѣ: челоуѣкъ унылый и бойкій, онъ изъ видовъ любостыжанія втерся къ царевичу и представлялъ дѣла отца въ ненавистномъ видѣ».

Опять повтореніе словъ, словъ, которыя встрѣчались во всѣхъ статейкахъ и статьяхъ, когда-либо писанныхъ объ Алексѣѣ. вмѣсто того, намъ бы желательно было узнать, неужели жизнь и дѣла великаго преобразователя были всегда велики, неужели ихъ *изображали* пріставники царевича? Неужели самъ отрокъ, юноша, юноша впечатлительный не видѣлъ въ дѣлахъ, удовольствіяхъ, привычкахъ, странностяхъ отца многого такого, что и *безъ извращенія* должно было охлаждать въ немъ сыновнее чувство любви, чувство — нпкогда не поддерживаемое въ немъ отцемъ? Гдѣ его заботы объ Алексѣѣ? самъ г. Устряловъ говоритъ, что Петръ *не радѣлъ* о воспитаніи сына, а *не радѣлъ*, онъ не любилъ его, онъ не трудился быть *образцомъ* для него во всѣхъ отношеніяхъ. Итакъ все ли въ жизни Петра было хорошо, все ли должно было привлекать его сына, и вызывать его на подраженіе? — На этотъ вопросъ мы не находимъ отвѣта у г. Устрялова.

Авторъ обвиняетъ Кикина, и главнымъ образомъ къ нему относить причину той ненависти, которую получилъ Алексѣй къ отцу; слѣдовательно Кикинъ играетъ важную роль въ судьбѣ царевича? Такъ почему-жъ г. Устряловъ не остановится на немъ съ большимъ вниманіемъ и не представитъ намъ ментора Алексѣя со всѣми его недостатками, съ его прошлою жизнью и проч.? Почему, напримѣръ, авторъ ни слова не говоритъ о *ученомъ нѣмцѣ* Нейгебауерѣ, предшественникѣ Гюйсена? Втеченіе трехъ лѣтъ онъ былъ приставникомъ царевича и, такъ рассказываютъ иностранцы: заявилъ себя какъ горчайшій пьяница и человѣкъ бѣшеннаго нрава. Спустя три года, это замѣтили и ученаго наставника выгнали «за непотребные и омерзительные поштуки». А отъ чего дѣятельность Гюйсена остановилась только на одномъ наказѣ? что за оберъ-гофмейстеръ царевичевъ былъ Меньшиковъ?... Почему г. Устряловъ не сообщитъ намъ вѣрны ли рассказы современниковъ о томъ, что этотъ *руководитель* наследника не умѣлъ ни читать, ни писать? Баловень счастья, промѣнявшій прожнній лотокъ на княжескую корону, съ тѣмъ, чтобы впоследствии такъ же легко смѣнить ее на мохнатую шапку спбрскаго мужика — Меньшиковъ не разбиралъ русской грамоты; если вѣрить Вильбоа, свѣтлѣйшій плохо подписывалъ свое имя, но въ присутствіи людей не знавшихъ этого, скрывалъ безграмотность и показывалъ видъ, будто читаетъ бумаги. Когда впоследствии уличали его собственными приказами въ похищеніи огромныхъ суммъ, онъ оправдывался: «не умѣя ни читать, ни писать, я не зналъ содержанія подписанныхъ бумагъ».

Въ дневникѣ Беркгольца и запискахъ другихъ современниковъ, мы находимъ яркую картину общественнаго быта послѣднихъ годовъ петровскаго царствованія. Зайдите въ публичную бібліотеку 1), вы найдете не одинъ десятокъ сочиненій, въ той или другой формѣ, съ большимъ или меньшимъ успѣхомъ, рпеющихъ предъ нами Петра, его жизнь, весь общественный бытъ съ 1690 по 1710 годъ: пьянство, развратъ, невѣжество, жестокость до звѣрства, пошлость характеровъ, даже и тѣхъ лицъ, которые служили орудіями великимъ преобразованіямъ

1) Просвѣщенное начальство бібліотеки, безъ сомнѣнія, вновь представитъ длинный списокъ брошюръ и современныхъ сочиненій, оставленныхъ г. Устряловымъ безъ вниманія. Мы допускаемъ эту невнимательность въ составителѣ журнальной монографіи, но въ авторѣ, трудившемся надъ однимъ томомъ, какъ самъ говоритъ, *четыринадцать лѣтъ*, намъ кажется подобное обстоятельство весьма страннымъ.

Петра; неужели обо всемъ этомъ долженъ умолчать историкъ въ разсказѣ о юности Алексѣя? А стрѣлецкій розыскъ: костры, висѣлицы, колеса, плахи, кучи смрадныхъ труповъ на площадяхъ и улицахъ московскихъ — не пропоздило все это какогонибудь впечатлѣнія на девяти-лѣтняго царевича?

«Алексѣй Петровичъ, по мнѣнію многихъ изъ писавшихъ о немъ на разныхъ языкахъ, отъ природы имѣлъ характеръ вялый, не имѣлъ великодушія и до зрѣлаго возраста только и могъ заниматься дѣтскими играми.» — «Царевичъ, съ колыбели былъ безпечень и легкомыслень.»—Онъ *родился* съ характеромъ Авдотьи Федоровны, и т. п. — Смѣшны подобныя заключенія, нерѣдко ни на чемъ не основанныя, и тѣмъ дороже для насъ замѣтки современниковъ: «Я часто бываю при дворѣ царевича, пишетъ одинъ резидентъ въ 1711 году, почему и могу разсказать о немъ нѣкоторыя интересныя подробности: наследникъ высокаго роста и хорошо сложенъ. Смуглое лицо его обрамлено каштановыми волосами, изъ подъ густыхъ бровей блестятъ живые глаза. Онъ гордо смотритъ на того, съ кѣмъ говоритъ. Говоритъ мало, но отвѣчаетъ живо, выразительно, хладнокровенъ и во многомъ напоминаетъ отца. Знающіе его увѣряютъ, что онъ имѣетъ доброе сердце и весьма набоженъ. Говорятъ, что онъ уже пять разъ прочелъ всѣ книги священнаго писанія. Притомъ любитъ читать греческихъ историковъ, одаренъ большими способностями, легко и скоро схватываетъ то, что ему говорятъ.....»

Можетъ быть, эти слова — плодъ фантазіи иноземца-писателя? Посмотримъ, какимъ рисуется г. Устряловъ царевича Алексѣя. Но историографъ во всемъ разсказѣ о юности наследника умалчиваетъ о его способностяхъ, степени его развитія, его познаніяхъ: онъ торопливо переходитъ къ брачной жизни Алексѣя; последуемъ и мы за нимъ. Шарлота была изъ дому Брауншвейгъ-Волфенбютельскаго. Г. Устряловъ считаетъ нужнымъ подробно вычислить родословіе крон-принцессы; дѣло полезное и не безынтересное, но было бы еще лучше, еслибы авторъ познакомилъ насъ съ самой Шарлотой, это было бы ближе къ дѣлу. Но онъ этого не дѣлаетъ, а прямо переходитъ къ сватовству. Царевичъ видѣлся съ невѣстой неоднократно, она ему не полюбилась. Тѣмъ не менѣе дѣло было улажено. Авторъ не объясняетъ, почему именно Петръ настоялъ на этомъ бракѣ, почему поспѣшилъ заключить брачный договоръ 19-го апрѣля, 1711 года. Договоръ былъ заключенъ «къ пользѣ, утвержденію

и наследству российской монархии», но болѣе «къ вящей славѣ и приращенію брауншвейгскаго дома.» — Невѣста была очень худа, высока ростомъ и изуродована оспой 2).

Въ четвертый день послѣ брака Петръ далъ царевичу подробную инструкцію: «что дѣлать въ небытіи моемъ сыну моему въ Польшѣ» 3). Надъ неисполнителями царскихъ указовъ Алексѣй долженъ былъ, «чинить Execuцію безъ всякаго пардона», и самому накрѣпко смотрѣть, чтобъ тѣ Execuціи не были фальшивы.

Исполняя волю отцовскую, царевичъ, спустя три недѣли отправился въ путь, жена послѣдовала за нимъ и выжидала его въ разныхъ городахъ. Положеніе ее и ея двора не было блестяще, государь положительно былъ занятъ своими дѣлами, и крон-принцесса со слезами просила у Меншикова денегъ, ибо терпѣла съ окружающими крайнюю нужду. Три года продолжались странствія царевича; это долговременное отсутствіе тревожило его приверженцовъ, отголоскомъ общаго сѣтованья былъ рѣчь, сказанная Стефаномъ, митрополитомъ рязанскимъ. «Слушайте, говорилъ между прочимъ Стефанъ, слушайте преступники заповѣдей Божіихъ, и не удивляйтесь, что многоязечная Россія наша доселѣ въ кровныхъ буряхъ волнуется; не удивляйтесь, что до-сихъ-поръ, по толпкамъ смятеніямъ доселѣ не имѣемъ превождѣннаго мира! Миръ есть сокровище неоцѣненное, но тѣ только сокровищемъ симъ обогатятся, которые любятъ законъ Господа.... А какой-то законъ у насъ: поставленъ надзиратель (фискалъ) надъ судами и дана ему воля, кого хочетъ обличить, да обличить, кого хочетъ обезчестить, да обезчестить; воленъ, буде хочетъ, поклепъ сложить на ближняго судью..... О! угодниче Божій, св. Алексѣй, не забудь тезоимен-

2) Этотъ фактъ совершенно новый, въ достовѣрности его нѣтъ причинъ сомнѣваться. Но любопытно, что до-сихъ-поръ большая часть писавшихъ о царевичѣ Алексѣѣ называли его жену красавицей. Современная гравюра знаменитаго Вортмана изображаетъ лицо Шарлоты, если не красивымъ, то весьма приятнымъ съ выраженіемъ ума и доброты. Жаль, что господинъ Устряловъ не приложилъ къ этому тому портретъ супруги царевича, это было бы совершенно у мѣста, тѣмъ болѣе, что гравюра Вортмана очень рѣдка. Она была перепечатана въ настоящемъ году въ русской «Иллюстраціи».

3) Г. Устряловъ привелъ письмо царя къ Меншикову о брачномъ торжествѣ своего сына, но не упомянулъ о подобномъ же письмѣ къ адмиралу Ѳ. М. Апраксину.

ника твоего, особеннаго заповѣдей Божіихъ хранителя и твоего преславнаго послѣдователя. Ты оставилъ еси домъ свой: онъ также по чужимъ домамъ скитается, ты удалился отъ родителей, онъ также; ты лишенъ отъ рабовъ, слугъ и подданныхъ, друзей, сродниковъ, знакомыхъ: онъ также..... Молимъ убо, покрой своего тезоименника, нашу едину надежду....»

Это слово въ высшей степени замѣчательно, и мы жалѣемъ только, почему г. Устряловъ нигдѣ не приводитъ другихъ проповѣдей, посвященій книгъ, обращеній—гдѣ только упоминается о царевичѣ; нѣтъ сомнѣнія, что такихъ *казаній*, какъ слова Яворскаго, было не болѣе одного, но упоминалось же объ Алексѣѣ и въ другихъ современныхъ литературныхъ памятникахъ 4)? Стефанъ Яворскій едва не подвергся опалѣ царской за свободное слово, по крайней мѣрѣ, его читалъ, съ отиѣтками, Петръ, и Стефанъ долженъ былъ умиловитивить гнѣвъ монаршіи покорнымъ письмомъ.

Въ началѣ 1713 года, Шарлотта пріѣхала въ Петербургъ; въ послѣднихъ мѣсяцахъ того же года явился къ ней царевичъ. Жили они въ особомъ дворцѣ, на лѣвомъ берегу Невы, близъ церкви всѣхъ скорбящихъ. (Тамъ нынѣ шпацерная мануфактура). Дворъ ихъ былъ многочисленъ, но нельзя думать, чтобъ они жили съ удобствами, покойно и хорошо. Устряловъ молчитъ объ этомъ, но современники пишутъ, что въ спальню принцессы проникалъ дождь 5), комната представляла разва-

4) Ихъ было не мало. Мы слышали, что г. Пекарскій уже нѣсколько лѣтъ трудится надъ библиографіей книгъ петровскаго времени; нечего и говорить, какъ важенъ и какъ интересенъ подобный трудъ.

5) Надо думать, что это извѣстіе вполне справедливо. Есть извѣстія, что члены царской фамиліи и позже (въ XVIII вѣкѣ) жили съ большими неудобствами. Вотъ что, напримѣръ, рассказываетъ Берггольцъ о дворѣ герцогини мекленбургской: «11-го декабря 1722 года, поздно вечеромъ, я долженъ былъ отправиться съ одною вѣстью въ село Измайлово, гдѣ жила Екатерина Ивановна, съ сестрой Прасковьей, матерью своею, и дочерью (Авной Леопольдовной). Меня встрѣтила и повела во внутреннія комнаты сама герцогиня, къ матери и сестрѣ, которыя со всѣми ихъ фрейлинами лежали въ постеляхъ. Послѣ того я долженъ былъ еще подходить съ герцогинею къ постелямъ фрейлинь и отдавать имъ визиты. Онѣ лежали, какъ бѣдныя дѣвушки, одна подлѣ другой и почти нагіи. Вообще все ночное посѣщеніе не сдѣлало на меня выгоднаго впечатлѣнія, хоть мнѣ и пришлось видѣть много голыхъ шей и грудей.» Въ царствованіе Елисаветы жизнь наследника престола и его супруги, такъ рассказываетъ послѣдняя, далеко не отличалась комфортомъ.

лины, а царевичъ ни мало не радѣлъ о нелюбезной ему женѣ, говорить съ ней не любилъ, и если бы не нуждался въ сынѣ, то Шарлотта была бы лишена и брачныхъ удовольствій; по крайнѣй мѣрѣ Алексѣй ходилъ на половину жены разъ или два въ двѣ недѣли.

Основываясь на показаніяхъ Алексѣя и его слугъ, въ 1718 году, историкъ повѣствуетъ, что царевичъ возобновилъ свои связи съ московскими (?) попами, и разными дурными людьми... Но къ сожалѣнію, и здѣсь мы не находимъ подробностей «о развратной жизни Алексѣя», кто его были знакомые, собесѣдники, въ чемъ состояли его удовольствія, какъ жило тогдашнее петербургское общество б), въ которомъ, безъ сомнѣнія, бывалъ Алексѣй, либо его жена; въ чемъ состояли занятія послѣдней, съ какого времени и по какому поводу Петръ пересталъ *юверить* съ сыномъ, о чемъ самъ писалъ къ нему впоследствии?

Вообще много пробѣловъ въ первыхъ главахъ разбираемаго нами сочиненія; рассказъ отрывоченъ; это сборникъ немногихъ матеріаловъ къ описанію сего періода жизни Алексѣя, матеріаловъ, изъ которыхъ немногіе драгоцѣнны, немногіе вполне любопытны. Такъ напримѣръ, авторъ говоритъ, что въ 1714-мъ году Алексѣй былъ постоянно нездоровъ и по совѣту докторовъ поѣхалъ на воды въ Карлсбадъ. Весь рассказъ Устрялова объ этомъ времени ограничивается (впрочемъ весьма любопытнымъ) указаніемъ на сочиненія Баронія, изъ котораго Алексѣй сдѣлалъ выписки и подобнаго рода замѣчанія:

«Тюремщиковъ на паску отпустили Валентинъ и Θεодосій.»

б) Приведемъ образчикъ такого факта, который долженъ бы былъ найтись мѣсто въ *исторіи* царевича Алексѣя: въ началѣ 1715 года, Петръ, желая приготовить народъ къ *небытію* патріарха, велѣлъ устроить свадьбу Бутурлина, названнаго *князь-патріархомъ*. Въ шутовской, смѣхотворной процессіи участвовали государь, Меньшиковъ, графъ Апраксинъ, князья Долгорукіе, Голицыны, Черкасскіе, царевичъ сибирскій, цесарскій резидентъ Плееръ, баронъ Гюйсенъ, всего двѣсти пятнадцать человекъ. Между ними былъ и наследникъ престола въ егерскомъ платьѣ. Въ числѣ дамъ, вмѣстѣ съ государыней и царевнами, въ старо-нѣмецкомъ костюмѣ присутствовала Шарлотта-Софія. Девяносто-лѣтній священникъ московскаго, архангельскаго собора въначалѣ семидесяти-лѣтняго князь-патріарха Бутурлина съ шестидесяти-лѣтнею архіерейшею Бутурлиной. *Машкарадная роспись* была утверждена подписью митрополита новгородскаго. Съ музыкой и колокольнымъ звономъ всѣхъ московскихъ церквей процессія обошла городскія улицы. Щедро угощаемый народъ, съ ковшами въ рукахъ, ревелъ: «Патріархъ женился, патріархъ женился, да здравствуетъ патріархъ съ патріаршей!!»

«Не цесарское дѣло вольный языкъ унимать.»

«Во Франціи носили долгое платье, а короткое Карлъ Великій запрещалъ, и похвала долгому, а короткому сопротивное и т. д.»

Нѣтъ сомнѣній, что все это очень интересно, эти выписки и замѣтки рисуютъ предъ нами царевича съ его взглядомъ на вещи и обычаи. Но не одну же книгу прочелъ Алексѣй. Извѣстно, что онъ любилъ читать, списалъ для *своей библиотеки* слово Яворскаго.... Почему-жъ авторъ не постарался указать намъ другія подобныя замѣтки, почему не познакомилъ насъ съ *библиотекой* Алексѣя. Знакомство съ выборомъ книгъ въ библиотеку даетъ нерѣдко понятіе и о владѣльцѣ книгохранилища.

Иностранцы повѣствуютъ, что Петръ чрезвычайно любилъ свою невѣстку. Изъ книги г. Устрялова не видно этой привязанности, не видать особыхъ попеченій о ней государя. Напротивъ письмо царя изъ Ревеля, въ 1714-мъ году, письмо, въ которомъ онъ напоминаетъ Шарлоттѣ, что мужъ ея въ отлучкѣ, и чтобы она вела себя осторожно, не давая *нищии лаятельству необузданнымъ языкомъ*, это подозрѣніе со стороны Петра поразило и огорчило Шарлотту; она съ большимъ достоинствомъ и тактомъ отвѣчала Петру, заключая свое письмо слѣдующими знаменательными словами: «Думаю, поведеніе мое не могло служить поводомъ къ злорѣчію; мнѣ прискорбно, что мои завистники и преслѣдователи имѣютъ довольно силы въ подобной интригѣ. Богъ — моя надежда на чужбинѣ! Я *всѣми покинута*»....

Приведя эти любопытныя письма, г. Устряловъ не вдается въ разборъ тѣхъ причинъ, которыя вызвали эту странную переписку. Не красавецъ ли Левенвольдъ, извѣстный своими побѣдами надъ женскими сердцами, состоявшій въ свитѣ Шарлотты и пользовавшійся ея дружбою и довѣріемъ (о чемъ не разъ говорила она сама) не этотъ ли Левенвольдъ, впоследствии любимецъ двухъ императрицъ — Екатерины I и Анны I, не онъ ли возбуждалъ сплетни и не его ли заподозрилъ въ связи съ невѣсткой великій Петръ?

Приведеніемъ двухъ, трехъ писемъ Шарлотты, рассказомъ о ея родахъ, болѣзни, предсмертномъ завѣщаніи и смерти 7) заканчивается рассказъ г. Устрялова. Онъ не проводитъ ни одной

7) Тѣло Шарлотты было опущено въ склепъ петропавловскаго собора (28 октября 1715 г.) *послѣ рѣчи придворнаго пастора*. Почему жъ историкъ не приводитъ этой рѣчи? При скудности извѣстій о принцессѣ надо дорожить каждымъ словомъ о ней.

черты для характеристики Шарлоты, почти ни слова не говоритъ о ея отношеніяхъ къ мужу, получающихъ для насъ особый интересъ уже потому, что Алексѣй Петровичъ въ день кончины жены былъ внѣ себя отъ горести и *несколько разъ падалъ въ обморокъ*. Откуда-жъ происходило это отчаянье, тѣмъ болѣе, что оно противорѣчитъ всему выше сказанному и извѣстію: что въ концѣ 1714-го года, по возвращеніи своемъ въ Петербургъ, Алексѣй завелъ любовную связь съ Евроспией Теодоровной, крѣпостной дѣвицей учителя своего Вяземскаго?

Шарлотта и по изданіи книги г. Устрялова; остается для насъ личностью страдальческою, но темною, неразгаданною, почти неизвѣстною; оставлена въ тѣни и ея соперница Евросинья, для характеристики которой авторъ не сказалъ ни одного слова.

Съ первыми двумя главами кончается слабѣйшая часть труда нашего исторіографа. Эта часть до такой степени слаба, до такой степени скудна новыми фактами и матеріалами, что мы рѣшительно отвергаемъ заглавіе данное этому тому: «Исторія царствованія Петра: царевичъ Алексѣй Петровичъ.» Здѣсь надо бы вставить одно слово: Исторія царствованія Петра: *дѣло* царевича Алексѣя Петровича. Это тѣмъ болѣе было бы у мѣста, что авторъ почти всю книгу посвятилъ на обнаруженіе архивныхъ, подлинныхъ документовъ, относящихся къ тремъ послѣднимъ годамъ, злополучной жизни Алексѣя.

Богатство матеріаловъ, доставшихся г. Устрялову, неперечислемо: онъ не упустилъ ни одного листка, ни одного письмаца, ни одной замѣтки, даже черты — сдѣланной тѣмъ, либо другимъ на подлинномъ документѣ; и какъ бы велика была заслуга исторіографа, еслибы онъ обставилъ этотъ сырой матеріалъ подробностями печатныхъ источниковъ, освѣтилъ ихъ критическимъ взглядомъ, обозрѣлъ бы обстоятельства, среди которыхъ совершались эти дѣйствія, оживилъ бы лица Петра, его жены — о которой во всемъ томъ упоминается очень и очень рѣдко, — царевича Алексѣя, рельефно очертилъ бы шпионовъ, сыщиковъ, слѣдователей, судей! Придалъ бы современный колоритъ разсказу, представилъ бы состояніе общества, въ которомъ оно находилось, когда изъ среды его исторгали почетныхъ лицъ, именитыхъ женщинъ, гражданскихъ, военныхъ и духовныхъ сановниковъ, когда хватили толпы слугъ, монаховъ, монахинь — заковывали въ желѣза, бросали въ тюрьмы, водили въ застѣвки, жгли, рубили, сѣкли, бичевали кнутами, рвали на части клещами, сажали живыхъ на колы, ломали на колесахъ. Предста-

вилъ бы намъ страхъ и смятеніе жителей Петербурга и Москвы, когда прерваны были, по высочайшему повелѣнію, сообщенія между тѣмъ и другимъ городомъ, а по домамъ развѣзжали съ *собственноручными ордерами* деньщики, сыщики, палачи.

Но, будемъ довольны и тѣмъ, что представилъ намъ г. Устряловъ. Представилъ онъ немного, если взять въ расчетъ, что трудился четырнадцать лѣтъ, но довольно много для *будущей исторіи* Алексѣя. Подождемъ ее и будемъ увѣрены, что всякой, кто только возьметъ на себя трудъ изучать петровскую эпоху и писать о ней, не обойдется безъ книги г. Устрялова, поставитъ ее вряду нужнѣйшихъ источниковъ.

Итакъ, съ третьей главы разсказъ нашего автора, не дѣлаясь живѣе, дѣлается не сравненно полнѣе. Онъ начинается извѣстнымъ письмомъ или объявленіемъ отца къ сыну, написаннымъ еще до рожденія внука. Изъ него мы узнаемъ, какими глазами смотрѣлъ государь на своего первенца сына: «къ дѣламъ государственнымъ и наследованія престола ты, Алексѣй, не потребенъ. Разума не лишень, тѣломъ не весьма слабъ. О воинскомъ дѣлѣ слышать не хочешь; лѣнивъ, золъ, упрямъ, не смотря на то, что я тебя не только бранилъ, но не разъ и бивалъ, къ тому же нѣсколько лѣтъ и не говорилъ съ тобой. Дѣлать ничего не хочешь, сидишь дома, веселишься.... Въ заключеніе грозный отецъ требовалъ *нелицмѣрнаго исправленія* сына, въ противномъ случаѣ грозилъ, яко гангранный удъ, лишить его наследства 8)....

Извѣстно какой отвѣтъ далъ Алексѣй, съ совѣта своихъ приближенныхъ: «находя себя человѣкомъ не потребнымъ, гнѣзымъ, неудобнымъ къ управленію, слабымъ, лишеннымъ памяти, умственныхъ и тѣлесныхъ силъ, Алексѣй отказался отъ престола, вѣрялъ своихъ дѣтей отцовскимъ заботамъ и просился въ монастырь.»

Но отцу не того хотѣлось: «лучше возмись за прямую дорогу, нежели въ черницы идти» говорилъ онъ при прощаньи съ

8) Приводя это письмо, г. Устряловъ не говоритъ о замѣчательномъ указѣ, обнаруженномъ еще въ ноябрѣ 1715 года, указѣ, въ силу котораго представлялось *каждому* подданному передавать свое недвижимое имѣніе *достойнѣйшему* сыну, безъ уваженія правъ старѣйшинства. «Суди по этому указу, писалъ 15-го ноября 1715 года Вилль-Коксъ, царь *принялъ намѣреніе* лишить наследства старшаго своего сына. Мы скоро увидимъ царевича постриженнымъ и принужденнымъ проводить остатокъ дней своихъ въ молитвахъ и псалмопѣніи.»

сыномъ, и давъ шестимѣсячный срокъ на *думанье*, Петръ уѣхалъ за-границу. Что называлъ Петръ прямою дорогою, въ чемъ должно было состоять неличемѣрное обращеніе къ нему сына, какъ провезъ сынъ семь мѣсяцевъ до полученія приказа отцовскаго: либо ѣхать къ нему за-границу, либо пдти въ монастырь— объ этомъ молчать историкъ. Рассказывая объ отѣздѣ царевича изъ Петербурга, г. Устряловъ приводитъ слова, говореныя Алексѣемъ во время московскихъ и петербургскихъ розысковъ. Мы не думаемъ, чтобы вполнѣ можно довѣрять рѣчамъ Алексѣя и его приверженцевъ, рѣчамъ, не рѣдко говоренымъ между пытками, наконецъ съ виски или дыбы. Наконецъ эти выписки изъ пыточныхъ рѣчей, повторяясь у Устрялова по три, по четыре раза, утомляютъ читателя; авторъ ихъ приводитъ въ текстѣ разсказа о бѣгствѣ и жизни Алексѣя за-границей, онъ ихъ приводитъ въ разсказахъ о розыскахъ, онъ ихъ вновь печатаетъ въ приложеніяхъ, перепечатываетъ въ «розыскомомъ дѣлѣ».

Царевичъ выѣхалъ изъ Петербурга 26-го сентября 1716 года. Проѣхавъ Данцигъ, онъ исчезъ. — 20-го декабря, встревоженный Петръ послалъ первое повелѣніе генералу Вейде, стоявшему съ корпусомъ въ Мекленбургѣ, развѣдать, гдѣ сынъ его. Сказавъ, что Петръ *встревожился*, г. Устряловъ перечисляетъ его письма, указы и инструкціи о поискѣ сына: резиденту Веселовскому, офицерамъ Вейде, письмо къ австрійскому императору и проч., но ничего не говоритъ о томъ, что дѣлалъ въ это время Петръ? Между тѣмъ не было замѣтно, пишетъ Гдниковъ, ссылаясь на сказанія современниковъ, «чтобы событіе это поколебало Петра и привело его въ смущеніе; напротивъ онъ продолжалъ путешествіе, пировалъ, веселился, занимался дѣлами, велъ дѣятельную переписку. Казалось монархъ давно уже былъ готовъ къ начинающейсѣ драмѣ, въ головѣ его уже была рѣшена ея развязка, и онъ только сердился на медленный ходъ дѣла».

Четвертая глава, — вообще пребываніе царевича за-границей описано весьма подробно и читается съ большимъ интересомъ. Дѣло въ томъ, что авторъ отыскалъ въ тайномъ государственнымъ архивѣ въ Вѣнѣ много документовъ, по истинѣ драгоценныхъ, большая часть которыхъ, если не всѣ, были совершенно неизвѣстны. Таковы: подробный разсказъ вице-канцлера графа Шенборна о тайномъ прибытіи царевича въ Вѣну, о причинѣ бѣгства его изъ Россіи и объ удаленіи сперва въ тирольскую крѣпость Эренбергъ, потомъ въ Неаполь; подлин-

ныя письма царевича къ цесарю Карлу VI и графу Шенборну, на нѣмецкомъ языкѣ; наказъ цесаря эренбергскому коменданту о секретномъ содержаніи царевича; собственноручныя письма Петра I къ цесарю о сынѣ; собственноручныя письма царевича къ сенаторамъ и архіереямъ въ Россію; протоколы тайной конференціи цесарскихъ министровъ, по случаю настоятельнаго требованія Петромъ выдачи сына; донесеніе графа Дауна о согласіи царевича возвратиться изъ Неаполя въ Россію; донесенія резидента Плеера, большею частью писанныя цыфирью и проч.

Изъ всѣхъ этихъ документовъ особенно интересенъ рассказъ графа Шенборна. Вотъ какого рода матеріалы могли бы вполне оживить сухой рассказъ г. Устрялова. Шенборнъ, какъ очевидно, прямо переноситъ въ свою эпоху, лицомъ къ лицу ставитъ съ царевичемъ, а какъ нѣмецъ, онъ не забываетъ ни одной, самой мелкой черты и тѣмъ проливаетъ необыкновенный свѣтъ и на дѣйствія и на дѣйствующія лица.

1716 года, 10-го ноября, рассказываетъ въ третьемъ лицѣ Шенборнъ, въ десять часовъ вечера, офицеръ, проходи изъ кабинета вице-канцлера съ подписанными бумагами для отправленія на почту, встрѣтилъ на лѣстницѣ неизвѣстнаго человѣка, который ломаннымъ, нѣмецко-французскимъ языкомъ требовалъ, чтобы его немедленно допустили къ вице-канцлеру, и какъ ему сказали, что уже поздно, то хотѣлъ ворваться силою. На вопросъ офицера, что ему надобно? незнакомецъ отвѣчалъ, что онъ присланъ къ самому графу и имѣетъ повелѣніе непременно сегодня съ нимъ говорить. Доложили вице-канцлеру, который уже ложился въ постель: онъ велѣлъ сказать знакомцу, чтобы пришелъ завтра къ семи часамъ утра; если же имѣетъ письмо, подалъ бы чрезъ офицера и сказалъ бы свое имя. Незнакомецъ настоятельно требовалъ видѣть графа, угрожалъ въ противномъ случаѣ идти во дворецъ, прямо къ императору, потому что имѣетъ такое дѣло, о которомъ еще сегодня должно быть донесено его величеству.

Допущенный наконецъ къ вице-канцлеру, бывшему уже въ шафрокѣ, онъ сказалъ: «нашъ государь царевичъ стоитъ здѣсь на площади и хочетъ видѣться съ вашимъ сіятельствомъ.» Поступки и слова незнакомца такъ были странны, что вице-канцлеръ спросилъ: правду ли онъ говоритъ? и какимъ образомъ могъ прибыть сюда царевичъ? Тотъ отвѣчалъ: царевичъ много слышалъ хорошаго о вице-канцлерѣ, и какъ всѣ чужестранцы,

къ здѣшнему двору прѣзжающіе, являются къ графу, то и онъ обращается къ нему; впрочемъ желаетъ быть въ величайшей тайнѣ, чтобы никто его не видѣлъ». Вице-канцлеръ хотѣлъ немедленно одѣться и идти къ крон-принцу; но посланный сказалъ, что царевичъ уже здѣсь, у подѣзда, и ждетъ только приглашенія, по которому самъ немедленно явиться. Вице-канцлеръ послалъ офицера почтительно пригласить принца; самъ между тѣмъ спѣшилъ одѣться, и прежде, чѣмъ успѣлъ кончить свой туалетъ, царевичъ уже явился, сопровождаемый офицеромъ и своимъ служителемъ.

Первымъ словомъ его было *учтливое* 9) изъявленіе особенной дѣвственности къ вице-канцлеру и желаніе переговорить съ нимъ наединѣ. Какъ скоро постороннія лица удалились, онъ сказалъ въ сильномъ волненіи: «Я пришелъ сюда просить императора, моего шурина, о покровительствѣ, о спасеніи самой жизни моей. Меня хотятъ погубить; меня и бѣдныхъ дѣтей моихъ хотятъ лишить престола. Произнося эти слова, царевичъ съ ужасомъ озирался и бѣгалъ по комнатѣ. Вице-канцлеръ старался его успокоить и утѣшить, увѣряя, что здѣсь онъ въ совершенной безопасности; причесъ спрашивалъ, чего желаетъ? Царевичъ отвѣчалъ: императоръ долженъ спасти мою жизнь, обезпечить мнѣ и дѣтей моихъ права на престолъ 10). Отецъ хочетъ лишить меня и жизни и короны. Я ни въ чемъ предъ нимъ не виноватъ; я ничего не сдѣлалъ моему отцу. Согласенъ, я слабый человекъ; но такъ *воспиталъ* меня *Меньшиковъ*. Здоровье мое съ намѣреніемъ разстроилъ пьянствомъ. Теперь говоритъ мой отецъ, что я не гожусь ни для войны, ни для правленія: у меня однакожь довольно ума, чтобы царствовать. Богъ даетъ царства и назначаетъ наследниковъ престола; но меня хотятъ постричь и заключить въ монастырь, чтобы лишить правъ и жизни. Я не хочу въ монастырь. Императоръ долженъ спасти меня». Говоря это царевичъ былъ *внѣ себя отъ волненія*, упалъ на стулъ и кричалъ: «ведите меня къ императору».

9) Вообще изъ многихъ документовъ и частныхъ писемъ, приведенныхъ самимъ же Устряловымъ, видно, что Алексѣй Петровичъ, вопреки многимъ, писавшимъ о немъ, былъ вѣжливъ, учтивъ, деликатенъ, особенно если взыть въ расчетъ то время, когда по спицамъ гуляла дубина, когда для потѣхи поролъ батогами; есть факты, говорящіе *противъ* его вѣжливости (таково обращеніе его съ Вяземскимъ), но ихъ не много.

10) Г. Устряловъ переводитъ иногда слишкомъ близко къ подлиннику; мы хотимъ сказать, что конструкція фразъ у него не всегда русская.

Вице-канцлеръ успокоивалъ, говорилъ, что здѣсь онъ въ совершенной безопасности и просилъ объясненій.

«Я не виноватъ предъ отцемъ, говорилъ царевичъ, я всегда былъ ему послушенъ; ни во что не вльщивался; я ослабѣлъ духомъ отъ гоненій и смертельнаго пьянства. Впрочемъ отецъ былъ ко мнѣ добръ; но съ-тѣхъ-поръ, какъ пошли у жены моей дѣти, все сдѣлалось хуже, особенно, когда явилась новая царица и сама родила сына. Она и Меньшиковъ постоянно вооружала противъ меня отца; оба они исполнены злости, не знаютъ ни Бога, ни совѣсти».

Когда царевичъ нѣсколько успокоился, вице-канцлеръ сталъ спрашивать его о разныхъ подробностяхъ. Царевичъ разсказалъ всю жизнь свою, сознаваясь, что къ войнѣ онъ никогда охоты не имѣлъ. За нѣсколько лѣтъ предъ тѣмъ, отецъ поручилъ ему управленіе государствомъ, и все шло хорошо: царь былъ имъ доволенъ. Но, съ-тѣхъ-поръ, какъ пошли у него дѣти и жена его умерла, а царица также родила сына, то вздумали запить его виномъ до смерти: онъ не выходилъ изъ своихъ комнатъ. За годъ предъ симъ отецъ принудилъ его отказаться отъ престола и жить частнымъ человѣкомъ, или постричься въ монахи; а въ послѣднее время курьеръ привезъ повелѣніе либо ѣхать къ отцу, либо заключиться въ монастырь: исполнить первое, значило погубить себя озлобленіями и пьянствомъ; исполнить второе, потерять тѣло и душу.... Разсказывая это царевичъ *зависалъ слезами*, сѣтовалъ объ оставленныхъ дѣтяхъ и снова требовалъ видѣть императора, чтобы просить его за свою жизнь.

«Я знаю, говорилъ царевичъ, что императору донесено, будто я дурно поступалъ съ сестрою императрицы: Богу извѣстно, что не я, а отецъ мой и царица такъ обходились съ моею женою, заставляя ее служить, какъ дѣвку, къ чему она, по своему воспитанію не привыкла; въ публичныхъ обществахъ никогда съ нею не говорили, а предпочитали ей министерскихъ женъ, слѣдовательно она очень огорчалась, къ тому же я и жена моя терпѣли всякій недостатокъ. Особенно дурно съ нами обращались, когда принцесса стала рождать дѣтей... Отецъ мой окруженъ злыми людьми, до крайности жестокосердъ и кровожаденъ, думаетъ, что онъ, какъ Богъ, имѣетъ право на жизнь человѣка, много пролилъ невинной крови, даже часто налагалъ руку на

несчастныхъ страдальцевъ 11); къ тому же немовѣрно гнѣвнъ и мстителенъ, не щадить никакого человѣка, и если императоръ выдастъ меня отцу, то все равно, что лишитъ меня жизни. Если бы отецъ и пощадилъ, то мачиха и Меньшиковъ до-тѣхъ-поръ не успокоятся, пока не запыятъ или не отравятъ меня.»

Царевичъ былъ въ большомъ безпокойствѣ и страхѣ; тщетно Шенборнъ подавалъ ему надежду на средство примириться съ отцемъ. Алексѣй отвергалъ всякую надежду на примиреніе, и съ горькими слезами просилъ принять его при цесарскомъ дворѣ открыто и оказать покровительство...

Мы искренно сожалѣемъ, что объемъ журнальной статьи и болѣзнь обременить ее выписками, не позволяютъ намъ продолжать наши выписки. Разсказъ Шенборна въ высшей степени интересенъ, мало того, весьма важенъ для біографіи царевича. Во всемъ томъ г. Устрялова слишкомъ немного мѣсть, въ которыхъ слышна бы была рѣчь самого Алексѣя, гдѣ бы видно было его оправданіе: вотъ почему никто не долженъ пропустить безъ вниманія записки Шенборна; не вѣрять словамъ Алексѣя мы не имѣемъ никакого повода: допустимъ, что желаніе снискать покровительство цесаря заставило его бросить несправедливыя обвиненія на отца, мачиху, Меньшикова... но какъ же послѣ этого мы, вслѣдъ за г. Устряловымъ, слѣпо, не обвинуясь, на вѣру будемъ принимать слова и письма злополучнаго Алексѣя — во время московскихъ и петербургскихъ пытокъ? Последнимъ мы вѣримъ, на основаніи послѣднихъ мы обвиняемъ безъ апелляціи Алексѣя, а первое — будемъ опровергать? Нѣтъ, въ его жалобахъ предъ вице-канцлеромъ слышна истина, горькая истина, онъ еще сдерживаетъ себя, и его стоны, его жалобы выливаются въ горячихъ слезахъ. Была ли это комедія? Мы не имѣемъ ни одного факта, изъ котораго могли бы судить объ Алексѣѣ, какъ о притворщикѣ. А это отчаянье, это безпокойство, этотъ ужасъ, который овладѣваетъ молодымъ человѣкомъ при воспоминаніи объ отцѣ, о потокахъ невинной крови,

11) Справедливость этого факта (о немъ упоминаетъ г. Устряловъ въ III томѣ) подтверждается многими достовѣрными извѣстіями, между прочимъ правдивымъ Корбономъ; онъ говоритъ довольно осторожно: «Первыя казни стрѣльцовъ, въ 1698 году 10-го октября, начались тѣмъ, что пять головъ главнѣйшихъ инсургентовъ были отсѣчены топоромъ, рукою самою благородною во всей Московіи (въ французскомъ переводѣ: par la plus noble main de la Moscovie, стр. 37).

вроптой великимъ монархомъ и его рабами? Какъ все это правдиво и какъ живо рисуетъ предъ нами Алексѣя; а эта исповѣдь о его запаиваньѣ? Страсть къ пьянству не могла въ немъ развиться безъ пагубнаго примѣра, безъ принужденія моральнаго, безъ принужденія физическаго... а какъ назвать иначе этотъ вѣчный запой, которому предавались все отъ государственныхъ мужей до царскихъ деньщиковъ 12): этотъ примѣръ погубилъ не одного Алексѣя, порокъ овладѣлъ, въ числѣ многихъ, и сестрой его, царевной Елисаветой, сошедшей впоследствии отъ сего порока въ преждевременную могилу. Еще замѣчаніе по поводу разсказа Шенборна: Алексѣй жалуется на мачиху, на Меньшикова... фактъ замѣчательный: впоследствии между пытками, въ застѣнкахъ, подъ кнутомъ не говорилъ онъ ничего противъ мачихи и противъ ея любимца, человѣка могучаго царской довѣренностью. Это одно обстоятельство должно навести на всякаго сомнѣніе: имѣемъ ли мы право, подобно Устрялову, на основаніи однихъ показаній съ розыска вполне вѣрить длинному списку *преступлений* Алексѣя?

Вообще, по однимъ документамъ, напечатаннымъ Устряловымъ, можно бы составить превосходнѣйшую характеристику царевича; это бы не была полная біографія, — для нея надо собрать новыя данныя при описаніи первыхъ двадцати пяти годовъ жизни Алексѣя, — но была бы характеристика живая и интересная, тѣмъ болѣе, что г. Устряловъ все уходитъ за свои выписки, его не

12) Разсказамъ о дракахъ и всякаго рода безчинствахъ, дѣлавшихся вследствие пьянства за оффиціальными обѣдами и пирами торжественными, разсказамъ этимъ нѣтъ конца. Приведу одинъ изъ сотни примѣровъ: за обѣдомъ 18-го декабря 1722 года, по случаю возвращенія государя изъ Персіи и дня рожденія цесаревны Елизаветы (ей пошелъ четырнадцатый годъ), былъ великолѣпный пиръ въ преображенскомъ приказѣ, въ Москвѣ. Государь поручилъ Ромодановскому хорошенько поить гостей, хотя они уже были порядочно пьяны. Изъ-за какого-то тоста, такъ разсказываетъ Берггольцъ, князь Ромодановскій повздорилъ съ княземъ Долгоруковымъ. Послѣ многихъ гадкихъ ругательствъ оба старца схватились за волосы и болѣе почаса были другъ друга кулаками, причѣмъ никто изъ присутствовавшихъ сенаторовъ, архіереевъ и генераловъ не вмѣшался между ними и не потрудился ихъ разнять. Князь Ромодановскій, страшно пьяный, оказался слабѣйшимъ; однакожъ, послѣ того, въ принадлежѣ гнѣва, велѣлъ своимъ караульнымъ арестовать Долгорукаго, который, въ свою очередь, когда его опять освободили, не хотѣлъ изъ-подъ ареста ѣхать домой и говорилъ, что будетъ просить удовлетворенія у императора. Но ссора ничѣмъ не кончилась, потому что подобныя кулачныя схватки въ нетрезвомъ видѣ случаются здѣсь часто и переходятъ молчаливѣмъ.

видать въ пыли архивныхъ документовъ... Нѣтъ сомнѣнія, что рано или поздно явится кто-нибудь, кто выполнитъ нашу мысль.

На другой же день, по приѣздѣ Алексѣя въ Вѣну, цесарь и его министры стали думать и совѣщаться о средствахъ, какъ удовлетворить просьбѣ царевича. Онъ былъ согласенъ на все, молилъ объ одномъ, не выдавать его отцу, «потому, что тогда гибель его неизбежна, съ отцомъ онъ былъ готовъ помириться, но идти къ нему ни за что въ свѣтѣ не соглашался». «Я никогда не оскорблялъ отца, говорилъ Алексѣй, если же имѣю не много ума, то это происходитъ отъ Бога и отъ Меншикова, который далъ мнѣ дурное воспитаніе, всегда меня утѣснялъ, не заставлялъ учиться и отъ юности окружилъ дурными людьми и дураками». Въ отвѣтъ на запросные пункты цесаря, Алексѣй много говорилъ о царскомъ жестокосердіи и кровопійствѣ. Гнѣвъ и немилость къ себѣ отца приписывалъ жестокой, въ низкихъ чувствованіяхъ воспитанной, ненасытно честолюбивой и властолюбивой мачихѣ 13), также Меншикову, котораго въ-особенности ввнилъ въ дурномъ своемъ воспитаніи, въ своей неспособности къ дѣламъ.... Меншиковъ удалялъ его всегда отъ отца, обходился съ нимъ, какъ съ плѣнникомъ или собакою, даже бранилъ его поносными словами... Съ 1713 года царь объявилъ, что я ни къ чему не способенъ, но между тѣмъ, что мнѣ ни поручали, я все исполнялъ послушно и хорошо. Привожу Бога въ свидѣтели, что я никогда ничего не сдѣлалъ отцу или его правленію, никогда не думалъ о возмущеніи народа, хотя это не трудно было бы сдѣлать, потому что народъ меня любитъ, а отца ненавидитъ за его недостойную царицу, за злыхъ любимцевъ, за уничтоженіе старыхъ добрыхъ обычаевъ и за введеніе многого дурнаго, наконецъ за то, что отецъ, не щадя ни крови, ни денегъ, есть тиранъ и врагъ своего народа...»

Разговаривая съ министрами цесаря, рассказывая свое дѣло, царевичъ горько плакалъ и сокрушался. Сердце каждого читателя, смѣемъ думать, невольно сожмется отъ сожалѣнія къ злополучной долѣ молодого человѣка, при другихъ обстоятельствахъ могшаго быть человѣкомъ замѣчательнымъ, по крайней мѣрѣ

13) Бѣдная дѣвушка приобрѣла любовь Петра и сдѣлалась русской императрицей. Въ одномъ изъ послѣднихъ номеровъ одного нѣмецкаго журнала, по словамъ П. К. Щебальскаго, была напечатана любопытная статья о происхожденіи Екатерины, статья, противорѣчащая подлиннымъ документамъ, напечатаннымъ Арсеньевымъ.

правителемъ кроткимъ, мирнымъ... Но не станемъ говорить о томъ, что *могло бы быть*; все же что *было*, то есть, его задушевная исповѣдь предъ вѣнскими сановниками — много и много его оправдываетъ: личность Алексѣя, по прочтеніи IV главы сочиненія Устрялова, возбуждаетъ, не скажу любовь и симпатію, но сожалѣніе, сожалѣніе тѣмъ сильнѣйшее, что изъ предшествующихъ главъ вы не видите за что бы презирать его, какъ-то предписывали десятки монографій и многотомныхъ сочиненій Голикова, Крекшина, Павла Сумарокова, Полеваго, Штелина, Сергѣя Глинки и прочихъ историковъ. Вы не видите его *развратной* жизни, о которой еще на школьной скамьѣ слышали отъ профессора исторіи, о которой вы учили въ учебникъ. Онъ былъ, но какую же массу выпивали его обвинители, его судьи, его палачи; онъ имѣлъ одну (не болѣе) любовницу, но и о той говаривалъ: «Вѣдайте всѣ, что на ней женюсь; вѣдь и батюшка таковымъ же образомъ учинилъ», что же касается до батюшки... но умолчимъ о слабости великаго монарха къ женскому полу: объ ней можно найти много рассказовъ не только у Вильбоа и другихъ иноземцевъ, но даже у Голикова и Штелина 14).

Цесарь принялъ подъ свое покровительство царевича; 12-го ноября 1716 года, его скрыли въ мѣстечкѣ Вейсбургѣ близъ Вѣны, а 23-го числа того же мѣсяца отправили въ крѣпость Эрэнбергъ. Дѣйствія вѣнскаго правительства относительно сего дѣла весьма характерестичны: таинственность, осторожность, неясность — отличаютъ дѣла сановниковъ цесаря. Поступки цесаря совершенно противорѣчатъ распоряженіямъ русскаго государя. Какъ рѣшителенъ, скоръ, энергиченъ Петръ, такъ осто-

14) Впрочемъ, у одного изъ этихъ писателей есть рассказъ о томъ «ко-лико владѣлъ монархъ надъ страстями своими.» Дѣло было въ старой Ладогѣ, въ квартирѣ купца Барсукова. Преобразователь Россіи понравилась жена купца, полная, бойкая, румяная, молодая женщина; «а таковыя достоинства, замѣчаетъ почтенный Голиковъ, не могли не полюбитъся монарху, истинному цѣнителю дарованій.» Великій государь, разговаривая съ нею однажды наединѣ и плѣняясь ея пріятностями, сдѣлалъ ей любовное предложеніе. Та съ грубостью отвергла порочную просьбу. «Монархъ, пораженный толкою добродѣтельно купечкой сей жены, обладалъ ее и сказалъ, что овъ только пошутилъ. Если въ самомъ дѣлѣ монархъ, герой нашъ, заключаетъ Голиковъ, почувствовалъ страсть, то коль рѣдкая есть добродѣтель въ самодержцѣ и человѣкѣ толикое господствованіе надъ страстями своими!» (Дѣянія, т. 15, стр. 148). Случай дѣйствительно рѣдкій, ибо въ пятнадцати громадныхъ томахъ *Дьяній* мы находимъ только одно подобное *дьяніе*.

рожень, боязливъ австрійскій императоръ, всегда готовый затянуть дѣло. У Петра — слуги, рабы, слѣпые исполнители его предписаній. Цесарь — ничего не предписываетъ, не повелѣваетъ, онъ сзываетъ конференціи, министры предъявляютъ свои мнѣнія, ихъ вносятъ въ протоколъ, протоколъ утверждаетъ императоръ, а тамъ инструкціи, переписка бесполезная.... Этотъ рѣзкій контрастъ между *русскимъ* властелиномъ и *нѣмецкимъ* монархомъ превосходно видѣнъ въ разсказѣ г. Устрялова. Къ его книгѣ и отсылаемъ читателя, сожалѣя, что мы не можемъ остановиться на интересной перепискѣ Петра съ Карломъ, на инструкціяхъ послѣдняго комендантамъ о укрывательствѣ Алексѣя и проч. Но укрыть царевича отъ дѣятельныхъ сыщиковъ царскихъ было дѣломъ далеко не легкимъ. 10-го апрѣля 1717 года, расторопный Румянцевъ уже зналъ, что царевичъ скрытъ съ своею любовницею Ефросиньею и слугамъ въ Эренбергѣ, въ Тиролѣ. Петръ настоятельно требовалъ выдачи сына, цесарь колебался, а между тѣмъ сносился съ англійскимъ правительствомъ и вызывалъ его на содѣйствіе въ этомъ дѣлѣ 15).

Царевичъ получилъ отъ цесаря вмѣстѣ съ предложеніемъ ѣхать въ Неаполь, отцовское письмо о его выдачѣ. Царское посланіе сильно поразило Алексѣя: онъ бѣгалъ по комнатѣ, махалъ руками, плакалъ, рыдалъ, говорилъ самъ съ собою на русскомъ языкѣ, наконецъ упалъ на колѣни и, обливаясь слезами, поднимая руки къ небу, вскричалъ: «о! умоляю императора именемъ Бога и всѣхъ святыхъ спасти мою жизнь и не покинуть меня, несчастнаго; иначе я погибну! Я готовъ ѣхать, куда онъ прикажетъ, и жить, какъ велитъ: только бы не выдалъ меня несправедливо раздраженному отцу!» Жалобамъ и мольбамъ не было конца.

Назовемъ ли мы, внимая этимъ жалобамъ и мольбамъ, Алексѣя Петровича человѣкомъ малодушнымъ. Нѣтъ! Его мольбы имѣли основаніе: онъ зналъ отца; видѣлъ, какъ жестоко посту-

15) Авторъ не приводитъ отвѣта лондонскаго кабинета. Въ предисловіи г. Устрялова мы читаемъ: «Въ 1845 году я получилъ разрѣшеніе отправиться въ Голландію, Францію и Австрію для ученыхъ изслѣдованій.» — Съ его изслѣдованіями въ вѣнскомъ архивѣ мы знакомы, они вызовутъ всеобщую признательность. Но былъ ли исторіографъ въ Голландіи, что вывезъ изъ архивовъ Франціи, почему миновалъ Англію, — вотъ вопросъ, который невольно рождается, по крайней мѣрѣ при чтеніи сего тома: въ немъ нѣтъ ни одного документа, который бы служилъ отвѣтомъ на нашъ вопросъ.

пилъ онъ съ его матерью, его тетками, дѣдомъ, родственниками, онъ зналъ, что ничто не можетъ остановить его мстительность.

Какъ бы то ни было, но секретарь Кейль, по цесарскому указу, повезъ Алексѣя съ его спутниками и спутницей въ Неаполь, удивляясь въ дорогѣ, что его общество много и неумѣренно пило; намъ же нечему здѣсь удивляться.

6-го Мая 1717 года, Алексѣй пріѣхалъ къ мѣсту своего новаго заточенія, а 9-го числа былъ введенъ весьма таинственно въ замокъ Сентъ-Эльмо. Отсюда онъ написалъ два письма, къ своимъ друзьямъ въ Россію, извѣщая ихъ, что онъ живъ и здоровъ. Письма были къ епископамъ ростовскому, крутицкому и сенаторамъ въ Петербургѣ. Письма эти были самаго невиннаго содержанія, тѣмъ не менѣе вѣнское правительство не нашло нужнымъ послать ихъ въ Россію, удержало у себя, а эти письма — послужили главнѣйшимъ поводомъ къ обвиненію царевича. Мы не приводимъ ихъ уже потому, что они болѣе четырехъ разъ въ отрывкахъ и цѣлкомъ напечатаны г. Устряловымъ въ одномъ и томъ же томѣ.

Что дѣлалъ Алексѣй въ продолженіе пяти-мѣсячнаго заточенія въ неаполитанскомъ замкѣ? Устряловъ говоритъ, что «онъ получалъ письма отъ своихъ друзей и самъ писалъ къ нимъ.» Фраза слишкомъ темная: можно подумать, что Алексѣй имѣлъ большую корреспонденцію, а между тѣмъ онъ имѣлъ три-четыре письма отъ Шенборна, — и только; о томъ же, писали ли къ нему изъ Россіи, не дознано было и въ застѣнкахъ, подъ кнутомъ и на вискѣ, на которой узнавали и такія вещи, которыхъ никогда и не было. Впрочемъ исторіографъ приводитъ письмо къ царевичу отъ А. П. Безстужева-Рюмина, бывшаго въ то время въ Лондонѣ. Русскій оригиналъ Алексѣй сжегъ, въ вѣнскомъ архивѣ Устряловъ нашелъ нѣмецкій переводъ. Безстужевъ, знаменитый впоследствии *правитель* Россіи (съ 1744 по 1758 годъ), предлагалъ свои услуги Алексѣю и изъявлялъ ему свою преданность. Исторіографъ нашъ называетъ это письмо *предательскимъ*. Обращаемъ вниманіе на это слово потому, что г. Устряловъ въ настоящемъ томѣ весьма и весьма остороженъ на эпитеты; этотъ, какъ-то проскользнулъ нечаянно и эпитетъ несправедливый: развѣ существовали уже *два партіи*, развѣ царевичъ замышлялъ *борьбу* съ грознымъ отцомъ, развѣ вокругъ него уже составлялся *отрядъ* приверженцевъ, готовыхъ на эту усобицу? Если это было, такъ от-

чего-жъ ничего этого не видно изъ документовъ, напечатанныхъ Устряловымъ? Итакъ вычеркнемъ эпитетъ тѣмъ съ большимъ удовольствіемъ, что это единственный въ VI томѣ, въ то время, когда въ первыхъ трехъ частяхъ исторіи Петра С. М. Соловьевъ нашелъ *дештки*.

Въ числѣ царскихъ сыщиковъ особенную дѣятельность, сноровку, и необыкновенную ловкость выказалъ графъ П. А. Толстой. «Этотъ человекъ, замѣчаетъ современникъ, былъ веселаго нрава, *чрезвычайно вѣжливъ* (только не въ застѣнкахъ, гдѣ онъ являлъ жестокость и поразительное равнодушіе къ страданіямъ мучимыхъ) и хорошо говорилъ по италіянски. Любопытно, что въ молодости онъ участвовалъ въ стрѣлецкихъ возстаніяхъ. Кнутъ, топоръ и петля какимъ-то чудомъ обошли его; чудо объяснилось только нѣсколько лѣтъ спустя. Подъ веселую минуту, за обѣденнымъ столомъ, Петръ сорвалъ парикъ съ Толстаго, ударилъ его по головѣ и сказалъ: «Э, эхъ, голова, головушка! Еслибы ты не такъ была умна, то давно была-бъ отсѣчена!»

Господинъ Устряловъ не очерчиваетъ предъ нами эту личность, едвали не самую типичную, послѣ Петра I, въ *дѣлѣ* царевича Алексѣя. Но за то распоряженія Толстаго, его хлопоты и заботы къ отысканію Алексѣя описаны весьма обстоятельно, съ большими подробностями. Лесть, поклоны, угрозы, взятки, подарки, обѣщанія, обманъ, борьба, все и вся было пущено въ ходъ Толстымъ — голова была дѣйствительно умная! Хлопоты его (описанные авторомъ въ V главѣ) увѣнчались успѣхомъ: 10-го августа 1717 года, цесарь уже писалъ къ видерою неаполитанскому о приѣмѣ Толстаго и о пособіи ему *убѣдить* Алексѣя вернуться къ отцу.

Уступчивости австрійскаго императора нечего удивляться: вѣнское правительство всегда было вѣрно своей политикѣ — интригъ и обмана. Оно скоро замѣтило, что Алексѣй человекъ слабый, безъ воли и энергіи, безъ готовности на что-нибудь рѣшительное, *выгоды* спасать его не было, а раздражать отца дальнѣйшимъ укрывательствомъ сына было не только *не выгодно*, но опасно. Цесарь велъ себя въ этомъ случаѣ весьма оригинально: ему хотѣлось и угодить царю, и не обмануть его сына, — послѣднему онъ обѣщалъ не выдавать его, буде тотъ не захочетъ ѣхать, а между тѣмъ уполномочилъ видероя грозить царевичу отнятіемъ у него нѣжно любимой имъ Евросіянны Теодоровны. Его инструкціи написаны въ этомъ духѣ.

24-го сентября, Толстой съ Румянцовымъ прибыли въ Неаполь, съ ними были письма государя, въ которыхъ онъ «клялся Богомъ и судомъ Его, что никакого наказанія не сдѣлаетъ сыну, буде тотъ вернется.» Это же не разъ писалъ Петръ и къ царю. Но царевичъ справедливо говорилъ, «что батюшка никакимъ словомъ и обѣщаніемъ себя не сдерживаетъ.»

На нѣсколькихъ свиданіяхъ съ царевичемъ посланные убѣждали его ласками и угрозами, Алексѣй трепеталъ отъ страха, опасаясь, что его убьютъ, болѣе всего боялся капитана Румянцова. Прошло три свиданія, Алексѣй готовъ былъ умереть, но не ѣхать къ отцу. Тщетно вицерой, задаренный и подкупленный, помогалъ Толстому: «не могу преломить замерзлаго упрямства, писалъ послѣдній къ Веселовскому 1-го октября, — нечего дѣлать, снова ѣду къ нашему зэпру.»

Такъ безцеремонно называлъ царскій сыщикъ наследника російскаго престола! Но Алексѣй не былъ зэпрелъ и отличался *замерзлымъ упрямствомъ* дотолѣ, пока не затронули то, что для него было дороже жизни: ему объявили, что отнимутъ его любовницу. На другой же день онъ вступилъ въ переговоры, слѣдствіемъ которыхъ былъ отвѣтъ, данный царевичемъ 3-го октября Толстому и Румянцову: «Я ѣду съ вами въ Россію, но прошу исходатайствовать у отца позволеніе мнѣ жениться на Ефросиньѣ, не доѣзжая С.-Петербурга.» Она была беременна четвертый мѣсяцъ и, по словамъ Толстаго, нельзя было выразить какъ любилъ ее царевичъ, и какое имѣлъ о ней попеченіе.

«На это желаніе, писалъ Толстой къ Шафирову, можно было бы согласиться уже потому, что тѣмъ на весь свѣтъ онъ покажетъ, что ушелъ *не отъ какой обиды*, только для своей дѣвки.... все государство увидитъ, какого онъ состоянія.... А когда благоволитъ Богъ мнѣ быть въ Петербургѣ, уже безопасно буду хвалить Италію и штрафъ за то штъ не стану, (т. е., громадный ковшъ простой водки, которымъ производилось, по высочайшему повелѣнію, опанванье). Не только дѣйствительный походъ, но и одно намѣреніе быть въ Италіи добрый эффектъ ихъ величествамъ и всему російскому государству принесло.»

Это письмо показываетъ полнѣйшее торжество Петра Андреевича Толстаго; онъ не только былъ увѣренъ, что штрафнаго ковша не доведется осушать, но его плѣнникъ былъ надежнымъ ручательствомъ за монаршія милости и щедрія на-

грады. Алексѣй не устоялъ противъ боязни потерять любимую женщину, не устоялъ и противъ ея просьбъ, сдѣланныхъ по наущенію Толстаго: онъ ѣхалъ къ отцу, предавалъ себя на заточеніе и муки. Любопытно, что царевичъ Алексѣй (въ 1718 году), изъ-за любимой женщины, изъ сердечной привязанности къ ней жертвовалъ собою, своими многочисленными друзьями, родными, матерью... царь Петръ, шесть лѣтъ спустя, за любимую женщину (изъ ревности) велѣлъ отрубить голову камеръ-юнкеру, красавцу Виллму Монсу, нещадно высѣчь кнутомъ сестру его, генеральшу Матрену Ивановну Балкъ, перепороть батогами ихъ слугъ и нещадно высѣчь секретаря императрицы.

Какъ бы то ни было, но извѣстіе Толстаго о согласіи царевича вернуться въ отечество, наконецъ повинная самого Алексѣя — до такой степени обрадовало отца, что тотъ въ новомъ письмѣ подтверждалъ божбой прежнія обѣщанія простить сына: «въ чемъ быть весьма надеженъ. Жениться на Ефросиньи весьма позволяется только тогда, когда въ наши края пріѣдешь... Когда я тебѣ такъ великую вину отпустилъ, а сего малаго дѣла для чего мнѣ тебѣ не позволить!...»

Тонъ этихъ писемъ, цѣликомъ приведенныхъ Устряловымъ, въ текстѣ разсказа и въ приложеніяхъ, показываетъ, какъ страшился великій монархъ упустить изъ рукъ свое дитя: онъ обѣщалъ все, все готовъ былъ сдѣлать, чтобъ только увидать его въ *Преображенскомъ*, въ надежномъ мѣстѣ, обще «съ бородами-тунеядцами», такъ онъ называлъ приверженцевъ старины.

Мы опускаемъ всѣ интересные документы, обнаруженные Устряловымъ относительно *возвращенія* Алексѣя (глава VI); нѣтъ возможности останавливаться на каждомъ новомъ фактѣ, а таковыхъ больше и больше съ каждой главой: беременная Ефросинья оставлена была царевичемъ назади; но на пути отъ Болоніи до Твери молодой человекъ не переставалъ переписываться съ своей любезной. Письма эти, замѣчаетъ Устряловъ, самаго *нлжнаго содержанія*. Царевичъ извѣщалъ о своемъ здоровьи, умолялъ Ефросиньюшку беречься. «Матушка моя, писалъ онъ третье письмо 26-го ноября изъ Инспрука!, другъ мой сердешный, Афросиньюшка! здравствуй о Господѣ! Я пріѣхалъ въ Инспрукъ въ добромъ здоровьи вчера, и почевавъ здѣсь, поѣдеъ въ Вѣну водою. И ты, другъ мой, не печалься, поѣзжай съ Богомъ; а дорогою себя береги. Поѣзжай въ легиъ, не спиша, понеже въ тирольскихъ горахъ дорога камениста: сама ты знаешь; а гдѣ захочешь, отдыхай, по скольку дней хочешь. Не смотри

на расходъ денежный: хотя и много издержишь, мнѣ твое здоровье лучше всего.... Пиши, свѣтъ мой, ко мнѣ откуда можно будетъ, чтобы мнѣ, маменькину руку видя, радоватися.... Тебя и съ маленькимъ Селебенымъ вручаю въ сохраненіе Божіе. Вѣрный твой другъ Алексѣй».

Г. Устряловъ не объясняетъ слова: *маленькій Селебеный*, про котораго царевичъ упоминаетъ въ каждомъ письмѣ: нѣтъ сомнѣнія, что онъ разумѣлъ подъ этимъ именемъ будущее дитя свое, и уже заранѣе нѣжно именовалъ любовницу-невѣсту — *маменькой*.

«Иванъ Ѳеодоровичъ, здравствуй, писалъ царевичъ изъ Данцига отъ 1-го декабря 16). Прошу васъ, для Бога, сестры своей, а моей (хотя еще несовершенной, однакожь повелѣніе уже имѣю) жены беречи, чтобы не печаллась, понеже ничто иное помѣшало къ скорому окончанію, только ея бремя, что дай Боже благополучно свободиться».

Почтительно относясь къ родному брату (крѣпостному чело-вѣку своего учителя Вяземскаго), брату Ефросиньи, Алексѣю Петровичъ, не стѣняясь, писалъ къ одному изъ своихъ слугъ. Судакову:

«Петръ Михайловичъ! с..., б....., забавляй Афросинью, какъ можешь, чтобъ не печаллась: понеже все хорошо; только за брюхомъ ея скоро совершить нельзя; а дастъ Богъ, по милости своей, и совершеніе 17).»

Историографъ нашъ отыскалъ четыре отвѣтныхъ письма Ефросиньи. Они писаны весьма нетвердою рукою: успокоиваетъ царевича, извѣщаетъ его о здоровьи своемъ и *Селебенова*, о лѣкарствахъ, своемъ лѣченьи, о покупкахъ, проситъ прислать мѣхъ черный лисій на одѣяльце *Селебенову*.... и проч. 16-го февраля 1718 года, изъ Берлина, Ефросинья Ѳеодоровна писала къ царевичу въ послѣдній разъ; г. Устряловъ приводитъ это письмецо буквально:

«Государь мой батюшка другъ сердешой царевичъ Алексѣй Петровичъ здрвству на множество летъ доншу тебѣ Государю чаю ввуть оправлюся вчетвѣкъ на маслѣнцы пожалуй выпши

16) Здѣсь ошибка, не показанная въ опечаткахъ: 1718 годъ вмѣсто 1717 года.

17) Надо на все смотрѣть съ точки зрѣнія того времени: въ письмахъ Петра I зачастую попадаются выраженія еще рѣзче, еще кудреватѣе.

ково чтобъ куды имъ ехать, а луча въ ражествена. Февраля шестоя на дѣсять числа вѣрная твоя другъ Ефросинья.»

Нѣжной перепиской молодыхъ любовниковъ оканчивается шестая глава. Кажется царевича ждетъ законный бракъ, семейное счастье; что можетъ помѣшать всему этому: родословіе Ефросиньи Θεодоровны? но великій монархъ и преобразователь Россіи изъ праха, какъ самъ говорилъ, возвысилъ и посадилъ на тронъ Екатерину? Но не семейную картину рисуетъ съ VII главы г. Устряловъ; не съ нѣжностью встрѣчаетъ отецъ своего блуднаго сына, не лучшаго тельца закалываетъ для него на радостную встрѣчу — начинаются московскіе, суздальскіе, петербургскіе *красавыя розыски*, кончаются они *казнями*. Ихъ описаніе, не смотря на всю сухость разсказа, подымаетъ волосъ дыбомъ, обливаетъ сердце кровью; невольно вспоминаешь слова одного изъ нашихъ поэтовъ: «въ дѣлѣ пытокъ и казней, даже грозный царь Иванъ Васильевичъ является нѣжнымъ романтикомъ предъ великимъ Петромъ Алексѣевичемъ!».

Разсказъ о московскихъ розыскахъ начинается аудіенціей Алексѣя у Петра, 3-го февраля 1718 года, въ кремлевскихъ палатахъ 18). Авторъ говоритъ о этой сценѣ въ нѣсколькихъ словахъ. Почему-жъ не разсказать о ней подробнѣе, не описать мѣста дѣйствія, не сказать о томъ, что дѣлалъ въ это время московскій людъ, столь преданный царевичу; не представить всѣхъ этихъ мелочей, которыя подъ рукою художника-историка такъ живо могутъ переносить читателя въ эпоху разсказываемаго событія, которыя составляютъ картину? Въ источникахъ не можетъ быть недостатка, — мало ли въ Москвѣ почтенныхъ дѣятелей, изучающихъ отечественную исторію, клянчите — вамъ достовѣрно скажутъ въ какомъ даже кафтани былъ Петръ въ роковой день? А г. Устряловъ и не ищетъ, какъ видно, никакого содѣйствія, онъ какъ бы боялся осквернить дѣвственную чистоту имъ найденныхъ документовъ прикосновеніемъ къ нимъ другой руки.

Не станемъ приводить повинныхъ писемъ Алексѣя, грознаго манифеста о его винахъ и отрѣшеніи отъ престола, они доста-

18) Прочтенный здѣсь манифестъ о *винахъ царевича*, приведенъ Устряловымъ, но не разобранный имъ критически: что въ немъ правда, что выдуманно, что противорѣчитъ всему сказанному прежде, и т. д. Да не посетуетъ нашъ историкъ: Леклеркъ, *баснописецъ-историкъ*, и тотъ даже считалъ нужнымъ остановиться и разобрать этотъ столь важный документъ!

точно извѣстны, они приведены и г. Устряловымъ. Но вотъ что опущено имъ: авторъ торопится выписывать допросные пункты и отвѣты на нихъ, а не говоритъ куда же былъ посаженъ царевичъ? Впослѣдствіи мы узнаемъ, что дѣйствіе происходитъ въ селѣ преображенскомъ. Но ни я, ни читающій книгу г. Устрялова не знаемъ (да и откуда знать?) что такое Преображенское? Я могу думать, что это было милая, увеселительная дача царя, съ прекраснымъ хозяйственнымъ домомъ, съ густымъ садомъ, бесѣдками, павильонами? Правда, Карамзинъ писалъ еще въ 1820 году: «что среди огородовъ села Преображенскаго я съ ужасомъ находилъ подвалы, темные, подземные казематы и длинные корридоры, въ которыхъ производились пытки, дѣлались по современному выраженію, нещадные розыски. Тайная канцелярія день и ночь работала въ Преображенскомъ: пытки и казни служили средствомъ нашего славнаго преобразования государственнаго. Въ вертепахъ преображенскихъ лились потоки крови».

Но вѣдь это писалъ Карамзинъ, а Николай Михайловичъ любилъ эффекты, пышный слогъ, *павлиный хвостъ* въ разсказѣ, какъ онъ самъ выражался въ одномъ изъ своихъ писемъ. Наконецъ онъ былъ очень чувствителенъ. Почему же г. Устряловъ не познакомилъ насъ съ мѣстомъ дѣйствія, не свелъ насъ въ эти *мрачныя вертепы*, прежде чѣмъ они были заняты арестантами, которыхъ свозили со всѣхъ городовъ россійскихъ? Да къ слову сказать, не интереснѣе ли было бы вмѣсто рисунка: «Сентъ-Эльмо въ Неаполѣ» — представить «село Преображенское въ царствованіе Петра I». Первое замѣчательно, какъ мѣстожителство Алексѣя втеченіе пяти мѣсяцевъ съ его возлюбленной: здѣсь зачала во чревѣ Ефросинья Θεодоровна; село же Преображенское — интереснѣе, въ немъ разыгралась кровавая трагедія! Съ VII главы, книга г. Устрялова обращается въ какой-то словарь, который бы надо назвать: словарь достопамятныхъ россіянъ и россіянокъ нещадно сѣченныхъ батогами и кнутомъ.» Авторъ положительно взялъ форму словаря: онъ представляетъ cadaго арестанта, и ни мало съ нимъ не знакомя, выписываетъ противъ его имени допросные пункты, отвѣты, хладнокровно отмѣчаетъ число данныхъ ему ударовъ кнутомъ, потомъ приводитъ приговоръ: ведетъ на плаху, вырываетъ ноздри, отрубаетъ носъ, либо ссылаетъ *безъ наказанія* въ каторжную работу, и такимъ порядкомъ одного за другимъ выводитъ нескончаемую вереницу мужчинъ и женщинъ, разнаго чина, разнаго сословія.

Велѣдствіе такого плана — одни и тѣ же показанія повторяются въ четырехъ-пяти мѣстахъ, рассказъ раздробляется на частности, общее впечатлѣніе исчезаетъ, наконецъ вмѣстѣ съ авторомъ вы начинаете привыкать къ кнуту, смотрите на него, какъ взрослый человѣкъ на дѣтскую розгу, и только отмѣчаете для любопытства число ударовъ. Крптическаго изслѣдованія показаній — нѣтъ и въ поминѣ, авторъ приводитъ матеріалъ сырой, съ него еще не свалилась архивная пыль.

Тѣмъ не менѣе, повторяю, онъ очень и очень важенъ, очень и очень интересенъ. Что же за преступленія уголовныя *объявились* послѣ ряда допросовъ за царевичемъ Алексѣемъ, его друзьями и приверженцами? Постараемся свести ихъ въ самый раткій перечень :

1) *Алексѣй*: царскія письма къ нему читалъ Кикину и Вяземскому, съ ними совѣтовался объ отвѣтахъ. Отвѣчалъ безъ всякаго лукавства и обману.

Когда вознамѣрился бѣжать, царевичъ взялъ свою любовницу обманомъ; равно не открылъ намѣренія своего скрыться, провожавшимъ его слугамъ.

О побѣгѣ давно задумалъ, не для чего много, только бы отдаясь отъ всего, жить въ лѣсоѣ.

Изъ Либоа писалъ письмо обманное къ отцу, яко бы ѣдетъ къ нему, а самъ отправился въ Вѣну.

Письма писалъ къ сенату и къ архіереямъ, извѣщая о своемъ здоровьи.

Денегъ взялъ займы предъ отъѣздомъ въ долгъ у Меншикова 1,000 червонныхъ, у сенаторовъ 1,000, у Исасва въ Ригѣ 5,000.

Разговаривалъ съ своими приближенными о томъ, что есть разныя предсказанія: о близкой перемѣнѣ, о скорой смерти государя, разореніи Петербурга, о томъ что царю больше пяти лѣтъ, а брату Петру больше семи лѣтъ не прожить 19).

Черезъ Федора Дубровскаго послалъ матерн, Авдотѣ Федоровнѣ, 500 рублей.

Не доѣзжая Либоа царевичъ встрѣтилъ царевну Марью Алексѣевну, свою тетку, говорилъ съ ней много о своей заточенной матерн, выслушалъ отъ нея басни о скорыхъ перемѣнахъ въ Россіи, сѣтовалъ на свою долю; горько, долго, много и неу-

19) *Пророчества* почти сбылись: Петръ I умеръ спустя шесть лѣтъ, а Петръ Петровичъ — на пяти-лѣтнемъ возрастѣ.

тѣшно плакалъ; написалъ письмоцо къ матери о своемъ здоровьи и взялъ отъ нея подарокъ чрезъ царевну Марью: образокъ, четки и молитвенникъ.

2) *Александръ Васильевичъ Кикинъ* показалъ на себя:

Видѣлъ, хаживалъ и совѣтывалъ царевичу бѣжать, причемъ предлагалъ разные проекты.

О побѣгѣ царевича заботился и мѣсто ему за-границей искалъ; причемъ надѣялся на милости, съ воцареніемъ Алексѣя.

Баклановскому, брату жены своей, поручилъ заранѣе себя увѣдомить, когда послѣдуетъ распоряженіе объ арестѣ 20).

3) *Иванъ, большой Афанасьевъ*, камердинеръ царевича оказался виновнымъ въ томъ, что:

Зналъ о намѣреніи царевича бѣжать, прежде его отъѣзда.

Обѣщалъ и исполнялъ свое обѣщаніе: не доносилъ о бесѣдахъ съ нимъ Алексѣя, о его частыхъ сѣтованіяхъ и слезахъ.

Говорилъ съ Кикинымъ о царевичѣ, его письмахъ, побѣгѣ и проч.

По письму царевича поѣхалъ вслѣдъ за нимъ до Шверина.

Тутъ видѣлъ попа Ливерія, говорилъ съ нимъ о царевичѣ, совѣтовалъ ѣхать къ нему и далъ на дорогу двѣсти червонныхъ.

Сочинилъ съ нимъ цыфирную азбуку, для секретной переписки.

Дерзостныя слова, говоренныя царевичемъ въ пьяномъ видѣ, не доносили его величеству.

4) *Шопъ Ливерій* ѣздилъ въ Эренбергъ, старался въ немъ поспѣтвить Алексѣя, но не успѣлъ въ томъ.

20) Г. Устряловъ не говоритъ о томъ, что Баклановскій прочелъ указъ о взятіи Кикина, стоя за спиной пишущаго государя, и тотчасъ отправилъ курьера въ Петербургъ. Государь замѣтилъ скорый выходъ Баклановскаго, бросилъ его въ тюрьму, а самъ повелѣлъ своему посланному скакать въ Петербургъ во весь духъ. Тогда же, по именному указу, устроены по дорогѣ заставы, разставлены офицерскіе караулы. Безъ подорожныхъ, высочайше утвержденныхъ, никто не могъ ни приѣхать въ Москву, ни выѣхать изъ нея. Устряловъ не приводитъ, въ своемъ мѣстѣ, этого указа; въ приложеніяхъ есть только его отъѣздъ. Равно ничего не говоритъ о письмѣ Меншикова, отъ 8-го февраля, въ которомъ онъ извиняется предъ царемъ, что рѣшился поднять на дыбу Афанасьева. Письмо это приведено у Голикова. Нашъ историкъ положительно презираетъ сего трудолюбиваго собирателя матеріаловъ. Неужели пятнадцать томовъ дѣяній наполнены только баснями и выдумками, не заслуживающими ни вниманія, ни критики?

Хотѣлъ остаться при царевичѣ навсегда.

5) *Александръ Лопухинъ* узналъ о побѣгѣ царевича послѣ побѣга и надѣялся, что его семьѣ будетъ лучше, когда Алексѣй воцарится.

6) *Гаврила Лопухинъ*, виновенъ въ томъ же.

7) *Подольскій Никифоръ Богдановъ* списалъ цыфирную азбуку, по приказу царевича.

8) Жена *Богданова, Прасковья*, завѣдывала сорочками царевича и Ефросиньи Θεодоровны.

9) *Иванъ Ивановичъ Нарышкинъ* называлъ учителя, Вяземскаго, Иудю.

10) *Федоръ Вороновъ* сказывалъ въ своемъ домѣ: слышалъ я, что есть у государя метреса, и царица де про то вѣдаетъ; какъ приѣхала въ Голландію, стала предъ государемъ плакать, и государь спросилъ ее: кто тебѣ сказывалъ? Мнѣ сказала полковница, а къ ней писалъ Платонъ. И Платона де государь за это билъ.

11) *Федоръ Эварлаковъ* 21), зналъ о замыслахъ Алексѣя бѣжать и не донесъ о томъ. Равно и о разныхъ рѣчахъ его съ нимъ. Такъ напримѣръ, о замѣчаніи царевича: что только два человека на свѣтѣ, какъ боги, папа римскій да царь московскій: какъ хотятъ, такъ и дѣлаютъ.

Онъ же совѣтовалъ Алексѣю принимать лѣкарство, притворяться больнымъ, чтобы отдѣлаться отъ порученій отцовскихъ.

Зналъ при началѣ розысковъ, что его распытаютъ, хотѣлъ бѣжать, да жаль было разстаться съ семьей.

Разговаривалъ съ разными лицами о побѣгѣ Алексѣя, слышалъ отъ многихъ сужденія по сему случаю и не доносилъ.

12) *Княгиня Марья Алексеевна Львова* говорила, что Толстой подпознлъ царевича и подманулъ возвратиться въ Россію.

13) *Князь Алексѣй Гагаринъ* повторялъ эту молву.

14) *Надежда, жена Кикина*, слышала и говорила о томъ же.

15) *Иванъ, меньшой Афанасьевъ*, оказался виновнымъ въ томъ же, въ чемъ его старшій братъ.

21) Устряловъ не объясняетъ, какой чинъ, какое положеніе занимало то или другое лицо въ современномъ обществѣ и въ порядкѣ государственной администраціи, прежде чѣмъ это лицо привели въ горизонтальное положеніе подъ батоги, или вертикальное на *виску*, подъ кнутъ?

16) *Федоръ Дубровскій* зналъ объ умыслѣ царевича бѣжать, говорилъ ему: много вашей брата бѣгствомъ спасался, и въ Россіи то было: великаго князя Дмитрія сынъ бѣжалъ въ Польшу и опять пріѣхалъ.

17) *Семенъ Нарышкинъ* говорилъ въ пьяномъ видѣ о наследствѣ престола царевичу Алексѣю.

18) *Князь Василій Владиміровичъ Долгорукій* совѣтовалъ Алексѣю дать отреченіе отъ престола, у царевича бывалъ и обнадеживалъ, что его отреченіе не такія письма, какъ между простыми людьми съ се азами и не устойчивами, и опасаться этого нечего.

19) *Учитель Никифоръ Кондратьевичъ Вяземскій* оказался виновнымъ только въ томъ, что не доносилъ о томъ немногмъ, что зналъ; бить бывалъ отъ царевича, и бить не однажды, за разные совѣты и указанія, ему не нравившіяся.

20) *Царевна Марья Алексѣевна* бесѣдовала съ царевичемъ, передавала ему разные видѣнія духовныхъ лицъ, имѣла сношенія съ царицей Авдотьею и ея друзьями.

21) *Царица Авдотья Федоровна Лопухина* переписывалась съ братомъ и родными; ходила не въ монашескомъ, а въ свѣтскомъ платьи; приказала возглашать свое имя на эктеніи вмѣстѣ съ мужнинымъ именемъ, по прежнему: принимала у себя въ кельи многихъ людей, толковала о мужѣ и сынѣ съ лицами духовными и свѣтскими. Распоряжалась въ монастырѣ начальницей, непослушнымъ грозила будущимъ царемъ, своимъ сыномъ, имѣла любовную связь съ маіоромъ С. Б. Глѣбовымъ.

22) *Спаскій іеромонахъ Иларіонъ* постригалъ царицу въ монахню, видѣлъ ее потомъ въ свѣтскомъ платьи и не донесъ о томъ.

23) *Ключарь Федоръ Пустынной* зналъ о постриженіи царицы, видѣлъ ее въ монашескомъ, потомъ въ свѣтскомъ платьи, зналъ, что Авраамъ Лопухинъ писалъ къ ней о намѣреніи Петра постричь Алексѣя, представилъ ей статнаго маіора Глѣбова, ради блуднаго дѣла.

24), 25) и 26) *Игуменья Марѳа*, монахини *Вира* и *Елена* знали о постриженіи, и видѣли царицу въ свѣтскомъ платьи.

27) *Старшца Каптелина* знала о сношеніяхъ царицы съ Марьей Алексѣевной, братомъ и другими. Помогала блудному дѣлу инокини Елены съ Глѣбовымъ, вела ихъ переписку; сама имѣла связь съ монастырскимъ слугою, Михайлою Родіоновымъ.

28) *Михайло* Босой пророчествовалъ пнокниѣ, царицѣ, что она будетъ прощена; передавалъ ея письма роднымъ.

29) *Стрлицій* Суздальскаго монастыря *Родионовъ* жилъ блудно съ монахиней Каптезиною и видѣлъ царицу въ свѣтскомъ платьѣ.

30) *Степанъ Богдановичъ Глббовъ* имѣлъ связь съ царицей, писалъ и получалъ отъ нея любовныя письма, также мѣнялся подарками. Складывалъ азбуку цыфирную, но по ней ни съ кѣмъ не списывался. Не спалъ съ женою, потому, какъ самъ говорилъ, что у ней пуць весь прогнилъ и все изъ него течеть: жить де нельзя.

31) *Жена его Татьяна Васильевна* ѣзжала съ мужемъ къ царицѣ. Сынъ ихъ:

32) *Андрей Степановичъ Глббовъ* зналъ дружбу отца съ епископомъ Досифеемъ и видѣлъ какъ они тайно бесѣдовали.

33) *Симоновскій архимандритъ Петръ* бывалъ съ разными порученіями въ кельи у царицы.

34) Ростовскій епископъ *Досифей Даниловъ*, разстрига Демидъ, велъ дружбу съ Глббовымъ, убѣдилъ царицу скинуть монашеское платье, говорилъ ей о минныхъ гласахъ съ небеси и пророчествахъ; толковалъ о дѣйствіяхъ царя съ Марьей Алексѣевной и другими лицами, поминалъ за обѣдней пнокнию Елену царицей Евдокіей.

35), 36) Пѣвчій царевны Марьи Алексѣевны *Федоръ Журавскій* слышалъ разныя пророчества Досифея; сожалѣлъ о печальномъ, по его мнѣнію, состояніи народа; о большихъ податяхъ, тягостяхъ войны безконечной и проч.

37) *Авраамъ Федоровичъ Лопухинъ* не донесъ о намѣреніи Алексѣя бѣжать; радовался, что тотъ нашелъ пріютъ у цесаря; переписывался съ сестрой; сѣтовалъ о тягостяхъ народныхъ; вѣрилъ пророчествамъ Досифея; желалъ смерти царю и воцареніе царевича.

38) *Княгиня Настасья Троскурова* (урожденная Щербатова 22) переписывалась съ Лопухиними.

39) *Кирило Матюшкинъ* зналъ о письмахъ Авраама къ Аедотьѣ Лопухиной.

40) *Княгиня Наталья Петровна Голицына* переносила разныя вѣсти изъ царскаго дворца и тужила о возвращеніи царевича.

22) Г. Устряловъ ошибочно ее называетъ урожденной Лопухиной, стр. 222

41) *Князь Семенъ Щербатовъ* говорилъ о царскомъ желаніи постричь Алексѣя, переписывался съ Лопухинымъ и Марьей Алексѣевной; надѣялся, что всѣмъ будетъ добро съ воцареніемъ Алексѣя.

42) *Григорій Собакинъ*, племянникъ царицы, велъ дружбу и толковалъ съ Лопухинымъ и Щербатовымъ; раздѣлялъ ихъ надежды.

43) *Варвара Головина* виновна въ томъ же.

44) *Подъяконъ Иванъ Пустынной* передавалъ письма царицы: о живыхъ пророчествахъ слышалъ, а царю не доносилъ.

45) *Михайло Воронинъ* замѣшанъ въ дѣлѣ.

46) Съ нимъ вмѣстѣ: *Василій Воронинъ*.

47) *Иванъ Воронинъ*.

48) *Протопопъ Герасимъ*.

49) *Попъ Иванъ Кузьминъ*.

50) *Попъ Иванъ Яковлевъ*.

51) *Протодьяконъ Дмитрій Ѳедоровъ*.

52) *Дьяконъ Матвій Артемьевъ*.

53) *Дьяконъ Михаилъ Васильевъ*.

54) *Ландраты: Андрей Грековъ*.

55) *Данило Татищевъ*.

56) *Ею жена*.

57) *Андрей Чаплинъ*.

58) *Жена Чаплина*.

59) *Андрей Вешняковъ*.

60) *Марья Соловцова*.

61) *Степанъ Соловцовъ*.

62) *Анисья Кольчева*; всѣ они знали о постриженіи царицы, ходили къ ней на поклонъ, носили письма и доставляли съѣстные припасы.

16-го марта 1718 года, составленъ былъ приговоръ *главнѣшимъ государственнымъ преступникамъ*; съ ихъ преступленьями мы уже знакомы изъ подлинныхъ пыточныхъ показаній. Въ оффиціальномъ приговорѣ, также напечатанномъ Устряловымъ, многое было прибавлено судьями такого, въ чемъ обвиняемые не были виноваты ни душой, ни тѣломъ, что видно изъ ихъ отвѣтовъ на допросные пункты.

Мняуя описаніе казней 16-го марта, мы прослѣдимъ пока петербургскіе розыски: (глава VIII). Они начались съ 1 го мая 1718 года.

Замѣтимъ кстатп, что г. Устряловъ ничего не говоритъ о событіяхъ во время перваго антракта между московскими казнями, 16-го марта, и началомъ петербургскихъ пытокъ. Вообще въ продолженіи всего разсказа о розыскахъ, судѣ и казни не видать ни Пистра, ни слѣдователей, ни судей, ни палачей. Читаете вы допросы, читаете отвѣты по пунктамъ, считаете число ударовъ, — а по-чьему повелѣнію дѣлаются эти пытки, а что дѣлаютъ государь и его слуги въ кровавые дни, ничего этого не видно. Какая-то рука толкаетъ несчастнаго въ застѣнокъ, какая-то рука поритъ его кнутомъ, а тамъ приговоръ и только подъ нимъ вы встрѣчаете имена двухъ-трехъ десятковъ сенаторовъ, между которыми съ удивленіемъ находить лица во время первыхъ допросовъ бывшія въ числѣ подсудимыхъ. Почему бы не перечислить законы и указы, утвержденные въ 1718 году Петромъ-Великимъ, почему не остановиться на прахъ и попопкахъ сего года — вѣдь это было бы у мѣста, оно бы рисовало предъ нами личность государя и его слугъ? Приводимъ два примѣра, приходящіе на память: «послѣ московскихъ казней кому-то вздумалось поздравить его величество съ водвореніемъ спокойствія; государь отвѣчалъ: если огонь встрѣчаетъ солому, либо другой удобно-сгораемый матеріалъ, онъ болѣе и болѣе усиливается, но лишь только дойдетъ до желѣза или камня, то самъ собою потухаетъ». Слова эти многознаменательны и они заслуживаютъ того, что бы историкъ царевича остановился на нихъ. Или не интересенъ ли напримѣръ, подобнаго рода фактъ: почти въ тотъ же день, когда привезли царевича въ село Преображенское, 31-го января 1718 года, государь, какъ ни въ чемъ не бывало, издалъ указъ: «вырубающихъ дубы, вопреки моихъ заповѣдей, кто бы то ни былъ штрафовать безпардонно: вынимать ноздри, пороть кнутомъ, ссылатъ въ каторгу. 4-го и 5-го февраля начались допросы царевичу и аресты его друзей, а 6-го числа Петръ писалъ: «Понеже извѣстно есть, что какъ въ человѣческой породѣ, такъ въ звѣриной и птичьей случается, что рождаются монстры, уроды, которые всегда и вездѣ собираются для диковинки.... Въ великомъ россійскомъ государствѣ должно быть ихъ много, но таятъ ихъ невѣжды, чая, что такіе уроды рождаются отъ дѣйства дьявольскаго колдовства и порчу, чему быть невозможно; ибо единъ творецъ всея твари Богъ, а не дьяволъ, которому ни надъ какимъ созданіемъ власти нѣтъ, но отъ поврежденія внутренняго, также отъ страха и мнѣнія матерняго во время беременія, какъ тому многіе есть примѣры, чего

испужается мать, такіе знаки на дитяти бывають; также когда ушибется, или больно будетъ, и прочее. Того ради паки сей указъ подновляется, дабы конечно какъ человѣчи, такъ скотскіе, звѣринные и птичьи уроды приносили въ каждомъ городѣ къ комендантамъ своимъ за плату опредѣленную, причеи ежели гораздо чудное что, то дадутъ и болѣе».

Изъ немногихъ указовъ обнародованныхъ до казней мартовскихъ (16-го числа), до казней цѣлой толпы поповъ, діаконъ и разныхъ пастырей Церкви, интересно распоряженіе: дабы въ праздничные и воскресные дни всѣ люди непременно бы ходили въ церкви, исповѣдывались бы и причащались каждый годъ, о чемъ вести книги; съ неисполнителей исповѣди брать въ пользу поповъ денежный штрафъ.

Но мы отвлеклись отъ разсказа г. Устрялова. Для начала петербургскихъ пытокъ ждали только прибытія Ефросиньи Θεодоровны. Она пріѣхала въ Петербургъ въ половинѣ апрѣля 1718 года, еще беременною; по разсчету Устрялова должна была родить не прежде конца апрѣля, но какъ она родила, гдѣ родила и куда дѣла ребенка — Устряловъ нигдѣ не могъ узнать. Но извѣстно, что она, по пріѣздѣ, тотчасъ была посажена въ петропавловскую крѣпость, а у подножія ея валовъ протекаетъ Нева....

Новый розыскъ былъ еще пристрастнѣе. Графъ Шенборнъ прямо говорилъ и писалъ, что «царь насильственно толкуя слова, находилъ злой умыселъ тамъ, гдѣ его и не было». Тщетно еще Яковъ Долгорукій въ челобитной государю объяснялъ ему: *мно есть дѣло злое*, мно есть слово дерзновенное безъ умыслу и хотя не безвинное и достойно мести, обаче не такой, какой достойны злодѣи, умысломъ винные». Для суроваго монарха слова *дерзновенныя* шли за преступленія. По майскимъ допросамъ оказались виновными:

63) *Иноземецъ Петръ Мееръ* сопутствовалъ царевичу въ его бѣгствѣ, какъ его слуга.

64) *Яковъ Носовъ*, слуга, ходилъ отъ царевича къ графу Шенборну въ Вѣнѣ и былъ съ Алексѣемъ все время за-границей.

65) *Иванъ Θεодоровъ* сопутствовалъ царевичу за-границу.

66) *Подъячій Петръ Судаковъ* отдавалъ цыфирную азбуку отъ царевича Ивану Θεодорову.

Самыя важныя обвиненія пали на Алексѣя, и ихъ собственно ручно написала его любовница Ефросинья; не упрекнемъ въ этомъ слабую женщину: ей угрожали пытки, она изъ чувства

самохраненія говорила въ томъ духѣ, въ какомъ отъ нея требовали, но нельзя по этому и принимать на вѣру ея обвиненія; по нимъ:

«Письма писалъ царевичъ по собственному желанію по русски изъ неаполитанской крѣпости; также самъ писалъ жалобы на отца къ цесарю; ждалъ случая, когда можно съ радостью возвратиться въ Россію» и говорилъ то, получая изъ вѣдомостей ложныя извѣстія о разныхъ волненіяхъ въ русскомъ войскѣ. Наслѣдство желалъ прилежно, надежду имѣлъ на поддержку сената; старыхъ перевести хотѣлъ всѣхъ, но воцареніи, а завести новыхъ; Петербургъ хотѣлъ бросить, а поселиться въ Москвѣ, кораблей не строить, войны не вести, лѣто проводить въ Ярославлѣ, довольствоваться владѣніями старыми. На случай воцаренія своей мачихи говорилъ, что-то будетъ бабье царство».

Алексѣй сначала заперся противъ обвиненія Евросиньи, (если можно назвать *аннами* слова, говоренныя имъ на единѣ съ любовницей), не обвинялъ ее самое ни въ чемъ, оставался вѣренъ ей до послѣдняго вздоха и еще въ Свѣтлый праздникъ, упавъ въ ноги къ царю, просилъ дозволенія жениться на своей возлюбленной. Ему отказали. Устряловъ приводитъ общій слухъ того времени, что Алексѣй помѣшался отъ ужаса и былъ безумно. Послѣднее особенно важно, если только достоверно: Алексѣй былъ заточенъ въ селѣ Преображенскомъ, потомъ въ Петербургѣ; его держали подъ строгимъ арестомъ близъ двора отца, наконецъ перевезли въ трубецкой раскатъ петропавловской крѣпости. Какимъ же образомъ онъ могъ шить *мертвую*? Или его исповѣдь прежняя была вполнѣ справедлива: его оппанивалъ съ удовольствіемъ, въ водкѣ отказу не было?

Какъ бы то ни было, но заперся сначала, царевичъ Алексѣй постепенно съ угрозъ, послѣ настоятельныхъ распросовъ, до того дошелъ, что сталъ подтверждать всѣ обвиненія — и г. Устряловъ, забывая, что во всемъ дѣлѣ не было ни одного факта, говорящаго о томъ, чтобы царевичъ хотѣлъ вооруженною рукою исхитить корону у отца, восклицаетъ: «преступныя намѣренія царевича, по собственному сознанию (какъ будто Алексѣй могъ имѣть въ это ужасное время, «какое нибудь сознание» — онъ и то помѣшался, а предъ нимъ стоялъ Петръ Андреевичъ Толстой съ кнутомъ), по собственному сознанию готоваго пристать къ бунтовщикамъ при жизни отца, были очевидны». Но государь, вспомнимъ Шенборна, *наслѣственно толкуя каждое слово*, мучилъ сына новыми допросами, что значитъ слово: *ничъ*,

да оставьте, два раза пмъ зачеркнутое въ письмѣ къ сенату? Алексѣй въ отвѣтъ бредилъ все, что отъ него хотѣли; но отъ него еще чего-то хотѣли и 19-го іюня 1718 года дали на вискѣ двадцать пять ударовъ, не дознавши ничего, потому, что умирающій царевичъ даже не зналъ, что и клепать на себя. 24-го іюня новые пятнадцать нещадныхъ ударовъ кнутомъ не оживили его фантазію. 26-го іюня утромъ его пороли въ третій и послѣдній разъ, число ударовъ неизвѣстно, новыхъ показаній не было, да едва ли могло быть: сомнительно, чтобы онъ пмѣлъ еще силы говорить: въ тотъ же день, въ семь часовъ вечера послѣдникъ всероссійскаго престола царевичъ Алексѣй Петровичъ испустилъ духъ.

Утомленные неоднократно чтеніемъ этой эпохи истязаній, мы пропускаемъ всѣ интересныя подробности VIII и IX главъ сочиненія Устрялова: «Розыскъ въ С, Петербургѣ» и «Судъ». Вся книга, а эти главы въ-особенности, прочтутся, да и должны прочтуться каждымъ грамотнымъ русскимъ и долго, долго еще будетъ читаться эта новая страница въ исторіи великаго Петра. Между тѣмъ пожалѣемъ, что г. Устряловъ не приложилъ указателя, таблицы, по которой можно бы было съ одного взгляда узнать сколько было оговоренныхъ, арестованныхъ, пытаныхъ, сосланныхъ и казненныхъ съ февраля по декабрь 1718 года. Эта была бы самая занимательная и краснорѣчивая страничка даже и въ такой интересной книгѣ, каковъ «словарь сѣченыхъ россіянъ и россіянокъ или VI томъ исторіи Петра.» Мы выписали съ большимъ трудомъ этотъ длинный реестръ именъ, съ большимъ трудомъ, ибо имена эти разсѣяны въ текстѣ, въ примѣчаніяхъ и приложеніяхъ; трудность подобныхъ выписокъ, спѣшу оговориться, допустила двѣ-три ошибки, не замѣтныя для насъ, но которыя вѣроятно поправитъ самъ авторъ. Привожу имена всѣхъ лицъ, даже не арестованныхъ, но которыя были по дѣлу оговорены:

а) Не были арестованы:

- 1) *Апраксинъ*, Ѳеодоръ Матвѣичъ.
- 2) *Яворскій*, Стефанъ, митрополитъ.
- 3) *Трубецкой*, князь, Юрій Юрьевичъ.
- 4) *Архіерей Ростовскій*.
- 5) *Архіерей Крутицкій*.
- 6) *Безстужевъ-Рюминъ*, Алексѣй Петровичъ.
- 7) *Долюрокій*, князь Яковъ Ѳеодоровичъ.
- 8) *Фридрихъ*, переводчикъ изъ Митавы.
- 9) *Васильевъ*, Тимофѣй, духовникъ.
- 10) *Гофмейстерина* царевическихъ дѣтей.
- 11) *Корчминъ*, Василій Дмитріевичъ.
- 12) *Гагаринъ*, князь Алексѣй.
- 13) *Гагаринъ*, князь Богданъ.
- 14) *Инатій*, архіепископъ Суздальскій, умер-

шій до розыска. 15) *Суворова*, Иванъ. 16) *Голицынъ*, князь Борисъ Алексѣевичъ, въ иночествѣ Боголѣпъ, умеръ до розыска 23). 17) *Голицынъ*, князь Дмитрій Михайловичъ. 18) *Полкарповъ*, Ѳедоръ. 19) *Мусинъ-Пушкинъ*, Иванъ Алексѣевичъ. 20) *Бѣлгородскій* архіепископъ. 21) *Нижегородскій* архіепископъ. 22) *Вологодскій* архіепископъ. 23) *Астраханскій* архіепископъ. 24) *Шереметьевъ*, графъ Борисъ Петровичъ 24). 25) *Борисъ Куракинъ*, женатый на Аксиньѣ Ѳедоровнѣ Лопухиной. 26) *Голицынъ*, князь Михайло Михайловичъ. 27) *Бауръ*, генералъ. 28) *Ювъ*, архіерей повгородскій. 29) *Голицынъ*, князь Петръ Алексѣевичъ. 30) *Салтыкова*, царица Прасковья Ѳедоровна. 31) *Ромодановскій*, князь Ѳедоръ Юрьевичъ. 32) *Стрешневъ*, Тихонъ Никитичъ. 33) *Бѣляевъ*, Степанъ, пѣвчій.

б) Арестованные въ оковахъ, заточенные въ тюрьмы, и по исполненіи болѣе или менѣе продолжительныхъ сроковъ, освобожденные безъ наказанія;

34) *Апраксинъ*, графъ Петръ Матвѣичъ. 35) *Георгій*, протопресвиторъ петербургскій, духовникъ царевича. 36) *Кикинъ*, Иванъ Васильевичъ. 37) *Ефросинья* Ѳеодоровна Ѳеодорова, любовница царевича, отпущена жить въ домъ коменданта петропавловской крѣпости; вышла замужъ за гарнизоннаго офицера, прожила еще тридцать лѣтъ. По другимъ извѣстіямъ постриглась. 38) *Самаринъ*, Михайло, сенаторъ. 39) *Веніаминъ*, архимандритъ изъ Новгорода. 40) *Ѳеодосій*, архіерейскій казначей изъ Новгорода. 41) *Полковница* (?) 42) *Платонъ* (?) 43) *Надежда*, жена Кикина, урожденная Баклановская. 44) *Петръ*, архимандритъ симоновскаго монастыря. 45) *Чаплинъ*, суздальскій воевода. 46) *Сенютовичъ*, Іоникій, архимандритъ печерскій, духовникъ царевича. 47) *Львовъ*, князь Иванъ. 48) *Егоръ*, протопопъ, духовникъ царевича — не есть ли это N° 35? 49) *Ваарламъ*, ду-

23) О немъ есть любопытныя подробности въ сочиненіи Невилля, смотр. «Современные портреты Софьи Алексѣевны и Василя Голицына», статья въ XII книжкѣ Русскаго Слова 1859 года.

24) Бывъ въ числѣ судей надъ царевичемъ, Борисъ Петровичъ являлъ твердость необыкновенную: «Я не подпишу смертнаго приговора, я рожденъ служить своему царю, а не кровь его удить», объявилъ Шереметьевъ и не устранился гнѣву государева, который долго на него негодовалъ, какъ на тайнаго доброжелателя несчастнаго царевича (О поврежденіи нравовъ, соч. Щербатова, стр. 15). Если вѣрить современнику Бассевичу, то Екатерина ходатайствовала за Алексѣя у Петра (Eclairissements de Basewitz. Büchling's Magazin, IX, p. 318). Эти факты опущены Устряловымъ.

ховникъ. 50) *Германъ Болесъ*, голландскій плотникъ, освобожденъ на поруки. 51) *Де-Би*, резидентъ. 52) *Фонъ-Гуссе*, Марія, повивальная бабка, освобождена на поруки. 53) *Гельдорпъ*, Елисавета, дочь ея, на поруки. 54) *Соловцовъ*, подполковникъ. 55) *Волковъ*, дьякъ. 56) *Греческій* пощъ. (?) 57) *Волковъ*, секретарь князя Меньшикова. 58) *Нарышкинъ*, Иванъ Ивановичъ. 59) *Копстицкій*, Гаврило, секретарь А. В. Кикина. 60) *Бобринъ*, слуга А. Кикина. 61) *Шешуковъ*, тоже. 62) *Льнова*, вдова. 63) *Долгорукий*, князь Михайло Владиміровичъ. 64) *Козловъ*, князь Семень, подполковникъ. 65) *Львовъ*, князь Яковъ. 66) *Щербатовъ*, князь Николай, поручикъ преображенскаго полка. 67) *Козловскій*.

Весьма вѣроятно, что нѣкоторые изъ этого списка освобожденныхъ были пытаны, были сѣчены и наконецъ сосланы. Но этихъ фактовъ мы не можемъ указать: г. Устряловъ молчитъ объ этомъ; либо онъ не внесъ число ударовъ, полученныхъ этими лицами предъ освобожденіемъ, либо слѣдователи не безпокоились изъ пустяковъ и, десятокъ, другой ударовъ не внесли въ свои застѣночные реестры. Такъ и нижеслѣдующіе:

в) Освобождены, по заточеніи въ тюрьмахъ и послѣ подыманія на виску или дыбу. Были ли пороты и сколько получили ударовъ неизвѣстно:

68) *Темиревъ*, Афанасій, служилъ при посольствѣ въ Шверингъ. 69) *Бодановъ*, Никифоръ, управлявшій вотчинной контрой царевича, освобожденъ на поруки. 70) *Гльбовъ*, Василій Михайловичъ. 71) *Боданова* жена, освобождена на поруки. 72) *Пустынный*, Андрей, протопощъ. 73) *Иларіонъ*, спасскій іеремонахъ. 74) *Иусуъ*, іеремонахъ, пощъ растецкій 25).

г) Заточенные: сосланные по заключеніи на поселеніе, на каторгу, пытаные разъ, два раза, три раза, четыре и болѣе. Сѣченные батогами, кнутомъ, съ урѣзкой носовъ, выниманіемъ поздрей и казненные смертію 26):

75) *Долгорукий*, князь Василій Владиміровичъ, генералъ-лейтенантъ, въ оковахъ отправленъ въ Соликамскъ. 76) *Веселовскій*, Авраамъ, посланникъ, эмигрировалъ за-границу. 77) *Шлееръ*,

25) Здѣсь пропущенъ *Чалинъ*, суздальскій воевода; былъ ли онъ освобожденъ или куда сосланъ — не извѣстно.

26) И тутъ надо замѣтить, что многія числа ударовъ не извѣстны; пытали такого-то, но сколько дано — не считано, или не записано въ современныхъ бумагахъ. Чѣмъ ничтожиѣ было лицо наказываемое, тѣмъ безцеремониѣ поступали. Слѣдователи сокращали *переписку*.

резидентъ австрійскій, высланъ изъ С. Петербурга въ Вѣну. 78) *Нарышкинъ*, Семень, генералъ-майоръ, сосланъ въ дальнюю деревню свою. 79) *Родионовъ*, Михайло, стряпчій, любовникъ старицы Каптелины (?). 80) *Агафья*, карлица, заточена съ царицей Авдотьей въ Ладогѣ. 81) *Шронъ*, Василии, подчиненный Глѣбова (?). 82) *Милевъ*, Василии, служитель царицы (?). 83) *Милевъ*, Сергѣи, тоже (?). 84) *Арсеньева*, Аксиныя, служанка царицы (?). 85) *Глѣбова*, Татьяна Васильевна, по нѣкоторымъ сказаніямъ, лишила себя жизни (?). 86) *Глѣбовъ*, Андрей Степановичъ (?). 87) *Турка*, крѣпостной А. Ѳ. Лопухина (?). 88) *Глѣбовъ*, Ѳедоръ (?). 89) *Витка*, слуга царевича Алексѣя (?). 90) *Жуковъ*, слуга А. В. Кикина (?). 91) *Вяземскій*, Никифоръ Кондратьевичъ, учитель, подыманъ на дыбу, и безъ наказанія, сосланъ въ Архангельскъ. 92) *Нарышкинъ*, Иванъ Ивановичъ, подыманъ на дыбу и сосланъ въ Переяславль-Рязанскій. 93) *Серьевъ*, Александръ, пытанъ (?). 94) *Баклановскій*, Константинъ, студентъ—15 ударовъ; вмѣненъ въ наказаніе розыскъ. 95) *Протопоповъ*, Иванъ Осиповичъ, рижскій подьячій, пытанъ (?). 96) *Ѳедоровъ*, Иванъ, братъ Ефросиньи—15 ударовъ, сосланъ въ Сибирь, въ пристойную службу. 97) *Носовъ*, Яковъ,—10 ударовъ, туда же. 98) *Судаковъ*, Петръ Михайловичъ, пытанъ (?), туда же. 99) *Акинфиевъ*, канбаръ, ландратъ казанскій, дядя С. Щербатова, раздѣванъ у дыбы, потомъ 15 ударовъ получилъ и сосланъ. 100) *Яковлевъ*, Александръ, пытанъ (?). 101) *Кириловъ*, Василии, пытанъ два раза (?). 102) *Баклановскій*, Семень, деньщикъ, пытанъ два раза (?). 103) *Гаментова*, пытана два раза (?). 104) *Алексеевъ*, Василии, царевичъ сибирскій, подыманъ на виску, пытанъ три раза, въ послѣдній 15 ударовъ, ни въ чемъ не повинился, сосланъ въ Архангельскъ. 105) *Ливерій*, попъ, разстрига, духовникъ Алексѣя за-границей, получилъ на трехъ пыткахъ 52 удара, сосланъ въ Соловецкъ. 106) *Мотюшкинъ*, Кирила, подыманъ на виску, битъ кнутомъ, сосланъ на галеры, на вѣчную работу. 107) *Соловцовъ*, битъ батогами (?) на площади нещадно и освобожденъ. 108) *Соловцова*, Марья, мать его, тоже наказаніе. 109) *Марфа*, игрушенья, бита батогами (?) нещадно, заточена въ тюрьму, въ слободѣ александровской. 110) *Маремьяна*, старица казначея, тоже. 111) *Каптелина*, старица тоже. 112) *Голыцына*, княгиня, Настасья Петровна, урожденная Прозоровская, бита батогами нещадно, среди солдатъ.

27) Звукъ вопросительный означаетъ, что число ударовъ не извѣстно.

113) *Головина*, Варвара, родственница Лопухиныхъ, бита батогами, пострижена въ свѣяжскомъ монастырѣ. 114) *Грековъ*, Андрей, ландратъ, битъ нещадно батогами на площади и освобожденъ. 115) *Татищевъ*, Данило, воевода*Суздаля, тоже. 116) *Величковъ*, Андрей, ландратъ, тоже. 117) *Колычева*, Анисья, тоже. 118) *Марья Алексѣевна*, царевна, заточена въ Шлиссельбургѣ, съ запрещеніемъ говорить. По сказаніямъ иностранцевъ, *счтена*. 119) *Авдотья Ѳедоровна Лопухина*, царица, сослана въ Ладогу, съ запрещеніемъ говорить. По сказаніямъ иноземцевъ, *счтена*, по указу, смиренными пастырями церкви 28). 120) *Львова*, княгиня, Марья Алексѣевна, урожденная Соковнина, пострижена въ монастырѣ на Поморьѣ. 121) *Воронинъ*, Михайло, стряпчій монастырскій, въ вѣчную каторгу. 122) *Воронинъ*, Василій, тоже. 123) *Воронинъ*, Иванъ, тоже. 124) *Герасимъ*, попъ, въ Ревель, въ каторжную работу. 125) *Кузьминъ*, попъ Иванъ, туда же. 126) *Яковлевъ*, попъ Иванъ, туда же. 127) *Ѳедоровъ*, Дмитрій, протодьяконъ, туда же. 128) *Артемиевъ*, Матвѣй, дьяконъ, туда же. 129) *Васильевъ*, Михайло, дьяконъ, туда же. 130) *Орловъ*, Иванъ, деньщикъ царскій, въ вѣчную каторгу. 131) *Лопухинъ*, Александръ Петровичъ, пытка: 17 ударовъ, битъ жестоко кнутомъ и навѣкъ въ каторгу. 132) *Щербатовъ*, князь Семень, три раза пытанъ, битъ жестоко кнутомъ, урѣзанъ языкъ, вырѣзаны ноздри, сосланъ въ Пустоозерскъ. 133) *Троекурова*, княгиня, Настасья, бита жестоко кнутомъ, пострижена въ Тотмѣ. 134) *Афанасьевъ*, Иванъ меньшей, три раза пытанъ, послѣдній разъ 15 ударовъ; битъ жестоко кнутомъ (то не въ счетъ) и сосланъ въ каторгу. 135) *Зварлаковъ*, Ѳедоръ, три пытки, на двухъ послѣднихъ 31 ударъ, кромѣ того битъ жестоко кнутомъ, сосланъ въ Тобольскъ. 136) *Пустынный*, Иванъ, поддьяконъ, битъ жестоко кнутомъ, вырваны ноздри, въ вѣчную каторгу. 137) *Журавскій*, Ѳедоръ, пѣвчій Марьи царевны (ея любовникъ?) пытанъ два раза: 40 ударовъ, въ каторгу вѣчно. 138) *Собакинъ*,

28) Г. Устряловъ не приложилъ рисунка: «Суздальско-Покровскій монастырь того времени», съ кельей царицы Авдотьи; не сказалъ ничего объ этомъ монастырѣ, не навелъ справокъ, — нѣтъ ли какихъ документовъ въ монастырѣ, не съѣзжалъ туда: нѣтъ ли какихъ устныхъ преданій о инокинь Еленѣ, бывшей въ суздальскомъ монастырѣ *девятнадцать лѣтъ*. Еще замѣчаніе: онъ говоритъ, что царица пробыла въ Старой Ладогѣ до подаренія Петра II, но Беркгольцъ видѣлъ ее въ Шлиссельбургѣ въ 1726 году. Нѣсколько новыхъ фактовъ о царицѣ можно было найти въ подлинномъ дѣлѣ о Девьерѣ, Толстомъ и проч. 1727 года. Устряловъ упустилъ это.

Григорій, племянникъ царицы, два раза пытанъ, число ударовъ неизвѣстно, въ наказаніе: битъ жестоко кнутомъ и въ вѣчную каторжную работу. 139) *Лопухинъ*, Гаврило, битъ кнутомъ, сосланъ въ Астрахань. 140) *Татищева*, жена суздальскаго воеводы, бита кнутомъ и пострижена въ монастырѣ. 141) *Носовичъ*, Григорій, полякъ, битъ кнутомъ. 142) *Босой*, Михайло, вынуты ноздри, сосланъ на вѣкъ, на галеры. 143) *Щербатовъ*, князь, Ѳедоръ, вынуты ноздри, урѣзанъ языкъ, битъ нещадно, кнутомъ 29), дано 20 ударовъ. 144) *Мейеръ*, иноземецъ, Петръ, слуга царевича, умеръ въ крѣпостномъ казематѣ. 145) *Митрополитъ* краковскій, архіерей кievскій, семидесяти-лѣтній старецъ, умеръ, на дорогѣ къ Петербургу, въ Твери, подъ стражею: его везли къ розыску. По инымъ сказаніямъ *наложили на себя руки*. 144) *Лопухина*, жена Аврама Ѳедоровича, съ отчаянія по мужу *влезла* въ раскаленную печку, въ банѣ; вытащена служанкой, умерла въ тотъ же день. 145) *Даниловой*, Марьѣ, дѣвщцѣ, дому его величества, *отсѣчена голова* (?). 146) *Вороиловъ*, Ѳедоръ, дьякъ, на трехъ пыткахъ получилъ 57 ударовъ, *отрублена голова*. 147) *Икнатьевъ*, Яковъ, протопопъ петербургскій, духовникъ царевича, на трехъ пыткахъ получилъ 50 ударовъ, *отрублена голова*. 148) *Афанасьевъ*, Иванъ, большой, камердинеръ царевича, три раза пытанъ, на двухъ послѣднихъ вискахъ получилъ 42 удара, *отрублена голова*. 149) *Дубровскій*, Ѳедоръ, переводчикъ, на трехъ пыткахъ получилъ 53 удара, *отрублена голова*. 150) *Пустынный*, Ѳедоръ, ключарь, духовникъ царицы, *колесованъ*, голова выставлена какъ и прочихъ казненныхъ на *колъ*, тѣло вмѣстѣ съ другими *сожжено*. 151) *Писарь*, ния и преступленіе неизвѣстно, по дѣлу же царевича, *колесованъ*, съ колеса полуживой приведенъ къ царю, *отсѣчена* по указу *голова*, а тѣло вновь положено на *колесо*. 152) *Алексій Петровичъ*, царевичъ, наследникъ престола, три раза пытанъ, на двухъ первыхъ получилъ 40 ударовъ кнута, отъ третьей (число ударовъ неизвѣстно) *испустилъ духъ*, по другому сказанію *задушенъ подушками*. 153) *Кикинъ*, Александръ Васильевичъ, пытанъ пять рзъ, на трехъ послѣднихъ *вискахъ* получилъ 40

29) Князь М. Щербатовъ въ сочиненіи «О поврежденіи нравовъ въ Россіи» (стр. 13—14) называетъ сего несчастнаго княземъ *Юріемъ* Ѳедоровичемъ. Тутъ гдѣ нибудь ошибка, едва ли, впрочемъ, у М. Щербатова, ибо онъ называетъ наказаннаго своимъ *дыдомъ*; трудно допустить, чтобы онъ не зналъ имени стѣлы близкаго родственника.

ударовъ, казнень по приговору, *жестокою смертью*: колесованъ, по инымъ разорванъ клещами на части, голова отсѣчена и воткнута на колъ. 154) *Даниловъ*, Досифей, епископъ ростовскій, разстрига Демидъ, пытанъ четыре раза, на трехъ послѣднихъ получилъ 41 ударъ, казнень «жестоко въ примѣръ,» колесованъ, по другимъ разорванъ клещами, голова воткнута на колъ. 155) *Лопухинъ*, бояринъ, Авраамъ Федоровичъ, братъ царицы, пытанъ шесть разъ, если не больше, на четырехъ послѣднихъ пыткахъ получилъ 74 удара нещадно кнутомъ. Голова *отрублена* и воткнута на колъ 30). 156) *Глыбовъ*, Степанъ Богдановичъ, майоръ, по другимъ генераль-майоръ, любовникъ царицы, пытанъ четыре раза, на двухъ послѣднихъ получилъ 34 удара кнутомъ, кромѣ кнута пытанъ: желѣзомъ, жженъ на раскляенныхъ угляхъ, три дня привязанъ былъ къ столбу, на доскѣ, убитой гвоздями, посаженъ на колъ, день сидѣлъ на колѣ. Голова отсѣчена, на колъ; тѣло оставлено съ другими на площади. Со всѣхъ пытокъ не показалъ ничего, не обвинилъ никого.

Нашъ списочекъ не полонъ, многихъ не достаетъ, большая часть чиселъ пыточныхъ ударовъ неизвѣстна; тѣмъ болѣе, что число казенныхъ смертью, число освобожденныхъ, сосланныхъ довольно легко видѣть по списочку; а число ударовъ выданныхъ довольно неопредѣленно. Пытано, какъ ясно видно по книгѣ, г. Устрялова, 46 человекъ, по его же напечатаннымъ цыфрамъ, выходитъ 590 ударовъ кнута; кромѣ того на тридцати пыткахъ число ударовъ не означено, кладя среднимъ числомъ на пытку пятнадцать ударовъ, меньше давали весьма рѣдко, выйдетъ 450 ударовъ, съ прежними: 1040 ударовъ. Наказанныхъ на площади кнутомъ, изъ названныхъ сорока шести людей, двѣнадцать человекъ обоого пола, кладя на казнь двадцать ударовъ, цыфра весьма умѣренная по тому времени, выйдетъ двѣсти сорокъ ударовъ, что съ прежними составитъ: 1,280 ударовъ кнута. Сѣченыхъ батогами, изъ сорока шести человекъ тринадцать, обоого пола: кладя на одно сѣченіе шестьдесятъ батовъ, т. е., ударовъ палками, цыфра обыкновенная, выйдетъ 780 батовъ.

30) Казни Лопухина, Воронова, Игнатъева, Афонасьева-большаго и Дубровскаго совершены 8-го декабря 1718 года, близъ гостиннаго двора у Троицы, на въѣздѣ въ дворянскую улицу, на петербургской сторонѣ. Головы воткнуты на желѣзныхъ спицахъ, на каменномъ столбѣ, тѣла положены на колесахъ близъ *съѣстнаго* рынка, куда перенесены съ мѣста казни, и гдѣ впоследствии погибъ Артемій Петровичъ Волюнскій

Общая цифра ударовъ 2,060. Но намъ извѣстно только сорокъ шесть человекъ сѣченныхъ и битыхъ, а ихъ было едва ли не вдвое больше, потому что удары, потраченные на слугъ и мелкій людъ, не вносились въ реестры 31).

Вотъ какъ описываетъ главнѣйшія изъ московскихъ казней очевидецъ Плеръ: «Маіоръ Степанъ Глѣбовъ, пытанный страшно, кнутомъ, раскаленнымъ желѣзомъ, горящими углемъ и проч. (смотри выше) при всемъ томъ ни въ чемъ не сознавшійся, 15-го марта 1718 года, посаженъ на колъ, на красной площади, противъ столба (не лобное ли мѣсто?), часу въ третьемъ по полудни.» При немъ были, для напутствія въ жизнь загробную, архимандритъ Спаскаго монастыря Лапотинскій (умершій въ царствованіе Анны отъ пытокъ и казни), іеромонахъ Маркелъ, да священникъ того-жъ монастыря Анофрій. Посаженный на колъ Глѣбовъ хранилъ молчаніе съ первой минуты своихъ адскихъ мученій; къ огорченію смиренныхъ пастырей, не принесъ никакого покаянія, только съ наступленіемъ ночи просилъ іеромонаха принести ему святыхъ Тайнъ, для причащенія; не извѣстно выполнялъ ли его приказаніе Маркелъ. Утромъ 16-го марта, въ половинѣ восьмага, Степанъ Богдановичъ испустилъ духъ.

Г. Устряловъ умалчиваетъ о разсказѣ иностранцевъ, будто бы Петръ I, подѣхалъ къ Глѣбову, въ то время, какъ онъ опускался по колу, осыпалъ его.... упреками; тотъ не отвѣчалъ, а только плюнулъ. Г-жа Рондо, также писала въ 1731 году, по разсказамъ очевидцевъ, о казни любовника царицы.

Разсказъ леди во многомъ противорѣчитъ съ достовѣрными извѣстіями, но и самая басня, заслуживаетъ уже вниманіе потому, что она современна *вдовствующей царицѣ* Авдотьи Теодоровнѣ; басня ходила изъ устъ въ уста при жизни многихъ мучимыхъ и мучившихъ по *суздальскому* розыску. «Нѣсколько

31) Хорошо бы было, если бы кто-нибудь составилъ списокъ лицъ *итрафованныхъ* и *скасованныхъ*, лицъ всѣхъ сословій, наказанныхъ разными способами и за разные преступленія съ 1689 года сентября по 1725 годъ январь. Можно бы было съ одного взгляда замѣтить, съ какими лицами приходилось бороться великому преобразователю Россіи, чего стоили Россіи нововведенія мудраго, но суроваго монарха. Списокъ на первый случай могъ бы быть составленъ по печатнымъ источникамъ и вышущеннымъ томамъ сочиненіи Устрялова. Не приложить ли онъ этотъ списокъ въ концѣ послѣдняго тома исторіи великаго Петра?

лѣтъ спустя послѣ брака, рассказываетъ Рондо, царь Петръ не возлюбилъ царицу за ея неотвязчивую ревность; но пролиши года и ревнивый государь заточилъ въ тюрьму и бывшую царицу, и ея ближайшихъ родственниковъ; нѣсколько лицъ приближенныхъ къ ней были арестованы и преданы, по обычаямъ страны, всѣмъ ужасамъ пытокъ, но никто ее не обвинилъ, хотя за обвиненіе обѣщано было прощеніе. Допросы и пытки продолжались нѣсколько мѣсяцевъ; въ продолженіе сего времени около четырнадцати самыхъ приближенныхъ родственниковъ преданы смертной казни. Одинъ изъ приближенныхъ къ ней дворянъ, Глѣбовъ, офицеръ, жившій не далеко отъ Ростова, вынесъ пытки столь ужасныя, столь суровыя, что едвали кто другой способенъ былъ ихъ перенести; Петръ подозрѣвалъ его въ связи съ своей женой. Глѣбовъ среди невыносимыхъ мученій стоялъ на своемъ, что ни онъ, ни *императрица* (т. е., царица) невинны (въ блудномъ дѣлѣ). Наконецъ, самъ царь подошелъ къ нему, предлагалъ ему прощеніе, если тотъ сознается; но онъ сказалъ: «Я не хотѣлъ бы говорить, но считая долгомъ защищать свою монархію; ты считаешь себя въ правѣ судить свою жену, которая была женщиною столь вѣрною своему долгу, вѣрною, какъ ибѣтъ во всемъ свѣтѣ; я знаю за ней одну слабость, прибавилъ помолчавъ Глѣбовъ, она любила васъ, васъ, который былъ палачъ безчеловѣчный! Вы способны предать ее сатанинскимъ мукамъ; но не воображайте, что я буду столько низокъ, чтобы ради личнаго спасенія предать бы женщину совершенно невинную! Да, мои члены могутъ вынести муки самыя безчеловѣчныя, я готовъ лучше страдать, готовъ страдать съ удовольствіемъ, но не сдѣлать ложнаго обвиненія.» Далѣе петязуемый не хотѣлъ говорить, и когда увидѣли, что не добьются отъ него ни слова болѣе, ему отрубили голову. По словамъ г. d'Еон, несчастный, среди предсмертныхъ терзаній, испуская послѣдній вздохъ, пронзаетъ: «ступай, тиранъ, и дай мнѣ умереть спокойно.»

Императрица (т. е., царица), по словамъ Рондо, удалена была въ дальній монастырь (на Ладожскомъ озерѣ, откуда, по указу Екатерины I, Авдотья перевезена была въ Шлиссельбургъ). Шлѣбнищѣ запрещено было и видѣться, и говорить съ кѣмъ бы то ни было, кромѣ той прислужницы, которая приносила ей необходимое для ѣды; обѣдъ царица готовила сама, потому что къ ней не была приставлена служанка, даже для самыхъ черныхъ работъ. Предъ тѣмъ, какъ царь торжественно вѣнчался съ Екатериной, прошелъ слухъ, что заточенная царица умерла;

молвъ вѣрили, пока не взошелъ на престолъ ея внукъ. Съ воцареніемъ Петра II, бабка его снова явилась при дворѣ и не желая оставаться при немъ, удалилась въ монастырь, гдѣ живетъ и понынѣ (т. е., въ апрѣлѣ 1731 года), окруженная своимъ дворомъ, своими слугами и не покидаетъ монашескаго платья. Какія ужасныя бѣдствія, бѣдность, несчастія, чего не перенесла только, восклицаетъ Рондо, эта *принцесса*; но самымъ ужаснымъ для нея ударомъ была, безспорно, неожиданная, скоропостижная смерть юнаго монарха, ея роднаго внука; этотъ ударъ разразился именно тогда, когда судьба, казалось утомилась преслѣдовать несчастную. Царствующая императрица Анна оказываетъ почтеніе и очень часто посѣщаетъ инокиню царицу» (переводъ *Касторскаю*, 1837 годъ, Спб. письмо VI).

Въ понедѣльникъ, 17-го марта, продолжаетъ Плееръ, колесованъ архіерей ростовскій, послѣ казни онъ обезглавленъ, тѣло сожжено, а голова воткнута на колъ. Александръ Кикинъ, прежній любимецъ царя, также колесованъ; мученія его были весьма медленны, съ промежутками, для того, чтобъ онъ чувствовалъ страданія. На другой день царь проѣзжалъ мимо. Кикинъ еще живъ былъ на колесѣ: онъ умолялъ пощадить его и позволить постричься въ монастырѣ. Государь, въ неизрѣченной милости, велѣлъ его обезглавить, чтобъ прекратить мукъ, но голову воткнулъ на колъ. Духовникъ царицы, сводничавшій инокиню Елену съ Глѣбовымъ, также колесованъ, голова воткнута на колъ, тѣло сожжено. Четвертымъ былъ простой писарь, который торжественно въ церкви укорялъ царя въ лишеніи царевича престола и подаль записку: онъ былъ колесованъ; на колесѣ сказалъ, что хочетъ открыть царю нѣчто важное, снять былъ съ колеса и привезенъ къ царю, въ Преображенское; не могъ однакожъ отъ слабости ничего сказать, и порученъ былъ докторамъ на излеченье; но какъ слабость увеличилась, то голова его была отрублена и воткнута на колъ, и тѣло положено на колесо. Кромѣ того иные наказаны кнутомъ, другіе батогами, всенародно, и съ *обръзанными носами* сосланы въ Сибирь. Знатная дама изъ фамиліи Троекуровыхъ бита кнутомъ, другая, изъ фамиліи Головинныхъ, батогами. По окончаніи экзекуціи, 17-го марта, княгиня, нѣсколько лѣтъ бывшая въ большой сплѣ при дворѣ, супруга князя Голицына, родная дочь стараго князя италмейстера Прозоровскаго, привезена была въ Преображенское: тамъ на пыточномъ дворѣ, въ кругу сотни солдатъ, княгиня положена на землю съ обнаженною спиною и очень больно высѣчена

батогами; послѣ того отравлена къ мужу, который отослалъ ее въ домъ отца.

Въ городѣ, на большой площади передъ дворцомъ, гдѣ проходила экзекуція, поставленъ былъ четырехугольный столпъ изъ бѣлаго камня, вышиною около шести локтей, съ желѣзными шпигами по сторонамъ, на которыхъ взоткнуты головы казненныхъ; на вершинѣ столба находился четырехугольный камень, въ локоть вышиною; на немъ положены были трупы казненныхъ, между которыми видѣлся трупъ Глѣбова, какъ бы сидящій вокругъ другихъ.

А что народъ дѣлалъ, какъ праздновали свое торжество приверженцы новой партіи, враги тунеядцевъ-бородъ? Плееръ могъ забыть *публику*, о ней тогда еще никто не думалъ, только въ послѣдующія царствованія стали вспоминать о ней, и то въ приговорахъ: «наказать шрека батогами, кошками или кнутомъ *предъ публикою* нещадно, въ примѣръ», — но могъ ли историкъ забыть народъ? да и въ самую торжественную минуту, на сценѣ роковой развязки мы не видимъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ, управлявшихъ ходомъ спектакля?

Въ десятой главѣ г. Устряловъ выступаетъ историкомъ-критикомъ. Онъ опровергаетъ сказанія разныхъ лицъ (всего, впрочемъ, восьми, а однихъ писателей, говорившихъ о смерти Алексѣя, были цѣлыя десятки 32) о родѣ смерти царевича. Мнѣніе г. Устрялова: Алексѣй Петровичъ умеръ отъ пытокъ, спустя десять часовъ послѣ третьей виски, причемъ исторіографъ ссы-

32) Чтобы остановиться, напримѣръ, на мнѣніяхъ о дѣлѣ царевича Алексѣя хоть бы однихъ русскихъ писателей: Екатерины II, Щербатова, Карамзина, Погодина и друг. (есть замѣтки у нихъ по этому поводу). Что это было бы интересно, о томъ нечего говорить. Позволю себѣ привести мнѣніе извѣстнаго ученаго и поэта нашего А. С. Х., изъ частнаго письма его къ намъ: «а) Петръ въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ *сознательно* доводилъ сына до какой-нибудь крайности, чтобы имѣть случай отъ него окончательно отдѣлаться. (Могу только допустить, что причина вражды была не совсѣмъ личная, а основывалась отчасти на убѣжденіяхъ или направленіяхъ государственныхъ.) б) Петръ ловилъ не одного сына; а готовилъ общій ударъ противъ цѣлой партіи и судъ надъ сыномъ долженъ былъ служить поводомъ къ общей расправѣ. в) Руминцовская записка есть полуоффиціальныи документъ, составленный по приказанію Петра. г) Алексѣй намъ мало извѣстенъ и оклеветанъ съ намереніемъ, но сожалѣть объ немъ можно только какъ о человѣкѣ, а не какъ о могшемъ быть государѣ. д) Вообще вся исторія представляетъ одинъ изъ ужаснѣйшихъ эпизодовъ человеческой жизни!

лается на устный рассказ «какого-то *достовернаго лица*, видѣннаго, лѣтъ пятнадцать тому назадъ, записку объ этомъ въ государственномъ архивѣ». Устряловъ можетъ вѣрить этому лицу, а почему же мы должны слѣдовать его примѣру? Тѣмъ болѣе, что *лишность* письма А. П. Румянцова, отъ 27-го іюля 1718 года, не совсѣмъ еще доказана г. Устряловымъ. Письмо это долго ходило въ рукописи, было напечатано въ одномъ изъ русскихъ сборниковъ 1858 года, большая половина напечатана въ нынѣшнемъ году въ русской «Иллюстраціи», наконецъ цѣлкомъ перепечатано въ приложеніяхъ г. Устрялова. Многіе знаютъ это письмо, почему мы вышнемъ только конецъ его, гдѣ описывается казнь Алексѣя:

«Не вѣдаю, рассказываетъ Румянцевъ, въ кое время и коимъ способомъ мы изъ царскаго упокоя къ крѣпостнымъ воротамъ достигли, ибо великость и новизна сего диковиннаго казуса (царскаго повелѣнія, казнить сына) весь умъ мой обузла; долго бы я отъ того въ память не пришелъ, когда бы Толстой на-памятованіемъ объ исполненіи царскаго указа меня не побудилъ. А какъ пришли мы въ великія сѣни, то стоящаго тутъ часоваго опознавши, ему Ушаковъ, яко отъ дежурства начальникъ дворовыя стражи, отойти къ наружнымъ дверямъ приказалъ, яко бы стукъ оружія недужному царевичу безпокойство теоря, вредоносенъ быть можетъ. Затѣмъ Толстой пошелъ въ упокой, гдѣ спали его, царевича, постельничій, да гардеробный (дѣло было, по словамъ Устрялова, въ семь часовъ вечера, но царевича могли казнить еще ночью, а обнародовать о его смерти позже), да кухонный мастеръ, и гѣхъ отъ сна возбудивъ, велѣлъ немѣшкотно отъ крѣпостнаго караула трехъ солдатъ во дворъ послать и всѣхъ челядинцевъ съ тѣми солдатами, яко бы къ допросу, въ коллегію отправить, гдѣ тайно повелѣлъ подъ стражею задержать. Итакъ во всемъ домѣ осталось лишь насъ четверо (Румянцевъ, Толстой, Бутурлинъ и Ушаковъ), да единый царевичъ, и той спящій, ибо все сіе сдѣлалось съ великимъ опасательствомъ, да его безвременно не разбудятъ.

Тогда мы, елко возможно, тихо перешли темные упокои и съ таковымъ же предостереженіемъ дверь опочивальни царевичевой отверзли, яко мало была освѣщена отъ лампы, предъ образами горящей. И нашли мы царевича спяща, разметавши одежды, яко бы отъ нѣкоего соннаго страшнаго видѣнія, да еще по времени стонуща: бѣ бо и вправду, недуженъ великии, такъ что и св. Причастія того дня вечеромъ, по выслушаніи

приговора, сподобился, изъ страха, да не умретъ, не покаившись во грѣсѣхъ; съ той поры его здравіе далеко лучше стало, и по словамъ лекарей, къ совершенному оздоровленію, падежду крѣпкую подавалъ. И не хотяще никто пзъ насъ его мирнаго покоя нарушатъ, промежъ собою сидяще, говорили: «Не лучше ли де его во снѣ смерти предати, и тѣмъ отъ лютаго мученія избавити?» Обаче совѣсть на душу налегла, да не умретъ безъ молитвы. Сіе помысливъ и укрѣпясь силами, Толстой его, царевича, тихо толкнулъ, сказавъ: «ваше царское высочество! возстаньте!» Онъ же, открывъ очеса и недоумѣвая, что сіе есть, сѣде на ложницѣ и смотряше на насъ, ничего же отъ замѣшательства вопрошая. Тогда Толстой, приступивъ къ нему поближе, сказалъ: «государь-царевичъ! по суду знатнѣйшихъ людей земли русской, ты приговоренъ къ смертной казни, за многія измѣны государю родителю твоему и отечеству. Се мы, по его царскаго величества указу, пришли къ тебѣ тотъ судъ исполнитъ; того ради молитвою и поканіемъ приготовься къ твоему исходу, ибо время жизни твоей уже близъ есть къ концу своему». Едва царевичъ сіе услышалъ, какъ вопль великій поднялъ, призывая къ себѣ на помощь; но изъ этого успѣха не возымѣвъ, нача горько плакаться и глаголя: «горе мнѣ бѣдному, горе мнѣ, отъ царскія крови рожденному! Не лучше ли мнѣ родитися отъ послѣднѣйшаго подданнаго!» Тогда Толстой, утѣшая царевича, сказалъ: «государь, яко отецъ, простилъ тебѣ всѣ прегрѣшенія, и будетъ молиться о душѣ твоей; но яко государь-монархъ, онъ измѣнъ твоихъ и клятвы нарушенія прости не могъ, боясь, да въ нѣкое злочленіе отечество свое повергнетъ чрезъ то; того дѣя, отвергну вопли и слезы, единыхъ бабъ свойство, прійми удѣлъ твой, яко же подобаетъ мужу царскія крови, и сотвори послѣднюю молитву объ отпущеніи грѣховъ своихъ!» Но царевичъ того не слушалъ, а плакалъ и хулилъ его царское величество, нарекая дѣтоубійцею. А какъ увидѣли, что царевичъ молиться не хочетъ, то взявъ его подъ руки, поставили на колѣни, и одинъ изъ насъ, кто же именно, отъ страха не упомяну, говорить за нпмъ зачалъ: «Господи! въ руки твои предаю духъ мой!» Онъ же, не говоря того, руками и ногами прямся и вырваться хотяще. Той же, мною, яко Бутурлинъ, рекъ: «Господи! упокой душу раба твоего Алексѣя въ селеніи праведныхъ, презирая прегрѣшенія его, яко челоуѣколюбецъ!» И съ спмъ словомъ царевича на ложницу спишоу повалили и, взявъ отъ возглавія два пуховника, главу его на-

крыли, пригнетая, дондеже движеніе рукъ и ногъ утихло и сердце биться перестало, что сдѣлалось скоро, ради его тогдашней немощи; и что онъ тогда говорилъ, того никто разобратъ не могъ: ибо, отъ страха близкія смерти, ему разума помраченіе сталося. А какъ то совершилося, мы паки уложили тѣло царевича, яко бы спящаго, и помолился Бѣгу о душѣ, тихо вышли. Я съ Ушаковымъ близъ дома остались, да кто либо изъ стороннихъ туда не войдетъ; Бутурлинъ же да Толстой къ царю съ донесеніемъ о кончинѣ царевичевой поѣхали. Скоро пріѣхала отъ двора г-жа Крамеръ и, показавъ намъ Толстаго записку, въ крѣпость вошла, и мы съ нею тѣло царевичево опрятали и къ погребенію изготовили: облекли его въ свѣтлыя, царскія одежды. А стала смерть царевичева гласна около полудня того дня, сіе есть 26-го іюня, яко бы отъ кроваваго пострѣла умеръ. На третій же день тѣло его съ подобающей честью перенесено въ Троицкой соборъ, а 30-го въ склепъ поставлено въ Петропавловскомъ соборѣ, близъ тѣла его, царевичевой, супруги 33). И все это дѣлалось уже: погребеніе и перенесеніе, при великомъ стеченіи народа и всякаго чина и званія людей..... а настоящей же смерти царевича никто не вѣдалъ. А на похоронахъ царь съ царицей былъ и горько плакалъ, мню, яко не о смертномъ случаѣ.....»

Г. Устряловъ дѣлаетъ шесть замѣчаній, на основаніи которыхъ заключаетъ, что письмо не могло быть писано Румянцовымъ. Но не всѣ замѣчанія важны: такъ г. Устрялову неизвѣстенъ Дмитрій Ивановичъ Титовъ, къ которому писалъ Румянцевъ, и который долженъ былъ быть лице значительное. Но вѣдь нашъ же авторъ не знаетъ Степана Богдановича Глѣбова, т. е., не знаетъ кто былъ онъ, маіоръ, или генераль-маіоръ? «А была Ефросинья росту высокаго, писалъ Румянцовъ, собою дюжая, толстогубая, волосомъ рыжая, и всѣ дивилися, какъ пришлось царевичу такую скаредную чухонку любить и такъ постоянно съ нею въ общеніи пребывать». Устряловъ не дѣлая другаго описанія любовницы Алексѣя, описанія тѣмъ болѣе интереснаго, что Румянцовъ, какъ приверженецъ царя, могъ рисовать Ефросинью хуже, нежели она была на самомъ дѣлѣ, Устряловъ, говоримъ мы, нашелъ однако два свидѣтельства: рези-

33) Нѣкоторые повѣствуютъ, что при этомъ была сказана проповѣдь на слова Давида: «О мой сынъ Авессаломъ! Авессаломъ мой сынъ!» — Устряловъ молчитъ.

дента Веселовскаго и секретаря Кейля, которые говорятъ, что Ефросинья была *росту малаю*. Но и тотъ, и другой видѣли эту женщину за-границей *въ мужскомъ платьи*, обстоятельство немаловажное.

Не станемъ положительно говорить, что письмо Румянцова истинно, въ немъ есть серьезныя противорѣчія (немногія однако), которыя указаны историкомъ; но нельзя же и отвергать его такъ легко, мимоходомъ, какъ это дѣлаетъ г. Устряловъ. За письмо говоритъ многое: этотъ современный колоритъ, эта живость красокъ при описаніи самыхъ мелкихъ подробностей, эта необыкновенная выдержанность разсказа, тонъ — именно такой, какимъ долженъ былъ говорить вѣрный деньщикъ Петра Алексѣевича. *Подлош* литературные — достояніе того періода, въ который литература получила послѣднее развитіе; они являются въ эпоху роскоши литературы. Кому бы вздумалось, для кого и для чего составлять частное письмо съ такимъ стараніемъ, съ такимъ знаніемъ и такимъ искусствомъ, что почти каждый фактъ, каждое слово, если иногда не соглашается съ оффиціальными историческими извѣстіями, то всегда согласны съ характеромъ Петра, съ характерами окружающихъ его лицъ? Устряловъ не поднялъ всѣхъ этихъ вопросовъ? Наконецъ еще обстоятельство, говорящее за письмо Румянцова, и упущенное изъ виду Устряловымъ:

Въ Отечественныхъ Запискахъ 1844 года, въ XXXIII томѣ напечатано княземъ *Вл. К—вымъ*: «Нѣсколько матеріаловъ для исторіи Петра I.» Здѣсь изъ *рукописи*, принадлежавшей *Румянцеву-Задунайскому* (сыну Александра Ивановича), напечатано нѣсколько извѣстныхъ писемъ Петра и Алексѣя, присяга царевича, манифестъ о его винахъ, наконецъ слѣдующее письмо *Александра Ивановича Румянцова*, какъ видно, къ *Титову*. Пользуясь краткостью сего письма, приводимъ его вполнѣ:

«Достоинно-почтенный милостивецъ и благопріятель,
Иванъ Дмитріевичъ 34)!

«Тщуся ваше хотѣніе исполнить, изобразуя то, что случилось у насъ въ сіе недолгое время истинно-любопытное, яко то есть: привезеніе царевича Алексѣя Петровича въ Москву, пріемъ его

34) Фамилія этого лица въ рукописи не упоминается. *Замѣчаніе князя Вл. К—ва*. Слѣдовательно, не выдуманно ли новѣйшими переписчиками: что будто бы этотъ Дмитрій Ивановичъ или Иванъ Дмитріевичъ былъ *Титовъ*?

отъ царя и проч., того ради бывшее. Какъ извѣстилися мы при въѣздѣ въ городъ, что царь тутъ, то меня крѣпко стало щемить за сердце, яко бы я самъ оный непокорный сынъ былъ, ожидающъ вельми горькаго свидѣнія со отцемъ, раздраженнымъ многими дерзостными проступками его. Лишь мы приняли покой въ уготованномъ для пребыванія царевича домѣ, то заразъ же отправился Толстой къ царю съ увѣдомленіемъ, что царевичъ уже привезенъ въ Москву. И скоро затѣмъ онъ воротился и сказалъ мнѣ: царь де велитъ царевича везти немѣпкотно къ нему во дворець, что въ Преображенскомъ, и мнѣ приуготовать его на то. И пошелъ я въ особый упокой, идѣ же пребывалъ царевичъ, и засталъ его сѣдяща у стола и поникша главою на руки, яко бы спяща, или въ великой думѣ пребывающа. А какъ я, прійдя, дверьми нарочито стукнулъ, то онъ голову поднялъ и на меня поглядѣлъ, ничего не вопрошаючи, по свосму обычаю. И сказалъ я ему: «его величество похотѣвъ де васъ отъ злота безнадѣжности скоро избавитъ, пріѣхалъ первѣе сюда, а затѣмъ и намъ чрезъ тайнаго гонца повелѣлъ на Москву путь держать; нынѣ же прислалъ за вами: того ради отжените отъ себя всякое уныніе и имѣючи крѣпкую надежду на его высокую милость, готовьтесь предстать предъ его свѣтлыя государевы очи». Онъ же вставъ и ограда перси знаменіемъ крестнымъ, сказалъ: «Господи, да будетъ со мною, яко же Ты велиши! Я готовъ; везите меня». И, мало принарядивъ царевича, поѣхали мы съ присланными отъ царя во дворець, и, введя его къ нему въ упокой, сами, по его царскому приказу, отошли въ дальнія сѣни, а остался онъ одинъ съ сыномъ. А что тамъ межъ ними дѣялось, тому мы неизвѣстны; а какъ насъ потомъ отъ дежурства сержантъ къ его величеству покликнулъ, то застали мы царя сидяща, царевича же вельми слезяща и стояща среди упокоя. И взяли мы его по царскому приказу и повезли въ уготованный прежде во Кремль домъ; царь же, выпровожаючи его, говорилъ: «помни и не забывай, что обѣщалъ ты», а царевичъ, молча, кланялся. Той ночи мы его съ Толстымъ по-ряду стерегли, а онъ, мало времени пописавъ, спокойно почивалъ. Наставшу же утру ничего не было, развѣ токмо введенія, по его цареву указу, всего солдатства въ Кремль и занятія кругомъ онаго крѣпкаго караула. На утріе же грядущаго за тѣмъ дня опять царскій приказъ пришелъ вести его царевича въ Грановитую Палату: а слышали мы стороною, что таковой же приказъ былъ и знатнѣйшимъ князьямъ и боярамъ, а духовенству и низшимъ чинамъ

свѣтскаго званія съѣзжаться въ соборную церковь. И поѣхалъ съ нами царевичъ уже съ большею охотою, какъ прежде, дорогою же все шепталъ не вѣсть что, яко бы моляся. А какъ приѣхали въ Грановитую Палату, то увидѣли въ ней многое множество людей знатнаго чина, царя-жъ еще не бывало; и царевичъ, то увидя, туда не пошелъ, а ждалъ въ боковомъ уюкоѣ. Тутъ же не мѣшкаявъ долгаго времени, и о приѣздѣ царя повѣстили. А какъ вошелъ царь въ палату, то и насъ съ царевичемъ къ себѣ потребовалъ, указавъ напередъ, чтобы мы съ царевича его царевичеву шпагу прочь сняли. А войдя, царевичъ ничего не сказалъ; а припадши къ стопамъ его величества и обливаясь слезами, подавъ ему нѣкое отъ себя писаніе; царь же, взявъ оное и отдавъ Шафирову, повелѣлъ читать во услышаніе всѣмъ; а когда прочитали, то приказалъ царевичу встать и спросилъ: чего желаешь? Царевичъ же сказалъ: «Ни о чемъ больше не прошу, какъ о помилованіи меня и дарованіи живота». Царь же сказалъ: «будетъ де тебѣ и то, и другое, лишь ты, какъ изъявилъ себя въ писаніи къ наслѣдству недостойна, отрекись отъ него передъ всѣми». Царевичъ же поклонился до земли и сказалъ: «Исполню твою волю государскую». А за тѣмъ царь говорилъ: «и еще ты, ради сохраненія живота своего, повѣжды намъ, кто были тѣ, кои увѣщали тебя на утекъ изъ подъ моего родительскія власти?» Царевичъ же мало что подумавъ, шепнулъ нѣкіи слова царю на ухо; сей же, взявъ его за руку, пошелъ съ нимъ во особый уюкой. Прешедшу же не мало времени, царь, а за нимъ и царевичъ, въ Палату вышли: царевичъ въ крѣпкомъ уныніи, царь же въ пущемъ гнѣвѣ. Пришедъ же къ столу, на коемъ отъ вице-канцлера Шафирова разныя писанія положены были, а отъ соборнаго протопопа крестъ и евангеліе, его величество сказалъ царевичу: «о семъ я буду говорить съ тобою въ иное время; нынѣ же исполни то, что тебѣ, по волѣ моей и по твоему обѣщанію, предлежитъ». И, взявъ со стола нѣкую бумагу, отдалъ ее Шафирову и велѣлъ читать, а царевичу, поднявъ персты, слушать и громогласно повторять то же. И была то клятва, кою царевичъ, признавъ себя недостойна и недостаточна къ наслѣдству, отъ него отрывается на всѣ будущіе вѣки. А какъ Шафировъ чтеніе къ концу привелъ, то царевичъ, приложась къ святостямъ, взявъ перо и едва могъ отъ дрожанія рукъ свое имя подъ клятвою подписать; за нимъ же подписалъ оную протопопъ и Шафировъ. За тѣмъ же чтено было отъ того же Шафирова иное писаніе, сирѣчь

манifestъ, коимъ извѣствуется предъ всѣми православными вина его, царевича, и его отлученіе отъ наслѣдства; а какъ и то пришло къ концу, то его величество указалъ Шафирову чести иную клятву, всѣмъ же знатнѣйшаго чина господамъ, въ палатѣ бывшимъ, и намъ, поднявъ персты, слушать и тое же причитывать. И тако мы всѣ въ неповиновеніи подданникомъ царевичу Алексѣю крестъ цѣловали, признавая за законнаго государству наслѣдника царевича Петра Петровича, и всѣ ту клятву подписями ствердили. Затѣмъ же его величество со всѣми тутъ прислучившимися, отправиться изволилъ въ соборную церковь, гдѣ той же манифестъ и тую же клятву читали и всѣ духовные (а свѣтскаго сана пизніе чины) на томъ же прпягали; мы же, по царскому его величеству приказу, взявъ царевича, повезли его въ домъ, гдѣ онъ подъ крѣпкимъ карауломъ содержанъ, а послѣ же и отъ насъ, по царскому же указу, отобранъ. Царь же зѣло доволенъ будучи нашими поведеніями, меня и Толстаго благодарилъ и царскою милостію взыскать обѣщалъ. И было мнѣ весьма радостно, что отъ сего горькаго дѣла освободили, ибо жалко было глядѣть на повиннаго царевича, и сердце отъ тоски разрывалось, памятуя его грусть и многія слезы. Да не долгое время та радость моя вышла, ибо скоро послѣ того царь, не возымѣвъ успѣха въ дознаніи общениковъ царевичева утека и видя его въ заперательствѣ винна, разгнѣвался пуще прежняго и судъ строгій надъ тѣмъ дѣломъ устроилъ, и меня съ Толстымъ и Ушаковымъ въ тотъ судъ посадилъ. Того ради *никль ко истязанію* многихъ привели, да еще мало добра учинили; царевичъ же стоитъ на единомъ, яко бы безъ всякаго, чьего либо совѣта на двѣ галеры съ своими челядницами сѣлъ и въ море отплылъ, изъ Кенигсберга же въ Цесарію поворотилъ, а газеры назадъ въ Петербургъ отправилъ. И то его упорство къ добру не приведетъ, а лишь въ большее раздраженіе царю послужитъ. А какъ тое случится, либо иное выйдетъ, *къ вамъ я пакн въ Рязань отпишу*, когда къ тому такая же благопріятная оказія будетъ. Драгому родителю вашему мое нижайшее поклоненіе отдайте; а объ Михайлушѣ своемъ не жалѣйте на меня: его самъ свѣтлѣйшій къ учению назначилъ, паче же радуйтесь, ибо его величество ученыхъ много любитъ и каждодневно говоритъ намъ изволить: «учитесь братцы, ибо ученье свѣтъ, а неученье тьма есть». А за тѣмъ прощайте и добромъ поминайте вашего усерднаго служника Александра Румянцева. Москва 1718 года.»

Мы не имѣемъ никакого права думать, чтобы это письмо не при-

надлежало Александру Румянцову; трудно допустить, чтобы Петръ Александровичъ Румянцевъ, тщательно внося въ особую тетрадь всѣ фамильные документы, не отличилъ бы межъ нихъ поддѣлку подъ письмо *своего отца*? И такъ въ февральскомъ либо мартовскомъ письмѣ Александръ Ивановичъ общаетъ *наки* писать, почему-жъ не принять посланіе отъ 27-го іюня исполненіемъ сего обѣщанія. Не скажу слогъ, но манера разсказа, тонъ тождественны въ обоихъ письмахъ. Допустимъ, что послѣднее *кто-нибудь* составилъ (хотя серьезно занимавшихся у насъ исторіей можно пересчитать по пальцамъ, начиная съ самого Нестора, такъ ихъ не много) этотъ *кто-нибудь* поддѣлалъ письмо; загадочная смерть Алексѣя соблазнила его на сочиненіе *басни*, но первое же письмо, напечатанное въ Отечественныхъ Запискахъ (стр. 77 — 108) и перепечатанное нами, кто же его могъ поддѣлать?

Положимъ всѣ обстоятельства этого вопроса *мелочны*: не все ли равно засѣченъ ли Алексѣй кнутомъ на третьей вискѣ, о которой, замѣтите, есть только изустное извѣстіе какого-то таинственнаго лица, и такъ подъ кнутомъ ли умеръ царевичъ, или подъ подушками — повидимому для потомства все равно, но *историкъ* долженъ ли упускать эти *мелочи*?

Въ полномъ собраніи законовъ есть замѣчательный указъ 18-го Августа 1718 года: «сказать у всѣхъ приходоѣвъ церквей, и выставить у всѣхъ же церквей листы: буде кто станетъ *запершись писать*, кромѣ учителей церковныхъ, *какія тѣсма* и о тѣхъ бы, кто свѣдаетъ извѣщали, а ежели кто вѣдаѣвъ такового, *кто запершись пишетъ*, не пзвѣститъ, и про то *сыщется*, и въ томъ какое *поврежденіе* царскому величеству чести или какое возмущеніе явится, то тѣ ровную казнь или наказаніе пріимуть съ тѣми чести его величества *нарушителями*, хотя они *объ ономъ и не вѣдали*, токмо знали, кто *запершись* пишетъ, и не донесип».

Царь Иванъ Васильевичъ пугнулъ лѣтописцевъ, они замолчали; себѣ одному предоставилъ онъ право (самъ того не зная) довести до свѣдѣнія потомства о числѣ имъ замученныхъ русскихъ людей; въ *синодикахъ* сохранились большая часть жертвъ его тираніи. Царь Петръ Алексѣевичъ тоже запрещаетъ писать. Г. Устряловъ не выписалъ и ничего не сказалъ объ этомъ указѣ.

Для автора нашего много мелочи: во всей книгѣ, чуть ли не на каждой страницѣ сѣкутъ, поднимаютъ на дыбу, пытаются всячески, колесуютъ и прочими способами *скасовываютъ* сторонниковъ Алексѣя. Историкъ не останавливается, не описываетъ со все-

возможною подробностью всё роды пытокъ, роды казней, употреблявшихся какъ въ то время, такъ не забытые и въ царствование кроткой, сентиментальной и набожной Елисаветы Петровны. Въ нѣкоторыхъ журнальныхъ монографіяхъ есть эти подробности, но онѣ далеко не полны. Какъ ни цѣнимъ мы журнальныя, историческія монографіи, а все-таки должно сказать, что авторы ихъ обставляя себя хоть сотнями источниковъ, а все-таки многого и многого знать не могутъ. Сущность дѣла скрыта въ архивахъ....

Остановлюсь на одномъ родѣ казней, *колесованьи*. Вотъ что замѣчаетъ объ этой казни Бергольцъ 35): 2-го октября 1722 года. Колесовали нѣсколькихъ дѣлателей фальшивой монеты. Они получили только по одному удару колесомъ по каждой ногѣ и рукѣ, и послѣ того были привязаны къ тремъ укрѣпленнымъ на шестахъ колесамъ. Одинъ изъ нихъ, старшій и очень болѣзненный, былъ мертвъ въ тотъ же день, но оба другіе, еще молодые, во-все не имѣли на лицѣ смертной блѣдности, напротивъ были очень румяны. Люди въ такомъ положеніи жили четыре, пять дней. Эти двое были такъ веселы, какъ будто съ ними ничего не случилось, преспокойно поглядывали на всѣхъ и даже не дѣлали кислой физиономіи. Но больше всего меня удивило то, продолжаетъ Бергольцъ, что одинъ изъ нихъ, хотя съ большимъ трудомъ, поднялъ однако свою раздробленную руку, висѣвшую между зубцами колеса (они только туловищемъ были привязаны къ колесамъ), отеръ себѣ рукавомъ носъ и опять сунулъ ее на прежнее мѣсто; мало того, запачкавъ нѣсколькими каплями крови колесо, на которомъ лежалъ лицомъ, онъ въ другой разъ, съ такимъ же усиленіемъ, снова всталилъ ту же изувѣченную руку и рукавомъ отеръ его. «13-го декабря 1722 года были казнены два дѣлателя фальшивой монеты; имъ влили въ горло растопленное олово и потомъ навязали ихъ на колеса. Одинъ изъ нихъ, которому олово прожгло насквозь шею, былъ живъ еще на слѣдующій день; а другой, будучи на колесѣ, поставленномъ надъ землею не много выше человѣческаго роста, хваталъ еще рукою монету, привѣшенную снизу къ этому колесу». «21-го декабря того же года въ Петербургѣ колесовано болѣе тридцати разбойниковъ». Что касается до сѣченія батогами, то оно

35) Читателямъ нашимъ вѣронтно извѣстенъ превосходный переводъ его дневника, сдѣланный г. И. Аммонемъ. Остается пожелать, чтобы изданіе А. И. Кошелева не остановилось на двухъ частяхъ.

болѣе заинтересовало Бергольца и онъ такъ излагаетъ процессъ этой операціи: «самое употребительнѣйшее наказаніе въ Россіи батогами: виновный мужчина или женщина долженъ снять съ себя верхнее платье и самъ же разослать его на землѣ, потомъ лечь на брюхо; послѣ чего одинъ изъ исполнителей садится ему на шею, другой на крестецъ, и оба, по очередно, бьютъ его по голой спинѣ двумя не большими палками, въ три четверти аршина длины, толщиною въ палецъ; а чтобъ наказываемый лежалъ «мирно, еще двое крѣпко держатъ ему руки, совершенно въ раз-
«стяжку»».

Мы видѣли съ какимъ непонятнымъ для насъ мужествомъ переносили А. Ѳ. Лопухинъ, царевичъ Сибирскій, С. Б. Глѣбовъ и другіе самыя адскія мученія. Примѣры подобной твердости были тогда далеко не рѣдки. Жестокость порождаетъ упорство, вызываетъ силы, способныя переносить истязанія палачей. Такъ въ 1718 году одинъ изъ повѣщенныхъ за ребры (Берголецъ не говоритъ по какому дѣлу) въ первую ночь послѣ казни имѣлъ силы приподняться къ верху и вытащить изъ себя крюкъ. Упавъ на землю, несчастный на четверенькахъ проползъ нѣсколько сотъ шаговъ и спрятался; но его нашли и такъ какъ подвигъ былъ не рѣдкій, то его повѣсили точно такимъ же образомъ. Еще характеристичнѣе примѣръ приводитъ Штамке, вноземный посолъ, въ то время бывшій въ Петербургѣ: «во время одной обѣдни, раскольникъ толстой палкой вышибъ у архіерея образъ какого-то святаго и сказалъ, что по совѣсти убѣжденъ, что почитаніе иконъ есть идолопоклонство, которое не слѣдуетъ терпѣть. Великій монархъ самъ нѣсколько разъ ходилъ къ нему, когда того посадили въ тюрьму, всячески наставлялъ въ православіи, увѣрялъ, что буде тотъ сознается, что онъ заблуждался — ему будетъ дарована жизнь; въ этихъ видахъ день казни отсрочивался нѣсколько разъ, раскольникъ стоялъ на своемъ: «совѣсть не позволяетъ мнѣ отречься.» Тогда его поставили на костеръ, сложенный изъ разныхъ горючихъ веществъ, желѣзными цѣпями привязали къ устроенному на немъ столбу съ поперечной на правой сторонѣ планкой, къ которой прикрѣпили толстой, желѣзной проволокой и потомъ плотно обвили насмоленнымъ холстомъ руку вмѣстѣ съ палкой, служившей оружіемъ преступленія. Сперва зажгли эту правую руку и дали ей одной горѣть до-гѣхъ-поръ, пока огонь не сталъ захватывать далѣе, и князь-кесарь (Ромодановскій), вмѣстѣ съ прочими вельможами, присутствовавшими при казни, не приказали поджечь костра.

При такомъ страшномъ мученіи преступникъ не испустилъ ни одного крика и оставался съ совершенно спокойнымъ лицомъ, хотя рука его горѣла одна минуту семь или восемьъ, пока наконецъ не зажгли всего возвышенія. Онъ неустрашимо смотрѣлъ все это время на пылавшую свою руку и только тогда отвернулся въ другую сторону, когда дымъ ужъ очень сталъ ѣсть ему глаза и у него начали горѣть волосы. Достоинно замѣчанія, что такимъ же безвѣстнымъ героемъ явился его братъ, сожженный предъ тѣмъ также и за тотъ же проступокъ.

Въ концѣ еще семнадцатаго столѣтія русскіе люди, какъ бы предчувствуя, что настаетъ *сиверка*, что приблизилось новое царствованіе грознаго, стали составлять *общества*, члены которыхъ сами себя пытали, чтобъ приучить себя къ предстоявшимъ имъ истязаніямъ. Вотъ какъ рассказываетъ Корбъ объ этомъ, столь интересномъ фактѣ 36). «Въ 1696-мъ году, еще до путешествія царя, одинъ изъ стрѣльцовъ, принимавшій участіе въ возстаніи, съ необыкновенной твердостью вынесъ четыре, самыхъ ужасныхъ пытки, и все-таки ни въ чемъ не сознался. — Царь замѣтилъ наконецъ бесполезность дальнѣйшихъ истязаній, почему и прибѣгнулъ къ противоположному средству: обласкалъ мученика, и съ слѣдующею рѣчью поцѣловалъ его: «Я увѣренъ, что ты знаешь о покушеніи на мою жизнь. Ты наказанъ довольно, признайся наконецъ, хоть изъ любви ко мнѣ, изъ любви, которую долженъ же ты имѣть къ своему государю, признайся въ своемъ участіи въ заговорѣ. Клянусь богомъ, по одной милости Котораго я царь и государь твой, не только прощу тебя, но пожалую полковникомъ!» Ласка смягчила стрѣльца, до толѣ непоколибимаго. Съ него сняли цѣпи и веревки; съ сло-

36) Секретарь австрійскаго посольства въ Москвѣ, въ 1699 году. Дневникъ его, по словамъ самого Устрялова, отличается строгою истинною во всемъ, что только въ немъ не описывается. Историкъ воспользовался имъ при описаніи стрѣлецкихъ розысковъ въ III-мъ томѣ, но воспользовался такъ, что весь современный колоритъ разсказа, множество интереснѣйшихъ подробностей, какъ, напримѣръ, и нами приведенный разсказъ, имъ опущены. — Дневникъ Корба изданъ въ 1700 году на латинскомъ языкѣ, не былъ переведенъ ни на одинъ языкъ, все почти изданіе, по настоянію Петра, было уничтожено. Экземпляры его до такой степени рѣдки, что во всей Россіи едва ли имѣется болѣе двухъ экземпляровъ (публичной библиотеки и Устрялова). Третій мы видѣли нынѣшнее лѣто въ Берлинѣ (продается за сорокъ пять рублей серебромъ). Извлеченіе изъ дневника Корба напечатано на французскомъ языкѣ: «Récit de la sanglante révolte des strélitz en Moscovie, par J. G. Korb.» Paris. 1859 г. въ 8 д. л., стр. 57.

вами: «твоя ласка тяжелѣй для меня кнута и желѣза, она дѣлаетъ меня откровеннымъ» — стрѣлецъ поцѣловалъ царя. За тѣмъ съ полной откровенностью разсказалъ объ заговорѣ. Царь удивился, что человекъ, упорно молчавшій при страшнѣйшихъ мукахъ, молчавшій, когда огнемъ обжигали его избитую кнутомъ спину, отъ одного ласковаго слова сообщилъ все, что отъ него требовали: «Не дивись государь, началъ тогда разсказывать стрѣлецъ, я съ товарищами составили встарь братство. Въ него принимали не иначе, какъ испытавъ каждого всевозможными истязаніями; кто вытерпѣлъ больше, тому больше было почета и уваженія. Пытанный одинъ разъ принимался въ дѣлежъ всего нашего имущества, которое раздѣлялось по ровну, кто же желалъ большей доли и значенія — тотъ долженъ былъ перенести не одну пытку, притомъ самыя сильныя. Я выдержалъ въ средѣ своихъ собратій шесть пытокъ — и былъ надъ ними глава. Кнутъ для меня ни почемъ, я не чувствую послѣ него никакой боли; еслибъ я выдалъ товарищей, они бы придумали для меня, рано или поздно, истязанія несравненно сильнѣйшія. Такъ, напримѣръ, прикладывать раскаленные уголья къ ушамъ, медленно капать на выбритую голову самую холодную воду, — впрочемъ и это для меня ни почемъ, вотъ чѣмъ и былъ я выше своихъ единомышленниковъ. Случалось, что желающіе вступить въ наше братство не выносили пробныхъ истязаній, такихъ, страшась измѣны, мы отравляли ядомъ или убивали другими средствами. Сколько помню, неспособныхъ вступить въ наше братство было около четырехъ сотъ, всѣ они исподоволь отправлены на тотъ свѣтъ.»

Такимъ образомъ, заключаетъ Корбъ, разсказчикъ-стрѣлецъ вынесъ десять пытокъ самыхъ ужасныхъ: шесть отъ товарищей, да четыре отъ царской милости; остался живъ, пожалованъ полковникомъ и живетъ нынѣ (въ 1699 году) въ Сибири 37).

Въ заключеніе нашихъ замѣтокъ о VI томѣ сочиненія Устрялова мы должны сказать нѣсколько словъ о приложеніяхъ къ

37) Корбъ, стр. 203—203. Тотъ же секретарь посольства внесъ въ свой дневникъ другой, не менѣе характеристичный анекдотъ. Въ 1699 году, одинъ мужикъ помогъ бѣжать одному изъ опальныхъ деньщиковъ царскихъ. Государь призвалъ крестьянина. Допрашивалъ, тотъ не сознавался. Царь приказалъ бить мужика по оголенной спинѣ толстой, сучковатой палкой; новые палачи продолжали экзекуцію бичами. Все это ни къ чему не повело: обезображенный, полуживой крестьянинъ сталъ на своемъ: знать не знаю, вѣдать не вѣдаю; а бѣглець проведенъ былъ за Смоленскъ, по его же приказанію, его роднымъ братомъ, какъ то узнали впоследствии.

его труду. Они составляютъ большую часть тома и въ напечатаніи ихъ состоитъ главнѣйшая заслуга Устрялова. Заслуга эта велика и распространяться о ней много нечего: равно какъ не станемъ говорить и о томъ, что самое *напечатаніе* этой книги есть явленіе въ высшей степени отрадное, оно уже не первое въ эти годы, и дастъ Богъ — не послѣднее. Какіе бы не наши новые матеріалы къ исторіи царевича Алексѣя Петровича, за Н. Г. Устряловымъ *навсегда* останется честь открытія и изданія *главнѣйшихъ матеріаловъ къ этой исторіи*. Еслибы даже онъ ограничился однимъ изданіемъ этихъ матеріаловъ, не написавъ по нимъ сухой компиляціи, названной *исторіей*; еслибы онъ ограничился только этимъ, тогда бы всѣ наши замѣчанія и обвиненія были бы не у мѣста, не имѣли бы никакого основанія, да мы бы ихъ и не сдѣлали.

Въ концѣ книги помѣщенъ списокъ приложений: 202 нумера 38). Почти всѣ приложения являются впервые въ печати. Томъ значительно бы уменьшился въ толщинѣ, если бы большая часть документовъ не была бы напечатана по два, по три

38) Здѣсь у мѣста привести списочекъ печатныхъ сочиненій, которыми отличалъ г. Устряловъ изъ массы книгъ, въ полтораста лѣтъ изданныхъ о Петрѣ и Алексѣѣ:

- 1) Собраніе государственныхъ грамотъ, т. IV.
- 2) Журналь Гордона (нѣм.).
- 3) Россійская Вивлюонка, т. XI.
- 4) Акты археографической экспедиціи, т. IV.
- 5) *Туманскаго* собраніе 1787 г., ч. III, VIII.
- 6) *Бюшвига* магазинъ, т. X, XV (нѣм.).
- 7) *Мурзакевича* изд. 1849 г.: письма царевича Алексѣя Петровича.
- 8) О брауншвейгскомъ домѣ, 1833 г. (нѣм.).
- 9) Полное Собраніе Законовъ, т. IV, VII.
- 10) *Голицына*: «Дѣянія Петра», т. IV, VI, VII, XII.
- 11) Журналы Петра I, изд. 1850 г.: 1715, 1718.
- 12) Розыскное дѣло и бумаги къ нему относящіяся, изд. 1718 г.
- 13) *Боссю*: Путешествіе въ Америку, изд. 1777 г. (франц.).
- 14) *Вебера*: Das veränderte Russland, 1738, ч. I.
- 15) *Брюсса*: Мемуары, изд. 1778 г.
- 16) *Ламберти*: Mémoires pour servir à l'histoire du XVIII siècle. 1734 года, т. XI.
- 17) *Устрялова*: Исторія Петра, 1856 г., т. I, II, III.
- 18) Исторія російской іерархіи, т. I и II. Вотъ и все

Въ предисловіи къ первымъ тремъ томамъ г. Устряловъ нашелъ нужнымъ сдѣлать критическій разборъ печатныхъ источниковъ, разборъ этотъ былъ не полонъ во многихъ отношеніяхъ, что и было указано разными журналами; теперь же онъ не сдѣлалъ и подобнаго разбора.

раза, въ разныхъ главахъ текста и въ приложеніяхъ. Далѣе: г. Устряловъ не приводитъ переводы нѣмецкихъ, французскихъ и латинскихъ документовъ, напечатанныхъ имъ въ приложеніяхъ, а также *нѣмецкихъ* писемъ, приведенныхъ въ разсказѣ? Если книга назначается только для ученыхъ, какъ мы думаемъ, то это такъ, если же книга писана для всего читающаго русскаго люда, какъ думалъ и думаетъ самъ Устряловъ, — то переводъ необходимъ.

Перечислять историческія приложенія нѣтъ возможности, они всѣ, въ большей или меньшей степени, интересны: но не можемъ не обратить вниманія нашихъ читателей на подлинную записку о розыскахъ, 10-го марта 1718 года, съ отмѣтками царя («приложеніе 161»). Въ спискахъ писанныхъ по *однажды*, по *дважды*, по *трижды*, — царь самъ ставилъ противъ многихъ именъ разные знаки: крючки, крестики, кружки, черточки, — значекъ поставленъ, а въ силу его тамъ, въ застѣнкѣ выволятъ другіе знаки кнудомъ.

Весьма любопытны также сличенія, которыя дѣлаетъ г. Устряловъ, сличенія подлинныхъ документовъ съ тѣмъ что было напечатано въ извѣстномъ «объявленіи розыскаго дѣла» изд. 1718 года, причемъ историкъ указываетъ мѣста, не вошедшія тогда въ печать. Распредѣленіе вещей царевича Алексѣя по смерти его, записка подъ № 195, также весьма характерна. Большая часть и лучшая часть вещей, взята, по собственному выбору, Екатериной Алексѣевной, а худшія вещи отосланы къ Ефросиньи Θεодоровнѣ. Не многіе остатки даны царицей на *употребленіе* дѣтямъ царевича, Петру и Натальѣ. Архимандритъ невиской лавры Θεодосій, благословлявшій совершителей казни Алексѣя (ночью на 26-ое іюня, какъ пишетъ о томъ Румянцевъ) получилъ свою долю изъ имущества казненнаго. Недвижимое имущество, какъ явствуемъ изъ документа (№ 196), отобранное какъ у царевича, такъ и его сторонниковъ, роздано въ подарокъ ихъ слѣдователямъ и судьямъ: Писареву, Румянцеву, Ушакову, Бутурлину и другимъ. Большая часть имѣній Лопухинныхъ и Дубровскаго перешла къ Ш. А. Толстому, какъ сказано въ указѣ сенату: «за показанную имъ великую службу, въ приведеніи по рожденію сына моего, а по *дѣлу* злодѣя и губителя отца и отечества (декабря 13-го 1718 года).

Обращаемъ также вниманіе на «записную книгу с.-петербургской канцеляріи» (№ 201). Этотъ матеріалъ въ высшей степени интересенъ; при чтеніи его видишь всѣ событія того времени:

петропавловская крѣпость съ драмой въ ней разыгравшейся видна совершенно. Вы видите какъ постепенно наполняются казематы, какъ съѣзжаются сенаторы, приѣзжаетъ царь и занимаются по цѣлымъ днямъ: *дѣлаютъ застънокъ*, т. е., пытаются; въ тезоименитство царевича Алексѣя Петровича не стрѣляютъ уже изъ пушекъ, не поднимаютъ штандарта; для узнанія какою кратчайшею линіею ѣздить государю для *дѣланія застънокъ* въ крѣпость, измѣряютъ широту Невы и узнаютъ, что отъ петровскихъ воротъ до троицкой пристани 250 сажень, отъ зимняго дворца до тѣхъ же воротъ 464 сажени; вы даже узнаете въ какіе дни (что случалось рѣдко) его величество быть въ застънкѣ не позволилъ; какъ приѣзжаютъ изъ дворца требовать «медвѣжьей ящикъ съ инструментами» (т. е., съ орудіями пытокъ) и проч. и проч.

Отдавая полную справедливость г. Устрялову за драгоценное собраніе документовъ и обнародованіе ихъ въ приложеніяхъ, мы не можемъ не замѣтить, что *снимки и виды* очень не полны, при томъ далеко не такъ интересны, какъ могли бы быть. Въ самомъ дѣлѣ, онъ приложилъ: три снимка писемъ царевича, причемъ упустилъ изъ виду самую послѣднюю записку, писанную уже рукою не твердою, писанную Алексѣемъ послѣ кнутаго допроса; не было бы ли это интересно? по одному снимку почерка царицы Авдотьи, принцессы Шарлотты и крѣпостной дѣвицы Евросиньи Осодоровны; два вида: «развалины Эренберга» и «Сентъ-Эльмо въ Неаполѣ» важны для насъ только потому, что они рисованы самимъ авторомъ.... (смотри предисловіе). Впрочемъ г. Устряловъ лучше бы сдѣлалъ, если бы взялъ эти рисунки изъ любого неаполитанскаго гда.

А между тѣмъ и на счетъ прилагаемыхъ рисунковъ можно бы было многое сдѣлать и полезнаго и любопытнаго: приложите изображеніе дома царевича Алексѣя въ Петербургѣ, села Преображенскаго съ *ныточнымъ дворомъ*, видъ Преображенскаго современнаго намъ (и то было бы интересно), кремлевскихъ палатъ въ 1718 году, петропавловской крѣпости съ трубецкимъ раскатомъ, нынѣ алексѣевскій рavelинъ, дворянской слободки, сытнаго рынка — мѣста петербургскихъ казенъ. Красная площадь — окровавленная 15-го—17-го марта 1718 года, не въ первый и не въ послѣдній разъ; остроги шлисельбургскій, Старой-Ладоги; орудія казни, орудія пытокъ, домъ А. В. Кикина, зданіе сената, портретъ А. Ѳ. Лопухиной, царевны Маріи и многое другое. Если по печатнымъ источникамъ можно пайти

большую часть этихъ рисунковъ (укажу хоть одно, описаніе С. Петербурга *Рубана* 1779 года), такъ какже не найдти было въ четырнадцать лѣтъ, имѣя всѣ матеріалы, имѣя возможность вызывать на содѣйствіе нашихъ московскихъ и другихъ ученыхъ, извѣстныхъ своими трудами по отечественной исторіи! Кстати о рисункахъ: на заглавномъ листѣ сдѣлана виньетка: Петръ на конѣ давить змѣю, — извѣстный памятникъ. Эта виньетка не у мѣста на этомъ томѣ: гдѣ же *идра*, змѣя, иначе сказать, гдѣ коварство, ухищреніе, замысль преступный въ исторіи Алексѣя? Не онъ ли съ сантиментальною любовью къ Ефросиньи — заговорщикъ, не мать ли его съ нѣжными посланіями къ Глѣбову — змѣя злохитрая; не Глѣбовъ ли съ нелюбовью къ законной жевѣ, потому что у нея пупъ прогнилъ и все изъ него течеть? Не Досифей ли съ пророчествами? Гдѣ же гидра коварная, т. е., гдѣ та *ужасная для Россіи партія*, которая грозилъ бѣдой Россіи и которую Петръ раздавилъ *моуцною десницею*?

Въ началѣ книги приложенъ портретъ царевича Алексѣя Петровича. Авторъ нашелъ его въ Дрезденѣ въ Grüne Gewölbe, «въ числѣ замѣчательныхъ произведеній искусства». Намъ извѣстны портреты Алексѣя по доставленному намъ описанію П. Н. Петрова 39). Приложенный портретъ далеко не изъ лучшихъ, хотя и переданъ здѣсь хорошо. Устряловъ не говоритъ, какъ попалъ портретъ въ Дрезденъ, кто былъ художникъ, откуда являлась подпись Алексѣя, была ли она на портретѣ или взята изъ рукописей; не представляетъ, наконецъ, и критическаго разбора другихъ портретовъ Алексѣя.

Какъ бы то ни было, исторіей ли, сборникомъ ли назовемъ его трудъ, пожелаемъ ему скорѣйшаго окончанія; мы боимся, что не увидимъ конца труда, не смотря на всѣ недостатки драгоценнаго по матеріаламъ. «Четвертый и пятый томы, говоритъ авторъ, не замедлятъ своимъ выходомъ». Дай то Богъ! Подождемъ годъ, другой; — а седьмой, восьмой, девятый томы?

Въ ожиданіи «полной исторіи царствованія Петра Великаго», сочиненія Устрялова, будемъ повторять старые уроки: «Петръ

39) П. Н. Петровъ имѣетъ обширную коллекцію гравюръ, и трудится надъ біографіями русскихъ граверовъ и художниковъ, причемъ пользуется матеріалами архива академіи художествъ и друг. Въ «Русскомъ Словѣ» будетъ помѣщена біографія Чemezова, славнаго гравера временъ Елисаветы, составленная П. Н. Петровымъ.

«Великій рѣшилъ все, къ чему стремились русскіе цари; онъ совершилъ исполнскій, безпримѣрный въ исторіи подвигъ; преобразовалъ себя, свой народъ, водворилъ въ своемъ государствѣ войско, флотъ, промышленность, торговлю, науки, художества, новую, лучшую жизнь, даровалъ отечеству то, что западная Европа получила послѣ вѣковыхъ усилій, ознаменованныхъ крестовыми походами, городскими общинами, огнестрѣльнымъ оружіемъ, книгопечатаніемъ, однимъ словомъ, воплотилъ въ себѣ все, что приготовило первенство Европы надъ прочими частями свѣта. Отъ него Россія получила новый видъ; древній русскій міръ исчезъ съ его уставами, законами, формами, нравами, обычаями, только непремѣнныя условія русской жизни: самодержавіе и религія остались неприкосновенными! Изъ опасенія, чтобы не возвратился старый порядокъ вещей, государь, для блага Россіи, пожертвовалъ роднымъ сыномъ своимъ, Алексѣемъ Петровичемъ!» (Начертаніе русской исторіи для учебныхъ заведеній г. Устрялова. Изд. 10-е, стр. 12 и 226).

МИХАИЛЪ СЕМЕВСКИЙ.

С. Петербургъ. 19-го ноября 1859 года.

БИБЛІОГРАФІЯ.

Задушевная исповѣдь. Назидательная быль. Съ варіаціями на тему «Точки зрѣнія». *Н. Макарова*. Спб. 1859. Въ 8-ю д. л. 218 стр.

Во все продолженіе чтенія «назидательной были» г. Макарова мы колебались между двумя предположеніями. Что такое эта книга? думали мы: дѣйствительно ли это «быль» изъ жизни господина, именующагося Н. Макаровымъ? или это одна изъ тѣхъ вымышленныхъ автобіографій, какія мы сплошь и рядомъ встрѣчаемъ между романами и повѣстями? Ничто не разрѣшило вполне нашихъ сомнѣній, когда мы дочитали книгу до самаго конца. Одна страница утверждала насъ въ первомъ предположеніи, другая разомъ обращала насъ на предположеніе второе. Когда г. Макаровъ (мы будемъ называть такъ автора, хотя это можетъ быть псевдонимъ), когда г. Макаровъ рассказываетъ о нѣжныхъ чувствахъ своихъ къ двумъ своимъ женамъ (почти одними и тѣми же словами объ обѣихъ), мы, вѣроятно по непривычкѣ къ такимъ публичнымъ изліаніямъ, принимаемъ книгу за вымыселъ. Тѣмъ болѣе, что и самъ г. Макаровъ постоянно толкуетъ о своемъ уваженіи къ «святинѣ своего домашняго очага». На оборотъ, когда мы встрѣчаемъ въ книгѣ г. Макарова имена общеизвѣстныя, преимущественно изъ музыкальнаго міра, мы никакъ не можемъ предположить, чтобы «задушевная исповѣдь» была произведеніемъ фантазіи. Большая часть этихъ именъ принадлежитъ лицамъ живымъ; стало-быть, г. Макаровъ не имѣлъ въ виду сочинить историческій романъ. Но, какъ уже мы сказали, чрезъ страницу-двѣ наша увѣренность въ дѣйствительномъ

существованіи г. Макарова, а стало-быть и въ подлинности его автобіографіи, опять разлетается въ дребезги. Мы до-сихъ-поръ думали, опять такъ можетъ-быть по старой рутинѣ, что странно какъ-то и неловко говорить во всеуслышаніе о своихъ достоинствахъ; а между тѣмъ г. Макаровъ, тѣмъ или другими словами, безпрестанно говоритъ о своемъ великомъ музыкальномъ талантѣ, о пылкомъ благородствѣ своей души, и т. под. Что мы до-сихъ-поръ не слышали ничего о громкой музыкальной карьерѣ г. Макарова и узнали о ней только изъ его «исповѣди», это мы относимъ къ нашему плохому музыкальному образованію. Вслѣдствіе этого плохаго образованія, разумѣется, мы считали и инструментъ, на которомъ г. Макаровъ, по собственному его разсказу, прозводилъ «уроръ» и имѣлъ громадный успѣхъ въ просвѣщенной Европѣ, а именно гитару — инструментомъ время патриархальныхъ, наравнѣ съ русской балабайкой и киргизскою чпбызгой. Что же касается до благородства души г. Макарова, то, хотя изъ его же книги мы впервые узнали о немъ, однако готовы отдать ему полную справедливость. Отрадно было намъ видѣть и пылкость чувствъ вообще г. Макарова, за которую сестрица его дала ему столь характеристическое названіе «Амалата Везувіевича», названіе, составленное по всему вѣроятію изъ имени героя Марлинскаго и изъ имени огнедышащей горы Везувія. Дѣйствительно, расправа съ нянькой, описанная г. Макаровымъ въ началѣ его повѣсти, похожа на изверженіе Везувія. За то, что эта нянька рѣшилась высказать подозрѣніе, будто г. Макаровъ имѣетъ слабость къ прекрасному полу, онъ поступилъ съ ней возмутительнѣйшимъ образомъ, и повѣствуетъ о своемъ отвратительномъ поступкѣ съ еще болѣе возмутительнымъ чувствомъ своей правоты. «Я схватилъ нѣмку за плечо (разсказываетъ г. Макаровъ), повернулъ ее лицомъ къ двери и въ то же самое мгновеніе хлыстъ взвизжалъ въ воздухѣ и два перекрестные и полнобѣсные удара упали на жирныя плечи Марьи Ивановны и обозначились пунцовыми полосами. Послѣ четырехъ мопхъ пинковъ, она изъ залы очутилась въ сѣняхъ, гдѣ и произведено было мною продолженіе назидательнаго поученія. Опасенія мои на счетъ непрочности хлыста оказались справедливыми: онъ не выдержалъ, и, послѣ пятнадцати или шестнадцати ударовъ, изломался и я окончилъ положенное число ударовъ рукояткою хлыста. Не стану описывать визгъ нѣмки: онъ подходилъ на всѣ остальные визги — нѣмецкіе, французскіе, татарскіе и всѣхъ прочихъ народовъ.... Послѣдній, двадцатый

ударъ былъ отсчитанъ Марьѣ Ивановнѣ уже на дворѣ, куда выбѣжала она въ чайниі избавиться отъ заслуженной расправы. Толпа дворовыхъ людей стояла и смотрѣла съ замираніемъ сердца на казнь визжавшей нѣмки...» По этимъ строкамъ уже достаточно видно, какого покроя человекъ г. Макаровъ. Но исторія съ нѣмкой Марьей Ивановной только незначительный эпизодъ въ «Задушевной исповѣди»; главная цѣль этого произведенія — предать посредствомъ гласности карѣ общественнаго мнѣнія откупщика Василья Андроновича Штукарева, коварнаго друга г. Макарова.

Увы! этой-то главной цѣли г. Макаровъ и не достигаетъ. Разумѣется, вы видите, что г. Штукаревъ человекъ очень-таки сомнительной чистоты; но какихъ же чистыхъ и благородныхъ побужденій можно ждать отъ господъ, посвящающихъ себя дѣлу распространенія кабачной дѣятельности? Это только г. Макаровъ могъ увлечься по пылкости своей природы благородствомъ и нѣжностью чувствъ г. Штукарева. И такъ г. Макаровъ ничего не прибавилъ къ характеристикѣ этого ловкаго пройдохи, который, какъ говоритъ авторъ «исповѣди», былъ изображенъ въ полемической статьѣ «Современника» подъ заглавіемъ «Подольско-Витебскій откупъ». Этой статьи не дополняетъ ничѣмъ существеннымъ рассказъ г. Макарова, который желаетъ раскрыть злокозненные поступки съ нимъ самимъ г. Штукарева. Именно этой-то злокозненности мы и не видимъ въ книгѣ г. Макарова.

Старая жаждою дѣятельности, г. Макаровъ поступилъ сначала въ военную службу (войны тогда не было), но, вѣроятно, не удовлетворившись этимъ поприщемъ, снова поселился у себя въ деревнѣ. Изъ этого видно, что г. Макаровъ обладалъ на столько хорошимъ состояніемъ, чтобы жить безъ всякой дѣятельности. Игру на гитарѣ шести- или семиструнной нельзя же считать дѣломъ. Семья г. Макарова была такъ незначительна, что нечего было, кажется, хлопотать объ увеличеніи своего состоянія, если къ этому не представляется чистыхъ и прямыхъ путей. — Но человѣческимъ желаніямъ законъ не писанъ, а г. Макаровъ притомъ человекъ увлекающійся. Такимъ образомъ онъ увлекся *очень выгоднымъ* предложеніемъ г. Штукарева, вступить въ откупную и питейную дѣятельность. Не смотря на пробудившееся въ немъ съ перваго разу отвращеніе къ кабачной расправѣ управляющихъ питейными откупами, онъ нѣсколько лѣтъ остался въ атмосферѣ полугара. Оно, разумѣется, гадко,

дышать этимъ воздухомъ, и г. Макаровъ на каждой почти страницѣ вопіеть противъ кабаковъ; но — своя рубашка къ тѣлу ближе, и онъ посвящаетъ кабакамъ всѣ свои способности, пишетъ статьи (*дѣльныя*, какъ самъ говоритъ) о преобразованіяхъ по откупу, о выгодахъ откупа, о лучшемъ устройствѣ откупа, и т. д. Штукаревъ, дѣйствительно, словно по увлеченію дружбы, облагодѣтельствовалъ г. Макарова, и съ точки зрѣнія везувіанской пылкости мы понимаемъ восторгъ г. Макарова отъ великодушія г. Штукарева. При нѣкоторомъ хладнокровіи становится, однакожъ, до яркой краски стыда неловко, когда читаешь пламенные страницы, обращенныя г. Макаровымъ къ своему благодѣтелю и другу. «*Благодарная* и юношески-огненная душа» г. Макарова дошла въ своемъ паеосѣ до того, что видитъ въ г. Штукаревѣ «человѣка, осуществившаго долго ненаходимый и недостижимый идеалъ высокой дружбы и всего прекраснаго и благороднаго». Вслѣдствіе такого пылаго взгляда, г. Макаровъ предлагаетъ г. Штукареву дружеское и братское *ты*, которое г. Штукаревъ и принимаетъ *до поры, до времени*. Въ книгѣ г. Макарова находится не мало писемъ съ обѣихъ сторонъ, и отъ г. Макарова къ своему благодѣтелю, и отъ благодѣтеля къ самому г. Макарову. Изъ хладнокровнаго чтенія этой корреспонденціи оказывается одно: что г. Макаровъ, на основаніи своей идеальной дружбы, предается преимущественно сердечнымъ изліяніямъ, г. же Штукаревъ говоритъ преимущественно о дѣлахъ положительныхъ, практическихъ. Изъ этого ясно, что отношенія между двумя сторонами какія-то неестественныя; мало-по-малу, они становятся все страннѣе. «Юношески-огненная» душа г. Макарова, погружаясь въ омутъ кабацкой дѣятельности, видно не могла сразу понять, что въ этихъ благовонныхъ сферахъ дружескія изліянія становятся далеко ниже наполненныхъ цифрами счетовъ, и никакія фразы «о прекрасномъ, о высокомъ» не замѣняютъ графъ о расходѣ и приходѣ. Коснѣя въ своемъ благородномъ заблужденіи относительно откупнаго міра, г. Макаровъ не понимаетъ, какимъ образомъ г. Штукаревъ, облагодѣтельствовавшій уже его двадцатью пятью паями, не исполняетъ своего обѣщанія, дать ему, вмѣсто ихъ, пятьдесятъ паевъ. Г. Макаровъ имѣетъ, какъ вы уже видѣли, очень аркадское понятіе о дружбѣ. Совсѣмъ иное понятіе имѣетъ г. Штукаревъ, какъ о дружбѣ, такъ и о веденіи откупныхъ дѣлъ. Онъ не разъ въ письмахъ своихъ высказываетъ недовольство неровностью характера своего *protégé*. Въ одномъ письмѣ его прямо гово-

рится: «Появившаяся въ тебѣ ровность въ дѣйствіяхъ подаетъ мнѣ большія надежды и даетъ возможность рассчитывать на тебя *юраздо больше и совсѣмъ по друтому.*» Ясно, что г. Штукарева не удовлетворяли взгляды на откупныя дѣла г. Макарова. Слѣдовало бы, кажется, отстать отъ нихъ и остаться другомъ г. Штукарева, если г. Макарову ужъ такъ дорого священное чувство дружбы. Но г. Макаровъ, не смотря на полное несогласіе нравственное, по крайней мѣрѣ внѣшнее, съ г. Штукаревымъ, продолжаетъ имъ одолжаться, и дожидается отъ своего патрона очень горькихъ и неделикатныхъ замѣчаній. Сначала г. Штукаревъ говоритъ еще уклончиво, а именно вотъ какъ: «Довѣряя тебѣ все, что угодно, извини, дорогой другъ Николай, если до времени не совсѣмъ довѣрю то, въ чемъ нужна полная стройность, потому-что боюсь своего излишняго и порывистаго усердія.» Но вскорѣ являются уже и такія строки въ письмахъ г. Штукарева: «Письма твои отъ 15-го и 17-го ноября и *впечатлѣнія*, изложенныя въ *особой запискѣ*, я получилъ по возвращеніи изъ Пскова, куда ѣздилъ на недѣлю. Прочитавъ всѣ твои *писанія*, я сдѣлался полонъ самой тяжелой грусти, потому-что изъ нихъ вынесъ свѣжее, сильное и вѣрное убѣжденіе о томъ, что ты никогда не будешь ровень и предусмотрителенъ.... Не буду говорить о твоей непомѣрной восторженности, которая ни къ чему не ведетъ, ибо въ вѣкъ разума истинное счастье создается на тиxости и на господствѣ разума надъ всѣми чувствами, что справедливо замѣтила тебѣ въ этомъ родѣ твоя Со-ѣн (тогдашняя невѣста г. Макарова). Не возражай того, что измѣненія твои относятся къ одному мнѣ, ибо я знаю, что и *другіе* получаютъ ихъ въ *достаточномъ* количествѣ». Далѣе идетъ перечисленіе пунктовъ, которыми г. Штукаревъ недоволенъ въ дѣйствіяхъ г. Макарова. «Напоминаніе объ обязанностяхъ», заключаетъ онъ: «есть, по моему, вступленіе въ совершенный разрывъ со мною. Это вступленіе съ твоей стороны уже зашло далеко. Въ оправданіе свое ты, можетъ-быть, приведешь двѣ причины, то есть, дружбу и женитьбу. На первое скажу, что дружба дружбой, а служба службой. Чѣмъ крѣпче дружба, тѣмъ тщательнѣе должна быть высказана любовь къ дѣлу, съ свидѣтельствомъ ея результатами въ чистыхъ рубляхъ.» Последнюю фразу, какъ очень характеристическую, г. Макаровъ подчеркиваетъ и не разъ приводитъ ее въ книгѣ, вѣроятно думая, что отъ такого господина, какъ Штукаревъ, нельзя было всегда ожидать ея. Фраза, дѣйствительно, характеристическая;

но не менѣе характеристиченъ и образъ дѣйствій самого г. Макарова. Не смотря на возникшія уже въ немъ сомнѣнія въ высокихъ нравственныхъ качествахъ г. Штукарева, онъ послалъ ему упомянутую въ письмѣ *особую записку* съ впечатлѣніями своими о помолвленной имъ тогда нежѣстѣ. Записки этой мы не знаемъ; но можемъ судить о ней отчасти по восторженнымъ возгласамъ о любви, попадающимся въ книгѣ, отчасти по критикѣ г. Штукарева. Письмо, изъ коего мы привели послѣдніе отрывки, оканчивается такими строками: «Чувства мои окончательно пострадали отъ прочтенія записки объ Софѣ въ трехъ періодахъ, начинающихся со слова: *Есмь*. Боже мой! какая дерзость и какая глупость, превосходящая даже персидскую поэзію! Я убѣжденъ въ томъ, что твоя разумная Софѣ (какою я разумѣю се въ замѣчаніи ея о неумѣстныхъ восторгахъ) устыдилась бы этого сочиненія. Что касается до меня, то я богѣе не другъ твой, а просто знающій тебя человѣкъ.... Обращаюсь ко второй части и хороню навсегда слово *ты*.» Вы думаете, конечно, что г. Макаровъ, при своей везувіанской пылости, наплевалъ на г. Штукарева и на его дружбу и на его пап; но очень ошибаетесь. Г. Макаровъ является «Амагатомъ Везувіевичемъ» болѣе на словахъ, чѣмъ на дѣлѣ, по крайней мѣрѣ, когда дѣло идетъ о паяхъ. Онъ выноситъ всевозможныя аваніи со стороны г. Штукарева, только бы не потерять драгоценнаго участія въ возвышающемъ душу занятіи разсыропливаніемъ вина и проч. Единственнымъ проявленіемъ оскорбленнаго собственнаго достоинства въ г. Макаровѣ слѣдуетъ назвать требованіе его, чтобы г. Штукаревъ выслалъ ему обратно тетрадь впечатлѣній, о которой отозвался такъ цинически неадекватно. Г. Штукаревъ отвѣчалъ ему: «Требуемая вами въ возвратъ *писанія* ваши я вамъ вышлю, но тѣ изъ нихъ, гдѣ рѣчь идетъ объ архангелахъ и т. д., я говорю вамъ, какъ честный человѣкъ, что я уничтожилъ, и ихъ никто не увидитъ, потому что онѣ сгорѣли въ каминѣ.» Обращеніе съ собой г. Штукарева г. Макаровъ самъ называетъ *поруганіями*; а между тѣмъ, не смотря на нихъ, все таки не отстаеетъ отъ него. Какое же гуманное основаніе такому странному постоянству? Г. Макаровъ, грома перунами своего витійства г. Штукарева, забываетъ объяснить намъ это обстоятельство. Онъ рисуетъ себя какимъ-то страдальцемъ, жертвою адскаго коварства и т. д., говоритъ о тяжелыхъ испытаніяхъ, о горькихъ минутахъ и проч. Но какія же высокія побужденія заставляютъ его подвергать себя всему

этому и оставаться въ столь ненавистной ему, какъ можно заключить изъ его словъ, «губительной струѣ акцизно-юпитеровской углекислоты». Съ крайнимъ огорченіемъ мы должны произнести слово, о которомъ онъ задушевно умолчалъ въ своей «задушевной исповѣди». Слово это — пружина всѣхъ дѣйствій, корень всѣхъ бѣдствій, поруганій и проч. — слово это: интересъ, интересъ денежный. Мы простили бы еще такую терпимость, или лучше сказать, поняли бы ее въ г. Макаровѣ, если бѣ онъ былъ человѣкъ, обремененный семьей, неимущій, обиженный и судьбой и природой. Напрасно будете вы искать въ книгѣ г. Макарова словъ, что ему нечего ѣсть и нечего ѣсть его дѣтямъ. Такихъ словъ вы въ ней не найдете. Напротивъ, вотъ что онъ говоритъ на стр. 96: «Собственно мое состояніе было *очень невелико*. У Софи тоже было *немного*, *самый маленький капиталъ*. Но когда я сдѣлалъ ей предложеніе, у меня были *блестящія надежды, оправдываемыя тѣсною дружбой съ однимъ изъ сильныхъ откупнаго міра*. Изъ дальнѣйшихъ страницъ оказывается, что г. Макаровъ развѣзжалъ по Европѣ, отыскивая тамъ лучшихъ гитаристовъ; назначалъ конкурсы съ преміями въ восемьсотъ франковъ. Кажется, не изъ за чего было унижаться передъ какимъ нибудь г. Штукаревымъ и питать надежды не на свои способности, не на свою дѣятельность ради общественной пользы, а на тѣсную дружбу съ сильнымъ откупнаго міра. Этотъ образъ дѣйствій диаметрально противоположенъ тѣмъ высокимъ принципамъ, которыя г. Макаровъ старается вывести изъ него въ своемъ посвященіи.

Книгу свою г. Макаровъ начинаетъ троекратнымъ возгласомъ: «Гласность! гласность! гласность!» Въ послѣднее время часто слыхали мы фразу, что гласность есть орудіе обоюдоострое. Чуть ли даже фразы этой нѣтъ гдѣ нибудь и у г. Макарова. Она какъ нельзя удобнѣе можетъ быть приложена къ нему самому. Обличеніе его, повторяемъ, не прибавило ничего къ тому понятію, которое уже окончательно сформировалось у всѣхъ порядочныхъ людей о господахъ Штукаревыхъ. За то самъ авторъ явился передъ публикою въ такомъ странномъ свѣтѣ, какого, разумѣется, и самъ не ожидалъ. Мы жалѣемъ, что у г. Макарова не нашлось другаго столь же хладнокровнаго друга, какъ г. Штукаревъ, чтобы посовѣтовать оставить подслудомъ «Задушевную исповѣдь» или по крайней мѣрѣ не посвящать ее ребенку, который, *по достиженіи имъ совершеннолѣтія*, станетъ краснѣть за эту исповѣдь.

М. Л.

Стихотворенія В. И. Красова. Изданіе II. *Шейна*. Москва. 1859. Въ 16-ю д. л. 194 стр.

«При-настоящемъ стремленіи нашей литературы (говорить издатель въ предисловіи) собирать, короче узнавать все, чѣмъ умственно жило и интересовалось образованное русское общество въ далекомъ, какъ и въ близкомъ прошедшемъ, думаю, что не излишнимъ будетъ и предлагаемое собраніе стихотвореній. Они въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ печатались въ лучшихъ журналахъ того времени, на ряду съ стихотвореніями Лермонтова, Огарева и Кольцова; многія изъ нихъ съ увлеченіемъ читались, перечитывались, заучивались наизусть просвѣщеннѣйшими современниками покойнаго поэта, у которыхъ они до-сихъ-поръ сохранились въ памяти... Бѣлинскій не разъ съ особеннымъ удовольствіемъ приводилъ нѣкоторыя изъ нихъ въ своихъ критикахъ.» Мы сами живо помнимъ время, о которомъ говоритъ издатель, и, признаемся, обратились къ собранію стихотвореній Красова съ тѣмъ отчасти грустнымъ, отчасти пріятнымъ чувствомъ, съ какимъ повторяемъ пережитое въ своемъ воспоминаніи. Въ памяти у насъ оставались очень блѣдныя черты отъ поэтической фізіономіи поэта; по этимъ чертамъ мы несумѣли бы никакъ возсоздать въ своемъ воображеніи полный образъ Красова, и потому намъ было очень любопытно перечитать снова его стихи. Впечатлѣніе этого чтенія было не особенно пріятно. Кажется, немного гдѣ прошло съ того времени, какъ въ журналахъ печатались стихотворенія Красова; а между тѣмъ букетъ ихъ совѣмъ выдохся. Стараясь разрѣшить себѣ, что въ этихъ блѣдныхъ, однообразныхъ, хотя почти всегда довольно искреннихъ стихотвореніяхъ было когда-то для насъ пріятнымъ, мы нашли, что они дѣйствовали на насъ преимущественно своею если не близостью, то зависпмостью отъ произведеній поэтовъ, съ которыми являлись рядомъ въ журналахъ, тѣхъ самыхъ поэтовъ, о коихъ говоритъ въ своемъ предисловіи г. Шейнъ. Пора, въ которую печатались стихи Красова, была порой самой живой дѣятельности Лермонтова и Кольцова; къ этой же порѣ относится и первый періодъ дѣятельности Огарева, въ которомъ, при замѣтномъ вліяніи обоихъ первыхъ поэтовъ, была и своя собственная, оригинальная струна. Вліяніе всѣхъ трехъ ихъ отразилось на Красовѣ, отразилось правда слабо и блѣдно; но именно въ то время, какъ стихи Красова печатались, они имѣли отчасти значеніе если не истолкованія, то именно отраженія поэтовъ оригинальныхъ и

самостоятельныхъ. Теперь они потеряли всякое значеніе. Самая родственность ихъ съ порою Лермонтова и Кольцова совершенно утратилась. Не выберешь изъ всей книжки ничего, что было бы законною принадлежностью самого Красова; но въ то же время нѣтъ въ ней ничего и такого, что имѣло бы значеніе, какъ развитіе какой-нибудь мысли, какого-нибудь мотива и помянутыхъ трехъ поэтовъ. Чтобы привести хоть одну страницу въ подтвержденіе нашихъ словъ, выпишемъ *Романъ Печорина*, почему-то болѣе всѣхъ другихъ пьесъ Красова оставшіяся у насъ въ памяти. Вотъ онъ:

«Какъ блудящая комета
Межъ свѣтилъ ничтожныхъ свѣта,
Пронюсуя я.
Ихъ блаженства не цѣнилъ я;
Чтѣ любилъ, все погубилъ я.
Знать, такъ создавъ я.

«Годы бурей пролетѣли.
Я не понялъ вѣрно цѣли,
И была ль она?
Я бѣ желалъ успокоенья;
Сила сладкаго забвенья
Сердцу не дана.

«Пусть же рокъ меня встрѣчаетъ,
Жизнь казнить или обольщаетъ —
Все ужъ мнѣ равно.
Будь то ядъ, или зараза,
Или бой въ скалахъ Кавказа, —
Я готовъ давно.»

Книжка издана съ большою тщательностью. Въ ней не только собрано все, напечатанное Красовымъ, но даже и указано съ библиографическою пунктуальностью, гдѣ и въ какомъ году было напечатано какое стихотвореніе. Въ концѣ прибавлено нѣсколько до-сихъ-поръ не напечатанныхъ пьесъ. Эти пьесы ни на волосъ не измѣняютъ нашего мнѣнія о талантѣ Красова.

М. Л.

Норманскій періодъ русской исторіи, соч. *М. Погодина*. Москва, 1859.

Г. Погодинъ, издавая семь томовъ своихъ изслѣдованій о русской исторіи, справедливо сказалъ, что только тогда можно начать писать исторію Россіи, когда будутъ критически разо-

браны источники. Въ изслѣдованіяхъ г. Погодина есть много, очень много важнаго и самостоятельнаго, къ нимъ часто и съ благодарностью будутъ обращаться русскіе историки и юристы. Но все же это, и по сознанію самого г. Погодина, не болѣе какъ приготовленіе матеріала на постройку зданія. По этому естественны были ожиданія, возбужденныя появленіемъ книги: *Норманскій періодъ Русской Исторіи*. Но что же это за зданіе, построенное изъ матеріала, съ такимъ трудомъ обработаннаго? Это небольшая книжка въ тринадцать печатныхъ листовъ, раздѣленная на два отдѣла: въ первомъ разсказаны событія отъ призванія Рюрика до смерти Ярослава; во второмъ—внутреннее состояніе тогдашняго общества. Событія разсказаны не только по источникамъ, но и съ сохраненіемъ строя и типическихъ выраженій лѣтописи. Разсказъ сжатъ, но полонъ энергіи, свѣжести, картинности. Но принять его за исторію, и при томъ такую, для которой потребна была огромная микроскопическая работа, невозможно. Это даже не тѣ введенія въ исторію, которыя французскія историки иногда дѣлаютъ, напр. Гизо въ исторіи англійской революціи или Мишеле въ исторіи французской революціи, называя *discours* (рѣчью). Въ такихъ введеніяхъ излагаются въ свободной картинѣ политическія и нравственныя начала, двигавшія событіями эпохи. Г. Погодинъ, напротивъ того, совершенно не отдѣляетъ разсказъ лѣтописи, или арабскихъ историковъ отъ собственныхъ словъ, нельзя понять, какъ онъ принимаетъ матеріалъ, во сколько онъ вѣритъ въ его историческую истину,—все приводится гуртомъ, часто безъ всякой связи, безъ всякихъ выводовъ, напр. переводъ Русской Правды, разсказъ о житія св. Антонія: г. Соловьевъ въ своей исторіи Россіи сдѣлалъ прекрасныя выводы для характерической эпохи не только изъ сказанія о житіи св. Антонія, но и изъ легенды о Бѣлгородской осадѣ; а г. Погодинъ даже и изъ лѣтописи выводитъ мало, вскользь. Другая странность: г. Погодинъ не хочетъ знать того, что сдѣлали для объясненія перваго періода русской исторіи другіе дѣятели до него и послѣ него. — Напримѣръ, первый томъ исторіи г. Соловьева вышелъ черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ первыхъ томовъ изслѣдованій г. Погодина, а авторъ не обращаетъ никакого вниманія на тѣ несомнѣнные выводы, которые сдѣлалъ г. Соловьевъ. Мы не говоримъ объ общемъ взглядѣ на исторію перваго періода, — а объ чисто-фактическихъ положеніяхъ. Напримѣръ, г. Соловьевъ разрѣшилъ вопросъ о варяго-руссахъ раздѣленіемъ двухъ этихъ названій.

доказавши фактически, что руссы жили на Черномъ морѣ гораздо прежде 862 года, что названія рюриковой дружины составилось изъ двухъ разнородныхъ словъ, изъ которыхъ одно служило качествомъ для другаго; — а г. Погодинъ повторяетъ свое прежнее мнѣніе. Въ передачѣ разсказа лѣтописца г. Погодинъ не дѣлаетъ даже и такихъ объясненій, которыя прямо вытекаютъ изъ всей лѣтописи взятой вмѣстѣ, такъ что разсказъ выходитъ безъ смысла и значенія, напримѣръ на страницѣ 57-й: «Тогда же пришли къ нему (Святославу) Новгородцы просить себѣ князя. Если вы не пойдете къ намъ, говорили они, то мы найдемъ себѣ князя и въ другомъ мѣстѣ. Но кто къ вамъ пойдетъ, отвѣчалъ Святославъ. Ярополкъ и Олегъ отперлись; тогда Добрыня научилъ ихъ просить Володимира, племянника его, отъ сестры Малуши, ключницы Ольгиной. Новгородцы сказали: дай намъ Володимира.—Пожалуй, возьмите его, отвѣчалъ Святославъ, и Новгородцы повели къ себѣ Володимира вмѣстѣ съ Добрынею.» Спрашиваемъ: что можно изъ этого понять? Почему новгородцы съ перваго разу говорятъ, что если дѣти Святослава не пойдутъ къ нимъ княжить, то они найдутъ себѣ другаго князя? Почему старшіе Святославичи отказывались отъ богатаго Новгорода? Почему Владиміръ согласился? Ясно, что въ разсказѣ нѣтъ внутренняго смысла. Смыслъ его открывается изъ другихъ мѣстъ лѣтописи, о томъ ограниченномъ положеніи, въ которомъ держали князей Новгородцы, о томъ пренебреженіи, которое падало на князя робичича, вслѣдствіе чего Владиміръ могъ согласиться на то, на что не могли его братья. Забѣгаемъ, что отвѣтъ Святослава передавъ не точно г. Погодинъ: «Пожалуй, возьмите его.» Въ лѣтописи стоитъ: «То то вы есть князь; се овы и есть князь», — то есть: «Ну, вотъ этотъ-то по васъ князь!»

Такимъ образомъ исторія норманскаго періода не представляетъ не только новыхъ данныхъ, но въ ней нѣтъ и кое-чего того, что разъяснено другими историками. Мы повторяемъ то, что сказали въ началѣ, именно, трудность опредѣлить, что такое за произведеніе, изданное г. Погодинымъ: исторія — не исторія, рѣчь — не рѣчь, введенія въ исторію — также не то. Авторъ даетъ объясненіе своему труду въ предисловіи, — но это объясненіе рѣшительно не приложимо. Вотъ что онъ говоритъ: «Много лѣтъ тому назадъ началъ я писать Русскую Исторію. Въ 1845 году прочтено было нѣсколько отрывковъ избранному Московскому обществу, — но разныя вышнія обстоятель-

ства и собственные соображения не дозволили мнѣ предпринять изданіе. Въ 1854 году, въ разгарѣ восточной войны, рѣшился я напечатать начало по причинамъ изложеннымъ въ слѣдующемъ предисловіи: «Современныя обстоятельства требуютъ, кажется, напоминанія о первоначальной Русской Исторіи: всѣ мысли, чувства, желанія, молитвы наши, устремлены теперь на Дунай, къ Черному морю, въ Константинополь. А развѣ не туда-жъ, какой-то непреоборимой, чуткою силой, тянуло молодую Русь впродолженіи первыхъ двухъ сотъ лѣтъ ея существованія? Не Царь ли градъ былъ любимую цѣлью древнѣйшихъ князей русскихъ съ ихъ вѣрными дружинами?» и проч. проч. «Этого предисловія, продолжаетъ авторъ, по тогдашнимъ политическимъ соображеніямъ оказалось невозможнымъ предпослать изданію, а безъ него изданіе отрывочное лишалось смысла... Нынѣ, чрезъ пять лѣтъ, при совершенной перемѣнѣ обстоятельствъ, оно получило возможность явиться, сдѣлавшись стародавнимъ документомъ».... Итакъ мы имѣемъ дѣло съ политическимъ памфлетомъ, — такъ покрайней мѣрѣ думаетъ авторъ. Но мы, при всѣмъ нашемъ усиліи, никакъ не могли найти связи и единства между настроеніемъ духа и стремленіями на Константинополь Россіи IX и X вѣковъ и Россіи 1854 года. За тѣмъ ли ходили Олегъ и Игорь на Константинополь, за чѣмъ хотѣло двинуть туда армию въ 1853 году русское правительство? Или между походомъ Святослава въ Булгарію и походомъ князя Горчакова также есть внутренняя связь? Или посольство князя Меншикова напоминаетъ посольство мужей Владиміра? Рѣшительно не понимаемъ, что могъ уяснить въ 1854 году памфлетъ, составленный изъ лѣтописнаго разсказа о подвигахъ первыхъ русскихъ князей, — какія страсти онъ могъ разыграть въ русскомъ обществѣ. Не понимаемъ также, какія политическія обстоятельства могли помѣшать напечатанію предисловія въ 1854 году, и какого смысла лишалось сочиненіе безъ этого предисловія, и какой особенный оно пріобрѣтаетъ съ нимъ? Все это тайна автора, тайна, которую мы не можемъ уразумѣть, а потому и не можемъ смотрѣть на «Исторію Норманскаго періода», какъ на памфлетъ.

Второй отдѣлъ сочиненія состоитъ изъ слѣдующихъ статей: 1) образованіе государства (формація), 2) состояніе общества, 3) параллель русской исторіи съ исторіей западныхъ европейскихъ государствъ, 4) изъ приложенія нѣсколькихъ документовъ (перевода отрывковъ изъ писаній Иларіона, Русской Правды крат-

кой редакціи, церковныхъ уставовъ Владимира и Ярослава, гѣсни Гаральда). Эти статьи были уже давно напечатаны въ изслѣдованіяхъ автора, и принадлежатъ къ числу менѣе удачныхъ. Такъ въ первой изъ этихъ статей — (Состояніе Общества) г. Погодинъ дѣлаетъ выводы не только произвольные, но и прямо противные лѣтописи; на примѣръ, на страницѣ 175 онъ говоритъ, что князя любили пировать, и на слѣдующей приводитъ такое положеніе: «Въ походахъ образъ жизни былъ другой», — на какомъ основаніи? На основаніи мѣста лѣтописи объ образѣ жизни на войнѣ Святослава! Но лѣтописецъ прямо даетъ знать, что этотъ образъ жизни былъ принадлежностію одного Святослава: «Ходя возъ по себѣ не возятъ, ни котла, ни мясъ варя» и проч. Еслибы другіе князя дѣлали тоже, то лѣтописецъ бы ничего и не сказалъ о жизни на войнѣ Святослава. А что другіе жили не такъ, это говоритъ на основаніи лѣтописца и самъ г. Погодинъ на страницѣ 99, что Святополкъ въ виду непріятеля палъ съ дружиною, и тѣмъ далъ способъ Ярославу выиграть битву, — а впоследствии такіе примѣры безпрерывно встрѣчаются. — Или на страницѣ 179: «Касательно тѣлосложенія (руссы) отличались *ростомъ* и стройностію. Вотъ изображенія Святослава у Льва Діакона: «Росту *средняю*, ни слишкомъ высокъ, ни слишкомъ малъ».... Не говоря уже о томъ, по скольку можно по наружности одного князя, притомъ представляемаго лѣтописью какимъ-то оригинальнымъ и исключительнымъ лицомъ, дѣлать выводъ о наружномъ видѣ цѣлаго племени, любопытно знать, какимъ образомъ слова Льва Діакона доказываютъ, что Святославъ отличался ростомъ? Да не подумаетъ читатель, что эти неудачные выводы — исключенія. Нѣтъ, въ известной степени, они встрѣчаются нерѣдко у г. Погодина. Что касается до знаменитой параллели, гдѣ выражается взглядъ г. Погодина на всю русскую исторію, тѣ громадныя преимущества, которыя имѣетъ она предъ исторіей Запада, то лѣтъ десять тому назадъ многіе находили въ ней большое утѣшеніе. Но теперь едва ли кто-нибудь найдетъ въ ней что-нибудь, кромѣ фразъ, которыя теперь даже смѣшны. Вотъ пункты этой параллели: 1) Норманскіе князья были призваны добровольно, — а на Западѣ короли были завоеватели, первые были *защитниками*, вторые *врагами* народа (NB. курсивъ въ подлинникѣ). 2) На Западѣ король былъ *обязанъ* своимъ сподвижникамъ, помогавшимъ ему покорить землю, а нашъ князь не имѣлъ никакихъ *обязанностей*. 3) Съ народомъ у насъ князь имѣлъ дѣло

лицемъ къ лицу, а западный государь былъ *отдѣленъ* васалами. 4) Воеводы западные почитали себя почти *равными* королю, а наши вполнѣ зависѣли отъ князя. Тѣ дѣлали, что хотѣли, а наши, что приказывалъ князь. 5) Феодалы отняли землю у туземцевъ, раздѣлили ее, какъ добычу, а наши не прикоснулись къ землѣ, а получали только часть княжескихъ доходовъ. 6) Феодалы западные основали многія владѣнія, малыя государства, изъ коихъ отвлеченно состояло одно большое, а у насъ было одно малое государство. Западное государство можно выразить такою дробью $\frac{10}{100}$, а наше десятичною; 7) На Западѣ народъ былъ обращенъ въ рабство, а у насъ оставался свободнымъ, какъ былъ, — онъ платилъ только легкую дань; 8) На Западѣ города съ остатками римской образованности и гражданственности сдѣлались пребываніемъ людей особаго званія, занятыхъ промышленностью, а наши города были тѣ же села, поэтому и не могли сдѣлаться особымъ элементомъ государства.

Удивительная параллель! Почему Олегъ, который по выраженію летописи *примучивалъ* славянскія племена, почему Игорь, котораго убили древяне были, — защитникамъ, отцами народа! и развѣ на Западѣ масса народа не смотрѣла часто на германскихъ куниговъ, какъ на избавителей? Дѣло въ томъ, что строгихъ юридическихъ отношеній быть не могло ни у насъ, ни на Западѣ: иногда, для одного племени — князь или кунигъ былъ защитникомъ, въ другой разъ, для другаго племени — притѣснителемъ. Что касается до того фундаментальнаго различія, — что у насъ дружина не получила земель, что земля осталась во владѣніи славянъ, которые поэтому остались свободными, тогда какъ на Западѣ народъ былъ обращенъ въ рабство, — то кажется, эта параллель не долго оставалась: и у насъ впоследствии народъ лишенъ былъ поземельной собственности, которая перешла въ руки дворянства, духовенства, короны, и у насъ онъ былъ обращенъ въ рабство. Дѣло только въ томъ, что у насъ долго сильные не отбирали земель у слабыхъ, потому что не было никакой выгоды; — а когда стало выгодно, то отняли. Слѣдственно наша исторія не представляетъ вовсе той идилліи, о которой мечтаетъ г. Погодинъ въ своей параллели. Нѣкоторые пункты параллели очень вѣрны, напримѣръ, что у насъ не было городовъ въ западномъ смыслѣ. Ну, такъ что же хорошаго въ этомъ? На Западѣ городскія общины развили цивилизацію, матеріальное богатство, и въ политическомъ отношеніи создали тотъ балансъ въ обществѣ, который

не позволилъ перетянуть вѣсы ни феодализму, ни абсолютизму. А что были наши города до Петра, — и много ли значать и теперь послѣ ста пятидесяти лѣтнихъ усилій правительства создать крѣпкій средній элементъ между дворянствомъ и крестьянствомъ. Да, виноваты, мы со всѣмъ позабыли: между горожаниномъ и селяниномъ была братская связь, не было вражды и гордости. Этотъ моральный результатъ и перевѣсъ нашей исторіи въ сравненіи съ западною весьма успокоительно дѣйствуетъ на душу читателя и при чтеніи другихъ отличій русской исторіи отъ западной, приводимыхъ г. Погодинымъ; на примѣръ страница 201: Различіе въ народномъ характерѣ. «Нѣтъ нужды входить здѣсь въ доказательство что однѣ свойства имѣеть сѣверный человекъ, другія южный, западный, восточный; что кровь у одного обращается быстрѣе, чѣмъ у другаго; что каждый народъ имѣеть свой характеръ, свои добродѣтели и свои пороки. Славяне были и есть народъ тихій, спокойный, терпѣливый. Всѣ древніе писатели утверждаютъ это о своихъ славянахъ, то есть западныхъ. Наши славяне и имѣють эти качества еще въ высшей степени. По этому ови и приняли чуждыхъ господъ безъ всякаго сопротивленія, исполняли всякое требованіе ихъ съ готовностью, не раздражали ничѣмъ, и всегда были довольны своею участію. Поляне платили дань казарамъ; пришелъ Аскольдъ—стали платить ему, пришелъ Олегъ—точно также. Кому вы даете дань, спрашиваетъ Олегъ Сѣверянь,—Козарамъ. Не давайте Козарамъ, а давайте мнѣ, и Сѣверяне начали давать ему.» Все это исторически вѣрно. Интересенъ результатъ, выведенный г. Погодинымъ: *«Такая безусловная покорность, равнодушіе противоположныя западной раздражительности, содѣйствовали къ сохраненію добраго согласія между двумя народами. Къ сожалѣнію эти прекрасныя качества предковъ начинаютъ приходиться въ забвеніе, — и западная раздражительность нѣсколько обуяла и насъ. Да, кажется, и на г. Погодина Западъ подѣйствовалъ нѣсколько этой дурной стороною. Его прекрасныя рѣчи, во время послѣдней войны, которыя съ восторгомъ читала Россія, нельзя сказать, чтобы сильно отзывались качествомъ характера полянь и сѣверянь.*

Такъ называемый г. Погодинымъ норманскій періодъ есть самый поэтический картинный періодъ русской исторіи. Лѣтопись изобилуетъ не одними сухими фактами, но и рассказами и легендами; кромя лѣтописи есть много другихъ источниковъ: греческіе, арабскіе, и польскіе историки, норманскія саги, цѣ-

мый циклъ народныхъ пѣсенъ о богатыряхъ Владиміра, — наконецъ Русская Правда и договоры съ греками. Здѣсь дѣйствуютъ на сценѣ съ опредѣленнымъ характеромъ и различныя славянскія племена, и варяги, и греки, и азіятскіе степняки. Главныя лица этой эпохи: Олегъ, Ольга, Святославъ, Владиміръ, — вполне типическія. Поэтому понятно, почему древнѣйшій періодъ русской исторіи — самый популярный, его знаютъ и любятъ всѣ съ дѣтскаго возраста, — знаютъ по Карамзину. Карамзинскій разсказъ устарѣлъ, — притомъ же историографъ мало пользовался сагами, а народными пѣснями вовсе не воспользовался. Г. Погодинъ пользовался и тѣми и другими, но такъ, что лучше бы вовсе не пользоваться. Древнѣйшій періодъ ждетъ еще своего Костомарова, чтобы дать намъ разсказы подобныя разсказамъ изъ временъ Меринговъ Тьерри.

А. ЛОХВИЦКІЙ.

Путешествіе на Амуръ, совершенное по распоряженію Сибирскаго отдѣла Императорскаго русскаго географическаго общества, въ 1855 году, г. Маакомъ. Одинъ томъ, съ портретомъ графа Муравьева-Амурскаго, и съ отдѣльнымъ собраніемъ рисунковъ, картъ и плановъ. Изданіе члена соревнователя Сибирскаго отдѣла, *С. Ф. Соловьева*. Спб. Въ тип. Карла Вульфа. 1859.

Отчетъ Маака пока есть единственная книга, посредствомъ которой можно познакомиться съ характеромъ долины Амура; эта рѣка, обѣщающая сдѣлаться посредницей въ нашихъ сношеніяхъ съ Новымъ Свѣтомъ, кромѣ общаго ученаго интереса, возбудила вниманіе къ себѣ еще тѣмъ, что представляетъ новую область для русской колонизаціи.

Желаніе знать поскорѣе физическій характеръ этой мѣстности возрастаетъ съ каждымъ днемъ; еще прошлымъ лѣтомъ двинулись туда обозы переселенцевъ изъ внутреннихъ губерній европейской Россіи, а что они знали о странѣ, на которую промѣняли свою родину? когда ихъ спрашивали: куда вы ѣдете? они отвѣчали: въ Китай.

Въ прошлое лѣто даже и образованные люди не имѣли опредѣленнаго понятія о странѣ, прибрѣтеной для русской колонизаціи, сочиненіе Маака первое даетъ его.

На основаніи свѣдѣній, заключающихся въ его книгѣ, мы сдѣлаемъ для нашихъ читателей характеристику Амура, чтеніе которой можетъ быть облегчено картой, разосланной подписчикамъ Русскаго Слова въ прошломъ году.

Рѣчная система бассейна охватываетъ почти всю ту страну, которую мы, европейцы, называемъ Манчжуріей. Исключеніе составляетъ берегъ Японскаго моря, отдѣленный отъ внутренней страны снѣжнымъ хребтомъ Сихота-Алинь въ видѣ весьма узкой полосы земли, и еще небольшое побережье Желтаго моря, или лучше залива Печели; это послѣднее побережье отдѣляется отъ бассейна Амура также снѣжнымъ хребтомъ Чанъ-бо-шань, который тянется съ запада на востокъ, и на западѣ соединяется съ высокимъ хребтомъ Кентей; этотъ послѣдній тянется параллельно береговому хребту Сихота-Алинь, т. е., по направленію меридіана; на сѣверѣ, амурская система отдѣлена отъ Сибири Становымъ хребтомъ, который будетъ слѣдовательно соответствовать Чанъ-бо-шаню. И такъ бассейнъ Амура можно представить въ видѣ четырехугольной рамы, составленной изъ высокихъ хребтовъ; Кентей и Сухота-Алинь ограничиваютъ его по долготѣ, Становой хребетъ и Чанъ-бо-шань по широтѣ. Амуръ беретъ начало въ сѣверозападномъ углу этого четырехугольника, дугою склоняется къ его серединѣ и потомъ стремится въ сѣверовосточный уголъ. Нужно еще прибавить, что начерченный нами четырехугольникъ раздѣлитъ, кромѣ того, какъ перегородкой, съ сѣвера на югъ, пятымъ высокимъ хребтомъ, Хинганъ; разумѣется, что онъ переходитъ поперегъ Амура и рѣка должна его разсѣчь; дѣйствительно въ серединѣ теченія, въ мѣстѣ самаго южнаго склоненія, Амуръ течетъ разсѣленной Хингана, въ каменной трубѣ, на протяженіе ста верстъ, подобно Иртышу между устьемъ рѣки Бухтармы и городомъ Усть-Каменогорскомъ. Со всѣхъ этихъ хребтовъ стремятся въ Амуръ значительныя рѣки; съ сѣвера до Хингана впадаютъ въ него рѣки Зeya и Бурей, ниже Хингана Гиринъ и Амгунь, съ юга Кумара (устье ея нѣсколько выше устья Зeya), Сунгаря и Уссури; послѣднія двѣ впадаютъ не много ниже Хингана. Сунгаря составляетъ самый большой притокъ Амура и считается у китайцевъ даже господствующей рѣкою, что можетъ быть и подтвердится послѣдующими изслѣдованіями *).

*) Маакъ, даже при легкомъ своемъ обзорѣ устья этой рѣки, встрѣтилъ обстоятельства, заставляющія не сомнѣваться въ этомъ предположеніи; такъ, напримѣръ, онъ замѣтилъ, что песчаные острова, лежащіе въ Амурѣ, противъ устья Сунгаря, главною своею осью параллельны съ направленіемъ Сунгаря и наклонны къ теченію Амура. Это показываетъ, что воды Сунгаря берутъ перевѣсъ надъ водами Амура.

Изъ этого гидрографическаго и орографическаго очерка можно видѣть, что Амуръ долженъ представлять самое низкое мѣсто манджурской страны, такъ сказать дно того четырехугольнаго ящика, который составленъ четырьмя высокими хребтами. Поэтому слѣдуетъ ожидать, что долина его будетъ заключать въ себѣ условія самой лучшей мѣстности во всемъ бассейнѣ; климатъ въ долину будетъ теплѣе и растительность болѣе южныхъ формъ, чѣмъ въ той части Манджурии, которая лежитъ на югъ отъ Амура. И въ самомъ дѣлѣ, при чтеніи описанія Манджурии у Риттера, страна эта представляется такой же лѣсной пустыней, какъ Сибирь; дремучіе лѣса, покрывающіе ея поверхность, бывають посѣщаемы только соболыными промышленниками и искателями корня жиньшенъ *). Напротивъ, долина Амура, именно средняя часть ея отъ устья Зен до устья Уссури, представляетъ равнину, открытую отъ лѣсовъ, съ растительностію, заключающею въ себѣ много новыхъ формъ. Было бы странно, что китайцы остановились въ южной лѣсной части Манджурии, еслибы мы не останавливались на томъ предположеніи, что рѣка Сунгари есть господствующая въ этой системѣ, и потому долина ея должна быть еще развитѣе, чѣмъ долина Амура; и если она на большое разстояніе къ югу удерживаетъ одинаковую съ Амуромъ высоту надъ моремъ, то разумѣется средняя температура ея должна быть еще выше, чѣмъ температура долины Амура.

При постоянно уснивавшемся вниманіи къ Амуру, мы съ нетерпѣніемъ ожидали времени, когда узнаемъ характеръ пребрежной области Амура. Теперь мы можемъ отчасти удовлетворить этому желанію. Путешествіе по Амуру походило бы на путешествіе въ лодкѣ сначала по какой-нибудь рѣкѣ, текущей въ плоскомъ и лѣсистомъ продолженіи Уральскихъ горъ, хоть напрямѣръ по Вишерѣ, потомъ по Камѣ и наконецъ *сверху* по Волгѣ, еслибы только устье Камы находилось ниже, именно въ саратовской губерніи. Слѣдовательно, мыплыли бы сначала по рѣкѣ съ утесами по сторонамъ, поросшимъ хвойнымъ лѣсомъ; въ казанской губерніи вступили бы въ область рѣзко непохожую на прежнее теченіе: здѣсь берега представляли бы открытыя сте-

*) Часть Манджурии, къ югу отъ хребта Чанъ-бо-шань, въ которой находится городъ Мукденъ, описывается у Риттера тождественною съ нашею астраханской губерніей, съ которой она сходствуетъ и въ своей культурѣ; виноградныя лозы на зиму закрываются здѣсь, какъ и въ Астрахани.

пи съ дубовыми рощами; затѣмъ, вновь подымаясь по Волгѣ, мы опять вступили бы, въ ярославской губерніи, въ лѣсную страну, притомъ низменную, болотистую, тундристую.

Мы прослѣдимъ здѣсь вкратцѣ путь г. Маака отъ водораздѣла Витима и Амура до конца его путешествія, т. е., до Мари́нскаго поста. Между деревнями Шакшинской и Домноключевской, путешественники *) переѣхали черезъ плоскій хребетъ, который называется Яблоннымъ и по измѣренію ихъ, въ самомъ высокому мѣстѣ, у часовни, имѣлъ 4,010 футовъ. Въ томъ мѣстѣ, гдѣ переѣхали его путешественники, съ сѣверной стороны течетъ рѣка Конда, впадающая въ Витимъ, а съ южной Домна, впадающая въ Ингоду, принадлежащую къ амурской системѣ. Этотъ водораздѣлъ, замѣчаетъ Маакъ, не смотря на его незначительную относительную высоту, имѣетъ больше вліяніе на температуру, а чрезъ нее и на естественныя произведенія раздѣляемыхъ имъ бассейновъ. Это явленіе особенно поразительно въ растительномъ царствѣ: въ странѣ, лежащей къ востоку отъ водораздѣла, известной подъ именемъ Дауріи, попадаются растенія, не встрѣчающіяся въ той части Сибири, которая простирается отъ Яблоннаго хребта до Урала. Нѣкоторыя изъ этихъ растеній часто попадаютъ въ Европѣ, а нѣкоторыя принадлежатъ къ одинаковымъ съ европейскими видами родамъ. Къ первымъ можно причислить ландышъ, ко вторымъ монгольской дубъ, даурскую березу и многія другія. Тоже самое можно сказать о царствѣ животныхъ; изъ всѣхъ его классовъ попадаютъ здѣсь виды, принадлежащіе исключительно этому краю или свойственные также Европѣ, но не встрѣчающіеся въ Сибири, между Ураломъ и Яблоннымъ хребтомъ. Такъ, напримѣръ, на степи южной Дауріи водится джигетай (дикій осель) и толай (особенный видъ зайца). Изъ класса птицъ, кромѣ многихъ, исключительно принадлежащихъ Дауріи и при-Амурскому краю, попадаетъ красивая ронжа, найденная до-сихъ-поръ только въ южной Испаніи. Въ здѣшнихъ рѣкахъ водится видъ изъ рода сомовъ, неизмѣющаго представителей въ остальной Сибири; конь, калуга, и также карпы и раки не встрѣчаются отъ Урала до Яблоннаго хребта, тогда какъ чебаки и ерши попадаютъ какъ къ западу, такъ и къ востоку, отъ водораздѣла; изъ насѣко-

*) Экспедиція состояла изъ г. Маака, въ качествѣ ученаго по естественному отдѣлу, астронома Ражкова, топографа Занцхагсна и препаратора Фурмана.

мыхъ также встрѣчаются здѣсь многія интересныя формы, найденныя до-сихъ-поръ только въ Дауріи.

Путешественники ѣхали сухимъ путемъ до Шилкинскаго завода; здѣсь былъ для нихъ приготовленъ большой плотъ и солдаты назначены были служить на немъ гребцами. Около семи часовъ утра, 16-го мая, экспедиція оставила заводъ и отправилась водою внизъ по рѣкѣ Шилкѣ. Русская колонизація продолжается еще по этой рѣкѣ до устья Горбицы (по-монгольски Кэрбэчэ); далѣе же нѣтъ болѣе русскихъ селеній, но урочища носятъ еще русскія названія, кромѣ туземныхъ, до остатковъ города Албазина, — обстоятельство, указывающее на частое посѣщеніе этихъ мѣстъ русскими. Не доходя до Албазина, Шилка соединяется съ Онономъ и составляетъ Амуръ; это мѣсто называется Усть-Стрѣлкой. Берега Шилки и Амура отъ Шилкинскаго завода до Албазина и даже далѣе представляются утесами, покрытымъ лѣсомъ.

Если гдѣ утесы отходятъ отъ воды, то ихъ смѣняютъ низменныя болотистыя прибрежья, часто покрытыя спустившимся съ утесовъ лѣсомъ. Лѣсъ на правой сторонѣ обыкновенно гуще, чѣмъ на лѣвомъ, и состоитъ большею частію изъ лиственницъ и рѣдко-растущихъ бѣлыхъ березъ; на лѣвомъ же скатѣ, напротивъ, встрѣчаются, кромѣ этихъ деревьевъ, много высокихъ сосенъ, растущихъ особенно на сухихъ болотахъ, но распространяющихся однакожъ не рѣдко и по плоскимъ прибрежьямъ до самой воды. Ель также попадалась только на лѣвомъ берегу. Скудность растительности вообще на лѣвомъ скатѣ обнаруживается меньшею густотою лѣса на высотахъ, которыя часто даже совершенно обнажены. Изрѣдка сосна встрѣчалась и на правой сторонѣ, но не иначе, какъ на верхней части обрыва, а иногда было даже такъ: обрывъ или утесъ покрытъ березами и лиственницами, а горизонтальная площадь, лежащая на утесѣ, соснами. Мѣстами характеръ этотъ измѣнялся совершенно на оборотъ, то есть, сосны переходили на лѣвый берегъ, а березы и лиственницы на правый; г. Маакъ не объясняетъ этого, но можно предполагать, что подобное явленіе происходило въ излучинахъ Амура, гдѣ рѣка принимала обратное теченіе съ востока къ западу, причемъ лѣвый берегъ становился южнымъ, а правый, бывший южнымъ, дѣлался сѣвернымъ. На страницѣ 97 это даже очевидно: авторъ говоритъ, что они ѣхали по теченію рѣки къ юго-югу западу и что правый берегъ въ этомъ

мѣстѣ отличается большимъ числомъ елей, а эти деревья встрѣчались до того только на лѣвомъ берегу.

Острова въ этой части рѣдки и покрыты разными видами ивы, черемухой, осиною и боярышникомъ. 26-го мая путешественники достигли до бывшаго города Албазина. Здѣсь они должны были дожидаться военной экспедиціи, которая должна была позднѣе выйдти изъ Шилкинскаго завода. Въ ожиданіи ея протекло девять дней, а 4-го іюня военная экспедиція, прибывшая также къ Албазину, взяла нашихъ путешественниковъ на свои барки и съ-этой-поры ученая экспедиція потеряла свою самостоятельность до выхода Амура изъ хинганскаго хребта, гдѣ г. Маакъ снова отдѣлился. Это обстоятельство воспрепятствовало путешественникамъ познакомиться съ самою лучшею частію Амура; ученныя дѣйствія, говорить г. Маакъ, сдѣлались почти невозможными; съ большой барки, на которой находились путешественники и которую несло съ ужасною быстротою внизъ по теченію, можно было изрѣдка и то не болѣе, какъ на нѣсколько мгновеній, отваживаться ѣздить на берегъ; они едва успѣвали набрать нѣсколько образцовъ горныхъ породъ и растений, какъ уже спѣшили назадъ и должны были грести изъ всѣхъ силъ, чтобъ догнать быстро-идущую грузную барку.

Поэтому наблюденія г. Маака ограничались тѣмъ, что можно было видѣть съ барки; но и это не всегда было возможно, потому что плаваніе продолжалось до поздняго вечера и не рѣдко цѣлую ночь; только, когда баржа садилась на мель, путешественники могли побыть долѣе на берегу, и потому такіе случаи были встрѣчаемы ими съ радостью.

Не задолго до устья Зен, лѣвый, обрывистый берегъ начинаетъ постепенно удаляться отъ воды и наконецъ совершенно исчезаетъ изъ виду; за четыре версты до устья Зен, Амуръ оступаетъ въ огромную луговую страну, которая простирается по обѣимъ сторонамъ его, почти ни гдѣ не прерываясь, до самаго хинганскаго хребта, что составляетъ около трехъ-сотъ верстѣ.

«Берега этой части рѣки — мы выписываемъ слова самого Маака — представляютъ совершенно другой характеръ ландшафта, нежели какой мы замѣчали въ болѣе узкой части амурской долины, по которой ѣхали до-сихъ-поръ. вмѣсто болѣе или менѣе крутыхъ и часто покрытыхъ хвойными деревьями береговыхъ скатовъ, здѣсь представляются взору обширные тучные луга, покрытые въ разныхъ мѣстахъ рощами лиственныхъ де-

ревьевъ. На этомъ - то пространствѣ находятся, если не единственныя годныя для земледѣлія, то по крайней мѣрѣ единственныя обрабатываемыя въ большомъ размѣрѣ земли на всемъ Амурѣ. Дѣйствительно, хотя и сейчасъ за Хинганскимъ хребтомъ тянется по Амuru обширная луговая полоса и хотя въ долинѣ нижняго Амuru находятся также не малыя пространства годной для хлѣбопашества земли, однакоже ими до настоящей поры еще мало пользовались. И по теченію верхняго Амuru, въ луговой странѣ отъ устья Зеи до Хинганскаго хребта, встрѣчается довольно густое народонаселеніе только на пространствѣ семидесяти пяти верстѣ; оно состоитъ изъ манджуровъ и дауровъ, занимающихся преимущественно хлѣбопашествомъ и огородничествомъ. Эта населенная часть начинается у деревни Дылыгá (въ пяти верстахъ выше устья Зеи), а оканчивается у значительной даурской деревни Хормольдженгъ, лежащей около сорока верстѣ ниже города Айгуна». Всѣ эти населенія находятся на правомъ берегу рѣки.

Г. Маакъ называетъ страну, лежащую къ сѣверу отъ средняго Амuru, между рѣками Зеей и Ньюманомъ (Буреей) «луговою страню». Но, вѣроятно, это не простой только лугъ, а обширная равнина, плоскій материкъ, простирающійся внутрь страны на нѣсколько сотъ верстѣ. Подъ лугами обыкновенно разумѣютъ поймы рѣки, т. е., низменную, почти горизонтальную полосу земли, которая происходитъ отъ насосовъ рѣки; эта полоса рѣдко бываетъ шириною въ нѣсколько десятковъ верстѣ; далѣе же по сторонамъ простирается возвышенная площадь, которая и составляетъ страну; она имѣетъ неровности и разнообразную флору; это — материкъ. Вѣроятно луговая страна, которая простирается отъ Амuru на сѣверъ, на все то пространство, которое можно видѣть глазомъ, есть настоящій материкъ, равнина, никогда не заливаемая водою и способная къ развитію въ обширныхъ размѣрахъ земледѣлія и скотоводства. Мы выписываемъ у г. Маака характеристику этой равнины:

«Лѣвый берегъ Амuru, около устья Ньюмана*), представляетъ равнину вообще довольно лѣсистую. Здѣшніе лѣса сравнительно съ тѣми, которые встрѣчались намъ выше этого мѣста, имѣютъ другой характеръ; деревья и кусты въ нихъ растутъ гораздо роскошнѣе; въ нихъ встрѣчаются, кромѣ того, нѣкоторыя дре-

*) На картѣ, приложенной къ Русскому Слову за прошлый годъ, эта рѣка означена подъ именемъ Бурен.

весныя породы, которыя до-сихъ-поръ намъ не попадались. Общее расположеніе всѣхъ древесныхъ породъ здѣсь довольно однообразно: низменная наносная часть берега, тянущаяся около самой воды, покрыта ивами; далѣе въ сторону отъ русла, за этой частью слѣдуетъ довольно рѣдкій лѣсъ, состоящій преимущественно изъ толстоствольныхъ дубовъ *), вязовъ, черныхъ березъ, липъ и черемухъ. Въ немъ росли также, составляя подлѣсокъ, кленъ, боярышникъ, лещина, шиповникъ, бересклетъ и маакія (*Maackia Amurensis*, nov. gen. Rupr.). Последняя порода, найденная здѣсь въ первый разъ съ самого начала нашего путешествія, попадаетъ здѣсь и въ видѣ куста, и въ видѣ небольшого дерева. Въ долинѣ Нюмана встрѣчаются еще по словамъ мѣстныхъ жителей, грецкій орѣхъ и ясень».

19-го іюня экспедиція миновала передовые отроги Хингана, а 20-го проплыла все то пространство, на которомъ Амуръ стѣсненъ Хинганомъ.

Г. Маакъ ограничился въ это время однимъ собираніемъ образцовъ, безъ дальнѣйшихъ ученыхъ изысканій; экскурсія за этими образцами здѣсь было еще затруднительнѣе дѣлать, потому что теченіе въ этомъ узкомъ мѣстѣ было сильнѣе, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ оно доходило до пяти узловъ въ часъ.

По выходѣ изъ Хингана рѣшено было, чтобъ путешественники ѣхали далѣе одни; 24-го іюня флотилія пристала къ берегу, который возвышался на двѣ сажени надъ водою и былъ покрытъ травою въ ростъ человѣка. Здѣсь, на одномъ мѣстѣ скопили траву и поставили четыре палатки, въ которыя выгрузили пожитки и запасы ученыхъ путешественниковъ. Затѣмъ вся флотилія, состоявшая изъ тридцати-четырехъ казенныхъ судовъ, четырехъ баржъ американской компаніи и нѣсколькихъ большихъ лодокъ, принадлежавшихъ сибирскимъ купцамъ, тронулась въ путь.

Оставленные путешественники пробыли тутъ до 26-го числа. Въ это время они коротко познакомились съ окрестностью; съ начала своего путешествія они ничего еще не видѣли подобнаго по богатству растительности; такъ какъ эта мѣстность пред-

*) Дубы начинаютъ попадаться впервые въ долинѣ Амура еще около Албазина, но съ кривымъ стволомъ; около же Нюмана они дѣлаются вполне развитыми деревьями.

ставляетъ высшую форму амурскаго пейзажа, то мы приводимъ подлинное описаніе г. Маака:

«Луговая степь (?), среди которой мы жили, начинается у юго-восточнаго склона хинганскаго хребта; необозримые луга (?) ея представляютъ превосходнѣйшую для хлѣбопашества почву; не смотря на то, ихъ никто до-сихъ-поръ не обрабатываетъ. Подпочва ихъ вездѣ состоитъ изъ песку и глины, а лежащій на подпочвѣ наружный слой земли, довольно толстѣй, изъ перегноя. Эти луга покрыты густою разросшеюся травою. Нѣкоторыя выющіяся растенія образуютъ здѣсь во многихъ мѣстахъ, обвиваясь около сосѣднихъ растеній, чрезвычайно частыя сплетенія. Эти сплетенія такъ плотны, что мы пробирались черезъ нихъ съ большимъ трудомъ, и то должны были отыскивать въ нихъ не большіе не такъ густо заросшіе проходы и по этимъ ходамъ прокладывать себѣ путь. Многія изъ луговыхъ растеній достигаютъ на здѣшнихъ лугахъ огромной величины, такъ что вершины ихъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ значительно возвышаются надъ головою стоящаго человѣка. Среди такой растительности часто приходится идти довольно долго, не имѣя возможности обозрѣть вокругъ себя сколько-нибудь значительное пространство; чтобы здѣсь не заблудиться, необходимо ориентироваться компасомъ или солнцемъ.

«На обширныхъ лугахъ встрѣчаются здѣсь кое-гдѣ отдѣльныя группы рѣдко стоящихъ деревьевъ, большею частію дубовъ, между которыми часто растутъ, составляя подлѣсокъ, кусты лещины, шиповника и нѣкоторыхъ изъ видовъ спирей (таволги). Чаше встрѣчаются здѣсь довольно густыя рощи, отличающіяся сильною и разнообразною растительностію. Двѣ такія рощи находились и близъ нашей стоянки: одна въ двухъ верстахъ ниже ея (по теченію Амура), другая въ двухъ же верстахъ выше; черезъ обѣ, и особенно черезъ первую намъ ежедневно случалось проходить, во все время нашего пребыванія на этомъ мѣстѣ. Онѣ не только служили намъ пріятнымъ мѣстомъ отдохновенія послѣ утомительнаго хожденія по обширнымъ лугамъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ, каждый разъ доставляли намъ богатую добычу рѣдкихъ или совершенно новыхъ растительныхъ и животныхъ формъ. Онѣ состояли изъ высокихъ, толстостебельныхъ монгольскихъ дубовъ, черемухъ и вязовъ; не рѣдко попадались въ нихъ и другіе породы чернолѣся, напримѣръ липа, мааккія и другія; но хвойныхъ деревьевъ я не нашелъ въ нихъ ни одного.

«Я былъ весьма удивленъ, найдя въ этихъ рощахъ дикую виноградину; это тѣмъ болѣе меня поразило, что путешественники, спускавшіеся по Амуру въ прошломъ году, нигдѣ не нашли ее на этой рѣкѣ и потому совершенно отвергали извѣстное намъ изъ манджурскихъ источниковъ существованіе виноградины на Амурѣ. Къ сожалѣнію, я не могъ собрать цвѣтовъ этой виноградины, потому что нашелъ ее уже давно отцвѣтшею; я собралъ только образцы съ незрѣлыми плодами и впоследствіи, позднею осенью, досталъ зрѣлыхъ сѣменъ. Этихъ матеріаловъ достаточно было, чтобъ доказать, что виноградина, о которой здѣсь идетъ рѣчь, составляетъ особенный видъ амурской виноградины. Нигдѣ на Амурѣ не видѣлъ я, чтобы амурская виноградина росла такъ роскошно и имѣла такіе толстые стебли, какъ въ этихъ рощахъ; здѣсь она часто поднимается, обвиваясь около деревьевъ, до высоты восьми и девяти сажень. Часто, взобравшись на одно дерево, она загибается въ сторону и переходитъ на другое, даже съ высоты восьми и девяти сажень. Въ такихъ случаяхъ висящія вверху между деревьями молодыя вѣтви съ листьями и гроздами плодовъ придаютъ необыкновенную красоту всему ландшафту. Лозы, бывающія иногда у корня въ восемь дюймовъ толщиною, отъ поверхности земли до высоты нѣсколькихъ сажень совершенно лишены зелени; придерживаясь за деревья, онѣ иногда поднимаются вверхъ вертикально, иногда протягиваются отъ одного дерева къ другому косвенно, на подобіе канатовъ, иногда, наконецъ, висятъ совершенно внизъ. Эти лозы такъ крѣпко цѣпляются за сучья, что намъ не разъ случалось схватиться вдвоемъ за одну лозу и повиснуть на ней, и лозы всегда выдерживали тяжесть, не отрываясь отъ сучьевъ.

«Песчано-глинистый берегъ Амура, около рощъ, большею частію спускается къ рѣкѣ довольно крутымъ обрывомъ въ одну и двѣ сажени высоты. На такихъ обрывистыхъ частяхъ берега находилось много деревьевъ, у которыхъ земля изъ-подъ корней была вымыта водою во время половодья, и которыя по этому стояли весьма наклонно надъ рѣкой; у многихъ даже вершины касались воды. Нѣкоторыя изъ этихъ деревьевъ были уже мертвы, однакоже казались иногда живыми, потому что густо были обвиты зеленью виноградины.»

Этотъ отрывокъ даетъ довольно определенное понятіе о великолѣпнн амурской природы; эта область, отъ устья Зеи до устья Усури, самая выгодная для будущей колонизаціи; нѣтъ

никакого сомнѣнія, что здѣсь будетъ успѣвать воздѣлываніе какъ хлѣбовъ, такъ и торговыхъ растений; кромѣ уже упомянутыхъ нами видовъ, здѣсь встрѣчаются еще грецкій орѣхъ, растущій деревьями въ два фута въ діаметрѣ, пробковое дерево, сибирская яблоня и груша, (маакъ получилъ только дурной плодъ); здѣсь водятся тигры, (внизъ до устья Гирина), кабаны, козули и настоящіе олени *).

Первый хвойный лѣсъ ниже Хингана встрѣтили путешественники не ближе устья Уссурп; тутъ, противъ деревни Турме, береговой правый обрывъ былъ покрытъ хвойнымъ лѣсомъ; но лиственные породы еще господствуютъ здѣсь и продолжаютъ встрѣчаться на два градуса съ половиной еще сѣвернѣе. Такъ, напримѣръ, выше деревни Ньюнгю **), лѣсъ, покрывавшій возвышенности, состоялъ изъ осинъ, березъ, дубовъ, кленовъ, липъ и изъ большого количества хвойныхъ деревьевъ; близъ деревни Бѣльби ***) , клены попадаются еще сильными деревьями, но дубъ дѣлается корявымъ, а липа небольшимъ кустарникомъ. Отсюда до озера Кизи путешественники ѣхали только четыре дня.

Обратно, въ городъ Иркутскъ, г. Маакъ ѣхалъ также по Амuru; этотъ путь, впрочемъ, былъ уже совершаемъ въ такое позднее время года, что естественно-историческая добыча не могла быть обильна; такъ какъ лодки приходилось тянуть противъ воды бичевой, то экспедиція медленно двигалась впередъ, и только 29-го сентября прибыла въ манджурскій городъ Айгунь. Здѣсь г. Маакъ обратился къ градоначальнику съ просьбою проѣхать на саняхъ прямо на Цурухатуевскій караулъ, чрезъ Манджурію; но градоначальникъ рѣшительно отказалъ ему въ этомъ и даже насмѣшливо сказалъ, что онъ можетъ тѣмъ же способомъ выѣхать изъ Айгуна, какъ пріѣхалъ. Послѣ этого г. Мааку ничего не оставалось дѣлать, какъ продолжать свой путь вверхъ по рѣкѣ, хотя ему оставалось еще до ближайшаго русскаго пункта семьсотъ верстъ, тогда какъ по рѣкѣ уже плылъ ледъ. Въ шестидесяти верстахъ отъ Айгуна плывучій ледъ сталъ такъ густъ, что сдѣлалось невозможно продолжать

*) Разумѣется, нечего говорить, что соболей на этомъ пространствѣ нѣтъ, исключая, можетъ быть, вершинъ Хингана.

**) Эту деревню можно найти на картѣ, разосланной при Русскомъ Словѣ.

***) На картѣ, изданной при Русскомъ Словѣ, эта деревня названа Борби.

путешествіе въ лодкахъ. Г. Маакъ приказалъ сдѣлать сани и перегрузить на нихъ вещи изъ лодокъ. Люди должны были тащить эти вещи на себѣ, но успѣли протащить въ день только семь верстъ. Между тѣмъ г. Маакъ послалъ въ Айгунъ казака съ описаніемъ своего положенія и новой просьбой, послать въ Цурухайту по крайней мѣрѣ только одного казака съ извѣстіемъ о возвращеніи экспедиціи и ея потребностяхъ. Градоначальникъ Айгуна, узнавши о положеніи экспедиціи такъ испугался ответственности за ея участь, что послалъ чиновника просить г. Маака возвратиться въ городъ, гдѣ онъ обѣщалъ дать средства для продолженія путешествія. Вещи были снова перегружены на лодки; манджурскій чиновникъ принялъ участіе въ управленіи ими. Лодки плыли между льдами, иногда затираемыя ими; открылась течь; люди находились въ постоянно напряженной дѣятельности; иногда большія льдины сдавливали лодки и выбрасывали ихъ на свою поверхность, такъ что ихъ съ трудомъ спускали снова въ воду. Въ это время Маакъ заболѣлъ лихорадкою, такъ что съ трудомъ двигался и равнодушно смотрѣлъ на опасность, которой подвергались лодки, и на отчаянныя усилія людей. Манджурскій чиновникъ, съ истиннымъ самопожертвованіемъ согласившійся раздѣлить труды и опасности нашей экспедиціи, самъ управлялъ рулемъ, распорядился людьми и ободрялъ ихъ.

На третій день такого плаванія они прибыли къ городу; но причалить къ нему было трудно, потому что возлѣ города отъ сильнаго вѣтра скопилось много льда. Густая толпа народа высыпала на берегъ; всѣ съ участіемъ смотрѣли на нашихъ путешественниковъ, но никто не рѣшался подать помощь; люди должны были рубить ледъ и прокладывать такимъ образомъ дорогу лодкамъ; прибывши къ городу довольно рано, они могли только поздно вечеромъ выйти на берегъ.

Градоначальникъ просилъ г. Маака пробыть въ городѣ недѣлю, пока онъ испроситъ позволеніе отъ чичигарскаго начальства проѣхать экспедиціи прямо въ Цурухайту. Путешественники были помѣщены въ крѣпости; имъ было отведено двѣ комнаты съ огромными окошками, заклеенными бумагой. Пребываніе въ этой квартирѣ походило болѣе на заточеніе: путешественники не могли выйти изъ укрѣпленія, къ нимъ были приставлены два чиновника, которые объявили, будто они назначены для того, чтобъ развлекать путешественниковъ; на ночь снаружи становились часовые, которые изъ любопытства къ за-

творникамъ протыкали пальцами дыры въ бумажныхъ окнахъ и смотрѣли въ нихъ. Отъ того въ комнатахъ, и безъ того дурно отапливаемыхъ, постоянно дулъ вѣтеръ и замедлялъ выздоровленіе г. Маака. Русскимъ была запрещена торговля съ китайцами, такъ что Маакъ долженъ былъ украдкой покупать свѣчи для своихъ вечернихъ занятій, и притомъ платилъ очень дорого: за пачку салныхъ свѣчь, не болѣе фунта, съ него брали шестьдесятъ копеекъ серебромъ *).

Мааку впрочемъ удалось пройти нѣсколько разъ по большой улицѣ Айгуна; она тянется параллельно съ берегомъ; архитектура домовъ не отличается изяществомъ; большая часть изъ нихъ сложена изъ глины; почти въ каждомъ домѣ находились лавки, такъ, что кажется будто идешь не по улицѣ, а по большому гостинному двору. Лавки были совершенно открыты съ улицы, такъ, что въ нихъ можно было видѣть все товары, расположенные на полкахъ. У каждой лавки находились вывѣски съ пестрыми китайскими и манджурскими надписями, и также развѣвались на жердяхъ различныя фигуры, треугольники и драконы, вырѣзанные изъ бумаги. Между домами поперекъ улицы протянуты были веревки, на которыхъ по ночамъ висѣли фонари, освѣщавшіе улицу. Въ нѣкоторыхъ лавкахъ онъ замѣтилъ нѣсколько женщинъ, покупавшихъ различныя вещи; манджурскія женщины, замѣчаетъ Маакъ, вовсе не подходятъ подъ тѣ понятія, которыя составились о нихъ у насъ. Мы привыкли воображать ихъ съ узкими глазами, приплюснутымъ носомъ и выдавленнымъ скулами. Совершенно напротивъ; Маакъ нашелъ между ними очень много хорошенькихъ, имѣвшихъ довольно правильныя и пріятныя черты лица. Головы у нихъ были красиво убраны, причесаны и украшены множествомъ искусственныхъ цвѣтовъ, вырѣзанныхъ изъ бумаги.

Маакъ пробылъ въ Айгунѣ цѣлый мѣсяцъ; чичигарское начальство также не осмѣлилось разрѣшить ему проѣхать прямо черезъ Манджурію; объ этомъ писали къ самому Богдохану, и не смотря на то, въ Айгунѣ все-таки почему-то затруднялись

*) Свѣчи эти были сдѣланы изъ сала, окрашеннаго въ красный цвѣтъ; внутри, вмѣсто свѣтильни, была вставлена соломенка, обернутая хлопчатой бумагою; эти свѣчи не вставляютъ въ подсвѣчники, а натыкаютъ на остро-конечныя шпильки. Въ деревняхъ употребляютъ для освѣщенія комнаты сухіе стебли конопль, обмазанные снаружн тѣстомъ, сдѣланнымъ изъ толченаго проса. Такія свѣчи называются сѣабунгъ.

отправить Маака ни прямо, ни по Амуру. Только когда Маакъ настоятельно потребовалъ отправленія, градоначальникъ объявилъ ему, что изъ Пекина получена бумага, въ которой Мааку предлагается перезимовать въ Айгунѣ, и отпустить его съ открытіемъ навигаціи; но что градоначальникъ, не смотря на высокую волю богдохана, намѣренъ дать имъ средства для немедленнаго выѣзда изъ Айгуна. Положеніе манджурскаго чиновника вѣроятно было не очень пріятно: съ одной стороны русскій, настойчиво требующій проѣзда черезъ Манджурію, съ другой предписаніе изъ Пекина не пускать его этимъ путемъ, а выпроводить по Амуру, и притомъ сдѣлать это такъ, какъ будто путешественникъ самъ отказался отъ своего требованія, чтобъ правительству не пришлось отвѣчать за могущее произойти отъ этого несчастіе. Мы не можемъ не указать на умѣренность, съ которою Маакъ обращался за требованіями къ Манджурскимъ чиновникамъ; человѣколюбіе требуетъ быть съ ними снисходительными; отъ чиновника въ деспотическомъ государствѣ нельзя требовать откровенности: онъ дѣлаетъ каждый шагъ подъ страхомъ казни, онъ отвѣчаетъ за дурныя послѣдствія своихъ распоряженій, хотя бы и дѣйствовалъ въ духѣ высшихъ распоряженій, хотя бы и руководствовался инструкціей. Извѣстно, какъ въ деспотическихъ государствахъ даются инструкціи: въ нихъ всегда заключается смыслъ противоположный словесному приказанію. Это обыкновенно дѣлается для того, чтобъ можно было, въ случаѣ не успѣха, отдать чиновника подъ судъ, свалить всю вину на него, обвинить его въ отступленіи отъ человѣколюбивыхъ предписаній богдохана и отрубить ему голову.

Маакъ получилъ семнадцать подводъ, и 12-го ноября выѣхалъ изъ Айгуна, 30-го декабря достигъ Устьстрѣлочнаго поста, а оттуда возвратился опять въ Иркутскъ въ январѣ 1856 года; и такъ какъ онъ выѣхалъ изъ него въ апрѣлѣ 1855 года, то слѣдовательно путешествіе продолжалось девять мѣсяцовъ.

Намъ остается еще сказать нѣсколько словъ о населеніи береговъ Амура. Книга г. Маака содержитъ въ себѣ столько этнографическихъ свѣдѣній, сколько можно только требовать отъ путешественника, не знающаго туземнаго языка.

Встрѣчи съ туземцами почти на каждой страницѣ разнообразятъ повѣствованіе путешественника, особенно на нижнемъ Амурѣ. Всѣ обитатели Амура принадлежатъ одному тунгусскому племени. Только часть берега противъ устья Зен населена манджурами, да низовья заняты гиляками, принадлежащими къ куриль-

скому племени. Лѣсистыя окрестности рѣки Шилки обитаемы оро-чонами; отъ рѣки Невира до устья Кумары, по всему бассейну этой послѣдней рѣки и среднему теченію рѣки Зен кочуют манегры; отъ города Айгуна до входа Амура въ Хинганъ живеть тунгузское племя Бирарь; за Хинганомъ, до возвышенности Хорроко, лежащей между устьями Сунгари и Уссури, тунгузское племя Киленгъ; ниже ихъ Ходзенгъ; еще ниже гольды; отъ деревни Нюнгю до деревни Пульи, лежащей въ двухъ-стахъ верстахъ отъ устья Амура, обитаютъ мангуны; и наконецъ устье Амура, занято гыляками. Всѣ эти народы стоятъ на низшей степени цивилизаціи и ведутъ бродячую жизнь.

Впрочемъ жизнь манегровъ, гольдовъ и мангуновъ начинается уже дѣлаться осѣдлою; по крайней мѣрѣ они не бродятъ зимой, а живутъ на одномъ мѣстѣ. Лѣто же всѣ амурскіе тунгусы проводятъ въ кочеваньи по берегамъ Амура ради рыбной ловли. Г. Маакъ описываетъ всѣхъ ихъ весьма бѣдными и скромными; онъ видѣлъ дѣтей манегровъ въ декабрѣ мѣсяцѣ почти нагихъ, бѣгающихъ по морозу, и забавляющихся стрѣльбою въ цѣль; лоскутъ овчины съ дырой, въ которую можно просунуть руку, составляетъ ихъ единственную одежду. Лѣтнія жилища амурскихъ обитателей состоятъ изъ шалашей, состоящихъ изъ жердей и обложенныхъ сшитыми пластинами изъ бересты; тамъ, гдѣ березы мало, какъ напримѣръ въ степной части теченія Амура, береста замѣняется тростникомъ и соломой; зимнія жилища тѣхъ инородцевъ, которые жвуютъ ниже Хингана, состоятъ изъ мазанокъ съ большими манджурскими окнами, залесенными рыбьей кожей; у манегровъ же и орочоновъ и зимнее жилище состоитъ изъ шалаша, какъ и лѣтомъ; только основаніе его одѣвается еще лосинными кожами. Береста у здѣшнихъ жителей, какъ и у другихъ сѣверныхъ дикарей, имѣетъ большое примѣненіе въ хозяйствѣ: она употребляется здѣсь вмѣсто оберточной бумаги, въ нее завертываютъ идоловъ, изъ нея также дѣлаютъ посуду, лодки, даже шляпы, которыя особенно въ модѣ у мангуновъ и гыляковъ. Высшая цивилизація проникла на Амуръ до настоящаго времени тремя путями: изъ Сибири, съ вершинъ Шилки, это русское вліяніе; затѣмъ вліяніе города Айгуна и наконецъ вліяніе осѣдлаго населенія рѣки Сунгари.

Русское вліяніе распространилось только на однихъ орочоновъ и притомъ ограничилось передачей нѣкоторыхъ рыболовныхъ снарядовъ; это показываютъ русскія названія частей у снарядовъ; такъ напримѣръ, ороконы заимствовали у русскихъ

скарады известной породы мидзангемъ, самолова, хребтинутли и главную бичевку они называютъ криккала, поводи, на которыхъ висятъ удочки, *поядоко*. Ежегодно, въ декабрь мѣсяцѣ, русскіе приѣзжаютъ съ Аргуни на рѣку Олодъ для мѣхового торга съ ороломани. Впрочемъ ороломанъ самый длинный и самый бѣдный народокъ на Амурѣ. Гораздо могущественнѣе и благодѣющѣе было вліяніе манджуровъ, которое распространилось, какъ мы уже снзали, изъ двумя пункто въ юзъ города Айгуна и въ юзъ Сунгари, особенно изъ юго-восточной Либтой и, очень китойскіе и манджурскіе купцы отправляются изъ городовъ, находящихся по Сунгарии, въ видѣло нагруженныхъ товарами лодокъ, и вѣдуть въ большомъ числѣ по ереднему и частью по нижнему Амуру, рѣдко спускаясь до тунгускаго племени мангуновъ, и никогда не доходя до цилковъ Г. Маанъ встрѣчались даже въ мангунской деревнѣ Дыранъ (смотри карту), а одинъ купецъ даже жилъ постоянно въ деревнѣ Низка, двадцать версть выше устья Горна *).

Товары этихъ купцовъ состоятъ изъ различныхъ тканей (дабы, китайскія и шелковыя матеріи), предметовъ роскоши (браслетовъ, сережекъ и проч.), проса, табаку и водки. На эти товары купцы вынуждаютъ у приамурскихъ жителей преимущественно шхв, и частью также рыбій клей и вяззую. Черезъ посредство приамурскихъ жителей китайскіе товары распространяются по притокамъ Амура и по самому Амуру, доходя даже до живущихъ на берегу моря цилковъ. Нѣкоторые мангуны, гальды и тилки сами ежегодно предпринимаютъ торговые путешествія, поднимаются въ судахъ сначала по Амуру, потомъ по Сунгарии, впрочемъ не даже города Иланъ-Кала, гдѣ вымѣниваютъ на шхв събитые привабы и предметы роскоши.

Благодаря этимъ сношеніямъ, жители средняго Амура познакомились съ многими улучшеніями въ домашней жизни, они строятъ по манджурски свои мазанки, утварь ихъ состоитъ по-

*) На картѣ, изданной при Русскомъ Словѣ, это селеніе назначено подъ именемъ Цинко. Горинъ, Гыринъ или Гиринъ на картѣ не имѣетъ устья, следовательно пропуска. Что касается до разности въ названіи Цинка и Цинко, то слѣдуетъ замѣтить, что на Амурѣ буква ч часто смѣнивается съ ж, такъ, напримеръ, Маака для аясовъ Чолянъ приведена еще другою названіемъ Чолянъ; тунгусское племя Холденгъ было названо русскими въ XVII столѣтіи ачонами; городъ Цицикаръ называется также Чичигаромъ. Это явленіе очень замѣчательно, потому что распространено по всему восточному берегу, отъ устья Амура до верховьевъ Волги.

части изъ глиняной посуды; изъ домашнихъ животныхъ чаще чаются уже, кромѣ собакъ, конки, свиньи и куры; изъ выращиваемыхъ растений Маакъ встрѣчаетъ у гольдены, тамны, стручковый перецъ и коноплю, которая впрочемъ водѣвается въ нижнемъ Амурѣ; на устьѣ Сунгари онъ встрѣчаетъ рѣпу и даже картофель; около же города Айгуна манджуръ водѣваются: табакъ, горохъ, бобы, шурцы, чеснокъ, дмид, арбузы, кукурузу (асизд), просо и гречиху. Но такъ какъ Айгунъ соединяется съ внутренней страной только почтовой дорогой, и отдѣленъ отъ нея горами, то влияние его гораздо незначительно на туземцевъ. Впрочемъ, какъ между тунгусами около устья Сунгари, такъ и между манеграми Маакъ не мало нащелъ грамотныхъ людей, умѣвшихъ читать и писать по-маньчжурски.

Роль дальнѣйшаго развитія цивилизаціи на Амурѣ выпала на долю Россіи; исполнить ее съ успѣхомъ можно только при согласіи съ справедливостію, при свободной торговлѣ и свободной колонизаціи.

Въ заключеніе мы позволяемъ себѣ высказать желаніе, чтобы и общество и литература оказали бы у насъ больше вниманія къ колонизаціи этого края.

Въ Англіи и Германіи основаны общества для вспоможенія колонистамъ; для нихъ издаются газеты и огромныя руководства, предупреждающія ихъ еще на мѣстѣ объ обстоятельствахъ, затрудненіяхъ и потребностяхъ, ждущихъ ихъ на новой почвѣ. Мы же не знаемъ ни средствъ колонистовъ, ни ихъ послѣдующей судьбы; нашъ колонистъ долженъ имѣть бранныя рѣшимость, чтобы отважиться на переселеніе, потому что онъ бросается въ совершенную безызнѣвность; онъ не знаетъ, что его ждетъ впереди, что за страна, въ которую онъ переселится, какія онъ встрѣтитъ тамъ дшешія. Вотъ свидѣтельство о неудовлетворительномъ состояніи нашей колонизаціи: въ 22-мъ номерѣ Иркутскихъ Вѣдомостей помѣщено слѣдующее письмо енисейскаго корреспондента:

«Въ здѣшнихъ мѣстахъ все болѣе и болѣе усиливается интересъ, возбужденный во всѣхъ слояхъ общества слухами объ Амурѣ. Намъ уже не удовлетворяютъ тѣ отрывочныя свѣдѣнія, какія мы имѣемъ о новомъ краѣ въ газетныхъ и журнальныхъ извѣстіяхъ. Мы хотѣли бы узнать объ немъ хорошенько, обстоятельнѣе. И это не изъ пустаго любопытства; нѣтъ, многие изъ насъ съ охотою бы рѣшились переселиться въ непочатый край. Но незнаніе условий, какія ожидаютъ тамъ переселенца, уда-

живаетъ всѣхъ. Вѣдь мы люди малосвѣдущіе, люди неопытные. Мы бы желали, наиримѣръ, знать, надо ли переселенцу запастись на мѣстѣ разными необходимыми въ хозяйствѣ инструментами, или можно ихъ приобрести на Амурѣ съ большою выгодой? Нужно ли брать съ собою сѣмена огородныхъ и хлѣбныхъ растений и т. д. Интересно бы также получить свѣдѣнія: будетъ ли тамъ отдаваться земля въ вѣчную, потомственную собственность переселенцамъ, или на иныхъ какихъ условіяхъ? Цѣтъ ли возможности облегчить будущимъ переселенцамъ устройство ихъ посредствомъ ссудъ извѣстной суммы подъ ихъ взаимныя ручательства или подъ залогъ возводимыхъ ими строеній? Будутъ ли и тамъ лежать на обывателяхъ тяжелыя для рѣдкаго народонаселенія натуральныя повинности: исправленіе дорогъ, разѣзды на обывательскихъ безъ платежа прогоновъ гг. земскихъ властей, и наконецъ могутъ ли свободно переселяться въ амурскій край жители западной Сибири и губерній великороссійскихъ? Считаю долгомъ упомянуть, что это не мои личные вопросы. Я передаю ихъ по просьбѣ многихъ. Люди свѣдущіе, надѣмся, не откажутъ намъ въ отвѣтахъ, за которые мы заранѣе ихъ благодаримъ».

Итакъ грамотное население енисейской губерніи не знаетъ, имѣетъ ли оно право переселяться на Амуръ, не знаетъ ни объ условіяхъ, ни о мѣстныхъ цѣнахъ, ни о томъ, чѣмъ слѣдуетъ запастись въ дорогу; а между тѣмъ потянулись уже переселенцы изъ внутреннихъ губерній европейской Россіи; съ какими же знаніями о своей будущей судьбѣ отправились эти люди за 6,000 верстъ? знали ли они, во сколько лѣтъ они доберутся до обѣтванной земли, гдѣ будутъ зимовать, сколько встрѣтятъ большихъ и опасныхъ переправъ? Поэтому мы считали бы полезнымъ появленіе въ литературѣ руководствъ для переселенцевъ съ перечисленіемъ мѣстностей, доступныхъ свободной колонизаціи, находящихся на Кавказѣ, въ Оренбургскомъ краѣ, внутренней Сибири, Киргизской степи и на Амурѣ, съ описаніемъ ихъ климатическихъ, промышленныхъ и общественныхъ условій, будущаго права и обязанностей колонистовъ передъ правительствомъ, и съ наставленіемъ, какъ совершить самое переселеніе. Такія руководства можно бы было составлять при мѣстныхъ управленіяхъ, и снабжать ими переселенцевъ, чтобъ каждый изъ нихъ могъ исполнѣть свой поступокъ и не считать себя впоследствии обманутымъ начальствомъ.

Г. ПОТАНИНЪ.

УЧЕБНЫЙ АТЛАСЪ Ю. Симашко.

Рецензія —

На что именно, не могу поместить въ заглавіи, такъ какъ заглавія предметъ моей рецензіи не имѣтъ*); это какой-то географическій атласъ, начинающійся оглавленіемъ и объясненіемъ; на картахъ есть впрочемъ заглавіе: учебный атласъ Ю. Симашко; есть слухи, что онъ назначенъ для руководства въ учебныхъ заведеніяхъ, что подтверждается и его видомъ, и объясненіями, и замѣткой передъ объясненіями: что пояснены только тѣ чертежи, для которыхъ недостаточно общепринятыхъ курсовъ географіи физической и политической. Почему географическихъ объясненій и нѣтъ — а были бы полезны. Въ Германіи, гдѣ болѣе чѣмъ у насъ хорошихъ географическихъ руководствъ, Берггаузъ все-таки сопровождаетъ поясненіями каждую карту своего классическаго атласа, хотя самъ издастъ, кромѣ атласа, еще и пространный курсъ физической географіи, и, кромѣ объясненія употребленныхъ условныхъ знаковъ и красокъ, у Берггауза есть еще критическое объясненіе источниковъ, которыми пользовался (это изрѣдка и у г. Симашко), и смысла карты, извлеченіе изъ руководства, весьма полезное для того, чтобы скорѣе и легче дѣлать наглядными на картѣ факты, описываемые въ книгѣ — но это г. Симашко счелъ излишнимъ — почему? Не знаемъ и не позволимъ себѣ замѣнить это незнаніе догадками.

Между тѣмъ, при отсутствіи поясненій географическихъ, есть все-таки 54 страницы in-folio, мелкой печати, для объясненія 26 картъ. Этотъ текстъ, кромѣ заглавій картъ, которыхъ на одной таблицѣ часто по нѣскольку, состоитъ исключительно изъ краткихъ и весьма недостаточныхъ свѣдѣній по части зоологической и ботанической географіи, по нѣскольку строчекъ о каждомъ животномъ или растеніи, изображенномъ на таблицахъ, гдѣ такихъ фигуръ очень много.

Атласъ, такимъ образомъ, выходитъ не только географическій, но еще зоологическій и ботанический. Составитель видимо стремится къ многосторонности, забывая пословицу о погонѣ за

*) А вниманія стоитъ, если не по достоинству, такъ потому, что показываетъ, какъ у насъ выразился педагогическій прогрессъ относительно географіи.

двухъ зайцами — пошнытарь на себѣ, что не безнаказанно забывается мудрость народная, выраженная въ поговорахъ. Его естественные историческіе рисунки попятію объ изображаемомъ предметѣ даютъ редко, развлекаютъ вниманіе ученика, въ ущербъ географическимъ картамъ того же листа, и занимаютъ мѣста на листѣ опять таки въ ущербъ картамъ, которыя, по недостатку мѣста, выходятъ весьма малыя и неразборчивыя.

Просмотримъ эти рисунки и ихъ текстъ, начиная съ шестой таблицы (первыхъ пять на экземплярѣ, лежащемъ передо мной, нѣтъ). Таблица VI. — Англійская скаковая лошадь: «Быстрота бѣга, слѣдствіе разбровъ тѣла (какихъ?) объема легкихъ и силы мускуловъ, развитыхъ воспитаніемъ, дѣлаютъ эту породу совершенствомъ». На рисункѣ, по его малости (одинъ вершокъ) не выражено ни мускуловъ ни легкихъ, а стати порочныя, какъ разъ дѣлающія лошадь неспособной къ скачкѣ: заднія ноги короче переднихъ, такъ что у лошака той же таблицы формы все еще нѣсколько ближе къ типу скаковой лошади.

На таблицѣ VIII животныя азіатскія, и въ томъ числѣ птица Гарпія (*Thrasaetos harpya*, Gray) — огромный ястребъ пѣз южной Америки (это сказано и въ текстѣ). Рисунокъ сазанганы представляетъ просто какую-то ласточку, лисица крестовка такъ безхарактерна, что ея миниатюрное изображение годится для всякой лисицы, безъ разбора видовъ. Д. Т. Д.

Таблица XI — Америка, въ политическомъ отношеніи — тамъ; въесто гуахаро (*Steatornis caripensis*) просто какая-то длинокрылая птица, величущая даже признаковъ определеннаго порядка. Броненосецъ (*Dasyurus*) названъ побю параси; въ текстѣ — побю парасвайскій. Большая, съ индѣйку, *Palamedea chavafia*, названная чайя чуана — изображена крошечной водяной курочкой. Молодой *нанду*, въ текстѣ, доставляетъ вареное (!) мясо. Въесто канадскаго гуся изображена европейская казарка, *Anser bescorpis*, на сколько можно распознать эту птицу.

На таблицѣ XII — Австралія, въ своихъ животныи и растеніи; животныи по рисункамъ еще можно узнать, но ихъ русскія названія, какъ и часто въ руководствѣ г. Симанко, выходятъ не по русски, какъ и въ *мурраикондъ* (*Murresabes*) — хоть бы *мурраикондъ* (тоже плохое имя), и чтобы не смѣшать съ американскимъ *мурраикондъ*! Но что значить «растительная густота, въ которой скрывается *сидрогъ*?» црп : № 81. Двухъ

утробка. Водится въ Америкѣ. Этого вида единственное сумчатое, подающееся дико на острова Тихаго океана. Значитъ Америка принадлежитъ къ островамъ Тихаго океана! Дѣло въ томъ, что вторая половина этой замѣтки должна бы быть: это почти единственный *ме-сумчатый* звѣрь, водящійся въ Австраліи — и относиться не къ двуутробкѣ, а къ предыдущему № 30, къ *дино*, новозеландской собацѣ — такъ какъ дикіе звѣри Австраліи почти всё сумчатые; а такого замѣчанія объ островахъ Тихаго океана дѣлать нельзя: на немъ же находятся острова японскіе, курильскіе, алеутскіе, которые, зоологически, почти ничего не имѣютъ общаго съ Австраліей и Полинезіей. Наконецъ, двуутробка изображена американская (*Didelphis*, и вѣроятно *Didelphis dorsigera*), на островахъ Тихаго океана вовсе не встрѣчающаяся; сколько существенныхъ ошибокъ въ двухъ строкахъ! и такихъ крупныхъ небрежностей въ текстѣ очень много, напримѣръ еще:

Таблица XIII, Россія. № 5. *Сыць* — или *пугачъ*; когда сычамъ зовутся *наименьшія* изъ напичь совѣ, а пугачемъ наибольшій видъ, филинъ; изображенъ послѣдній. № 8. Царскій орелъ — по-русски беркутъ; подъ именемъ *краснаго гуся*, *Phoenicopterus antiquorum* изображенъ *колпикъ*, *Platalea leucorodia*; вмѣсто соболя просто какой-то неопредѣленнаго вида звѣрокъ, и т. д.

Довольно этихъ примѣровъ небрежности г. Симашко относительно зоологической части атласа — и текста, и рисунковъ; ботаническая можетъ быть также строго будетъ осуждена ботаникомъ; но замѣтки о растеніяхъ во всякомъ случаѣ подробнѣе, и мнѣ, профану въ ботаникѣ, показались толковнѣе, чѣмъ замѣтки о животныхъ.

Опять повторю вопросъ: къ чему въ географическомъ атласѣ эти зоологическіе и ботаническіе рисунки и замѣтки? Еще понятно бы помѣщеніе при картахъ, изображающихъ географическое пространство животныхъ и растеній, съ учебной цѣлью, рисунковъ тѣхъ органическихъ формъ, которыхъ предѣльма явни намѣчены на картѣ; но у г. Симашки только одна маленькая карта для географіи животныхъ, есть и показывающія распространеніе немногихъ растеній — но эти растенія изображены не при ботанико-географическихъ картахъ, а при другихъ. И все для того, чтобы дать ученику, при картѣ, болѣе живой образъ страны, представляя ея органическую природу — такъ, эта цѣль вовсе не

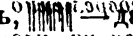
достигается; такъ, что даже можно объ ней догадаться не сразу, а только перебирая въ головѣ различныя гипотезы о возможности цѣли этого естественно-историческаго отдѣла. Однако, какъ ни трудно, вслѣдствіе неудачнаго исполненія, угадать эту цѣль, мы не можемъ допустить иной — а то пришлось бы подозревать, что издатель имѣлъ въ виду впечатлѣніе, которое его аглась производить на малообразованныхъ родителей, желающихъ современно воспитать своихъ дѣтей. Такимъ господамъ бросается въ глаза многосторонность изданія, сравнительно съ прежними атласами, гдѣ почти только и есть, что границы государствъ (раскрашенныя) и города. А тутъ и вся карта разноцвѣтна, да каждая краска смыслъ имѣетъ, да еще есть карты физическія, этнографическія, климатологическія, ботаническія, кромѣ обычныхъ политическихъ, да еще натуральная исторія — и все за три рубля! Какъ не купить.

А между тѣмъ, собственно географическія карты также мало удовлетворительны, какъ естественно-историческая часть, стѣсненная разными рисунками; или помѣщенныя по нѣскольку на листѣ, онѣ малы до неразборчивости. Объясненія красокъ, имѣющихъ условное значеніе, часто не достааетъ, или, при этомъ объясненіи, не достааетъ обращиковъ цвѣтовъ, а просто обведенные чертой прямоугольнички.

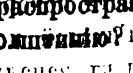
Есть и неточности, и даже значительныя, напримѣръ: на политической картѣ Европы вовсе пропущены горы на Британскихъ островахъ, въ Исландіи, Корсики, Сардиніи, Западной Германіи, Крыму, Сициліи; горячій ключъ Рейзеръ показанъ горой; Везувій есть, Этны нѣтъ. Другія горы сдѣланы такъ, что этотъ пропускъ уже упущеніе; еслибы всѣ хребты были показаны только на физической картѣ Европы, а не на политической, такъ было бы понятно; земли непокорныхъ горцевъ на Кавказѣ окрашены краской Турціи.

Также и въ Азіи: Мисрская и Низамская область въ Индіи показаны независимыми, т. е., окрашены желтой крайкой, какъ Китай и Персія, между тѣмъ какъ англійскія владѣнія зеленыя. А эти области покорены Англійей еще между 1795 и 1810 годами. Также Гималаи показаны только до истоковъ Селенды, т. е. лишился къ западу пятисотъ верстъ своего протяженія; громадные хребты Персіи и азиатской Турціи пропущены вовсе; китайскіе напестрены произвольно, хотя не трудно бы воспользо-ваться для нихъ хоть гумбольдтовой картой, изъ Central-Asien,

и проч. (Способы выравнивания горь одвако, дакой жат кама од германских картань лавоу баомт да каврибоден баомт в джаво

Между тьмъ, для орографического изображенія странъ, можно бы воспользоваться тьмъ обстоятельствомъ, что для каждой части свѣта есть двѣ карты, у Г. Симашко, физическая и политическая. На первой бы изображать весь рельефъ страны, а на второй только главныя направленія хребтовъ, по способу гумбольдтовой карты средней Азии, т. е., такъ, — да не покрывать области такими густыми и темными цвѣтами. Довольно хороша политическая карта Америки, не дурна и Австралія, только разные цвѣта, которыми отпечатана, не имеютъ смысла. Если имъ придать значеніе политическое, то напримеръ, восточная независимая часть Новой Гвиней окажется англійскою, если этнографическое, такъ Новая Зеландія выйдетъ населенной австралійскими неграми *), чего нѣтъ.

Хорошъ тоже, и весьма нагляденъ, способъ изображенія рельефа почвы отъ тьмаки желтоватаго и зеленоватаго цвѣта, употребленный на оро-гидрографической картѣ европейской Россіи; но краски соответственныя разнымъ высотамъ расположены не точно, такъ что Москва (400 футовъ) выходитъ по картѣ на одну высоту съ Орломъ (1000 футовъ) и выше Пензы (550 футовъ), выше и Усть-Урта (1000 футовъ), въ Киргизской степи, .: кроторой возвышенности вообще чрезвычайно не точно; между Орломъ и Илекомъ нарушающеюся хребтомъ, въ высшей степени приятной плоской возвышенности; двѣ Гряды Муроджаръ прерваны въ отдѣльные хребты и раздвинуты, по масштабу, на сто верстъ, въ вышотъ дѣйствительныхъ десяти; очертаніе Усть-Урта просто фантастическое. Эта карта орнбургскаго края, отъ версты въ масштабѣ и достаточно точная, уже съ 1853 года въ продажѣ.

На таблицѣ XV, картѣ II, не можемъ понять, почему Швеція и Данія отпечатаны одной краской, а Норвегія другой, но одинаковой, съ русскими владѣніями? Почему отличительная краска Ютландіи, на картѣ датскихъ владѣній, не распространена на острова Фюлю, Лаламды, Фальстерс, и на Голмбонью?

*) Австралійскіе негры весьма различны отъ африканскихъ, съ которыми имъ, однако, общі черныя цвѣтъ, острый анкетонъ уголъ, тонкая губа и прижатые носъ и животъ и животъ, а дохъ ахли рлѣ рѣдкы

11. На таблицѣ XXXIII. три карты. Первая должна представлять распространение народовъ, но показываетъ только, сообразно малой величинѣ, шесть главныхъ (по Blumenбаку, съ прибавленіемъ племени австраійскаго) породъ людей, при чемъ Суматра, Ява, Борнео, населены неграмъ, вѣсто малайцевъ, а на Новой Зеландіи ошибочно племя австраійское, вѣсто океанійскаго. Затѣмъ карта изотермъ съ нововведеніемъ: вся земля раздѣлена на пространства съ температурой выше нормальной, и съ температурой ниже нормальной, а нормальная температура являеться только на пограничныхъ линіяхъ этихъ пространствъ. Но какая же тутъ норма, кромѣ развѣ произвольнаго приуроченія изотермъ къ градусамъ широты, да и тогда, почему средняя температура 0° для Россіи нормальна подлѣ 60° широты, а для Тихаго Океана подлѣ 55°? И вѣсто этой фантастической нормы, и разграничиваемыхъ по ней пространствъ, не лучше ли бы разграничить области лѣтнихъ и зимнихъ дождей, и пространства съ материковымъ и съ приморскимъ климатомъ, какъ вообще принято климатологами. Последнее разграниченіе было бы особенно полезно; тогда не былъ бы приданъ одинакій климатическій характеръ Англій и пермской губерніи, которая нѣ различію между лѣтомъ и зимой, гораздо ближе къ Сибири, чѣмъ къ Англій.

12. Карта распространенія животныхъ, представляетъ, по руководству Шварца, зоологическія области. На каждой написаны имена животныхъ, характеристическихъ для нея, но такъ что левъ, напримѣръ, выходитъ жителемъ не всей Африки, а только южнаго берега Средиземнаго моря, и всей Индіи, гдѣ левы однако встрѣчаются только у западной границы, въ частяхъ Индіи, принадлежащихъ ей только политически, а не зоологически, потому что зоологически эти мѣста имѣютъ общій характеръ съ Персіей и Белуджистаномъ. За то столь характеристическій для индійской страны тигръ отнесенъ въ средне-азиатскую область, гдѣ встрѣчается только эпорадически; кабарга, которой главное мѣстообитаніе хребты средней Азии, хотя она водится отчасти и въ Сибири, показана исключительно въ последней. Не лучше ли бы на картѣ показать только зоологическія области, а въ объясненіи назвать характеристическія формы каждой?

13. На таблицѣ XXXIV. границы хлѣбныхъ растений и деревьевъ; полярная граница дуба проходитъ черезъ Лену и Намчатку, гдѣ дубовъ нѣтъ вовсе, даже на югъ отъ этой линіи; полярная гра-

ища пшеницы, вместо того чтобы прицолпнойно перелетитъ отъ азиатскаго берега къ американскому, загигаетъ дулою къ югу на Тихомъ океанѣ, какъ будто пшеница тѣмъ моремъ растеть и проходить черезъ Финляндію и Сибирь. Какая же пшеница родится въ Финляндіи? въ Сибирѣ? овинная или яровая? кажется можетъ только послѣдняя, и тѣмъ не воздѣлывается, ибо посѣвы не окупаются. Какъ же дагѣ показана ледерная тундра Гречихи въ Ритилинской тундрѣ, когда ее нѣтъ и на восточномъ побережью? и т. д. Карты этой таблицы крошкѣ дегечности еще и слишкомъ малы, такъ что не даютъ никакого понятія о ботанической географіи; видна канадско-путанница аяковъ.....

На объясненіи этнографической карты Европы, племена славянское, германское, литовское, вообще принимаемыя за подраздѣленія индоевропейскаго, отдѣлены отъ него. Къ индоевропейскому племени причислены только азиатскіе народы: персы, курды, грузины, осетины. Но тогда почему же оно индоевропейское?

Довольно этихъ фактическихъ замѣчаній, чтобы показать небрежность, съ которой составленъ и изданъ учебный атласъ г. Симашки. Читатель видитъ, что тутъ примѣнена къ педагогическому труду поговорка: какъ-нибудь сдѣлаемъ, авось выйдетъ, вмѣстѣ съ претензіями на современность (исотермы, физическія, этнографическія карты, и проч.). Но годится ли эта смѣсь претензій съ русскими авось и какъ-нибудь? родится ли въ чемъ бы то ни было, а особенно въ дѣлѣ народнаго воспитанія, каково составленіе учебнаго пособия?

На подобныя вопросы можетъ отвѣтить самъ читатель.

НИКОЛАЙ СЪВЕРЦОВЪ

Записки комитета акклиматизаціи животныхъ, учрежденнаго при императорскомъ московскомъ обществѣ сельскаго хозяйства. Книжка первая. Москва, 1859. In 8-vo. Стр. 149.

Non multa, sed multum; не много, но много дѣльнаго. Въ книгѣ всего десять статей и въ томъ числѣ только шесть пространнѣхъ, на всѣхъ остальныхъ статей, почти интереса и практической пользы. Мы рекомендуемъ эту книжку господамъ помѣщикамъ, которые найдутъ въ ней много примѣнимаго къ дѣлу,

и приведемъ тутъ краткій переченьъ главнѣйшихъ статей, имен-
но съ тѣмъ цѣлю, чтобы указать, кому именно книга можетъ
быть полезна. А будетъ она полезна, безъ сомнѣнія, очень мно-
гимъ. Такъ, напримѣръ, если у васъ, читатель, есть въ распо-
ряженіи болото съ чистою водою, безъ примѣся кислотъ или
щелочей, если вода въ немъ теплая, а не холодная ключевая,
берега отлогі, грунтъ рыхлый, уровень воды постоянный или
можетъ быть сдѣланъ постояннымъ, если, наконецъ, въ болотѣ
растутъ обыкновенныя желткія болотныя и водяныя травы,
хвощъ (*equisetum palustre et fluviatile*), *палочникъ* (*tirpha latifolia*),
топьякъ (*chara vulgaris et hispida*), *родостъ* (*potamogeton natans*),
то въ этомъ болотѣ находятся всѣ условія, необходимыя для
успѣшнаго разведенія пиявокъ. Напустите ихъ туда, и онѣ пой-
дутъ себѣ плодиться на славу. Какъ доказательство того, до
какой степени удобно и легко разведеніе пиявокъ, мы приве-
демъ только тотъ фактъ, за достовѣрность котораго мы ру-
чаемся, что у насъ, въ Петербургѣ, на петербургской сторонѣ,
женщина, не жившая ни малѣйшихъ приготовительныхъ свѣ-
дѣній, развела пиявокъ въ двухъ не большихъ прудахъ, распо-
ложенныхъ на огородѣ, съ такимъ успѣхомъ, что снабжаетъ
или на значительную сумму большое казенное заведеніе. Само-
собою разумѣется, что при разведеніи пиявокъ въ большихъ
размѣрахъ необходимы тѣкоторыя особенныя условія, и, вотъ,
именно эти свѣдѣнія, какъ объ успѣшнѣйшемъ разведеніи и
перевозкѣ пиявокъ, такъ и объ устройствѣ искусственныхъ бас-
сейновъ, за немѣною подъ рукою болота, читатель найдетъ
въ дѣльной статьѣ г-на Гржимайдо, излагающей описаніе два-
дцати-лѣтнихъ опытовъ разведенія пиявокъ въ городѣ Нѣжинѣ.
Къ этой статьѣ приложена другая—естественная исторія пияв-
ки—написанная весьма удовлетворительно г. Усовымъ по Бранд-
ту, Мекенъ, Тандону и Катраажу, съ приложеніемъ политипа-
жей, объясняющихъ анатомическое строеніе пиявки. Другую,
очень занимательную статью, г. Рудь, о кохлинскихъ курахъ,
прочтутъ вѣроятно съ удовольствіемъ русскіе *пультроманы*,
хотя результаты, выводимыя изъ этой статьи, должны, по на-
шему мнѣнію, нѣсколько охладить сангвиническія надежды, ко-
торыя господа курялюбцы возлагали на эту новую куриную по-
роду: Птица значительнаго роста, но грудника, то есть, самая
приманка изъ мясистыхъ частей курицы, мало развита, а высокія
ноги часто подвергаются раванчнмъ болѣзнямъ, обхватываемъ
холоднымъ вѣтромъ. Птица очень носка, почти цѣлый годъ;

приносить около двухъ-сотъ пятидесяти яицъ, которыя также куриныхъ, но вообще меньше какъ кохинхинскія куры выводить дышатъ два или три раза въ годъ, онѣ тихи и не драчливы, такъ, что можно водить нѣсколько пѣтуховъ яицъ; но куры скоро старѣются, такъ что пѣтухъ на четвертый годъ уже малѣ годится на племя, а курица въ три года уже стара; наконецъ, эта порода легко вырождается. Итакъ, если можно ожидать отъ этой птицы пользы, то развѣ отъ перекрещиванія ея съ другими породами, напримеръ, хоть съ нашей носкою русскою крестьянскою бѣлянкой-хохлачкой. Статья посвящена политиками. Въ другой статьѣ, г. Гевлича, излагается разведеніе клещевинаго дерева (*ricinus*) и живущаго на немъ клещевинаго шелкопряда (*Bombux Cynthia*), котораго, впрочемъ, можно выкормить не только листьями клещевины, но и листьями салата, ворсенки (*Dipsacus Pulonum*), цинорія (*Cichorium intybus*), ивы, китайскаго леселя (*Ailanthas glandulosa*). Не прихотливый на пищу этотъ червь, уже акклиматизировавшійся во Франціи, безъ сомнѣнія сдѣлается современнѣ важнымъ соперникомъ шелковицнаго червя, питающагося единственно листомъ шелковицы или тутоваго дерева. Наконецъ, не менѣе занимательна и важна статья г. Врасскаго объ искусственномъ разведеніи рыбы. Къ этой статьѣ приложено донесеніе комиссіи, назначенной комитетомъ акклиматизаціи животныхъ для освидѣтельствованія николевскаго завода искусственнаго разведенія рыбы, принадлежащаго г. Врасскому и расположеннаго въ семидесяти-семи верстахъ отъ владайской станціи московской желѣзной дороги, близъ села Николевскаго, между озерами Пестовымъ и Вельемъ. Эта комиссія, состоявшая изъ гг. Рулье, Борзенкова и Усова, заключаетъ свое донесеніе, отъ 12-го ноября 1857 года, и пишетъ, что заведеніе г. Врасскаго по значенію своему *какъ только первое въ Россіи, и первое въ высшѣй за-границей.* Презвычайно жаль, что вмѣстѣ съ тѣмъ замѣчательно, что изъ статьи г. Врасскаго не видно, что относятся къ приводимые имъ опыты и факты ко времени освидѣтельствования его заведенія комиссіею, или оныя принадлежатъ и читателю остается въ совершенномъ недоумѣніи относительно дѣйствія этого завода въ настоящее время. Говорить про славу этой книги значило бы, во что бы то ни стало, сказать въ ней чего-нибудь если не дурнаго, то посредственнаго и потому мы предпочтемъ не распространяться далѣе, объзатрѣмъ ошечотливовъ предметъ. (Историческая дѣятельность г. Врасскаго, гл. VII, стр. 100-101.)

гласно **МАРЕНА** въ отношеніяхъ агрономическомъ, химическомъ, тканическомъ и экономическомъ. *В. Андреева.* С. Петербургъ, 1859. in-8°. Стр. 370.

Превосходная монографія, написанная со знаніемъ дѣла и излагающая ясно и подробно, какъ разведеніе марены, такъ и техническое употребленіе ея на окраску тканей и приготовленіе изъ нея гаринсина, краповыхъ экстрактовъ и лаковъ. Изъ введенія къ этой книгѣ мы узнаемъ, что время первоначальнаго разведенія этого растенія, а именно въ Дербентѣ, съ точностью неизвѣстно. По разсказамъ дербентцевъ, нѣкто *Кесбалай Гуссейнъ*, первый вывезъ сѣмена прямо изъ Персіи и посѣялъ ихъ въ Дербентѣ, но безуспѣшно; попытки его развести марену удалсь только тогда, когда онъ выписалъ сѣмена ея изъ сѣвернаго Дагестана. Съ этого времени плантаціи марены приняты на Кавказѣ такіе размѣры, что уже въ 1854 году, помѣщики Сѣребряковы добыли у себя, въ кизлярскомъ уѣздѣ, чистаго корня 6,000 пудовъ, проданнаго на нижегородской ярмаркѣ по шести съ четвертью рублей за пудъ, и что въ послѣднее время на Кавказѣ добывается всего болѣе 150,000 пудовъ. Почти все то количество отправляется въ Нижній, гдѣ оно до сихъ поръ скупалось русскими фабрикантами и преимущественно города Александрова. Изъ четвертой части книги видно, что соотвѣтственно развитію этой важной вѣтви отечественной промышленности, привозъ иностраннаго крапа уменьшился съ 166,632 пудовъ (1840 года) до 29,000 (1856 года), и что русская марена, и приготовляемый изъ нея гаринсинъ, находятъ выгодный сбытъ за-границею не смотря на высшую цѣнность ея противъ тамошней, потому что она превосходитъ послѣднюю количествомъ содержащагося въ ней красильнаго вещества и прочностію цвѣта окрашенныхъ ею тканей. Монографія г. Андреева, повтораемъ еще разъ, одно изъ рѣдкихъ явленій русской литературы, заслуживающихъ едва ли не безусловную похвалу.

ПАТОЛОГІЯ, основанная на теоріи ячеекъ (Церулярная патологія) *Рудольфа Вирхова.* Переводъ съ нѣмецкаго. Москва. 1859 года. (Стр. 214).

Книга заключаетъ въ себѣ послѣднія *восемь* чтеній изъ числа двѣнадцати, на которыя разделено сочиненіе Вирхова, и подробный обзоръ, котораго мы уже представили читателямъ въ сентябрьской книгѣ Русскаго Слова (Библиографіи стр. 56 — 76).

Само собою разумеется, что въ этихъ восьми чтеніяхъ авторъ является тѣмъ же, чѣмъ онъ представляется въ первыхъ двѣнадцати лекціяхъ своихъ. Мы встречаемъ тутъ тѣ же своеобразныя воззрѣнія на животный организмъ, на идею жизни, Человѣческій организмъ — что-то въ родѣ огромнаго полиппика; онъ представляется суммою безчисленнаго множества жизненныхъ единицъ или кѣлочекъ, составляющихъ послѣдній морфологическій элементъ всякаго животнаго тѣла, содержащій, каждая отдѣльно взятая, все необходимое для жизни, и въ которыхъ мы не имѣемъ права искать настоящей жизнедѣятельности. Въ предшествовавшихъ чтеніяхъ мы имѣли случай указать въ какой степени должны воззрѣнія Вирхова на различныя данныя; на ясномъ и правильномъ разумѣніи которыхъ основано ясное и правильное понятіе о процессѣ воспаления, и потому не удивительно, что выводимое на такихъ основаніяхъ ученіе о воспаленіи не выдерживаетъ строгаго критическаго анализа. Мы могли бы привести множество данныхъ въ пользу нашего сужденія, заимствованнаго изъ текста этихъ восьми лекцій, но мы считаемъ излишнимъ распространяться тутъ. Заключение, къ которому мы пришли рецензируя первыя двѣнадцать чтеній, совершенно применимо и къ двумъ послѣднимъ, и потому мы находимъ лучшимъ и удобнѣйшимъ, разставаясь съ сочиненіемъ Вирхова, повторить только наше мнѣніе о немъ, выраженное въ сентябрьской книжкѣ Русскаго Слова.

«Мы уже сказали, что пока Вирховъ не выходитъ изъ сферы гистологіи, онъ является вѣрнымъ, опытнымъ глашатаемъ науки; но гдѣ только онъ ни переходитъ за предѣлы этой сферы съ притязаніями на основателя новой рациональной патологіи, онъ представляется несостоятельнымъ фантазеромъ. Переводъ этого сочиненія составляетъ важное приобрѣтеніе для русской медицинской литературы, которая ознакомится чрезъ него съ современнымъ состояніемъ патологіи. Изложеніе плавное, увлекательное; текстъ поясняется многочисленными, ясными, отчетливыми политипажами. Безчисленныя техническія затрудненія представляемыя оригиналомъ, неизвѣстный переводчикъ преодолѣлъ съ полнымъ знаніемъ дѣла. Изданіе довольно изящное.»

Гальваназмъ въ примѣненіи къ медицинской практикѣ. *Франца Беллесскаго*, основателя и директора лечебнаго гальваническаго заведенія въ Москвѣ, дѣйствительнаго члена энцикло-медицинскаго общества, состоящаго при императорскомъ

членъ корреспондента медицинскихъ обществъ: Варшавскаго, Виленскаго, Краковскаго, Парижскаго и прочихъ III Отдѣлъ монографіи съ 7-ю политипажами. Москва. 1859 in-8°. VIII л. 425 стр.

Многолѣтнее, свыше двадцати лѣтъ, изученіе цѣлебныхъ свойствъ электро-гальванической силы, какъ въ собственномъ электро-гальвано-магнитномъ заведеніи автора (втеченіи девятнадцати лѣтъ надъ больными съ самыми разнообразными болѣзненными случаями), такъ и во время путешествія, въ 1838 г., въ Германію и Францію, предпринятаго сочинителемъ съ цѣлью изучить на мѣстѣ *новые* (двадцать лѣтъ тому назадъ) *изумительные успѣхи практическихъ результатовъ* гальванизма, — и, кромѣ того, перечень титуловъ г-на Белявскаго, свидѣтельствующихъ о его ученой дѣятельности, — все это говоритъ болѣе или менѣе въ пользу изданной имъ книги. Толща этой «*монографіи*» и убористая печать ея свидѣлствуютъ объ искреннемъ желаніи автора передать публикѣ какъ можно болѣе фактовъ и обогатить отечественную литературу, если «*не вполне капитальнымъ и чисто сциентифическимъ трудомъ*», то по крайней-мѣрѣ чѣмъ-то въ родѣ свода новѣйшихъ пріобрѣтеній, сдѣланныхъ гальвано-терапіею, чѣмъ-то въ родѣ сборника или компіляціи, изъ которой каждый, занимающійся гальванизмомъ могъ бы заимствовать *обильные* матеріалы. Наконецъ, «*объявленіе отъ публичнаго электро-гальвано-магнитнаго лечебнаго заведенія директора Франца Белявскаго*», приложенное къ концу книги, упомянутое въ началѣ ея въ оглавленіи, и заключающееся адресомъ, гдѣ именно находится заведеніе автора, — гласитъ о весьма естественномъ желаніи сочинителя быть какъ можно болѣе полезнымъ человѣчеству. При всемъ томъ нельзя не пожалѣть, что авторъ потративъ столько времени и труда, не сдѣлалъ лучшаго употребленія изъ предполагаемаго у него огромнаго запаса свѣдѣній по части гальвано-терапіи.

Г. Белявскій нашелъ «*на только необходимомъ*», но даже и весьма удобнымъ раздѣлить трудъ свой на два главныхъ отдѣла, изъ которыхъ одинъ служитъ основаніемъ другому.» Первый отдѣлъ содержитъ теоретическія понятія, относящіяся къ гальванизму, и къ нему преимущественно, если не исключительно, относятся слова автора, *объявляющаго* (стр. VI), что трудъ его, по необходимости, представляетъ рядъ компіляцій, которыя хоть въ нѣкоторыхъ мѣстахъ не имѣютъ между собою крѣпкой связи

и идутъ часто другъ за другомъ безъ строгой (?) последовательности, въ земѣ затрудняются (?) до сихъ поръ даже первые ученые по этой части, каковы Веккерель и Редкль, но зато для дальнѣйшихъ наблюдений и усовершенствованій въ пространной области гальванизма, могутъ доставить обильные материалы, «принести большую пользу занимающимся гальванизмомъ.» Итакъ, самъ авторъ называетъ свой трудъ, свою *monographie*, ни болѣе ни менѣ какъ *compilation*. Отдавая должную справедливость героическому самоотверженію и непогрѣшимой прозорливости г. Белявскаго, мы, согласно съ мнѣніемъ его, также признаемъ первый отдѣлъ его книги, заключающій въ себѣ 227 стр. изъ числа 425, чистѣйшею *compilation*. Спрашивается теперь, какая это *compilation*? Чего могутъ ожидать отъ нея специалисты или *вся масса публики*, которую авторъ желалъ бы, взявъ съ каждаго индивидума всей этой массы по три рубля серебра, убѣдить въ обширной пользѣ, приносимой гальванизмомъ. Если бы авторъ, руководствуясь какою-нибудь логическою точкою зрѣнія, расположилъ собранные имъ факты въ систематическомъ порядкѣ, съ должною разборчивостію относительно достовѣрности и важности ихъ, то трудъ его, хотя и не имѣлъ бы достоинствъ самостоятельнаго произведенія и, слѣдовательно, удержалъ бы за собою названіе *compilation*, но при всемъ томъ получилъ бы значеніе труда капитальнаго и составлялъ важное приобретеніе для науки. Но *compilation*, представляемая г-мъ Белявскимъ принадлежитъ къ иной категоріи; это *compilation* въ простѣйшемъ, буквальномъ смыслѣ слова; скученный вмѣстѣ матеріалъ, и болѣе ничего; ни малѣйшаго слѣда какого-нибудь порядка, тѣмъ менѣе системы или критическаго анализа, не смотря на то, что самъ же авторъ находитъ весьма мудрымъ афоризмъ: *noni rare in verbo magistri, exatna ipse ut te certum reddas* (стр. 22). Авторъ начинаетъ изложеніемъ, на 77-ми страницахъ, медицинскаго ученія объ электро-гальванизмѣ, но не смотря на обѣщаніе свое (стр. VIII) представить это ученіе въ *возможной* полнотѣ и въ томъ видѣ, въ которомъ оно *примано* и *принято* учеными всего свѣта, онъ и тутъ не принялъ труда представить это ученіе тѣмъ, что оно есть, то есть, наукою. Вся эта часть книги г-на Белявскаго, при всей обширности своей, не даетъ никакого, полного понятія ни объ постепенномъ развитіи науки, ни о настоящемъ ея состояніи; факты налицо, но авторъ упустилъ изъ вида естественную, присущую или внутреннюю связь

и не придаѣтъ имъ даже наружной скрѣпы. Рѣшительно не зная, какъ угодить въ одно время и специалистамъ и массѣ публики, онъ то нускается въ реторику, то облачается учеными періодами на нѣмецкій ладъ *въ тридцать строчекъ длиною*. «Но не вѣчны льдистыя оковы зимы, распадаются онѣ весною и потокъ, нескованный больше имп, привольно катитъ въ даль свои волны. Благодаря постоянству и усилію труда просвѣщенныхъ дѣятелей наступаетъ наконецъ пора полнаго торжества медицинскаго ученія о гальванизмѣ и въ ряду другихъ терапевтическихъ средствъ онъ навсегда занимаетъ свойственное ему почетное мѣсто. Въ своемъ мѣстѣ, съ особеннымъ удовольствіемъ вспомнимъ мы имена великихъ дѣятелей, *обезсмертившихъ* себя на этомъ поприщѣ и *тѣмъ заслужившихъ вѣчную признательность потомства*». А вотъ важъ и образчикъ яснаго нѣмецкаго періода: «Въ аппаратахъ электро-магнитныхъ, электричество *въ оныхъ* возраждается отъ магнита, который *приближается* и удаляется *отъ* спирали, проводящей электричество такъ, что отъ приближенія спирали къ одному полюсу магнита индуктивный ея токъ проявляется и мгновенно уничтожается отъ приближенія спирали къ другому полюсу магнита, электричествомъ котораго спираль мгновенно индуцируется; эта переменна полюсовъ слѣдуетъ одна за другою постоянно и непрерывно, и отъ этого индукція *перваго и втораго полюсовъ не только не этаблируется въ раздѣленномъ видѣ*, но даже и вовсе не остается въ спираляхъ, а потому и не можетъ быть самостоятельна ни на одно мгновеніе; а какъ извѣстно, что оба полюса въ сущности между собою различны, а въ основаніи своемъ и дѣйствіяхъ противоположны, то изъ сего и понятно, что аппараты электро-магнитные (*appareil de rotation, electro-magnétique*), какъ не производящіе постоянной индукціи съ раздѣльными токами, т. е. — электричество при опытахъ химическихъ, физиологическихъ, патологическихъ, и для выполненія терапевтическихъ требованій, недостаточны и не могутъ имѣть мѣста въ медицинѣ; еслп.....» и тутъ слѣдуютъ еще *десять строчекъ*. Извольте послѣ этого вѣрнить на слово автору, утверждающему (стр. VIII), что «при составленіи этого труда, онъ старался быть *отнюдь не краснорѣчивымъ*, но, по возможности, *яснымъ и точнымъ языкомъ* передать читателямъ все самое существенное изъ извѣстнѣйшихъ сочиненій и собственныхъ наблюденій.» То наивный въ пользу, вѣроятно, массы публики, авторъ предполагаетъ что — *«Всѣмъ извѣстно, что не только возможны, но и весьма не рѣдки тѣ случаи, при*

которых явленія атмосфернаго электричества — молнія и громъ, неосторожнымъ стоили жизни. И если по пословицѣ, простолюдинъ проникается религіознымъ страхомъ въ минуты грознаго обнаруженія этой силы, то, безъ всякаго сомнѣнія, страхъ этотъ очень основателенъ.» (стр. 13) То глубокомысленный и таинственный, вѣроятно въ пользу специалистовъ, авторъ замѣчаетъ: — «Мы знаемъ, что, въ большей части случаевъ, вполне достигается цели назначенія своего тотъ исполнимски-громадный полуфунтовой, или фунтовой приемъ ртути, который, для извѣстныхъ племенъ составляетъ единственное средство врачеванія извѣстнаго рода недуговъ. Мы знаемъ, что вѣрно служитъ онъ внуку въ тѣхъ же самыхъ болезненныхъ случаяхъ, въ которыхъ несомнѣнно полезенъ былъ дѣду.» Необыкновенная разнохарактерность изложенія, слогъ автора, то цѣлѣбный, приглаженный, то взерошенный; эти періоды, то округленные, то обрубленные, то длинные, предлинныя, вся эта мозаичность можетъ быть объяснена только тѣмъ, что авторъ не написалъ свое по возможности полное ученіе, но сколотилъ его изъ кусочковъ, не принимая даже труда позаботиться о русскомъ костюмѣ для переведенныхъ или составленныхъ имъ выдержекъ изъ «лучшихъ произведеній англійской, французской, нѣмецкой и другихъ медицинскихъ литературъ (стр. VIII)», служившихъ ему пособіемъ. Вотъ, почему рѣдкая страница обходится у автора безъ нововведеній по части словосочиненія: *мультиплицируется, этаблируется*, комплетные и некомплетные параличи; скорое и медленное дѣйствіе механизма зависитъ отъ устройства механики; гальваническіе потоки, скрупулезное предрасположеніе, аутентическіе факты, функциональныя мышечныя отправления, упорная констипація, сильная контракція, конформація тѣла, испотѣвшая кровь въ мозговой мякоти, женированное дыханіе, больная окуражилась, соотвѣтствуемый режимъ и проч.

Какъ объяснить себѣ такое пренебреженіе къ русской ученой и медицинской терминологіи или незнаніе ея?

Послѣ этого скомпилированнаго введенія или ученія, авторъ переходитъ къ компиляціи всего того, что относится до электрогальванизма въ избранныхъ имъ для просмотра семи сочиненіяхъ извѣстнѣйшихъ авторовъ, съ тою цѣлю, говоритъ онъ, чтобы показать ихъ мнѣнія, выводы и методы лѣченія съ результатами послѣднихъ. Тутъ компиляція г-на Бѣлявскаго уже рѣшительно ниже всякой посредственности. Не руководствуясь какою-нибудь идеею о какой бы то ни было системѣ, онъ пере-

водитъ или дѣлаетъ извлеченія, не обращая ни малѣйшаго вниманія на степень достовѣрности или важности фактовъ; шла бы только рѣчь объ электричествѣ, а тамъ, далѣе, уже не его дѣлю. При отсутствіи всякаго соображенія онъ упоминаетъ часто о важныхъ, мало извѣстныхъ фактахъ, приводя только заглавія статей, содержащихъ ихъ, тогда какъ въ другихъ случаяхъ онъ распространяется о пустякахъ общеизвѣстныхъ. Не находя нужнымъ распространяться о томъ, что такое зобъ (стр. 166), онъ, говоря объ излѣченіи аневризмъ гальвано-пунктурой, приводитъ только заглавія статей съ указаніемъ источника и замѣчаніемъ, была ли аневризма излѣчена или нѣтъ; случается даже, что онъ и это добавленіе считаетъ излишнею роскошью для читателя. Авторъ не принялъ труда свести вмѣстѣ, въ какомъ-нибудь оглавленіи, факты, относящіеся къ одной категоріи; такъ, что читателю, желающему отыскать какую-нибудь статью въ книгѣ г-на Бѣлявскаго, приходится пробѣжать все ея оглавленіе съ начала до конца, не зная найдетъ ли онъ одно только заглавіе статьи или хотя краткій обзоръ содержанія ея. Присоедините ко всему этому ту же разнохарактерность изложенія, тотъ же мозаическій слогъ, то же незнаніе самыхъ обыкновенныхъ медицинскихъ терминовъ, и вы получите, читатель, понятіе о томъ впечатлѣніи, которое произвело на насъ чтеніе книги г-на Бѣлявскаго. А незнаніе или нововведенія автора рѣшительно образцовы: — *«Происхожденіе такovýchъ язвъ должно полагать зависящимъ отъ неправильности въ конформациѣ тѣла, отъ недостатка связи въ тканяхъ (de fait de tonicité), или въ гуморальныхъ уклоненіяхъ отъ нормальной выработки соковъ (стр. 169). Первые пороки пищеваренія, кишечныя колики, болѣзнь «помилуй меня Господи» (miserere); стр. 159!!»*

Остается разсмотрѣть второй отдѣлъ книги. Въ предисловіи своемъ авторъ упоминаетъ, что онъ въ теченіи девятнадцати лѣтъ повѣрилъ, изучилъ и приложилъ къ дѣлу ученіе объ электро-терапіи по крайней мѣрѣ надъ 6,700 больными съ самыми разнообразными болѣзненными случаями (стр. VII). Приводимая авторомъ громадная цифра давала ему полную возможность представить положительные выводы какъ относительно абсолютной, такъ и объ относительной пользѣ электро-терапіи. Еслибы оказалось, наприимѣръ, что въ половинѣ этихъ случаевъ электричество было полезно, предпочтительно передъ другими терапевтическими средствами, то этого было бы уже достаточно,

чтобы обратить всеобщее вниманіе на заведеніе автора и про-
извести что-то въ родѣ реформы въ медицинѣ. Но г. Белявскій
почему-то не нашелъ нужнымъ сообщить статистику этихъ
6,700 случаевъ, и читатель остался бы въ совершенномъ невѣ-
деніи о значеніи этого огромнаго запаса матеріаловъ, еслибы
самъ авторъ не упомянулъ на 231-й страницѣ своего сочиненія,
что *«въ восьми книгахъ его заведенія описаны 1794 исторіи больз-
ней, лѣчимыхъ электро-гальвано-магнитными токами, въ продол-
женіе девятинадцати - лѣтъ.»* Считая не вѣроятнымъ, чтобы
авторъ заносилъ въ свои книги случаи, не заслуживающіе вни-
манія или неудачные, предпочтительно предъ важными или
удачными, остается заключить, что изъ 6,700 наблюденій ока-
зался достойными вниманія и записи только 1,794, и что про-
чіе 4,906 были слишкомъ ничтожны, или по роду болѣзни или
по неэффективности лѣченія, чтобы попасть въ лѣтописи
г. Белявскаго. Во всякомъ случаѣ, каковы бы ни были причины
молчанія объ этихъ 4,906 болѣзняхъ, этотъ фактъ значительно
уменьшаетъ довѣріе читателя и къ дѣйствительности средства
и къ безпристрастію г. Белявскаго, основывающаго свои сан-
вицинскія воззрѣнія на пользу электро-терапии единственно на
удачныхъ случаяхъ лѣченія. Какъ бы то ни было, однакожь,
представляемая авторомъ цифра 1,794 все еще такъ значительна,
что если хотя въ половинѣ этихъ случаевъ электричество по-
могло предпочтительно предъ другими терапевтическими сред-
ствами, то оно заняло бы довольно видное мѣсто въ медицин-
скомъ арсеналѣ; наконецъ, еслибы этого даже не было, но
еслибы авторъ разнесъ эту цифру статистически по различнымъ
категоріямъ, то онъ и этимъ уже принесъ бы медицинѣ зна-
чительную пользу.

Къ удивленію и читателя и рецензента, во второмъ отдѣлѣ
*«поименны описанія только 145 замѣчательныхъ медицинскихъ
случаевъ, лѣчимыхъ, и, болышею частію, излеченныхъ въ пуб-
личномъ лѣчебномъ электро-гальвано-магнитномъ заведеніи г.
Белявскаго. Итакъ, вся громадная цифра, на которой читателю
можно было бы основать свое мнѣніе о пользѣ электричества,
превратилась въ микроскопическую цифру 145 случаевъ, какъ скоро
рѣчь зашла о положительныхъ доказательствахъ въ пользу но-
ваго оружія науки въ борьбѣ ея съ вѣчно дѣйствующимъ зако-
номъ уничтоженія. Замѣтимъ, сверхъ того, что между этими
145 случаями описано много такихъ, въ которыхъ больные не
получали никакой пользы отъ лѣченія ихъ электричествомъ, или*

получали только облегченіе; помѣщены также случаи, въ которыхъ, по недавности болѣзни, нельзя вмѣнить излѣченіе въ особенную заслугу электричеству. При нѣкоторыхъ исторіяхъ, напримѣръ 28-ой, упомянуто конечно, что подобныхъ случаевъ пользовано въ заведеніи болѣе 700; въ 63-ей исторіи сказано, что подобныхъ больныхъ лѣчилося слишкомъ 300. Въ первой исторіи болѣзнь излѣчена проведеніемъ чрезъ тѣло больного раствора сулемы при посредствѣ электричества; въ 63-ей исторіи такимъ же способомъ проводился растворъ іодистаго калия. Но тѣ и другіе факты, всего болѣе 1000, ничего не доказываютъ, потому что авторомъ не упомянуто: какими средствами были лѣчены эти больные до поступленія ихъ въ пользованіе г. Белявскаго, и, слѣдовательно, можно предположить, что больные обращались въ гальваническое заведеніе не испытавши дѣйствительныхъ, раціональныхъ средствъ, указываемыхъ терапіею. Сверхъ того авторомъ не упомянуто, употребляли ли больные или нѣтъ эти два средства, сулему и іодистый калий, безъ посредства электричества; если употребляли, но безуспѣшно, то факты говорили бы въ пользу электричества; въ противномъ случаѣ, будь ихъ 10000, а не 1000, они ровно ничего не доказываютъ. Наконецъ, авторъ не указываетъ причинъ неуспѣшнаго лѣченія больныхъ до поступленія ихъ въ заведеніе; но это обстоятельство весьма важно при обсужденіи вопроса, вызваннаго авторомъ, потому что всякой врачъ безъ сомнѣнія въ состояніи представить множество случаевъ, въ которыхъ больные лѣчились сулемою, теряли терпѣніе даже при успѣшномъ ходѣ лѣченія, и бросивши его не долѣжившись, подвергались потомъ послѣдствіямъ всеобщаго зараженія организма. — Что же слѣдуетъ изъ всей этой рецензіи? Изъ этой рецензіи нисколько не слѣдуетъ, чтобъ мы не вѣрили въ пользу электричества, но слѣдуетъ только то, что г. Белявскій вопреки своему желанію, не доказалъ этой пользы. Мы не знаемъ, въ какой степени онъ найдетъ эту рецензію основательною; не знаемъ, захочетъ ли онъ, согласно изъявленной имъ готовности (стр. VIII), воспользоваться сдѣланными тутъ замѣчаніями. Вѣрно только то, что авторъ, засвидѣтельствовавши во всеуслышаніе, что онъ будетъ считать цѣль свою вполне достигнутою и трудъ свой вполне вознагражденнымъ, если книга его принесетъ хотя малѣйшую пользу страждущему человечеству (стр. VIII)» — и издавши на основаніи этого убѣжденія свою книгу, упустилъ изъ вида то обстоятельство, что индивидуумы этого человечества

рѣшительно не почтутъ себя вознагражденными, если они за извлеченіе этой малѣйшей пользы изъ книги г. Белявскаго должны будутъ заплатить, поголовно, тремя рублями серебромъ. Глубоко убѣжденный въ далекомъ еще несовершенствѣ своего труда (стр. VIII), авторъ заключаетъ свое предисловіе «*quod potui feci, potentes meliora facciēnt.*» Авторъ оптимистъ, и справедливо; нѣтъ сомнѣнія, что надежды его на лучшее сбываются; найдутся люди, и сдѣлаютъ лучше.

В. ХАНКИНЪ.

ИНОСТРАННАЯ ЛИТЕРАТУРА.

Послѣдняя книга Виктора Гюго.

(*La Légende des siècles*, par *Victor Hugo*. 4-re série. Histoire. —
Les petites épopées. 2 vol. Paris, 1859.)

I.

Задача, которую предположилъ себѣ знаменитый французскій поэтъ въ своей послѣдней книгѣ, огромна. Два довольно объемистыхъ тома стиховъ, изданные имъ теперь какъ первый отдѣлъ «Легенды Вѣковъ», составляютъ, по его собственнымъ словамъ, лишь начало громадной цѣпи поэмъ, долженствующей обнять собою всю исторію человѣчества. Но и этотъ первый отдѣлъ, названный Викторомъ Гюго «Небольшими эпопеями», не есть отрывокъ. Онъ составляетъ нѣчто цѣлое, какъ перистиль зданія есть цѣлое, будучи въ то же время лишь частью другаго, большаго цѣлага. Вотъ какъ самъ поэтъ опредѣляетъ свою задачу. «Выразить человѣчество», говоритъ онъ: «въ циклическомъ произведеніи; изобразить послѣдовательное развитіе его со всѣхъ сторонъ, въ исторіи, въ баснѣ, въ философіи, въ религіи, въ наукѣ, которыя сливаются въ одномъ общемъ и громадномъ движеніи впередъ, къ свѣту; отразить какъ бы въ зеркалѣ (которое судьба каждаго земнаго труда разобьетъ вѣроятно прежде чѣмъ оно достигнетъ предположенныхъ авторомъ размѣровъ) этотъ великій образъ, единый и разнообразный, мрачный и лучезарный, роковой и священный, человѣка; вотъ какая мысль, вотъ какое честолюбіе, если хотите, породили *Легенду Вѣковъ*.»

Мы знаемъ поэмы, въ которыхъ весь, какъ онъ есть, со всѣхъ сторонъ, со всѣми своими грѣхами и свѣтлыми дѣяніями, со всѣми своими вѣрованіями и скорбями, стремленіями и бѣдствіями

«отразился вѣкъ
И современный человѣкъ.»

какъ онъ представлялся сыну этого вѣка, поэту; но и такихъ поэмъ не много. Такова эпопея Данта, въ которой, какъ въ фокусѣ, отразилась его эпоха; такова рыцарская пѣсня о Нибелунгахъ. Таковы наконецъ сказанія Фердауси о судьбахъ своей земли, рапсодин Гомера и безконечныя поэмы Индіи. Во всѣхъ этихъ поэмахъ, независимо отъ современности, отразилась и исторія; но исторія національности, къ которой принадлежали поэты. Такого историческаго плана, какой начерталъ Викторъ Гюго, не задавалъ еще себѣ ни одинъ поэтъ.

Въ дополненіе къ приведеннымъ выше строкамъ слѣдуетъ прочесть болѣе подробное объясненіе задачи двухъ изданныхъ теперь томовъ въ предисловіи Виктора Гюго. «Поэмы, составляющія эти два тома,» объясняетъ онъ: «суть не что иное, какъ послѣдовательныя очерки человѣческаго профиля, изъ вѣка въ вѣкъ, отъ Евы, матери людей, до революціи, матери народовъ; очерки эти сняты то съ варварства, то съ цивилизаціи, почти всегда съ живаго облика исторіи... Для поэта, какъ и для историка, для археолога, какъ и для философа, каждый вѣкъ есть измѣненіе фізіономіи человѣчества. Въ двухъ этихъ томахъ, которые, повторяемъ, будутъ продолжены и дополнены, собраны черты нѣкоторыхъ изъ этихъ измѣненій. — Читатель найдетъ тутъ кое-что изъ прошедшаго, кое-что изъ настоящаго, и увидитъ такъ сказать въ неясномъ миражѣ будущее. Впрочемъ всѣ эти поэмы, различныя по содержанію, но внушенныя одною мыслью, связаны лишь одною нитью. Нить эта теряется иногда въ невидимомъ будущемъ, но она никогда не прерывается. Эта великая руководная нить въ таинственномъ лабиринтѣ жизни — прогрессъ.»

Приступая къ своей отрывочной эпопее, Викторъ Гюго бралъ изъ исторіи и изъ преданія народнаго языка и событія, которыя, на его взглядъ, выражали болѣе или менѣе фізіономію человѣчества въ извѣстную эпоху. Онъ не пренебрегалъ ни легендами, ни сказками; какъ ни фантастически ихъ образы и краски, отъ нихъ вѣтъ духомъ времени. Поэтъ — не историкъ фактовъ;

эпосъ — не лѣтопись. Невѣрно переданный народною легендою случай часто объясняетъ вѣрованія и стремленія эпохи лучше, чѣмъ тотъ же фактъ, вѣрно и подробно записанный въ свой временникъ сухимъ лѣтописцемъ, который

«какъ дьякъ, въ приказахъ посѣдѣлый,
Спокойно зрять на правыхъ и виновныхъ,
Добру и злу внимая равнодушно,
Не вѣдая ни жалости, ни гнѣва.»

Вниманіе поэта останавливается въ исторіи не всегда на лицахъ блестящихъ, гремѣвшихъ въ свое время, занявшихъ много множество страницъ въ современныхъ лѣтописяхъ. Иногда личность, вскользь упомянутая въ старой хроникѣ, нисколько не интересовавшая писателя «правдивыхъ сказаній», двумя-тремя чертами, которымъ лѣтописецъ не придавалъ никакого значенія (такъ были они общи въ его время), иногда такая темная личность привлекаетъ къ себѣ полное сочувствіе поэта, и по этимъ двумъ-тремъ чертамъ онъ создаетъ цѣльный образъ, воплощающій въ себѣ полнѣе духъ своего вѣка, чѣмъ иной пресловутый герой этого вѣка. Такими возсозданіями полны трагедіи Шекспира, основанныя часто на двухъ трехъ бѣглыхъ замѣткахъ старинной хроники, на какомъ нибудь мимолетномъ намекѣ старейшей пѣсни, баллады или сказки.

Не съ тѣмъ, чтобы сравнивать Виктора Гюго съ Шекспиромъ, упоминали мы о великомъ британскомъ поэтѣ. Сравненіе такое было бы смѣшно и неумѣстно. Оно показало бы только, какой Викторъ Гюго пигмей передъ этимъ титаномъ новой цивилизаціи; но это всѣмъ извѣстно, какъ то, что день свѣтелъ, а ночь темна. Кто не покажется въ сравненіи съ Шекспиромъ лиллипутомъ? Мы своимъ замѣчаніемъ хотѣли только сказать, что законы вдохновенія и творчества одинаковы какъ для величайшихъ, такъ и для малыхъ поэтовъ.

Викторъ Гюго впрочемъ вовсе не малый поэтъ для нашего времени. Его справедливо обвиняютъ въ частомъ риторизмѣ, въ изысканности образовъ и тоновъ; но эти недостатки еще не составляютъ главной его характеристики. Въ этомъ случаѣ на Викторѣ Гюго отразился характеръ его націи, тщеславной, увлекающейся блескомъ и придающей такую цѣну внѣшности. Но рядомъ съ этими недостатками, положившими такой оттѣнокъ фразерства и напыщенности и на всю почти французскую литературу, у Виктора Гюго, какъ и у другихъ лучшихъ представителей его народа, мы видимъ тотъ благородный энтузіазмъ,

способный на безкорыстные жертвы, съ какимъ Франція служила великимъ интересамъ человѣчества, великимъ цѣлямъ будущаго, забывая въ своемъ горячемъ воодушевленіи о своихъ собственныхъ, насущныхъ интересахъ. Съ точки зрѣнія экономической этотъ энтузіазмъ, пожалуй, тоже долженъ быть причисленъ къ разряду недостатковъ, а не достоинствъ. Но у насъ свое убѣжденіе. Мы позволяемъ себѣ, вопреки громкимъ фразамъ героевъ кредита и торговаго баланса (эти практическіе мужи тоже приходятъ въ павосъ, когда дѣло идетъ объ ихъ милыхъ грошахъ), мы позволяемъ себѣ думать, что именно этотъ энтузіазмъ подвигаетъ людей къ лучшему будущему, а не бухгалтерскія выкладки. Съ этой спокойной, конторской точки зрѣнія, кажется, чего бы желать въ настоящую минуту Франціи? Разумѣется, представляются нѣкоторые недостатки; но они сами собою сгладятся исподволь, постепенно. Постепенность! это вѣчный лозунгъ сихъ ученыхъ рыцарей рутинны. Постепенность въ прогрессѣ, сдержанный, обдуманый ходъ! Безъ этого нѣтъ прочныхъ пріобрѣтеній, рѣшительныхъ завоеваній. Другими словами это значить: не трогай моего кармана! не мѣшай моему эгоистическому спокойствію! Гдѣ же это торжество экономической послѣдовательности, разумнаго разчета? Гдѣ эти блага, принесенныя имъ въ даръ человѣчеству? Исторія показываетъ намъ, что эта послѣдовательность, этотъ разумный разчетъ умѣли только охранять свой собственный мирный сонъ да свои собственные интересы. Съ такою задачей, которой хотѣли во что бы то ни стало добиться, оставалось пожертвовать выгодами большинства жадности меньшинства. Такъ и сдѣлали. Ненавистный энтузіазмъ, этотъ врагъ всякаго порядка, не поддавась однакожъ усыпительному вліянію разумныхъ строителей всеобщаго спокойствія, и безпрестанно напоминалъ о себѣ своею непослѣдовательностью. Крупными явленіями этой непослѣдовательности были реформація, государственный переворотъ во Франціи; а сколько было мелкихъ, не столь рѣшительныхъ! Если намъ докажутъ, что эти явленія не были твердыми и прямыми шагами впередъ по пути прогресса, что противоположная теорія мирнаго развитія и постепеннаго совершенствованія сдѣлала что-нибудь, кромѣ угнетенія массъ ради мнимаго «порядка», кромѣ постоянныхъ помѣхъ всеобщему развитію, мы поникнемъ повинною головой и постараемся потушить въ себѣ этотъ анти-общественный энтузіазмъ, который въ ослабленіи своемъ привычки считать задаткомъ лучшей судьбы, ожидающей человѣчество.

Такой энтузіазмъ мы дорого цѣнимъ въ Викторѣ Гюго. Первая книга стихотвореній, изданная имъ съ тѣхъ поръ, какъ онъ простился съ Франціей и поселился въ изгнаніи, особенно полна этою пламенной силой. Не смотря на удачныя драматическія и эпическія попытки, Викторъ Гюго все-таки поэтъ по преимуществу лирической. Когда онъ говоритъ отъ своего лица, когда выражаетъ то, что наболѣло и накипѣло у него на душѣ, или дѣлится своею тихою грустью, даже своими кроткими и мирными чувствами, онъ достигаетъ часто высокой поэзіи. Какъ же скоро въ немъ слабѣетъ этотъ живой источникъ вдохновенія, онъ впадаетъ въ рефлексію, въ многословіе, лишеныя силы, и на помощь ему, за недостаткомъ искреннихъ словъ, являются холодныя фразы. Безъ такихъ фразъ не обходится ни одного тома стиховъ Гюго; но за то не было ни одного, гдѣ бы мы не встрѣтили истиннаго и глубокаго лиризма.

Сборникъ «*les Contemplations*», вышедшій года за три до «*Легенды Вѣковъ*», богатъ прекрасными стихотвореніями, и критики неправы, говоря, что Викторъ Гюго этою книгой не прибавилъ ничего къ своей славѣ. Къ славѣ — пожалуй; но сколько новыхъ, свѣжихъ и прелестныхъ пѣсенъ прибавлено къ пышному поэтическому букету прежнихъ стихотвореній, къ «*Orientales*», къ «*Feuilles d'automne*»! Нѣкоторыхъ пьесъ изъ «*Созерцаній*» нельзя позабыть, прочитавши ихъ только разъ.

Хоть бы, напримѣръ, эта чудная страница изъ поэмы любви, заключающая сама въ себѣ цѣлую, полную идиллической прелести поэму... эти слова изъ мрака кабинета, обращенныя любящей женщиной къ любимому человѣку, наклоненному надъ озаренной лампой бумагой!

«Она говорила: Да! я не права, желая лучшаго; и такъ время прошло очень пріятно; вы тутъ; мои глаза не покидаютъ вашихъ глазъ, въ которыхъ я вижу, какъ приходятъ и уходятъ ваши мысли.

«Видѣть васъ — счастье; оно не вполне принадлежитъ мнѣ. Разумѣется, и такъ сколько отрады! Я не сплю, потому-что знаю все, что вамъ не по душѣ; стерегу, чтобы кто непрошенный не отворилъ двери;

«Я прижимаюсь въ уголокъ около васъ; вы — мой левъ, я — ваша горлица; я слышу тихій и спокойный шумъ вашей бумаги; порой поднимаю вамъ упавшее перо;

«Разумѣется, вы — мой; конечно, я васъ вижу. Мысль, какъ вино, опяняетъ мечтателей, — я это знаю; а все-таки мнѣ хо-

тѣлось бы, чтобы обо мнѣ подумали. Когда вы погружены такъ цѣлый вечеръ въ свои книги,

«Не поднимаете головы и не говорите мнѣ ни слова, тѣнь лежитъ во глубинѣ моего сердца, любящаго васъ; и чтобы я васъ вполне видѣла, надо и вамъ отъ времени до времени взглянуть на меня немножко.»

Но граціи стиха, прелести и простоты выраженія нельзя узнать изъ этого перевода. Надо прочесть стихотвореніе въ подлинникѣ.

•Elle disait : c'est vrai, j'ai tort de vouloir mieux ;
Les heures sont ainsi très-doucement passées ;
Vous êtes là ; mes yeux ne quittent pas vos yeux,
Où je regarde aller et venir vos pensées.

Vous voir est un bonheur ; je ne l'ai pas complet.
Sans doute, c'est encor bien charmant de la sorte !
Je veille, car je sais tout ce qui vous déplaît,
A ce que nul fâcheux ne vienne ouvrir la porte ;

Je me fais bien petite, en mon coin, près de vous ;
Vous êtes mon lion, je suis votre colombe ;
J'entends de vos papiers le bruit paisible et doux ;
Je ramasse parfois votre plume qui tombe ;

Sans doute, je vous ai ; sans doute, je vous voi.
La pensée est un vin dont les rêveurs sont ivres,
Je le sais ; mais, pourtant, je veux qu'on songe à moi.
Quand vous êtes ainsi tout un soir dans vos livres,

Sans relever la tête et sans me dire un mot,
Une ombre reste au fond de mon coeur qui vous aime ;
Et, pour que je vous voie entièrement, il faut
Me regarder un peu, de temps en temps, vous-même.

Иностраннѣй читатель замѣтитъ, можетъ быть, въ этой пьесѣ два изысканныхъ стиха (второй въ третьемъ куплетѣ, и второй же въ четвертомъ); но французу они вовсе не покажутся изысканными. Вообще, читая французскихъ поэтовъ, не надо забывать, что метафоричность составляетъ одну изъ существенныхъ чертъ въ самомъ характерѣ французскаго языка. Шекспировскія метафоры нисколько не покажутся странными даже неприготовленному французскому читателю. Другая черта французскаго языка, дѣйствующая на насъ тоже не совсѣмъ пріятно, это недостатокъ въ немъ сжатости. Сила выраженія не зависитъ въ немъ отъ краткости. Достаточно развернуть любой изъ

лучшихъ французскихъ переводовъ какого нибудь римскаго или греческаго классика, и сравнить его съ подлинникомъ, чтобы увидать, какъ много нужно французу словъ для передачи самой сжато латинской или греческой фразы. Правда, древніе языки особенно отличаются своею точностью и краткостью; но таково же отношеніе французскаго языка и къ англійскому, и къ нѣмецкому, и къ русскому.

Въ «Созерданіяхъ» нельзя не удивляться юношеской свѣжести многихъ стихотвореній, зная возрастъ Виктора Гюго; но цифры годовъ, выставленныя подѣ болѣею ихъ частью, объясняютъ это качество. Не всѣ пьесы въ книгѣ написаны одновременно, именно въ послѣдніе годы; многія относятся къ порѣ цвѣта и первой возмужалости поэта. «Двадцать пять лѣтъ заключены въ этихъ двухъ томахъ», говоритъ Гюго въ предисловіи. «Grande mortalitatis aevi spatium. Книга эта, можно сказать, сама собою сложилась въ авторѣ. Жизнь, просачиваясь капля за каплей посреди событій и страданій, оставила ее какъ осадокъ въ его сердцѣ.» — «Тутъ всѣ впечатлѣнія», продолжаетъ Гюго нѣсколько дальше: «всѣ воспоминанія, всѣ дѣйствительныя явленія, всѣ смутныя, свѣтлыя и мрачныя призраки, какіе могутъ выѣститься въ душѣ; они созваны тутъ, лучъ за лучомъ, вздохъ за вздохомъ, и сливаются въ одно густое облако. Это жизнь человѣческая, начинающаяся загадкой колыбели и кончающаяся загадкою гроба; это духъ, идущій отъ свѣта къ свѣту, оставляющій за собою молодость, любовь, заблужденія, борьбу, отчаяніе, и останавливающійся на грани безконечнаго. Сначала улыбка, потомъ стонъ, а въ концѣ вопль изъ бездны. — Въ этой книгѣ день за днемъ записана цѣлая судьба. — Значить, это жизнь одного человѣка? Да, но и жизнь другихъ людей. Никто изъ насъ не имѣетъ счастья жить только собою. Моя жизнь — ваша, ваша жизнь — моя, вы переживаете то же, что я; судьба у насъ одна. Такъ возьмите же это зеркало, и поглядитесь въ него. Часто слышатся жалобы на писателей, что они говорятъ о себѣ. Говорите намъ объ насъ! просать ихъ. Увы! когда я говорю вамъ о себѣ, я говорю вамъ о васъ. Какъ вы этого не чувствуете?... Въ этой книгѣ, повторяю, отражается столько же читатель, сколько и авторъ. *Ното sum*. Быть въ тревогѣ, въ шумѣ заботъ, мечтать, бороться, наслаждаться, трудиться, страдать, молчать; отдыхать послѣ жертвы и созерцать Бога; начать жизнь въ толпѣ, кончить ее въ уединеніи; развѣ это не исторія каждаго, съ болѣе или менѣе частными оттѣнками?»

Въ этихъ немногихъ строкахъ Викторъ Гюго опредѣлилъ очень вѣрно задачу или, лучше сказать, значеніе лирическаго поэта? Надо только, чтобы поэтъ черпалъ содержаніе своихъ произведеній изъ глубины своей собственной жизни, своего собственного опыта. Только неумытная правда сдѣлаетъ ихъ художественнымъ достояніемъ каждаго; только при полной искренности поэта узнаетъ читатель въ его страданіяхъ свои собственные страданія, въ его радостяхъ — свои собственные радости, и переживетъ съ нимъ свою собственную жизнь. Стоять воображенію поэта бросить немножко невѣрный свѣтъ на чувства, волнующія его сердце, и выраженіе ихъ незамѣтнымъ образомъ утрачиваетъ свою правдивость, а съ нею и вліяніе на читателя.

Общій характеръ «Созерцаній» составляетъ именно эта правда, о которой мы говоримъ. Въ нихъ, конечно, есть много страницъ вялыхъ и холодныхъ; но рѣдкая страница не искренна. Повторяя въ стихотворномъ разсказѣ жизнь поэта отъ первыхъ радостей его до послѣднихъ разочарованій, вы переживаете многое изъ своей собственной жизни, какъ этого хотѣлъ онъ.

На всѣхъ почти стихотвореніяхъ лежитъ печать кроткой и мечтательной меланхолии, невольно сообщаемойся и читателю. Даже въ словахъ ясной первой любви звучитъ для чуткаго слуха струна тайной грусти.

«Mes vers fuiraient, doux et frères,
Vers votre jardin si beau,
Si mes vers avaient des ailes,
Des ailes comme l'oiseau.

Ils voleraient, étincelles,
Vers votre foyer qui rit,
Si mes vers avaient des ailes,
Des ailes comme l'esprit.

Près de vous, purs et fidèles,
Ils accourraient nuit et jour,
Si mes vers avaient des ailes,
Des ailes comme l'amour.»

То есть: «Стихи мои, нѣжные и робкіе, понеслись бы въ твой пышный садъ, если бъ были у стиховъ моихъ крылья — крылья, какъ у птицы.

«Они порхнули бы искорками къ твоему веселому очагу, если бъ были у стиховъ моихъ крылья — крылья, какъ у духа.

«Къ тебѣ, чистые и вѣрные, доносились бы они днемъ и ночью, если бѣ были у стиховъ моихъ крылья — крылья, какъ у любви.»

Надо быть слишкомъ глухимъ, чтобы не подмѣтить въ этой почти игривой по мотиву пѣсенкѣ слѣда все той же потаенной отравы, которою поражено сердце каждаго человѣка нашего времени. Мы не умѣемъ пѣть и о любви такихъ веселыхъ, свѣтлыхъ пѣсенъ, какія пѣлъ Анакреонъ. Поэзія наша — красавица, улыбающаяся сквозь слезы. Есть, правда, веселыя пѣсни у Беранже; но эти-то именно пѣсни у него и чужія поэзіи. Надо исключительное настроеніе, чтобы найти въ нихъ красоту. Да и есть ли какая-нибудь красота въ *Fretillon*, въ *la Mère aveugle* и т. под. пьесахъ, и зналъ ли бы кто имя Беранже, кромѣ французскихъ студентовъ, если бѣ у него не было меланхолическихъ пѣсенъ въ родѣ: *les Etoiles qui filent*?

Другой источникъ вдохновенія современнаго поэта, это негодованіе на дикія судьбы нашего общества, смѣняющее подчасъ грусть, порожденную тѣмъ же печальнымъ хаосомъ, окружающимъ насъ. Негодованіе Виктора Гюго прорывалось порой сквозь грустные звуки и въ его «*Contemplations*», но высшаго выраженія своего достигло оно въ книгѣ «*Chatiments*», которую по бичующей силѣ негодованія мы ставимъ наравнѣ съ сатирами Ювенала. Виѣстъ съ гнѣвомъ, который раздѣляютъ съ Викторомъ Гюго всѣ благородныя сердца нашего вѣка, книга его полна и тѣхъ смутныхъ чаяній лучшаго будущаго, которыми живутъ эти сердца, но которымъ еще не нашлось опредѣленной формулы.

Судьба лучшихъ людей нашего печальнаго переходнаго времени темна и безрадостна. Разочарованные въ прочности настоящаго порядка вещей, пылко желающіе много строя для общества, они въ то же время теряются въ догадкахъ, въ предположеніяхъ, какъ создастся новый порядокъ. Самыя гениальныя теоріи будущаго находятъ себѣ противорѣчіе въ сердцахъ; смутныя предчувствія идутъ дальше всѣхъ проектовъ, и едва ли правда не на ихъ сторонѣ. Жизнь сдѣлаетъ свое дѣло по своему, какія ни строй ей системы, какое ни старайся дать ей направленіе. Это смѣлая и до-сихъ-поръ, не смотря на всѣ горькія усилія наши обуздать ее, непокорная намъ сила. Наши свѣтлыя гипотезы можетъ быть и оправдаетъ будущее; но какъ и въ какой мѣрѣ, это недоступно ни нашему знанію, ни нашему чувству. Отъ словъ нашей пытливей науки, отъ воплей нашей вѣч-

но рвущейся вдаль поэзии можетъ быть и содрагается нерожденное еще будущее; но приметъ ли оно тотъ видъ, о которомъ мечтаетъ и наука, и поэзія, кто дастъ на это отвѣтъ?

Викторъ Гюго поэтъ вполне современный намъ по своимъ страданіямъ и стремленіямъ, по своимъ вѣрованіямъ и убѣжденіямъ. Онъ служитъ тому искусству, про которое самъ говорить:

«Peuple esclave, il te fait libre,
Peuple libre, il te fait grand!»

То есть: «Народъ рабскій, оно дѣлаетъ тебя свободнымъ; народъ свободный, оно дѣлаетъ тебя великимъ».

Политическая дѣятельность Виктора Гюго доказываетъ вполне искренность его поэзіи. Мы не станемъ повторять ее въ подробности, и замѣтимъ только, что напрасно нѣкоторые обвиняютъ поэта въ измѣнчивости убѣждений, вспоминая его монархизмъ въ молодости. Достаточно прослѣдить произведенія Гюго въ хронологической послѣдовательности, чтобы видѣть, какъ постепенно совершился переворотъ въ образѣ мыслей автора. Это не измѣнчивость, а развитіе. Только люди, неспособные идти вдаль, неспособные совершенствоваться, останавливаются на одной точкѣ и могутъ хвалиться своею твердостью и непоколебимостью. Умѣй твердо стоять, да умѣй и идти!

Въ новой книгѣ Виктора Гюго нѣтъ, къ сожалѣнію, того пламеннаго негодованія, какъ въ «*Chatiments*»; нѣтъ въ ней даже и того грустнаго тона, которымъ мы характеризовали новую поэзію. О планѣ и задачѣ «*Легенды Вѣковъ*» читатель ужъ знаетъ. Прослѣдимъ теперь ее содержаніе.

Прежде всего останавливаетъ вниманіе и сочувствіе всякого, развертывающаго книгу, посвященіе. *Sine me, liber, ibis in urbem!* Не разъ вѣроятно повторялъ эти слова Овидія французскій поэтъ изгнанникъ, приготавливая къ печати свое новое произведеніе. Онъ посвятилъ его *Франціи* слѣдующимъ прекраснымъ четверостишіемъ:

«Livre, qu'un vent t'emporte
En France où je suis né!
L'arbre déraciné
Donne sa feuille morte!»

То есть: «Книга, пусть умчитъ тебя вѣтромъ во Францію, гдѣ я родился! Вырванное съ корнемъ дерево шлетъ свой блеклый листь!»

За этимъ посвященіемъ слѣдуетъ самая «Легенда», эта *soi-disant* поэтическая лѣтопись міра, начинающаяся съ древняго Эдема и съ матери Евы и кончающаяся трубою послѣдняго суда.

Вся книга Виктора Гюго раздѣлена на небольшіе циклы, изъ которыхъ каждый обнимаетъ извѣстный моментъ исторіи. Первый названъ: «Отъ Евы до Иисуса», второй относится ко временамъ паденія римской имперіи, за тѣмъ слѣдуетъ Исламъ, средніе вѣка, крестовые походы, Италия, времена возрожденія, инквизиція, наконецъ семнадцатый вѣкъ, наше время (этотъ отдѣлъ называется *Maintenant*), наконецъ двадцатый вѣкъ... Но и этимъ не кончается лѣтопись Гюго; послѣдняя сцена его книги происходитъ внѣ времени (*hors des temps*).

II.

Поэзія Библіи и древнихъ восточныхъ преданій вдохновила Виктора Гюго на нѣсколько небольшихъ картинъ изъ первыхъ дней міра и изъ евангельской исторіи. При томъ планѣ, который предначерталъ себѣ поэтъ, слѣдовало пачать «Легенду Вѣковъ» съ первыхъ страницъ книги Бытія. Такъ и сдѣлалъ Викторъ Гюго.

Ослѣпительная заря зажигается надъ юнымъ, только-что созданнымъ міромъ; все одѣвается пламеннымъ свѣтомъ, и тѣнь и мрачный туманъ; золотымъ потокомъ разливаются лучи по сіяющей лазури. Въ блескѣ такого свѣтозарнаго дня не могло еще жить вражды: ягненокъ пасся съ волкомъ вмѣстѣ, рыканіе тигра было нѣжно.

Всѣ эти черты очень общи, и панорама, составленная изъ нихъ Викторомъ Гюго, очень блѣдна. При томъ вмѣсто образовъ мы встрѣчаемъ часто рефлексію, ничего не говорящую воображенію. «О угро утро! любовь!» — «Начало міра! дивный мигъ!» — «Дерево было благо; цвѣтокъ былъ добродѣтелю». — «Гора была молода, волна дѣвственна». — «Заря была взглядомъ изумленнаго солнца». — Эти общія мѣста не выкупаются изрѣдка попадающимися поэтическими стихами въ родѣ слѣдующихъ:

«Les vents et les rayons semaient de tels délires,
Que les forêts vibraient comme de grandes lyres...»

То есть: «Вѣтра и лучи трепетали такою страстью, что лѣса звучали какъ большія лиры».

По нашему мнѣнію, главную ошибку Виктора Гюго въ этой первой пьесѣ его книги (*le Sacre de la femme*) составляет не прямое пользованіе преданіемъ библейскимъ, а воссозданіе этого преданія чисто на основаніи своей собственной фантазіи. Яркость красокъ и цвѣтистость словъ только убавляютъ впечатлѣніе картинъ и описаній этого первобытнаго міра. Одна почти лѣтописная простота могла бы повторить въ насъ то чувство, какое неволью испытываешь при чтеніи такъ кратко, хотя и обстоятельно записанныхъ преданій народныхъ о первыхъ дняхъ вселенной. Въ нихъ вы видите тѣ космогоническія понятія, въ которыхъ воспитывался поэтъ или лѣтописецъ вмѣстѣ со всѣмъ своимъ народомъ или племенемъ; въ каждомъ словѣ его вы видите полную и глубокую вѣру въ то, что онъ рассказываетъ. Высокій поэтический тактъ Мильтона указалъ ему эту отличительную черту древнѣйшихъ преданій, и онъ, рисуя намъ рай, съ простотой и наивностью народной пѣсни обозначаетъ и географическое положеніе Эдема, и всѣ главныя черты самой мѣстности, рѣки, холмы и проч. Описывая растительность рая, онъ говоритъ о розахъ безъ шиповъ, о деревьяхъ, роняющихъ слезы благовоннаго бальзама, и т. п. Эти черты, не смотря на простоту свою и видимую обыкновенность, ярко рисуютъ намъ картину первобытнаго міра, какъ онъ представлялся воображенію младенчествующихъ народовъ, тогда какъ «цвѣтокъ, бывший добродѣтелемъ» и «дѣвственная волна» не говорятъ ничего никому. Самые, если можно такъ назвать, анахронизмы Мильтона придаютъ особенный характеръ правды его описанію. Такъ напримеръ, взятые отдѣльно, слѣдующіе стихи, съ Паномъ, Граціями и Орами, кажутся совершенно неумѣстными въ христіанской эпопее; а между тѣмъ эта, если хотѣте, необдуманность или несообразность сообщаетъ картинѣ именно то достоинство непринужденности и безыскусственности, которымъ мы такъ любимся въ народныхъ сказаніяхъ.

«The birds their quire apply; airs, vernal airs,
Breathing the smell of field and grove, attune
The trembling leaves, while universal Pan,
Knit with the Graces and the Hours in dance,
Let on the eternal Spring....»

То есть: «Птицы поютъ хоромъ; воздухъ, вешній воздухъ, дыша ароматомъ полей и луговъ, звучитъ музыкой въ трепетныхъ листьяхъ, и Панъ съ хороводомъ Оръ и Грацій даруетъ вѣчную весну.»

Такихъ несообразностей не найдете вы у Виктора Гюго. Онъ поэтъ новый; съ общимъ всѣмъ намъ страхомъ быть непоследовательными и прослыть недостаточно знающими, обѣгаетъ онъ самые поэтическіе образы, если они не новы, или несогласны съ историческою вѣрностью. Но какой же исторической вѣрности искать въ изображеніяхъ доисторическаго міра? Повторяемъ, въ подобныхъ изображеніяхъ поэтъ, по нашему мнѣнію, долженъ руководствоваться какъ можно болѣе древними преданіями, перенестись такъ сказать въ то младенческое время, когда человѣкъ въ каждомъ словѣ, въ каждой чертѣ этихъ преданій видѣлъ неопровержимую историческую правду. Никакія старанія, никакія успія нашей современной фантазіи не замѣнятъ этихъ наивныхъ представленій, такъ магически покоряющихъ наше воображеніе въ эпосѣ народномъ. Современная фантазія не можетъ вполне забыть современнаго состоянія знанія, и поневолѣ смѣшаетъ двѣ совершенно несоединимыя вещи: первобытную наивность и новое мудрованіе.

Въ числѣ пьесъ перваго отдѣла книги Гюго есть одно очень характеристическое въ этомъ отношеніи четверостишіе, которое мы и приводимъ. Оно называется: *Храмъ*.

«Moïse pour l'autel cherchait un statuaire ;
Dieu dit : «il en faut deux ;» et dans le sanctuaire
Conduisit Ooliab avec Béleseeel.
L'un sculptait l'idéal et l'autre le réel.»

То есть: «Моисей искалъ ваятеля для алтаря; Богъ сказалъ: «надо ихъ два;» и въ святилище ввелъ Эліава и Веселепла. Одинъ ваялъ идеальное, другой реальное.»

Эти четыре стиха лучше всего подтверждаютъ наше мнѣніе, что тогда только поэтъ нашего времени можетъ воспроизвести вѣрно и художественно эти давнія событія міра, когда совершенно отрѣшится отъ современнаго и перенесется во времена, пзвѣстныя намъ только по преданію.

Кто не знаетъ послѣднихъ главъ второй книги Моисеевой, гдѣ съ такими чудными подробностями описывается созданіе скинии и кивота завѣта? Къ чтенію этого описанія Викторъ Гюго приступилъ вѣроятно съ заданною себѣ мыслью найти въ немъ эстетическій вопросъ нашего времени; иначе трудно объяснить себѣ, какъ въ дѣлѣ Эліава и Веселепла увидалъ онъ именно то, чего въ немъ не было и въ поминѣ. Въ разсказѣ

библейскомъ даже не разграничены строго занятія двухъ этихъ богоизбранныхъ зодчихъ.

Съ такою произвольною преднамѣренностью притязанія поэтизировать намъ исторію человѣчества не могутъ возбудить въ насъ особеннаго довѣрія. То же искусственное отношеніе къ преданію, что замѣтили мы въ первой пьесѣ, отличаетъ и болшую часть историческихъ поэмъ Виктора Гюго. Какъ нарочито самымъ простымъ преданіямъ, которыя такъ могущественно дѣйствуютъ своею простотою на воображеніе, Викторъ Гюго придаетъ крайнюю изысканность. Слова: «стѣня и трясѣйся будешь на землѣ!» обращенныя къ Каину, заставили Гюго сдѣлать цѣлый разговоръ о мученіяхъ совѣсти братоубійцы. Съ перваго раза разговоръ этотъ дѣйствуетъ на васъ своею рѣзкостью; но перечтайте его въ другой разъ — и васъ поразитъ его мелодраматичность, часто почти граничащая со смѣшнымъ.

«Съ дѣтьми своими, покрытыми звѣриными кожами (разсказываетъ Гюго), блѣдный, косматый, бѣжалъ среди бури Каинъ отъ гнѣва Іеговы. Вечерѣло, когда мрачный странникъ достигъ подошвы горы среди широкой долины; усталая жена его и измученные сыновья сказали ему: Ляжемъ на землю и уснемъ. — Каинъ не спалъ и все думалъ у подножья горы. Поднявъ голову, во глубинѣ грозныхъ небесъ увидалъ онъ глазъ, широко раскрытый во мракѣ. Онъ пристально искалъ Каина въ тѣни. — Я еще слишкомъ близко! сказалъ Каинъ, затрепетавъ. — Онъ разбудилъ заснувшихъ сыновъ своихъ, утомленную жену, и, сумрачный, отправился дальше. Тридцать дней онъ шелъ и тридцать ночей. Онъ шелъ нѣмъ и блѣденъ, и дрожалъ отъ каждаго шума; онъ не смѣлъ оглянуться назадъ, не зналъ ни сна, ни покоя. И дошелъ онъ до берега морскаго въ странѣ, именовавшейся потомъ Ассуровой. — Остановимся тутъ (сказалъ онъ), ибо это мѣсто безопасно. Останемся здѣсь. Мы достигли предѣловъ міра. — И садясь, онъ увидѣлъ глазъ на томъ же мѣстѣ во глубинѣ пасмурнаго небосклона. И онъ затрепеталъ черною (?) дрожью. — Спрячьте меня! вскричалъ онъ. — И, приложивъ палецъ къ устамъ, всѣ сыновья его смотрѣли на трепетъ мрачнаго родича. Каинъ сказалъ Іовилу, отцу племенъ, кочующихъ по широкимъ пустынямъ въ мѣховыхъ шатрахъ: — Растяни съ этой стороны полотно шатра! — И вотъ явилась зыбкая стѣна. Когда же укрѣпили ее свинцомъ: — Ты ужъ ничего не видишь? спросила Селла, бѣлокурое дитя, дочь его сыновъ, нѣжная, какъ денница. И Каинъ отвѣчалъ: — Я все

еще вижу этотъ глазъ. — Иувагъ, отецъ тѣхъ, что проходятъ селеньями трубя въ трубы и стуча въ барабаны, вскричалъ: — Я сумѣю выстроить загородку. — И сдѣлазъ онъ мѣдную стѣну, и посадилъ за нею Каина. И Каинъ сказалъ: — Этотъ глазъ все-таки смотритъ на меня. — И сказалъ Енохъ: — Надо вывести твердыню, чтобы никто не смѣлъ приблизиться къ ней отъ страха. Построимъ городъ съ крѣпостью; построимъ городъ, и запремся въ немъ. — Тогда Фовель, праотецъ ковачей, построилъ городъ громадный и сверхъ-человѣческій (? surhumaine). Пока онъ работалъ, братья его гонялись въ долины за сыновьями Еноса и за дѣтьми Сива. И всѣмъ прохожимъ выкалывали они глаза; а вечеромъ пускали стрѣлы въ звѣзды. Гранитъ смѣнилъ полотняныя стѣны шатра. Камни укрѣпили желѣзными связями, и городъ казался адскимъ городомъ. Тѣнь башенъ омрачала окрестность; стѣнамъ придали толщину горъ. На воротахъ надписали: «Запрещается входъ Богу.» Когда они кончили работы, Каинъ помѣстился въ самомъ средоточіи города, въ каменной башнѣ. Онъ былъ мраченъ и дикъ. — Отецъ мой! исчезъ ли глазъ? спросила съ трепетомъ Селла. И Каинъ отвѣчалъ: — Нѣтъ, онъ все тутъ. — И сказалъ потомъ: Я хочу поселиться подъ землею, одиноко, словно въ гробницѣ; ничто меня тогда не увидитъ, и я ничего не увижу. — И сдѣлали яму, и Каинъ сказалъ: — Хорошо! — Потомъ онъ сошелъ одинъ подъ этотъ темный сводъ. Когда онъ сѣлъ тамъ въ тѣни, и надъ головою его замкнули сводъ подземелья, глазъ видѣлся и въ могилѣ и смотрѣлъ на Каина.»

Это стихотвореніе представляется намъ переложенною въ стихи притчею Крумахера, дидактическаго нѣмецкаго писателя, который точно такъ же прискивалъ для своихъ нравственныхъ идеекъ лица изъ Библии и изъ древнихъ преданій, и сочинялъ маленькіе рассказы на темы, вродѣ взятой Викторомъ Гюго, и право нисколько не хуже его, ужъ хоть бы и потому, что онъ писалъ прозой, а не стихами. Очень можетъ быть, что большинство читателей и не слыхало никогда о Крумахерѣ и его притчахъ. Ужъ изъ того, что по поводу Виктора Гюго мы вспомнили о немъ, видно, какъ много натяутаго дидактизма во французскомъ поэтѣ. Въ приведенной нами пьесѣ, которая, словно въ подтвержденіе своего искусственно-дидактическаго происхожденія, именуется «Совѣстью», въ этой пьесѣ на каждомъ шагу поражаютъ преувеличенія, эффекты, напыщенность и старанія явиться оригинальнымъ. Но оригинальности-то именно

въ ней и нѣтъ. Она какъ будто написана ученикомъ реторики и пѣттики на тему, заданную учителемъ.

Такова же другая аллегорическая пьеса въ первомъ отдѣлѣ, въ которой Гюго пересказываетъ легенду о томъ, какъ духъ зла изъ самыхъ красивыхъ членовъ, взятыхъ порознь у каждаго животнаго, сумѣлъ создать только безобразную стрекозу, а Богъ изъ безобразнаго паука создалъ солнце. Пересказанная во всей голый простотѣ своей, легенда имѣла бы смыслъ; но въ эфатическомъ разказѣ Гюго она вышла смѣшна и негѣпа.

Вообще нерѣдко поражаетъ у Гюго читателя отсутствіе вкуса и художническаго такта, хотя въ другихъ мѣстахъ вы видите въ немъ истиннаго художника. Главная вина этого недостатка, по нашему мнѣнію, заключается почти всегда въ дидактической задачѣ, положенной въ основу произведенію, задачѣ, произвольно избранной, а не непосредственно, можно сказать непронзвольно возникшей въ самой натурѣ поэта. Только исходящій изъ такого согласія съ натурой поэта дидактизмъ можетъ облечься въ художественную форму, а стало быть и дѣйствовать.

Wenn ihr 's nicht fühlt, ihr werdet's nicht erjagen,
Wenn es nicht aus der Seele dringt,
Und mit urkräftigem Behagen
Die Herzen aller Hörer zwingt.

.....
Bewund'rung von Kindern und Affen,
Wenn euch darnach der Gaumen steht;
Doch werdet ihr nie Herz zu Herzen schaffen,
Wenn es euch nicht von Herzen geht *).

Эти слова Фауста Вагнеру не мѣшало бы постоянно помнить поетамъ, чтобы не понадать изъ области поэзіи въ область схоластики и педантизма.

То, что мы сказали о нѣкоторыхъ отдѣльных частяхъ книги Виктора Гюго, можно повторить и о всей книгѣ вообще. Намъ кажется, и тутъ повредила поэту задача, назначенная имъ себѣ произвольно и, надо правду сказать, не по силамъ.

*) Чего не чувствуешь, того не добудешь; только то, что рвется у тебя изъ души, можетъ могучею властью покорить сердца всѣхъ слушателей..... Ты дождешься удивленія отъ дѣтей и обезьянъ, если тебѣ этого хочется; но никогда не покорить тебѣ сердцемъ сердца, если слово твое не отъ сердца.

Мы бы поняли намѣреніе представить намъ поэтическую исторію человѣчества въ народныхъ пѣсняхъ и сказаніяхъ, искусно выбранныхъ, сгруппированныхъ и переведенныхъ, или даже въ наиболѣе характеристическихъ произведеніяхъ поэтовъ всѣхъ временъ и народовъ. Но мы не знаемъ такого поэта, въ способности котораго не усомнились бы, еслибы онъ предъявилъ намъ намѣреніе свое возсоздать художественно всѣ знаменательныя, наиболѣе яркія явленія всемірной исторіи. Тѣмъ болѣе усомнились мы въ способности на такой подвигъ Виктора Гюго, поэта безспорно очень даровитаго, но по преимуществу, какъ мы сказали выше, лирическаго, достигавшаго художественной высоты почти исключительно въ числѣ субъективныхъ своихъ произведеніяхъ.

Въ предисловіи своемъ Викторъ Гюго говоритъ, что книга его, не смотря на видимую отрывочность, представляетъ нѣчто цѣлое. Признаемся, этой цѣлости мы въ ней не видимъ. Выборъ фактовъ изъ исторіи такъ произволенъ, и они такъ мало другъ съ другомъ гармонируютъ, что цѣль автора, высказанная имъ въ предисловіи, вовсе не достигается. Передъ читателемъ рядъ рассказовъ, болѣе или менѣе неудачныхъ, заимствованныхъ изъ болѣе или менѣе вѣрныхъ и живыхъ источниковъ, — и только: чтобы прослѣдить въ этихъ рассказахъ связующую ихъ нить, надо такое же напряженное воображеніе, какъ для того, чтобы открыть связь между новыми эстетическими теоріями и работою Эліава и Веселенла.

Въ первомъ отдѣлѣ, за созданіемъ Евы, за Каиномъ, за легендою о стрекозѣ и паукѣ, слѣдуетъ исторія Данила во рву со львами, въ которой львы говорятъ очень звучные монологи о красотахъ природы; потомъ четверостишіе о зодчихъ Моисея, потомъ сцена изъ книги Руоъ, видѣніе Валаама и наконецъ воскресеніе Лазаря. Никто, разумѣется, не назоветъ черты, взятыя Гюго изъ библейской исторіи, наиболѣе характеристическими ея чертами. Приемъ и во всѣхъ остальныхъ пьесахъ тотъ же, что въ приведенныхъ нами. Только въ «Воскресеніи Лазаря» (*Première rencontre du Christ avec le tombeau*) менѣе изысканности и замѣтно стараніе сохранить простоту евангельскаго рассказа.

Отъ библейскихъ временъ Викторъ Гюго переходитъ прямо ко времени упадка Рима; но тутъ ограничивается только одною пьесой, скучной и вялой (именно объ Андрокловомъ львѣ), кото-

рая вся какъ будто написана только для риторической фигуры въ концѣ:

«Et l'homme étant le monstre, ô lion, tu fus l'homme.»

То есть: «И въ то время, какъ человѣкъ былъ чудовищемъ, ты, левъ, былъ человѣкомъ».

Фигура эта, какъ видитъ читатель, вовсе не такъ драгоцѣнна, чтобъ изъ-за нея примириться съ цѣлою пьесой. Правда, она заняла бы почетное мѣсто въ риторикѣ, въ числѣ примѣровъ антитеза, и можетъ быть помрачила бы даже отчасти виргилиевское: «flectere si nequeo superos acheronta movebo!» Но вѣдь въ наше время ужъ не пишутъ новыхъ риторикъ, и антитезисъ Гюго пропадетъ даромъ.

Такъ же слабъ и полонъ витійства отдѣлъ: «Исламъ». Чѣмъ далѣе идете вы въ книгѣ Гюго, тѣмъ болѣе и болѣе утомляетъ васъ однообразіе тона. Лучшими мѣстами книги намъ кажутся передѣлки изъ пѣсни о Роландѣ, хотя и здѣсь пріятнѣе было бы видѣть болѣшую близость къ знаменитому тексту. По поводу того, какъ слѣдуетъ воссоздавать старыя преданія поэту нашего времени, нельзя не вспомнить прелестной легенды Теннисона о графинѣ Годивѣ, легенды, которая считается классическимъ произведеніемъ въ англійской литературѣ. Въ ней такое полное отсутствіе всякихъ искусственныхъ приемовъ, такая естественная послѣдовательность разсказа, что, и переведенная въ прозѣ, она почти не утрачиваетъ своей удивительной красоты и граціи. Это большая похвала; потому что только произведенія народной поэзіи выдерживаютъ такое испытаніе. Прозаическій переводъ такихъ произведеній указываетъ обыкновенно на всѣ лучшія черты, на всѣ удачнѣйшіе мотивы подлинника; тогда какъ попробуйте перевести въ прозу стихи искусственные, вы въ переводѣ увидите только недостатки подлинника, и самыя достоинства его поблѣднѣютъ среди недостатковъ. Значитъ, только музыкальность языка, рима, размѣръ спасаютъ еще ихъ отъ совершеннаго невниманія.

Такое именно чувство недовольства испытываешь, стараясь передать въ прозѣ стихи Виктора Гюго. На каждомъ шагу встрѣчаете вы лишнія вставки, ненужныя распространенія, бесполезныя, потому что неопредѣленные или ужъ черезъ-чуръ преувеличенные эпитеты. Даже лучшія стихотворенія въ «Легендѣ Вѣковъ» страдаютъ этими недостатками; хоть бы даже и поманутые разсказы изъ Роландовой пѣсни: *Le Mariage de Roland*

и Aumerillot. Переведите слово въ слово испанское романсеро, сербскія пѣсни и самое подлинную пѣсню о Роландѣ, читатель, совершенно незнакомый съ подлинникомъ, почувствуетъ желаніе познакомиться съ самою внѣшней его формой. Совсѣмъ иное дѣло такія поэмы, какъ у Виктора Гюго. Въ прозаическомъ переводѣ онѣ являются какъ бы отрывкомъ изъ посредственнаго романа и подчасъ даже просто изъ бойкаго фельетона, и нѣтъ никакой охоты знакомиться съ подлинникомъ; заранѣе уже знаешь, что новаго въ немъ ничего не найдешь, кромѣ гладкихъ и пѣвучихъ стиховъ, да богатыхъ, звучныхъ рѣемъ. Примѣра, кажется, нечего уже приводить послѣ помѣщеннаго выше перевода разсказа о Каннѣ. Повторяемъ, именно таковъ, въ бѣльшей или меньшей степени, характеръ всего сборника Гюго.

Мы уже сказали, что выборъ фактовъ изъ исторіи не всегда характеристиченъ и большею частью произволенъ. Къ этому надо прибавить, что нѣтъ никакой соразмѣрности и въ частяхъ. Посвятивъ древнему міру одно небольшое стихотвореніе, Гюго занимаетъ чуть не половину перваго тома длинными и скучными исторіями: *le Petit Roi de Galice* и *Eviradus*. Въ первой страницѣ на сорока повѣствуется, какъ десять астурійскихъ инфантовъ увезли тайкомъ маленькаго короля изъ Компостеллы, чтобы лишить его престола, и въ то время, какъ они разсуждали, убить ли его, или заключить въ монастырь, явился могучій Роландъ, далъ своего коня королю, и онъ ускакалъ обратно въ свою столицу, а странствующій рыцарь раздѣлялся тѣмъ временемъ съ злоумышленниками; расправа у него была коротка: онъ перебилъ и инфантовъ, и бывший съ ними отрядъ во сто слишкомъ человекъ, кромѣ одного труса, бѣжавшаго во время свалки. Кажется, изъ всего этого трудно создать что-нибудь, кромѣ небольшой баллады во вкусѣ балладъ Уланда; но Виктору Гюго сюжетъ показался достойнымъ болѣе широкаго развитія. Читателю отъ этого, разумѣется, не легче. Можетъ быть оттого, что трудно въ подобномъ сюжетѣ чѣмъ-нибудь воодушевиться, поэтъ разсказываетъ вяло, съ сухими, не поэтическими подробностями, и наводитъ то зѣвоту, то досаду. Кажется, будто онъ на зло вамъ старается сдѣлать изъ одной строки двадцать строкъ, изъ одной страницы двадцать страницъ. Вы готовы даже заподозрить автора, что поэма вышла такъ длинна вслѣдствіе тѣхъ нелитературныхъ соображеній, которыя превращаютъ въ рукахъ у книгопродавцевъ одинъ томъ въ два и три тома. Это книгопродавческое искусство, изъ короткаго дѣлать длинное, усвоено мно-

гими французскими писателями (англичане очень мѣтко называютъ это book-making, книгодѣіе); но, признаемся, намъ очень грустно видѣть даже и тѣнь этого искусства у такого уважаемаго нами писателя, какъ Викторъ Гюго. Не больше, какъ на коротенькую балладу, содержанія и въ «Эвираднѣ», второй поэмѣ изъ цикла «Странствующие Рыцари». Это исторія, напоминающая отчасти Ратклифъ. Дѣло въ томъ, что императоръ Сигизмундъ и король Владиславъ хотятъ погубить маркграфиню лауцицскую Матильду, для этого переодѣваются, ѣдутъ съ нею въ загородный замокъ, тамъ ужинаютъ въ загѣ, гдѣ вокругъ разставлены лошади и на нихъ брони покойныхъ предковъ маркграфини, и для лучшаго исполненія своего намѣренія даютъ ей какихъ-то сонныхъ капель. Матильда засыпаетъ, и собесѣдники несутъ ее къ подземелью, чтобъ бросить ее на глубокое дно пропасти, гдѣ она можетъ разбиться въ дребезги. Но въ эту минуту одна изъ броней оживаетъ, сходитъ съ коня, подходитъ къ злодѣямъ, и вмѣсто маркграфини бросаетъ ихъ самихъ въ пропасть, убивъ предварительно Владислава и пофехтовавъ имъ какъ легкою саблей съ Сигизмундомъ. Объясненіе этого сверхъ-естественнаго явленія очень просто; оно нисколько не таинственнѣе «Таинства Удольскаго замка. Эвираднѣ, одинъ изъ странствующихъ рыцарей, этихъ, по выраженію Гюго, могучихъ друзей угнетенныхъ слабыхъ, узнавъ объ умыслѣ на Матильду, забрался въ замокъ, снялъ съ одной изъ лошадей старую броню, и сѣлъ на лошадь самъ... Вотъ и все. И это рассказывается даже не на сорока, а ужъ на шестидесяти страницахъ. Нигдѣ не мелькаетъ во всѣхъ этихъ монотонныхъ александринскихъ стихахъ и искры поэзіи. Только разъ прорвалось въ двухъ-трехъ строкахъ то благородное негодованіе, которое заставляетъ насъ такъ высоко цѣнить «les Châtiments»; но тотчасъ же и погасло.

Мы рѣшительно не понимаемъ, что въ этихъ двухъ длинныхъ пьесахъ есть характеристическаго, чтобы дать имъ мѣсто въ проектированной Викторомъ Гюго поэтической исторіи человѣчества. Гюго, кажется, смутно чувствовалъ это самъ, также, какъ непомѣрную длину этихъ рассказовъ, и постарался пояснить ихъ значеніе въ предисловіи, а также и извиниться въ ихъ слишкомъ широкихъ размѣрахъ. Онъ говоритъ, что когда будутъ изданы всѣ части его громадной эпопеи, эти эпизоды не будутъ въ нихъ казаться черезъ-чуръ длинными. Самое значеніе ихъ объясняетъ онъ такъ: «Похищенія власти играютъ такую роль въ созданіи королевствъ въ средніе вѣка, и вступленіе на пре-

столь связывалось со столькими преступленіями, что автору казалось необходимымъ представить ихъ въ главныххъ трехъ видахъ въ трехъ драмахъ». Изъ этихъ трехъ драмъ о двухъ мы уже сказали; третья (*la Confiance du marquis Fabrice*) относится къ циклу: «Италія», и ничѣмъ не лучше исторій Эвградна и маленькаго галиційскаго короля. Неужто для такихъ, къ несчастію столь обычныхъ происшествій нужно было изобрѣтать такую сказочную, такую фантастическую обстановку? Любая средневѣковая хроника могла бы дать поэту и болѣе реальныя черты, и болѣе поэтическія картины.

Стихотворенія подъ рубрикой «Восточные Троны», которыми оканчивается первый томъ, представляютъ въ высшей степени жалкое и ничтожное явленіе. Въ нихъ замѣтно какое-то дѣтство какъ въ изобрѣтеніи, такъ и въ самой формѣ. Судите сами. Въ одной пьесѣ десять сфинксовъ, поддерживающихъ тронъ египетскаго царя Зим-Зизими, его же чаша и свѣтильникъ произносятъ по-очередно по монологу, напоминая счастливому владыкѣ, что, не смотря на его счастье, онъ будетъ жить не вѣчно, и непременно умретъ какъ всѣ смертныя. Всѣ эти монологи, часто занимающіе цѣлую страницу, развиваютъ свою тему такъ: «Царица Никотриса жила, казалась богиней, а умерла!» «Киръ или Камбизъ жили, казались богами, а умерли!» въ болѣе или менѣе цвѣтистыхъ, въ болѣе или менѣе длинныхъ стихахъ, съ риторикой ужасной. Послѣдній монологъ произноситъ подсвѣчникъ (у Виктора Гюго вообще страсть заставлять говорить въ своихъ поэмахъ, какъ въ басняхъ, всякую всячину); Зим-Зизими, разсердившись, сшибаетъ свѣтильникъ.

«La lampe s'éteignit. Alors la Nuit entra ;
Et Zim se trouva seul avec elle ; la salle,
Comme en une fumée obscure et colossale,
S'effaçait ; Zim tremblait, sans gardes, sans soutiens ;
La Nuit lui prit la main dans l'ombre, et lui dit : Viens.»

То есть: «Лампа погасла. Тогда вошла ночь; и Зимъ остался съ нею наединѣ; чертогъ померкъ словно въ мрачномъ и колоссальномъ (?) дыму; Зимъ трепеталъ, безъ стражи, безъ помощи; ночь взяла его во тьмѣ за руку, и сказала ему: пойдемъ!»

Другая пьеса, столь же напыщенная, еще страннѣе по содержанию. Она называется: *Султанъ Мурадъ*, и рассказываетъ сначала безчисленныя злодѣйства этого тирана, а потомъ единственный примѣръ его милосердія: что онъ отогналъ мухъ отъ

раны недорѣзаннаго поросенка около лавки мясника. До-сихъ-поръ дѣло идетъ еще туда-сюда; но вотъ что умильтельнѣе всего. Являются вѣсы правосудія, и передъ ними дѣла Мурада. Вся земля, обагрённая кровью, заваленная трупами, свидѣтельствуесть о его злодѣйствахъ, и только одинъ голосъ раздаесть въ его защиту — голосъ поросенка. Въ одной чашѣ вѣсовъ помѣстили мѣръ, въ другой поросенка, и поросенокъ перетянулъ.

«Dans un plateau le monde, et le porc dans l'autre.
Du côté du porc la balance pencha.»

И все это повѣствуется наисерьезнѣйшимъ тономъ; тѣмъ смѣшнѣе, разумѣется, читателю, и намъ оставалось бы похвалить автора, еслибъ онъ имѣлъ въ виду сочинить шуточную пѣсню или пародію для какого-нибудь веселаго журнальчика въ родѣ Figaro, Charivari и т. п. Но задача у Виктора Гюго была, какъ вы знаете, не такая ничтожная. Онъ взялся за то, на что не хватило бы Гомера.

Утомительно было бы слѣдить за Викторомъ Гюго до конца по всѣмъ поэмамъ, аллегоріямъ и фантазіямъ его книги. Мы рассмотрѣли довольно подробно содержаніе перваго тома, и на немъ остановимъ свое изложеніе. Намъ пришлось бы рассказать только сюжеты двухъ-трехъ столь же изысканныхъ повѣстей, какъ и тѣ, о коихъ говорилось выше въ нашей статьѣ; но ничего новаго не нашлось бы у насъ сказать объ общемъ впечатлѣніи, развѣ только, что дальнѣйшія повѣствованія еще менѣе характеристичны для заданной себѣ авторомъ цѣли, чѣмъ тѣ, о которыхъ уже говорено.

Съ нѣкоторой надеждой останавливася на отдѣлѣ, посвященномъ нашему времени (Maintenant); но и тутъ надежда эта обманута. Чтò скажетъ намъ о нашемъ времени рассказъ или, лучше сказать, басня о томъ, какъ дѣти безжалостно тиранили жабу, а осель, проходя мимо, обошелъ ее, чтобы не наступить на нее и не раздавить? Картины революціи, обѣщанныхъ въ предисловіи, въ самой книгѣ нѣтъ; движеніе къ реформѣ общественныхъ, а съ ними и семейныхъ отношеній, которому такъ сочувствуетъ поэтъ изгнанникъ, также не нашло отголоска въ «Легендѣ Вѣковъ». Аллегорическое изображеніе гибели стараго міра въ видѣ парохода Левіаѳана и возникновеніе новаго въ видѣ аэростата, холодно и ни въ одной строкѣ не проникнуто одушевленіемъ, съ которымъ мы привыкли встрѣчаться у Виктора Гюго, когда онъ строитъ свои отдаленныя благодѣныя утопіи.

Вообще вся книга, какъ уже видѣлъ читатель изъ нашего бѣлаго обзора, кажется намъ совершенно неудачной — неудачной по выбору предмета, неудачной и по исполненію. Викторъ Гюго взялся, во-первыхъ, не за свое дѣло: онъ рѣшительно не эпическій поэтъ, по крайней мѣрѣ въ стихахъ. Обработай онъ въ прозѣ такіе сюжеты, какъ «Эвираднъ», какъ «Маркизь Фабрицій», мы имѣли бы можетъ-быть нестройныя въ цѣломъ, но прекрасныя въ частностяхъ и рисующія вѣкъ произведенія въ родѣ «Notre Dame de Paris»; но въ стихотворной формѣ эпическое содержаніе всегда расплывается и подчасъ, можно сказать, улетучивается у Виктора Гюго. Во-вторыхъ, какъ было ужъ сказано, онъ взялся за дѣло не по силамъ ему и вообще какъ поэту.

Мы не приписываемъ неудачи послѣдней книги Гюго упадку въ немъ таланта; нѣтъ, мы думаемъ, что онъ еще не совсѣмъ, какъ говоритъ самъ въ посвященіи, вырванное съ корнемъ дерево, отъ котораго нечего ждать, кромѣ мертвыхъ листьевъ. Въ немъ течетъ еще живая струя любви къ родинѣ, и стоитъ ему начать высказывать эту любовь безъ всякихъ міровыхъ затѣй, онъ превратится опять въ истиннаго, благороднаго и высокаго поэта, и подаритъ намъ свѣжими и юными пѣснями. Такихъ именно пѣсень ждемъ мы отъ него, и сожалѣемъ, что онъ тратитъ свои еще бодрія силы на продолженіе такого страннаго, неудачнаго и, скажемъ даже, несовременнаго труда, какъ «Легенда Вѣковъ», къ которой въ pendant должны явиться еще двѣ такія же части съ громкими, но именно оттого и мало обѣщающими названіями: «la Fin de Satan» и «Dieu».

МИХ. МИХАЙЛОВЪ.

СОБРАНІЕ ГРЕЧЕСКИХЪ И РИМСКИХЪ ПИСАТЕЛЕЙ СЪ НѢМЦКИМЪ ПРИМѢЧАНІЯМИ, ИЗДАВАЕМОЕ ГГ. Гауптомъ и Зауппе.

Какъ направленіе и характеръ книгъ, чаще всего издаваемыхъ и наиболѣе читаемыхъ въ извѣстную эпоху, показываетъ потребности и направленіе общества того времени, такъ по руководствамъ, употребляемымъ въ училищахъ, можно сдѣлать заключеніе объ успѣхахъ и направленіи господствующей педагоги-

ки. Слѣдовательно, критика руководство съ тѣмъ вмѣстѣ, отчасти, и критика училищъ, пользующихся ими. По этому, надѣюсь, что представляемое мною указаніе на характеръ *«Изданій греческихъ и латинскихъ писателей съ нѣмецкими примѣчаніями, подъ редакціею и. Гаупта и Зауппе»*, не будетъ совершенно лишено занимательности, съ одной стороны, для преподавателей греческаго или латинскаго языка, которые могутъ воспользоваться этими изданіями, а съ другой, и для другихъ лицъ, которыя не прочь ознакомиться съ состояніемъ германскихъ гимназій въ послѣднее десятилѣтіе. Извѣстно, что греческій и латинскій языки считаются въ нихъ главными предметами; — потому, для ознакомленія съ этими училищами, слѣдуетъ, разумѣется, преимущественно обратить вниманіе на преподаваніе этихъ двухъ предметовъ.

Но разборъ этихъ изданій имѣетъ еще и другую цѣль. Онъ долженъ показать, какъ прійдется издавать и у насъ древнихъ авторовъ для гимназій, когда настанетъ тому пора. Пока эта статья только напомнитъ намъ, что въ этомъ отношеніи — мы еще ничего не сдѣлали.

I.

Г. Гауптъ, бывшій профессоръ при лейпцигскомъ университетѣ, нынѣ при берлинскомъ, и г. Зауппе, бывшій директоръ веймарской гимназій, нынѣ профессоръ при геттингенскомъ университетѣ, издали программу объ этихъ изданіяхъ въ 1848 году, въ годину политическихъ тревогъ и переворотовъ, когда для всѣхъ умовъ политическія событія стали на первый планъ, а всѣ прочія на второй или третій. Тогда, разумѣется, и педагогика, даже въ Германіи, должна была лишиться на время своего интереса. Пора эта, кажется, была невыгодна для появленія новаго собранія греческихъ и латинскихъ авторовъ. Такъ полагали и редакторы этого собранія. Однако они не унывали, — и послѣдствія оправдали ихъ вѣру въ успѣхъ дѣльнаго, общепользнаго предпріятія. Ни революціи, ни слѣдующая вслѣдъ за тѣмъ реакція не помѣшали этимъ изданіямъ; они пользуются теперь въ Германіи большимъ успѣхомъ; большинство сочиненій, входящихъ въ планъ этого собранія, уже изданы, а многія вышли даже вторымъ и третьимъ изданіемъ.

II.

Спрашивается, какія изданія древнихъ писателей употреблялись въ училищахъ до-тѣхъ-поръ?

Эти изданія заключали въ себѣ или одинъ текстъ или текстъ съ комментариемъ, латинскимъ или нѣмецкимъ. Одни учителя предпочитали одни изданія, другіе другія.

Естественно, что, чѣмъ менѣе комментаріи соотвѣтствовали своей цѣли, тѣмъ больше было число педагоговъ утверждавшихъ, что слѣдуетъ ученикамъ давать въ руки одинъ текстъ. Другіе, для опроверженія этого мнѣнія указывали на знаменитый фактъ, что именно самые лучшіе ученики, старательно приготовляющіеся къ классамъ и читающіе нѣкоторыя сочиненія древнихъ для себя, въ свободное отъ уроковъ время, болѣе всѣхъ желаютъ имѣть изданія съ комментариемъ. Явленіе очень понятное. Вѣдь не всѣ трудности, представляемыя классическими писателями, состоятъ въ языкѣ, также часто причина затрудненія — излагаемый ими предметъ и намеки на различныя событія и обычаи древнихъ народовъ, которыхъ ученикъ знать не можетъ, съ которыми именно онъ знакомится посредствомъ чтенія древнихъ авторовъ. Но и выраженія часто непонятны для ученика, даже знающаго порядочно свое грамматическое руководство и съискавшаго въ лексиконѣ слова. Вѣдь различныя выраженія также основаны на обычаяхъ древнихъ, безъ знакомства съ этими обычаями нѣтъ возможности понять такихъ оборотовъ. Въ такихъ случаяхъ ученику нисколько не поможетъ ни грамматика, ни словарь. По этимъ причинамъ, указаннымъ въ программѣ гг. Гаупта и Заупе, необходимо предпочесть употребленіе въ училищахъ изданій съ комментариемъ употребленію однихъ текстовъ. — Впрочемъ у насъ, по крайней мѣрѣ въ провинціальныхъ городахъ, хорошо бы было имѣть, для начала, хоть только исправные, но притомъ дешевые тексты классиковъ. Часто и того нѣтъ. Въ нѣкоторыхъ гимназіяхъ учителю приходится диктовать ученикамъ тѣ отрывки изъ древнихъ писателей, которые онъ хочетъ переводить съ ними.

Мы указали, что употребленіе одного текста въ училищахъ многіе предпочитали употребленію другихъ изданій, потому что встрѣчающіяся въ нихъ комментаріи не были сообразны съ цѣлью, которую должно бы было имѣть въ виду при составленіи ихъ. Въ чѣмъ же состоятъ и изъ чего происходятъ, по

нашему мѣнью, главные недостатки ббльшей части изданій съ примѣчаніями, выходявшихъ до 1848 года?

Въ ученикахъ, по крайней мѣрѣ, высшихъ классовъ гимназій, германскіе учителя слишкомъ часто виняты будущихъ филологовъ, они слишкомъ часто забываютъ, что преподаваніе *есть* предметовъ *во всѣхъ* школахъ, исключая специальныхъ, имѣетъ одну и ту же цѣль, развитіе душевныя способности учениковъ, — преподаватели стремятся часто болѣе къ тому, чтобы напичкать учениковъ ученостью, которой они переварить не въ состояніи, нежели къ тому, чтобы сдѣлать изъ нихъ образованныхъ людей *). Оттого и произошелъ нелѣпный обычай называть *гимназии* въ противоположность *реальнымъ школамъ*, *учеными* училищами (Gelehrtenschulen, Gelehrte Gymnasien); такъ что знаменитый нѣмецкій педагогъ *Магерь*, которому былъ противенъ столь несообразный обычай, называлъ училище, которымъ онъ управлялъ, *гимназіей безъ прилагательнаго* (Gymnasium ohne Adjectiv).

Не будь этого ложнаго понятія о цѣли преподаванія различныхъ предметовъ, то и преподаваніе латинскаго и греческаго языка приняло бы давно другой видъ, — и въ изданіяхъ древнихъ классиковъ, назначенныхъ для учениковъ, не являлись бы несообразныя, громадныя комментаріи, при чтеніи которыхъ ученикъ непремѣнно забудетъ текстъ. Впрочемъ, при составленіи этихъ изданій, кажется и издатели иногда совершенно теряли его изъ виду, комментаріи, въ которыхъ текстъ разсматривается и въ критическомъ и въ лексическомъ и въ синонимическомъ и въ грамматическомъ и (хотя рѣже, чѣмъ слѣдовало бы) въ историческомъ отношеніи, и въ которыхъ встрѣчается еще множество другихъ замѣчаній по поводу текста или по поводу какого-нибудь примѣчанія къ тексту. Понятно, что ученикъ, въ ббльшей части случаевъ, не станетъ и читать ихъ; и кто станетъ его

*) И у насъ большинство учителей грѣшитъ въ этомъ отношеніи. Впрочемъ, родители и публика вообще раздѣляютъ съ ними это ложное пониманіе цѣли преподаванія различныхъ предметовъ. Вотъ причина того жалкаго явленія, что у насъ среднія казенныя училища имѣютъ громадныя программы, которыхъ, разумѣется, ни одно выполнить не можетъ. По этой же самой причинѣ и большая часть частныхъ училищъ и пансіоновъ, по крайней мѣрѣ въ Петербургѣ, вводятъ въ программы свои всевозможныя нужные и ненужныя предметы и все болѣе расширяютъ объемъ, въ которомъ они преподаются, — и въ этомъ отношеніи, къ сожалѣнію, часто только соревнуютъ другъ съ другомъ.

винить въ этомъ? Но, въ такомъ случаѣ спрашивается, къ чему же составлять такіе комментаріи? На это многіе издатели отвѣтятъ, что эти примѣчанія назначены не только для ученика, но и для учителя-филолога *). Разумѣется, филологу могутъ пригодиться самыя различныя примѣчанія къ древнимъ писателямъ. Для него, и самъ авторъ въ своей цѣлости, его характеръ, т. е., нравственное, научное, эстетическое направленіе, самъ авторъ, какъ представитель извѣстнаго вѣка и направленія составляетъ цѣль изученія; а съ другой стороны, сочиненіе того же писателя служить и источникомъ для изученія древности и въ отношеніи языка и въ отношеніи политической исторіи, археологій и т. д. Притомъ же, филологъ можетъ пользоваться свѣдѣніями, доставляемыми тѣмъ или другимъ авторомъ, по мѣрѣ того, какъ его текстъ разобранъ и исправленъ по лучшимъ спискамъ. Но, гг. преподаватели и издатели, не отдѣляя стрѣго потребностей ученаго отъ потребностей гимназиста, угощали молодыхъ людей критическимъ разборомъ текста и другой неудобоваримой для нихъ пищей. Они забывали, что Гуго Гроціусъ понимаетъ Омира иначе чѣмъ ученикъ, что есть степени пониманія, что ученики гимназій не могутъ и не должны изучать древности, какъ филологи, во всемъ ея объемѣ.

Къ этимъ несообразностямъ большей части комментаріевъ къ древнимъ писателямъ, издаваемымъ *in usum scholanum* или даже *in usum frontis*, прибавимъ еще ту, что они, отчасти написаны по латыни, на такъ называемомъ «Notenlatein». Этотъ языкъ, хотя и имѣетъ большія преимущества предъ другими нарѣчіями новѣйшей латыни, какъ то: Kirchenlatein, Mediziner — или Doctorlatein и т. д., однако, извѣстно, далеко не такъ прекрасенъ какъ латинскій языкъ Цесаря или Цицерона. Но, какъ бы ни было хорошо латинское изложеніе примѣчаній, дѣло въ томъ, что ученикъ, прибѣгающій къ комментарію часто именно потому, что Цицеронъ писалъ по латыни, а не на его родномъ языкѣ, не можетъ понять и примѣчаній, потому что и они написаны по

*) Въ цicerоновомъ діалогѣ «о дружбѣ», изданномъ въ 1844 году Зейфертомъ, латинскій текстъ занимаетъ 30 страницъ, а комментарій, напечатанный не подъ текстомъ, а вслѣдъ за нимъ, 567 страницъ. Этотъ комментарий назначенъ, какъ сказано на заглавномъ листѣ, «zum Privatgebrauch für reifere Gymnasialschüler und angehende Philologen.» Но въ этомъ-то и бѣда, что потребности гимназиста, учащагося латинскому и греческому языкамъ, и потребности студента, посвятившаго себя древней филологіи, совершенно различны.

латыни. Поэтому употребленіе латинскаго языка въ комментаріяхъ къ древнимъ авторамъ, назначеннымъ для гимназистовъ, мнѣ кажется остаткомъ безсмысленной схоластики. Я говорю это не потому, чтобы считалъ излишними и ненужными въ гимназіяхъ упражненія въ латинскомъ письмѣ и разговорѣ. Если учить латинскому языку, если учить понимать римскихъ авторовъ, то слѣдуетъ стремиться и къ тому, чтобы ученикъ писалъ и говорилъ полатыни. При пренебреженіи этими упражненіями нечего и говорить объ *усвоеніи* языка. Итакъ, пусть учитель въ высшихъ или въ высшемъ классѣ объясняетъ по латыни какого нибудь автора, слогъ котораго не представляетъ уже большихъ затрудненій для учащихся. Но, во всякомъ случаѣ и тутъ опытный преподаватель не преминетъ мѣста трудныя передать на родномъ языкѣ, такъ какъ это наилучшее средство объяснить ихъ. А издатель комментарія находится въ другомъ положеніи, нежели учитель. Издатель не можетъ соображаться въ той мѣрѣ съ знаніями отдѣльныхъ читателей, какъ учитель съ знаніями учениковъ, которыхъ онъ имѣетъ на лицѣ. Кромѣ того, издатель долженъ придерживаться краткости изложенія, какой никто не станетъ требовать отъ учителя. Неужели, при всемъ томъ, издатель можетъ позволить себѣ употребленіемъ для примѣчаній не роднаго, а латинскаго языка уменьшить вѣроятность быть понятнымъ?

III.

Изложивъ такимъ образомъ недостатки большей части изданий латинскихъ и греческихъ авторовъ съ примѣчаніями, составленными въ пользу гимназистовъ, намъ остается указать вкратцѣ на начала, которымъ слѣдовали редакторы новаго «Собранія латинскихъ и греческихъ писателей съ нѣмецкими примѣчаніями». При этомъ мы удержимъ тотъ порядокъ, въ которомъ они изложены въ означенной уже выше программѣ.

1) Примѣчанія изложены по нѣмецки.

2) Варіанты не приводятся. Въ рѣдкихъ только случаяхъ дѣлается краткое критическое замѣчаніе, если, смотря по принятію того или другаго чтенія, смыслъ значительно перемѣняется и притомъ примѣчаніемъ можно побудить учащагося къ размышленію. Но и такія краткія критическія замѣчанія допускаются только въ изданіяхъ, назначенныхъ для высшихъ классовъ.

3) Въ примѣчаніяхъ дается только то, что для молодаго чело-вѣка, приступающаго къ чтенію различныхъ сочиненій съ надлежащими предварительными свѣдѣніями, необходимо знать для пониманія автора въ отношеніи къ языку, связи мыслей и къ предметамъ, о которыхъ въ книгѣ говорится. Текстъ ни въ какомъ случаѣ не долженъ служить для толкователя *поводомъ* пуститься въ разсужденія о языкѣ или древностяхъ и т. д.

4) Никогда не дѣлается ссылка на словарь, рѣдко на грамматику. Избѣгаютъ приведенія множества параллельныхъ мѣстъ. А гдѣ нужно привести параллельное мѣсто не изъ писателя объясняемаго, а изъ другаго, то оно цѣлкомъ выписывается, такъ какъ нельзя предполагать, что ученикъ имѣетъ всѣ тѣ книги, на которыя издателью вздумается ссылаться.

5) Все излагается кратко и сжато. Толкователь не долженъ вдаваться въ полемику и опроверженіе противоположныхъ мнѣній.

6) Каждому сочиненію древнему предшествуетъ краткая записка (не больше какъ въ листъ) о жизни и характерѣ писателя, о времени, когда онъ жилъ и писалъ, о тогдашнемъ состояніи науки и той отрасли литературы, къ области которой принадлежитъ его сочиненіе, о предметѣ сочиненія и т. д.

Допускаются нѣкоторыя модификаціи изложенныхъ правилъ, смотря по возрасту молодыхъ людей, въ которомъ съ ними читаютъ то или другое сочиненіе.

Трудъ гг. Гаупта и Зауппе, состоитъ только въ выборѣ комментаторовъ и въ предварительныхъ съ ними переговорахъ; они не позволяютъ себѣ дѣлать прибавленій или перемѣнъ въ трудахъ другихъ ученыхъ.

Въ собраніе входятъ, по первоначальному плану, только тѣ писатели, которые читаются въ школахъ.

Всѣ благоразумные педагоги одобряютъ этотъ планъ; но какія же сочиненія входятъ въ это собраніе? какія уже изданы? и какъ въ отдѣльныхъ изданіяхъ выполненъ планъ, изложенный въ программѣ?

Изданы уже слѣдующія сочиненія:

А. Греческія:

Arristophanes, ausgewählte komödien. Von *Th. Kock*. Bd 1. Wolken, Bd. 2. Ritter. Bd. 3. Frösche. .

Arrians Anabasis. Von *C. Sintenis*. 2 Bde, съ картой Кнперта.

- Demosthenes*, ausgewählte Reden. Von *A. Westermann*. Bd. 1. Philip-
pische Reden. 3. Aufl. Bd. 2. Reden von Kranze und geg.
Leptines. 2. Aufl. Bd. 3. Reden gegen Tristokr., Konon, Eu-
bulides.
- Euripides*, ausgewählte Tragödien, Erklärt von *F. G. Schöne*, Bd. 1.*
Bakchen. 2. Aufl. Bd. 2. Medea.
- Herodotos*. a) Von *Lhardy*. Bd. 1 u. 2, 1—4 Buch.
b) Von *Stein*. Bd. 1 u. 2, 1—4 Buch.
- Homer's*. Odyssee. Von *J. H. Füssi*. 2 Bände. 3. Aufl.
— Iliade. Von *J. H. Füssi*. 2 Bände. 3. Aufl.
- Isokrates*, ausgewählte Reden. Von *R. Rauchenstein*. 2. Aufl.
- Lucian*, ausgewählte Dialoge. 2 Bde.
- Lysias*, ausgewählte Reden. Von *R. Rauchenstein*.
- Platon's* Protagoras. Von *H. Sauppe*.
- Plutarch*, ausgewählte Biographien. Von *C. Sintenis*.
- **Sophocles*. Von *F. W. Schneidewin*, вновь, т. е., въ третій разъ
онъ изданъ г. *А. Паукомъ*, членомъ с.-петербургской ака-
демии наукъ. 6 Bd.
- Xenophons* Anabasis. Von *F. K. Hertlein*, съ картой г. Киперта.
3 издание.
— Cyropaedie. Von *F. K. Hertlein*. 2 Bd. 2. Aufl.
— Memorialien. Von *L. Breitenbach*. 2. Aufl.

В. Латинскіе :

- Caesar*, von *Fr. Kraner*, T. I. de bello Gallico, съ картой Г. Ки-
перта, 2-е изд. T. II de bello cin.
- Chrestomathia *Pliniana*. Von *Urlichs*.
- Cicero*, Brutus. Von *O. Jahn*. 2. Aufl.
— Orator. Von *O. Jahn*. 2. Aufl.
— Cato major. Von *J. Sommerbrodt*. 3. Aufl.
— Laelius. *C. W. Nauck*. 3. Aufl.
— Disputationes susculanae. Von *G. Tischer*. 3. Aufl.
— De natura deorum. Von *G. F. Schöman*. 2. Aufl.
— de officis. Von *Otto Heine* *.
— Ausgewählte Reden. Von *K. Halm*. 6 том., части 2, боль-
шас. 3 изд.
- Cornelius Nepos*: a) большое издание.
b) меньшее 2-ое изд.

*) Еще прежде это сочинение было издано, въ этомъ собраніи, г. *Жу-
геромъ*.

- Livius*, Von *Weissenborn*. 6 томъ, книг. 1—10, 21—30.
Phaedrus. Von *F. E. Raschig*.
Quintilian. liv. X. Von *E. Bonnel*. 2 изд.
Sallustius. Von *K. Jacobs*. 3 изд.
Taciti Annales. 2 т. 2 изд.
Virgils Gedichte. Von *Th. Ladewig*, 3 ч., частью 2-го изд., част. 3-го.

Объщано еще изданіе слѣдующихъ сочиненій:

- Euripides*, *Iphigenia in Taurien*. Von *H. Köchly*.
 Продолженіе изданія Ипротода. г. *Штейномъ*.
Platon's Gorgias, *Apologie*, *Criton* u. *Laches*. Von *Sauppe*.
Thucydides *).
Cicero's ausgewählte Briefe. Von *Fr. Hofmann*.
 — *de oratore*. Von *Eckstein*.
Horatius, von *Haupt*.
Plantus, ausgewählte, von *Ilberg*.
Terentius, von *Sauppe*.

О нѣкоторыхъ изъ приведенныхъ здѣсь сочиненій, сомнительно, читаются ли они, о другихъ сомнительно, слѣдуетъ ли ихъ читать въ среднихъ училищахъ.

Къ первымъ я причисляю комедіи Аристофана. Изданіе нѣкоторыхъ сочиненій его, для этого собранія, мнѣ кажется лишнимъ. Не-филологи, желающіе познакомиться съ ними, безъ сомнѣнія обратятся къ какому нибудь переводу, — и съ особеннымъ удовольствіемъ могутъ читать ихъ въ классическомъ переводѣ на нѣмецкій языкъ *Г. Зеера* (*Seeger*). А для филологовъ изданія г. *Кокка* ни въ какомъ отношеніи не удовлетворительны. Также мало, какъ Аристофанъ, для чтенія въ школахъ годится, по моему мнѣнію Плавтъ, коего избранныя комедіи, для этого собранія, обѣщаль издать сперва, г. *Флекейзенъ*, а впослѣдствіи г. *Ильгенъ*.

Къ тѣмъ сочиненіямъ, которыя, безъ сомнѣнія читаются, но которыхъ, по моему мнѣнію, не слѣдовало бы читать въ училищахъ, я отношу: 1) басни *Федра*, 2) *Брута* и философскія сочиненія *Цицерона*, исключая развѣ *Cato major* и *Laelius*.

*) Изъ прежнихъ объявленій видно, что г. *Ульрихъ*, отличный знатокъ исторіи *Фукидыда*, обѣщаль-было издать его для этого собранія; въ новѣйшихъ объявленіяхъ его имя не выставлено.

Федръ, одинъ изъ первыхъ римскихъ писателей, которыхъ даютъ въ руки ученикамъ, по причинѣ легкости его слога. Однакоже, это — единственное качество, рекомендующее его; поэтического таланта у него нѣтъ нисколько. А для чтенія молодымъ людямъ слѣдуетъ дѣлать самый строгій выборъ; только самыя лучшія сочиненія, какъ сказалъ не помню какой нѣмецкій педагогъ, довольно хороши для дѣтей (*das Beste ist für die Kinder eben gut genug*).

Что касается до Брута Цицеронова, то эта исторія ораторскаго искусства у римлянъ страдаетъ особенно тѣмъ недостаткомъ, что въ ней исчисляются имена даже самыхъ незначительныхъ ораторовъ. Къ чему ихъ знать молодымъ людямъ? И къ чему послужить для нихъ характеристика даже замѣчательныхъ ораторовъ, которыхъ молодые люди читать не могутъ, уже по той причинѣ, что отъ нихъ или ничего не осталось или осталось нѣсколько самыхъ ничтожныхъ отрывковъ.

А философскія сочиненія Цицерона, какъ бы они ни были важны для ученыхъ, желающихъ познакомиться съ исторіею древней философіи, негодятся для чтенія въ гимназіяхъ, во-первыхъ по предмету своему, во-вторыхъ по изложенію. Предметъ ихъ составляетъ, по большей части, какой-нибудь трудный и сложный вопросъ, который разсматривается Цицерономъ съ различной точки зрѣнія различныхъ философскихъ школъ. Обсудить такой вопросъ не по силамъ гимназисту, тѣмъ болѣе что изложеніе Цицерона страдаетъ часто крайнимъ недостаткомъ логики и почти вездѣ непростительною неосновательностью. Другое дѣло читать съ молодыми людьми, въ высшемъ классѣ гимназій, одинъ или нѣсколько краткихъ діалоговъ Платона. Для пониманія ихъ не требуется всѣхъ возможныхъ свѣдѣній изъ исторій философіи, рѣшеніе и разборъ философскихъ вопросовъ у Платона самостоятельный и глубокий. Тутъ ученику представляется возможность познакомиться съ настоящимъ философомъ. Кромѣ того, эти (краткіе) діалоги привлекательны для читателя и по причинѣ высочайшаго поэтическаго достоинства ихъ. Философскія сочиненія Цицерона доставляютъ молодому человѣку различныя, не связанныя между собою свѣдѣнія изъ исторій древней философіи и — въ рѣдкомъ случаѣ не наскучать ему, Платонъ же можетъ заинтересовать его не менѣе любого поэта и побудить къ размышленію о важнѣйшихъ вопросахъ жизни. Такъ чтеніе нѣкоторыхъ діалоговъ Платона можно считать наилучшимъ приготовленіемъ къ изученію философіи. Отличное из-

даніе г. Зауппе Протагоры (Protagoras) не мало облегчить чтеніе Платона въ училищахъ *).

Главный недостатокъ этого собранія, на которое мы указали съ различныхъ сторонъ, состоитъ въ томъ, что большая часть этихъ изданій не въ уровень съ развитіемъ и свѣдѣніями гимназистовъ. Этотъ недостатокъ особенно замѣтенъ въ отличныхъ впрочемъ изданіяхъ гг. Шнейдевина, А. Наука (Sophocles), Ниппердея (Tacitus и большее изданіе Корнелія Непота) и Вейсенборна (Titus Livius).

Также замѣчательны, но гораздо болѣе цѣлесообразны изданія гг. Гальма (рѣчи Цицерона), Синтеннса (Arrhiani apabasis и біографія Плутарха), Ладевича (Виргилій) и Боннеля (Quintil. liv. X.).

Самымъ слабымъ сочиненіемъ, согласно съ многими отзывами въ филологическихъ журналахъ, мы не колеблемся назвать изданіе Омпра г. Фези (Faesi).

Нѣкоторыя изданія были бы гораздо удачнѣе, если бы редакторы ихъ не старались, съ одной стороны, объяснить ученику затруднительное мѣсто, а съ другой, если не опровергать, то, по крайней мѣрѣ отстранять противоположныя ихъ толкованію мнѣнія. Вслѣдствіе этого полемическаго направленія, примѣчанія гг. Наука (C. W. Nauck, Paelius) и Рашига (Phaedrus) имѣютъ какую-то излишнюю сжатость и, подѣ часть, какъ бы эпиграмматическую форму.

Иродотъ въ этомъ собраніи является въ двухъ изданіяхъ; одно г. Ларди (Lhardy), другое г. Штейна. Они попозняють одно другое. Объясненіе г. Ларди преимущественно грамматическія, а примѣчанія г. Штейна по большей части историческія.

Надѣюсь, что указаніе на эти изданія не бесполезно будетъ для тѣхъ изъ нашихъ учителей, которые еще не успѣли ближе познакомиться съ этимъ сборникомъ. Остается мнѣ еще указать на дешевизну ихъ; отдѣльные томки продаются по цѣнамъ отъ

*) Въ прошлогоднемъ собраніи филологовъ и учителей въ Вѣнѣ разбирали, между прочимъ, и этотъ вопросъ, слѣдуетъ ли читать въ школахъ Платона. Большинство рѣшило этотъ вопросъ отрицательно, по той причинѣ, что гимназисты и высшаго класса не довольно развиты, чтобы надлежащимъ образомъ понимать этого философа. При этомъ сужденіи, гг. филологи и учителя, мнѣ кажется, упустили изъ виду, что есть степени пониманія великихъ авторовъ. По приведенной ими причинѣ, пришлось бы исключать изъ школъ чтеніе наилучшихъ твореній всѣхъ литературъ, такъ какъ они писаны для развитыхъ вполне людей, а не для мальчиковъ.

6 sgr. до 1 талера (т. е., по цѣнамъ въ нѣмецкихъ книжныхъ лавкахъ въ С. Петербургѣ, отъ двадцати пяти копеекъ до одного рубля двадцати копеекъ серебромъ).

Но какое же заключеніе можно сдѣлать по этимъ изданіямъ о состояніи преподаванія древнихъ языковъ въ германскихъ гимназіяхъ въ послѣдніе годы? Какъ изъ изданій древнихъ авторовъ, такъ, безъ сомнѣнія, и изъ самого преподаванія этихъ языковъ исчезаетъ педантизмъ и схоластика. Тѣмъ не менѣе, толкованіе авторовъ — точное и отчетливое; оно не ограничивается грамматическимъ объясненіемъ. Однако нельзя сомнѣваться, что учителя еще часто не вникаютъ въ потребности учащихся, это видно изъ того, что не мало изданій этого собранія превышаютъ обыкновенную степень развитія нѣмецкаго гимназиста и потому не совсѣмъ доступны для него. Утѣшительно въ этомъ случаѣ, что немало педагоговъ тотчасъ же замѣтили этотъ недостатокъ. Слѣдовательно, многіе стараются не впадать въ него. Этимъ объясняется появленіе другаго собранія древнихъ авторовъ съ нѣмецкими примѣчаніями для школъ, которое издается извѣстнымъ книгопродавцемъ Тейбнеромъ по плану, не отличающемуся отъ плана гг. Гауппа и Зауппе, но въ которомъ избѣгаютъ той педагогической ошибки, на которую я только что указалъ. Но, объ этихъ изданіямъ, мы, можетъ быть, поговоримъ при другомъ случаѣ.

К. ЛЮГЕБИЛЬ.

С М Ъ С Ь.

Дорожныя записки.

(Посвящается Д. С. Акимову.)

I.

Въ половинѣ октября встрѣтилась мнѣ необходимость посѣтить нѣкоторые порты Чернаго и Азовскаго морей, и я поспѣшилъ изъ сѣверной Бессарабіи къ Одессѣ, чтобы воспользоваться пароходнымъ сообщеніемъ. Зная, что южныя моря наши необыкновенно бурны въ это время года, я не безъ нѣкотораго тревожнаго чувства отправился на бульваръ тотчасъ же по приѣздѣ въ Одессу, даже не предавшись отдыху, такъ пріятному послѣ долгаго пути по непривѣтливымъ дорогамъ Новороссіи. Надъ моремъ висѣлъ туманъ, на рейдѣ покачивался суда, къ набережной приходили порядочныя буруны. Все это было не весьма утѣшительно, но кому надо выбирать плаваніе на пароходѣ хоть и въ дурную погоду, или двойное разстояніе на почтовыхъ подѣ вплиніемъ того же ненастья, я полагаю выборъ не долженъ стѣснять путешественника, въ-особенности знакомаго съ поѣздками по дикимъ степнымъ пространствамъ. Мнѣ предстоялъ даже шансъ дойти на пароходѣ до самаго Ростова на Дону, или по крайней мѣрѣ до Феодосіи, откуда тоже при случаѣ можно отплыть въ Азовское море. Прибылъ я въ Одессу во вторникъ, а пароходъ долженъ былъ отправляться въ субботу, и сообразно съ этимъ, я сдѣлалъ распоряженіе относительно нѣкоторыхъ дорожныхъ приготовленій, довольно мелочныхъ, весьма прозаическихъ, но тѣмъ не менѣе необходимыхъ.

Путешествуя около четырехъ лѣтъ по Диѣпру и Диѣстру, я успѣлъ устроиться или, лучше сказать, приспособить себѣ дорожное хозяйство въ нѣмецкомъ фургоны, потому что слѣдовала всегда малыми переходами; но совершить поѣздку въ нѣсколько тысячъ верстъ, приближаясь къ зимнему времени и въ значительной части водою — нельзя было иначе, какъ отдѣлать самыя нужныя вещи въ возможно меньшемъ количествѣ и такъ чтобы удобно было мѣнять пароходъ на перекладную, на каботажную лодку, однимъ словомъ согласно съ необходимостью. При томъ же мнѣ приходилось пожить по деревнямъ на азовскомъ побережьѣ, слѣдовательно надобно было подумать и о какихъ-нибудь удобствахъ, хотя послѣднее и не всегда мнѣ удается въ мѣстахъ далекихъ странствіяхъ. Оставалось четыре дня, которые и должны были пройти въ разныхъ приготовленіяхъ.

Вечеромъ давали Пуританъ. Мнѣ хотѣлось послушать новаго тенора Ирфре; примадонна, какъ я зналъ и прежде, поетъ довольно сносно, и я отправился въ театръ, подробно мной описанный въ прошлогодней иллюстраціи. Ложи и кресла были почти всѣ заняты. О хорахъ и говорить нечего, они по прежнему ниже критики, и если мужской вообще ужасенъ, то для женскаго трудно выбрать прилагательное, которое сколько-нибудь подходило бы къ истинѣ. Если я скажу, что онъ просто — не позволителенъ, мнѣ кажется, истина не пострадаетъ, и всѣ, за исключеніемъ рьяныхъ поборниковъ одесскаго театра, кто видѣлъ и видитъ эти тощія, безголосыя вѣшалки, на которыхъ болтается тряпье, исправляющее должность костюма, согласятся, что подобное безобразіе трудно встрѣтить на какой бы то ни было сценѣ. Г-жа Поцци пѣла не дурно какъ и всегда. Г-ня Ирфре слышалъ я въ первый разъ, и признаюсь голосъ его производилъ на меня пріятное впечатлѣніе: мнѣ кажется назначеніе его — пѣть на небольшихъ театрахъ. Въ оперѣ можно было сидѣть, но вотъ басъ, г. Митровичъ, въ одной сценѣ хватилъ полтономъ ниже оркестра, и я рѣшился выдти въ буфетъ покурить для разнообразія. Проходя партеромъ, я замѣтилъ въ одной ложѣ знакомыхъ и зашелъ повидаться. Это было семейство большаго моего пріятели, командира одного изъ компанейскихъ пароходовъ.

— Не хотите ли со мною въ Крымъ или на Кавказъ? сказалъ онъ послѣ обычныхъ привѣтствій.

— Неужели вашъ пароходъ отправляется въ субботу.

— Нѣтъ, я иду въ четвергъ, то есть, послѣ завтра.

— Какъ же я жалѣю, что не зналъ этого прежде: мнѣ придется ожидать субботы.

— Что же вамъ мѣшаетъ идти со мною?

Я объяснилъ.

— Все это вздоръ, вы устройте какъ-нибудь, а намъ было бы не скучно вмѣстѣ.

Предоставляю судить читателю, который когда-нибудь путешествовалъ по морю, — какое удовольствіе имѣть пріятеля въ командирѣ парохода. Мнѣ блеснула тотчасъ же мысль — обдѣлать дѣла до четверга непременно.

— А я, зная вашу страсть къ занятіямъ, продолжалъ испытатель капитанъ: — отдамъ вамъ свою гостиную, гдѣ есть и столъ и чернильный приборъ и бумаги сколько угодно: можете себѣ уединиться.

— Я увѣренъ, что мнѣ ни на одномъ пароходѣ не будетъ такъ привольно, а потому употребляю все усилія.

Дѣйствительно я тотчасъ же ушелъ изъ театра и послалъ парламентаря къ прачкѣ, отъ которой главнѣйше зависѣло мое отправленіе. Все хлопоты мои увѣнчались успѣхомъ, такъ что въ четвергъ къ двумъ часамъ все у меня было готово и билеты и вещи, приспособленныя къ дальнѣйшему сухопутному вояжу. Въ два съ половиной часа я былъ уже на пароходѣ. Народъ толпился у пристани, извозчики подъѣзжали къ красивой Колхидѣ то съ грузомъ, то съ пассажирами; многіе пріѣзжали провожать путешественниковъ, и все это бѣгало, суетилось, хлопотало. За лѣсомъ махтъ рейда не было видно, море скрывалось за стѣнкой, и только вѣтеръ, пробравшійся по снастямъ, напоминалъ о себѣ не совсѣмъ пріятнымъ свистомъ. Машина клокотала, матросы принимали пожитки опоздавшихъ пассажировъ. Зазвонилъ третій звонокъ и пригласилъ посѣтителей сойти съ палубы. Произошли быстрыя сцены прощанья, приняты сходни, бортъ закрытъ и Колхида тронулась самымъ тихимъ ходомъ. Пока мы не слишкомъ удалились отъ пристани — множество платковъ махало съ берега и съ парохода, пересылались поклонны, нѣсколько рукъ крестило кого-то... Но ко мнѣ не относились ни поклоны, ни знаки платкомъ, ни попутственный крестъ; во всемъ этомъ большомъ шумномъ городѣ какъ-то не нашлось никого, въ комъ отъѣздъ мой возбудилъ бы какое-нибудь участие. Я впрочемъ привыкъ уже къ этому. Стоя у юта, одиноко смотрѣлъ я на картину удалявшагося города. Долго шли мы тихимъ ходомъ между судовъ, но вотъ винтъ началъ работать чаще,

струя пѣвы потянулась шире и шумнѣе, и мы поворотили въ открытое море. Никто меня не тревожилъ, и я могъ предаваться волю своего воображенія, хотя конечно читателямъ нѣтъ никакого дѣла до моихъ фантазій. Оно и дѣйствительно, кому интересно знать, что думала моя особа, покидая Одессу, и что творилось со мною въ это время. Равнодушно ли я уходилъ въ море, или меня щемило за сердце тоска, бросалъ ли я позади только массы каменныхъ домовъ, или оставался тамъ кто-нибудь, чей прощальный привѣтъ, чей попутственный крестъ — заговорили бы, можетъ быть, мнѣ трогательнѣе всякаго краснорѣчиваго слова... Чужая душа потемки, и если бы я и освѣтилъ свою душу, то кому показалось бы это занимательнымъ... Чудный одесскій бульваръ со своими высокими зданіями и громадной лѣстницей одѣвался легкимъ туманомъ и начиналъ ступиваться на горизонтъ. Какъ-то быстро сумерки овладѣвали окрестностью и скоро позади осталась неопредѣленная масса берега.

Въ половинѣ пятаго позвонили къ обѣду и въ каютъ-компани перваго класса собралось наше общество, которое было весьма не многочисленно. Описывать всѣхъ дорожныхъ спутниковъ не стану, но скажу, что въ числѣ ихъ были образованные люди, такъ что свободное время я проводилъ не скучно, если только у меня являлась охота побесѣдовать. Буфетъ на пароходѣ Колхида принадлежитъ итальянцу, который, по моему, исполняетъ свою обязанность аккуратно и добросовѣстно. Прислуга вся иностранная, хотя гарсоны объясняются по возможности и по русски, и пассажиру нечего не остается желать въ этомъ отношеніи. Поваръ весьма удовлетворителенъ, такъ что всякая жалоба на парходную кухню, мнѣ кажется не только не основательна, но и неизвинительна, и если я слышалъ нѣкоторые недовольства, то долго не могъ понять къ чему слѣдовало отнести подобныя претензіи. Наконецъ мнѣ пришло въ голову одно происшествіе, которое, полагаю, можно примѣнить сюда безъ зазрѣнія совѣсти. Въ 1856 году занимался я археологическими раскопками въ полтавской губерніи. Нанимая рабочихъ на недѣлю или двѣ, я бралъ на себя и ихъ вродовольствіе, которое старался довести до степени довольства, доставляя даже разнообразіе. Рабочаго человѣка ни чѣмъ нельзя такъ привязать къ себѣ, какъ обильною пищей и лишней чаркой водки. Однимъ словомъ, ко мнѣ стекалось много народа, и въ моемъ таборѣ царствовало полное веселье, такъ что тяжелая земліаная работа

происходила постоянно съ пѣснями, прибаутками, рассказами, которыми я пользовался болѣе чѣмъ археологическими находками, неизвѣстными особаго интереса. У меня былъ построенъ шалашъ, гдѣ я занимался въ то время, когда присутствіе свое у кургана считалъ не необходимымъ. Однажды послѣ обѣда и послѣ отдыха моихъ землекоповъ, вмѣсто обычныхъ пѣсень и веселаго смѣха я услышалъ какіе-то крики, подѣйствовавшіе на меня неприятно. Кладу перо и бѣгу къ кургану съ мыслию прекратить ссору. Вся ватага изъ двадцати слишкомъ человѣкъ шумѣла; два рабочихъ стояли въ сторонѣ съ всклокоченными волосами и изорванной одеждой. Что же я узналъ? Эти два послѣдніе вздумали за обѣдомъ хулить пищу и вообще всѣ обычаи и законы табора: по ихъ мнѣнію и хлѣбъ былъ не вкусенъ, и мало говядины, и работа тяжелая, и плата казалась имъ недостаточною. Споръ за обѣдомъ не могъ принять серьезнаго оборота, потому что каждый спѣшилъ удовлетворить аппетитъ, потомъ всѣ бросились на траву полежать и уснуть, и только послѣ работы недовольные снова подняли вопросъ и старались привлечь молодежь на свою сторону. Здѣсь произошла сцена, какой и ожидать слѣдовало. Придя въ негодованіе, рабочіе своимъ судомъ наказали недовольныхъ и прогнали ихъ изъ табора. Одинъ молодцоватый козакъ съ посѣдѣвшимъ чубомъ, изложивъ мнѣ все дѣло, сказалъ въ заключеніе нѣсколько словъ, которыя и пишу по русски, хотя они и теряютъ въ переводѣ.

— Простите этихъ лѣнтыевъ и прогоните ихъ къ чорту. Что касается до харчей, то ни одинъ изъ нихъ не ѣлъ такой *стравы* (кушанья) и на *великдень*. Оно всегда такъ бываетъ: порядочный человѣкъ всегда благодаренъ за хорошія харчи, а тѣ, что сидятъ дома на сухомъ хлѣбѣ, всегда *вередуютъ* (прихотничаютъ). Дай ему кулешу съ саломъ, онъ потребуетъ борщу съ говяжьей, дай борщу, попроситъ птичьяго молока.

Мнѣ кажется, что замѣчаніе козака можно въ нѣкоторой степени примѣнить и къ тѣмъ пассажирамъ, которые постоянно *вередуютъ*.

Обѣдъ на пароходѣ Колхида подали весьма приличный изъ пяти блюдъ и кромѣ того яблоки, груши и виноградъ. Сервировка удобна и красива: — на каждой вещи изображенъ гербъ компаніи. Серебро, фарфоръ и стекло отличаются простотою и солидностью.

Послѣ обѣда всѣ вышли на палубу, гдѣ составились отдѣльные кружки и завязалась бесѣда. Совершенно потемнѣло, чему

еще болѣе способствовалъ туманъ, который словно затопилъ все море. Сюда же пришелъ кое-кто изъ пассажировъ втораго класса. Я курилъ сигару вблизи одной группы, разговоръ которой началъ занимать меня, такъ что я подвинулся еще ближе, на сколько позволяло приличіе. Группа состояла изъ трехъ дамъ, сидѣвшихъ на ютѣ, и одного джентльмена, стоявшаго, облокотясь на шпиль, съ папирской. Одна дама, возвращавшаяся изъ за границы въ обществѣ кузины, молодой и хорошенькой дѣвушки, и рассказывала, что въ чужихъ краяхъ не нашла всего того, чего ожидала. Гувернеръ французъ уничижалъ Россію. Споръ былъ, какъ водится, непослѣдователенъ. Но вотъ путешественница сказала:

— Я никогда не была въ Петербургѣ, но мнѣ кажется, это долженъ быть прекрасный городъ.

Гувернеръ захохоталъ.

— Помилуйте, возразилъ онъ: — каждый большой провинціальный городъ во Франціи ему не уступить: я прожилъ въ немъ десять лѣтъ и хорошо знаю.

— Да не преувеличиваете ли вы?

— Въ сравненіи съ Парижемъ — это деревня.

— Э, полноте, отозвалась другая дама: — Я не была въ Парижѣ, отдаю ему справедливость, но не соглашусь, чтобъ Петербургъ былъ деревней.

— Укажите мнѣ хоть одну порядочную улицу.

— А невскій проспектъ.

— Что же невскій проспектъ. Соглашаюсь, что онъ еще сносенъ, а что же больше?

И французъ пустился, со свойственною этой націи способностью, хвалить Парижъ и порицать нашу столицу, и говорилъ такими парадоксами, употреблялъ такія смѣлыя метафоры, что слушательницы ему не возражали. Наконецъ у нихъ завязался разговоръ о воспитаніи, въ которомъ французъ удостоилъ насъ одобренія и выразился, что замѣчаетъ прогрессъ.

— Прежде, выразился онъ въ заключеніе: — французскій языкъ изучали одни знатные и вельможи, а теперь даже небогатые помѣщики стараются учить дѣтей по французски. Впрочемъ, продолжалъ онъ глубокомысленно: это началось уже съ 812 года, когда многіе изъ ветерановъ великой арміи остались въ Россіи просвѣщать націю.

— Да вѣдь тогда безграмотные и глѣбные солдаты, къ сожалѣнію, были у насъ воспитателями, отозвался кто-то.

Французъ оборотился.

— Повѣрьте, что и безграмотный солдатъ нашъ можетъ быть хорошимъ учителемъ.

Мнѣ становилось смѣшно. Положимъ у насъ много общественныхъ недостатковъ, даже серьезныхъ, для исправленія которыхъ необходимы разумныя и скорыя мѣры, положимъ, ихъ не только не должно скрывать, а стараться всѣми способами выводить наружу, чтобы поставить ихъ большинству на видъ въ настоящемъ свѣтѣ. Но иностранцы, подобные описанному господину, усматриваютъ въ насъ недостатки другого рода и плохое знаніе французскаго языка считаютъ невѣжествомъ въ высшей степени.

Замѣчательнѣе всего для меня было то, что русская провинціальная барыня, только что возвратившаяся изъ Парижа, не осмѣлила слушателей разсказами о шляпкахъ и кринолинахъ, а говорила о воспитаніи дѣтей и скорбѣла не притворно о томъ ложномъ направленіи, которое принято у насъ относительно юнаго поколѣнія. Кто-то еще подошелъ, и рѣчь склонилась на другіе предметы, совершенно для меня незанимательные. За вечернимъ чаемъ, который былъ отпѣнно дурень, я сидѣлъ не долго, какъ по этой причинѣ, такъ и потому что нельзя курить въ общей залѣ, и вышелъ на палубу. Многіе разбрелсь по спальнямъ, хотя въ каютъ-компаніи продолжалась еще бесѣда. Былъ часъ десятый, я стоялъ у борта и курилъ сигару. На морѣ, какъ говорится, зги не видно. Волны расхаживали шумнѣе и шумнѣе и всплески ихъ, покрытые пѣной, пронеслись, издавая какой-то говоръ, непріятный для непривычнаго уха. Вдругъ раздались звуки музыки. Я оглянулся. Въ ярко освѣщенные окна каютъ-компаніи виднѣлось нѣсколько пассажировъ, одна изъ дамъ сидѣла за пьянино. Признаюсь, что эти звуки, извлекаемые изъ неблестящаго инструмента, въ непогодную осеннюю ночь, въ пустыняхъ Чернаго моря — подѣйствовали на меня необыкновенно отраднo. Мнѣ стало весело подумать, что я живу въ такой завидный вѣкъ, когда наука и твердая воля съ каждымъ часомъ овладѣваютъ могучими силами природы. Сотни людей, на желѣзномъ кораблѣ, темной осенней ночью несутся надъ водной пропастью, дно которой буквально неизмѣримо, съ полной вѣрой въ двухъ, трехъ человекъ, бодрствующихъ у руля.

Мало-по-малу всѣ разошлись по каютамъ. Долго я разговаривалъ съ капитаномъ, который часто навѣдывался къ вахтенному офицеру, потому что наступила страшная темнота, и потомъ до

полуночи оставался на палубѣ. На суднѣ царствовала тишина. Только сердитое море шумѣло, покачивая слегка пароходъ. Наконецъ я отправился къ себѣ и съ удовольствіемъ завернулся въ мягкое одѣяло на безукоризненно чистой постелѣ. Сонъ мой былъ крѣпокъ также какъ и въ хорошей гостинницѣ.

Солнце уже поднялось надъ горизонтомъ, когда я вышелъ на палубу. Мы были въ открытомъ морѣ, и кругомъ только небо да вода и никакого предмета, даже отдаленный парусъ не мелькалъ на горизонтѣ. Пассажиры еще не просыпались, и пользуясь небольшимъ волненіемъ, мирно покоились, въ теплыхъ постеляхъ. Матросы начали мыть палубу; въ буфетѣ зазвенѣли чашки и ложечки; прислуга еще въ дезабилье шныряла по всѣмъ направленіямъ. Время для наблюденій было самое неудобное и я сошелъ внизъ, узнавъ предварительно можно ли выпить чаю, не ожидая прочей публики. Джіовани изъявилъ свое согласіе и принесъ мнѣ мою порцію въ капитанскую каюту, гдѣ устроившись какъ можно комфортабельнѣе, принялся я удовлетворять свой аппетитъ. Но чай оказался ужасный, еще хуже того, который подавали вечеромъ. Припомнивъ, что у меня на верху въ сакъ-вожжѣ долженъ быть московскій чай, я обратился къ Джіовани съ просьбой, приготовить мнѣ, если не противно правиламъ, мой собственный чай, съ условіемъ каждый разъ потчивать и его самого ароматнымъ и вкуснымъ напиткомъ. Вѣжливый итальянецъ тотчасъ же заварилъ моего чаю и нашель, что этотъ дѣйствительно неизмѣримо выше того, какимъ онъ угощаетъ пассажировъ, но прибавилъ, что его чай впятеро дешевле. Разсчетъ, конечно, огромный, и было бы нелѣпо требовать отъ буфетчика, чтобы онъ доставлялъ удовольствіе въ ущербъ собственному карману. Впрочемъ и то надо сказать, изъ пяти пассажировъ, можетъ быть, одинъ любитель хорошаго чаю, а остальные довольны тѣмъ какой предлагаютъ — слѣдовательно объ этомъ и говорить нечего. Въ восемь часовъ всѣ уже были на ногахъ и скоро на палубѣ составились кружки по вчерашнему. Къ пароходу начали подлѣтать птички и, чинкая, то вились у борта, то садились на рей, и служили признакомъ близости земли. Дѣйствительно влѣвъ на горизонтѣ обозначилась полоса таврическаго берега. Мы шли къ Евнаторіи. Между моряками пароходными и путешествующими завязался разговоръ: по какой причинѣ немного опоздали? Начали измѣрять скорость хода и открылось, что мы шли семь узловъ, вмѣсто девяти, какъ предполагали. Единодушно рѣшено

было, что какъ пароходъ давно не былъ въ докѣ, то къ нему пришло много ракушекъ, а отъ этого образовалась значительная масса, замедляющая ходъ желѣзнаго судна. Не представляя ничего интереснаго, Евпаторія не вызывала особеннаго любопытства, а когда еще мы, по случаю свѣжаго вѣтра, остановились почти въ милѣ разстоянія отъ города, то ни у кого не явилось желанія свѣзжать на берегъ. Не успѣли бросить якорь, какъ уже таможенная шлюбка отдѣлилась отъ пристани. Господа съ зелеными околышками явились на пароходѣ, по какому случаю я право не знаю. Мы вышли изъ Одессы, гдѣ конечно повѣрять грузъ, отправлявшійся до Трапезонта; въ Одессѣ нѣтъ товаровъ, неоплаченныхъ пошлиной. Правда, тамъ на рейдѣ стоятъ иностранные корабли, но если взять съ нихъ тую-то товара, то вѣдь надо его везти свѣситъ въ компанейскій пакгаузъ мимо таможенныхъ досмотрщиковъ. По крайней мѣрѣ мнѣ никто не пзъяснилъ присутствія зеленыхъ околышковъ на русскомъ суднѣ, въ русскомъ портѣ. Кто-то сказалъ, что это карантинные чиновники, тогда появленіе ихъ еще страннѣе.

Съ парохода сошло весьма немного пассажировъ, мало также прибавилось, но мы простояли довольно долго, потому что надо было сдать и принять грузъ, а эта исторія всегда продолжительна. Я взялъ бинокль и направилъ его на городъ. На пескѣ виднѣлись какія-то строенія — не то дома, не то магазны, но все это мало, плоско, скучно — и только придавали грустному виду разнообразія двѣ, три мечети, да на правомъ концѣ нѣсколько вѣтряныхъ мельницъ. Небо нахмурилось, море было такое некрасивое у этихъ непривѣтливыхъ, низкихъ береговъ, что я съ нетерпѣніемъ желалъ ухода съ негостепріимнаго рейда. Однакоже мы тронулись часу въ четвертомъ. Вдали показались было очертанія крымскихъ горъ, но при пасмурной погодѣ вскорѣ наступила темнота, и когда мы, вставъ изъ-за обѣда, вышли на палубу, зрѣнію нашему не представлялось никакой пищи. Между тѣмъ каждый изъ насъ зналъ, что въ нѣсколькихъ миляхъ лежитъ мѣстность, напоенная и освященная кровью болѣе ста тысячъ челоѣкъ, мѣстность, на которой втеченіе года произошло столько ужаса, столько раздирающихъ сценъ, при мысли о которыхъ цѣпенѣло не разъ сердце. На пароходѣ нашлось довольно лицъ, которыя никогда не были въ Севастополѣ, были и такія, которыя не видали его послѣ убійственной осады и геройской обороны. Я тоже принадлежалъ къ числу послѣднихъ и, признаюсь, неравнодушно приближался къ

городу, имя котораго такъ еще недавно повторялось во всемъ мірѣ, а развалины теперь какъ бы преданы забвенію. Изрѣдка прорываются иностранные туристы, пользующіеся паровымъ сообщеніемъ, и черезъ Одессу посѣщаютъ Севастополь, но наши русскіе, не говоря о дальнихъ, которымъ дѣйствительно трудно при нашихъ дорогахъ посѣтить чтобы то ни было, а и жители близкихъ окрестностей не слишкомъ любопытны въ этомъ отношеніи. Только во время остановки парохода пассажиры спѣшатъ взглянуть на бастионы. Подобныя мысли занимали меня и я думалъ... но снова полагаю, что читателю не интересно будетъ знать размышленія моей персоны, въ которыхъ, можетъ быть, было даже не безъ лиризма. Когда я возвратился къ дѣйствительности, возлѣ меня на площадкѣ стояли дама съ дѣвницей, еще одинъ безмолвный пассажиръ, и морякъ, изъяснявшій мнѣ спутницамъ огоньки, блестяшіе во мракѣ. Я началъ прислушиваться. Мы подходили къ Севастополю.

— Это на сѣверной, говорилъ морякъ дамамъ, указывая свѣтящіяся точки: еслибъ не темнота, передъ нами открылись бы батареи.

— А скоро мы войдемъ въ гавань? спросилъ я.

— Нѣтъ еще не скоро. Намъ нужно пройти значительное разстояніе, и когда два огонька — вонъ вверху — это створы — будутъ на одной линіи, — тогда пароходъ поворотитъ.

Въ это время Колхида озарилась чуднымъ свѣтомъ, словно бенгальскимъ огнемъ, и по яркой полосѣ свѣта обрисовалась сосѣдняя площадка, на которой стояли рулевой у штурвала, капитанъ и прочіе офицеры.

— Это жгутъ фальшфейеръ, объяснялъ морякъ мнѣ спутницамъ: для того, чтобы брандвахта отвѣтила тѣмъ же и показала свое мѣсто.

Морякъ засмѣялся.

— А если тамъ не замѣтятъ? навивно спросила пассажирка.

— Этого быть не можетъ.

Но брандвахта не отвѣчала. Мы продолжали подаваться впередъ. Черезъ нѣсколько времени зажгли другой фальшфейеръ и тогда не далеко влѣвъ вспыхнула будто яркая звѣздочка, изъ которой образовался фонтанъ яркаго свѣта, а между тѣмъ пароходъ уже приводилъ на створы. Скоро машинна пошла малымъ ходомъ. На брандвахтѣ подняли фонарь на вершинѣ грота, и мы были на рейдѣ. Къ сожалѣнію ничего не было видно. Напрасно услужливый морякъ рассказывалъ намъ гдѣ затоплены

корабли, напрасно смотрѣли мы на мѣсто, гдѣ, по его словамъ, торчали изъ воды двѣ мачты, — все было покрыто мракомъ. Мы продолжали идти малымъ ходомъ, поворотили въ бухту и наконецъ бросили якорь. Здѣсь произошло чрезвычайно интересное явленіе. Отъ пристани отвалило нѣсколько яликовъ и когда они подъѣзжали ближе къ пароходу, вода, всбрасываемая веслами, горѣла фосфорическимъ свѣтомъ и блестящія брызги летѣли въ сторону: словно ползли какія-то темныя существа съ огненнымъ лапами. Мы начали однакоже подтягиваться къ берегу, что исполнилось довольно медленно и, наконецъ, остановились у самой пристани. Былъ часъ десятый, слѣдовательно пассажиры посидѣвши лечь спать, чтобы съ разсвѣтомъ воспользоваться свободнымъ временемъ и обозрѣть священныя развалины. Миѣ однакожъ не спалось, а хотѣлось прислушаться къ звукамъ опустѣвшаго города и къ ропоту моря... Но, увы, изъ трюма выгружали товары, и звукъ цѣпей наводилъ на душу какое-то томящее уныніе, при возгласахъ: *впра* и *майна*, которыми замѣняются глаголы подымать и опускать у матросовъ.

И говорить нечего, что вставъ довольно рано, я посидѣвши на палубу. Небо было чисто, и на первый разъ Севастополь, какъ бы мало поврежденный, уходилъ амфитеатромъ въ гору. Но стоило только приглядѣться и всѣ зданія, за исключеніемъ двухъ-трехъ подновленныхъ были буквально разбиты.

Бѣгу къ капитану.

— Дмитрій Степанычъ, во сколько часовъ ѣдешь?

— Можете до девятаго половины осматривать бастионы.

— Какъ вы полагаете, успѣю на Малаховъ курганъ?

— Не совѣтую. Поѣзжайте на четвертый, тамъ увидите мнныя работы. Я самъ повезъ бы васъ показать мое мѣстечко во время осады, но жаль некогда. Слѣшите же.

Пройдя мимо разнощиковъ съ фруктами и хлѣбомъ, около которыхъ толпились пассажиры, въ-особенности третьяго и четвертаго классовъ, я подошелъ къ извозчикамъ. Ихъ было, кажется, пять человѣкъ. Существуютъ они, конечно, не мѣстными жителями, но собственно на счетъ пароходовъ, потому что въ каждый рейсъ нѣсколько пассажировъ посѣщаютъ развалины.

— На четвертый бастионъ! сказалъ я одному оборванцу, который стоялъ ближе и бодрилъ кнутомъ несчастную пѣгую пристяжную.

— Два рублика.

— Полтора! отозвался другой и сдѣлалъ крутой поворотъ, такъ что чуть не сшибъ меня съ ногъ.

— Садитесь, баринъ, со мной, я свезу за цѣлковенькій, флегматически проговорилъ третій въ лоскутьяхъ армяка, нѣкогда синяго цвѣта, и въ дырявой шляпѣ, служившей вѣроятно еще до бомбардированія.

Я сѣлъ къ послѣднему на дрожки, но признаюсь долго усаживался, изъ боязни не упасть на землю — такъ экипажъ этотъ былъ, не скажу не покоенъ, а просто неудобенъ, по причинѣ разрушенія пружинъ. Сверхъ ожиданія — лошаденки пошли небольшою рысью, и мы пустились по екатериненской улицѣ. Вотъ тутъ-то я увидѣлъ, что ни въ одномъ домѣ не было живаго мѣста. Четыре года прошло со времени осады, нѣкоторыя строенія уже починены и обитаемы, но общій видъ на улицу приводитъ васъ въ какой-то трепеть. Ничего невозможно представить себѣ печальнѣе этого разрушенія, и чѣмъ далѣе подвигаетесь вы по улицѣ, тѣмъ въ большемъ видѣ представляются вамъ ужасы бомбардировки, и словно встаютъ передъ вами всѣ тѣ страшныя картины, какія создавало ваше воображеніе. Но изрѣдка мелькаютъ домики, въ которыхъ вставлены окна и задѣланы слѣды разрушенія, и гдѣ живутъ люди, хотя и нельзя назвать обновленною жизнью. Къ выѣзду красуется даже надпись на одномъ домѣ: *севастопольская почтовая контора*. Но вотъ мы выбрались къ бульвару и мимо разбросанныхъ камней отправились въ гору на четвертый бастионъ. Меня поразило обстоятельство, что ѣхали мы по прекрасному шоссе.

— Какъ же это уцѣлѣло шоссе? спросилъ я извозчика.

— А какъ уцѣлѣло? *Сошь*-то онъ сдѣлалъ; а прежде не было.

— Жаль, подумалъ я, что вмѣсто Севастополя, союзники не взяли Одессы: они непременно вымостили бы хоть двѣ-три улицы. Вѣроятно у нихъ не долго прѣдолагается переписка и скорѣе составляются смѣты. Доказательствомъ служитъ Севастополь. Въ цвѣтущемъ своемъ состояніи, при томъ важномъ значеніи, какимъ пользовался у насъ этотъ многолюдный портовый городъ, улицы въ немъ были однакоже непроходимы. Предположимъ даже, что о мощеніи его или даже шоссеванія дѣйствительно велась втеченіе многихъ лѣтъ переписка, тѣмъ не менѣе въ ненастье вязли и экипажи и пѣшеходы. А непрошенныя гости за весьма короткое время сдѣлали хорошее шоссе. Мнѣ скажутъ, что у союзниковъ пзобильно было камня

подъ рукою, — но на это можно замѣтить, что окрестности Севастополя не бѣдны подобнымъ матеріаломъ.

Мы взѣхали на четвертый бастионъ, и я сошелъ съ дрожекъ. Не безъ особеннаго чувства ступилъ я на землю, буквально залитую русскою кровью..... Три съ половиною года прошло со времени заключенія мира, а и теперь еще на этомъ полѣ и находятъ снаряды, крестики, монеты. Пройдя нѣсколько шаговъ, я самъ нашелъ картечь, которая, судя по ея наружности, по заржавленнымъ бугоркамъ, или прекратила чью-нибудь жизнь, или причинила увѣчье одному изъ тѣхъ калекъ, которыхъ я еще недавно встрѣчалъ по разнымъ мѣстностямъ. Извощикъ шелъ за мною и объяснялъ ходъ осады по своему. Возлѣ рва я встрѣтилъ унтеръ-офицера. Вѣжливо снялъ онъ фуражку.

— Не желаете ли видѣть минныя работы? я приставленъ надсматривать за ними.

— Съ удовольствіемъ.

— Не угодно ли спуститься по этой тропинкѣ. Вотъ здѣсь были блиндажи, но теперь они разобраны.

По узкой дорожкѣ спустился я въ ровъ, и мы подошли къ деревянной будкѣ, запертой на замокъ. Услужливый чичероне отперъ строеніе — входъ въ подземелье. На небольшомъ столикѣ стояло два сигарныхъ ящика, въ которыхъ сложены были теориновые огарки. Круглая коробочка спичекъ помѣщалась тутъ же. Унтеръ-офицеръ зажегъ два огарка, изъ которыхъ одинъ подалъ мнѣ и предложилъ войти въ подземелье. Какъ человѣкъ коротко знакомый съ мѣстностью — онъ вошелъ прежде, мигомъ повернулся ко мнѣ лицомъ, пятился очень ловко, изясняя подробности. Галлерей эта очень низка, такъ что нужно порядочно наклониться. Послѣ двухъ поворотовъ мы оставились.

— Вотъ это, сказалъ чичероне, комната капитана Мельникова — *подземнаго крота*, здѣсь онъ жилъ девять мѣсяцевъ.

Комната, или лучше сказать, пещера въ нѣсколько квадратныхъ аршинъ, сырая и душная, такъ долго служившая жилищемъ человѣку, двигавшему важными работами, воскресила въ моей памяти всѣ разказы, читанные въ то безотрадное время. Вотъ гдѣ велась эта страшная подземная война, вотъ откуда чуткое ухо сапера ловило предательскій стукъ непріятельской лопаты, вотъ куда направлялись усилія непріятельскихъ минеровъ, неувычавшіяся ни однимъ успѣхомъ, благодаря бдительности *подземнаго крота*.

Мы вышли обратно прежнимъ путемъ. Хотя въ подземельи грунтъ очень крѣпкій, однако нѣтъ сомнѣнія, что скоро галлерей засыплются и обрушатся. А не мѣшало бы сохранить ихъ для потомства, ибо вѣроятно не представится ужь случай подобной неслыханной обороны. При существованіи улучшенныхъ путей сообщенія, при современномъ приложеніи открытій военной науки — севастопольская рѣзня не можетъ повториться.

— Не угодно ли взойти на валъ посмотрѣть воронки? спросилъ чичероне.

Взобравшись на крутой валъ и окнувъ глазами окрестность, я остановился въ изумленіи. Разрушенный городъ и пзрытый бастионъ не могутъ сравниться съ опустошеніемъ, какое представилось мнѣ на этой небольшой мѣстности. Только послѣ страшнаго землетрясенія, кажется мнѣ, остаются подобныя глубокія, неправильныя ямы и груды вывороченныхъ камней.

— А это что же за валы? спросилъ я унтеръ-офицера.

— Французская батарея.

— Какъ?

— Батарея, которую выставили французы.

Читая описанія бомбардировки, взрывовъ и комундетовъ, я воображалъ, что непріятельская батарея заложена на значительномъ разстояніи. Каково же было мое удивленіе, когда я увидѣлъ, что французы стояли въ нѣсколькихъ лишь саженьяхъ. Но все это было исковеркано во время послѣдняго штурма.

— Да тутъ легло не мало народу, сказалъ извозчикъ и тутъ же замѣтилъ, что если я хочу возвратиться другой дорогой и осмотрѣть городъ, то онъ боится — не снялся бы пароходъ съ якоря.

Обстоятельства не позволяли мнѣ остаться въ Севастополѣ до другаго рейса, и потому, поблагодаривъ проводника, я долженъ былъ разстаться съ бастиономъ и спѣшить назадъ, чтобы проѣхать еще по морской улицѣ. Тоже разрушеніе. Извозчикъ указалъ мнѣ на желѣзный домикъ, купленный у союзниковъ однимъ купцомъ, и на театръ, бывший въ Камышѣ и оттуда перенесенный впоследствии. Здѣсь однакоже больше обитаемыхъ домиковъ, хотя общій характеръ — развалины. На поворотѣ улицы, ведущей къ гавани, я увидѣлъ рядъ деревянныхъ строеній, въ родѣ швейцарскихъ, съ щеголеватыми рѣшетками; въ нижнихъ этажахъ помѣщаются разные торговцы, а вышѣски

гласятъ о профессіи каждаго. Стѣны мѣстами исписаны иностранными фразами.

— Это что за домики? спросилъ я извозчика.

— Да все же *онъ* построилъ и торговалъ.

Эта часть города по крайней мѣрѣ не наводитъ такого унынія и хотя небольшія эти постройки стоятъ на мѣстѣ, гдѣ все разрушено и обогрено кровью, однако есть и уцѣлѣвшіе дома, а сидѣльцы любезно зазываютъ васъ въ лавки. Но любопытствовать было не время и я поспѣшилъ къ пристани. Слуха моего коснулся первый звонокъ, значить еще можно было гулять, только не удаляясь отъ парохода. Отпустивъ извозчика, я пошелъ еще по берегу. Въ уничтоженномъ адмиралтействѣ лежали кучами канаты, якоря, снаряды и разное желѣзо, — поднятые изъ моря американцемъ, который взялся очистить рейдъ. Дальше стояло большое судно, которое грузили костями.

— Что это за судно? спросилъ я у проходившаго караима.

— Иностранное, кажется, англійское.

— Какія же это кости?

— Говорятъ, что не человѣчьи, а тамъ Богъ ихъ знаетъ, отыѣчалъ караимъ, отправляясь своей дорогой.

Меня это зрѣлище взволновало. Положимъ въ кампаніи погибло множество животныхъ по случаю распутицы и голоду, положимъ купцы приобрѣтаютъ грузъ необходимый имъ для фабрикъ, и это дѣло чисто коммерческое, ибо мало ли на что нужна кость въ торговлѣ. Но если отходить корабль съ костями изъ севастопольскаго порта, какъ-то невольна подозрѣніе закрадывается въ душу, что можетъ быть темные спекулянты, у которыхъ не дрогнетъ сердце ни предъ какимъ нечистымъ дѣломъ, равнодушно вытаскиваютъ изъ неглубокихъ могилъ и тѣ кости, предъ которыми слѣдуетъ остановиться съ глубокимъ уваженіемъ. Не знаю, по крайней мѣрѣ на меня, судно, грузившееся костями, произвело непріятное впечатлѣніе. Кто и говорить, что покойнику все равно — истлѣетъ ли его прахъ въ могилѣ, или кости его пережгутся на животный уголь, — но каждому хотѣлось бы, чтобы его не тревожили въ могилѣ...

По второму звонку я уже былъ на пароходѣ. Здѣсь кстати замѣтимъ, что морская вода въ Севастополѣ значительно различается отъ одесской: она какая-то свѣтло зеленая и такая прозрачная, — что глазъ проникаетъ на значительную глубину. Возлѣ парохода плавали какіе-то матовые кружки, точь-въ-точь какіе-нибудь билеты съ нумерами, преимущественно съ цифрой

88 : это моллюски, называемыя въ простонародіи «морскимъ саломъ.» Существа эти самой низкой организаціи иногда появляются цѣлыми слоями. Скоро мы тронулись. Пока шли малымъ ходомъ, я все стоялъ на югѣ и смотрѣлъ на городъ. Надъ пристанью, на возвышенности, виднѣлись памятники Казарскаго и уцѣлѣвшій фасадъ библіотеки, — дальше все, не обманывая уже зрѣнія, представляло развалины. Вдали къ Инкерману работали машины американца, который подымалъ пароходъ Владиміръ, а ближе въ нѣсколькихъ саженяхъ отъ фарватера печально торчали двѣ мачты затопленнаго фрегата Кулевчи. Я окпнулъ бѣглымъ взоромъ берега. Вправо сквозили разбитыя казармы, лѣвѣ подымался знатенитый Малаховъ курганъ, еще лѣвѣ сѣрѣло кладбище...

Колхида прибавляла ходу, и мимо сѣверной, на которой сохранились батареи, мы пошли на встрѣчу большой зыби, дававшей понятіе о томъ, что насъ ожидало. При выходѣ въ открытое море волны неслись шумнѣе и словно выросли огромными стадами и, разбившись о желѣзныя скулы Колхиды, съ какимъ-то неистовствомъ убѣгали въ разныя стороны. Но вотъ мы не много поворотили, и пароходъ подвергся боковой качкѣ, которою его бросало какъ орѣховую скорлупу къ всеобщему неудовольствію. День былъ чудный, на небѣ ни облачка, вѣтру ни сколько, влѣвѣ обрисовывались сплуты крымскихъ горъ и въ-особенности поэтическаго Чатырдага. Но вчерашнее волненіе развело такую зыбь, что трудно было устоять на палубѣ. До сихъ поръ я никогда не зналъ морской болѣзни и былъ твердо увѣренъ, что не подвергнусь ей ни въ какомъ случаѣ. Съ сожалѣніемъ смотрѣлъ я какъ выносили тюфяки на палубу, на которыхъ ложились дамы, дѣти и французъ-гувернеръ, позабывшій превосходство своей націи и представлявшій весьма жалкую фигуру. Въ это время прозвонили къ завтраку. Я разговаривалъ съ однимъ достойнымъ морякомъ Н. П. С—мъ.

— Какъ лучше, по вашему, спросилъ я его: завтракать ли въ эту качку или нѣтъ?

— Я совѣтывалъ бы позавтракать.

— Въ такомъ случаѣ пойдемте.

Въ каютъ-компаниі собралось шесть человѣкъ. Столъ накрытъ былъ съ протянутыми веревками, такъ чтобы не двигалась посуда, и мы усѣлись. Лампы, висѣвшія надъ столомъ, указывали розмахи парохода. Икра съ лимономъ и маслины показались мнѣ очень вкусны; но горячая рыба своимъ запахомъ произвела во

мнѣ чрезвычайно непріятное ощущеніе. — Отчего вы не кушаете, это очень вкусная вещь, отозвался мой сосѣдъ молодой докторъ.

— Я не люблю рыбы, отвѣчалъ я.

— Но вы ничего уже не будете кушать, сказалъ Н. П. С—нъ, вы поблѣднѣли. Вамъ гораздо лучше выдти на свѣжій воздухъ.

Дѣйствительно мнѣ сдѣлалось чрезвычайно жарко, видѣ кушаньевъ былъ чрезвычайно непріятенъ, и я охотно послушался совѣта. Надобно сказать однакоже правду, я шатался какъ пьяный и только съ помощью Джовани вышелъ на палубу. Добравшись кое-какъ по борту до юта, я присѣлъ на рѣшетку и оставался въ непріятномъ состояніи около часу. За херсонскимъ маякомъ мы поворотили, качка сдѣлалась клевая, зыбь уменьшилась, и болѣзненное мое состояніе прошло мало-по-малу. На полугорѣ вдаль показался Георгіевскій монастырь въ своей дикой красотѣ, а дальше мы увидѣли одну изъ древнихъ башенъ замка Балаклавы (этотъ городокъ не видѣнъ съ моря), и мнѣ невольно припомнился прекрасный сонетъ Мицкевича. Онъ оканчивается очень зло; по вѣроятности, поэтъ имѣлъ причину сказать:

Tu gad mieszka i czlowiek podlejszy od gadu.

Здѣсь гадъ живетъ и людъ подлѣе гада (пер. Н. Луговскаго).

Пароходъ пошелъ вдоль южнаго берега Крыма, который представился, если не во всей красѣ, потому что было половина октября, то еще въ великолѣпномъ нарядѣ свѣжей зелени и прихотливыхъ очертаній горъ, то покрытыхъ лѣсомъ, то усѣянныхъ оригинальными камнями. Узенькой лентой по полугорѣ протянулось шоссе, а вдаль показались пирамидальные тополи и темная масса виноградниковъ. Мы обогнули мысъ Сарычъ — самую южную оконечность полуострова, — откуда кратчайшій путь до малоазіатскаго берега. Рассказываютъ, что на этотъ мысъ собираются въ огромномъ количествѣ птицы и птички, улетающія на зимы за-море. Въ это время жители бьютъ ихъ по ночамъ съ фонарями. Но, не смотря на это, птицы остаются по нѣсколько дней, выжидая попутнаго вѣтра. Кто бы повѣрилъ, что кака-нибудь пичужка пускается къ анатолійскому берегу на разстояніи сотенъ миль, не встрѣчая ни одного островка для отдыха на такомъ большомъ перелетѣ. Дождавшись попутнаго вѣтра, воздушныя стаи сымаются съ Сарыча и весело бросаются въ пространство, ведомыя опытными жожаками на теплую зимовлю. — Мы

Отд. III.

2

приближались къ дачамъ счастливецъ, владѣющихъ такими роскошными уголками. Спокойный ходъ Колхиды позволилъ нашимъ дамамъ унизать лѣвый бортъ и наслаждаться южнобережскими видами, которые дѣйствительно не только въ бинокль, но и не вооруженному глазу представлялись очаровательными, словно въ панорамѣ. Не смотря на убѣжденіе въ дѣйствительности, какъ-то не вѣрится, чтобы у насъ могли существовать мѣста, подобныя дачамъ Мальцова, Алупкѣ, Ливадіи, Ориандѣ и другихъ, которыхъ никто не могъ подсказать названія. Представьте себѣ сказочные дворцы, утопающіе въ роскошной растительности, какъ напримѣръ Алупка, гдѣ въ саду встрѣчаются и стройный тополь и темный кипарисъ и вѣтвистый олеандръ, а между этими деревьями, каждая группа которыхъ разсажена съ цѣлью, возвышаются то храмъ, то бельведеръ красиваго, строгаго стиля: Пассажиры не сходили съ палубы. Солнце ярко освѣщало чудную картину. Воиеніе утихло, а изъ глубины моря поминутно вынырjali толпы дельфиновъ. Чудовища эти, впрочемъ весьма миролюбивыя, обыкновенно кувыркаются у борта, такъ что ихъ легко разсмотрѣть въ нѣсколько секундъ, а маргышки пробуютъ на нихъ садиться, не знаю уже съ какою цѣлью. Враждебныхъ намѣреній здѣсь подозрѣвать нельзя, принявъ во вниманіе величину птицы и рыбы, но говорятъ рыболовы такъ кровожадны, что, можетъ быть, и мечтаютъ поднять въ когтяхъ дельфина. Но ничего не можетъ быть очаровательнѣе южнаго берега, даже, если смотрѣть на него мимоходомъ, съ моря, когда зритель не только лишенъ возможности любоваться имъ съ разныхъ точекъ, но еще и подверженъ неудобству быстрого движенія. Эта картина такого рода, что конечно можно исписать листа два на описаніе одной Алупки и все-таки читатель не получитъ о ней полнаго понятія, потому что ни какое перо не въ состояніи передать южнаго склона крымскаго полуострова, съ чисто сказочными садами и зданіями. Тѣмъ болѣе это было бы непростительнѣе въ путевыхъ замѣткахъ, которыя такимъ образомъ могли бъ быть наполнены подогрѣтымъ призмомъ и неизбѣжными общими мѣстами. Скоро вниманіе наше было однакоже обращено впередъ, гдѣ вдали обрисовывалась громадная Фигира Аю-дага, дѣйствительно представляющая лежащаго огромнаго медвѣдя (Аю по татарски — медвѣдь).

Часу въ четвертомъ мы бросили якорь у Ялты — у небольшого городка, окруженнаго живописными горами. Черезъ нѣ-

сколько минутъ къ намъ переѣхало нѣсколько пассажировъ и явились продавцы съ фруктами превосходнаго качества. Особенно замѣчательнъ мушкатный виноградъ, которому нѣтъ подобнаго во всей окрестности; но я не скажу, чтобы продавали его очень дешево.

Ялта весьма небольшой городъ. Отымите у него казенныя зданія и онъ будетъ состоять изъ нѣсколькихъ десятковъ домиковъ; но по своему положенію это такой хорошенькій уголокъ, куда стекались бы непременно зимовать больные грудью, если бы онъ представлялъ хоть какія-нибудь удобства къ жизни. При нынѣшнихъ же условіяхъ онъ пусть, не устроенъ и не смотря, что лежитъ на берегу моря, — пріѣзжіе лишены, не говорю удобствъ, но самыхъ первыхъ потребностей къ существованію. Представьте себѣ мѣстность, окруженную большими, порою лѣсистыми горами, замѣчательной высоты, такъ что облака постоянно цѣпляются за ихъ кудрявыя вершины, на подобіе газа, обвивающаго пышную прическу, представьте себѣ, что вокругъ чудныя сады, утесы и вѣчный ропотъ неумолкающаго Чернаго моря, и на этой небольшой полукруглой долинь, защищенной отъ сѣвера и востока — миниатюрный городокъ — вотъ вамъ легкій очеркъ Ялты въ нѣсколькихъ строчкахъ. Я познакомился тамъ съ очень милымъ молодымъ человѣкомъ, который пріѣхалъ для поправленія слабой груди. Бѣднякъ жалуется на лишенія, а болѣе на мертвящую скуку, которая, не смотря на благодѣтельный климатъ, можетъ одолевать человѣка и въ состояніи развиться въ ужасающій сплинъ при малѣйшей слабости характера. Оно и понятно. Человѣкъ пріѣзжій, одипокій, оторванный отъ семейства или занятій, если только онъ не Обломовъ и не идиотъ, быстро почувствуетъ припадки хандры въ этомъ захолустьи, правда хорошенькомъ, но тѣмъ не менѣе лишенномъ общества, безъ котораго трудно существовать цѣлые мѣсяцы. Впрочемъ, пробѣгая иногда Одесскій Вѣстникъ, помню, что я читалъ статейки о Ялтѣ, подписанныя какимъ-то господиномъ, носящимъ греческую фамилію, который описывалъ даже что-то въ родѣ скандала съ одной барыней. Конечно въ Ялтѣ не безъ людей, а гдѣ люди тамъ и столкновения и скандалы; однако все-таки кого осудить судьба прозябать одиноко въ отдаленномъ городкѣ, тому куда какъ грустно подобное существованіе.

Къ вечеру погода совершенно утихла, и море лежало почти неподвижно. Окрестныя горы, закутавшія вершины свои туманомъ, казались еще живописнѣе, и въ нѣкоторыхъ домпкахъ

города зажглись огни. Часу въ восьмомъ мы снялись съ якоря, и я чрезвычайно жалѣлъ, что мы въ темнотѣ должны были огнѣвать Аю-дагъ и проходить мимо живописной Алушты. Общество каютъ-компаніи увеличилось двумя дамами-грузинками, изъ которыхъ одну я знавалъ молоденькой дѣвочкой въ Тифлисѣ. Мнѣ пріятно было поговорить о знакомыхъ, съ кѣмъ, конечно, не встрѣчаться уже въ жизни, но съ грустью услышалъ я о смерти одного существа, представлявшагося мнѣ всегда тамъ, за далекими горами, какъ самое поэтическое воспоминаніе. Особа эта была извѣстная красавица княжна Майко О....., съ братомъ которой я путешествовалъ на Кавказъ и по Закавказью, — погибшимъ такою преждевременною и печальною смертью. Подъ вліяніемъ грузинскихъ воспоминаній я долго не могъ уснуть и бродилъ по палубѣ. Всѣ, кто имѣлъ какую бы то ни было каюту, улеглись по койкамъ, одни только пассажиры четвертаго класса лежали и сидѣли группами наверху. Раздѣлившись на кружки, они вели бесѣду, и тутъ-то можно было насладиться смѣшеніемъ разныхъ нарѣчій. Съ нами шли велико и малоруссы, татары, караимы, евреи, нѣмцы и даже два грузина. Табакъ разныхъ достоинствъ изъ разныхъ угловъ, улетучиваясь дымомъ, смѣшивалъ всевозможные свои запахи и уносился легкими облаками. Большая часть крымскихъ татаръ курили трубки, но были и цивилизованные, которые крутили папирску съ искусствомъ инаго джентльмена. Поближе къ трубѣ сидѣли три пассажира, наслаждаясь даровою теплотою и покуривая, вели весьма назидательную бесѣду о томъ, что морская свинья (дельфинъ) очень большая, но что китъ еще больше, ибо на немъ держится земля и довольно ему махнуть хвостомъ, чтобы произвести землетрясеніе. Подобная теорія мірозданія почти повсемѣстно распространена въ простомъ народѣ и даже есть люди изъ дворянскаго сословія, вполне раздѣляющіе это мнѣніе, неизвѣстно откуда запесенное. Бесѣда эта меня заняла и я прислонился къ борту съ цѣлью насладиться ею, но интересный разговоръ прекратился и въ кружкѣ начало водворяться молчаніе, изрѣдка прерываемое, одинокими изрѣченіями, часто остававшимися безъ отвѣта. Я перешелъ къ группѣ татаръ, сидѣвшихъ на корточкахъ у фокмачты. Дымъ уносился столбомъ вверхъ подъ сѣрыми бараньими шапками, но татары не разговаривали. Дальше, возлѣ чьего-то экипажа, сидѣли нѣсколько пассажировъ, изъ числа которыхъ одинъ въ тулупѣ на распахну и съ заплетенною назадъ косою рассказывалъ присутствовавшимъ объ ужасахъ ада, съ такою

увѣренностью, какъ будто онъ самъ видѣлъ все это собственными глазами. Вздохи и междометія слушателей обличали полную вѣру въ рассказываемое. Тутъ же сидѣла одна госпожа въ черномъ платьи и остроконечной бархатной шапочкѣ и по временамъ подтверждала картины адскихъ истязаній, изложенныя индивидуумомъ съ косою. Безъ церемоніи присоединился я къ этому кружку и увеличилъ число слушателей. Ужасы ада знакомы мнѣ какъ по большимъ маслянымъ, такъ и по лубочнымъ картинамъ, знакомы также изъ нѣкоторыхъ сказокъ; но признаюсь никогда еще не слышалъ я такого полнаго изложенія утонченныхъ истязаній, сдѣлавшихъ бы честь любой инквизиціи. Видно, что индивидуумъ съ косою глубоко изучилъ предметъ и что кромѣ этого, его собственное воображеніе дополняло нѣкоторые подробности, особенно если кто изъ присутствовавшихъ задавалъ вопросы. Рассказчикъ разрѣшалъ эти вопросы безъ малѣйшаго затрудненія и съ необыкновенною полнотою, причемъ иногда въ приемы обитателей ада онъ вносилъ элементы не адскаго происхожденія. Кипящая смола, желѣзныя крючья, горячія сковороды, огненные плети — все это весьма обыкновенныя наказанія по адскому кодексу за суесловіе, кражу, несоблюденіе постовъ, прелюбодѣяніе, убійство. Всѣ эти преступленія и проступки не имѣютъ однакоже различія въ приложеніи наказанія, потому что если человѣка, выбравшаго скверными словами своего ближняго будутъ бить *вплно* огненными плетями, лжеца заставятъ лизать горячую сковороду, а убійцу повѣсятъ за ноги въ сѣрномъ пламени, то не найдемъ послѣдовательности въ адскомъ уголовномъ уложеніи. Рассказчикъ въ-особенности напалъ на курильщиковъ и нюхателей табаку — этого триклятаго зелья, такъ что я, собравшись свернуть себѣ папирску, не рѣшился сдѣлать этого, разумѣется изъ боязни прервать интересную бесѣду. По словамъ индивидуума съ косою — это тяжкій грѣхъ противъ совѣсти, о которомъ сказано въ законѣ (?). Бѣднаго курильщика на томъ свѣтѣ черти растянутъ, прикуютъ цѣпями дадутъ въ зубы раскаленный желѣзный чубукъ и заставятъ тянуть дымъ изъ трубки, набитой всякими мерзостями, вонючѣе которыхъ нѣтъ ничего въ мірѣ. Нюхальщикамъ предстоить не менѣе неприятная кара: черти будутъ набивать имъ въ носъ раскаленные желѣзныя опилки, и если который бѣднякъ чихаетъ, того, кромѣ заслуженной кары, станутъ еще сѣчь огненными плетями.

— А отчего же такъ много нюхаютъ и курятъ? спросилъ

одинъ молодой парень нерѣшительно, испугавшійся, повидимому, страшной кары за такое невинное занятіе.

— Ну, и всѣмъ будетъ мздовоздаяніе.

— Такъ, такъ, подтвердила госпожа въ остроконечной бархатной шапочкѣ: — приходятъ времена тяжкія, охъ, тяжкія.

— А какой самый тяжкій грѣхъ? спросилъ собесѣдникъ велпкорусскаго происхожденія.

— А вы не знаете, почтенный?

— Всѣ грѣхи тяжки, знаю я, а стало быть, примѣрно, есть же наибольшій, то есть, въ писаніи.

— Есть и наибольшій, за который и наибольшая кара предопредѣлена.

— Какой же такой грѣхъ? допрашивалъ мѣщанинъ, глубоко убѣжденный въ непогрѣшимости познаній оратора.

— Самой какой ни на есть тяжелой грѣхъ на свѣтѣ — выругать священника.

— Охъ, охъ! проговорила госпожа въ остроконечной шапочкѣ, — больше этого грѣха и быть не можетъ. Ахти, какія ужасті!

Одинъ изъ слушателей перекрестился. Я думалъ, что это при упоминаніи страшнаго преступленія, но звуки огромнаго, удушающаго зѣвка дали знать, что слушатель, по случаю этого дѣйствія своего организма, осѣнилъ пасть свою крестнымъ знаменіемъ, чтобы какъ-нибудь нечистый не забрался въ его внутренность.

— Да, продолжалъ ораторъ съ косою, — знайте, добрые люди, что это только сказано объ однихъ священникахъ, а здѣсь должно разумѣть и всякаго причетника, который вѣдь тоже занимается служеніемъ Богу.

— Ну, какое же, стало быть, наказаніе за этотъ грѣхъ на томъ свѣтѣ?

— Не приведи Богъ! Грѣшника погружаютъ въ кипящую смолу по самыя уста. Да вамъ, конечно, случалось видѣть картину ада.

Многіе отозвались утвердительно.

— Ну, замѣчали ль вы — кто въ раю?

— Святые и праведные.

— То-то, святые и праведные! Да кто именно? Развѣ видѣли кого-нибудь кромѣ священствующихъ и монашествующихъ: стало быть и грѣхъ ихъ обиждать.

Но мнѣ больше всего понравился разсказъ, на комъ черти разѣзжаются въ каретахъ по своему адскому царству. Эти сибариты въ минуты отдыха катаются въ экипажахъ, запрягая актеровъ, пѣвцовъ, музыкантовъ, однимъ словомъ, всевозможныхъ художниковъ и артистовъ, профессія которыхъ не такъ грѣшна, чтобы за нее кипѣть въ смолѣ, но все же заслуживаетъ наказанія. Кромѣ этого послѣдніе исправляютъ и всѣ черныя работы, таскаютъ дрова, смолу, топятъ печи, и за ними присматриваютъ черти, а лѣнивыхъ подгоняютъ прутьями.

— Гдѣ же все это вы читали? спросилъ я какъ можно вѣжливѣе.

— Извѣстно, въ писаніи, отвѣчалъ ораторъ. — Да вы кто, русскій?

— Русскій.

— И вѣрно грамотны?

— Немножко.

— Стало быть и спрашивать нечего! отозвался ораторъ съ неудовольствіемъ. — Есть у насъ и изъ русскихъ, продолжалъ онъ, обращаясь къ слушателямъ, — которые ни чему не вѣрятъ, а ужъ о постахъ и говорить нечего.

— Охъ, есть, есть, подтвердила госпожа въ остроконечной шапочкѣ, — и это все за грѣхи наши, все это житіе новомодное, иноземное, все это книжки богохульные, языческія.

Толпа смотрѣла на меня чуть не враждебно. Желая, однако же, насладиться бесѣдою, я отошелъ къ борту и, свернувъ папироску, закурилъ проклятое зелье. Сзади плескали волны, слѣва свистѣлъ паръ, а вправо раздавался назидательный разговоръ о грѣхахъ нашихъ. Много задано было оратору вопросовъ, которые всѣ разрѣшались очень быстро, много высказано было убѣжденій о близости кончины міра. Послѣднія преимущественно основывались на томъ, что нынѣ такой гадкій завелся народъ, при которомъ духовенству жить невыгодно, что въ прихожанахъ меньше усердія къ вѣрѣ, усердія, которое выражалось бы приличными приношеніями. Наконецъ пассажиры изъявили желаніе успокоиться.

Съ окончаніемъ этой бесѣды побрелъ и я посидѣть на ютѣ, потому что еще не хотѣлось спать. Сначала я не обратилъ вниманія, что за мной кто-то слѣдовалъ по пятамъ, но выйдя на кормовую палубу, оборотился. Возлѣ меня стоялъ ораторъ съ косою.

— Осмѣлюсь беспокоить ваше благородіе.

— Что вамъ нужно?

— Одолжите сигарочки на двѣ табаку — у меня, признаться, вышелъ.

— Вы же недавно говорили...

— Развѣ все то дѣлается, что говорится?

— А какъ на томъ свѣтѣ дадутъ вамъ раскаленный чубукъ въ зубы! Мнѣ жаль было бы видѣть васъ въ этомъ положеніи.

— Когда-то еще это будетъ, а ужъ вы одолжите.

Я исполнилъ его желаніе.

— Вѣдь васъ могутъ увидѣть съ папироской ваши слушатели и эта госпожа въ бархатной шапочкѣ.

— Надобно такъ дѣлать, чтобъ не видѣли.

— А кто эта женщина?

— Одна странница: вотъ уже лѣтъ десять занимается она благочестивыми дѣлами.

— Какими же?

— Ходить по монастырямъ и молится за грѣшныя души.

— Кажется, еще молодая.

— О, славная баба! проговорилъ ораторъ съ такимъ выраженіемъ, за которое, кажется, ему слѣдовало бы быть приязненнымъ за желѣзный крюкъ въ вѣчномъ пламени.

Господинъ этотъ видимо желалъ продолжать со мною разговоръ и хвалилъ мой табакъ, но я постарался отъ него отдѣлаться. Мнѣ еще не хотѣлось спускаться въ каюту, и я замѣтилъ несносному спутнику, что если капитанъ увидитъ его не на своемъ мѣстѣ, — не получилъ бы онъ неприятности. Робкими шагами удалился толкователь адскаго кодекса. Невольно я подумалъ, какое вліяніе произвела его бесѣда на слушателей, и что должно было присниться не одному и не одной изъ пассажировъ.

На другой день утро было такъ хорошо, выходъ солнца изъ моря такъ великолѣпенъ, особенно когда прежде своего появленія оно тронуло вершины южно-бережскихъ горъ, что я позабылъ вчерашняго оратора. Скоро мы бросили якорь на еодосійскомъ рейдѣ. Пассажиры засуетились, отъ берега начали появляться шлюпки съ таможенными, карантинными, компанейскими чиновниками, и между городомъ и пароходомъ установилось дѣятельное движеніе. Еодосія съ моря не представляетъ ничего особеннаго, исключая древнихъ генуэзскихъ развалинъ и нѣсколькихъ оригинальныхъ мельницъ. На рейдѣ стоялъ пароходъ и нѣсколько судовъ, одно или два заграничныя, а осталь-

вля, принадлежащія нашему каботажу. Простившись съ добрыми, обязательными канитаномъ и его помощниками, я сложилъ свой дорожный багажъ на яликъ и чрезъ нѣскольکو минутъ ступилъ на оеодосійскую пристань.

А. ЧУЖБИНСКІЙ.

Октября 21-го 1859 года. Геническъ.

Письмо изъ Одессы.

Одесса, 21-ноября 1859 года.

Въ «Осахъ» (les gîeres) Альфонса Карра часто встрѣчаются насмѣшки надъ французскими журналами за то, что они, не имѣя чѣмъ наполнить столбцы свои, прибѣгаютъ къ сообщенію публикѣ разныхъ небывальщинъ и вымысловъ. Во время засѣданія палаты (Осы, какъ извѣстно, выходили еще въ то счастливое для французовъ время, когда у нихъ были палаты и газеты говорили или молчали не по приказанію правительства, а по собственному вдохновенію) имъ доставляютъ обильную пищу прѣнія четырехъ сотъ съ чѣмъ-то законодателей. Но когда засѣданія прекращаются, этотъ источникъ толковъ и пересудовъ исчерпывается. И вотъ въ разныхъ департаментахъ Франціи рождаются телята съ бараньими головами, отыскиваются кельтійскія древности, являются столѣтніе сторожилы, которые непременно еще читаютъ безъ очковъ, примѣры сверхъестественныхъ добродѣтелей или невозможныхъ пороковъ. Тамъ, глядишь, передъ какимъ-нибудь Ла-Рошелемъ всплыла морская змѣя на поверхность океана; тутъ нашли въ камнѣ жабу, вполнину окаменѣлую, но еще живую; въ третьемъ мѣстѣ еще что-нибудь такое. Коль скоро же опять начинаются пренія палаты, всѣ эти чудеса забыты; никто не говоритъ объ нихъ болѣе, пока опять не наступитъ періодъ ихъ появленія, т. е., новая ваканція законодательнаго собранія.

Эти подтрунванія Карра неволью пришли мнѣ въ голову при чтеніи вашего требованія новостей, новостей изъ провинціи. Не знаю, какъ другимъ, но мнѣ кажется что провинціальный корреспондентъ русской газеты или журнала имѣетъ всегда надобность въ морскихъ змѣяхъ, бараньеголовыхъ телятахъ и тому подобныхъ чудовищныхъ уткахъ. Общественная жизнь у насъ право такъ бѣдна, такъ безсодержательна и пуста, что

рѣшительно не о чемъ писать, если не хочешь говорить о жо-жарахъ, сѣверныхъ сияніяхъ или другихъ интересныхъ событіяхъ этого рода. Что занимаетъ провинціальное общество, какими высшими жизненными интересами поглощено оно? Преврансь да болѣе или менѣе скандалезныя сплетни, вотъ что составляетъ эти интересы.

Но, я замѣчаю, вы съ удивленіемъ читаете мои жалобы; вы недовѣрчиво смотрите на названіе мѣста, изъ котораго я пишу вамъ. Неужто и въ Одессѣ нѣтъ общественной жизни, т. е., такой, о которой стоило бы поговорить? Неужели же и эта «жизница Европы», эта «царица Ново-Россіи», эта «черноморская красавица» тоже погрязла въ той обыденности и пошлости, которой поглощены другія наши губернскія и уѣздныя столицы? Вѣдь ее когда-то звали европейскимъ городомъ. Въ то незабвенное время, когда не пускали за-границу и посылали на Кавказъ тѣхъ, которые хотѣли лѣчиться карльсбадскими или висбаденскими водами, ею, бывало, многіе пользовались какъ суррогатомъ заграничной жизни, такъ точно, какъ нѣмцы употребляютъ цикорію, какъ суррогатъ кофе. Вѣдь въ Одессѣ есть высшее учебное заведеніе, вѣдь сама она центръ учебнаго округа, въ главѣ котораго такъ недавно еще стоялъ человѣкъ, голосу котораго внимаза вся Россія — и въ ней нѣтъ умственной дѣятельности, нѣтъ жизни въ истинномъ смыслѣ, жалуются на недостатокъ матеріала для корреспонденцій!

Что дѣлать! *Tempi passati*, говоритъ вздыхая свидѣтель прошлаго блеска ея и живой памятникъ этого прошлаго — старожилъ итальянецъ. «Für's gewesene giebt der Jude nichts», острить по своему вытѣсняющій итальянца выходець изъ ближайшей нѣмецкой колоніи. Теперь въ Одессѣ европейскаго осталось уже очень не много. Утвердившійся давностью обычай курить на улицахъ и почти ничего больше. Сами улицы, не только что не европейскія, даже не восточныя, а какіе-то африканскія или австралійскія. Тротуары, кромѣ двухъ-трехъ улицъ, отнесены къ миеологій. Мостовыя лучше всего тамъ, гдѣ ихъ вовсе нѣтъ. Гдѣ онѣ есть, тамъ вы встрѣчаете рядъ ямъ и углубленій, наполненныхъ, смотря по времени года, пылью или грязью, и дѣлающихъ ѣзду по нимъ дѣломъ порядочно рискованнымъ. Американскія страховыя общества берутъ дороже за страхованіе вещи или лица, если оно совершаетъ поѣздку по Миссисиппи, чѣмъ при отправленіи ея черезъ океанъ въ Европу или Азію. Я полагаю они не усомнились бы взять бѣольшую премію съ

человѣка, отваживающагося ночью проѣхать хоть-бы главную улицу Одессы, ведущую отъ моря къ кладбищу, чѣмъ съ того, кто долженъ совершить кругосвѣтное путешествованіе. Освѣщеніе улицъ носить это названіе буквально а non lucendo. Въ Европѣ уже каменно-угольный газъ смѣнялся спиртовымъ, спиртовой древеснымъ, древесный торфовымъ, торфовый — электрическимъ свѣтомъ. А у насъ по прежнему свѣтъ горящаго масла отражается въ тусклыхъ, заржавѣвшихъ реверберахъ фонарей, если только этому маслу удастся уйдти отъ прямого назначенія своего — утучнять кашу фонарщика или служить къ удовлетворенію высшихъ потребностей людей съ болѣе развитымъ вкусомъ.

Dum spiro, spero, однакожъ. И Одесса надѣется что будетъ лучше, надѣется не смотря на то, что такъ часто уже обманывались ея надежды, будетъ надѣяться, пока будетъ дышать пылью, которою до-сихъ-поръ мостили ее. Слухъ идетъ, что наконецъ рѣшено замѣнить эту пыль гранитомъ и булыжникомъ, и даже люди, посвященные въ таинства правленія, утверждаютъ, что г. Волохову, здѣшнему капиталисту, поручено произвести эту замѣну. Но когда это будетъ? Будущею весною только приступятъ къ работѣ и въ шесть мѣсяцевъ кончатъ половину ея. Остальную половину города будутъ мостить позже, или вовсе не будутъ мостить — не знаю. Да и едва ли между обоими этими предположеніями есть существенная разница. — Что же касается освѣщенія, то объ немъ заговорили было по поводу пріѣзда сюда какого-то француза, будто бы предпринимавшаго учрежденіе газовой компаніи; потомъ замолчали и вѣроятно заговорятъ снова уже по окончаніи затѣваемыхъ новыхъ мостовыхъ. Согласитесь, что разомъ этихъ двухъ благъ много для Одессы.

Вотъ прогрессъ, т. е., матеріальный прогрессъ ея втеченіе послѣдняго десятилѣтія. При началѣ его были мостовыя, скверныя правда, но все-таки далеко лучше настоящихъ. Начальство оцѣнило ихъ дурное качество и отдало подъ судъ городского голову и секретаря думы за то, что не сдѣлали лучшихъ. По дѣломъ вору и мука. Всѣ обрадовались и подумали, что за карою послѣдуетъ милость, т. е., поправка мостовыхъ. Не тутъ-то было. Началась война и въ городскихъ суммахъ оказалась надобность для батарей и укрѣпленій. Заботиться о мостовыхъ тогда было бы недостаткомъ патріотизма. Со дня на день можно было ожидать, что Одесса попадетъ въ руки непріятеля; луч-

шать городъ значило бы слѣдовательно заботиться о непріятельскомъ комфортѣ. Но непріятель зналъ, что такое Одесса и не тронулъ ея. Не того ему нужно было. Вотъ, однакожь, заключенъ миръ; снова стали думать объ удобствахъ города, говорили, писали, составляли проекты, смѣты и проч. къ дѣлу же, не смотря на то, что уже четыре года прошло по окончаніи войны, не приступали.

Другой прогрессъ: лѣтъ двадцать тому назадъ, Одесса была портофранкомъ. Все было дешево, хорошо, доступно каждому, начиная отъ предметовъ первой необходимости, каковы табакъ и вино, до произведеній утонченнѣйшей роскоши. Потомъ стала оплачиваться $\frac{1}{4}$ %, $\frac{2}{4}$ %, $\frac{3}{4}$ %, наконецъ цѣлая пошлина, и Одесса, удаленная отъ центровъ русской промышленности, поэтому принужденная, не взирая на пошлину, покупать за-границей, сдѣлалась самымъ дорогимъ для жизни городомъ имперіи.

Третій прогрессъ: въ былое время Одесса и гавань ея были двѣ вещи совершенно различныя. Житель города съ высоты своего приморскаго бульвара любовался на толпу и жизнь въ портѣ; морякъ смотрѣлъ съ своего судна на гуляющихъ зѣвакъ, но другаго сообщенія между тѣми и другими не было. Грозною чертою отдѣляла ихъ другъ отъ друга цѣпь неумолимыхъ часовыхъ съ заряженными ружьями и роковая рѣшетка карантинной парлаторіи. Теперь эта преграда пала. Обыватель города можетъ безпрепятственно спуститься въ самый центръ той дѣятельности, которой онъ прежде любовался только издали, à vol d'oiseau. Ничто не мѣшаетъ ему убѣдиться, что вблизи она вовсе не такъ привлекательна, какъ казалась издали. Иностранецъ морякъ съ своей стороны проникаетъ въ городъ и видитъ что внутренность его далеко не соответствуетъ великолѣпной зрѣлища, которое онъ представляетъ съ моря. Иллюзіи съ той и другой стороны пали и уступили мѣсто пошлой, скудной дѣйствительности.

Но вѣдь эта возможность сообщеній между городомъ и гаванью есть дѣйствительный успѣхъ, скажете вы, и глумиться надъ нею нечего. Что за бѣда въ томъ, что чьи-нибудь иллюзіи пали; развитіе какъ недѣлимаго, такъ и цѣлаго рода человѣческаго таково, что постоянно иллюзіи приносятся въ жертву истинѣ и дѣйствительности.

Не мнимый прогрессъ! Какъ кому, а вотъ если бы вы, какъ я, были кумомъ стараго карантиннаго чиновника, который бывало прежде, возвращаясь изъ четырехъ-мѣсячнаго дежурства,

приноси́лъ съ собою разныхъ благостей, дань покорнаго Запада, какъ онъ выражался, и надѣлялъ всѣхъ своихъ знакомыхъ всякими гостинцами, начиная отъ вѣнскихъ зажигательныхъ свѣчекъ до самыхъ замысловатыхъ царьградскихъ конфетъ — такъ вѣдь это, согласитесь, не иллюзія, а живая осязательная дѣйствительность. Какъ кому, но мнѣ не кажется прогрессомъ для города, если я, проходя по улицѣ, слышу крикъ и шумъ, вижу буйство и драки іонійскихъ и греческихъ матросовъ, которыхъ прежде не пускали въ него. Мнѣ не кажется прогрессомъ, если они производятъ безпорядки, воздвигаютъ гоненія на жидовъ, какъ это было напримѣръ на святой недѣлѣ нынѣшняго года. Увѣряю, что такой дѣйствительности я всегда предпочелъ бы иллюзію и охотно промѣнялъ бы приобретенное теперь подлинное знаніе левантинскаго матроса на поэтическій обманъ, выставившій его прежде въ несравненно привлекательнѣйшемъ свѣтѣ.

Это однакожь еще не единственное неудобство связанное съ уничтоженіемъ карантина. Прежде бывало, вечеромъ, когда дѣлать нечего, пойдешь въ театръ, берешь за рубль серебромъ мѣсто, стоящее теперь два, и наслаждаешься музыкой и игрою. Въ прежнее время одесская оперная труппа представляла составъ весьма удовлетворительный. Если она и не могла поставить на сцену монструозныхъ произведеній Мейербера съ сотнями хористовъ и хористокъ и цѣлымъ артиллерійскимъ паркомъ въ подкрѣпленіе оркестру, то пьесы Пачини, Россини, Доницетти, даже Верди шли очень и очень не дурно. Труппа правда стояла не дешево. Примадонна получала одного жалованья, кромѣ бенефисовъ, до двѣнадцати и болѣе тысячъ въ годъ. Но городу эта дороговизна не была въ тягость. Издержки на театръ покрывались изъ суммы, платившейся маркигантомъ, который бралъ на откупъ карантинныя гостинницы, слѣдовательно падала на иностранцевъ. Теперь этихъ гостинницъ не стало, не стало и 40,000 въ годъ, обращавшихся прежде съ нихъ на театръ, и труппа стала такою, что посѣщеніе театра уже не удовольствіе, а довольно тяжкая повинность. Лучшіе пѣвцы и пѣвицы таковы, что или у нихъ *еще* нѣтъ, или *уже* нѣтъ голоса; большею же частью они его никогда не имѣли и никогда не будутъ имѣть. Прошли тѣ времена, когда соловьемъ заливалась какая-нибудь синьора Брамбилла и Басседжіо и барыни въ порывѣ не совсѣмъ музыкальнаго, быть можетъ, энтузіазма доходили до драки изъ-за какого-нибудь, знакомаго и петербургской публикѣ, Нодэна.

Теперь восторгаются оперой жидки, чтобы хоть не даром бросить деньги, да передовые люди нынѣшней Одессы — студенты рিশельевского лицея. Семьдесятъ пять процентовъ изъ всѣхъ аплодирующихъ не достигло еще восемнадцати-лѣтняго возраста.

Впрочемъ я не хочу быть несправедливымъ. Именно въ настоящее время попалъ въ Одессу истинный талантъ — это синьора Тати. Какими судьбами, Богъ знаетъ, но во всякомъ случаѣ это явленіе въ Одессѣ необыкновенное. Г-жа Тати, контральтъ, съ голосомъ не очень обширнымъ, но восхитительнымъ въ нотахъ, составляющихъ діапазонъ его. Въ Европѣ еще не дебютировала; она пріѣхала къ намъ изъ Америки и при первомъ явленіи на сценѣ овладѣла сердцами всѣхъ любителей музыки. Я не знатокъ пѣнія и потому не въ состояніи анализировать впечатлѣніе, которое она произвела на меня. Но ни Альбани, ни Ангри, давно слышанныя мною въ Парижѣ и Петербургѣ, когда душа была, быть можетъ, повоспримчивѣе, не оказали такого дѣйствія. Притомъ г-жа Тати не только пѣвица, но и актриса; актриса съ тѣмъ классическимъ спокойствіемъ, съ тою пластичностью движеній, которыми я восхищался нѣкогда въ игрѣ Рашели и которою, какъ говорятъ, увлекаетъ своихъ слушателей Ристори. Каждое положеніе, каждый жестъ ея могъ бы служить моделью для ваятеля.

Что однакожъ и говорить объ этомъ. Я сказалъ уже, что мы какой-то счастливой случайности обязаны г-жею Тати. Но разумѣется ей не долго пробыть здѣсь. Одесса слишкомъ бѣдна, чтобы владѣть такимъ сокровищемъ, и какихъ-нибудь двѣ тысячи рублей въ годъ жалованья въ наше время не удовлетворяютъ даже артистки, которая во всѣхъ отношеніяхъ ниже посредственности. Слышно, что г-жу Тати зовутъ въ Парижъ, куда уже проникла молва о ея дарованіи. Въ февралѣ она, говорятъ, покидаетъ Одессу.

Нѣтъ! Какъ хотите, а я думаю, что уничтоженіе карантинна, въ pendant къ которому можно упомянуть и объ уничтоженіи окружавшей городъ таможенной черты, не вознаградило Одессы за матеріальный упадокъ, который чувствуется ею втеченіе послѣдняго десятилѣтія. Уничтоженіе порто-франко низвело ее со степени царицы Черноморья. Съ одной стороны все усиливается конкуренція въ хлѣбной торговлѣ дунайскихъ земель, Египта, Алжира и Соединенныхъ Штатовъ, съ другой не желаніе иностранцевъ платить за нашу пшеницу деньгами, тогда

какъ въ другихъ мѣстахъ они покупаютъ ее на товары, которыхъ къ намъ не допускаетъ тарифъ, вотъ что подорвало матеріальное благосостояніе города. Быть можетъ желѣзная дорога могла бы исправить дѣло, но вѣдь за нее примутся развѣ, когда покончатъ съ мостовыми, иначе говоря, когда изобрѣтательность человѣчества замѣнитъ паровозныя сообщенія воздухоплавательными.

А этотъ матеріальный упадокъ, не вознагражденъ ли онъ хоть до нѣкоторой степени умственнымъ и нравственнымъ развитіемъ города? Говорятъ же что народность Одессы приобрѣла болѣе единства, что она сдѣлалась болѣе русскимъ городомъ. Въ ней закипѣла было литературная дѣятельность, лицей ея было возмечталъ о преобразованіи въ университетъ! Но что на самомъ-то дѣлѣ вышло изъ всего этого?

Дѣйствительно, гуляя теперь по улицамъ Одессы, слышишь русскую рѣчь несравненно чаще, чѣмъ лѣтъ десять тому назадъ, когда слухъ поражался преимущественно итальянскими, греческими и польскими звуками. Но въ этой самой русской рѣчи раздаются такія страшныя хрипло-гортанныя придыханія, буква *p* произносится въ ней такъ своеобразно и не по-русски, кадансъ ея представляетъ такую особенную пѣвучесть, что съ перваго раза убѣждаешься, что это не русскіе, которые говорятъ такъ ревностно по-русски. И если прислушаешься по-ближе къ этимъ разговорамъ, то оскорбляешься такими солецпзмами и грамматическими ошибками, какихъ вѣроятно ни одному учителю грамматикки не случалось поправлять въ невѣжественнѣйшихъ русскихъ ученикахъ своихъ. И въ самомъ дѣлѣ двѣ трети людей, говорящихъ на одесскихъ улицахъ по-русски, суть евреи, едва ли могущіе считаться усиленіемъ русско-національнаго элемента въ нашемъ городѣ. Не обрусѣла въ послѣднія десять лѣтъ Одесса, а ожиловѣла. Само собою разумѣется, что я этимъ не хочу ей сдѣлать ни малѣйшаго упрека, но согласиться съ тѣмъ, что народность ея выиграла въ единствѣ, ввиду сказаннаго, мнѣ невозможно.

Чтоже касается до литературной дѣятельности, то у насъ по прежнему два органа гласности, которые безмолвствуютъ, когда слѣдовало бы говорить, и говорятъ, когда не стоило бы поднять голоса. Одинъ изъ нихъ французскій, другой русскій, почтенный «Одесскій Вѣстникъ», отличающійся особенно избыткомъ корреспонденцій изъ Нью-Йорка, по всей вѣроятности фабрикованныхъ въ самой же Одессѣ. Оба таковы, что объ нихъ

говорить намъ не приходится. При послѣднемъ изъ нихъ затѣялось было дѣло хорошее, ежемѣсячный журналъ подъ названіемъ «Южнаго Сборника». Онъ выходилъ тоненькими книжечками, по баснословно дешевой цѣнѣ, но къ сожалѣнію кажется не имѣлъ большаго успѣха. Не смотря на дѣльное содержаніе, не смотря на то, что нѣкоторыя статьи, особенно самого редактора, г. Максимова, были даже очень хороши, подписчиковъ оказалось чрезвычайно мало и едва ли «Южный Сборникъ» проживетъ долѣе новаго года. Видно, что для нашей публики все еще толщина журнала составляетъ существеннѣйшее достоинство его. Взамѣнъ изданія г. Максимова обѣщали намъ на будущій годъ два новыхъ органа гласности, одинъ что-то въ родѣ еженедѣльной газеты, подъ редакцію нѣкоего г. Волкова, другой — листокъ русскаго общества пароходства и торговли, которое вѣроятно пожелало хоть чѣмъ-нибудь занять многочисленныхъ чиновниковъ своихъ. О первомъ изъ нихъ впрочемъ носятъ только слухи и печатнаго объявленія не было. Листокъ же Общества въ появившейся уже программѣ своей, весьма наивно говоритъ, что не можетъ обѣщать, что будетъ постоянно нападать на дарующее ему жизнь Общество.

Наука въ Одессѣ, какъ извѣстно, тоже имѣетъ свои органы и своихъ представителей. Вотъ, на примѣръ, одесское общество исторіи и древностей; весною нынѣшняго года ученый секретарь его совершилъ поѣздку въ Сирію, Палестину и Египетъ и ужъ вѣрно вывезъ оттуда какія-нибудь древности, волося изъ парика прелестной Вереники, ослиную челюсть, которою Самсонъ разбилъ филистимлянъ, и тому подобныя сокровища, за которыми впрочемъ лишне ѣздить въ Палестину и Египетъ, потому что гораздо дешевле ихъ можно приобрѣсти у любого продавца *de bric à brac* въ самой Одессѣ. Общество издало уже первое отдѣленіе четвертаго тома своихъ записокъ — почтенное изданіе in-4°, получающее ученый видъ, если ни отъ чего иного, то хоть отъ слишкомъ неуклюжаго для неученыхъ книгъ формата своего. Вы тамъ найдете «Описаніе развалинъ и слѣдовъ древнихъ городовъ и укрѣпленій, нѣкогда существовавшихъ на европейскомъ берегу Босфора Киммерійскаго» нѣкоего давнѣе умершаго уже г. де-Брюкса. Статья эта не лишена извѣстной важности для мѣстной археологіи, но главный интересъ ея, кажется, ея собственная древность, потому что она написана болѣе чѣмъ за тридцать лѣтъ до своего появленія въ печати. Не черезъ чуръ ли ужъ общество придерживается гораціева «по-

num prematur in annum»? Другія статьи: «Старый Крымъ» г-на Спасскаго, «Панъ, богъ-покровитель Пантикапейской территоріи» князя Сибирскаго, три разсужденія г. Беккера о надписяхъ и монетахъ древней Ольвіи и Херсониса, наконецъ «Описаніе Бѣлозерскаго городка». Все это болѣе или менѣе сырой матеріалъ для будущей антедильувіальной исторіи Новороссійскаго края, о степени достоинства котораго судить неспеціалисту невозможно. Замѣчу только, что въ попыткахъ г. Беккера возстановить разбираемыя имъ надписи (онѣ частью повреждены) иногда, кажется, болѣе смѣлости, нежели вѣрности. Впрочемъ, распространяться объ этомъ тутъ, конечно, не мѣсто.

Черпкъ, въ концѣ своей знаменитой надгробной рѣчи въ честь первыхъ афинянъ, падшихъ въ пелопоннзскую войну (см. Фукидида, книгу 2, главы не помню), высказываетъ мысль, что добродѣтельнѣйшая женщина та, о которой наименѣе говорятъ. Если одесское общество исторіи и древностей женскаго пола, то добродѣтелище его трудно найдти что-нибудь на свѣтѣ. Въ публикѣ вы о немъ никогда не услышите ни слова; никто не говоритъ о немъ, и для неизмѣрнаго большинства одесситовъ названіе его имѣетъ лишь значеніе названія извѣстной мѣстности — зданія, которое принадлежитъ ему. Не станемъ же и мы болѣе тревожить его почтеннаго покоя.

Другой органъ науки въ Одессѣ, «общество сельскаго хозяйства южной Россіи», обнаруживаетъ такую же сосредоточенную въ самой себѣ и потому не замѣтную для другихъ дѣятельность. Съ-тѣхъ-поръ, какъ одинъ изъ членовъ его придумалъ средство къ истребленію сусликовъ, объ ученыхъ подвигахъ общества, по крайней мѣрѣ въ публикѣ, ничего не слышно. Способъ же истреблять сусликовъ непогрѣшительный: надобно сначала поймать ихъ и потомъ прогнать сквозь строй или сослать въ Сибирь, что именно, хорошенько не помню, но главное — необходимо поймать ихъ. Практическую дѣятельность свою общество сельскаго хозяйства южной Россіи проявляетъ отъ времени до времени въ выставкахъ сельскихъ произведеній. Такъ, напримѣръ, весною шлѣпняго года выставялось вино мѣстной фабрикаціи — какое? узнать собственнымъ опытомъ у меня, признаюсь, не хватило мужества. А вотъ осенью, очень недавно, показывали и разные экземпляры новороссійскаго скота. На бѣдность Новороссіи въ разсужденіи этого предмета, какъ вамъ извѣстно, жаловаться нечего.

Я забылъ однакожь еще о третьемъ представителѣ науки въ Одессѣ, о ришельевскомъ лицейѣ. Онъ, какъ извѣстно, состоитъ изъ профессоровъ и студентовъ, учащихся и учащихся. Последнихъ въ нынѣшній годъ оказалось немножко больше, чѣмъ въ предыдущіе. Отъ сотни число ихъ возрасло до сто двадцати слишкомъ. Люди, судящіе по цифрамъ и статистическимъ даннымъ, не могутъ не видѣть въ этомъ увеличеніи фреквенціи высшаго учебнаго заведенія отраднаго явленія. Я и самъ готовъ былъ бы по этому поводу разсыпаться въ комплиментахъ «нашему времени, которое наконецъ поняло всю важность образования и проч. и проч». Но тѣ, которые знакомы съ лицейскими дѣлами поближе, пожимаютъ плечами и какъ будто не совсѣмъ довольны этимъ приращеніемъ. Рассказываютъ разные странныя вещи про пріемные экзамены и намекаютъ на то, что количество выиграло въ ущербъ качества. Въ последнее время и лицейскіе студенты также какъ университетскіе подчинены вѣдѣнію городской полиціи. Мѣра эта по моему мнѣнію совершенно разумная, потому что ихъ гораздо чаще и въ гораздо большемъ количествѣ видишь тамъ, гдѣ городская полиція болѣе всякой другой можетъ и должна блюсти порядокъ, нежели въ лицейскихъ аудиторіяхъ. А профессора? Не имѣя чести личнаго знакомства съ кѣмъ-либо изъ этихъ господъ, я право въ затрудненіи, что сказать объ нихъ. Если въ публикѣ упоминается имя профессора, то это какой-нибудь г. Блохъ, пріѣхавшій изъ Букареста и научающій въ шести урокахъ писать тѣхъ, которые уже шесть лѣтъ учились этому искусству, или какой-нибудь professeur de danse et d'escrime, venant tout droit de Parris, или профессоръ магин и т. д. О профессорахъ лицея молчатъ, потому ли, что о нихъ сказать нечего, почему ли другому — не знаю. При этомъ молчаніи необходимо, чтобы пріобрѣсти понятие о ихъ дѣятельности, заглянуть въ официальные отчеты лицея, презентуемые публикѣ на годичныхъ актахъ.

Я разговорился о профессорахъ лицея и совершенно забылъ о фактѣ изъ жизни лицея же, представляющей конечно гораздо болѣе интереса, нежели всевозможныя диссертацин de bovis et ovibus lycæis. Заключая свои обычные выборы, херсонское дворянство рѣшило предоставить въ распоряженіе учебнаго начальства ежегодный взносъ въ шесть тысячъ рублей серебромъ, съ тѣмъ, чтобы эта сумма была употреблена на усовершенствованіе камеральнаго отдѣленія лицея, какъ «напважнѣйшаго для мѣстной потребности».

Носятся еще по учебному вѣдомству слухи объ открытіи въ Одессѣ женской гимназіи, о воскресныхъ школахъ, объ особыхъ педагогическихъ курсахъ при одной изъ здѣшнихъ гимназій для образованія уѣздныхъ учителей. Но обо всемъ этомъ пора будетъ потолковать, когда окончатъ не начатыя еще мостовыя. Ранѣе едва ли что-нибудь осуществится изъ вышеупомянутыхъ толковъ.

Ими я и оканчиваю письмо свое. Но я виновать, или вы, прочитавши его, пожалѣете, что въ Одессѣ нѣтъ морскихъ змѣй или трехгорбыхъ верблюдовъ. На будущее время, можетъ быть и таковыя найдутся.

В. СКРИ—ИЙ.

Письма изъ Алжира.

II.

18-го ноября 1859 г.

Нынешнее письмо мое начинаю опять съ того, что я все болѣе и болѣе разочаровываюсь въ моихъ прежнихъ понятіяхъ объ Алжирѣ. Во всѣхъ городахъ Франціи, гдѣ я останавливался, мнѣ говорили: «Вы ѣдете въ очаровательную страну: Алжиръ—маленькій Парижъ». Вышло, однако, не совсѣмъ такъ. Природа, дѣйствительно, очаровательна: но тѣмъ не менѣе Алжірія досихъ-поръ еще большая малообработанная пустыня, а городъ Алжиръ не имѣетъ ни одного свойства, общаго съ Парижемъ. Во Франціи не знаютъ, что съ уничтоженіемъ генераль-губернаторства Алжиръ пересталъ играть роль маленькой столицы и сдѣлался весьма обыкновеннымъ провинціальнымъ городомъ. Во многообъщающемъ числѣ 60,000 жителей, которое встрѣчается въ географіяхъ и статистикахъ, — находится около 30,000 мавровъ, арабовъ, негровъ и евреевъ, а большая часть европейскаго населенія состоитъ изъ испанцевъ и мальтійцевъ, занимающихся мелкой торговлею. Пестрота въ самыхъ сословіяхъ населенія не можетъ сравниться ни съ одною изъ другихъ большихъ колоній. Высшій чиновный классъ, составляющій такъ называемое хорошее общество, хочетъ играть роль знати и выкидываетъ пресмѣшныя фарсы, — чистая пародія на нынѣшнюю парижскую *haute volée*. Такъ, напимѣръ, для визитовъ нанимаются коляски, хотя улицъ, по которымъ можно проѣхать въ экипажахъ, всего три и не рѣдко приходится останавливаться

3*

на половинѣ дороги отъ дома, куда собираешься, и потомъ нѣшкомъ пробираться по узкимъ, грязнымъ переулкамъ, останавливаясь и оглядываясь черезъ каждые пять шаговъ, въ избѣжаніе того, чтобы не явиться съ визитомъ въ изорванномъ или запачканномъ платьѣ. О раздутыхъ криволиніями дамскихъ платьяхъ я уже не говорю: они на второй или третій разъ дѣлаются совершенно никуда негодными. Недавно получилъ я визитную карту, величиною съ четверть листа почтовой бумаги, на которой большими буквами было написано званіе важнаго лица, посѣтившаго меня, но фамиліи не было. Во всякой другой странѣ подобное обстоятельство поставило бы въ тупикъ cadaго; но въ Алжирѣ кто же изъ живущихъ можетъ не знать фамиліи главныхъ администраторовъ? Не знаю, употреблялъ ли этотъ господинъ подобныя карты во Франціи, гдѣ онъ провелъ лѣто. Тамъ не обязаны его знать и, вѣроятно, это великолѣпіе было нарочно наинтографировано для нашей провинціи. — Вотъ вамъ образчикъ алжирскаго шика: хотя у насъ 15° тепла, но дамы ходятъ съ большими муфтами, вѣроятно съ тою цѣлью, чтобы показать, что могутъ тратить деньги на самыя нелѣпыя моды, или, что еще вѣроятнѣе, что мужей влекутъ въ модныя магазины какія-нибудь сердечныя слабости. Здѣсь вообще, при покупкѣ чего-нибудь, болѣе тароваты обѣщаніями, чѣмъ деньгами. Въ этомъ маленькомъ Царствѣ невозможно составить себѣ кругъ знакомыхъ, съ которыми можно провести вечеръ безъ картъ или самыхъ пошлыхъ сплетенъ. Иностранцы, пріѣзжающіе сюда на зиму, осуждены на инческую жизнь въ четырехъ стѣнахъ или должны составить свой собственный кругъ, отдѣльно отъ жителей Алжира. За исключеніемъ предметовъ роскоши, все дороже, чѣмъ въ Петербургѣ, п единственныи способъ прожить со всѣми удобствами и довольно дешево — это оставаться въ гостиницѣ. Единственнымъ средствомъ для разогнанія скуки можетъ служить верховая лошадь для загородныхъ прогулокъ.

Даже въ самое дождливое время показывается солнце, хотя на нѣсколько часовъ въ день, и окрестности города представляютъ прелестныя прогулки. Одну изъ нихъ я опишу вамъ.

На концѣ Сахеля, гдѣ онъ начинаетъ сдвигаться съ равниною (Митиджа), выстроена семинарія. Слышавъ прежде отъ туземныхъ жителей, что съ этого мѣста представляется прекрасный видъ, я отправился вчера туда и не раскаяваюсь, потому что все, что видѣлъ я, превзошло мои ожиданія. Представьте себѣ вершину горы (800 футовъ надъ моремъ), у подножія которой

съ правой стороны разстилается равнина (Митиджа), покрытая какимъ-то розовато-снѣжнымъ флеромъ, кругомъ ея малый Атласъ лазуреваго цвѣта, за нимъ вершины Джурджуры, покрытыя розовымъ снѣгомъ, и отъ подножія горъ до горизонта темно-снѣное море. Когда солнце начало заходить, равнина сдѣлалась красная, горы темно-снѣія, снѣгъ багровый, а море фіолетовое со свѣтло-зеленымъ отливомъ. Но, замѣтите, что эти переходы дѣлались не вдругъ, а постепенно, — что эти краски не отдѣлялись рѣзко, а сливались совершенно натурально, переходя черезъ всѣ возможные отливы, такъ, какъ ихъ рисуетъ одинъ только великій, непонятный и недоступный намъ живописецъ. Тишина была необыкновенная, и когда къ намъ пѣз недалекою рощи, гдѣ нѣсколько бедуиновъ упали на колѣни, раздались слова: «Allah, Allah, il Allah», я невольно снялъ шляпу и какъ умѣлъ повторилъ за ними магометову молитву, которую такъ краснорѣчиво переводила мнѣ природа. Тотъ, кто не молился при такой обстановкѣ и въ такую минуту, не можетъ понять мистическаго и въ тоже время юношескаго религіознаго увлеченія магометанъ. Но тотъ, кто это испыталъ, не легко повѣритъ въ возможность обращенія этихъ людей къ разумной, философской нашей религіи. Когда я воротился въ городъ по ущельямъ Сахеля съ другой стороны, луна освѣщала тотъ же ландшафтъ волшебнымъ блескомъ своимъ и на темно-голубомъ небѣ блистали звѣзды такъ, какъ и на сѣверѣ въ хорошую зимнюю ночь не случается. Горы казались сказочными великанами, и я невольно вспомнилъ сказаніе объ Атласѣ, который на своихъ плечахъ держалъ небо.

Вы меня спрашиваете о матеріальномъ состояніи нашей колоніи. Оно до-сихъ-поръ такъ плохо, что въ столицѣ этой древней житницы Европы по временамъ невозможно достать порядочнаго хлѣба. Самые необходимые жизненные припасы дороже, чѣмъ въ Лондонѣ и Петербургѣ, между тѣмъ какъ въ верстахъ восьмидесяти отъ берега не могутъ найти сбыта своимъ продуктамъ. Въ различныхъ мѣстахъ Алжиринъ есть превосходные хлѣса, и не взирая на то, весь строительный хлѣсъ, который употребляется въ прибрежной полосѣ, привозится изъ Швеціи и Финляндіи, и, разумѣется, очень дорогъ. Вездѣ стараются замѣнять дерево желѣзомъ или камнемъ, такъ что въ самыхъ богатыхъ гостинныхъ не рѣдкость увидѣть израсцовый полъ. На постоянной выставкѣ я видѣлъ до двадцати различныхъ сортовъ bois de luxe, одинъ красивѣе другаго. Между тѣмъ наша мебель

привозится изъ Франціи и никому въ голову не приходитъ, что скорѣе намъ слѣдуетъ отправлять мебель туда, потому что мы обладаемъ матеріаломъ, который красотою и прочностью въ нѣсколько разъ превосходитъ красное дерево. Провинціальный характеръ и тутъ отзывается. Въ Алжирѣ красное дерево считается шикомъ, вслѣдствіе того, что оно употребляется въ Парижѣ за неизмѣнимъ лучшаго. Когда я въ мебельномъ магазинѣ спросилъ, отчего здѣсь не употребляютъ орѣха, мнѣ отвѣтили съ необыкновенно-презрительною миною, что это слишкомъ просто и слишкомъ дешево. Гуляя недавно за-городомъ, я видѣлъ передъ лачужкой бѣднаго столара два большіе стола изъ thuya, которые могли бы служить украшеніемъ любого дворца. На вопросъ мой, что они стоятъ, мастеръ отвѣтилъ: «ah c'est bien chér, — цѣна имъ сто двадцать пять франковъ». Я невольно подумалъ о Турѣ и его цѣнахъ и спросилъ простодушнаго старика, отчего онъ не отправляетъ своей мебели за-границу, гдѣ за нее дадутъ гораздо больше. На это я получилъ обыкновенный здѣсь отвѣтъ, когда говоришь о какомъ-нибудь предпріятіи: «нѣтъ денегъ». Я обѣщалъ дать ему адресъ Тура, и очень былъ бы радъ, еслибъ эти строки попались ему на глаза. Алжиръ могъ бы перещеголять Бразилію своимъ деревомъ, если бы существовали болѣе удобные пути-сообщеній и капиталы. «Нѣтъ денегъ», вотъ вся наша бѣда. Никто не хочетъ прислать сюда капиталовъ, а между тѣмъ ростовщики, иногда высокаго званія, берутъ здѣсь отъ пятнадцати до двадцати пяти процентовъ. Вскорѣ послѣ завоеванія многіе французскіе капиталисты присылали сюда большія суммы для различныхъ предпріятій, но, къ сожалѣнію, единственными агентами въ то время былъ всякій сбродъ искателей приключеній различныхъ націй, которые всегда идутъ вслѣдъ за арміями, какъ шакалы за львомъ, а здѣсь были еще украшены громкими званіями консуловъ. Конечно въ ихъ рукахъ капиталы пропадали и съ-тѣхъ-поръ алжирцы пользуются нехорошей славой и никто не довѣряетъ имъ денегъ, а безъ денегъ нѣтъ ни дорогъ, ни промышленности, ни торговли. Прежде бросались на возможные и невозможныя предпріятія, теперь же сложили руки и ждутъ у моря погоды.

Сдѣлавшись, подъ вліяніемъ нѣкоторыхъ обстоятельствъ, страню чисто-земледѣльческою, Алжирія терпитъ частію недостатокъ въ самомъ существенномъ. Для примѣра приведу степень развитія у насъ скотоводства. Во Франціи на пять гекто-

ровъ земли приходится одна голова рогатаго скота; сравнивая съ нею ту часть Алжиріи, гдѣ разведеніе рогатаго скота удобно, такъ называемый тель (прибрежье) долженъ бы имѣть 2,800 головъ, между тѣмъ какъ на самомъ дѣлѣ оказывается только одинъ миллионъ; фунтъ мяса въ Алжирѣ стоитъ до пятнадцати копеекъ серебромъ и торгъ шкурами незначителенъ.

Колонизація страны не могла идти такъ успѣшно, какъ въ другихъ странахъ, вслѣдствіе тѣхъ условий, при которыхъ совершилось завоеваніе французами Алжиріи. Покоривъ страну, французы встрѣтили не дикарей безъ понятій объ общественныхъ отношеніяхъ, — какъ англичане въ Новой-Голландіи и Америкѣ, которые постоянно уступали имъ и исчезали по мѣрѣ распространенія цивилизованной территоріи, — а народъ полуобразованный — арабовъ — соединенный фанатическою религіею и имѣющій государственное устройство. Пускаться впередъ отдѣльными семействами, выбирая удобнѣйшія мѣста, какъ въ Америкѣ, здѣсь невозможно было. Новыя деревни должны были быть достаточны сильны, чтобы защищать самихъ себя и служить, такъ сказать, передовыми постами европейской образованности. Поэтому приходилось часто указывать имъ мѣста, сколько по промышленнымъ, столько же по стратегическимъ соображеніямъ. Вслѣдствіе такого характера колонизаціи происходятъ всѣ недостатки ея. Надобно собрать достаточное число колонистовъ, чтобы составить цѣлую деревню, прежде чѣмъ назначить имъ землю. Отъ этого приходится инымъ ждать долго, а присутственныя мѣста завалены перепискою. Между тѣмъ по статистическимъ свѣдѣніямъ мы видимъ, что изъ 11,286 переселенцевъ, получившихъ земли въ промежуткѣ между 1830 и 1854 годами, только 3116 выкупили ихъ и сдѣлались владѣтелями; остальные же 8,170, вслѣдствіе различныхъ неблагоприятныхъ обстоятельствъ, въ томъ числѣ страшно-свирѣпствующихъ между колонистами лихорадокъ, лишились своихъ первоначальныхъ владѣній. По причинѣ постоянно угрожающей опасности отъ нападений, эти деревни — такъ называемые посты европейской цивилизаціи — пустѣли годъ отъ году и переселенцы въ отчаяніи возвращались на родину. Изъ всего этого вышло то, что въ городахъ нѣтъ купцовъ *), а въ деревняхъ нѣтъ

*) Конечно, я не говорю о лавочникахъ, магазинщикахъ и содержателяхъ различныхъ *débâts*. Этимъ народомъ, къ сожалѣнію, городки и деревни слишкомъ изобилуютъ. Въ жалкой деревушкѣ, гдѣ нѣтъ порядочной куз-

хлѣбопашцевъ и постоянно слышишь жалобы, весьма справедливыя, на дороговизну работы. Чтобы показать, какъ ощутиленъ этотъ недостатокъ рукъ, рассмотримъ производство оливковаго масла. Оливковое дерево въ дикомъ состояніи встрѣчается во всемъ прибрежномъ поясѣ и покрываетъ поверхность земли на протяженіе пяти милліоновъ гекторовъ. Полагая только по двадцати пяти деревъ на гекторъ, выйдетъ во всемъ поясѣ 6,250,000 деревъ, изъ которыхъ каждое дикаго олива даетъ среднимъ количествомъ семьдесятъ пять килограммовъ оливокъ, — слѣдовательно всѣ деревья дадутъ 468,750,000 килограммовъ, изъ числа которыхъ каждыя сто даютъ семь литровъ масла, такъ что весь итогъ — тридцать три милліона литровъ — могъ бы, разумѣется, быть собранъ каждый годъ. Между тѣмъ, на самомъ дѣлѣ собирается только одиннадцать милліоновъ метровъ, а двѣ трети всего (двенадцать два милліона) пропадаютъ даромъ за недостаткомъ денегъ и рукъ. Средняя цѣна литра масла одинъ франкъ, слѣдовательно ежегодно пропадаютъ двадцать два милліона франковъ весьма легко-добываемаго дохода. — Подробная статистика Алжиріи не можетъ быть предметомъ моихъ писемъ. Я привелъ эти факты только какъ образчики и примѣры здѣшняго промышленнаго быта. Французы говорятъ, что Алжирію ожидаетъ блестящая будущность, и это правда, что она заключаетъ въ себѣ всѣ необходимые для этого элементы. Но по склонности поклоняться своимъ собственнымъ фразамъ панегирики «новой Франціи по другую сторону моря», созерцая блескъ будущаго, ослѣпляютъ имъ и не видятъ, что многое осталось сдѣлать и что только при усиленномъ, добросовѣстномъ трудѣ и по окончательномъ умиротвореніи края эта прекрасная мечта можетъ осуществиться. Мы могли бы вывозить все то, что составляетъ богатство Италіи или Испаніи: между тѣмъ приходящія въ здѣшнюю великолѣпную гавань, стоившую правительству милліоны, — тридцать или сорокъ судовъ въ годъ со строительнымъ лѣсомъ, уходятъ пустыя и ищутъ груза въ Кадиксѣ, Ливорно и другихъ гаваняхъ Средиземнаго моря.

Алжирія до-сихъ-поръ ни что иное, какъ огромное военное поселеніе, жители котораго подвержены всѣмъ возможнымъ случайностямъ войны. Отъ этой вѣчной необходимости быть готовымъ къ защитѣ, приходится управлять большую часть

ницы, есть два или три кабака подъ боже приличнымъ названіемъ или *débit de liqueur*.

Алжирѣи военною администраціею, которая учреждена собственно для арабовъ (*bugeaux arabes*) и на которую приходится наложить столько разнородныхъ обязанностей, что, конечно, она не въ состояніи выполнить всё удачно. Этому же обстоятельству надобно приписать постоянныя вмѣшательства администраціи въ большую часть такихъ дѣлъ, которыя въ Европѣ предоставлены рѣшенію разсудка каждаго отдѣльнаго гражданина. Здѣсь, въ видахъ общей безопасности подобная система, хотя, разумѣется, имѣетъ то невыгодное послѣдствіе, что народъ отвѣкаетъ отъ предпримчивости, самъ о себѣ вовсе не думаетъ и не заботится и считаетъ правительство нянькою, которая обязана дѣлать за нихъ все и на которую неминуемо сваливаются всё неудачи. Очень естественно, что, при такомъ порядкѣ вещей, Франція, тратя ежегодно пятьдесятъ милліоновъ франковъ на поддержаніе благосостоянія колоніи, не можетъ въ такой сильной степени содѣйствовать развитію промышленности и торговли, какъ это могло бы быть при другихъ, болѣе благопріятныхъ обстоятельствахъ.

Въ началѣ письма я сказалъ, что въ нашей колоніи чувствуется сильный недостатокъ въ деньгахъ. Это не совѣмъ вѣрно. Слѣдовало отнести отсутствіе ихъ, исключительно къ однимъ европейцамъ. Арабъ, не гнушаясь ни какой работою и не страшась ни какой погоды, постоянно зарабатываетъ три или четыре франка въ день, а проживаетъ двадцать сантимовъ. Лѣтомъ онъ употребляетъ въ пищу варварійскія фиги, которыя растутъ вдоль дороги, и спитъ на улицѣ; зимою онъ питается хлѣбомъ и сушеными фигами. Въ день свадьбы онъ покупаетъ бурнусъ, съ которымъ не разстается до могилы. Денегъ онъ не тратитъ, но и никому не даетъ. Надо видѣть у магазиновъ въ Гусейнъ-Дэй арабовъ, которые перепродаютъ табаку зарабатываютъ до двѣсти франковъ въ недѣлю: сидящіе на пыльной дорогѣ, въ разорванныхъ, грязныхъ бурнусахъ, они считаютъ съ пылающими взорами блестящія *дуросъ* (пяти-франковая серебрянная монета), которыми наполнены цѣлые капшоны плащей. Эти люди живутъ хлѣбомъ, водою и случайными фруктами, работаютъ безъ отдыха подъ палящими лучами африканскаго солнца и требуютъ плату не ассигнаціями и не золотомъ, а пяти-франковыми большими серебряными монетами. Они добиваются ихъ не для того, чтобы улучшить свой бытъ или увеличить свои предпріятія, а ради удовольствія считать ихъ и любоваться ими. Подобный арабъ, зарывшій въ землю десятки тысячъ

Франковъ, живетъ по прежнему и копить для увеличенія своего клада. Иногда ночью, тайкомъ, онъ выроетъ его, чтобы насладиться блескомъ при лунномъ свѣтѣ. Часто случается, что, умирая, онъ уноситъ тайну съ собою въ могилу, не успѣвъ сообщить ее сыну, который, оставаясь нищимъ, естественно, по примѣру отца, начинаетъ добывать и копить деньги, отказывая себѣ во всемъ. Сколько капиталовъ пропадаетъ такимъ образомъ въ неизвѣстности. Деньги есть, но только не у насъ, а у нашихъ враговъ. У насъ онѣ могли принести большіе плоды; у нихъ же онѣ мертвы, хотя, быть можетъ, и для арабовъ наступитъ скоро пора сознать всю бесполезность зарытого въ землю капитала.

Больше всѣхъ отраслей земледѣлія процвѣтаетъ разведеніе табаку, занятіе, общее европейцамъ и арабамъ. До-сихъ-поръ правительство закупало весь годовыи продуктъ, простиравшійся до шести милліоновъ килограммъ, и производители не заботились о сбытѣ. Казенные магазины всегда были для нихъ открыты, всегда платили немедленно и даже избавляли ихъ отъ трудовъ сушенія листьевъ. Теперь, однако, производство угрожаетъ превзойти требованія потребителей, и въ настоящее время составляетъ общество помѣщиковъ для вывоза алжирскаго табаку за-границу, между прочимъ и въ Одессу. Если этотъ опытъ удастся, гг. русскіе курители выиграютъ, потому-что алжирскій табакъ въ папиросахъ превосходитъ и будетъ по-крайней-мѣрѣ въ половину дешевле турецкаго табаку, употребляемаго въ Петербургѣ, превосходя его далеко достоинствомъ. Въ казенныхъ магазинахъ платятъ за сто килограммъ не высушеннаго еще достаточно табаку: перваго сорта сто тридцать франковъ; втораго сорта сто пять франковъ и третьяго сорта семьдесятъ пять франковъ. Готово-нарѣзаннаго хорошаго табаку фунтъ въ лавкахъ стоитъ около одного франка и онъ лучше того, которымъ въ Петербургѣ набиваются на фабрикахъ лучшіе папиросы.

3-го декабря 1859 г.

Недавно ѣздилъ я съ однимъ нѣмецкимъ ученымъ осматривать римскія развалины около Шершеля и, пользуясь этимъ случаемъ, я могу сообщить нѣсколько свѣдѣній о томъ состояніи, въ которомъ находятся, вообще, всѣ археологическія памятники въ Алжиріи. Путь нашъ лежалъ черезъ Митиджу, эту богатую въ древнія времена долину между малымъ Атласомъ и Сахелемъ, но которая теперь едва обработана и обратилась во

что-то, подобное Понтійскимъ болотамъ около Рима, съ тою только разницею, что здѣсь магометанское варварство было опустошителемъ, а тамъ христіанское. По дорогѣ въ разныхъ мѣстахъ встрѣчаются французскія колоніи, похожія издали на города, потому, что всѣ строенія расположены по плану, улицы правильны и вымощены, а посрединѣ деревни непремѣнно площадь. Такъ и видно, что дома были выстроены сначала, а потомъ явились жители. Конечно, иногда встрѣчаются и деревни безъ жителей, жалкія развалины послѣднихъ пятнадцати лѣтъ. Это значить, что пунктъ, выбранный для деревни, былъ очень выгоденъ въ стратегическомъ отношеніи, но кормиться въ этомъ мѣстѣ невозможно и по этому колонисты оставили его, вѣроятно, похоронивши предварительно одну третью часть своихъ братій. Все, что было нѣкогда обработано и потомъ покинуто, покрыто *rampier pain*, этимъ врагомъ колонизаціи; корни его, футовъ на пять, входятъ въ землю и неимовѣрно затрудняютъ первоначальную обработку земли. Иногда видишь и слѣды весьма недавняго труда: тогда знаешь, что здѣсь прошелъ ангель-истребитель въ видѣ лихорадки или ростовщика; одинъ другаго стоитъ. Съ капкомъ удовольствіемъ приближаешься къ веселымъ мѣстечкамъ, окаймленнымъ зеленью, какъ напримѣръ Буерарикъ; но какъ охлаждается энтузіазмъ, когда подумаешь, что настоящее благосостояніи куплено жизнью сотенъ колонистовъ, которые слегли въ могилу, чтобы основать благоденствіе поколѣній, слѣдующихъ за ними. Вся населенная часть Алжиріи одно огромное кладбище, гдѣ растительность и богатство насадниковъ тѣмъ больше, чѣмъ болѣе подъ ними скрывается труповъ. Массы древнихъ какъ-будто мстятъ тому, кто смѣетъ нарушить ихъ двухтысячелѣтній покой. Не стану описывать вамъ мѣстечекъ этихъ: всѣ они похожи другъ на друга; ибо всѣ выстроены на одинъ манеръ. Вѣдь они ни сами возникли по мѣрѣ надобности, а ихъ соорудили инженеры и потомъ уже пригласили жителей. Этотъ первобытный ихъ характеръ хотя и сглаживается по немногу, но все еще виденъ.

Въ Дуэрѣ мы убѣдились, что дождливое время года уже настало и что путешествіе верхомъ не возможно, да и вообще нельзя пускаться дальше, чѣмъ везуть дилижансы. Ыдешь на шоссе, вдругъ передъ ногами глубочайшая рытвина съ крутыми краями. Внизу на днѣ шумитъ горный ручеекъ, образовавшійся послѣ послѣднихъ дождей, и объѣхать который рѣшительно не возможно. Приходится дѣлать объѣздъ верстъ въ пять или

шесть. Вслѣдствіе этого мы принуждены были продать лошадей въ Дуэрѣ и отправиться въ Маренго въ телѣгѣ тамошняго мера (maire), который не считъ предосудительнымъ для своего званія надуть насъ на пять франковъ, сторговавшись сначала за пять, такъ какъ ѣхалъ домой, а потомъ потребовавшій десять. Около Маренго въ лѣсу недавно наткнулись на развалины, какъ надо думать цѣлаго города римскаго; нельзя еще только разобрать ихъ, потому, что онѣ покрыты наносною землею и сильною южною растительностью, а на очищеніе нужны деньги, которыхъ никто не хочетъ дать. Видны, однако, капители нѣсколькихъ десятковъ колоннъ. Вообще жаль, что такъ мало дѣлается для изученія здѣшнихъ древностей. По духу нынѣшней Франціи это сдѣлалось монополіею. Здѣшній хранитель музея, которому правительство даетъ деньги на это, сидитъ какъ собака на сѣнѣ: самъ ничего не дѣлаетъ или дѣлаетъ плохо, а другихъ не подпускаетъ. Такъ, напримѣръ, есть прекрасный, величественный памятникъ, называемый «le tombeau de la reine», вышиною въ девяносто футовъ и очень похожій на египетскія пирамиды. Консерваторъ нашъ сдѣлалъ попытки проникнуть въ середину его съ трехъ сторонъ и вездѣ наткнулся на сплошныя каменные стѣны, но не догадался капать сверху, какъ это дѣлаютъ вездѣ на Востоку, а просто бросилъ изслѣдованія, такъ-что и деньги и находящіяся тамъ сокровища пропали. Если же иностранецъ примется за разработку, то не развяжется съ полиціею. Мы и этого не сдѣлали, а между тѣмъ въ Шершелѣ чуть не проночевали въ префектурѣ.

Изъ Маренго мы отправились въ дилижансѣ въ Шершелъ. Хотя дилижансѣ ѣдетъ по большой дорогѣ, все-таки вы не обезпечены отъ купанья въ грязи, а иногда, пожалуй, подвергаетесь и серьезной опасности. Дороги пересѣкаютъ лошныя рѣкы, которыя втеченіе девяти мѣсяцевъ совершенно сухи, почему и не думаютъ о постройкѣ мостовъ. Какъ скоро начинаются дожди, эти лошны наполняются водою, и иногда теченіе такъ быстро, что снесетъ и лошадей и дилижансѣ. Другое неудобство путешествія въ дилижансахъ, это близкое сосѣдство съ арабами, которые иногда на память спутничества оставляютъ вамъ цѣлый рой животныхъ, присутствіе которыхъ замѣтите только тогда, когда уже они мѣшаютъ вамъ спать и завладѣли всею головою. Тогда одно спасеніе: брѣтвѣ и маврская баня, а я уже говорилъ вамъ, каково это удовольствіе. Останавливаясь дорогою, и не думайте спать ночью. Во-первыхъ для ужина часто ничего не

найдете, кромѣ ликеровъ и плохого вина; съѣстнаго никакого нѣтъ, а постели, даже самыя чистыя, заняты уже десятками тысячъ живыхъ существъ, которыя цѣлую ночь будутъ надоѣдать вамъ жгучими поцѣлуями. Уже передъ отъѣздомъ нашимъ говорили въ Маренго о томъ, что въ мазафранкскомъ лѣсу показывались пантеры: пантеры же въ Алжиріи хуже льва. Левъ васъ первый не тронетъ, а пантера никогда не выжидаетъ нападенія со стороны человѣка, а какъ хорошій тактикъ старается первую выбрать минуту атаки. Кондукторъ нашъ былъ очень встревоженъ и едва мы вѣхали въ лѣсъ, какъ онъ, противъ обыкновенія, сдѣлался очень молчаливъ и постоянно посматривалъ то вправо, то влево. Надо сказать, что дорога была такъ узка, что сучья деревьевъ зацѣпляли экипажъ и нужно было ѣхать шагомъ; къ тому же и солнце было на закатѣ. Я сидѣлъ на козлахъ возлѣ кондуктора и въ душѣ смѣялся надъ своимъ сосѣдомъ, у котораго едва доставало голоса по временамъ шопотомъ увѣрять меня, что онъ за себя не боится, что это ему не впервые, но что онъ озабоченъ ради насъ. Въ каретѣ, однако, мало цѣнили заботливость нашего героя: какъ онъ пассажировъ не страшилъ, кромѣ насмѣшекъ, ничѣмъ не отвѣчали и прелегкомысленно готовились встрѣтить предстоящую опасность. Вдругъ послышался шорохъ въ лѣсу, близъ дороги. Кондукторъ конвульсивно сжалъ мою руку и дрожащимъ голосомъ вскрикнулъ: «la panthère!» Изъ дилижанса высунулись головы и, дѣйствительно, въ шагахъ тридцати какая-то темная масса перешла черезъ дорогу. Было однако такъ темно, что нельзя было различить что это такое. Все притихло въ ожиданіи приближенія врага. Но, о ужасъ! едва лошади сдѣлали шаговъ пятнадцать, какъ страшная пантера обратилась въ быка, мирно пасущагося на краю дороги. Можете себѣ представить, какъ вытянулась физиономія нашего покровителя и какъ весело мы проѣхали остальную дорогу до Шершеля, гдѣ намъ, однако, совершенно противъ ожиданія готовилась не опасность, а неприятность и смѣшная и досадная. Едва мы вѣхали въ городъ и остановились передъ конторою дилижансовъ, какъ были встрѣчены словами: «господа, ваши паспорта». Вы знаете, что французская полиція и во Франціи не отлпчается вѣжливостью, въ Алжиріи же она несносно-надмѣнна. Всѣ мы, конечно, препослушно предъявили требуемые документы, но нѣмецъ, мой спутникъ, слышавшій въ Алжирѣ, что паспортвъ не нужно, скинулъ только бурнусъ и представляясь полиціи въ европейскомъ

костюмѣ, проницески, но съ достоинствомъ спросилъ: «можетъ быть, вы меня принимаете за китайца.» Вообразите себѣ его бѣшенство, когда невѣжливый *commissaire de police* и десятокъ жандармовъ, вытаращивъ глаза, наввно въ одинъ голосъ воскликнули: «*comment monsieur est chinois?*» озадаченный хохотомъ пассажировъ, нѣмецъ выхватилъ ключъ, чтобы изъ своего *sac de voyage* достать паспортъ, но, увы! въ торопяхъ взялъ не тотъ ключъ, который слѣдовало, и сломалъ замокъ, не доставши поспорта. Тогда жандармы убѣдились, что если онъ не китаецъ, то какал-нибудь другая не позволительная личность, и его таскали подъ конвоемъ къ различнымъ властямъ, пока онъ не разрѣзалъ мѣшка и не вытацилъ паспортъ. Въ этихъ заботахъ, прошла, однако, половина ночи и въ два часа утра голодные и усталые мы только улеглись, чтобы черезъ нѣсколько часовъ встать, мелькомъ посмотрѣть развалины, которыми изобилуетъ городъ, и между прочимъ хорошо сохранившійся амфитеатръ, и поскорѣе оставить не гостепріимный Шершель, да воротиться въ грязный Алжиръ, гдѣ уже знаютъ наши паспорта и кромѣ водки найдешь что-нибудь и поѣсть на ночь. Говорятъ, что жители Юга отличаются трезвостью. Не знаю, откуда взято это мнѣніе. Въ Алжиріи въ каждой деревни два-три кабака и они съ утра до вечера полны. Пьяные встрѣчаются постоянно на улицахъ, и вездѣ на ночлегахъ нашихъ предлагали намъ ликеровъ и вина сколько душѣ угодно было; порядочнаго хлѣба, однако, не всегда можно было достать, о мясѣ или яйцахъ и помину не было.

Около Тнказа есть цѣлый римскій городъ, къ сожалѣнію, сильно пострадавшій отъ землетрясенія. Странно видѣть нынѣшніе жалкіе домишки между гордыми развалинами древняго величія и нерѣдко съ негодованіемъ читаешь на фундаментѣ крестьянской лачуги латинскія подписи или видишь хорошенькіе барельефы.

Теперь о дальнѣйшихъ путешествіяхъ нечего и думать. Осенніе дожди льютъ какъ изъ ведра раза три-четыре въ недѣлю. Въ комнатахъ дрожишь отъ холоду, хотя, посмотрѣвъ на термометръ, приходится краснѣть, потому что ниже 12° Реомюръ еще не было.

Въ серединѣ дня теплота доходитъ до 15° и иногда даже только до 12°, по ночамъ спускается даже до 6°. Сегодня шелъ крупный градъ, но, не смотря на это, послѣ обѣда, когда показалось солнце, можно было гулять безъ теплой верхней одежды

и улицы были довольно сухи. Хотя тутъ дожди льютъ какъ изъ ведра, однако земля, отвердѣвшая отъ продолжительной жары, не успѣваетъ хорошенько промокать, потому что водѣ вездѣ представляются скаты, по которымъ она стекаетъ, унося съ собою пыль; такъ что глубокая грязь не можетъ нигдѣ образоваться. Только два дня шелъ дождь, а окрестныя высоты покрываются уже свѣжею зеленью и на деревьяхъ являются новые листья, мѣстами даже и цвѣты. Здѣсь осени нѣтъ, и зима ни что иное, какъ начало весны. Зато лѣто соотвѣтствуетъ сѣверной зимѣ: все сгараетъ, вянетъ и вмѣсто снѣгу покрывается бѣлою известковою пылью.

Въ заключеніе сегодняшнаго письма я опишу вамъ; одинъ изъ религіозныхъ обрядовъ негровъ, на которомъ мнѣ привелось недавно быть. Здѣшнія магометане до того суевѣрны, что приписываютъ болѣзни вліянію злыхъ джиковъ (духовъ) и такъ какъ имъ самимъ нельзя исполнять языческихъ обрядовъ, то даютъ неграмъ быка или барана, иногда и птицу. Послѣдніе приносятъ часть дара въ жертву, а остальное ѣдятъ сами. При этомъ пляшутъ, сопровождая пляску напѣваніемъ молитвъ, имѣющихъ свойство умилостивить злыхъ духовъ. Въ десятомъ часу вечера я въ сопровожденіи араба отправился въ самую высокую и грязную часть арабскаго города. Вошли мы въ какой-то темный подвалъ, откуда, по временамъ, на встрѣчу намъ, раздавался просто адскій шумъ. На серединѣ маврскаго двора, въ двѣ шеренги лицомъ другъ къ другу стояли человекъ двадцать негровъ. Въ лѣвой рукѣ у каждого былъ родъ мѣднаго кастанъета, которымъ они производили шумъ, похожій на стукъ сотни молоточковъ о лопнувшій котелъ. Танецъ весь состоялъ въ подыманіи ногъ, по очереди, то вправо, то влѣво и нагибаніи тѣла впередъ и назадъ. Отъ времени до времени напѣвали нотъ пять плачевнымъ голосомъ, но не такъ неприятно, какъ арабы обыкновенно поютъ. Я назвалъ бы это пѣніе мелодіею, если пятью нотами можно выразить цѣлую музыкальную мысль. Праздникъ кончился истребленіемъ пожертвованнаго въ этотъ день быка, и я спѣшилъ домой по крутымъ грязнымъ улицамъ съ воображеніемъ до того разгоряченнымъ, что еще во снѣ слышалъ шумъ и видѣлъ черныя фигуры эскортистовъ.

N.

САМОЗВАНЦЫ.

(РАЗСКАЗЪ КОЛОДНИКА.)

«Ужъ очень я тебя, братъ, полюбилъ. Для тебя всю подноготную выложу. Молодъ ты, Архипъ, и зеленъ, поэтому, значится, и глупъ. Самый первый твой грѣхъ тотъ, что душа у тебя словно кисель мягкая. Поживешь, вспомнишь мое слово, пропадешь ты съ ней ни за грошъ. Чернаго хлѣба корка, п та, какъ высохнетъ да зачерствѣетъ, такъ куда тебя долго выдерживаетъ, а нашему брату бездольному, да слабую душу имѣть, ужъ лучше бы и на свѣтъ не рождаться! Вотъ когда, отъ жизни-то лютой, характеромъ ты сдѣлаешься тверже, когда окаменѣешь ты словно, да махнешь на все и про все рукой, тогда ничего:—живется!... Коли хочешь, я тебѣ про себя расскажу.... Ужъ чего-то, чего я не перетерпѣлъ! Въ какихъ только передрыгахъ не перебивалъ!... Полнцейскую п тюрежную часть, я, братъ, какъ своихъ пять пальцевъ знаю, а губернскіе п уѣздные остроги безъ малаго всѣ облазилъ. Ну, а что же, между мной п тобой, теперь вышло отгѣннаго?... Ходимъ мы съ тобою рядышкомъ, спимъ п работаемъ вмѣстѣ, рученьки п ноженьки наши сообща желѣзными цѣпочками перевиты п перетянуты, п нѣтъ между нами никакой такой разницы. Вотъ развѣ то, что тебѣ, понимаешь, по малосмыслию твоему, скорѣе моего отъ начальства въ спину нагоритъ, — только-то п отличія.... А спрошу я тебя, Архипъ, по душѣ, чего ты такого надѣлалъ, чтобы со мной на одну линію стать?.... Что свою зазнобушку нѣмцу-управляющему безъ грубости не уступилъ, — вся п вина твоя въ томъ! Да что и говорить!.... Я и запасу въ тебѣ не вижу, чтобы изъ тебя когда характерный человѣкъ вышелъ. Истреплетъ тебя осенній вѣтеръ, какъ солоmnу мокрую, сгниешь ты на мѣстѣ, а лучшей доли искать врядъ ли отважишься. Подъ несчастной планетой, знать, ты уродился. Не человѣкъ ты выходишь, а мочалина, и не кровь у тебя течетъ, а сыворотка. Нѣтъ, ты погляди на нашего брата ловкаго да отважнаго, одна п забота у него денно п ночью, чтобы судьбу себѣ лучшую устроить, изъ битаго да горемычнаго на роскошную стать выступить.. Не легка, братъ, эта дороженька, п не всякаго на нее хватаетъ. Иной съ первоначалу пропадетъ, пной до конца не выдерживаетъ, а вѣдь все-таки, найдется

много между нами и такихъ удалихъ, что всю жизнь свою преведутъ въ изобиліи, умрутъ въ золоченныхъ хоромахъ, на мягкихъ пуховничкахъ, хозяйшку оставляютъ въ полномъ продовольствіи, дѣтишекъ въ чины производятъ, да и себѣ, на поминъ души своей грѣшной, копеечку обозначать. На все, Архипъ, отвага должна быть да сметка, а главное, братъ, душа твердая да характеръ чугунный.... Ужъ коли родился ты, значить, на невыгодной линіи, или тамъ, какимъ ни на есть манеромъ, дорогу свою замаралъ, такъ и стараніе твое главное въ томъ должно состоять, чтобы безпримѣнно съ нее своротить, да на новый путь выгнать, и старые свои слѣды затоптать и загладить, безъ всякаго, значить, помину. Возьми ты въ примѣръ, что за звѣрь заяцъ, а и тотъ, погляди, куда какъ шибко свою шкуру бережетъ; ну, а человѣку какъ за себя не постоятъ!... Разъ не удалось, два, а ты не отчаявайся, все свое на умѣ блюди, чтобы перво-на-перво на просторъ выбратъся, а тамъ, ужъ самъ не зѣвай, свои прежнія и чужія ошибки помни, на усь ихъ мотаѣ, и всякую, то есть, минуту, держи ухо востро... Скажу я тебѣ, Архипъ, не таясь. Вотъ я теперь прозываюсь Петромъ Климовымъ и по острожному списку числюсь: — арестантъ изъ государственныхъ крестьянъ. А какой я Петръ Климовъ?... Это мое ужъ никакъ шестое имя. Бывалъ я и непомнящимъ родства, былъ и бѣглымъ солдатомъ, былъ и купеческимъ сыномъ, да все перемололось, а до настоящаго моего имени трудно, братъ, комиссіямъ да судамъ докопаться: — я и самъ его чурюсь!... Подлинный Петръ Климовъ, я тебѣ скажу, давно померъ, а на бумагахъ и на самомъ дѣлѣ выходитъ, что я теперь и есть тотъ самый умершій Петръ Климовъ. Вотъ тебѣ и вся недолга!... Это, братъ, штука еще не больно хитрая: бывають и почище. Петръ-то Климовъ, понимаешь, подъ манифестъ подошелъ, сроки мнѣ, значить, сбавлены; можетъ я и подожду, можетъ и выйду изъ нашего пансіону не своею ловкостью, а такъ, само милостивое начальство передо мной дверцы растворить. А впрочемъ, это дѣло пока нерѣшенное, случится что подходящее, а я не прозѣваю!... Вѣдь вотъ не могу я сказать, чтобы и мнѣ вовсе талану не было, попадался и я не разъ въ струю богатѣйшую, да все не очень чтобы на долго... Такъ полагаю, — обычай хмѣльной больше всего меня добдалъ. Много этотъ хмѣль понадблалъ мнѣ горя, ну, да онъ же и усладу давалъ. Иной часъ, кажись, когда бы не хмѣль, такъ я бы себя давно доканалъ... Одно вотъ только и жаль, что за

всякую твою фальшь, спина твоя отвѣчаетъ.. Оттого ты и беречь ее должонъ, — понимаешь?... Я тебѣ, Архипъ, доложу, — наша Россія царство пространное, блудному сыну есть гдѣ потѣшиться, только и слѣдуетъ отъ своей проказы отшатнуться подальше, да бумаги себѣ выправить, а тамъ: — и живи бараномъ: — все тринъ трава!.. На счетъ бумагъ, я тебѣ говорю, дѣло это не трудное. У меня и по сей поры есть два побратима, вотъ вмѣстѣ со мной, такъ какъ ты сживали. Въ нуждѣ они меня не оставляютъ, какой-хощь документъ тебѣ справить, чище подлиннаго будетъ. Одинъ побратимъ и теперь у меня на виду, при полиціи онъ служитъ, изъ духовнаго званія обозначается, а самъ-то, — бѣглый писарь изъ кантонистовъ есть. Да ужь какой источникъ вышелъ, на всякую бумажную штуку, я тебѣ скажу, чорта съѣлъ. Вольную ли сочинить, печать ли какую вырѣзать, подъ чужую-ль руку подмахнуться, все это отменно выведено будетъ: — всѣмъ секретарямъ на диковину!.. Я знаю, онъ теперь этакимъ дѣломъ не занимается больше; ну, а для меня, понимаешь, отказу не сдѣлаетъ... Онъ знаетъ, что я его не выдамъ; да и для чего выдать-то? Онъ мнѣ всегда самый первый другъ и полезный человѣкъ есть... Оттого я его и берегу... Расскажу я тебѣ, Архипъ, какая разъ при мнѣ оказія вышла. Лежу я это лѣтъ восемь тому назадъ, въ острожной больницѣ на Дону; я тогда, помнится, купеческимъ сыномъ именовался, а самъ все улизнуть замышлялъ. Вотъ и приводятъ какъ-то поутру въ ту самую палату, гдѣ я лежалъ, незнакомаго мнѣ человѣка, лѣтъ пятидесяти будетъ; высокій, здоровенный мужчанина; глаза сумрачные такіе, и все въ землю глядеть, а самъ одѣтъ въ офицерскій сертукъ, только безъ эполетъ, погоновъ еще тогда не носили. Ввели его раба Божія въ комнату, принесли больничныи арестантскій туалетъ: — холщевый халатъ, время тогда лѣтнее было, колпакъ, башмаки, обрядили какъ слѣдовало, да вмѣстѣ со мной и оставили. Запалагалъ мой сосѣдъ, ходитъ по палатѣ такими большими неровными шагами, то голову свою руками стиснетъ, то къ окну подойдетъ, а окното, какъ теперь помню, претолстымъ желѣзнымъ рѣшетками разукрашено было и на задній арестантскій дворъ выходило; не очень, значитъ, было заманчиво. Вотъ ходилъ мой сосѣдъ такимъ манеромъ безъ малаго цѣлые сутки, ни до пищи ни до питья два дня не дотрогивался, со мной не только слова не промолвилъ, но даже и глазъ въ мою сторону не кинулъ.. Я, знаешь, гляжу на него да раздумываю.... вотъ думаю, попалася птишка за

чугунные запоры... За что и про что? думаю.... любопытство забирать меня стало. Прошло эдакъ дней пять. Ассессоры изъ комиссії къ нему приходили, меня, извѣстно, изъ той комнаты на то время вонъ выпроваживали. Что у нихъ съ арестантомъ дѣется, — не вѣдаю, а тотъ молчитъ словно убитый, только свирѣпѣй да свирѣпѣй на взглядъ становится.... Ну, думаю, дока долженъ быть, что-нибудь курьезное сдѣлать, да и нравъ-то у него по всему крутой оказался. Прошла недѣля.... вижу, мой молодецъ молчитъ.... я тоже молчокъ, на разговоръ не навязываюсь. Прошла другая, я и заговорилъ; не выдержалъ мой сосѣдъ и рассказалъ мнѣ всю свою исторію. Отецъ его, видишь, былъ крѣпостной, одначе у своего барина прикащикомъ всего имѣнія находился, да и сынишку велъ нарядно, въ школу записать, грамотѣ и другимъ наукамъ пріобучилъ. Говорятъ, старикъ-то прикащикъ все отъ барина милости ожидалъ, думалъ онъ, понимаешь, за свою вѣрную службу для сынишки вольную выпросить, да нѣтъ, братъ, не вывезло: баринъ-то не очень податливъ былъ. Дождаться, старикъ, милости не дождался, да самъ и померъ, когда парнишкѣ, примѣрно, лѣтъ восемнадцать отъ роду было. На-ту-пору ихній-то баринъ въ деревню жить переѣхалъ, да прикащикова сына возьми въ камердинеры къ себѣ и опредѣли; а у того, извѣстно, только одно въ головѣ и болталось, чтобы изъ холопства на просторъ выкарабкаться. Ну, а съ такимъ смысломъ, самъ ты разсуди, не легко лакейскую должность отправлять. Съ баринкомъ у нихъ, почитай, каждый день ссора происходила; баринъ — человекъ възбалмошный былъ, а къ тому же здоровякъ пренеобыкновенный. Бывало, пальцомъ до парня коснется, а у того, ужъ искры изъ глазъ сыплются и въ ушахъ колокола благовѣстятъ. Не весело, братъ!... Терпѣлъ это паренъ долго, грамоту и науки свои проклялъ, а отъ судьбы своей горькой даже сатанѣтъ сталъ. Разъ, вечеромъ, вышла у нихъ съ баринкомъ баталія. Обѣщался баринъ на завтра на конюшнѣ съ нимъ перевѣдаться, накричался на него въ сласть и отпустилъ спать. Не спится малому всю ночь, и страхъ и злоба его одолеваятъ, да и на утекъ въ мысляхъ своихъ собирается. Обдумалъ камердинеръ все дѣло и къ утру наострить лыжи рѣшился. Вдругъ, ночью, слышитъ онъ изъ бариновой спальни звонокъ, да такой спальный, какого еще никогда не бывало; потомъ опять все тихо стало, — и долго тихо. Подумалъ камердинеръ, чтобы это означало. «Дай, говоритъ, загляну барину въ комнату, что-то тамъ подѣлывается». Взмошелъ. Видитъ, баринъ

его на постелѣ почиваетъ, зубы стиснуты, глаза выпучены, а одна рука будто плеть на полѣ свѣсилась. Съ первой поры камердинеръ испугался, потомъ подошелъ ближе, глядитъ, баринъ какъ есть недвижимый лежитъ, умереть, значить, изволили. Другой бы тутъ шумъ да гвалтъ справилъ, весь бы дождь перебудилъ, и себѣ, вмѣсто одного, другаго барина нажилъ; а нашъ молодецъ, не бывши глупъ, со всѣмъ инымъ образомъ распорядился. Бѣжать-то у него давно было задумано, а тутъ же неожиданная линія подошла, баринъ бровью не моргнетъ, а шкатулка его съ деньгами на столѣ стоитъ. Зѣвать, понимаешь, было нечего. Схватилъ нашъ молодецъ шкатулку, пощупалъ еще разъ барина, потрясъ его легонько за руку, отвѣсилъ ему поклонъ низенькій, да и маршъ изъ дому. Вотъ тутъ-то къ одному дѣлу другое приключилось. Клялся мнѣ больнишний сосѣдъ, что все безъ его умыслу вышло. Оставилъ онъ, видишь, въ тороняхъ зажевленную свѣчку, занялись отъ нее бумаги, или другое тамъ что, только къ утру отъ барскаго дома курились однѣ головѣшки, все добро сгорѣло, мертвецъ сгорѣлъ, и объ камердинерѣ двояко многіе думали, иные и его сгорѣвшимъ почитали. По началу, оно казалось, лучше этого не надо и быть. Слушай-ка дальше. Вотъ отошедши отъ дому на порядкахъ, расколотилъ нашъ молодецъ въ лѣсу шкатулку, обложился вокругъ денежками, куски отъ шкатулки въ землю припряталъ и сталъ съ осторожкой пробираться далѣе. Побродилъ онъ безъ паспорту время не малое, одначе попалъ таки на одного изъ оберъ-офицерскихъ дѣтей, подружился съ нимъ, покутилъ денька два, да и купилъ у него подлинныя документы, а съ документами-то много не думавши и махнулъ на Кавказъ. Все, значить, какъ по маслу пошло. На Кавказѣ поступилъ нашъ молодецъ въ полкъ юнкеромъ, дослужился тамъ до офицерскихъ чиновъ, а потомъ и вышелъ по болѣзни въ чистую. Получивъ свою отставку, уѣхалъ онъ съ Кавказа и поселился въ Россіи, верстъ за восемь-сотъ этакъ отъ того мѣста, гдѣ онъ въ холопствѣ былъ. Зажилъ онъ въ большомъ городѣ баринномъ, купилъ себѣ домъ, хозяйку себѣ приискалъ, женился и началъ поживать въ тихомолку. Время, братъ, все идетъ своимъ чередомъ. Дѣтки у него пошли, и пожелаи онъ имъ воспитаніе дать. Старшаго-то своего сына и задумай онъ везти въ училище, что верстъ за полтора отъ того имѣнія было, гдѣ онъ иллюминацію справилъ. Понадѣялся онъ, знатъ, на время, располагалъ, видно, себѣ такъ, что уже лѣтъ двадцать пять отъ его побѣга

прошло, такъ никакого, думалъ, случая выйдти не можетъ. Неосторожность тутъ своя была. Вотъ что. Привезъ онъ это сынишку въ городъ, и пока помѣстилъ въ училище, мѣсяца два протянулось. Вотъ одинъ разъ, въ воскресенье, ходитъ нашъ молодецъ по базару, да съ мужичкомъ какимъ-то, съ глазу на глазъ и столкнулся. Тотъ-то его и обозналъ, да и говоритъ другому своему товарищу вслухъ: «А никакъ, братъ, это нашъ бѣглый Иванъ похаживаетъ?». Вслушался прежній лакей въ эти слова, съ лица измѣнился, сердцемъ закипѣлъ, да понадѣявшись, видно, на свою офицерскую сбрую, мужика въ рыло и тресни. Шумъ на базарѣ сдѣлался, до полиціи дѣло дошло; распросы, допросы посыпались, туда-сюда, по бумагамъ справки навели; оказалось, что тотъ гуляка оберъ-офицерскій сынокъ, что бумаги-то пропилъ, тутъ же въ городѣ при мѣстѣ состоитъ. Нашъ молодецъ на бѣло ото всего отрицался, стоялъ на своемъ твердо, а роду своего, ни откуда доказать не могъ. Прицѣпились къ нему крючки полицейскіе, въ острогъ его посадили, и стали судить за фальшь, за воровство, за поджогъ, да за убійство барина. И наслѣдники-то бариновы въ это дѣло вступились, домъ, имущество, все описали, а кромѣ того и дѣтей въ холопство обратно требуютъ. Ужъ на что, кажись, крѣпкій человекъкъ былъ, а сломился.... Ижно жалко было иной разъ на него глядѣть! Не о себѣ самомъ тосковалъ, а все больше на счетъ жены и дѣтей убивался. «За что я ихъ несчастье сдѣлалъ?... За что загубилъ?» — самъ себя много разъ при мнѣ онъ спрашивалъ, зубами отъ злости инда скрипѣлъ, а на глазахъ отъ жалости то и дѣло слезы выступали. Приходилось ему, знать, отъ суда круто. «Не дамъ, говоритъ, ни за что признанія, лучше себя ужою, а не откроюсь. Своимъ концомъ, говоритъ, это дѣло запутаю и дѣтямъ сколько-нибудь помогу». Какъ сказалъ, такъ и сдѣлалъ. Одинъ разъ, ночью, слышу я сквозь сонъ, что кто-то сильно хранилъ. Проснулся я, а кругомъ все тихо. Протеръ глаза и вижу мой больничный сосѣдъ возлѣ кровати на колѣнкахъ стоитъ и голову вверхъ задралъ. Я ближе, глядъ, а у него и глаза на лобъ выкатились, за шею обрывокъ какой-то зацѣпленъ: — около кровати, значить, удавился. Сторожа прибѣжали, докторъ, средства разныя употребляли, да нѣтъ братъ, шалишь! мертваго не воскресил! Что съ дѣтьми его сталося не вѣдаю, а про жену слыжалъ, будто съ горя скоро померла. И я его пожалѣлъ.... человекъкъ, сейчасъ видать, стоящій былъ, лѣтъ тридцать себя онъ бариномъ вы-

держалъ, да и до конца не уронилъ. — Вотъ тоже случай другой былъ. Тутъ, братъ, открытіе совсѣмъ съ иной стороны вышло. А дѣло, понимаешь, половчѣй офицерскаго было. Жилъ, братецъ ты мой, одинъ мѣщанинъ въ великой бѣдности, по названію Гаврила Ножичковъ, и задумай онъ разомъ разжиться. Думалъ онъ, думалъ объ этакомъ дѣлѣ и вотъ на какую бѣдовую штуку отважился. Удалой — право! Вѣдь не всякому такая притча и въ голову забрести можетъ, не то, чтобы ее до конца произвестъ удается.. Придумалъ Ножичковъ ни много ни мало, а только и всего, что почту ограбить, а для большей тайности рѣшился онъ эту статью обработать въ одиночку. Жена-тый человѣкъ онъ былъ, и потъ какимъ порядкомъ за дѣло принялся. Женѣ своей Гаврила объявилъ, что ѣдетъ онъ за тысячу верстъ, къ богатому купцу, въ прикащники опредѣляясь, а самъ отъ своего общества получивъ увольненіе, совсѣмъ въ противоположную, понимаешь, сторону и отправился, да тамъ-то, подъ другимъ, значить, облыжнымъ именемъ, и поступи съ фальшивымъ паспортомъ на одну городскую станцію въ ямщикъ. Бороду себѣ Гаврила Ножичковъ преширокою такую отпустилъ, и началъ почту возить, самъ какимъ-то крестьянникомъ прозываясь. Прошло такого его поведенія годика три. Отъ хозяина и отъ товарищей на отличномъ счету Гаврила содержится, а самъ свою затѣюшку не бросаетъ, но блюдетъ ее въ большой тайнѣ и никому, то есть, ни гугу. Вотъ въ одну темную осеннюю ночь, довелось этто Гаврилѣ везти почту. Дорога на ту пору была грязная, вѣстимо, — не разскачешься; шалостей никакихъ по тому тракту давно никто не слыхивалъ, ямщикъ тоже почтальону хорошо знакомый человѣкъ былъ; — почтальонъ, значить, въ благополучности себя почитаетъ, дорѣгой его качало, извѣстно, соснулъ маленько. Верстахъ, этакъ, въ десяти отъ города черезъ рѣку переѣзжать имъ слѣдовало: — подѣхали они къ мосту. Ямщикъ лошадей приостановилъ, слѣзъ съ облучка и началъ за телѣгой что-то копошиться. Почтальонъ-то очнулся. — «Что ты, братъ, тамъ возишься?» — ямщика спрашиваетъ. «А вотъ, говоритъ, чеку поправляю, разхлябалась больно.» — отвѣтствуетъ Гаврила, да съ этимъ словомъ, какъ хватить, понимаешь, почтальона топоромъ по головѣ, тотъ такъ ничкомъ въ телѣгу и покатился. Почтальонъ еще дышетъ, а Гаврила вскочилъ въ телѣгу, утихомиривъ его горемычнаго, стащилъ потомъ съ телѣги долой, раздѣлъ, камень съ веревкой на шею ему прикрѣпилъ, да и бултыхнулъ въ воду. Справедливъ

почтальона и началъ Гаврила почтовой казной, какъ своимъ добромъ распоряжаться. Чемоданы ножемъ распоролъ, денежки выбирать сталъ, бумажки и золото съ собою отложить, а серебромъ погнушался, на телѣгѣ оставилъ. Распредѣливши денежки, снялъ съ себя Гаврило ящичное платье, да вмѣстѣ съ почтальонской одеждой, съ пистолетомъ и саблей, въ одинъ узелъ завязалъ, прибавилъ туда каменьевъ да вслѣдъ за почтальономъ въ рѣку и бросилъ. А самъ, въ новое платье, что напередъ приготовлено было, нарядился, поворотилъ лошадей обратно въ городъ, махнулъ на нихъ кнуткомъ, бросилъ кнутъ среди дороги, и окончивъ всѣ свои дѣла безъ помѣшательства, проселкомъ въ сторону и удалился. Все дѣло, братецъ ты мой, вышло ладно. Лошади назадъ въ городъ прибѣжали и около станціи въ воротахъ и остановились. Выбѣжали ящички, видятъ, телѣга безъ человекѣ воротилась. Принесли фонари, глядъ, телѣга кровью обрызгана, чемоданы распороты, письма и конверты разорваны, а цѣлковики цѣлой кучей валяются. Оказія — братъ! Все дѣло тую-жь минуту по начальству объявили. Возня пошла страшная. У полиціи, понимаешь, даже пѣна на губахъ выступила. Исправникъ съ понатыми по тракту отправился. Возлѣ моста нашли письма рваныя, серебро кое-гдѣ просыпано, слѣды кровяные по дорогѣ и около рѣки свѣжехонькіе отыскались, и кнутъ Гаврилинъ, увидали, лежитъ; а больше ничего. Тотчасъ за баграми, за неводами послали, близъ моста всю рѣку переболтали, до почтальонскаго тѣла добрались и вытащили его голубчика, осмотръ произвели, видятъ что голова и шея глубоко разсѣчены; потомъ узелъ съ платьемъ и пистолетомъ за багоръ зацѣпился, и Гаврилина и почтальонова одежда вся сполна отыскалась, ну, а тѣла Гаврилина, сколько ни бились, поймать въ рѣкѣ никакъ не могли. А впрочемъ, весьма многіе и Гаврилу убитымъ почитали. Такъ полиція тогда и порѣшила, что по сему дѣлу, цѣлая шайка воровъ, надо быть, участіе принимала. Стали искать шайку. Городъ-то кругомъ оцѣпали, по всѣмъ домамъ обыски дѣлали, да ничего такого, кромѣ бозпаспортныхъ бродягъ изъ нищей братьи не нашлось. Кто не смогъ откупиться, всѣхъ въ тюрьму посадили. Набрали такимъ манеромъ въ острогъ народу количество не малое, а почтовые денежки пропали да и баста! Прошло, этакъ, съ полгода. Гаврило къ женьѣ давно съ бритой бородой и въ нѣмецкомъ платьѣ воротился. Шутку свою и отъ несъ въ секретѣ держитъ, и передъ товарищами мѣщанами, какъ былъ прежде, бѣднякомъ.

прикидывается. Наскучило, видно, ему это, пожелалъ Гаврила на чужую сторону переѣхать, чтобы безъ опаски зажечь пороскошнѣе. Взялъ Гаврила себѣ подорожную, напихалъ въ чемоданъ денегъ и отправился въ путь одинокимъ, располагая жену къ себѣ на житье опосля вытребовать. Проѣзжать-то ему приходилось верстахъ въ двухъ стахъ отъ того города, гдѣ онъ ямщикомъ былъ. Обознать, я тебѣ говорю, Гаврилу было трудно, но тутъ другая статья подошла. Ъхалъ, видишь, Гаврила въ своей кибиткѣ, только на одной ставціи телѣга у него и поломалась. Не хотѣлось ему на перекладныхъ ѣхать что ли, или за чемоданъ свой съ казной опасался, Богъ его тамъ вѣдаетъ почему, только вздумалъ Гаврила у жида почтоваго содержателя для себя новую телѣгу покупать, да не поглядѣвъ на жидовскую телѣгу, такъ, безъ всякаго, значить, торга, взялъ жиду двадцать пять цѣлковыхъ за нее и выкинулъ. Ну, а жидъ, извѣстное дѣло, нашего русскаго купца натуру твердо знаетъ: только во хмѣлю нашъ купецъ пригоршнями деньги швыряетъ, а тверезый кажиный на алтынъ давится. Взялъ жидъ денежки, обрадовался, а самъ про Гаврилу такъ располагаетъ: — видно, не больно дорого деньги достались, что такъ ими шамаркаетъ. Почтовый грабежъ еще въ свѣжести тогда былъ, примѣты пропавшаго ямщика на всякій случай повсюду разосланы были: — росту, значить, средняго, лобъ, ротъ и носъ и все это тамъ умѣренное, о цѣлой шайкѣ воровъ кстати упоминалось, вотъ и приди жиду станціонному въ голову, не есть ли и его проѣзжающій изъ этой шайки какой ни-на-есть грабитель. Лошадей жидъ Гаврилѣ подъ разными отговорками подавать оттягиваетъ, а самъ о своемъ подозрѣніи и далъ становому знать. На Гаврилицу бѣду становой въ томъ же селеніи тогда находилъ, мигомъ нагрянулъ, ужъ стало быть носомъ добычу чуюлъ. Пошли эдакъ сначала допросы издалека, — Гаврила на своемъ стоитъ, на подорожную, то есть, упирается. Становой осмотръ сдѣлалъ, чемоданъ вскрылъ и тамъ кучу денегъ страшную нашелъ. Пытался Гаврило, повимаешь, на мировую идти, да нельзя было, грабежъ почты штука бѣдовая, а къ тому-жь, народу сторонняго много случилось. Сколько Гаврило ни отвертывался, не выпутался. Скрутили ему, сердечному, руки, слѣдствіе судъ нарядили, и началъ онъ до окончанія своего дѣла изъ острога въ острогъ препровождаться. Но только хитеръ Ножичковъ, долго, значить, не высидѣлъ. Оказія такая, знаешь, подошла. Разъ какъ-то въ углу той комнаты, гдѣ арестанты содержались, или

тамъ гдѣ поблизости, растянулся острожной унтеръ-офицеръ подъ хмѣлькомъ бывши, никому, понимаешь, ничего и не вдомекъ, а нашъ Гаврило, не долго думавши, подошелъ, значитъ, къ унтеру, стащилъ съ того шинель, что на распашку надѣта была, и фуражку снялъ. Унтеръ-то знай себѣ носомъ пошвыстываетъ, а Гаврила надѣлъ шинель въ рукава, заломилъ на бекрень фуражку, да среди бѣлаго дня, мимо часовыхъ за ворота и маршъ. Вѣдь пропустили — братья!! Съ-тѣхъ-поръ Гаврила какъ въ воду канулъ. Нечего сказать — молодець! Съ такимъ, Архипъ, удалствомъ, не скоро нашъ братъ въ конецъ пропадетъ. Такъ полагать надо, что Гаврила подъ чужимъ именемъ гдѣ ни-на-есть промышляетъ, а почему знать, можетъ и въ люди давно вышелъ! Отваженъ былъ Гаврило Ножищковъ. Вотъ оно что! Ну, да это, братъ, еще не самые между нами талантливые. Самые талантливые, почитай, не знаютъ какъ къ намъ въ остроги и двери отворяются; самые талантливые всю свою жизнь, какъ есть, безъ зацѣпки проведутъ, и на нашу братью острожную, не то, чтобы съ жалостью смотрять, а такъ, просто, брезгаютъ нами. Неужто они, подумай Архипъ, у Бога краешку съѣли? Могу я тебѣ, Архипъ, про одного такого художника всю исторію въ точности пересказать, деревни Бутузовки родомъ онъ есть, человѣкъ теперь пребогатѣйшій и ловокъ, братъ, очень ловокъ, надо ему въ этомъ чести приписать. Да рассказывать, что ли?... Ты, Архипъ, скажи-ка мнѣ напередки самъ; — какъ ты на счетъ того, что я тебѣ вчера говорилъ, — раздумываешь?... Бѣжимъ мы или нѣтъ?... — «Не знаю, братъ, — страшно!» — вяло проговорилъ Архипъ, малый лѣтъ двадцати трехъ съ добродушнымъ, но крайне печальнымъ лицомъ.

— Баба ты, баба; — вотъ что! отвѣтилъ Архипу самозванецъ Петръ Климовъ, и отворотился въ сторону, но послѣ продолжительнаго молчанія Петръ Климовъ продолжалъ:

— Ты, Архипъ, я вижу, не очень тому вѣришь, что такіе люди на самомъ дѣлѣ состоятъ, какъ я тебѣ говорю. Не вру я тебѣ, а все одинъ резонъ толкую; потому ты и слушаешься меня должонъ.... Вѣдь не сгнить же тебѣ, прости Господи, молодцу этакому, въ труппахъ острожныхъ, и безъ всякой, значитъ, впереди отрады. А ужъ куда Божій міръ широкъ да привѣтливъ, есть гдѣ бойкой головушкѣ развернуться, да на людяхъ свою удалъ испробовать.... Брось ты, Архипъ, эту свою дурь изъ головы, что всякая вина виновата бываетъ, оно, пожалуй, надъ дуракомъ и взаправду такъ сбывается, вѣдь дуракъ и безъ

впны виноватымъ сдѣляется, а объ умную голову, самъ ты вѣдаешь, какіе горшки расколачиваются, и тертому цашему брату, пропдохъ — все какъ съ гуся вода. Вотъ хоть бы и того человѣка взять, что я тебѣ рассказать хотѣлъ. Все у него ништо и крыто. Есть, братъ, чему у него поучиться. Отмѣнная, могу доложить, бестія. Звали-то его прежде Ѳедькой Грачовымъ, про родину его я уже сказывалъ, а про Булузовку скажу, что была она со старины деревня господская, и мужички въ ней всегда на оброкѣ находились. Лѣтъ сорокъ тому назадъ, была у нихъ барыня, старушонка древняя, но сама пребогатѣйшая. Много вотчпнъ она въ разныхъ мѣстахъ имѣла, въ Булузовку сама не заглядывала, а положенный оброкъ въ акурать получала. Мужики въ Булузовкѣ завсегда сытые жили и каждый пзъ нихъ про себя копеечкой обладать. Оброкъ-то у нихъ барскій не больно великъ былъ, а отъ господъ своихъ житье заглазное имѣли, ну, такъ, вѣстимо дѣло, и закрѣтъ могли. Дочерей своихъ булузовцы выдавали въ замужество все больше за мѣщанъ и другихъ людей вольныхъ. Ну, а сыновей почитай безъ малаго всѣхъ, какъ который бывало народится, такъ, его любезнаго, въ воспитательный домъ, прямиехонько въ Москву и предоставляли. Ужъ видно не очень хороша была эта крѣпостная линія, что матерей съ дѣтьми разлучали. Мужичковъ-то въ Булузовкѣ, понимаешь, отъ такихъ порядковъ, все уменьшалось да уменьшалось, и на глазахъ у крѣпостныхъ повывростало много сродниковъ, — все вольные люди были. На вольныхъ сродниковъ глядя, задумали булузовскіе мужички и сами всѣмъ міромъ выкупиться. Нарядили къ барынѣ выборныхъ объ этомъ дѣлѣ просить, но барыня, понимаешь, стараго завѣту была, на отрѣзъ отказала. — «Развѣ я обижаю васъ? — говоритъ: живите за мной, говоритъ. Я всегда, говоритъ, къ вамъ милостива была; а вы, говоритъ, за мое добро грубостію мнѣ отвѣчаете». Почесали мужички затылки, потужили, видятъ, что со старухой пива не сварить, воротились назадъ въ Булузовку и стали жить по прежнему, и по прежнему ежегодно оброкъ предоставлять. Оброкъ-то, булузовцы, по почтѣ никогда не отсылали, а выбрали промежъ себя двухъ-трехъ человѣкъ надежныхъ, отсчитывали имъ на міру денешки, да къ барынѣ и выпроваживали, наказывая послать крѣпко, о всѣхъ деревенскихъ нуждахъ говорить съ барыней толкомъ. Вотъ одного, братецъ ты мой, зпмою и выправили булузовскіе мужички съ оброкомъ трехъ посланныхъ: Ѳедьку Грачова, Зайцева, да еще третьяго, — не

упомню какъ прозывался. Өедька-то былъ тогда парень во всей красѣ: — молодой, здоровый и толковитый. Съ малолѣтства еще шелъ Өедька такой ловкій да пробоистый и положилъ онъ себѣ правиломъ, во что бы-то ни стало, а отъ крѣпости избавиться, и какъ ни-на-есть, а копейку зашибить. Отправились выборные въ путь-дороженьку, пришли благополучно къ своей барынѣ, отдали ей оброчные денежки всѣ сполна и стали о разныхъ мірскихъ дѣлахъ тары-бары растабарывать. Все время стоялъ предъ барыней Өедька такой угрюмый, изъ подлюбыя все на нее взглядывалъ, думалъ было у старухи на волю проситься, да видно смекнулъ, что толку не будетъ, а тутъ же и рѣшился самовольно свободнымъ сдѣлаться. Пока товарищи съ барыней да съ челядью барской прощались да разставались, онъ будто онѣмѣлъ, никому слова не промолвилъ, о своемъ умыслѣ, значитъ, думалъ. Извѣстно, коли у крѣпкаго человѣка какая мысль въ голову застрянетъ, такъ ты и коломъ ее не вышибешь. Такъ-то и нашъ Өедька Грачѣвъ. Опостыла ему, знать, его горькая доля: вотъ и все тутъ. Идетъ онъ виѣстѣ съ товарищами обратно въ Бутузовку, но ничто не тянетъ его на родину, а думаетъ онъ объ одномъ, какъ бы съ дороги половчѣй дать тягу. Подошли одинъ разъ бутузовцы на ночлегъ къ постоялому. Шумъ, крикъ, пѣсни, пляска тамъ идетъ, скрипича играетъ, пиво и вино рѣкой разливаются. Фабричный какой-то, сказываютъ, проѣздомъ гуляетъ. Ходитъ тотъ фабричный по избѣ козыремъ, самъ разодѣтъ въ красной шелковой рубашкѣ, въ бархатныхъ шараварахъ, встрѣчнаго и поперечнаго, всѣхъ потчуетъ, по всей избѣ командуетъ. «Пей, говоритъ, гуляй ребята!... Бей въ мою голову!! За все отвѣчаю!..» Вошли бутузовскіе мужички, фабричный и ихъ чевствуетъ: «Давай, кричитъ, еще народу!!... Хозяинъ.... водки еще подавай!!.. Всѣхъ угощаю!!.. Пусть всякій понимаетъ, какъ наши фабричные ребята гуляютъ!! Катай-валяй ребята!.. Ёшь пей не хочу!... Знай нашихъ!!» Выпили бутузовскіе мужички, позакусили, поблагодарили фабричнаго за угощеніе, да съ дороги на полати и загѣзли, соснуть маленько. Одинъ Өедька съ фабричнымъ гулять остался. Долгую зимнюю ноченьку на пролетъ они пробушевали, за кружкой вина побратались и крестами перемѣнились, рѣчи такія сердечныя вели и долго промежъ себя перешептывались. Къ утру разсчитался фабричный съ хозяиномъ и заложилъ свою пару коней въ сани. Өедька вышелъ провожать пріятеля, цѣловался, обнимался съ нимъ, да и ввалился къ нему въ розвальни. Лошади помчались;

:

поминай, значить, какъ звали! Воротился Зайцевъ съ остальнымъ товарищемъ въ Бутузовку и объявилъ міру, какъ все дѣло вышло. Староста явочное прошеніе подавъ и старуху барыню по почтѣ увѣдомилъ. Сердилась старуха, а взять было нечего. Пропалъ нашъ Оедька Грачовъ, и концы въ воду! Оказалось, я тебѣ скажу, Архипъ, опосля, что Оедькинъ-то крестовый братъ, фабричный, никогда ни на какой фабрикѣ отродясь не бывалъ, а вся его фабрика въ томъ состояла, что онъ по большимъ дорогамъ проѣзжающихъ грабилъ. Товарищей удалыхъ онъ въ разныхъ мѣстахъ имѣлъ, многими всякими документами обладалъ, и себя подъ разными именами, въ различномъ, понимаешь, видѣ выказывалъ. Сошлись они это съ Оедькой душа въ душу. Друзья на взглядъ были закадычные, но только Оедька куда хитрѣй оказался. Смекаетъ Оедька, что фабричному при такой его веселой жизни, головы долго не сносить. Ну, а тогда, раздумываетъ Оедька, и ему въ отвѣтъ идти доведется, а дѣло ихъ страшное было! Прошло въ этакихъ порядкахъ мѣсяца четыре. Залѣзъ Оедька фабричному въ душу. Гдѣ деньги запрятаны были, — все вывѣдалъ, и отъ товарища отдѣлаться распекладалъ. Говорить это разъ Оедька своему приятелю, чтобы тотъ ему половину денегъ выдалъ. «Дамъ, говоритъ фабричный, — когда сколько потребуется... А половина тебѣ на что?... Отшатнуться ты, видно, думаешь?... А можетъ и доказать на меня хочешь?..» Пошло у нихъ съ Оедькой слово за слово да и на ссору. Дѣло-то было въ лѣсу. Фабричный разгорячился, даже ударить Оедьку замахнулся, а Оедька нашъ, давно себѣ на умѣ, какъ хватить друга любезнаго ножомъ подъ сердце; — тотъ и не крикнулъ! Взялъ Оедька забралъ всѣ денежки, документы разные пересмотрѣлъ, выбралъ себѣ подходящія, да съ ними да съ денежками на другой совершенно конецъ нашей матушки Россіи и удалился. Торговая часть всегда по душѣ Оедькѣ была. Опредѣлился онъ сначала въ питейный домъ сидѣльцомъ, тутъ началъ онъ честному народу водицы въ вино подбавлять, и другими кабацкими изворотами свой капиталъ еще увеличивать. Пошелъ нашъ Оедька въ гору. Денегъ-то у него куры не клюютъ; ну, и къ питейному промыслу талантъ у него оказался не послѣдній. Скоро въ управляющіе Оедька вступилъ, а тамъ, на первыхъ же торгахъ и самъ въ кампанію къ откупщикамъ затесался. Вотъ тутъ-то повелъ нашъ Оедька дѣла свои на честоту, все, значить, мошеннически. Земская полиція у него, понимаешь, въ карманѣ сидѣла. Что, бывало, нашъ Оедька Гра-

човъ пожелаетъ, такъ, бывало, по цѣлой округѣ и владычествуеть. Войска куда-то въ походъ проходили, давно это было, Ѳедька и задалъ имъ угощеніе, отъ большихъ особъ благодарность получилъ, чины на него посыпались и въ высокоблагородные самъ выскочилъ. Между такими дѣлами Ѳедька оженился и семью прижилъ. Времени много ушло. Поселился нашъ Ѳедька въ столицѣ, накупилъ себѣ домовъ и сдѣлался, значить, богачомъ первостатейнымъ. Кажись бы и все тутъ, но сказка еще впереди. Старушка-то бутузовская барыня, тѣмъ временемъ, давно померла, а наслѣдникъ ея и сталъ деревнями пошевеливать. Жилъ-то, знать, новый баринъ широко, деревень много лишился, а въ остальныхъ все порядокъ устанавливалъ. Хватился новый Ѳедькинъ баринъ, что въ Бутузовкѣ народу умаленіе обстоитъ, убылыхъ сталъ пересчитывать, добрался и до Ѳедьки Грачова. Видитъ баринъ въ ревизскихъ сказкахъ отмѣтка въ бѣгахъ выставлена, и задумалъ онъ справки навести. Спросилъ сперва у стариковъ, тѣ указали на Зайцева, призвалъ баринъ Зайцева, распросилъ когда и по какой причинѣ Ѳедька убѣжалъ, но допросы эти ни къ селу ни къ городу не повели. По дѣламъ своимъ, баринъ въ столицу переѣхалъ, а тутъ-то не даромъ, знать, говорится, что слухомъ земля полнится, и дайди, Архипъ, до барина слухи вѣрные, что его Ѳедька Грачовъ, надо полагать, живъ, и что онъ первымъ богачемъ и въ высокоблагородномъ чинѣ, съ чужими, понимаешь, бумагами, давно состоитъ. Захотѣлось барину развѣдать это дѣло потоньше. Послалъ онъ въ деревню за Зайцевымъ, пораспросилъ его еще разъ и говорить ему: «— А узнаешь ли ты Ѳедьку Грачова, коли я его тебѣ среди народу покажу?—» «— Надо думать, узнаю—» отвѣтствуетъ Зайцевъ. «— Хорошо, — говоритъ баринъ. Я сегодня же толпу народа тебѣ покажу и Ѳедька тамъ будетъ. Смотри, не зѣвай!—» — Сказано — сдѣлано. Вечеромъ приказалъ баринъ Зайцеву пріодѣться по чище, посадилъ его съ собой въ карету, подвезъ его, братецъ ты мой, къ театру, да тамъ въ корридорѣ и поставилъ. Проходитъ мимо Зайцева народу многое множество, а тотъ все ни къ кому не признается. Наконецъ идетъ, переваливаясь, какой-то баринъ осанистый, съ хохломъ на головѣ, во фракѣ черномъ одѣтъ и золотая часовая цѣпочка поперекъ брюха блеститъ. Какъ взглянулъ Зайцевъ, такъ и ахнулъ! «— Онъ и есть, — говоритъ, Ѳедька Грачовъ, онъ и есть! Только и всего что постарѣлъ немножко, да раздобрѣлъ больно, а то все такой же.—» Нашъ Ѳедька прова-

лпль себѣ въ тiатрѣ преспоконнѣ, а баринѣ его съ Зайцевымъ домой поворотили. Ужѣ чего бы кажется больше?... Обознали челоѣка совершенно, тутѣ бы, кажется ему и пропасть слѣдовало.... Да нѣтъ, братѣ, шамишь, не на такого напали!... Вѣдь къ Ѳедькѣ подступиться не легко было, ужѣ больно на высокую лннiю онѣ выѣхалѣ. Однакожѣ, баринѣ послѣ того съ Ѳедькой увидался и когда заговорилѣ о Бутузовкѣ, такѣ куда тебѣ, нашѣ Ѳедька отѣ всего отпирается. «— Вотѣ бумага о моемѣ крещении, говоритѣ, вотѣ бумага какѣ я службу пронсходилѣ, вотѣ бумага какѣ я чины получалѣ, вотѣ благодарность большой особы прочитайте.... Грѣшно вамѣ, господинѣ честной, такое несодѣянное дѣло затѣвать, статочная ли вещь чтобы я бутузовскимѣ мужикомѣ былѣ? Да я и Бутузовки никогда никакой не слыхивалѣ, и присниться этакому дѣлу трудно, же то, чтобы взаправду случиться. А впрочемѣ, говоритѣ Ѳедька, уважая ваши хлопоты и чтобы вамѣ совсѣмѣ убытку не было, а для моего лица какой неприятности, я могу, говоритѣ, если хотите, говоритѣ, одинѣ домикѣ на мировую вамѣ подарить. Показалось сначала барину этого мало, потомѣ подумалѣ и согласился. Ѳедька подѣ разными проволочками, по уговору домѣ не отдаетѣ, баринѣ его другими дѣлами позанился да такѣ и померѣ, не получивѣ, понимаешь, отѣ Ѳедьки, никакой, значить, благодарности. Обманулѣ Ѳедька барина, самѣ себя бумагами разными еще больше облагонадежилѣ и дѣтей своихѣ все со знатными да сильными людьми породнилѣ. Живетѣ себѣ, прппѣваючи, и въ усѣ не дуетѣ! Одначе, братѣ, этимѣ дѣло не кончилось. Наслѣдникѣ-то бариновѣ, разбирая свои бумаги, опять таки докопался до Ѳедьки, поразузналѣ дѣло, да опять его любезнаго за бокѣ. Явился это баринѣ къ нашему Ѳедькѣ въ богатые хоромы, когда у того гости, почитай, все больше графы да генералы были, и объяви Ѳедькину швейцару. — «Скажи, молѣ, своему господину, что вотѣ, молѣ, такой-то и такой баринѣ приходилѣ, изѣ московской губернии изѣ деревни Бутузовки прѣхалѣ и отвѣта по извѣстному дѣлу будетѣ завтрашняго дня до девяти часовѣ дожидаться. Такѣ и скажи до девяти часовѣ, а то поздно будетѣ. Да смотри, передай мои слова въ точности.» Вотѣ закинувши, понимаешь, эту удочку, раздумываетѣ бутузовскiй баринѣ будетѣ ли къ нему Ѳедька либо нѣтъ, разумомѣ своимѣ на двояко раскидываетѣ, вдругѣ слышитѣ въ передней звонокѣ. Располагалѣ баринѣ, что самѣ Ѳедька прѣхалѣ, не тутѣ было, нашего Ѳедьку на кривой кобылѣ же объѣ-

дешь, онъ только сына своего прислалъ. Вотъ Ѳедькинъ сынъ и заговорилъ съ батькинымъ баринѣмъ : «— Папаша, говоритъ, самъ быть у васъ не можетъ.... Вчера захворалъ опасно, а приглашаетъ васъ завтра къ себѣ пожаловать и тамъ поговорить съ нимъ. На завтра поѣхалъ баринъ къ своему Ѳедькѣ, Ѳедька заговорилъ о своемъ родѣ-племенн, бумагъ своихъ цѣлый ворохъ выложилъ : «— Вотъ такой-то и такой-то мой родъ, говоритъ, про Бутузовку я ничего не знаю, говоритъ. Всѣ бумаги въ исправности, говоритъ. Посмотрите говоритъ.» Ну ужъ, Архипъ, претонкая нашъ Ѳедька выжига, всѣ бумаги свои онъ цѣлой кучей, такъ барину въ носъ и тычетъ, а метрическаго свидѣтельства изъ рукъ не выпускаетъ, только понюхать далъ. Знаетъ, видно, гдѣ раки зимуютъ. Показавши свои документы, говоритъ еще Ѳедька съ баринѣмъ долго, все на одинъ, понимаешь, складъ ; а потомъ и крючки закидывать сталъ. «— Пресмѣшная, говоритъ, затѣя вашего покойника батюшки, а для меня, согласитесь, говоритъ, весьма непріятная, для семейства моего оскорбительная.... Доказать ее вамъ нельзя будетъ.... Себѣ только хлопотъ наживете. Соглашался я вашему батюшкѣ, одинъ домикъ для успокоенія его подарить. Жалѣю, что не успѣли мы эту статью окончить, а вамъ.... ради одинаго для васъ удовольствія, я могу одновременно двадцать пять тысячъ выдать. Прошу васъ только, чтобы объ этакомъ несообразномъ дѣлѣ и помилу никогда не было, Приѣзжайте завтра, да сочините такую записочку, что подозрѣніе ваше на меня, какъ ложное, вы за себя и могущихъ быть наслѣдниковъ вашихъ оставляете на всегда. Привозите завтра записочку, а я вамъ денежки приуготовлю.» Подумалъ, подумалъ Ѳедькинъ баринъ, двадцать пять тысячъ денегъ не малыя, а судиться съ Ѳедькой дѣло не шуточное, еще засудить пожалуй, потому понимаешь, что богатъ очень. Написалъ Ѳедькинъ баринъ отказную записочку и на завтра опять къ Ѳедькѣ явился. Вышелъ къ барину Ѳедькинъ сынъ. «— Папаша, говоритъ, опять очень нездоровъ. Здоровье его такое нынче слабое. Извиненія у васъ просить, что никакъ не можетъ самъ васъ принять. А вы, говоритъ, записочку приготовили?» Показалъ баринъ записку, прочиталъ ее Ѳедькинъ сынокъ. «— Записка говоритъ, хорошо составлена. Позвольте я ее папашѣ снесу для показанія. Отдалъ баринъ записку и дожидается денегъ по условію. Держи карманъ шире! Выходитъ опять Ѳедькинъ сынокъ и говоритъ : «Извините пожалуйста, папаша не можетъ сегодня вамъ деньги отдать.... въ

наличности нѣту, а вы потрудитесь завтра заѣхать.» Вѣдь, я тебѣ скажу, и Ѳедька и сыня оба оказались нарядные мошенники. Вѣдь такъ до-сихъ-поръ своего барина завтраками и потчуютъ! Вотъ эта братъ штука, такъ штука важная!... Двумъ господамъ своимъ нашъ Ѳедька насмѣялся, самъ въ безопасности пуще прежняго обрѣтается, а живетъ-то какъ?... Словно заморскій королевичъ какой. Ёсть и пьетъ на золотѣ да на серебрѣ, на школы сумму крупную вывалилъ, за нужнаго ему полковника дочку просваталъ, а коли что до денежной части коснется, такъ сами генералы передъ нимъ низенько кланяются. Вотъ это, Архипъ, жизнь, такъ жизнь прелѣтная! Отдай все да и мало!» Такъ, что же Архипъ, я тебя спрашиваю, бѣжимъ мы, или нѣтъ? — «Была не была — бѣжимъ!» рѣшительно проговорилъ Архипъ.

На завтра утромъ потребовали самозванца Петра Климова въ комиссію военного суда и послѣ сдѣланнаго тамъ допроса, посадили въ отдѣльную камеру.

Разставаясь съ Архипомъ, Петръ Климовъ сказалъ: — Прощай, братъ Архипушка, прощай!! Когда мы увидимся, — не вѣдаю.... А что я тебѣ вчера говорилъ, помни Архипъ, все это одна вѣрная правда есть.

И. ТРОИЦКІЙ.

ИЗЪ МОЕГО ПРОШЛАГО.

УЧИЛИЩЕ.

(посвящается товарищамъ.)

Какое училище? спросить непрѣмѣнно читатель; училища бываютъ разныя: высшія и низшія, приходскія, уѣздныя, духовныя, военныя, гражданскія? Вотъ вопросъ, который, признаюсь, крайне затрудняетъ меня. Вспомнимъ покойнаго Николая Васильича Гоголя: называлъ же онъ, во избѣжанія всякихъ непріятностей, департаментъ, въ которомъ служилъ Акакій Акакіевичъ, просто однимъ департаментомъ. По той же самой причинѣ, да проститъ мнѣ читатель, если я, не изъ желанія подражать великому художнику, а по его примѣру, назову мое училище просто *однимъ училищемъ*, но только не современнымъ, а давнопрошедшимъ.

Въ настоящее время, Русь зашагала широко, вольно, какъ древній сказочный богатырь въ сапогахъ скороходахъ; куда не оглянись, отвсюду новымъ духомъ вѣетъ, все старое кой-какъ коротаетъ свой вѣкъ, только изрѣдка изглянетъ на свѣтъ божій, пуститъ слово, другое, да и спрячется; самый образъ воспитанія юношества, этотъ корень общественнаго развитія, принялъ другое направленіе; въ рѣдкой семьѣ отецъ, по своимъ понятіямъ, сходится съ сыномъ.

Кажется и не много прошло времени, всего лѣтъ двадцать, а взглянешь теперь на что прежнее, такъ и не узнаешь; поглядишь, поглядишь и рукой махнешь, словно и не родное тебѣ. Нѣтъ, видно матушка Россія по чугункѣ катится.

Училище, въ которомъ я имѣлъ честь воспитываться, помещалось въ огромномъ каменномъ зданіи, принадлежавшемъ когда-то какому-то вельможѣ и сохранившемъ до нынѣ остатки своего прежняго величія. Исторія зданія, въ которомъ я провелъ нѣсколько лѣтъ моей юности, мнѣ неизвѣстна, да впрочемъ и кому какая нужда до этой исторіи. Мое намѣреніе рассказать читателю объ образѣ нашего воспитанія двадцать лѣтъ тому назадъ, о жизни воспитанниковъ, о характерѣ наставниковъ и вообще обо всемъ томъ, что касается внутренности учебнаго заведенія, такъ сказать, его души; а до наружности какое намъ дѣло, извѣстно, что она бываетъ обманчива.

Я поступилъ въ училище въ 183.. году, четырнадцать лѣтъ отъ роду.

Какъ теперь помню день или, лучше сказать, вечеръ моего поступленія.

Долго прощалась со мной матушка со слезами на глазахъ, слезами радости, а отчасти и печали. Радовалась она тому, что вотъ и ея сынъ начинаеть человѣческую дѣятельность, преобразовывается изъ ребенка въ юношу, поступаетъ въ одно изъ лучшихъ въ то время учебныхъ заведеній. Быть можетъ ей представлялась въ перспективѣ моя будущая самостоятельная жизнь, разумѣется въ радужномъ свѣтѣ, съ обезпеченными благопріобрѣтенными средствами или, по крайней мѣрѣ, съ мѣстомъ, дающимъ возможность пріобрѣтенія, съ крестами и чинами, съ милой женой и прелестными дѣтьми, которыхъ она, уже старушка, нянчить, приголубливаетъ, а дѣти протягиваютъ ей ручки, обнимаютъ, треплютъ за сѣдые волосы, называютъ бабушкой. Тосковала матушка о томъ, о чемъ тоскуеть каждая любящая мать, при разставаньи съ любимымъ дѣтищемъ, тѣмъ.

болѣе, что обстоятельства заставляли ее уѣхать на нѣсколько лѣтъ въ деревню. Она вполне сознавала всю необходимость и пользу нашей разлуки, видѣла въ ней свое и мое счастье, но скучала о томъ, что съ этой эпохи кончалось ее женское, теплое воспитаніе. Она выпускала изъ рукъ своихъ прямое, ближайшее попеченіе, о своемъ сынѣ и передавала его подъ чужой кровъ, на руки постороннимъ людямъ, которые, Богъ ихъ вѣдаетъ, каковы-то еще будутъ для ея Миши, добрые или злые, судіи праведные или несправедливые.

Кромѣ матушки, присутствовали, при отправленіи моемъ въ училище, двѣ или три старухи тетки. Одна изъ нихъ желала мнѣ дослужиться до генеральскаго чина, какъ вѣнца всѣхъ благъ земныхъ; другая мѣтила выше и ограничивала честолюбіе андреевской лентой; третья, какъ болѣе матеріалистка, — разбогатѣть, если не собственными средствами, то по крайней мѣрѣ съ помощію богатой невѣсты, преимущественно изъ купеческаго званія. Даже и дворня наша, состоявшая изъ старой кухарки Матрены и дѣвчонки Палашки (какъ ее всегда величали), не осталась безучастною при моемъ отправленіи. Матрена, вѣроятно изъ угожденія своей барынѣ, безпрестанно протирала грязнымъ передникомъ глаза свои и дѣлала гримасы, какъ бы собираясь чихнуть. Босоногая Палашка, съ котомъ Васькой на рукахъ, казалась болѣе равнодушною и занималась преимущественно разсматриваніемъ зубовъ у своей поппи.

Прибѣжала также и бывшая моя нянька, старуха лѣтъ восьмидесяти, проститься съ ребенкомъ (какъ выражалась она); проститься потому, что съ поступленіемъ въ училище, я по ея мнѣнію, вдругъ сталъ и умнѣе, и ученѣе, и не досягаемъ. «Не приведетъ Господь и повидать-то больше, куда мнѣ старухѣ, говорила она; подикось, и на крылечко ихнсе не пустять, увидить свицарь еще треуховъ надаеть, да и самъ-то батюшка, родимый-то мой, вѣдь не то, что махонькимъ былъ, небось въ своемъ званіи и признать не захочеть!.. Далекое пойдетъ, охъ далеко, губернаторомъ аль министромъ будеть». Нянька, какъ водится, притащила будущему губернатору пль министру хлѣбъ соль на дорогу, состоящій изъ пятака яблоковъ и выборгскаго трехъ-копеечнаго кренделя.

Наконецъ матушка благословила меня, помолилась предъ образомъ и заставила меня помолиться; сказала краткую рѣчь, содержаніе которой заключалось въ наставленіи хорошо учиться и вести себя, слушаться наставниковъ, избѣгать общества дур-

ныхъ воспитанниковъ и т. п. По окончаніи и этой церемоніи, я еще разъ окончательно со всѣми простился и отправился съ матушкой въ училище, напутствуемый и причитаньями няньки, и гримасами кухарки Матрены, и многообразными желаніями тетусекъ.

Что касается до меня собственно, то, признаюсь откровенно, разлука съ родными мало печалила меня. Хотя дома мнѣ было такъ привольно, матушка такъ баловала меня, но настоящее мое положеніе, удовлетворенное самолюбіе и воображеніе будущаго, затмили въ моей памяти и ласки матери и свободу домашней жизни. Я уже воображалъ себя, если не великимъ человѣкомъ, то, по крайней мѣрѣ, неограниченнымъ начальникомъ, внушающимъ страхъ и ужасъ своимъ подчиненнымъ. Что дѣлать? дѣти, глядя на взрослыхъ, рисуютъ съ натуры будущую картину своей жизненной и служебной дѣятельности.

Пріѣхавъ въ училище, матушка проводила меня до пріемной, еще разъ простилась, еще разъ благословила, еще разъ сказала краткую рѣчь, еще разъ тихо, украдкой заплакала, скрывая свои слезы и замѣняя ихъ принужденной улыбкой. Бѣдная матушка! вѣроятно она предчувствовала, что много тяжкихъ испытанийъ предстоитъ перенести ей Мишѣ.

Оставшись одинъ, въ чуждомъ, незнакомомъ мнѣ мѣстѣ, я въ первый разъ почувствовалъ какую-то неловкость. Долго я не зналъ какъ выйдти изъ пріемной комнаты; полная нерѣшимость овладѣла мной; какъ-то безсознательно я принялся обчищать свое платье, не смотря на то, что оно было совершенно чисто, гладилъ свои волосы и безъ того приглаженные, поглядывалъ то на окно, выходящее на дворъ, по которому только что удалилась матушка, то на сапоги, то на висѣвшую лампу, то на дверь, ведущую къ камеры воспитанниковъ. Богъ знаетъ почему мнѣ пришли въ голову и нянька съ ея гостинцемъ, и гримасы Матрены, и желанія тетусекъ, и котъ Васька, и слезы матушки, и даже ватрушки, бывшія дома за обѣдомъ. Теперь, казалось, я бы радъ былъ и домой вернуться. Такъ страшно было переступить за порогъ нейтральной комнаты, тотъ порогъ, за которымъ начиналась казенная, общественная жизнь, съ свойственными ей требованіями. Къ счастью для меня, явился какой-то сторожъ, оказавшійся вполнѣдствіи парикмахеромъ воспитанниковъ или, какъ называли его въ училищѣ, Theodor Rosegalion coiffeur de Paris (Theodor Rosegalion означало въ переводѣ Теодоръ Розгайловъ). Пріободрившись, но не безъ замиранія въ сердцѣ, об-

дергивая безпрестанно бывшую на мнѣ курточку и напутствуемый парикмахеромъ, лукаво на меня посматривавшимъ, я вступилъ въ первую камеру училища, но здѣсь, не зная куда идти дальше, неволью остановился. Прислонясь къ первой попавшейся койкѣ, я стоялъ какъ потерянный, взоры мои блуждали и отыскивали вторичной выручки, въ видѣ Розгайлова. Воспитанники поминутно шмыгали мимо меня; одни проходили, не обращая никакого вниманія, другіе какъ-то свирѣпо взглядывали, нѣкоторые, поровнявшись, останавливались, осматривали меня съ ногъ до головы, какъ невидаль, спрашивали фамилію, имя, даже и отчество; я отвѣчалъ учтиво, раскланиваясь, какъ слѣдуетъ благовоспитанному мальчику, желавшему не уронить себя въ мнѣніи новаго общества. Одинъ пробѣжалъ и сдѣлалъ мнѣ ручку, другой показалъ кулакъ, третій скорчилъ какую-то гримасу и высунулъ языкъ.

Не знаю долго ли бы я простоялъ на одномъ мѣстѣ, еслибъ подошедшій, также вновь поступившій мальчикъ, мой прежній знакомый, не напомнилъ мнѣ, что нужно явиться къ дежурному по училищу гувернеру. Я отправился. Дежурный сидѣлъ въ другой комнатѣ, окруженный человѣками десятью воспитанниковъ. Не успѣлъ я переступить порогъ, какъ былъ схваченъ подъ руки, поднятъ на воздухъ и опущенъ предъ самымъ носомъ начальника. Эта выходка крайне размѣшила все общество. Меня немедленно представили, то есть чья-то рука нагнула мою отуманенную голову, а нѣсколько голосовъ произнесли фамилію, не забывъ моего имени и отчества съ прибавленіемъ различныхъ, болѣе или менѣе острыхъ замѣчаній и эпитетовъ. Воспитанники, казалось, отнюдь не стѣснялись присутствіемъ начальства: настоящій дежурный повидному былъ крайне любимъ ими, всё они называли его самымъ нѣжнымъ именамъ: папаша, Данилушка, другъ, ange, brave capitaine, слышались отовсюду. Двое воспитанниковъ обнимали талью дежурнаго, третій цѣловалъ его въ грудь, четвертый становился предъ нимъ на колѣни и т. д.

Все это, признаюсь, крайне поражало меня, новичка, незнакомаго съ бытомъ училища: я не зналъ, что и подумать. И грозные, двусмысленные взгляды, и фамильярное обращеніе съ начальникомъ, и безпрестанные вопросы фамиліи, и кулакъ, и языкъ, и сдѣланная ручка, все это смѣшалось въ головѣ моей и не позволяло вывести никакого заключенія. Я былъ совершенно уничтоженъ, не зналъ куда дѣться, что дѣлать, на что

смотрѣть и только, при общемъ смѣхѣ, принужденно улыбался, самъ не зная чему.

Въ девять часовъ насъ повели къ ужину. Здѣсь воспитанники прогѣли пш, лучше сказать, прокричали, кто въ зѣсъ, кто по дрова, извѣстную застольную молитву. Ужинъ состоялъ изъ горячей воды, подернутой какимъ-то саломъ и носившей названіе супа, и гречневой размазни. До перваго кушанья положительно никто не дотрогивался, до втораго нашлось небольшое число охотниковъ. Причина такой умѣренности заключалась въ томъ, что такъ какъ все описываемое мною происходило въ праздникъ, то воспитанники, бывшіе въ отпуску, считали предосудительнымъ, послѣ домашнихъ закомствъ, кушать казенную замазку, такъ называлась кашница. Я, разумѣется, не ѣлъ ничего. Во все продолженіе ужина, шумъ и говоръ не умолкали ни на минуту: кто звалъ солдата разносившаго кушанье, кто стучалъ ложкой въ тарелку, кто барабанилъ по столу, кто хохоталъ, кто бранился, кто бросалъ кусками чернаго хлѣба, кто просто кричалъ, такъ себѣ, безъ всякаго толку. Шумъ этотъ увеличился еще болѣе когда появились солдаты съ тарелками и разложенными на нихъ какими-то, совершенно правильными, кубическими кусочками. Тарелки эти, не доходя до стола, очинцались въ одно мгновеніе, съ быстротою молніи, какъ выражались въ училищѣ. Большая часть воспитанниковъ опускала захваченные съ боя кусочки въ стаканы съ водой, сыпали туда же соль, накрывали ломтями чернаго хлѣба и ставили подъ столъ.. Миѣ подобнаго кусочка не досталось и потому я никакъ не могъ узнать изъ какого вещества состоялъ онъ. Только на слѣдующее утро оказалось, что кусочки были нечто иное, какъ чухонское масло, поданное къ кашѣ; прятали же его воспитанники за тѣмъ, чтобы утромъ намазать на казенную булку и съѣсть въ такомъ видѣ. Ужинъ кончился не совѣмъ благополучно, случилось драматическое происшествіе, по поводу того же масла; одинъ изъ воспитанниковъ потребовалъ двойную порцію, солдатъ отказался принести и получилъ за это громкую, чувствительную оплеуху.. Не знаю было ли взыскано съ виновнаго за такое самоуправство или нѣтъ; судя потому какъ часто воспитанники безнаказанно награждали сторожей оплеухами, полагать надо, что и въ настоящемъ случаѣ оно было оставлено безъ вниманія.

Послѣ ужина, воспитанники собрались въ рекреационную залу, для переключки. Церемонія эта производилась и впоследствии, каждый вечеръ, и состояла въ томъ, что дежурный гувернеръ

выкликалъ, по списку, фамиліи воспитанниковъ, а каждый воспитанникъ, дождавшись своей очереди долженъ былъ отвѣчать *здѣсь*. Дѣло кажется весьма простое; упоминаю объ немъ потому, что для меня оно сдѣлалось началомъ моихъ училищныхъ страданій.

Вся эта процедура показалось мнѣ, незнакомому ни съ какими казенными формами, до крайности смѣшною, тѣмъ болѣе, что воспитанники, вмѣсто обычнаго отвѣта *здѣсь*, отвѣчали на разные голоса, кто пронзительнымъ дискантомъ, кто густымъ басомъ, кто теноромъ, кто просто крикомъ: что прикажете? *present, ici, ich, азъ, я* и т. п.. Не смотря на все мое стараніе, я не могъ удержаться и невольно, что называется, фыркнулъ. Вдругъ, чья-то сильная рука такъ ударила меня сзади, что искры посыпались изъ глазъ. Ошеломленный, я обернулся, быть можетъ съ намѣреніемъ отплатить тѣмъ же, но тутъ нога, замѣнившая руку, дала мнѣ такой толчекъ, что я какъ стоялъ, такъ и грохнулся на полъ. Не помню какъ я всталъ, какъ дошелъ до своей кровати, какъ раздѣлся.... ударъ и паденіе совершенно ошеломили меня. Улегшись и закутавшись байковымъ одѣяломъ, я чувствовалъ какъ меня трясла лихорадка, голова кружилась и горѣла, сердце сильно билось. Долго, вѣроятно, я не могъ опомниться, наконецъ мысли начали, малу-по-малу, приходить въ порядокъ; незаслуженное оскорбленіе, досада, злость, срамъ и вмѣстѣ страхъ мѣнялись въ умѣ моемъ, волновали меня и выразились безсильными слезами. Обернувъ голову одѣяломъ и уткнувшись въ подушку, я горько заплакалъ или вѣрнѣе зарыдалъ; мнѣ пришли въ голову и мое дѣтство, и ласки матери, и все, все прошедшее, теплое, родное, а тутъ.... Боже мой, каково первое впечатлѣніе, даже и раздѣлить горя не съ кѣмъ, одна жесткая казенная подушка была свидѣтелемъ слезъ моихъ.

Такъ нерадостно началась моя училищная жизнь. Не стану описывать какъ она продолжалась далѣе, а обращусь къ самому училищу и къ принятымъ въ немъ обыкновеніямъ.

Въ училищѣ было четыре класса. Первый и второй, какъ старшіе, пользовались всѣми преимуществами и составляли училищную аристократію, гордую и неприступную; третій — представлялъ собою переходное сословіе, а четвертый — младшій, состоявшій исключительно изъ новичковъ и называвшійся Камчаткою, былъ лишень всѣхъ правъ гражданства и человѣческой свободы и находился почти въ такихъ же отношеніяхъ къ пер-

вому и второму классамъ, въ какихъ были древніе спартанскіе рабы къ кореннымъ жителямъ Спарты.

Да не заподозритъ меня читатель въ преувеличеніи и искаженіи истины, нѣтъ, впередъ говорю, что я рассказываю живые факты, тѣ факты, которыхъ самъ былъ и свидѣтелемъ, и жертвою.

Это отношеніе новенькихъ къ старенькимъ составляло какую-то особенность училища, его необходимую принадлежность, такъ сказать его душу, гордость и даже славу; оно не было дѣломъ случая, а передавалось изъ рода въ родъ, отъ поколѣнія къ поколѣнію или, лучше сказать, изъ класса въ классъ, передавалось по преданію, освященному обычаемъ, нарушеніе котораго считалось дѣломъ невозможнымъ, постыднымъ, гибельнымъ для духа училища, почти преступленіемъ.

Такъ, напримѣръ, для наказанія новенькихъ, въ нѣкоторыхъ важныхъ случаяхъ, существовала даже особая, такъ называемая, *исправительная плетка* или *запробой*, съ пулею на концѣ, переходившая отъ потомства къ потомству и хранившаяся обыкновенно у самаго стараго воспитанника, отличавшагося особымъ звѣрствомъ въ обращеніи. Въ честь учрежденія этой плетки установлены были особые праздники, состоявшіе въ томъ, что каждый новенькій, безъ исключенія, награждался тремя поощрительными ударами, а потомъ кланялся, благодарилъ за испытанное удовольствіе и цѣловалъ орудіе своей казни.

Наказывались новенькіе за все безъ исключенія: каждый старый воспитанникъ придирался сколько душѣ было угодно и всегда могъ найти предлогъ для взысканія; если же никакого предлога не случалось, то наказывали такъ себѣ, изъ любви къ искусству, въ видѣ поощренія, приговаривая извѣстное изрѣченіе изъ русской исторіи; «земля наша велика и обильна, а порядка въ ней нѣтъ.» Неисполненіе приказанія стараго воспитанника, хотя бы и не возможнаго, какъ напримѣръ, приказаніе переимѣнить фамилію или фізіономію, незастегнутая пуговица, шумъ отъ походки, растегнутый воротникъ, малѣйшая неопрятность въ одеждѣ и вообще, каждое ничтожное, иногда невинное упущеніе, все это подвергало новичка болѣе или менѣе сильному истязанію. О преступленіяхъ большей важности и говорить нечего, они считались для новичка дѣломъ невозможнымъ, составляли исключеніе изъ общаго правила и, если случались, то весьма рѣдко и преслѣдовались жестоко. Даже и во время отпуска, у себя дома, новенькій не былъ въ безопасности.

Каждый старый воспитанникъ могъ встрѣтить его на улицѣ, замѣтить что-нибудь, считавшееся предосудительнымъ, какъ напримѣръ: ѣзду на худомъ извозникѣ, грязные сапоги, надѣтую на бокъ фуражку, и отослать обратно въ училище.

При этомъ не могу удержаться, чтобъ не рассказать одного бывшаго со мною случая. Великимъ постомъ, на послѣдней недѣлѣ, мы говѣли; наканунѣ исповѣди, я получилъ приказаніе отъ одного стараго воспитанника и, вмѣстѣ съ тѣмъ, пѣвчаго, переписать къ завтрашнему вечеру цѣлую тетрадь съ утреннимъ и вечернимъ церковнымъ служеніемъ. Что было дѣлать? Отказаться и подумать нельзя, а поспѣть невозможно. Съ отчаяніемъ и ругательствомъ въ душѣ, я принялся за работу, но не смотря на всѣ мои усилія, успѣлъ кончить къ назначенному сроку только половину. При этомъ у меня явилась счастливая мысль, подать заданное мнѣ дѣло въ то время, когда воспитанникъ придетъ съ исповѣди, то есть, въ святую минуту разрѣшенія его грѣховъ; я былъ увѣренъ, что будетъ разрѣшено и мое тяжкое преступленіе. Но увы! слова молитвы: «остави намъ долги наши, яко же и мы оставляемъ должникомъ нашимъ», вѣроятно не пришли на умъ старому воспитаннику; оказалось, что съ очищеною совѣстію онъ дѣйствовалъ какъ-то даже легче и свободнѣе, считая себя слѣпымъ исполнителемъ воли закона, карающаго преступленіе.

Самое наказаніе совершалось, большею частію, безъ всякаго принужденія, такъ, какъ будто-бы это было въ порядкѣ вещей, взаимною обязанностію обѣихъ сторонъ, имѣвшею какую-то законную форму. Обыкновенно недовольный старый воспитанникъ говорилъ провинившемуся новенькому: «извольте ко мнѣ явиться.» Получившій такое приказаніе исполнялъ его слѣдующимъ образомъ: предъ спаньемъ, раздѣвшись (что называлось въ кавалергардской формѣ), онъ приходилъ въ назначенное мѣсто, то есть, къ койкѣ своего повелителя, кланялся, разшаркиваясь, съ покорностію говорилъ: «честь имѣю, или имѣю счастье явиться», получалъ приказаніе нагнуться или придти въ *горизонтальную позу* (выраженіе училища) и экзекуція совершалась.

Малѣйшій крикъ, выраженіе боли, просьба о помплованіи вели только къ усиленію истязанія. Виновный долженъ былъ безъ униженія, не только съ твердостію, но даже съ какою-то радостію переносить заслуженную кару, какъ средство, служащее для его нравственнаго совершенства. Ослушники приказанія явиться наказывались на другой день вдвойнѣ и втройнѣ,

смотря по расположенію духа своего покровителя. Нѣкоторые старые воспитанники собственноручно не наказывали, а наслаждались только созерцаніемъ экзекуціи; въ такомъ случаѣ, кромѣ виновнаго новичка, призывался новичекъ невинный, который и исполнялъ должность палача. При этомъ, если палачъ дѣйствовалъ худо, то роли мѣнялись. Такимъ образомъ, часто случалось, что два новичка, иногда закадышные между собою друзья, раза по три другъ предъ другомъ нагибались и раза по три другъ друга стегали.

Особеннымъ звѣрствомъ въ обращеніи съ новенькими отличался второй классъ; первый, называвшійся чиновниками, держалъ себя уже какъ-то выше и считалъ отчасти унижительнымъ даже прикасаться къ новому воспитаннику; третій же пользовался только полуправами и хотя могъ наказывать, но дѣйствовалъ какъ-то тише, скромнѣе и вообще умѣреннѣе.

При такомъ порядкѣ вещей, конечно, случались протесты и со стороны новенькихъ, но эти протесты составляли не болѣе какъ исключеніе, совершались они весьма рѣдко, быть можетъ въ нѣсколько лѣтъ разъ, кончались обыкновенно въ худую сторону для протестантовъ и представляли собою только феномены дерзости, необузданности, осмѣливавшейся оспаривать права, если не законной, то по крайней мѣрѣ, укоренившейся власти.

Новенькіе такъ были запуганы, такъ убѣждены и пропитаны необходимостію рабства, такъ уничтожены, что рѣдкій изъ нихъ, не только предъ училищнымъ начальствомъ, но даже дома, родителямъ осмѣливался заикнуться о своемъ жалкомъ положеніи.

Для устраненія всякихъ средствъ къ какому-нибудь тайному замыслу, въ училищѣ существовало обыкновеніе не позволять новенькимъ сходитьсѣ болѣе двухъ человѣкъ. Такимъ образомъ и самая мысль о возможности сопротивленія была подавлена въ ея основаніи.

Кромѣ этихъ общихъ страданій, бывшихъ удѣломъ всѣхъ новенькихъ, нѣкоторые изъ нихъ играли роль, такъ называемыхъ *любимцевъ*, *protégé*. Въ эти любимцы попадали обыкновенно мальчики, отличавшіеся или не совсѣмъ видной наружностію, или неблагозвучной фамиліей, или другимъ какимъ недостаткомъ, или наконецъ, просто такъ себѣ, безъ всякой видимой причины, по одному счастью. Любимцами назывались они въ иносказательномъ смыслѣ, но на самомъ дѣлѣ были настоящими мучениками. Наказывались они ежедневно, иногда нѣ-

сколько разъ въ день, служили общимъ посмѣшищемъ, подвергались всевозможнымъ наругательствамъ. Для нихъ устраивались особыя церемоніи, какъ на примѣръ: бой быковъ, гонка сквозь строй, травля, лишеніе чиновъ и дворянства. Во всѣхъ этихъ пьесахъ главными дѣйствующими лицами были любимцы. Лишеніе дворянскаго достоинства состояло въ слѣдующемъ: устраивался особый эшафотъ изъ табуретовъ, виновнаго, облаченнаго въ приличное случаю одѣяніе, состоявшее изъ вывороченной казенной куртки съ фамиліею на спинѣ, и бѣлаго бумажнаго колпака на головѣ, вводили на мѣсто казни, здѣсь читался ему заранее сочиненный приговоръ; затѣмъ старый воспитанникъ (обыкновенно составитель церемоніи) бралъ лазаретную туфлю и билъ мальчика по щекамъ, послѣ чего каждый могъ, въ свою очередь, награждать его тѣмъ же, такъ что иногда бѣдный четырнадцатилѣтній ребенокъ проходилъ сквозь ряды оплеухъ. Иногда, во время сильныхъ жаровъ, нѣсколькихъ любимцевъ раздѣвали до-нога, обвивали хмѣлемъ и устроивали изъ нихъ живыя картины. Несчастные должны были изображать собою мифологическихъ боговъ и богинь. По окончаніи представленія ихъ клали на одну постель, укутывали множествомъ байковыхъ одѣялъ и заставляли лежать по нѣскольку часовъ сряду. По этимъ не оканчивались страданія любимца. Онъ былъ безсмѣннымъ ординарцемъ, слугою, рабомъ, если хотите, почти вещью своего покровителя. Отъ послѣдняго зависѣло пустить своего protégé въ праздникъ въ отпускъ или оставить въ училищѣ. И при всѣхъ этихъ терзаніяхъ, не слышалось ни сопротивленія ни ропота; одинъ недовольный взглядъ былъ предлогомъ для наказанія; все сносилось безсловесно съ какимъ-то убѣжденіемъ въ необходимости и пользѣ введеннаго порядка. Случалось, что мать вновь поступившаго, оставленнаго безъ отпуска, приходила въ училище упрашивать стараго воспитанника за своего сына. Чтобъ вполне показать до какой степени звѣрства простиралось обращеніе старенькихъ съ новенькими, расскажу одинъ случай, въ бытность мою уже во второмъ классѣ. Въ числѣ вновь поступившихъ въ училище, былъ одинъ, у котораго пробивались усы; эти усы были сначала предметомъ насмѣшекъ, а впоследствии они неоднократно намазывались скипидаромъ и зажигались. Иллюминація вполне достойная Нерона и Каллигулы.

Покровителями любимцевъ дѣлались, такъ называемые, старые, отпѣтые воспитанники, отличавшіеся совершенною безнравственностію, для которыхъ все было тринь-трава. Одинъ изъ

нихъ напримѣръ, никогда не ходилъ въ отпускъ, не потому, чтобъ начальство не пускало его, а изъ собственнаго желанія. Черезъ двѣ субботы въ третью, онъ писалъ только домой слѣдующую записку: «Любезная матушка! (у него была мачиха) пришлите мнѣ столько-то денегъ, иначе я самъ приду въ отпускъ.» И матушка, чтобъ не видать прекраснаго сына, всегда исполняла его просьбу.

Кромѣ любимцевъ иносказательныхъ, изъ числа вновь поступившихъ, нѣкоторые мальчики, не болѣе двухъ или трехъ, дѣлались любимцами истинными. Таковые отличались обыкновенно весьма маленькимъ ростомъ и особенно располагающею симпатичною наружностію. Они не пользовались никакими правами, состояли на общемъ положеніи всѣхъ новенькихъ, но подвергались наказанію развѣ только въ видѣ какого-то поощренія или шутки. Обыкновенно старые воспитанники забавлялись, тѣшились ими какъ куклами. При этомъ слѣдуетъ замѣтить, что истинные любимцы были обязаны исключительно собственнымъ достоинствамъ: въ училищѣ, ни родственныя связи съ старыми воспитанниками, ни особенное покровительство начальства, ни сколько не возвышали новенькаго, напротивъ, въ послѣднемъ случаѣ, за нимъ слѣдили еще неусыпнѣе, взыскивали еще строже.

Не всегда впрочемъ новенькіе служили предметомъ наказанія; кромѣ того они употреблялись для услугъ, забавы и развлечения старыхъ воспитанниковъ. Такимъ образомъ, нѣкоторые старенькіе приказывали новенькимъ носить себя на рукахъ, послѣ танцкласса обмахивать бумажными вѣерами. Набивать папирасы, выкидывать чудовищныя па, читать книги, переписывать, дѣлать гримасы, рассказывать анекдоты, пѣть пѣсни, будить ранѣе назначеннаго срока, достать спичку, линейку, карандашъ, сбѣгать туда-то, сказать то-то, — все было дѣломъ новенькихъ.

Были такіе артисты, которые заставляли каждый часъ, въ продолженіе цѣлой ночи, будить себя, съ тою только цѣлію, чтобъ узнать степень послушанія и расторопности новичка.

Иногда, лѣтомъ, въ жару, старенькій раздѣвался совершенно, а кругомъ себя ставилъ караулъ изъ новенькихъ. Обязанность караульныхъ состояла въ охраненіи спокойствія почивающаго. При этомъ случалось, что другой старенькій порывался пройти сквозь охранную цѣпь, въ случаѣ непропуска грозилъ наказаніемъ, между тѣмъ какъ лежавшій обѣщалъ тоже при пропускѣ и несчастные караульные не рѣдко получали двойное возмездіе.

Общее названіе всѣхъ вновь поступившихъ было: — *сила*, частное — *рябецъ*. Первое означало силу, легионъ готовый всюду ринуться по слову старенькаго, второе, вѣроятно, происходило отъ слова рябчикъ и было, кажется, дано новенькимъ какимъ-то важнымъ лицомъ, посѣтившимъ училище. При крикѣ *сила*, каждый новенькій обязанъ былъ опрометью бѣжать къ крчавшему; съ неявившихся или опоздавшихъ разыскивалось на общемъ основаніи.

Сверхъ всѣхъ исчисленныхъ привилегій новенькихъ, они были обязаны нести особыя должности, дежурить по очереди. Нарядъ на дежурство поручался выбранному изъ среды рябцовъ — рябецкому гувернеру или фельдфебелю, отличавшемуся большимъ ростомъ и тупостію умственныхъ способностей. Въ каждой камерѣ былъ свой особый дежурный; обязанность его состояла въ исполненіи порученій старыхъ воспитанниковъ и въ наблюденіи за начальствомъ, то есть, въ предупрежденіи о его появленіи. Былъ еще общій дежурный по часамъ, обязанный, во всякое время знать который часъ; дежурный по столовой сообщалъ всѣмъ и каждому изъ какихъ блюдъ будетъ состоять сегодняшній обѣдъ и ужинъ, дежурный и по тому мѣсту, носившему названіе кофе-ресторана училища, гдѣ воспитанники курили и собирались для дружескихъ бесѣдъ, гдѣ передавались взаимныя впечатлѣнія, гдѣ большею частію рѣшались важнѣйшіе вопросы училищной жизни, и тамъ былъ особый дежурный.

Что касается до исполненія предписанныхъ начальствомъ постановленій, то новенькіе обязаны были исполнять ихъ въ самой строгой точности. Вставали они по первому звонку колокольчика и скорѣе не вставали, а вскакивали съ своихъ постелей, между тѣмъ какъ старые воспитанники нѣжились въ полудремотѣ, а дежурный гувернеръ бѣгалъ по камерамъ и употреблялъ всѣ усилія, чтобъ ихъ разбудить. Точно также новенькіе ложились раньше всѣхъ, по первому приказанію. Вездѣ, во всемъ они должны были быть совершенно исправными; за всякое малѣйшее упущеніе разыскивалось жестоко не начальствомъ заведенія, а грозными старыми воспитанниками.

Въ такомъ состояніи находились новенькіе въ продолженіе цѣлаго года, то есть, до слѣдующаго приѣма. Здѣсь роль ихъ мѣнялась, изъ притѣсненныхъ они сами становились притѣснителями. И странно: люди, испытавшіе на себѣ всю тягость зла, всю его несообразность и дикость, сами заливавшіеся иногда въ

тихомолку слезами или дрожавшіе отъ страха, въ душѣ прокли-
навшіе своихъ мучителей, при первой возможности, не давъ за-
жить еще свѣжимъ полученнымъ ими ударамъ, съ какою-то дп-
кою, непонятною радостію становились мучителями другихъ.
Именно тотъ новенькій, который претерпѣвалъ больше своихъ
собратій, или носказательный любимецъ, сдѣлавшись старень-
кимъ, становился, въ свою очередь, истиннымъ тираномъ.

Не смотря однако на всю жестокость обращенія, въ немъ
проглядывала и своего рода тонкость, учтивость. Новенькому
всегда говорили: вы, милостивый государь, извольте, потрудит-
есь, не угодно-ли будетъ и т. п. Эта относительная вѣжли-
вость не выключалась изъ употребленія даже и при совершеніи
эзекуціи. Притомъ, общественное мнѣніе училища сильно пре-
слѣдовало всякій неблагородный поступокъ съ новенькимъ. На-
казать его могъ старый воспитанникъ какъ угодно, хотя бы и
безъ вины, но отнять напримѣръ у него деньги, присвоить при-
надлежащую новенькому вещь, воспользоваться за обѣдомъ его
порціей, считалось дѣломъ постыднымъ. Старые воспитанники
нисколько не были похожи на существовавшихъ когда-то ста-
рыхъ кадетъ. Они не отличались ни угловатостію манеръ, ни
дикостію, ни басовымъ органомъ, ни тѣмъ пошлымъ шпкомъ,
который заключался въ пошеніи фуражки корабликомъ, въ кри-
выхъ ногахъ и нюханьи табаку. Напротивъ, старые воспитан-
ники подавали собою примѣръ благородства, прекраснаго това-
рищества, отсутствія всякаго фатовства и умѣнья держать себя
предъ начальствомъ. Все это было причиною, что новенькій не
только боялся, но и вполне уважалъ стараго воспитанника, осо-
бенно если послѣдній отличался нѣкоторою справедливостію, не
билъ новенькаго зря, за дѣло и не за дѣло; въ такомъ случаѣ
уваженіе замѣнялось благоговѣйнымъ сознаніемъ внутреннихъ
достоинствъ праведнаго судіи.

Поступленіе изъ новенькихъ въ старенькіе было истиннымъ
праздникомъ, торжествомъ. Врядъ ли выпускные радовались такъ
выпуску изъ заведенія, какъ рябцы переходу въ старые воспи-
танники. Чтобъ придать болѣе законности, торжественности этому,
освященному временемъ обычаю, — тиранству новенькихъ, су-
ществовала особая церемонія *посвященія въ старенькіе*. Днемъ
посвященія назначался обыкновенно послѣдній день предъ прие-
момъ новыхъ воспитанниковъ. Такимъ образомъ училище ни-
когда не оставалось безъ рябцовъ, одни тотчасъ смѣнялись
другими. Самая церемонія состояла въ слѣдующемъ: въ двѣнадц-

цать часовъ ночи, всѣ новенькіе, попарно укутанные въ бѣлыя простыни, съ зажженными восковыми свѣчами въ рукахъ, открывали шествіе по камерамъ заведенія. При этомъ они пѣли особые гимны, нарочно сочиненные для торжества посвященія. Обойдя всѣ камеры, шествіе останавливалось въ одной изъ нихъ, заранѣе для того назначенной, образовывало кружокъ и становилось на колѣни. Въ средину круга входилъ старшій воспитанникъ и говорилъ рѣчь, заключающую въ себѣ разрѣшеніе всѣхъ прегрѣшеній, содѣянныхъ новенькими и наставленіе какъ вести себя въ новомъ званіи. По окончаніи рѣчи, другой старшій воспитанникъ, вооруженный *исправительною плеткою*, смѣнялъ своего товарища и читалъ клятвенное обѣщаніе, повторяемое вслухъ всѣми новенькими, простертыми на землѣ ницъ: «Я, ничтожный и подлый рябецъ, говорю въ клятвѣ, обѣщаюсь и клянусь предъ симъ оружіемъ, честью моею и честью училища, во всемъ поступать согласно съ его обычаями и преданіями. Не выдавать ни въ чемъ своихъ товарищей, хотя бы и во вредъ себѣ, стоять другъ за друга до послѣдней возможности, въ отношеніи начальства держать себя гордо, не унижаясь и не подличая, низкихъ, недостойныхъ моего званія поступковъ отнюдь не дѣлать. За новенькими смотрѣть такъ какъ смотрѣли за мной, взыскивать съ нихъ такъ какъ взыскивали съ меня. За неисполненіе въ позной мѣрѣ чего либо сказаннаго, я станююсь безчестнымъ подлецомъ, отчужденнымъ отъ общества и всѣми презираемымъ. Въ подтвержденіе всего сказаннаго дѣлю орудіе бывшей моей казни и принимаю въ послѣдній разъ его удары.» За симъ начиналось исполненіе подтвержденія, то есть, каждый новенькій цѣловалъ исправительную плетку и награждался тремя легкими ея ударами.

Все сказанное дѣлалось отнюдь не подъ видомъ шутки, а совершенно серьезно, съ полнымъ достоинствомъ, важною и убѣжденіемъ въ пользѣ и необходимости. Каждый сознавалъ, что наказывались новенькіе не по одной прихоти школьничества и кулачнаго права, нѣтъ, наказаніе служило здѣсь какъ бы благодѣтельною мѣрою для воспитанія новенькаго, средствомъ привить его къ общему духу училища, необходимымъ зломъ, безъ котораго нельзя было достигнуть почетнаго званія стараго воспитанника. Система конечно ложная, но тѣмъ не менѣе имѣющая свое основаніе. Съ новенькаго дѣйствительно смывали всю ненужную дурь и въ училищѣ; даже не хорошій мальчикъ по вольѣ становился по крайней мѣрѣ наружно, хорошимъ, не позво-

зялъ себѣ ничего неблагороднаго, сначала изъ страха общественнаго суда, а впослѣдствіи — по привычкѣ.

Многимъ покажется страннымъ, какимъ же образомъ начальство заведенія позволяло творить подобныя вещи? Не знать обо всемъ происходившемъ оно не могло, да притомъ и самое незнаніе отнюдь не служило бы оправданіемъ. Развѣ не было средствъ прекратить зло въ самомъ его началѣ и постояннымъ надзоромъ уничтожить всякую возможность его проявленія? Почему было не пожертвовать на пользу общую нѣсколькими главными ревнителями принятаго порядка, тѣмъ болѣе, что, при существующихъ обыкновеніяхъ, самое начальство не было въ безопасности, репутація его легко могла пострадать: вѣдь рано или поздно должны же были открыться, если не всѣ, то, по крайней мѣрѣ, главныя пружины характера заведенія? Все это совершенная правда. Начальство очень хорошо, со всею подробностію знало обо всѣхъ терзаніяхъ, которымъ подвергались новенькіе, но для уничтоженія зла не только не принимало никакихъ мѣръ, но скорѣе поощряло къ его развитію.

Такое равнодушіе происходило отъ двухъ причинъ: во-первыхъ изъ желанія угодить двумъ старшимъ классамъ училища, отъ спокойствія которыхъ зависѣло спокойствіе всего заведенія, и во-вторыхъ, начальство смотрѣло на обращеніе съ новенькими, какъ на шутку и, быть можетъ, даже видѣло въ ней нѣкоторую пользу, заключающуюся въ контролѣ старшихъ воспитанниковъ надъ поступками младшихъ. Этимъ контролемъ облегчалась, такъ сказать, трудная обязанность начальства; новенькихъ оно могло оставить совершенно безъ вниманія и было увѣрено, что никакой мало-мальски дурной поступокъ не пройдетъ имъ даромъ.

Впрочемъ, чтобъ лучше объяснить такой надзоръ начальства, нужно ознакомиться съ тѣмъ положеніемъ, въ которомъ находились старшіе классы училища.

Третій классъ представлялъ собою, какъ уже выше было сказано, переходное сословіе, какъ бы чистилище, что-то среднее въ отношеніи патриціевъ первыхъ двухъ классовъ и плебеевъ Камчатки. Такъ напримѣръ, третій классъ не ходилъ на цыпочкахъ, подобно новенькимъ, не трясся и не застегивалъ воротника предъ старшимъ, но не могъ курить и вообще не пользовался никакимъ авторитетомъ. Здѣсь воспитанникъ не являлся, подобно рябцу, для полученія наказанія, не нагибался унижительно выжидая удара, но, въ случаѣ совершеннаго имъ пре-

• ступленія, противнаго духу училища, наказывается сообща; то есть, старшіе воспитанники нападали врасплохъ на виновнаго, но не били какъ новенькаго, а просто давали потасовку, кто чѣмъ попало и куда попало. При этомъ оскорбленное самолюбіе классныхъ товарищей обыкновенно вступалось за пострадавшаго, завязывалась драка болѣе или менѣе сильная, смотря по степени обиды, энергіи и числу воюющихъ. Бывали и побойща знаменитыя, не умравшія въ лѣтописяхъ исторіи училища, но такія сраженія происходили рѣдко, вслѣдствіе особыхъ, важныхъ причинъ, иногда относившихся къ политикѣ заведенія, и составляли исключеніе изъ общаго правила. Вообще третій классъ находился въ положеніи весьма неопредѣленномъ, права его не были указаны никакими точными законами; не мудрено, стало быть, что, при малѣйшей попыткѣ къ расширенію этихъ правъ случались безпрестанныя столкновенія.

Относительно начальства, третій классъ находился въ самомъ строжайшемъ его контролѣ. Здѣсь могли дѣлаться безопасно всевозможныя взысканія: сажаніе въ карцеръ, оставленіе безъ отпуска и т. п. тѣмъ болѣе, что третій классъ наказывался общественнымъ судомъ только за преступленія особенныя, не всегда подлежащія разбору начальства; проступки же общіе, противныя не духу и обычаямъ училища, а начальственнымъ постановленіямъ, совершались на общемъ основаніи и не подвергались гоненію старшихъ товарищей. Слѣдовательно третій классъ составлялъ единственное поле для начальственной дѣятельности; съ новенькихъ, какъ уже было сказано, не оставалось ничего взыскивать, съ благородной же аристократіи всякій взыскъ былъ крайне опасенъ и могъ послужить поводомъ къ болѣе или менѣе сильной революціи.

Первые два класса составляли главу и сердце всего училища и пользовались совершенно неограниченною, деспотическою властію. Здѣсь преслѣдовались только криминальныя преступленія, вредныя чести заведенія, которыхъ скрыть не было возможности, во всемъ же остальномъ господствовала полная, необузданная воля. Поведеніе всего училища, его направленіе, характеръ, образъ мыслей, степень покорности начальству или своеволія, все зависѣло отъ перваго и втораго классовъ. Не мудрено послѣ этого, что начальство, съ своей стороны, изъ благодарности или боязни, слѣдуя пословицѣ: «и волки сыты и овцы цѣлы», махнуло рукой и отвернуло свои взоры отъ всѣхъ продѣлокъ и шалостей, иногда весьма серьезныхъ, составлявшихъ

принадлежность этого благороднаго сословія. Воспитанники перваго и втораго классовъ могли вставать и ложиться позже другихъ, спать послѣ обѣда, курить сколько душѣ угодно, ходить въ классы когда угодно и кому угодно, отпрашиваться въ будни со двора, возвращаться изъ отпуска ночью, бить сторожей, отвѣчать заданные уроки или нѣтъ, требовать лишнія порціи кушанья, спать въ классахъ на лекціяхъ или завтракать паштетами и ветчиной изъ ближайшей колбасной, духъ отчего разносился по нѣсколькимъ заламъ, во время гулянья приставать къ встрѣчающимся женщинамъ; были даже какія-то названія тетушки, приходившія иногда навѣщать патриціевъ старшихъ классовъ. О главныхъ, болѣе важныхъ продѣлкахъ, считаю лучшимъ умолчать изъ боязни, что читатель не воспитывавшійся въ описываемомъ мною заведеніи не повѣритъ имъ. Впрочемъ, къ чести училища слѣдуетъ сказать, что, не смотря на всевозможныя, иногда громадныя шалости, онѣ никогда не выходили изъ границъ приличія, не заключали въ себѣ ничего предосудительнаго, грязнаго, вреднаго для товарищей. Шалости эти были вполне свойственны только разгулу свободной молодости, не стѣсненной желѣзной дисциплиной.

Бывали, конечно, случаи, что нѣкоторые начальственные личности вооружались на заведенный порядокъ и покушались обуздывать анархію аристократіи. Но всѣ подобныя попытки кончались во вредъ ихъ изобрѣтателямъ; они или покорялись необходимости и подходили подъ общій уровень, или открыто преслѣдуемые всевозможными гоненіями оставляли училище.

Сильнѣйшую оппозицію своей власти встрѣчали дежурные гувернеры; бывали примѣры, что ихъ забрасывали сапогами, ругали въ глаза, нисколько не стѣсняясь. Подобное торжество называлось *бенефисомъ*; составъ его могъ быть различенъ, смотря по степени вины бенефицианта и его служебнаго поприща. Такъ напримѣръ, бенефисъ, устраиваемый въ пользу дежурнаго наставника, совершенно отличался отъ бенефиса учительскаго. Программа послѣдняго иногда состояла въ томъ, что цѣлый классъ, не смотря ни на какіе вопросы учителя, ничего не отвѣчалъ, такъ, что когда разсерженный учитель, спросилъ одного воспитанника: «есть ли у него языкъ»? то воспитанникъ, нисколько не стѣсняясь, молча, показалъ свой органъ вкуса и слова; иногда классъ, во всю лекцію, неистово сморкался, кашлялъ, шаркалъ ногами, заглушая слова учителя; иногда громко хохоталъ, вдругъ, какъ по командѣ, безъ всякой видимой причины.

Съ своей стороны и учителя были приучены къ подобнымъ выходкамъ и сносили ихъ, большею частію, если не хладнокровно, то по-крайней мѣрѣ съ полнымъ достоинствомъ. Они очень хорошо понимали, что крикомъ, угрозами, запальчивостію, тутъ ничего не возьмешь, развѣ насмѣшишь только, и отдѣлывались обыкновенно или шутками или, какъ бы, не обращая вниманія на происходившее. «Русское дворянство потѣшаться изволить, барская кровь разгулялась», говаривалъ обыкновенно въ подобныхъ обстоятельствахъ учитель исторіи, говаривалъ совершенно хладнокровно, безъ малѣйшаго признака гнѣва, и дворянство дѣйствительно сперва смѣялось, а потомъ мало-по-малу успокоивалось. Математическій учитель поступалъ иначе: на брань онъ отвѣчалъ бранью, на шумъ — шумомъ, бенефисъ обращался въ перестрѣлку двухъ противоположныхъ сторонъ, причеиъ сторова воспитанниковъ, по самому численному ея превосходству, всегда одерживала верхъ.

Изъ учителей, по преимуществу, страдалъ нѣмецъ, добрѣйшее, запуганное созданіе; ему производились постоянные и притомъ ничѣмъ не заслуженные бенефисы, такъ сказать изъ одного поощренія, зачѣмъ дескать онъ училъ нѣмецкому языку, находившемуся въ общемъ презрѣніи. Нѣмца обыкновенно обстрѣливали навѣсно кусками мѣла, губками, бумажными свертками; случалось, что нѣкоторые изъ этихъ снарядовъ, пущенные болѣе вѣрной рукой, попадали прямо въ лице несчастному служителю науки. При подобномъ оскорбленіи и нѣмецкое терпѣніе лопалось, но тутъ являлся сторожъ со стаканомъ холодной воды и, ничего не вѣдая, совершенно апатично, подносилъ его нѣмцу, какъ лучшее средство для успокоенія раздраженныхъ нервъ. Ученики при этомъ кричали: «съ цукеромъ, съ цукеромъ», и нѣмецъ, окончательно побѣжденный, становился еще тише, еще сговорчивѣе, или, какъ говорилось въ училищѣ, *сокращался*. Если нѣмецъ вызывалъ кого либо изъ воспитанниковъ и спрашивалъ, напримѣръ: «was ist das Hauptwort?» то вызванный, насколько не стѣсняясь, отвѣчалъ по-русски: «имя существительное есть названіе всякаго предмета «Zum Beispiel», продолжалъ нѣмецъ; «столъ, кровать, перо», говорилъ воспитанникъ.

Впрочемъ, съ учителями воспитанники ссорились рѣдко, по той простой причинѣ, что рѣдко встрѣчались и поводы къ ссорамъ. Учителю не было дѣла ни до поведенія воспитанниковъ, ни до исполненія ими разныхъ училищныхъ правилъ; роль его кончалась съ каждой прочитанной лекціей и, если случалась не

пріязненныя столкновенія, то развѣ по поводу неумѣстныхъ, иногда не совѣмъ приличныхъ выходокъ самого учителя.

Вообще воспитанники были крайне-разборчивы; они вполне умѣли цѣнить какъ достоинство человѣка, такъ и преслѣдовать его недостатки. Только нѣмецъ составлялъ исключеніе, Богъ знаетъ почему, по какой-то общей антипатіи. Поладить учителю съ учениками было очень легко, ему стоило только не читать мертвую книгу, не преслѣдовать воспитанниковъ школьными педагогическими требованіями, а разяснять живую науку. Въ такомъ случаѣ голосъ учителя не оставался голосомъ вопіющаго въ пустынь, нѣтъ, онъ принимался живо, впечатлительно и всегда приносилъ извѣстную пользу; здѣсь сѣмя падало на добрую землю. Къ сожалѣнію мало было учителей правильно понимавшихъ свое дѣло. Да, притомъ, и самое направленіе образованія было ложное. Изъ насъ старались сдѣлать или чиновниковъ или офицеровъ, забывъ при этомъ, что и тѣ, и другіе, для успѣшнаго исполненія своихъ обязанностей, должны быть прежде всего образованными людьми. Такимъ образомъ обще человѣческія науки, составляющія не исключительную принадлежность спеціалиста, а cadaго образованнаго человѣка, стояли на второмъ планѣ, читались какъ-то вяло, безъ души, наполнялись множественномъ фактовъ безъ ихъ объясненія, на экзаменахъ на эти предметы не обращалось вниманія. Языки проходились только для формы, мы изучили всѣ тонкости французской литературы, Корнеля, Расина, Мольера, а рѣдкій изъ насъ могъ безъ ошибки связать самую пустую фразу. Русскій языкъ находился въ какомъ-то общемъ забытіи, начальство вѣроятно считало своихъ учениковъ достаточно въ немъ свѣдущими, между тѣмъ какъ ученики эти писали съ страшными грамматическими ошибками. Одно чтеніе книгъ, хотя и запрещенное начальствомъ, но тѣмъ не менѣе бывшее въ большомъ употребленіи, поддерживало и развивало вкусъ къ изящному. Самый учитель русской словесности былъ человѣкъ съ устарѣлымъ взглядомъ, не признававшій послѣ Ломоносова и Державина никакихъ поэтовъ. Учитель исторіи читалъ не исторію, а похвальное слово отечественнымъ событіямъ.

Что касается до дежурныхъ наставниковъ или гупернеровъ, то роль ихъ совершенно отличалась отъ роли учительской; они обязаны были слѣдить за каждымъ шагомъ воспитанниковъ, изучать ихъ характеръ, образъ мыслей, степень исправности и проч. Все это представляло не малую задачу. Угодить вполне

воспитанникамъ было чрезвычайно трудно, они всегда стыскивали или дурную или смѣшную сторону наставника, не угодить совершенно и того хуже, всякая открытая борьба была крайне опасна. Оставалось одно средство, держаться благоразумной середины, не подаваясь ни на шагъ ни въ ту, ни въ другую сторону. Вообще, рѣдкій дежурный наставникъ становился въ то положеніе относительно воспитанниковъ, при которомъ невольно рождаются взаимная любовь и довѣренность. Большею частію мальчики смотрѣли на гувернера какъ на своего врага, который если и не дѣлалъ зла, то потому только, что не смѣлъ его дѣлать. Такое не нормальное отношеніе между подчиненными и начальниками происходило отъ малой образованности послѣднихъ, отъ ихъ дикаго взгляда на обязанности мальчковъ, отъ желанія казаться выше самихъ себя. Мѣткими прозвищами перекрещивали воспитанники такихъ гувернеровъ: *воздь*, *выжма*, *пеленка* — и понынѣ составляютъ что-то нераздѣльное съ тѣми лицами, къ которымъ когда-то относились. Одинъ изъ гувернеровъ отличался необыкновеннымъ хвастовствомъ и враньемъ, воспитанники тотчасъ сложили про него пѣсню, содержаніе которой состояло изъ всевозможныхъ небылицъ, а каждый куплетъ оканчивался слѣдующимъ припѣвомъ:

«Это вѣрно, достовѣрно,
Доровъ такъ сказалъ.»

Въ особенности, со стороны воспитанниковъ, преслѣдовалась всего болѣе подлость и грубость обращенія въ наставникѣ. Боже сохрани, еслибъ послѣдній осмѣлился сказать кому нибудь ты, или толкнуть не только старичка, но даже и новенькаго. Въ такихъ случаяхъ составлялась страшная оппозиція, устраивался бенефисъ со всѣми его атрибутами, дивертиссементомъ и великолѣпнымъ спектаклемъ. Бенефисъ этотъ продолжался во все время дежурства, то есть цѣлыя сутки. Начинался онъ обыкновенно съ того, что при первомъ появленіи виновнаго, никто не вставалъ и не кланялся ему; это было, такъ сказать, только предвѣстіемъ собравшейся грозы. Въ теченіи цѣлаго дня происходилъ ужасный шумъ и беспорядокъ, опрокидывались столы, табуреты, раздвигались койки, полъ залпвался водой. Дежурный наставникъ бѣгалъ какъ угорѣлый, грозилъ, упрашивалъ и тщетно отыскивалъ преступника, все дѣйствовало скопомъ и заговоромъ. Ночью, посреди всеобщей тишины, когда бѣдный, уже уничтоженный дежурный дремалъ и бредилъ дневными несприятностями, всѣ воспитанники, какъ по сигналу, вскакивали въ одно

мгновеніе съ своихъ постелей, гасли ночныя лампы и завернутые простынями и байковыми одѣялами, съ оглушительнымъ крикомъ и визгомъ носились по камерамъ училища. Испуганный дежурный, не приготовленный къ подобной катастрофѣ, вскакивалъ, но не смѣлъ сдѣлать шагу изъ своей комнаты; ему оставалось одно: молчать и слушать не совсѣмъ пріятныя выраженія, относяшіяся къ его личности. Замѣтить кого бы то ни было и вымѣстить на немъ свое оскорбленіе мѣшала совершенная темнота и завернутыя простынями лица, ринутся же прямо въ толпу было не совсѣмъ безопасно.

Подобные, усиленные бенефисы устранивались, большею частію, въ пользу вновь поступившихъ наставниковъ, незнакомыхъ съ духомъ училища и дѣйствительно позволявшихъ себѣ нѣкоторую грубость и фамильярность въ обращеніи. Самая дѣль бенефиса, въ этомъ случаѣ, была наставительная, чтобъ приучить рябца-гувернера къ укоренившимся требованіямъ училищной жизни. Въ другихъ же, болѣе обыкновенныхъ обстоятельствахъ, составъ бенефиса былъ проще и ограничивался иногда одною какою-нибудь статьею изъ всего вышеописаннаго.

При такомъ открытомъ сопротивленіи провинившейся власти, всякая тайная противъ нея борьба считалась унижительною. Въ училищѣ и думать стыдился о возможности, что называется, напакостить учителю или гувернеру, какъ напримѣръ, обрѣзать его шинель, замарать платье и т. п. Здѣсь дѣйствовали напрямикъ, съ явнымъ намѣреніемъ выразить виновному негодованіе всего заведенія.

Какъ доказательство того, что въ училищѣ умѣли цѣнить людей, можно привести въ примѣръ одного изъ гувернеровъ котораго воспитанники не только любили но, можно сказать, боготворили. Дѣйствительно, человекъ этотъ рѣзко отличался отъ своихъ собратій какою-то особенною добротою и прямымъ, истинно благороднымъ характеромъ, — (читатель отчасти знакомъ съ нимъ изъ начала разсказа, при первомъ моемъ представленіи дежурному). Нужно было видѣть какъ воспитанники, наперывъ другъ предъ другомъ, бѣжали на встрѣчу обожаемому Данилушкѣ (его звали Данило Семенычъ); каждый, чѣмъ только могъ, старался выразить свою преданность: кто схватывалъ шляпу и несъ ее, кто перчатки, кто обнималъ, кто цѣловалъ. Каждое приказаніе Данилушки исполнялось мигомъ, съ какимъ-то особеннымъ рвеніемъ; на его дежурствѣ всегда все было въ порядкѣ, тихо и смирно, самый отъявленный шалунъ и тотъ

боялся огорчить общаго любимца. Когда Данилушку произвели въ слѣдующій чинъ, то между первымъ и вторымъ классами чуть не произошло схватки, изъ за того на чью долю должна достаться честь подкидыванія вновь произведеннаго. Любо было смотрѣть на эту чистую семейную привязанность, чуждую эгоизма и всякихъ постороннихъ видовъ, привязанность не къ начальнику съ расчетомъ на матеріальныя выгоды, а къ истинно прекрасному человѣку. Даже и теперь, если воспоминаніями перенесешь на школьную скамейку, то непремѣнно представится Данилушка съ своимъ полу-серьезнымъ, полу-шутливымъ выраженіемъ въ лицѣ, и невольно остановишься на этомъ видѣніи, многое припомнишь, оцѣнишь и скажешь самъ себѣ: добрый былъ человѣкъ!

Умеръ Данилушка! но и здѣсь бывшіе воспитанники не были прежняго своего любимца; ихъ добровольными, усердными приношеніями сооруженъ памятникъ надъ могилой покойнаго.

Рѣзкую противоположность, какъ съ Данилушкой, такъ и съ общимъ духомъ училища, составлялъ другой гувернеръ, называвшійся *старшимъ* или *наставникомъ-наблюдателемъ*. Хитрый, вкрадчивый, двуличный, готовый по заказу плакать и смѣяться, низкопоклонный, ничтожный предъ старшимъ и гордый съ младшимъ, онъ вполне олицетворялъ собою человѣка, стремящагося исключительно, всевозможными, иногда не совсемъ благородными, средствами къ собственной выгодѣ. По врожденной своей склонности, дѣйствовать всегда скрытно, онъ завелъ въ училищѣ систему шпионства. Агентами его были нѣкоторые сторожа, пользовавшіеся за свою бдительность, особымъ милостивымъ расположеніемъ наблюдателя и оплеухами воспитанниковъ, и одинъ изъ младшихъ дежурныхъ гувернеровъ, игравшій роль наставническаго лакея, набивавшій ему трубки и всѣми презираемый. Благодаря сказанной системѣ, наставникъ зналъ, что называется, каждый вздохъ училища. Малѣйшій неопозволительный шагъ какъ воспитанника такъ и дежурнаго гувернера, тотчасъ отдавался въ начальническомъ кабинетѣ. Такимъ образомъ, надъ всѣмъ училищемъ царствовалъ незамѣтный, постоянный и неослабный контроль. Система вполне прекрасная, достойная подражанія, доказывающая отеческую заботливость начальника, — невидимо знакомится съ своими подчиненными. При этомъ за проступки съ воспитанниковъ не взыскивалось, они оставались до поры до времени только въ умѣ наставника, и припоминались на экзаменахъ и въ другихъ благопріятныхъ обстоятель-

ствахъ. Положимъ, напримѣръ, что воспитанникъ рисовалъ на наставника карикатуры. Въ такомъ случаѣ, на экзаменахъ, не смотря даже на безукоризненный отвѣтъ карикатуриста, ему ставился худой балъ, при слѣдующемъ замѣчаніи наставника: «это не отвѣтъ, а карикатура; понимаете-ли сударь, карикатура на отвѣтъ.» Даже и дома, въ отпуску, мальчики не избавлялись отъ взоровъ наблюдателя; агенты его рыскали по улицамъ и по всѣмъ тѣмъ мѣстамъ, которыя могли и не могли посѣщать воспитанники. Разумѣется проступки большей важности доходили до ушей наставника путемъ громкимъ, безъ принятой имъ системы; послѣдняя существовала только для передачи тѣхъ мелочей, которыя не выказывались наружу, а между тѣмъ характеризовали каждаго воспитанника. Замѣчательно, что и большія преступленія, выходящія изъ разряда обыкновенныхъ шалостей, никогда не выходили изъ стѣнъ заведенія. Наставникъ-наблюдатель, вѣроятно изъ собственной выгоды, устраивалъ все шито и крыто, успокаивалъ враждующія партіи и гдѣ угрозами, гдѣ ласками, обѣщаніями, просьбами, иногда слезами, замазывалъ откровенныя прорѣхи. Крѣпко не любили воспитанники такихъ продѣлокъ и чѣмъ только могли, явно высказывали свое негодованіе, но и тутъ ловкій дипломатъ не терялся, онъ дѣйствовалъ точно также, ни на шагъ не уклоняясь отъ принятаго девиза: всѣ средства хороши, если цѣль хороша. Въ честь наблюдателя рисовались карикатуры, сочинялись, стихи, пѣсни, устраивались церемоніи, состоявшія въ казни его изображенія. Прозвище старшаго гувернера (не употребительное въ печати) красовалось на всѣхъ окнахъ, дверяхъ, тарелкахъ училища.

Вообще наставникъ-наблюдатель, обязанный своему умѣнью пріобрѣтать благосклонность высшаго начальства, игралъ весьма важную роль, не совсѣмъ сообразную съ мѣстомъ имъ занимаемымъ.

Кромѣ этихъ видимыхъ достоинствъ старшаго гувернера, водились за нимъ и невидимыя; носились слухи, что онъ любилъ получать отъ воспитанниковъ разнаго рода приношенія, въ видѣ ковровъ, вазъ и другихъ болѣе или менѣе цѣнныхъ украшеній. Такъ напримѣръ, говорили, что какой-то господинъ являлся въ кабинетъ наставника (въ отсутствіи хозяина), вымѣривалъ его длину и ширину, а спустя нѣсколько времени кабинетъ украсился прекраснымъ ковромъ; сказывали также, что одному чадолюбивому родителю наставникъ обѣщалъ особенно покровительствовать его сыну и, въ знакъ умиленія, нѣжный

отецъ прислалъ наставнику серебряную вазу; наставникъ однако не сдержалъ своего слова, сынъ мадолюбиваго родителя оставленъ за лѣность на другой годъ въ классѣ, а ваза потребовалась обратно. Незнаю въ какой степени были справедливы эти слухи, можетъ ихъ распространили злые языки; извѣстно мнѣ только-то, что съ немущихъ наставникъ не бралъ, да тутъ и взять бѣло нечего, стало быть если и бралось, то только съ людей достагочныхъ. Въ самомъ дѣлѣ, отчего-жъ было не пожертвовать отцу какой-нибудь бездѣлицей, такъ сказать угодить наставнику, задобрить его для блага своего роднаго дѣтища?

Во всемъ остальномъ, наставникъ-наблюдатель былъ прекрасный человѣкъ и говорилъ *ты* только тѣмъ воспитанникамъ, которые имѣли счастье пользоваться его особымъ благоволеніемъ.

Кромѣ всѣхъ гувернеровъ, существовалъ въ училищѣ еще главный начальникъ, носившій впрочемъ этотъ титулъ больше по названію, но на самомъ дѣлѣ мало входившій въ внутреннюю жизнь вѣреннаго ему заведенія, быть можетъ, по неспособности къ воспитанію юношества, а, быть можетъ, и потому, что наставникъ наблюдатель сосредоточивалъ въ своей особѣ и высшую начальническую дѣятельность.

Что касается до матеріальнаго содержанія воспитанниковъ, то на этотъ предметъ обращалось въ училищѣ мало вниманія, быть можетъ, изъ экономическихъ видовъ начальства, а, быть можетъ, и потому, что воспитанники сами покупали нѣкоторые жизненные продукты и такимъ образомъ пополняли свое тощее продовольствіе. Утромъ воспитанниковъ понли обыкновенно ржанымъ кофеемъ, дѣйствовавшимъ на подобіе слабительнаго. Обѣдъ состоялъ изъ трехъ блюдъ, изъ которыхъ второе, по своей сущности, тѣсно связывалось съ первымъ и состояло изъ вареной говядины, вынутой изъ супа и приправленной какимъ-нибудь соусомъ. За тѣмъ слѣдовалъ ужинъ, изъ грязной воды, носившей названіе супа и кашицы; по вторникамъ, послѣ танцкласса, кашлицу замѣнялъ застуженный большими кубическими формами, квасной кисель, служившій вѣроятно для прохладженія разгорячившихся воспитанниковъ. Большіе куски киселя летали обыкновенно черезъ всю столовую и шлепались въ стѣны и лица спующихъ тамъ и сямъ сторожей. Въ кисельный ужинъ, экономъ, боясь за свою личность, въ столовой не бывалъ. Завтракали воспитанники или казеннымъ чернымъ хлѣбомъ, или, на свой

счетъ, булками съ масломъ и сыромъ, продававшимися въ столовой. Предусмотрительность начальства не только не запрещала, но напротивъ поощряла такой торгъ. Чай пили также свой собственный. Во время масляницы сторожа продавали гречневые блины, причеиъ столовая училища принимала видъ обжорнаго ряда на толкучеиъ рынкѣ. Впрочемъ на видимую скудность матеріальнаго содержанія никто не жаловался, сыты были, и конецъ; слѣдовательно, нечего много и говорить объ этомъ предметѣ.

Отличительными, общими чертами внутренней жизни училища, его характера, были: благородный духъ и прекрасное товарищество.

Воспитанникъ училища смотрѣлъ на себя не какъ на мальчика, а какъ на члена общества; онъ сознавалъ свое собственное достоинство, не ставилъ себя въ уровень съ воспитанниками прочихъ учебныхъ заведеній, стыдился унижаться предъ начальствомъ и занскивать его расположеніе какими нибудь косвенными путями; онъ дѣйствовалъ всегда прямо, открыто, не вытягивался въ струнку предъ начальникомъ, не прятался отъ него, не смотрѣлъ безсознательно, выпучивъ глаза на дежурнаго гувернера, не поварачивался машинально, какъ кукла, когда послѣдній проходилъ мимо, не бѣжалъ опрочетью, сломя голову, исполнять его приказаніе. Нѣкоторая гордость и самолюбіе стояли всегда и во всемъ на первомъ планѣ. Здѣсь воспитанникъ хотѣлъ видѣть въ начальникѣ внутреннее разумное совершенство, онъ ждалъ отъ своего воспитателя не только полицейскаго надзора за правильнымъ ходомъ мелочей казенной жизни, а добраго, дружескаго совѣта, помощи, наставленія, для разъясненія вопросовъ бойкаго, молодаго, но еще неопытнаго ума. Весьма натурально, если вмѣсто этого объясненія юноша встрѣчалъ преслѣдованіе живой мысли, слышалъ отъ своего наставника грубыя, рѣзкія выраженія или пошлыя фразы съ насмѣшкою надъ любознательностію, то тотъ же юноша быстро разочаровывался, считалъ наставника за своего личнаго врача, приставленнаго исключительно для присмотра за чистотою и числомъ его пуговиць, для преслѣдованія всѣхъ проявленій молодости, выходящихъ изъ общей, опредѣленной мѣры. Вотъ почему воспитанникъ не только позволялъ себѣ, но даже считалъ своею обязанностію, открыто противодѣйствовать наставнику, боротся съ нимъ за свои права, за свою честь, оскорбленную ложнымъ направленіемъ начальнической власти. Не смотря на это, здѣсь

мальчи́къ не былъ дерзкимъ, неразумнымъ буйномъ; онъ не походилъ только на запуганнаго, загнаннаго юношу, платилъ зломъ за зло и добромъ за добро, не обижался строгимъ взысканіемъ — возмездіемъ за совершенное преступленіе, лишь бы это взысканіе согласовалось съ буквою закона; онъ негодовалъ только въ случаѣ произвола начальнической власти и ея злоупотребленія.

Воспитанникъ не коснѣлъ въ училищѣ, не прозябалъ отдѣльною, исключительною его жизнью, нѣтъ, онъ волновался и тѣми общественными вопросами, которые были доступны его юному, пылкому уму; съ жадностію, пользуясь различными случаями, иногда нарушая училищныя постановленія, слѣдилъ за всѣмъ, что только интересовало его воображеніе. Говорилъ о политикѣ, искусствѣ, читалъ книги, увлекался, восхищался, спорилъ, высказывалъ свои убѣжденія, быть можетъ, по большей части, не совсѣмъ правильныя, но, тѣмъ не менѣе, доказывающія жажду развитія. Короче, здѣсь воспитанникъ какъ бы чувствовалъ, что безъ собственной помощи, безъ этого ознакомленія съ посторонними вещами, не входящими въ программу училищнаго образованія, воспитаніе его будетъ одностороннее, сухое, освѣщающее одну небольшую отрасль челоуѣческой дѣятельности и оставляющее во мракѣ всѣ прочія, громадныя ея части.

Вообще, смѣло можно сказать, свѣтлая сторона училища была сильнѣе темной.

Дай Богъ, чтобъ и въ настоящее время наши учебныя заведенія усвоили бы себѣ лучшую часть училищнаго духа и характера; кто не согласится, что убѣжденія молодости глубоко отражаются и въ послѣдующей служебной дѣятельности взрослого челоуѣка.

Товарищество въ училищѣ было раздѣлено по классамъ; каждый классъ составлялъ отдѣльную, тѣсно связанную между собою семью и отнюдь не считалъ своими товарищами воспитанниковъ другого класса.

Любо было смотрѣть на эту чистую, братскую привязанность другъ къ другу, доходившую иногда до самоотверженія. Здѣсь воспитанникъ не жилъ своею отдѣльною, личною жизнью, нѣтъ, онъ былъ только членъ классной семьи, свято соблюдавшей какъ собственные, частныя интересы, такъ и интересы всего училища.

Товарищество по классамъ такъ было тѣсно, что можно сказать, каждый классъ имѣлъ какъ бы одну общую голову, одну душу, одно сердце. Не говорилось, наприимѣръ, такой-то воспи-

танникъ не любить того-то, оскорбленъ тѣмъ-то, слово воспитанникъ замѣнялось другимъ — классомъ. Конечно мальчику не запрещалось имѣть друзей и въ другихъ классахъ, но друзья эти все-таки не были товарищами-заступниками другъ за друга. Если классы ссорились, то не только друзья, даже братья родные прекращали всякое между собою сношеніе, становились самыми ревностными врагами. Общее дѣло уничтожало всѣ личныя связи и интересы.

Если начальство наказывало провинившагося воспитанника, цѣлый классъ шелъ на защиту виновнаго, и въ большей части случаевъ просьбами, разумнымъ оправданіемъ и чѣмъ только было возможно, облегчалъ или уничтожалъ наказаніе. Исключеніе составляли только воспитанники, виновные въ отношеніи общества товарищей; здѣсь изъ заступниковъ сами товарищи превращались въ самыхъ дѣятельныхъ гонителей общественной язвы. Воспитанника попадавшего подъ арестъ, на хлѣбъ и на воду, продовольствовалъ цѣлый классъ, закармливалъ арестанта до сыта пирогами и прочими снадобьями. Обида, нанесенная одному воспитаннику, считалась за обиду цѣлаго класса. Если цѣлый классъ страдалъ иногда за одного изъ своихъ членовъ, то страданіе это переносилось не только безъ ропота, но даже съ какимъ-то общимъ энтузіазмомъ. При такихъ обстоятельствахъ классъ соединялся еще ближе, еще тѣснѣе.

Съ своей стороны, каждый воспитанникъ, взятый въ отдѣльности, истинно цѣнилъ любовь товарищей, гордился ею, всѣми силами старался заслужить ее. Онъ готовъ былъ подвергнуться безъ ропота самымъ строгимъ начальническимъ взысканіямъ, но малѣйшее неудовольствіе товарищей тяжело падало на душу виновнаго.

Воспитанникъ, отверженный своими классными товарищами, становился отверженцомъ цѣлаго училища. Положеніе его было ужасное; съ нимъ не только никто не говорилъ, но отъ него бѣгали, отворачивались, какъ отъ заразы. Самая фамилія отверженца обращалась въ ругательное слово.

Вотъ почему, даже и теперь, спустя двадцать лѣтъ, преобразившись изъ юноши въ пожилаго человѣка, пройдя на опытѣ и удовольствія и непріятности жизни, утративъ вѣру къ истинную дружбу людей, невольнo чувствуешь какую-то особую, родственную симпатію къ товарищу по школьной скамейкѣ, видишь въ немъ друга того теплаго періода жизни, когда чувства высказывались открыто, безъ эгоизма, не стѣсняясь мѣркою свѣтс-

кихъ приличій и матеріальнымъ разсчетами. Отрадно вспомнить и жизнь училищную, не смотря на всё ея грубые недостатки; съ какимъ-то благоговѣніемъ смотришь на эти стѣны, нѣмыя свидѣтельницы и гора и радости твоего воспитанія.

Что же сроднило такъ воспитанника съ его училищемъ? вѣдь не казенная же кашица, не дежурные гувернеры, не слезы наставника-наблюдателя, а то, что здѣсь воспитанникъ имѣлъ истинныхъ друзей, любилъ, былъ любимъ въ свою очередь; что жизнь здѣсь не стѣснялась начальническимъ деспотизмомъ и педантическими требованіями закрытыхъ учебныхъ заведеній, не представляла собою нравственнаго застоя и окаменѣнія собственной мысли, нѣтъ, жизнь здѣсь кипѣла, бурлила, волновалась и развивалась такъ, какъ по общему закону природы волнуется и развивается молодость.

В. А.—И.

Гг. Смирновъ и Перозіо.

Много толковъ возбудилъ вызовъ, сдѣланный г. Перозіо. Зрѣлице было слишкомъ ново для петербургской публики и понятно, что многимъ хотѣлось быть свидѣтелями поединка; къ сожалѣнію залъ пассажа не могъ вмѣстить болѣе пятисотъ человѣкъ. Но еще больше толковъ явилось послѣ, когда одна изъ сторонъ, чувствуя, что побѣда клонится не на ея сторону, стала разыгрывать роль обиженной, заявила свое сомнѣніе въ безпристрастіи ея же избраннаго суперарбитра, и когда всему русскому обществу, въ лицѣ присутствовавшей публики, былъ сдѣланъ упрекъ въ незрѣлости. Смятеніе сдѣлалось общимъ; вопросъ о гг. Смирновѣ и Перозіо отодвинулся на второй планъ — его вытѣснилъ вопросъ болѣе общій и болѣе важный — зрѣлость Россіи; явились пылкія головы, которыя въ этомъ домашнемъ и нѣсколько странномъ спорѣ гг. Смирнова и Перозіо хотѣли видѣть непременно доказательство несовершенной способности русскихъ къ гласному судопроизводству, другіе боялись, что случай этотъ — по ихъ мнѣнію неудача; но въ чемъ? — зарекомендовалъ насъ дурно въ глазахъ правительства и мало ли еще что казалось! Но во всемъ этомъ нѣтъ ни того, ни другаго, ни третьяго — проиграло одно русское общество пароходства и торговли и больше никто.

Г. Перозіо, въ 239 № С. Петербургскихъ Вѣдомостей, помѣстилъ «протестъ противу статьи г. Новосельскаго «Сравненіе русскаго общества пароходства и торговли, Французской компаніи Service maritime des messagerie impérial и австрійскаго Ллойда» (Морской сборникъ 1850, № 10). Русское общество пароходства и торговли, говоритъ г. Перозіо въ *протестѣ*, возникшее при наивыгоднѣйшихъ для осуществленія его обстоятельствахъ, при совершенномъ обезпеченіи со стороны правительства и съ огромными средствами и преимуществами, казалось должно было повести дѣло съ наибольшей противъ другихъ подобныхъ компаній для себя и для участниковъ выгодною. Такъ думали всѣ знакомые и незнакомые съ дѣломъ этого рода, основываясь на возможности значительныхъ прибылей отъ предпріятія и на гласныхъ увѣреніяхъ въ томъ учредителей. Но ожиданіямъ этимъ скоро суждено было прекратиться. Не далѣе, какъ со вторымъ общимъ собраніемъ акціонеровъ общества, обнаружилось, что и это предпріятіе постигаетъ участь общая почти всѣмъ нашимъ акціонернымъ предпріятіямъ, именно, что оно ведется безсистемно, съ отступленіемъ отъ устава, крайне не экономно, вовсе не отчетливо и, вслѣдствіе всего этого, конечно, далеко не столь выгодно для участниковъ, какъ они могли разсчитывать. Однимъ изъ доказательствъ служилъ большій и большій съ каждымъ днемъ упадокъ акціи общества. Важность предмета, полное безпристрастіе и желаніе служить посылно какъ самому дѣлу, такъ и пользѣ общей, побудили г. Перозіо, написать *замѣчанія*, напечатанныя въ «Библіотекѣ для Чтенія» за іюль мѣсяцъ нынѣшняго года. Но увы! *замѣчанія* эти не привели ни къ чему, и въ отвѣтъ на нихъ появилось въ «Морскомъ Сборникѣ» сказанное выше «Сравненіе» — статья директора распорядителя общества, г. Новосельскаго. Г. Перозіо находитъ что «въ статьѣ недостаетъ не многого — истины и что вся статья, означающая состояніе «Русскаго Общества» по 1859 годъ, есть, по отношенію къ нему, то есть, къ обществу, *наборъ цифръ и, на основаніи ихъ, выводовъ чисто произвольныхъ, невѣрныхъ и ни мало несогласующихся съ показаніями отчета 1858 года, выводовъ, которыхъ бы можно ожидать отъ всякаго другаго, но не отъ директора-распорядителя.* Чтобы доказать это г. Перозіо дѣлаетъ сравненіе статьи г. Новосельскаго съ отчетомъ общества и приходитъ къ слѣдующимъ заключеніямъ.

— Въ 1858 году русское общество въ числѣ тридцати на-

роходовъ имѣло только двадцать морскихъ, остальные десять были буксирные; — такъ говорится въ статьѣ г. Новосельскаго, — въ отчетѣ же показано, что въ навигацію этого года у общества было тридцать пять пароходовъ — куда же дѣлись пять?

— Раздѣленіе пароходовъ «Русскаго Общества» на морскіе и рѣчные или буксирные, въ строгомъ смыслѣ неправильно; — точное разграниченіе между тѣми и другими невозможно, потому что всѣ пароходы общества участвуютъ болѣе или менѣе въ морскомъ плаваніи. Г. Новосельскому слѣдовало оговорить: — какіе именно пароходы считаетъ онъ рѣчными и буксирными. Г. Перозіо относитъ къ нимъ десять пароходовъ наименѣе сильныхъ, валовая выручка которыхъ показана не по каждому отдѣльно, а общимъ итогомъ, чего при исправномъ состояніи бухгалтеріи не должно бы случаться.

— Двадцать морскихъ пароходовъ, говоритъ *Сравненіе*, прошли въ 1858 году 286,000 миль. Отчетъ же показываетъ, что пароходы общества сдѣлали въ общей сложности 316,000 миль, изъ чего слѣдуетъ, что десять рѣчныхъ пароходовъ прошли 30,000 миль, *плавая въ продолженіе цѣлой навигаціи*.

— *Сравненіе* объясняетъ, что двадцать морскихъ пароходовъ сожгли угля и антрацита 2,145,000 пудовъ; по *отчету* же тридцать пять пароходовъ общества потребили во всю навигацію 430,395 пудовъ антрацита и 1,667,100 пудовъ угля, то есть, всего 2,097,495 пудовъ, или иначе, двадцать морскихъ пароходовъ сожгли по словамъ *Сравненія* топлива болѣе, чѣмъ всѣ тридцать пять пароходовъ по отчету.

— Въ *Сравненіи* цѣна топлива показана въ семнадцать съ половиною копеекъ за пудъ, а въ *отчетѣ* — восемнадцать съ половиною копеекъ, чему вѣрить? Разница въ общемъ расходѣ выходитъ отъ этого въ 21,450 рублей.

— Расходы на экипажъ и офицеровъ двадцати морскихъ пароходовъ показаны въ *Сравненіи* въ 296,600 рублей; по *отчету* же содержаніе и обмундированіе командъ всѣхъ тридцати пяти пароходовъ обошлось въ 367,750 рублей 76 копеекъ, значить, на десять рѣчныхъ остается 71,150 рублей 76 копеекъ.

— Расходы на ремонтъ и исправленіе двадцати морскихъ пароходовъ показаны въ *Сравненіи* въ 176,100 рублей; по *отчету* же расходы на всѣ тридцать пять пароходовъ составляли 186,858 рублей 85 копеекъ. Слѣдовательно, ремонтъ и исправленіе десяти пароходовъ стоили 10,548 рублей 85 копеекъ.

— Расходы на агентства и конторы, на грузку и выгрузку и магазины *Сравненіе* опредѣляетъ въ 221,913 рублей; а *отчетъ* говоритъ, что расходы по содержанію агентствъ, на грузкѣ, перегрузкѣ и выгрузкѣ товаровъ и топлива и общіе расходы, въ томъ числѣ на содержаніе конторъ и страхованіе магазиновъ, составляютъ 362,846 рублей 82 копейки. Такимъ образомъ на десять рѣчныхъ пароходовъ приходится изъ этой суммы 140,833 рубли.

— Валовой доходъ съ двадцати морскихъ пароходовъ составляетъ по *Сравненію* 1,847,822 рубля; а по *отчету* со всѣхъ тридцати пяти пароходовъ приходится 1,829,261 рубль 80 копеекъ; въ томъ числѣ съ десяти рѣчныхъ — 143,384 рубли 18 копеекъ, то есть, *Сравненіе* выводитъ для двадцати морскихъ пароходовъ валоваго дохода на 18,550 рублей 33 копейки болѣе, чѣмъ *отчетъ* для всѣхъ тридцати пяти. Затѣмъ, относительно десяти рѣчныхъ, по *Сравненію* оказывается, что они не дали ровно ничего. Кому дать вѣру, отчету или *Сравненію*?

— На погашеніе стоимости и страхованія за 1850 годъ двадцати морскихъ пароходовъ списано 235,628 рублей; но какимъ образомъ составила эта цифра? — По *отчету* видно, что въ погашеніе стоимости всѣхъ тридцати пяти пароходовъ списано 107,652 рубли 11 копеекъ, да въ страховой капиталъ отчислено 45,657 рублей 65 копеекъ, итого 153,309 рублей 76 копеекъ. Но тутъ считаны всѣ тридцать пять пароходовъ, а въ *Сравненіи* выводится 235,628 рублей или 82,318 рублей 24 копейки болѣе лишь на двадцать морскихъ!

— *Сравненіе* показываетъ дивидендъ 8% слишкомъ; въ объясненіи же говоритъ, что дивидендъ общества за 1858 годъ былъ 7%, считая со дня взноса; а въ таблицѣ девятой чистая прибыль 265,000 рублей является уже равною 14 $\frac{1}{2}$ %, вѣ отношеніи къ приходу. Ни то, ни другое не вѣрно. Общество употребило до 1-го января 1856 года капиталъ въ 6,400,000 рублей, изъ нихъ 2,000,000 принадлежатъ правительству, и дивидендъ на эту сумму долженъ обращаться въ пользу частныхъ акціонеровъ; частные акціонеры имѣли въ свою очередь, капитала 3,854,550 рублей, слѣдовательно на общую сумму употребленнаго обществомъ капитала получено не 7% дивиденда, а до 3%.

— Двадцать морскихъ пароходовъ приобрѣли — 1,847,822 рубли израсходовали 1,408,817 рублей, слѣдовательно доставили чистой прибыли 439,005 рублей. Десять рѣчныхъ пароходовъ приобрѣли 43,057 рублей 4 копейки, израсходовали 257,983 рубли 14 ко-

пеекъ, слѣдовательно понесли убытку 214,926 рублей 10 копеекъ. Какъ?! десять пароходовъ, стоившіе обществу болѣе 390,000 рублей, поглащающіе ежегодно на свое содержаніе до 258.000 рублей, приносятъ въ годъ убытку до 215,000 рублей!? За чѣмъ же правленіе не прекратило невыгоднаго рѣчнаго плаванія? За чѣмъ, по крайней мѣрѣ, не приняло мѣръ, къ сокращенію по возможности, издержекъ по этой операціи?

Г. Перозіо кончаетъ свой *протестъ* такимъ образомъ: «печатать подобное *Сравненіе* значитъ просто — просить извиненіе за некрасивое выраженіе — туманить всѣхъ и вся... Какъ бы то ни было, мы, во имя справедливости и протестуемъ противъ *Сравненія*, повторяя что оно есть сборъ выводовъ, основанныхъ на вымышленныхъ цифрахъ, и что ему не слѣдуетъ придавать ни малѣйшей вѣры. Мы приглашаемъ всѣхъ и каждого убѣдиться въ основательности настоящаго протеста, и тогда присоединить свой голосъ къ нашему, чтобъ положить предѣлъ обнаруживаемому *Сравненіемъ* крайнему пренебреженію къ публикѣ вообще и къ участникамъ предпріятія въ-особенности.»

Довѣріе къ акціонернымъ обществамъ, особенно расплодившимся у насъ въ послѣднее время, не велико; пассивная роль какую играли да играютъ и теперь акціонеры, въ дѣлахъ компаній, не ясные отчеты представляемые директорами и распорядителями въ общихъ собраніяхъ акціонеровъ, отсутствіе полной ясности и невозможность, или по крайней мѣрѣ трудность контроля дѣйствій директоровъ и провѣрки ихъ отчетовъ, должны были породить это недоувѣріе. Понятно, что *протестъ* г. Перозіо былъ замѣченъ и достигъ своей цѣли, — то, о чемъ носились не ясные толки, было разъяснено цифрами; — кредитъ «русскаго общества пароходства и торговли» сильно покачнулся и распорядительность директора выставилась въ невыгодномъ свѣтѣ.

Протестъ однако не остался безъ отвѣта. Въ 150-мъ № «Журнала для Акціонеровъ» появился «Отвѣтъ г-ну Перозіо» подписанный г. Смирновымъ. Но кто были эти господа Смирновъ и Перозіо? вопросъ весьма важный, на разрѣшеніи котораго можетъ быть основано большее или меньшее доувѣріе къ словамъ противниковъ. Изъ протеста г. Перозіо не видно, чтобы онъ былъ акціонеръ общества, но ясно, что онъ не служитъ въ компаніи и что онъ глубоко убѣжденъ въ недостаточной чистотѣ дѣйствій распорядителей «русскаго общества пароходства.» Этому покажеться достаточно, чтобы вѣрить г. Перозіо;

наконецъ спокойный тонъ его рѣчи, отсутствіе завитковъ и фразъ и положительныя указанія цифрами, все это не давало никакого повода сомнѣваться въ словахъ г. Перозіо или заподозрять его въ злоупотребленіи гласности. О г. Смирновѣ носились слухи, что онъ служитъ секретаремъ у г. Новосельскаго; но предъ началомъ публичнаго спора разрѣшился и этотъ вопросъ: г. Смирновъ объявилъ, что ни онъ, ни его посредники не служатъ въ управленіи общества пароходства. Такимъ образомъ разъяснилась вполне чистота побужденій гг. Перозіо и Смирнова; первый изъ «желанія служить посильно какъ самому дѣлу, такъ и пользѣ общей» обвинялъ распорядителей «въ крайнемъ пренебреженіи къ публикѣ вообще и къ участникамъ предпріятія въ-особенности», а второй изъ того же побужденія доказывалъ, что г. Перозіо сказалъ во всемъ неправду и наполнилъ свой *протестъ* произвольными, *своими собственными цифрами*. Пока публика читала *протестъ* г. Перозіо, она возмущалась недобросовѣстностью распорядителей общества; но когда появился бойко написанный *отвѣтъ* г. Смирнова дѣло приняло нѣсколько другой оборотъ — явился вопросъ, кто же изъ нихъ говорить правду?

Отвѣтъ г. Смирнова написанъ въ другомъ родѣ, и въ другомъ тонѣ—пронія и насмѣшка стоятъ въ немъ на первомъ планѣ. *Отвѣтъ* начинается обвиненіями г. Перозіо въ недобросовѣстности, въ томъ, что онъ чужія мнѣнія, высказанныя печатно въ спеціальныхъ періодическихъ изданіяхъ выдаетъ за свои собственныя. Обвиненіе это больше ловкій приемъ, къ существу дѣла оно не относится прямо; но зато вступленіемъ этимъ бросается тѣнь на добросовѣстность г. Перозіо. Вслѣдъ за обвиненіемъ г. Смирновъ объявляетъ какимъ способомъ г. Перозіо составлялъ обличительныя статьи. «Изъ набора произвольныхъ, невѣрныхъ, взятыхъ изъ какой-либо статьи, или самымъ придуманныхъ цифръ, онъ (г. Перозіо) дѣлаетъ собственные выводы и старается ими доказать негѣдность выводовъ или данныхъ, сдѣланныхъ или представленныхъ другимъ. Переищаваъ при этомъ подобный наборъ цифръ знаками восклицанія и фразами, старается опорочить имена честныхъ дѣателей и тѣмъ поставить свое собственное на пьедесталъ, или вѣрнѣе на ходули. Выводы эти г. Перозіо дѣлаетъ слѣдующимъ, очень простымъ и крайне удобнымъ способомъ: онъ беретъ, напримѣръ, двѣ статьи одного и того же автора, читаетъ въ одной изъ нихъ, что двѣ мухи и два комара пьютъ воду. Беретъ вторую

статью и читаетъ, что четыре лошади выпили ушатъ воды. Прекрасно! Статья готова. Г. Перозіо, ни мало не церемонясь, пишетъ: г. Н. Н. въ статьѣ своей «такой-то» говоритъ, что двѣ мухи (стран. 4), два комара (стран. 5) и четыре лошади выпили ушатъ воды (стран. 6). Въѣстимость ушата полагается въ четыре ведра (стран. 7) *Отсюда выводится ясно*, что каждая муха и каждый комаръ выпили по половинѣ ведра воды?!.. Явленіе непостижимое!!! Тутъ что-нибудь не такъ! восклицаетъ г. Перозіо.» Но отвѣтъ не достигъ бы своей цѣли, еслибы г. Смирновъ ограничился голословнымъ опроверженіемъ цифръ приводимыхъ г-мъ Перозіо. Но вотъ и факты приводимые г-мъ Смирновымъ.

— Говоря о числѣ пароходовъ, г. Перозіо не указалъ на страницу *Сравненія*, гдѣ стоитъ цифра 30, и какъ говоритъ г. Смирновъ изъ предосторожности, потому что тамъ же помѣщено объясненіе г. Новосельскаго, почему и какъ считалъ онъ при сравненіи тридцать пароходовъ, а не тридцать пять.

— Указывая, что десять рѣчныхъ пароходовъ прошли 30,000 миль, плавая въ продолженіе всей навигаціи, т. е., каждый пароходъ далъ только 3,000 миль, г. Перозіо умолчалъ, что два изъ тѣхъ пароходовъ, какъ показано въ *отчетѣ*, куплены только въ концѣ года, а пять содержали частью переправы, частью находились въ распоряженіи инженернаго вѣдомства военнаго министерства.

— Относительно количества потребленнаго топлива у г. Перозіо тоже ошибка, потому что 430,395 пудовъ антрацита, онъ сложилъ съ 1,667,100 пудовъ угля и получилъ 2,097,495 пудовъ угля. Антрацитъ даетъ большую степень жара, слѣдовательно антрацитъ нужно было редуцировать на уголь, и тогда уже дѣлать сложеніе «по тому же простому правилу, замѣчаетъ г. Смирновъ, по которому два полтинника и два четвертака не составляютъ ни четырехъ полтинниковъ, ни четырехъ четвертаковъ. Кромѣ того г. Перозіо бралъ изъ *Сравненія* все количество потребленнаго угля, считая въ томъ числѣ и расходъ по угольнымъ складамъ, а изъ *отчета* только то количество угля, которое дѣйствительно сожжено пароходами, и поставивъ въ первомъ случаѣ, вмѣсто слова «потреблено,» слово *сожжено*, выводитъ, что двадцать пароходовъ сожгли на 47,505 пудовъ болѣе, чѣмъ всѣ тридцать пять пароходовъ.

— Точно такимъ же образомъ г. Перозіо беретъ изъ *отчета* стоимость угля сожженнаго пароходами, показанную по во-

семнадцать съ половиною копеекъ за пудъ, а изъ *сравненія* стоимость угля потребленнаго, считая въ томъ числѣ и расходы по угольнымъ складамъ, именно семнадцать съ половиною копеекъ за пудъ, и выставяя это на видъ, какъ противорѣчіе, спрашиваетъ: чему вѣрить?

— Говоря о расходѣ на экипажъ и офицеровъ, г. Перозіо удерживается отъ всякаго заключенія. «Надобно думать, замѣчаетъ г. Смирновъ, что этотъ длинный рядъ цифръ онъ (г. Перозіо) помѣстилъ въ статью съ тою цѣлю, чтобъ показать публикѣ, что если онъ и не совершенно твердъ въ дѣленіи цифръ, то весьма спленъ въ вычитаніи ихъ.»

— Расходы на агентства, конторы, погрузку выгрузку и магазины, показанные въ *Сравненіи* для двадцати пароходовъ въ 221,913 рублей; сравниваетъ съ тѣми же расходами, и сверхъ того съ расходами общими и на страхованіе, показанными по *отчету* для тридцати пяти пароходовъ въ 362,846 рублей 82 копейки. Придумавъ, что изъ этой послѣдней суммы приходится по десяти рѣчныхъ пароходовъ 140,833 рубль, г. Перозіо дѣлаетъ г. Новосельскому отеческое наставленіе. «Спрашивается, по наивности или по другимъ побужденіямъ, сдѣлано подобное сравненіе?»

— Г-ну Перозіо хочется доказать, что цифра валоваго дохода показанная въ *Сравненіи* не вѣрна; для этого онъ беретъ преспокойно изъ отчета, вмѣсто цифры валоваго дохода — 1,935,257 рублей 80 копеекъ, цифру выручки съ пароходовъ, именно: 1,829,261 рубль 80 копеекъ; называетъ эту послѣднюю сумму валовымъ доходомъ и торжественно восклицаетъ, что по сравненію оказывается, будто двадцать пароходовъ дали на 18,550 рублей 33 копейки дохода болѣе, чѣмъ всѣ тридцать пять пароходовъ и что *отсюда выводится*, что десять рѣчныхъ пароходовъ не дали ровно ничего.»

— Говоря о погашеніи стоимости пароходовъ и страхованіи, г. Перозіо прибѣгнувъ къ слѣдующему фокусу—*придумалъ* свои цифры и на погашеніе и на страхованіе и сказалъ, что *онъ напечатаны* въ *отчетъ*, именно: на погашеніе вмѣсто 116,579 рублей 11 копеекъ показанныхъ въ *отчетъ*, поставилъ 107,652 рубль 11 копеекъ, а на страхованіе, вмѣсто 161,106 рублей 55 копеекъ, какъ значитъ тамъ же, показалъ 45,657 рублей 65 копеекъ и поставилъ въ итогъ, вмѣсто 277,685 рублей 66 копеекъ только 153,309 рублей 76 копеекъ и нѣсколько точекъ.

— Сочинивъ отдѣльныя цифры, г. Перозіо начинаетъ очень искусно группировать ихъ, называя эту группировку *общимъ заключеніемъ* и дѣлаетъ выводъ, что десять пароходовъ приносятъ лишь одинъ убытокъ, простирающійся до 215,000 рублей въ годъ. Изъ всѣхъ выводовъ г. Перозіо по этому предмету не только ни одинъ не вѣренъ, но ни изъ *отчета*, ни изъ статьи г. Новосельскаго, ни изъ сравненія этой статьи съ *отчетомъ* нельзя и вывести положительно никакого заключенія ни о доходности рѣчныхъ пароходовъ, ни о расходахъ, которые они требовали. Въ отчетѣ всѣ доходы и расходы по оперціямъ общества въ 1858 году показаны нераздѣльно для морскихъ и для рѣчныхъ пароходовъ. Въ статьѣ Новосельскаго лишь нѣкоторые расходы морскихъ пароходовъ отдѣлены отъ рѣчныхъ, а другіе и самый чистый доходъ (265,000 рублей) показали опять вмѣстѣ съ рѣчнымъ. По какому же особенному вдохновенію изъ сравненія подобныхъ данныхъ можно дѣлать какіе-либо общіе выводы о доходности рѣчныхъ пароходовъ или расходовъ на нихъ?

А вотъ конецъ статьи г. Смирнова: «въ заключеніе г. Перозіо, съ надлежащей ловкостію и тонкостію представляетъ вниманію публики и всѣхъ участниковъ предпріятія и свою добросовѣстность и то, что онъ сдѣлалъ до-сихъ-поръ для русскаго общества пароходства и торговли: какъ открылъ пропавшіе пароходы, какъ обнаружилъ *своими собственными цифрами* хаотическое состояніе бухгалтеріи общества, какъ во имя справедливости, старается изъ всѣхъ силъ показать, что г. Новосельскій туманить всѣхъ и вся, а онъ, г. Перозіо, просвѣщаетъ и, наконецъ, какъ несостоятельно, относительно пониманія дѣла, правленіе общества и какимъ богатымъ запасомъ спеціальныхъ свѣдѣній и техническихъ знаній обладаетъ онъ самъ, г. Перозіо, по части пароходства, коммерческой бухгалтеріи, ариметики и проч. и проч.»

«Вообще г. Перозіо на каждой строкѣ своей статьи такъ и говоритъ и публикѣ вообще и участникамъ предпріятія въ-особенности: «что же вы, господа, медлите, не посылаете курьеровъ, не бросаетесь ко мнѣ толпою, какъ къ Хлестакову генералу, и не скажете:

«Иванъ Александровичъ, ступайте управлять департаментомъ!»

Нужно отдать справедливость г. Смирнову, — онъ пишетъ гораздо цвѣтстѣе г. Перозіо; тонъ статьи въ высшей степени

полемиическій, есть цитаты изъ Ревизора Гоголя, много ироніи, а вопросительныхъ и восклицательныхъ знаковъ гораздо больше чѣмъ у г. Перозіо. Впрочемъ г. Перозіо и самъ сознаетъ, что г. Смирновъ пишетъ съ большою легкостію и остроуміемъ. Но онъ видитъ въ немъ еще больше — *сочинителя* въ полномъ смыслѣ этого слова. «Какъ я прежде утверждалъ и доказывалъ, что въ статьѣ г. Новосельскаго нѣтъ почти ни одного слова правды, такъ теперь утверждаю, говорятъ г. Перозіо, что статья г. Смирнова — самая *ловкая* выдумка, полная тумана, несообразностей и невѣрностей.»

Каково положеніе публики! г. Перозіо доказываетъ, что г. Новосельскій *сочинилъ* цифры, и приводитъ доказательства; г. Смирновъ въ свою очередь доказываетъ, что г. Перозіо *сочинилъ* цифры и тоже приводитъ доказательства; наконецъ г. Перозіо доказываетъ, что г. Смирновъ *сочинитель* и что статья его самая *ловкая* выдумка. Кто правъ, кому вѣрнѣе?

Не говоря уже о томъ, что весьма не деликатно говорить другъ другу: милостивый государь, вы лжете; — нѣтъ милостивый государь, вы лжете, — но надобно подумать и о тѣхъ, въ чьемъ присутствіи высказываются подобныя вещи; тутъ полемиическій талантъ въ сторону, для публики все равно хорошо или дурно умѣютъ браниться спорящія стороны; — этой брани ей совсѣмъ не нужно; вопросъ собственно о чистотѣ дѣйствій «русскаго общества пароходства и торговли». Г. Перозіо сталъ доказывать, что распорядитель-директоръ говоритъ неправду; *протестъ* г. Перозіо былъ обращенъ къ публикѣ и слѣдовательно къ акціонерамъ общества; отчего бы имъ не потребовать строгой ревизіи всѣхъ дѣлъ и распоряженій управленія общества? это кажется было бы самое естественное и тѣмъ болѣе необходимое, что въ публикѣ и особенно на югѣ Россіи давно уже ходятъ толки о неудовлетворительныхъ дѣйствіяхъ распорядителей и о множествѣ совершенно бесполезныхъ и напрасныхъ расходовъ дѣлаемыхъ обществомъ.

Но не такъ случилось. Акціонеры, т. е., люди наиболѣе заинтересованные *протестомъ* промолчали, а вмѣсто ихъ поднялъ голосъ и явился защитникомъ невинности угнетаемый г-мъ Перозіо — г. Смирновъ. Но кто сей благородный рыцарь? что побудило его обнажить свой мечъ на защиту истины? Какіе интересы побудили его къ тому? — Такого рода вопросы вѣроятны и задавали себѣ скептики — отвѣтъ простъ — истина защищается ради истины, гг. скептики; въ такомъ святомъ дѣлѣ

не можетъ быть другихъ причинъ; тутъ нѣтъ никакихъ корыстныхъ побужденій! Все это очень хорошо, но публика все таки ничего не понимаетъ изъ спора гг. Смирнова и Перозіо — оба они уличаютъ другъ друга во лжи, кто же изъ нихъ говоритъ правду? Г. Перозіо далъ возможность разрѣшить этотъ вопросъ. Назвавъ г. Смирнова *сочинителемъ, въ полномъ смыслъ этого слова*, г. Перозіо замѣчаетъ далѣе вполне справедливо, что такой газетный споръ, гдѣ каждый изъ противниковъ предлагаетъ читателямъ данный рядъ цифръ и ариѳметическихъ выводовъ, только сбиваетъ читателя: и вы сыплете цифрами, и у меня ихъ не мало, говоритъ г. Перозіо (Спб. Вѣд. № 261); согласитесь, что у читателей, по неволѣ, кругомъ пойдетъ голова, если онъ захочетъ разыскать себѣ этотъ вопросъ. Но тутъ дѣло еще не въ массѣ читателей, а въ акціонерахъ общества». Людямъ этимъ, положившимъ свои капиталы въ предприятие и ожидающимъ отъ него великихъ и богатыхъ милостей, одинъ доказываетъ, что дѣла общества въ плохомъ положеніи и что г. директоръ-распорядитель сообщаетъ публикѣ самыя невѣрныя свѣдѣнія о ходѣ ихъ; а другой — что все идетъ прекрасно и что противникъ лжетъ. Но какъ вопросъ въ обвиненіи кого-нибудь въ недобросовѣстности, или въ неправомерности дѣйствій, — вопросъ юридическій, то г. Перозіо думая весьма справедливо, отчего бы къ настоящему случаю не примѣнить систему гласнаго судопроизводства, котораго мы всѣ такъ добиваемся, объявляетъ, что онъ готовъ доказать г. Смирнову, *устно, съ документами въ рукахъ, цифра за цифрой, въ присутствіи сколькохъ угодно посредниковъ*, «всю истину своихъ показаній». Этимъ г. Перозіо могъ бы и кончить свою статью, но къ сожалѣнію не утерпѣлъ и выбранился — «Журналъ для Акціонеровъ» можетъ считать мои (г. Перозіо) статьи «плодомъ раздраженной фантазіи, не заслуживающимъ никакой критики», но вѣдь ничто не мѣшаетъ мнѣ считать *весь* «Журналъ для Акціонеровъ незрѣлымъ плодомъ незрѣлой фантазіи». Странный способъ доказывать свою правоту!

Г. Смирновъ принялъ вызовъ, но тоже не выдержалъ и *протестъ* г. Перозіо назвалъ снова *наборомъ цифръ произвольныхъ и невѣрныхъ*. Конецъ *отѣта*, г. Смирновъ приправилъ небольшою шуткой, впрочемъ не со всѣмъ тонкой: «чтобы не дать г. Перозіо удержаться на той высотѣ, на которую онъ постарался поставить себя, я охотно соглашаюсь на его вызовъ, говоритъ г. Смирновъ, и вооружившись статьею г. Новосельскаго,

отчетомъ русскаго общества пароходства и торговли и *ариметической г. Меморскаго*, готовъ выступить на бой, приглашая всѣхъ желающихъ быть свидѣтелями этого страннаго спора о предметѣ безспорномъ. Избранные мною посредники готовы войти въ соглашеніе съ посредниками г. Перозіо для опредѣленія условій, мѣста и времени нашего состязанія. Напечатаніе въ с. петербургскихъ вѣдомостяхъ результатовъ *этого публичнаго экзамена г. Перозіо въ первыхъ четырехъ правилахъ ариметики* я поставлю *conditio sine qua* поп своего согласія на его вызовъ».

Не смотря на тонъ полемики, на бесполезно потраченное, не совсѣмъ удачное остроуміе, нисколько не помогавшее разъясненію спорныхъ вопросовъ, публика приняла съ живымъ участіемъ вызовъ г. Перозіо. Многимъ казалось, что это будетъ первый опытъ гласнаго и устнаго судопроизводства, что это будетъ публичный экзаменъ нашихъ способностей и что отъ степени удачи испытанія зависитъ болѣе или менѣе скорое разрѣшеніе вопроса — быть или не быть у насъ гласному суду. Частному спору двухъ лицъ, по поводу дурно составленнаго третьимъ лицомъ *сравненія*, публика придала важность, которой совершенно и не было въ этомъ дѣлѣ. Всѣ ждали послѣдняго слова г. Перозіо, — и когда появилась «Объявленіе отъ посредниковъ гг. Смирнова и Перозіо» съ приглашеніемъ на 13-ое декабря въ залъ пассажа — желающихъ присутствовать на диспутѣ оказалось въ десять разъ больше, чѣмъ могъ вмѣстить залъ. Но не одно праздное любопытство или жажда скандала влекли въ залъ пассажа; — въ этомъ не возможно упрекнуть всѣхъ; участіемъ въ спорѣ управляло другое побужденіе, болѣе глубокое и нравственное — общество заявило сознаніе своего права на гласность, свое пониманіе необходимости и важности этого явленія въ нашей гражданской жизни; даже самое преувеличиваніе значенія спора вытекало изъ этой причины: — точно будто бы за кажущимся судомъ надъ гг. Смирновымъ и Перозіо, для публики скрывался смыслъ болѣе глубокий — судъ другой, надъ дѣломъ, вмѣющимъ интересъ болѣе широкій и важный.

Свое уваженіе къ диспуту, публика уже показала съ самого начала засѣданія: — залъ и хоры были полны народа, всѣ ждали нетерпѣливо начала, каждому хотѣлось рассмотреть дѣйствующихъ лицъ, распросы объ обстоятельствахъ спора, о лицахъ принимающихъ въ немъ участіе, составляли главный предметъ разговора, и когда ровно въ двѣнадцать часовъ суперарбитръ далъ знать о началѣ засѣданія, — все утихло, малѣйшій

шумъ, мѣшавшій слышать хорошо, вызывалъ шиканье, всѣ съ жаднымъ любопытствомъ насторожили вниманіе и все утихло. Большаго такта отъ публики невозможно было требовать: — въ англійскомъ парламентѣ не начинаются засѣданія лучше.

По условіямъ, постановленнымъ посредниками гг. Смирнова и Перозіо, засѣданіе открывалось тѣмъ, что г. Смирновъ, въ качествѣ обвинителя, излагаетъ посредникамъ сущность своихъ положеній, которыя онъ намѣренъ защищать; затѣмъ г. Перозіо дается право рѣчи, для представленія доказательствъ справедливости его замѣчаній. По выслушаніи оправданія г. Перозіо и выраженія г. Смирнова, по каждому пункту отдѣльно, посредники приступаютъ къ гласному обсужденію вопроса и постановляютъ рѣшеніе, на основаніи отчета русскаго общества пароходства и торговли, большинствомъ голосовъ.

Состоявшееся рѣшеніе прочитывается присутствующимъ, вносится въ протоколъ и подписывается всѣми посредниками и суперарбитромъ (предсѣдателемъ).

По разрѣшеніи всѣхъ вопросовъ, опредѣленныхъ программой, постановляется общее рѣшеніе о томъ, кто изъ противниковъ правъ и кто виноватъ.

Если бы, по винѣ одного изъ противниковъ или его посредниковъ, засѣданіе не состоялось, или если одинъ изъ противниковъ и его посредники будутъ нарушать условія засѣданія, то такая сторона признается неправою, безъ апелляціи.

Протоколъ засѣданія печатается за общимъ подписомъ посредниковъ и суперарбитра въ с. петербургскихъ вѣдомостяхъ и въ другихъ газетахъ.

Сторона, признанная неправою, уплачиваетъ всѣ издержки по дѣлу.

Званіе суберарбитра, по приглашенію посредниковъ обѣихъ сторонъ принялъ Евгеній Ивановичъ Ламанскій. Посредниками со стороны г. Смирнова были: Василій Карловичъ Шульцъ, Владимір Михайловичъ Жемчужниковъ и Николай Александровичъ Серно-Соловьевичъ; посредниками г. Перозіо — гг. Г. Зубинскій, П. Соловцевъ и В. Полетика (имена въ газетахъ не были обозначены).

Изъ тона условій видно, что споряція стороны придавали засѣданію большую важность — это былъ судъ, а не словесный и публичный споръ. Къ сожалѣнію судъ не выдержалъ свою роль и засѣданіе кончилось скандаломъ.

Начало шло довольно стройно — г. Смирновъ, сдѣлавъ огорку, что въ его отвѣтахъ, напечатанныхъ противъ *протеста* г. Перозіо, есть нѣкоторыя ошибки, — сталъ излагать первый пунктъ обвиненія. Въ обвиненіи не заключалось ничего новаго, это было повтореніе всѣми прочитаннаго въ газетахъ и сущность чего изложена въ настоящей статьѣ. Г. Перозіо отвѣчалъ тоже уже всѣмъ извѣстнымъ. Затѣмъ начался споръ посредниковъ — но положительнаго результата изъ спора не вышло. По второму вопросу повторилось тоже — и его не разрѣшили, потому что вопросъ касается хозяйственной части. Третій пунктъ привелъ къ такому же блистательному результату — рѣшили, что вопросъ не имѣетъ большаго значенія, а главную роль въ спорѣ играетъ конечный выводъ. Редуцировка антрацита въ уголь не привела тоже ни къ чему. Между тѣмъ г. Перозіо сталъ высказывать свое неудовольствіе на рѣшенія, находя ихъ пристрастными, и когда г. Серно-Соловьевичъ началъ представлять доказательства, что нѣкоторыя цифры приводимыя г. Перозіо не существуютъ ни въ *Отчетѣ* ни въ *Сравненіи*, г. Перозіо высказалъ свое неудовольствіе во всеуслышаніе и просилъ перейти прямо къ послѣднему пункту, — чтобы сдѣлать конечный выводъ и приговоръ — кто правъ, кто нѣтъ.

Среди замѣшательства и разговоровъ вызванныхъ этимъ замѣчаніемъ г. Перозіо, одинъ изъ его посредниковъ, г. Полетика — возвысилъ голосъ. Съ запальчивостью замѣтилъ г. Полетика суперарбитру, что не смотря на одобреніе публики, замѣчанія его не были уважены. Снова шумъ и говоръ и на хорахъ и въ залѣ и опять тотъ же посредникъ, задѣтый неизвѣстно чѣмъ, вдругъ вскакиваетъ и оставляетъ залъ. Предсѣдатель объявляетъ, что засѣданіе не можетъ продолжаться. «Продолжать.... продолжать.... кончить» требуетъ публика. Но предсѣдатель встаетъ еще разъ и объявляетъ въ короткой рѣчи — что мы не созрѣли для подобныхъ гласныхъ рѣшеній дѣлъ, что засѣданіе — кончено.

Къ кому же относится этотъ упрекъ въ незрѣлости? Неужели г. Ламанскій относилъ его къ публикѣ? Развѣ не заявила она своего участія и вниманія къ дѣлу больше чѣмъ оно того заслуживало? Или можетъ быть публика вела себя неприлично и мѣшала засѣданію? Въ числѣ *условій* было постановлено:— «присутствующіе имѣютъ значеніе свидѣтелей, и потому, подчиняясь всѣмъ условіямъ опредѣленнымъ для засѣданія, не имѣютъ права прерывать говорящихъ и принимать участіе въ спорѣ». А

г. суперарбитръ предъ началомъ диспута просилъ *воздерживаться* отъ выраженія удовольствія и не удовольствія. Были ли въ чемъ именно нарушены публикой эти условія? Участія въ спорѣ она принимала, — безъ этого залъ былъ бы пустъ, — но въ споръ не входила, да и не могла входить и ни разу не прервала его. Удовольствіе и неудовольствіе выражала безпрестанно, вслѣдствіе того живаго участія, которое она принимала въ дѣлѣ. Да развѣ это могло быть иначе? Публику просили *воздерживаться*; — она и воздерживалась сколько могла; а требовать отъ нея полной безгласности камня, значить не понимать ея силы и важности. Условія гласности потому и важны, что публика есть высшій судъ надъ судомъ; что ея удовольствіе и неудовольствіе есть основная пружина чистоты и справедливости дѣйствій тѣхъ лицъ, за которыми она слѣдитъ, что этимъ возбуждаются и поддерживаются силы дѣятелей. Въ этомъ только и заключается различіе гласности отъ безгласности, устно-публичнаго производства отъ закрытаго и тайнаго. Лишить общество права выражать громко свое мнѣніе значить уничтожать все его значеніе; это требовать одной формы, лишенной всякаго внутренняго содержания, всякаго смысла. Къ чему публика, ели ей позволяютъ думать только про себя и молчать? гораздо проще обходиться безъ публики, чѣмъ оскорблять ее, заставляя разыгрывать роль каменнаго пестука, или видѣть въ ней пестрое украшеніе арены, на которой подвизались такъ неудачно посредники гг. Смирнова и Перозіо. Не потому ли г. Ламанскій счелъ публику незрѣлой, что она шикала, когда посредники говорили не логично и бездоказательно, или аплодировали когда находили смыслъ и силу въ рѣчи? Г. суперарбитръ не обратилъ вѣроятно вниманія на одно весьма важное обстоятельство, что публика во всѣхъ своихъ «выраженіяхъ удовольствія и не удовольствія» показала смѣтливость, характеризующую складъ русскаго ума. Ей предлагали зрѣлище, — споръ двухъ господъ о томъ, кто изъ нихъ сказалъ правду; а публика хотѣла видѣть въ этомъ не потѣху, не праздное, воскресное занятіе, не споръ о добрѣ и злѣ, а разрѣшеніе основнаго вопроса степени чистоты дѣйствій директора-распорядителя русскаго общества пароходства и торговли. Отъ этого во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда вопросъ нерѣшался ни въ ту, ни въ другую сторону, или посредники не находили что сказать, ссылаясь на то, что вопросъ касается хозяйственной части или техническій, публика не скрывала своего смѣха; она понимала, что въ такомъ направленіи дѣла нѣтъ логики, что не возможно опредѣ-

литъ кто сказалъ правду — г. Смирновъ или г. Перозіо, пока не будутъ разобраны вполнѣ дѣла общества и что сущность вопроса заключается именно въ повѣркѣ дѣйствій директора-распорядителя.

Не потому ли публка не зрѣла, что она смѣется надъ смѣшнымъ, шикаетъ бездоказательному и не ведущему къ дѣлу и аплодируетъ тому что хорошо? Еще въ театрѣ и вообще въ дѣлѣ искусства мы можемъ шикнуть не впасть и аплодировать не кстатѣ, но въ тѣхъ случаяхъ гдѣ нужно простое пониманье простаго дѣла, едва ли будетъ справедливымъ обвинить русскаго человѣка въ недостаткѣ здраваго смысла, или заподозрить его въ неумѣннѣ отличить справедливое отъ несправедливаго?

Къ сожалѣнію не одинъ г. Ламанскій убѣжденъ въ нашей незрѣлости; между *присутствовавшими* нашлись люди того же взгляда на наше общество, приводившіе въ примѣръ чего-то англичанъ. Справедливо, что въ англичанахъ явилась привычка говорить рѣчи, а мы не имѣемъ еще этого навыка, потому что не имѣли случая приобрести его. Однимъ изъ доказательствъ, подтверждающихъ это замѣчаніе, можетъ служить непоследовательность и спутанность всего того, что говорили *и посредники* и безпрестанныя повторенія, отличавшія рѣчь г. Серно-Соловьевича. Г. Ламанскій, бросившій въ публку упрекъ въ незрѣлости доказать тоже, что не приобрѣлъ еще способности самообладанія. Что же касается до публки, то роль ея легче, и наша публка едва ли отстала отъ публки англійской. Стоитъ взять любую парламентскую рѣчь, чтобы убѣдиться какъ уважаютъ у англичанъ голосъ публки и какое важное значеніе даютъ тамъ «выраженіямъ ея удовольствія и неудовольствія». Всякое «браво», рукоплесканія и топанья отмѣчаются стенографами; чѣмъ предметъ засѣданія важнѣе, чѣмъ сильнѣе ораторъ, тѣмъ живѣе участіе публки, тѣмъ чаще и продолжительнѣе ея «браво», и рукоплесканія; а выраженіе англичанъ — «засѣданіе было очень бурное»? Трудно сказать, чѣмъ бы показалось такое бурное засѣданіе нашимъ ораторамъ, налагающимъ на публку *обязъ воздержанія!* И потомъ, что за наивное желаніе — чтобы русскій сдѣлался англичаниномъ! Если споръ гг. Перозіо и Смирнова былъ экзаменомъ для публки — она выдержала его отлично и доказала свое право на бѣльшее уваженіе, чѣмъ ей было показано; если же дѣло шло о томъ кто правъ — г. Перозіо или г. Смирновъ и точно ли директоръ-распорядитель русскаго общества пароходства и торговли сочиняетъ невѣрныя *сравненія*, то во-

прось этотъ не вышелъ нисколько яснѣе того, какъ онъ былъ и до диспута.

Н. Ш.

НЕКРОЛОГЪ.

Т. Б. Маколей.

Въ послѣднихъ числахъ декабря дошло до Петербурга извѣстіе о весьма чувствительной потерѣ, понесенной всѣмъ образованнымъ міромъ. Скончался, пятидесяти девяти лѣтъ отъ роду — ровесникъ XIX вѣку — одинъ изъ самыхъ даровитыхъ представителей его: историкъ, біографъ, ораторъ, критикъ и поэтъ Маколей.

Томасъ Бабингтонъ Маколей родился въ 1800 году въ имѣніи Ротлей-Тэмплъ, въ Лейсестершейрѣ. Отецъ его, Захарія Маколей, проведя большую часть своей молодости въ Ямаикѣ, такъ глубоко проникнулся ненавистью къ безнравственному явленію рабства, что впоследствии рѣшился посвятить нѣсколько лѣтъ изысканію средствъ къ улучшенію положенія африканскаго племени, подвергая здоровье свое разрушительному дѣйствію климата колоніи Сьерра Леоне въ Сенегамбін. За оказанные имъ подвиги человѣколюбія, онъ, послѣ смерти, удостоенъ памятника въ вестминстерскомъ аббатствѣ. Между тѣмъ молодой Томасъ Бабингтонъ, окончивъ свое воспитаніе въ кембриджскомъ университетѣ, въ 1822 году, сдѣланъ членомъ коллегіи св. Троицы (Trinity College), а въ 1826 вступилъ на поприще адвокатуры, къ которому, впрочемъ, имѣлъ мало естественнаго расположенія. Еще въ 1824 году, въ журналахъ «Etonian» и «Knight's Quarterly Magazine», явилось нѣсколько его стихотвореній, а два года спустя, статья о Мильтонѣ, помѣщенная имъ въ «Edinburgh Review», обратила вниманіе всей читающей публики на молодаго литератора. Вскорѣ послѣ этого, предводители вигской партіи, къ которой онъ, по либеральнымъ мнѣніямъ своимъ, принадлежалъ, доставили ему должность члена коммисіи для изслѣдованія банкротствъ, а въ 1830 году мѣсто въ нижней палатѣ, въ качествѣ представителя мѣстечка Кольнъ (Calne). Сверхъ того онъ былъ сдѣланъ секретаремъ государственнаго контроля (Board of Control). Какъ членъ палаты, онъ принялъ дѣятельное участіе въ преніяхъ по вопросу о парламентской

реформѣ и защищать политику министерства Грея противъ партіи Пилля, радикаловъ и рещлеровъ.

Достигнувъ такимъ образомъ политической извѣстности, Маколей въ 1832 году избранъ представителемъ богатаго мануфактурнаго города Лидса (Leeds), но черезъ два года оставилъ свое мѣсто въ парламентѣ и отправился въ Индію, куда онъ былъ назначенъ членомъ главнаго совѣта въ Калькуттѣ. Три года спустя онъ возвратился въ Англию, и воспользовался приобретеннымъ въ Индіи знаніемъ дѣлъ и исторіи этого края, чтобы написать два блестящихъ историческихъ очерка: лордъ Клейвъ и Уарренъ Гестингсъ. Продолжая столь успѣшно начатую политическую карьеру, Маколей въ 1839 году получилъ мѣсто перваго секретаря военнаго министерства, а въ 1840 году избранъ членомъ палаты отъ города Эдинбурга; во время втораго министерства сэра Роберта Пилля, Маколей былъ однимъ изъ значительнѣйшихъ членовъ вигской оппозиціи, требовавшей свободной торговли и другихъ либеральныхъ мѣръ.

До этого времени единственными стихотвореніями Маколей, извѣстными публикѣ, были нѣсколько балладъ, между которыми самыя замѣчательныя «Испанская Армада» и «Битва при Иври», но теперь онъ доказалъ свое дарованіе изданіемъ болѣе серьезнаго поэтическаго труда — «Пѣснь древняго Рима» (*Lays of ancient Rome*). Въ 1843 году онъ собралъ и напечаталъ отдѣльно свои критическіе и историческіе очерки, изданные уже ранѣе того въ Америкѣ. Последнею статьею, помѣщенной имъ въ *Edinburgh Review* была вторая часть очерка «лордъ Чатамъ», вполне достойная заключать собою рядъ такихъ блистательныхъ произведеній. Когда въ 1846 году партія виговъ, подъ предводительствомъ лорда Джона Росселя, вступила въ управленіе, Маколей былъ назначенъ казначеемъ военнаго вѣдомства (*Paymaster of the Forces*), съ правомъ голоса въ кабинетѣ министерства.

Вскорѣ послѣ этого назначенія между даровитымъ представителемъ города Эдинбурга и его избирателями, имѣвшими строгія и нѣсколько преувеличенныя протестантскія убѣжденія, произошло неудовольствіе, вслѣдствіе высказаннаго имъ мнѣнія въ пользу обезпеченія мейнутской католической семинаріи необходимыми средствами къ содержанію ея. Послѣдствіемъ этого разногласія было то, что при выборахъ 1847 года, граждане Эдинбурга вмѣсто Маколей избрали своимъ представителемъ

Кауэна (Cowen), имѣвшаго на дѣла церкви взглядъ, болѣе согласный съ ихъ понятіями.

Извѣстіе о лишеніи Маколей мѣста въ парламентѣ возбудило во всей Англій живѣйшее участіе, но почитатели его таланта утѣшали себя тѣмъ, что, по разнесшимся слухамъ, даровитый ораторъ намѣренъ былъ посвятить свои досуги великому труду — написать исторію Англій. Его парламентская дѣятельность, опытность, приобретенная имъ на политическомъ поприщѣ, знаніе какъ современной жизни, такъ и минувшихъ временъ, глубокія свѣдѣнія въ древнихъ литературахъ и не разъ уже доказанное имъ искусство увлекать читателей интересомъ своего разсказа — все это возбудило въ публикѣ величайшія ожиданія. Наконецъ, въ 1848 году, явился первый выпускъ исторіи, въ двухъ частяхъ, подъ заглавіемъ: «Исторія Англій отъ восшествія на престолъ Якова II», и успѣхъ ея, если только это было возможно, даже превзошелъ ожиданія. Въ томъ же году Маколей избранъ лордомъ-ректоромъ гласгоскаго университета, въ 1849 году назначенъ профессоромъ древней исторіи въ королевской академіи, а въ 1852 году нѣкоторые изъ его друзей предложили его избирателямъ Эдинбурга кандидатомъ на прежнее его мѣсто представителя ихъ въ парламентѣ. Маколей, помня сдѣланное ему оскорбленіе, не принявъ ни одной изъ установленныхъ обычаемъ мѣръ для приобретенія голосовъ, не говорилъ рѣчи избирателямъ и даже не явился на выборъ. Не смотря на это, онъ избранъ значительнымъ большинствомъ, и вновь вступилъ въ парламентъ. Двѣ рѣчи, сказанныя имъ въ первое время по вступленіи, по мнѣнію многихъ, нѣсколько ниже прежнихъ произведеній его политическаго краснорѣчія. Въ 1855 году явились 3-й и 4-й томы его исторіи, которые были приняты съ величайшимъ восторгомъ, а въ 1857 году его литературныя и политическія заслуги награждены званіемъ пера королевства и титуломъ: *Baron Macaulay of Rothley*. Въ послѣднихъ годахъ своей жизни Маколей, утомленный разнообразными испытаніями, вынесенными на многотрудномъ политическомъ поприщѣ, рѣдко принималъ участіе въ преніяхъ, чему, можетъ быть, способствовало и исключительное увлеченіе историческими трудами. По крайней мѣрѣ носятя слухи, что передъ смертью онъ успѣлъ окончательно приготовить къ изданію еще четыре тома своей исторіи. Если этотъ слухъ справедливъ, то, безъ сомнѣнія, мы скоро будемъ привѣтствовать появленіе въ печати послѣднихъ трудовъ знаменитаго историка.

Характеризуя свои историческіе труды, Маколей, въ предисловіи къ первымъ двумъ томамъ говоритъ, что многіе, безъ сомнѣнія, сочтутъ его унижившимъ такъ называемое достоинство исторіи, но онъ охотно примирится съ этимъ упрекомъ, если только будетъ признано, что ему удалось представить англичанамъ XIX вѣка живую картину жизни ихъ предковъ. Эти слова даровитаго писателя, сказанныя о немъ самомъ, заслуживаютъ величайшаго вниманія; но въ чемъ же бы могло состоять это униженіе, спросятъ читатели? Педанты науки могутъ найти его во введеніи въ исторію біографическихъ и нравоописательныхъ подробностей, дѣйствительно не входившихъ, по мнѣнію большинства писателей, въ область ея, хотя послѣдствіемъ этого исключенія было то, что многія историческія личности остаются для насъ какими-то отвлеченностями, которыя намъ даже трудно себѣ представить въ видѣ живыхъ людей. Напротивъ, читая Маколея, мы совершенно переносимся въ міръ минувшаго, живемъ одною жизнью съ изображаемыми имъ дѣятелими. Нѣкоторые утверждаютъ, что Маколей переноситъ свои политическія сочувствія и антипатіи въ минувшіе вѣка и, увлекая читателей, самъ слишкомъ сильно увлекается интересами лицъ, о которыхъ онъ повѣствуетъ, а потому однихъ идеализируетъ, а другихъ унижаетъ свыше мѣры. Судить о степени справедливости такого упрека мы не считаемъ себя призванными и оставляемъ судъ специалистамъ, — спросимъ однакоже: возможна ли совершенная безстрастность въ историкѣ, повѣствующемъ о минувшей жизни своего отечества и видящемъ въ нѣкоторыхъ дѣятеляхъ представителей началъ, возведшихъ его на высшую степень процвѣтанія, а въ другихъ — противниковъ этихъ началъ? Скажемъ еще болѣе: возможна ли эта безстрастность въ человѣкѣ, всю свою жизнь ратовавшемъ за тѣ же начала на поприщѣ политическомъ? Достоверно то, что съ натуры Маколея такая безстрастность, такое эпическое спокойствіе были непримиримы. Маколей не мыслитель, не моралистъ, а живописецъ: яркость красокъ и смѣлость очерковъ его главныя достоинства и эти достоинства, которыхъ безъ увлеченія въ самоѣ писателѣ нельзя себѣ и представить, съ такимъ блескомъ выказываются во всѣхъ его произведеніяхъ, что какой бы приговоръ ни состоялся о немъ, собственно какъ объ историкѣ, онъ, безъ сомнѣнія, будетъ жить въ памяти потомства какъ безсмертный художникъ.

То, что мы сказали о художественныхъ достоинствахъ прозы

Маколя; въ той же мѣрѣ относится и къ его стихотвореніямъ, конечно, соотвѣтственно различію предметовъ. По прочтеніи ихъ, особенно яркими остаются въ памяти картины маленькой поэмы «Виргинія», третьей между «Пѣснями древняго Рима»; рѣчи трибуна Ицилія и самого Виргинія, отца несчастной дѣвушки, находящіяся въ этой поэмѣ, принадлежать къ лучшимъ произведеніямъ англійской поэзіи.

О частной жизни Маколя извѣстно, что онъ никогда не былъ женатъ, такъ, что дарованный ему титулъ долженъ перейти къ одному изъ его братьевъ.

Ө. НЕНАРОКОМОВЪ.

ОБЩЕСТВЕННАЯ ЖИЗНЬ ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ.

Съ новымъ годомъ, съ новымъ счастьемъ. — Нѣсколько словъ о старомъ. — Турниръ въ пассажѣ и гордіевъ узелъ, разсѣченный г. Ламанскимъ. — Наивность одного изъ нашихъ музыкальныхъ критиковъ. — Задача музыкальнаго общества. — Вечера г. Рубинштейна. — О прїѣзжихъ артистахъ. — О концертахъ въ университетѣ. — Трубадуръ на русской сценѣ. — Торжество въ императорской академіи наукъ. — Юбилей императорской академіи художествъ. — Публичныя лекціи. — Новый клубъ. — Шахматный турниръ. — Мелочи.

Съ новымъ годомъ, съ новымъ счастьемъ!...

Сколько сладостныхъ надеждъ цѣпляется за это стереотипное выраженіе для однихъ, сколько горькой, ядовитой насмѣшки въ этомъ выраженіи для другихъ. Немного счастливицевъ, которымъ новый годъ несетъ новое счастье; больше такихъ, которымъ новый годъ приноситъ только *новыя заплаты на..... старое платье.*

Нѣтъ сомнѣнія, каждому изъ насъ хотѣлось бы приподнять занавѣсъ, съ надписью: 1860, и хоть однимъ глазкомъ заглянуть въ грядущее; но развѣ это возможно?.. Будемъ же благоразумны и, отъ нечего дѣлать, вспомнимъ прошедшее. Прошлый годъ, какъ и тысяча его предшественниковъ, былъ и хорошъ и дуренъ. Съ одной стороны утраты, понесенныя въ лицѣ, напримѣръ Гумбольдта, Риттера, Макколея, Шпора, Грима и т. д. могутъ заставить насъ помянуть 1859 годъ лихомъ; съ другой стороны развѣ мало хорошаго далъ намъ этотъ почтенный покойникъ? Оставляя все болѣе или менѣе отвлеченныя философствованія, я обращаюсь прямо къ своему дѣлу; на первомъ планѣ въ картинѣ минувшихъ событій маленькой петербургской общественной жизни стоитъ *ужасный бой г. Перозіо съ г. Смирновымъ.*

Узелъ этой страшной исторіи завязался такимъ образомъ: г. Перозіо напечаталъ статью, гдѣ обличались не совсѣмъ блестящее положеніе «Русскаго общества пароходства и торговли» и невѣрныя показанія директора-распорядителя этого общества г. Новосильскаго. Статья г. Перозіо вызвала возраженія и контр-обличенія со стороны означеннаго общества, представителемъ и защитникомъ котораго явился г. Смирновъ. Когда узелъ завязался, явилась, очень естественно, потребность развязать его.

Отд. III.

½ 8

«Дѣло въ томъ, написалъ между прочимъ г. Перозіо, послѣ нѣкоторой полемики, что мы, т. е., и вы (г. Смирновъ) и я, спутаемъ наконецъ читателя этими длинными рядами цифръ и арифметическихъ выводовъ; документовъ у нихъ нѣтъ подъ руками и, слѣдовательно, имъ приходится вѣрить на слово: мнѣ, когда я говорю, что вы все сочиняете; вамъ, когда вы обвиняете меня въ недобросовѣстности и желаніи «запятнать» и т. д. И вы сыплете цифрами, и у меня ихъ не мало; согласитесь, что у читателя по неволѣ кругомъ пойдетъ голова, если онъ захочетъ разъяснить себѣ этотъ вопросъ. Но тутъ еще не дѣло въ массѣ читателей; мы споримъ въ виду читателей, такъ сказать, *специальныхъ*, подъ которыми я понимаю акціонеровъ *Общества Русскаго пароходства и торговли*. Людямъ этимъ, положившимъ свои капиталы въ предпріятіе и ожидающимъ отъ него великихъ и богатыхъ милостей, мы доказываемъ: я — что дѣла общества въ плохомъ положеніи и что г. директоръ-распорядитель сообщаетъ публикѣ самыя невѣрныя свѣдѣнія о ходѣ ихъ; вы — что все идетъ прекрасно и что я безсовѣстно лгу. У насъ обонхъ въ рукахъ цифры, мы оба обвиняемъ повидимому не голословно. Итакъ гг. акціонеры общества должны стоять между страхомъ и надеждою; такъ не лучше ли разомъ уничтожить страхъ или разсѣять надежды? Перепискою и печатною полемикою мы никогда не уяснимъ какъ слѣдуетъ, дѣла, да и согласитесь, надоѣдимъ читателямъ и собьемъ окончательно съ толку акціонеровъ, чего, не знаю какъ вы г. Смирновъ, а я рѣшительно не желаю. По моему вопросъ объ обвиненіи кого-нибудь въ недобросовѣстности или въ неправильности дѣйствій и т. п. вопросъ юридической. Такъ почему бы намъ не примѣнить здѣсь систему гласнаго судопроизводства, котораго мы всѣ такъ добиваемся. Чтобы не тратить времени въ разсужденіяхъ, объяснюсь покороче: я объявляю, что готовъ доказать г. Смирнову, *устно, съ документами въ рукахъ, цифра за цифрой, въ присутствіи сколькихъ угодно посредниковъ* всю истину показаній, которыя я дѣлалъ до-сихъ-поръ по поводу положенія дѣлъ Русскаго Общества пароходства и торговли. Я предлагаю это объясненіе г. Смирнову и вообще каждому, кто только пожелаетъ, съ тѣмъ, конечно, чтобы рѣшенія посредниковъ были потомъ оглашены во всеобщее свѣдѣніе...»

Тамъ была брошена перчатка; благородный противникъ поднялъ ее и они сразились... Вотъ тутъ-то и начинается самая сущность исторіи. Публика въ числѣ полутысячи, собравшаяся

въ залѣ пассажа, приняла живое участіе въ турнирѣ и это-то участіе и послужило поводомъ къ преждевременной развязкѣ. Суперарбитръ, г. Ламанскій, подобно великому герою, разсѣкъ узелъ, вѣсто того, чтобы распутывать его. Онъ весьма безцеремонно объявилъ почтенной публикѣ, что она еще не созрѣла для гласнаго судопроизводства и потому онъ, суперарбитръ, прекращаетъ засѣданіе. Почтенная публка разошлась въ полномъ убѣжденіи, что г. Ламанскій могъ бы сказать и болѣе. Дѣло осталось не рѣшеннымъ, но большинство присутствовавшихъ на турнирѣ осталось на сторонѣ г. Перозіо и его защитника г. Полетики. Хотя суперарбитръ г. Ламанскій и распекъ публику, но она не менѣе того убѣдилась, не одна она не созрѣла для гласнаго судопроизводства. Я не сказалъ, что участіе публики выразилось въ громкихъ рукоплесканіяхъ г. Полетикѣ и шиканіи г. Серно-Соловьевичу, тому самому, который еще такъ недавно блеснулъ краснорѣчіемъ и жаромъ.. Sic transit gloria mundi!.....

Не менѣе грустный фактъ представляется достойнымъ петербуржцамъ въ какой-то странной неприязни нѣкоторыхъ господъ къ только что составившемуся у насъ русскому музыкальному обществу. Между прочимъ, не могу отказать себѣ въ удовольствіи указать на замѣчательную наивность одного изъ петербургскихъ музыкальныхъ критиковъ. Г. Ростиславъ, въ статьѣ своей по поведѣ новаго музыкальнаго общества, приводитъ письмо изъ Курска, въ которомъ говорится, между прочимъ, слѣдующее :

«Программа, вами представленная, весьма заманчива, но скажите пожалуйста, какъ же для такого обширнаго, вполне національнаго предпріятія, не нашлось у васъ нѣсколько человѣкъ, пользующихся уже всеобщою, или *по малой мѣрѣ, всероссійскою* извѣстностью.. Какъ вы тамъ ни расписывайте, а до насъ въ провинціи, изъ числа *избранныхъ* (къмъ же избраннымъ, если вы сами же говорите, что общество только что формируется) пяти директоровъ, только имя Рубинштейна дошло кое-какъ до свѣдѣнія публики. И то говорю кое-какъ, т. е. по слухамъ, а не по дѣяніямъ, потому что, какъ виртуоза, мы Рубинштейна здѣсь не слышали, и сочиненія его не распространены еще по всей Россіи. Не знаю, какъ у васъ объ этомъ разсуждаютъ, а у насъ, въ провинціи, поговариваютъ, что въ главѣ серьезнаго русскаго музыкальнаго общества необходимо должно красоваться имя заслуженнаго, извѣстнѣйшаго любителя-виртуоза, представителя, можно сказать, русскаго музыкальнаго міра, Алексѣя

Федоровича Львова. Ему обязаны мы національнымъ гимномъ, ему обязаны мы правильнымъ переложениемъ на четыре голоса церковнаго обихода; трудъ можетъ быть, и не совсѣмъ благодарный, судя по оппозиціи нѣкоторыхъ, но во всякомъ случаѣ — громадный. Да, мало ли еще чѣмъ, русскій музыкальный міръ обязанъ почтеннѣйшему любителю-труженику Алексѣю Федоровичу Львову. Согласитесь послѣ этого, что для насъ, провинціаловъ, одного отсутствія имени Алексѣя Федоровича Львова между учредителями, достаточно, чтобы внушить нѣкоторое недовѣріе ко вновь учредившемуся обществу. Потому есть и другія имена, извѣстныя de facto всей Россіи, какъ на примѣръ: Верстовскаго, Даргомыжскаго или даже ваше (т. е. настоящее ваше имя; а не псевдонимъ.) За двадцать лѣтъ предъ симъ романсы ваши распѣвались во всѣхъ закоулкахъ, да и теперь подъ часъ разыгрываются провинціальными оркестрами или распѣваются *сентиментальными барышнями*, въ чемъ вы сами могли удостовѣриться въ послѣдній вашъ проѣздъ чрезъ отдаленныя наши страны и проч.»

Ей Богу, я давно не читалъ ничего подобнаго! Имя г. Ростислава извѣстно de facto всей Россіи, а имя Рубинштейна *кое-какъ* дошло до свѣдѣнія публики... Ай да Курскъ! Должно сознаться, что онъ издавна славится соловьями, а ужъ знатоками музыки не можетъ похвастаться. Избави Богъ отъ такихъ судей!. Со стороны же г. Ростислава наивность такая была бы очень мила, еслибъ онъ принадлежалъ къ прекрасному полу и начиналъ только свою семнадцатую весну....

Музыкально еобщество, однакожъ, идетъ своей дорогой; вотъ задача, которую оно предложило на дняхъ и правила для музыкальнаго конкурса на 1860 годъ.

«Русское музыкальное общество» на основаніи § 2 Высочайше утвержденнаго, въ 1-й день мая 1859 г. устава, предлагаетъ на конкурсъ 1860 года: *написать «Кантату для хора и оркестра» на извѣстное стихотвореніе А. С. Пушкина «Пиръ Петра Перваго»*, въ томъ видѣ, какъ оно при семъ прилагается.

ПИРЪ ПЕТРА ПЕРВАГО.

Стихотвореніе А. С. Пушкина.

Надъ Невою рѣзво вьются
 Флаги пестрые судовъ;
 Звучно съ лодокъ раздаются
 Пѣсни дружныя гребцовъ;

Въ царскомъ домѣ пиръ веселой;
Рѣчь гостей хмѣльна, шумна,
И Нева пальбой тяжелой
Далеко потрясена.

Что пируетъ царь великій
Въ Петербургѣ-городкѣ?
Отчего пальба и клики
И эскадра на рѣкѣ?
Озаренъ ли честью новой
Русскій штыкъ, иль русскій флагъ?
Побѣжденъ ли шведъ суровой?
Мира ль просить грозный врагъ?

Иль въ отъятый край у шведа
Прибыль Брантовъ утлый боть,
И пошелъ на встрѣчу дѣда
Всей семьей нашъ юный флотъ,
И воинственные внуки
Стали въ строй предъ старикомъ;
И раздался въ честь науки
Пѣсень хоръ и пушекъ громъ?

Годовщину ли Полтавы
Торжествуетъ государь,
День, какъ жизнь своей державы
Спасъ отъ Карла русскій царь?
..... *)

Нѣтъ, онъ съ подданнымъ мирится;
Виноватому вину
Отпуская, веселится;
Кружку пѣнить съ нимъ одну;
И въ чело его цѣлуетъ
Свѣтель сердцемъ и лицомъ;
И прощенье торжествуетъ,
Какъ побѣду надъ врагомъ.

Оттого-то шумъ и клики
Въ Петербургѣ-городкѣ,
И пальба и громъ музыки
И эскадра на рѣкѣ;
Оттого-то въ часъ веселой
Чаша царская полна,
И Нева пальбой тяжелой
Далеко потрясена.

*) Здѣсь выпущены четыре стиха, неудобные (что понятно всякому музыканту) для положенія на музыку.

Условія конкурсной задачи слѣдующія:

1) Расположеніе частей кантаты предоставляется усмотрѣнію соискателя, но желательно чтобъ она приближалась къ формѣ ораторій, т. е., содержала бы въ себѣ, независимо отъ хоровъ, арію или дуэты, или тріо, или другія сопряженія голосовъ, по выбору автора.

2) Партитура должна быть переписана *четко* и доставлена въ Русское Музыкальное Общество не позже 1-го сентября 1860 года *).

3) На каждой партитурѣ долженъ находиться какой-либо девизъ, и тотъ же самый девизъ долженъ быть написанъ на оберткѣ *запечатанной* записки, которая должна быть приложена къ партитурѣ и содержать въ себѣ: имя, званіе и мѣсто жительства автора.

4) Если имя автора будетъ означено на самой партитурѣ, то такая партитура къ соисканію не допускается, а возвращается автору — ибо общество, при сужденіи о музыкальныхъ произведеніяхъ, къ нему доставляемыхъ, имѣетъ въ виду единственно достоинство самого сочиненія, а не имя автора.

5) Къ соисканію допускаются всѣ русскіе подданные безъ исключенія.

6) За партитуру, которая, по обсужденію въ обществѣ, на основаніи § 12 Высочайше утвержденнаго устава, будетъ признана лучшею, выдается сочинителю — *золотая медаль*, цѣвностью въ пятьдесятъ рублей серебромъ; и независимо отъ медали, *денежная премія* въ двѣсти рублей серебромъ; имя автора обнародывается для всеобщаго свѣдѣнія; сочиненіе его исполняется въ одномъ изъ музыкальныхъ вечеровъ общества, и сверхъ того, авторъ получаетъ право бесплатнаго входа на всѣ музыкальные вечера общества.

7) За партитуру, достоинствомъ наиболѣе приближающуюся къ первой, назначается въ награду *серебряная медаль*, съ денежною премією въ сто двадцать пять рублей серебромъ; исполненіе, или же неисполненіе сочиненія будетъ зависѣть отъ усмотрѣнія комитета общества, на основаніи § 12 его устава.

8) Партитуры, неудостоеенныя награды, хранятся въ обществѣ, безъ распечатанія приложенныхъ при нихъ записокъ или

*) На имя Александра Сергѣевича Даргомыжскаго, живущаго въ С. Петербургѣ, на Моховой улицѣ, въ домѣ Исакова.

же возвращаются автору, если онъ того пожелаетъ, но иначе, какъ по объявленіи имъ девиза. Если, по истеченіи года со времени обнародыванія въ газетахъ отчета о конкурсѣ, авторъ такой партитуры не объявитъ желанія получить ее обратно, то записка, содержащая означеніе имени, сжигается въ присутствіи комитета, а самая партитура поступаетъ въ бібліотеку общества.

У директора этого общества, нашего знаменитаго виртуоза и пьяниста Рубинштейна собирались по субботамъ почти всѣ извѣстнѣйшіе артисты: Шубертъ, Пиккель, Альбрехтъ, Мнкусъ, Дробишъ, и т. д. и множество любителей. Безъ всякаго преувеличенія можно сказать, что вечера эти приносили истинное наслажденіе всѣмъ, кто бывалъ на нихъ. Только при такомъ совершенномъ безукоризненномъ исполненіи, выставляются всѣ достоинства и истинная красота строгой, классической музыки. Вечера эти къ сожалѣнію прекратились теперь, такъ какъ субботы посвящены публичнымъ квартетамъ.

Чтобы за одно угостить читателя еще новостями въ музыкальномъ мірѣ, я могу сообщить, что въ Петербургѣ теперь съѣхались нѣсколько знаменитыхъ артистовъ. Во-первыхъ Беріо, имя котораго пользуется и такою громкою извѣстностью и такою любовью; къ несчастію этотъ уважаемый артистъ слѣпъ и не является уже восхищать публику своею чудною игрою. Беріо приглашенъ въ Россію княземъ Николаемъ Борисовичемъ Юсуповымъ. Во-вторыхъ здѣсь знакомая Петербургу и любимая имъ молодая пьянистка Ингеборъ-Штаркъ. Въ третьихъ молодой вьелончелистъ Шмидтъ, въ четвертыхъ молодой пьянистъ Трестеръ... Послѣдній будетъ играть, если не игралъ уже, въ одномъ изъ университетскихъ концертовъ.

Кстати, два слова, которыя относятся къ распорядителю этихъ концертовъ, нашему уважаемому артисту г. Шуберту. Почти всѣ пьесы, исполняемыя оркестромъ, идутъ очень хорошо, но *соло*, должно сказать откровенно, весьма часто хромаютъ. Г. Шуберта можно попрекнуть въ томъ, что онъ не слишкомъ строгъ въ выборѣ солистовъ и солистокъ; такъ недавно, напримѣръ, мнѣ привелось прослушать такую пѣвицу, отъ которой да спасетъ Господь всякаго, у кого есть хоть немного вкуса и слуха. Можетъ быть еще, что эта прекрасная и молодая особа могла бы пѣть порядочно легкіе романсы, но за большія и серьезныя вещи, какъ, напримѣръ, «Casta diva», ей браться не слѣдуетъ. Студенты, вѣроятно, по праву хозяевъ, рукоплещутъ весьма, иногда черезъ мѣру, усердно.

На сценѣ русской оперы явилась недавно, въ бенефисъ г-жи Леоновой, очень пріятная новость — «Трубадуръ». Очень трудно было слушателямъ воздержаться отъ сравненія, очень трудно было нашимъ артистамъ выдержать это сравненіе, но слѣдуетъ отдать имъ полную справедливость, они вышли изъ затруднительнаго положенія со славою. Пальма первенства въ этомъ дѣлѣ принадлежитъ, безспорно, г-жи Леоновой, исполнившей роль Азучены, какъ въ музыкальномъ отношеніи, такъ и въ драматическомъ, превосходно. Игра этой артистки и пѣніе были полны дарованія, одушевленія, искусства и знанія своей роли. Роль Азучены будетъ, безъ сомнѣнія, лучшею ролюю г-жи Леоновой. Г-жа Майкова не обладаетъ большимъ и сильнымъ голосомъ, но исполнила свою партію весьма добросовѣстно и не дурно. Г. Сѣтовъ исполнилъ свое дѣло очень хорошо....

Въ концѣ прошлаго мѣсяца, 29-го декабря, любители просвѣщенія и наукъ были приглашены присутствовать на торжественномъ собраніи императорской академіи наукъ, по случаю празднованія дня ея учрежденія.

Императорская академія художествъ, желая ознаменовать торжество юбилея столѣтняго существованія своего, имѣющаго совершиться въ 1864 году, доставленіемъ къ тому времени альбома изъ художественныхъ твореній художниковъ, получившихъ въ ней образованіе и заслужившихъ вниманіе по своему таланту, согласно волѣ Ея Императорскаго Высочества, президента академіи, честь имѣетъ извѣстить о семъ всѣхъ своихъ гг. членовъ и художниковъ, приглашая ихъ къ содѣйствію академіи въ такомъ предпріятіи, доставленіемъ въ оную, какъ собственныхъ рисунковъ, такъ и произведеній умершихъ уже русскихъ художниковъ, для пріобрѣтенія или снятія съ нихъ вѣрныхъ копій для помѣщенія въ альбомъ. Озабочиваясь исполненіемъ столь многодѣльнаго труда и желая, для сей цѣли, имѣть вѣрныя данныя, академія покорнѣйше проситъ гг. членовъ и художниковъ, доставить къ 1-му январю 1860 года въ академическое правленіе свѣдѣнія: кто изъ нихъ готовъ принять участіе въ составленіи помянутаго альбома, и къмъ какія будутъ доставлены художественныя произведенія?

Въ непродолжительномъ времени въ императорской академіи художествъ будетъ открыта, г. Анджело-Гатти, выставка произведеній флорентинской скульптуры.

Публичныя лекціи въ пассажѣ, въ нынѣшнемъ мѣсяцѣ, будутъ читаться въ такомъ порядкѣ: по вторникамъ — докторъ

А. Ходневъ, по четвергамъ — профессоръ Е. Пеликанъ, по средамъ — профессоръ П. Лебедевъ, о военной администраціи, по пятницамъ — полковникъ Романовскій, объ исторіи кавказской войны, по понедѣльникамъ — профессоръ Калиновскій, о свободной торговлѣ, и академикъ И. Желѣзновъ, о сельскомъ хозяйствѣ.

«Будущее лѣто, сказано въ «Морскомъ Сборникѣ», мы увидимъ гонки не однихъ перевозныхъ яликовъ и вельботовъ. Владѣльцы нѣкоторыхъ гребныхъ судовъ и охотники до катанія на шлюпкахъ, подъ парусами и на веслахъ, намѣрены испросить позволеніе учредить клубъ, съ цѣлью развить въ петербургскихъ жителяхъ охоту къ шлюпочной ѣздѣ, къ ходбѣ на лыжахъ по водѣ и плаванію, а зимою къ катанію на буерахъ и конькахъ. Такимъ образомъ, благодаря учредителямъ шлюпочнаго клуба, воскреснетъ и *невскій флотъ*, и въ публикѣ распространится сочувствіе къ любимому предмету основателя столицы, отвыкшей отъ мысли, что она находится на прекрасной судоходной рѣкѣ, съ ея развѣтвленіями и каналами, и у порога моря. Независимо отъ популяризаціи шлюпочныхъ и гимнастическихъ упражненій, клубъ этотъ неизбежно дастъ благодѣтельный толчекъ развитію шлюпочнаго мастерства. Къ довершенію всего этого, клубъ, при благопріятныхъ обстоятельствахъ, будетъ издавать листокъ, въ которомъ предполагается помѣщать статьи, относящіяся до круга его дѣйствій, какъ напримѣръ, отчеты о гонкахъ, описанія отдѣльныхъ плаваній шлюпокъ въ рѣкѣ, на взморьѣ, въ Стрѣльну, Петергофъ, Кронштадтъ и проч. правила шлюпочнаго вооруженія и маневровъ, переводныя статьи о подобныхъ клубахъ въ чужихъ краяхъ и проч. и проч.

Удержится ли этотъ клубъ? Какъ-то страшно за него, когда на память приходитъ покойный шахматный клубъ...

Въ этой же книжкѣ вы, любезный читатель, вѣроятно не безъ удовольствія прочтете сказаніе о бывшемъ у графа Г. А. Куселева-Безбородко шахматномъ турнирѣ. Изъ двадцати четырехъ игроковъ, трое получили призъ. Первый призъ достался И. С. Шумову.

Все, что сколько нибудь интересно въ нашей общественной жизни я, по возможности, сообщилъ и полагаю, что можно и остановиться. Не рассказывать же вамъ о томъ, напримѣръ, что въ одномъ ресторанѣ произошла на дняхъ драка, въ которой одному молодцу *оторвали мизинецъ*. Какъ это случилось я не

знаю, поучительно только то, что въ ресторанѣ человѣкъ можетъ потерять не только трость, перчатки и т. п., но и мизинецъ. Не думаю также чтобы вамъ интересно было узнать, что какой-то домашній учитель упалъ и откусилъ себѣ языкъ; что миссъ Юлія Пастрана переселилась въ вѣчность; что Г. М. З. прославляетъ филантропію своего редактора; что на улицахъ грязь и ухабы и проч. и проч.

Е. МОЛЛЕРЪ.

ШАХМАТНЫЙ ЛИСТОКЪ.

№ 13.

- (ВТОРОЙ ГОДЪ.)

Объ изданіи Шахматнаго Листка въ нынѣшнемъ году. — Теорія киперганей (статья 2-я). — Шахматный турниръ у гр. Кушелева-Безбородко. — Партии: И. С. Шумова съ княземъ С. С. Урусовымъ. В. М. Михайлова съ Д. С. Стерновомъ и Э. И. Форшемъ. — Рѣшеніе задачъ. — Задачи. — Корреспонденція.

Всѣмъ извѣстно, что число шахматныхъ любителей въ Россіи крайне ограничено; на сто человѣкъ ежедневно посвящающихъ нѣсколько часовъ карточной игрѣ, считающихъ умѣнье играть въ карты необходимою принадлежностью всякаго порядочнаго человѣка, едвали найдется одинъ, знакомый съ шахматною игрой. По этому мы сильно опасались, предпринимая годъ тому назадъ изданіе Шахматнаго Листка, что онъ не встрѣтитъ въ нашей публикѣ никакого сочувствія и можетъ быть даже принужденъ будетъ, по недостатку читателей, прекратиться съ исходомъ перваго года своего существованія. Эти опасенія оказались однако преувеличенными; втеченіе мнувшаго года мы получили большое количество писемъ, которыя доказываютъ, что шахматная игра распространена въ Россіи болѣе чѣмъ мы предполагали, что многіе любители были обрадованы появленіемъ русскаго шахматнаго обозрѣнія и внимательно слѣдили за его ходомъ. Стало быть Шахматному Листку нѣтъ причины умирать преждевременною смертію; мы даже надѣемся, что въ настоящемъ году онъ будетъ гораздо полнѣе и занимательнѣе чѣмъ въ предыду-

щемъ. Надежда эта основана на обѣщаніи нѣкоторыхъ шахматныхъ писателей, пользующихся всеобщемо извѣстностью, оказать содѣйствіе нашему обозрѣнію. Величайшій теоретикъ нашего времени, К. А. Янишъ, обѣщаетъ намъ на нынѣшній годъ новые анализы нѣкоторыхъ дебютовъ; А. Д. Петровъ—замѣчания объ играхъ Морфи и «Разказы изъ жизни шахматныхъ игроковъ». Кн. С. Урусовъ по прежнему остается постояннымъ сотрудникомъ Листка. Германскій писатель Фонъ Оппенъ также изъявилъ готовность сообщать намъ время отъ времени небольшія статьи; *) сверхъ того, молодой венгерскій игрокъ Колишъ, изумляющій теперь своимъ искусствомъ парижанъ, **) предложилъ намъ постоянное участіе въ Листкѣ и если онъ приметъ сообщенныя ему редакцію, въ отвѣтъ на его предложеніе, условія, то Листокъ будетъ ежемѣсячно получать самыя свѣжія извѣстія о шахматной жизни Парижа.

Теорія киперганей (статья 2 л). *** Возвратимся еще разъ къ тому случаю, когда черные имѣютъ ладейную пѣшку, случаю самому обыкновенному и въ тоже время самому выгодному для бѣлыхъ. Съ перваго взгляда можетъ казаться, что присутствіе противустоящей бѣлой ладейной пѣшки должно бы затруднить выполненіе обратнаго мата. На дѣлѣ выходитъ совсѣмъ иное, какъ видно изъ слѣдующихъ примѣровъ.

Рѣшеніе диаграммы XIV.

Въ этомъ, простѣйшемъ случаѣ, вспомогательный бѣлый слонъ дѣлается излпшнимъ.

1) b2—e2+	a1—b1	4) e2—d2+	d1—e1
2) c3—d4	b1—c1	5) b2—c3	e1—f1
3) d4—b2+	c1—d1	6) d2—g2	h3—g2 ^o ×

*) Само собою разумѣется, что статьи иностранныхъ писателей будутъ помѣщаться въ Листкѣ въ русскомъ переводѣ и съ принятою нами для обозначенія ходовъ нотацией.

**) По послѣднимъ извѣстіямъ г. Колишъ одержалъ верхъ надъ всѣми парижскими игроками не включая самаго Гаррвитца.

***) Первая статья напечатана въ XI-мъ номерѣ Листка.

РѢШЕНИЕ ДИАГРАММЫ XV. *)

1) $b2-b4+$	$a1-a2$	6) $c4-e4+$	$e1-f1$
2) $b4-a4+$	$a2-b1$	7) $b3-d1+$	$f1-f2$
3) $c3-b3+$	$b1-c1$	8) $d1-b1$	$f2-f3$
4) $a4-c4+$	$c1-d2$	9) $b1-h1+$	$f3-f2$
5) $b8-f4+$	$d2-e1$	10) $f4-g3+$	$h4-g3^\circ \times$

Если пятымъ ходомъ черные пойдутъ на $e2$, то это нисколько не измѣнитъ рѣшенія, а если шестымъ сыграютъ $e1-f2$, то матъ бѣлымъ будетъ еще скорѣе, а именно въ 9 ходовъ.

Теперь покажемъ какимъ образомъ надлежало бы измѣнить эти ходы, если бы, какъ въ диаграммѣ XVI, бѣлые имѣли еще пѣшку на $g2$, отъ которой имъ нельзя освободиться.

РѢШЕНИЕ ДИАГРАММЫ XVI.

1) $b2-f2+$	$a1-b1$	6) $f1-h1$	$d2-e3$
2) $c3-d4$	$b1-c1$	7) $b8-f4+$	$e3-f2$
3) $d4-e4$	$c1-d1$	8) $c4-d4+$	$f2-e2$
4) $e4-c4$	$d1-e1$	9) $d4-e4+$	$e2-f2$
5) $f2-f1+$	$e1-d2$	10) $f4-g3+$	$h4-g3^\circ \times$

РѢШЕНИЕ ДИАГРАММЫ XVII.

1) $b2-f2+$	$a1-b1$	7) $h1-h2$	$e3-f3$
2) $c3-d4$	$b1-c1$	8) $c8-f5$	$f3-e3$
3) $d4-e4$	$c1-d1$	9) $c4-d3+$	$f3-f4$
4) $e4-c4$	$d1-e1$	10) $d3-d5$	$f4-e3$
5) $f2-f1+$	$e1-d2$	11) $d5-e5+$	$e3-f3$
6) $f1-h1$	$d2-e3$	12) $f5-g4+$	$h5-g4^\circ \times$

*) Однѣ изъ сильнѣйшихъ германскихъ игроковъ, Максъ Беццель, въ Баваріи, знаменитый въ особенности составленіемъ чрезвычайно сложныхъ и трудныхъ задачъ, оцѣнивъ вполне превосходный трудъ г. Яниша о кипергаиѣхъ, занялся подробнымъ разсмотрѣніемъ приводимыхъ авторомъ положеній съ тѣмъ, чтобы убѣдиться нельзя ли сократить предложенныя имъ рѣшенія и дѣйствительно нашелъ возможнымъ, въ положеніи диагр. XVII и еще нѣкоторыхъ другихъ, выполнить обратный матъ нѣсколькими ходами скорѣе. Результатъ своихъ изысканій г. М. Беццель сообщилъ К. А. Янишу, который передалъ его намъ и мы сообщаемъ здѣсь, разумеется, уже сокращенныя рѣшенія. Надо замѣтить, что авторъ теоріи кипергаиѣ имѣлъ преимущественно цѣлю доказать возможность обратнаго мата при извѣстномъ, часто встрѣчающемся на практикѣ, превосходствѣ силъ одной стороны, а потому весьма естественно, если въ нѣкоторыхъ и то весьма немногихъ случаяхъ, онъ упустилъ изъ виду кратчайшее рѣшеніе.

Если бы бѣлые имѣли еще пѣшку на g3, какъ это изображено въ диаграммѣ XVIII, то выполненіе обратнаго мата должно быть измѣнено слѣдующимъ образомъ.

РѢШЕНІЕ ДИАГРАММЫ XVIII.

1) b2—f2+	a1—b1	7) h1—h2	e3—f3
2) c3—d4	b1—c1	8) c8—f5	f3—e3
3) d4—e4	c1—d1	9) c4—c5+	e3—f3
4) e4—c4	d1—e1	10) c5—d5+	f3—e3
5) f2—f1+	e1—d2	11) d5—e5+	e3—f3
6) f1—h1	d2—e3	12) f5—g4+	h5—g4°X

РѢШЕНІЕ ДИАГРАММЫ XIX.

1) b2—f2+	a1—b1	8) h2—a2	f3—e3
2) c3—d4	b1—c1	9) a2—e2+	e3—f3
3) d4—e4	c1—d1	10) c4—d3+	f3—f4
4) e4—c4	d1—e1	11) d3—e3+	f4—f5
5) f2—f1+	e1—d2	12) e3—h3+	f5—f4
6) f1—h1	d2—e3	13) d8—g5+	h6—g5°X
7) h1—h2	e3—f3		

РѢШЕНІЕ ДИАГРАММЫ XX.

1) b2—f2+	a1—b1	8) c4—d3+	f3—f4
2) c3—d4	b1—c1	9) h2—f2+	f4—e5
3) d4—e4	c1—d1	10) f2—e2+	e5—f6 *)
4) e4—c4	d1—e1	11) d3—e3	f6—f5
5) f2—f1+	e1—d2	12) e3—e4+	f5—f6
6) f1—h1	d2—e3	13) e4—h4+	f6—f5
7) h1—h2	e3—f3	14) e8—g6+	h7—g6°X

РѢШЕНІЕ ДИАГРАММЫ XXI.

1) b2—f2+	a1—b1	8) c4—d3+	f3—f4
2) c3—d4	b1—c1	9) e8—b5	f4—e5
3) d4—e4	c1—d1	10) b5—c4	e5—f4
4) e4—c4	d1—e1	11) h2—h4+	f4—e5
5) f2—f1+	e1—d2	12) d3—d4+	e5—f5
6) f1—h1	d2—e3	13) g5—g6	h7—g6°X
7) h1—h2	e3—f3		

*) e5—f4 не измѣнило было бы рѣшенія, ибо слѣдующимъ ходомъ черныи король все таки долженъ занять кѣтку f5.

Предъидущіе примѣры разработаны авторомъ такъ обстоятельно на томъ основаніи, что они составляютъ существеннѣйшіе элементы теоріи киберганей. Изъ нихъ можно убѣдиться, что возможность обратнаго мата мало зависить отъ расположенія шашекъ, но есть необходимое слѣдствіе вышеніеясненнаго превосходства силъ одной стороны. Отсюда проистекаетъ возможность играть, съ самаго начала партіи, на *кибергань*; это можно дѣлать безопасно противъ такого игрока, которому въ обыкновенной игрѣ дается впередъ ладья. Можно также играть на кибергань и съ равносильнымъ противникомъ, получая отъ него ладью впередъ. Въ подобныхъ партіяхъ необходимо опредѣлить заранѣе число ходовъ, втеченіе которыхъ долженъ быть выполненъ обратный матъ; можно бы постановить предѣломъ число отъ ста до ста двадцати ходовъ, смотря потому, что получаетъ впередъ, игрокъ обязавшійся заставить сдѣлать себѣ матъ. Затѣмъ, принявшій на себя такое обязательство игрокъ, проигрываетъ, если втеченіе означеннаго срока не получитъ мата или если игра окончится еще прежде того патомъ, розыгрышемъ или матомъ непріятелю. Съ другой стороны, сдать добровольно партію дозволяется не иначе, какъ подъ условіемъ признать себя вполне проигравшимъ. Въ началѣ и серединѣ такихъ игоръ (какъ вообще всѣхъ партій съ условными матами) для атакующаго существуетъ одно только правило: обирать по возможности шашки противника, чтобы пріобрѣсти необходимый для успѣшнаго окончанія перевѣсъ силъ. Атака въ настоящихъ партіяхъ значительно затрудняется тѣмъ, что не можетъ быть основана, какъ въ играхъ обыкновенныхъ, на угрозѣ мата, а единственно на выгодныхъ шахахъ и завоеваніи непріятельскихъ офицеровъ. Впрочемъ, послѣ взятія большихъ офицеровъ *) завоеваніе мелкихъ офицеровъ и пѣшекъ идетъ уже быстро. Защищающагося надлежитъ вести игру спертую и не оставлять шашекъ безъ прикрытія т. е. не защищенными; сверхъ того, онъ не долженъ упускать возможности освободиться, при удобныхъ случаяхъ, отъ своихъ фланговыхъ пѣшекъ, ибо чрезъ то противнику значительно затруднится выигрышь.

Основное правило, — обирать шашки защищающагося до того, чтобы онъ остался при одной лишь фланговой пѣшкѣ, и сохранить при томъ себѣ ферзя, ладью и одного мелкаго офи-

*) Подъ именемъ большихъ или сильныхъ офицеровъ разумѣются: ферзь и ладья, подъ именемъ мелкихъ или легкихъ, — слоны и кони.

пера *), — допускаетъ одно весьма важное исключеніе; а именно: этотъ мелкій офицеръ, котораго не всегда бываетъ возможно создать, дѣлается ненужнымъ, когда силы противника приведены къ *двумъ* фланговымъ пѣшкамъ: одной слоновой и одной ладейной того же фланга (т. е. f и h или с и а). При такомъ сочетаніи, ферзь и ладья вполне достаточны для вынужденія обратнаго мата, исключая тотъ случай, когда *объ* непріятельскія пѣшки достигли уже седьмой линіи.

Чтобъ доказать это въ возможной общности, предположимъ сперва, что черные имѣютъ пѣшку на линіи f и другую на линіи h, что бѣлый король достигъ кѣтки h1, а черный загнанъ въ нормальную-позицію, въ уголъ a1. Если при такомъ положеніи, ни одна изъ черныхъ пѣшекъ не достигла еще седьмой линіи, то бѣлые могутъ даже предоставить противнику назначить, которою именно изъ этихъ пѣшекъ желаетъ онъ быть заставленъ сдѣлать матъ. Для достиженія этой цѣли, надлежитъ привести игру въ положеніе изображенное на діаграммѣ XXII, если матъ долженъ быть данъ пѣшкою слона, а если пѣшкою ладьи, то въ положеніе діаграммы XXIII. При такомъ же положеніи пѣшекъ, нормальная позиція въ углу a8 или h8, была бы еще благопріятнѣе для обратнаго мата. Приведеніе черныхъ пашекъ въ положеніе означенныхъ діаграммъ совершается слѣдующимъ образомъ:

1. Матъ пѣшкою слона.

Въ первоначальной нормальной позиціи угла a1, вы даете шахъ на вскрышу ладьёю, помѣщая ее на b3, затѣмъ шахъ ферземъ на c2, занимаете имъ кѣтку f2 и потомъ двигаете ладью назадъ и впередъ по линіи b до тѣхъ поръ, пока черная слоновая пѣшка достигнетъ кѣтки f3, а ладейная — h2. Затѣмъ слѣдуетъ: 1) $\frac{f2-d4+}{a1-a2}$ 2) $\frac{b3-b2+}{a2-a1}$ **) 3) $\frac{b2-b4+}{a1-a2}$ 4) $\frac{d4-c4+}{a2-a3}$ 5) $\frac{c4-c3+}{a2-a3}$ и т. д., приводя игру въ положеніе діагр. XXII. Если же на второмъ ходѣ черные пойдутъ 2) $\frac{a2-a3}{a2-a3}$, то 3) $\frac{d4-c3}{a2-a3}$ 4) $\frac{b2-b4}{a2-a3}$ и король непосредственно притѣсняется въ уголъ a3, вслѣдствіе чего, какъ увидимъ ниже, матъ будетъ еще скорѣе.

*) Въ подобныхъ партіяхъ справедливо бы постановить условіемъ запрещеніе создавать *сверхъ-комплектныхъ* офицеровъ.

**) Въ этомъ и въ слѣдующемъ примѣрѣ предполагается, что въ тотъ моментъ когда вы снова начинаете шаховать короля, ладья находится на b3, такъ какъ это предоставляетъ самый выгодный для черныхъ случай.

2. Матъ пѣшкой ладья.

Послѣ шаха на вскрышу, при которомъ ладья помѣщается на b3 и шаха ферземъ на c2, ставятъ сего послѣдняго тотчасъ же на h2, если ладейная пѣшка неприятеля пришла уже на кѣтку h3; въ противномъ случаѣ, вы помѣщаете ферзя, какъ въ прежнемъ примѣрѣ, на f2 и двигаете ладью вдоль линіи b доколѣ ладейная пѣшка придетъ на h3, затѣмъ ставите немедленно ферзя на h2 и выжидаете прихода слоновой пѣшки на f2.

Когда же она достигла этой кѣтки, играетъ: 1) $\frac{h2-e5+}{a1-a2}$ 2) $\frac{b3-b2+}{a2-a1}$
 3) $\frac{b2-b5+}{a1-a2}$ 4) $\frac{e5-d5+}{a2-a1}$ 5) $\frac{d5-d4+}{a1-a2}$ 6) $\frac{d4-c4+}{a2-a3}$ 7) $\frac{b5-b3+}{a3-a2}$ 8) $\frac{c4-c2+}{a2-a1}$

и пр. приводя игру въ положеніе діаграммы XXIII, или же загоняютъ короля непосредственно въ уголъ h8, что было бы еще выгоднѣе для бѣлыхъ.

Обратный матъ изъ положенія діаграммы XXII.

Вы загоняете неприятельскаго короля въ уголъ h8 и при томъ кратчайшимъ путемъ, минуя уголъ a8.

1) b2—b3+	a1—a2	9) a4—a7+	b7—b8
2) c3—c2+	a2—a1	10) c5—b6+	b8—c8
3) c2—c1+	a1—a2	11) a7—c7+	c8—d8
4) b3—b2+	a2—a3	12) b6—d6+	d8—e8
5) c1—c3+	a3—a4	13) c7—e7+	e8—f8
6) b2—b4+	a4—a5	14) d5—f6+	f8—g8
7) c3—c5+	a5—a6	15) e7—g7+	g8—h8
8) b4—a4+	a6—b7		

Такимъ образомъ получается нормальная позиція въ углу h8. Затѣмъ слѣдуетъ маневръ, на который мы приглашаемъ любителей обратить особенное вниманіе, такъ какъ онъ представляетъ одно изъ труднѣйшихъ примѣненій основнаго приема преслѣдованія короля ферземъ и ладью. Для выполненія обратнаго мата необходимо занять ферземъ кѣтку g5, а ладью линію f.

16) g7—f7+	h8—g8	19) f8—f6+	g6—g5
17) f7—f8+	g8—h7	20) h8—g7+	g5—h4 *)
18) f6—h8+	h7—g6	21) f6—f4+	h4—h5

*) 20) $\frac{g5-h5}{g5-h5}$ была бы грубая ошибка, въ слѣдствіе которой обратный матъ былъ бы выполненъ уже на 23-мъ ходѣ.

22) g7—e5+	*) h5—h6	28) g5—g8+	h7—h6
23) f4—f6+	h6—h7	29) f8—f6+	h6—h5
24) e5—h5+	h7—g8	30) g8—g6+	h5—h4
25) h5—g5+	g8—h7	31) f6—f4+	h4—h3
26) f6—f7+	h7—h8	32) g6—g2+	f3—g2 ^o ✗
27) f7—f8+	h8—h7		

Обратный матъ изъ положенія диаграммы XXIII.

Здѣсь можно бы также загнать короля въ уголъ h8 и изъ тамошней нормальной позиціи вынудить матъ въ 9 ходовъ. Мало-опытнымъ любителямъ игры полезно будетъ отыскать самимъ этотъ способъ, но слѣдующее рѣшеніе короче:

1) b2—c2+	a1—b1	10) c1—d1+	e2—e3
2) c3—b3+	b1—a1	11) d1—d3+	e3—f4
3) b3—a3+	a1—b1	12) d5—f5+	f4—g4
4) c2—b2+	b1—c1	13) d3—e4+	g4—g3
5) a3—c3+	c1—d1	14) e4—e5+	g3—h4
6) b2—d2+	d1—e1	15) f5—f4+	h4—g3
7) d2—d5+	e1—e2 **)	16) f4—d4+	g3—f3
8) c3—d2+	e2—f1	17) e5—e4+	f3—g3
9) d2—c1+	f1—e2	18) e4—g2+	h3—g2 ^o ✗

ПЕРЕМѢНА НА 8-МЪ ХОДѢ.

8) c3—d2+	e2—f3	12) d3—d4+	h4—g3
9) d2—d3+	f3—g4 ***)	13) f5—e5+	g3—f3
10) d3—f5+	g4—g3	14) e5—e4+	f3—g3
11) d5—d3+	g3—h4	15) e4—g2+	h3—g2 ^o ✗

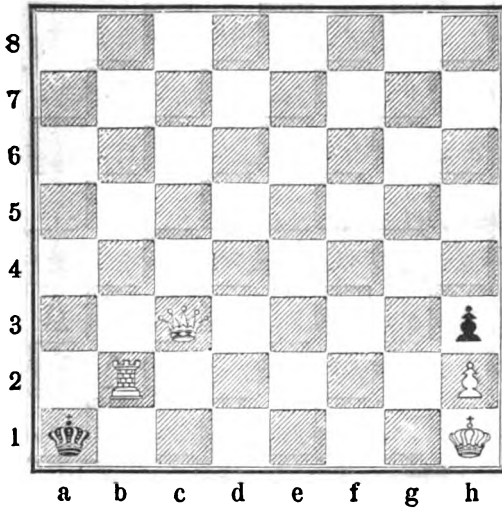
*) Это рѣшительный ходъ.

**) На 7) $\frac{c1-f1}{c1-f1}$ бѣлые отвѣчаютъ 8) $\frac{c3-c1+}{c3-c1+}$, 9) $\frac{c1-d1+}{c1-d1+}$ и матъ будетъ уже на 17-мъ ходѣ.

***) На f3—f4 бѣлые играютъ 10) $\frac{e5-f5+}{e5-f5+}$ 11) $\frac{d3-e4+}{d3-e4+}$ точно такъ какъ въ главномъ варіантѣ съ тою только разницею, что матъ будетъ уже на 17-мъ ходѣ.

XIV.

ЧЕРНЫЕ.

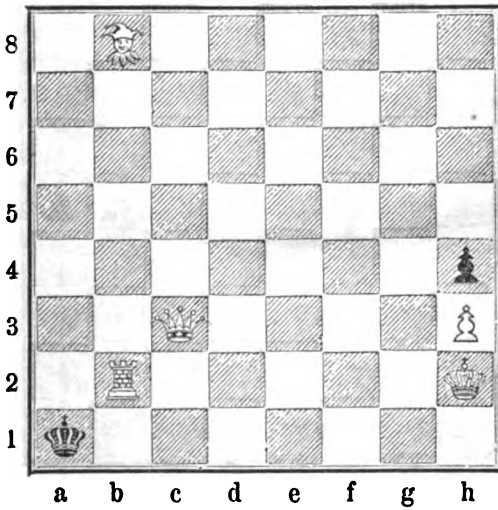

БѢЛЫЕ.

БѢЛЫЕ начинаютъ и заставляютъ черныхъ сдѣлать матъ въ 6 ходовъ.

XV.

ЧЕРНЫЕ.

БѢЛЫЕ.

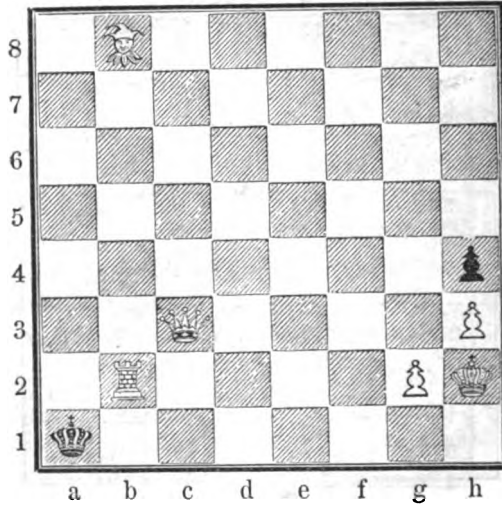
БѢЛЫЕ начинаютъ и заставляютъ черныхъ сдѣлать матъ въ 10 ходовъ.

Отд. IV.

2

XVI.

ЧЕРНЫЕ.

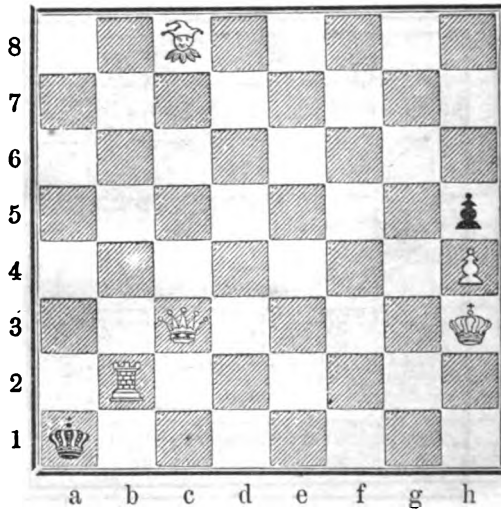

БѢЛЫЕ.

БѢЛЫЕ начинаютъ и заставляютъ черныхъ сдѣлать матъ въ 10 ходовъ.

XVII.

ЧЕРНЫЕ.

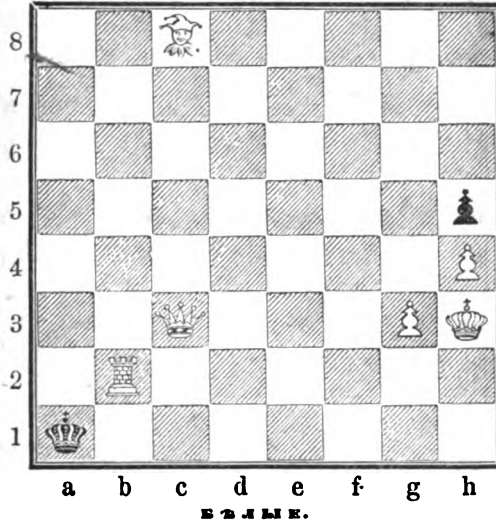

БѢЛЫЕ.

БѢЛЫЕ начинаютъ и заставляютъ черныхъ сдѣлать матъ въ 12 ходовъ.

XVIII.

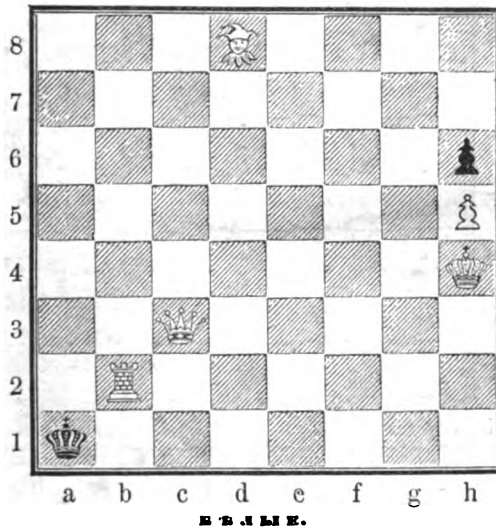
ЧЕРНЫЕ.

БѢлые начинаютъ и заставляютъ черныхъ сдѣлать матъ въ 12 ходовъ.

XIX.

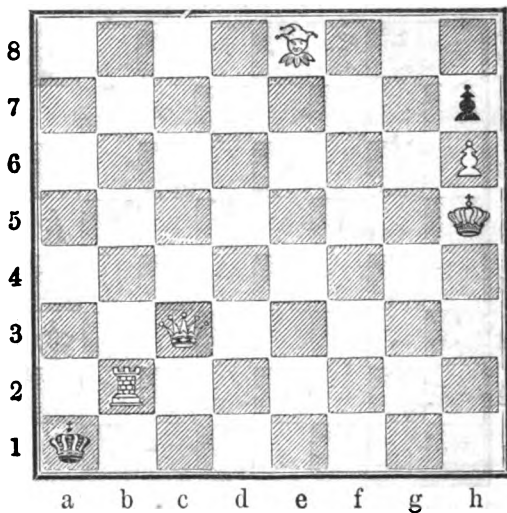
ЧЕРНЫЕ.

БѢлые начинаютъ и заставляютъ черныхъ сдѣлать матъ въ 13 ходовъ.

XX.

ЧЕРНЫЕ.

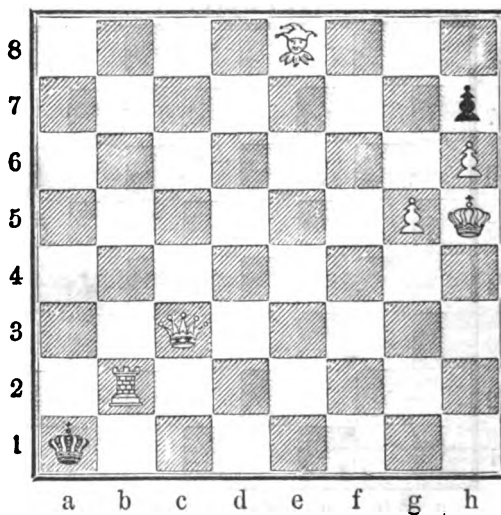

БѢЛЫЕ.

БѢЛЫЕ начинаютъ и заставляютъ черныхъ сдѣлать матъ въ 14 ходовъ.

XXI.

ЧЕРНЫЕ.

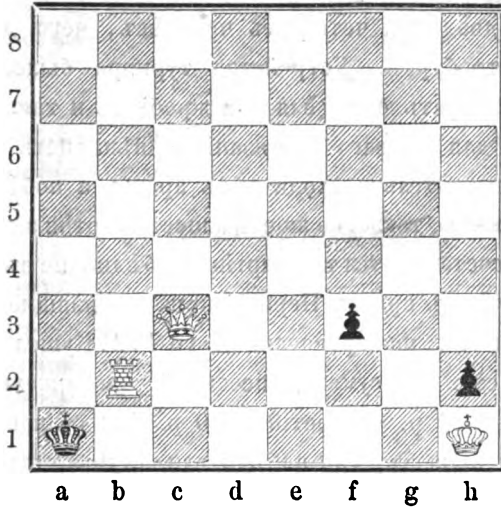

БѢЛЫЕ.

БѢЛЫЕ начинаютъ и заставляютъ черныхъ сдѣлать матъ въ 13 ходовъ.

XXII.

ЧЕРНЫЕ.

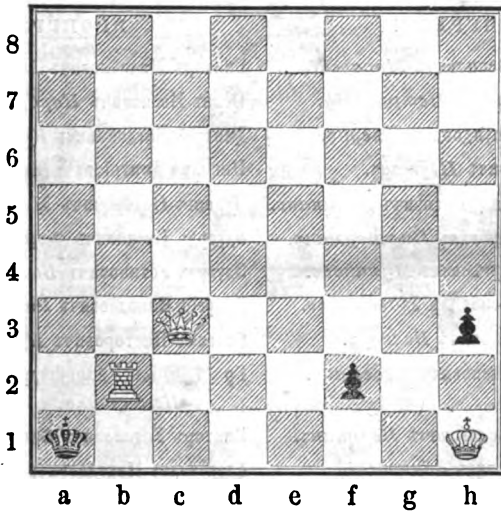

БѢЛЫЕ.

БѢлые начинаютъ и заставляютъ черныхъ сдѣлать матъ въ 32 хода.

XXIII.

ЧЕРНЫЕ.

БѢЛЫЕ.

БѢлые начинаютъ и заставляютъ черныхъ сдѣлать матъ въ 18 ходовъ.
(Продолженіе впереди.)

14-го число минувшаго мѣсяца у графа Г. А. Кушелева-Безбородко былъ большой шахматный вечеръ. Число приглашенныхъ любителей было такъ велико, что оказалось возможнымъ составить турниръ изъ двадцати четырехъ человекъ, чего давно уже не видано въ Петербургѣ. Устройство турнира было слѣдующее: кому съ кѣмъ играть опредѣляется жребіемъ и такимъ образомъ составляется, для перваго состязанія, двѣнадцать партій; проигравшіе, — окончательно сходятъ съ арены, а побѣдители образуютъ между собою, также по жребію, шесть партій; затѣмъ, на томъ же основаніи, составляются три партіи. Побѣдившіе въ этихъ трехъ партіяхъ получаютъ призы. Первый призъ — изящной работы коралловые шахматы, пожертвованные гр. Г. А. Кушелевымъ-Безбородко и 40 р. сер. изъ суммы, внесенной участниками турнира *); второй призъ — 50 р. с., третій — 30 р. Для рѣшенія вопроса о распредѣленіи призовъ, три побѣдителя вступаютъ въ бой между собою уже не по жребію, а такъ, что каждый изъ нихъ непременно играетъ, поочередно, съ двумя другими. Приводимая здѣсь таблица объяснить читателямъ самый ходъ турнира.

1-е Состязаніе.

ВЫИГРАЛИ:

1. **) Генрихъ Осиповичъ *Моравскій*.
2. Николай Ивановичъ *Петровскій*.
3. Дмитрій Сигизмундовичъ *Стернъ*.
4. Илья Степановичъ *Шумовъ*.
5. Александръ Венцеславовичъ *Пеликанъ*.
6. Густавъ Густавовичъ *Циммерманъ*.
7. Александръ Сергѣевичъ *Мухановъ*.
8. Александръ Ивановичъ *Максимовъ*.
9. Валентинъ Ивановичъ *Беккеръ*.
10. Фердинандъ Ивановичъ *Видеманъ*.
11. Викторъ Венцеславовичъ *Пеликанъ*.
12. Михаилъ Осиповичъ *Эбиковскій*.

ПРОИГРАЛИ:

- Викторъ Михайловичъ *Михайловъ*.
 Осипъ Ивановичъ *Корбутъ*.
 Дмитрій Богдановичъ *Броневскій*.
 Николай Дмитриевичъ *Ашшарумовъ*.
 Лудвигъ Фёдоровичъ *Минкусъ*.
 Эдуардъ Ивановичъ *Форшъ*.
 Эдуардъ Устиновичъ *Быковскій*.
 Георгій Николаевичъ *Радзевскій*.
 Степанъ Несторовичъ *Буйницкій*.
 Гр. Григорій Александровичъ *Кушелевъ-Безбородко*.
 Викторъ Устиновичъ *Быковскій*.
 Александръ Николаевичъ *Половъ*.

*) Каждый принимавшій участіе въ турнирѣ вносилъ 5 р. с.

**) Цифры, выставленныя передъ именами играющихъ, означаютъ номеръ вынутыхъ ими билетовъ, которыми и опредѣлилось кому съ кѣмъ играть.

2^о СОСТЯЗАНИЕ.

ВЫИГРАЛИ:

1. Илья Степановичъ *Шумовъ*.
2. Фердинандъ Ивановичъ *Видеманъ*.
3. Викторъ Венцеславовичъ *Пеликанъ*.
4. Густавъ Густавовичъ *Циммерманъ*.
5. Валентинъ Ивановичъ *Беккеръ*.
6. Дмитрій Сигизмундовичъ *Стернь*.

ПРОИГРАЛИ:

- Александръ Ивановичъ *Максимовъ*.
Николай Ивановичъ *Петровский*.
Александръ Сергѣевичъ *Мухановъ*.
Георгій Осиповичъ *Моравскій*.
Александръ Венцеславовичъ *Пеликанъ*.
Михаилъ Осиповичъ *Збиковскій*.

3^о СОСТЯЗАНИЕ.

ВЫИГРАЛИ:

1. Илья Степановичъ *Шумовъ*.
2. Викторъ Венцеславовичъ *Пеликанъ*.
3. Дмитрій Сигизмундовичъ *Стернь*.

ПРОИГРАЛИ:

- Густавъ Густавовичъ *Циммерманъ*.
Фердинандъ Ивановичъ *Видеманъ*.
Валентинъ Ивановичъ *Беккеръ*.

Когда окончилось это третье состязаніе, — которымъ опредѣлилось, что турнирные призы достаются гг. Шумову, Стерну и Пеликану, — пробило три часа ночи; долѣе сражаться не было возможности и вечеръ заключился веселымъ ужиномъ, за которымъ провозглашенъ былъ тостъ въ честь побѣдителей турнира. Окончательная борьба гг. Шумова, Стерна и Пеликана отложена до 22-го декабря. Надѣмся, что въ этой рѣшительной борьбѣ они обнаружатъ все свое искусство и доставятъ тѣмъ Шахматному Листку нѣсколько занимательныхъ партій. А еслибъ вы знали какъ необходимы намъ хорошія партіи русскихъ любителей! Многіе читатели Листка уже не разъ изъявляли желаніе видѣть на его страницахъ, какъ можно чаще, партій русскихъ шахматистовъ съ подробнымъ объясненіемъ когда именно, на какихъ условіяхъ и при какихъ обстоятельствахъ онѣ были играны. Это желаніе совершенно основательно, но къ сожалѣнію исполнить его весьма трудно, потому что русскіе любители рѣдко записываютъ свои партіи и еще рѣже сообщаютъ ихъ редакціи Листка. Такъ въ настоящую минуту мы имѣемъ всего только четыре русскіе партіи, двѣ изъ которыхъ получили такъ поздно, что принуждены напечатать одну безъ всякихъ примѣчаній, а другую лишь съ поверхностными замѣтками.

ПАРТІЯ № 81. (1)

ШОТЛАНДСКІЙ ГАМБИТЬ.

(Играна въ ноябрь 1859 г.)

И. С. Шумовъ. Кн. С. С. Урусовъ.

(Бѣлые.)		(Черные.)	
1) e2—e4	e7—e5	25) g3—g4	g7—g5
2) g1—f3	b8—c6	26) a2—a4	d5—d4+
3) d2—d4	e5—d4°	27) c3—d3	h6—h3+
4) f3—d4°	d8—h4 (2)	28) d3—d2	e6—c4
5) b1—c3	f8—b4	29) f1—f2	g8—g7
6) d1—d3	g8—f6	30) f5—d7	h3—e3
7) d4—c6°	d7—c6°	31) f2—f5	h7—h6
8) e4—e5	f6—d5	32) d7—c8	c4—e2
9) g2—g3	h4—e7	33) f5—f2	e2—c4
10) f2—f4	f7—f6	34) c8—b7°	e3—e5°
11) c1—d2	f6—e5°	35) f2—f5	e5—e2+
12) c3—d5°	b4—d2°+	36) d2—c1	e2—e7
13) e1—d2°	c6—d5°	37) f5—c5°	e7—b7°
14) f4—e5°	0—0	38) c5—c4°	h6—h5
15) a1—e1	e7—b4+	39) g4—h5°	g7—h6
16) d3—c3	b4—c3°+	40) c4—d4°	h6—h5°
17) d2—c3°	c8—e6	41) c1—d2	g5—g4
18) f1—d3	f8—f2	42) d2—e2	h5—h4
19) b2—b4	a7—a5	43) e2—f2	h4—h3
20) b4—b5	c7—c5	44) f2—g1	b7—e7
21) e1—f1	a8—f8	45) d4—d1	e7—e2
22) f1—f2°	f8—f2°	46) d1—c1	e2—g2+
23) h1—f1	f2—h2°	47) g1—f1	h3—h2.
24) d2—f5	h2—h6		

Игра должна была кончиться розыгрышемъ, но бѣлые сдѣлали ошибку и проиграли.

Примѣчанія къ партіи No 81.

(1) Эта партія принадлежитъ къ числу тѣхъ восьми, утрату которыхъ мы оплакивали въ декабрьскомъ Листкѣ; она спасена отъ забвенія К. А. Янишемъ.

(2) Это именно тотъ ходъ, который привелъ къ убѣжденію, что въ Эдинбургскомъ дебютѣ не слѣдуетъ возвращать немедленно гамбитную пѣшку, а играть 4) $\frac{f1-c4}{d8-h4}$. Впрочемъ въ последнее время противъ хода 4) открыта новая атака, ко-
номъ на b5.

ПАРТІЯ № 82.

ШОТЛАНДСКІЙ ГАМБИТЪ.

(Играна въ декабрѣ 1855 г.)

Кн. С. С. Урусовъ. И. С. Шумовъ.

(Бѣлые.)	(Черные.)		
1) e2—e4	e7—e5	19) e1—g3	g4—f6
2) g1—f3	b8—c6	20) f4—e5°	d6—e5°
3) d2—d4	e5—d4°	21) a1—d1	d8—d4
4) f1—c4	f8—c5	22) g3—f2	f6—g4
5) 0—0	h7—h6	23) f2—d4°	e5—d4°
6) c2—c3	d4—d3	24) f1—f8°+	a8—f8°
7) b2—b4	c5—b6	25) d1—f1	g4—e3
8) b4—b5	c6—a5	26) f1—f8°+	g8—f8°
9) c4—d3°	d7—d6	27) h2—h3	f8—e7
10) c1—a3	c8—e6	28) d2—b3	a5—b3°
11) b1—d2	g8—f6	29) a2—b3°	d4—d3
12) f3—d4	0—0	30) a3—c1	e3—f1
13) g1—h1	a7—a6	31) b3—b4	d3—d2
14) f2—f4	f6—g4	32) c1—d2°	f1—d2°
15) d1—e1	a6—b5°	33) b4—c5°	b6—c5°
16) d3—b5°	c7—c5	34) g2—g4	d2—e4°
17) d4—e6°	f7—e6°	35) h1—g2	e4—d6
18) c3—c4	e6—e5		

и бѣлые сдаются.

ПАРТІЯ № 83.

ГАМБИТЪ КОРОЛЕВСКАГО СЛОНА.

(Играна 30 ноября 1859 г.) (4)

Стернъ. В. М. Михайловъ.

(Бѣлые.)	(Черные.)		
1) e2—e4	e7—e5	3) f1—c4	g8—f6 (2)
2) f2—f4	e5—f4°	4) e4—e5	d7—d5 (3)

Отд. IV.

3

5) e5—f6° (4)	d5—c4°	17) a3—c4	b4—c3°
6) d1—e2† (5)	c8—e6	18) b2—c3°	d8—f6
7) f6—g7°	f8—g7°	19) a2—a3	a8—d8 (7)
8) g1—f3	g7—d4	20) f3—e1	e3—c1°
9) b1—a3	0—0	21) a1—c1°	e8—e2†
10) a3—c4°	f8—e8	22) c4—d2	c6—d4†
11) e1—d1 (6)	e6—g4	23) c3—d4°	f6—c6†
12) e2—f1	b7—b5	24) c2—d1	e2—e1°†
13) c4—a3	a7—a6	25) e1—d1°	c6—c1°†
14) d2—d3	b8—c6	26) e1—f2	c1—d2°†
15) c2—c3	d4—e3	27) f2—g1	d8—e8.
16) d1—c2	b5—b4		

Спасти ферзя нѣтъ возможности и бѣлые сдаются.

Примѣчанія къ партіи No. 83.

(1) Вечеромъ 30-го ноября я сыгралъ съ г. Стерномъ, — съ которымъ, по причинѣ его отсутствія изъ Петербурга, не игралъ уже нѣсколько лѣтъ, — двѣ партіи. Первую (giuoco piano) я проигралъ, но не могу ее напечатать потому что не помню. Не мѣшаетъ замѣтить, что общая шахматнымъ игрокамъ слабость, запоминать преимущественно партіи выигранныя, основана не только на свойственномъ всѣмъ смертнымъ самолюбіи, но также на томъ, что эти партіи, какъ игранныя съ большимъ вниманіемъ, гораздо легче удерживаются въ памяти.

(2) Эта защита, сдва ли на не наилучшая, разобрана въ первый разъ въ Schachzeitung 1850 г. (стр. 401) сильнымъ нѣмецкимъ игрокомъ Ганнекеномъ. Она однако не обратила на себя особеннаго вниманія любителей и даже не нашла мѣста въ руководствѣ фонъ-деръ-Лаза; въ Kritik der Eröffnungen Ланге о ней упоминается только вкратцѣ (стр. 223).

(3) По анализу Ганнекена слѣдуетъ играть 4) $\overline{f6-e4}$

(4) Такое точно начало было въ одной изъ партій Морфи съ Андерсеномъ, но Андерсенъ, имѣвшій первый ходъ, не бралъ коня, а отходилъ слономъ.

(5) Этимъ ходомъ бѣлые даютъ возможность противнику вывести слона и подготовить контръ-атаку. Вообще настоящая игра далеко не безошибочна и печатается только по чрезвычайной недостаточности русскихъ партій.

(6) Уходить королемъ необходимо; съ этого момента начинается сильная контръ-атака.

(7) Угрожая взять непосредственно пѣшку d3, ибо если затѣмъ бѣлые возьмутъ ладью ферземъ, то g4—f5 и я получаю ферзя за двухъ офицеровъ, а если королемъ, то f6—f5+ и партія бѣлыхъ проиграна; во избѣжаніе этой атаки бѣлые защищаютъ пѣшку конемъ, но тѣмъ очень стѣсняють свою игру.

ПАРТІЯ № 84. (1)

GIUOCO PIANO.

В. М. Михайловъ. Е. И. Форшъ.

(Бѣлые.)	(Черные.)	17) g5—h6+	f8—e7
1) e2—e4	e7—e5	18) f6—g8°+	a8—g8°
2) g1—f3	b8—c6	19) h6—g8+ (8)	e7—f8°
3) f1—c4	f8—c5	20) h5—c5°+	f8—e8
4) 0—0	g8—f6 (2)	21) g2—g3	g6—c2°
5) d2—d4	e5—d4°	22) b1—a3	c2—b2°
6) e4—e5	d7—d5	23) a3—c4°	b2—b4
7) e5—f6°	d5—c4°	24) c5—b4°	c6—b4°
8) f1—e1+ (3)	c8—e6 (4)	25) a1—d1	e8—e7
9) f6—g7°	h8—g8	26) a2—a3	b4—c6
10) f3—g5	d8—d6	27) c4—d2	c6—a5
11) g5—e4	d6—e5 (5)	28) f2—f4	f7—f5
12) c1—g5	e5—g7°	29) d2—f3	c7—c5
13) e4—f6+	e8—f8 (6)	30) e1—e5	e7—d6
14) d1—h5	g7—g6 (7)	31) f3—d4° (9)	и послѣ еще
15) f6—h7°+	f8—e8		нѣсколькихъ ходовъ, черные
16) h7—f6+	e8—f8		сдались.

Примѣчанія къ партіи No 84.

(1) Эта партія принадлежитъ къ матчу давно начатому между г. Форшемъ и мною, на такихъ условіяхъ: партіи играютъ такъ и такъ (à but), но для одержанія побѣды г. Форшъ долженъ выиграть четыре партіи, а я — восемь. Первую партію я проигралъ, вторую, третью и четвертую — выигралъ.

(2) Въмѣсто этого можно играть d7—d6 но тогда бѣлые могутъ получить сильную атаку посредствомъ 5) b2—b4, какъ по-

казаць г. Ланге. Впрочемъ, вопросъ о томъ, которая изъ двухъ защитить 4) $\overline{d7-d6}$ или 4) $\overline{g8-f6}$ лучше, еще неокончательно рѣшенъ теоріею.

(3) Это сильнѣе чѣмъ брать непосредственно пѣшку.

(4) Уходить королею на f8 было бы лучше, какъ мы уже замѣтили въ примѣчаніяхъ къ партіи No, 61; тоже самое объясняетъ князь Урусовъ по поводу своихъ игоръ съ А. Д. Петровымъ.

(5) При всякомъ другомъ ходѣ черные теряютъ слона или ферзя.

(6) Уходить на d8 было бы лучше; г. Форшъ не сдѣлалъ этого, вѣроятно для избѣжанія шаха на вскрышу, но этотъ шахъ, при настоящемъ положеніи игры, вовсе не опасенъ.

(7) Единственное спасеніе.

(8) Чтобъ выиграть темпо.

(9) Если черные возьмутъ коня, то 32) $\overline{d1-d4^+}$, а потомъ бѣлые берутъ коня и остаются съ ладьей и пѣшкой противъ коня; при всякомъ же другомъ ходѣ черныхъ, бѣлые выигрываютъ офицера.

РѢШЕНИЕ ЗАДАЧЪ.

№ 21.

- 1) h3—c8 какъ угодно.
- 2) даютъ матъ, но различнымъ способомъ, смотря потому какъ сыграли черные свой первый ходъ. Напримеръ, если они заняли, однимъ изъ коней или ферземъ, клетку c4, то 2) $\overline{b1-d2 \times}$; если пошла слонюмъ, то конь c7 даетъ матъ, на b5 или на d5, сообразно съ тѣмъ, какую диагональ сохранить слонъ. Остальныя варианты читатели легко отыщутъ сами.

№ 22.

- 1) b2—h8 какъ угодно.
- 2) даютъ матъ различнымъ способомъ сообразно съходомъ черныхъ. Напримѣръ: если они пойдеть конемъ h7, то 2) $\frac{h8-h1}{\times}$; если конемъ с4 то 2) $\frac{h8-e5}{\times}$; если берутъ ферземъ слона или двинутся имъ по линіи g, то 2) $\frac{h8-a8}{\times}$; наконецъ, если возьмутъ ферзя ферземъ, то 2) $\frac{f7-g6}{\times}$ и т. п.

№ 23.

- 1) e6—h6+ g7—h6°
- 2) e3—f2 какъ угодно.
- 3) g2—h2×

№ 24.

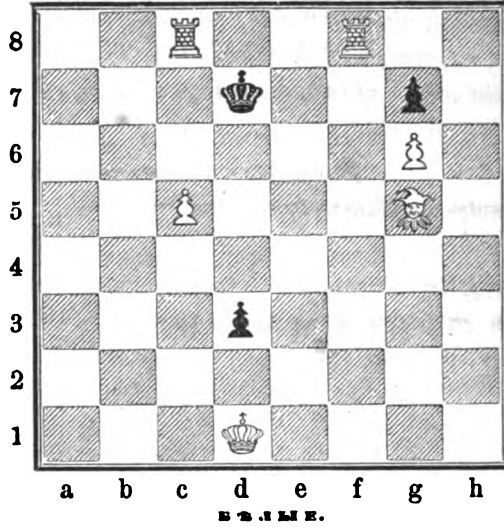
- 1) e4—g5+ h7—h6
- 2) a8—h8+ d4—h8°
- 3) f7—g8 f5—e7+(A)
- 4) g8—h8° какъ угодно.
- 5) g5—h7×

(A.)

- 3) . . . f5—d6
- 4) g8—h8° долженъ ходить конемъ.
- 5) g8—f7°+

КОНРАДА БАЙЕРА.

ЧЕРНЫЕ.

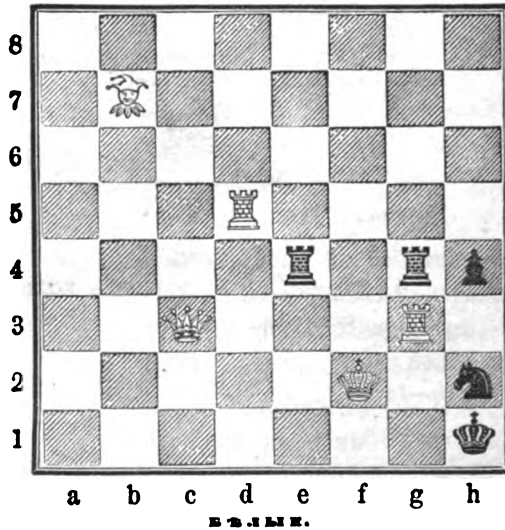

БѢЛЫЕ начинаютъ и заставляютъ черныхъ сдѣлать матъ въ 4 хода.

№ .

В. В. ПЕЛИКАНА (въ С. П. бурж.)

ЧЕРНЫЕ.

БѢЛЫЕ начинаютъ и заставляютъ черныхъ сдѣлать матъ въ 4 хода.

Корреспонденція. *Г. А. М—су.* (въ Березовѣ) Подробный отвѣтъ на Ваше письмо помѣщенъ будетъ въ слѣдующемъ выпускѣ Листка. Вы убѣдитесь изъ него, что 1) задача г. Шмитта составлена и напечатана *совершенно верно*; мать въ два хода не только возможенъ, но даже весьма не труденъ. 2) Выиграть или хотя бы привести къ розыгрышу партію Паульсена, послѣ 28—го года черныхъ, нѣтъ никакой возможности и что слѣдовательно 3) Ваши обвиненія — неосновательны.

Г. Ен—су. (въ С. Петербургѣ). Ваши рѣшенія вѣрны, за исключеніемъ того, которое относится къ задачѣ Фонъ-Оппена посвященной К. А. Янишу.

В. Г. Саи—му (въ Москвѣ). Желаніе Ваше будетъ исполнено въ самомъ непродолжительномъ времени. Ваше послѣднее рѣшеніе задачи А. Д. Петрова не печатаемъ единственно потому, что въ Листкѣ и безъ того уже очень много о ней говорилось.

СОДЕРЖАНІЕ.

ОТДѢЛЪ I.

СТРАН.

Взглядъ Нибурга и Грота на Александра Великаго. Н. М. БЛАГОВѢЩЕНСКАГО	1
Царствованіе Елизаветы Петровны. 1743 годъ. Историческій очеркъ. М. И. СЕМЕВСКАГО	27
Приговоръ (Легенда.) А. Н. МАЙКОВА	79
Семейство Подошвинныхъ. Романъ. А. П. КОБЯКОВОЙ. .	84
Два стихотворенія Я. П. ПОЛОНСКАГО. I. Для немногихъ. II. Иная зима	256
Весна. Стихотвореніе. А. И. ФЕТА	259
Одна изъ административныхъ частей. (Статья первая.) Н. В. ШЕЛГУНОВА	260
Изъ пѣсенъ о Маркѣ Кралевичѣ. (Съ сербскаго). М. Л. МИХАЙЛОВА	305
Обзоръ современныхъ конституцій. Конституція Франціи. (Статья первая.) А. В. ЛОХВИЦКАГО	308
Тетушка. Комедія. М. Л. МИХАЙЛОВА	354
Свирѣль. Стихотвореніе. Н. И. КРОЛЯ	392

ОТДѢЛЪ II.

Критика. Царевичъ Алексѣй Петровичъ. Н. Устрялова. М. И. СЕМЕВСКАГО	1
Библиографія. Задушевная исповѣдь. Н. Макарова. М. Л. — Стихотворенія В. И. Красова. Изданіе П. Шейна. Его-же. — Норманскій періодъ русской исторіи, соч. М.	

Погодина. А. В. ЛОХВИЦКАГО. — Путешествіе на Амуръ, совершенное г. Маакомъ. Изд. С. Ф. Соловьева. Г. ПОТАНИНА. — Учебный атласъ Ю. Симашко. Н. А. СЪВЕРЦОВА. — Записки комитета акклиматизаціи животныхныхъ. — Марена въ отношеніяхъ агрономическомъ, химическомъ, техническомъ и экономическомъ. В. Андреева. — Паталогія, основанная на теоріи ячеекъ. Рудольфа Вирхова. — Гальванизмъ въ примѣненіи къ медицинской практикѣ. Франца Белявскаго. В. Л. ХАНКИНА 67

Иностранная литература. Последняя книга Виктора Гюго. (La Légende des siècles). М. Л. МИХАЙЛОВА 119

Собраніе греческихъ и римскихъ писателей съ нѣмецкими примѣчаніями, издаваемое гг. Гауптомъ и Заупте. К. ЛЮГЕБИЛЯ 141

ОТДѢЛЪ Ш.

Смѣсь. Дорожныя записки. А. ЧУЖБИНСКАГО 1

Письмо изъ Одессы. В. СКРИ—АГО 25

Письмо изъ Алжира. Н. 35

Самозванцы. (Разсказъ колодника.) И. ТРОИЦКАГО 48

Изъ моего прошлаго. Училище. В. А—ГО 64

Гг. Смирновъ и Пекрозіо. Н. Ш. 92

Некрологъ. Т. Б. Маколей. Э. Н. НЕНАРОКОМОВА . . 108

Общественная жизнь въ Петербургѣ. Съ новымъ годомъ, съ новымъ счастьемъ. — Нѣсколько словъ о старомъ. — Турниръ въ пассажѣ и гордіевъ узелъ, разсѣченный г. Ламанскимъ. — Наивность одного изъ нашихъ музыкальныхъ критиковъ. — Задача музыкальнаго общества. — Вечера г. Рубинштейна. — О пріѣзжихъ артистахъ. — О концертахъ въ университетѣ. — Трубадуръ на русской сценѣ. — Торжество въ императорской академіи наукъ. — Юбилей императорской академіи художествъ. — Публичныя лекціи. — Новый клубъ. — Шахматный турниръ. — Мелочи. Е. Э. МОЛЛЕРА 113

Шахматный листокъ. Объ изданіи Шахматнаго
Листка въ нынѣшнемъ году. — Теорія киперганей (статья
вторая). — Шахматный турниръ у графа Куселева-Без-
бородко. — Партія: И. С. Шумова съ княземъ С. С.
Урусовымъ, В. М. Михайлова съ Д. С. Стерномъ и Э. И.
Форшемъ. — Рѣшеніе задачъ. — Задачи. — Корреспон-
денція. В. М. МИХАЙЛОВА 1

